РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

ВЫПУСК 9

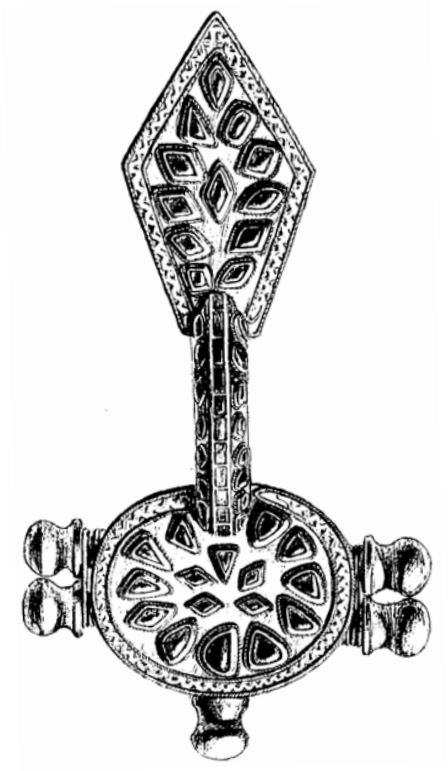
Серия основана в 1990 г.
С.А.Плетнёвой и И.П.Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О.Гавритухин, Н.В.Лопатин, А.М.Обломский

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
МОСКВА 2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Москва 2007

УДК 902/903
ББК 63.4
В78

Рукопись подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (2003–2005).
Книга издана при поддержке программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (2006–2008).

Ответственные редакторы
И. О. Гавритухин, А. М. Обломский

Рецензенты
М. М. Казанский, А. В. Кашкин

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9). – М., 2007. – 430 с.: ил.
В78
ISBN 978-5-94375-061-8

В коллективной монографии освещаются характер и ритмы трансформаций археологических культур Восточной Европы от лесостепной зоны до Балтии в период массовых передвижений населения IV–VI вв. н.э. Археологическая ситуация исследуется на базе отдельных регионов: Днепровского лесостепного Левобережья, Верхнего Подонья, Среднего Поочья, севера Белоруссии и северо-запада России, Верхнего Поволжья, юго-восточной Прибалтики. В заключении по материалам указанных территорий предложено несколько моделей взаимоотношения групп населения.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-061-8

© Институт археологии РАН, 2007 г.
© Коллектив авторов, 2007 г.

Введение

И. О. Гавритухин, А. М. Обломский

Эпоха Великого переселения народов (последняя четверть IV–VII в.) в истории Европы является временем глубоких перемен в различных областях человеческой деятельности и грандиозных передвижений населения. Происходит распад этнополитических общностей, возникших в результате взаимодействия варваров с Римской империей, что знаменует конец особого, римского этапа в истории Европы. В ходе массовых миграций кардинально меняются зоны расселения и геополитическое значение германских, славянских, тюркских, иранских, финно-угорских и других народов. Гибнет Западная Римская империя. От Северной Африки и Британских островов до Подунавья в результате синтеза римского и варварского, преимущественно германского, компонентов формируются «варварские королевства». От Балкан до Балтии и Приуралья складываются новые военно-политические структуры: объединения славян, в т.ч. «славинии», племенные группировки балтов, финнов, ряд недолговечных, но активных полиэтничных «дружинных» образований. В зоне влияния степного населения, где стали доминировать тюрки, образуется череда «держав» и каганатов. Таким образом, в эпоху Великого переселения народов складывается система соотношения основных этнических и политических массивов Европы, которая в общих чертах существует до Новейшего времени.

Эти процессы давно привлекают внимание исследователей. События в Южной, Западной и Центральной Европе[1] сравнительно неплохо отражены в письменных источниках, хотя значение результатов археологических исследований и других материалов в понимании этих явлений неуклонно возрастает. То, что происходило в Восточной Европе, известно по письменным источникам весьма отрывочно, а огромные пласты истории в них не отражены вовсе. По мере усиления потенциала археологии её роль в воссоздании восточноевропейских процессов, а тем самым и общеевропейских, становится определяющей. В результате увеличения объема археологических источников появилась возможность дать новую, более точную и глубокую картину интересующих нас явлений.

Историографически сложилось и имеет достаточно очевидные объективные основания направление исследований, согласно которому важнейшими для эпохи Великого переселения народов в Восточной Европе были процессы, так или иначе связанные с Поднепровьем и славянским этногенезом. Наиболее общее представление об этих процессах сформулировано в ряде фундаментальных работ, из которых по сей день актуальны оформившиеся к 1970-м гг. концепции П.Н. Третьякова, И.П. Русановой, В.В. Седова, В.Д. Барана, М.Б. Щукина[2]. Обобщения по археологии Балтии, Поволжья, юга Восточной Европы пока остаются преимущественно региональными и довольно слабо интегрированы в общую картину. За прошедшее тридцатилетие объём накопленных фактов и аналитических разработок столь велик, что делает совершенно очевидным необходимость новых, существенно иных обобщающих концепций.

В последнюю четверть века перед специалистами зримо предстал феномен киевской культуры, развитие которой понимается как динамичная во времени и пространстве система взаимосвязанных культурно-хронологических групп [Терпиловский, Абашина, 1992; Обломский, 1991; 2002; Обломский, Терпиловский, 2003][3]. Выработанные в ходе изучения древностей этого круга подходы в работе с массовым материалом, позволяющие исследовать процессы на уровне компактных групп памятников, имеют существенное методическое значение. Стал известен целый пласт древностей,

[1] Эти термины, употребляемые для общего геополитического районирования Европы, в научной литературе используются неоднозначно: в зависимости от историографических представлений, а иногда и от политической конъюнктуры. Мы используем традиционные определения. Южная Европа – это мир Средиземноморья; восточная граница Западной Европы лежит в районе Эльбы; бассейны Одера, Вислы и Карпатская котловина составляют Центральную Европу. Конечно, эти границы весьма условны и подвижны.

[2] Каждая из них имеет специфику и ряд модификаций, характеризовать которые здесь нет возможности. Есть и другие, весьма оригинальные и ценные разработки, но именно общеизвестные труды указанных авторов в наиболее развёрнутой форме дают характеристику этнокультурных процессов эпохи Великого переселения народов на большей части Восточной Европы, а также определяют их видение в широких кругах научной общественности.

[3] Здесь и далее мы не ставим целью дать систематическое перечисление всех достижений и публикаций по затрагиваемым темам. Приводятся лишь важнейшие последние работы, где заинтересованный читатель может найти обзоры и библиографию, в том числе и трудов авторов, не упомянутых нами из-за технических ограничений и жанра данного текста.

связанных с кругом позднезарубинецкого горизонта и киевской культуры в Верхнем Поднепровье и Подвинье [Лопатин, Фурасьев, 1994; Лопатин, 2000; 2001; 2002; 2003; Фурасьев, 2001а], в Подонье [Хреков, 1997], на Средней Волге [Матвеева, 1998; 2003; Сташенков, 2005]. Новые культурные группы, в т.ч. отражающие мало исследованный исторический феномен полиэтничной структуры, ориентированной на обслуживание «главенствущей» группировки, открыты на Верхнем Дону [Обломский, 1997а; 1999; 2003б; 2004б; 2005б; Медведев, 1998; Акимов, Медведев, 2002; Острая Лука…, 2004]. Белорусские материалы дают новую перспективу для понимания характера и взаимосвязи процессов между Днепром и Западным Бугом [Гавритухин, Лопатин, Обломский, 2004; Гавритухин, 2003а; Белявец, 2004].

Масштабные и проведённые на уровне современных требований раскопки в Поочье и на Верхней Волге, прежде всего рязано-окских могильников, памятников дьяковской и мощинской культур пока очень слабо отражены в печати. Наибольший массив источников получен в рязанском течении р. Ока. Несмотря на то, что современный этап в изучении этих памятников характеризуется, в первую очередь, накоплением новых данных, в литературе поставлен ряд новых вопросов, например, таких как уточнение хронологии появления рязано-окского населения, взаимодействия его с соседними этнокультурными группами, участия в событиях финала римского времени и эпохи Великого переселения народов, социальное развитие рязано-окских коллективов. Впервые начата работа по систематической разработке классификаций, хронологии инвентаря, технологии изготовления вещей рязано-окских могильников, изучению идеологии этого населения [Ахмедов, 1995; 1999; 2003а; 2003б; Ахмедов, Белоцерковская, 1998а; 1998б; 1999; Ахмедов, Казанский, 2004; Белоцерковская, 1999б; 2000; 2001; 2005]. Таким образом, представить себе исторические процессы на широких просторах лесной зоны Восточной Европы без этих материалов уже невозможно. Грандиозные по объёму работы в Волго-Уральском регионе выводят исследование этих древностей на новый уровень, порождая совершенно новый цикл проблем и дискуссий [Голдина, 2004; Останина, 1997; Иванов, 1998; Васкул, 2005; Матвеева, 2003; Богачёв, 1998]. Новые обобщения материалов Юго-Восточной Балтии [Кулаков, 1994б; 2003б; 2004; Nowakowski, 1996] показали дискуссионность практически всех аспектов изучения культур этого региона и необходимость новых подходов в решении многих проблем.

Новейшие разработки в области хронологии черняховской культуры и сарматских древностей [Щукин, 2005; Гороховский, 1998а; 1998б; Шаров, 1992; Гей, Бажан, 1997; Гавритухин, 1999; 2000; 2005; Малашев, 2000] имеют ключевое значение для датировки широкого круга восточноевропейских материалов. Активно исследуются процессы, связанные с финалом и некоторыми другими аспектами изучения черняховской культуры [Kazanski, 1992; Магомедов, 1999; 2001; Гавритухин, 1999; 2000; 2005; Обломский, 2002]. Появились фундаментальные своды, публикации, обзоры, позволяющие на новом уровне анализировать материалы восточноевропейской степи, Причерноморья, Кавказа [Засецкая, 1994; Айбабин, 1990; 1999; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001; Храпунов, 2002; Крым... 2003; Абрамова, 1993; 1997; Афанасьев, Рунич, 2001; Флёров, 2000; Малашев, 2000; 2001; Kazanski, Mastykova, 2003; Мастыкова, 2005].

Для исследования восточноевропейских материалов, конечно, принципиально необходимы и многочисленные публикации и разработки коллег из Центральной и Западной Европы. Здесь нет возможности упомянуть даже наиболее важные из них. Отметим позитивный опыт ряда конференций 90-х гг. XX и начала XXI в., посвящённых актуальным проблемам эпохи Великого переселения народов с привлечением широкого круга специалистов из Восточной Европы (Париж, Лодзь, Асод и Ниредьхаза, Брно, Краков, Санкт-Петербург, Алушта и др.). Кроме материалов для конкретных сопоставлений, особенно актуальных для изучения эпох миграций, методических и концептуальных разработок, очень ценны новейшие уточнения в области хронологии Центральной Европы и культур меровингского круга [Tejral, 1992; 1997a; Legoux, Périn, Vallet, 2004 и др.].

Все эти и ряд других достижений лишь очень незначительно учтены в существующих обобщающих концепциях по истории Восточной Европы в гуннское время (конец IV–V в.) и эпоху Великого переселения народов в целом.

В предлагаемом читателю исследовании мы не претендуем на реконструкцию целостной картины истории Восточной Европы в первый (гуннский) период эпохи Великого переселения народов. Этому должна предшествовать серия систематических региональных публикаций и исследований, призванных заполнить многие лакуны в материале и его анализе, разработка и апробация эффективных методологических и методических подходов и многое другое. Тем не менее, представляемая книга рассматривается нами как один из необходимых этапов подготовки нового синтеза.

Наша монография явилась результатом работы над проектом «Этнокультурные трансформации в лесостепной и лесной зоне Восточной Европы в период Великого переселения народов (IV–VI в.)», поддержанным Отделением историко-филологических наук РАН в рамках программы «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте». Общая цель проекта – изучение изменений археологической ситуации для выяснения характера и ритма трансформаций археологических общностей Восточной Европы от лесостепной зоны до Балтии и Верхней Волги в период массовых передвижений населения IV–VI в.

Идея проекта и стержень работы над ним связаны с деятельностью группы археологии эпохи Великого переселения народов отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН в тесном сотрудничестве с коллегами из Государственного Исторического музея и привлечением других специалистов. Исследования по проекту были сосредоточены в четырех базовых регионах: 1) лесостепное Поднепровье и Подонье (А.М. Обломский, И.О. Гавритухин, В.Е. Родинкова), 2) Верхнее Поднепровье, Северо-Запад России и Верхнее Поволжье (Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев, И.В. Исланова), 3) Юго-Восточная Балтия (В.И. Кулаков), 4) Среднее Поочье (И.В. Белоцерковская, И.Р. Ахмедов, О.С. Румянцева).

Для исследования памятников середины I тыс. на территории Восточной Европы принципиально важны два направления. Первым является «диахронное», которое предполагает сопоставление памятников и культурных групп позднеримского времени, гуннского периода и средневековых между собой для выяснения наличия или отсутствия между ними генетической связи, что дает материал для реконструкции смены или преемственности основных массивов населения. Второе направление – «синхронное». В середине I тыс. целый ряд типов вещей (от некоторых типов лепной керамики до наборов украшений и оружия) является как бы «сквозным» для обширных областей Евразии. Именно на этих вещах, символизирующих стиль эпохи, и строится определение хронологии памятников. Кроме того, сравнение одновременных памятников между собой позволяет выявить миграции, которые в середине I тыс. осуществлялись на довольно значительные расстояния, взаимосвязи культур, зоны влияний и т.д.

Наша работа, в принципе, ориентирована на реконструкцию процессов в синхронном срезе (гуннская эпоха), однако необходимость адекватно понять древности интересующего периода потребовала построить каждую из частей по диахронному принципу, причём в ряде случаев с довольно глубокой ретроспективой.

Другая особенность нашего исследования состоит в том, что оно проводилось на базе нескольких не смыкающихся между собой регионов. В их выборе (кроме области научных интересов и квалификации авторов) мы руководствовались и вполне объективными соображениями. Эти регионы отражают несколько историко-географических моделей взаимоотношения групп населения, различных по этническому составу, характеру и формам их взаимодействия: в двух регионах лесостепи – местного, лесной зоны и южного степного; в рязано-окском – преобладающего местного, западных, восточных, лесостепных и степных группировок; на Северо-Западе Европейской части России и в Верхнем Поволжье – переселенцев с юга и местного, в Прибалтике – местного и выходцев из ряда северо- и центральноевропейских областей.

Рассматриваемые регионы весьма различны по уровню исследованности, характеру памятников, аналитическим возможностям материала и, наконец, актуальным акцентам и традиционным вопросам изучения. Очевидно, что состав материала и методы работы с ним в этой ситуации не могут быть жёстко унифицированы. Это пошло бы только во вред делу. Тем не менее, общность цели и объекта исследования позволяет считать наш труд именно коллективной монографией.

Для каждого из регионов предполагалось, во-первых, представить существенные признаки археологических культур III–IV вв. (позднеримского времени), во-вторых, показать, какие культуры бытовали в V–VI вв. и в чем заключается их отличие от предшествующих, в-третьих, выявить основные показатели изменений археологических структур (они могли быть особыми для каждого из регионов: от типов жилищ и лепной керамики до набора украшений); в-четвертых, определить хронологию этих изменений. В результате мы старались ответить на вопросы, каковы были причины и формы трансформации культур (смена населения, изменение направлений связей, стиля престижной культуры и т.д.), существовали ли единые ритмы образования новых культур в Восточной Европе и связано ли возникновение последних с миграциями населения?

Задачи работы и характер источников определяют жанр написанных нами глав. Каждая из них является подведением итогов (пускай и предварительным), а не сводом источников. По этой причине в монографии приводятся результаты изучения материала, в основном в краткой форме, со ссылками на уже имеющиеся исследования.

Сравнение археологических общностей позднеримского периода, середины I тыс. и раннесредневековых предполагает особое внимание к вопросам хронологии. Относительно точно датировки могут определяться для материалов лесостепного Поднепровья, Подонья, территории рязано-окских могильников, Самбийского полуострова в Прибалтике, хотя и здесь имеется ряд существенных дискуссионных вопросов. К сожалению, точность датирования памятников лесного Поднепровья и бассейна Верхней Волги пока невелика, поскольку здесь исследовались в основном поселения, на которых редки хронологические индикаторы (предметы престижной культуры, некоторые виды вооружения). Даты, которые приводятся в главах И.В. Исландовой и Н.В. Лопатина – А.Г. Фурасьева, в определённой степени условны и наверняка будут впоследствии уточнены.

Все это определило следующую структуру нашей книги.

Глава 1 (И.О. Гавритухин, А.М. Обломский) посвящена Днепровскому лесостепному Левобережью. В настоящее время практически все исследователи не разделяют концепции крайнего автохтонизма в отношении древностей этого региона, но

однобоким является и представление о чуть ли не стерильной смене населения. Проблема заключается в реконструкции характера, ритмов и механизмов миграций, несомненно, имевших место, и форм преемственности, без которых невозможно представить себе особенности культурного развития этой территории. Особое внимание уделено ряду вопросов хронологии черняховской культуры, значение которых выходит за рамки регионального исследования. Авторы старались максимально полно использовать потенциал различных групп источников, включая и отдельные находки или «клады», стремясь рассматривать их в тесной связи с результатами изучения других сторон культуры.

Глава 2 (А.М. Обломский) строится на ставших известными лишь в последние 20 лет материалах Верхнего Подонья. Археологическое изучение этих древностей переживает своеобразный «бум». Принципиально важными являются здесь проблемы выделения культурных групп, их характеристика (компоненты, структура, особенности формирования) и взаимоотношение. На систематическом анализе этой проблемы и сосредоточился автор, предлагая и некоторые этноисторические гипотезы.

Глава 3 (И.Р. Ахмедов, И.В. Белоцерковская, О.С. Румянцева) включает анализ материалов Среднего Поочья, привлекающих внимание ученых уже более столетия, но существенно увеличившихся количественно и качественно сравнительно недавно, причём во многом благодаря раскопкам И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедова. Исследование построено по группам материала (предметы воинской культуры, женский убор, бусы, керамика), анализ каждой из которых имеет специфику. Разработанные хронологические схемы и ряд наблюдений имеют принципиальное значение для многих культур лесной зоны Восточной Европы, где отсутствуют могильники со столь представительным набором находок. Сопоставление результатов анализа разных групп материала делает возможным предложить картину развития местных традиций, дать представление о характере, ритмах и значении инноваций.

Глава 4 (Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев) посвящена обширному региону на Севере Белоруссии и Северо-Западе России. Методика работы авторов связана с анализом керамических стилей и наборов на материале, неоднократно привлекавшем исследователей, получавших весьма противоречивые, даже вызывавшие резкие дискуссии результаты. Выделение особой группы памятников римского времени в Верхнем Поднепровье и Подвинье, обоснованное в ряде трудов авторов этой главы, позволяет дать новую характеристику и картину взаимоотношений культурных групп эпохи Великого переселения народов от лесного Поднепровья до Псковщины и Верхней Волги.

Глава 5 (И.В. Исланова) построена на материалах трёх сравнительно компактных культурно-географических районов в Верхнем Поволжье. Эти древности изучались в весьма ограниченном объёме и практически неизвестны широкому кругу исследователей. Работа с коллекциями нескольких опорных памятников на фоне всего доступного материала позволяет впервые выделить здесь несколько культурных групп, наметить вероятные истоки их формирования, модели взаимодействия, связи с процессами, протекавшими на соседних территориях.

Глава 6 (В.И. Кулаков) построена на материалах Самбии и Натангии. Уже более столетия назад они играли существенную роль в формировании хронологических схем и в исследовании ряда вопросов археологии Центральной Европы эпохи римских влияний и середины 1 тыс. н.э., хотя со временем по ряду причин и отошли, как бы, на второй план. В трудах многих авторов культурное развитие Юго-Восточной Балтии представлялось в рамках «линейного» развития культуры местного населения. Подход автора данной главы строится на представлении о тесной связи этногенеза с процессами общественного развития. Сделанные наблюдения позволяют предложить альтернативу ряду оценок, имеющих весьма широкое распространение.

Глава 7 (В.Е. Родинкова) посвящена анализу истоков одного из вариантов раннеславянского женского убора в диахронном аспекте. По характеру она отличается от других глав, но тесно связана с некоторыми из них (с гл. 1 по территории, с гл. 3 по одному из предметов исследования – женскому убору) и вполне вписывается в общей замысел работы. Кроме конкретных наблюдений и выводов, дополняющих общий результат, этот раздел монографии демонстрирует возможность наращивания потенциала исследования не только путём включения новых регионов, но и особых тематических «срезов» или групп источников.

Мы понимаем, что сформулированные нами выводы – не окончательные. Наверняка многие из них будут скорректированы при дальнейшем накоплении и анализе материала, но «дорогу осилит идущий». Общность цели и видения актуальных направлений исследования не означает единомыслия авторов даже в рамках общей книги, а каждый из нас и все мы вместе открыты для конструктивной дискуссии. Мы приглашаем всех специалистов к продолжению работы над темой, в первую очередь к ликвидации территориальных и хронологических пробелов в изучении древностей середины I тыс.

Глава 1.
Днепровское лесостепное Левобережье

1.1. Вводные замечания
(И. О. Гавритухин, А. М. Обломский)

Исторические границы области, которая условно называется Днепровским лесостепным Левобережьем в римское и раннесредневековое время, были гораздо шире географических. На востоке этот регион, кроме бассейнов рек, впадающих в Днепр (Сулы, Псла, Ворсклы) и их притоков, охватывал бассейн Северского Донца и долину Оскола, на севере – южную часть лесной зоны (Нижнее и Среднее Подесенье, Посеймье). На западе границей рассматриваемой нами территории служит восточный край долины Днепра. В главе, посвященной этому региону, мы излагаем результаты реконструкции этнических процессов в конце позднеримского, гуннский и «постгуннский» периоды (последние десятилетия IV – начало VI вв.). Особое внимание, кроме принципиально важных для темы вопросов хронологии, уделено погребениям знати или кладам «престижных» вещей, связанным с культурой наиболее богатого слоя общества, которые в наших предыдущих исследованиях специально не рассматривались (рис. 1).

В результате сложных исторических процессов, которые, во многом связаны с эпохой «Скифских» войн, к концу III – 1-ой половине IV в. в этом регионе сложилась система трех этнокультурных общностей [Кропоткін, Обломський, 1991; Терпиловский, Абашина, 1992; Обломский, 2002, с. 87–89; 2004а] (рис. 2). Северную его периферию от Подесенья до Среднего Посеймья в это время занимают памятники деснинского, а восточную окраину – сейминско-донецкого варианта киевской культуры. В лесостепной части региона распространяются многочисленные черняховские поселения и могильники, ареал которых на восточной их периферии частично накладывается на область, где известны сейминско-донецкие памятники (рис. 2). Период истории, начавшийся на территории Днепровского Левобережья после 375 г., т.е. после появления в понтийских степях гуннов и разгрома державы Германариха, характеризуется массовыми передвижениями населения, которые приводят к исчезновению системы археологических общностей позднеримского времени. Этап дестабилизации, на протяжении которого происходит разрушение сложившейся ранее системы этнических группировок и, вероятно, политических союзов Днепровского Левобережья, завершается формированием раннесредневековых пеньковской и колочинской археологических культур, отражён в ряде групп связанных с ними древностей иного круга.

Таким образом, с эпохой, анализу которой посвящена данная книга, на Днепровском лесостепном Левобережье связаны следующие группы древностей: памятники финала черняховской и киевской культур; древности «степного круга»; ранние памятники пеньковской и колочинской культур, синхронные им погребения по обряду ингумации и ряд вещей, преимущественно отдельные находки из цветных металлов, имеющие инокультурное происхождение; клады и единичные погребения «княжеского» ранга[1].

1.2. Финал черняховской культуры
(И. О. Гавритухин)

Общие замечания

Проблема финала черняховской культуры прежде всего включает вопросы о хронологии позднейших памятников этой общности и формах её существования в гуннскую эпоху. Соответственно, ниже будут рассмотрены основные реперы, позволяющие выделять среди черняховских древностей Днепровского Левобережья горизонт гуннского времени и, по возможности, некоторые стороны культуры, характеризующие этот пласт древностей.

Черняховские памятники Днепровского Левобережья долгое время были слабо исследованы. Эту ситуацию должна была изменить работа А.Н. Не-

[1] Первый опыт комплексного рассмотрения древностей Днепровского лесостепного Левобережья конца IV–V вв. был подготовлен нами почти десятилетие назад и представлен в качестве доклада на конференции в Сен-Дени [Gavritukhin, Oblomski, 1998], но опубликован недавно [Gavritukhin, Oblomski, 2006]. Версия, предлагаемая читатаелю ниже, во многом строится на основе того исследования, но существенно переработана и дополнена как с учётом публикаций коллег, так и новых авторских разработок.

красовой и А.В. Кропоткина, задуманная как свод и публикация важнейших памятников региона. К сожалению, она так и осталась не завершённой. Ряд неопубликованных материалов из неё стал доступен для данного исследования благодаря любезности авторов, некоторые памятники готовятся к публикации украинскими коллегами[2]. К недавним важным работам, позволяющим более цельно взглянуть на черняховскую культуру Днепровского Левобережья, относится книга М.В. Любичева [Любичев, 2000], содержащая историографический обзор и список памятников, а также монография А.М. Обломского [Обломский, 2002], где проанализирован ряд основных узлов этнокультурной истории черняховского населения и его соседей на Днепровском Левобережье, представлены важнейшие материалы для этого.

Хронология древностей финала черняховской культуры Днепровского Левобережья специально рассматривалась лишь Е.Л. Гороховским и М.М. Казанским. В своей диссертации, основные положения которой опубликованы лишь в тезисной форме [Гороховский, 1988а; 1988б], Е.Л. Гороховский, опираясь на сериацию ряда черняховских комплексов, к гуннскому времени, т.е. к фазе 5 его периодизации черняховской культуры, на Днепровском Левобережье относил курганы, раскопанные в 1924 г. в Кантемировке, погр.12 из Лохвицы, погр. 137, 725, возможно, и 1308 из Успенки, находки в Гречаниках. Состав комплексов предшествующей фазы 4 (около 350–400 гг.) у Е.Л. Гороховского более представителен, но для них, очевидно, не исключается догуннская атрибуция. Позже Е.Л. Гороховский писал о необходимости уточнения и корректировки полученных результатов [Гороховский, 1996; 1999]. М.М. Казанский, кроме тех же материалов из Кантемировки, сначала датировал гуннским временем погр. 1/1958 из Сум, позже – ограничивался указанием на реконструируемый им поздний участок могильника Сумы-Сад [Kazanski, Legoux, 1988; Казанский, 1997; Kazanski, 1998a]. В итоге некоторые специалисты воспринимают материалы черняховской культуры Днепровского Левобережья как относящиеся, в основном, к догуннскому горизонту. Б.В. Магомедов, например, пришел к заключению, что «... после 375 г. готы покидают, прежде всего, Восточную Украину. Тем не менее, в гуннское время некоторые черняховские могильники Восточного Левобережья еще используются. Позднейшие комплексы имеют явные кочевнические черты, что говорит о смене этнополитических приоритетов» [Магомедов, 1997б; 1999, с. 43]. Все это заставляет вернуться к вопросам датирования позднего горизонта левобережных черняховских древностей.

К сожалению, наиболее массовые находки на черняховских памятниках пока не позволяют отделить древности гуннского времени от предшествующих. Существующие работы по хронологии керамики выполнены, в основном, по рисункам из публикаций (зачастую очень схематичным или даже неверным) и не дают надежных реперов, важных для нас [Kazanski, Legoux, 1988; Шаров, 1992; Гей, Бажан, 1997]. Пока не дало искомых критериев и начавшееся исследование черняховских бус и подвесок [Бобровская, 1991; 1999а, б; Бобровська, 1991; 2000]. Вещи, более-менее надежно синхронизируемые с фазой центральноевропейской фазы D2 по Я. Тейралу [Гороховский, 1988б, с. 45; Kazanski, 1992; 1998a, fig. 2; Гавритухин 2000, с. 261–279], на Левобережье Днепра единичны и не могут решить проблемы. Единственный выход в этой ситуации – следовать пути А.К. Амброза и Е.Л. Гороховского, то есть пытаться выделить искомые признаки на основе детальной типологии вещей. Здесь есть своя трудность – выразительных комплексов, сочетающих несколько индикаторов, на нашей территории очень мало, во всяком случае, для надежной сериации[3]. Приходится выделять горизонты «на глаз», опираясь на сравнительные и эволюционно-типологические наблюдения. Как показывают работы А.К. Амброза и Я. Тейрала, это возможно, хотя и требует большой осторожности.

Среди поздних комплексов черняховской культуры выделяется группа, которой принадлежат двучленные прогнутые подвязные и «воинские» фибулы, изготовленные из плоского бруска, и «Bügelknopffibel» (Т-образные пружинные) с массивной полуциркульной дужкой [Амброз, 1966, вариант 3, группы 16/2-I, группы 17, 20], стеклянные кубки типа Ковалк [Rau, 1972; 1973; 1975], вытянутые овальные железные и ряд вариаций бронзовых пряжек с не слишком массивными, не сильно выступающими за рамку, язычками, и другие вещи, синхронизируемые с фазой С3 центральноеропейских хронологических систем [Tejral, 1992]. Выделение этого хронологического горизонта не вызывает принципиальных сомнений практически у всех специалистов по черняховской культуре, споры идут лишь об оценке отдельных комплексов или некоторых предметов, что для темы данной работы не очень важно. Очевидно, что перечисленные древ-

[2] Основной массив необходимых источников получен сравнительно недавно, в 1980-е - начало 1990-х гг., многое неопубликовано (см. табл..2). Мы благодарим А.Н. Некрасову, А.В. Кропоткина, Е.Л. Гороховского, Р.В. Терпиловского, М.В. Любичева, М.Н. Григорьянца, О.А. Щеглову, В.М. Горюнову, Г.А. Романову, за информацию о неопубликованых памятниках и разрешение опубликовать рисунки некоторых вещей, важные для нашей темы, О.А. Гей и И.А. Бажана – за возможность использовать обрабатываемый ими архив Э.А. Сымоновича, сотрудников рукописного и фотоархива ИИМК РАН за возможность использовать и издать некоторые хранящиеся там материалы.

[3] Из почти 300 учтенных нами черняховских погребений (табл. 2) часть безусловно относится к догуннскому времени, а подавляющее большинство не имеет надежных (т.е. изученных на уровне минимальных требований вещеведения) хронологических индикаторов или содержит их по одному. Показателен недавно представленный и пока единственный опыт построения сериации черняховских комплексов по материалам Днепровского Левобережья [Петренко, 2003]. Если подходить к предложенной в этой работе таблице с точке зрения минимальной формальной строгости (исключить комплексы с одним индикатором и индикаторы, встреченные единожды), то от таблицы фактически ничего не останется.

ности не являются индикаторами гуннской эпохи, хотя некоторые из них и могли продолжать использоваться после 375 г.

Другую группу составляют комплексы, включающие ряд серий калачевидных пряжек, двупластинчатых фибул, толстостенных стеклянных кубков (многие из них будут обсуждаться ниже). Такие вещи известны по всей черняховской культуре, а их распространение западнее ее ареала маркирует начало эпохи массовых миграций в Центральную Европу с востока после 375 г. Определяемый по сочетанию этих вещей горизонт более всего близок фазе 4 (ок. 350–400 гг.) в системе Е.Л. Гороховского, сопоставимой с фазой C3/D1, которую для ряда культур выделяет Я. Тейрал, и, в значительной части, с фазой D1 (360/370 или 370/380–400/410) по Я. Тейралу [Гороховский, 1988а; 1988б; Tejral, 1987; 1992; 1997a].

Соотнесение черняховской культуры с объединением, во главе которого стояли готы, в настоящее время практически общепризнано. По письменным источникам известно, что несмотря на крупные миграции в результате крушения державы Германариха, значительные массы входившего в нее населения остались под властью гуннов. Состав же археологических реалий, соответствующих культуре не ушедших на запад группировок, остается спорным. Некоторые исследователи считают гуннский разгром фактически концом черняховской культуры, оставляя указанную проблему как бы «за кадром» [Bierbrauer, 1980; 1994; Шаров, 1992]. Другие, выделяя финальный этап черняховской общности, хотя и подразумевают существование этих древностей в начале гуннского времени (около конца IV в.), относят нижнюю границу данного этапа к догуннской эпохе или оставляют неопределенной [Гей, Бажан, 1997]. Схожие мнения, правда по другим основаниям и достаточно осторожно, высказывали и другие исследователи [Амброз, 1966, с. 96; 1992, с. 10–16; Щукин, Щербакова, 1986; Tejral, 1987; 1992; 1997a].

Понятно, что в Подунавье, кроме изменения в составе памятников, период миграций 4-й четверти IV – начала V в. характеризуется заметным распространением вещей, принесённых с востока и севера, то есть во многих случаях появившихся в черняховской, вельбарской, пшеворской культурах до 370-х гг. Кроме того, он включает и типы, отражающие эволюцию предшествующих традиций в эпоху миграций «раннегуннского» времени. Это сочетание и маркируют в Подунавье древности фазы D1 по Я. Тейралу. Почти одновременно в Подунавье же складывается новая, синкретичная культура, включающая как различные варварские, «восточные», так и провинциально-римские элементы. Это сочетание, давшее новый синтез, и обусловливает специфику фазы D2 (380/400–440/450 гг. по Я. Тейралу). Из сказанного вполне понятно почти полное совпадение абсолютных дат ранней части фазы D2 и фазы D1 в Подунавье при явном различии характерных для них стилей (см. также [Острая Лука…, с. 91–92]). При этом, предлагаемое Я. Тейралом в последних работах удревнение нижней границы фазы D1, похоже, связано с непоследовательной попыткой сделать её «универсальной» для Подунавья и Восточной Европы. Представляется, что это ведёт к отказу от понимания специфики фазы D1, убедительно показанной Я. Тейралом на памятниках Подунавья.

Таким образом, простая синхронизация древностей черняховской культуры с фазами по Я. Тейралу, получившая в восточноевропейской литературе довольно широкое распространение, весьма уязвима и ведёт к путанице. Какие-то вещи, показательные для фазы D1, в черняховской культуре должны датироваться и более ранним временем; какие-то – быть синхронными, отражая контакты и общие тенденции эволюции типов; наконец, какие-то формы связаны с локальными особенностями изменений деталей или набора вещей на разных территориях.

Проблема выделения в черняховской культуре индикаторов особого периода её развития, приходящегося на гуннскую эпоху, специально рассматривалась лишь в немногих работах [Щукин, 1979; 1980; Гороховский, 1988а; 1988б; Kazanski, 1992; Гавритухин, 1999; 2000; 2005; Щукин, Шаров, 2000]. Попробуем обобщить эти и некоторые новые наблюдения применительно к памятникам Днепровского Левобережья. Список хронологических индикаторов и комплексов приводится в табл. 1, информация о памятниках – в табл. 2.

Стеклянные сосуды и их имитации

Круг стеклянных сосудов, важных для понимания финала черняховской культуры на Днепровском Левобережье, включает сосуды с налепами синего стекла и их керамические имитации, ряд типов толстостенных кубков с прошлифованным орнаментом и чаш.

Сосуды, украшенные каплями из синего стекла, и их имитации. На Днепровском Левобережье и на левом берегу Днепра такие сосуды представлены следующими образцами.

1. Соснова, слой поселения или могильника (рис. 3: 9). Тонкостенный фрагмент, скорее всего, стеклянной чаши, реконструируемый диаметр – около 8 см, с тремя тонкими прошлифованными линиями под, похоже, отогнутым венчиком, фрагмент не позволяет судить о композиции налепов.

2. Воскресенское, погр. 3 (рис. 3: 10). Тонкостенный небольшой фрагмент стеклянного сосуда неясного типа.

3. Кантемировка, курган 1 (рис. 3: 12). Глиняная полусферическая чаша высотой около 46 мм, диаметром около 54 мм, верхняя часть прогнута, нижняя, отделённая валиком, украшена единичными налепами, разделёнными вертикальными налепными линиями и полосами, заполненными «косой сеткой».

4. Компанийцы, погр. 164 (рис. 3: 3). Глиняная приземистая чаша – мисочка, высотой около 64 мм,

диаметром до 110 мм, украшенная налепами, сгруппированными по три.

Стеклянные сосуды с синими налепами известны от Пиренейского полуострова до Кавказа и от Скандинавии до Египта (обзоры см. [Гавритухин, 2000, с. 269–273; Голофаст, 2001, с. 123–127]). Систематизация этого массива, как целого, отсутствует. В основе оценки сосудов из Причерноморья и Подунавья (наиболее близкие к рассматриваемой территории зоны концентрации сосудов с синими налепами) лежат работы Н.П. Сорокиной и Л. Баркоци. Именно на фундаментальные исследования этих общепризнанных специалистов, подведшие итог предшествующему этапу изучения сосудов с синими налепами, в последние десятилетия ссылается большинство авторов публикаций коллекций или материалов раскопок. Н.П. Сорокина [Сорокина, 1971; 1978, там ссылки на её другие работы] указала, что хронология сосудов с синими налепами по представлениям разных исследователей колеблется в рамках III–VII вв., довольно подробно классифицировала целые сосуды Северного Причерноморья по форме и орнаментации, предложив для них дату около IV – начала V вв. Альтернативу этой работе попытался представить А.В. Сазанов, предложивший отличающуюся типологическую схему и датировавший типы от 380–450 до 500–550 гг. [Sazanov, 1995]. Эта попытка была признана неудачной И.П. Засецкой [Засецкая, 2000], указавшей на слабую аргументированность типологических и хронологических построений оппонента. Сама И.П. Засецкая дополнила классификацию Н.П. Сорокиной и предложила коррективы для датировки сосудов от ранних форм (2-ой половины IV – начала V вв.) до поздних (2-ой половины V – начала VI вв.). Л. Баркоци выделил на материалах Венгрии два варианта чаш с синими налепами, продатировав один 2-ой половиной IV, другой – концом IV – 1-ой половиной V вв. [Barkoczi, 1988; там ссылки на его предшествующие публикации]. Хотя эта хронология обоснована довольно конспективно (исходя из различения памятников, имеющих провинциально-римский облик, и памятников с варварскими элементами), она получила широкое распространение и никем пока не пересматривалась.

Специальному анализу с учётом доступных материалов из других регионов, новых материалов и исследований черноморских, дунайских, черняховских комплексов выводы Н.П. Сорокиной и Л. Баркоци были подвергнуты в работах середины 1990-х гг., но опубликованных позднее. В докладе на конференции в Лодзи в 1996 г. мной было показано, что по всем доступным комплексам восточно- и центральноевропейские сосуды с синими налепами не могут датироваться ранее последних десятилетий IV в., что соответствует специальным исследованиям средиземноморских и западноевропейских находок [Гавритухин, 2000, с. 269–273]. К аналогичным выводам пришла Л.А. Голофаст в диссертации о стеклянных сосудах ранневизантийского Херсонеса, защищённой в 1998 г. [Голофаст, 2001].

Чаши с налепами синего стекла в ареале черняховской и близких ей культур[4] хотя и немногочисленны, но весьма разнообразны. Очевидно, что они связаны с несколькими источниками поступлений. Они приведены и картографированы на рис. 3.

Сосуды из Могошань и Журавки (рис. 3: 1, 4), хоть и принадлежат вариантам, связанным с разными центрами изготовления, имеют наибольшие соответствия в среднедунайских материалах, датируемых по Л. Баркоци около последних десятилетий IV – начала V вв. (подробнее см. [Гавритухин, 2000, с. 272–273]). В отношении чаши из Журавки можно добавить, что схожий, сравнительно приземистый сосуд с широкой шлифованной полосой в Карасуре, крепости на Нижнем Дунае, происходит из слоя 1-ой половины V в. [Gomolka-Fuchs, 1992, Abb. 2: 23]. Это делает ещё более уязвимым сопоставление журовской чаши с фиалами III в., предложенное Н.П. Сорокиной [Сорокина, 1971, с. 99].

Чаша (?) из Сосновы (рис. 3: 9) украшена тремя узкими врезными линиями выше пояса синих налепов, что необычно для Причерноморья, но известно в Подунавье около последних десятилетий IV – начала V в. (например, [Barkoczi, 1988, № 150]).

Сосуд из Конгаза (рис. 3: 7), судя по толщине стекла, характеру орнаментации, деталям морфологии, имеет аналоги на Среднем Дунае [Barkoczi, 1988, № 144, 146], схожие формы есть и на Ближнем Востоке. Комплексы и даже места находок упомянутых дунайских аналогий неизвестны, но по Л. Баркоци они относятся к наиболее ранним формам, датируемым около 2-ой половины IV в. и сопоставимым с восточносредиземноморским источником импорта. Для образца № 146 Л. Баркоци не исключает возможности суживания даты до «около 351–370 гг.», сопоставляя его с находкой из погр. 187 в Шагваре. В тоже время, жёстких аргументов в пользу такой даты приведено не было; да и столь узкие датировки для материалов этого круга на современном уровне их изучения вряд ли возможны, а сам Л. Баркоци датирует образец из Шагвара 2-ой половиной IV в. [Barkoczi, 1988, № 147].

Фрагменты сосуда из Великой Бугаёвки (рис. 3: 5–6), судя по публикации [Петраускас, Пастернак, 2003], весьма толстостенные, стекло почти бесцветное. Это характерно для ряда сосудов варианта «а» по Л. Баркоци, связываемых с восточносредиземноморским источником импорта, неплохо представленных в Подунавье, и продатированных этим исследователем около 2-ой половины IV в. (см. выше).

---

[4] Из анализа исключены сосуды с территории Империи, причерноморских центров и, вероятно, напрямую связанных с ними культур Альфёльда, севера Карпатской котловины и более западных, Подонья и Северного Кавказа, а также неопубликованный фрагмент из Шиловского народного музея Рязанской области, заслуживающий особого анализа.

Фрагмент из Якушовиц (рис. 3: 2) по характеру орнаментации – ряд налепов, «зажатый» между довольно широкими прошлифованными полосами, напоминает находку с территории Венгрии [Barkoczi, 1988, № 149], правда, отличается от нее более тонкими стенками. Это сближает его с сосудами более позднего варианта «b» по Л. Баркоци или с северопричерноморскими образцами, тем более, что композиция из рядов налепов между шлифованными или прочерченными полосами им не чужда (например, [Засецкая, 2000, рис. 4: 9; 5: 6, 8, 9]). Судя по высокому качеству бесцветного стекла (благодарю Р. Мадыду-Легутко за возможность работать с находкой), вероятно, сосуд из Якушовиц был изготовлен в ближневосточных или связанных с этими центрами мастерских.

Сосуд из Киева (рис. 3: 8) принадлежит варианту IBa по классификации Н.П. Сорокиной – И.П. Засецкой, весьма распространённому в Причерноморье и, вероятно, связанному с местными мастерскими. Эта вариация датирована И.П. Засецкой в рамках «последней четверти IV – 1-й половины – середины V вв.» [Засецкая, 2000], что вполне соответствует другим разработкам.

Прочие фрагменты стеклянных сосудов с синими налепами (рис. 3: 10, 11, 13) слишком малы даже для приблизительных определений.

Сопоставление ряда глиняных кубков черняховской культуры со стеклянными прототипами у специалистов общепризнанно, как и то, что это было, как правило, не прямой имитацией, а, скорее, стилистическим влиянием (например, [Магомедов, 2001, с. 54]). По этой причине сходство пропорций образца из Сосновы с журавским стеклянным сосудом (рис. 3: 3, 4), или косая сетка на кантемировском кубке, напоминающая врезной орнамент ряда стеклянных сосудов (рис. 3: 12 и, например, 4: 7, 9; 5: 9, 11), могут использоваться для наших построений, хотя и с определённой долей условности (ср. [Магомедов, 2001, рис. 56: 2, 3]).

Итак, существенная часть рассмотренных стеклянных сосудов с синими налепами в черняховской и близких культурах имела, возможно, восточносредиземноморское – ближневосточное происхождение, вероятно, опосредованное дунайскими производственными или торговыми центрами (Могошань, Конгаз, Великая Бугаёвка, Якушовицы). Для них принимается датировка 2-ой половиной IV – началом V вв., при этом, отрезок «3-й четверти IV в.» исключается для могошаньского образца и весьма проблематичен для прочих. С дунайскими или балканскими провинциями, скорее всего, связаны образцы из Журовки и Сосновы. Их датировка гуннской эпохой (скорее, её ранней частью) соответствует всем современным разработкам. В отношении трех образцов вопрос о происхождении и узкой дате (но, судя по всему, в рамках последних десятилетий IV–V в.) остаётся открытым. И лишь находка из Киева имеет многочисленные аналогии в причерноморских центрах конца IV – середины V в. Интересно, что керамические сосуды с «каплями» – налепами, явно отражающие влияние стеклянных образцов, в черняховской культуре найдены пока лишь на Днепровском Левобережье.

Таким образом, исходя из доступного материала, можно предложить следующую картину бытования сосудов с синими налепами в черняховской культуре. Наиболее ранние поступления связаны с восточносредиземноморской традицией, вероятно, опосредованной Подунавьем, и отразились, прежде всего, в западных областях культуры. Эту группу предположительно можно сопоставить с периодом готского господства на Балканах, наступившего после адрианопольской победы. С дунайскими контактами гуннской эпохи связаны балкано-дунайские изделия, не единично представленные в Поднепровье. Причерноморские поступления пока достоверно зафиксированы лишь одной находкой гуннской эпохи в Поднепровье. Имитации сосудов с синими налепами объяснимы популярностью чаш этого типа на Днепровском Левобережье в условиях ограниченности или перерыва поступлений.

Двуслойные стеклянные сосуды. На Днепровском Левобережье они представлены двумя случайными находками на не раскапывавшихся памятниках черняховской культуры с Харьковщины.

1. Малая Рогань (рис. 4: 25). Чуть прогнутое дно толстостенного сосуда диаметром около 30–35 мм, покато переходящее в стенки; нижний слой прозрачный, светло-желтоватый, верхний, толщиной около 2 мм, цвета «морской волны» (синий с зелёным отливом); к придонной части примыкают довольно плотно поставленные, глубокие, прорезающие верхний слой, вышлифованные овалы.

2. Западня (рис. 4: 16). Стенка кубка или стакана толщиной около 4 мм; нижний слой прозрачный, бесцветный, верхний, толщиной около 1,5 мм, синий; украшена врезной почти на всю толщину верхнего слоя горизонтально положенной «ёлочкой», заключённой между аналогично выполненными горизонтальными линиями.

Двуслойные сосуды в черняховской культуре редки. Кроме описанных известны лишь недавно опубликованные фрагменты кубка из Великой Бугаёвки (рис. 4: 19–20) [Петраускас, Пастернак, 2003, с. 70–71]. В некоторых регионах находок больше, к примеру, в Польше учтено 8 образцов с 5-ти памятников, в Скандинавии – 19 с 17-ти памятников [Stawiarska, 1999, № 199–206; Straume, 1987, S. 44–46]. Этот стиль украшения сосудов связывают с традицией изготовления «камейных» сосудов и позднеантичных сосудов типа диатрет, что подтверждается в ряде случаев и химическими анализами состава стекла [Stawiarska, 1999, s. 51–52, 158–160]. Датировка стиля в целом довольно широка. У варваров наиболее ранним образцом является не сохранившаяся (кроме мелких фрагментов) находка из «княжеского» погр. 1/1886 в Закшуве (фаза C2, вероятно, её

поздняя часть – около 300 г. или первые десятилетия IV в.), отличающаяся от прочих проанализированных двухслойных сосудов химическим составом стекла и суммой других признаков [Stawiarska, 1999, с. 156, 158]. Остальные находки датируются финалом римского времени и эпохой Великого переселения народов (от 2-ой четверти IV до 2-ой половины V в., включительно), а единично встречаются и позднее.

Цвет стекла, близкий находке из Малой Рогани, встречается довольно редко. «Золотистый» цвет сосуда с синим покрытием известен в Ловё и Пивонице, в первом случае форма сосуда невосстановима, во втором – это кубок на выделенной ножке, украшенный крупными медальонами (серия Пивонице типа Косино по [Гавритухин, 1999]). Оба комплекса датируются около 1-ой половины V в. [Straume, 1987, № 70; Гавритухин, 1999, с. 59]. «Золотистый» цвет нижнего слоя имеет и упомянутая выше находка из Закшува, правда, верхний слой у неё по сохранившемуся описанию голубой (сине-белый), а по цветному рисунку – зелёный [Stawiarska, 1999, № 199, s. 156]. Отличается от рассматриваемого образца и его форма. По форме и характеру орнаментации из двуслойных сосудов рассматриваемому экземпляру наиболее близки находки из Химлингёе и Опатува (рис. 4: 22, 26), правда, у обоих кубков верхней слой имеет зелёный цвет. Близкий по характеру орнаментации фрагмент стенки сосуда из Гански (рис. 4: 24) имеет золотисто-зелёный нижний и синий верхний слои. К сожалению, ни один из указанных аналогов не найден в комплексе, позволяющем предложить узкую дату, а по стилистическим соответствиям их можно датировать финалом римского времени или началом эпохи Великого переселения народов [Straume, 1987, тип IB].

По цвету стекла (бесцветное, покрыто синим) находке из Западни близки два фрагментированных образца из Скандинавии, датируемых один – не ранее V, второй – не ранее VI в. [Straume, 1987, № 37 и 72]. Аналогичный цвет у небольшого фрагмента сосуда, найденного в слое пункта 15 у Масломенча (рис. 4: 21; датирован фазами C3–D), который по химическому составу близок двуслойному образцу из Карфагена, датированному «IV–V вв.», сосудам типа диатрет из Афин и Коринфа, некоторым однослойным изделиям [Stawiarska, 1999, № 205; s. 158–159]. Ближайший аналог орнаментальной композиции фрагмента из Западни – одноцветный кубок из погр. 123 Бэрчя Текучь (рис. 4: 15), датируемый, как и серия Хуча типа Малаешты в целом, гуннской эпохой [Гавритухин, 1999, с. 60]. Такой элемент известен и на чаше из галло-римской виллы Плассак (рис. 4: 14), датированной по общим аналогиям на Рейне около середины – 2-й половины IV в. [Hochili-Gysel, 1990, p. 132]. Аналогичный орнамент можно найти и на «сасанидской» чаше из коллекции Римско-германского центрального музея в Майнце [Journal..., p. 139: № 28]. Двуслойные сосуды со сложными композициями из прошлифованных линий, стилистически напоминающие рассматриваемую находку, происходят из Журани, Скоттсунда, Эвебю (рис. 4: 1–13, 17–18, 23) и датируются в рамках V в. [Straume, 1987, № 151, 73, 8; Гавритухин, 1999, с. 59–60].

Что касается находки из Великой Бугаёвки (рис. 4: 19–20), то авторы публикации совершенно справедливо указали ее ближайший аналог – упомянутый кубок из Эвебю [Петраускас, Пастернак, 2003, с. 71]. Можно лишь уточнить, что погребение в Эвебю относится к скандинавской фазе D по всему набору вещей (наиболее распространена, хотя и оспаривается, его атрибуция скандинавской фазой 2, то есть 2-ой половиной V в.), а солид Феодосия II (408–450 гг.), использованный в качестве подвески, определяет его terminus post quem.

Таким образом, две черняховские находки двуслойных стеклянных сосудов (Великая Бугаёвка и Западня) по имеющимся материалам следует датировать гуннским временем (в принципе, не исключая и 2-ую половину V в.). Образец из Малой Рогани вполне может относиться к этому же периоду, но имеет из-за неясности датировки многих аналогий существенную вероятность для удревнения. Что касается источников поступления этих сосудов, для точного ответа материалов явно недостаточно. Следует иметь в виду, что двуслойные шлифованные сосуды принадлежат кругу наиболее технологически сложных изделий и связываются специалистами со столичными мастерскими (Римом, затем Константинополем) или крупными центрами стеклоделия с высококвалифицированными мастерами (Александрия, Сирийское побережье и т.д., см., например, [Stawiarska, 1999, с. 159]). Кроме того, такие сосуды весьма высоко ценились, долго хранились (сосуд из Эвебю ремонтировался). Так что любая реконструкция путей поступления единичных и различных уже по цветовой гамме находок в черняховском ареале будет гадательной.

Сосуды с вышлифованными медальонами, заключёнными в дуги или окружности. Более точное определение затруднительно, поскольку такие образцы представлены на Днепровском Левобережье фрагментами, а аналоги им не однозначны. Все перечисленные ниже находки происходят из сборов на черняховских памятниках с Харьковщины.

1. Войтенки (рис. 5: 5). Фрагмент стенки толщиной около 4 мм; стекло прозрачное, бесцветное, хорошего качества; вышлифованный овал/круг или его часть окаймлён с отступом в 2 мм прошлифованным узким сегментовидным в сечении желобком, около него читаются следы ещё одного такого же или близкого по исполнению желобка, правда, его очертания неясны.

2. Войтенки (рис. 5: 6). Фрагмент стенки толщиной около 3 мм; стекло прозрачное, бесцветное, хорошего качества; слабо вышлифованные крупные овалы, окаймлённые чётко прошлифованными сег-

ментовидными в сечении желобками, примыкают друг к другу.

3. Западня (рис. 5: 7). Фрагмент стенки толщиной около 3 мм; стекло прозрачное, бесцветное, хорошего качества; слабо вышлифованный круг/овал окаймлён полосой сложного сечения (её поверхность слабо наклонена, углубляясь к внешнему краю, где переходит в сегментовидный желобок), на расстоянии 3 мм от описанной находится аналогичная композиция, отделённая прерывистой линией-желобком.

Чаши, украшенные аналогично сделанными медальонами (как на рис. 8: 9–10, 12), довольно широко распространены на Ближнем Востоке и, преимущественно, в Восточном Средиземноморье (подробно описанные образцы имеют прозрачное стекло зеленоватого, реже – желтоватого цвета). Единично они попадают в Римские провинции Подунавья, на Рейн, в Галлию, где датируются III в. и относятся к «восточному» импорту [Barkoczi, 1988, № 39]. В Тропеум Траяни такой сосуд, расцененный как «уникальный для Румынии», происходит из слоя III, датируемого в рамках середины II – середины III вв. [Tropaeum..., fig. 153:10.2]. В зоне основной концентрации таких изделий дату определяют находки в доме периода «С» из Кариаса (II – 1-ая половина III вв.), на Афинской Агоре с материалами конца II – 1-ой половины III вв., в Дура Европосе, разрушенным в 256 г. [Clairmont, 1963, с. 71; Saldern, 1980, № 70–74; там основная литература]. Очевидно, основной период бытования чаш этого типа в Римской империи приходится на 2-ую половину II – середину III в. Вероятно, их производство прекратилось в связи с потрясениями середины III в. К варварам эти вещи практически не попадали. Особняком стоит уникальная чаша из погр. 3/1926 Лёйна (рис. 5: 11) [Eggers, 1951, тип 222], по-видимому, как и ряд других вещей, попавшая, по реконструкции Й. Вернера, к варварам, составлявшим в 260–273 гг. aucsillia Germanorum на службе галльских узурпаторов [Werner, 1973].

Толстостенные кубки со шлифованными овалами в комбинации с полудугами (как на рис. 5: 4) представлены двумя находками из Дании, отнесёнными Е. Штрауме к типу III, датированному в рамках фаз C3–D1, хотя одна находка сделана вне комплекса, а другая на поселении фазы D [Straume, 1987, № 79, 83]. К этой группе примыкает и близкий по приёмам оформления осколок столь же толстостенного кубка из погр. 76 в Виттстоке (центр Восточной Германии), датированный в рамках фаз C3–D1, вероятно, около 2-ой половины IV в. [Corpus...]. В отношении этого типа ещё Г. Экхольмом была высказана идея о его восточном происхождении, уточнённая Е. Штрауме, указавшей на аналоги с севера Ирана и Ирака, для которых предлагается дата около 2-ой половины IV – начала V вв. [Ekholm, 1963, образец IV.126; Straume, 1987, S. 34].

Медальоны, выполненные в интересующей нас или близкой технике, известны у ряда кубков, отнесённых к серии Апахида типа Малаешты [Гавритухин, 1999]. Двуслойные кубки из Великой Бугаёвки и Эвебю датируются V в. (см. выше). Наконец, «золотисто-зелёный», почти бесцветный, починенный кубок из погр. 2 в Апахиде (рис. 5: 2) происходит из комплекса, сопоставимого с горизонтом Турне (в рамках 2-ой половины V в.; [Гавритухин 1999, с. 59]). Кубок из Печи (Сопианы) выполненный из однослойного светло-болотно-зелёного стекла и украшенный, кроме прочего, греческой надписью (рис. 5: 8), относят к периоду около 350 г. или к концу IV – 1-й половине V в, в зависимости от понимания характера развития римского города, из некрополя которого вещь происходит. Более поздняя дата, предложенная Л. Баркоци, учитывая круг аналогий, кажется предпочтительнее [Гавритухин, 1999, с. 59–60]. Следует отметить, что перечисленные аналоги заметно разнятся между собой, а на фоне находок культур, где они встречены, уникальны. Большинство упомянутых сосудов авторы публикаций предположительно связывают с восточносредиземноморскими центрами или их влиянием. Если в отношении кубка из Печи с греческой надписью такая атрибуция представляется наиболее приемлемой, то стилистике оформления сосуда из Апахиды есть прямые параллели в оформлении высокого узкого кубка из Британского музея, происходящего из «Персии или Месопотамии» и датированного около V–VI вв. [Glass..., № 137].

Овалы, окружённые полудугами, выполненные в технике, близкой рассматриваемым образцам, встречены и на кубке (лампе?) зеленоватого стекла из коллекции Корнинг музея стекла (рис. 5: 3). Эта вещь, исходя из стилистических аналогий, атрибутирована как происходящая из Ирана и датирована V–VI вв. В отношении её оформления отмечается влияние ближневосточных стилей и продолжение этих традиций в исламском мире [The Royal..., № 79]. Низкие чаши, в украшении которых использованы медальоны, выполненные в интересующей нас технике, известны по ряду находок в частных собраниях [The Royal... 1978, № 77]. Исходя из стилистических соответствий, они расцениваются как «сасанидские» и датируются около IV–V вв. Наконец, чаши бесцветного стекла с такими медальонами (как на рис. 5: 1) найдены в слоях армянских городов, отнесённых к V–VII вв. в Двине и IV–VI вв. в Ацаване. Эти изделия имеют многочисленные аналоги среди находок из Ирана и Ирака позднесасанидского и начала исламского времени (около VI(V?)–VIII вв., а некоторые типы и позднее, правда, без специального анализа датировки, например, [Джанплодян, 1974, № 2, 41; Крым..., табл. 148: 19; Glass..., № 141]. Явно импортная чаша этого же круга школ, хотя другого типа, найдена в Кисловодской котловине, в Кугульском склепе № 3 [Рунич, 1979, рис. 5: 5] с вещами 1-ой половины – середины VII в.

Рассмотрим, как соотносятся с обозначенными аналогиями интересующие нас находки Днепровского Левобережья. Все они происходят с компакт-

ной территории на Харьковщине, визуально близки по характеру стекла (химических анализов не делалось), стилю украшения. Представляется, что в данном случае речь может идти об однократном поступлении. Фрагмент из Западни (рис. 5: 7) может быть сопоставлен с ближневосточными и/или средиземноморскими чашами 2-ой половины II – середины III вв., однако, медальоны на этих чашах расставлены, как правило, более редко, отличается и оттенок стекла. Ещё дальше от находок этого круга фрагменты из Войтенок. Явно не сопоставимы с украинскими находками толстостенные кубки типа III по Е. Штрауме. Кроме полноты общего фона аналогий они интересны для данного исследования и тем, что дают пример близких по основным показателям сосудов на относительно компактной территории, привезённых из Сасанидского Ирана в конце римского времени или (вероятнее) в начале эпохи Великого переселения народов. Как и в отношении харьковских находок, вероятно, что и в данном случае поступление было однократным. Из европейских находок эпохи Великого переселения народов харьковскому набору ближе всего, хоть и не тождествен, кубок из Апахиды, ближневосточного или, скорее, иранского происхождения. Близкие аналогии по стилистике оформления имеют и другие образцы, связываемые с «сасанидским» кругом, а из бесцветного стекла, как было отмечено, нередко делались позднесасанидские чаши с медальонами.

Итак, сосуды из Западни и Войтенок, судя по характеру стекла и стилистике, поступили из Сасанидского Ирана. Их датировка до появления надёжной хронологии древностей эпохи Сасанидов может определяться довольно широко. Вероятнее всего, что данные образцы, как и другие европейские находки «2-й волны» поступлений изделий с медальонами, относятся к гуннскому времени. На это указывают ближайшие соответствия, а для более ранней датировки нет оснований. Показательно, что в Войтенках найдены массивные профилированные днища сосудов, характерные для гуннского времени, причём известные и в Иране (см. ниже), по характеру стекла вполне сопоставимые с рассматриваемыми здесь стенками.

Находки стеклянных сосудов VI–VII вв. в Лесостепном Поднепровье на поселениях не известны, так что связывать харьковские находки с культурами этого времени было бы весьма рискованно. Наконец, на обоих упомянутых поселениях есть многочисленные черняховские материалы, в том числе и гуннского времени (см. табл. 1).

Массивные профилированные днища. На Днепровском Левобережье представленны несколькими образцами разных типов, происходящими из слоя черняховских памятников.

1. Головчино, слой поселения (рис. 6: 3). Днище кубка диаметром около 35 мм, украшено двумя врезными горизонтальными линиями, крупными примыкающими друг к другу вышлифованными овалами, у нижнего края которых нанесены горизонтально вытянутые небольшие овалы.

2. Хлопков, слой поселения (рис. 6: 14). Днище кубка диаметром около 22 мм, украшено двумя врезными горизонтальными линиями, рядами не примыкающих друг к другу шлифованных овалов, рядом горизонтально вытянутых небольших овалов.

3. Войтенки, отдельная находка (рис. 6: 11). Относительно широкое днище сосуда прозрачного бесцветного стекла хорошего качества, украшено врезной горизонтальной линией.

4. Войтенки, отдельная находка (рис. 6: 12). Днище сосуда прозрачного бесцветного стекла хорошего качества, украшено сложной вышлифованной рельефной композицией, к сожалению, сколотой.

Днище из Хлопкова (рис. 6: 14) мной было отнесено к особому варианту серии Козлувко типа Хёгом, с реперами, указывающими на дату около середины – 2-ой половины IV в. [Гавритухин, 1999, с. 50–51]. Причём образец из Хлопкова на этом фоне (рис. 6: 16–20) явно не архаичен (ср. рис. 6: 2–5; «V в.», см. ниже, о находке из Головчино), но нет и достаточных оснований, для того, чтобы ограничить его дату лишь последними десятилетиями IV в., хотя она представляется вполне вероятной. Ареал серии весьма широк (от Скандинавии до Днепровского Левобережья), а варианты слишком малочисленны для надёжных выводов на основе картографии, даже с учётом находок (рис. 6: 13, 18, 20), ставших мне известными позднее упомянутой работы 1999 г. Правда, стоит отметить, что вещи этой стилистики не единично представлены в Среднем Поднепровье и могут составить один из вариантов типологического ряда эволюции серии Козлувко (рис. 6: 13–14, 20; ср. оценку днища из Великой Бугаёки в [Петраускас, Пастернак, 2003, с. 68]).

Днище из Головчино (рис. 6: 3) по всем деталям оформления относится к варианту Сетвердт серии Сетвердт типа Луги, датируемому в рамках V в. [Гавритухин, 1999, с. 52–53]. Аналоги, особенно близкие находке из Головчино, известны в Поднестровье (Комаров, Будешты – рис. 6: 2,5).

Несмотря на сколы, в отношении днища из Войтенок (рис. 6: 11) можно утверждать, что оно имело сложную рельефную профилировку. Такая моделировка близка оформлению дна кубка из Ранжевого (рис. 6: 1б – это дополнение к распространённым публикациям сделано по оригиналу в экспозиции Одесского археологического музея). Вариация этого стиля представлена и на обломке днища из Думанова (рис. 6: 9 и, вероятно, оплавленный фрагмент на рис. 6: 10)[5]. Похоже, что в близком стиле выполнялись и поддоны некоторых кубков серии Хуча типа Малаешты (как на рис. 4: 15), находки которых сконцентрированы на юго-западе черняховского ареала [Гавритухин, 1999, с. 57, рис. 18]. Сложно-

[5] Публикация материалов раскопок В.В. Кропоткина на этом памятнике готовится мной и А.В. Кропоткиным.

профилированную ножку/поддон и «нависающие» над ним стенки имеют и образцы из Ольвии (рис. 6: 6–7). Прямые аналогии для них не были названы ни автором публикации, Н.П. Сорокиной, ни позднее [Гавритухин, 1999, с. 56]. В качестве вероятного стилистического соответствия им можно указать сасанидские чаши (как на рис. 6: 15). При любой атрибуции (не исключены и варианты, их сочетающие) для датировки днища из Западни наиболее приемлема гуннская эпоха (о датах упомянутых аналогий см. [Гавритухин, 1999]).

Обломок другого днища из Войтенок (рис. 6: 12) на основе морфологических признаков не достаточно выразителен для чёткого типологического определения и сужения даты в рамках IV–V вв. Качественное бесцветное стекло, как и у рассматриваемого днища, имеют на этом же памятнике фрагменты другого днища и более тонких стенок с прошлифованными медальонами, определённые как иранские (см. выше). Вполне может быть, что все эти стенки и днища связаны с сосудами одного поступления, тем более, что выделенное врезной линией дно вполне обычно и для иранских сосудов (например, рис. 5: 1 и многие др.).

Сосуды с массивными стенками, украшенные близко поставленными глубоко вышлифованными овалами. На Днепровском Левобережье представлены как фрагментами днищ, так и стенок.

1. Фески, сборы 1981 г. на поселении черняховской культуры (рис. 7: 20). Чуть прогнутое днище диаметром около 25 мм с покатыми толстыми (до 15 мм) стенками зелёно-оливкового прозрачного стекла, украшенными рядами не плотно поставленных глубоко вышлифованных кругов.

2. Западня, отдельная находка на памятнике черняховской культуры (рис. 7: 15). Днище диаметром около 25 мм с покатыми толстыми (до 15 мм) стенками зелёно-оливкового прозрачного стекла хорошего качества, украшенными глубоко вышлифованными кругами или овалами.

3. Огульцы, отдельная находка на памятнике черняховской культуры (рис. 7: 14). Покатая толстая (до 10 мм и, вероятно, более) нижняя часть стенки светлого прозрачного зелёно-оливкового стекла, украшенная глубоко вышлифованными овалами или кругами.

4. Тимченки, сборы 1985 г. на поселении черняховской культуры (рис. 7: 12). Покатая толстая (до 10 мм и, вероятно, более) нижняя часть стенки прозрачного зелёного («хвойного» цвета) стекла, украшенная плотно поставленными не примыкающими друг к другу рядами глубоко вышлифованных овалов.

5. Хлопков, слой черняховского поселения (рис. 7: 6). Стенка, судя по всему, толстостенного стекла, украшенная не примыкающими друг к другу кругами или овалами.

По стилистике оформления перечисленные образцы принадлежат весьма широкому кругу сосудов, относящихся к разным типам. Многочисленные сравнительно толстостенные сосуды с прошлифованными овалами, отнесённые Е. Штрауме к типу IB, как правило, имеют стенки, всё же заметно более тонкие, чем рассматриваемые здесь, а наиболее толстостенные (рис. 7: 1–2, 9–10) явно отличаются формой. Кубок из Черняхова (рис. 7: 16) принадлежит тому же кругу сосудов типа IB, хотя в наибольшей степени напоминает рассматриваемые вещи. Весьма толстые стенки имеет сосуд из Главан (рис. 7: 13), но он отличается от рассматриваемых, как минимум, типом орнаментации. Покатые в придонной части толстые стенки, украшенные глубокими врезными овалами, известны на Нижнем Дунае и Боспоре (рис. 7: 17, 21). Правда, на фоне типов, обычных на этих территориях, они единичны и выглядят чуждыми, а их наличие объясняют ссылкой на сосуды с прошлифованными овалами, известными в черняховской культуре, что, как мы видели, не совсем точно. Возможно, этому кругу принадлежат фрагменты стенок сосудов с черняховских поселений Ясы–Николина и Комаров (рис. 7: 11, 8) из Пруто-Днестровской зоны. Там же известен и яйцевидный сосуд, украшенный глубокими шлифованными овалами (рис. 7: 7). Правда, ни его контекст, ни аналоги форме в рассматриваемых культурах не известны. Ближайшие параллели интересующим нас сосудам с Днепровского Левобережья можно указать в расположенном на левом берегу Днепра, но в пределах его долины, могильнике Компанийцы (рис. 7: 3–5, 18–19).

Наиболее ранний образец толстостенных сосудов, украшенных глубоко прошлифованными овалами, встреченный у варваров – это чаша из погр. 2 в Закшуве (рис. 7: 22). Кроме отсутствия аналогов в этот период (C2 по центральноевропейской шкале) она выделяется красным оттенком стекла. Наиболее толстые сосуды типа IB, отнесённые Е. Штрауме к варианту 3 (как рис. 7: 2), не найдены в датированных комплексах. Комплексы ряда находок (рис. 7: 1, 10) не опубликованы. В отношении низкого кубка из Оселивки (рис. 7: 9) Г.Ф. Никитина предлагает датировку 1-ой половиной IV в., основываясь на типологических построениях Г. Рау [Никитина, 1995, с. 77–80]. Однако общая типологическая линия, предложенная немецким учёным (низкие кубки/чаши – цилиндрические кубки/стаканы – конические кубки) слишком схематична и в ряде случаев даёт явные сбои. Это касается и предложенной им даты для сопоставимого с оселивским кубка из погр. 160 в Черняхове («около 2-й четверти IV в.»), в то время, как он датируется не ранее 2-й половины IV в. по двупластинчатым фибулами и ближайшим аналогиям [Гороховский, 1988а, с. 44; Gavritukhin, 2002, p. 119–120]. Кубок же из Оселивки попал в землю не позднее 370/380 гг., учитывая, что на этом практически полностью раскопанном могильнике, как справедливо заметила автор раскопок, нет никаких индикаторов гуннского времени [Никитина, 1995]. Но

едва ли этот кубок датируется существенно раньше середины IV в., учитывая, что толстостенные стеклянные сосуды для питья получают распространение не ранее фазы С3 и весьма популярны позднее (типы II, III, VI–IX по [Straume, 1987]).

Сосуд из Карасуры (рис. 7: 17) можно датировать лишь в общих хронологических рамках памятника (2-ая половина IV – VI в.), скорее, как считает и автор публикации, ранней частью этого хронологического отрезка [Gomolka-Fuchs, 1992]. Керченская находка (рис. 7: 21) отнесена Н.П. Сорокиной к позднеантичному слою, из которого происходят и многочисленные обломки сосудов с налепами синего стекла гуннского времени (см. о них выше). Фрагмент из Николины (рис. 7: 11) на основе керамики отнесён к раннему горизонту памятника, который сменяется горизонтом с кубками типа Хёгом, что наряду с прогнутой подвязной фибулой 3-го варианта по А.К. Амброзу подразумевает дату в рамках фазы С3, но, в принципе, не исключает и раннегуннское время [Гавритухин, 1999, с. 51]. Комплексы из Компаний-цев со стеклом рассматриваемого круга (рис. 7: 3–5, 18, 19) не выразительны для узкой датировки.

Таким образом, рассмотренные сосуды с Днепровского Левобережья принадлежат сравнительно малочисленным сериям, источник поступления которых неясен. Они датируются поздними фазами черняховской культуры, но для того, чтобы ограничить эту дату только гуннским временем, материала явно недостаточно.

Стенки толстостенных сосудов, украшенных прошлифованными примыкающими друг к другу шестиугольниками («сотами»). Толстостенные сосуды с прошлифованными шестиугольниками недавно рассматривались в специальной работе [Гавритухин, 1999]. Такие сосуды на Днепровском Левобережье представлены только фрагментами, что затрудняет их атрибуцию для точного анализа направлений культурных связей. В то же время, практически все типы толстостенных сосудов, украшенные таким образом, не известны в достоверных комплексах догуннского времени, что позволяет использовать рассматриваемые находки в качестве хронологического индикатора гуннской эпохи. Приводимые ниже суждения основаны на результатах, опубликованных в упомянутой статье 1999 г., внесены лишь небольшие коррективы в типологические определения сосудов из Червоного Яра и Головчино, не влияющие на их хронологическую оценку.

Находки из Дубины и Сосновы (рис. 8: 3–5) могли принадлежать кубкам варианта Хёгом А серии Горошевцы, серии Лунде, варианту Тыргшор серии Луги или близким им, что, в принципе, соответствует типу VIIA по классификации Е. Штрауме (рис. 8: I, III, IV, IX, V). Осколок из Сосновы найден в заполнении постройки 1. Наряду с мелкими фрагментами черняховской керамики из неё происходит набор сосудов пеньковской культуры. Пеньковский горизонт в Соснове, судя по раскопанному участку, довольно поздний, на что указывает наличие фрагментов гончарного кувшина круга Канцирки, украшение из прессованных полусфер, печь в постройке [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 115, 123, 53 – признак 8]. Соответственно, кубок со шлифованными шестиугольниками логичнее связывать со слоем финала черняховского горизонта, так же, как обломок чаши с синими налепами (см. о нём выше).

Венчик из Червоного Яра (рис. 8: 1) ближе всего сосудам, украшенным прошлифованными крупными шестиугольниками или смыкающимися овалами, верхний контур которых имеет вид ряда, состоящего из дуг. Таковы кубки серий Сетвердт, Хебнес и близкие им (рис. 8: VIII, XI, X). Правда, в публикации у интересующего нас венчика не показаны маленькие горизонтально вытянутые овалы, столь характерные для упомянутых аналогий. Возможно, этот элемент не был отмечен при прорисовке (фрагмент из Червоного Яра невелик и «горизонтальный овал» мог попасть туда лишь очень маленьким краем, на который не было обращено внимание). Не исключено, конечно, что в данном случае пояса из вытянутых по горизонтали овалов и не было, как у сосудов других серий (рис. 7: 2, 5, 9–10, 16, 22 и т.п.). Тем не менее, все доступные образцы без «горизонтальных овалов» имеют шлифованые овалы заметно меньших размеров, чем тот, что на венчике из Червоного Яра. Крупные овалы представляются более существенным признаком, чем дополнительный элемент орнаментации, что и заставляет считать ближайшими упомянутые вначале аналогии. Можно указать пример отсутствия горизонтально вытянутых овалов на одном коническом кубке с сотовой орнаментацией [Гавритухин, 1999, рис. 2: 37] при том, что на остальных сосудах этого типа такие овалы присутствуют.

Размер «сот» на фрагментах из Западни и Хохлово (рис. 8: 2, 6–7) не мал, что позволяет соотносить эти образцы с сосудами только что рассмотренного круга и некоторыми другими, но близкими им, сериями (рис. 8: VII–XI).

Фибулы

Двупластинчатые фибулы I подгруппы. Этой группе находок недавно было посвящено специальное исследование, представленное на конференции в Ниредьхазе в 1999 г. [Gavritukhin, 2002]. Новые материалы и разработки позволяют уточнить ряд деталей, кроме того, для целей данной работы будет полезно изложить резюме того исследования, расширенное и дополненное именно применительно к территории Днепровского Левобережья. За исключением новых материалов, данные об упоминаемых ниже находках и основания для ряда приводимых ниже суждений см. в названной публикации.

Анализ двупластинчатых фибул I подгруппы позволил выделить несколько блоков серий, каждая из которых имеет свой ареал и особенности развития. Фибулы Днепровского Левобережья представлены

несколькими сериями двупружинных фибул с расширенной ножкой и однопружинными с верхней тетивой (серия Боромля – Журавка). Все они относятся к Днепровско-Карпатскому блоку серий.

Двупружинные фибулы с расширенной ножкой представлены серией Гавриловка (как рис. 9: 7–8, 19, 22; 9: а), характеризующейся В-образной стойкой для крепления оси пружины, другой серией (назовём её «Пражень – Успенка») – с прямоугольной стойкой (как рис. 9: 1–2, 12–13, 21, 23; 9: б), образцами, имеющими редкие типы стоек, кроме того, рядом застежек, данные о конструкции которых остались недоступны или неопределимы из-за утрат. Значительное число фибул, не относящихся к названным сериям, и явные стилистические переклички фибул с широкой ножкой, при разной форме стоек для осей пружин, заставляют до существенного изменения базы источников в данном случае рассматривать их вместе, без более дробного подразделения.

Наибольшее число реперов для датировки имеют поздние модификации. Фибула из погр. 1957 г. из Уфы (рис. 9: 5) синхронизируется с центральноевропейской фазой D2 по второй фибуле (круга Синявки, Качина и т.п.) из этого комплекса (380/400–440/450 гг. по [Tejral, 1997a]). Покупка в Кумбулте (рис. 9: 4) относится ко времени не ранее V в., исходя из техники изготовления (расклёпанные пластины, припаянный механизм) и учитывая, что все, даже более архаичные, двупластинчатые фибулы на Северном Кавказе не известны в комплексах ранее тех, что синхронизируются с центральноевропейской фазой D2. Ту же дату имеет фибула из Ротебуде (рис. 9: 6), судя по составу находок на могильнике. Дату фибулы из тайника керченского склепа 145/1904 (рис. 9: 7) кроме сопутствующих вещей фазы D2 определяет монета Валентиниана (375–392 гг.).

К образцам гуннской эпохи по стилистическим соответствиям относятся фибулы из Успенки (рис. 9: 1–2) из-за крупных размеров, сочетания короткой дужки и длинной ножки, Клужа и Мишкольца (рис. 9: 11, 15) из-за крупных размеров, Сум-Сада (рис. 9: 9) из-за массивной короткой полой дужки, Успенки (рис. 9: 3) из-за расширения ножки ближе к дужке (о хронологическом значении этих признаков см. [Gavritukhin, 2002]).

Наиболее архаичные фибулы этого круга (т.е. самые близкие кругу прототипов двупластинчатых фибул) представлены образцами вариации Гавриловка – Черняхов (рис. 9: 18–19, 22), датированными около 2-ой половины IV в. по кубку из погр. 160 в Черняхове [Gavritukhin, 2002, p. 119–120]. По признакам, значимым для датировки, им близка фибула из Пражень (рис. 9: 23), если верить публикации – полуфабрикат. Вероятно, тому же горизонту принадлежит находка из Васильковского или Каневского уезда (рис. 9: 20, её конструкция не ясна, не исключено, что она – однопружинная).

Весьма представительный горизонт рассматриваемых фибул составляют образцы с расширенной ромбической ножкой. Экземпляр из погр. 88 в Гавриловке (рис. 9: 8) занимает промежуточное место в типологическом ряду между находкой из погр. 28 того же могильника и экземплярами, близкими находкам из Керчи и Ротебуде (рис. 9: 6, 7, 22). Наличие у пряжки из погр. 88 в Гавриловке язычка, сделанного из спинки фибулы, близкой прогнутым подвязным 3-го варианта по А.К. Амброзу (появились не ранее горизонта, синхронизируемого с центральноевропейской фазой С3), а так же ножка фибулы, на которой прослеживается тенденция к сдвижению расширения ближе к дужке, свидетельствуют в пользу поздней даты этого экземпляра, скорее всего, приходящейся на гуннский период. Ту же дату можно предположить и для близких по основным признакам к рассмотренной фибуле находкам из Корзу и Миоркань (рис. 9: 10, 17). Датировка фибул с ромбической, но не столь широкой, ножкой (рис. 9: 12, 16, 21) ещё более гадательна, они вполне могут отражать локальные формы, синхронные вариации Черняхов – Гавриловка (ср. ниже о схожих по облику вариациях фибул серии Боромля – Журавка).

Однопружинные фибулы с верхней тетивой (серия Боромля – Журовка) имеют несколько модификаций стойки для оси приёмника. Она может быть **1)** сравнительно не длинной, скруглённой (рис. 10: 7, 9, 12, 18–20), **2)** вытянутой прямоугольной (рис. 10: 1, 2–4, 11, 15–16), **3)** других или не ясных модификаций. Эти модификации не рассматривались в публикации 2002 г., поскольку их выделение стало возможным на основе материалов, ставших мне доступными в последние годы.

Особый интерес к этой серии связан с тем, что она непосредственно связана с кругом массовых прототипов двупластинчатых фибул. К таковым относятся находки из Неслухова и Огульцов (рис. 10: 19, 20) со стойкой модификации 1. Архаичный блок вариантов Боромля – Компанийцы (рис. 10: 14–18), датированный ок. 330/340–370/380 гг. [Gavritukhin, 2002, p. 119], даёт весь спектр модификаций и концентрацию находок в Поднепровье или восточнее, что и позволяет рассматривать серию как явно локальную.

Финал этой серии относится к гуннскому времени как на основе морфологических особенностей ряда находок, так и по неоднократному сочетанию со стеклянными сосудами с синими налепами (рис. 10: 1, 6). Гуннским временем датируется своеобразный образец из Неслухова (рис. 10: 10), учитывая сочетание короткой дужки и длинной ножки и, возможно, из Гочево-4 (рис. 10: 9), близкий двупружинным фибулам, как в погр. 88 из Гавриловки (рис. 9: 8; см. выше). К этой же эпохе относится и экземпляр из Халапа (рис. 10: 7), судя по тому, что черняховские элементы в культуре Потисья не известны ранее продвижения готов и связанных с ними группировок, спасающихся от гуннов, на запад; правда, нельзя исключить, что эта вещь была сделана ещё до бегства.

Довольно представительный массив фибул серии Боромля – Журавка (рис. 10: 3–5, 8, 11–13) не имеет привязок к комплексам, и должен датироваться около 2-ой половины IV в. как занимающий промежуточное место в ряду между блоком вариантов Боромля – Компанийцы и типологически более поздними.

Попробуем суммировать представленные наблюдения в общую картину эволюции фибул рассмотренных серий.

Новые находки подтвердили, что Днепровское Левобережье входило в зону формирования двупластинчатых фибул (ок. 310–350 гг.). Кроме приведённого образца с Харьковщины (рис. 10: 20), явно связанного с формированием серии Боромля – Журавка, следует отметить изделие с поселения Боромля (рис. 13: 38) и ряд находок из Харьковской обл., известных по сборам местных коллекционеров. Эти вещи часто имеют простейшую полукруглую стойку для оси пружины, так что их связь с местными двупластинчатыми фибулами не однозначна, хотя и показывают среду их формирования. Образец из Неслухова (рис. 10: 19) свидетельствует о продолжении контактов населения Днепровского Левобережья с северо-западом нынешней Украины, отмеченных рядом исследователей уже для эпохи формирования черняховской культуры [Некрасова, 1990а, с. 151; Обломский, 2002, с. 53–54]. Следующий горизонт (около 330/340–370/380 гг.) представлен архаичными формами серии Боромля – Журавка. Причём модификация 1, известная на востоке Днепровского Левобережья (рис. 10: 14, 18) явно связана с отмеченными выше местными прототипами. Другие находки фибул этого горизонта представлены модификацией 2 и переходной модификацией как в Среднем Поднепровье, так и восточнее. На фибулах этого горизонта тенденция к расширению ножки, спорадически известная и ранее (рис. 10: 19) и ставшая столь характерной для фибул Днепровского-Карпатского блока серий, становится вполне очевидной.

Расцвет использования двупластинчатых фибул приходится на 2-ую половину IV в. В это время продолжают развиваться локальные варианты, наследующие местные традиции (например, 10: 3–5, 8). Для этого горизонта показательны активные контакты населения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с Поднестровьем и Восточным Прикарпатьем, причём речь идёт не только о переносе образцов, но и о взаимном влиянии элементов локальных серий друг на друга (рис. 9: 17, 23; 10: 11, 13; подробнее см. [Gavritukhin, 2002]). Очевидны и контакты Среднего Поднепровья с Крымом (рис. 9: 21). Вероятно, с этими процессами связано и распространение на востоке черняховского ареала двупружинных конструкций, на юго-западе известных ещё у архаичных форм ряда серий [Gavritukhin, 2002].

В гуннское время продолжается эволюция местных серий в Поднепровье (например, рис. 9: 8; 10: 2, 1). Сохраняются связи Поднепровья и прилегающих частей Левобережья с более западными районами, что отражено и в новых тенденциях развития фибул, например, в увеличении размеров, распространении коротких (в том числе – полых массивных) дужек (рис. 9: 1–2, 9). Образуются и новые конфигурации связей, вызванные как миграциями за пределы черняховского ареала, так и включением элементов культуры восточногерманского круга в формирующийся интернациональный костюм. С каким конкретно регионом черняховской культуры связано появление фибул в античной Медиане и Мишкольце (рис. 9: 14, 15) сказать трудно, поскольку ряд показательных характеристик этих вещей не ясны. Образцы из Неслухова и Халапа (рис. 10: 7, 10) имеют полукруглое сечение дужки, не характерное для Днепровского Левобережья, зато обычное на юго-западе черняховской культуры [Gavritukhin, 2002], в то же время, вытянутая пластина у пружины фибулы показательна для днепровских серий. Так что упомянутые образцы хотя и связаны с днепровской стилистикой, но опосредовано. Фибула из Керчи (рис. 9: 7) вписывается в контекст отмеченных выше днепровско-крымских связей. Фибула из Ротебуде (рис. 9: 6), судя по очертаниям, явно связана с днепровскими формами, но какими – судить трудно, поскольку по публикации не ясен её пружинный механизм. Наконец, «восточные» находки есть все основания связывать с образцами из северной части Днепровского Левобержья, сложившимися под юго-западным влиянием: фибуле из Уфы ближе всего экземпляр из Сум (рис. 9: 5, 9), кумбултинской – из Успенки (рис. 9: 1-4).

«Новые веяния» в развитии двупластинчатых фибул (например, вытянутая узкая ножка, увеличение размеров) практически не отразились на фибулах востока Днепровского Левобережья. В то же время, судя по находкам стеклянных сосудов (см. выше: полихромные сосуды, формы с медальонами, со шлифованными «сотами»), население здесь продолжало существовать. Эту картину можно объяснить недостатком источников (что маловероятно, учитывая, что выборка двупластинчатых фибул здесь не меньше, чем в других регионах) или консерватизмом, изолированностью развития местных стилей. В пользу последнего утверждения свидетельствует и то, что большинство стеклянных изделий V в. с Харьковщины не имеет аналогов в других зонах черняховской культуры.

Фибулы с «ромбической» ножкой и коротким сплошным приёмником. Эта группа фибул весьма обширна, а её полное систематическое исследование далеко выходит за рамки данной работы (см. [Амброз, 1966; Schulze, 1977], ряд работ, посвящённых отдельным аспектам их изучения или публикации новых находок: [Гороховский, 1988а; Luik, Schach-Dörges, 1993; там др. литература]). Отличие «эльбского» блока серий от серий, связанных с поздними линиями черняховской традиции, видно, прежде всего, по форме ножки. На западе, начиная с периода формирования рассматриваемой группы до её позд-

них серий, сохраняется относительно узкая ножка, расширенная близко к концу (ножка модификации G/g, типы 164–166, 176–178 по [Schulze, 1977], а так же тип Слижаны по [Schulze-Dörrlamm, 1986]). Кроме указанных типов, имеющих вертикальную стойку для крепления оси пружины, на западе бытуют и серии, схожие по облику и в ряде случаев явно стилистически связанные с отмеченными типами, но имеющие другую конструктивную схему или особенности формы (в рамках блока типов 164–213 по [Schulze, 1977]). К сериям, связанным с черняховской традицией, М. Шульце справедливо отнесла фибулы с вертикальной стойкой для оси пружины в сочетании с относительно широкой или расширенной ближе к середине ножкой (ножка модификаций H/h и J: типы 204, 205, 207 по [Schulze, 1977], а так же тип Киев по [Schulze-Dörrlamm, 1986]). Именно о них и пойдёт речь.

Рассматриваемые фибулы позднечерняховского круга представлены рядом серий.

Серия Киев – Тайманово (рис. 11: 4–9, 17–20, 29) отличается нефасетированной сравнительно узкой дужкой треугольного, иногда пятиугольного или близкого сечения. Наиболее типологически поздние вариации (рис. 11: 4–9) отличает сравнительно узкая вытянутая ножка, расширенная ближе к дужке; ширина дужки, как правило, меньше высоты её сечения. По стилистическим соответствиям с двупластинчатыми такие фибулы датируются не ранее V в. [Амброз, 1966, о двупластинчатых фибулах; Schulze-Dörrlamm, 1986, о типе Киев]. Датировке не противоречит и единственный комплекс – погр. 1937 г. из Киева с однослойным гребнем-подвеской, характерным для финала черняховской культуры [Шишкин, 2002]. Архаичнее выглядят вариации с более уплощённой спинкой и широкой ножкой (рис. 11: 17–20). Но и здесь расширение ножки ближе к дужке указывает на датировку гуннским временем, что подтверждается единственным комплексом – из Берёзовского склепа 3 с вещами фазы D2 (рис. 11: 20; раскопки А.П. Рунича; фонды Кисловодского краеведческого музея; готовится к публикации С.Н. Савенко, которому мы благодарны за помощь в работе с материалом). Наиболее типологически поздний, судя по всему, вариант Букрин (рис. 11: 4–6). Наиболее архаичен образец из Тростянца (рис. 11: 29), поскольку комплекс не известен, в принципе, нельзя исключать его чуть более раннюю дату.

Блок вариантов Одобеску – Градижск (рис. 11: 27–28, 35–38) отличается от только что описанной серии наличием фасеток на спинке. Судя по облику, некоторые её вариации частично синхронны серии Киев – Тайманово. Один из наиболее архаичных образцов из погр. 17 могильника у пос. А. Одобеску (рис. 11: 36) встречен с трёхслойным гребнем, имеющим трапециевидную форму спинки, характерную для комплексов фазы 3 по Е.Л. Гороховскому, что указывает на формирование серии в догуннское время.

Днепровско-Прикарпатский блок серий отличается уплощённой спинкой. Находка из слоя могильника Опатув (рис. 11: 2) датируется гуннским временем по пропорциям ножки, имеющей аналогии в североевропейских материалах V в. (например, рис. 11: 1). Серия Лазо (рис. 11: 10–11) отличается широкой плоской спинкой с узкими фасетками или нефасетированной и расширенной ближе к дужке ножкой, что также указывает на её датировку гуннским временем (см. аналогии выше). Не столь отчётливую, но всё же очевидную тенденцию смещения расширения ножки ближе к дужке можно проследить на ряде других вариаций фибул рассматриваемого круга (рис. 11: 13–16, 23–26). Основные реперы свидетельствуют, что это явление характерно для гуннского времени (см. выше), однако точно датировать начало процесса мы не можем, что и заставляет допускать возможность чуть более ранней датировки некоторых образцов. Вариации с особенно широкой ножкой (рис. 11: 12, 21, 22) не могут датироваться по комплексам, но, судя по ножкам таких очертаний у двупластинчатых фибул (см. выше), они принадлежат локальным днепровским модификациям гуннской эпохи или чуть более раннего времени. Наиболее архаичные, судя по очертаниям ножки, образцы (рис. 11: 30–34) можно датировать по стилистическому сходству их дужек с черняховскими прогнутыми подвязными фибулами. Эти аналоги принадлежат в подавляющем большинстве 3-му варианту, что и позволяет рассматривать эпоху, синхронную центральноевропейской фазе C3 (с 320/330 гг. по Я. Тейралу), как время формирования рассматриваемого блока серий.

Ряд находок в ареале черняховской культуры формально близок «эльбскому» блоку серий (рис. 11: 39–48). Многие детали этих вещей явно близки обычным черняховским фибулам, что указывает на возможность их местного производства (чтобы достоверно отделить стилистические влияния или просто конвергентные формы от импорта, требуется специальная работа, для данного исследования не имеющая принципиального значения). Судя по всему, этот круг изделий отражает среду, в которой сформировались истоки рассмотренных выше серий. Образцов, явно соотносимых с вариациями гуннского времени, среди них нет.

Таким образом, формирование черняховских фибул с ромбической ножкой связано с кругом аналогий «эльбским» сериям (оформляются не позднее 2-й половины III в., см. [Schulze, 1977; Luik, Schach-Dörges, 1993]), концентрация таких находок приходится на юг Среднего Поднепровья (Градижск, Лески). Днепровско-Прикарпатский блок серий имеет не только стилистические соответствия, но и схожий ареал с рассмотренными выше сериями двупластинчатых фибул. Можно отметить довольно близкие вариации, связывающие крайний восток и юго-запад черняховской культуры (например, рис. 11: 31, 32), локальные днепровские (рис. 11: 12, 21–22) или восточнокарпатские (рис. 11: 10–11) вариации. Правда,

в отличие от двупластинчатых фибул, рассматриваемый блок серий имеет явное «ядро» концентрации на Среднем Днепре, в районе Градижска. С этим «ядром» связано и большинство находок серии Одобеску – Градижск. Серия же Киев – Тайманово отражает датируемую гуннским временем устойчивую связь населения северной зоны черняховской культуры Среднего Поднепровья и группировок киевской культуры от юго-востока Белоруссии до Среднего Сейма.

Двучленные прогнутые подвязные и воинские фибулы. У прогнутых фибул «черняховской» и некоторых других традиций к признаком гуннской эпохи относятся заметно более крупные, чем обычно, размеры (рис. 12: 12–13, как у варианта 4 подвязных по [Амброз, 1966, с. 66]; о разрешении сомнений А.К. Амброза в вопросе о датировке – см. [Гавритухин, 1999, с. 51; 2000, с. 274–275]). К тенденциям развития, отличающим стандартные вариации фибул, показательных для периода, синхронизируемого с центральноевропейской фазой С3, Е.Л. Гороховский относит и тенденцию увеличения длины уже до 5–7 см [Гороховский, 1988б]. Очевидно, что этот признак «работает» лишь с учётом локального контекста и других особенностей этих вещей. Например, к сравнительно типологически поздним на Днепровском Левобережье можно отнести фибулы длиной около 6 см с длинными обильно орнаментированными площадками (как на рис. 13: 5–6). Правда, использование этого и других сочетаний признаков в качестве индикатора именно гуннского времени требует специальных исследований и дополнительных материалов.

К типологически поздним двучленным прогнутым фибулам относятся образцы с особенно широкой (до 10 мм) спинкой (рис. 13: 3–4, 8–9), на которые обратил внимание Е.Л. Гороховский [Гороховский, 1988б]. Некоторые из них встречены с пряжками, характерными для гуннского времени (рис. 13: 2–4; см. ниже). Хотя очевидно, что рассматриваемые фибулы связаны со стилями, показательными для финала черняховской культуры, датировка их только гуннским временем пока не представляется достаточно обоснованной.

Пряжки, гребни, подвески, другие находки

Среди пряжек к вещам, датируемым не ранее, чем гуннским временем, общепризнано принадлежат образцы с длинным «хоботковидным» язычком (рис. 12: 4, индикатор фазы D2 по Я. Тейралу, встречающийся и позднее) или крупные изделия с массивным язычком подтреугольного сечения (рис. 12: 6, 7; в позднеримское время неизвестны, но обычны позднее). «Калачевидные» пряжки появились в черняховской культуре до эпохи миграций на запад, но среди них можно указать образцы с особенно массивными язычками (рис. 12: 16). Типологически эти вещи явно относятся к наиболее поздним. Показательно и то, что такие язычки не встречаются на калачевидных пряжках, распространившихся на западе (ср. [Tejral, 1997a, Abb. 9: 1–6, S. 330; там литература]), таким образом, вероятно, что пряжки с массивными язычками начали изготавливаться после миграционной волны 370-х – 380-х гг. Сказанное заставляет признать правомерность интерпретации таких вещей Е.Л. Гороховским как индикаторов гуннского времени [Гороховский, 1988б]. К самому финалу черняховской культуры, судя по комплексам – к гуннскому времени, относятся небольшие округлые пряжки с равномерно расширенной или, иногда, слегка утолщенной спереди рамкой (рис. 12: 5, 59) [Гороховский, 1988а, группа 3, с. 42, 45; Гавритухин, 2000]. К показателям поздней датировки следует, судя по доступным материалам, отнести и пряжки, имеющие длинный язычок, охватывающий рамку на всю ее высоту (рис. 12: 19–22; 13: 2; 14: 6; см. [Гавритухин, 1999, с. 51; 2000, с. 275]). К чертам, не обычным для пряжек черняховской традиции, но не редким на находках эпохи переселения народов, можно отнести расположение крючка, соединяющего язычок с рамкой, ниже, даже чуть впереди тыльного среза язычка (рис. 12: 6, 25).

Скрупулёзный анализ черняховских гребней подготовлен Р. Г. Шишкиным, правда результаты опубликованы пока лишь тезисно [Шишкин, 1999; 2002]. Из разобранных им поздних модификаций типа III по С. Томас на Днепровском Левобережье представлены однослойные изделия (рис. 12: 29) и трехслойные, имеющие горизонтальные вырезы (рис. 12: 57). Они известны в комплексах эпохи Великого переселения народов и не встречены в несомненно «догунских».

Из находок на Днепровском Левобережье привлекают внимание и подвески-лунницы [Tempelmann-Mączyńska, 1986; Каргопольцев, Бажан, 1993; там литература]. По очертаниям находка из Сосновы (рис. 12: 53) наиболее близка золотым, покрытым альмандинами, подвескам из погр. 14 в Мюльхаузене, датируемым ступенью II по Б. Шмидту (ок. 480–525 гг.). Гладкие трехрогие лунницы, известные в черняховской и испытавших ее влияние культурах (рис. 15: 25; 16: 59), в целом, несколько другие, хотя и имеют ряд близких черт; отметим, что узко датируемые комплексы, где они найдены, относятся к эпохе расцвета черняховской культуры (около центральноевропейского С3) или к гуннскому времени. Среди черняховских находок луннице из Сосновы ближе всего образец из погр. 5 на могильнике Косаново [Кравченко, 1967, с. 86]. Этот комплекс датируется около середины IV в. или несколько позже (по Е.Л. Гороховскому это период 3 его системы – в рамках 325–375 гг.) на основании калачевидной пряжки с не очень массивным, слегка выступающим за рамку язычком. По периодизации О.В. Шарова, как и И.А. Бажана – О.А. Гей комплекс относится к финалу существования могильника: 350–375 гг. по О.В. Шарову и поздняя часть в рамках

350/355–400/410 по И.А. Бажану – О.А. Гей [Шаров, 1992; Гей, Бажан, 1997]). Для нашей темы важно, что в Соснове погр. 468, где найдена рассматриваемая лунница, перекрыто погр. 467 и 427, что можно рассматривать как еще одно свидетельство функционирования некрополя в гуннское время.

На поселении Воскресенское-1, где во время раскопок выявлены слои черняховского и древнерусского периодов [Жаров, Жарова, Терпиловський, 2004, с. 125–126], в заполнении древнерусской постройки 3 обнаружен железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы типа 1 подтипа А по И.П. Засецкой [Засецкая, 1994, с. 37] – типичный передмет вооружения гуннской эпохи (сообщение Р.В. Терпиловского)[6].

К анализу планиграфии могильника Боромля-1

Среди раскопанных сравнительно широкой площадью могильников черняховской культуры на Днепровском Левобережье (табл. 2) пока опубликован лишь некрополь в Боромле (рис. 13). Довольно выразительны здесь комплексы, маркирующие время начала использования его исследованной части. Их характеризуют неширокие небольшие бронзовые двучленные прогнутые подвязные фибулы 3-го варианта по А.К. Амброзу, гребни с треугольной спинкой, ранние варианты двупластинчатых фибул и калачевидных пряжек (рис. 13: e, m, o, 17–20, 36–37). Они концентрируются в центральной и южной частях памятника, а синхронизируются с центральноевропейской фазой С3 (рис. 13: группы погр. 33–13–4 и 46–44). Их окружают комплексы с гребнями типа III по С. Томас, более широкими или длинными двучленными прогнутыми фибулами (рис. 13: g, n; погр. 39, 2–7–24). Они могут принадлежать как финалу эпохи до начала готских миграций на Дунай, так и быть синхронными их ранним этапам. Погр. 30 с вытянутой железной пряжкой можно отнести как к ранним, так и более поздним комплексам (рис. 13: j, 35).

Между центральной и южной группой или в стороне от них расположены зона с преобладанием безынвентарных погребений западной и северо-западной ориентировки, в т.ч. скорченных на боку, и область разрушенных погребений; из металлических украшений в этих комплексах встречены лишь железные фибулы, сохранившиеся в обломках (рис. 13: d, f). Судя по позиции на могильнике, эти погребения частично синхронны сравнительно поздним комплексам и, вероятно, несколько позднее их. Безынвентарные могилы с западной ориентировкой на черняховских могильниках обычно относятся к поздним фазам, при этом понятно, что узко датировать их нет возможности.

Наиболее поздней датирующей вещью в Боромле является пряжка с язычком, огибающим рамку, что характерно для гуннского времени, найденная в погр. 45 вместе с широкими фибулами (рис. 13: k, i, 2–4). К поздним индикаторам относятся кувшин с гранёным туловом и крупные фибулы с длинными богато украшенными площадками, показательные в западных группах черняховской культуры для комплексов гуннского времени (рис. 13: l, h, 5–6). Погребения с этими индикаторами расположены или на самом краю некрополя (погр. 45, 38), или в гуще зоны (на стыке микрозон-скоплений?) безынвентарных погребений (погр. 11).

Эта картина может иметь два варианта интерпретации. Первый – считать поздние материалы из Боромли и схожие из других памятников Левобережья непосредственно предшествующими готской миграции 376–377 гг., а их соответствия в комплексах гуннского времени на Дунае объяснять движением части остроготов на запад (например, в составе группы Алатея и Сафрака; ср. [Магомедов, 1997б; 1999; 2001, с. 43, 59, 143–144]). Второй – считать небольшое число хронологических индикаторов гуннского времени (в Боромле их меньше, чем на некоторых других памятниках Левобережья, см. табл. 1) показателем сравнительной изоляции местного населения после поражения от гуннов и в обстановке экспансии «деснинских» племён киевской культуры на юго-восток.

Строго говоря, типологические и хронологические разработки не исключают оба варианта, но второй нам кажется предпочтительнее. Во-первых, аналогии «левобережным» вещам, приведённые Б.В. Магомедовым, на западе весьма многочисленны и распространены на огромной территории от Нижнего Дуная до Среднего Поднестровья. Трудно представить, чтобы они отражали кратковременный эпизод движения группы Алатея и Сафрака, судя по всему, практически не затронувший везиготов к северу от Дуная. Связи же левобережных групп черняховского населения с Поднестровьем были ко 2-ой

[6] Серия новых находок происходит из сборов краеведа А.А. Катунина на поселениях верховьев р. Прутище (правый приток Сейма в его верхнем течении). К гуннскому времени достоверно относятся черешковые наконечники стрел с тремя лопастями ромбической формы (Николаевка-А и В, Болованово), калачевидная пряжка с хоботовидным язычком и такие же язычки, но без рам (Николаевка-А и В, Болованово), обломок зеркала типа Березовка-Карнунтум (Николаевка-А), бронзовая фибула со сплошным приемником и ромбической ножкой (рис. 11: 8, Николаевка-В), железная прогнутая подвязная фибула с кольцом для крепления оси пружины и широким корпусом (Мармыжи-1). Кроме того, на поселении Николаевка-А найден медный тетрасарий, по всей видимости, императора Аркадия (383–408 гг.), а в Мармыжах-1 – медная монета Феодосия I (379–395 гг.). Памятники эти составляют единый территориальный сгусток и близки по ландшафтному расположению. Все они занимают края обводненных балок. На всех поселениях собрана как гончарная черняховская, так и груболепная керамика с шамотом в тесте, близкая к киевской. Обломки гончарных сосудов преобладают в Николаевке-А (84%) и Николаевке-В (57%), на селище Мармыжи их - около 50%, на прочих памятниках (Николаевка-Б и Болованово) ее, соответственно, 11% и около 4,5% [Веретюшкин, Обломский, Радюш, 2005]. Памятники в верховьях р. Прутище нуждаются в раскопках, но даже по сборам подъемного материала видно, что среди них есть черняховские, причем очень поздние.

половине IV в. давними и традиционными. Во-вторых, облик поздних комплексов из Боромли вполне вписывается в контекст процессов гуннского времени на Днепровском Левобережье, реконструируемый по другим материалам.

В отношении собственно могильника, да и всего комплекса памятников в Боромле, вполне вероятным представляется и более сложное объяснение, чем очерченная дилемма. Правда, это потребует новых специальных исследований, основанных на полной публикации известных и раскопках новых памятников.

Некоторые выводы

Итак, разбор хронологических индикаторов финала черняховской культуры позволяет утверждать, что, по крайней мере, в начале гуннской эпохи на значительной части Днепровского Левобережья черняховское население продолжало существовать. Как показано на карте (рис. 20), во всех основных областях концентрации черняховских памятников на территории Левобережья обнаружены материалы гуннского периода, т.е. население здесь сохранялось (табл. 1). Не исключено, что какая-то часть черняховцев могла уйти на запад вскоре после смерти Германариха, а численность оставшихся постепенно уменьшалась, но утверждать определенно мы этого не можем. Стационарно исследованных памятников пока слишком мало для изучения палеодемографии. Можно лишь сделать вывод, что черняховские группировки в массе своей покидают Левобережье не в самом начале гуннского времени, а несколько позже. Возможно, одна из волн миграций могла быть связана с массовым наступлением варваров, возглавляемых Радагайсом, на Западную часть Римской империи (405–406 гг.). Какие-то группировки могли двинуться в ходе концентрации сил варваров при Атилле с 430-х гг. (о «волнах» варварской активности см. [Гавритухин, 2000; Острая Лука..., с. 89–94]). Вероятно, некоторые анклавы населения, связанного с черняховскими традициями, сохранились на Левобережье и позднее.

Многие металлические изделия этого горизонта, очевидно, являются завершением типологических тенденций, формировавшихся в рамках черняховской культуры в предшествующее время. Интересно, что на более западных территориях черняховской культуры некоторые из этих тенденций (широкие спинки у «арбалетных», широкие не длинные ножки у двупластинчатых фибул, массивность язычков пряжек) выражены слабее или имеют другую направленность. На Левобережье же они как бы исчерпываются предельно, зато ряда западных новаций (двупластинчатых фибул варианта IБА по А.К. Амброзу с удлиняющейся ножкой, вещей с обильной гравировкой и др.) здесь не наблюдается. Если на черняховском юго-западе погребений со стеклянной посудой гуннского времени довольно много, то на Левобережье сосуды этого периода известны лишь на поселениях. Создается впечатление некоторой изолированности племен Левобережья, оторванности от других групп черняховского населения, что приводит к формированию локальных форм украшений. Эти особенности развития материальной культуры черняховского населения Левобережья характерны, судя по всему, именно для гуннского времени.

Проделанный выше более подробный анализ стеклянных сосудов и фибул, имеющих ромбическую ножку или двупластинчатых, показывает некоторое своеобразие крайнего юго-востока рассматриваемого ареала (в основном, речь идёт о Харьковщине). Очевидно, на Левобережье могли существовать несколько самостоятельных группировок черняховского населения. Правда, когда эти отличия сложились и чем они вызваны, на базе наших нынешних данных мы можем лишь предполагать.

1.3. Киевская культура и основные направления миграций гуннского времени (А. М. Обломский)

Индикаторы гуннской эпохи

В качестве индикаторов гуннского времени в Поднепровье можно рассматривать набор вещей «степного» происхождения, на Левобережье связанный в основном с памятниками киевской культуры (см. так же прим. 6 к данной главе). Зеркала с петлей на обороте (обломок такого изделия обнаружен на поселении Ульяновка – рис. 15: 19) появляются, вероятно, в начале III в. [Арсеньева, 1984, с. 20–23]. Тем не менее, западнее Дона находки подобных зеркал в догуннское время не известны [Засецкая, 1994, с. 99–100]. В Ульяновке фрагмент зеркала происходит из той же постройки (жилища 1) что и браслет, круглые концы которого расширены и орнаментированы насечками в форме «елочки» (рис. 15: 22). Такие изделия более характерны для раннего средневековья, чем для римского времени. Из ямы 104 селища Александровка происходит бронзовая, частично позолоченная пластина, использованная в качестве подвески, на которой оттиснут ременный наконечник (рис. 16: 20), типичный для древностей гуннского круга и даже более поздних [Амброз, 1989, рис. 7: 8; 8: 5, 18; 10: 8; 14: 7; 31: 4; 35: 20]. В жилище 1 поселения Песчаное вместе с обломком черняховского гончарного сосуда найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы типа 3 варианта «в» по И.П. Засецкой (рис. 17: 27), по данным которой такие вещи в Европе появляются в гуннский период [Горюнов, 1982, рис. 2: 20; Засецкая, 1994, с. 36–39]. Подобное же изделие происходит и с поселения Сенча [Обломский, 2002, с. 73].

Своеобразны железные фибулы, обнаруженные в двух постройках позднекиевского поселения Каменево-2 (рис. 17: 21). Обе они – двучленные, имеют сплошные приемники и лопатковидные ножки, а также длинные пружины, оси которых оканчиваются округлыми шишечками. Для Поднепровья такие застежки крайне редки, район их основной концентрации – Юго-Восточная Прибалтика [Bitner-Wróblewska, 1990; 1995]. Обе каменевские находки относятся к типу I по А. Битнер-Врублевской, датируемому в рамках периода D по К. Годловскому (середина IV – середина V вв.), хотя и имеют некоторые признаки литовских «арбалетовидных фибул с треугольными ножками», наиболее ранние из которых появляются в V в. [Обломский, 2002, с. 72–73]. Фибула из постр. VII Каменево (рис. 17: 21) носит очевидные следы местной переработки балтийских традиций: лопатковидое расширение ножки необычно вытянуто вширь, но не в длину, асимметрична профилировка дужки. Дериват, естественно, не мог появиться раньше прототипа. Так что фибулы из Каменево, судя по всему, следует датировать гуннским временем.

К индикаторам гуннского времени относятся также кольцевидные пряжки с поселений Александровка-1 и Каменево-2 (рис. 15: 23; 17: 26), гребень с горизонтальными вырезами из Ульяновки-1 (рис. 15: 24), крупная «воинская» фибула из Александровки-1 (рис. 16: 21), сопоставимая с прогнутыми подвязными варианта 4 по А.К. Амброзу (см. об этих вещах часть 1.2), массивный язычок пряжки с высоким выступом с тыльной стороны и петлей для крепления к раме, выходящей за край выступа, из постройки 1 поселения Шостка-Локотки [Белінська, Звагельський, Нікітін, 2001, рис. 18: 3], обломки амфоры типа Е по Д.Б. Шелову из Роища [Терпиловский, 1984, табл. 22: 12]. Последние датируются концом IV – первой половиной V вв. по А.П. Абрамову [Абрамов, 1993, с. 50] и первой половиной V в. по А.В. Сазанову [Сазанов, 1993, с. 20].

Таковы наиболее поздние вещи киевской культуры.

Миграции населения Днепровского Левобережья

Передвижения населения, которые происходили на территории Днепровского Левобережья в гуннский период, можно обозначить в виде нескольких векторов. Употребление последнего термина не случайно, он наиболее точно отражает суть происходившего с учетом состояния источников. Те немногочисленные сведения о древностях гуннского времени, которые удалось собрать, позволяют указать начало, отправную точку того или иного процесса, а также дают возможность выяснить его направление. Информации же о масштабах этнических взаимодействий, например о степени массовости тех или иных миграций, явно не хватает.

Вектор 1. Им обозначаются перечисленные выше передвижения черняховского населения, в основном, направленные на запад. Зафиксирована, кроме того, и миграция в противоположном направлении – в Верхнее Подонье. Черняховские традиции в этом регионе ощущаются на памятниках типа Чертовицкого – Замятино (см. главу 2).

Вектор 2. Из Среднего Поднепровья в Подесенье. На территории Нижнего и Среднего Посеймья, а также в Нижнем и Среднем Подесенье в позднеримское время были распространены памятники деснинского варианта киевской культуры. В качестве особого этнокультурного явления с серией специфических особенностей керамического комплекса этот тип древностей был выделен Р.В. Терпиловским и Н.С. Абашиной в 1992 г. [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 21]. Позже границы деснинского локального варианта были уточнены Р.В. Терпиловским [Терпиловський, 1994, с. 15], аргументы в пользу принадлежности к деснинскому кругу поселений киевской культуры Среднего Посеймья приведены А.М. Обломским [Обломский, 1996, с. 54–64; 2004а].

Анализируя хронологию памятников деснинского варианта, Р.В. Терпиловский в своих последних работах выделяет в их развитии 3 этапа. Из них средний и поздний относятся, соответственно, ко 2-ой половине III – 1-ой половине IV вв. и ко 2-ой половине IV – 1-ой половине V вв. [Терпиловський, 1996, с. 19, 20]. Один из наиболее поздних комплексов второго этапа (хронологических индикаторов на памятниках киевской культуры немного) – сгоревшее жилище на поселении Киреевка-2, где обнаружены изготовленные из железа воинская двучленная фибула с уплощенной спинкой и прямоугольной ножкой (вариант А3 по Е.Л. Гороховскому), а также пряжка с довольно массивной округлой рамкой (рис. 15: 26–27). Время массового распространения прототипов этих вещей приходится на 3-ую и 4-ую фазы относительной хронологии черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому (ок. 325–400 гг.) [Гороховский, 1988а, с. 44–45]. Понятно, что дериваты датируются не ранее этого периода. Хотя памятники 2-го этапа деснинского варианта киевской культуры и синхронны расположенным южнее черняховским поселениям и могильникам догуннского времени, показательно, что на первых нет ни гончарной керамики, ни какого-либо другого черняховского импорта. Большинство украшений этого периода (фибулы, булавки) имеют прототипы, связанные с лесной зоной Европы. Развитие местной культуры шло традиционным путем. Судя по всему, отношения черняховского населения и племен деснинского варианта киевской культуры были враждебными [Обломский, 1996].

Критерием для выделения третьего этапа киевской культуры Подесенья по Р.В. Терпиловскому служит поступление на поселения этого региона черняховского импорта (гончарной керамики, жерновов из туфа, некоторых украшений), античных амфор, бус и

посуды, а также заимствование деснинскими племенами черняховских технологий ремесла и, отчасти, земледелия, что выражается в изменении комплекса орудий труда [Терпиловский, 1984, с. 32–36]. К наиболее ранним индикаторам периода 3 принадлежат небольшая бронзовая воинская фибула и гребень с трапециевидной спинкой типа II/2 по [Никитина, 1969] с поселения Александровка-1 (рис. 16: 22–23), обычные для черняховских древностей фазы 3 по системе Е.Л. Гороховского (около 325–375 гг.). Вторая группа вещей может датироваться довольно широко – в пределах фаз С3 и D. Это – гребни типа III по С. Томас и серебряные лунницы из Ульяновки, Роища, Верхнестриженского-2 (рис. 15: 24–25; 16: 58–59). Гребень из Роища имеет очень высокую, типологически очевидно не раннюю спинку, а из Ульяновки – признаки, характерные для эпохи Великого переселения народов (см. часть 1.2). Хронология светлоглиняных амфор типа Е по классификации Д.Б. Шелова (обломки такого сосуда также найдены в Роище: рис. 16: 29) спорна, хотя такие амфоры явно используются в гуннское время [Абрамов, 1993, с. 50], а для черняховской культуры являются одним из самых редких и поздних типов [Магомедов, 1987, с. 81–82]. Амфору из Роища А.В. Сазанов датирует первой половиной V в. [Сазанов, 1993, с. 20]. Большинство же хронологических индикаторов явно относятся к гуннскому времени (табл. 1). Таким образом, поселения 3-го этапа киевской культуры Подесенья, т.е. времени активного поступления на север черняховского импорта, существуют, в основном, в гуннский период, хотя селище Александровка-1, скорее всего, возникло несколько раньше.

Поздние памятники киевской культуры Подесенья неоднородны. В этнокультурном отношении они подразделяются на две группы. Материальная культура большинства исследованных раскопками поселений Подесенья, Нижнего и Среднего Посеймья очень близка, и все они относятся к одному кругу (т.н. памятники типа Ульяновки). На их фоне выделяются материалы селищ Роище и Александровка-1. При общем сходстве керамических форм (ведь речь идет о вариациях в рамках одной культуры), от синхронных памятников Подесенья последние отличает относительно большое количество ребристых горшков: в Алекандровке их – 34%, в Роище – 43%. На прочих деснинских памятниках доля таких сосудов колеблется от 6% (Пересыпки-1) до 18% (Ульяновка). В тенденции различаются и пропорции сосудов. На памятниках типа Ульяновки преобладают слабопрофилированные горшки (76% и больше), в Роище и Александровке их гораздо меньше (соответственно, 59% и 66%) [Обломский, 2002, с. 66].

Пропорции горшков и соотношение форм сосудов, которые наблюдаются на памятниках круга Ульяновки, типично для поселений второго этапа киевской культуры Подесенья [Обломский, 1991, с. 67; Шекун, Терпиловский, 1993, с. 5–18]. Роище и Александровка «ориентированы» на другой круг памятников. В период черняховского влияния ребристые сосуды активно используются лишь на селищах среднеднепровского варианта киевской культуры (Обухов-2, 7, Вишенки и др.; рис. 18: 36–54; [Абашина, 1986, с. 101; Пачкова, Терпиловський, 1988, с. 40; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 49–50]). Достаточно широко распространены ребристые и, в частности, биконические горшки на среднеднепровских черняховских памятниках так называемой киевской традиции, т.е. на тех поселениях, где жили общины носителей традиций киевского круга, входившие в состав готского племенного союза и воспринявшие многие элементы черняховской культуры (примерами могут служить Журавка Ольшанская на территории Среднего Поднепровья и Хлопков-1 на Днепровском Левобережье; рис. 18: 1–20; [Некрасова, 1988, рис. 3: 20, 21; 4: 13, 23; 5 : 7, 8]).

При сходстве большей части построек с обычными для селищ киевской культуры Подесенья, поселения круга Александровки выделяет наличие сооружений, чуждых местной традиции. К таковым относятся углубленные постройки с разнообразными выступами котлована (их в Александровке исследовано пять). В некоторых из них прослежены скопления обмазки глинобитных стен, четыре постройки в Александровке и одна в Роище имели печи-камины [Терпиловський, Шекун, 1996, с. 10; Обломский, 2002, с. 66–67]. Сооружения с выступами и нишами характерны для черняховской культуры и для киевских поселений лесостепной зоны, особенно для восточных районов Днепровского Левобережья. Черняховское происхождение имеет в данном случае и традиция использования глины в качестве основного строительного материала. Постройки с печами-каминами распространены, преимущественно, в Среднем Поднепровье и на водоразделе Днепра и Дона на киевских памятниках позднеримского времени и на родственых им [Башкатов, 1997]. Единственным исключением в Поднепровье является черняховское селище Журавка Ольшанская, но и там во всех сооружениях с печами-каминами найдена лепная керамика киевской традиции [Обломский, 1998б, с. 66–70]. Объекты хозяйственного назначения, представлявшие собой нечто вроде наземного сарая с серией внутренних ям-хранилищ и глинобитными стенами, от которых остается перекрывавший ямы мощный завал обмазки, известны в Роище (постр. 1, 5, 7, 18) и в Александровке (постр. 7, 15). Они достаточно типичны для черняховской культуры по всему ее ареалу. Наиболее близкие (по территории) аналогии подобным сооружениям известны на поселении Хлопков-1 [Некрасова, 1988, рис. 5: 1, 3].

Таким образом, общины, обитавшие в Александровке и Роище, в какой-то степени состояли из пришельцев с юга, вероятнее всего, из Среднего Поднепровья, т.е. из области, где население киевской культуры находилось под значительным черняховским воздействием. Очевидно, что именно эти переселенцы и послужили своего рода проводником чер-

няховского влияния на племена Подесенья. С этим согласились и авторы публикации материалов Александровки А.В. Шекун и Р.В. Терпиловский [Терпиловський, Шекун, 1996, с. 32–34]. Памятники типа Ульяновки, оставлены автохтонным населением Подесенья: основные элементы культуры «дочерняховского» периода на них сохранились. Таков реконструируемый нами вектор 2.

Вектор 3. Из Подесенья или прилегающего Посеймья на восток и юг. В период, синхронный финалу черняховской культуры, в северной части Днепровской левобережной лесостепи появляются памятники деснинского варианта киевской археологической общности (типа Ульяновки), свидетельствующие о начавшемся продвижении на юг и восток племен Подесенья или Среднего Посеймья. Наиболее восточные селища круга Ульяновки известны в Верхнем Посеймье и верховьях Псла, а самое южное поселение – Сенча – находится в среднем течении Сулы, т.е. ареал памятников деснинского происхождения в лесостепи охватывает северные области распространения как черняховской культуры, где расположены поселения Курган-Азак, Сенча и Беседовка, так и сейминско-донецкого варианта киевской, где находятся селища Каменево-2, Песчаное, Комаровка-2 (рис. 2; 20) [Обломский, 1996, с. 62–67].

На всех шести лесостепных поселениях деснинского круга обнаружен черняховский импорт, хотя и в небольшом количестве. Повсеместно встречалась гончарная керамика, в Каменево-2, кроме того, были фрагменты пирамидальных и конических грузил от ткацких станков (характернейших предметов черняховского быта) и железная ведерковидная подвеска (рис. 17: 20), в Сенче и Комаровке – по одному обломку ручек светлоглиняных «инкерманских» амфор (рис. 17: 46) [Сухобоков, 1975, с. 35; Горюнов, 1981, рис. 16: 10; Горюнов, 1982, с. 63–64; Терпиловський, Левченко, 1994, с. 60; Обломский, 1991, с. 99; Обломский, 1996, с. 62]. Деснинское население, следовательно, проникает в лесостепь на том этапе, когда киевская культура еще испытывала воздействие со стороны черняховской. Сравнительно точно время этой миграции определяется лишь для восточных территорий лесостепи. На поселении Песчаное найден наконечник стрелы гуннского набора, а в Каменево-2 – целая серия индикаторов гуннского времени (рис. 17: 21–22, 26–27; табл. 1; см. выше). В непосредственной близости от Каменево-2, тоже в бассейне впадающей в Сейм небольшой речки Тускарь, находится селище Тазово, которое является одним из эталонных памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры. На этом поселении найден гребень типа III по С. Томас (рис. 18: 35), датируемый в рамках от 30-х г. IV до начала V вв. [Kazanski, Legoux, 1988, № 51; Гороховский, 1988а, с. 44–45; Шаров, 1992, ХИ-7; Гей, Бажан, 1997, ХИ-26]. Поскольку население деснинской традиции сменяет в районе Курска сейминско-донецкое, то гребень из Тазово определяет terminus post quem для Каменево и ему подобных памятников.

На двух позднекиевских поселениях деснинского круга (в Сенче и в Беседовке), расположенных на территории черняховской культуры, датирующие вещи отсутствуют. Единственная фибула происходит лишь с селища Курган-Азак (рис. 17: 49), однако связь этой находки с конкретным комплексом памятника не документирована. Дата проникновения на территорию черняховской культуры деснинского населения нуждается в уточнении по новым материалам, в отношении же Верхнего Посеймья сумма фактов указывает, что здесь поселки пришельцев относятся к гуннскому времени. Таков третий вектор (или векторы) миграций.

Вектор 4. Перемещение групп населения сейминско-донецкого варианта в Подонье. В пользу утверждения о переселении племён сейминско-донецкого варианта киевской культуры (или их части) на восток в лесостепное Подонье имеется несколько аргументов.

Во-первых, нам не известны (по крайней мере, сейчас) более поздние поселения сейминско-донецкого круга, чем упомянутое выше Тазово.

Во-вторых, в северной части ареала сейминско-донецкого варианта исследованы селища с чертами киевской культуры деснинского облика (типа Ульяновки: Каменево-2, Песчаное, Комаровка), из которых первые два явно относятся к гуннскому времени. Позже на основе деснинских киевских традиций формируется колочинская культура, территория которой охватывает верховья Сейма и Псла, т.е. часть сейминско-донецкого ареала. Начало этому процессу, по-видимому, положило проникновение группировок деснинского населения в лесостепь после «выдавливания» их из верховьев Сейма и Псла.

В-третьих, как показало специальное исследование, керамика киевской традиции населения Верхнего Подонья гуннского времени, которая выделяется в рамках культурной группы типа Чертовицкого – Замятино (подробнее см. в гл. 2) связана по происхождению с наследием сейминско-донецкого варианта киевской культуры.

Вектор 5. Памятники традиций «степного круга». В южной части ареала черняховской культуры или сравнительно недалеко от её границ известно несколько погребений сарматской традиции, среди инвентаря которых имеется серия вещей черняховского круга (керамика, фибулы, пряжки – рис. 19: 1–10, 22–70). Население, хоронившее своих умерших в курганах Кантемировки, было, очевидно, родственным сарматам позднеримского времени, погребения которых разбросаны в степной зоне между Орелью и Самарой на западе и Северским Донцом на востоке. В пользу этого свидетельствует соседство территорий, наличие и в Кантемировке, и в степной полосе катакомб, дромос и погребальная камера которых вытянуты в одну линию, а также тот факт, что наиболее близкие к кантемировскому по погребальному обряду и инвентарю катакомбные захоронения (Воронцовка и Моспинская шахта) находятся в степной

части бассейна Донца [Simonenko, 1995, p. 347, fig. 6; Podobed, Simonenko, 1998]. Все коплексы из Кантемировки, как и из Моспинской и Воронцовки, имеют индикаторы раннегуннского периода (табл. 1).

К древностям собственно гуннов, выделение которых весьма дискуссионно, большинство исследователей не без основания относит литые «гуннские» котлы [Амброз, 1981, с. 18, 19; Боковенко, Засецкая, 1993]. На Днепровском Левобережье находка такого котла стала известна лишь недавно [Левченко, Супруненко, 1994]. «Гуннские» котлы интерпретируют как объекты, связанные с традиционными обрядами, принесёнными гуннами с востока.

Говоря о степном или опосредованном «степью» влиянии на культуры лесостепи Днепровского Левобережья в эпоху Великого переселения народов, следует отметить находки из Орлика и Константиновграда (современного Красноград) (рис. 19: 11–21; 22: 11–13). Судя по набору вещей, это были комплексы, происходящие из погребений, но к сожалению, сведения о ритуале захоронения для этих памятников отсутствуют [Левченко, 1988; Левченко, Супруненко, 1994; Рудинський, 1928, с. 51]. Вещи, найденные в Орлике, явно близки представленным в памятниках круга Кантемировки – Моспинской, при этом, архаичных пряжек (как рис. 19: 36–37, 47–48, 50) среди них нет, что может указывать на несколько более позднюю дату комплекса. Погребение в Орлике могло принадлежать как степняку, так и представителю оседлого населения, культура которого испытала степное влияние (наличие в погребении оружия, дорогих обувных пряжек). Культурную атрибуцию в указанных рамках можно предложить и для комплекса (?) из Константиновграда (о возможностях его датировки см. часть 1.5).

К степным комплексам «постгуннского времени», несомненно, относится погребение у с. Лихачевки Котелевского р-на Полтавской обл. (рис. 19: 71–81; [Обломский, 2004г; Гавритухин 2004]; некоторые уточнения датировки см. в части 1.5).

Заканчивая обзор памятников Днепровского Левобережья, отражающих влияние степных или опосредованных степью традиций, укажем на антропоморфную фигурку, происходящую из случайных находок в районе Мощёнки (рис. рис. 22: 8). Поза этого «человечка» близка фигуркам, довольно широко распространенным у раннесредневековых кочевников и контактировавшего с ними оседлого населения, а стилистическое решение головы ближе всего прессованным накладкам, типичным для комплексов шиповского круга, отражающих «постаттиловскую» культуру восточноевропейских кочевников, продолжавших гуннскую традицию и оказавших существенное влияние на соседей [Гавритухин, 2004, с. 210–211]. О проникновении населения, связанного с традициями шиповского круга, в инокультурную среду, которая близка днепровской левобережной, свидетельствуют находки из впускных погребений в курганы под Бабичами в Среднем Поднепровье [Гавритухин, 2004]. Шиповские и другие аналогии находкам из Мощёнки и Бабичей указывают, скорее, на эпоху, наступившую в Поднепровье и более восточных землях с конца V в. ([Острая Лука..., с. 89–94]; о датах упомянутых вещей см. [Гавритухин, 2004] и часть 1.5). Инфильтрация кочевников в различные районы Днепровского Левобережья прослеживается и позднее [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 122, 144–145].

Процессы проникновения кочевников в лесостепную зону обозначены как явно не одновременный и сложный по структуре вектор 5.

1.4. Формирование колочинской и пеньковской культур
(А. М. Обломский)

Оснований для выделения и датировки начальных этапов колочинской и пеньковской культур немного.

Большая часть хронологических индикаторов сравнительно недавно была специально рассмотрена В.Е. Родинковой [Родинкова, 1996, с. 124–130], а работ, позволяющих существенно углубить наше понимание этих вещей за прошедшие 10 лет не появилось, можно лишь сделать некоторые уточнения. Наиболее ранняя датирующая вещь в несомненном колочинском комплексе – фибула из жилища 3 поселения Ходосовка (Диброва) (рис. 21: 28). При всем своеобразии, она находит наибольшее соответствие среди застежек, объединяемых М. Шульце-Доррламм в тип Мильтенберг и, отчасти, Ратенвиц [Schulze-Dörrlamm, 1986, Abb. 17; 21: 15–16]. Первый датируется около середины V в. и чуть позже, второй бытует до первых десятилетий VI в., причем позднюю дату имеют экземпляры, типологически довольно далекие от интересующего нас. Основания для датировок довольно своеобразных крупных железных фибул, вероятно, местных серий, из Куни, Звонецкого и т.п. пока лишь косвенные, а потому допускают довольно широкий хронологический разброс.

Для пеньковской культуры Поднепровья к ранним хронологическим индикаторам относится пряжка из Большой Андрусовки (рис. 21: 51). Скептицизм В.Е. Родинковой в отношении ряда определений и датировок, предложенных в работе о подобных вещах И.А. Бажаном и С.Ю. Каргапольцевым [Родинкова, 1996, с. 128, 129], во многом оправдан (см. также [Гавритухин, Малашев, 1998, с. 52–56]), но в данном случае, андрусовская пряжка, скорее всего, близка находкам из Прибалтики, составляющим единый горизонт с фибулами типа Вильканцы и Пильвины [Гавритухин, 1989], близкими типу Прага по М. Шульце-Доррламм и датируемыми в Центральной Европе так же, как тип Мильтенберг. Правда,

следует отметить, что верхняя дата указанного горизонта прибалтийских находок неясна, а пряжки, близкие андрусовской, по меровингскими материалам использовались, по крайней мере, до первых десятилетий VI в. (ступень 2 по К. Бенеру).

Упомянутые и другие хронологические индикаторы найдены за пределами рассматриваемого региона и важны для датировки пеньковской и колочинской культур как целого. На Левобережье же опорой для нашей темы являются находки из Картамышево и Посудичей (рис. 21: 25–26). Эти вещи, как показано А.К. Амброзом, являются восточноевропейскими переработками западных образцов [Амброз, 1970], относящихся к горизонту D3 в Центральной Европе или ступени 2 меровингских древностей по К. Бенеру, что указывает на дату около 450 г. в качестве terminus post quem. Вероятно, к горизонту колочинских древностей относится и трехлопастной наконечник стрелы из Колодезного Бугра (рис. 21: 29), который соответствует типу 3, варианту «а» по классификации И.П. Засецкой. Подобные изделия появляются в гуннское время и бытуют позднее [Засецкая, 1994, с. 37–39][7]. С этого же памятника происходит железная фибула типа Пильвины (рис. 21: 30) [Родинкова, 1996, с. 155]. Аналогичная фибула происходит и из Яловщины (сообщение Р.В. Терпиловского). Прочие изделия из металла еще менее показательны для узкой датировки ранних фаз колочинской и пеньковской культур Днепровского Левобережья. Более плодотворным в данном случае оказывается обращение к анализу этнокультурных процессов, связанных с их формированием.

Как убедительно продемонстрировали Е.А. Горюнов и Р.В. Терпиловский, колочинская культура (образцы керамического комплекса см. на рис. 21: 1–24) формируется на основе традиций деснинского варианта киевской археологической общности, прежде всего тех, что отнесены нами к типу Ульяновки [Горюнов, 1981, с. 15–23; Терпиловский, 1984, с. 73–85]. Керамический комплекс некоторых поздних киевских памятников Среднего Посеймья и лесостепной зоны, например, Чаплищ-3, Пересыпок, Курган-Азака и Беседовки, от раннеколочинского отличается лишь нюансами. «Оформление» южной и восточной части территории колочинской культуры, таким образом, происходит в результате расселения позднекиевских племен деснинско-среднесейминского происхождения в лесостепи.

Более сложным представляется процесс образования пеньковской культуры. Дискуссия на эту тему, начавшаяся в 60-е гг. XX в., продолжается до сих пор. Специально мы уже рассматривали эту проблему [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 116–119]. Типологически наиболее вероятные прототипы пеньковской археологической общности (образцы лепной посуды см. на рис. 21: 31–49), по нашему мнению, памятники позднего этапа среднеднепровского варианта киевской культуры (как на рис. 18: 36–54) и черняховские поселения киевской традиции (как на рис. 18: 1–20). В несколько меньшей степени к раннепеньковским близки материалы поздних сейминско-донецких киевских памятников (как на рис. 18: 21–35) и типа Роища – Александровки (рис. 16). Все перечисленные прототипы представляют собой образования одного и того же круга. Их основу составляют традиции лесостепного населения киевской культуры, либо находившегося под сильным черняховским влиянием, либо непосредственно включенного в черняховскую этнополитическую общность. Тем не менее, известное огрубление, упрощение пеньковской культуры не только по сравнению с черняховской, но и с различными группами лесостепной киевской, невозможно объяснить без предположения о некотором воздействии традиций северного по происхождению киевского населения на южные племена. Прямые аргументы в пользу этой гипотезы отсутствуют, и их не будет до тех пор, пока довольно аморфную пеньковскую общность не удастся разделить на серию культурно-типологических групп памятников, наиболее близких друг к другу по комплексу основных традиций (набору посуды, ее пропорциям, орнаментации, типам построек и т.п.), и сопоставить каждую из этих групп с возможными прототипами.

Для нашей темы важно, что ранние памятники, керамический комплекс которых имеет вполне определенные колочинские и пеньковские черты, содержат, хотя и в сравнительно небольшом количестве, гончарную керамику и другие характерные предметы черняховского круга. Обломки сероглиняных гончарных сосудов происходят с колочинских поселений Гапоново, Красное-4, Заярье, из постройки 3 Ходосовки, где была найдена рассмотренная выше фибула; куски туфовых жерновов обнаружены в Заярье, Красном-4 и Литвиновичах-3 [Обломский, 1996, с. 55; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 9–10; Терпиловский, 1984, рис. 30: 4]. На пеньковских поселениях Днепровского Левобережья гончарная черняховская керамика происходит из жилищ 6 и 9 Хитцов, из постройки 8 и ямы 75 Рябовки-3 [Горюнов, 1981, с. 78; Приходнюк, 1985, рис. 38: 10, 15]. В постройке 9 Хитцов, кроме того, найдено звено многочастного одностороннего гребня, часть спинки которого была прямой (тип III по С. Томас? - рис. 21: 50); в Хитцах же обнаружен обломок ручки «инкерманской» амфоры [Горюнов, 1981, рис. 21: 1; 27: А]. По данным Д.Т. Березовца и О.М. Приходнюка черняховская гончарная керамика найдена и на серии памятников, которые находятся к западу от Днепровского Левобережья [Березовец, 1963, с. 187, рис. 5: 8; Приходнюк, 1985, табл. IV; Приходнюк, 1990, табл. II].

[7] Есть и другое мнение о хронологии подобных наконечников стрел. По мнению В.А. Глыбина, образец из Колодезного Бугра по морфологическим и метрическим характеристикам ближе всего к провинциально-римским изделиям III–IV вв. К сожалению, работа В.А. Глыбина опубликована без развернутой аргументации в тезисной форме [Глыбин, 1997].

Таким образом, колочинская и пеньковская культуры сформировались либо в тот период, когда еще существовали наиболее поздние черняховские поселки, либо тогда, когда гончарная керамика и некоторые другие изделия черняховского происхождения еще употреблялись в быту. Наличие на ранних памятниках черняховских вещей и генетическая преемственность некоторых групп киевской культуры и древностей т.н. киевской традиции в черняхове (Журавка, Хлопков и им подобные поселения), с одной стороны, колочинской и пеньковской археологических общностей, с другой, наряду с набором рассмотренных хронологических индикаторов, заставляют считать, что время образования колочинской и пеньковской культур приходится на 2-ю четверть – середину V в.

1.5. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени

(И. О. Гавритухин)

Раннесредневековые древности Днепровского Левобережья не исчерпываются рассмотренными выше культурами. Кроме них известны небольшие могильники или единичные погребения по обряду ингумации, т.е. совершенные по абсолютно другому ритуалу, чем типичные колочинские и пеньковские трупосожжения. Их свод и анализ недавно опубликованы в специальной статье [Гавритухин, 2004], некоторые выводы которой, дополненные новыми материалами и наблюдениями, приводятся ниже.

Комплекс из Волобуевки (рис. 22: 23–27) по составу инвентаря следует атрибутировать как отражающий женский костюм восточногерманской традиции 2-ой половины V в., свидетельствующий о связях населения Днепровского Левобережья с Северо-Восточным Причерноморьем. Об этом направлении связей прежде всего свидетельствуют особенности отнесённых к серии Волобуевка двупластинчатых фибул с треугольными накладками, массово представленных находками из Керчи и Дюрсо [Гавритухин, 2004, с. 208, 212–213, рис. 4: 5, 16–22; 5: е].

С причерноморским контекстом связан и ряд фибул, найденных вне комплексов. Застёжка из Токарей (рис. 22: 17) относится к ранним вариациям причерноморской серии подгруппы Левице – Токари, сложившимся в Восточной Европе как переработка «основной» серии и имеющим собственную линию развития в Северном Причерноморье [Гавритухин, 1994; 2004, с. 213–214]. Не менее выразительна находка из Мощёнки (рис. 22: 14), давшая наименование серии застёжек, соединяющих черты двупластинчатых и пальчатых фибул, а также выделяемому среди них раннему варианту, представленному также в Керчи [Гавритухин, 2004, с. 214]. Среди находок, ставших известными недавно, отметим фибулу из Медведовки на юге Черкасской области (рис. 22: 15), относящуюся к особому варианту, сложившемуся на основе варианта Мощёнка. Не исключено, что с этой серией связаны ножки фибул из Глинжень в Поднестровье [Гавритухин, 2000, рис. 5: 6; Гольцева, Кашуба 1995] и Демидовки на Верхнем Днепре [Шмидт, 1970, рис. 3: 11].

Головная пластина фибулы из Гайдар на Харьковщине (рис. 22: 16) аналогична, судя по публикации, находке из Новоселицы в Среднем Поднепровье [Приходнюк, 1998, рис. 66: 6]. О том, что они не единичны, свидетельствуют вещи из частных украинских коллекций, например, из коллекции В.П. Платонова, экспонировавшейся в Киево-Печерской лавре в 2005 г., и другие. Очевидно, в данном случае речь может идти об особой серии фибул, имитировавших двупластинчатые экземпляры. Для этой серии (назовём её «Новоселица»), показательно, что вертикальная кнопка, кнопки осей пружин, накладки по краям пластины отлиты вместе с довольно массивной головной пластиной, а не изготовлены отдельно, как у двупластинчатых прототипов. Пружинный механизм крепился двумя стойками и, судя по всему, был аналогичен тому, что использовался на ряде пальчатых фибул (как у серии Мощёнка и т.д.). На некоторых образцах имитируются и треугольные накладки, примыкавшие к дужке. Ближайшие прототипы таких фибул известны в Керчи [Гавритухин, 2004, рис. 4: 2, 4, 5].

Как мы видим, контекст серии Новоселица аналогичен рассмотренным выше фибулам. Они связаны с Северным Причерноморьем, представлены в лесостепной зоне Поднепровья и восточнее. Фибулы из Волобуевки в восточноевропейской лесостепи единичны, а технология их изготовления чужда традициям, представленным массивом находок из лесостепи. Скорее всего, волобуевские фибулы являются импортом. Серии Мощёнка и Токари, как было отмечено, представлены к северу от степной зоны лишь ранними вариантами, причём число образцов этих вариантов в Поднепровье сопоставимо с числом аналогичных находок в Причерноморье. По крайней мере, для части этих находок не исключено местное (лесостепное) производство. Серия же Новоселица, хотя и имеет причерноморские прототипы, судя по всему, сформировалась и производилась на месте. Аналогичный феномен – литые имитации двупластинчатых фибул в периферийных зонах, когда производство прототипов или приток импортных образцов прекращается – можно отметить, для Поочья (например, [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 178–179; рис. 11: 1–2][8]) или вестготской Испании (например, [Kühn, 1974, Taf. 233: № 51,213]).

[8] Сомнительно, правда, что, как пишут М.М. Казанский и И.Р. Ахмедов, их прототипы – именно дунайские, а тем более, крупные фибулы типа Смолин – Косино.

Отсутствие к северу от степи поздних вариаций фибул того же контекста, что подгруппы Левица – Токари и серии Мощёнка, при том, что в Причерноморье они как раз наиболее многочисленны, уже отмечалось. Этот феномен было предложено объяснять сменой этнокультурной ситуации в степи в последние десятилетия V в., что привело к разрыву связей причерноморских и ряда лесостепных регионов [Острая лука…, 2004, с. 94]. В материалах, ставших доступными в последнее время, нет образцов, противоречащих этой гипотезе, а отмеченные особенности формирования серии Новоселица вполне вписываются в неё.

В недавнее время появились новые материалы, позволяющие говорить и о «западных» связях рассматриваемого региона в интересующее нас время. Накладка из Александровского (рис. 22: 18) имеет ряд аналогий в Карпатской котловине [Tejral, 1997a, Abb. 27: 14–16; Svoboda, 1965, Tab. XXX: 1,2,7; Szameit, 1997, Abb. 5: 17–18]. Эти вещи принадлежат ранним, «геометризированным», вариантами «варварского» кербшнитного орнамента, появившегося в фазе D2/D3 по Я. Тейралу (430/440–470/480 гг.). Помимо отмеченных накладок, особенно выразителен этот стиль на фибулах, где есть и мотивы, аналогичные тем, что на рассматриваемой находке [Svoboda, 1965, Tab. LXXXIX: 4; XXIX: 8; Tejral, 1997, Abb. 20: 2–3; 25: 14, 18; 27: 8–11].

Окончание ножки фибулы из Лазуковки (рис. 22: 9) оформлено в виде звериной головы с выделенными надбровными дугами, что можно встретить на многих сериях пальчатых фибул, начиная с фазы D2/D3 (например, [Tejral, 1997, Abb. 20: 2; 23: 17–18; 8]) и до VII в. Интересующий нас образец имеет как бы обрубленный, тупой, нос, что встречается значительно реже. Аналогично оформлены ножки огромных фибул из Гавы [Das Gold… 1997, Abb. 59] фазы D3 по Я. Тейралу (2-ая половина V в.), некоторых образцов остготского круга последних десятилетий V – первых десятилетий VI вв. и эльбского (лангобардского и тюрингского) круга [Bierbrauer, 1975, Tav. LIII: 1; LXXV: 1; Tejral, 1990, Obr. 1: 8; 3: 19; Svoboda, 1965, Tab. LXXXIX: 4; Kühn, 1974, Taf. 261: № 64,30 и т.д.], в модифицированном виде, явно отличающемся от рассматриваемой находки, известных и позднее. Судя по крупным размерам, что не характерно для упомянутых фибул эльбского круга и восточногерманских серий VI в., прототипы рассматриваемого окончания ножки, скорее всего, связаны с культурами Среднего Подунавья 2-ой половины V в.

Обломку фибулы с Восточного Бельского городища (рис. 22: 10) точных аналогов подобрать не удалось. Скошенные края головной пластины, «сдвинувшие» боковые кнопки от уровня соединения ее и дужки, представлены у ряда вариантов центрально- и западноевропейских серий фибул (например, [Kühn, 1974, № 1,3, 1,5, 1,7, 1,8, 1,10, 1,12, 1,16, 1,18, 1,22, 69,8, 69,10, 69,12 и др.]). Правда, в отличие от рассматриваемого, эти образцы украшены кербшнитной орнаментацией и не имеют на ножке крючковидных выступов. Известны и единичные образцы с такой же головной пластиной, украшенные циркульным орнаментом, но без крючков на ножке, или имеющие крючковидные выступы, но с кнопками, расположенными на уровне начала дужки (например, [Koch, 1998, 1: 1; 26: 14, 10–11]). Датируются такие фибулы, судя по материалам меровингского круга, около 2-ой половины V в. [Legoux, Périn, Vallet, 2004, № 255]. Ромбическая головная пластина, но вытянутая по вертикали и гладкая, известна у находки с юга Киевской губернии, правда, она уникальна и для интерпретации сама нуждается в дополнительных материалах [Гавритухин, 2005, с. 238, рис. 5: 1]. Таким образом, обломок фибулы с Восточного Бельского городища, судя по доступным данным, является единичной вариацией, отражающей стили 2-ой половины V в., и связанной с «западным» культурным импульсом и/или со среднеднепровскими культурными традициями (не исключено, что к кругу её прототипов относится фибула 1-ой половины V в. с «Киевщины» [Гавритухин, 2005, с. 238, рис. 5: 8; ср. образец с выступами там же, рис. 5: 2]).

В отношении фибул из Любовки и Большой Даниловки (рис. 22: 2, 5, 6) уже на основе публикаций было отмечено, что они весьма своеобразны и лишь по отдельным признакам имеют соответствия среди южноевропейских фибул 2-ой половины V – первых десятилетий VI или V–VI вв. [Гавритухин 2004, с. 208–209]. Детали, ставшие понятными после работы с вещами в оригинале, ещё более усиливают впечатление о своеобразии этих находок. Фибула со сплошным приёмником из Любовки при весьма крупных размерах сделана из довольно тонкой пластины, приёмник был предусмотрен выступом в её «выкройке», кольцо для оси пружины загнуто внутрь дужки в 1,5 оборота, пружина сделана из проволоки прямоугольного сечения. Подвязная фибула из Любовки имеет весьма массивную дужку, очень длинную «перемычку» – вырез для завязки приёмника, причём со скошенными боками («фасетированный»), яйцевидную ножку. Фибула из Большой Даниловки имеет ребро на внутренней и орнаментированный «хребет» на внешней стороне корпуса, завязку приёмника с частично ромбическим сечением. Сочетание этих черт явно выделяет рассмотренные образцы среди серий, представленных на других территориях.

Вопрос об авторстве фибул из Любовки и Большой Даниловки и образцов, на которые опиралось их творчество, строго говоря, остаётся открытым. Тем не менее, новые находки подтверждают тезис о «перекличке» ряда деталей этих и некоторых среднеднепровских находок при своеобразии каждой из них, например, зональное расположение «косых крестов» на ножке (рис. 22: 2, 7), длинный вырез для завязки приёмника (рис. 22: 5, 6). В целом, как и отмечалось ранее [Гавритухин, 2004, с. 209], облик и ряд

деталей интересующих нас фибул, особенно повторяющихся, указывают на византийские истоки этого феномена. Например, многократные косые кресты или зигзаги на корпусе, удлинённый вырез для завязки приёмника, выделенная вертикальная ось-«хребет» на корпусе [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 52: 17, 19–22; 53: 11; Гавритухин, 2003б, рис. 2: 1, 2, 6, 15, 22]. Причём на фоне массовых византийских серий, хорошо представленных, например, в византийских крепостях эпохи Юстиниана – Маврикия (середина – 2-ая половина VI в.), отмеченные признаки производят впечатление более архаичных. В пользу этого свидетельствует и удлинённая ножка, не чуждая византийским находкам с середины V до середины VI вв. [Гавритухин, 2002; 2003б; с обзором проблемы и литературой]. Так что датировка рассматриваемых фибул в рамках 2-ой половины V – 1-ой половины VI вв. и их связь с культурой востока Южной Европы остаются оценкой, наиболее соответствующей существующим фактам и наблюдениям[9].

Более представительным стал и корпус лесостепных находок «височных» колец с полиэдрическим окончанием. Кроме опубликованных находок из Сум и Чулаковки (рис. 22: 22; [Гавритухин, 2004, рис. 3: 21а, 22]), пара массивных колец этого типа представлена в ингумации, исследованной экспедицией Н.Н. Бондаря в 1969 г. у с. Селище под Каневом (на этот памятник внимание обратил М.Е. Левада, которого я благодарю за информацию). Судя по описанию и фотографии, погребённый был вытянут, скорее всего, головой на запад; кроме пары колец у черепа другие находки не отмечены [отчёт Каневской экспедиции за 1969 г. в Музее при кафедре археологии Киевского университета, л. 7, 21; рис. 34, 35]. Связь таких колец с влиянием позднеантичной культуры и широкое распространение в V–VI вв., а в некоторых культурах и позднее, сейчас едва ли может вызывать сомнения. К сожалению, ни один из днепровских комплексов не позволяет уточнить эту оценку. Тем не менее, отсутствие колец с полиэдрическим окончанием в довольно представительных выборках из позднечерняховских памятников и в кладах круга Мартыновки позволяет предполагать, что в лесостепном Поднепровье они получили распространение с V в. до середины или 2-ой половины VI в.

Вещи набора из Константиновграда (рис. 22: 11–13), как отмечалось в части 1.3., изготовлены под влиянием причерноморских или степных традиций около 2-ой половины V – 1-ой половины VI вв. [Гавритухин, 2004, с. 211]. Следует добавить, что наиболее ранние пряжки, аналогичные константиновградским, появляются на Дунае в фазе D2/D3 по Я. Тейралу (например, [Tejral, 1997a, Abb. 26: 3]), а на Кавказе известны, по крайней мере, до конца VI в. (например, катакомба 357 в Клин-Яре эпохи 1-го Тюркского каганата; раскопки А.Б. Белинского и Г. Харке, которые готовятся к печати; см. о ней в [Гавритухин, 2001б, с. 62]). Наконечник из Константиновграда имеет выделенную площадку в верхней части, заметно более широкую, чем его более длинная часть. Это отличает его от ряда наконечников с рогатой или иначе профилированной нижней частью [Гавритухин, 2004б, с. 210], зато сближает с наконечником из Бабичей [Гавритухин, 2004, рис. 3: 1г]. Их аналоги, правда, без расширения в нижней части, известны в Абхазии и в Кисловодской котловине, где датируются не ранее VI в., судя по находкам из упомянутой кат. 357 в Клин-Яре и погр. 1967 г. в Цебельде с монетами Юстиниана Великого [Гавритухин, 2001, с. 36]. Находка в погр. 2 могильника Шапка, Юстинианов холм [Воронов, Юшин, 1973, рис. 11: 6], не противоречит такой дате [Kazanski, 1994, 143–144, 151], а из кат. 4К Мокрой Балки [Ковалевская, 2005, рис. 90: 5] – подтверждает её [Гавритухин, 2001а, с. 43]. Таким образом, комплекс из Бабичей, где наконечник полностью аналогичен упомянутым кавказским, относится к горизонту, в данной работе не рассматриваемому. Прототип наконечника из Констиновграда известен по материалам раскопок А.Б. Белинского (благодарю его за любезное сообщение) на могильнике Клин-Яр в 2006 г., дата которых может быть определена в рамках 2-ой половины V – 1-ой половины VI в. Таким образом константиновградский наконечник скорее всего датируется около 1-ой половины VI в.

Итак, рассмотрение комплексов из погребений по обряду ингумации и ряда отдельных находок показало, что культура Днепровского лесостепного Левобережья во 2-ой половине (вероятно, наиболее интенсивно – около 3-ей четверти) V в. имела тесные связи с Причерноморьем, особенно с его северо-восточной частью. Около последних десятилетий V в. эти контакты прекращаются или заметно ослабевают, хотя полученный импульс в лесостепи имел продолжение в местном творчестве и в это время, а также фиксируется позднее, но значительно слабее, чем в начале постгуннского периода [Гавритухин, 1997а]. О «западном» культурном импульсе в позднегуннское время можно говорить, например, на основе наконечника из Александровского, контекст которого аналогичен тому, что реконструирован при анализе комплексов элиты середины V в. (см. часть 1.6). Постгуннские «западные» связи довольно слабы и не могут быть оценены однозначно (находки из Лазуковки и Восточного Бельского городища), значительно более весомы они позднее, когда оказали влияние на складывание культуры, представленной в кладах круга Мартыновки [Гавритухин, 1997а; 2004,

[9] Когда данная работа находилась на стадии макетирования, появилась возможность познакомиться с рядом восточнобалканских находок в оригинале. Отметим фибулы с длинными перемычками между ножкой и дужкой или с фасетированными перемычками (Разградский музей, № 5801 и новые поступления), фибулы с яйцевидной ножкой из погр. 70 Южного некрополя Абритуса (Музей в Разграде № 997, к сожалению без других находок для уточнения датировки). Фибулы из Разградского музея готовятся к публикации А. Хараламбиевой и Г. Радославовой; благодарю Г. Дзанева за помощь в работе с коллекциями.

с. 209; Гавритухин, Обломский, 1996]. Это касается и юго-западных, византийских, связей.

Вопреки расхожему мнению, что металлические украшения и детали снаряжения в культурах восточноевропейской лесостепи полностью заимствованы, даже доступная к настоящему времени небольшая выборка (что объяснимо отсутствием крупных могильников по обряду ингумации) позволяет говорить и о творчестве местных ювелиров. Конечно, оно сильно зависимо от импортных образцов и не создало устойчивую традицию, но его следует учитывать для понимания как культур 2-ой половины V – начала VI в., так и предпосылок сложения школ, отразившихся в оригинальных стилях убора, представленного в кладах круга Мартыновки.

1.6. Комплексы элиты V в.

(И. О. Гавритухин)

К настоящему времени на Днепровском Левобережье известен ряд находок, датруемых V в., выделяющихся своим богатством и связанных, по-видимому, с культурой элитного, «княжеского» слоя (рис. 1).

1. Большой Каменец, находка 1 (случайно обнаружена около 1918–1919 гг., вещи растащены крестьянами), поступила в Оружейную палату Московского Кремля в 1928 г. в составе: серебряного кувшина, ручки сосуда (возможно, принадлежавшего кувшину же), серебряного «фалара», фрагментов бронзового ведра, золотых нашивных накладок, бронзового «кронштейна» (рис. 23: 1–11); кроме того, в комплекс входили и пропавшие, но известные по описанию вещи: золотая шейная гривна с диском, украшенным сплошной вставкой красного «стекла», пара браслетов, золотой перстень, стеклянные неорнаментированные «стакан» и «блюдце»; вероятно, и ряд других вещей. Судя по составу предметов, упоминанию костей человека, в том числе и черепа, их размещению в довольно обширной камере, комплекс представлял собой инвентарь погребения [Мацулевич, 1934, с. 15–59].

2. Большой Каменец, находка 2 (29.10.1927 г.) включает поступившие в Оружейную палату в 1928 г.: золотую шейную гривну с диском, украшенным перегородчатой инкрустацией из стекла изумрудного и темно-красного («вишневого») цветов, пару золотых плетеных браслетов с зооморфными окончаниями, золотую плетеную цепь (рис. 23: 12–14); в комплекс входили и другие вещи, сведения о которых «сбивчивы и противоречивы»; никаких данных о взаиморасположении вещей или связанных с ними сооружениях не получено, ясно лишь, что они были вытащены детьми из земли на склоне оврага приблизительно в 300 м от предыдущего местонахождения [Мацулевич, 1934, с. 63–76].

3. Обояньский уезд, находка 1849 г. Набор вещей состоял из поступивших в Исторический музей (г. Москва) стеклянной чаши, золотой шейной гривны, золотых нашивных накладок (рис. 23: 15–16); прочие вещи, обстоятельства и контекст находки остались не известными [Мацулевич, 1934, с. 79–84; Кропоткин, 1970, с. 29, 102, № 900]. Лишь недавно А.Г. Шпилеву, поднявшему первоначальные сведения о находке, удалось выяснить, что клад происходит из с. Паники совр. Медвенского р-на Курской обл. [Шпилев, 2004].

4. Рублевка, клад 05.1891 г., найденный крестьянином при копании ямы, судя по вещам, присланным в Императорскую археологическую комиссию, содержал обломок золотого браслета и 201 золотую римскую монету от Валентиниана II (375–392 гг.) до Феодосия II (408–450 гг.) и Валентиниана III (425–455 гг.), позднейшие – 2 монеты Пульхерии, жены Маркиана (450–457 гг.); из того же села происходят серебряные и одна золотая («солид IV в.») монеты, попавшие в коллекцию И.А. Зарецкого, возможно, связанные с тем же кладом [Кропоткин, 1961, № 813, 814], в свете чего встает вопрос о наличии в нем ряда вещей, не отправленных в Комиссию или не обнаруженных первым находчиком.

5. Нежин, находка 1873 г. По данным Императорской археологической комиссии комплекс содержал: пару серебряных фибул, обтянутых золотыми листками и украшенных вставками из гранатов (рис. 25: 6), бронзовое «кольцо», 1312 римских динариев от Нерона (54–68) до Септимия Севера (193–211 гг.) [Кропоткин, 1970, № 1109]; об обстоятельствах находки и составлявших ее вещах существовала рукопись, составленная по заказу графа Строганова, которую пыталась найти Комиссия [Рукописный архив ИИМК РАН, ф.1, 1885, № 5, л. 27], но сведений о том, удалось ли это, в архиве Комиссии нами не обнаружено.

6. Поршино, погребение (?) 1936 г. По известным сведениям оно содержало: пару серебряных фибул, обтянутых золотыми листками и украшенных вставками, золотой перстень с вставкой, меч [Кропоткин, 1970, № 1044] (рис. 25: 1–5); вещи и документация об обстоятельствах находки утрачены во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

7. Жигайловка, находка 1964 г. При земляных работах найдены 2 серебряных кувшина: один из них покрыт рельефными изображениями, второй – гравировкой (рис. 24); работы не были остановлены, и контекст находки остался неясен [Кропоткин 1970, № 744, 1333; Пуцко, 1984].

Серебряный, позолоченный в некоторых местах, кувшин из 1-го комплекса в Большом Каменце (рис. 23: 1) подробно описан и проанализирован Л.А. Мацулевичем: стиль и состав украшавших кувшин изображений, характер клейма позволяют атрибутировать изделие как продукт константинопольских мастерских, выполненый около 400 г. или в самом начале V в. [Мацулевич, 1934, с. 15–38]. Эту атрибуцию поддержали А.В. Банк и В.В. Кропоткин, который вслед за К.М. Скалон распространил ее на

1-ый кувшин из Жигайловки (рис. 24: 1) [Банк, 1966, № 2–5; Кропоткин, 1970, с. 22]. Специально изучавший жигайловские сосуды В.Г. Пуцко пришел к тому же выводу и в отношении 2-го кувшина (рис. 24: 2) [Пуцко, 1984]. Позднеантичной традиции принадлежат серебряная ручка какого-то сосуда и обломок бронзового ведра из Большого Каменца (рис. 23: 5), возможно, вместе с кувшином составлявшие специальный прибор, который мог включать таз и другие вещи [Мацулевич, 1934, с. 38–39, 47–49, 54–55].

Прозрачная светло-зеленая стеклянная чаша (фиала) из-под Обояни украшена комбинацией гравированных и прошлифованных изображений (рис. 23: 15). Близкие вещи расцениваются как продукция средиземноморских или рейнских мастерских, датируемая около середины – 2-ой половины IV в. или немного шире, не исключая для ряда изделий возможности бытования в несколько более позднее время [Мацулевич, 1934, с. 80–82; Кропоткин, 1970, с. 29; Doppelfeld, 1966, группа 3.86; Sternini, 1995, p. 247; Martin, 1995, p. 95; L'oppidum..., p. 205; Price, 1995; там прочая литература].

Серебряный «фалар» из 1-го комплекса в Большом Каменце (рис. 23: 2) украшен чеканными изображениями четырех лиц в орнаментальном обрамлении растительного характера. Л.А. Мацулевич определял стиль исполнения этой вещи как локальный, периферийный, хотя и испытавший влияние позднеантичных средиземноморских мастерских [Мацулевич, 1934, с. 44–47]. В качестве параллели антропоморфным изображениям на фаларе можно указать на пряжку Флавия Астуария (рис. 26: 29), провинциально-римская атрибуция которой не вызывает сомнений [Jb.d.RGZM, 1994, 41–2, S. 654]. Крепление рассматриваемой вещи не обычно для фаларов: прослежены следы припоя по середине внутренней стороны. Это заставляет считать функциональную атрибуцию, предложенную Л.А. Мацулевичем, условной, хотя оснований для ее пересмотра и недостаточно.

Золотая цепь и браслеты из 2-го комплекса в Большом Каменце (рис. 23: 12–13) изготовлены в технике плетения, имевшей длительную традицию как в эллинистическо-римских, так и центральноазиатских мастерских [Мацулевич, 1934, с. 67–74; Musche, 1988]. Зооморфные окончания браслетов по стилю и технике исполнения близки образцам из Дюнапатай, Киевской губернии и ряда других пунктов от Подунавья до Причерноморья (рис. 26: 1, 5, 11) [Мацулевич, 1934, с. 70–73; Kiss, 1983, Abb. 5: 3, 8; 17; Ахмедов, Казанский, 2004].

В рассматриваемых находках представлены три золотые гривны. Э. Келлер, опубликовавший подборку таких вещей финала римского времени и эпохи переселения народов, отметил разнообразие их вариаций и принадлежность (там, где возможна атрибуция) мужским погребениям [Keller, 1967, S. 116]. Несомненна и знаковая роль гривен, подтвержденная комплексом источников, воспроизводящих реалии Римской империи [Speidel, 1996]. Рассматривая гривну из Обояни (рис. 23: 16), Л.А. Мацулевич указал на своеобразие ее замка, что выделяет данную вещь и ее соответствия из Концешт и керченских склепов, вскрытых 24.06.1904 г. [Мацулевич, 1934, с. 82–84], даже на фоне типологически наиболее близких по форме крючка и петли изделий из Унтерзибенбрунна, Сегед-Надьсекшоша, погр. 1954 г. в Кестхее, образца из «Южной России» в Метрополитен музее, изготовленных из золота, или многочисленных образцов из более дешевых материалов [Keller, 1967].

Необычны и гривны из Большого Каменца, имеющие диск, украшенный вставками. Известные в Прибалтике и Поочье гривны с замком в виде округлой «коробочки» с дошедшим до нас экземпляром из 2-го комплекса в Большом Каменце (рис. 23: 14) имеют сходство лишь по общим очертаниям, отличаясь конструкцией и многими деталями [Мацулевич, 1934, с. 64]. Золотые гривны с диском, украшенным вставками, из Рендзина и Равлунды [Prahistoria..., V, rys. 34; La Baume, 1934, Bild. 73: c; Arrhenius, 1971, fig. 28] относятся к кругу более близких аналогов, но и они изготовлены в других ремесленных традициях, складывавшихся, вероятно, параллельно той, что представлена изделием из Большого Каменца [Arrhenius, 1971, s. 28–29]. Гривны, имеющие диск с орнаментальными вставками, известны по изображениям телохранителей римских императоров, по крайней мере, начиная с IV в. до времени Юстиниана Великого [Speidel, 1996; там библиография]. Зачастую их распространение связывают с германским компонентом в римской армии, хотя традиция носить сплошные шейные украшения, в т.ч. и гривны с медальонами, имеющими вставки, указывает, скорее, на культуры центральноазиатского круга (примеры см. [Musche, 1988; Royal... 1978, № 4, 17] и др.), оказавшие глубокое влияние на многие стороны позднеримской жизни. Параллели красно-зелено-золотой цветовой гамме и технике перегородчатой инкрустации медальона гривны из Большого Каменца, очевидно, связаны не только с керченским кругом вещей, о чем писал Л.А. Мацулевич, но и с образцами из Подунавья или Италии, представляющими стиль инкрустаций, типичный для гуннской эпохи, и с изделиями некоторых ювелирных школ более позднего времени (например, рис. 27: 1), но ближайшие стилистические аналоги (рис. 26: 23, 24, 27, 28) указывают все же на понтийский круг вещей гуннского времени.

Мелкие фигурные нашивные бляшки, выдавленные из тонких золотых листочков, получают широкое распространение в комплексах гуннского периода, имеющих разную культурную атрибуцию, хотя истоки этой моды, вероятнее всего, связаны с традициями сармато-аланского круга, до эпохи Великого переселения народов сохранившимися на Боспоре [Мацулевич, 1934, с. 50–52; Кишш, 1995, табл. 2, 5; Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 299–309; Марчен-

ко, 1996, с. 32–33, 139–143; Мастыкова, Казанский, 2003].

Меч из Поршино (рис. 25: 4) по общему облику находит соответствия среди находок V в. [Kazanski, 1996, p. 118–121; там литература].

Фибулы, украшенные вставками, из Нежина и Поршино имеют полукруглые головки и ромбические ножки. Наиболее подробно вещи этой подгруппы рассмотрены Р. Хархойу [Harhoiu, 1995]. Классификация Р. Хархойу строится как сериация формальных признаков, неоднозначность которых «компенсируется» их количеством. Принципиальные различия результатов сериаций в зависимости от числа учтенных признаков, продемонстрированные исследованием румынского коллеги, и понимание того, что число формальных признаков у вещи, в принципе, бесконечно, заставляют искать другой путь работы с этими вещами. Очевидно, он должен быть связан с оценкой значения признаков. Исходя из сказанного, мы предлагаем свои эволюционно-типологические наблюдения, необходимые для интерпретации двупластинчатых фибул интересующей нас подгруппы с учетом, в первую очередь, их стилистических особенностей.

Прежде всего, на фоне прочих обращает на себя внимание круг вариаций, выполненных в традициях позднеантичного ремесла. Эти вещи отличают: сложные композиции деталей, центрированных, как правило, крупными вставками; вычурные бордюры, окаймляющие пластины и некоторые детали изделий; многообразие и сложность техники исполнения. Хотя конструктивно это, несомненно, фибулы, стиль их решения напоминает, скорее, броши, вероятно, более привычные для изготовителей. Кроме образцов из Шимлеул Сильваней (рис. 27: 38, 40), этому кругу близка застежка с закругленной ножкой из Орслев (рис. 27: 36), к прототипам которой относятся экземпляр из Венгерского национального музея (рис. 27: 47) и ему подобные. Фибулы из Изворул (рис. 27: 48) – очевидное варварское подражание указанному стилю. К переработкам вещей этого круга, более упрощенным и четче ориентированным на переосмысление варварских форм, но с явными стилистическими «рудиментами», а потому выглядящих довольно эклектично, относятся экземпляры из Шимлеул Сильваней с архаичной формой ножки (рис. 27: 37, 39). Изделия с узкой вытянутой ножкой, украшенной имитацией кнопок-заклепок (рис. 27: 21–23), появились в мастерских, явно ориентированных на вкусы варваров, но сохранивших традиции не только позднеантичной техники, но и композиционных приемов (очевидно, отражая новые веяния в стилистике двупластинчатых фибул [Амброз, 1966, с. 86, 88]). Схожий характер сочетания стилей (хоть и не тех, что представлены на упомянутых изделиях из Подунавья) воплощен в находке из Штейрнеда (рис. 27: 24).

Серия полихромных фибул из комплексов круга Унтерзибенбрунн – Рабопордань (рис. 27: 25–28) довольно стандартна. Кроме сравнительной простоты исполнения показательна новая стилистика использования вставок: если на ножке ориентированная по вертикали композиционная структура объяснима особенностями пропорций (ср. рис. 27: 37, 39), то на головной пластине смещение центра композиции к основанию дужки явно указывает на новое стилистическое решение вещи. Причем, наряду со стремлением к центрированности расположения вставок, на этих вещах более отчетливо проступает и отношение к вставкам, как «заполняющим» плоскость, что обычно на диадемах и других изделиях гуннской эпохи [Амброз, 1981, с. 12, 17, 106; 1992, с. 25]. Самые крупные и менее всех бывшие в употреблении фибулы из Шимлеул Сильваней (рис. 27: 4–7) формой и композиционной структурой явно связаны с рассмотренной серией, но должны оцениваться как типологически более развитые, учитывая их более крупные размеры (такие известны лишь у двупластинчатых фибул с накладками, образующих горизонт, сменяющий унтерзибенбрунновский [Амброз, 1966, с. 87–88; Teral, 1997a; Bierbrauer, 1995; Гавритухин, 2004, приложение 1; Гавритухин, Казанский 2006, с. 297–301]), и инкрустированные окантовки у оснований дужек, столь напоминающие накладки. Описанный эволюционный ряд, судя по всему, отражает собственно варварскую, восточногерманскую традицию в Подунавье, складывающуюся в фазе D2 (380/400–440/450 гг.[10]) и продолжающую существовать, по крайней мере, в начале фазы D2/D3 (430/440–470/480 гг.). Итальянские образцы (рис. 27: 1–2 и близкие им) принадлежат уже постгуннской эпохе [Bierbrauer, 1975, Abb. 24; t. VI: 1–2; XL: 1; LIX: 1–2; Werner, 1961, № 75].

Керченскую серию полихромных фибул (рис. 27: 42–46) характеризуют малые размеры и архаичная форма (как у черняховских образцов), но структура их орнаментации явно близка серии Унтерзибенбрунн – Рабопордань, причем такое сопоставление находит подтверждение и в составе комплексов [Засецкая, 1993, № 90; Амброз, 1966, с. 83, вариант IAA, № 26–27 и IАБ, № 13–14]. Ряд кавказских находок, судя по особенностям композиции вставок, следует рассматривать как локальные формы, производные от дунайских переработок позднеантичных образцов (ср. рис. 27: 30–35 и 37–38, 11 и 23), датирующиеся по находкам в Гиляче и Дюрсо не ранней частью фазы D2 [Минаева, 1982, с. 230–233] (уточнение даты по составу керамики любезно сообщено В.Ю. Малашевым) или фазой D2/D3 [Дмитриев, 1979, с. 222–223; 1982, с. 96]. Не ранее этого датируются и упрощенные вариации кавказской серии (рис. 27: 12–20) или несерийные маленькие образцы (рис. 27: 9 – связан орнаментальной композицией с кавказской серией; рис. 27: 8, 10 – по типологиче-

[10] Здесь и далее периоды и датировки, за исключением особо оговариваемых случаев, даны по [Tejral, 1987]; с учетом некоторых уточнений по [Tejral, 1997a].

ски «поздним» стилям орнаментации и пропорциям ножки – ср. рис. 27: 1, 5, 11).

Для датирования фибул, выполненных в позднеантичной манере, есть, в основном, косвенные данные. Практически все варианты сериаций, предложенные Р. Хархойу, показывают близость фибул с фигурной головкой и узкой ножкой (рис. 27: 21, 22) крупным фибулам с имитацией накладок (рис. 27: 3–7). Это подтверждает и комплекс из Регей, оцененный Я. Тейралом как поздний в рамках фазы D2 [Tejral, 1987, S. 340], т. е. частично синхронный фазе D2/D3. С другой стороны, фибулы типа Регей более всего близки варваризированным переработкам позднеантичных образцов с архаичной формой ножки (рис. 27: 37, 39), все элементы которых находят соответствия среди изделий, показательных для фазы D2 [Tejral, 1997a, Abb. 15]. Маловероятна и хронологическая лакуна между фибулами, выполненными в позднеантичных традициях, и их переработками. Об этом свидетельствуют и типологические соответствия ряда кавказских фибул позднеантичным, отмеченные выше. Тем не менее, хронологические рамки позднеантичных фибул едва ли могут быть ограничены лишь фазой D2. Кроме общетипологических соображений на это указывает и их имитация из Изворул (рис. 27: 49), комплекс которой относится к фазе D1, не исключая и C3 [Mitrea, Preda, 1966, fig. 182–183].

Как же в полученную картину вписываются фибулы из Поршино и Нежина? Все сериации, предложенные Р. Хархойу, указывают на связь обеих с дунайскими варваризированными образцами. Причем поршинские ближе образцам типа Регей, а нежинские – экземплярам с архаичной формой ножки [Harhoiu, 1995, Abb. 16]. Общий облик фибул из Поршино более всего соответствует образцам из Шимлеул Сильваней с имитациями накладок у дужки, а сочетание аналогов указывает на датировку аттиловским временем (поздняя часть фазы D2 / ранняя часть фазы D2/D3 – ок. 435–455 гг.). Нежинские фибулы четкой центрированностью композиций близки позднеантичным образцам, явно архаична и сравнительно короткая ножка, но стремление заполнить все пространство вещи вставками сближает их с варваризованными переработками позднеантичных стилей и собственно варварскими сериями. В итоге наиболее реальной для нежинских фибул представляется датировка около рубежа IV и V вв. или первыми десятилетиями V в. (ранняя часть фазы D2).

Разбор важнейших составляющих позволяет перейти к более конкретной характеристике «княжеских» комплексов Днепровского Левобережья. Уже анализ фибул и разница состава находок, особенно очевидная при сопоставлении со схожими варварскими комплексами, показывают, что они принадлежат, как минимум, двум горизонтам. Для первого характерны клады, включающие в различных сочетаниях: позднеантичную посуду, состав которой часто не сводится к функциональным наборам; долго сохранявшиеся монеты, среди которых заметное место принадлежит полновесным римским серебряным I – начала III вв.; отдельные вещи индивидуального пользования, как варварского производства, так и позднеантичных традиций, но изготовленные для варваров (фибулы, подвески, медальоны IV в. и др.). Судя по всему, это «кладовые» представителей знатных родов, включающие вещи, полученные отцами и дедами в эпоху относительной стабильности (от Константина Великого до Валента), дополненные в ходе бурных событий конца IV – первых десятилетий V в., и вскоре сокрытые. Таковы комплексы из Борочиц, клад 1 в Шимлеул Сильваней, клад «В» из Молотечно (Хаммерсдорфа), вероятно, связанный с более широким кругом находок там же, и др. [Тиханова, 1956; Кропоткин, 1961, № 317; Harhoiu, 1997, № 85; Кулаков, 1998, с. 99–100; Sulimirski, 1966]. Богатейшие из синхронных варварских погребений содержат набор вещей индивидуального пользования, восходящий к европейским варварским традициям римского времени, причем богатые украшения принадлежат здесь женщинам, что характерно для культур восточногерманского круга V–VI вв. (тип Унтерзибенбрунн), или отражают воинскую культуру, как кочевническую, так и испытавшую ее влияние (тип Панонхалма – Якушовице), или содержат предметы, атрибутируемые как женские кочевнические (два последних типа пока нет оснований датировать более узко, чем фаза D2 в целом или даже чуть шире того [Амброз, 1981, с. 12–17; 1989, с. 29–43]). К рассматриваемому горизонту относятся и комплексы типа Качин – Замостье [Tejral, 1973].

Второй горизонт представлен погребениями, богатейшие из которых, очевидно, «княжеские», кроме предметов личного убора включают вещи, связанные с «церемониальной» культурой, испытавшей римское и «восточное» (кочевническое) влияние: соответствующий подбор посуды, кресла, вероятные инсигнии, парадное воинское снаряжение, женские гарнитуры римско-византийского состава (Концешты, Петроаса, Апахида 1 и 2, Сомершень, Ольвия). Даже если часть этих комплексов является кладами (как второй из Шимлеул Сильваней), очевидна сопоставимость их набора с явными погребальными памятниками (Концешты) [Harhoiu, 1997, № 31, 68: 1, 3: 1–2, 30: 1; Ross, 1965, № 166; Maniere-Leveque, 1993, № 3]. В монетных кладах этой эпохи важную часть составляют золотые монеты конца IV – 1-ой половины V вв. Очевидно, все это отражает социальные и культурные реалии, сложившиеся в эпоху Аттилы и сохраняющиеся после крушения созданной им державы. Упомянутые «княжеские» погребения по статусу и ряду вещей вполне соотносимы с богатейшими комплексами, известными западнее (Блучина, могила Хильдерика в Турне и т.п. [Périn, 1995; там литература]). Конечно, указанные горизонты не исчерпывают многообразия комплексов, связанных с варварской элитой V в., но позволяют наметить эволюцию культуры правящего слоя ряда

некочевнических группировок, находящихся за римским лимесом (подчеркнем, что речь идет о богатейших находках некоторых варварских культур).

В свете сказанного на Днепровском Левобережье к комплексам первого горизонта (ранняя часть фазы D2: рубеж IV/V – первые десятилетия V вв.) относится находка из Нежина (по особенностям ее состава и дате фибулы), судя по всему, являющаяся кладом. Ко второму горизонту (финал D2, D2/D3 или D3: около 440–480 гг.) относятся: погребение в Поршино (по дате фибулы – середина V в.), непонятно, бывшее парным или же мужским с женскими вещами в качестве дара; 1-ая находка из Большого Каменца (по набору вещей, причем наличие мелких нашивных накладок указывают, скорее, на близость гуннской эпохе, т.е. на дату около середины V в.), происходящая, вероятно, из могилы вождя; 2-ая находка из Большого Каменца (близкая по времени первой, исходя из вероятной принадлежности одному памятнику: ср. контекст погребений княжеского ранга в Апахиде, позднее – в Куньбабони [Toht, Horvat, 1992]), что подтверждается сочетанием ближайших аналогов гривне и браслетам); клад из Рублевки (по составу монет). Находки из окрестностей Обояни принадлежат, судя по составу, мужскому погребению гуннского времени, которое может быть синхронно комплексам как 1-го, так и 2-го горизонта. Еще меньше оснований для узкого датирования находки из Жигайловки.

1.7. К реконструкции исторических процессов (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский)

После разгрома объединения Германариха (ок. 375 г.) на территории Днепровского Левобережья черняховские поселения и могильники продолжают функционировать, т.е. в массе своей готы, их союзники и подданные покидают Левобережье не в самом начале гуннской эпохи, а позже. Точно определить дату миграций пока невозможно, потому что в культуре левобережного черняховского населения в гуннское время наблюдаются черты некоторого консерватизма, затрудняющего синхронизацию этих древностей с хронологическими колонками других территорий. Возможно, определенная изолированность материальной культуры, прослеживающаяся на некоторых поздних черняховских памятниках, объясняется сообщением Иордана о готских группировках, оставшихся верными Винитарию в столкновении с гуннами и разбитых. Потерпевшие поражение, очевидно, не могли претендовать на более-менее заметную роль в новой геополитической структуре, что и объясняет отсутствие «престижных» новинок. Археологически присутствие гуннов на территории лесостепного Левобережья прослеживается лишь по находке котла в низовьях Ворсклы, да и то этот регион находится на границе со степью. Проникновение кочевников в лесостепь диагностируется несколькими памятниками сарматского круга фазы D1 и, вероятно, D2 (Кантемировка, возможно, Орлик). Так же, как погребения степняков более позднего времени (Лихачевка), они сосредоточены на южной периферии черняховского ареала в нижнем течении Ворсклы, где вплоть до довоенного времени сохранялся язык степей, уходящий на север.[11] Очевидно, появление гуннов активизировало процессы разрушения сложившегося ранее относительного равновесия трех основных этнокультурных группировок региона (черняховской общности, деснинского и сейминско-донецкого вариантов киевской культуры).

На территории лесостепи и юга лесной зоны наблюдаются передвижения различных групп киевского населения. Часть лесостепного киевского населения из области контактов черняховской и киевской культур (вероятнее всего, из Среднего Поднепровья) непосредственно перед появлением гуннов или в раннегуннский период переселилась в Черниговское Полесье. В раннегуннское время происходит проникновение племен, населявших деснинско-сеймин-ское Полесье, на восток – на водораздел Днепра и Дона, и на юг – в Посулье и среднее течение Псла, что привело к образованию колочинской раннесредневековой культуры и распространению ее на земли, ранее занятые как черняховским населением, так и находившимися под значительным его влиянием племенами сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Не исключено, что свидетельством союза деснинского населения с гуннами являются находки степных по происхождению вещей на поздних памятниках киевской культуры (зеркало из Ульяновки-1, наконечники стрел), хотя этих предметов пока слишком мало для того, чтобы считать связи устойчивыми. Процесс формирования пеньковской культуры был довольно сложным, но основу его, по всей видимости, составляла серия микромиграций различных групп южного лесостепного киевского населения, в т.ч. и входивших до этого в состав черняховской культуры. В раннепеньковские группировки, по всей видимости, влились и выходцы с севера – из области распространения памятников типа Ульяновки.

Мы присоединяемся к мнению большинства исследователей, которые считают, что население киевской культуры и его потомки – пеньковские и колочинские племена – в этническом отношении были славянами [Славяне..., там литература]. Основным результатом исторических процессов конца IV – первой половины V вв. на территории Днепровского Левобережья было, таким образом, освоение славянскими группировками наиболее плодородной его ча-

[11] В настоящее время многие пустоши в этих местах засажены лесом.

сти – территории, ранее заселенной народами черняховской общности.

Несмотря на наличие довольно большого числа монетных кладов, соотносимых с культурами III–V вв. (рис. 1Б), вещевых кладов или богатых, резко выделяющихся по составу инвентаря могил, датируемых позднеримским временем, на рассматриваемой территории не известно. В наиболее богатой источниками черняховской культуре погребения элиты определяют, например, по размерам могильных ям [Магомедов, 1997а]. Самый ранний из памятников, отчетливо выделяющийся на фоне окружения – Нежинский клад. Он датируется ранней частью гуннской эпохи (конец IV – первые десятилетия V вв.) и по характеру сопоставим с сокрытыми и не востребованными I «сокровищами» варварской элиты V – начало V вв.. Географически он находится в районе одного из северных скоплений черняховских памятников, отделенного «полосой отчуждения» от южных поселений киевской культуры Нижнего Подесенья (ср. рис. 1 и 20). Вероятно, сокрытие Нежинского клада приходится на эпоху распада черняховской культуры, миграции значительной части ее населения на запад, продвижения группировок деснинского варианта киевской культуры на восток и юг, начала процессов, приведших к формированию колочинской и пеньковской археологических общностей.

Формирование второго, довольно представительного горизонта «княжеских» комплексов Днепровского Левобережья, судя по составу, приходится на эпоху Аттилы, хотя попадание в землю кладов и совершение захоронений могло произойти и чуть позже. По всей видимости, остатки подданных гуннской державы, которые в междоусобице, начавшейся после смерти Аттилы, поддержали его наследников, после разгрома на Недао вернулись в Восточную Европу. Они принесли с собой не только волну смут, но и ряд культурных элементов дунайского круга. Детали этих процессов пока не ясны, хотя в последнее время о подобных явлениях довольно много пишут [Гавритухин, 1994, с. 37; Кулаков, 1998; Каргопольцев, 1997; Ахмедов, Казанский, 2004; там литература]. Отметим, что если дунайский импульс середины – третьей четверти V в. в Причерноморье или в Прибалтике был ощутим в культуре довольно широких слоев населения, то совершенно иная картина наблюдается в интересующем нас регионе: следов дунайского влияния на «рядовых» памятниках здесь почти нет. Объяснить этот факт можно, если представить, что активное участие в деятельности под руководством Аттилы принимали не крупные воинские контингенты, набранные на Левобережье (речь идёт о группировках, которые вернулись на родину после походов), а сравнительно небольшие отряды. Судя по числу и богатству комплексов, немногочисленность этих людей сочеталась с довольно высоким статусом их предводителей.

Географическое распределение богатых находок второго горизонта показывает, что отряды набирались из довольно пестрого в этническом отношении населения: Большой Каменец лежит в контактной зоне колочинской и пеньковской культур, где могли проживать и потомки носителей черняховской или киевской сейминско-донецкой традиций; Поршино находится в слабо изученной области пограничья раннеколочинской и мощинской культуры, занимавшей верхнее течение Оки; Рублевка – на территории пеньковской общности. Судя по всему, связь профессионально-элитных воинских отрядов с местным населением не была значительной, поэтому существенного влияния на этнокультурные процессы в регионе они не оказали.

Ситуация на Днепровском Левобережье во 2-й половине V в. определялась процессами стабилизации новых этнокультурных образований (колочинской и пеньковской археологических общностей). Связи левобережного населения с лесной зоной и степью в этот период сохранялись, о чем свидетельствуют находки украшений т.н. верхнеднепровского очага ювелирного ремесла и «шиповского круга». Наблюдаются, также, контакты с восточногерманскими группировками, концентрировавшимися в Северо-Восточном Причерноморье (комплекс из Волобуевки; фибулы из Токарей, Мощенки, Новоселицы), что объяснимо наличием на Левобережье родственного германцам населения – каких-то, очевидно, немногочисленных, но довольно активных, потомков черняховцев, сохранявших восточногерманские традиции и связи. В конце V в. во взаимоотношениях лесостепного и более южного населения происходят изменения, вызванные, судя по всему, переменами в степи [Острая Лука..., с. 89–94]. О возобновлении прямого взаимодействия жителей Поднепровья с Подунавьем можно говорить лишь применительно ко времени не ранее конца V в., а в основном – с VI в. [Гавритухин, 1997а; 1994, с. 37]. К VII в. в Поднепровье складывается новый набор престижных украшений, сокрытие которых в земле в виде кладов связано с событиями 2-ой половины этого столетия [Гавритухин, Обломский, 1996].

Табл. 1 (начало). Хронологические индикаторы раннего гуннского времени на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья.

Памятник (и его № по рис. 20), комплекс	Культура	Хронологические индикаторы гуннского времени	Прочие находки из закрытого комплекса	Рисунок
Александровка-1 (24), яма 104	киевская	пластина с оттиснутым наконечником пояса		16: 20
Александровка-1 (24), яма 251	киевская	крупная воинская двучленная фибула		16: 21
Боромля (7), погр. 45	черняховская	пряжка с язычком, охватывающим рамку	2 фибулы с широкими спинками, керамика, 2 пряслица, тупик	13: 2
Войтенки (33), слой поселения или могильника	черняховская	стеклянные сосуды с профилированным дном и с прошлифованными медальонами; крупная фибула		6: 11 5: 5–6
Волошиновка (3), на поселении	черняховская	пряжка с длинным язычком		12: 4
Воскресенское (37), постройка 3	черняховская	фр-т стеклянного сосуда с синими налепами	гребень типа III по С. Томас, гончарная керамика	3: 10
Воскресенское, древнерусская постройка 3	черняховская	железный наконечник стрелы		
Головчино (11), слой поселения	черняховская	профилированное дно стеклянного сосуда серии Сетвердт типа Луги		6: 3 = 14: 16
Гочево-4 (35), наземная постройка	черняховская	двупластинчатая фибула с расширением ножки у дужки	керамика	10: 9 = 14: 4
Гречаники (38), набор пряжек	черняховская?	вытянутая пряжка с высоким язычком треугольного сечения, вероятно, охватывающим рамку		12: 19
Дубина 1 (36), погр. 3	черняховская	стенка стеклянного сосуда с прошлифованными шестиугольниками	язычок пряжки круглого сечения, гончарная керамика, серебряная и костяная подвески, пряслице	8: 3
Дубина 1 (36), слой	черняховская	стенка стеклянного сосуда с прошлифованными шестиугольниками		8: 4
Западня/Западенька (34), слой поселения	черняховская	двуслойный стеклянный сосуд со шлифованной «елочкой»; стенка стеклянного сосуда с прошлифованными шестиугольниками; стеклянные сосуды с профилированным дном и с прошлифованными медальонами		4: 16 8: 2 6: 12 5: 7
Каменево-2 (22), постройка II	киевская	фибула с лопатковидной ножкой	лепная киевская и гончарная черняховская керамика, 3 фр-та пряслиц, точильный камень, наконечник стрелы	17: 22
Каменево-2 (22), постройка III	киевская	пряжка с круглой равномерно расширенной рамкой	лепная киевская и черняховская гончарная керамика, наконечники стрел	17: 26

Табл. 1 (продолжение). Хронологические индикаторы раннего гуннского времени на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья.

Памятник (и его № по рис. 20), комплекс	Культура	Хронологические индикаторы гуннского времени	Прочие находки из закрытого комплекса	Рисунок
Каменево-2 (22), постройка VII	киевская	фибула с лопатковидной ножкой; вытянутая железная пряжка с язычком, охватывающим дужку	лепная киевская и гончарная черняховская керамика, 4 фр-та пряслиц, бронзовые «серьга», бляшка, трапециевидная подвеска, стеклянная бусина	17: 21 17: 25
Кантемировка (40), погр. 1 (курган)	сарматская	обувная гарнитура с мечевидными наконечниками и С-видными накладками; лепная имитация чаши с налепами; гребень тип III по С. Томас, с наборными внешними пластинами	черняховская керамика; пряжки; оковки шкатулки; наборы для игры и др.	19: 49 19: 56 3: 12 = 19: 60 19: 51
Кантемировка (40), погр. 2 (курган)	сарматская	стеклянный кубок типа 47f по Л. Баркоци	изношенная калачевидная пряжка и др	19: 41,42
Кантемировка (40), погр.3 (курган)	сарматская	пряжки с язычками, охватывающими рамку; С-видные обувные накладки; красная вставка	гребень типа III по С. Томас; узда; пряжки и др.	19: 38 19: 39 19: 26
Лохвица (4), погр. 12	черняховская	пряжка с язычком высокого треугольного сечения	Керамика, бусы	12: 51
Нежин (43), клад		пара двупластинчатых фибул, с золотой обкладкой и вставками гранатов	бронзовое «кольцо»; 1312 римских денариев I–II вв.	25: 6 = 27: 41
Орлик (39), комплекс вещей, вероятно, погр.		пряжка с «хоботковидным» язычком	пряжки; фибула; меч; нож и др.	19: 13
Переяслав-Хмельницкий (2), погр.1/1952	черняховская	пряжка с очень массивным язычком	калачевидная пряжка, керамика	12: 16
Переяслав-Хмельницкий (2), погр. 52(?)[12]	черняховская	крупная фибула	?	12: 12–13
Песчаное (21), постройка 1	киевская	наконечник стрелы	лепная керамика; фр-т черняховского гончарного сосуда	17: 27
Родной Край-1 (8), погр.14	черняховская	пряжка с язычком, охватывающим рамку	гребень типа III по С. Томас; керамика	14: 6
Роище (23), яма 196	киевская	крупная железная пряжка с язычком, охватывающим рамку		16: 57
Роище (23), культурный слой	киевская	амфора типа Е		16: 29
Сенча (25), слой	киевская	наконечник стрелы		
Соснова (1), погр.427 и 467	черняховская	перекрывают погр. 468 с подвеской-лунницей	керамика	12: 53
Соснова (1), погр. 664	черняховская	пряжка с равномерно расширенной рамкой	керамика, пряслице	12: 5
Соснова (1), постройка 1 (из слоя ?)	черняховская	стенка стеклянного сосуда с прошлифованными шестиугольниками		8: 5; 12: 2

[12] Во время раскопок 1952 и 1954 гг. на могильнике раскопано всего 42 погребения. Рисунок фибулы взят из архива Э.А. Сымоновича. На карточке имелась пометка «погр. 52». Не исключено, что фибула происходит из какого-то погребения, раскопанного в 1952 г.

Табл. 1 (окончание). Хронологические индикаторы раннего гуннского времени на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья.

Памятник (и его № по рис.20), комплекс	Культура	Хронологические индикаторы гуннского времени	Прочие находки из закрытого комплекса	Рисунок
Соснова (1), слой	черняховская	крупный язычок пряжки треугольного сечения; фр-т стеклянного сосуда с налепами синего стекла		12: 7; 3: 9; 12: 1
Сумы-Сад (6), погр. 5	черняховская	двупластинчатые фибулы с массивной полой дужкой; одночастный гребень типа III по С. Томас	сильно изношенная пряжка, ожерелье, керамика, 2 игольника, игла, нож, 2 подвески-раковины	9: 9= 12: 28 12: 29
Ульяновка (17), постройка 1	киевская	фр-т зеркала с петлей на обороте; браслет	лепная киевская и черняховская гончарная керамика	15: 19 15: 22
Ульяновка (17), постройка 3	киевская	гребень типа III по С.Томас с вырезами по бокам выступа	бусы, пряслица, лепная киевская и черняховская гончарная керамика	15: 24
Ульяновка (17), постройка 5	киевская	маленькая кольцевидная пряжка; крупная железная пряжка с длинным язычком	бусы, пряслица, лепная киевская и черняховская гончарная керамика	15: 23 15: 21
Успенка (5), погр. 137	черняховская	пара крупных двупластинчатых фибул	гребень типа III по С. Томас, ожерелье, гончарная керамика, лощило, 2 пряслица	9: 1–2= 12: 8–9
Успенка (5), погр. 725 (?)	черняховская	двупластинчатая фибула с расширением ножки у дужки	?	9: 3= 12: 18
Успенка (5), погр. 1654	черняховская	гребень типа III по С. Томас с вырезами по бокам выступа	фибулы, ожерелье, ведерковидная подвеска, шило, гончарная керамика, краснолаковая миска	12: 57
Успенка (5), погр. 1655	черняховская	маленькая пряжка с равномерно расширенной рамкой	керамика, точильный брусок	12: 59
Успенка (5), погр. 525, 556, 938 (слой?)	черняховская	язычок крупной пряжки треугольного сечения с креплением внизу; пряжки с язычками, охватывающими рамку		12: 6 12: 21 12: 22
Хлопков-1 (10), слой поселения	черняховская	маленькая круглая пряжка с выступающим язычком		18: 17
Хохлово-2 (12), слой поселения	черняховская	стеклянные кубки со шлифованными шестиугольниками		8: 6–7 14: 1–2
Червоный Яр (9), слой поселения	черняховская	кубок с крупными шлифованными овалами		8: 1
Шостка-Локотки, постройка	киевская	массивный язычок бронзовой пряжки	лепная керамика, 4 пряслица, железный предмет	
Николаевка, Болованово, Мармыжи (32)	черняховская (?)	См. примечание 6 на с. 23		11: 8

Табл. 2 (начало). Характер исследованности черняховских памятников и ингумаций V в. на территории Днепровского Левобережья

Название (м – могильник, п – поселение)	Площадь или Количество погребений	Степень полноты информации*	Источник информации
10-ый Октябрь\п	около 400 кв.м	П	Обломский, 2002
Артюховка\п	252 кв.м	Ч	Романова, 1989
Белополье\п	около 300 кв.м	Ч	Некрасова, 1994
Боромля-1\м	46	П	Некрасова, 1989; 1990а; 1990б; 1991; 2006
Боромля-2\п	более 600 кв.м	П	Некрасова, 1989; 1990; 1991; 2006
Великий Бобрик\п	1122 кв.м	Н	Раскопки А.И. Журко 1988 г.
Викнено\п	240 кв.м	Н	Раскопки Ю.В. Буйнова 1984 г.
Вовчик	6	Н	Раскопки В.В. Кропоткина 1968 г.
Вознесенский\п	около 100 кв.м	Ч	Кропоткін, Обломський, 1991
Войтенки-1\п	451 кв.м	Н	Раскопки Б.А. Шрамко и А.Г. Дьяченко 1975 г.
Войтенки-2\п	166 кв.м	Н	Раскопки А.Г. Дьяченко 1975 г.
Волобуевка\м	1	П	Сибилев, 1926; 1928
Воронцовка\м	1	Ч	Мельник, 1905; Луцкевич, 1948
Головино-1\м	5	П	Обломский, 2003.
Головино-1\п	около 800 кв.м	П	Обломский, 2003.
Головчино\п	около 300 кв.м	Н	Раскопки А.В. Кропоткина 1988–1989 гг.
Гочево-3\п	около 600 кв.м	Н	Раскопки О.А. Щегловой и В.М. Горюновой 1987–1988 гг.
Гочево-4\п	около 200 кв.м	Н	Раскопки Г.А. Романовой и В.М. Горюновой 1987–1988 гг.
Казачья Локня\п	?	П	Липкинг, 1979
Кантемировка\м	3	Ч	Рудинський, 1931; архив Е.Л. Гороховского
Кантемировка\м	10	Ч	Махно, 1952
Кантемировка\п	300 кв.м	Ч	Махно, 1952
Колесники\п	около 200 кв.м	Н	Раскопки М.В. Любичева 1995–1996 гг.
Колосовка\п	около 600 кв.м	П	Симонович, 1983
Константиновград\м?	1?	Ч	Рудинський, 1928
Коровинцы\п	134 кв.м	Ч	Махно, 1955
Косовщина-1\п	1008 кв.м	Н	Раскопки А.И. Журко 1986 г.
Косовщина-2\п	около 800 кв.м	Н	Раскопки А.И. Журко 1986 г.
Краснополье-1\п	2248 кв.м	Н	Раскопки А.И. Журко 1986 г.
Кулики\п	154 кв.м	Н	Раскопки А.Г. Дьяченко 1976 г.
Лихачевка\м	1	П	Зарецкий, 1888; Обломский, 2004б
Лохвица\м	20	П	Березовец, Петров, 1960
Любовка\м	2	П	Радзіевська, Шрамко, 1980
Максимовка\м	2	П	Левченко, 2001
Мамрои-2\п	217 кв.м	Н	Раскопки Е.Н. Петренко 1982 г.
Муром-6\п	201кв.м	Н	Раскопки А.Г. Дьяченко 1978 г.
Муром-7\п	24	Н	Раскопки А.Г. Дьяченко 1978 г.
Новая Покровка\м	?	Ч	Кухаренко, 1952
Новая Покровка\п	520 кв.м	Ч	Кухаренко, 1952
Новоселовка\м	3 или 5	Н	Раскопки Е.В. Махно и Л.М. Рутковской 1940 и 1966 гг.
Новоселовка\п	около 20 кв.м	Н	Раскопки Ю.А. Липкинга 1970 г.
Орлик (Еременки)\м	1	П	Левченко, Супруненко, 1994

* Примечание: н – неопубликовано; п – опубликовано полностью; ч – опубликовано частично

Табл. 2 (окончание). Характер исследованности черняховских памятников и ингумаций V в. на территории Днепровского Левобережья.

Название (м – могильник, п – поселение)	Площадь \ Количество погребений	Степень полноты информации	Источник информации
Павлюковка\м	6	П	Шрамко, 1979
Пересечное\м	?	Н	Раскопки Т.И. Ивановской и И.Н. Луцкевича 1931–1933 гг.
Пересечное\п	?	Н	Раскопки Т.И. Ивановской и И.Н. Луцкевича 1931–1933 гг.
Переяслав\м	42	Ч	Гончаров, Махно, 1957
Переяслав\м	4	П	Махно, Сікорський, 1976
Песчаное\п	1338 кв. м	Ч	Журко, 1990; 1994
Писаревка\м	2	Н	Раскопки Е.В. Махно 1966–1967 гг.
Родной Край-1\м	14	П	Петренко, 1991
Родной Край-1\п	1200 кв.м	Н	Раскопки Ю.В. Буйнова и Е.Н. Петренко 1978–1984 гг.
Снагость-2\п	400 кв.м	Н	Раскопки Э.А. Сымоновича 1977 г.
Соколово-2\м	1	П	Петренко, 1991
Соснова\м	50	Ч	Махно. Сикорский. 1987; 1989
Соснова\п		Ч	Махно. Сикорский. 1987; 1989
Сумы(Сад)\м	7	П	Некрасова, 1985
Сумы\м	3	П	Богусевич, 1960; Махно, 1967
Успенка\м	34	П	Некрасова, 2006
Хлопков-1\п	более 2000 кв.м	П	Костенко, 1978; Некрасова, 1988
Хохлово-2\п	около 300 кв.м	Ч	Кропоткін, Обломський, 1991

* Примечание: н – неопубликовано; п – опубликовано полностью; ч – опубликовано частично

Табл. 3 (начало). Памятники киевской культуры второй половины III – начала V в., исследованные раскопками.

Название (м – могильник, п – поселение)	Локальный вариант	Площадь\ Количество погребений	Степень полноты информации*	Источник информации
10-ый Октябрь\п	сейминско-донецкий			см. табл.2
Авдеево\п	сейминско-донецкий	390 кв.м	П	Алихова, 1963; Сымонович, 1974; Обломский, 1991
Александровка-1\п	тип Роища	более 18000 кв.м	П	Терпиловський, Шекун, 1996
Беседовка\п	тип Ульяновки	476 кв.м	П	Махно, 1960; Обломский, 1994
Боромля-2\п	сейминско-донецкий			см. табл.2
Букреевка-2\п	сейминско-донецкий	около 1300 кв.м	П	Сымонович, 1990
Верхнестрижен-ское-3\п	верхнеднепровский	1176 кв.м	Ч	Терпиловский, Абашина, 1992
Верхнестрижен-ское-2\п	Тип Роища	500 кв.м	Н	Раскопки В.М. Горюновой, Г.А. Романо-вой и О.А. Щегловой 1984–1985 гг.
Воробьевка-2\п	сейминско-донецкий	400 кв.м	П	Сымонович, 1974
Выбли\п	тип Ульяновки	?	П	Терпиловский, 1984
Гочево-1\п	сейминско-донецкий	1796 кв.м	П	Тихомиров, Терпиловский, 1990

* Примечание: н – неопубликовано; п – опубликовано полностью; ч – опубликовано частично

Табл. 3 (окончание). Памятники киевской культуры второй половины III – начала V в., исследованные раскопками.

Название (м – могильник, п – поселение)	Локальный вариант	Площадь\ Количество погребений	Степень полноты информации	Источник информации
Гочево-3\п	сейминско-донецкий			см. табл. 2
Гочево-4\п	сейминско-донецкий			см. табл. 2
Дачное-2\п	сейминско-донецкий		Н	Раскопки А.В. Кропоткина 1984 г.
Деснянка\п	деснинский, второй период	1400 кв.м	П	Шекун, Терпиловский, 1993
Занки\п	сейминско-донецкий	7500 кв.м	Н	Раскопки А.Г. Дьяченко 1984–1989 гг.
Каменево-2	тип Ульяновки	2500 кв.м	П	Сымонович, 2003
Кветунь\п,м	деснинский, второй период	под насыпями курганов + 372 кв.м	П	Артишевская, 1963; Гавритухин, Обломский, 1996
Киреевка-1\п	деснинский, второй период	не менее 450 кв.м	Ч	Третьяков, 1974; Терпиловский, 1984; Терпиловский, Абашина, 1992
Киреевка-2\п	деснинский, второй период	более 810 кв.м	Ч	Терпиловский, 1984; раскопки В.В. Простантиновой 1985 г.; архив Р.В. Терпиловского
Киселевка-2\п	тип Ульяновки	?	П	Терпиловский, 1984
Клочков\п	тип Ульяновки	шурфовка	П	Горюнов, 1974а
Комаровка-2\п	тип Ульяновки	около 400 кв.м	П	Мельниковська, Симонович, 1975
Кролевец-Подолово\п	тип Ульяновки	около 24 кв. м	Н	Раскопки Л.И. Белинской и В.Б. Звагельского 2000 г.
Курган-Азак\п	тип Ульяновки	400 кв.м	П	Сухобоков, 1975; Обломский, 1994
Лавриков Лес\п	деснинский, второй период	300 кв.м	П	Третьяков, 1974; Терпиловский, 1984
Мезин\п	тип Ульяновки	шурфы	П	Терпиловский, 1984
Мена-5\п	верхнеднепровский	250 кв.м	П	Кухарська, Обломський, 1988
Новодоновка-2\п	сейминско-донецкий	112 кв.м	П	Митрофанова, 1965
Пересыпки-1\п	тип Ульяновки	116 кв.м	Ч	Обломский, 1994
Песчаное\п	тип Ульяновки	?	Ч	Горюнов, 1982
Пожня-1\п	сейминско-донецкий	176 кв.м	Н	Раскопки А.М. Обломского 1989 г.
Родной Край-3\п	сейминско-донецкий	702 кв.м	П	Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997
Роище\п	тип Роища	2170 кв.м	П	Терпиловский, 1984; 1990
Сенча\п	тип Ульяновки	более 5500 кв.м	П	Терпиловський, Левченко, 1994
Тазово\п	сейминско-донецкий	350 кв.м	П	Сымонович, 1986
Ульяновка-1\п	тип Ульяновки	350 кв.м	П	Терпиловский, 1984
Цепляево Второе\п	сейминско-донецкий	172 кв. м	П	Обломский, 1991
Чаплищи-3\п	тип Ульяновки	210 кв.м	П	Обломский, 2003д
Шишино-1\п	сейминско-донецкий	100 кв.м	П	Обломский, 1991
Шостка-Локотки\п	тип Ульяновки	шурфовка и зачистки	Н	работы Л.И. Белинской и В.Б. Звагельского 2001 г.

Примечание: н – неопубликовано; п – опубликовано полностью; ч – опубликовано частично

Табл. 4. Ранние памятники колочинской и пеньковской культур на территории Днепровского Левобережья.

Название (м - могильник, п - поселение)	Культура	Площадь\ Количество погребений	Степень полноты информации*	Источник информации
Гапоново\п	колочинская	44 кв. м	П	Гавритухин Обломский, 1996
Заярье\п	колочинская	около 70 кв. м	П	Горюнов, 1974б; Терпиловский, 1984
Красное-4\п	колочинская	564 кв. м	Ч	Обломский, 1996
Литвиновичи-3\п	колочинская	432 кв. м	Ч	Обломский, 1996
Прогресс\п	пеньковская	100 кв. м	Ч	Сухобоков, Юренко, 1990.
Рябовка-3\п	пеньковская	1198 кв. м	П	Обломский, Терпиловский, 2001
Хитцы\п	пеньковская	около 1700 кв. м	П	Горюнов, 1981.

Примечание: н – неопубликовано; п – опубликовано полностью; ч – опубликовано частично

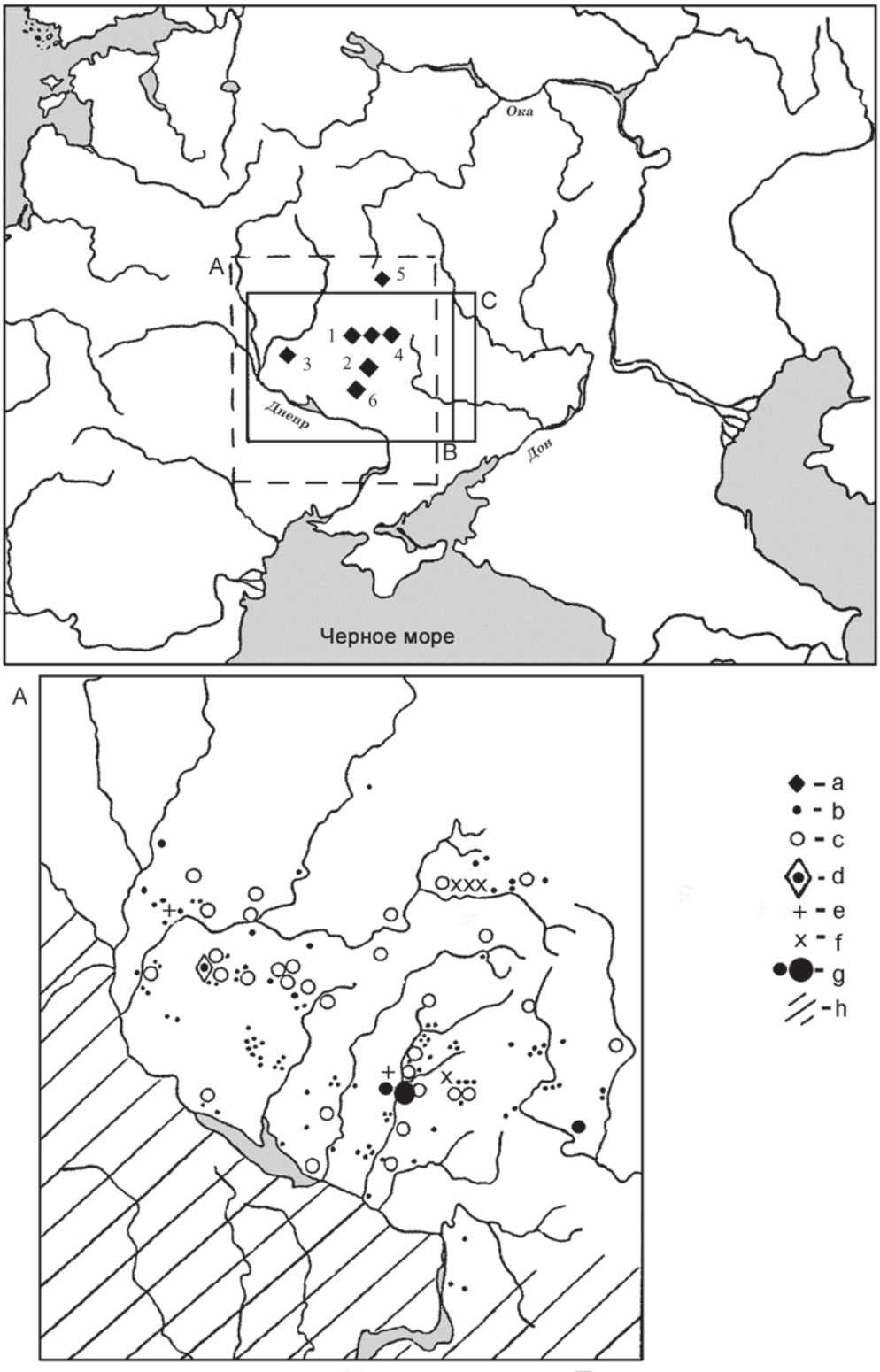

Рис. 1. «Княжеские» находки V в. и монетные находки II–V вв. на Днепровском Левобережье.
1 – Большой Каменец; 2 – Жигайловка; 3 – Нежин; 4 – район Обояни; 5 – Поршино; 6 – Рублевка.
A – границы района, отраженного на рис. 1A; B, C – границы районов, отраженных на рис. 2 и 20;
a – «княжеские» находки; b–g – находки и клады римских монет II–V вв. по [Кропоткин 1961] с дополнениями:
b, c – единчные находки и клады монет, выпущенных до IV в.; d – денежно-вещевой клад из Нежина; e – монеты 1-й половины IV в.; f – медные монеты конца IV – начала V вв.; g – золотые монеты V в. и клад из Рублевки;
h – зона, где находки не картографировались.

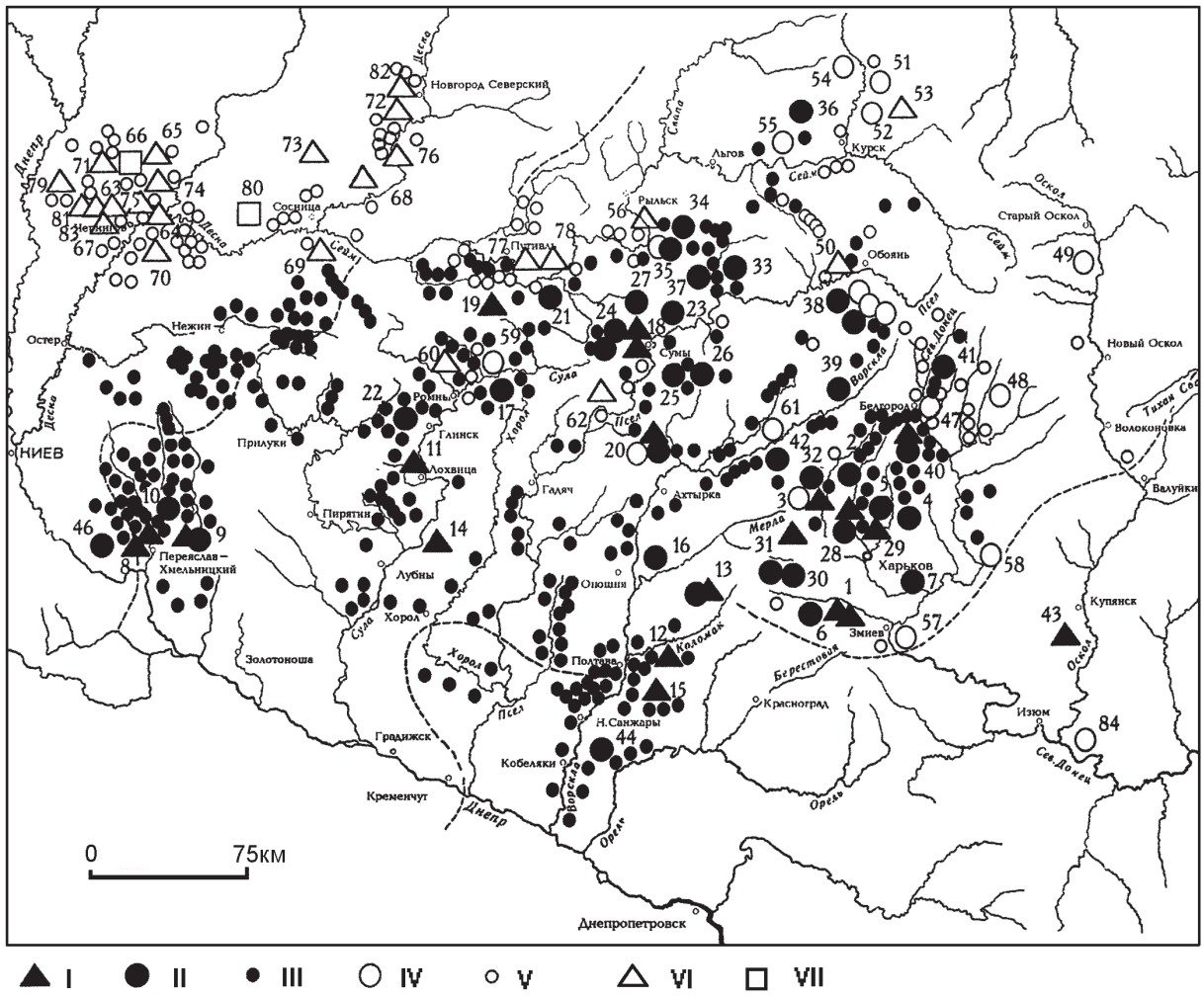

Рис. 2. Памятники черняховской и киевской культур на Днепровском Левобережье.

I – черняховские могильники; II – черняховские поселения, исследованные раскопками; III – черняховские поселения, известные по разведкам; IV – поселения сейминско-донецкого вариата киевской культуры, исследованные раскопками; V – поселения киевской культуры, известные по разведкам; VI – поселения деснинского варианта киевской культуры, исследованные раскопками; VII – поселения типа Абидни к югу от Верхнего Поднепровья. Сведения о памятниках см. в табл. 2 и 3.

1 – Соколово; 2 – Кулики; 3 – Родной Край-1, 2, 3; 4 – Муром-6; 5 – Муром-7; 6 – Колесники; 7 – Новая Покровка; 8 – Переяслав-Хмельницкий-1, 2; 9 – Сосновa; 10 – Хлопков-1; 11 – Лохвица; 12 – Новоселовка; 13 – Кантемировка; 14 – Вовчик; 15 – Писаревка; 16 – Мамрои-2; 17 –- Коровинцы; 18 – Сумы и Сумы (Сад); 19 – Успенка; 20 – Боромля-1, 2; 21 – Белополье; 22 – Артюховка; 23 – Песчаное Сумской обл.; 24 – Косовщина-1, 2; 25 – Великий Бобрик; 26 – Краснополье-1; 27 – Кровное; 28 – Пересечное; 29 – Большая Даниловка; 30 – Войтенки-1, 2; 31 – Павлюковка; 32 – Викнено; 33 – Казачья Локня (Замощанская дюна); 34 – Снагость-2; 35 – 10-ый Октябрь; 36 – Колосовка; 37 – Новоселовка; 38 – Гочево-1, 3, 4; 39 – Вознесенский; 40 – Головино-1; 41 – Хохлово-2; 42 – Головчино (Лысая гора); 43 – Воронцовка; 44 – Чорбовка (Прогресс); 45 – Моспинская; 46 – Ерковцы; 47 – Шишино-1; 48 – Цепляево Второе; 49 – Дачное-2; 50 – Песчаное Белгородской обл.; 51 – Тазово; 52 – Букреевка-2; 53 – Каменево-2; 54 – Воробьевка-2; 55 – Авдеево; 56 – Комаровка-2; 57 – Занки; 58 – Новодоновка-2; 59 – Большие Будки (Хутор); 60 – Беседовка; 61 – Пожня-1; 62 – Курган-Азак; 63 – Александровка; 64 – Березанка; 65 – Верхнестриженское-2; 66 – Верхнестриженское-3; 67 – Деснянка; 68 – Вишенки; 69 – Долинское; 70 – Выбли; 71 – Роище; 72 – Лавриков Лес; 73 – Киреевка-1, 2; 74 – Клочков; 75 – Киселевка-1, 2; 76 – Мезин; 77 – Пересыпки-1; 78 – Чаплищи-3; 79 – Малый Листвен; 80 – Мена-5; 81 – Ульяновка; 82 – Форостовичи; 83 – Выгоры-2; 84 – Богородичное.

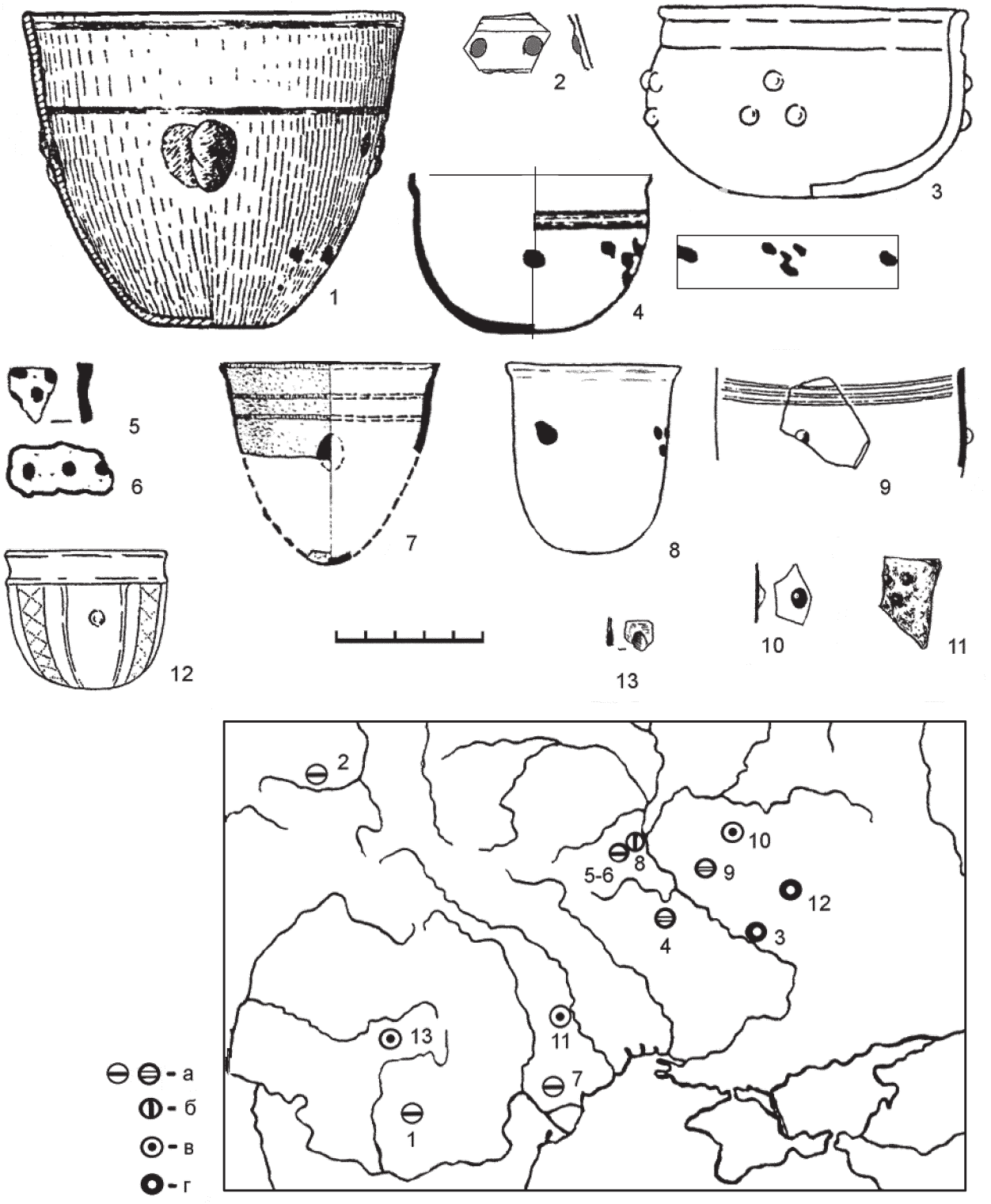

Рис. 3. Стеклянные сосуды с синими каплями-налепами и их глиняные имитации в черняховской и ближайших варварских культурах.

а – сосуды ближневосточных или «дунайских» центров; б – сосуд понтийского круга; в – сосуды не ясного типа; г – глиняные имитации стеклянных сосудов с налепами.

1 – Могошань, погр. 70; 2 – Якушовицы; 3 – Компанийцы, погр. 164; 4 – Журавка, погр. 14; 5–6 – Великая Бугаёвка; 7 – Конгаз; 8 – Киев, Флоровская гора или Кирилловская улица; 9 – Соснова; 10 – Воскресенское, постр. 3; 11 – Будешты; 12 – Кантемировка, кург. 1; 13 – Братей 1.

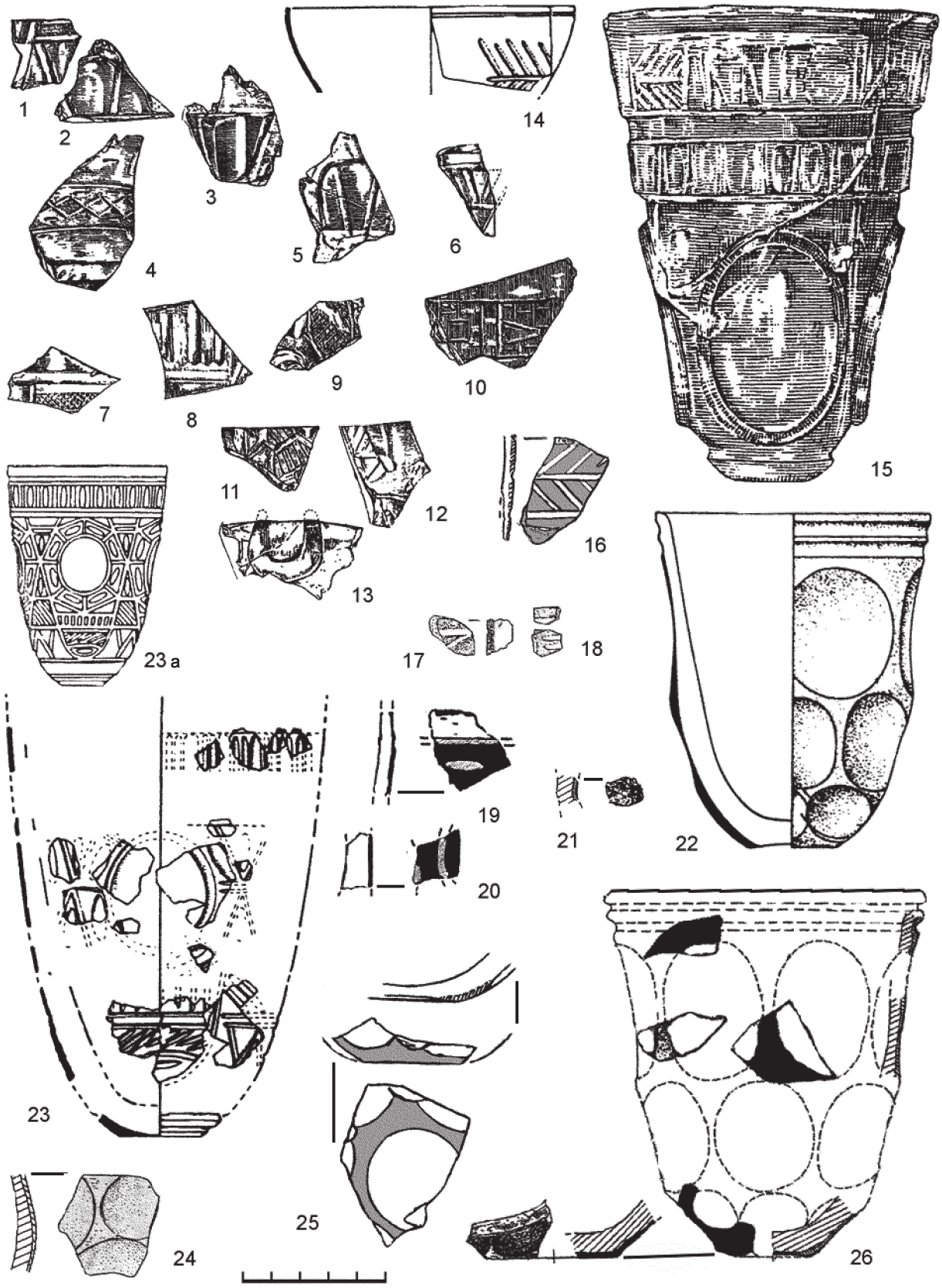

Рис. 4. Двуслойные стеклянные сосуды в черняховской культуре и их аналоги.
1–13 – Журань; 14 – вилла Плассак; 15 – Бэрча-Текучь, погр. 123; 16 – Западня; 17–18 – Скоттсунд; 19–20– Великая Бугаёвка; 21 – Масломенч 15; 22 – Химлингёе; 23 – Эвебю (23а – реконструкция); 24 – Гански; 25 – Малая Рогань; 26 – Опатув, погр. 953.

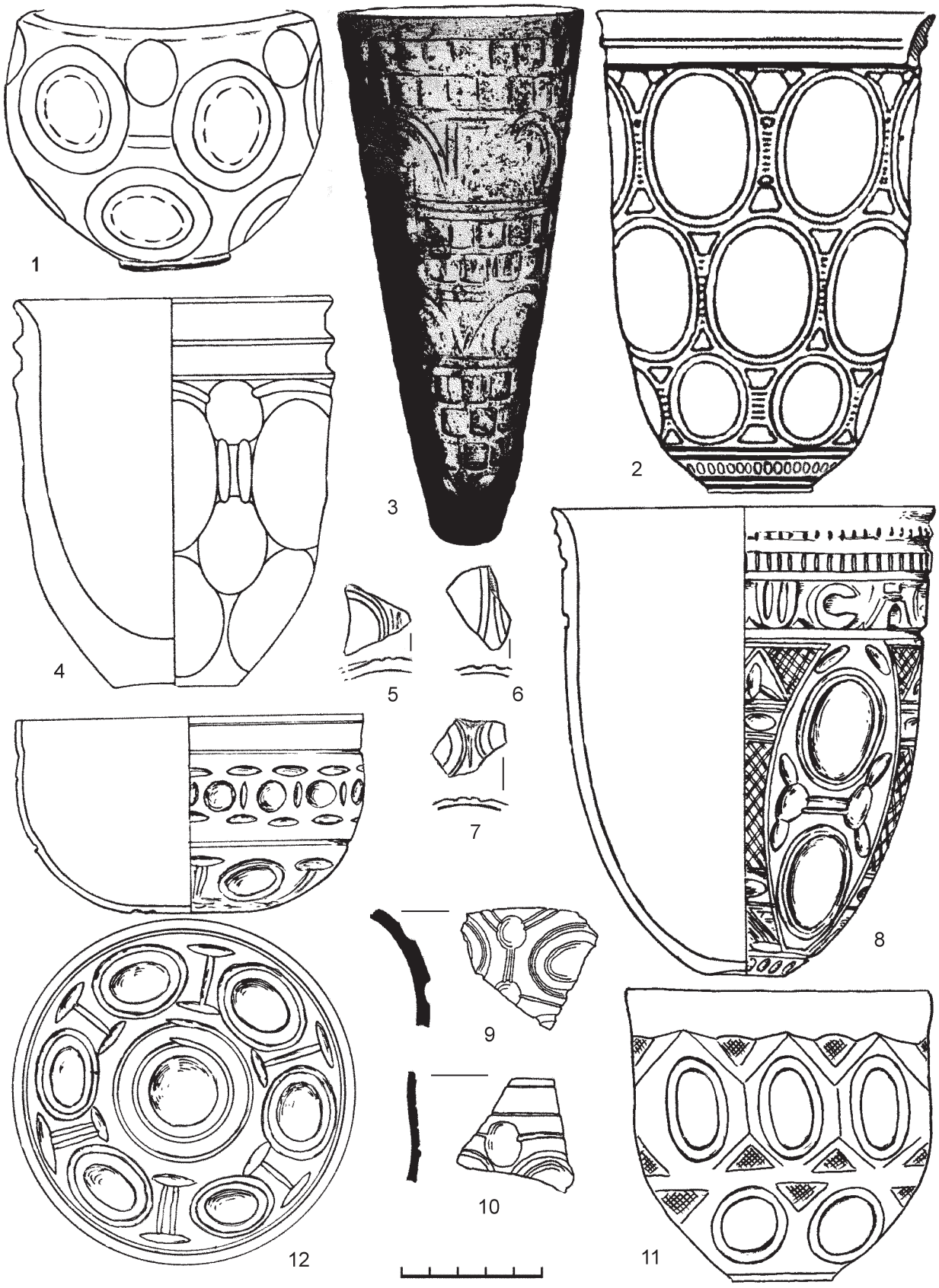

Рис. 5. Стеклянные сосуды с вышлифованными медальонами
с Днепровского Левобережья, их аналоги и образцы схожих серий.
1 – Двин; 2 – Апахида, погр. 2; 3 – Иран (?); 4 – Иллеруп; 5–6 – Войтенки; 7 – Западня; 8 – Печь (Сопиана);
9–10 – Сарды; 11 – Лёйна, погр. 3/1926; 12 – «Венгрия».

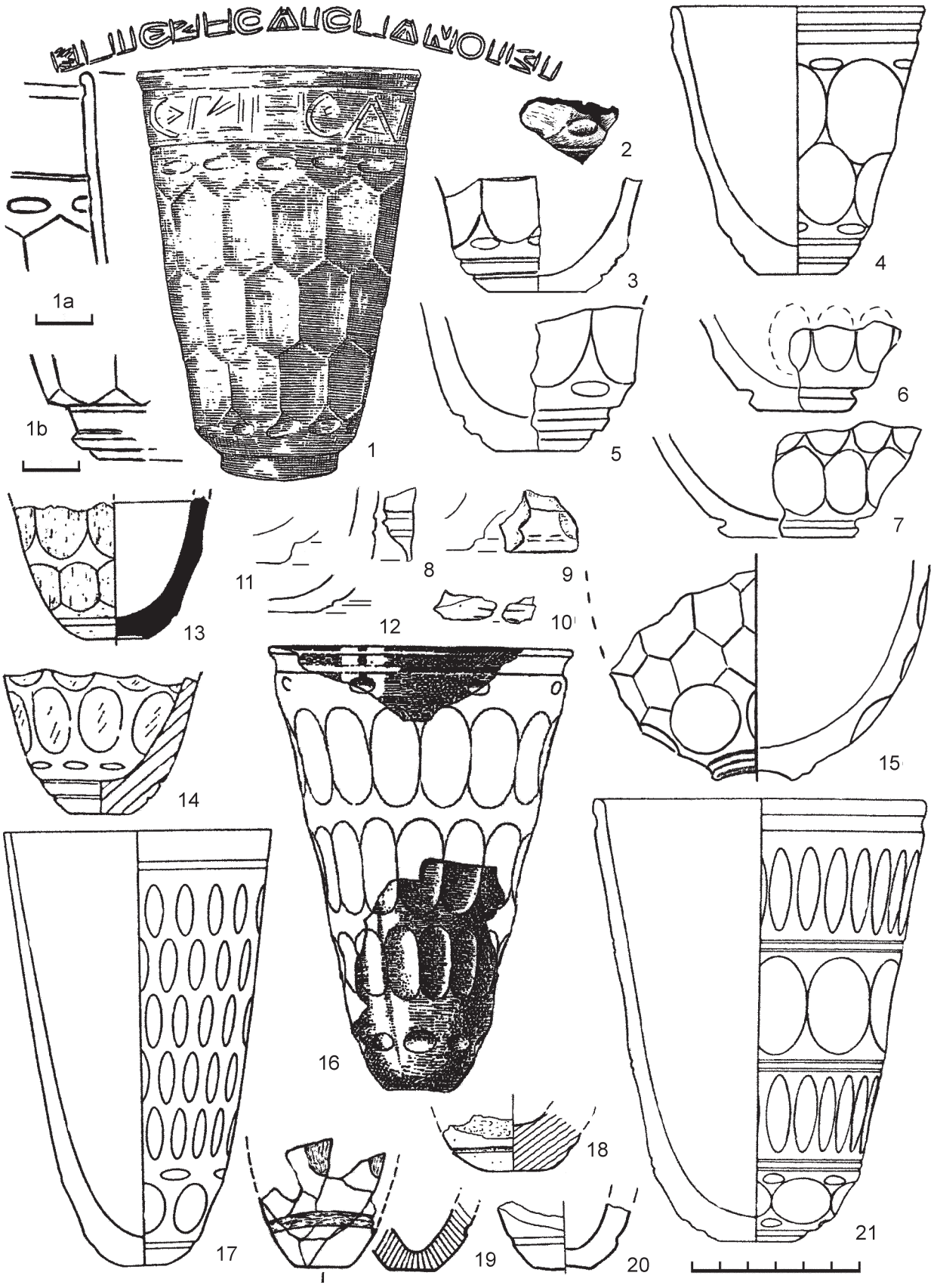

Рис. 6. Стеклянные сосуды с профилированными днищами с Днепровского Левобережья и их аналоги. 1 – Ранжевое, погр. 14 (1а–б – детали, прорисованные с оригинала); 2 – Будешты; 3 – Головчино; 4 – Сетвердт; 5 – Комаров; 6–7 – Ольвия; 8–10 – Думанов (8–9 – слой, 10 – погр. 37); 11, 12 – Войтенки; 13 – Великая Бугёвка; 14 – Хлопков; 15 – Двин; 16 – Козлувко, погр. 6 / 1890; 17 – Эспедален; 18 – Ленгонице 1, жил. 1 / 1973; 19 – Модла, погр. 64 / 1981; 20 – Канев; 21 – Бременс.

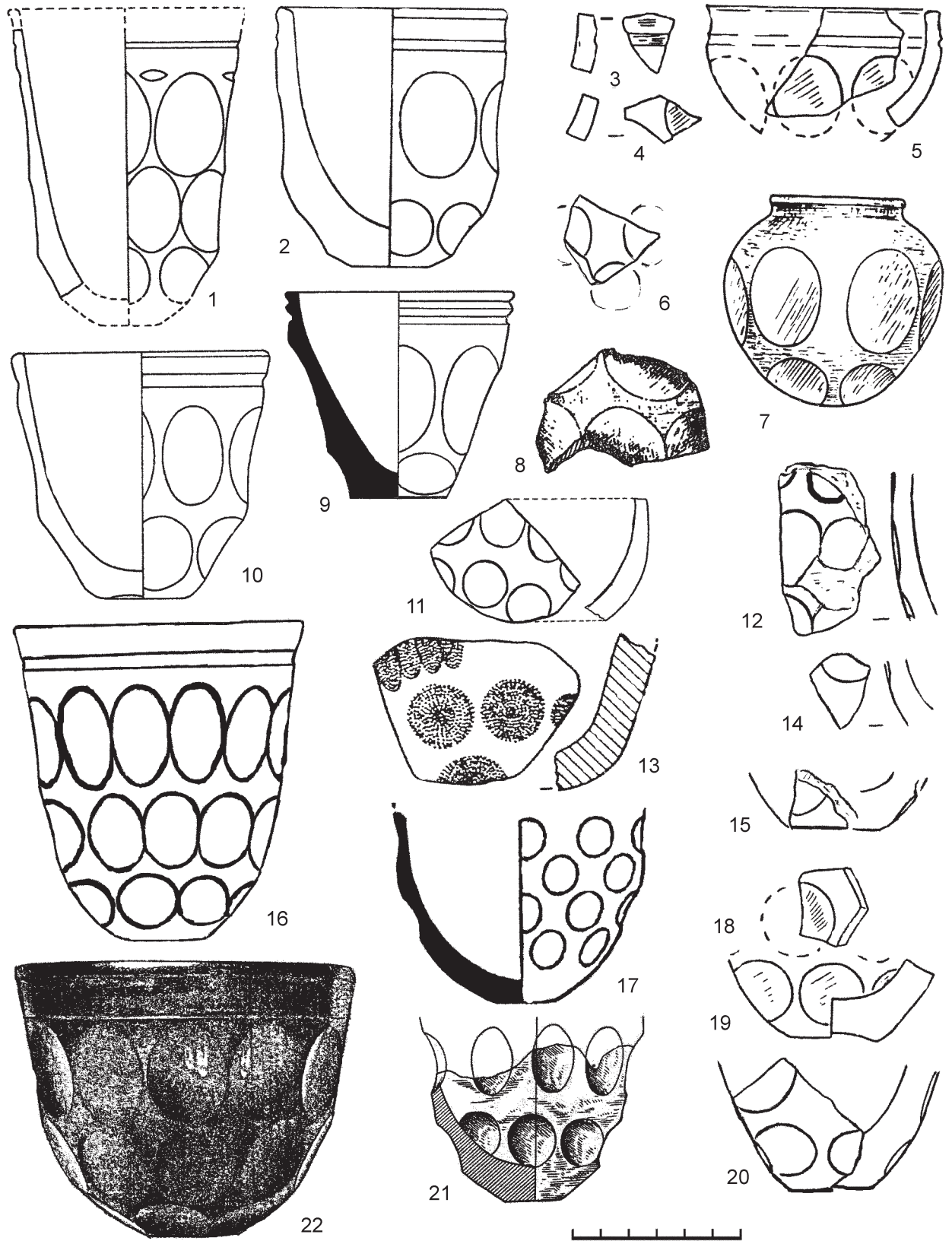

Рис. 7. Стеклянные сосуды с массивными стенками, украшенные глубоко прошлифованными овалами, из зоны черняховской культуры и их аналоги.

1 – Бырлад, погр. 506; 2 – Боррби; 3–5 – Компанийцы, погр. 27; 6 – Хлопков; 7 – Елизаветовка; 8 – Комаров; 9 – Оселивка, погр. 86; 10 – Чиршерень, погр. 36; 11 – Ясы-Николина, уч. A-V, постр. 9; 12 – Тимченки; 13 – Главаны; 14 – Огульцы; 15 – Западня; 16 – Черняхов, погр. 160; 17 – Карасура; 18–19 – Компанийцы, погр. 224; 20 – Фески; 21 – Керчь; 22 – Закшув, погр. 2.

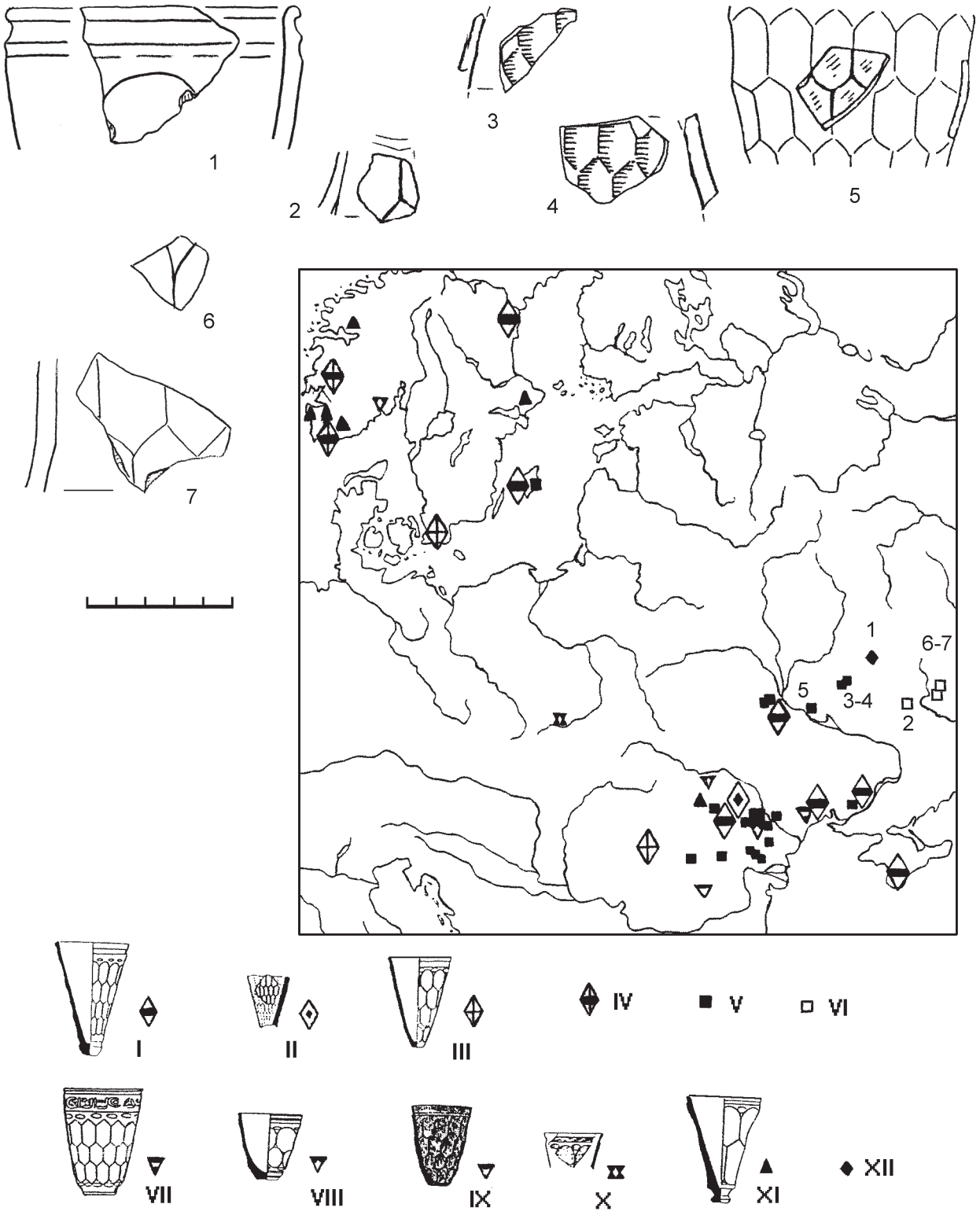

Рис. 8. Стеклянные сосуды с прошлифованными «сотами» и крупными овалами на Днепровском Левобережье и распространение их аналогов (по [Гавритухин, 1999], с дополнениями). 1 – Червоный Яр; 2 – Западня; 3–4 – Дубина (3 – погр. 3, 4 – слой); 5 – Соснова, постр. 1; 6–7 – Хохлово-2. I – вариант Хёгом А серии Горошевцы; II – серия Лазо; III – серия Лунде; IV – I или III?; V – фрагменты сосудов с небольшими «сотами» (тип VIIA по Е. Штрауме); VI – фрагменты сосудов с крупными «сотами» (№ 2, 6–7); VII – вариант Ранжевое серии Сетвердт; VIII – вариант Сетвердт серии Сертвердт; IX – вариант Тыргшор серии Луги; X – образец их Якушовиц (VIII или XI); XI – серия Хебнес (тип IX по Е. Штрауме); XII – образец из Червоного Яра (№ 1).

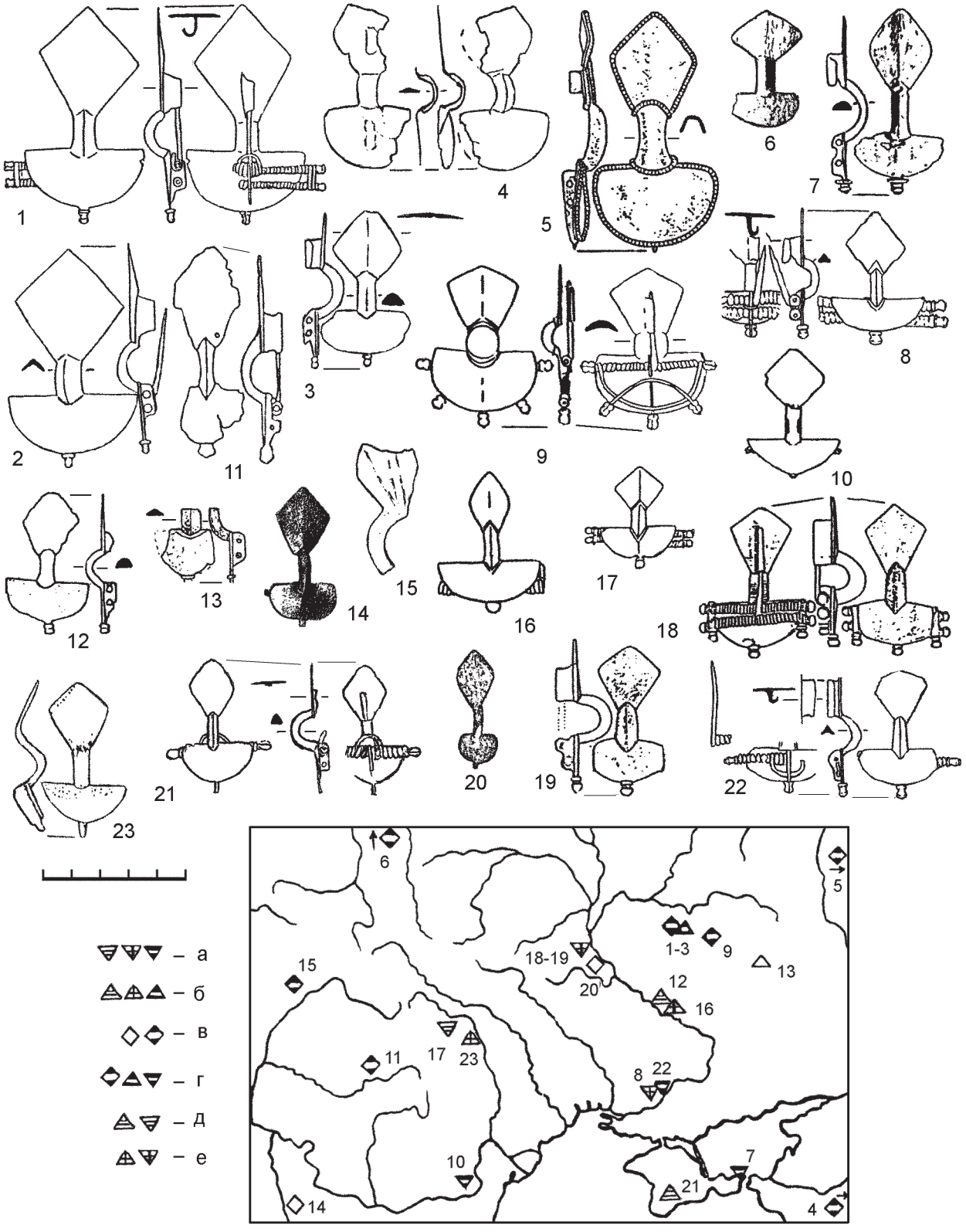

Рис. 9. Двупружинные двупластинчатые фибулы с широкой ножкой и их аналоги.
а – фибулы с В-образной стойкой для оси пружины, б – фибулы с прямоугольной стойкой, в – других или не ясных вариаций, г – гуннского времени, д – вероятно, гуннского времени, е – 2-ой половины IV в.
1–2 – Успенка, погр. 137; 3 – Успенка, погр. 725; 4 – Кумбулта; 5 – Уфа, погр. 1957 г.; 6 – Ротебуде; 7 – Керчь, скл. 145/1904; 8 – Гавриловка, погр. 88; 9 – Сумы, Сад, погр. 5; 10 – Корузу; 11 – Клуж; 12 – Градижск, Пляж; 13 – Халимоновка; 14 – Медиана; 15 – Мишкольц; 16 – Жовнин; 17 – Миоркань; 18–19 – Черняхов, погр. 160; 20 – Васильковский или Каневский уезд Киевской губ.; 21 – Нейзац; 22 – Гавриловка, погр. 28; 23 – Пражень.

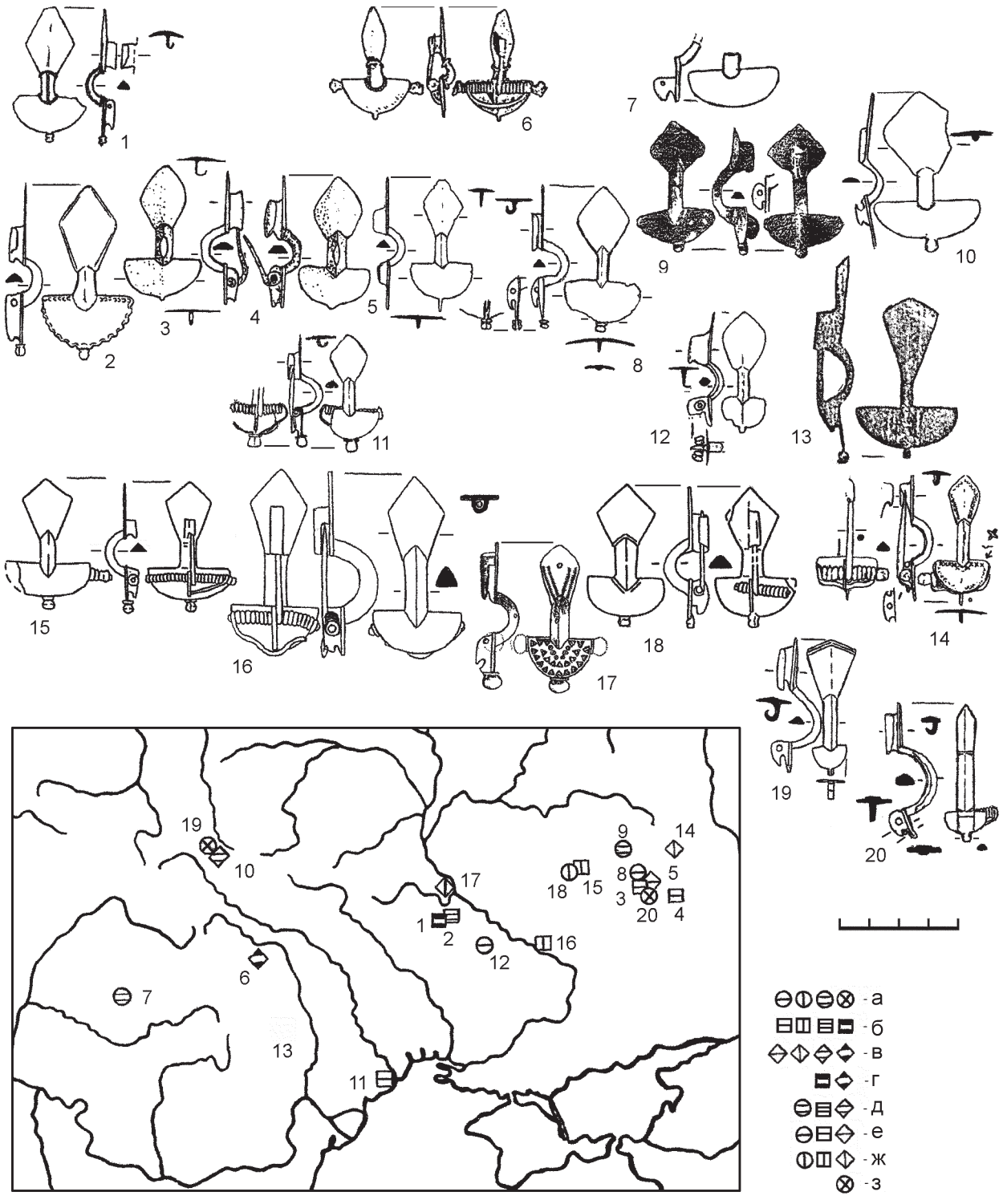

Рис. 10. Двупластинчатые фибулы серии Боромля – Журавка и их прототипы.
а – модификация 1; б – модификация 2; в – других или неясных модификаций; г – гуннского времени; д – вероятно, гуннского времени; е – 2-ой половины IV в.; ж – догуннского времени (блок вариантов Боромля – Компанийцы); з – прототипы.
1–2 – Журавка (1 – погр. 14, 2 – погр.1); 3 – Тимченки; 4 – Гузовка; 5 – Шаровка; 6 – Миоркань, погр. 8; 7 – Халап; 8 – Войтенки; 9 – Гочево-4; 10 – Неслухов, Грабарка; 11 – Беленькое, погр. 42; 12 – Пастырское; 13 – Ивешть; 14 – Родной Край, погр. 3; 15 – Боромля-1, погр. 4; 16 – Компанийцы, погр. 86; 17 – Каневский уезд Киевской губ.; 18 – Боромля, погр. 44; 19 – Неслухов, Лесковица; 20 – Огульцы.

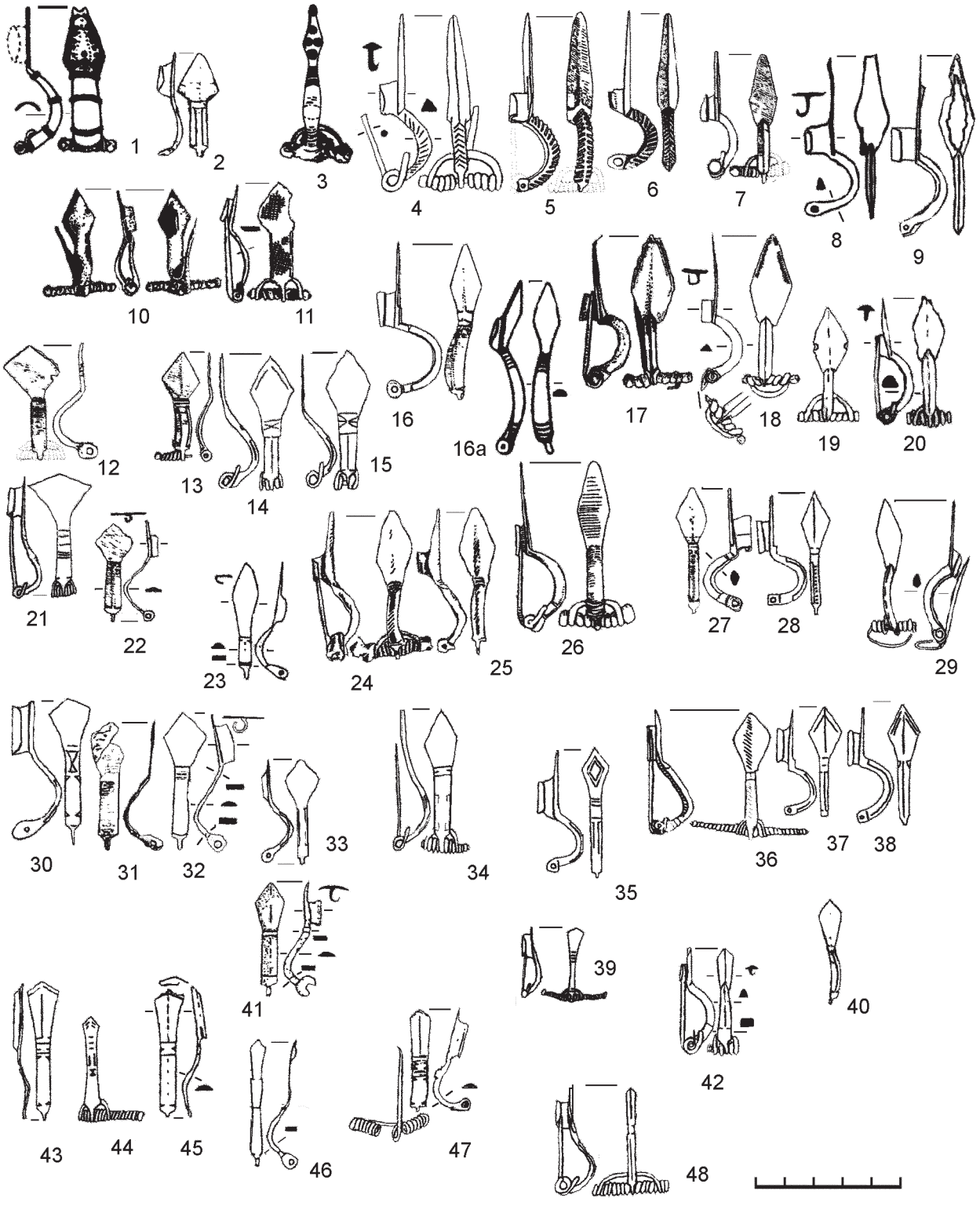

Рис. 11. Фибулы с «ромбической» ножкой черняховских серий, их прототипы и аналогии.
1 – Тюнгерсхайм; 2 – Опатув; 3 – Бад Шульца; 4, 18 – Тайманово; 5 – Букрин; 6, 7, 13, 16 – Среднее Поднепровье; 8– Николаевка; 9 – Киев, погр. 1937 г.; 10 – Будешты; 11 – Лазо; 12 – Черняхов; 14, 15, 21, 28, 30, 33–35, 37-39, 43, 44, 48 – Градижск-Круча; 16а – Готланд; 17 – Филиппова; 19 – южные или западные уезды Киевской губ.; 20 – Берёзовский склеп 3; 22, 23, 27, 45, 46 – Градижск; 24, 25 – Султана, погр. 15; 26 – Богданешть, погр. 39; 29 – Тростянец; 31 – Черашень-Бужеу, погр. 10; 32 – Головчино; 36 – Одобеску, погр. 17; 40 – Колеберда; 41 – Войтенки; 42 – Беленькое, погр. 76; 47 – Лески.

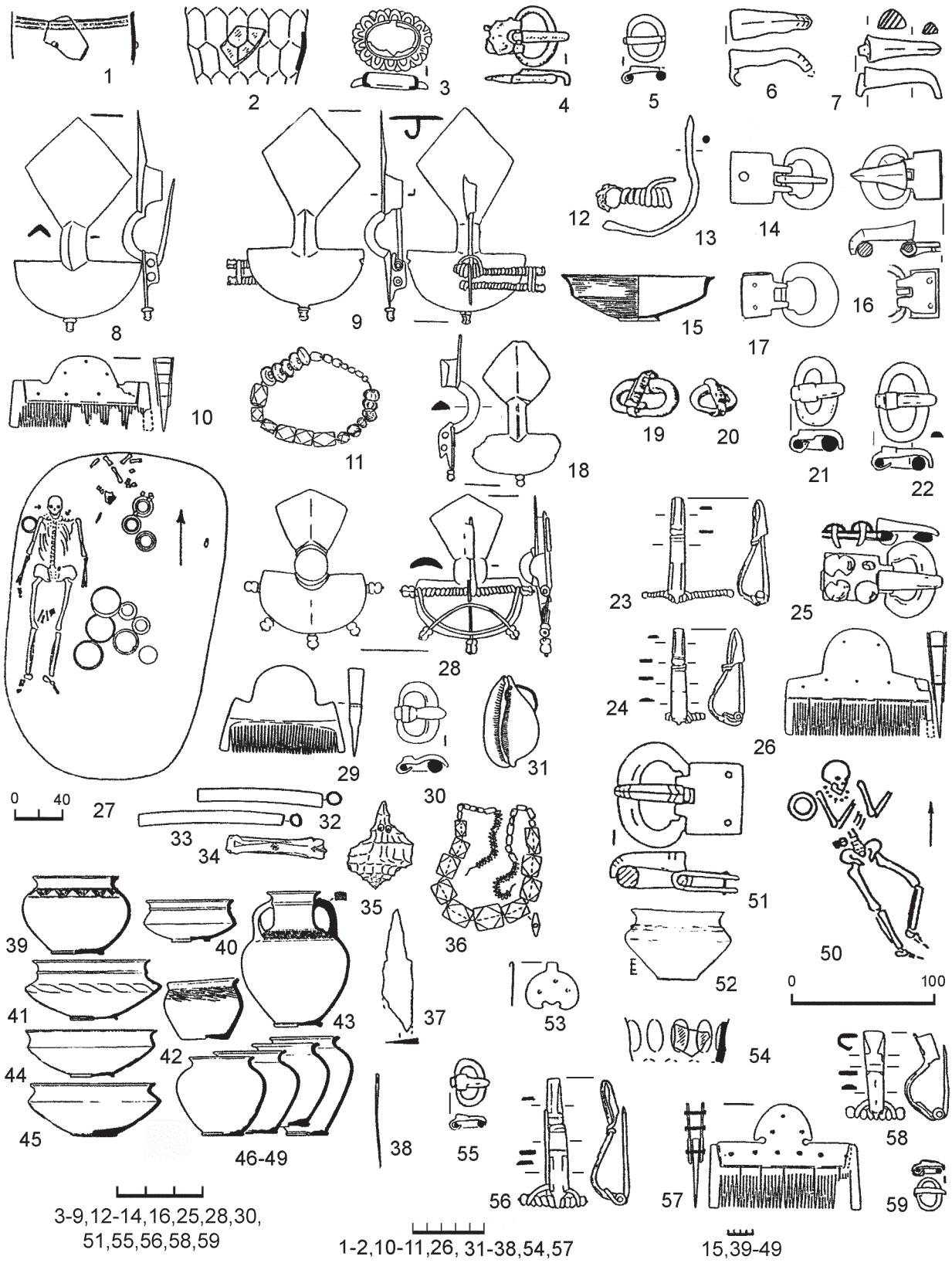

Рис. 12. Индикаторы финала черняховской культуры
в северо-западной части Днепровского Левобережья (см. табл. 1).
1 –3, 5, 7, 53–54 – Соснова (1 – жил. 1, 5 – погр. 664, 53 – погр. 467, 54 – постр. 4, остальное – слой); 4 – Волошиновка, слой; 6, 8–11, 18, 21–26, 55–59 – Успенка (6 – погр. 525 = слой?, 8–11 – погр. 137, 18 – погр. 725, 21 – погр. 556 = слой?, 22 – погр. 938 = слой?, 23–26 – погр. 1648, 55–56 – погр. 1659, 57–58 – погр. 1654, 59 – погр. 1655); 12–17 – Переяслав-Хмельницкий (12–13 – погр. 52?, 14 – погр. 18/1954, 15–17 – погр. 1/19-52 г.); 19–20 – Гречаники; 27–49 – Сумы-Сад, погр. 5; 50–52 – Лохвица, погр. 12.

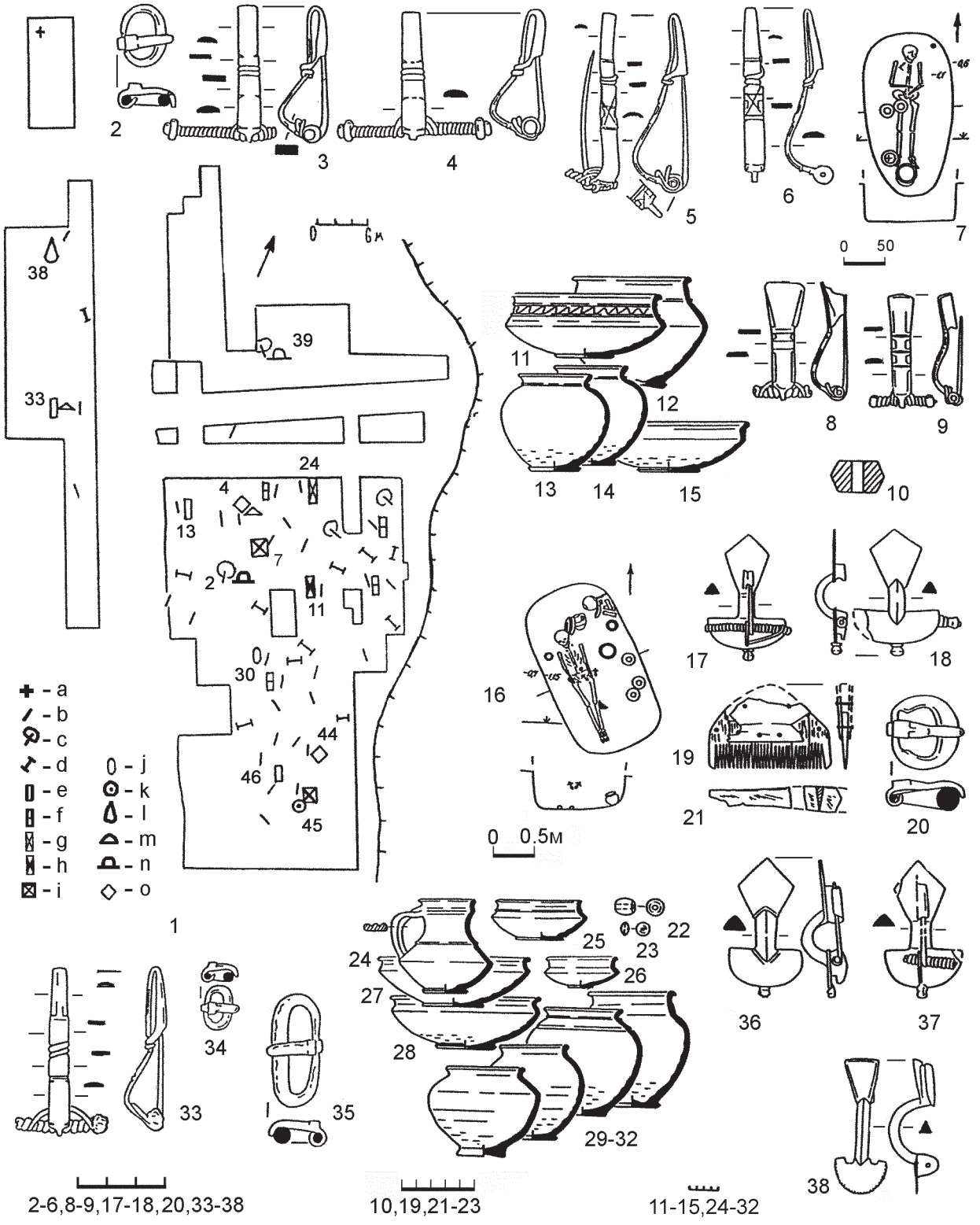

Рис. 13. Материалы из Боромли.

1 – план могильника Боромля-1 (a – кремации, b – ингумации, c – ограблены, d – без инвентаря, e – небольшие фибулы варианта 3 по А.К. Амброзу, f – небольшие железные фибулы, g – длинные фибулы (рис. 13: 33), h – длинные фибулы с обильно украшенной длинной площадкой (рис. 13: 5–6), i – широкие фибулы (рис. 13: 3–4, 8–9), j – железная пряжка (рис. 13: 35), k – пряжка с длинным язычком (рис. 13: 2), l – сосуд типа рис. 14: 41, m – гребень с треугольной спинкой (рис. 13: 19), n – гребень типа III по З. Томас, o – архаичные двупластинчатые фибулы (рис. 13: 17–18, 36–37); 2–4 – погр. 45; 5–6 – погр. 12; 7–15 – погр. 7; 16–32 – погр. 4; 33–34 – погр. 24; 35 – погр. 30, 36–37 – погр. 44; 38 – поселение Боромля-2, слой.

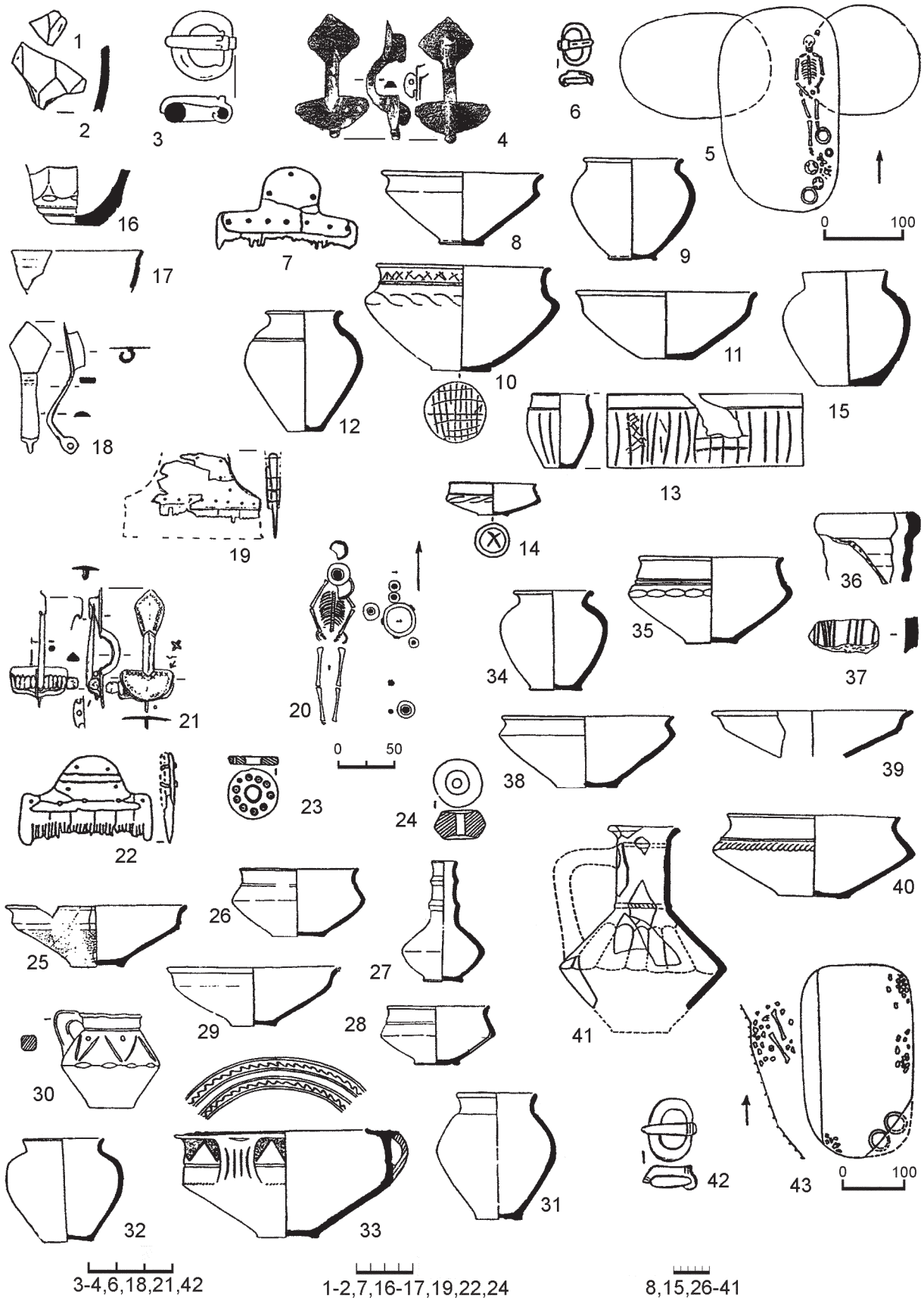

Рис. 14. Индикаторы финала черняховской культуры на Востоке Днепровского Левобережья (см. табл. 1). 1–3 – Хохлово-2, слой; 4 – Гочево-4, наземная постройка; 5–15 – Родной Край-1, погр. 14; 16–19 – Головчино, слой около постр. 1; 20–33 – Родной Край-1, погр. 3: 34–43 – Соколово-2.

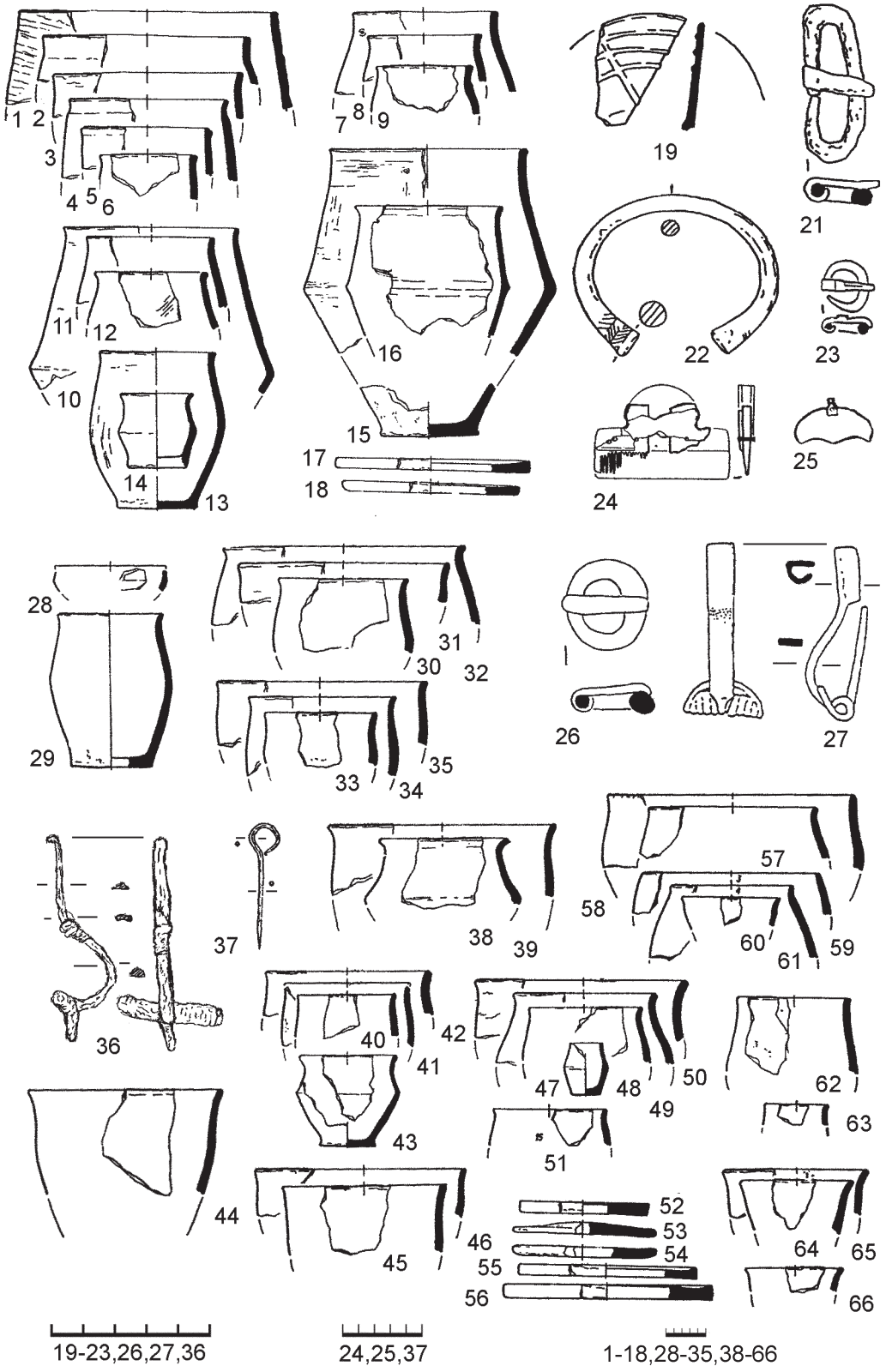

Рис. 15. Памятники деснинского варианта киевской культуры.
1–24 – Ульяновка-1; 25 – Верхнестриженское-2; 26–27 – Киреевка-2; 28–56 – Лавриков Лес; 57–66 – Форостовичи.
1–18, 28–35, 38–66 – лепная керамика; 19, 25 – изделия из серебра; 21, 26, 27, 36, 37 – изделия из железа; 22, 23 – изделия из бронзы; 24 – гребень из рога.

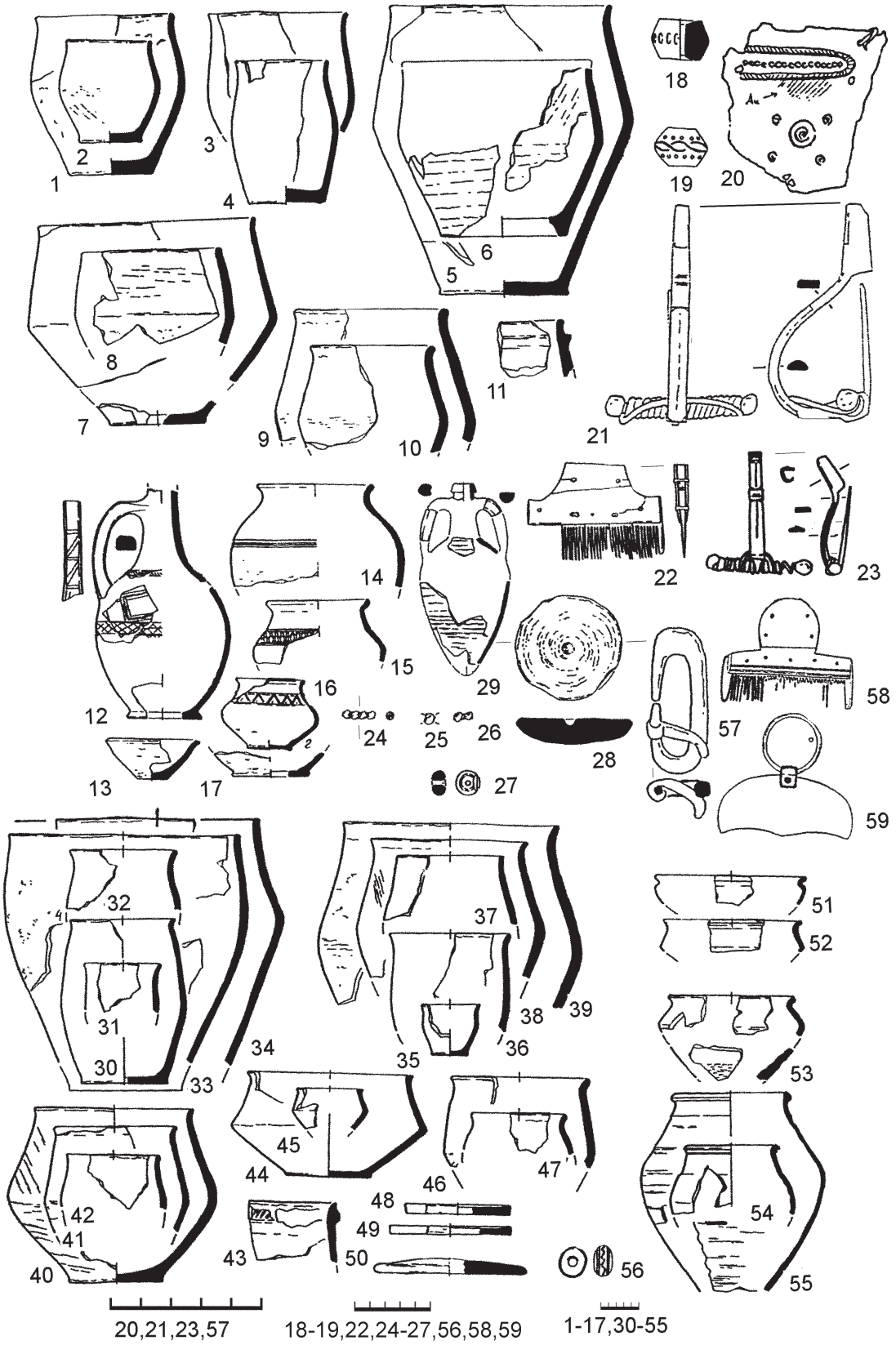

Рис. 16. Материалы поселений Александровка-1 и Роище.
1–28 – Александровка-1; 29–59 – Роище;
1–11, 31–50 – лепная керамика; 12–17, 51–55 – черняховская гончарная керамика; 18, 19 – глиняные пряслица с черняховской орнаментацией; 20, 23 – изделия из бронзы; 21, 57 – изделия из железа; 22, 58 – гребни из рога; 24 – 27, 56 – стеклянные бусы; 28 – каменный жернов; 29 – амфора типа Е; 59 – серебряная пластинчатая подвеска.

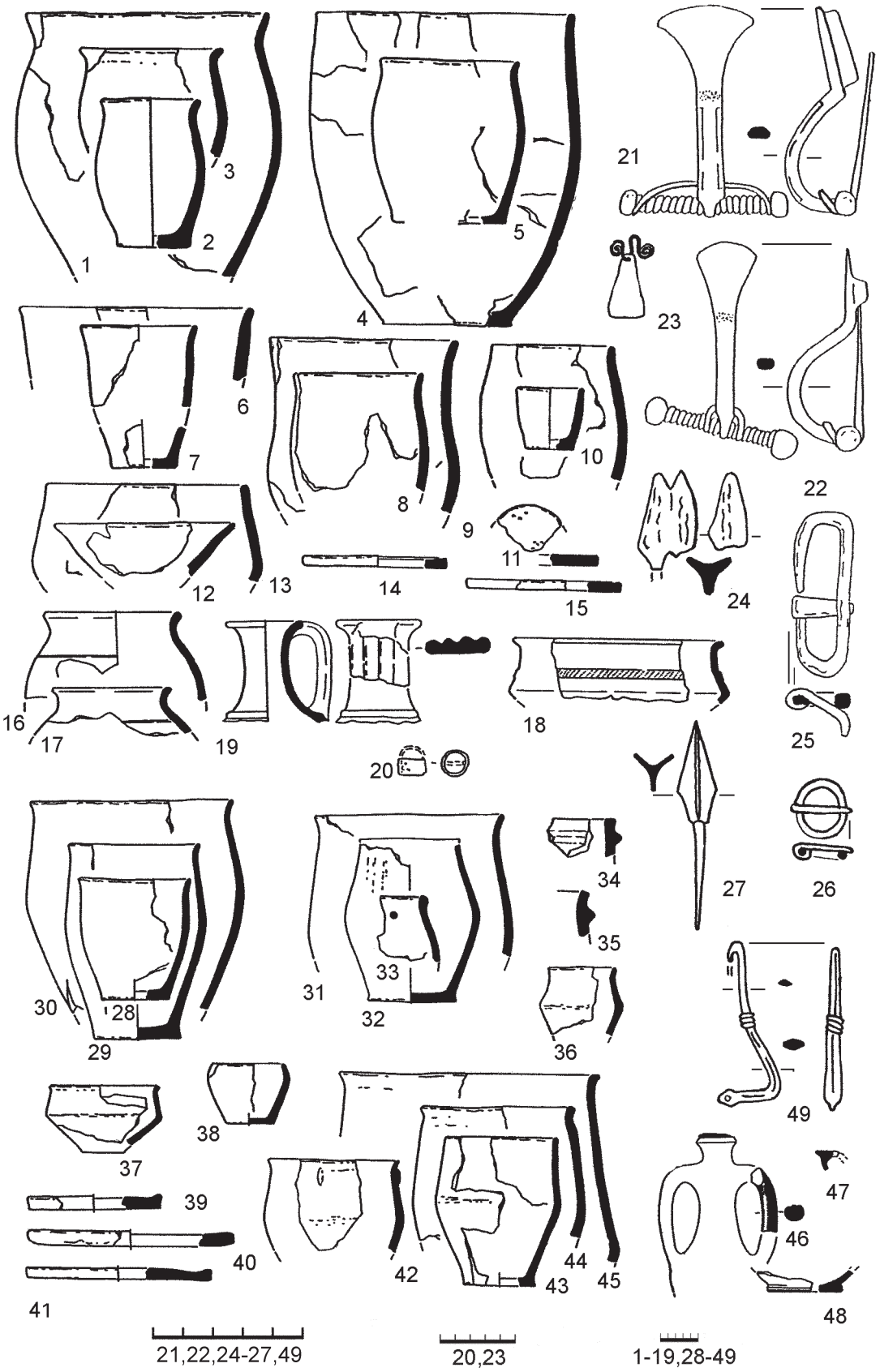

Рис. 17. Материалы поселений типа Ульяновки лесостепной зоны.
1–26 – Каменево-2; 27 – Песчаное; 28–48 – Сенча; 49 – Курган-Азак.
1–15, 30–45 – лепная керамика; 16–18, 47, 48 – черняховская гончарная керамика; 19 – горло стеклянной бутыли; 20–22, 24, 25, 27, 49 – изделия из железа; 23, 26 – изделия из бронзы; 46 – фрагмент ручки амфоры типа F с реконструкцией верхней части сосуда.

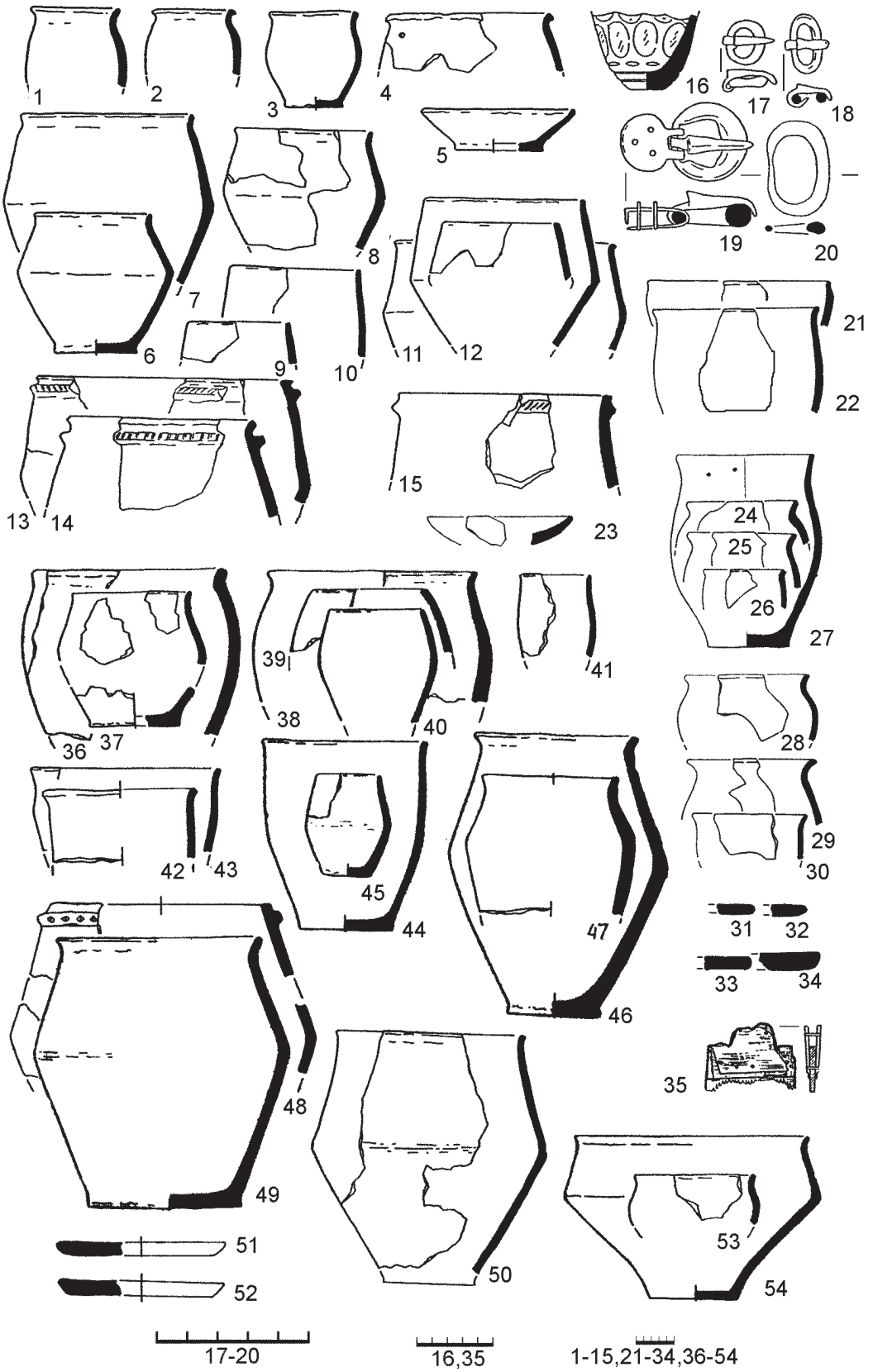

Рис. 18. Вероятные прототипы пеньковской культуры.
1–20 – поселение Хлопков-1; 21–35 – поселение Тазово; 36–54 – поселения киевской культуры Среднего Поднепровья черняховского периода (36, 38–40, 43–47, 49, 54 – Обухов-2; 37, 41, 50, 53 – Вишенки; 42, 48, 51, 52 – Обухов-7);
1–15, 21–34, 36–53 – груболепная керамика; 16 – фрагмент стеклянного кубка; 17–20 – изделия из бронзы; 35 – костяной гребень; 54 – лепная лощеная миска.

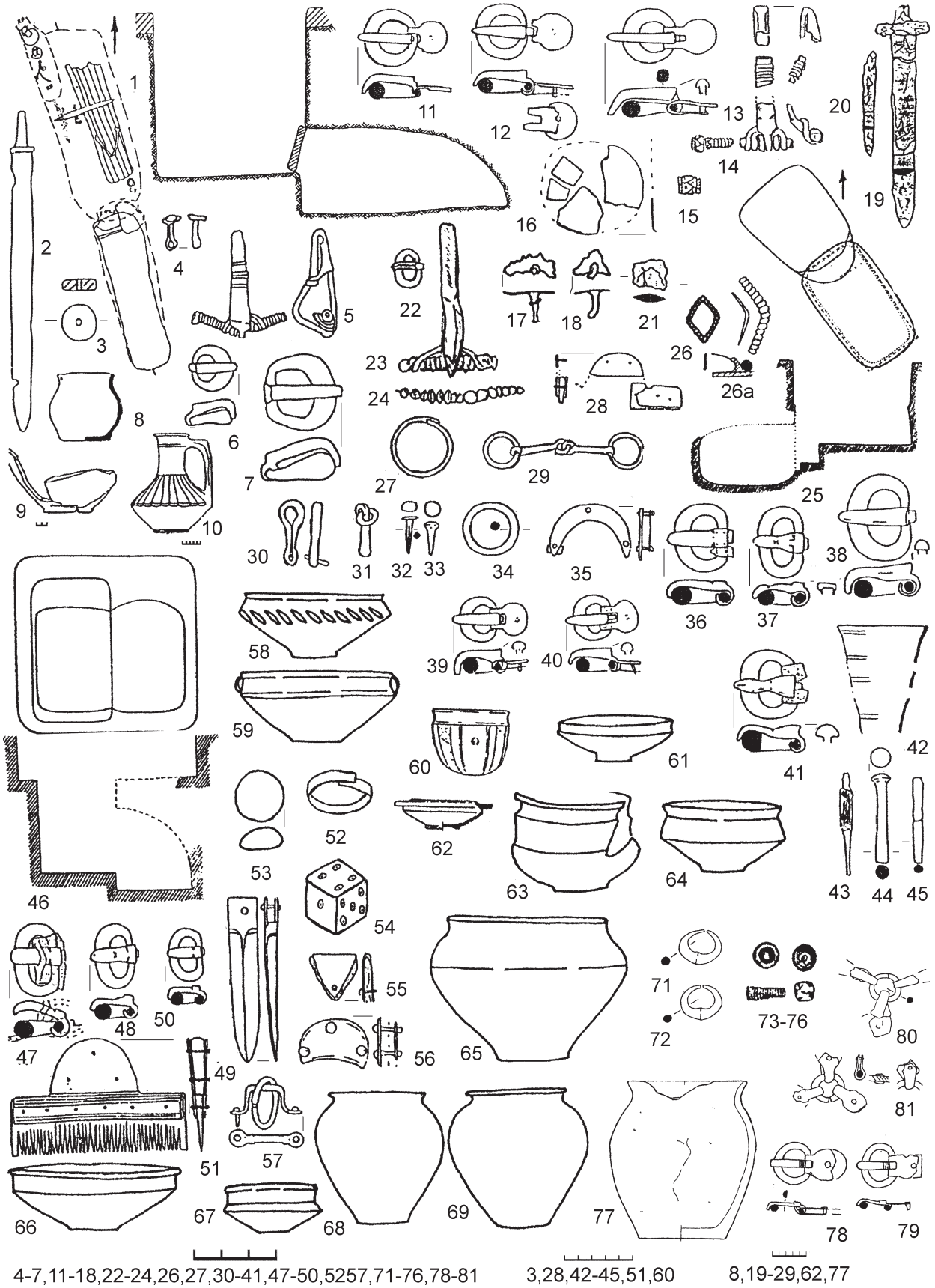

Рис. 19. Памятники «степного» круга на Днепровском лесостепном Левобережье.
1–10 – Моспинская; 11–21 – Орлик; 22–24 – Воронцовка; 25–69 – Кантемировка (25–40 – кург. 3, 41–45– кург. 2, 46–62 – кург. 1, 63–69 – кург. 1 или 2); 71–81 – Лихачевка.

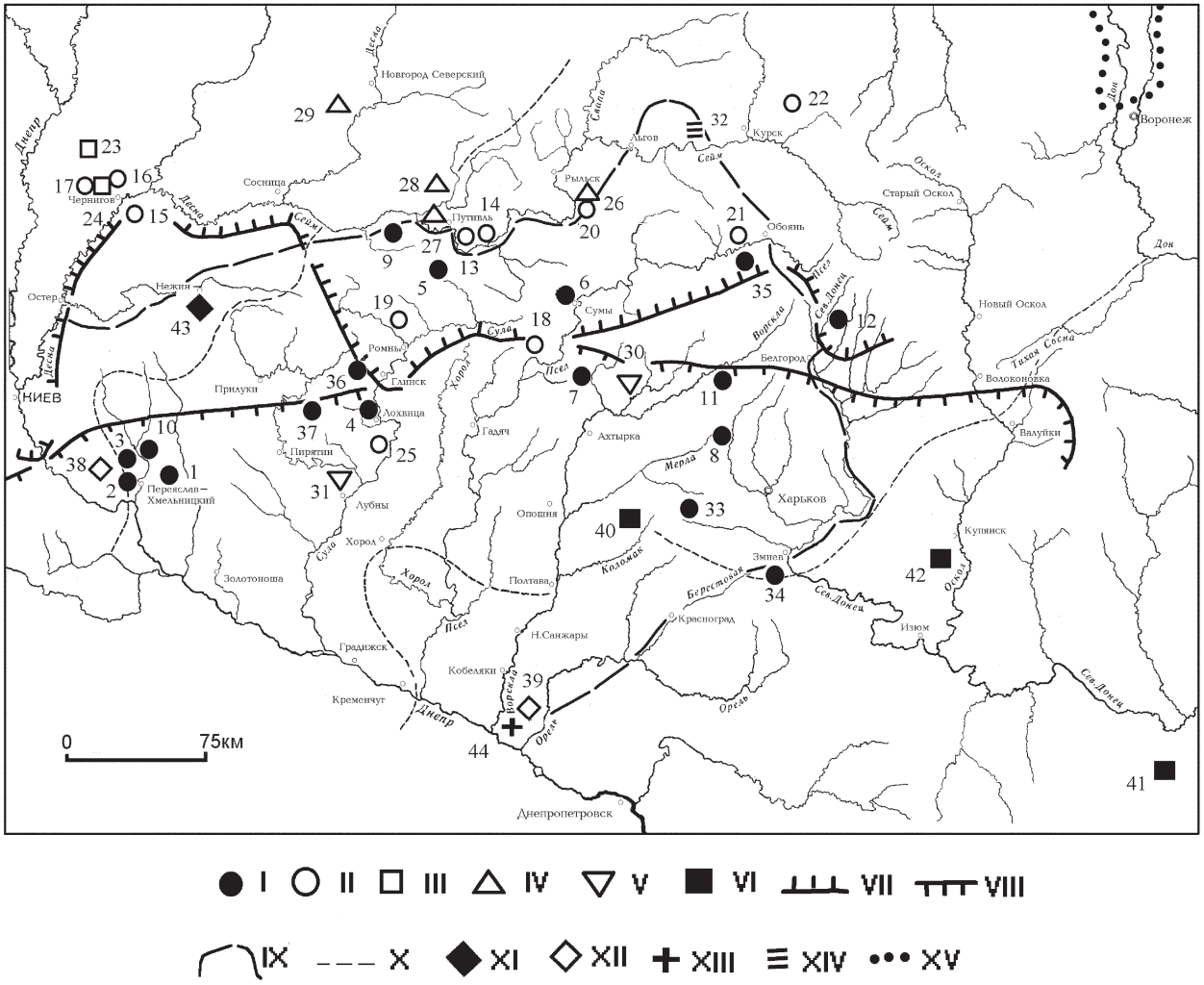

Рис. 20. Днепровское Левобережье в начале эпохи Великого переселения народов.

I – черняховские памятники гуннского времени; II – памятники типа Ульяновки; III – памятники типа Роища; IV – ранние памятники колочинской культуры; V – ранние памятники пеньковской культуры; VI – сарматские погребения горизонта Кантемировки; VII – южная граница колочинской культуры; VIII – северная и восточная границы пеньковской культуры; IX – границы черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья; X – границы лесостепи в середине XX в.; XI – Нежинский клад; XII – комплексы не ясной культурной атрибуции; XIII – гуннский котёл; XIV – памятники на р. Прутище; XV – ареал памятников типа Чертовицкое – Замятино (о памятниках см. табл. 1–4 и прим. 6).

1 – Соснова; 2 – Переяслав-Хмельницкий; 3 – Волошиновка; 4 – Лохвица, 5 – Успенка; 6 – Сумы-Сад; 7 – Боромля; 8 – Родной Край-1; 9 – Червоный Яр; 10 – Хлопков-1; 11 – Головчино; 12 – Хохлово-2; 13 – Пересыпки-1; 14 – Чаплищи-3; 15 – Выбли; 16 – Киселевка-2; 17 – Ульяновка; 18 – Курган-Азак; 19 – Беседовка; 20 – Комаровка–2; 21 – Песчаное; 22 – Каменево-2; 23 – Роище; 24 – Александровка; 25 – Сенча; 26 – Гапоново; 27 – Красное–4; 28 – Литвиновичи–3; 29 – Заярье; 30 – Рябовка-3; 31 – Хитцы, 32 – Николаевка, Болованово, Мармыжи; 33 – Войтенки; 34 – Западня; 35 – Гочево; 36 – Дубина; 37 – Воскресенское; 38 – Гречаники; 39 – Яременки (Орлик); 40 – Кантемировка; 41 – Моспинская; 42 – Воронцовка; 43 – Нежинский клад; 44 – Пересыпки.

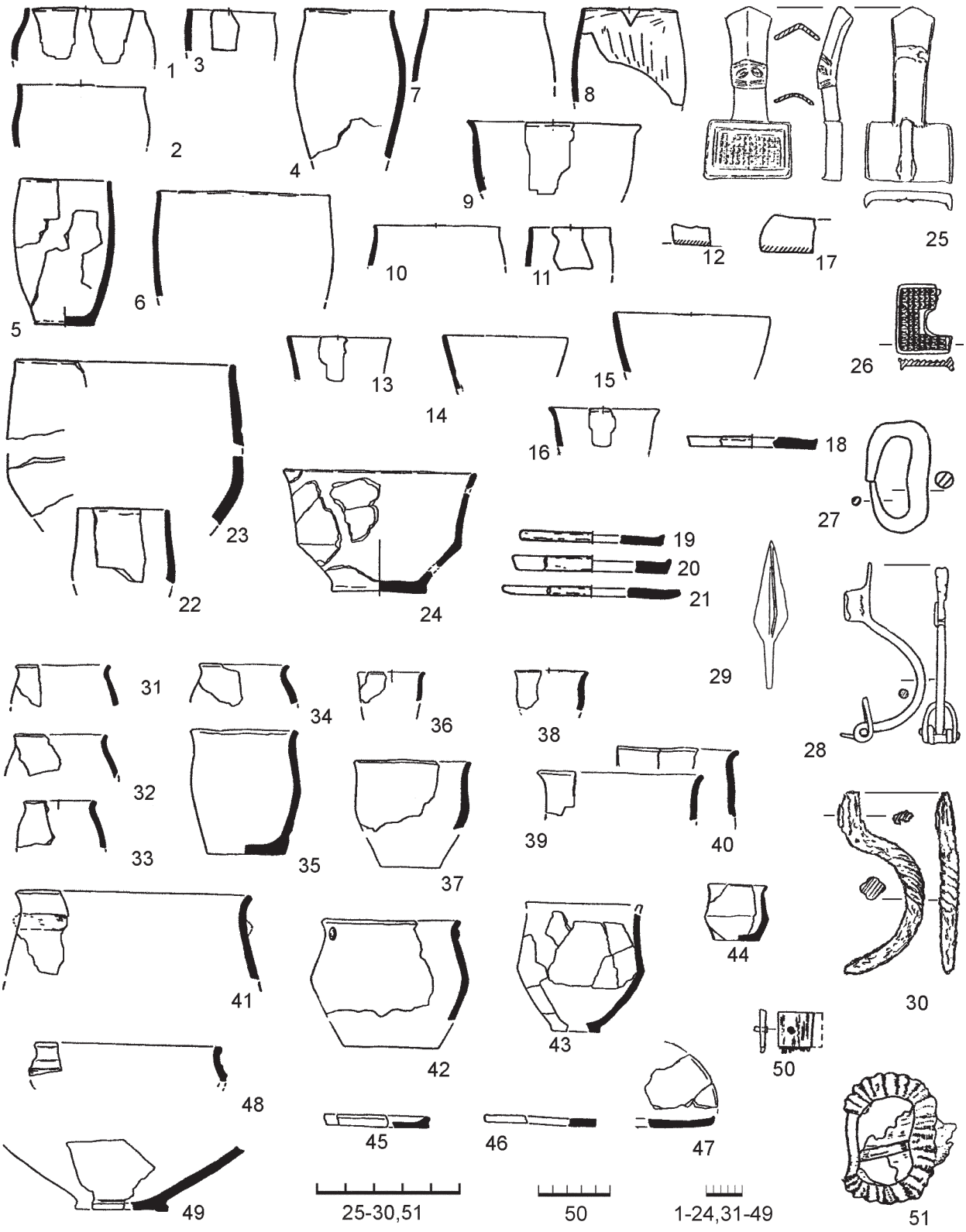

Рис. 21. Материалы ранних памятников пеньковской и колочинской культур.
Колочинская культура: 1–3, 6–8, 27 – Красное-4; 4, 5, 18–23 – Заярье; 9–17 – Литвиновичи-3; 24 – Смольянь; 25 – Картамышево-2; 26 – Посудичи; 28 – Ходосовка; 29, 30 – Колодезный Бугор;
Пеньковская культура: 31–50 – Хитцы; 51 – Большая Андрусовка;
1–11, 13–16, 18–23, 31–47 – груболепная керамика; 12, 17 – обломки туфовых жерновов; 24 – лощеная лепная миска; 25, 26, 51 – бронза; 27–30 – железо; 48–49 – черняховская гончарная керамика; 50 – кость.

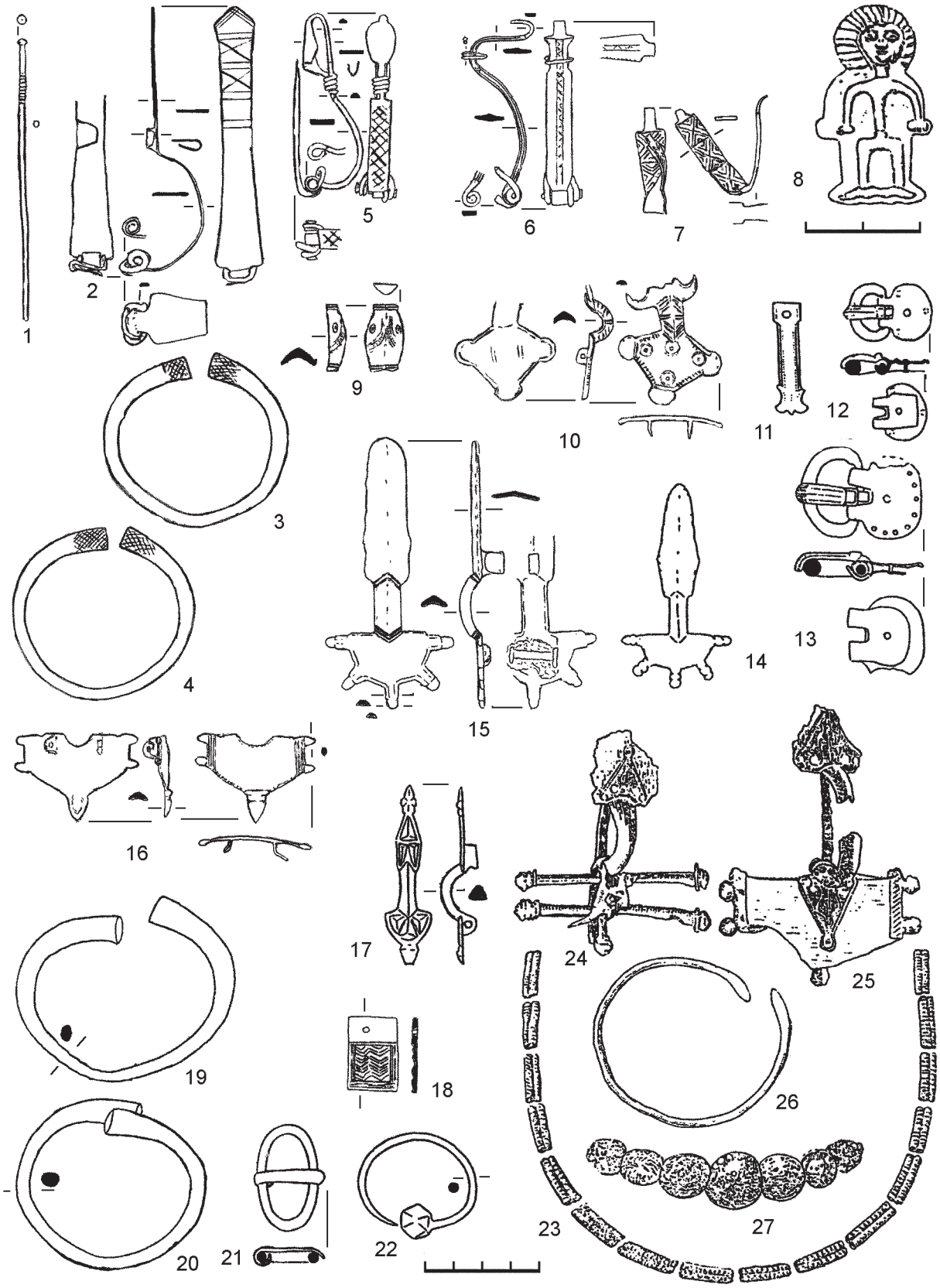

Рис. 22. Находки позднего гуннского и постгуннского времени
с Днепровского Левобережья и из Среднего Поднепровья.
1–5 – Любовка; 6 – Большая Даниловка; 7, 15 – Медведовка; 8, 14 – Мощёнка; 9 – Лазуковка; 10 – Восточное Бельское городище; 11–13 – Константиновград; 16 – Гайдары; 17 – Токари; 18 – Александровский; 19–20 – Максимовка; 21–22 – Сумы-Сад, погр. 4; 23–27 – Волобуевка.

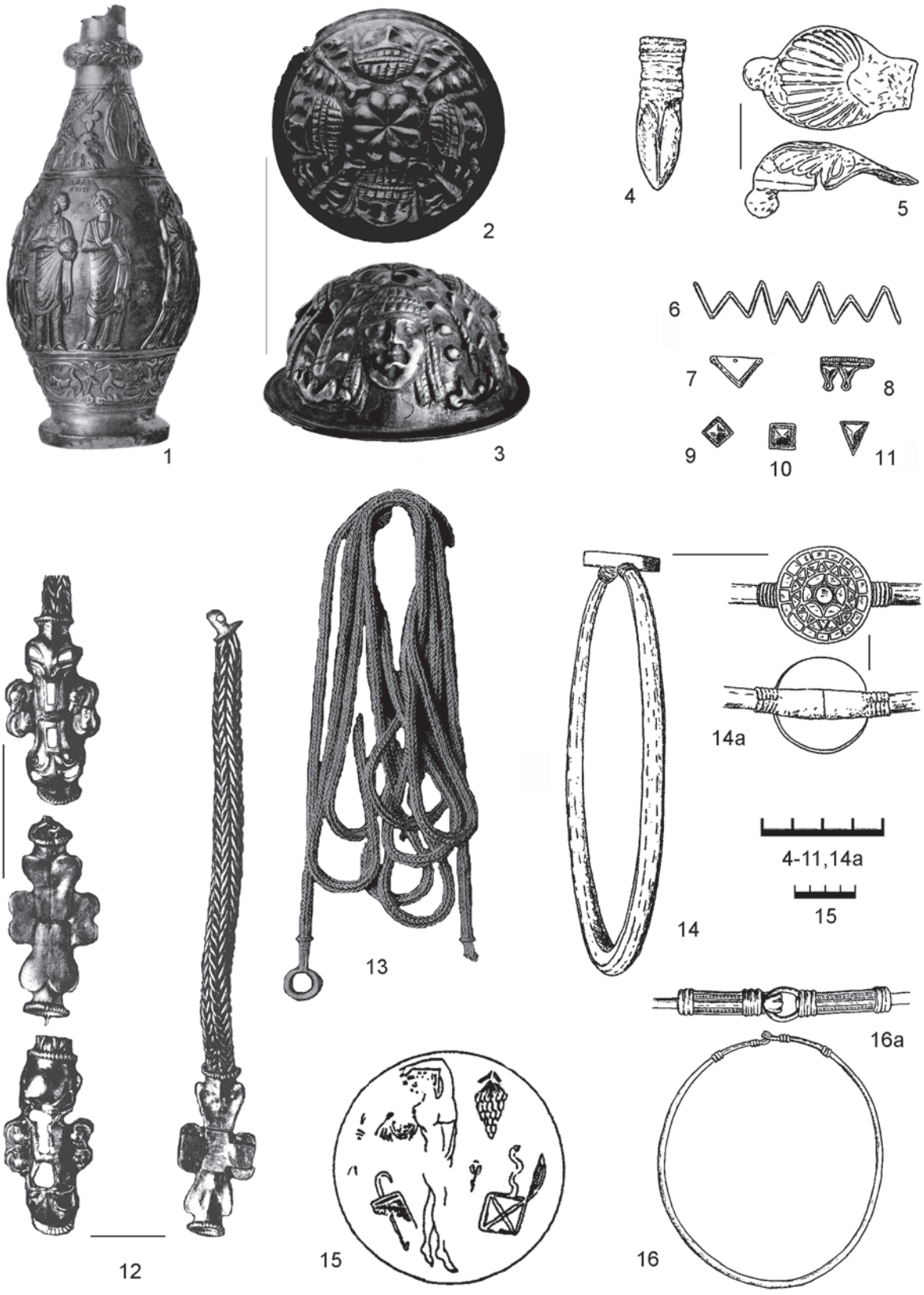

Рис. 23. Находки из комплексов элиты V в. на Днепровском Левобережье.
Большой Каменец, находка 1: 1 – серебряный кувшин (высота 39 см); 2, 3 – серебряный «фалар» (диаметр 9,6 см); 4 – бронзовый «кронштейн»; 5 – серебряная ручка сосуда; 6–11 – образцы нашивных накладок. Большой Каменец, находка 2: 12 – замки золотых браслетов и оборотная сторона золотого браслета (длина ок. 20 см); 13– золотая цепь (длина ок. 250 см); 14 – золотая гривна (внутренний диаметр 19,5–21 см). Находка в районе Обояни (с. Паники): 15 – стеклянная фиала (прорисовка гравировки); 16 – золотая гривна.

Рис. 24. Серебряные сосуды из Жигайловки.

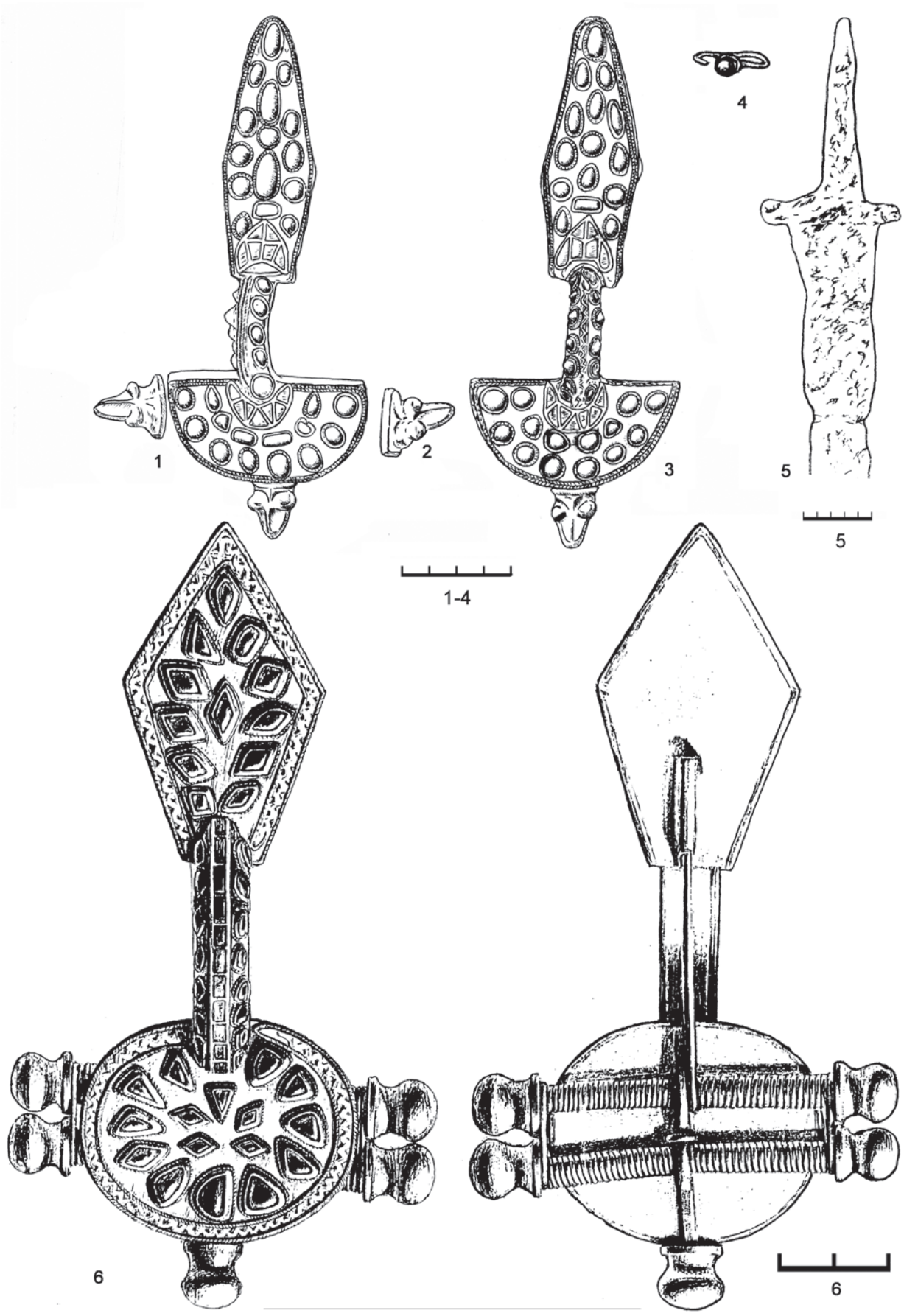

Рис. 25. Находки из комплексов элиты V в. на Днепровском Левобережье.
1–5 – Поршино, погребение 1936 г. (1–3 – фибулы; 4 – золотой перстень со вставкой; 5 – меч, деталь);
6 – Нежин, фибула из клада.

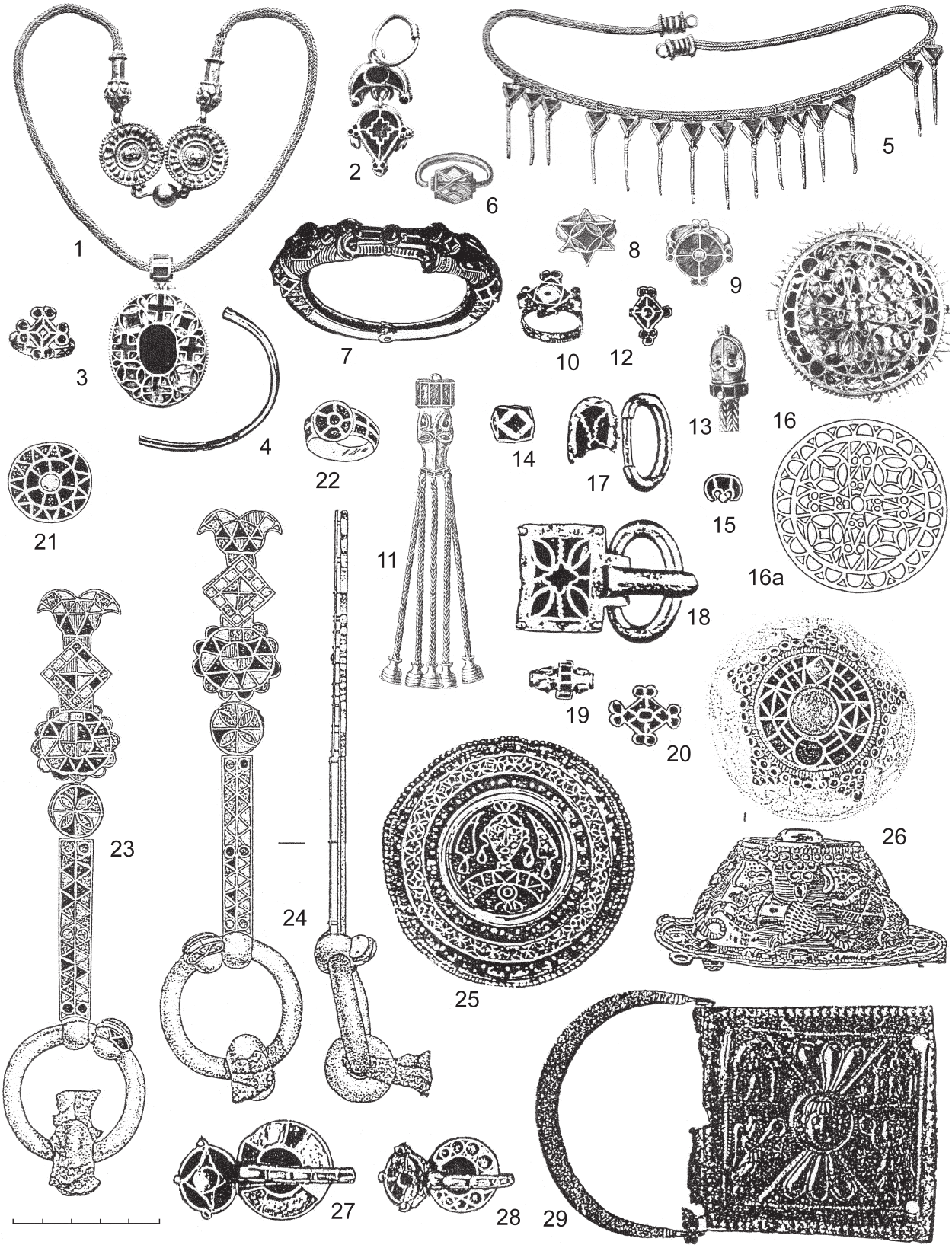

Рис. 26. Аналогии вещам из «княжеских» комплексов.
1–4 – Ольвия; 5–11 – Дюнапатай («Бакодпуста»); 12–20 – Сомершень; 21–22 – Арагвиспири, погр. 9; 23–24 – Казаклия; 25 – Каноса («брошь Кастелани»); 26 – Шимлеул Сильваней; 27–28 – Керчь, склепы 24.06.1904; 29 – пряжка Флавия Астуария.

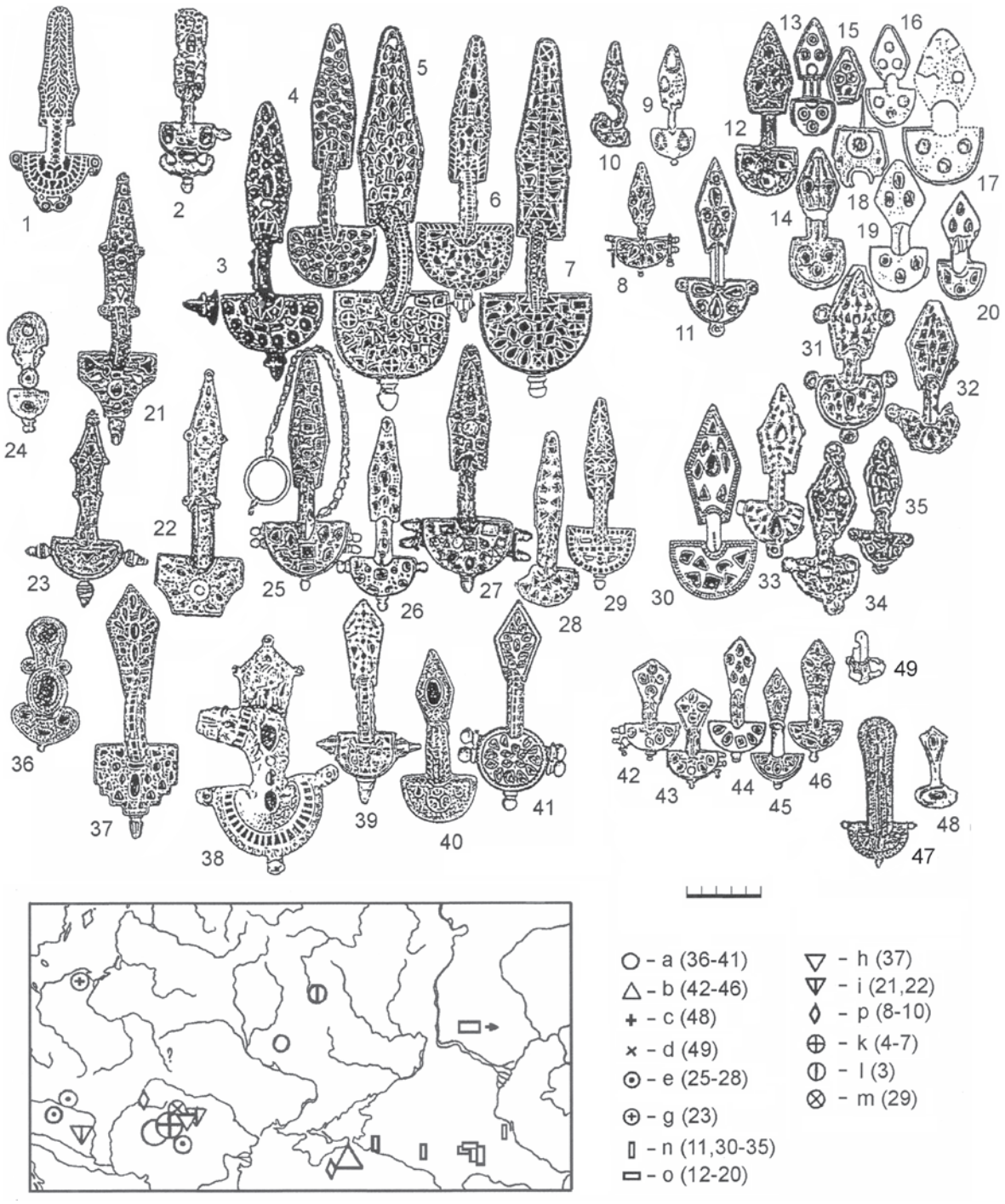

Рис. 27. Двупластинчатые фибулы, украшенные вставками.

В легенде к карте распространения вариантов – номера в скобках соответствуют номерам рисунков.

1 – Десана; 2 – Фано; 3 – Поршино; 4–7, 22, 29, 37–40 – Шимлеул Сильваней, находка 2; 8 – Керчь; 9 – Уфа; 10 – Дьеленеш; 11 – Дюрсо, погр. 300; 12 – «Кавказ»; 13 – Дюрсо, погр. 490; 14 – Задалеск; 15 – «Крым»; 16–20 – Алтынасар (курганы: 16 – № 24; 17 – № 235; 18 – № 287/1; 19 – № 236; 20 – № 324); 21 – Регей; 23 – Молотечно («Хаммерсдорф»); 24 – Штейрнед; 25 – Эран; 26 – Рабопордань; 27 – Унтерзибенбрунн; 28 – Вельц; 30 – Ираги; 31 – Гиляч, погр. 5; 32–35 – Кумбулта («Рутха»); 36 – Орслев; 41 – Нежин; 42–43 – Керчь, гора Митридат, склеп 1890 г.; 44 – Керчь, склепы 24.06.1904; 45 – «Керчь»; 46 – Керчь (? – «Варесе»); 47 – «Венгрия»; 48 – Изворул, погр. 9.

Глава 2.
Лесостепное Подонье

А. М. Обломский

2.1. Вводные замечания

Планомерное изучение памятников позднеримского и гуннского времени в лесостепном Подонье началось на рубеже 80-х и 90-х гг. с раскопок А.З. Винникова на поселении Хлевное-3, А.И. Козлова – на селище Староживотинное-3, А.П. Медведева – на Третьем Чертовицком городище. Историография и сведения о публикации материалов изложены в специальной работе [Обломский, 2005б]. В моей статье «Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время», опубликованной в сборнике трудов VI Конгресса славянской археологии в 1997 г., но написанной раньше, я указывал, что материалы III–V вв. Подонья весьма разнообразны [Обломский, 1997а]. В 1998 г. мною было предложено деление древностей лесостепного Подонья, найденных на поселениях, на две культурно-хронологические группы: типа Каширки – Седелок и круга Чертовицкого – Замятино [Обломский, 1999], которые отличаются друг от друга не только по основным характеристикам, но и по хронологии. Особый этнокультурный пласт материалов составляют грунтовые погребения-ингумации (Животинный могильник, Мухино, Ксизово-17 и 19). В настоящей работе делается попытка сравнения этих культурно-хронологических групп между собой по всем аспектам, которые имеют специфику.

Поскольку статьи о древностях Подонья опубликованы, в основном, либо в местных малотиражных, либо в заграничных изданиях, недоступных большинству специалистов, то я считаю целесообразным изложить краткие сведения об этих культурных общностях, для того чтобы ввести читателя в курс дела.

В настоящее время к группе памятников типа Каширки – Седелок можно отнести 46 поселений, а к древностям круга Чертовицкого – Замятино – 19[1]. Памятников с признаками наличия отложений III–V вв. на территории Верхнего Подонья известно гораздо больше (мною на 2003 г. учтено 117 пунктов), но материалы далеко не каждого из них обладают чертами принадлежности к определенной культурно-хронологической группе. Во многих случаях более точная атрибуция поселений в рамках периода вызывает сомнения, для того чтобы рассеять их требуется либо повторный осмотр памятников со сбором подъемного материала, либо шурфовка или раскопки.

2.2. Памятники типа Каширки – Седелок

Памятники типа Седелок распространены от широты г. Данкова Липецкой обл., т.е. от района, лежащего несколько к северу от устья р. Красивая Меча, до окрестностей г. Воронежа, но концентрируются они к западу от Дона. Лишь небольшие группы поселений на р. Павелка и на Мечковской балке находятся к востоку от него. В меридиональном направлении их ареал охватывает север Воронежской, западную и центральную части Липецкой и юг Тульской обл. (рис. 1).

Памятники типа Каширки – Седелок – неукрепленные, топография их стандартна (остатки эскарпа на поселении Верхнее Турово пока не датированы, судя по планиграфии находок позднеримского периода, возведение его в это время маловероятно). Поселения расположены, как правило, на черноземных участках склонов оврагов или на террасах малых речек, имеющих очень узкую долину (подробнее см. часть 2.5). Могильники пока не известны.

Большинство из раскопанных селищ (Седелки, Каширка-2, Яблоново, Верхнее Турово, Мухино-2, Малая Трещевка-1 и 2, Кытино-3) по всей видимости, представляли собой рядовые сельскохозяйственные поселки. Ремесленным центром было поселение Писарево. Там зафиксированы остатки сооружений, связанных с добычей черного металла, отходы бронзолитейного и косторезного производств, свидетельства обработки железа.

Культурные слои всех памятников очень слабо насыщены материалом, который встречается, в основном, около объектов. Поселения, по всей видимости, были кратковременными. Тем не менее, на них может прослеживаться несколько этапов заселения (в Каширке-2 и в Седелках – по два). Постройки верхнего горизонта Каширки-2 погибли в

[1] Использованы данные на 2004 г. Все селища у с. Замятино учтены как 1 пункт, поскольку в гуннское время они составляли единый поселок. По той же причине как одно поселение учтены селища Ксизово-16 и 19.

пожаре, Седелки горели два раза. В Писарево линза обожженной глины с отпечатками прутьев каркаса стен или кровли прослежена в заполнении постройки 1 раскопа 2. Обожженная обмазка встречалась и в культурном слое раскопов 2 и 3. На поселении Верхнее Турово обмазка была сосредоточена в верхнем горизонте культурного слоя, где концентрировалась основная масса находок позднеримского времени. Обожженная обмазка от стен построек зафиксирована на селищах Кытино-3, Малая Трещевка-1 и 2 и в Мухино [Бессуднов, Обломский, 1996, с. 41; Обломский, Терпиловский, 1998, с. 130–131; Обломский, 1998а, с. 112–114; Синюк, Чекменев, 1999, с. 150]. Остатки сильно разрушенной оползнем берега р. Семенек постройки на поселении Каширка-1 также были насыщены обгоревшей глиной. Куски глиняной обмазки с характерными отпечатками прутьев, плах или досок каркаса стен сгоревших жилищ, хозяйственных построек и навесов над погребами составляют большинство находок в коллекциях подъемного материала, собранных во время разведок на поселениях, которые относятся к типу Седелок.

Лепная керамика памятников этого круга делится на две группы, различные по происхождению.

В публикациях материалов раскопок я указывал на типологическую близость керамики первой группы (рис. 2: 1–5; 4; 5; 8: 1–8; 9: 5–9, 11–14; 10), с одной стороны, к посуде лесостепных памятников киевской культуры Поднепровья и бассейна Северского Донца, а с другой – к некоторым комплексам лепных сосудов ряда черняховских поселений того же региона [Бессуднов, Обломский, 1996, с. 42–43; Обломский, 1997а, с. 240–241; Обломский, Терпиловский, 1998, с. 132]. Наблюдающееся здесь противоречие, на самом деле, лишь кажущееся. В процессе образования черняховской культуры киевские группировки активно вовлекались в орбиту ее влияния и даже, как показывает пример поселения Журавка Ольшанская, селились на территории черняховских поселков наряду с семьями иноэтничного происхождения. На черняховских памятниках, лепная керамика которых наиболее близка к посуде первой группы древностей круга Каширки – Седелок (Журавка, Новолиповское, Ломоватое, Радуцковка, Головино-1, Песчаное Сумской обл. Великий Бобрик, Мамрои-2), выделяются т.н. «черняховские комплексы киевской традиции», отмечающие присутствие киевского населения в черняховском социуме (подробнее об этом см. в: [Обломский, 1998б; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999; Петраускас, Шишкін, 1999; Терпиловський, 1999]). Ареал черняховских памятников киевской традиции довольно велик. Он охватывает все Среднее Поднепровье, Днепровское лесостепное Левобережье и бассейн Северского Донца, где находятся такие пункты с лепной киевской керамикой, как поселение и могильник Головино-1 и могильник Родной Край-1.

Керамика второй группы (рис. 3; 6; 9: 10), учитывая формы сосудов и орнаментацию, имеет прямые аналогии на памятниках позднескифского круга Нижнего Поднепровья, родственных им поселениях хоры Ольвии, на южных черняховских памятниках типа Каменки-Анчекрак, где специалисты отмечают присутствие позднескифского элемента культуры в рамках черняховской общности [Обломский, Терпиловский, 1998, с. 132; Обломський, 1999, с. 167–168, рис. 3].

Посуда обеих традиций использовалась в быту одновременно. Об этом свидетельствуют находки горшков как «киевского», так и «позднескифского» наборов в одних и тех же комплексах: сооружения верхнего горизонта Каширки-2, постройка 4 раскопа 2 Седелок, постройка на поселении Лощина-1 (рис. 9) [Обломский, 1999, с. 167; Обломский, Терпиловский, 1998, рис. 7].

Гончарная керамика достаточно подробно описана в публикациях памятников. Общее ее количество невелико. В Каширке-2 посуда, изготовленная на круге, составляет 14%, в Кытино-3 – 3%, в Малой Трещевке-2 – 1,5%, а в Седелках на различных участках поселения – от 0,6–1 до 13–14% (хотя в некоторых объектах ее доля достигает 47%). В комплексе сосудов из хозяйственной постройки поселения Лощина из 12-ти найденных там форм гончарных было 5 [Земцов, 2002, с. 142].

Состав набора изготовленной на круге посуды сложен. Чаще всего встречается лощеная керамика, реже – т.н. «кухонная» (с шероховатой поверхностью). Преобладают черняховские миски, в меньшей степени распространены горшки (рис. 2: 6; 7: 1, 7, 8, 11; 8: 10, 11; 9: 1–4). Наряду с черняховской посудой встречаются обломки мисок, в предшествующий период характерных для сарматских и позднескифских памятников Среднего и Верхнего Подонья (чашеобразных, со сглаженным ребром в верхней части профиля, с оттянутым вниз ребром, расположенным несколько ниже венчика). К этой группе примыкают и кувшины с пластично орнаментированными ручками, иногда имеющими элементы зооморфизма (рис. 7: 2, 4, 6, 9; 8: 9).

Состав набора гончарной посуды, а также малое ее количество – одна из особенностей памятников типа Каширки – Седелок по сравнению с черняховскими. Точная статистика соотношения различных технологических групп посуды на последних отсутствует, но на поселениях соседнего с Верхним Подоньем Днепровского Левобережья изготовленной на круге керамики обычно насчитывается не менее 70% и лишь в некоторых комплексах на самом раннем из черняховских поселений бассейна Северского Донца Головино-1 (середина – вторая половина III в.) – 44,5% [Обломский, 1997б, с. 69–70].

Очевидно, в Подонье в позднеримское время не было своего гончарного производства. Посуда, изготовленная на круге, поступала сюда в качестве импорта как с территории черняховской культуры, так и из северокавказских или причерноморских центров (в значительно меньшем количестве).

Постройки, исследованные на памятниках типа Седелок, относятся к двум группам: наземным и углубленным в грунт (полуземлянкам). Наземные сооружения были глинобитными и имели каркасные стены с опорой на столбы, пространство между которыми заполнялось прутьями, небольшими узкими досками и плахами. Общая толщина глинобитных стен достигала 20 см. Все эти сведения получены при изучении отпечатков конструктивных деталей на глиняной обмазке, которая остается после сожжения построек (рис. 11; 12: 1). Интересной особенностью конструкции являются каменные цоколи глинобитных домов, которые частично сохранились в двух наземных сооружениях Каширки-2 (рис. 12: 2). Последние имеют нижнеднепровско-причерноморское происхождение, как и керамика второго набора памятников типа Каширки – Седелок.

Форма и внутренняя планировка полуземлянок довольно разнообразна (рис. 13). По всей видимости, все эти постройки были хозяйственными (подробнее см. ниже).

Весьма оригинальна постройка 1 раскопа 1 Писарево, что, вероятно, обусловлено ее специфическим предназначением. Она в плане близка к овалу размерами 4,63 × 5,6 м. Пол сооружения не был ровным, а изобиловал различными вырезами (в числе которых были 2 хозяйственные ямы), полками и т.п. (рис. 14). Эта постройка, по всей видимости, была связана с добычей и обработкой черного металла: в ее заполнении во множестве обнаружены шлаки, остатки стенок горна, сложенного из сырцового кирпича (но не in situ, а в переотложенном состоянии), обрезки железных стержней и листов. В культурном слое в пределах раскопов 1 и 2 находки, связанные с черной металлургией, явно «тяготели» к этому сооружению. Очень похожие постройки, но с горнами, врезанными в материк по бортам котлованов, исследованы в Прикарпатье на поселении Ремезивцы раннеримского периода [Обломский, 1998а, с. 110–115; Цигилик, 1975, с. 55–59].

Информации о хронологии памятников типа Каширки – Седелок пока немного. Очевидно, что появляются они не раньше возникновения черняховской культуры, поскольку на всех поселениях, присутствует черняховская гончарная керамика. Относительно точно можно установить лишь начальную дату донских поселений. Амфора тип 73 по И.Б. Зеест из Каширки, венчик светлоглиняной «танаисской» амфоры из Седелок и бронзовая фибула группы VII по О. Альмгрену с высоким приемником и накладными кольцами на корпусе из Мухино для древностей черняховской культуры являются достаточно ранними находками (рис. 16: 1–3). Верхний предел бытования этой группы хронологических индикаторов не превышает конец III в. Прочие вещи: заготовка бронзовой фибулы с фасетками из Писарево (рис. 16: 4) и зеленая стеклянная бусина из Седелок – датируются значительно шире. Возможно они бытовали и в IV в.[2] [Бессуднов, Обломский, 1996, с. 44; Обломский, Терпиловский, 1998, с. 133; Земцов, 2003, с. 110, рис. 1: 12], при этом следут отметить, что на памятниках типа Каширки – Седелок пока отсутствуют хронологические индикаторы, специфичные для фаз 3 и 4 черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому (2-я треть – 3-я четверть IV в.) [Гороховский, 1988а, с. 44]. Интересна серия бронзовых вещей, обнаруженных на поселении Малая Трещевка-1: два округлых предмета из пластин и ажурное кольцо (рис. 16: 7–9). Очень близкие по форме изделия, найденные в Танаисе, были интерпретированы как детали металлических обкладок позднеримского деревянного сундука [Наливкина, 1965, с. 149, рис. 21]. Серия радиокарбонных дат, полученных на поселении Седелки, показала, что наиболее вероятный период существования этого памятника – 230–250 – 320–334 гг. н.э.

Таким образом, древности типа Каширки – Седелок датируются в диапазоне от возникновения черняховской культуры (2-я треть III в.) по начало IV в. Допустимо предположение о существовании их и в середине IV в., поскольку верхняя дата донских памятников этого круга неопределенна.

2.3. Памятники типа Чертовицкого – Замятино

Из 19-ти известных в настоящее время памятников этого типа 14 исследованы раскопками. Поселения расположены в долинах наиболее полноводных рек региона: Дон, Красивая Меча, Воронеж, Снова (рис. 17).

Самые южные памятники находятся в окрестностях г. Воронежа. Северная граница массива пока неопределенна, но есть сведения, что он распространяется на Красивую Мечу. Намечается деление общего ареала памятников типа Чертовицкого – Замятино на две области: северо-западную (от Красивой Мечи до Сновы) и юго-восточную (памятники на р. Воронеж,

[2] Во время раскопок 2005 г. на поселении Ксизово-17А автором главы была исследована постройка-полуземлянка с лепной керамикой типа Каширки – Седелок и гончарной черняховской. Из сооружения происходит набор вещей (несколько пряслиц, наконечник копья, нож, серебряный перстень, железная ведерковидная подвеска и ряд других). Из датирующих вещей в полуземлянке обнаружены трехслойный гребень из рога с полукруглой спинкой типа I варианта 1а по Г.Ф. Никитиной [Никитина, 1969, с. 149, рис. 1] и ромбическая в сечении рама серебряной пряжки, близкая к типу П9 по В.Ю. Малашеву [Малашев, 2000, с. 196, рис. 9: В3,7]. Гребни типа I/1а по хронологической системе Е.Л. Гороховского существуют в фазах 1 – 3 черняховской культуры (2-ая треть III – 3-я четверть IV в.), но пик их распространения приходится на первые две, т.е. до 2-ой трети IV в. [Гороховский, 1988а, с. 42-44]. Пряжки П9 характерны для периодов IIб, IIIа и IIIб развития ременных гарнитур позднесарматского времени, суммарно датирующихся 2-ой половиной III – 3-ей четвертью IV в. При этом В.Ю. Малашев отмечает, что пряжки с граненой рамой распространены, в основном, в III – начале IV вв. [Малашев, 2000, с. 209, рис. 1]. Наиболее вероятная дата комплекса, таким образом, 2-я половина III – начало IV в.

кроме городища Крутогорье, которое, судя по неопубликованным пока материалам раскопок Д.В. Акимова и И.Е. Бирюкова 2004–2005 гг., относится к северо-западной группе: там обнаружена гончарная керамика круга Ксизово-19, см. ниже).

Большая часть поселений представляет собой селища. Материалы типа Чертовицкого – Замятино известны и на городищах (Чертовицкое Третье, Пекшево, Животинное, Подгорное, Первое Перехвальское, Малый Липяг и Крутогорье). Тем не менее, однозначных данных о том, что укрепления этих памятников использовались в гуннское время, нет. Единственным косвенным свидетельством в этом отношении является оригинальная каменная постройка, врезанная в край вала Третьего Чертовицкого городища. По планировке и конструкции она близка к аналогичному сооружению, которое пересекает напольную часть мыса черняховского городища Башмачка [Медведев, 1998, с. 56]. Решение вопроса о том, возводились ли в гуннский период укрепления на городищах, является насущной задачей исследования поселений. Не исключено, что в какой-то степени использовались старые валы, но и это нужно установить.

Как и в предшествующее время, постройки на поселениях круга Чертовицкого – Замятино делятся на полуземлянки и наземные дома, но в отличие от селищ типа Каширки – Седелок полуземлянки резко преобладают (см. часть 2.5).

Данные о хозяйстве обитателей большинства памятников типа Чертовицкого – Замятино отсутствуют. Судя по тем скудным сведениям, которые опубликованы, почти все памятники, как и в предшествующий период, представляли собой рядовые сельские поселки, население которых занималось животноводством (во множестве обнаружены кости домашних животных), возможно, земледелием, рыболовством и домашними ремеслами, вроде ткачества (найдены рыболовные крючки, остроги, пряслица, грузила для ткацких станков) [Медведев, 1998, рис. 9: 11–14; 10: 5, 6, 11–14; 12: 1; 15: 3–7; 16: 2; 17: 6–7; 19; 22: 9–11; Бирюков, 1998; рис. 4: 15–18; Акимов, 1998; рис. 6: 2, 6–11; 7: 5, 6]. Относительно подробные данные о характере животноводства и земледелия опубликованы только для Замятинского археологического комплекса [Острая Лука..., гл. 14], но этот памятник входит в состав микрорегиона на Острой Луке Дона, поселения которого во многом уникальны, поскольку имеют ярко выраженный ремесленный характер. В Замятино исследованы две мастерские косторезов-гребенщиков, зафиксированы следы бронзолитейного и кузнечного ремесел (в т.ч. и по изготовлению или ремонту кольчуг). На селище Ксизово-19 раскопан гончарный горн.

Большинство находок на поселениях типа Чертовицкого – Замятино представлено обломками лепных сосудов, которые относятся к нескольким этнокультурным традициям. Керамика, аналогичная посуде киевской культуры, на этих памятниках преобладает, но имеется и серия форм, которые ей чужды (подробнее см. часть 2.5).

Гончарная керамика на памятниках круга Чертовицкого – Замятино встречена в очень небольшом количестве, причем состав ее на поселениях северо-западной и юго-восточной групп различен. На памятниках северо-западной группы ее насчитывается: в Замятино-5 – 0,2%; в Замятино-7 на раскопе 1 – 1,5%, на раскопе 2 – 0,75%; в Замятино-8 – 1,2%; в Каменке-4 найдены единичные фрагменты сосудов. Относительно много гончарной керамики обнаружено лишь на поселениях Ксизово-16 и 19, т.е. в непосредственной близости от горна, в котором ее обжигали [Острая Лука..., гл. 1–5] (8% в Ксизово-16, 16% на раскопе 1 и 6% на раскопе 2 Ксизово-19). В северо-западной группе поселений набор гончарной посуды составляют единичные обломки светло- и красноглиняных амфор, фрагменты крупных горшков (вероятно, пифосов) с лощеной поверхностью серого или черного цвета, орнаментированных налепными валиками, обломки сероглиняных сосудов с плотным тестом, как правило, лощеных. Последние имеют позднеантичные прототипы, но призводилась эта керамика на поселении Ксизово-19 (рис. 18, 19). Пифосы происходят из какого-то восточнопричерноморского центра. Очень похожая керамика найдена в слоях V–VI вв. Фанагории («пифосы 4 и 5 групп» по [Атавин, 1992, с. 187–189]).

Статистика соотношения основных технологических групп керамики на памятниках поречья р. Воронеж отсутствует. Опубликованы сведения об отдельных находках фрагментов амфор и сероглиняных гончарных сосудов, которые относятся к середине I тыс. н.э., на поселениях Чертовицкое-3 и Староживотинное-3 [Медведев, 1998, рис. 11: 13–14; Акимов, 1998, рис. 5: 13] (рис. 42: 4, 10). Сероглиняная керамика этих памятников – типично черняховская.

Хронология древностей типа Чертовицкого – Замятино является предметом дискуссии. Датирующие вещи рассматривались мною в нескольких статьях. Там же изложено мое мнение по спорным вопросам [Обломский, 2003а; 2003в; 2005б]. Некоторые хронологические индикаторы Замятинского археологического комплекса (пальчатая фибула из Замятино-5, поясной набор из Замятино-10, бусы) были специально изучены И.О. Гавритухиным и А.В. Мастыковой [Острая Лука..., гл. 1, 7, 8]. Результаты наших исследований получились следующими. Все датирующие вещи, происходящие с памятников типа Чертовицкого – Замятино можно условно разделить на несколько групп. К первой относятся те изделия, которые появились в позднеримский период, но существовали и в гуннскую эпоху (рис. 20: 1–3, 8, 11, 13; 21: 2). Во вторую можно объединить вещи, начало употребления (или массового использования) которых приходится на гуннское время, но они известны и в раннем средневековье (рис. 20: 6, 7, 9, 10, 12; 21: 5–7, 12, 13) в третью группу включены хронологи-

ческие индикаторы конца IV–V в. (разных хронологических диапазонов в рамках этого периода) (рис. 20: 4, 5, 14, 15; 21: 3–4). Важными представляются находки зеркал с петлей на обороте из Замятино-5, 8 и Подгорного (рис. 21: 8–11), которые на территории юга Восточной Европы по кавказским и степным материалам хотя и датируются широко, но для гуннского времени являются одним из показателей «стиля эпохи».

Ни одной из вещей, которые использовались бы только в позднеримский период, а также только в раннем средневековье, на памятниках типа Чертовицкого – Замятино не найдено. Наиболее вероятным временем существования этой культурной группы является, таким образом, гуннская эпоха в восточноевропейском понимании этого термина, т.е. весь V в., не исключая последней четверти IV в.

2.4. Ингумации середины 1 тыс.

Захоронений-ингумаций на территории Верхнего Подонья известно 49. Большинство из них изучено на двух могильниках: Ксизово-17 (44 погребения, раскопки А.М. Обломского, В.Е. Родинковой, О.А. Радюша и И.А. Козмирчука 2003–2006 гг.), и Животинное (3 захоронения, раскопки А.З. Винникова). Погребения, совершенные по другому обряду, в середине 1 тыс. н.э. в Верхнем Подонье не известны.

Первый из этих могильников состоит из двух территориальных групп, которые расположены по обе стороны от пересекающего край террасы Дона оврага. Могильник находится поблизости от двух селищ типа Чертовицкого – Замятино: к северо-востоку от одного, следы которого зафиксированы на раскопах 1 и 2 Ксизово-17Б, и 250 м к юго-западу от другого (Ксизово-16).

Животинный могильник занимает часть городища, где преобладают сооружения боршевской культуры и древнерусские, но на том же раскопе, где исследованы захоронения, зафиксированы и объекты с находками круга Чертовицкого – Замятино: яма 33 и постройка 21 [Медведев, 1998, рис. 22: 1–10]. Два одиночных погребения обнаружены при раскопках поселений Мухино и Ксизово-19 с объектами той же культурной группы. Захоронения-ингумации середины 1 тыс., таким образом, совершались либо непосредственно на поселениях круга Чертовицкого, либо вплотную к ним (рис. 17).

Захоронения делятся на два типа. Основным критерием различия является их ориентировка по странам света. К первому из них относятся 38 могил, в которых покойники положены головами на северо-запад (24 случая) или на юго-восток (14 случаев) (с отклонениями в первом варианте к северу, западу и югу, а во втором – к югу и востоку, если ориентировку вообще возможно установить). О том, что оба варианта ориентировки были присущи одному и тому же населению, свидетельствует парное захоронение 6 (Ксизово-17), где мужской скелет лежал головой на северо-запад, а женский – на юго-восток. От чего зависела ориентировка, сказать трудно, поскольку антропологические определения в ряде случаев отсутствуют.

Большинство погребений – одиночные, парных всего 2. В одном из них (Животинное, 5) захоронены взрослая женщина и ребенок, в другом (Ксизово-17, 6) – женщина и мужчина (рис. 22: 2; 26: а).

Поза погребенных (когда ее можно восстановить) – вытянутая на спине. Могильные ямы – простые, без подбоев и других дополнительных вырезов. Часто ямы не читались, т.к. захоронения были совершены на очень небольшой глубине (0,1–0,45 м) в слое чернозема. В прочих глубина ям невелика: от 0,07 до 0,45 м от уровня материка. Дополнительными элементами погребального обряда являются: кость животного из погребения 2 Ксизово-17 участка А, подсыпка дна мелом (погр. 5 Животинного), кусочки мела в заполнении (Мухино-2), следы органических подстилок в виде пятен тлена или золисто-углистых (Мухино-2, Ксизово-17А, погр. 2, 3, 4), угольки над погребением (Ксизово-17А, погр. 15), кусочки охры в погребениях на уровне скелетов (Ксизово-17А, погр. 7; Ксизово-19, погр. 2). В последнем случае прослежены, также, следы древесного тлена. В двух случаях (Ксизово-17А, 7 и Животинное, 2) черепа погребенных были искусственно деформированы.

На могильнике Ксизово-17 исследовано погребение коня. Животное, по-видимому, было убито копьем, наконечник которого был найден в районе его живота (рис. 22: 4). На этом же памятнике (участок А) обнаружен жертвенный ровик близкой к П-образной формы общими размерами 5,5 × 6,5 м. Канавка при этом имела ширину около 1–1,4 м. В ее пределах было совершено 2 погребения.

Большинство скелетов расчленены. В парном захоронении 5 Животинного расчленен лишь детский скелет, а женский оставлен целым (рис. 26: а). Нарушению при этом подвергались различные части скелета: голова и плечи, грудь, таз, руки и ноги. Известны погребения, где оставлены лишь отдельные кости, либо почти все они перемещены. В трех случаях вынута вся верхняя часть скелета выше таза. Расчленение производилось после того, как мягкие ткани разложились, но, по всей видимости, не полностью, поскольку вынимались как отдельные кости конечностей, грудной клетки и т.д., так и части тел. О том, что эта операция является деталью погребального обряда, а не результатом ограбления могилы, свидетельствует самое богатое из всех известных на Верхнем Дону захоронений, исследованное в Мухино. Здесь в могильную яму после повторной засыпки, т.е. выше дна и уровня залегания костей, были поставлены два лепных сосуда (рис. 27: 1, 2). Около погр. 12 Ксизово-17А в верхней части ямы, выкопанной для того, чтобы нарушить могилу, сде-

лана выкладка из камней. Самый крупный из них лежал в юго-восточной оконечности пятна, а к северо-западу от него прослежены две параллельные линии мелких камней, что, возможно, представляло собой имитацию тела покойника.

Большинство погребений – безынвентарные, либо содержавшие очень скудный набор вещей: 6 бусин у женского скелета парного захоронения 6 Ксизово-17; бронзовые серьги из погр. 3 и 12, остатки панциря и ножа в ножнах из погр. 7 Ксизово-17А; переотложенный развал верхней части гончарного кувшина в погр. 2 Ксизово-19 (рис. 23; 24), лепной горшок, нож, бронзовые серьга и браслет у женского скелета из погр. 5 Животинного (рис. 26: 1–4) и некоторые другие вещи. На их фоне выделяется богатством захоронение в Мухино.

В нем, как следует из предварительной публикации, кроме упомянутых выше сосудов из заполнения, найдены «многочисленные нашивки из тисненой золотой фольги округлой, треугольной и волнистой формы», серебряная подвеска-лунница, зеркало из билона с петлей с обратной стороны, три золотые пронизи, серебряные туалетный набор (копоушка, ногтечистка и пинцет), браслет, стеклянные крапчатые и янтарные бусы (в т.ч. и одна крупная, которая могла быть навершием темляка меча), золотая обкладка, вероятно, шкатулки с тисненым орнаментом в виде рыбьей чешуи, 3 золотые нашивки треугольной формы на ступнях [Земцов, 2003, с. 112, рис. 2] (рис. 27: 3–15). Подавляющее большинство вещей было передвинуто во время расчленения скелета.

Верхнедонские захоронения середины 1 тыс. первого типа, таким образом, представляют собой достаточно однородный массив.

Погребения второго типа ориентированы на северо-восток, иногда с отклонением к северу. Их всего шесть: погр. 4 Животинного, 19 Ксизово-17А и 2, 9, 17, 18 Ксизово-17Б. В двух первых захоронены мужчины-воины с оружием (копье, меч, кинжал), портупеями, от которых остались наборы пряжек, характерными бытовыми предметами (сосуды, стеклянный кубок, бритва, нож, кремни-огнива). В погр. 4 Животинного найдены кусочек мела и кость животного с воткнутым в нее ножом[3]. В третьем захоронена женщина, на левом плече которой находились фибула и гребень, у левого локтя – зеркало, на поясе – пряжка. В могиле было также несколько бусин. Все эти погребения совершены в глубоких ямах (около 0,7–1 м от поверхности материка, около 2 м от дневной поверхности). Расчленение скелета ни в одном случае не отмечено. На могильнике Ксизово-17 эти погребения территориально отделены от расчлененных захоронений с северо-западной и юго-восточной ориентировками. Первые расположены к юго-востоку от обширного пространства, которое занимают вторые.

В захоронениях могильника Ксизово-17, совершенных по обряду первого типа, узко датируемых вещей нет. Все они найдены в культурном слое, куда попали, очевидно, в результате выбросов из могил во время их вскрытия для посмертного расчленения умерших. На полевых планах могильника отмечена концентрация вещей около погребений. Интерес вызывают прогнутый посередине со слегка загнутым концом язычок пряжки (рис. 24: 10), имеющий форму, характерную как для позднеримского времени, так и для начала гуннской эпохи [Малашев, 2000, с. 209; Засецкая, 1994, рис. 19в]; железная массивная прогнутая подвязная фибула (рис. 24: 12) третьего варианта по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 64–66]; железный наконечник ремешка (рис. 24: 9), по стилю оформления аналогичный бронзовым, найденным в погр. 1 Кантемировского курганного могильника на Полтавщине (см. глава 1, рис. 19: 49], бронзовая плоская рама сюльгамы с насечками по краю и короткими завитыми трубочкой концами – характерная вещь для погребений рязано-окских могильников середины 1 тыс. [Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 125, рис. 3: 5; 5: 5, 10; 6: 3; 9: 2,3] (рис. 24: 8; см. также главу 3 настоящей монографии). В Подонье отдельные находки таких сюльгам известны в некрополе Танаиса [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 3: 6]. Близкая аналогия застежке из Ксизово-17, только без насечки по краю, происходит из культурного слоя Третьего Чертовицкого городища [Медведев, 1998, рис. 6: 67]. Эта вещь отнесена автором публикации к первым векам н.э., но подобная сюльгама известна и на поселении Мухино-2 (раскопки Г.Л. Земцова 2004 г.). Она найдена на участке, где во множестве исследованы объекты середины 1 тыс.

Наиболее вероятная дата погребений первого типа могильника Ксизово-17 по сочетанию этих вещей – раннегуннский период, не исключая возможности совершения захоронений по подобному обряду в более позднее время.

По предварительным данным погр. 2 Ксизово-17 (участок Б) по сочетанию гребня-подвески из рога типа III по С. Томас, железной прогнутой подвязной фибулы с широким кольцом для крепления пружины, зеркала-подвески с петлей на обороте датируется второй третью – серединой V в. Погр. 19 Ксизово-17А по стеклянному кубку и набору пряжек, одна из которых имеет полую раму, относится к середине V в.

В первоначальной публикации дата погр. 4 Животинного могильника определялась в рамках конца III – IV в., а погребения 5 – I – начала II вв. [Медведев, Винников, 1989, с. 153–154], что по моему мнению неверно. Хронология Животинного могильника и захоронения из Мухино рассматривалась мною, а также М.М. Казанским и И.Р. Ахмедовым в их совместной статье. По сочетанию форм пряжек время совершения погр. 4 Животинного по моим данным приходится на 2-ю половину V – начало VI в. К это-

[3] Справедливости ради необходимо отметить, что кусочек мела был найден в кротовине [Медведев, Винников, 1989, с. 151]. Не исключено, что прямого отношения к погребению он не имеет.

му же периоду относится и погр. 5, хотя оно может датироваться и шире: начиная с конца IV в. [Обломский, 2004б, с. 224]. Не противоречат этим выводам и наблюдения М.М. Казанского и И.Р. Ахмедова [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 179]. Захоронение из Мухино по специфическим крапчатым стеклянным бусинам относится ко второй трети V – началу VI в. [Обломский, 2005б].

Погребение 2 из Ксизово-19 датируется по обстоятельствам находки. Во-первых, оно находилось на очень небольшой глубине, которая совпадает с уровнем древней поверхности того участка поселения середины 1 тыс. (группы Чертовицкого – Замятино), на котором совершено погребение. Во-вторых, среди скопления черепков сероглиняного гончарного кувшина, связанного с этим захоронением, обнаружен фрагмент лепной лощеной миски, типичный для комплекса посуды середины 1 тыс. поселения Ксизово-19. В-третьих, два обломка этого кувшина происходят из заполнения постройки 1 раскопа 2 того же селища. Они найдены вместе с черепной крышкой человека и лепной керамикой круга Чертовицкого – Замятино. Соответственно, погр. 2 было впущено в грунт, когда использование участка поселения, где расположен этот объект, обитателями поселка прекратилось. В то же время, жизнь на селище продолжалась, т.к. при вторичном расчленении скелета его черепная крышка и 2 фрагмента находившегося в могиле кувшина попали в заполнение полуземлянки вместе с керамикой типа Чертовицкого – Замятино.

Таким образом, по имеющимся данным, верхнедонские ингумации не только связаны с поселениями круга Чертовицкого, но и синхронны им.

2.5. Сопоставление материалов памятников типа Каширки – Седелок и Чертовицкого – Замятино

Топография и планировка поселений

Перейдем к вопросу о типологическом соотношении памятников типа Каширки – Седелок, с одной стороны, и Чертовицкого – Замятино, с другой. Анализ этой проблемы начнем с рассмотрения топографии и планировки поселений.

Данные о размерах поселений обеих культурно-хронологических групп показаны на графике (рис. 28). Они достаточно близки. В обоих случаях преобладают памятники площадью от 0,1 до 2 га, сравнительно малочисленны небольшие поселения (до 0,1 га), памятники свыше 3 га распределены по графику равномерно, известны очень большие поселки (свыше 12 га). Некоторые кажущиеся различия в распределении значений (среди поселений типа Каширки – Седелок преобладают селища площадью 0,1–1 га, а среди круга Чертовицкого – Замятино – 1–2 га) вызваны, по всей видимости, относительно малым количеством памятников, которые можно отнести к середине 1 тыс.

Сходство размеров, очевидно, обусловлено общими принципами формирования поселков. Для памятников типа Каширки – Седелок, с одной стороны, неоднократно отмечено расположение малых и средних по площади поселений группами по соседству друг с другом либо «тяготение» нескольких малых поселений к более крупному. Такие группы, например, зафиксированы у с. Кытино, Волотовские Озерки, Звягино, Каширка, Писарево, Подхорошее, Малая Трещевка, Лобановка. С другой стороны, на крупных поселениях во время раскопок или при тщательном обследовании их разведками выявляется зачастую несколько зон концентрации материала (как находок, так и обмазки от стен построек), которые соответствовали усадьбам. Такие сведения опубликованы для поселения Седелки [Обломский, Терпиловский, 1998, с. 124, 125] и содержатся в отчетах по исследованиям селищ Подхорошее-5, Лощина-1, Редькино-4, Афанасьево-2, Мухино-2, Малая Трещевка-1.

Довольно близкая картина наблюдается для древностей типа Чертовицкого – Замятино. Группы поселений прослежены у с. Перехваль, Каменка, Староживотинное – Животинное, Чертовицкое. Усадебная планировка поселка зафиксирована во время многолетних раскопок А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и И.Е. Бирюкова на поселениях Замятино-5, 7 и 8.

Система группировки памятников, по всей видимости, отражает структуру общины, которая состояла из нескольких семей. Они стремились селиться рядом друг с другом, иногда в пределах одного поселка, в ряде случаев – на разных поселениях, но по соседству, что, как мне кажется, было обусловлено, в первую очередь, конкретными условиями местности, но не только ими. Интересно, что в середине 1 тыс. наиболее крупные поселки были расположены на Острой Луке Дона (Замятино, Ксизово 16/19, Мухино-2), для чего, как будет показано ниже, были свои причины.

Если сравнить гистограмму площадей верхнедонских памятников (рис. 28) с аналогичным графиком, построенным для поселений киевской и черняховской культур лесостепной зоны Днепровского Левобережья [Обломский, 2002, с. 31, рис. 25], то между ними наблюдаются некоторые различия. Распределение площадей верхнедонских памятников наиболее близко к черняховскому, но на Дону пока нет очень крупных поселений (свыше 14 га), которые на Днепровском Левобережье составляют 7%. Еще более ощутимы различия при сравнении с киевской культурой, для которой в лесостепи поселения свыше 8 га не известны. Доля больших поселений (свыше 5 га) на Верхнем Дону приближается к черняховской (15% для памятников типа Каширки – Седелок, 36%

для поселений круга Чертовицкого – Замятино, 23% для черняховской культуры и всего лишь 4% для киевской).

Сравнение ландшафтов, в которых находятся поселения, производится по методике Р.Г. Шишкина с некоторыми изменениями автора настоящей главы [Шишкін, 1999; Обломский, 2002, с. 30–32]. В соответствии с нею для каждой культурной группы на той или иной территории определяется спектр ландшафтов поселений, а сами ландшафты делятся на 6 типов:

равнинно-балочный (склоны и края долин оврагов, как правило, обводненных)

равнинно-склоновый (пологий склон равнины, спускающийся в долину реки или ручья)

равнинно-террасовый (верхние равнинные участки террас над поймами рек)

пойменно-террасовый (надпойменные террасы рек)

террасово-склоновый (склоны надпойменных террас)

пойменный (останцы в пойме)

Все сведения о ландшафтах приводятся в табл. 1 и 2. Спектры ландшафтов памятников типа Каширки – Седелок и Чертовицкого – Замятино радикально различаются. Памятники круга Каширки – Седелок расположены во всех описанных выше условиях. На оврагах (тип 1) находятся 7% из них, на верхних участках равнин речных долин (как на вершинах, так и на склонах: типы 2 и 3) – 46%; на надпойменных террасах рек (типы 4 и 5), также 46%, на останцах в поймах (тип 6) – 2%. Поселения типа Чертовицкого – Замятино расположены, в основном, на верхних участках речных долин (тип 3) – 65%, реже на первых надпойменных террасах (типы 4 и 5) – 24%, сравнительно редко – на останцах в поймах (тип 6) – 12% (всего 2 поселения).

По речной сети только два селища типа Каширки – Седелок занимают участки долины Дона (Яблоново-1 и Ксизово-17), прочие находятся на реках второго, третьего и четвертого порядков[4], причем из этих памятников только 41% – в долинах сравнительно полноводных рек (Красивой Мечи, Сновы, Быстрой Сосны), а большинство (59%) – у ручьев и на малых речках.

47% поселений типа Чертовицкого – Замятино расположено в долине Дона, прочие – на реках второго порядка, но наиболее полноводных в регионе (большинство – на Воронеже, но известны на Снове и Красивой Мече).

Спектр ландшафтов памятников типа Каширки – Седелок довольно близок к черняховскому. Последний отличается большим процентом селищ, которые находятся на обводненных оврагах (34% в среднем по Днепровскому Левобережью). Тем не менее, если учесть, что в Подонье изрядное количество памятников локализуется в долинах малых рек и ручьев, то в ландшафтном отношении эти поселения весьма близки к тем, которые занимают участки балок. В позднеримский период в Верхнем Подонье осваиваются, в основном, сравнительно небольшие реки, ручьи и овраги. Долины самых полноводных рек региона (Дона и Воронежа) практически не заселены.

В гуннское время тип освоения территории принципиально иной. Большинство поселений находится в долинах именно Дона и Воронежа, причем, как правило, поселки занимают господствующие на местности участки, зачастую – городища раннего железного века. Создается ощущение, что памятники типа Каширки – Седелок ориентированы в первую очередь на наиболее выгодные для земледелия территории, а населению Верхнего Подонья в гуннское время в большей степени нужен был пойменный луг, пригодный для выпаса скота. Впрочем, это не более, чем предположение, которое подтвердить или опровергнуть смогут лишь будущие исследования в почвоведческом, археозоологическом и палеоботаническом аспектах.

Как было указано выше, основным структурным элементом поселений Верхнего Подонья как позднеримского, так и гуннского периода является усадьба, т.е. в обоих случаях хозяйственные сооружения группировались вокруг жилищ, а не концентрировались на едином для всего поселка участке. Тем не менее, планировка, размеры и конструктивные элементы построек каждой из двух культурно-хронологических групп верхнедонских памятников специфичны. Описанию жилищ и хозяйственных сооружений Верхнего Подонья III–V вв. посвящена специальная работа Д.В. Акимова [Акимов, 2001]. К ней надо сделать лишь несколько дополнений, т.е. учесть те объекты, сведения о которых появились после ее издания.

Для памятников типа Каширки – Седелок к ним относятся 2 наземных дома в Кытино-3 и Малой Трещевке-2 (раскопки, соответственно, А.М. Обломского и А.П. Медведева 2002 г.). Оба сооружения имеют большую площадь: 65,3 и 144 кв.м. Постройка 1 в Малой Трещевке-2 – пока самая большая из известных на Верхнем Дону (рис. 11).

Новые полуземлянки открыты в Кытино-3, Малой Трещевке-1, Верхнем Турове и Лощине (раскопки, соответственно, А.М. Обломского 2002 г., Д.В. Акимова 2000 г., А.Т. Синюка и Ю.А. Чекменева 1999 г., А.Н. Бессуднова и Г.Л. Земцова 2001 г.). К настоящему времени на верхнедонских памятниках позднеримского времени исследовано 10 наземных построек и 15 полуземлянок.

Д.В. Акимов по площади разделил наземные дома на два типа: большие (60–80 кв. м, хотя после исследования постройки в Малой Трещевке-2 стало ясно, что некоторые сооружения превышают эти размеры) и малые (менее 30 кв. м, в основном около 15 кв.м) [Акимов, 2001, с. 148]. Очаги зафиксирова-

[4] Порядок рек в рамках речной сети определяется следующим образом. Река первого порядка впадает в море. Ее приток относится ко второму порядку, приток притока – к третьему и т.д.

ны как в больших домах, например Седелки [Обломский, Терпиловский, 1998, рис. 11, 13], так и в малых, например Каширка-2 [Бессуднов, Обломский, 1996, рис. 6: 1]. Жилищами, таким образом, были постройки первого типа и некоторые – второго. Стены наземных домов были глинобитными с опорами на столбы, пространство между которыми заполнено каркасом из прутьев или дощечек. Их отпечатки хорошо видны на кусках глиняной обмазки, обожженной, если сооружение сгорало. Напомню, что в основании двух построек Каширки-2 прослежены каменные цоколи [Акимов, 2001, с. 148]. Традиции возведения наземных домов на Верхнем Дону восходят к черняховскому и, отчасти, к нижнеднепровскому и причерноморскому позднескифскому домостроительству [Бессуднов, Обломский, 1996, с. 43].

Из полуземлянок ни одна достоверно считаться жилищем не может. Во всех сооружениях, кроме одного, нет очагов, а то единственное, где он зафиксирован (постройка 2 Каширки-2), явно не было жилым из-за слишком малых размеров (2,6 × 2 м в нижней части котлована) [Бессуднов, Обломский, 1996, с. 37]. Полы углубленных построек зачастую неровные. В них вырезаны ямы, прослеживаются ступеньки, полки и т.д. Две постройки (2 Кытино-3 и 5 раскопа 3 Седелок) были производственными помещениями, связанными с ткачеством [Обломский, Терпиловский, 1998, с. 128], а еще две – с черной металлургией (Писарево, постр. 1; Малая Трещевка-1, постр. 1) [Обломский, 1998, с. 112–113] (рис. 13, 14).

Ряд элементов планировки полуземлянок (хозяйственные ямы в выступах котлованов, наличие обширного внутреннего углубления и материковых ступенек в сооружениях неправильной формы, приближающихся в плане к овалу или прямоугольнику, абсидообразный выступ с одной из сторон углубленной части) имеют параллели на памятниках черняховской культуры Поднепровья и Днепровского Левобережья (Журавка Ольшанская; Мамрои-2; Бургунка; Боромля-2, черняховский период; Великий Бобрик; Песчаное; Хлопков-1; Головино-1) и в меньшей степени на киевских поселениях черняховского пограничья (Цепляево Второе, Тазово, Букреевка-2, Каменево-2) [Обломский, Терпиловский, 1998, с. 131].

На памятниках типа Чертовицкого – Замятино Д.В. Акимовым учтены 2 наземные постройки (в Староживотинном-3 и в Замятино-5). Еще две исследованы мною в Замятино-7 в 2001 г.

Первое сооружение представляло собой завал обмазки, перекрывавший две ямы. Интерпретация его, как хозяйственного объекта [Акимов, 2001, с. 148] возражений не вызывает. Подобные сооружения известны на некоторых черняховских памятниках Днепровского Левобережья и на поселениях киевской культуры Роище и Александровка-1, которые, хотя и находятся в окресностях г. Чернигова, но по материальной культуре имеют отчетливые связи с лесостепной зоной [Обломский, 2002, с. 67] (см. так же часть 1.3).

Обе постройки из Замятино-7 (2 раскопа 1 и 3 раскопа 2) относятся к типу малых. Их площади – 9 и 29 кв. м. Жилищем достоверно была первая: там прослежен очаг. Постройка 3 раскопа 2 Замятино-7 погибла от пожара. Обожженная обмазка сохранила отпечатки прутьев каркаса, т.е. конструкция стен наземных сооружений памятников типа Чертовицкого – Замятино была такой же, как и в позднеримский период.

Сложнее интерпретировать постройку 2 поселения Замятино-5. Этот реконструированный по столбовым ямам и более темному, чем окружающий культурный слой грунту, дом имел площадь около 31 кв. м, т.е. по сравнению с памятниками круга Каширки – Седелок, промежуточною между двумя типами наземных построек. В одном из углов его находился глинобитный очаг, такой же, как и в наземных домах Верхнего Подонья позднеримского периода. Не случайно Д.В. Акимов видит и здесь проявление черняховских традиций возведения наземных жилищ [Акимов, 2001, с. 149]. Тем не менее, в этой постройке не было найдено глины (даже пятен), которую можно было бы однозначно считать обмазкой стен. Не исключено, конечно, что «обмазка от рухнувших стен могла просто раствориться в культурном слое» [Акимов, 2001, с. 148], но вполне вероятно и другое: стены постройки не были глинобитными. В этом случае она имеет, скорее, не черняховские, а мощинские аналогии [Острая Лука..., гл. 16].

Сведения о полуземлянках середины 1 тыс. приводятся в табл. 5. В настоящее время их известно 18. Из них новых по сравнению с учтенными Д.В. Акимовым – 5 (в таблице обозначения новых построек даны курсивом).

По площадям все полуземлянки условно можно разбить на три группы: малые (от 1,6 до 8 кв.м), средние (свыше 8 до 12 кв.м), большие (13–21 кв.м). Из 8-ми сооружений первой группы отопительные устройства зафиксированы в трех, тем не менее, эти полуземлянки жилищами быть не могли: слишком небольшие размеры они имеют. Семье даже из двух человек в таких сооружениях разместиться трудно, а некоторые из них малы даже для проживания одного человека. Вряд ли была жилой постройка 6 Чертовицкого Третьего с печью в углу, которой Д.В. Акимов находит аналогии среди черняховских полуземлянок с печами Верхнего Поднестровья [Акимов, 2001, с. 153]. Сама печь и две примыкающие к ней ямы занимают не менее половины площади сооружения, которая весьма невелика (7,32 кв.м). «Свободными» при этом остаются лишь небольшие участки к северу и юго-западу от ям [Медведев, 1998, рис. 14: а]. Постройки первой группы либо были хозяйственными, либо являлись углубленными частями наземных сооружений.

Из 4-х полуземлянок второй группы следы очагов прослежены в двух, а в третьей зафиксированы остатки печи-камина. Из 6-ти построек третьей группы одна явно не была жилой (постр. 1 раскопа 1

Замятино-7): дно ее имеет сложный профиль, т.е. в сооружении не было плоского пола. Из прочих пяти очаги зафиксированы в трех. У всех построек второй и третьей групп, кроме упомянутой полуземлянки из Замятино-7, днища котлованов были ровными. С большой долей вероятности можно предположить, что жилищами были большинство построек второй и третьей групп.

Таким образом, типы жилищ памятников позднеримского периода, с одной стороны, и гуннского, с другой, в целом, различаются. Если в первом случае жилыми были наземные дома разных размеров, то во втором жилищами, в основном, были полуземлянки. Планировка их и конструкция стен детально описана Д.В. Акимовым. По размерам, типам отопительных устройств (открытые очаги, печь-камин), по конструкции стен (известны котлованы без столбов и с отдельными столбовыми ямами по периметру, в нескольких случаях зафиксировано применение глиняной обмазки), наличию в некоторых сооружениях центральных опорных столбов кровли верхнедонские полуземлянки середины 1 тыс. второй и третьей групп аналогичны жилищам киевской культуры лесостепной зоны. Этот вывод Д.В. Акимова я полностью разделяю. Черняховские и, возможно, мощинские приемы домостроительства на памятниках типа Чертовицкого – Замятино проявляются в традиции возведения наземных построек, как жилых, так и хозяйственных.

В этой связи необходимо отметить, что и структура усадеб поселений позднеримского периода и середины 1 тыс. н.э. различаются. По данным раскопок Седелок и Кытино-3 удалось выяснить, что в III–IV вв. усадьбы состояли из жилого наземного дома, нескольких хозяйственных построек (полуземлянок и небольших наземных), немногочисленных хозяйственных ям [Обломский, Терпиловский, 1998].

Для середины 1 тыс. планировка усадеб изучена в Замятино-5, 7, 8 и в Ксизово-19. Дворохозяйства представляли собой скопления объектов, центрами которых были одно-два жилища (как правило, полузеляночных, реже – наземных). К ним примыкали многочисленные близко друг к другу расположенные хозяйственные ямы[5]. Иногда (но редко) прослеживались хозяйственные постройки. На периферии усадеб обычно располагались выносные очаги и какие-то легкие сооружения, от которых остались ямы от столбов (рис. 29).

Лепная керамика, пряслица

В качестве важного этнокультурного показателя в археологии традиционно используется комплекс лепной посуды. При классификации и сопоставлении лепных сосудов в настоящей работе применяется методика, предложенная автором в 1991 г. Для удобства читателей ниже приводится краткое изложение ее основных принципов.

В общей типологии лепной посуды используются четыре основных группы показателей: формы, пропорций, размеров и декора. При работе с керамикой прежде всего учитывается характер имеющегося в распоряжении автора материала. Он, как правило, фрагментирован. По этой причине основной принцип описания заключается в делении целого на части. При характеристике формы сосуд расчленяется на условные участки по местам перегибов профиля, как это показано на рис. 30. Классификация, которая строится на этом основании, организована по иерархическому принципу. При этом классы выделяются по форме наибольшего расширения тулова сосуда, типы – по общей структуре его профиля, варианты – по форме венчика, разновидности – по соотношению диаметра венчика и диаметра наибольшего расширения тулова или диаметра венчика и наибольшей высоты. Варианты и разновидности выделяются лишь в том случае, если внутри одного типа сосуды имеют различную профилировку венчика или разные бросающиеся в глаза основные пропорциональные характеристики. Классы обозначены латинскими цифрами, типы – арабскими, варианты и разновидности – буквами кириллического алфавита. В итоговом виде классификация представлена на рис. 30, а описание таксонов приводится в табл. 6. В тексте обозначение конечных уровней типологии дается сокращенно по схеме: I, 1, а, а – класс I, тип 1, вариант а, разновидность а или I, 3-б – класс I, тип 3, вариант не выделен, разновидность б.

Для памятников, где имеется более-менее представительная коллекция керамики и для всех культурно-хронологических групп древностей определяется, во-первых, общий типологический набор форм (по закрытым комплексам), во-вторых, структура керамического комплекса, т.е. процентное соотношение типов сосудов в наборе. При сравнении памятников и их культурно-хронологических групп между собой эти данные являются принципиально важными показателями, показывающими уровень сходства или различия.

Если форма – это, как бы, тело сосуда, то пропорции можно сравнить со скелетом. При измерении последних используются соотношения диаметров и высот между собой. Расположение показателей на корпусе сосуда продемонстрировано на рис. 30. Основные соотношения – следующие: для верхней части формы – Д1:Н2; Д2:Н2; Д3:Н2, для нижней – Д3:Н1 и Д4:Н1. Сопоставление пропорций сосудов с разных памятников производится в рамках одних и тех же таксонов формы.

Зачастую из-за сильной фрагментированности материала и общей немногочисленности коллекции форм, сохранившихся хотя бы ниже места наибольшего расширения тулова, пропорции рассчитать не

[5] Обилие разнообразных по характеру заполнения и, очевидно, по назначению хозяйственных ям характерно в первую очередь для памятников типа Чертовицкого – Замятино. На поселениях круга Каширки – Седелок ямы сравнительно редки.

удается. В этом случае используются два метода «грубой прикидки» общего сходства или различия сопоставляемых массивов. Согласно одному из них измеряется угол наклона венчика по отношению к тулову (т.н. «угол 1») и вычисляется процентное соотношение сильно- и слабопрофилированных сосудов в наборе. Первыми считаются те, «угол 1» которых меньше 150°, вторыми те, у которых он, соответственно, больше. При сходстве соотношения сосудов этих двух категорий, например, двух разных памятников, сопоставление керамики по пропорциональным признакам между ними можно продолжать, при резком различии оно не имеет дальнейшего смысла.

При применении второго метода учитывается степень наклона стенок нижней части профиля (угол 2). В случае совпадения большинства показателей можно говорить о приблизительном сходстве нижних частей сосудов.

Для более-менее точной классификации сосудов по размерам требуются статистически представительные серии целых форм, чего на памятниках III–V вв. лесостепного Подонья пока нет. Эту методику на донском материале пока применить невозможно.

Работа с декором сосудов может вестись лишь на описательном уровне. В III–V вв. орнаменты на лепной керамике крайне редки и весьма скупы. Тем не менее, как будет показано ниже, хронологические и этнокультурные выводы можно сделать по наблюдениям за общей комбинацией элементов орнамента и характером оформления поверхности горшков и мисок.

Выше было отмечено, что лепные сосуды памятников типа Каширки – Седелок (как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью) относятся к двум наборам, различным по происхождению, что является отражением неоднородного этнического состава населения Верхнего Подонья в позднеримский период.

Первый набор условно можно назвать «киевским», поскольку входящие в него формы горшков и мисок имеют широкие аналогии на памятниках лесостепного Поднепровья: на собственно киевских и на поселениях т.н. киевской традиции в черняховской культуре [Обломский, Терпиловский, 1998, с. 131–132; Обломский, 2001, с. 125]. К нему относится груболепная толстостенная посуда с примесью крупного шамота в тесте, как правило, не имеющая орнаментации. Лишь в редких случаях на венчиках горшков заметны насечки или пальцевые вдавления. Формы сосудов – следующие:

1. Сильнопрофилированные округлобокие закрытые горшки с изогнутым отогнутым наружу венчиком и выпуклой дугой в верхней части профиля (I, 1, а, а) (рис. 4: 1, 3–7; 8: 1, 3, 7, 8; 9: 6, 13, 14; 10: 4, 6, 13).

2. Слабопрофилированные закрытые округлобокие сосуды с дугой в верхней части профиля – от шейки до бочка – нечетко выраженной формы и отогнутым наружу венчиком (I, 3-а) (рис. 9: 5).

3. Сосуды с такой же структурой формы, но открытые (I, 3-б) (рис. 4: 2; 10: 8).

4. Баночные как с гладкими венчиками (I, 4, а), так и с небольшими закраинами на них (I, 4, б) (рис. 10: 5)

5. Ребристые горшки с изогнутой линией профиля выше максимального расширения тулова (II, 1) (рис. 5: 6, 8; 9: 12; 10: 7).

6. Ребристые сосуды с отогнутыми венчиками и прямой линией в верхней части профиля горшка (II, 2, а) (рис. 2: 1, 3; 5: 1, 2, 4, 5, 7, 9; 8: 2, 4, 6; 9: 7, 8, 11, 13).

7. Ребристые горшки без выраженного венчика (II, 5) (рис. 5: 3; 9: 9).

8. В Каширке, Седелках, Верхнем Турове, Кытино-3, Яблонево, Писарево обнаружены целые и фрагментированные миски-плошки на полых поддонах (рис. 2: 2; 4: 11–15; 8: 5; 10: 3).

9. Набор дополняется лощеной посудой, которая, впрочем, встречается лишь в виде исключения. Выразительные формы сосудов происходят пока только из Седелок и Кытино-3. Лощеными были миски (как округлобокие, так и ребристые), горшки и один кубок (4: 10; 10: 11, 12). Одна миска и один горшок орнаментированы геометрическими композициями из линий, прочерченными по лощеной поверхности до обжига.

Керамика второго набора связана по происхождению с позднескифскими памятниками Нижнего Поднепровья, а также с родственными им древностями хоры Ольвии. Аналогии некоторым горшкам известны на южных черняховских памятниках (наиболее выразительные происходят из Каменки-Анчекрак), где отмечено наличие позднескифского этнокультурного элемента [Обломский, 2001, с. 126]. Поскольку керамика «позднескифского» набора на верхнедонских поселениях сравнительно редка и представлена небольшим количеством форм, то в систему общей классификации она пока не введена.

Этот набор включает в свой состав корчаги грушевидной формы (рис. 3: 6, 7; 6: 1; 9: 10), зачастую имеющие массивный подтреугольный или трапециевидный в сечении венчик, украшенный частыми вдавлениями, нанесенными пальцем по внешнему краю либо по валику, помещенному сразу под ним, сосуды с рельефной орнаментацией (зигзаговидным валиком, подковками и т.д.) (рис. 3: 2, 3; 6: 1). К этой же группе, по всей видимости, стоит отнести верхнюю часть лощеного сосуда с узким горлом из Каширки-2, чуждого киевской культуре, высокие груболепные открытые округлобокие миски из Каширки-2 и Седелок (рис. 3: 5; 6: 3), и два горшка с шарообразными туловами и короткими венчиками из постройки 4 раскопа 3 Седелок (рис. 6: 2).

К этой же традиции относятся остатки двух наземных построек из Каширки-2 (рис. 12: 2) с глинобитными стенами, в основании которых находились каменные цоколи [Бессуднов, Обломский, 1996, с. 38–39; Обломський, 1999, с. 168].

Керамика «позднескифского» нижнеднепровско-причерноморского набора в гуннский период дальнейшего развития на территории Верхнего Подонья не получает. Ни формы, ни характер орнаментации сосудов этого круга не имеют аналогий в древностях типа Чертовицкого – Замятино.

Как и в позднеримский период, лепная посуда памятников гуннского времени делится на кухонную (с шероховатой поверхностью) и на столовую (лощеную и подлощенную).

Груболепная керамика середины 1 тыс. изготовлена с примесью шамота (чаще), шамота и дресвы или шамота и песка в тесте (реже). Она также может быть разделена на два различных по происхождению набора. К первому из них отнесена посуда, которая имеет аналогии на лесостепных памятниках киевской культуры [Обломский, 2003а, с. 347].

1. Округлобокие сильнопрофилированные горшки с отогнутым наружу венчиком (I, 1, а, а и б) (рис. 31: 3, 4; 32: 4; 37: 4; 40: 4, 6–10; 41: 1–4, 8; 42: 2, 5–7; 43: 1).

2. Близкие к предыдущим горшки, но с вертикальными венчиками (I, 1, б) (рис. 31: 6; 40: 1).

3. Закрытые слабопрофилированные округлобокие горшки с отогнутыми наружу венчиками (I, 3–а) (рис. 31: 1, 2; 37: 3, 8).

4. Аналогичные по форме горшки, но открытые (у которых диаметр венчика больше диаметра наибольшего расширения тулова) (I, 3-б) (рис. 31: 5; 37: 7; 43: 5, 6).

5. Баночные горшки как с гладкими венчиками (I, 4, а), так и с небольшими закраинами на них (I, 4, б) (рис. 32: 3, 5; 37: 1; 42: 8; 43: 3).

6. Ребристые горшки с вогнутой линией в верхней части профиля и с прямой или вогнутой – в нижней (II, 1) (рис. 32: 6; 37: 2; 42: 3; 43: 2, 4).

7. Ребристые горшки с прямой линией профиля между шейкой и плечом, изогнутыми или прямыми венчиками (II, 2, а и II, 2, б) (рис. 32: 2).

8. Ребристые горшки с вогнутой дугой в верхней части профиля и с выпуклой – в нижней (II, 3) (рис. 32: 1).

9. Миски-плошки на полых поддонах (конические или полусферические) (рис. 32: 8; 37: 16–18; 42: 9).

10. Диски (как плоские, так и с невысоким бортиком) (рис. 32: 7; 37: 10–15; 41: 9; 42: 1).

Горшки этой группы, как правило, не орнаментированы, лишь немногие из них украшены по краям венчиков насечками или вдавлениями (рис. 42: 8; 40: 6, 7) или по тулову – налепами-шишечками. Крайне редко верхняя часть сосуда орнаментировалась композициями из врезанных линий (в виде косой сетки или фриза из треугольников) (рис. 40: 6) [Акимов, Медведев, 2002, рис. 2: 3; Медведев, 1998, рис. 17: 3; 22: 2]. Некоторые сосуды таксона I, 1, а, а памятников Острой Луки Дона ниже венчика имеют небольшой уступ, что является локальным признаком, вероятно, возникшим под влиянием традиций мощинской культуры.

Спектр форм груболепной посуды «киевского» набора двух культурно-хронологических групп памятников Верхнего Подонья близок. Тем не менее, наблюдаются и различия. Главное из них заключается в том, что непременным признаком керамического комплекса середины 1 тыс. являются диски, которые пока не известны на памятниках позднеримского времени.

Сведения о структуре «киевских» наборов посуды приводятся в табл. 7–9. Каждая из них построена по одному и тому же принципу: в начале указаны данные о конкретных памятниках, затем – обобщенные (для древностей типа Чертовицкого – Замятино – отдельно по двум территориальным группам: северо-западной и юго-восточной).

Соотношение форм округлобоких горшков получилось сходным. В позднеримское время среди них наиболее широкое распространение получили сильнопрофилированные сосуды I, 1, а, а, реже встречаются близкие к баночным I, 3-а и «тюльпановидные» I, 3-б, а собственно баночных сосудов (I, 4, а и I, 4, б) сравнительно немного. В гуннский период соотношение этих таксонов – почти такое же с той лишь разницей, что на памятниках Острой Луки Дона несколько шире распространены баночные формы.

Распределение ребристых форм – иное. На селищах позднеримского времени преобладают горшки II, 2, а, в гуннскую эпоху – II, 1. На поселениях обоих периодов округлобокие сосуды встречаются значительно чаще, чем ребристые, но если на селищах типа Каширки – Седелок последних, в среднем, 19%, то на памятниках круга Чертовицкого – Замятино их – 6–7%, т.е. более, чем в два раза, меньше.

По углу отгиба венчика в «киевских» наборах груболепных сосудов памятников обоих культурно-хронологических типов преобладают сильнопрофилированные горшки. Тем не менее, доля их различна. На поселениях позднеримского периода таких сосудов 77% (из 100 измеренных), а на памятниках гуннского времени – 90% (из 202 учтенных экземпляров).

Целых форм на памятниках обоих типов пока сравнительно мало, поэтому измерены были только верхние части горшков «киевского набора». Выборки вполне сопоставимы между собой: 46 экз. для поселений позднеримского периода и 59 экз. для гуннского. Результаты расчетов коэффициентов пропорций сведены в табл. 10, 11.

Несмотря на то, что значения показателей Д1:Н2, Д2:Н2 и Д3:Н2 многих сосудов оказались сходными, в целом «полосы коэффициентов» практически всех таксонов различны. Для керамики памятников гуннского периода они имеют тенденцию смещения в сторону более высоких значений, чем для посуды предыдущего этапа. Особенно это ощутимо при сравнении показателей таксонов I, 1, а, а; I, 3-б; I, 4 и II, 1.

Степень наклона стенок нижней части горшков обеих групп памятников близка. Для древностей

круга Каширки – Седелок этот показатель составляет 10–30° (у всех 26 измеренных экземпляров). На памятниках типа Чертовицкого – Замятино аналогичных сосудов 86% (из 29 учтенных).

Полученные данные обозначают, что при сходных диаметрах наибольшего расширения тулова высоты верхних частей горшков позднеримского времени в тенденции бывают большими, чем в более поздний период, т.е. у сосудов гуннского этапа плечо обычно находится выше, и они в массе своей несколько более приземистые.

Если учесть, что пропорции «киевского» набора сосудов поселений Верхнего Подонья середины 1 тыс. н.э. наиболее близки к показателям соответствующих таксонов горшков памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры [Острая Лука..., гл. 16], то становится очевидным, что у керамики киевского происхождения поселений круга Каширки – Седелок был какой-то другой прототип, хотя и близкий в этнокультурном отношении.

Обычай широко использовать в быту лепные ребристые сосуды, которые сравнительно часто встречаются на селищах Верхнего Подонья позднеримского периода, зафиксирован на памятниках среднеднепровского варианта киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 48–53], а также на поселениях т.н. киевской традиции черняховской археологической общности, распространенных на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья [Обломский, 2002, с. 49–50, 67]. В этой связи можно высказать предположение, что в состав населения, начавшего изготавливать в середине – второй половине III в. Верхнем Подонье посуду «киевского» набора, вошли переселенцы не только с территории Днепровского Левобережья, но и из Среднего Поднепровья. В этом отношении очень показателен комплекс лепной керамики из полуземлянки поселения Лощина. Точные аналогии некоторым формам кухонных сосудов из этого объекта происходят из субструкции пода 1 одного из эталонных для среднеднепровского варианта киевской культуры селища Обухов-3. К ним относятся широкодонные ребристые горшки со «смещением» места наибольшего расширения тулова ниже середины высоты (Лощина – рис. 9: 11; Обухов-3 [Абашина, Гороховський, 1975, рис. 3: 6; 5: 18]).

Ко второму набору груболепной керамики памятников типа Чертовицкого – Замятино отнесены кухонные горшки тех форм, которые на памятниках киевской культуры аналогий не имеют. Все эти сосуды – округлобокие. Они разделены на несколько таксонов:

1. Горшки с прямым раструбообразно расширенным венчиком (I, 1, в) (рис. 33: 1, 2; 34: 2, 4, 5; 37: 9; 38: 2, 5; 40: 3; 41: 5).

2. Сосуды с цилиндрической шейкой и хорошо выраженным отогнутым наружу краем (I, 1, г) (рис. 34: 1, 3; 37: 5; 40: 2).

3. Фрагмент горшка с прямым, отогнутым наружу, венчиком, край которого загнут внутрь (I, 1, д) (рис. 33: 8).

4. Горшки с незначительно отогнутым наружу или вертикальным венчиком и яйцевидным туловом (I, 5) (рис. 33: 3, 4, 6; 38: 6; 41: 7).

5. Сосуды с почти прямым венчиком, резким перегибом в основании шейки, плечом, сведенным почти в уступ, прямыми или слегка выпуклыми стенками нижней части профиля (I, 6) (рис. 33: 5, 7; 38: 1, 3, 4).

6. Обломок сосуда усеченно-конической формы (I, 4, г).

Горшки первого из перечисленных таксонов могут иметь как короткие, так и относительно высокие венчики, иногда орнаментированные насечками или пальцевыми вдавлениями (рис. 33: 1, 2; 38: 5; 40: 3) [Акимов, Медведев, 2002, рис. 1: 6–8]. Отдельные сосуды таксона I, 5 орнаментированы по тулову редкой штриховкой, составляющей композицию вроде сетки (рис. 33: 4) [Обломский, 2003а, рис. 2: 22].

На памятниках Острой Луки Дона доля керамики второго набора составляет: 13% от общего количества лепных горшков с шероховатой поверхностью гуннского времени в Замятино-5; 24% – в Замятино-7; 21% – в Замятино-8; 16% – в Ксизово-19 (по данным 2003 г.). Сосуды второго набора известны не только на поселениях северо-западной группы, но и на памятниках поречья Воронежа [Акимов, Медведев, 2002, рис. 1: 7, 8, 13, 14; Острая Лука..., гл. 16], хотя статистические данные по последним и отсутствуют.

Мои соображения по поводу происхождения посуды второй группы на памятниках середины 1 тыс. н.э. Верхнего Подонья опубликованы [Обломский, 2003а, с. 347–349; Острая Лука..., гл. 16]. По этой причине нет необходимости излагать всю аргументацию подробно. Отмечу лишь, что часть этих форм имеет черняховские прототипы, аналогии другим имеются на памятниках позднеримского периода «окского» круга (позднедьяковской, мощинской и рязано-окской культур). Усеченно-конические сосуды типичны для колочинского керамического комплекса. Находка обломка такого горшка в Замятино-8 [Акимов, Медведев, 2002, рис. 2: 12] указывает на контакты населения культурной группы типа Чертовицкого – Замятино и колочинского.

Столовой посуды на поселениях круга Чертовицкого – Замятино значительно больше, чем на памятниках предшествующей эпохи. Данные, которыми я располагаю, следующие: Замятино-5 – 10,1%; Замятино-7 – 8,5 и 8,25% (соответственно, на раскопах 1 и 2); Замятино-8 – 8%; Ксизово-16 – 12%; Ксизово-19 – 4 и 12% (на раскопах 1 и 2 2003 г.); Каменка-4 – 11,7% [Острая Лука..., гл. 1–4; Обломский, 2003б]. На всех поселениях поречья р. Воронеж обнаруже-

[6] Поскольку лощеная керамика гораздо более редка, чем груболепная, а сами столовые сосуды сильно фрагментированы, предлагаемая ниже классификация построена по описательному принципу и сугубо предварительна.

ны материалы I–III вв. н.э., когда в такой же степени широко использовалась лепная лощеная посуда. По этой причине точные подсчеты доли столовой лепной посуды середины 1 тыс. на этих памятниках невозможны.

Основные формы лепных лощеных сосудов – следующие[6].

1. Округлобокие S-овидные горшки (в одном случае – с ручкой). Венчики – изогнутые, отогнутые наружу, перегибы профилей в основаниях венчиков – плавные (рис. 36: 2, 3, 5; 39: 1, 2).

2. S-овидные округлобокие миски. Стенки в нижней части корпуса могут быть слегка выпуклыми (рис. 36: 1).

3. Высокие округлобокие миски с раструбовидным венчиком. Перегиб между венчиком и туловом – резкий (рис. 36: 4, 6–8).

4. Цилиндроконические ребристые миски (рис. 36: 9; 39: 3–5).

5. Высокие ребристые миски с зигзаговидным профилем. По форме и пропорциям они весьма разнообразны (рис. 35).

6. Низкие миски со сглаженными ребрами и S-овидными профилями.

7. Обломки округлобоких кувшинов с цилиндрическим горлом.

8. Фрагменты горшков или кувшинов с раструбообразным горлом.

9. Обломок уникальной сковородки с отогнутым наружу бортиком из Замятино-5.

В этнокультурном отношении прототипы форм столовых сосудов в такой же степени разнообразны, как и груболепных. Сосуды типов 1–4 связаны по происхождению с археологическими общностями «окского» круга. Миски с зигзаговидными профилями (тип 5) имеют черняховские и более отдаленные (позднепшеворские и вельбарские) прототипы [Обломский, 2003а, с. 349; 2005а].

Сосуды типа 8 представлены археологически целым кувшином из Чертовицкого-6, крупными обломками двух форм с городища Подгорное и фрагментами нескольких венчиков с поселений Замятино-7 и 8 [Бирюков, 1990, рис. 16: 1; Медведев А.П., 1996, рис. 2: 13, 14; Острая Лука..., гл. 2, 3]. Аналогии им происходят из некоторых погребений позднего этапа некрополя Танаиса [Арсеньева, 1977, табл. XXI: 2; XXXI: 6; XXXIII: 8; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 14: 214].

В позднеримское время некоторые аналогии можно найти только мискам типа 6, но подобные формы распространены широко, как хронологически, так и территориально. Подавляющее большинство форм лепных лощеных сосудов гуннского времени в предшествующий период прототипов на территории Верхнего Подонья не имеет.

Большинство предметов вооружения и орудий труда лишены этнокультурной специфики. Показательны в этом отношении только пряслица.

С памятников типа Каширки – Седелок их происходит немного (всего 14 экз.)[7]. Их набор однороден. Всего можно выделить 2 типа: биконические средней высоты (ширина изделия приблизительно равна или немного меньше его высоты; рис. 44: 2) и низкие биконические (ширина пряслица больше высоты примерно в два раза, известны и более уплощенные экземпляры; рис. 44: 1, 3–6). К каждому из двух типов относятся по 7 пряслиц. В рамках типов можно выделить по 2 варианта. В первый объединены симметричные (наибольшее расширение изделия приходится на середину высоты; рис. 44: 1, 4, 5), во второй – ассиметричные экземпляры (максимальное расширение расположено ближе к одному из оснований; рис. 44: 2, 3, 6). Среди пряслиц первого типа всего одно относится к первому варианту, а прочие 6 – ко второму. Для второго типа соотношение – прямо противоположное: к нему относится 5 симметричных экземпляров и только 2 ассиметричных.

Все пряслица – неорнаментированные, имеют воронковидные основания с верхней и нижней сторон.

На памятниках типа Чертовицкого – Замятино пряслиц известно значительно больше.

Набор этих изделий для северо-западной группы наиболее отчетливо реконструируется по материалам поселений Замятино-5, 7, 8 (сведения о них см. в издании [Острая Лука..., гл. 2–4]). Наиболее широко распространены биконические изделия средней высоты (63 шт.), второе место занимают низкие биконические (13 шт.) и бочонковидные (10 шт.), прочие (высокие биконические, т.е. изделия, у которых высота больше максимальной ширины, округлые, плоские цилиндрические – всего 18 шт.: рис. 44: 13–16) представлены единичными экземплярами.

На памятниках юго-восточной группы пряслиц известно меньше (всего 46 экз.)[8]. Из них биконических средней высоты – 20 экз.; низких биконических – 10 экз.; бочонковидных – 6 экз.; высоких биконических и округлых суммарно 4 экз., т.е. соотношение приблизительно такое же, как и в Замятино. На поселениях поречья Воронежа, кроме того, встречены в единичном количестве пряслица из черепков сосудов (4 экз.), по одному – усеченно-коническое и 14-ти гранное (рис. 44: 8–12, 17).

У подавляющего большинства пряслиц выемок в основаниях нет. Воронкообразные углубления сверху и снизу имеются у 32 биконических изделий из Замятино (как средний высоты, так и низких) и 13 – с памятников юго-восточной группы (рис. 44: 9, 10, 12, 14). Все они, кроме одного, происходящего из Замятино-5, симметричные.

Таким образом, набор форм пряслиц памятников середины 1 тыс. гораздо разнообразнее, чем в пред-

[7] Седелки – 5 экз.; Каширка-2 – 1 экз.; Кытино-3 – 4 экз.; Малая Трещевка-1 – 3 экз.; Малая Трещевка-2 – 1 экз. Не исключено, что не учтены некоторые неопубликованные находки из Верхнего Турово и Мухино-2.

[8] Чертовицкое-3 – 34 экз.; Животинное – 2 экз.; Пекшево и Чертовицкое-6 – по 1 экз.; Староживотинное-3 – 8 экз.

шествующую эпоху. Сходны с изделиями поселений типа Каширки – Седелок лишь 30% пряслиц из Замятино и 28% – поселений поречья Воронежа гуннского периода. При этом в середине 1 тыс. практически выходят из употребления ассиметричные пряслица, достаточно частые на территории Верхнего Подонья в позднеримское время.

На памятниках типа Чертовицкого – Замятино широко распространен обычай украшать пряслица композициями из врезанных линий, черточек, точек (рис. 44: 11–13). Весьма своеобразна рельефная орнаментация, когда поверхность изделия декорируется «дольками», прямыми, округлыми и косыми гранями, что делает пряслица внешне похожими на бусы (рис. 44: 8, 10, 16, 17). Таких изделий в Замятино известно 17 экз., а на памятниках юго-восточной группы – 10 экз. Напомню, что ни одного орнаментированного пряслица на поселениях круга Каширки – Седелок пока не обнаружено.

Из приведенного выше сопоставления следует, что памятники типа Каширки – Седелок, с одной стороны, и древности круга Чертовицкого – Замятино, с другой, отличаются друг от друга по всем основным параметрам археологической культуры: от ландшафтов, в которых расположены поселения, организации усадеб и характера построек до набора лепной посуды, пропорциональных характеристик горшков, сочетания типов пряслиц. Разумеется, по отдельным показателям (в особенности, вырванным из контекста) сходство найти можно, но спектры характеристик (т.е. набор элементов и их соотношение между собой) в целом различны. В IV в. на Верхнем Дону происходит смена населения. Упомянутые выше две культурно-хронологические общности генетически не связаны между собой, хотя и не исключено, что какие-то отдельные группы населения, оставившего памятники типа Каширки, и доживают до конца IV в.

2.6. К реконструкции исторических процессов

В заключение можно предложить реконструкцию этнокультурных процессов в регионе в III–V вв. Отмечу, что многие детали их пока не ясны по причине сравнительно немногочисленного материала, собранного к настоящему времени исследователями. Напомню также, что планомерное изучение древностей позднеримского и гуннского периодов лесостепного Подонья началось относительно недавно.

Не позднее конца III в., а возможно, и раньше, в регионе прекращают свое существование поселения особой культурной группы, которая пока не получила определенного названия. Археологи из Липецка и Воронежа, занимающиеся изучением этих древностей, называют их то «сарматоидными», то «культурой местного населения сарматского периода» [Бирюков, 2001, с. 97; Медведев, 2000] и считают, что они принадлежали потомкам верхнедонского оседлого населения скифской эпохи, испытавшего в первые века н.э. сильное воздействие сарматской культуры. Систематического изложения этих материалов пока не сделано, но из серии публикаций, которые периодически выходят в воронежских, липецких и тульских изданиях, следует, что ни одной датирующей вещи позднеримского времени на этих памятниках не найдено[9]. Не исключено, что обитателей верхнедонских поселков постигла судьба практически всех позднескифских анклавов лесостепной и лесной зоны (от Мологи до Нижнего Поднепровья, Крыма, памятников Днепровского Левобережья), которые как самостоятельные этнокультурные группировки нигде не переживают середину – вторую половину III в.

Судя по немногочисленным пока датирующим находкам, памятники типа Каширки – Седелок в Верхнем Подонье формируются тогда же, когда и ранние черняховские (в пределах первой фазы черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому). Появление древностей круга Каширки, очевидно, связано с теми миграциями населения, которые сопутствовали расширению территории черняховской археологической общности. На Дон пришли две этнокультурные группы населения: киевского и позднескифского нижнеднепровского происхождения. Хочу подчеркнуть, что эти переселенцы уже были втянуты в орбиту черняховского влияния, о чем свидетельствуют их традиции домостроительства, принцип ландшафтной организации территории, орудийный комплекс [Обломский, 2001]. Состав, характерный для черняховской культуры, имеют и два клада серебряных римских монет, найденные в Верхнем Подонье в окрестностях Ельца [Медведев, 1998, с. 55].

Следы воздействия местной позднескифской культуры сарматского периода, равно как и собственно сарматской, на материальную культуру памятников типа Каширки – Седелок не ощущаются, что косвенным образом свидетельствует о том, что Верхнее Подонье к моменту возникновения этой новой «провинциально-черняховской» группировки покинуло не только сарматское население, но и т.н. местное оседлое (по крайней мере, большая его часть).

Как уже отмечалось выше, все поселения типа Каширки – Седелок уничтожены пожарами, причем на селище Седелки зафиксировано как минимум два строительных горизонта сгоревших построек. В них и в других объектах поселений, в т.ч. и погибших в пожарах, крайне мало находок, а те, что известны,

[9] Наборы лепной керамики из некоторых объектов, свидетельствующие по мнению А.П. Медведева и Д.В. Акимова о том, что отдельны группы позднескифского населения сохраняются в Верхнем Подонье в позднеримский период [Акимов, Медведев, 2002, с. 170–171], я считаю механически смешанными, поскольку на этих городищах имеются материалы (в т.ч. и сооружения) как раннеримского, так и гуннского времени [Обломский, 2005б].

представляют собой поломанные вещи, разбитые или поставленные вверх дном на просушку (как в Лощине) и оставленные в спешке горшки. Обильного набора предметов различного характера, который обычно бывает в неожиданно сгоревших сооружениях, за редкими исключениями, нет. Пожары на почти всех поселениях, включая последний по времени в Седелках, очевидно, не были внезапными. Скорее всего, обитатели поселков типа Седелок провели нечто вроде эвакуации, когда все вещи, представлявшие хоть какую-то ценность при переселении на новое место, были унесены, а заброшенные постройки сожжены.

Причины, побудившие население, которому принадлежали древности круга Каширки – Седелок, оставить лесостепное Подонье, не ясны. Вряд ли толчком для этого события послужили войны с потомками местного скифского населения сарматской эпохи, поскольку явных следов последнего в позднеримское время не прослеживается. Комплексы, которые могли бы принадлежать кочевникам-сарматам или аланам позднеримского периода, на Верхнем Дону также не известны. По всей видимости, угроза исходила откуда-то извне.

В этой связи хочу высказать одну гипотезу, хотя и понимаю, что она не может дать исчерпывающее и единственно вероятное объяснение произошедшему.

В сочинении Иордана «Гетика» этноним «венеты» упоминается в двух разных местах: при перечислении современных автору народов Скифии (как предков склавинов и антов) [Iord., Get., 34, 35] и в контексте описания племен, на которые была распространена «власть законов» короля готов Германариха в период его максимального могущества [Iord., Get., 119]. Интересно, что в последнем сюжете названы народы, которые обычно помещают где-то на востоке Скифии, к востоку и северу от нее (например, меренс, морденс, имнискарис), хотя точно локализовать удается далеко не все племена из приведенного в разделе 116 «Гетики» списка. Подробно этот вопрос разобран В.П. Будановой, которая приводит обширную историографию толкования названий народов. Исследовательница пришла к выводу, что «обобщая многочисленные интерпретации этих этниконов, можно сказать, наименее спорными в этом списке являются названия «меренс», «морденс» и «имнискары». Они интерпретируются как финские племена меря, мордва и черемисы». Остальные племена исследователи ищут в самых различных регионах Прибалтики, Поволжья, Приазовья и Балкан [Буданова, 2001, с. 156–159]. Однозначного ответа на вопрос о локализации большинства народов из списка Иордана и не может быть, поскольку они упоминаются только в этом источнике и более нигде [Буданова, 2000, гл. V «Этнонимия племен эпохи Великого переселения народов»].

Сведения о военной акции, предпринятой готами против венетов и закончившейся разгромом и подчинением последних, приводятся Иорданом сразу после подробного описания похода готов на херуловэлуров, которые в этом месте «Гетики» размещены на Меотиде (т.е. около Азовского моря), причем и сам этноним «херулы» Иордан связывает с греческим словом «эле», что обозначает «болото», очевидно, для подтверждения своей локализации [Iord., Get., 117, 118]. Учитывая все эти наблюдения, не исключено, что венеты, которых покорил Германарих, обитали где-то недалеко от херулов, также к востоку от основных готских владений.

После похода на венетов Иордан рассказывает о покорении Германарихом эстов, «которые населяют отдаленнейшее побережье Германского Океана» [Iord., Get., 120]. Казалось бы, здесь описан поход на север или северо-запад, но общая локализация эстов у Иордана несколько отличается от принятой в других позднеантичных источниках. Так, он отмечает, что с эстами с юга соседствуют акациры, которые размещаются несколько севернее Понтийского моря [Iord., Get., 36, 37]. В.П. Буданова указывает, что акациры были тюркским кочевым народом, обитавшим в V в. в степях Северного Причерноморья и вошедшим в племенное объединение Аттилы [Буданова, 2000, с. 127]. В представлении Иордана, таким образом, эсты жили от побережья Балтийского моря и далее на юг вплоть до причерноморских степей. Не исключено, что готами были покорены не балтийские эсты, а какие-то группировки населения лесной зоны к северу от Подонья.

В современной литературе по археологии Барбарикума сложилась традиция отождествлять южную часть восточно-европейских венедов/венетов Тацита, Птолемея и Иордана с населением позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и киевской культуры [Мачинский, 1976, с. 94–96; Щукин, 1994, с. 243, 280–286; Терпиловський, 2003, с. 18–20]. Согласен с этим выводом и я [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 104–108]. Весьма вероятно, что обитатели Верхнего Подонья в позднеримский период, в составе которых преобладали генетически связанные с киевскими племенами группировки, и были теми венетами Иордана, против которых был направлен поход готов. Эвакуация населения последовала за завоеванием. Очистка территории с разрушением поселков (по принципу «выжженной земли») при насильственном перемещении обитателей достаточно типична для древних германцев [Колосовская, 2000, с. 39–40].

Недавно были опубликованы две работы, в которых содержится археологическая интерпретация «северного списка» народов Иордана. Д.А. Мачинский и В.С. Кулешов размещают эти народы на обширных пространствах от Ладожского озера и Прикамья до Среднего Поволжья, т.е. к северу и северо-востоку от Скифии. Голтескифы при этом локализованы на востоке Днепровского Левобережья, а герулы в период правления Германариха – в Приазовье, т.е. северное, северо-восточное и восточное направления экспансии готов при Германарихе в статье сохраня-

ются. Походы готов в лесную зону по мнению авторов были направлены на овладение путями торговли мехом. Венеты (без дополнительных комментариев) помещаются на западе – в области «зоны археологической трудноуловимости» к западу от Днепра и к северу от границ черняховской культуры [Мачинский, Кулешов, 2004, с. 39–66, рис. 2]. Единый контекст сообщений Иордана о завоеваниях Германариха при этом оказывается разорванным.

Похожим образом реконструирует основные направления экспансии Германариха и М.Б. Щукин. Цель походов близка к той, которую обозначили Д.А. Мачинский и В.С. Кулешов: попытка поставить под контроль пушные богатства лесной зоны и обеспечить выход к Балтийскому морю через земли гепидов («жителей низовьев Вислы, носителей поздней вельбаркской культуры»), покорить эстов, обитавших в Балтии с ее месторождениями янтаря [Щукин, 2005, с. 213–216]. Для этого была организована масштабная военная акция «по северным тылам венетов». Предполагаемые направления экспансии охватывают территорию от Западного Буга до Прикамья. Маршруты походов проложены от Буга к Балтийскому морю и от него на восток [Щукин, 2005, рис. 82]. Впрочем, сам автор высказывает сомнения в точности реконструкции походов дружин Германариха, т.к. «имеющиеся данные слишком скупы, спорны и неопределенны» [Щукин, 2005, с. 217].

При знакомстве со схемой походов готских дружин, опубликованной М.Б. Щукиным, возникают два вопроса. Во-первых, почему походы проходили по тылам венетов, когда у Иордана описано прямое столкновение готов с ними, в результате которого многочисленные, но плохо вооруженные венеты были побеждены [Iord., Get., 119]? Во-вторых, почему источником походов на восток является Балтия, о чем у Иордана нет ни слова? В целом, построения М.Б. Щукина, как мне кажется, еще дальше от контекста Иордана, чем реконструкция Д.А. Мачинского и В.С. Кулешова.

Если принять локализацию венетов Иордана в Верхнем Подонье, а эстов не столько на побережье Балтийского моря, сколько в лесной зоне Восточной Европы, то экспансия готов была более скромной, в меньшей степени напоминающей движения британских экспедиционных корпусов периода завоевания Центральной Африки, но все же, достаточно масштабной. Она была направлена на покорение народов по дуге от побережья Азовского моря («херулы-элуры») через Верхнее Подонье («венеты»), Поочье и Верхнее Поволжье («морденс, меренс, имнискарис»), возможно, далее к северо-западу («тиудос»).

Предположение, что влияние державы Германариха распространялось и на население Подонья позднеримского периода, было недавно высказано И.В. Зиньковской [Зиньковская, 2003, с. 107]. В целом, эта идея – правильная, но требует некоторых уточнений. С одной стороны, прямых археологических сведений о том, что готы входили в состав населения культурной группы типа Каширки – Седелок, нет. «Длинные» наземные дома, действительно, считаются одним из признаков германского этнического элемента в черняховской культуре [Щукин, 1977][10], но в Верхнем Подонье из них происходит лепная керамика киевского круга. С другой стороны, военные акции готских королей, по всей видимости, имели прямое отношение к прекращению существования памятников типа Седелок. Конкретные данные о походе готов на венетов могли быть почерпнуты и из легенд. Это тем более вероятно, что сам Иордан в составе своих источников называет «древние песни готов, почти похожие на исторические сочинения» [Iord., Get., 28]. Возможно, был предпринят не один поход, а серия набегов (два пожара на поселении Седелки). Тем не менее, направление экспансии, скорее всего, обозначено правильно.

Согласно точке зрения Р.В. Терпиловского, изложенной им в одной из последних работ, походы готов на венетов в период правления Германариха следует трактовать, как военные действия в пограничье киевской и черняховской культур, приведшие к расширению черняховской культуры на часть лесостепного киевского ареала [Терпиловский, 2003, с. 425–426]. Мне кажется, что контекст сообщения Иордана с большей определенностью указывает на более восточное направление экспансии.

Население Верхнего Подонья последующей, гуннской, эпохи появляется на территории, которая к этому времени практически опустела. Не исключено, что какие-то группы обитателей поселков круга Каширки–Седелок в регионе, все же, оставались, о чем косвенно свидетельствуют наземные постройки Замятинского археологического комплекса [Острая Лука..., гл. 3]. Тем не менее, основная масса населения в Верхнее Подонье приходит извне. На поселениях типа Чертовицкого – Замятино преобладали выходцы с территории сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Вторым значительным этническим компонентом были потомки переселенцев из района Верхней Оки (носители традиций мощинской, возможно, позднедьяковской и рязано-окской археологических общностей). Менее отчетливо проявляются, но все же известны, элементы культуры черняховского и причерноморского позднеантичного происхождения.

Ключом к объяснению характера формирования культурной группы типа Чертовицкого – Замятино являются поселки на Острой Луке Дона (у сс. Замятино, Ксизово и Мухино Задонского р-на Липецкой обл.). Некоторые из них имели ярко выраженную ремесленную специфику. На поселениях микрорегиона на Острой Луке зафиксированы остатки ремесел: по производству наборных гребней из рогов лосей и

[10] Правда по последним данным Б.В. Магомедова специфически германскими могут считаться лишь постройки особой планировки (т.н. трехнефные) [Магомедов, 1989]. Такие сооружения на Дону пока не известны.

оленей характерного для культур германского круга типа III по С. Томас (рис. 45), а также бронзолитейного, кузнечного по черному металлу, оружейного (по изготовлению или ремонту кольчуг), гончарного. В заключении к изданию «Острая Лука Дона в древности (Замятинский археологический комплекс гуннской эпохи)» [Острая Лука...] высказана гипотеза, что сгусток поселений около современного г. Задонска играл роль базы обеспечения одного из военных подразделений гуннской империи и какой-то группировки кочевников после ее распада. Не исключено, что все население группы Чертовицкого – Замятино было перемещено на Дон искусственно для каких-то нужд гуннской державы. Иначе трудно объяснить практически одновременное появление на опустевшей к этому времени территории различных по происхождению переселенцев, а также тесную культурную интеграцию их друг с другом, которая наблюдается с самого возникновения памятников типа Чертовицкого – Замятино. Верхнедонской регион в III–IV вв. вряд ли считался особенно привлекательным. Напомню, что на поселениях позднеримского периода (типа Каширки – Седелок) очень мало импортных изделий, т.е. межрегиональные торговые пути по Верхнему Дону, скорее всего, не проходили. Сама по себе материальная культура памятников круга Каширки отличается бедностью.

Погребений-ингумаций конца IV – начала VI в. в регионе пока известно мало. По этой причине соображения, которые будут высказаны ниже, сугубо предварительны.

Связь населения, оставившего ингумации, с жителями поселков группы Чертовицкого – Замятино несомненна. Тем не менее, мало вероятно, что трупоположения совершены потомками выходцев с территории киевской и мощинской культур, которые преобладали на Верхнем Дону в середине 1 тыс. Для обеих этих культурных групп, как известно, характерен обряд кремации.

Могли ли ингумации быть оставлены постчерняховским населением, присутствие которого фиксируется в поселках круга Чертовицкого – Замятино по ряду признаков? Теоретически, да. Трупоположения в черняховской культуре хорошо известны, распространен, также, обряд повторной эксгумации и расчленения умерших. Тем не менее, захоронения, ориентированные головами в южном секторе, которых на Верхнем Дону около половины, на черняховских могильниках единичны (0,7% по подсчетам, которые можно сделать на основании [Сымонович, Кравченко, 1983, табл. III]), а доля вторично расчлененных погребений по данным Б.В. Магомедова для захоронений с северной ориентировкой составляет около 43%, с западной – около 33% [Магомедов, 2001, с. 29]. В Верхнем Подонье она – значительно выше. Черняховские погребения, как правило, гораздо богаче инвентарем, чем верхнедонские. Помещение сосудов в погребение в черняхове является нормой в отличие от Верхнего Подонья, где они встречаются лишь в виде исключения. Черняховское направление генезиса верхнедонских ингумаций так же мало вероятно, как мощинское или киевское.

К сожалению, мало что для этнокультурной интерпретации ингумаций могут дать детали костюма знатной женщины из Мухино. Как показали исследования М.М. Казанского и А.В. Мастыковой, такой костюм для эпохи Великого переселения народов интернационален для варваров и распространен от Кавказа до Северной Африки [Казанский, Мастыкова, 1998, с. 112–113; Мастыкова, Казанский, 2003]. Тем не менее, в погребении из Мухино нет фибул (ни целых, ни обломков), элемента, характерного для оседлой части населения гуннской державы.

Сочетание признаков ингумаций первого типа на Верхнем Дону уникально, но некоторые детали погребального обряда, взятые в комплексе (меловые и углистые подсыпки; использование охры; положение в могилу мясной заупокойной пищи – костей животных; противоположная ориентировка умерших в одной могиле; захоронение коня рядом с погребениями людей; П-образный жертвенный ров)[11], а также обычай искусственной деформации черепов для Восточной Европы позднеримского периода и раннего средневековья указывает на, скорее, южное направление поиска аналогий. Подобные признаки присущи некоторым степным захоронениям, погребениям Крыма, Кавказа, некрополя Танаиса [Обломский, 2004б; Абрамова, 1997, с. 97–107; Засецкая, 1994, с. 17–19; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. VI; Айбабин, 2003, с. 18,19; Скрипкин, 1984, с. 72–78]. Наибольшую близость верхнедонские ингумации обнаруживают с позднесарматским погребальным обрядом волго-донского региона, включая преобладающую ориентировку покойников в северном и южном секторах. Недаром уже в первоначальной публикации Животинного могильника авторами был высказан тезис о связи этого некрополя по погребальному ритуалу с сарматским населением степей [Медведев, Винников, 1989]. Немногочисленные сосуды, происходящие из верхнедонских погребений, имеют аналогии в Северном Причерноморье: гончарный кувшин из погребения 4 Животинного – на могильнике Бжид, в Танаисе, в Дюрсо, погр. 408 (2-я половина V – 1-я треть VI в. по М.М. Казанскому), лепной из Мухино – в Дружном и Танаисе [Казанский, 2001, рис. 10: 20; Обломский, 2005б].

Учитывая все эти данные, я склонен интерпретировать верхнедонские ингумации первого типа, как погребения какого-то населения, южного по отношению к группе Чертовицкого – Замятино (степного или северокавказского по происхождению).

Погребения второго типа имеют аналогии в Среднем Подунавье. В этом регионе большинство захоро-

[11] Прямоугольные рвы известны на сарматских некрополях, но вопрос о происхождении их дискуссионен (историографию см. в [Симоненко, 2003]. В лесостепном Подонье такие рвы исследованы на Втором Чертовицком и Писаревском могильниках [Медведев, 1990, с. 71,95–96].

ненных эпохи Великого переселения народов лежали головами на запад (с отклонениями к северу и югу), хотя ориентировка ингумаций и позы погребенных в Подунавье в конце IV – V вв. разнообразны, что по мнению Я. Тейрала свидетельствует о сложном этническом составе населения, в культуре которого прослеживаются, начиная с фазы D1, традиции восточных германцев, алано-сарматов, центральноевропейских германских племен (вандалов, свебов и др.). Тем не менее, в Подунавье выделяется серия захоронений, в которых скелеты лежали на спине и были ориентированы головами на север (с отклонениями к востоку и западу). Они известны на могильниках Лебень, Чонград-Бержень, Левице, Смолин, Ижа, Нитрянский Градок, Стегельчевес, Ботошаны, Братей-1 и 2, Диндешть, Герашень, Орадя, Виминациум, Финтенеле «Рит», Погоржелице, Простейов-Држивице и ряде других [Fehr, 2005; Pieta, 1999; Párducz, 1963, S. 18–20; Novotný, 1957, s. 463–464; Svoboda, 1975, S. 133–134; Harhoiu, 1997, S. 163–164, 166–167, 173, 176, 183; Tejral, 2000, S. 5–23; Зотовић, 1981; Čižmář, Tejral, 2002], причем этот список далеко не полон. В мужских погребениях часты находки наборов пряжек от поясов, портупей, обуви, фибул, оружия (мечей, кинжалов, копий), предметов быта (ножей, в т.ч. и с «горбатой спинкой», бритв). Встречаются и стеклянные кубки, которые обычно лежали в головах покойника. В женских погребениях находят фибулы (как парные, так и по одной), гребни, зеркала, бусы, поясные пряжки, туалетные наборы. Погребения с северной ориентировкой обычно связывают с различными группами германцев [Tejral, 2000, s. 5–23; Abb. 1–10; Fehr, 2005; s. 100–101; Abb. 3; Зотовић, 1981, с. 106–108]. В Верхнем Подонье они, вероятнее всего, демонстрируют присутствие какой-то группы германцев постчерняховского периода, вовлеченных в орбиту передвижения гуннов. Напомню, что на поселениях Замятинского археологического комплекса (ремесленного центра Верхнего Подонья середины 1 тыс. н.э.), расположенного неподалеку от могильника у с. Ксизово, обнаружена серия лепных лощеных мисок с зигзагообразными профилями, т.е. сосудов, формы которых имеют центральноевропейские и черняховские прототипы. В Замятино-5 и 8 зафиксированы следы производства наборных гребней из лосиных и оленьих рогов – типичных предметов народов центральноевропейского круга.

Непосредственное свидетельство присутствия на поселениях типа Чертовицкого – Замятино кочевников было получено в 2004 г. На селище Ксизово-19 исследованы остатки стационарной углубленной в землю, видимо, зимней юрты (рис. 46).

Это сооружение (постройка 4) в плане было близким к кругу диаметром 4,8–5 м. Судя по профилям оно углублено в грунт на 0,5–0,7 м. По периметру внутренней части котлована прослежена цепочка из 8-ми ям от столбов размерами от 20 × 22 см до 30 × 40 см и глубинами от 7 до 20 см. С северо-западной стороны котлована наблюдался выступ шириной 1,4 м и длиной 0,6 м, у края которого находилось 5 столбовых ям размерами от 16 × 22 см до 20 × 30 см и глубинами от 9 до 15 см. Пол постройки был ровным, за исключением двух углублений в южной и северо-восточной частях.

Южное углубление в плане близко к неправильному овалу размерами 1,7 × 1 м с неровным дном, максимальная глубина которого от уровня пола постройки составляла 13 см. В юго-западной его оконечности прослежена столбовая яма диаметром 18 и глубиной 19 см. Со стороны центра сооружения южное углубление оконтурено 4-мя ямами от столбов размерами от 20 × 20 см до 30 × 42 см и глубинами от 11 до 24 см. Они, а также столбы, расположенные вдоль борта постройки в южной части котлована отгораживали овальное в плане помещение размерами 2,6 × 1,7 м.

Северо-восточное углубление в плане, также, было овальным. Его размеры составляли 2,3 × 1,3–1,9 м. В его заполнении обнаружено скопление костей животных и обломков лепных сосудов, несколько камней. Очаг не прослежен, но очагов не было ни в одной из пяти построек жилого или хозяйственного назначения, исследованных на поселении. Очевидно, таковы особенности местного грунта: он плохо сохраняет следы прокала. Тем не менее, северо-восточное углубление, судя по находкам довольно большого количества костей, скорее всего было «кухней», а юго-западный отсек – «спальней».

Керамика, кости, а также камни (иногда обожженные) происходят и из заполнения постройки. Культурные остатки образуют два локальных скопления у ее северо-восточного борта. На полу постройки 4 найдено биконическое пряслице средней высоты – типичное для памятников круга Чертовицкого – Замятино (рис. 48: 2). Керамика также характерна для древностей этой культурной группы (рис. 47).

Во время раскопок на поселении Ксизово-19 обнаружена серия индивидуальных находок. Большинство из них концентрировалось либо на площади постройки 4, либо рядом с ней. Из этих предметов только один – шиферное пряслице – явно является более поздним: оно типично для древнерусского периода. Отдельные фрагменты гончарных сосудов этой эпохи происходят из культурного слоя раскопа. К числу прочих находок относятся: лезвие ножа, железный гвоздь, треугольная бронзовая подвеска, орнаментированная сплошными рядами выпуклых полусфер (в финно-угорском стиле), железный стержень, наконечник стрелы, слиток бронзы, точильный камень, обломок гончарного сероглиняного светильника, бронзовая фибула (рис. 47: 6; 48). Интерес представляют 6 петель, изготовленных из железных прутьев. В одном случае в отверстие такой петли было вставлено кольцо, в другом – такая же петля (рис. 48: 3–5, 8, 9). Концы некоторых изделий были заострены для вбивания в деревянную основу. Не исключено, что петли служили для соединения подвижных частей каркаса или для крепления каких-то ремней. По мне-

нию В.С. Флёрова ремни или веревки, стягивающие кошмовое покрытие, в виде двух горизонтальных параллельных линий в верхней и нижней части сооружения изображены на сделанной из известняка модели юрты, которая найдена в раннеболгарском укреплении Девня в Болгарии [Ваклинов, 1977, фотовклейка после стр. 32; Флёров, 1996, с. 47].

По определению В.С. Флёрова постройка 4 Ксизово-19 является стационарным юртообразным жилищем, характерным для кочевников в период оседания на землю. Основными признаками, кроме круглого или овального плана и расположения очага в центральной части, являются: заглубленность постройки, лунки каркаса, использование глины или отдельных камней. К сооружению из Ксизово наиболее близки по планировке постройка Новолымаревского поселения с таким же боковым выступом, окруженным столбами; сооружения 41, 44, 47 Правобережного Цимлянского городища с внутренними отсеками, отгороженными столбами [Флёров, 1996, с. 50; рис. 3: 4; 4: 2; 5: 1; 14: 2].

Дата постройки 4 определяется по наконечнику стрелы и фибуле.

Наконечник стрелы – черешковый с треугольными лопастями (рис. 48: 14). Подобные изделия характерны для сарматского вооружения римского времени, но они встречаются и в раннегуннский период, о чем свидетельствуют материалы поселения киевской культуры Каменево-2, где такие наконечники обнаружены в одних и тех же комплексах с фибулой с лопатовидной ножкой и маленькой кольцеобразной бронзовой пряжкой (глава 1, рис. 17: 15, 24, 21–22, 26).

У бронзовой фибулы из постройки 4 сплошной приемник, дуговидная спинка, ось короткой пружины с нижней тетивой крепилась при помощи широкого кольца-муфты из пластины, загнутой вверх. Экземпляр из Ксизово имеет серию аналогий в Северном Причерноморье, которые датируются около 2-й половины V в., не исключая и начало VI в. [Гавритухин, в печати]. Более массивные железные фибулы близкой формы найдены на некоторых раннепеньковских памятниках, где относятся к тому же периоду [Родинкова, 1996, с. 125]. Постройка 4, таким образом, является самым ранним юртообразным сооружением Восточной Европы из числа достоверно продатированных [Флёров, 1996, с. 56–57].

В конце IV–V вв. в лесостепном Подонье существовала структура, близкая по сути к населению салтовской культуры, «посаженного» центральной властью на границах Хазарского каганата: полиэтничная, с многочисленными элементами воинской культуры, с ремесленными мастерскими и т.д. Семьи кочевого или полукочевого и оседлого населения жили в одних и тех же поселках Верхнего Подонья. В этом и заключается причина синхронности и несомненной территориальной связи ингумаций середины 1 тыс. с поселениями типа Чертовицкого – Замятино.

Центром этой структуры были поселки Острой Луки Дона, где сосредоточены ремесленные мастерские и обнаружено большинство из известных к настоящему времени ингумаций, в т.ч. и погребение знатной женщины в Мухино.

В этой связи хочется сказать несколько слов по поводу выдвинутой недавно М.М. Казанским гипотезы о существовании в V в. на территории Восточной Европы цепочки аналогичных центрально- и западноевропейским малых варварских королевств [Kazanski, 2000; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 170–171]. Эта идея представляется весьма плодотворной в плане выделения структур милитаризированного полиэтничного населения с ярко выраженным слоем знати. Тем не менее, эти структуры различаются между собой, различной оказалась и их судьба. Если в результате «борьбы всех против всех», которая наблюдается в Центральной и Западной Европе после гибели державы Аттилы и в период краха Западной Римской империи, формируются королевства вроде меровингского в Галии или вестготского в Испании, то в степной и лесостепной зоне Восточной Европы развитие таких структур приводит к образованию ханств вроде болгарского или хазарского при участии оседлого и кочевого населения с доминирующей политической ролью последнего. На Верхнем Дону в середине 1 тыс. существовало, по-видимому, политическое объединение второго типа – самое раннее из всех, следы которых прослежены археологически.

Табл. 1. Ландшафты памятников типа Каширки – Седелок

Тип ландшафта	Количество	Процент
1	3	7%
2	12	26%
3	9	20%
4	11	24%
5	10	22%
6	1	2%

Табл. 2. Ландшафты памятников типа Чертовицкого – Замятино.

Тип ландшафта	Количество	Процент
3	11	65%
4	3	18%
5	1	6%
6	2	12%

Табл. 3. Порядок речной сети для памятников типа Каширки – Седелок.

Порядок речной сети	Количество	Процент
1	1	2%
2	23	50%
3	20	43%
4	2	4%

Табл. 4. Порядок речной сети для памятников типа Чертовицкого – Замятино.

Порядок речной сети	Количество	Процент
1	8	47%
2	9	53%

Табл. 5. Полуземлянки памятников типа Чертовицкого – Замятино.

Памятник/ № объекта	Таксон по Д.В. Акимову	Размеры (в м)	Площадь (в кв. м)	Тип отопительного устройства	Место расположения отопительного устройства
Замятино-8/2	IA1	3,9 × 3,6	14,04	пятно прокала	в центре
Чертовицкое-3/4	IA1	2,7 × 3,25	8,78	пятно прокала	в углу
Чертовицкое-3/14	IA2	4 × 4,2	16,80	глинобитный очаг или печь	в углу
Замятино-8/1	IA2	4,2–4,7 × 4,76	21,18	нет	нет
Чертовицкое-3/17	IA5	3,9 × 3,9	15,21	пятно прокала	в углу
Чертовицкое-3/6	IB1	2,2–2,6 × 3–3,1	7,32	печь	в углу
Чертовицкое-3/9	IB1	3–3,3 × 3,4–3,6	11,03	печь-камин	в углу
Чертовицкое-3/11	IB1	1,7 × 1,9	3,23	нет	нет
Староживотинное-3/1	IB1	2,6 × 2,7	7,02	углубление	в центре
Староживотинное-3/2	IIA1	1,84 × 2,5	4,60	нет	нет
Чертовицкое-3/2	IIA4	3,1 × 4,3	13,33	нет	нет
Замятино-5/1	IIB2	2,9 × 2,7–2,95	8,19	2 пятна прокала	в центре и у стены
Староживотинное-3/яма 9	IVA1	диаметр 2,24	3,94	пятно прокала	в центре
Замятино-7/1 раскопа 1	IIIГ1	4,7 × 3,2	15,04	нет	нет
Замятино-7/1 раскопа 2	IIA4	2,4 × 0,9–1,2	2,52	нет	нет
Замятино-7/2 раскопа 2	IIIA1	1,6 × 0,9–1,1	1,60	нет	нет
Каменка-4/1	IA2	2,4 × 2,2	5,28	нет	нет
Ксизово-19/1 раскопа 2	IB1	3,76–3,6 × 3,2	11,78	нет	нет

Таблица 6. Классификация груболепной посуды поселений позднеримского и гуннского времени лесостепного Подонья (начало).

А. Горшки

Класс и его признаки	Тип и его признаки	Вариант и его признаки	Разновидность и ее признаки
I. Перегиб «г» – округлый	1.«б» – плавный, участок «в» – выпуклый, «д» – прямой, слегка выпуклый или слегка вогнутый	а. Участок «а» изогнут, отогнут наружу б. Участок «а» – прямой, вертикальный, гладкий в. «а» прямой, отогнут наружу г. На внешней стороне прямого венчика имеется бордюр д. «а» прямой, отогнут наружу, внутренний его край загнут внутрь	а. Д1 больше или равен Д3 б. Д1 меньше Д3
	2. «а» – прямой, отогнут наружу, «б» – плавный, «в» – прямой, «д» – прямой		
	3. «а» изогнут, отогнут наружу, «б» – плавный, «в» – неопределенной формы, «д» – прямой или слегка вогнутый		а. Д1 меньше или равен Д3 б. Д1 больше Д3

Таблица 6. Классификация груболепной посуды поселений позднеримского и гуннского времени лесостепного Подонья (окончание).

А. Горшки

Класс и его признаки	Тип и его признаки	Вариант и его признаки	Разновидность и ее признаки
	4. Участок «а» отсутствует, «д» – прямой или выпуклый	а. Участок «в» – выпуклый или загнут внутрь, б. Участок «в» – выпуклый, в верхней его части имеется хорошо выраженная закраина в. Участок «в» – прямой, вертикальный. г. Горшки усеченно-конической формы	
	5. «а» почти прямой, «б» – плавный, «в» – неопределенной формы, «д» – прямой или слегка выпуклый		
	6. «а» почти прямой, «б» – резкий, «в» – неопределенной формы, очень короткий, почти уступ, «д» – прямой или слегка выпуклый		
II. Перегиб «г» имеет форму сглаженного ребра	1. Участок «а» изогнут, отогнут наружу, «б» – плавный, «в» – вогнутый, «д» – прямой		
	2. Перегиб «б» – плавный, участок «в» – прямой, участок «д» – прямой или слегка вогнутый	а. Участок «а» изогнут, отогнут наружу	
б. Участок «а» – прямой			
	3. «а» изогнут, отогнут наружу, «б» – плавный, «в» – вогнутый, «д» – выпуклый		
	4. «а» – прямой, отогнут наружу, «б» – плавный, «в» и «д» – выпуклые		
	5. Участок «а» отсутствует, «в» и «д» – прямые		

Б. Конические миски.

I. С плоским дном.
II. На поддоне.

В. Диски.

I. Плоские.
II. Со слабо отогнутым бортиком.

Табл. 7. Груболепная керамика «киевского набора» памятников типа Каширки – Седелок.

Таксон формы	Памятники								Всего	
	Седелки		Кытино-3		Каширка-2		где керамики мало*			
	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
I,1,а,а и б	23	37%	5	25%	3	30%	11	34%	42	34%
I,3-а	6	10%	2	10%	3	30%	5	16%	16	13%
I,3-б	2	3%	1	5%			3	9%	6	5%
I,4,а	1	2%							1	1%
I,4,б	1	2%	1	5%			1	3%	3	2%
I,1,б							2	6%	2	2%
конич. миска	18	29%	9	45%	1	10%	3	9%	31	25%
II,1	5	8%	1	5%	2	20%	2	6%	10	8%
II,2	5	8%	1	5%	1	10%	5	16%	12	10%
II,5	1	2%							1	1%

а – количество, **б** – процент

*Малая Трещевка-1 и 2; Мухино-2; Верхнее Турово; Яблонево; Писарево

Табл. 8. Груболепная керамика «киевского набора» памятников типа Чертовицкого – Замятино Острой Луки Дона.

Таксон формы	Памятники										Всего	
	Замятино-8		Замятино-7		Замятино-5		Ксизово-19		Мухино-2			
	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
I,1,а,а и б	50	63%	14	52%	28	72%	6	29%	5	36%	103	58%
I,3-а	6	8%	4	15%	3	8%	2	10%	1	7%	16	9%
I,3-б	2	3%	1	4%			2	10%			5	3%
I,4,а	3	4%	2	7%			1	5%			6	3%
I,4,б	1	1%	1	4%					1	7%	3	2%
I,1,б	1	1%			1	3%			1	7%	3	2%
конич. миска	3	4%	3	11%			3	14%			9	5%
II,1	1	1%	2	7%	1	3%	1	5%			5	3%
II,2	1	1%			1	3%			1	7%	3	2%
II,5												
II,3	4	5%									3	2%
диски	7	9%			5	13%	6	29%	5	36%	23	13%

а – количество, **б** – процент

Табл. 9. Груболепная керамика «киевского набора» памятников типа Чертовицкого – Замятино поречья р. Воронеж.

Таксон формы	памятник										
	Староживотинное-3		Чертовицкое-3		Чертовицкое-6		Животинное		Подгорное	Всего	
	а	б	а	б	а	б	а	б	а	а	б
I,1,а,а и б	9	39%	20	77%	2		4		4	39	66%
I,3-а	1	4%	1	4%						2	3%
I,3-б	4	17%	1	4%						5	8%
I,4,а	1	4%								1	2%
I,4,б	2	9%								2	3%
I,1,б			1	4%						1	2%
конич. миска	1	4%	1	4%						2	3%
II,1	4	17%								4	7%
II,2											
II,5											
II,3											
диски	1	4%	2	8%						3	5%

а – количество, **б** – процент

Табл. 10. Пропорции лепных сосудов «киевского набора» памятников типа Каширки – Седелок.

Таксон формы	Количество	Д1:Н2	Д2:Н2	Д3:Н2
I,1,а,а	12	1,17–3,92	1,13–3,79	1,7–4,11
I,2	1	0,7	0,61	1,3
I,3-а	5	1,23–3,35	1,2–3,24	1,41–3,76
I,3-б	6	1,73–3,89	1,53–3,67	1,47–3,78
I,4	4	2,63–3,88		2,83–4,08
II,1	7	0,83–2,09	0,74–2	0,3–2,33
II,2,а; б	11	0,72–2,47	0,67–2,31	1,5–2,52

Табл. 11. Пропорции лепных сосудов «киевского набора» памятников типа Чертовицкого – Замятино.

Таксон формы	Количество	Д1:Н2	Д2:Н2	Д3:Н2
I,1,а,а	34	1,67–4,2	1,32–3,95	1,67–4,55
I,1,б	2	1,7; 2,24	1,67; 2,22	2,38; 2,56
I,2				
I,3-а	5	1,4–3,77	1,36–3,7	1,56–3,85
I,3-б	5	2,69–4,62	2,5–4,38	2,44–4,23
I,4	4	3,06–5,6		3,27– 6,12
II,1	8	1,59–4,78	1,37–4,56	1,88–4,91
II,2,а; б	1	1,44	1,29	2

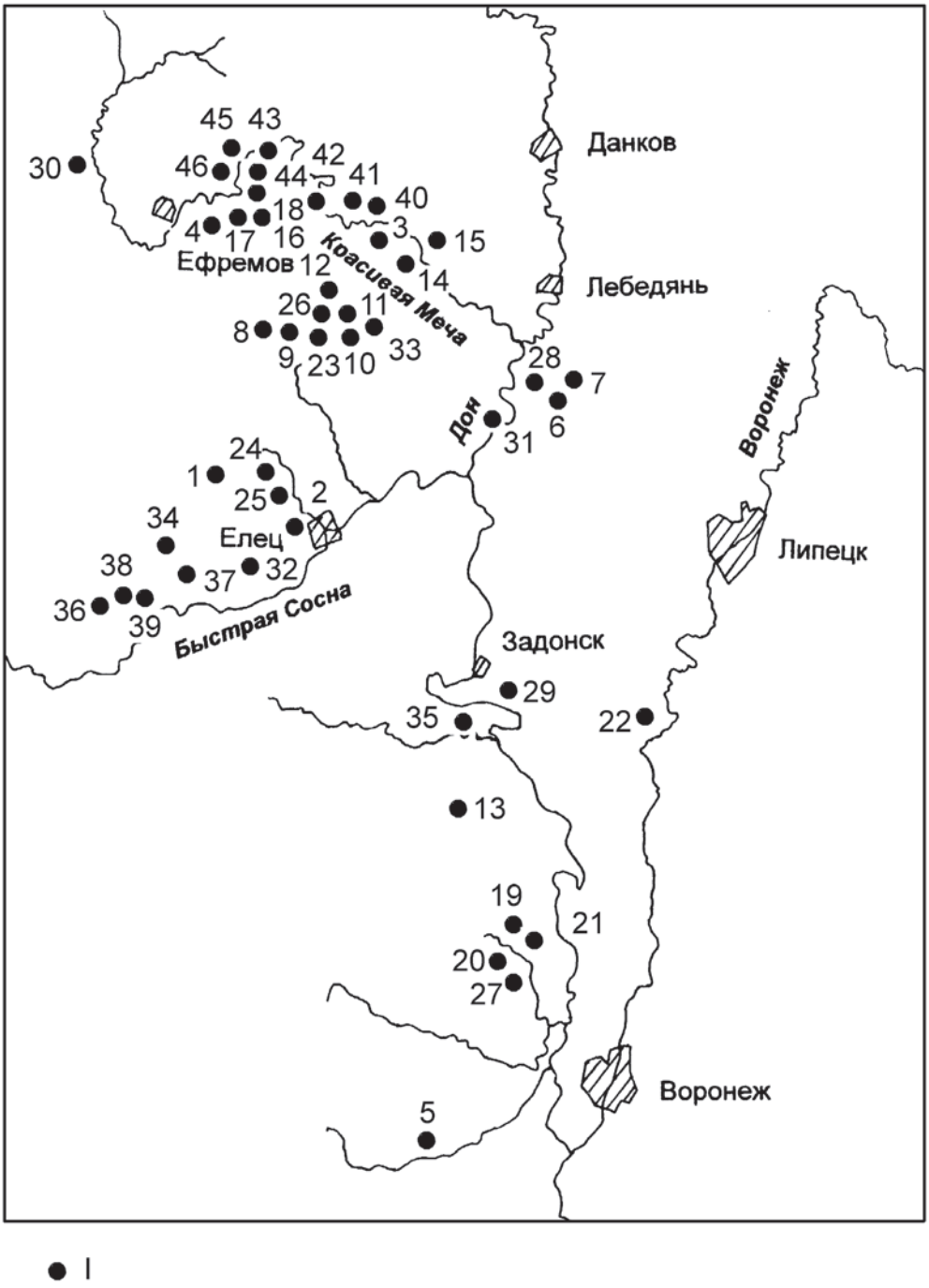

Рис. 1. Карта памятников лесостепного Подонья позднеримского периода.

I – памятники типа Каширки – Седелок (в скобках приводятся публикации стационарно исследованных памятников, для тех, материалы которых не изданы, указаны фамилия автора и год раскопок);

1 – Александровка; 2 – Александровка-1; 3 – Бибиково; 4 – Благодать; 5 – Верхнее Турово [Синюк, Чекменев, 1999]; 6 – Волотовские Озерки-2; 7 – Волотовские Озерки-3; 8 – Звягино-1; 9 – Звягино-2; 10 – Каширка-1 (раскопки А.Н. Бессуднова 1994 г.); 11 – Каширка-2 [Бессуднов, Обломский, 1996]; 12 – Коллектив-1; 13 – Седелки [Обломский, Терпиловский, 1998]; 14 – Кузьминки; 15 – Кузьминки-3; 16 – Кытино-3 [Обломский, 2004б]; 17 – Кытино-4; 18 – Кытино-5; 19 – Малая Трещевка-1 (раскопки Д.В. Акимова 2000–2001 гг.); 20 – Малая Трещевка-2 (раскопки А.П. Медведева 2002 г.); 21 – Малая Трещевка-3; 22 – Мечковская Балка-2; 23 – Писарево [Обломский, 1998а]; 24 – Подхорошее-3; 25 – Подхорошее-5; 26 – Сухинино; 27 – Трещевка-1; 28 – У Хмелевского пруда-1; 29 – Уткино-1; 30 – Яблонево; 31 – Яблоново-1 (раскопки В.И. Матвеевой 1975 г.); 32 – Нижний Воргол-10; 33 – Лощина-1 [Земцов, 2002]; 34 – Редькино-4; 35 – Мухино-2 [Земцов, 2003]; 36 – Афанасьево-2; 37 – Троицкое-1; 38 – Лобановка-1; 39 – Лобановка-3; 40 – Алексеевка-1; 41 – Алексеевка-2; 42 – Лубянка-1; 43 – Сторожа-2; 44 – Раздолье-1; 45 – Большие Голубочки-1; 46 – Большие Голубочки-2.

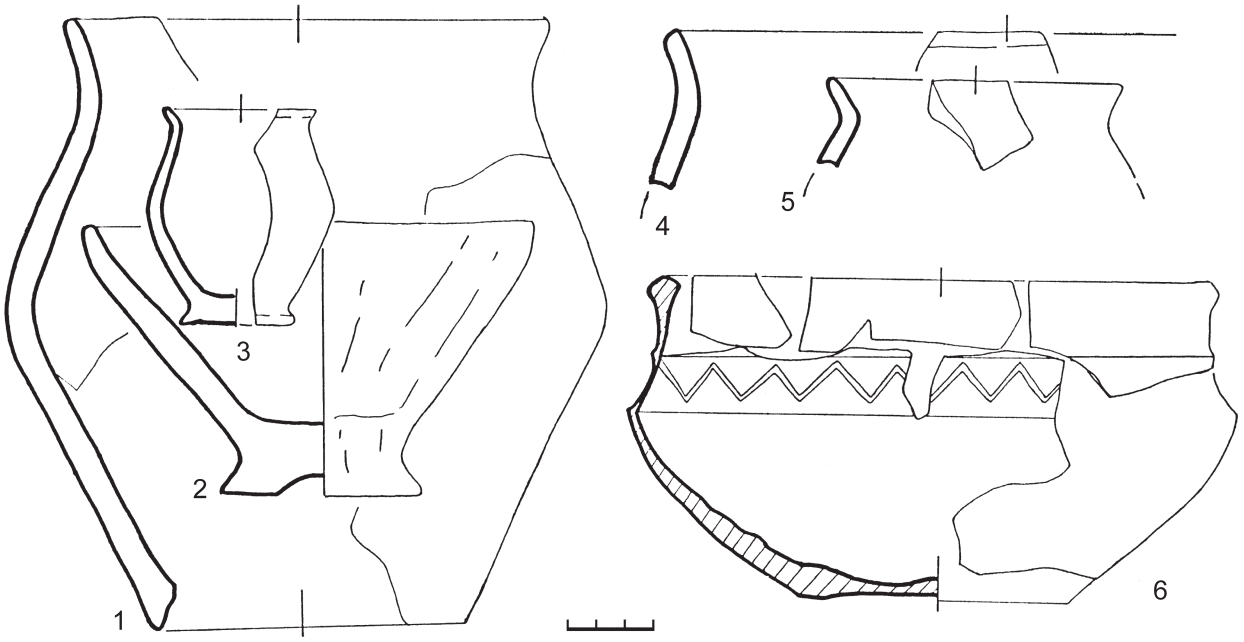

Рис. 2. Керамика поселения Каширка-2.
1–5 – лепная посуда «киевского набора»; 6 – гончарная серолощеная миска в пролощеным орнаментом (рисунки А.М. Обломского).

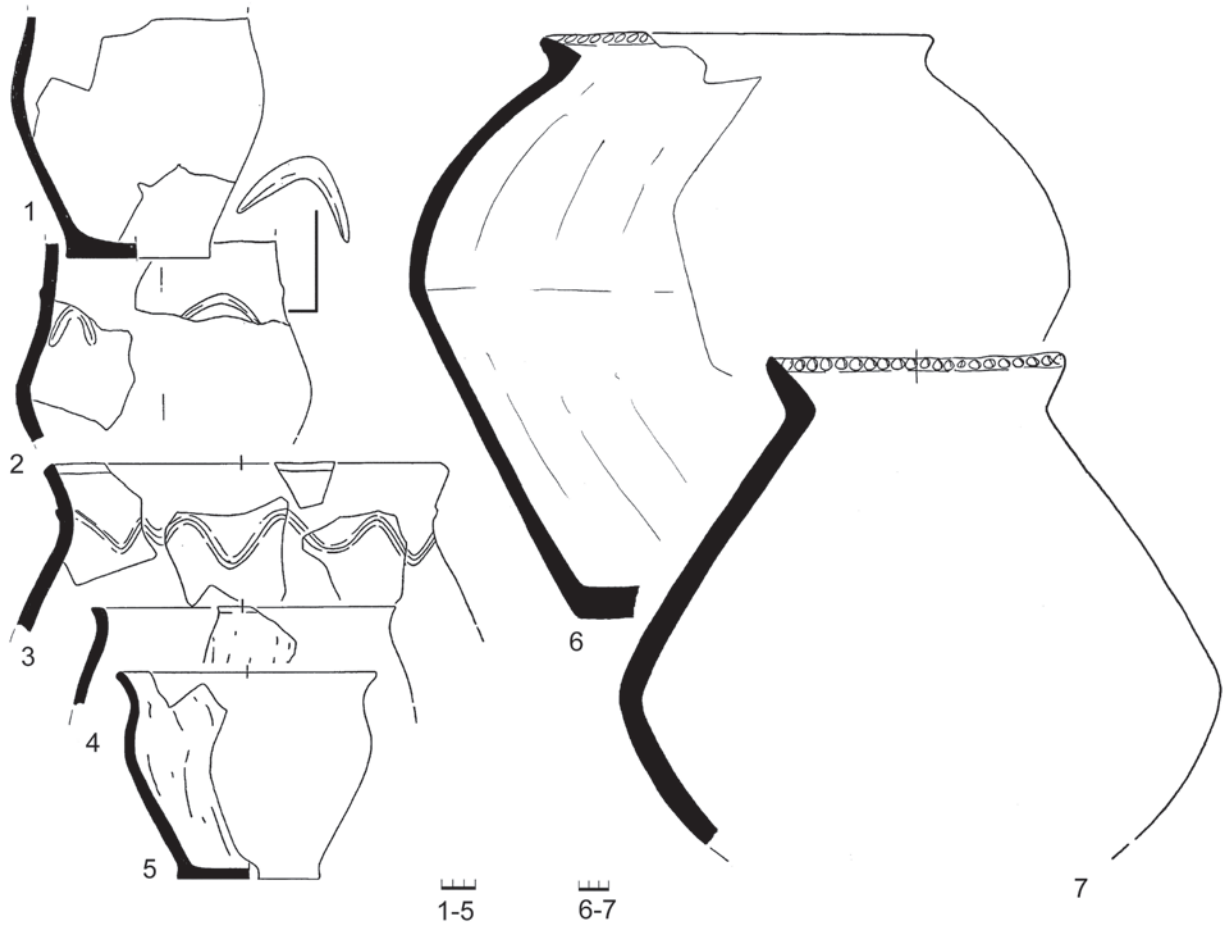

Рис. 3. Груболепная керамика поселения Каширка-2; «позднескифский набор» (рисунки А.М. Обломского).

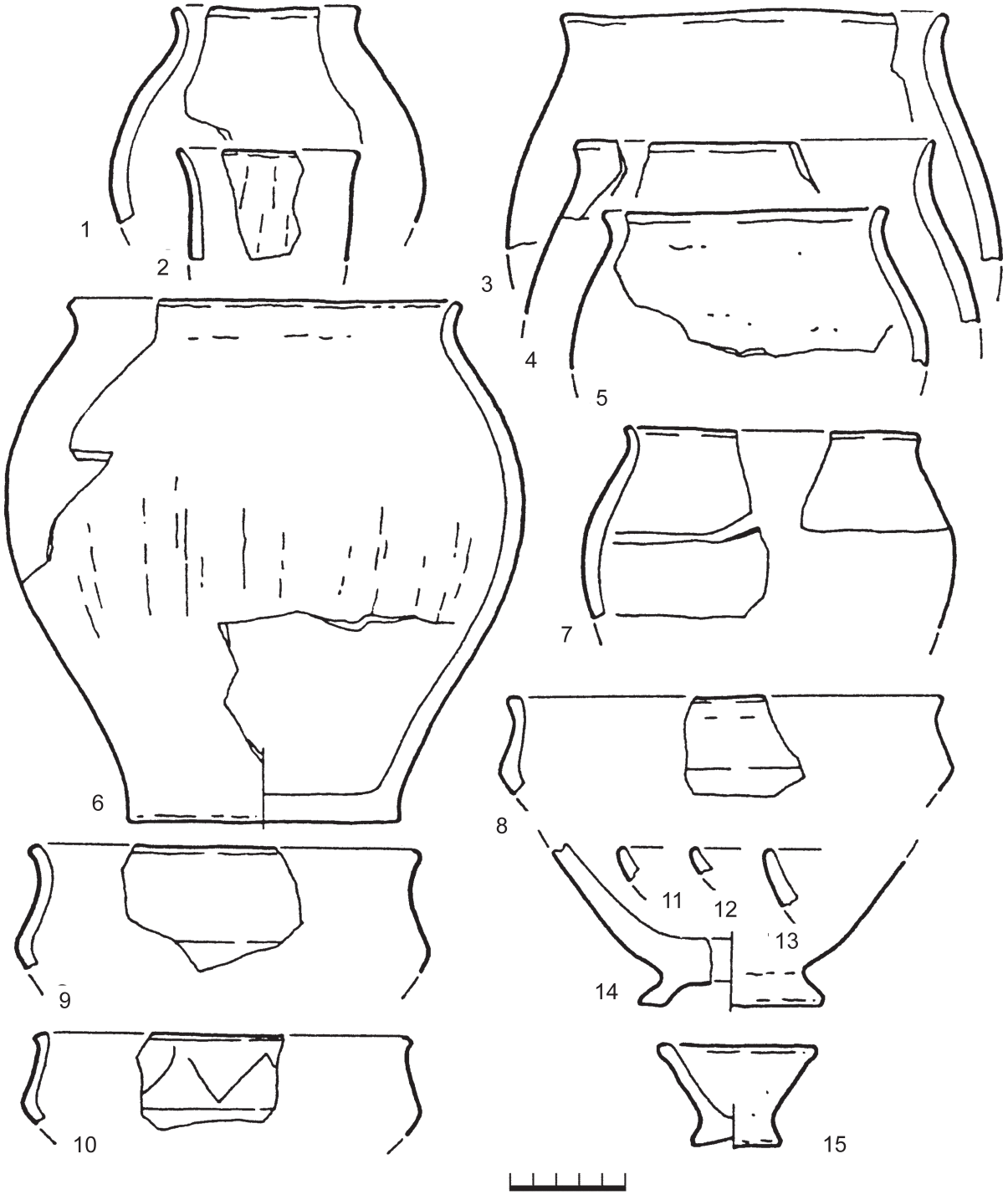

Рис. 4. Лепная керамика поселения Седелки; «киевский набор».
1–9; 11–15 – посуда с шероховатой поверхностью; 10 – фрагментированная миска с лощеной поверхностью (рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского).

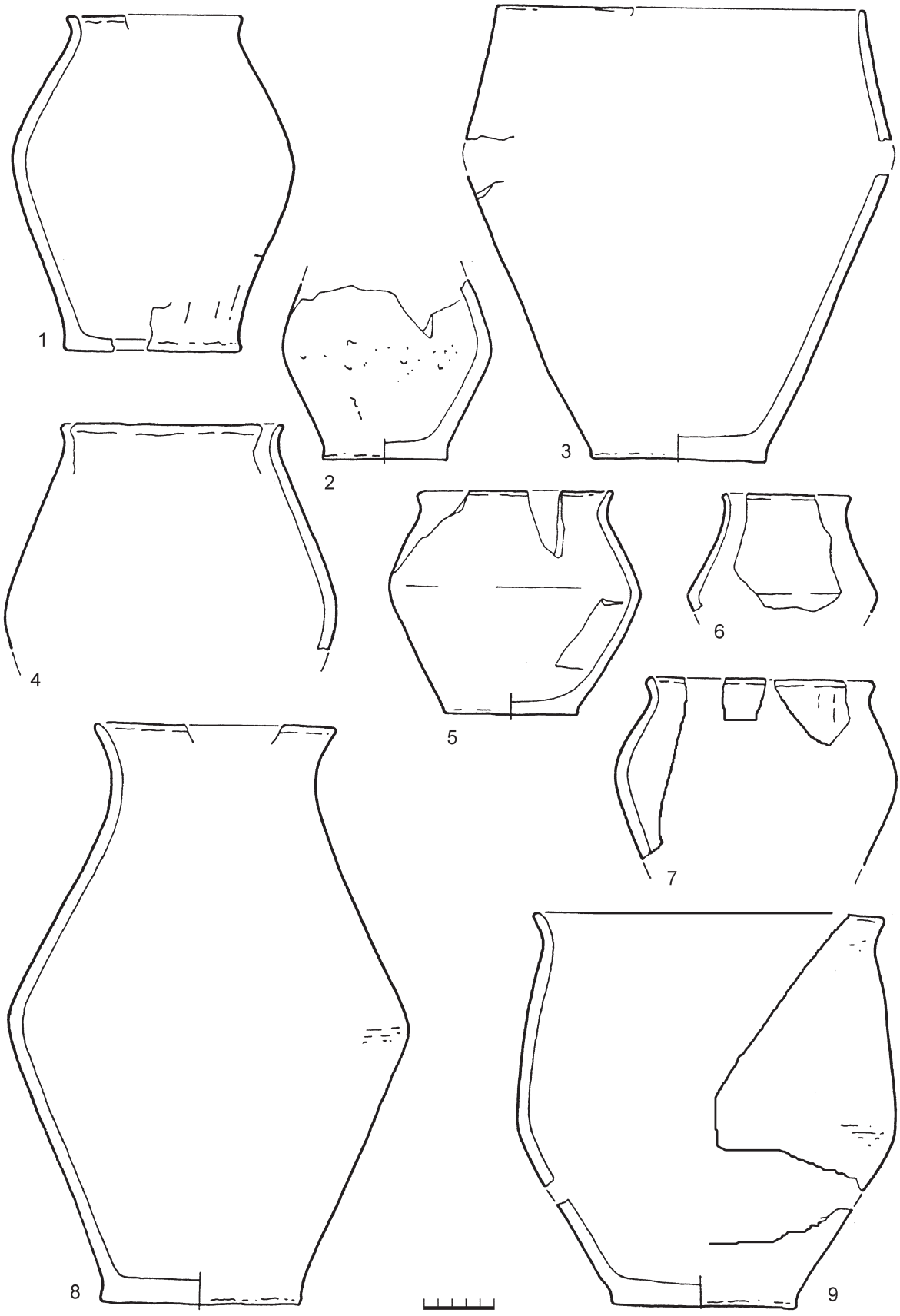

Рис. 5. Лепная керамика с шероховатой поверхностью поселения Седелки; «киевский набор» (рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского).

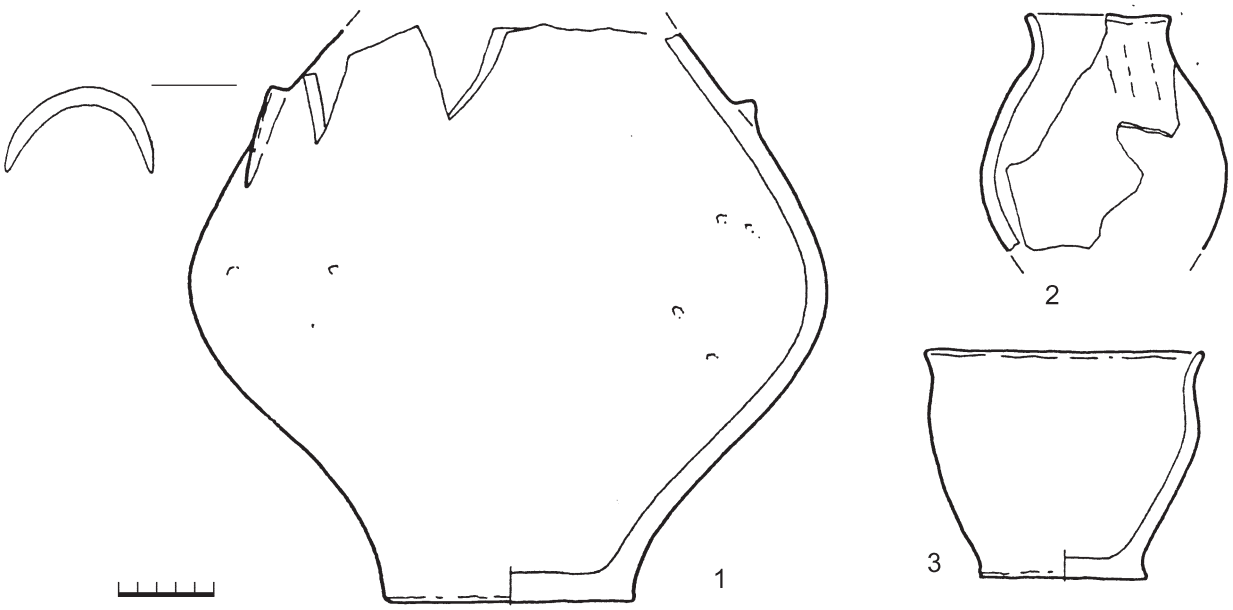

Рис. 6. Лепная керамика с шероховатой поверхностью поселения Седелки; «позднескифский набор» (рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского).

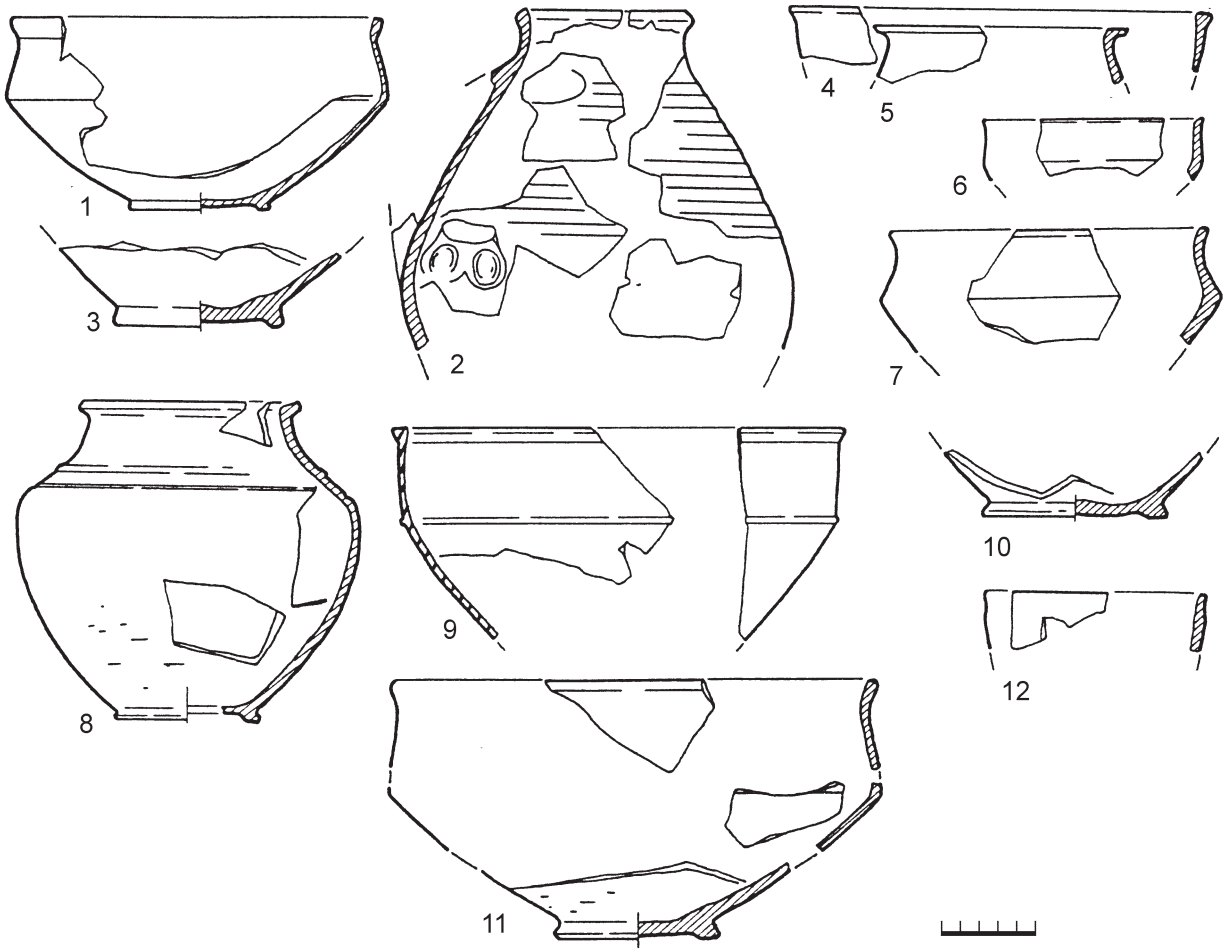

Рис. 7. Гончарная керамика поселения Седелки.
1, 3–5, 8, 10 – с шероховатой поверхностью; 2, 7, 9, 11, 12 – с лощеной поверхностью; 6 – фрагмент гончарной вторично обожженной миски
(рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского).

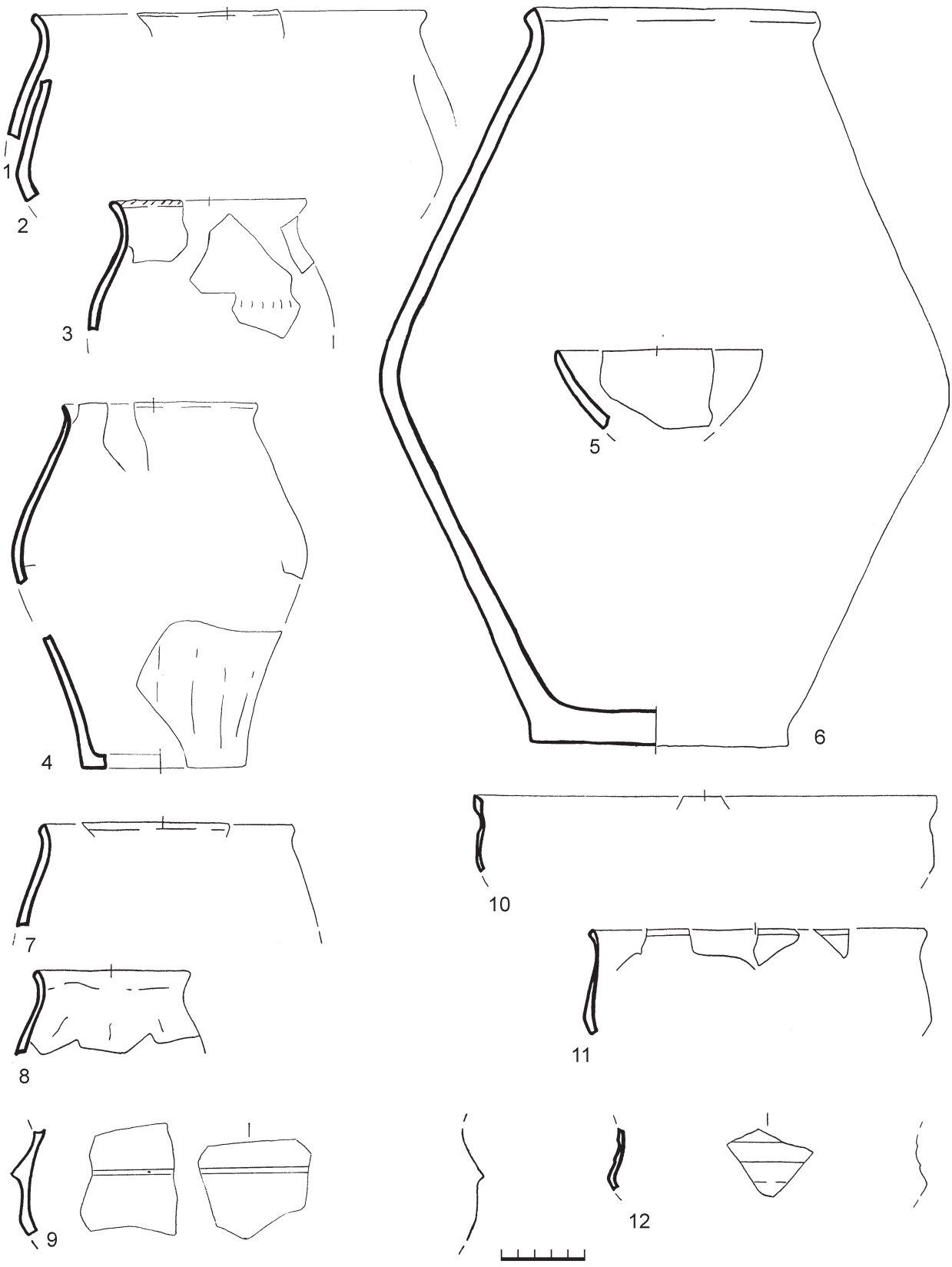

Рис. 8. Керамика поселения Писарево.
1–8 – груболепная; 9–12 – гончарная (9–11 – лощеные; 12 – с шероховатой поверхностью)
(рисунки А.М. Обломского).

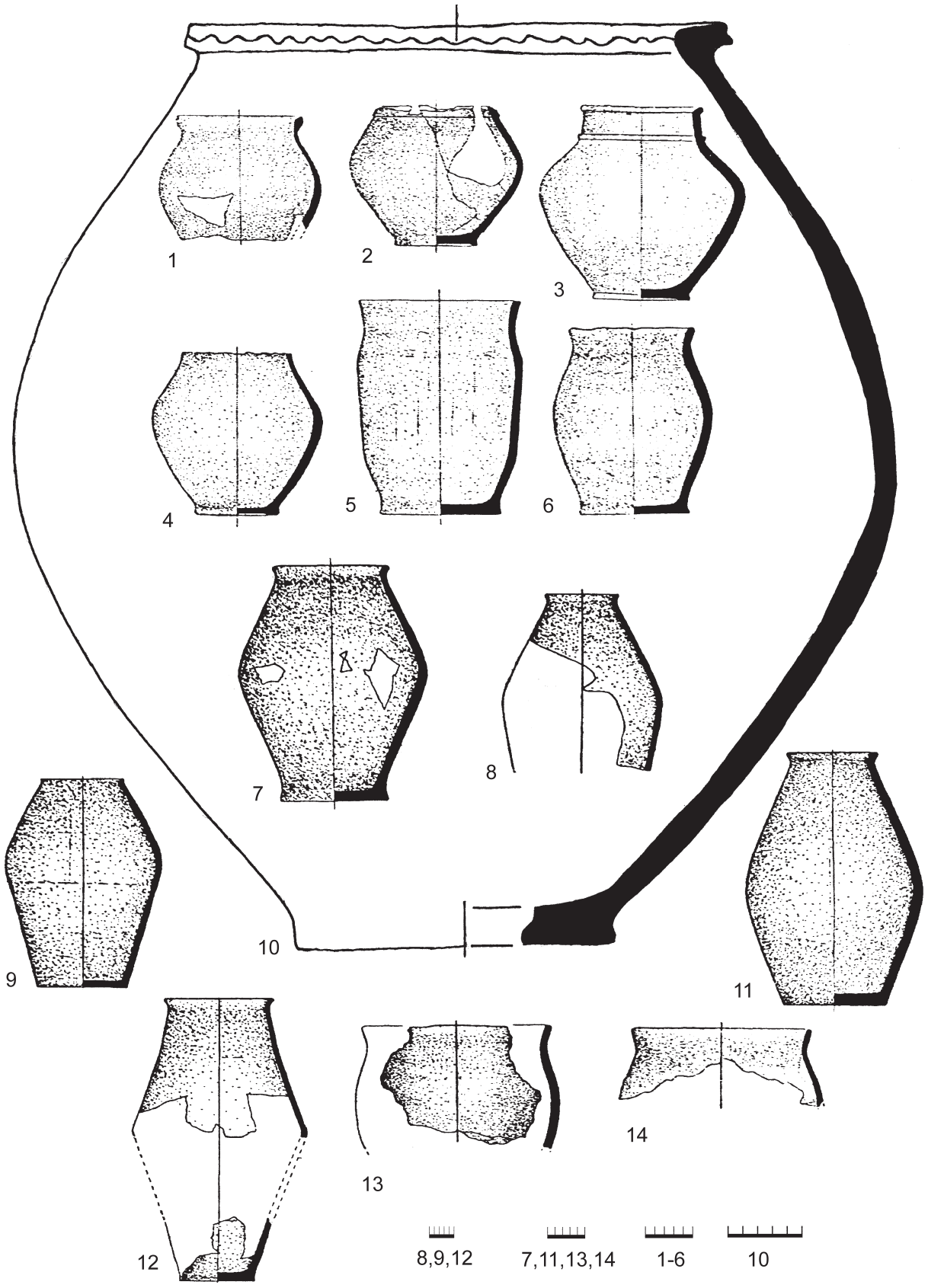

Рис. 9. Керамика поселения Лощина-1.
1–4 – гончарная (2–4 – с лощеной поверхностью); 5–14 – груболепная;
(рисунки Г.Л. Земцова и А.М. Обломского).

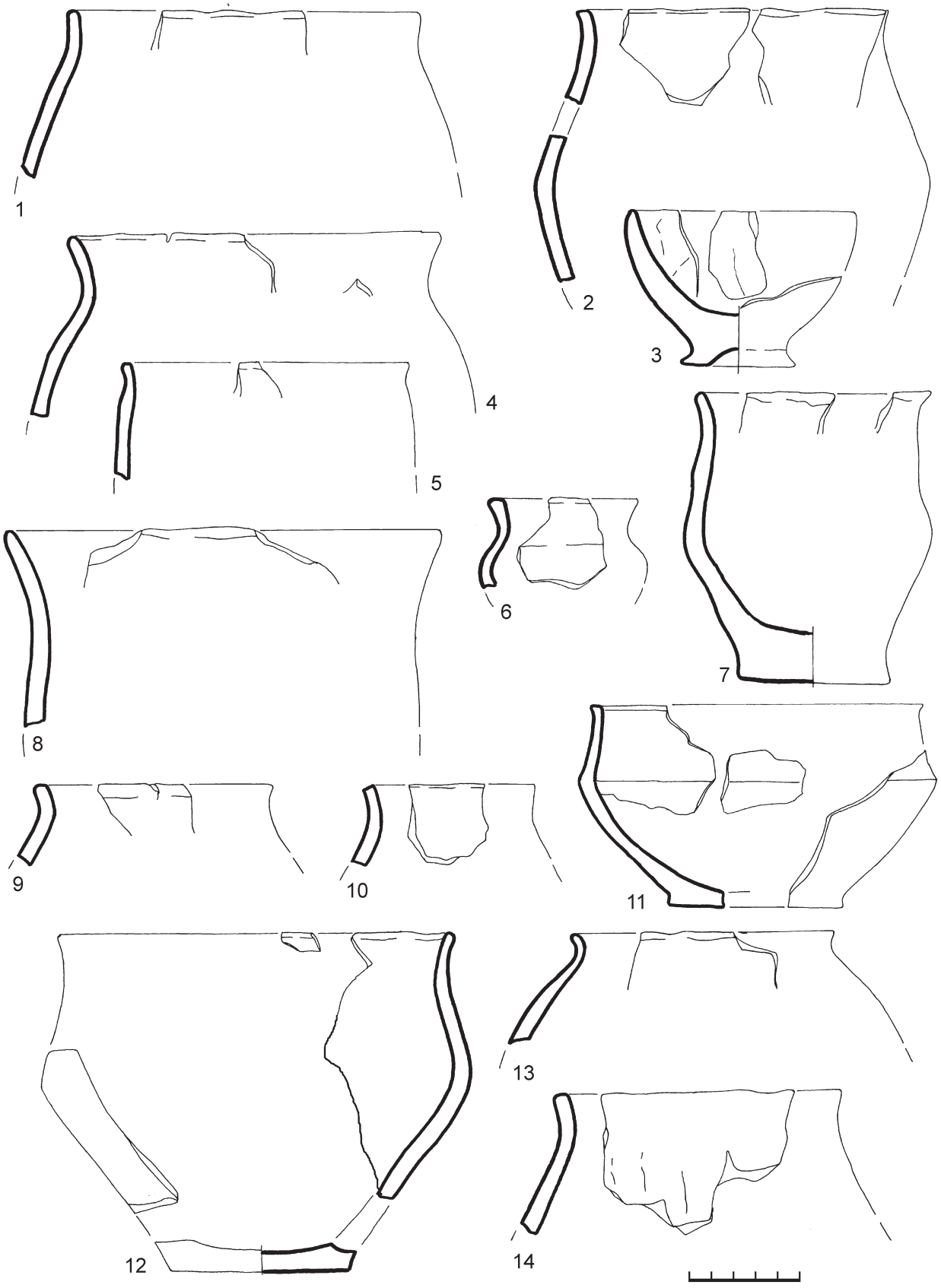

Рис. 10. Керамика поселения Кытино-3.
1–10, 13, 14 – груболепная посуда; 11 – лощеная миска; 12 – высокая миска с подлощенной поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

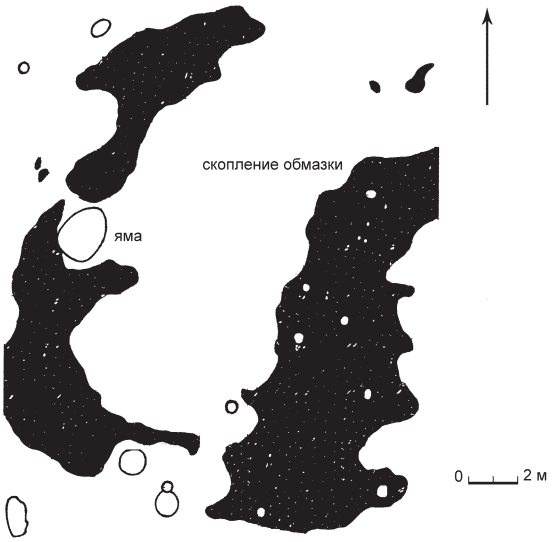

Рис. 11. Большой наземный дом поселения Малая Трещевка-2 (по А.П. Медведеву).

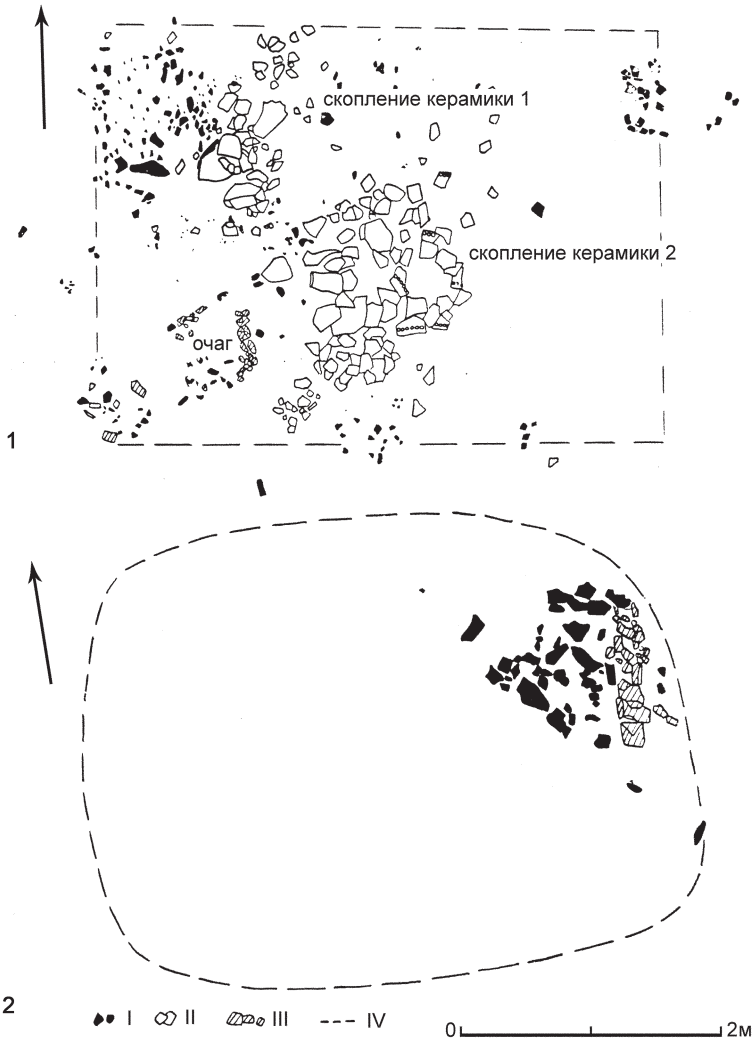

Рис. 12. Малые наземные дома поселения Каширка-2.
1 – постр. 1; 2 – постр. 4; I – обожженная глиняная обмазка; II – керамика; III – камень; IV – приблизительные контуры сооружений по дисперсии обмазки
(по А.Н. Бессуднову и А.М. Обломскому).

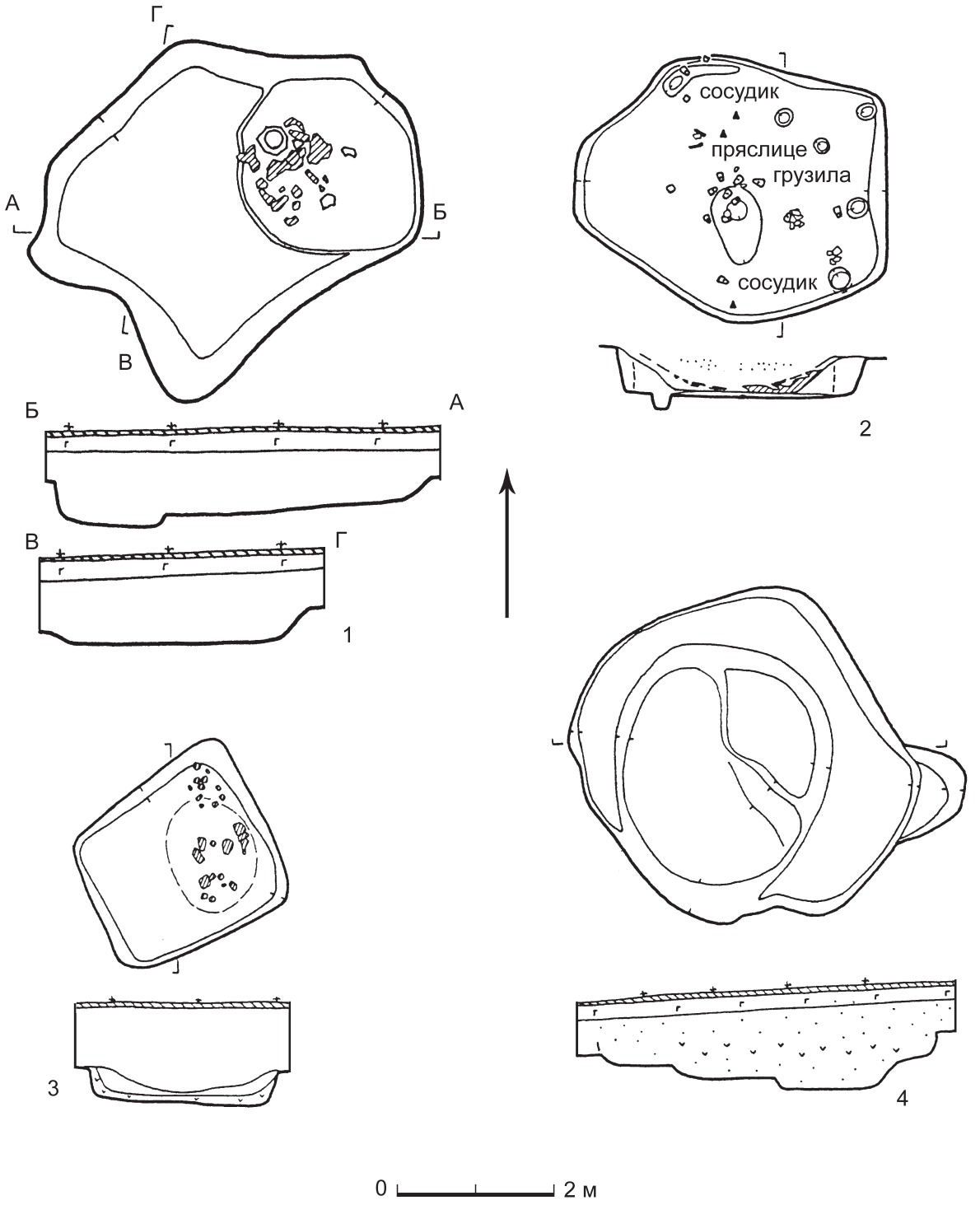

Рис. 13. Полуземлянки поселения Седелки.
1 – раскоп 2, постройка 4; 2 – раскоп 3, постройка 5; 3 – раскоп 3, постройка 3; 4 – раскоп 2, постройка 3 (по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому).

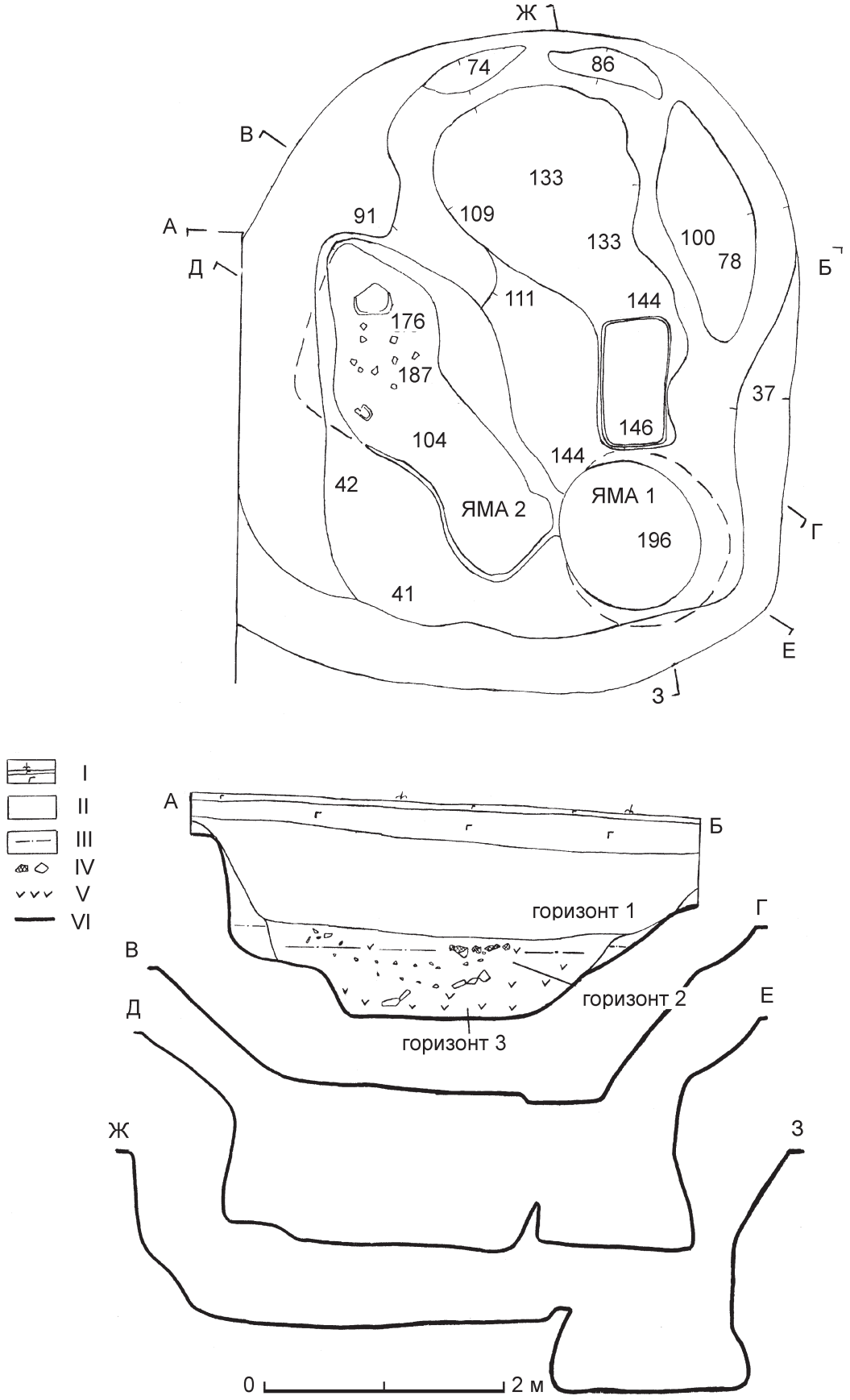

Рис. 14. Постройка 1 раскопа 1 поселения Писарево.
I – дерн; II – черный или темно-серый гумусированный суглинок; III – суглинок; IV – шлаки и обломки стенок металлургического горна; V – уголь; VI – материк (по А.М. Обломскому).

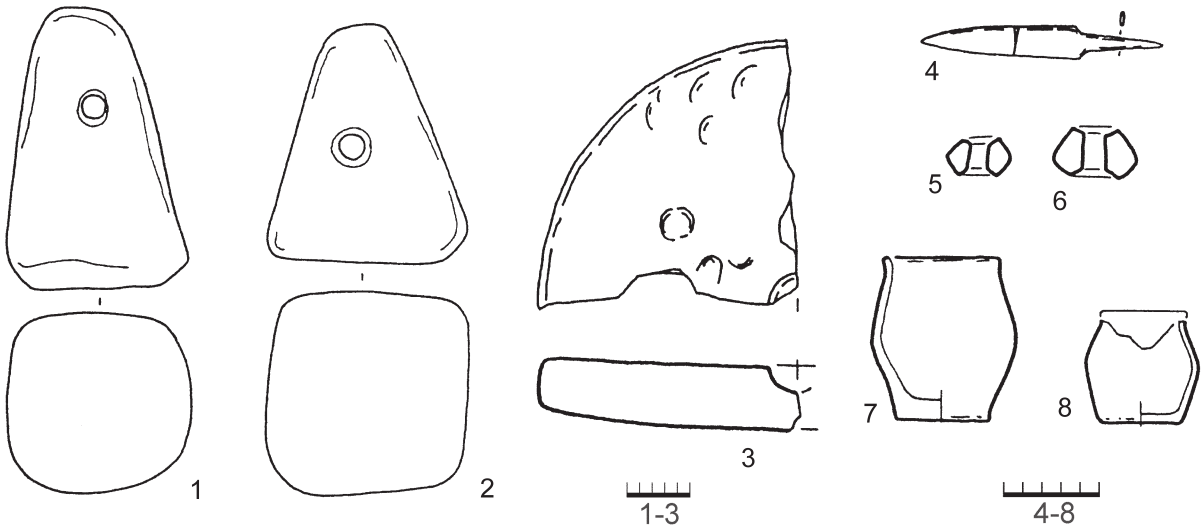

Рис. 15. Некоторые бытовые предметы поселения Седелки.
1, 2 – глиняные грузила; 3 – обломок каменного жернова; 4 – железный нож; 5, 6 – глиняные пряслица; 7, 8 – миниатюрные сосуды.
(рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского)

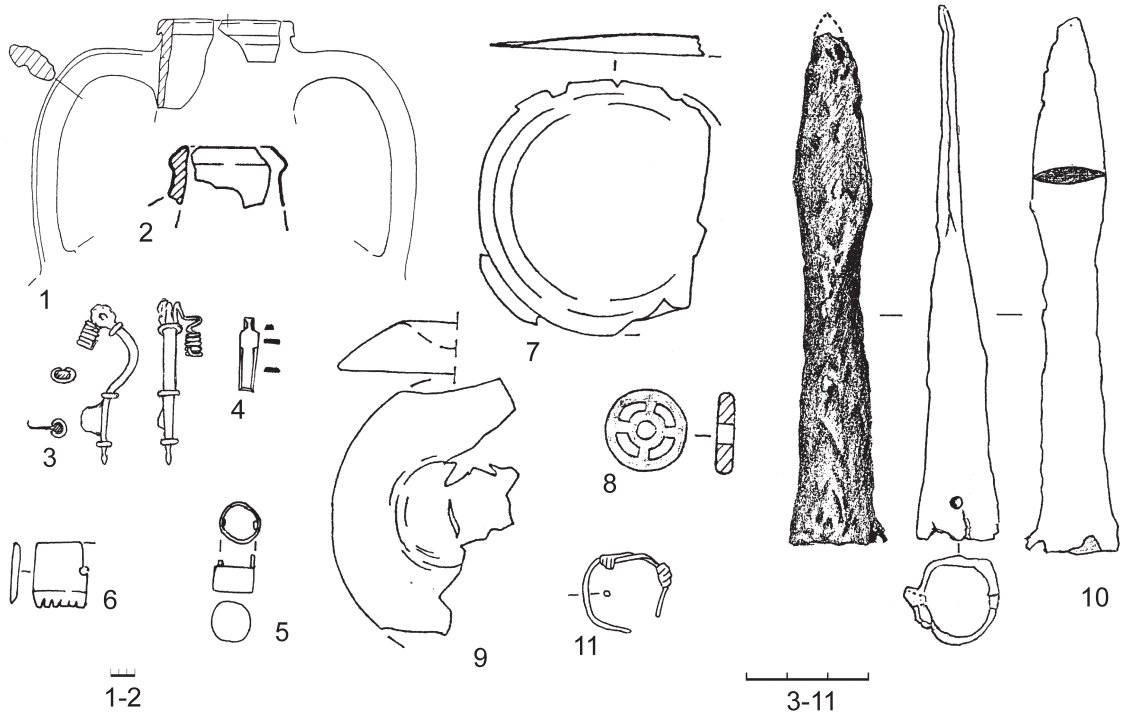

Рис. 16. Некоторые хронологически показательные вещи памятников типа Каширки – Седелок.
1, 2 – обломки амфор (Каширка-2, Седелки); 3 – бронзовая фибула (Мухино-2); 4 – заготовка фибулы из бронзы (Писарево); 5 – ведерковидная подвеска (железо); 6 – звено гребня из кости (Писарево); 7–9 – детали шкатулки из бронзы (Малая Трещевка-1); 10 – железный наконечник копья (Малая Трещевка-2); 11 – бронзовое кольцо (Кытино-3) (рисунки: 1, 2, 4–6, 11 – А.М. Обломского; 3 – И.О. Гавритухина; 7–9 – Д.В. Акимова; 10 – А.П. Медведева).

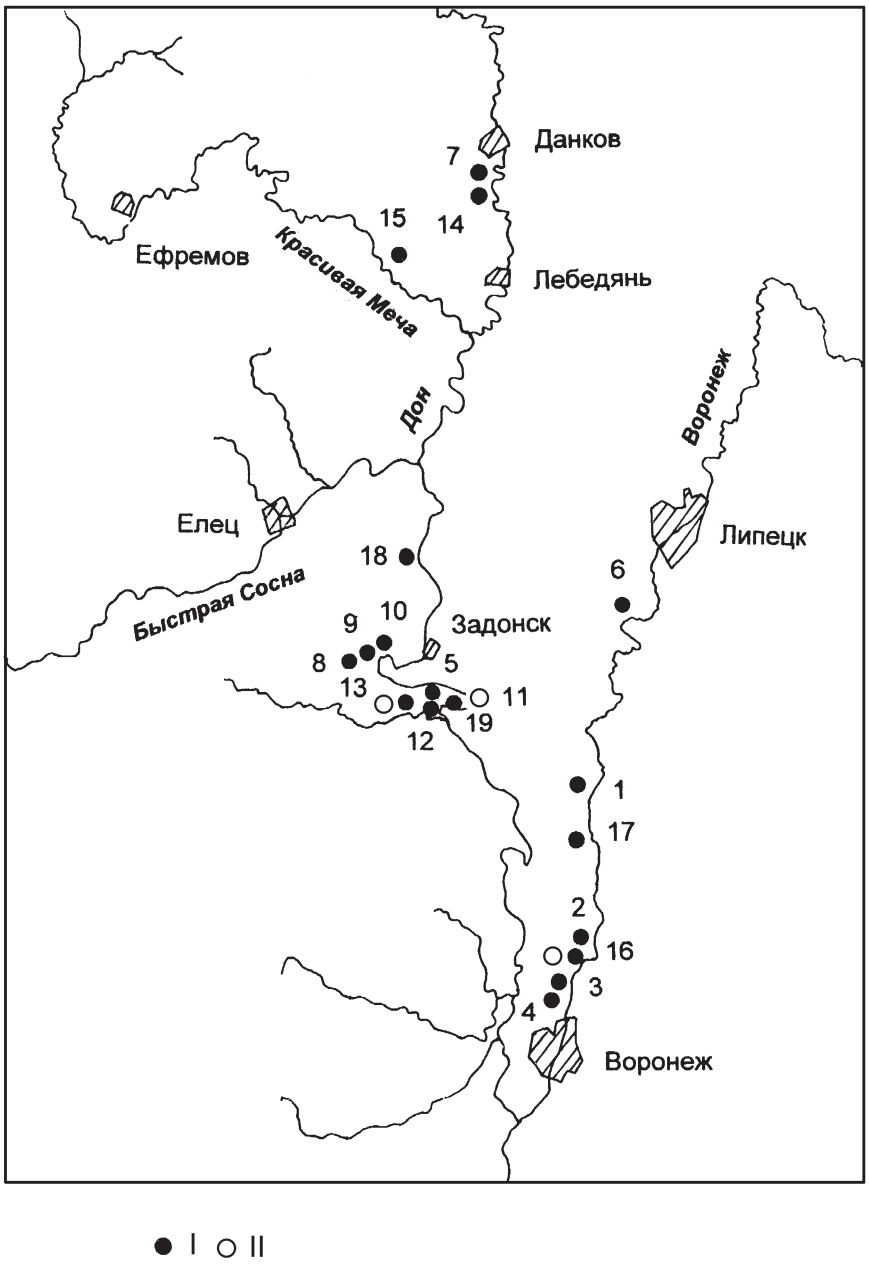

Рис. 17. Карта памятников лесостепного Подонья гуннского периода.
I – поселения типа Чертовицкого – Замятино; II – могильники с ингумациями и отдельные погребения (в скобках приводятся ссылки на публикации стационарно исследованных памятников, для тех из них, материалы которых не изданы, указаны фамилия автора и год раскопок);
1 – Подгорное [Медведев, 1996]; 2 – Староживотинное-3 [Акимов, 1998]; 3 – Чертовицкое-3 [Медведев, 1998]; 4 – Чертовицкое-6 (раскопки И.Е. Бирюкова 1990 г.); 5 – Замятино–1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13 [Острая Лука...]; 6 – Малый Липяг, Крутогорье [Козмирчук, Разуваев, 2001]; 7 – Перехваль [Бирюков, 1998]; 8 – Каменка-1; 9 – Каменка-4 [Острая Лука..., гл. 1]; 10 – Каменка-5; 11 – Ксизово-16, 19 (раскопки А.М. Обломского 2003–2004 гг.); 12 – Ксизово-8; 13 – Мухино-2 [Земцов, 2003]; 14 – Лес Озерки; 15 – Коллектив; 16 – Животинное [Медведев, Винников, 1989]; 17 – Пекшево [Медведев, 1998]; 18 – Невежеколодезное; 19 – Ксизово-17 (раскопки А.М. Обломского 2003–2005 гг.).

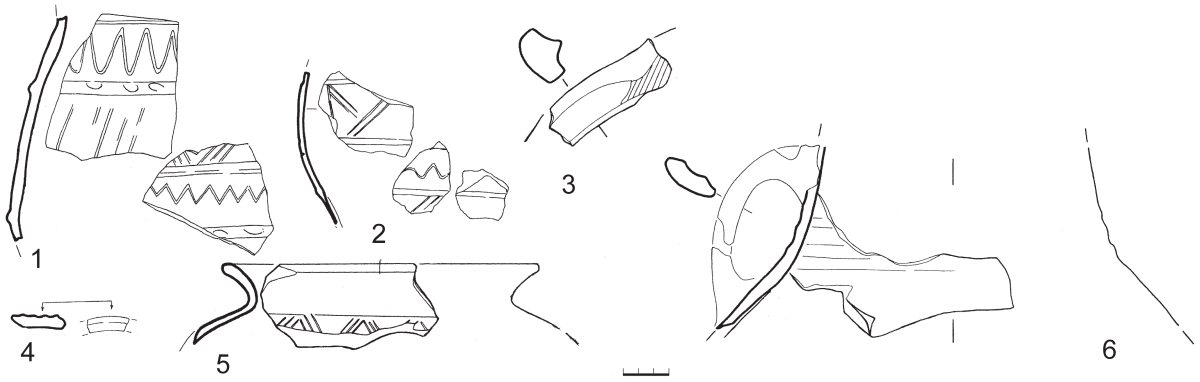

Рис. 18. Гончарная керамика Замятинского археологического комплекса
1–5 – с лощеной поверхностью; 6 – с шероховатой поверхностью; 1, 2, 4, 6 – Замятино–8; 3, 5 – Замятино–7
(рисунки А.М. Обломского)

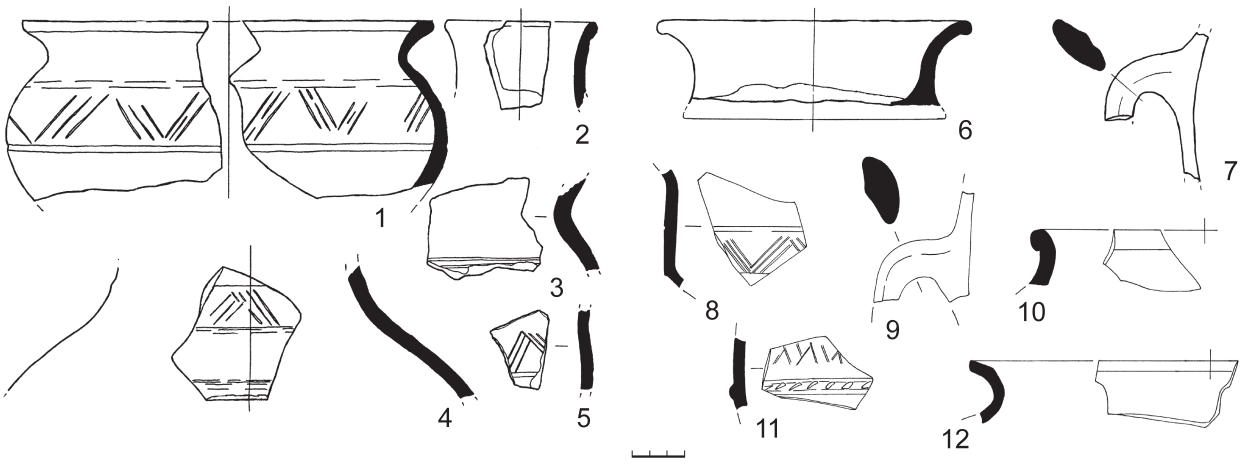

Рис. 19. Гончарная керамика поселения Ксизово-19 (раскопки 2002–2003 г.).
1–7 – заполнение гончарного горна; 8–12 – культурный слой; 1, 2, 5–8, 10–12 – обломки сосудов с лощеной поверхностью; 3, 4, 9 – с шероховатой поверхностью
(рисунки А.М. Обломского).

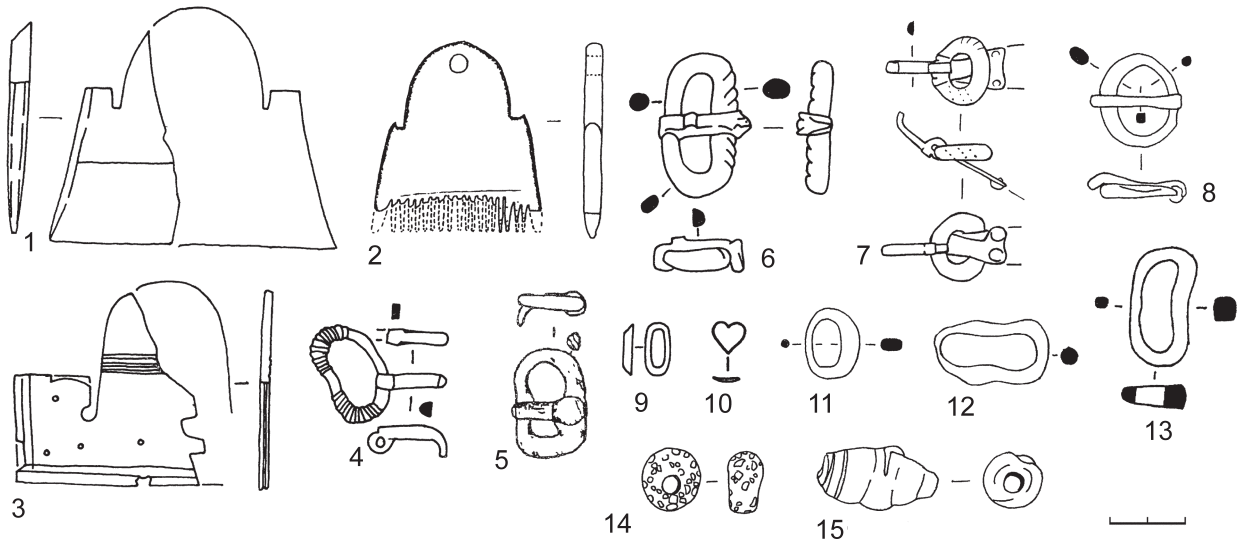

Рис. 20. Некоторые датирующие вещи памятников типа Чертовицкое – Замятино.
Гребни, пряжки, вставки и бусы.
1, 3, 6, 9, 14, 15 – Замятино-8; 2 – Мухино; 4, 5, 10 – Чертовицкое Третье; 7, 8, 11 – Замятино-7; 12, 13 – Замятино-5; 1–3 – рог; 4–6, 8, 11–13 – железо; 7 – железная рама, бронзовые язычок и обойма; 9 – альмандин; 10 – красное стекло; 14 – основа – из синего стекла, пятна – из красного и белого; 15 – основа – черное стекло, обвивка – белая стеклянная нить
(рисунки А.М. Обломского, И.О. Гавритухина, А.П. Медведева).

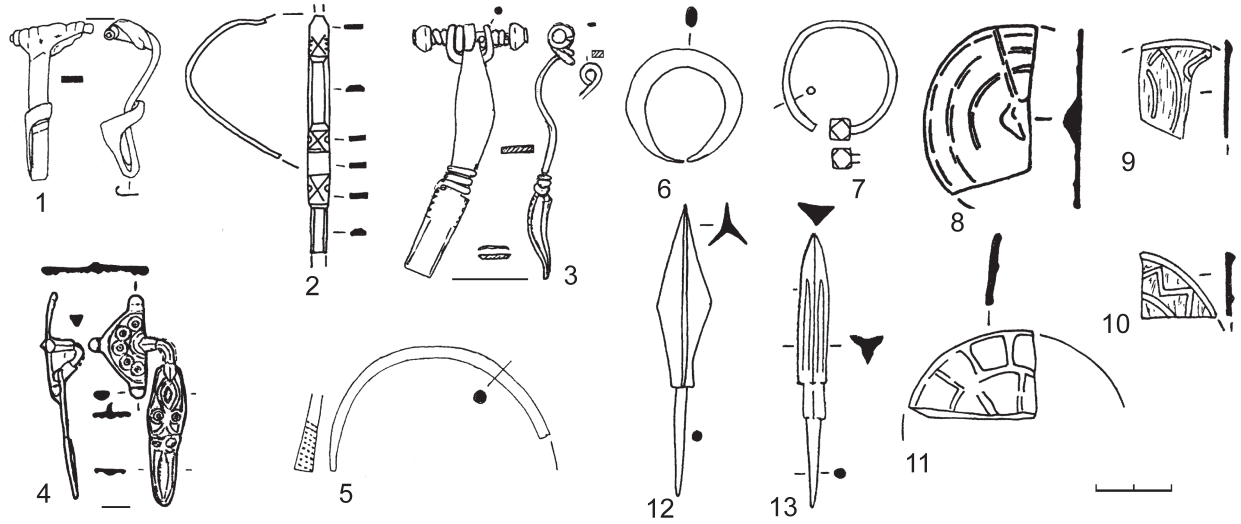

Рис. 21. Некоторые датирующие вещи памятников типа Чертовицкое – Замятино.
Фибулы, серьги, браслет, зеркала, стрелы.
1, 13 – Замятино-7; 2, 5, 11 – Замятино-8; 3 – Мухино; 4, 6, 9, 10 – Замятино-5; 7 – Невежеколодезное; 8 – Подгорное; 12 – Чертовицкое Третье; 1 – железные корпус и пружина, бронзовые шишечки на концах пружины; 2–7 – бронза; 8–11 – билон или низкопробное серебро; 12, 13 – железо
(рисунки А.М. Обломского, И.О. Гавритухина, А.П. Медведева).

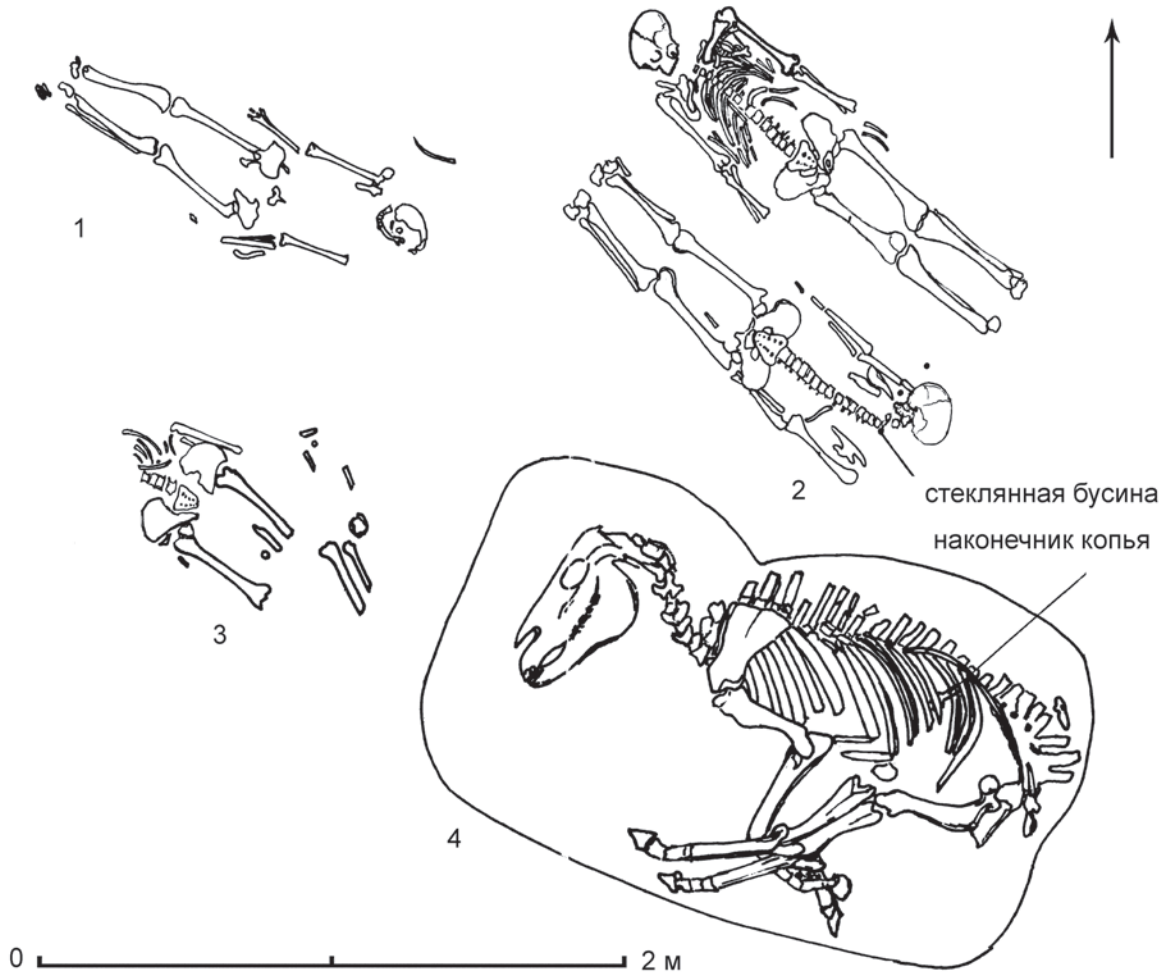

Рис. 22. Планы некоторых погребений могильника Ксизово-17.
1 – погр. 4; 2 – погр. 6; 3 – погр. 7; 4 – погр. 8
(чертежи В.Е. Родинковой).

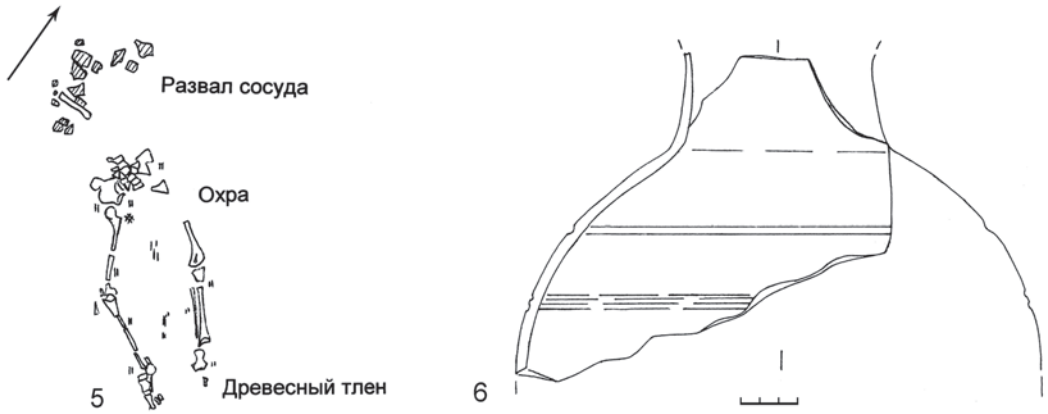

Рис. 23. Ксизово-19. План погребения 2 и обломок верхней части связанного с ним гончарного сосуда
(по А.М. Обломскому).

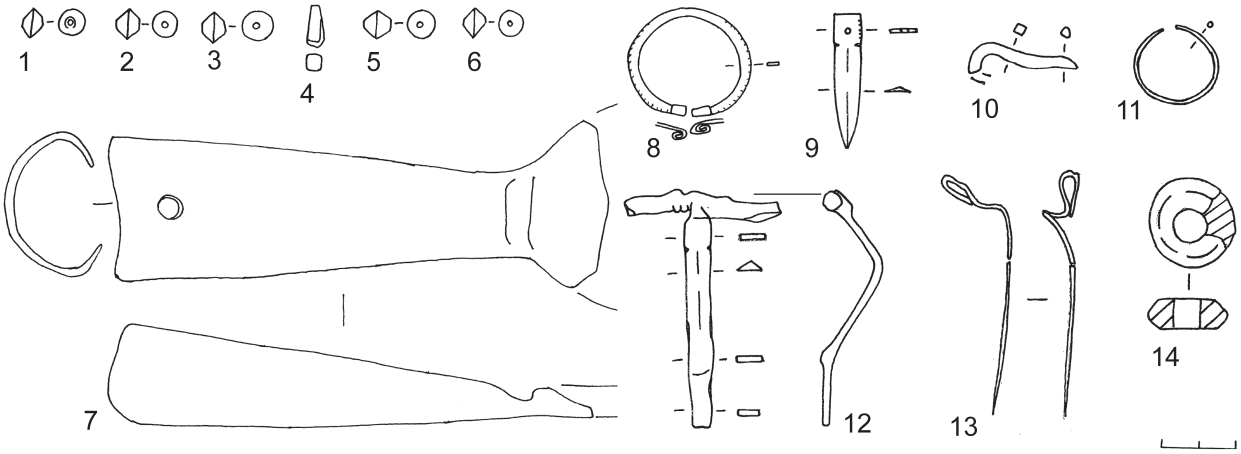

Рис. 24. Инвентарь могильника Ксизово-17.
1–8 – Ксизово-17 (1–6 – погр. 6; 7 – погр. 8; 8 – культурный слой); 9–14 – Ксизово-17а (9, 10, 12–14 – культурный слой; 11 – погр. 3); 1–6 – бусы (1–3 – красное глухое стекло; 4 – темно-синее прозрачное стекло; 5 – синее прозрачное стекло; 6 – прозрачное желтоватое стекло); 7 – железное копье; 8 – бронзовая сюльгама; 9 – железный наконечник ремня; 10 – железный язычок пряжки; 11 – бронзовая серьга; 12 – железная фибула; 13 – железная игла; 14 – глиняное пряслице (рисунки А.М. Обломского).

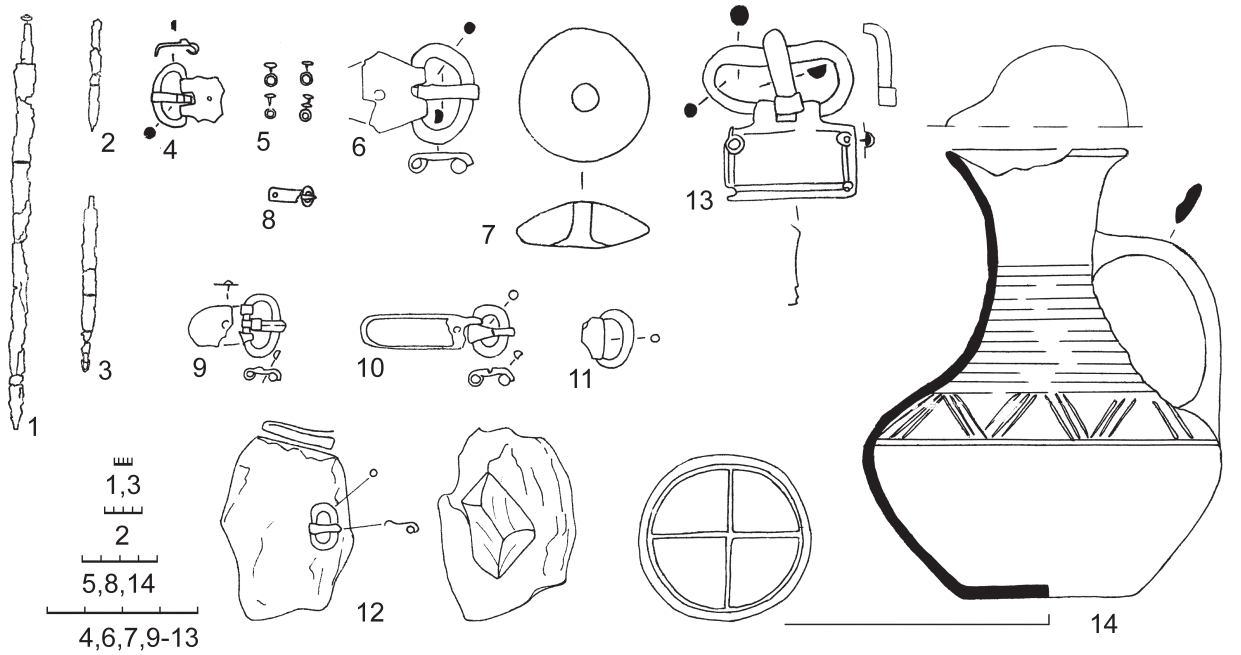

Рис. 25. Погребение 4 Животинного могильника.
1–3 – железо; 4 – билон; 5, 8 – серебро; 7 – янтарь; 6, 9, 11 – бронза; 10 – бронзовая пряжка и серебряная обойма; 12 – железная обойма, бронзовая пряжка, отщеп кремня; 13 – бронзовая рама, серебряная обойма (рисунки: 1–3, 5, 8 – из публикации А.З. Винникова и А.П. Медведева; остальные – А.М. Обломского).

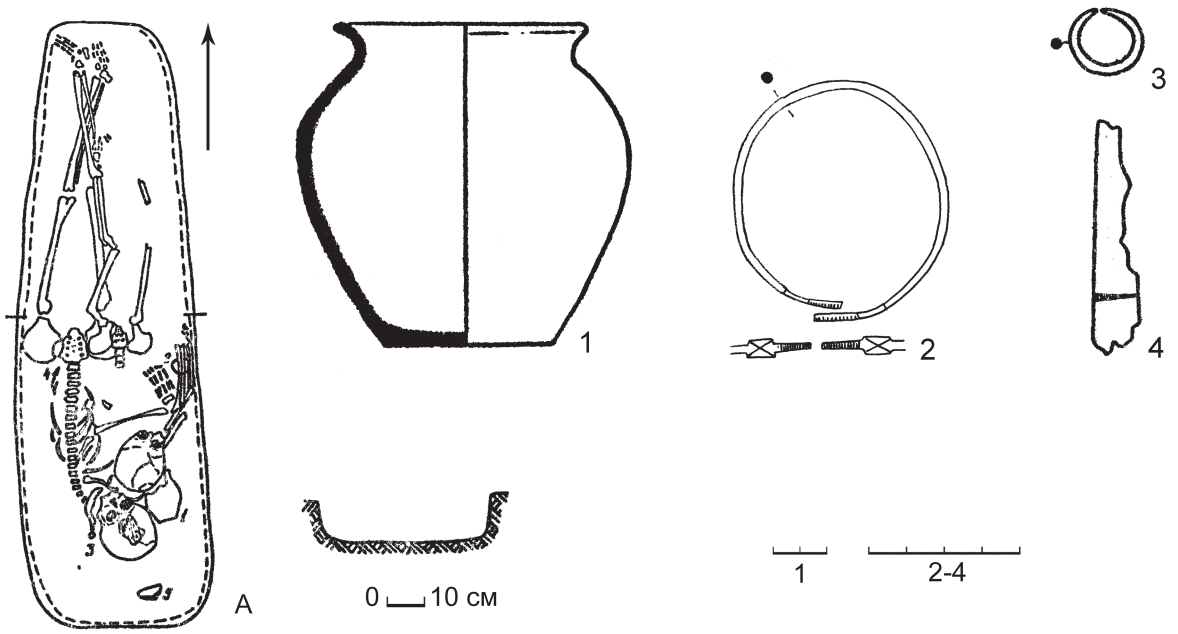

Рис. 26. Погребение 5 Животинного могильника.
а – план и профиль погребения; 1 лепной горшок; 2 – бронзовый браслет; 3 – бронзовая серьга; 4 – обломок железного ножа
(рисунки: а, 1, 3, 4 – из публикации А.П. Медведева и А.З. Винникова; 2 – А.М. Обломского)

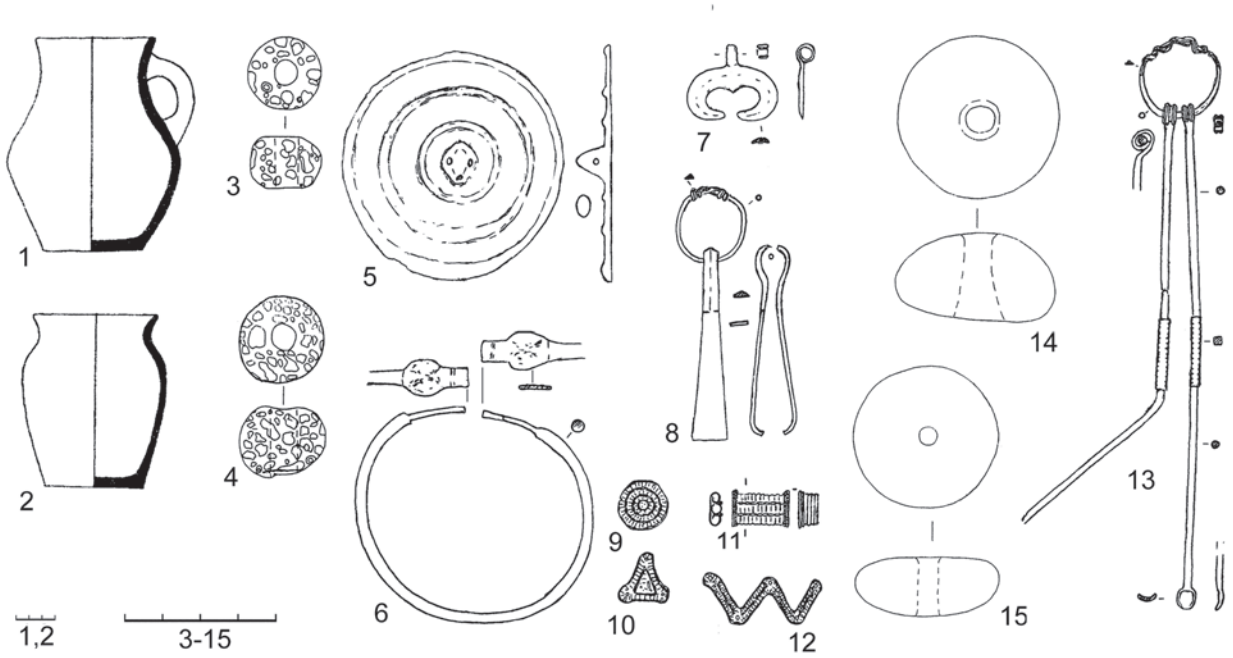

Рис. 27. Комплекс вещей погребения в Мухино-2 (по Г.Л. Земцову).
1 – лепной чернолощеный кувшин; 2 – груболепной горшок; 3–4 – стеклянные «крапчатые» бусы; 5 – зеркало (билон); 6 – браслет (серебро); 7 – подвеска–лунница (серебро); 8 – пинцет (серебро); 9, 10, 12 – нашивки на одежду (золото); 12 – пронизь (золото); 13 – туалетный набор (серебро), 14, 15 – бусы (янтарь)
(рисунки: 1–4, 9, 10, 12, 14, 15 – Г.Л. Земцова; прочие – И.О. Гавритухина).

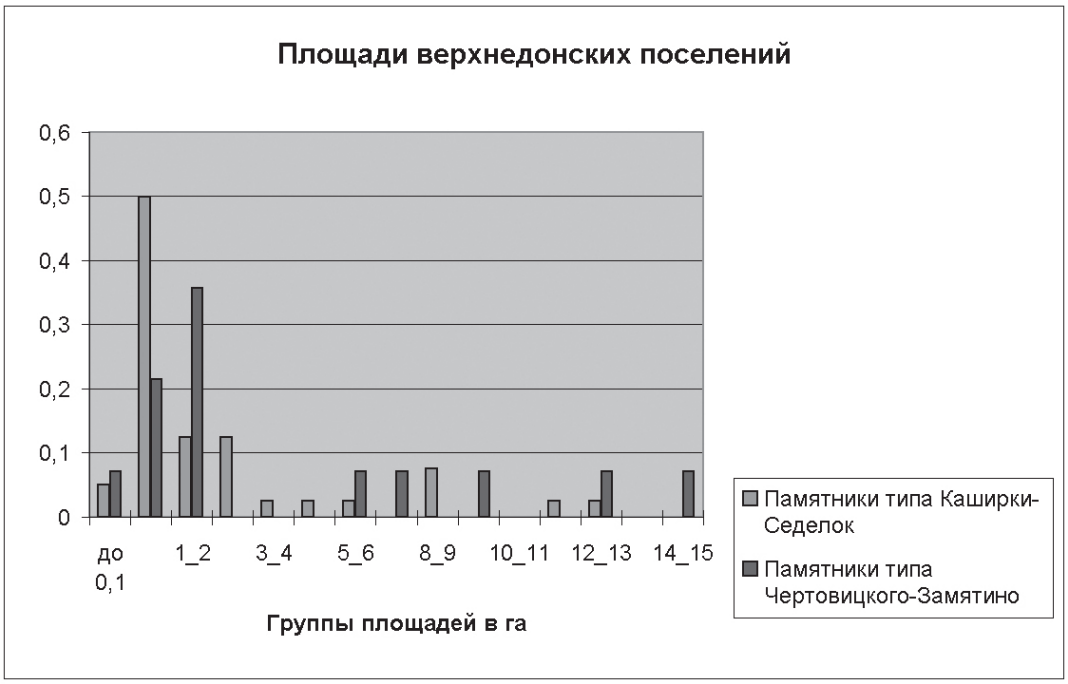

Рис. 28. График соотношения площадей верхнедонских поселений.

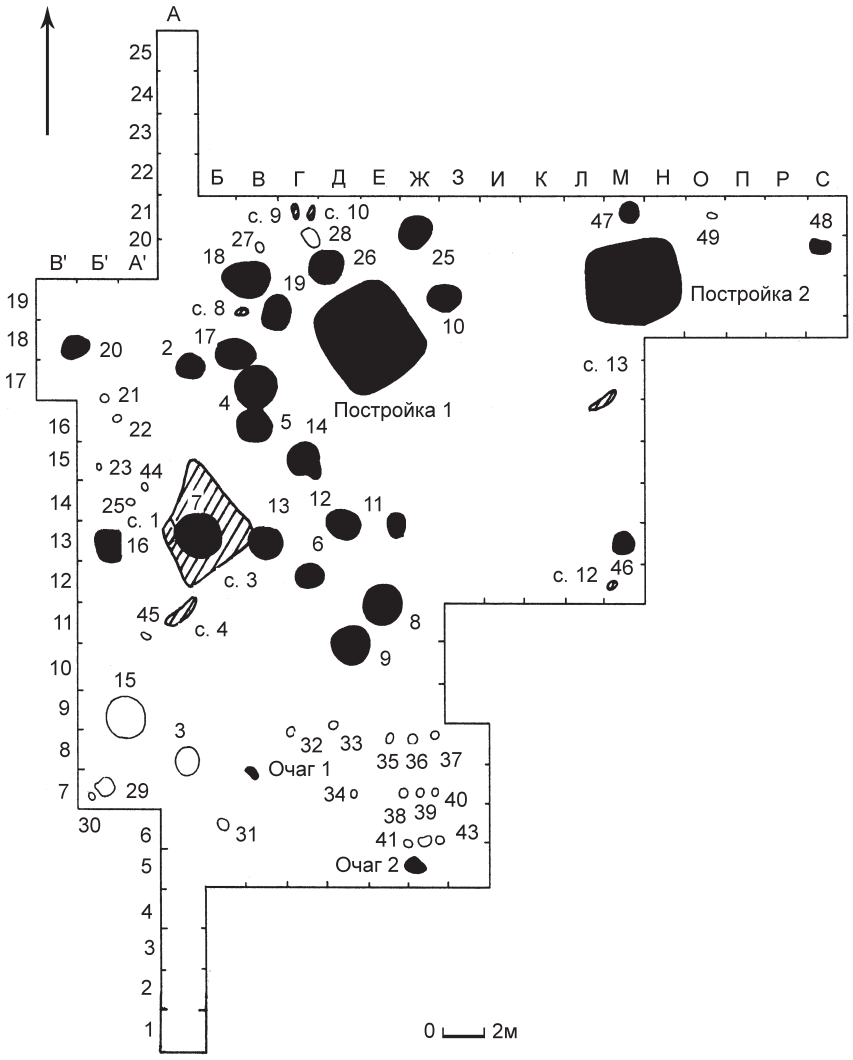

Рис. 29. Усадьба поселения Замятино-8 (черным залиты объекты гуннского времени).

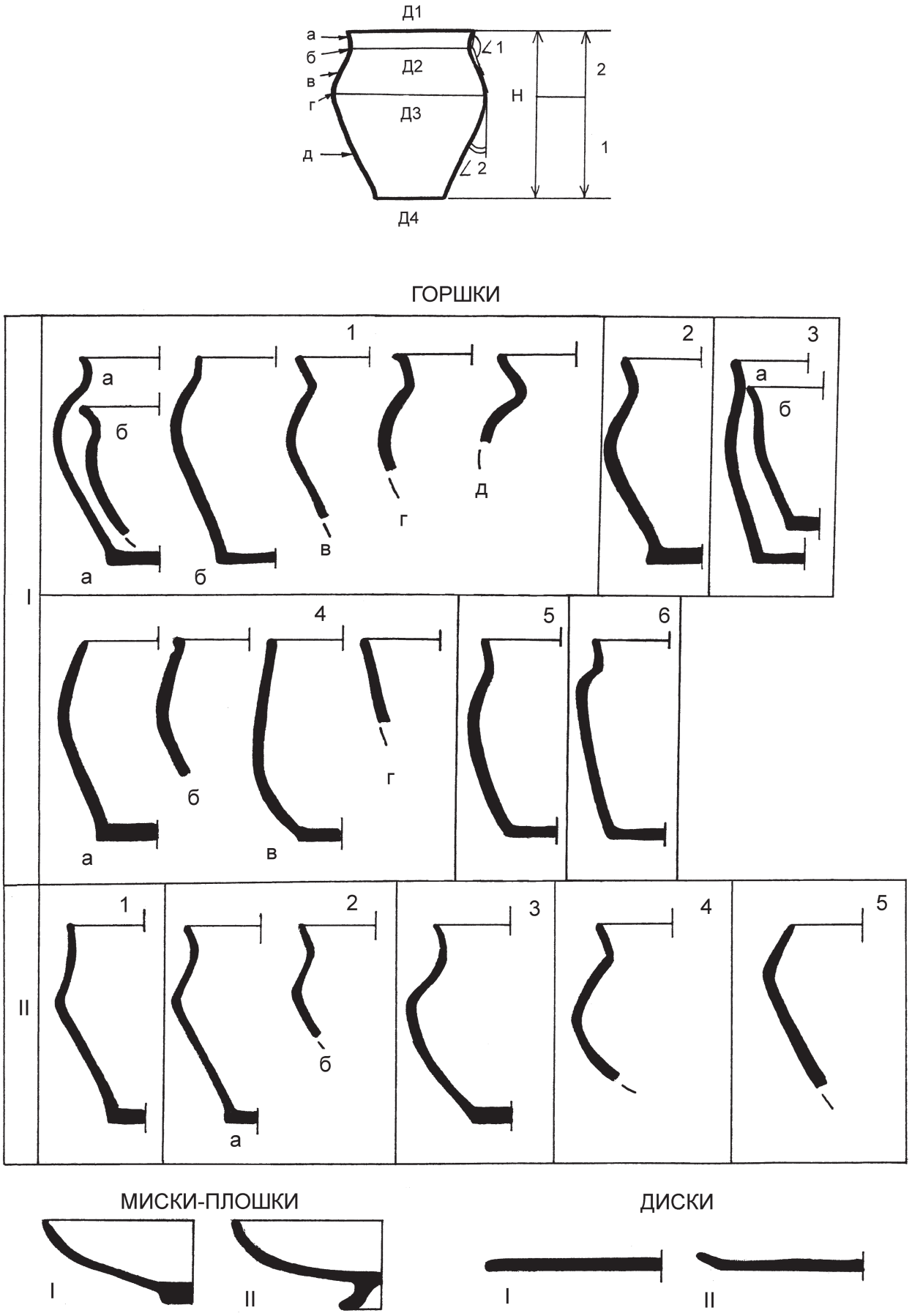

Рис. 30. Схема классификации керамики памятников типа Чертовицкого – Замятино.

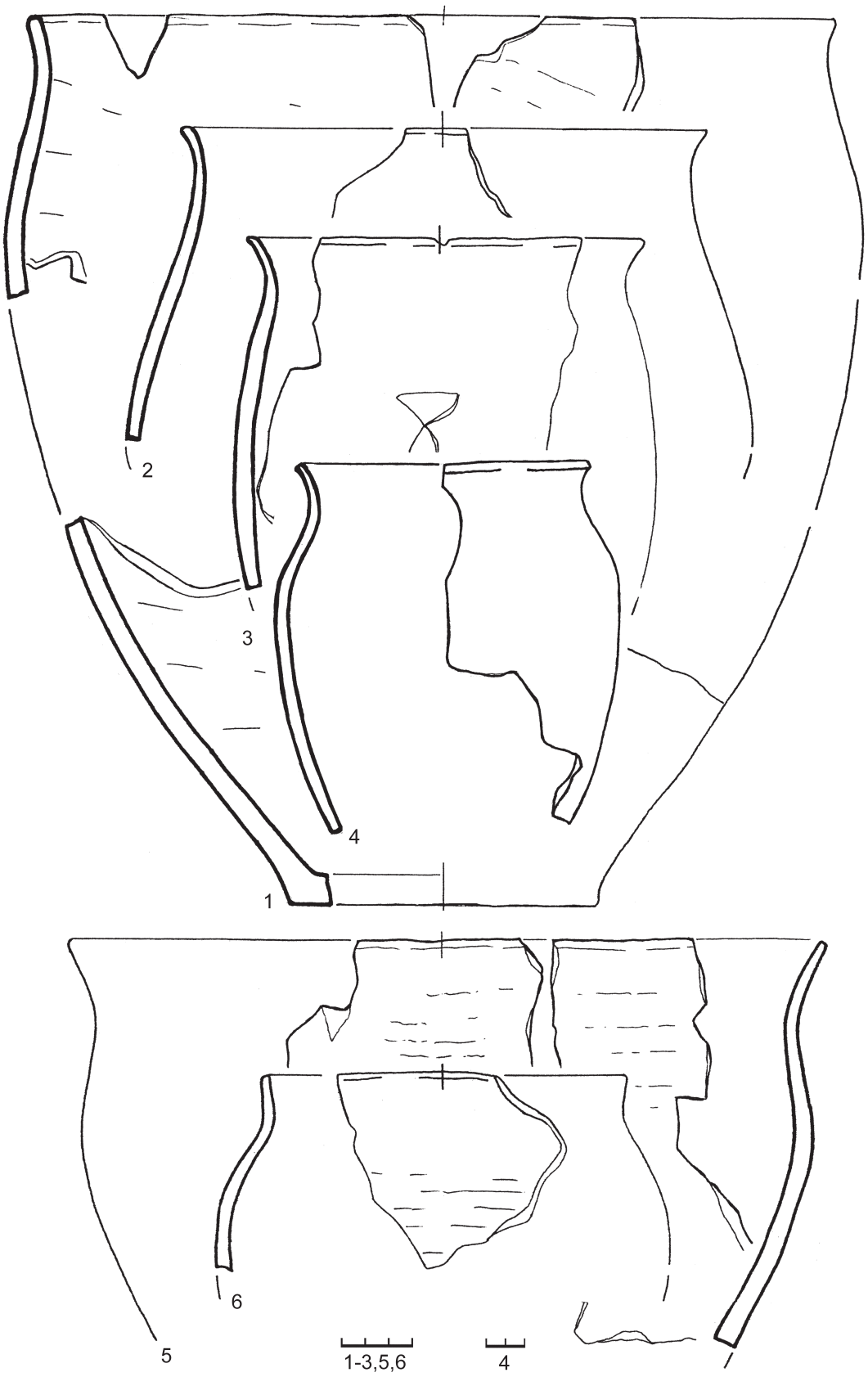

Рис. 31. Груболепная керамика киевской традиции Замятинского археологического комплекса.
1, 3, 5, 6 – Замятино-8; 2 – Замятино-7; 4 – Замятино-5
(рисунки А.М. Обломского).

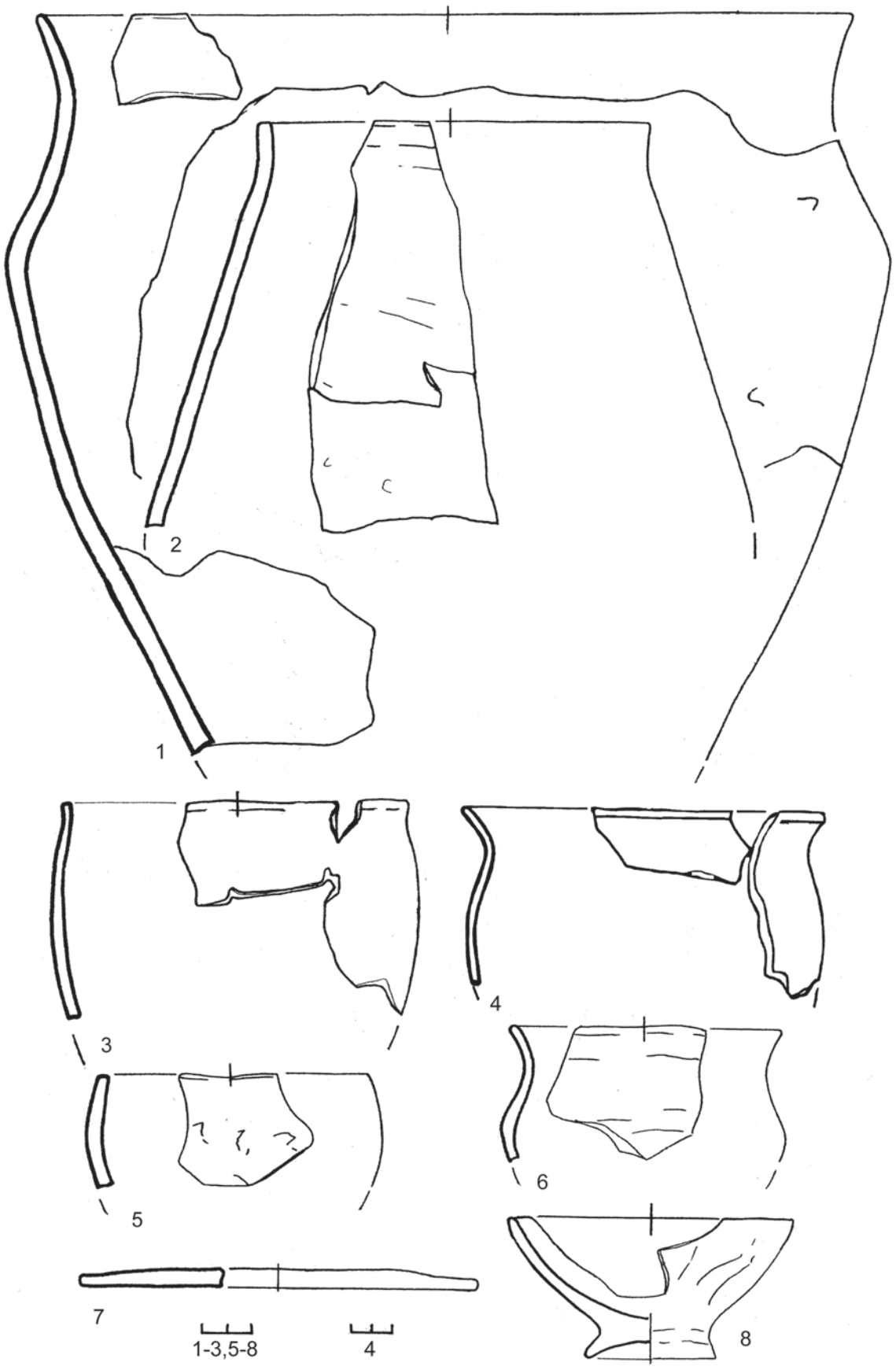

Рис. 32. Груболепная керамика киевской традиции Замятинского археологического комплекса.
1, 3 – Замятино-7; 2, 5–8 – Замятино-8; 4 – Замятино-5
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 33. Груболепная керамика окской традиции Замятинского археологического комплекса.
1, 3, 4, 6 – Замятино-8; 2 – Замятино-5; 5, 7, 8 – Замятино-7
(рисунки А.М. Обломского и И.Е. Бирюкова).

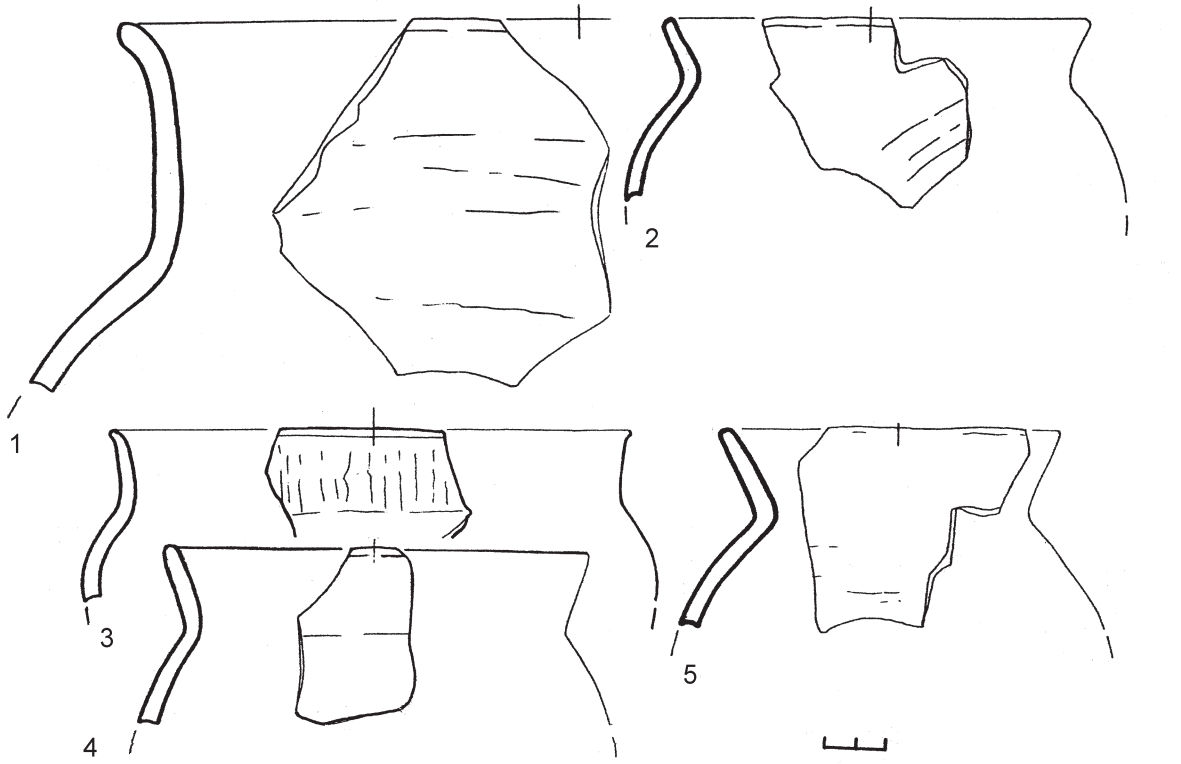

Рис. 34. Груболепная керамика черняховской традиции поселения Замятино-8 (рисунки А.М. Обломского).

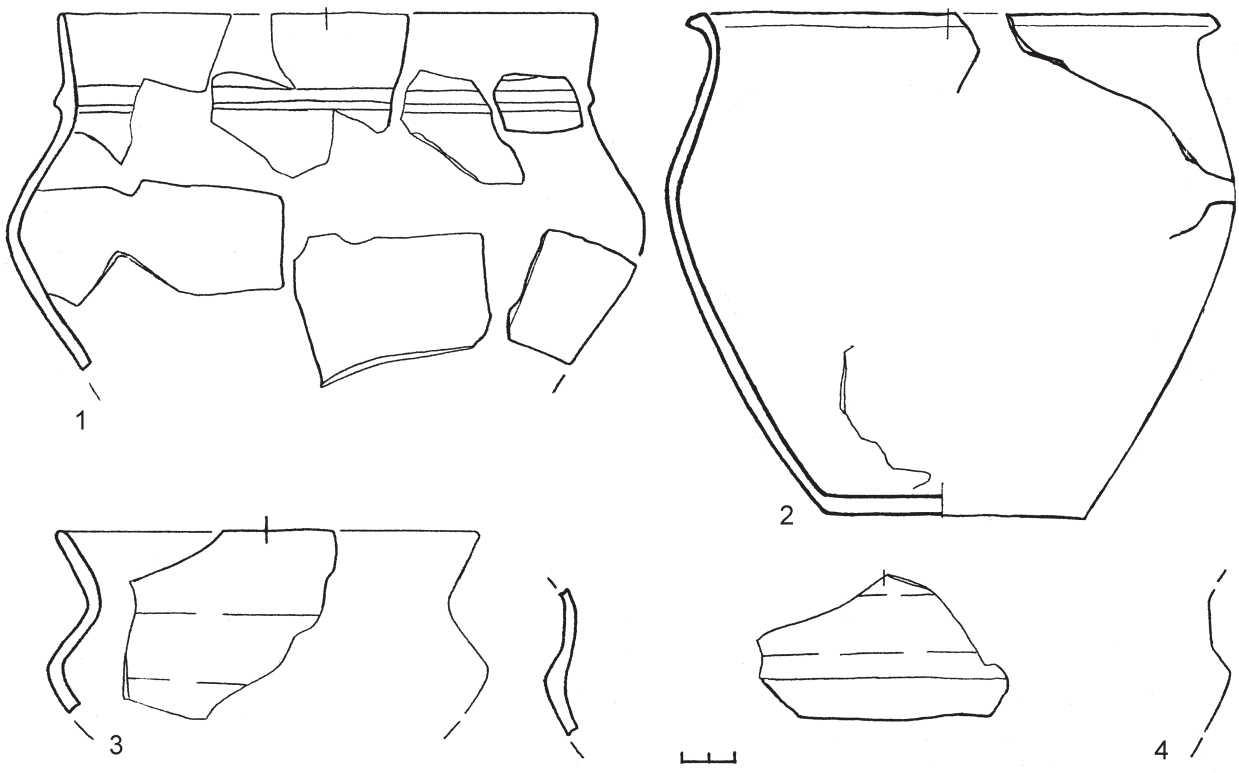

Рис. 35. Лепные лощеные миски с зигзаговидным профилем поселения Замятино-8 (рисунки А.М. Обломского).

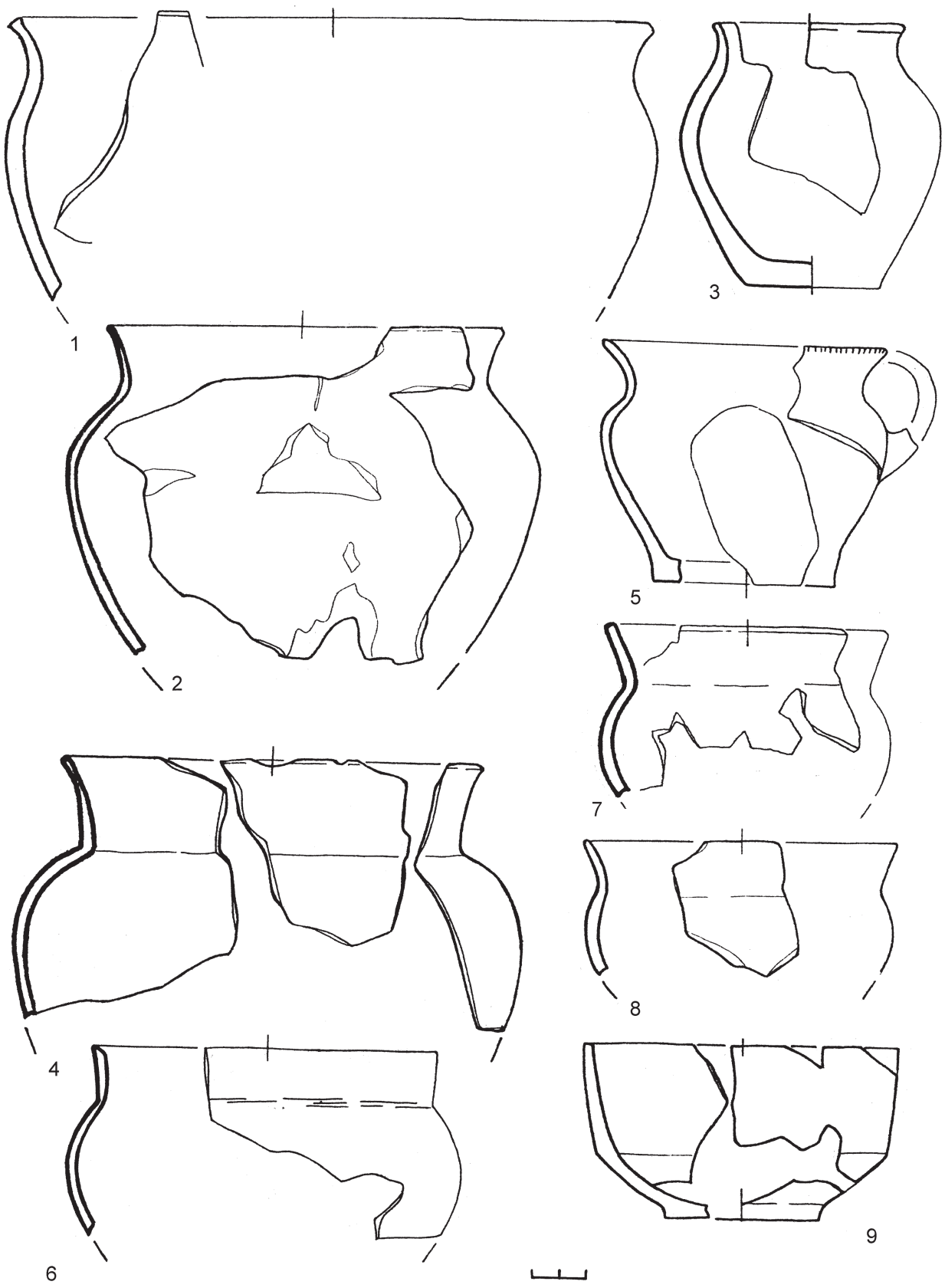

Рис. 36. Лепная лощеная керамика окской традиции Замятинского археологического комплекса.
1, 3, 5, 7–9 – Замятино-8; 2, 4, 6 – Замятино-7
(рисунки А.М. Обломского).

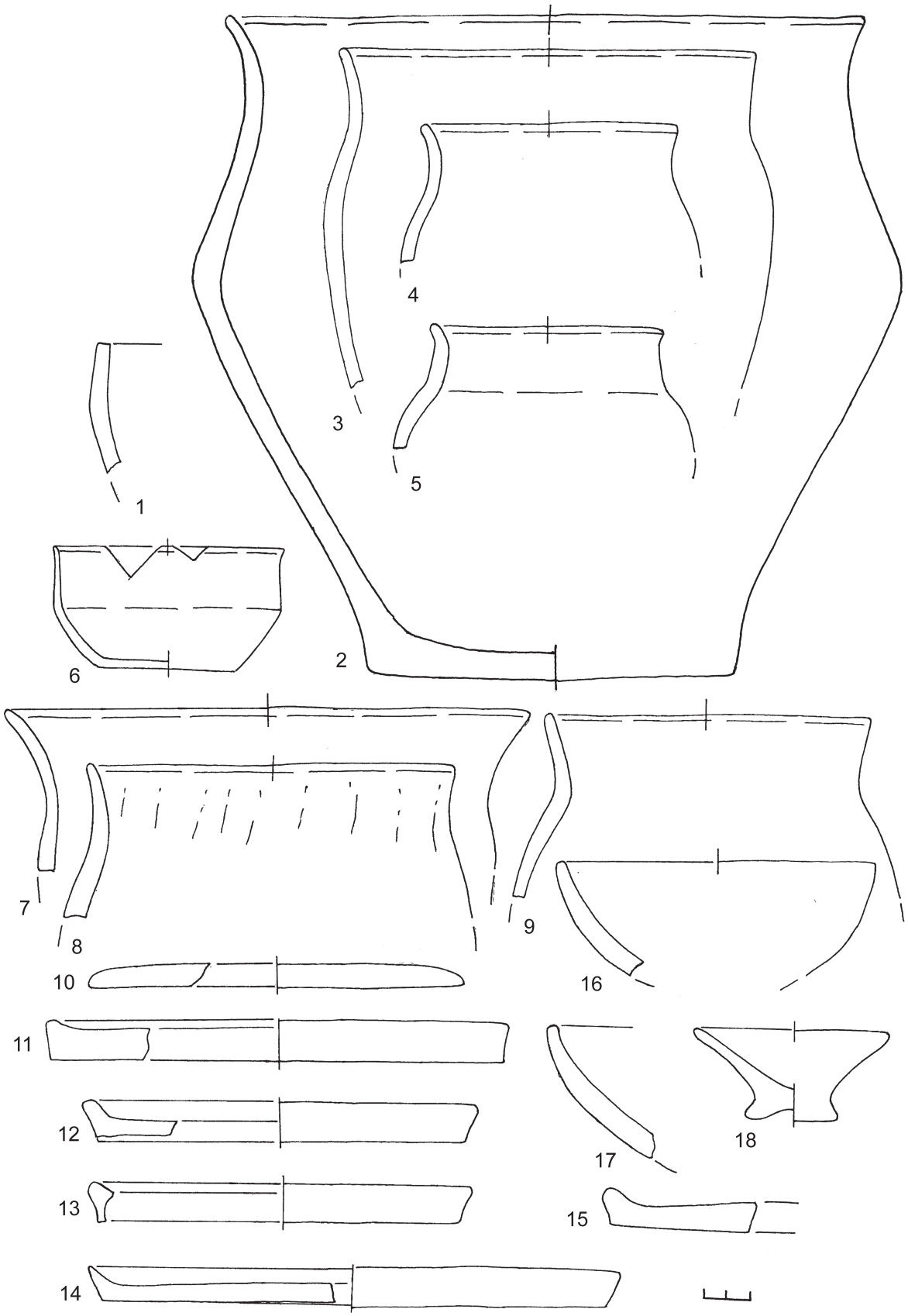

Рис. 37. Груболепная керамика поселения Ксизово-19; «киевский набор» (рисунки А.М. Обломского).

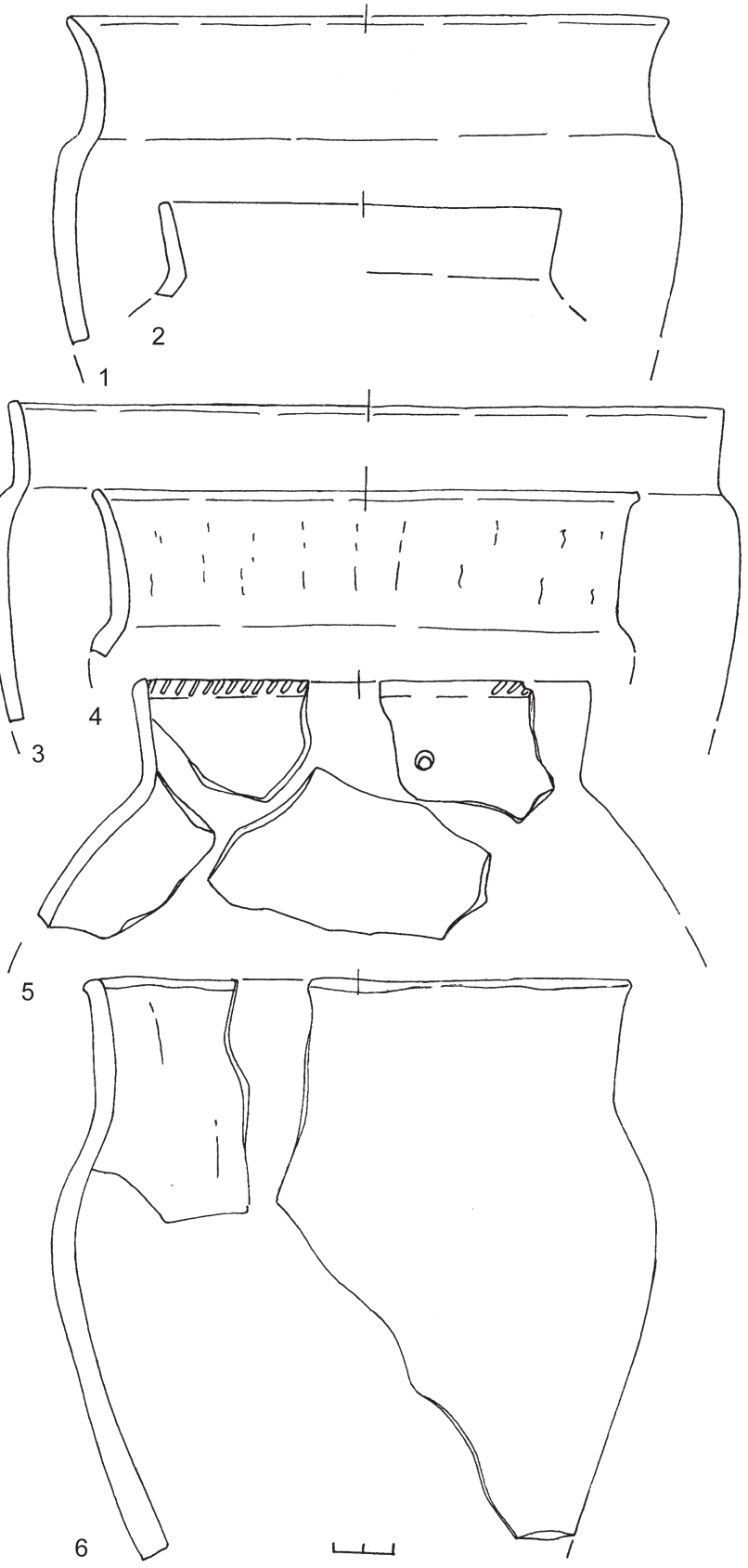

Рис. 38. Груболепная керамика поселения Ксизово-19; «окский набор» (рисунки А.М. Обломского).

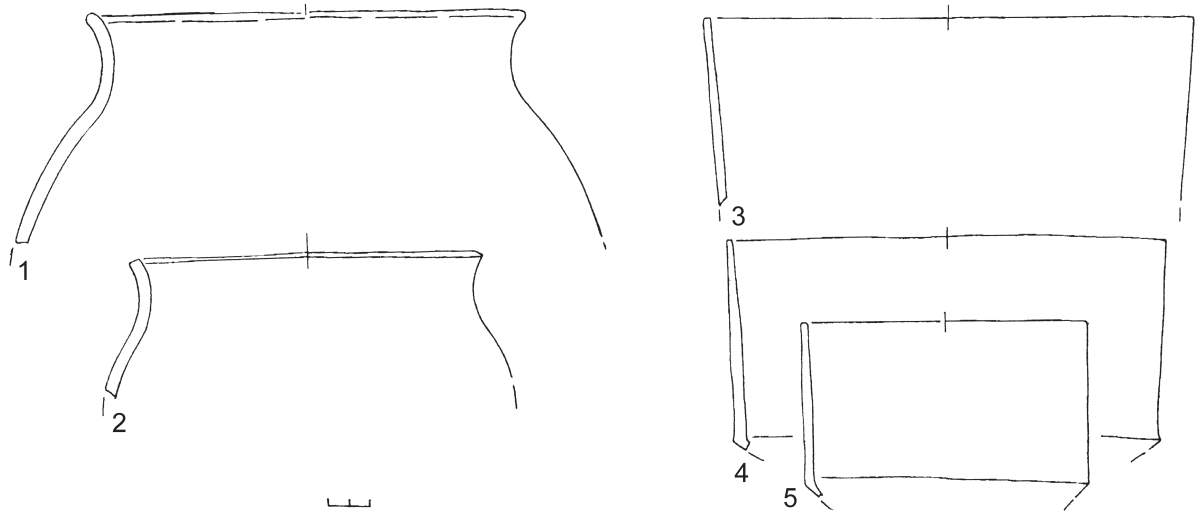

Рис. 39. Лепная лощеная керамика поселения Ксизово-19
(рисунки А.М. Обломского).

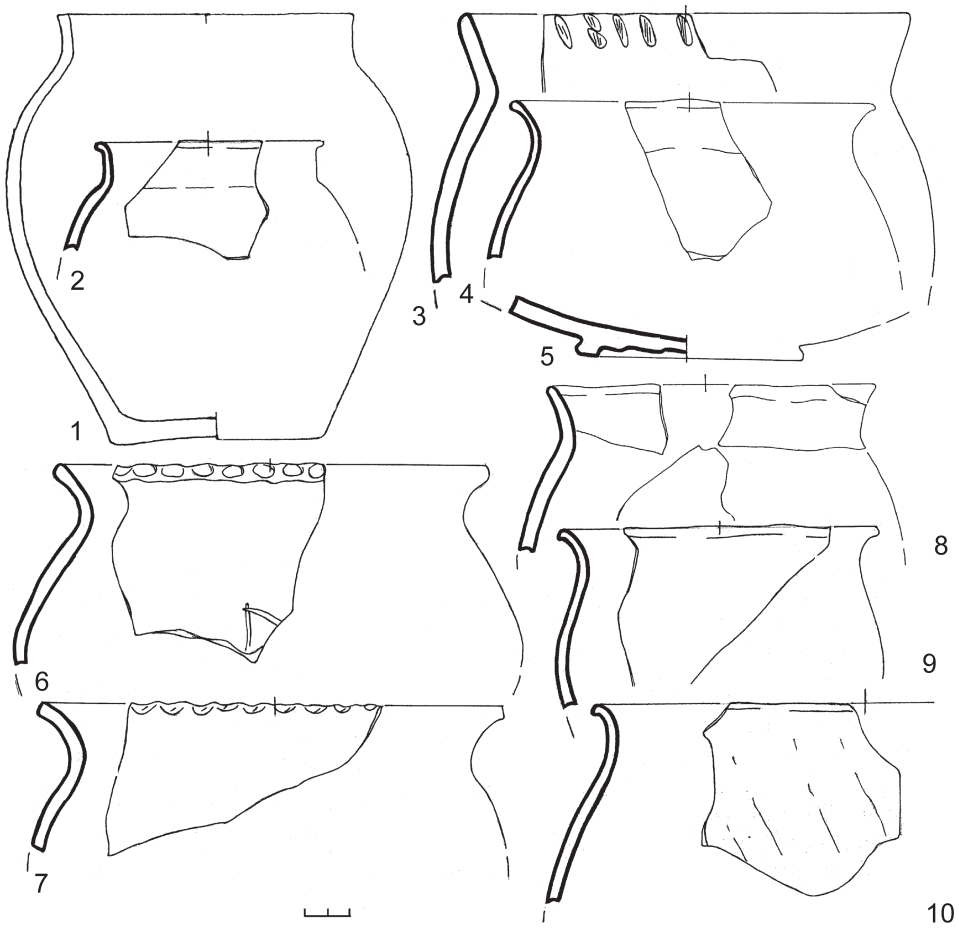

Рис. 40. Лепная керамика поселения Чертовицкое-3 (постройки 14 и 17).
1–4, 6–10 – груболепная керамика; 5 – фр–т гончарной сероглиняной миски; 1,3,4,5–7 – постр. 14; 2,8–10 – постр. 17
(рисунки: 1 – А.П. Медведева; прочие – А.М. Обломского).

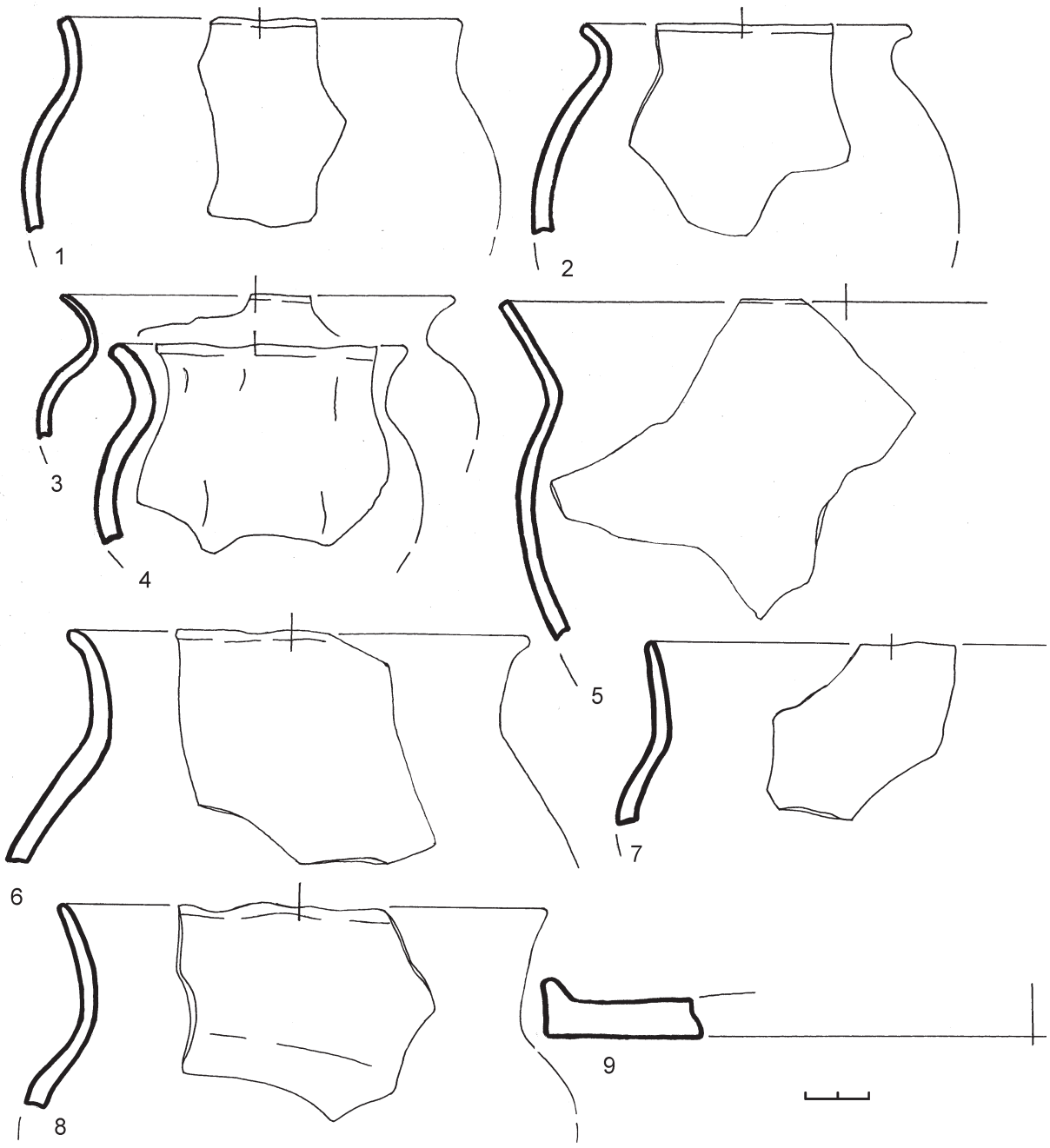

Рис. 41. Груболепная керамика поселения Чертовицкое-3
1–5, 9 – постр. 3; 6–8 – постр. 9
(рисунки А.М. Обломского).

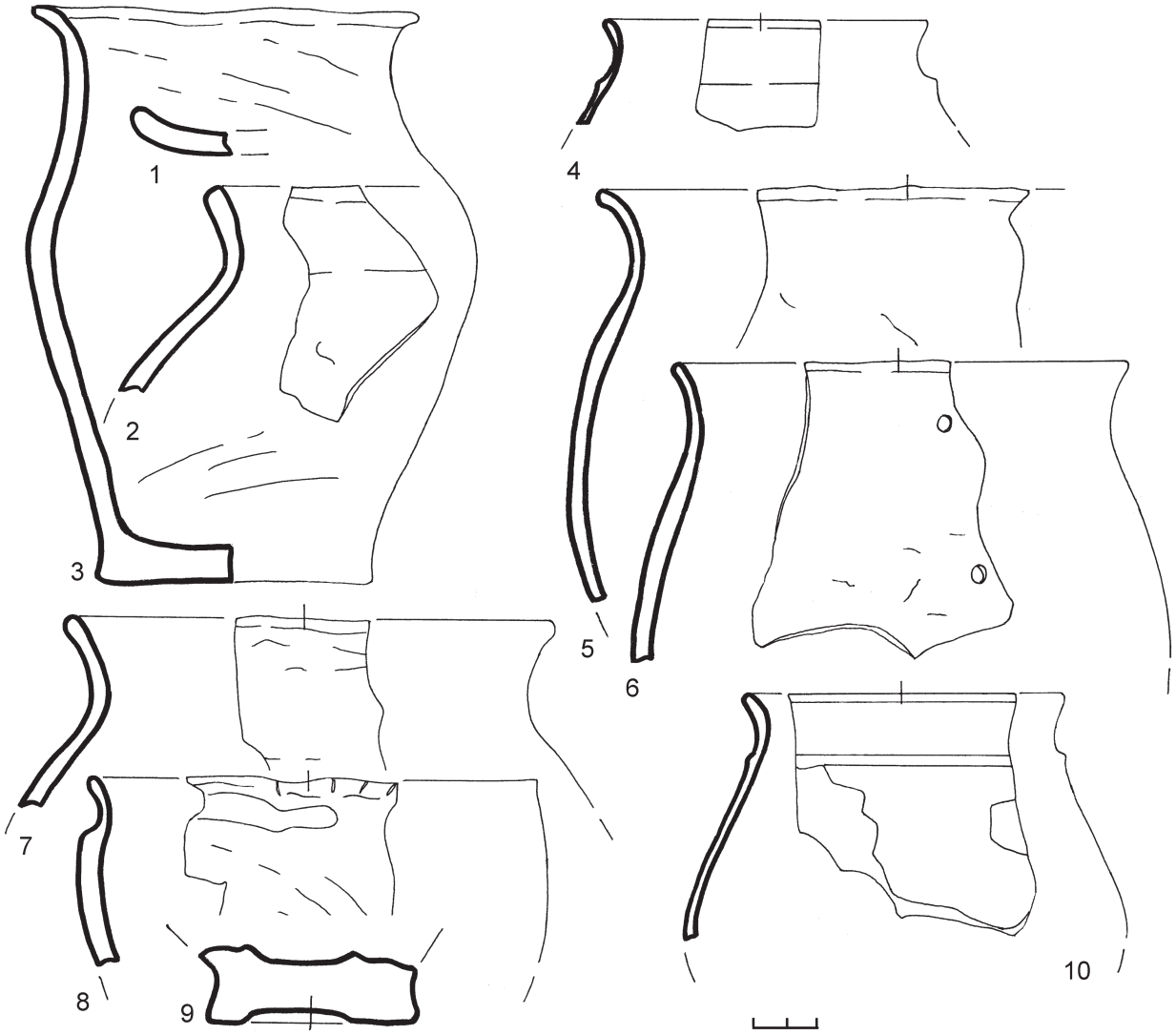

Рис. 42. Лепная керамика поселения Староживотинное-3 (раскопки Д.В. Акимова)
1–3, 5–8, 9 – груболепная керамика; 4, 10 – гончарная сероглиняная посуда с шероховатой поверхностью;
1, 2, 4, 5, 7, 9 – культурный слой; 3 – постройка 8; 8 – постройка 4; 6 – яма 9; 10 – яма 51
(рисунки А.М. Обломского)

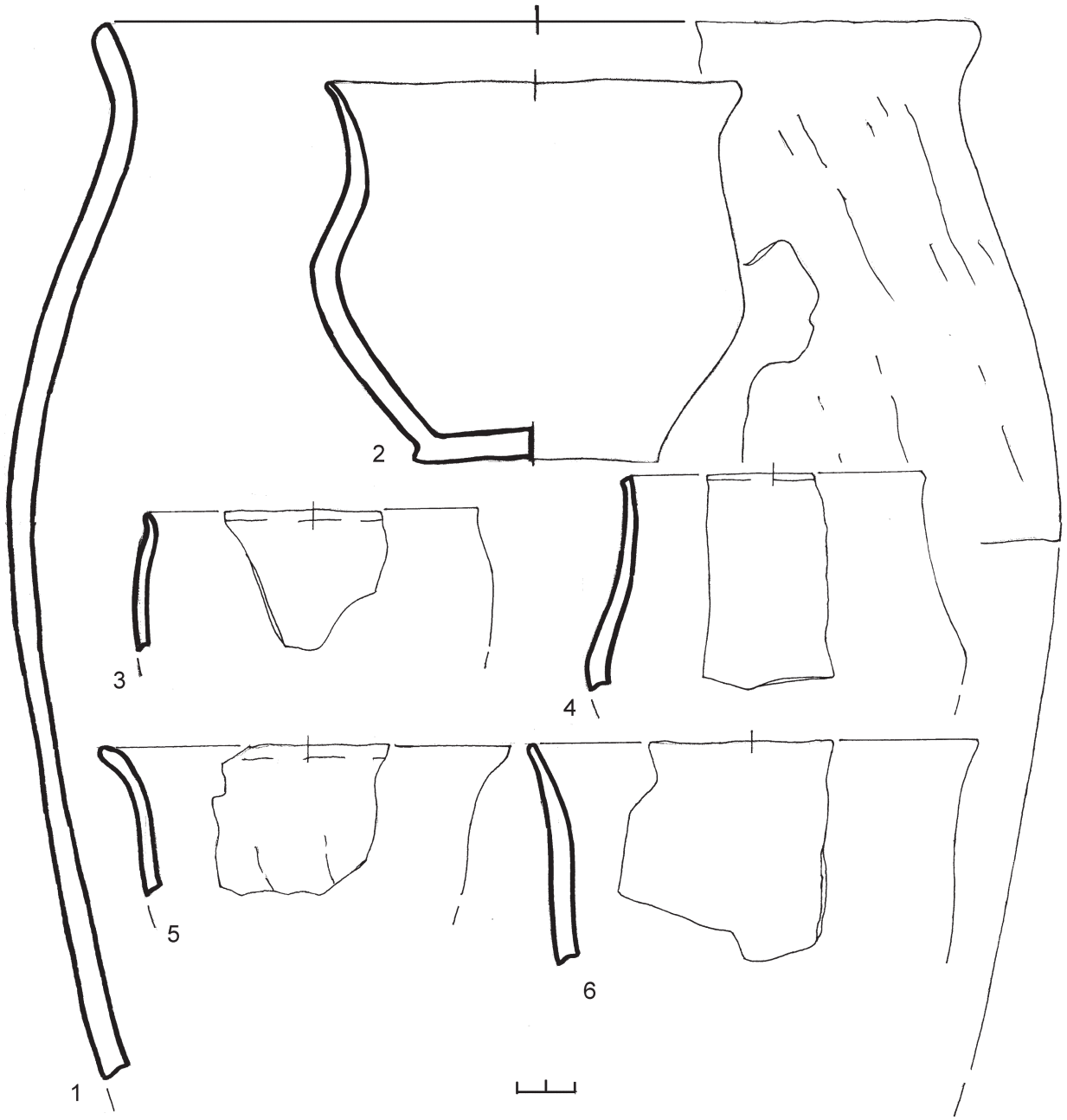

Рис. 43. Лепная керамика поселения Староживотинное-3 (раскопки А.И. Козлова).
1, 3–6 – культурный слой; 2 – хозяйственная яма.
(рисунки А.М. Обломского).

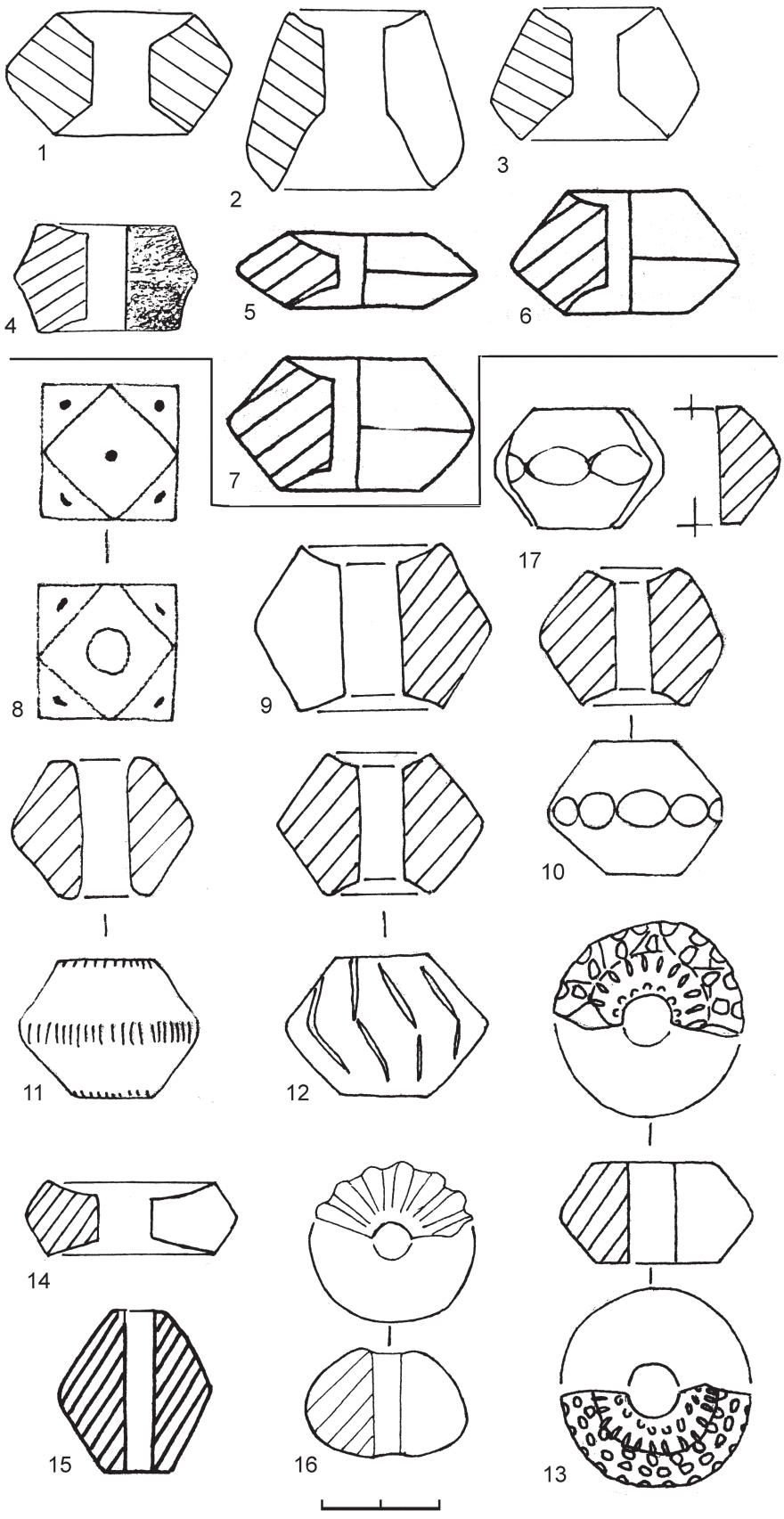

Рис. 44. Пряслица памятников Верхнего Подонья III–V вв.
1–7 – памятники типа Каширки – Седелок; 8 – 17 – памятники типа Чертовицкого – Замятино; 1–3 – Кытино-3; 4 – Малая Трещевка-1; 5–7 – Малая Трещевка-2; 8 – Староживотинное-3; 9–12, 17 – Чертовицкое-3; 13–16 – Замятино-8 (рисунки А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, Д.В. Акимова, А.П. Медведева).

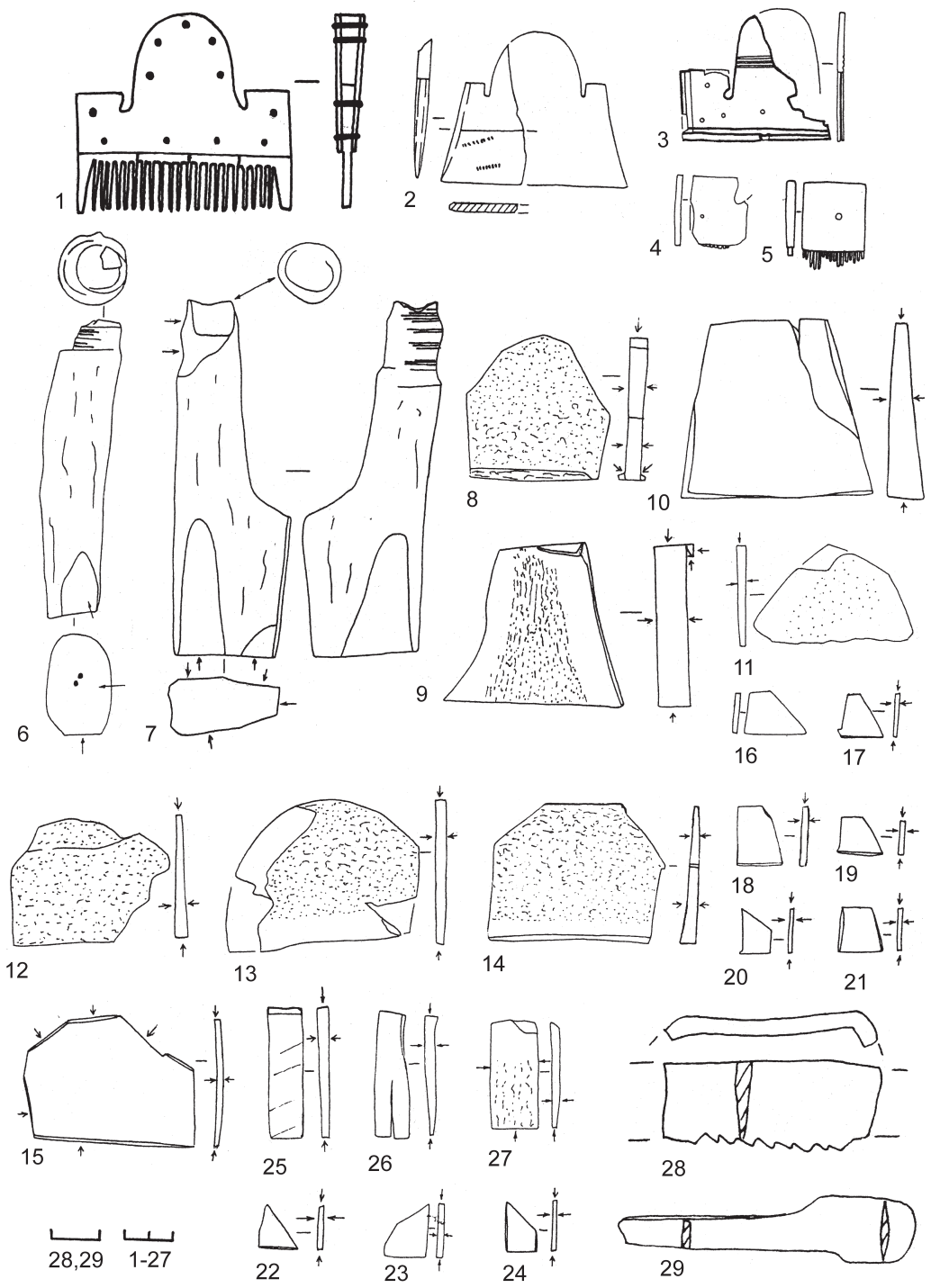

Рис. 45. Образцы предметов, связанных с изготовлением гребней из рога на поселении Замятино-8. 1 – схематическое изображение наборного гребня типа III по С. Томас; 2 – заготовка одночастного гребня; 3 – обломок боковой обкладки гребня; 4, 5 – обломки вкладышей с зубцами; 6, 7 – опиленные рога со следами работы токарного станка; 8–14 – «плитки», получившиеся после спиливания роговой компакты для заготовки боковых пластин; 15 – заготовка боковой пластины; 16–24 – обрезки заготовок боковых пластин; 25–27 – заготовки вкладышей с зубцами; 28 – обломок железной пилы; 29 – железный резец (рисунки А.М. Обломского).

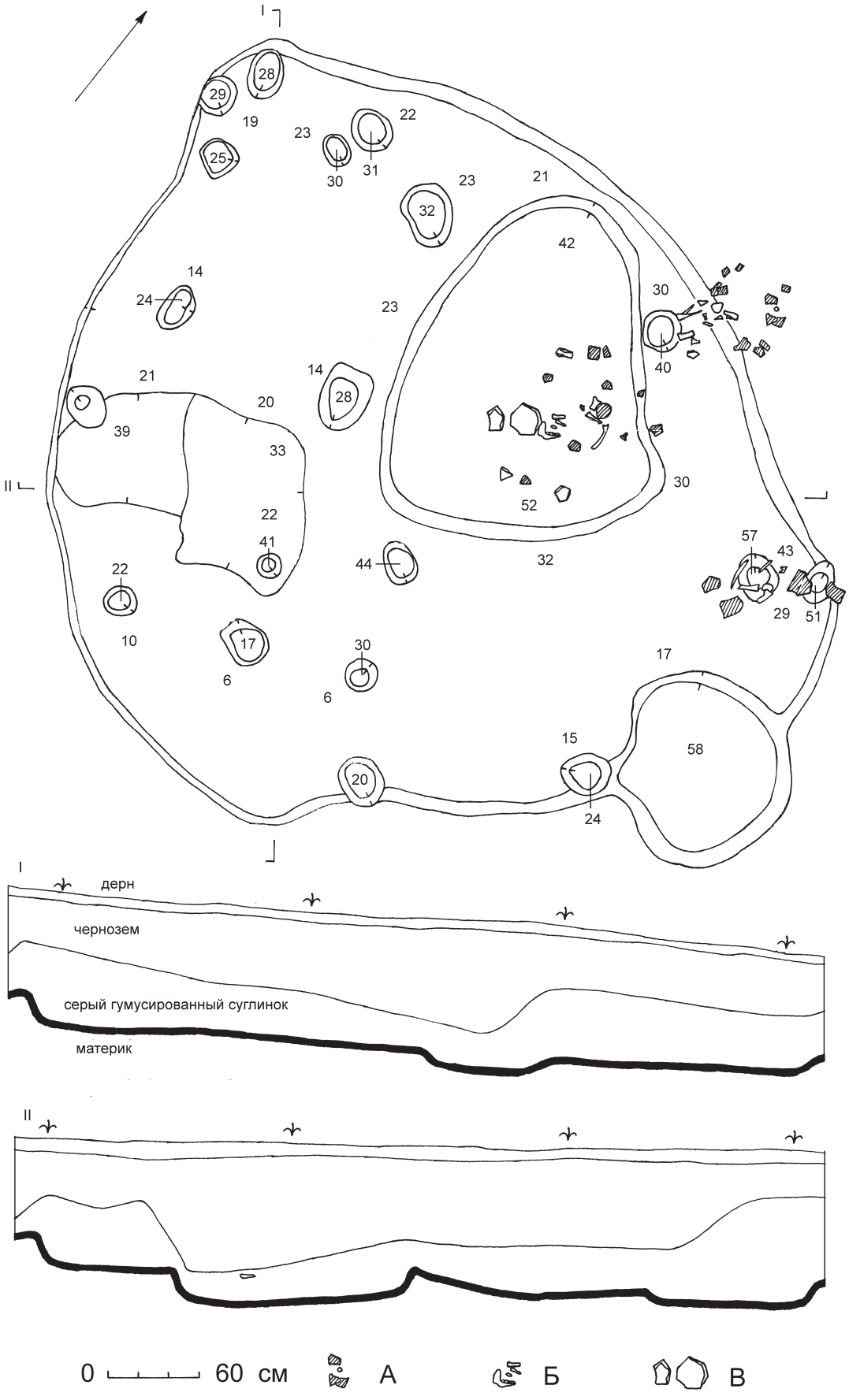

Рис. 46. Юртообразная постройка поселения Ксизово-19 (по А.М. Обломскому).

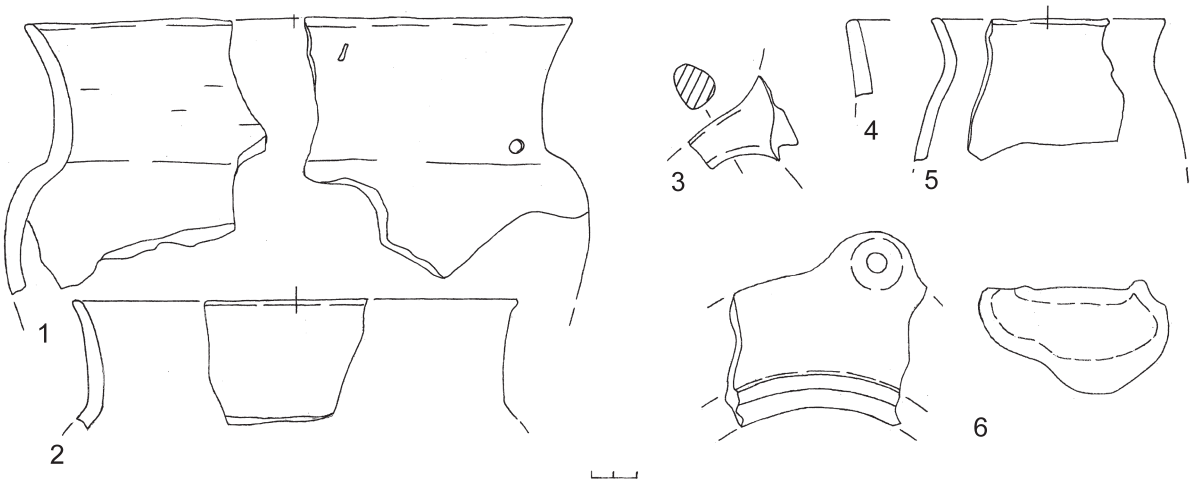

Рис. 47. Керамика из юрты поселения Ксизово-19.
1, 2, 4, 5 – фр-ты груболепных сосудов; 3 – обломок ручки лепного лощеного кувшина; 6 – фр-т позднеантичного гончарного сероглинного светильника.
(рисунки А.М. Обломского).

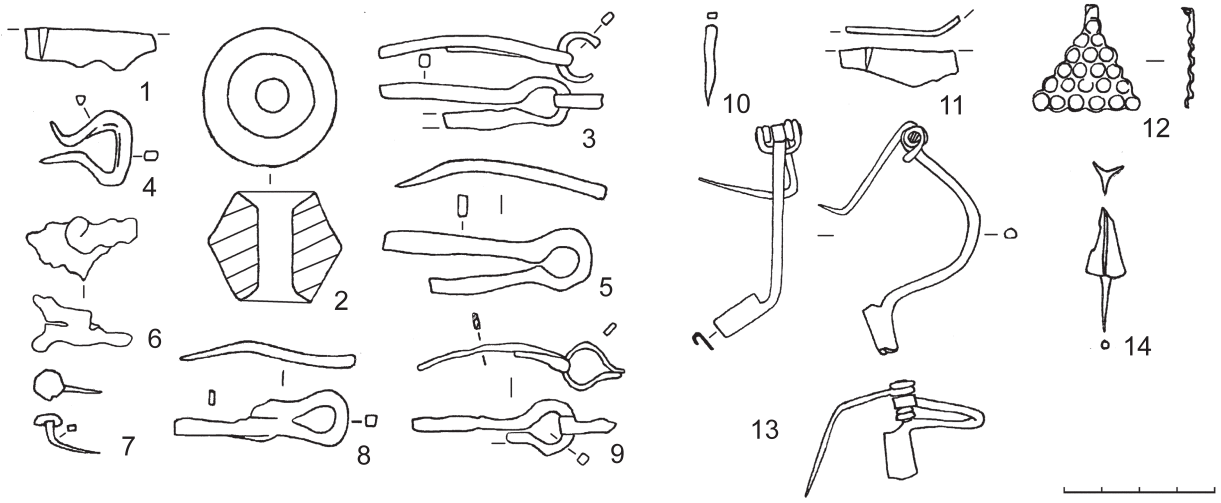

Рис. 48. Набор вещей, связанных с юртой.
1,11 – обломки железных ножей; 2 – глиняное пряслице; 3–5,8,9 – железные петли-крепления; 6 – слиток бронзы; 7 – железный гвоздь; 10 – железный стержень-острие; 12 – бронзовая подвеска; 13 – бронзовая фибула; 14 – железный наконечник стрелы
(рисунки А.М. Обломского).

Глава 3.
Культура рязано-окских могильников

3.1. Вводные замечания
(И. Р. Ахмедов,
И. В. Белоцерковская)

Материальная культура поволжско-финских племен I тыс. представляет собой одно из самых ярких явлений в археологии лесной зоны России. Памятники этого населения, сосредоточенные на крупных правых притоках р. Волги – Оке и Суре, в первую очередь погребальные, характеризуются наличием многообразного инвентаря, относящегося практически ко всем сферам жизни поволжских финнов. Эти памятники содержат большое количество инокультурных элементов, что обусловлено географическим положением региона, издревле являвшегося одной из наиболее напряженных контактных зон Восточной Европы.

Для изучения истории как Среднего Поволжья, так и всей Восточной Европы первостепенное значение имеет анализ древностей наиболее западной поволжско-финской группы населения, оставившей памятники, получившие в литературе название рязано-окских могильников. В материальной культуре этих племен наиболее ярко проявились инокультурные, в частности, причерноморские и центральноевропейские элементы.

Памятники окских финнов расположены в пределах рязанского течения Оки, частично на ее притоках – реках Проня, Пра, Мокша, Цна (рис. 1). Они представлены как поселениями: селищами и городищами, к сожалению, почти не изученными, так и могильниками с многочисленными погребениями, большая часть которых содержит разнообразный и обильный инвентарь.

В настоящее время источниковая база культуры рязано-окских могильников составляет более трех тысяч погребений. Значительная часть их представлена захоронениями мужчин, как правило, сопровождающимися многочисленными предметами воинского обихода и оружием. Самостоятельного исследования заслуживает яркая, представительная группа мужских погребений гуннского и постгуннского времени. В составе их инвентаря присутствует значительное количество предметов инокультурного происхождения, что дает возможность для проведения хронологического и историко-культурного анализа.

Следует подчеркнуть, что настоящая работа, в первую очередь, базируется на новых материалах, полученных в результате исследований экспедиций Государственного Исторического музея под руководством авторов на серии как вновь открытых, так и известных ранее памятников практически на всем рязанском течении Оки (могильники Кораблино, Заречье, Никитино, Шатрищи, Ундрих). Раскопки этих памятников проводились систематически и на современном уровне, что обеспечило максимально возможную на настоящий момент полноту данных о характере погребального обряда и сохранность полученных в процессе работ материалов.

История изучения могильников окских финнов насчитывает более столетия. В рамках данной работы мы имеем возможность дать лишь краткую характеристику развития взглядов исследователей на древности этой самобытной группы населения.

С самого начала основными дискуссионными вопросами в отношении древностей окских финнов стали:

1. Определение хронологических рамок бытования культуры;

2. Определение этнокультурной принадлежности населения, оставившего рязанские могильники, тесно связанное с решением проблемы генезиса культуры и выявлением основных ее составляющих (речь идет о роли предшествующей городецкой и синхронных культур пьяноборского облика Среднего Поволжья в формировании культуры окского населения);

3. Выявление направлений этнокультурных контактов.

Первые взвешенные предположения аналитического характера содержались в фундаментальной работе А.А. Спицына «Древности бассейнов рек Оки и Камы» [Спицын, 1901]. Он полагал, что культура среднеокских или, по другой терминологии, рязанских финнов составляет одно с памятниками кошибеевского круга явление. [Спицын, 1901, с. 23]. Позже эта точка зрения оспаривалась рядом исследователей, позицию которых наиболее четко сформулировал А.П. Смирнов. Он полагал, что культуры Кошибеевского могильника и рязано-окских памятников между собою не связаны, т.к. в последней отсутс-

твует так называемый «пьяноборский» компонет, являющийся отличительной особенностью ранних погребений Кошибеевского могильника [Смирнов, 1952, с. 139].

Следует подчеркнуть, что немногие из археологических памятников вызывали столь противоречивые определения исследователей, как Кошибеевский могильник. А.А. Спицын относил его к VI–VII вв., основываясь на бытовавших в его время датировках «пьяноборского» и «северокавказского» компонентов инвентаря. Однако его выводы носили предположительный характер в силу констатированной им неразработанности хронологических схем, в первую очередь, для кавказских древностей [Спицын, 1901, с. 23–24]. В.А. Городцов предложил более широкие хронологические рамки могильника – II–VII вв. [Городцов, 1909, с. 440]. К группе могильников III–VII вв. относила Кошибеево В.В. Гольмстен. Она основывалась на причерноморских и степных импортах, датированных тогда IV–V вв. [Гольмстен, 1923]. П.П. Ефименко, рассмотревший материалы женских погребений Кошибеевского могильника, разделил их на три группы – наиболее позднюю, раннюю «пьяноборскую» и промежуточную, содержащую элементы, присущие как первой, так и второй группам. По его мнению, население, оставившее этот памятник, появилось с востока и принадлежало к «пьяноборско-камскому» кругу (стадия А). В Среднем Поочье оно смешалось с местными (городецкими) племенами. П.П. Ефименко полагал, что «кошибеевское» население занимало в это время всю территорию рязанского течения Оки, а с III в. этот регион начали осваивать рязано-окские племена, которые к IV в. заняли его полностью. Древнейшую группу автор датировал по аналогиям из Сергачского могильника I–II вв. н.э. [Ефименко, 1926, с. 81–84, табл. IV]. В более поздней работе П.П. Ефименко подтвердил датировку могильника I–IV вв. при несколько иной разбивке рязано-окского материала на хронологические стадии [Ефименко, 1937, с. 50–51].

А.П. Смирнов принял предложенную П.П. Ефименко периодизацию рязано-окских древностей, но подверг критике «миграционные» позиции автора [Смирнов, 1952, с. 113, 114]. Позднее, в ходе дискуссии с В.Ф. Генингом о соотношении кошибеевских, пьяноборских и азелинских древностей А.П. Смирнов предложил более раннюю нижнюю дату Кошибеевского могильника – I в. до н.э., самые же поздние погребения отнесены им к IV в. [Смирнов, 1961, с. 101–103].

Несколько иначе датирован этот памятник в совместной работе А.П. Смирнова и Н.В. Трубниковой. Исследователи выделили в нем две группы погребений: конца I – начала III вв. н.э. и III–IV вв. [Смирнов, Трубникова, 1965, с. 24]. Н.В. Трубникова в серии статей по отдельным категориям инвентаря и планировке Кошибеевского могильника придерживалась датировки его материалов II–IV вв. [Трубникова, 1966, с. 82; 1969а, с. 235; 1969б, с. 46; 1970, с. 106, 109; 1982, с. 44]. В одной из работ она выделила группы погребений с сарматскими и прикамскими элементами I–III вв. и с рязано-окскими чертами III–IV вв. [Трубникова, 1967, с. 79–82].

Ко II в. н.э. или концу I в. относил появление памятников кошибеевского типа П.Н. Третьяков, по его мнению они имеют черты преемственности с пьяноборскими. Он полагал, что могильники на Оке появились значительно позже: в середине – 2-ой половине II и III вв. [Третьяков, 1966, с. 290–291].

А.К. Амброз характеризовал «раннюю пору», по определению П.П. Ефименко, Кошибеевского могильника как «смешение вещей II–VII вв. и пьяноборских», считая, что более поздние материалы укладываются в рамки 1–6 этапов (IV–VII вв.) его хронологической схемы [Амброз, 1971, с. 112–113, табл. III].

Большинство перечисленных работ является анализом опубликованной А.А. Спицыным части коллекции из раскопок Кошибеева (П.П. Ефименко), либо исследованием отдельных предметов, погребальных комплексов и проблем, в частности вопросов о принадлежности могильника к городецкой культуре, наличия в его материалах инокультурных явлений и предметов, или попытками реконструкции идеологических представлений населения, оставившего памятник. Детальный анализ инвентаря не проводился вплоть до публикации В.Н. Шитовым коллекции материалов могильника из раскопок В.Н. Глазова. В этой работе коллекция рассмотрена подробно по каждой категории инвентаря с привлечением хронологических разработок, накопленных на тот момент в российской археологии, и датирована III–IV вв. В то же время исследователи вновь обратились к идее единства памятников кошибеевского и рязано-окского типов. В.Н. Шитов выделил общий «кошибеевский» этап бытования этих памятников, датированный в целом III–IV вв. [Шитов, 1988а, с. 20]. И.Р. Ахмедов и И.В. Белоцерковская проследили эволюционные ряды отдельных категорий украшений, общие для Кошибеево и среднеокских памятников, проанализировали географическое положение памятников, указав на неправомерность выделения особой «кошибеевской» культуры, к которой некоторые авторы [Циркин, 1995, с. 81–90] относили синхронные памятники, расположенные далеко на востоке – в Чувашии и Горьковском Поволжье: городища Пичке-Сорче, Ножа-Вар и др. [Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 192–200].

Основываясь на новых находках предметов «кошибеевского» облика в могильнике Кораблино и неопубликованных материалах из ГИМ и рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, мы предложили делить «кошибеевский» этап на ранний, III – рубежа III–IV вв., и поздний.

Время расселения окских финнов на территории Средней Оки определялось 2-ой половиной III в. В основу этой даты положены датировки инокультурных изделий западного происхождения [Ахме-

дов, Белоцерковская, 1998а, с. 38–41]. Позже, при разработке хронологии Кошибеевского могильника, мы выделили несколько хронологических групп древностей: группа А с изделиями «андреевского» облика 2-ой половины или конца I – начала II вв. н.э.; группа В – содержащая вещи собственно «кошибеевского» круга II – 1-ой половины III вв.; группы С1 и С2 «позднеримского» времени – группа С1 была отнесена ко 2-ой половине III – началу IV в., а С2 – в целом к IV в. [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 57–58]. Подразумевалось, что «андреевский» круг памятников стал общей основой для развития нескольких групп поволжских финнов, в том числе – через «андреевский» горизонт кошибеевских материалов – для среднеокской группы населения, которая складывается во второй половине III в. На правомерность подобного предположения указывает и находка сакрального клада вещей «андреевского» облика на городище Долматово в бассейне рязанского течения Оки [Ахмедов, 2003а]. Близкие положения, но без детальной аргументации, высказал и В.И. Вихляев [Вихляев, 2000, с. 61]. Весьма важный опыт комплексного изучения погребального инвентаря содержится в монографии, посвященной публикации первых двух сезонов исследования могильника у с. Никитино [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005].

Тем не менее, многие из очерченных выше проблем становления и развития культуры рязано-окских могильников, до настоящего времени остаются дискуссионными. Во-многом это связано с нерешенностью вопросов хронологии культуры в целом, с одной стороны, и проблемы определения ее места в культурно-исторической ситуации в Восточной Европе, с другой.

Хронологический отрезок, рассматриваемый в этой работе, принципиально важен.

Термин «позднеримское время» для культуры окских финнов имеет не только хронологическое значение. Одна из важнейших характеристик материальной культуры населения среднего течения Оки во второй половине III – IV вв. – присутствие многочисленных предметов инокультурного облика. Это предметы, происходящие как с соседних территорий, занятых в это время носителями мощинской и позднедьяковской культур, так и с более удаленных – областей распространения вельбарской, черняховской, киевской, позднесарматской культур. Происхождение отдельных изделий может связываться и с позднеантичной культурой населения Северного Причерноморья.

Наличие многочисленных изменений в культуре, появляющихся в гуннское время, выражающееся не только в наличии многочисленных импортов понтийского, дунайского, прибалтийского происхождения, но и появления целого комплекса инноваций: серий поясов инокультурного происхождения, реплики на которые начинают изготавливаться местными мастерами, появление устойчивого воинского набора, наиболее ярко представленного в погребениях с парными мечами, выделение устойчивых сочетаний «элитного» инвентаря женских и мужских погребений, демонстрирующих развитие социальных процессов у рязано-окского населения – свидетельствует о том, что этот регион был включен в события эпохи Великого переселения народов. [Ахмедов, 2001, 2003б; Ахмедов, Казанский, 2004; Казанский, 1999]. По этой причине термины «гуннское» и «постгуннское» время для этих территорий, кроме хронологического значения, содержат в себе характеристики различных сторон этого этапа развития материальной культуры рязано-окского населения.

Появившиеся к настоящему времени хронологические разработки Е.Л. Гороховского по материалам первой половины I тыс. лесостепной зоны, И.А. Бажана и О.А. Гей – по древностям черняховской культуры, И.О. Гавритухина – по индикаторам финала черняховской культуры, а также детальная периодизация позднесарматских древностей В.Ю. Малашева и новые материалы, полученные А.М. Обломским для верховьев Дона, сводки материалов гуннского и постгуннского времени М.М. Казанского, предоставляют новые возможности для работы по этим направлениям.

Мы полагаем, что рассматривать мужской и женский комплексы погребального инвентаря рязано-окских могильников следует раздельно. На необходимость такого подхода указывал еще П.П. Ефименко. Мужской комплекс, составляющими которого являются предметы личного убора, оружие и вооружение, детали конского убора, ярко отражает изменения воинской моды Восточной Европы, демонстрирует не только инокультурные элементы, часто имеющие характер хронологических маркеров, но и процесс синтеза новых типов вещей. Женский костюм в древности наиболее ярко выделял носителей культуры из окружавших их сообществ, и именно он является одном из основных индикаторов при определении этнической принадлежности населения того или иного региона. Несмотря на присущую женскому убору традиционность, анализ его, тем не менее, дает возможность проследить развитие женского костюма во времени, выявить находившиеся в его основе элементы и определить круг инокультурных влияний.

Одной из характерных черт погребального обряда рязано-окского населения являлось помещение в мужские комплексы жертвенных комплексов – даров женских вещей, наличие «семейных» (два и более) захоронений в одном сооружении, размещение погребений в «родовых» рядах или позже на «семейных» участках кладбищ. Это предоставляет уникальные возможности для синхронизации мужских и женских погребальных комплексов[1].

[1] Выражаем благодарность зам. директора Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Е.В. Буланкиной, хранителю археологической коллекции этого музея Ю.В. Лошиной, директору Шиловского Народного музея А.П. Гаврилову и директору Шиловского центра народного творчества А.Н. Гаврилову за возможность работать с неопубликованными коллекциями.

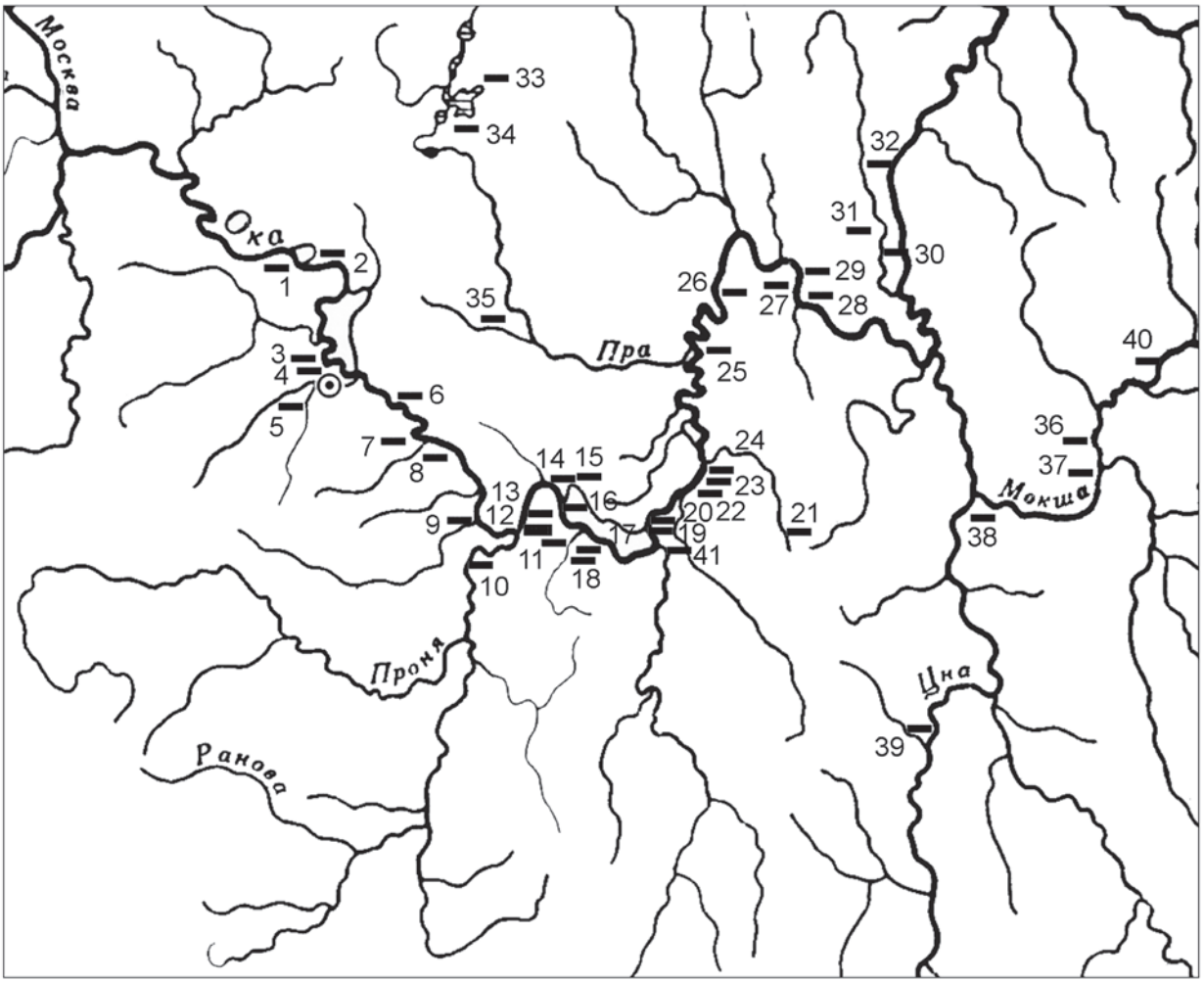

Рис. 1. Рязано-окские могильники.
1 – Вакинский; 2 – Кузьминский; 3 – Фефеловский; 4 – Борковский; 5 – Дашковский; 6 – Дубровичский; 7 – Кораблинский; 8 – Гавердовский; 9 – Троице-Пеленицкий; 10 – Заречье-IV; 11 – Еремеевский; 12 – Никитинский; 13 – Шатрищенский; 14 – Киструсский; 15 – Дегтяновский; 16 – Облачинский; 17 – Бортниковский; 18 – Дуброво-Срезневский; 19 – Кулаковский; 20 – Ундрих; 21 – Мелеховское погребение; 22 – Тереховский; 23 – Тырновский 1; 24 – Тырновский 2; 25 – Кузёмкинский; 26 – Курманский; 27 – Бабенское местонахождение; 28 – Поповский; 29 – Старо-Посадское погребение; 30 – Мишуковский; 31 – Фоминский; 33 – Глушицкий; 34 – 2-й Шагарский; 35 – Деулинский; 36 – Кокуй; 37 – Старокадомский; 38 – Кошебеевский; 39 – Польно-Ялтуновский; 40 – Шокшинский; 41 – Борок 2 (по Р.Ф.Ворониной, О.В.Зеленцовой, А.В.Энговатовой, с добавлениями).

3.2. Инвентарь мужских погребений

(И. Р. Ахмедов)

Предметы воинского обихода – оружие, фибулы и пояса, детали конского убора и снаряжения всадника – составляющие воинской моды, которая часто имела интернациональный характер и распространялась быстро, в отличие от женского костюма, который у поволжско-финского населения всегда был традиционен.

В связи с тем, что в рамках данной работы не представляется возможным показать и детально описать алгоритм обработки материалов, необходимо кратко охарактеризовать методику, использованную автором. По морфологическим признакам выделялись устойчивые типы вещей, проводилось изучение методом сериации их взаимной встречаемости в комплексах. По результатам сериации выделялись типы группообразующие, т.е. хронологические индикаторы, и типы единичные, как правило, инокультурного происхождения – индикаторы синхронизации с древностями других регионов. По совокупности индикаторов выделяются группы комплексов, датирование производится методом поиска аналогов. Суть подобной методики, являющейся развитием метода П. Рейнеке–Р. Хахмана изложена в работах ряда исследователей и широко используется в изучении могильников «массового» типа, с многочисленным инвентарем. [Бажан, Еременко, 1992; Бажан, Гей, 1992; Шаров, 1992].

При датировании автор опирался на ставшие уже классической работу А.К. Амброза по фибулам юга России [Амброз 1966], и хронологические схемы К. Годловского и Я. Тейрала [Godlowski, 1970; Tejral, 1988; 1997б] Так же использовались новейшие разработки И.А. Бажана и О.А. Гей, И.О. Гавритухина, В.Ю. Малашева, М.М. Казанского [Гей, Бажан, 1997; Малашев, 2000; Гавритухин, Малашев, 1998; Гавритухин, 1999; Казанский, 1999, Kazanski, 2000].

Для того, чтобы наиболее полно охарактеризовать позднеримский период и представить характер изменений более очевидным, необходимо привести краткие сведения об основных чертах предшествующего этапа – конца II – первой половины III в. н.э.

Группа 1В

(табл.1, схемы 1–2)[1]

Наиболее ранние мужские комплексы группы В Кошибеевского могильника содержат крупные железные пряжки с овальными и сегментовидными рамками прямоугольного и ромбического сечения с массивными прямоугольными обоймами, прямыми язычками, в некоторых случаях имеющими овальное расширение в средней части; копья с широким лезвием и скругленными плечиками, в одном случае с ярко выраженным ребром, в некоторых случаях сопровождаемые железными свернутыми коническим втулками (предположительно наконечниками ножен или навершиями футляров копий). Это погребения из раскопок А.А. Спицына – 54а, 83, и В.Н. Глазова – 67, 70 (рис. 1).

Традиция использования в мужском костюме крупных ***железных пряжек*** представлена у андреевского населения во второй половине I в. н. э. – крупные овальные пряжки найдены во впускных погребениях 21 и 28 Андреевского кургана [Степанов, 1980, с. 39–40; табл. 46: 31–32; 6: 3; 17: 2]. В одном из поздних захоронений Писеральского могильника II в. н.э. известна крупная железная пряжка, уже снабженная прямоугольной обоймой [Халиков, 1962]. Близкие пряжки известны на позднем этапе чегандинской культуры. [Агеев, 1992, с. 42; табл. 12, 17, 20]. Отдельные крупные железные пряжки без обойм встречены среди древностей I – начала II вв. из сарматских памятников Предкавказья [Абрамова, 1989, табл. 111, 199]. Своеобразные округлые расширения на язычках пряжек из погр. 70 из раскопок В.Н. Глазова (рис. 1: 6) и 83 из раскопок А.А. Спицына находят прототипы в ряде случаев в материалах Андреевского кургана – мелкие пряжки из погребения 54, совершенного на раннем этапе, и впускного погребения 36 [Степанов, 1980, табл. 44: 10–11]. Подобным образом оформлены язычки у уже упомянутых пряжек из Писеральского могильника и находок на памятниках чегандинской культуры.

В двух погребениях из раскопок В.Н. Глазова (67 и 70) найдены ***железные, свернутые из пластин наконечники подтреугольной формы*** (рис. 1, 4, 8), которые могли собой представлять собой навершия футляров для копий или, по мнению В.Н. Шитова, наконечники ножен ножей [Шитов, 1988а, с. 18]. И та, и другая интерпретации функционального назначения этих предметов может опираться на прототипы из Андреевского кургана, где известны как ажурные бронзовые подтреугольные футляры для наконечников копий (погр. 25/1, 54), так и бронзовые наконечники ножен (погр. 25/1, 4), причем в последнем из них – парных футляров для ножа и шила [Степанов, 1980, табл. 3: 12; 13: 1, 4].

Следует указать на ***наконечник копья с листовидным пером*** и продольным ребром, которое сильно расширяется к месту перехода к втулке из погр. 83 раскопок А.А. Спицина Кошибеевского могильника (схема 1, 1). Копья с перьями подобных пропорций и продольным ребром, как с длинной, так и с короткой втулкой широко представлены в погребениях Андреевского кургана (погр. 55, 56, 37, 25/2) [Степанов, 1980, табл. 42: 2–5, 7].

Рассмотренные материалы иллюстрирует развитие на этом этапе бытования группы 1В «андреевских» черт, присутствующих в группе 1А мужских погребе-

[1] Таблицы 1, 2 и схемы 1–3 даются во вложении отдельными листами.

ний Кошибеевского могильника. В то же время, среди этих материалов появляются и новые черты.

К таким следует отнести большой ***пластинчатый бронзовый наконечник ремня*** с жемчужным орнаментом, входивший в один набор с железной пряжкой в погр. 67 из раскопок В.Н. Глазова (рис. 1: 9) а также, присутствие в погребениях ***железных инструментов*** (рис. 1: 2, 7, 10): тесла в погр. 70 (В.Н. Глазова), стамески в погр. 67 (В.Н. Глазова), сверла (определение В.Н. Шитова) в погр. 54 (А.А. Спицына) из его раскопок. В погребениях группы А инструмент встречен лишь один раз – в погр. 13 из раскопок А.А. Спицына. [Спицын, 1901, с. 13].

Новый этап в развитии предметов мужского инвентаря группы В начинается с появлением как железных, так и бронзовых ***поясных пряжек с рамкой сегментовидной формы округлого и ромбического сечения, снабженных длинными пластинчатыми прямоугольными обоймами***, иногда орнаментированными «жемчужным» орнаментом и прочерченными линиями (рис. 3: 3; Кошибеево: раскопки А.А. Спицына – погр.80, 86, 87; раскопки В.Н. Глазова – погр. 61, 85). Погребения с такими пряжками известны и среди ранних захоронений мыса 2 могильника Кораблино (погр. 36, 40, 46, 68, 81, 87; рис. 2: 1; 4: 6). Судя по рисунку и информации в описании комплекса, такая же пряжка с рамкой ромбического сечения находилась в погр. 100 Шатрищенского могильника из раскопок Т.А. Кравченко [Кравченко, 1974, с. 161, рис. 21: 14]. Вместе с ними в поздних погребениях этой группы появляются мелкие обувные и портупейные пряжки. Показателен в этом отношении комплекс погр. 81 на мысе 2 могильника Кораблино (рис. 4: 6–9). Здесь, кроме большой поясной бронзовой пряжки, также находилась портупейная пряжка с пластинчатой сегментовидной рамкой, орнаментированной перекрещивающимися косыми линиями; таким же образом орнаментирована ее длинная пластинчатая обойма, имевшая подпрямоугольную форму с вогнутыми боковыми сторонами. Там же находились две обувные пряжки с подграненными рамками и длинными прямоугольными слегка расширяющимися к концам обоймами. Язычки у всех пряжек – слегка прогнутые, незначительно загибающиеся за передний край рамки. У обувных, в отличие от поясных и портупейной пряжек, язычки фасетированы. Появляются и пряжки с подграненными сегментовидными, слегка утолщенными в передней части, рамками, округлыми и сегментовидными пластинчатыми обоймами, иногда со скошенными краями (погр. 38, 43, 76, 78 мыса 2 могильника Кораблино).

Перечисленные пряжки важны для определения хронологических рамок бытования погребений группы 1В. По наблюдениям В.Ю. Малашева в сарматских древностях подпрямоугольные обоймы появляются в 1-ой половине – середине II в. н.э., в первой половине III в. они становятся более короткими. В 1-ой половине III в. так же появляются округлые обоймы и фасетировка язычков [Малашев, 2000, с. 209]. Для датирования группы важное значение имеет находка в погр. 85 могильника Кошибеево (раскопки В.Н. Глазова) железной ***обоймицы для крепления подвижного наконечника ремня*** (рис. 1: 15). Такие детали крепления наконечников появляются синхронно с прямоугольными обоймами [Малашев, 2000, с. 209–210].

Верхняя дата группы 1А, как было указано выше, определяется в рамках начала, может быть 1-ой половины II в. н.э. Таким образом, ранние погребения группы 1В могут относиться к середине – 2-ой половине II в. н.э. и быть синхронными позднесарматским погребениям с деталями ременных гарнитур группы I по В.Ю. Малашеву (погр. 33, 77 Нижнего Джулата, кургана 19 Сладковского, кургана 4 Шевченко, кургана 6 ст. Тифлисской и др.).

Поздние погребения этой группы, исходя из облика ***деталей поясных гарнитур***, находящих аналоги в позднесарматских погребениях группы IIа по В.Ю. Малашеву (пряжки типов 3а, 2б и 2а по его типологии) датируются в рамкой 1-ой половины – середины III в. н.э. Пережитки культуры андреевского времени сохраняются в виде находок отдельных изделий, как например, находка в погребении 87 Кошибеево (раскопки А.А. Спицына) бронзовой литой поясной бляшки, состоящей из девяти выпуклых полусфер с петельками на обратной стороне [Спицын, 1901, табл. VI: 17]. Пряжка в этом погребении уже относится к отмеченным выше типам позднесарматских пряжек, что может указывать на возможную дату этого погребения в рамках конца II – начала III вв.

К подобным элементам относятся и ***гривны*** специфического облика. Изготовленные из тонкой бронзовой проволоки, они имеют перехлестнутые концы, завязанные в т.н. скользящие петли. Прототипами их являются многочисленные гривны из Андреевского кургана, более простые по конструкции, имеющие аналогии в среднесарматских древностях Северного Кавказа и позднескифских могильниках Крыма. В рязано-окских древностях концы этих гривен удлиняются, они становятся более тонкими, появляются скользящие петли. Для Кошибеевского могильника гривны становятся одной из характерных категорий украшений. Здесь они найдены в 22-х погребениях, преимущественно, в женских, три известны в Польно-Ялтуновском могильнике, расположенном южнее Кошибеевского, выше по течению реки Цны. В комплексе погр. 11 (раскопки В.Н. Глазова) Кошибеево такая гривна находилась вместе фибулами начала – 1-ой половины IV в. Однако этот случай представляет собой исключение, так как больше ни в одном из погребений группы 2В в окских памятниках эти гривны не встречены. Одним из наиболее поздних захоронений с этими гривнами является детское погребение 78 (мыс 2) могильника Кораблино, в котором две гривны и браслет, сделанный из куска такой гривны, находился с пряжками типа 2б по В.Ю. Малашеву (табл. 1: 36; рис. 3: 6а; 11: 4).

В погребениях этого этапа появляются ***железные кольчатые удила***, при этом иногда они достигают достаточно больших размеров – до 6 см диаметром (рис. 1: 16; погр. 61 Кошибеево, раскопки В.Н. Глазова). Наряду с втульчатыми, используются и проушные ***топоры***, подпрямоугольно-клиновидной формы, в отличие от экземпляров более позднего времени не имевшие выделенного обуха. Единственный ***меч***, найденный в погр. 81 мыса 2 могильника Кораблино (рис. 4: 10), близок по пропорциям и форме клинка находкам в позднесарматских погребениях в Высочино VII (курган 12, погр. 1) и в Кобяково (курган 5, погр. 1) 1-ой половины III в. н.э. [Безуглов, 2000, с. 186; рис. 3: 6, 7; Малашев, 2000, рис. 1].

В целом, инвентарь погребений позднего этапа группы 1В характеризуется как продолжением развития кошибеевских форм, так и нарастающим появлением степных и северокавказских черт. Очевидно, освоение правобережья рязанского течения Оки сопровождалось развитием связей с сопредельными территориями, например, с позднесарматским и позднескифским населением Верхнего Подонья, составлявшим во II–III вв. особое этнокультурное образование в верховьях Дона и на реке Красивая Меча [Медведев, 2000. с. 242–243].

Изучение этого этапа (ранней фазы существования культуры рязано-окских могильников) только начинается. Пока она и выделяется только на могильнике Кораблино и угадываются на Шатрищенском могильнике, женское погребение 74 с литой нагрудной бляхой кошибеевского облика изучено в Кузьминском могильнике, обломок гривны со скользящей петлей найден на территории Борковского могильника, известны, также, отдельные комплексы находок женского убора: у поселка Агрикультура и у хут. Еремеевка [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, рис. 2]. На Троице-Пеленицком городище найдена бронзовая круглая бляха с петельками на обороте, ажурная литая круглая бляшка и пронизи-колодочки в виде полуцилиндриков найдены на Шатрищенском городище, «бляхи и пряжки, прямо увязывающиеся с культурой рязано-окских могильников» найдены в слое с рогожной керамикой на Мелеховском городище [Монгайт, 1953, с. 160–161; рис. 11; 1961, рис. 17: 4; с. 50–51, 74]. К наиболее западным находкам этого горизонта на правобережье р. Оки относятся крупная ранняя сюльгама, ажурная круглая бляха, подвеска в виде утиной лапки, ажурная пронизь, прорезной колокольчик с городища Ростиславль из коллекции Румянцевского музея [Aspelin, 1878, p. 197, № 917–921]. Весь этот набор находок указывает на достаточно массированное освоение региона кошибеевским населением.

Отдельные инфильтрации поволжско-финского населения в этот регион фиксируются уже в первые века н.э. На это указывает находка сакрального клада с вещами «андреевско-писеральского» облика второй половины I – начала II вв. на городище Долматово в Рязанской области [Ахмедов, 2003а].

При исследовании погребений III в. на площади мыса 2 могильника Кораблино выяснилось, что многие из них (как женские, так и мужские) подверглись в древности ограблению. Однако из погребений в большинстве случаев взяты не все вещи, а украшения в области груди. Это может указывать на ритуальный характер вскрытия могил, возможно, связанный с особым отношением к погребениям первопоселенцев. Подобные случаи у поволжских финнов прослеживались и в более позднее время. Так на Безводнинском могильнике ритуальным «ограблениям» подверглись группы наиболее ранних погребений с престижным инвентарем (погр. 5, 3, 41, 40, 12, 61); та же картина наблюдается в наиболее ранних воинских погр. 485 и 436 на Ахмыловском могильнике [Краснов, 1980, с. 52, 135–136, 142, 145, 148–149; Никитина, 1999, с. 50–54, 56; рис. 2].

Таким образом, облик материальной культуры погребений первопоселенцев рязано-окских могильников во II – 1-ой половине III в. сохраняет «кошибеевский» облик, восходящий к андреевским прототипам.

Периоды 2А-В
(табл.1, схемы 1–2)

Ведущими формами середины III – начала IV вв. в погребальных комплексах рязано-окских могильников являются крупные железные кольцевые круглодротовые застежки, располагавшиеся на груди погребенного. Бронзовые экземпляры – меньше по размерам и, в целом, характерны для второй половины этого периода. Из деталей поясного набора распространены железные сегментовидные пряжки, меньших размеров, чем в предыдущее время, но достаточно крупные, до 6 см в диаметре, часто они снабжены вытянутыми прямоугольными пластинчатыми обоймами. Очевидно, что эти пряжки развивают формы предыдущего периода. Из оружия продолжают бытовать копья с листовидным пером расширяющимся примерно к середине, по длине равным длине втулки, появляются и новые формы – у которых расширение пера смещено ближе к месту перехода пера во втулку, и с пером ромбического сечения, расширением в нижней части, более длинным чем втулка, в целом, более характерным для комплексов периодов 2В–С, т.е. IV в. (см. схему 1). Проушные топоры представлены двумя разновидностями: 1) длинными с плавным расширением к окончанию обуха и 2) укороченных пропорций. Втульчатые топоры – также двух разновидностей: 1) с равными по длине и ширине втулкой и лезвием, слегка суживающимся в месте перехода, форма лезвия подтреугольной формы; 2) с удлиненной втулкой, без сужения в месте перехода к прямоугольному короткому лезвию.

Как видно из таблицы сериации (табл. 1), в этот период в инвентаре мужских погребений рязано-окских могильников появляется наибольшое для римского времени число инноваций, требующих детального рассмотрения.

Ранняя часть погребений этого периода характеризуется наличием в них следующих вещей – хронологических индикаторов.

Одночленные лучковые фибулы. Один экземпляр находился в комплексе погр. 50 мыса 2 могильника Кораблино (схема 2: 20). Спинка этой фибулы изготовлена из проволоки диаметром 3,5 мм, ножка пластинчатая, подпрямоугольной формы с округлыми выступами на углах, снабженными полушарными выпуклостями, украшена осевой продольной зоной с косыми насечками, двумя зонами заштрихованных косыми линиями треугольников, по боковым краям полосы точечного орнамента. Приемник был подвязан к спинке, судя по остаткам обмотки на ней. Очень близкий экземпляр найден в погр. 3 могильника древнемордовской группировки на р. Пьяне «Святой Ключ». [Шитов, 1988б, с. 134–141]. Последняя имеет некоторые отличия***:*** ромбическое сечение спинки у пружины и прямоугольное у ножки, а так же орнамент «тремоло» на сильно расширенной ножке.

Фибулы этой серии представлены находками в Прикамье и степной части южного Приуралья: погр. 52 Тарасовского могильника; курган F16 Усатово; курган 6 Целинного I; курган 3 Темясово; курган 19 Атпы [Останина, 1997, рис. 26; Пшеничнюк, Рязапов, 1976, рис. 3–5; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 25: 19; 33: 3]. Наиболее близка подвязная фибула с расширенной прямоугольной орнаментированной треугольниками ножкой из усатовского кургана F16 в Нижнем Поволжье, отнесенная А.С. Скрипкиным к 4 варианту I типа этих фибул, начало бытования которых он относит к 3-ей четверти II в., а в 1-ой половине III в. они вытесняются вариантом 5 того же типа [Скрипкин, 1977, с. 102, рис. 2: 25; с. 107]. Тем не менее, указанную фибулу исследователь считает возможным выделить в отдельный вариант, она является дальнейшим развитием варианта 4. М.Г. Мошкова датировала их 2-ой половиной II – 1-ой половиной III в. [Мошкова, 2000, с. 187]. Однако, в хронологических разработках В.Ю. Малашева погребения с фибулами этой серии относятся к третьей группе южноуральских сарматских комплексов, которая синхронна времени бытования группы IIб позднесарматских поясных гарнитур и должна датироваться в рамках середины – 2-ой половины III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 200–201, 207; рис. 1; Малашев в печати]. Своеобразие этой серии фибул, по мнению В.Ю. Малашева, свидетельствует о возможности их производства в лесостепных районах бассейна р. Волги и ее притоков. Система орнаментации фибул из могильников Кораблино и «Святой Ключ» характерна для изделий поволжско-финских племен, что свидетельствует в пользу этого предположения.

Хронологическая позиция этих фибул так же подтверждается находками в рязано-окских и древнемордовских могильниках. Так, в непосредственной близости к погр. 50 (мыс 2) могильника Кораблино располагалось женское погр. 51, в состав которого входила двучленная лучковая фибула с пластинчатой спинкой и подвязным приемником. Аналогичная, но с орнаментом «тремоло» происходит из погр. 27 Тезиковского могильникака [Полесских, 1965]. Они могут быть отнесены к серии 3 по А.К. Амброзу и датируются им в Причерноморье II–III вв. На Кавказе и в Поволжье допустимо их существование и в IV в. [Амброз, 1966, с. 52, табл. 9: 19]. А.С. Скрипкин предполагает, что в Нижнее Поволжье фибулы этой серии начинают поступать во 2-ой половине III в. [Скрипкин, 1977, с. 113–114]. Близкие упомянутым экземплярам фибулы, известны в материалах памятников типа Кишпек, что позволяет датировать их IV в. в целом [Казанский, 1994, рис. 3: 5; 8: 16]. Тем не менее, комплексы, в которых встречены эти фибулы, на могильниках Тезиковском и Кораблино содержат украшения – прототипы характерных для женских погребений с многочисленными прогнутыми фибулами черняховской подгруппы. Это позволяет предположить, что границы бытования двучленных лучковых фибул на рассматриваемой территории следует сузить до 2-ой половины III в.

Овальнорамчатые и сегменторамчатые пряжки со слегка подграненной или округлой, ромбической в сечении рамкой, слабо фасетированными язычками, иногда по краю рамки загнутыми вниз, и пластинчатыми, овальными обоймами. У наиболее поздних пряжек этого периода в основании язычка – подпрямоугольные площадки, иногда украшенные линиями в виде «косого» креста. Весьма показательны, также пряжки с круглыми рамками круглого сечения и прогнутыми язычками из погр. 79 мыса 2 могильника Кораблино, погр. 79 (А.А. Спицына) Кошибеевского могильника (рис. 6: 1, 2, 6, 7). В погр. 79 могилиника Кораблино с ними встречены характерные пластины крепившие ремень. Здесь они изготовлены в виде полумесяца с дополнительным вырезом на тыльной части (рис. 6: 7, 9). На черняховских памятниках, например в погр. 8 могильника Ружичанка, известны пластины в виде полумесяца. По периодизации И.А. Бажана и О.А. Гей это погребение относится к первому периоду черняховской культуры [Гей, Бажан, 1997, табл. 66], по Е.Л. Гороховскому к 3-ей (косановской) фазе культуры т.е. 330–380 гг. [Гороховский, 1988а, с. 44]. Однако, для кораблинских пряжек датировка И.А. Бажана и О.А. Гей, предпочтительна, что следует как из контекста комплекса (рис. 6), так и из расположения погребения в группе могил III в. этого некрополя.

Уникальной для данной территории является находка шарнирной ***пряжки типа 17 группы D*** по классификации Р. Мадыды в погр. 42 мыса 2 могильника Кораблино и пряжки с «омегообразной» рамкой ***типа 1 группы J*** по той же классификации в разрушенном погребении могильника Ундрих (раскопки А.Н. Гаврилова). Пряжка из могильника Кораблино (рис. 5: 9) аналогична находке в погр. 44 черняховского могильника Ружичанка. Оба этих типа пряжек характерны для периода 2 черняховской культуры по

И.А. Бажану и О.А. Гей. В древностях вельбаркской, пшеворской, западно-балтийской культур основное распространение пряжек типа 17 группы D относится к фазам С1а–С1в., т.е. ранней части позднеримского периода для древностей Барбарикума [Madyda-Legutko, 1986, S. 29–30, 81, 85–86; Taf. 9, 23].

Для этого времени характерны так же находки в двух погребениях ***пластинчатых наконечников ремешков*****,** слегка суженных в центральной части, с прорезью для ремня в верхней части (погр. 50 и 88 мыса 2 могильника Кораблино) и ***круглодротовых гривен с приостренными концами*** (рис. 9, 5), спорадические встречающихся в погребальных комплексах до начала IV в. – группа 2В (погр. 27 и 50 мыса 2 могильника Кораблино, погр. 116 а могильник Заречье).

К инвентарю **более поздней части** погребений этого периода относятся небольшие ***одночленные подвязные с равномерно прогнутой спинкой фибулы*** «среднеевропейских» серий. Это фасетированная фибула из погр. 65 мыса 2 могильника Кораблино (рис. 6: 1). Близкие поразмерам и деталям декора находки из Венгрии, Чехословакии и Польши датируются III – началом IV в. [Peškař, 1972, S. 110–112; Taf. 32: 2; Vaday, 1989, S. 86–89; Abb. 15: 3; 16: 2–3].

Фибула из погр. 23 Шатрищенского могильника (раскопки Т.А. Кравченко) относится к несколько другой разновидности. Она крупнее, массивная спинка украшена поперечными параллельными линиями, средняя часть спинки имеет сегментовидное сечение, ножка прямоугольной формы, дуговидная в сечении, орнаментирована косыми параллельными симметричными линиями, разделенными линией орнамента в средней части, в виде углубленных треугольников [Кравченко, 1974, с. 157–158].

Большее количество бронзовых фибул представлено ***двучленными прогнутыми подвязными фасетированными фибулами средних размеров*** с суженной ножкой, с одинарной тетивой на железной оси, с бусинками на концах оси для крепления пружины (погр. 116, 85 Заречья; погр. 97, 122 Шатрищенского могильника из раскопок Т.А. Кравченко; рис. 9Б: 1). Такие фибулы соответствуют изделиям серии Б, вариантов 1, 3 по Е.Л. Гороховскому, распространены в древностях Бережанской хронологической фазы черняховской культуры лесостепной Украины (погр. 19, 44 могильника Ружичанка). Эти экземпляры отличает наличие треугольных пропилов и поперечных линий на площадках. Несколько ближе экземпляры из погр. 22 могильника Косаново. Эту фазу исследователь датирует в рамках последней трети III – 1-ой трети IV вв. н.э. [Гороховский, 1988б. с. 83; табл. II]. И.А. Бажан и О.А. Гей дату этого горизонта сужают до 270/280–310/320 гг. [Гей, Бажан, 1997, табл. 67].

К специфической категории украшений ременных гарнитур относятся бронзовые круглые ***умбоновидные бляшки с «веревочным» кантом по краю*****,** появляющиеся в комплексах датирующихся по сочетанию хроноиндикаторов концом III – началом IV вв. В более позднее время они встречаются в составе женских уборов. В погр. 4 и 19 могильника Кошибеево из раскопок В.Н. Глазова они – более крупного размера и служили украшением пояса, в остальных случаях были мельче и украшали узкие ремни, например в погр. 79 мыса 2 могильника Кораблино – портупейный ремень для крепления ножен меча (рис. 6Б: 5; 8А: 2; 8Б: 3; 9А: 4; 9Б: 2, 3; 9В: 7).

Граница между фазами маркируется инвентарем ряда погребений. Это уже неоднократно упоминавшееся погр. 79 мыса 2 могильника Кораблино, в котором, наряду с деталями поясного набора, был найден ***меч с бронзовой фасетированной скобой для крепления ножен*** (рис. 6Б: 4), аналогичная которой известна в могильнике Компанийцы [Гей, Бажан, 1997, табл. 64: 20]. На этом памятнике она относится к 1–2-ой хронологическим группам. Следует указать, также, на погр. 57 могильника Кошибеево из раскопок В.Н. Глазова (рис.10), в инвентаре которого находился целый ***ряд предметов западного импорта***: поясной набор с прямоугольной пряжкой, украшенной мелкими треугольничками и длинной пластинчатой обоймой с циркульным орнаментом, наконечник пояса в виде трех шарнирных подвесок, украшенных в том же стиле, гривны с крючком и круглым приемником с отверстием, напускными бусами и обмоткой, двумя бронзовыми пластинчатыми шпорами с остатками железных шипов, близкие группе G по Е. Гинальскому, четыре фасетированных пластины (рис. 10: 1–4, 7, 10–12). Весь набор инокультурных изделий указывает на их западное происхождение. ***Гривна***, близкая кошибеевской, по схеме находилась в составе инвентаря «княжеского» свевского (?) погребения в Чейкове (Словакия), гривна той же схемы с фигурным приемником найдена в погребении в Динстед, принадлежащего кругу княжеских захоронений типа Лейна – Хасслебен, тонкие экземпляры без бусин, с обмоткой концов и фигурными приемниками известны погр. 2 на могильнике Просмыки в Богемии, в Западной Померании (Стучово), Реперсдорфе в любушской группе; массивная гривна с обмоткой и круглым приемником – в кургане 14 западно-балтского могильника Жива Вода, погр. 33 в Вакерне (Восточная Пруссия), тордированная гривна с обмоткой концов находилась в составе пшеворского погр. 3 в Закшуве [Godlowski, 1970, pl. III: 19; V: 32; XI: 19, 23; XV: 13; XIX: 1; XX: 20]. Среди пшеворских древностей прослеживаются параллели ***поясному набору*** с крупной прямоугольной пряжкой и тремя наконечниками, закрепленными на разрезанном на три части конце пояса из этого погребения, являющиеся подражаниями римским военным поясам. Там же находятся аналоги деталям поясов с «штемпельной» орнаментацией [Madyda-Legutko, 1978, rys. 2: 8–9; 8: 7; 9: 7; Tejral, 1999, Abb. 44]. Близкие кошибеевским ***шпоры***, также, происходят из пшеворских погребений середины III в., например из погр. 22 и 27 могильника Крапковице, из захоронения в Кекче на Верхней Тиссе, которое,

как и близкие ему в этом регионе, некоторые авторы связывают с вандальским вторжением в Прикарпатье [Olędzki, 1999, fig. 8: 4–5].

В том же стиле, что детали поясного убора из погр. 57 Кошибеевского могильника из раскопок В.Н. Глазова украшены ***наконечники ремня треугольной формы с диском на конце*** из разрушенного погребения у поселка Прибрежный. Подобные наконечники широко распространены в свевских древностях Подунавья, по характеру декора наиболее близки наконечнику из Прибрежного находки из «княжеского» погребения в Мушове – тип J.I по К. Раддацу [Tejral, 1999, S. 151; Abb. 8].

К предметам импорта можно отнести, также, ***браслет с тремя утолщениями*** из погр. 4 могильника Кошибеево ракопок В.Н. Глазова (рис 8Б: 5). Подобные браслеты известны в древностях мощинской культуры, в частности в составе Мощинского клада [Булычов, 1899].

В погр. 57 и 4 могильника Кошибеево из раскопок В.Н. Глазова также встречены ***овальные пластинчатые обоймы с кольцом*** (рис. 10: 5), которые затем широко распространены в составе ременных гарнитур как в IV так и V вв., в погр. 57, кроме того, впервые зафиксированы ***прямоугольные бляшки-столбики с фасетками и вырезами*** (рис. 10: 3), затем широко распространенные в комплексах IV в.

В этот период появляются ***предметы прикамского облика*** – гривны и браслеты из четырехгранного дрота, с гравированным геометрическим орнаментом (рис. 9А: 6), характерные для азелинской культуры, крупные бронзовые и железные пряжки с рамками ромбического сечения, обоймами двух основных форм: трапециевидной с округлым расширением на конце (рис. 9В: 9) и прямоугольной с сужением в центральной части.

Для погребений **поздней части периода 2В** наиболее показательно погребение 116 могильника Заречье (рис. 9А, 9Б, 9В**).** Коллективное захоронение троих молодых мужчин или подростков содержало круглодротовую гривну с приостренными концами и азелинскую гривну прямоугольного сечения с геометрическим декором, бронзовую двучленную прогнутую подвязную фасетированную фибулу среднего размера, полусферические бляшки с «веревочным» кантом, пряжки «азелинского» облика, втульчатый и проушной топоры, характерные для периода 2С.

В финале рассматриваемго периода распространение получают круглодротовые гривны с утолщением в средней части, с обмоткой на концах, замком в виде крючка и ромбического щитка с отверстием (рис. 7: 10) и тонкие тордированные гривны из квадратного в сечении дрота с ромбовидной площадкой с отверстием для крючка. В это же время в мужских погребениях в качестве даров женских вещей появляются женские нагрудные застежки (рис. 7: 9) «москворецких» форм [Белоцерковская, 2000, рис. 1–3; с. 103–104].

Таким образом, многообразие типов вещей в инвентаре мужских погребений рассматриваемого периода рязано-окских могильников вызвано многочисленными культурными импульсами. Для начала этого периода это – позднесарматские и раннечерняховские элементы, к концу периода к ним прибавляются среднеевропейские, пшеворские и прикамские элементы. Все эти элементы послужили основой для сложения самобытного облика воинской культуры рязано-окского населения IV в.

Период 2С
(табл.1, схемы 1–2)

Облик инвентаря воинских погребений поздней фазы римского времени становится более стабильным. Одной из новых черт становится постоянное помещение женских даров – как правило украшений головы и груди – в мужские погребения. Это предоставляет дополнительные возможности для анализа инвентаря культуры в целом.

Основными элементами инвентаря мужских погребений становятся ***шейные гривны***, бытование которых начинается в на рубеже III–IV вв. – гладкие круглодротовые гривны с обмоткой на концах и застежкой в виде ромбической пластины с отверстием и крючком, тонкие тордированные гривны с аналогичной застежкой, встречены единичные экземпляры круглодротовой гривны с расширяющимися концами и витой из трех круглых в сечении проволок, окончании которых завернуты в тройные петли, на сопредельных территориях характерные для Мощинской культуры (Мощинский клад), в которой они являются развитием гривен более раннего времени, распространенных в древностях круга восточноевропейских эмалей (рис. 12: 2, 7; 13: 2; 14: 5).

Продолжается традиция ношения крупной фибулы на груди, но они все чаще заменяются одиночной фибулой средних размеров – в этом качестве используется как импортные образцы – например ранний экземпляр ***Bügelknopffibel*** в (рис. 11А: 2), так и местные воспроизведения – пластинчатые ***фибулы с подвязным и сплошным приемниками***, с характерными декором спинки в виде циркульного орнамента в погр. 1 и 80 мыса 1 могильника Кораблино (рис. 12: 4).

Становится более стабильным состав поясных гарнитур: основное место в них занимают ***пряжки*** (рис. 13: 12–15; 15: 16) с сегментовидными обоймами и рамками округлого сечения, с прогнутыми, часто фасетированными, язычками, с квадратными площадками у основания, украшенными различным декором (близкие формам Келлер А), наряду с этими пряжками продолжают встречаться степные образцы с массивной граненной рамкой (шурф 1 на могильнике Кораблино) и черняховские пряжки с утолщением в передней части рамки, массивным не выступающим язычком (погр. 72 мыса 1 могильника Кораблино). Параллели первым встречены в гарнитурах позднесарматских памятников группы

III – Экажево Градешка, Кишпек, Карповка, Аэродром, Керчь 1841 г., Маяк курган 5 [Малашев, 2000, рис. 9Б, 9В, 10Б, 12А, 12Б, 12Е] в целом датируемой В.Ю. Малашевым 1-ой половиной IV в. Для черняховских пряжек аналоги группируются среди образцов дунайско-бугской серии по Е.Л. Гороховскому (Косаново погр. 38; Раковец и др.) относящиеся к фазе III – началу IV фазы черняховской культуры, т.е. 2-ой трети – 2-ой половине IV в. [Гороховский 1988а, рис. 1: 44, 69]. По И.А. Бажану и О.А. Гей они характерны для периода 3 черняховской культуры, датирующегося в пределах 310/320–350/355 гг. Характерной особенностью этих пряжек является овальная, сильно вытянутая обойма (рис. 13: 11), что по В.Ю. Малашеву является хронологическим признаком [Малашев в печати].

Продолжается спорадическое использование пряжек прикамского азелинского или мазунинского облика как с овальной рамкой (рис. 15: 13), так и с В-образной, бытующих в Прикамье всю 1-ую половину IV в. Там же находят параллели поясные бляшки в виде пластинчатых столбиков, украшенных фасетками и треугольными пропилами (рис. 15: 12, 14), и округлые обоймы с кольцами, которые в Прикамье встречаются обоймы повторяющие формы прямоугольных поясных накладок [Генинг, 1979, с. 99, табл. А, Б, В, Г, Д]. Встречена отдельная прямоугольная бронзовая пряжка, вытянутых пропорций, явно являющаяся анахронизмом (погр. 76 мыса 1 могильника Кораблино).

Обычными являются остатки обувных наборов, которые в отличие от сложных женских гарнитуров, представлены парами железных или бронзовых пряжек, обычно небольших размеров, повторяющих поясные. Женские же обувные наборы сохраняют традиции III в. (рис. 15: 17, 19).

Продолжают использоваться и одиночные ***браслеты***, однако следует указать, что это или экземпляры прикамского облика, или обрезки тордированных гривен согнутые по размеру браслета, позже в гуннскую эпоху в этом качестве используются характерные круглодротовые браслеты со схематическими зооморфными изображениями на концах.

Из ***оружия*** ведущее значение сохраняют наконечники копий с пером ромбического сечения, расширением в нижней части, более длинным, чем втулка (рис. 11: 13; 13: 27 и др.), наконечники дротиков с крупным двушипным пером (как рис. 13: 26), появляются новые формы втульчатых топоров – с укороченной втулкой и широким подтреугольным лезвием (как рис. 12: 9) и проушных топоров с резко расширяющимися частями боковых и тыльных сторон прооха. В это время в погребениях появляются ножи в бронзовых пластинчатых ножнах, изготовленных из сплошной пластины (рис. 11: 23), в отличие от более поздних образцов, в которых использовано по три – четыре поперечных пластины.

Основными ***элементами конских уборов***, происходящих из погребений, являются железные удила с кольчатым трензелем (диаметр колец 5–5,5 см), появляются наборы, связанные по происхождению с сарматскими наборами группы «Буденновская Слобода – Месаксуди», которые синхронны горизонту погребений типа «Кишпек – Аэродром» на Северном Кавказе – группы IIIа 1-ой четверти IV в., в которых начинают появляться трензельные кольца из цветных металлов. [Малашев, 2000; Ахмедов, 1995]. Интересно, что в местных версиях этих уздечных наборов в них включены детали характерные для женских уборов – прямоугольные рифленые и бутыльчатые подвески (рис. 13: 22; 15: 38–39).

Так же, в это время появляются в составе погребений ***плети*** с пластинчатыми, бронзовыми обкладками рукоятей и обоймицами – утяжелителями на ремне, имеющие прототипы как в степных памятниках Предкавказья и Южного Урала («Три брата», курган 43 Покровского могильника и др.), так и сарматских древностях Венгрии 2-ой половины III в. , например Ендред-Суйокерестен [Мошкова, Максименко, 1974, табл. XV: 10; Мошкова, 1989а, табл. 81: 44, 45; Ахмедов, 1991; 1995; Безуглов, 1997, рис. 2: 4; с. 136; Малашев, в печати].

Известен один случай находки фрагмента ***двулезвийного меча с пластинчатыми, бронзовыми обкладками ножен***, вместе с которым был найден фрагмент подвязной фибулы второй подгруппы по А.К. Амброзу, вместе с ними были обнаружены так же три граненных колечка – распределителя, которые могли быть использованы в составе портупеи, однако не исключено их использование и в качестве деталей обувных ремней (шурф 1 на могильнике Кораблино). К сожалению, это погребение было разрушено при посадке лесополосы, поэтому восстановить полную картину комплекса невозможно.

В составе **женских даров** в мужских погребениях, самую многочисленную категорию предметов составляют мелкие бронзовые ***фибулы*** двух основных видов – двучленных прогнутых подвязных 2-ой подгруппы серии I варианта 2 по А.К. Амброзу или вариантов Б2а и Б2б по Е.Л. Гороховскому (рис. 11: 3, 7, 8; 13: 3; 14: 6–8; 15: 6–8) и «воинских» фибул (рис. 15: 9–11) подгрупп 1–3 по А.К. Амброзу или групп 15, 48–51 по М. Шульце, согласно определеню Е.Л. Гороховского [Амброз, 1966, с. 60–64, 70–71; табл. 11: 9, 19; 10: 12, 17, 19]. В черняховской культуре они относятся к фазе 3 (косановской) 2-ой трети – 3-ей четверти IV в. по Е.Л. Гороховскому [Гороховский, 1988а, с. 44] или к периоду 3 черняховской культуры по И.А. Бажану и О.А. Гей т.е. 310/320–350/355 гг. [Гей, Бажан, 1997, с. 47–48; табл. 68]. Вообще количество фибул этих подгрупп в мужских и женских погребениях (в которых они часто встречены по несколько штук) на настоящий момент составляет около сотни экземпляров, что является самым большим количеством подобных находок в культурах, не относящихся к черняховской культурно-исторической общности. Вместе с ними в погребенияхи встречены и другие находки – ведерковидные, пельтовидные и

прямоугольные, секировидные ***подвески***, так же связанные с ***черняховской традицией***.

В составе женских даров так же встречаются специфические гривны в виде железного стержня, обмотанного бронзовой ленточкой треугольного или прямоугольного сечения и напускными бронзовыми бусами. Часто на них надеты спиральные перстни, любопытно, что по устному сообщению саранского этнографа С. Николаева, эта традиция нашла отражение в обиходе мордвы, где перстни служили наградой повитухе от женщин, которым она оказала помощь при родах, и носились ею на гривне. Ажурные украшения в это время так же становятся характерной чертой женского костюма окских финнов, где они украшают либо тыльную часть головного убора или центр нагрудных украшений. Так же к украшениям груди относятся крупные пластинчатые лопастные бляхи – сюльгамы (рис. 13: 1), которые являются протипами круглых блях с пластинчатой иглой. Встречены так же детали накосных украшений – в виде ремешков, на которых надеты бронзовые спиральные пронизки из проволоки треугольного сечения и коробчатых и бутыльчатых подвесок (рис. 13: 6; 14: 2).

Таким образом, этот период, ранняя фаза которого будет обозначаться 2С, а поздняя переходит в фазу 3А, является основой на которой сложилась культура окских финнов «классического» облика, оформление которой закончилось в постгуннское время. Из внешних импульсов в это время наиболее интенсивными являются новации «черняховского» происхождения, которые демонстрируют усиление интенсивности связей, по сравнению с предыдущим периодом, с лесостепной зоной Среднего Поднепровья и Южного Побужья. Прикамские и позднесарматские элементы, возможно, являются результатом развития элементов, появившихся на средней Оке в результате этно-культурных взаимодействий в конце III – начале IV вв. с левобережьем среднего течения Волги и нижнего Подонья.

В то же время фиксируются элементы взаимодействия с соседними мощинской и позднедьяковской культурами. Весьма примечательно, что это прослеживается в первую очередь на элементах женского убора, помещенных в мужские погребения в качестве погребальных даров. Возможно, это отражение направления матримониальных связей, которые указывают на некоторое доминирование рязано-окских племен в политической структуре среднеокско-москворецкого региона.

Периоды 3А-С
(таблица 2, схема 3)

Группа воинских погребений начала гуннского времени выделяется по наличию следующих предметов инокультурного происхождения:

Для комплексов ранних погребений этой группы начала периода характерны крупные фибулы серии II подгруппы 1 серии варианта 4 по А.К. Амброзу, варианты Т-образных с пружиной типа 2 по А.К. Амброзу и двупластинчатых фибул первой подгруппы, близких по рамерам к серии «Виллафонтана» (схема 3: 1), тордированные гривны (схема 3: 11), местные переработками западных пряжек типа Келлер А с овальной обоймой (схема 3: 5), наборные пояса «геометрического стиля», боевые ножи в ножнах с металлическими обоймами (рис. 19: 8; 20: 8), а также, мечи «сарматского» происхождения, близкие типу Х по Биборски или 3 по Хазанову, известные в ареале черняховской культуры, в основном, в погребениях фазы D1: Оселивка, погр. 70; Будешты; Сынтана де Муреш; Беленькое, погр. 179 (схема 3: 6, 23; [Левада, 1998, с. 55–58, рис. 1: 3; 2: 2–4]), а также, в добродзеньской группе пшеворской культуры [Godlowski, 1992, rys. 10].

Наиболее ранним в этой группе погребений является комплекс погр. 41 Кузьминского могильника (рис. 16: 1–11), в котором сочетаются как признаки характерные для более раннего времени – тордированная гривна с ромбическим щитком, поясной набор с пряжкой представляющей местную переработку пряжек Келлер А, двулезвийный меч. Важным является присутствие в комплексе Т-образной привозной массивной фибулы (рис. 16: 1), что является одним из наиболее ранних случаев использования крупной одиночной фибулы в костюме война, вероятно, как маркера его высокого социального положения.

В погр. 75 из Кошибеево (рис. 17) и 50 из Ундриха (рис. 18) ***мечи*** встречены вместе ***с бусинами подвесками***, в первом случае с мозаичной бусиной (рис. 17: 13), аналогия которой известна в погребении с мечом Шестая Шахта в Кисловодской котловине [Абрамова, 1997, рис. 39].

В это же время появляются ***мужские серебряные дротовые гривны с замком в двойную петлю, обмоткой концов и напускными бусами с выделенной центральной частью*** (схема 3: 18; рис. 17: 3), прототипами которых являются гривны позднеримского времени (фазы С2 по Я. Тейралу) из находок в Динштедте на Эльбе, Чейкове и Ченчи в Словакии [Godlowski, 1970, tabl. XV: 13; XX: 20]. Бытуют местные серии пряжек с тонкой сегментовидной рамкой, прямым язычком, иногда с зооморфным концом, и прямоугольной обоймой, сопровождающиеся ***поясами***, в котором наряду с пластинчатыми наконечниками и круглыми умбоновидными бляшками (рис. 17: 4–5; 19: 4) начинают использовать прямоугольные бляхи с жемчужинами, имитирующими римские поясные накладки с тиснением и инкрустациями, и ромбические бляшки (рис. 20: 10, 11, 19, 20), близкие которым известны в Тураевских курганах и других памятниках Приуралья и Средней Азии. Появляются ***деревянные чаши*** с бронзовыми пластинчатыми накладками на краях (рис. 18: 16).

Некоторый **хронологический рубеж внутри периода 3А** прослеживается по комплексам погр. 75 из могильника Кошибеево, 50 – Ундрих, 265 – Борок II.

В составе комплекса погр. 75 могильника Кошибеево (рис. 17) находилась двупластинчатая фибула близкая серии «Виллафонтана», но уже средних размеров, что указывает на возможную датировку погребения рубежом IV–V вв., длинный меч с мозаичной бусиной-подвеской, гривна с напускными бусинами, наборный пояс геометрического стиля.

В погр. 50 могильника Ундрих (рис. 18) меч сопровождался крупной черной стеклянной бусиной-подвеской. В составе комплекса присутствовала деревянная чаша с бронзовыми накладками, наконечниками ремней, выполненными в виде коробочки, обувные наборы с пряжками со слегка выступающим двускатным язычком – близкие появляется в финале фазы С3 и становятся ведущими типами фазы D1 в памятниках южной Польши, Чехии и Словакии [Tejral 1986, Abb 3: 4, 11; 10; 1997a, Abb. 9: 1].

Наиболее представительным из этих захоронений является погр. 265 могильника Борок II (рис. 20), в составе которого находились бронзовая гривна, изготовленная из трубки с обмоткой и округлым щитком, близкая находкам из памятников пшеворской культуры и восточнопрусских памятников горизонта D1 по К. Годловскому, фрагменты деревянной чаши с бронзовыми оковками, длинный дамаскированный меч, боевой нож в бронзовых ножнах, детали обувных наборов с пряжками, умбоновидными и ромбическими накладками, а так же бронзовая литая ложка с изображением двух стоящих фигур: мужской и женской. Женское изображение по иконографии и символам луны и солнца в руках идентифицируется с Анахитой или ее среднеазиатской ипостасью Нанайей. Мужское божество, которое часто изображается вместе с ней на памятниках торевтики и монументальной живописи Согда и Восточного Туркестана VI – начала VIII вв., исследователи определяют как «Божественного супруга» Нанайи. Изображение из погр. 265 Борка II является наиболее ранним из парных изображений такой схемы, как по контексту комплекса, так и по одежде персонажей типа индийского дхоти и, скорее, должно происходить из восточноиранских провинций, чем из Согда, в котором расцвет этого культа приходится на гораздо более позднее время (сводку изображений см. в [Mode, 1991/1992, fig. 1: 4–5, 8–9, 11, 12]).

При поиске памятников этого горизонта с близкими чертами следует еще раз вернуться к Тураевским курганам. В них встречены наконечники ремней в виде коробочки, деревянные чаши, ромбические накладки на ремни, стеклянные, янтарные и халцедоновые, крупные бусины-подвески к мечам, близкие формы мечей, боевые ножи-кинжалы, среди мечей присутствует богато украшенный экземпляр среднеазиатского или восточноиранского происхождения, поясная гарнитура, также, восточноиранского происхождения в стиле перегородчатой инкрустации [Генинг, 1977, рис. 32: 6–7]. Близкие пряжки и наконечники происходят из богатого погребения в Муслюмово в Башкирии [Засецкая, 1994, табл. 43–44].

На южные параллели указывают и находки ромбических бляшек и боевых ножей в могильниках нижней Сыр-Дарьи, в частности в могильнике Кос-Асар II [Левина, 1996, рис. 129: 19–20]. В тех же памятниках известны и находки деревянных чаш с оковками. Традиция использовать в гарнитуре портупей мечей крупные бусины-подвески известна в степной зоне Восточной Европы с середины II в. и, в целом, восходит к азиатской традиции, где мечи с портупеями этих конструкций используются вплоть до VII–VIII вв. [Безуглов, 2000, с. 180–182]. Все эти данные при сопоставлении датировок указанных вещей рубежом IV–V вв. и сведений письменных источников о крупном походе гуннов в Закавказье в 395 г., возможно, затронувшем и восточноиранские провинции, позволяют предположить, что поволжско-финское население было вовлечено в эти события, а погребения этого горизонта являются репером внутри периода 3А, который в целом соответствует фазе D1 по Я. Тейралу (370–410 гг.).

В рамках периода 3А получает дальнейшее развитие традиция ношения крупных одиночных фибул для застегивания плаща. Ее происхождение восходит к римскому обиходу, под влиянием которого он появляется в восточногерманском мире и балтийском регионе, например, звездчатые фибулы в балтских погребениях Пруссии [Кулаков, 1997; 1998]. Если в периоде 2С эту роль выполняли различного рода «черняховские» фибулы: Т-образные, крупные подвязные и их местные реплики, то среди комплексов периода 3А появляются ранние варианты ***рязанских крестовидных фибул.*** Судя по представительству типов фибул на могильниках, они использовались в роли маркера высокого социального положения владельцев, возможно вождей (более подробно см. [Ахмедов, Белоцерковская, 1998б]). С этого времени рязано-окские крестовидные фибулы становятся своеобразным культурным маркером, характерным исключительно для элитных комплексов этого населения (см. ниже).

В это время появляется ***традиция ношения воинского браслета***, которая так же широко представлена как в древностях германских федератов, так и в более поздних «княжеских» погребениях горизонта Апахида – Турне. В этой группе используются пластинчатые браслеты, изготовленные еще в рамках типов IV в. (схема 3: 10; рис. 19: 6). Они носятся на правой руке и встречаются в погребениях с оружием.

К значимым предметам инокультурного происхождения этого времени относится ***серебряный ременный набор*** из погр. 94 мыса 2 могильника Кораблино (рис. 22: 3–4). Пряжка из этого набора имеет рамку, украшенную штампованными овалами, язычок украшен головкой животного, овальная обойма пряжки и шарнирный наконечник ремня с подвеской украшены штампованным орнаментом аналогичным изделиям декорированным в стиле «Унтерзибенбрунн – Сёсдал». Пряжка близка ранним вариантам типа Стрегошице – Тисаладань – Керчь, относяще-

гося к фазам D1 и D2;. Эти пряжки, римского происхождения особенно многочисленны в бассейне Вислы, на Среднем Дунае, присутствуют в Литве, Крыму и Нижнем Подонье. К ним близка целая серия находок со сходной орнаментацией – «циркульным» орнаментом, оттисками пуансонов различных форм, оттисками в виде звезды, «волчьего зуба», отдельными элементами в стиле треугольно-выемчатой резьбы («кербшнит»). Эта традиция развивается в южной Скандинавии и южной Прибалтике с начала римского времени и традиционно воспринимается исследователями как культурно-хронологический маркер [Madyda-Legutko, 1978; Bóna, 1991, S. 261, 262; Abb. 66; Mączyńska, 1999, fig. 10: 1; 11: 5; Koch, 1999, p. 169–184]. К пряжкам этого круга относится и бронзовая пряжка с граненной орнаментированной рамкой и язычком со схематичной звериной головкой из погр. 3 (2) могильника Ундрих.

Получают дальнейшее развитие и ***местные формы пряжек типа Келлер А***, рамки которых становятся тонкими овального или ромбического сечения, тонкие прямые язычки слегка выступают за передний край рамки. Концы язычков часто украшены звериными головками, а обоймы имеют прямоугольную форму. Эти пряжки относятся к новому стилю поясов (геометрические 2), с ними стречены ***пластинчатые, длинные трапециевидные наконечники поясов***, генетически восходящие к прямоугольным экземплярам той же конструкции, характерным для периода 3А, ***умбоновидные бляшки***, тоже появляющиеся в рамках группы 3А, ***прямоугольные пластинчатые бляхи с жемчужинами, ромбические бляшки*** (схема 3: 8, 12, 14, 15, 19, 24, 26). Характерной особенностью поясных наборов этого стиля является наличие двух наконечников ремней.

До конца периода изредка встречаются тордированные гривны, характерны гривны с замком в двойную петлю и напускными бусинами с валиками. Встречены отдельные экземпляры ***мелких круглорамчатых пряжек с утолщенной в передней части рамкой и хоботковидным язычком.*** Это хорошо иллюстрируется инвентарем погр. 4 мыса 4 из раскопок И.Р. Ахмедова на Шатрищенском могильнике (рис. 21). В то же время, фибула с широкой пластинчатой спинкой и широкой пластинчатой подвязкой (рис. 21: 1), происходящая из комплекса этого погребения, близка экземплярам варианта 3 прогнутых подвязных по А.К. Амброзу начала V в. из памятников Крыма IV хронологической группы по А.И. Айбабину [Айбабин, 1999, с. 261–262; табл. XX: 8; XXVII: 90].

Пограничным **между периодами 3А и 3В** можно считать инвентарь погр. 28 из могильника Курман (рис. 23) в котором встречены гривна с замком в двойную петлю, малые пряжки с далеко выступающими тонкими фасетированными язычками, орнаментированная в стиле Сесдал ***секировидная подвеска*** (схема 3: 20), повторяющая в упрощенном варианте формы подвесок из Качина, Унтерзибенбрунна, Кошовень де Жос и др. [Akhmedov, 2002, fig. 7: 9–14, 15–19]. К более позднему времени относятся близкие формы инкрустированных подвесок из клада в Доманьяно, датированного временем Одоакра [Bierbrauer, 1975, Taf. 20: 1–9; Menke, 1986, S. 263]. В этом же комплексе встречен наиболее ранний экземпляр ***браслета с антропозооморфными изображениями на концах***, условно называемыми в литературе «изображениями бородатых людей» на уровне эмпирически выделенного типа, существующих до последних десятилетий V в. (схема 3: 21; рис. 23: 17).

Появляются новые формы – ***круглодротовые браслеты с утолщенными концами***, среди которых встречены импортные экземпляры – серебряные с золотой плакировкой концов, ***длинные боевые ножи*** в наборных ножнах, ***толстопроволочные гривны с завязанными концами***, вырабатываются ***классические формы рязано-окских крестовидных фибул***. В этот период еще встречаются отдельные экземпляры типов А2[2] (граненые; рис. 10: 3) и А3 (бусины без воротничков; рис. 24: 1). Показателен комплекс погр. 21 Шатрищенского могильника (раскопки Т.А. Кравченко), в котором фибула типа А3 сочетается с ограненной, утолщенной в передней части пряжкой с массивным хоботковидным язычком, браслетом с расширяющимися концами и боевым ножом (рис. 24: 2–4) Но в целом, характерны уже переходные – классические рязано-окские фибулы малых размеров (типов А4 и А5) и появляются первые классические экземпляры – типов А6 и А7 (схема 3: 16, 17, 30, 32).

В погребениях **периода 3В** продолжают встречаться кругло- и овальнорамчатые ***пряжки***, с хоботковидным язычком, появляются более крупные, чем в период 3А, экземпляры. В начале этого периода рамки пряжек сравнительно тонкие, язычки приостренные (погр. 3 мыса 4 Шатрищенского могильника, раскопки И.Р. Ахмедова). В тех случаях, когда обоймы сохраняются, они всегда прямоугольные, лишь у мелких пряжек встречаются подтреугольные и подтрапециевидные обоймы (погр. 15 мыса 1 могилиника Кораблино). В дальнейшем пряжки становятся массивными, обоймы начинают изготавливаться из массивных пластин, массивными становятся и язычки (схема 3: 29, 33).

Видоизменяется состав поясных наборов: появляется новый тип ***бляшек – прямоугольных, с вогнутыми длинными сторонами***, которые, в дальнейшем, бытуют вплоть до конца V в. (схема 3: 34). Вместе с ними спорадически встречаются элементы поясных накладок предыдущей группы: умбоновидные бляшки с подвесными кольцами и без них, ромбические, прямоугольные пластины с жемчужинами по центру и углам. Появляются ***противостоящие пластины***, которые весьма характерны для позд-

[2] Здесь и далее типы даются по классификации крестовидных фибул, разработанной И.Р. Ахмедовым [Ахмедов, Гавритухин, рукопись].

неримского воинского пояса, однако здесь его роль выполняют прямоугольные обжимные пластинчатые наконечники ремней. В отдельных случаях удается проследить, что наконечник крепится на тот же край ремня, что и пряжка, а для противоположного конца делается специальное отверстие, через которое он пропускается в рамку пряжки.

Наиболее характерной формой ***браслетов*** с этого времени и до конца V в. является местная серия круглодротовых браслетов с уплощенными прямо срезанными концами, украшенных продольными рядами прямоугольных насечек, в некоторых случаях на краях имеются фасетки и треугольные пропилы, при помощи которых концам придаются крайне стилизованные зооморфные очертания (схема 3: 36).

Боевые ножи удлиняются и достигают до 40 см длины, их форма изменяется, они становятся почти прямыми. Изредка встречаются бронзовые пластинчатые наборные ножны (схема 3: 32).

Для этого времени известны три случая находок ***уздечных наборов инокультурного облика***. Кроме упомянутого набора из погр. 28 могильника Курман, следует указать случайную находку узды, сделанную в окрестностях могильника Борок II (рис. 25: 12–16). Удила из этого набора – биметаллические, а фиксаторы ремней украшены серебряными подвесками в виде «ласточкиного хвоста» и являются упрощенным вариантом уздечек типа Качин – Кошовень де Жос – Унтерзибенбрунн, к которым относится и курманская находка. В то же время, возможно к началу этого периода относится зооморфный псалий боспорского типа из могильника Ундрих. От комплекса, к сожалению, сохранились лишь серебряный круглодротовый браслет с расширяющимися плакированными золотом концами и тетрадрахма Антонина Пия кессарийской чеканки [Akhmedov, 2001, fig. 4, 4–6].

На рубеже периодов 3А и 3В появляются ***трупоссожения***, преимущественно мужские, воинские, что вероятно, связано с влиянием степных кочевников гуннского облика, для которых характерны кремации.

Встречается биритуализм: когда к мужскому сожжению дохоранивается верхняя часть женского тела с шейными и нагрудными украшениями (могильник Никитино, погр. 23/24) или, наоборот, к мужской ингумации дохораниваются кальцинированные кости части женского скелета. В изученном автором случае это были крупные кости черепа, сопровождавшиеся гривной и застежкой (погр. 3 раскопа 2 могильника Ундрих из раскопок И.Р. Ахмедова в 1999–2000 гг).

В течение бытования комплексов вещей группы 3В сохраняется обряд помещения в могильную яму обильных ***даров женских вещей***, как правило, представляющих собой комплект убора взрослой женщины: головные венчики, накосники, гривны, бляхи, браслеты. В этом аспекте весьма интересно погр. 79 мыса 1 могильника Кораблино (рис. 26), в котором мужская кремация с почти полным комплектом предметов – признаков лидера коллектива (крестовидной фибулой серии А7, поясным набором, коротким однолезвийным мечом, браслетом, удилами) сопровождалась и комплектом женских украшений: гривной, венчиком, нагрудной бляхой, браслетом.

Следующая, третья, группа погребений, относящаяся к переходной фазе от **от периода 3В к периоду 3С**, выделяется в первую очередь находками ***поясных наборов***, которые сохраняют общие формы с экземплярами предыдущего времени, но пряжки становятся массивными, рамки часто граненные, сильно увеличенные в передней части, концы массивных выступающих язычков загнуты вниз и приближены к передней поверхности рамки, появляются длинные треугольные наконечники поясов, однако в это время появляется, также, большое количество поясных деталей и поясов центральноевропейского производства. Остановиться следует на пряжке из погр. 5 Борковского могильника из раскопок В.И. Зубкова), с массивной, утолщенной в передней части рамкой, язычком со стилизованным зооморфным оформлением и поперечным рифлением у основания, небольшой прямоугольной обоймой. Подобная пряжка, но более близкая кавказским образцам представлена в погр. 24 Гавердовского могильника (рис. 27: 3). Детали оформления таких пряжек находят соответствия в дунайских памятниках середины V в. – Смолин, Артанд-Кишфаркашдомб, Тепе-Малайдок и др. [Tejral, 1997a, Abb. 22: 1; 24: 8,11; Istvanovits, Kulcsar, 1999, fig. 15: 6] и отражают процесс синтеза нового облика поясного набора пост-гуннского времени.

Другие типы представлены сериями пряжек с массивными овальными и В-образными рамками, и массивными почковидными и прямоугольными коробчатыми обоймами. Из них наиболее ранними являются пряжки с менее массивными рамками, обоймами-коробочками, составленными из пластин, и язычками с прямо срезанным основанием, плавно загибающимся за передний край рамки (период перехода от 3В к 3С). К этому времени относится появление пряжек с массивными рамками и крупными гранеными язычками, в отдельных случаях со стилизованной головкой животного, с прямоугольной площадкой у основания язычка, имитирующей гнездо для вставки. В некоторых случаях эти язычки напаиваются на бронзовую пластину, крепящую язычок на пряжке. Пряжки этих серий близки пряжкам европейских типов, происходящих из погребений фаз D2/D3 и D3, наиболее роскошные из которых встречены в погребениях в Апахиде, Блучине, Турне, Бюлле, Шамбли, Лувр-ан-Паризи [L'Or..., № 29; Tejral, 1993, obr. 310, Tejral, 1997a, Abb. 8; Périn 1995, fig. 10; Huet, 1995, fig. 1: 2]. В-образные пряжки с рифленой рамкой входили в состав инвентаря погр. 18 и 117а Никитинского могильника (тип «Притцир – Полибино» по [Бажан, Каргопольцев, 1989]. Синтезной является местная серия пряжек, с рифлеными массивными рамками, язычками с пло-

щадками у основания и массивными вытянутыми обоймами из могильников Кузьминского, Кораблино, Курман [Спицын, 1901, табл. 21: 16; Уваров, 1890, табл. 5]. (схема 3: 33, 42).

Многие из пряжек (в том числе и с прямоугольной обоймой) находились на поясах, к которым привешивались крупные ***боевые ножи*** – тесаки, сопоставимые с европейскими – так называемые «малые лангсаксы» (погр. 63, 71 могильника Борки; погр. 91 могильника Шатрищи [Спицын, 1901, табл. 20: 11; Кравченко, 1974, с. 171; рис. 23: 2], погр. 96 мыса 2 могильника Кораблино; погр. 380/8 могильника Ундрих; погр. 55 могильника Заречье и др.). Пояса с пряжками с овальной рамкой и прямоугольной обоймой и однолезвийными короткими мечами хорошо известны в центральной и западной Европе, например в бургундских, аламанских, тюрингских и баварских погребениях второй половины V в., таких как Изенав [Vallet, Kazanski, 1995, fig. 1], Эшборн, погр. 9 [Ament, 1992, Taf. 20], Алдинген [Schach-Dörges, 1987, Abb. 36], Хемминген, погр. 44, 46 [Müller, 1976, Taf. 11: A. 1, 2, B. 1, 2], Биттенбрунн, погр. 25 [Germanen, 1987, XV: 13], Дёшем, погр. 15 [Schneider, 1983, Abb. 88: 1,9], Штраубинг, погр. 330 [Geisler, 1998, Taf. 103: 330,2, 330,3] (рис. 20: 8, 9; 24: 2, 4; 25: 2, 17; 27: 3, 7). Как установлено исследователями обычай ношения воинских поясов с подвешенными к ним однолезвийными кинжалами восходит к обиходу римской армии, такие гарнитуры хорошо известны в воинских позднеримских могилах начала V в. в Галлии и на Рейне [Kazanski, 1995б, 40, 41].

Однолезвийные боевые ножи или ***короткие мечи***, длиной до 55 см, аналогичных типу западных малых лангсаксов (иногда в литературе на них переносится название скрамасаксов), в некоторых случаях в ножнах с пластинчатыми обоймами или с накладными пластинами с пуансонным орнаментом из бронзы или серебра, известны в 42 случаях: Борок II – 4 экз., Кораблино – 5 экз., Заречье IV из раскопок А.Н. Сорокина – 12 экз. [Ахмедов, Белоцерковская, 1996, рис. 15: 8, 20: 1], Шатрищи – 3 экз. [Кравченко, 1974, рис. 19: 1, 2], Борковской – 4 экз. [Спицын, 1901], Никитинский – 8 экз., Курман – 4 экз., по 1 экз. в погр. 40 Кузьминского могильника [Спицын, 1901, с. 32, рис. 9, табл. 20: 1, 16: 2] и Шокшинском могильнике (любезная информация В.Н. Шитова). Это очень большое количество, свидетельствующее о широком распространении этого типа клинкового оружия у окского населения. Для сравнения следует указать, что сводка Дитера Кваста, в которой собраны находки таких клинков в Центральной, Западной и Южной Европе включает в себя 67 экземпляров [Quast, 1999, S. 125–128; Abb. 5] (схема 3: 39).

В 6-х случаях (Борок, погр. 110, 296; Заречье IV погр. 55, 71а, 158; Ундрих погр. 8/1999 г.) они встречены в погребениях с ***длинными двулезвийным мечами***. Среди последних следует особо упомянуть меч с птицевидными деталями ножен из погр. 110 могильника Борок [Akhmedov, 1998, Ахмедов, 2001, рис. 3: 12–17], близкий образцам из Ширма-Бешеньо, с Тамани, из Дюрсо, Лара, Животинного могильника на Верхнем Дону [Menghin, 1994/95, Abb. 24, 33, 43; Воронов, Шенкао, 1982, рис. 4: 32; Медведев, Винников 1989] (схема 3: 41).

Показательно присутствие в одном из элитных воинских погребениях медальона, сделанных из ауреусов Септимия Севера, ***железного кресала***, аналогичные которому известны в Велатице погр. 4/37, Хаммельбург и др. [Tejral, 1997b, Fig. 17: 4; Menghin, 1994/95, Abb.11].

В погребениях **периода 3С** встречены ***массивные серебряные и бронзовые гривны***, сделанные из округлого дрота с утолщением в средней части, с двумя разновидностями замков: концы завязаны в крупные петли, из которых согнуты крючок и приемник, у другой разновидности крючок имеет полусферическую головку, а приемник сделан в виде граненого массивного кольца (погр. 71а могильника Заречье, погр. 14, 55, 74 могильника Кораблино, погр. 50 могильника Кузьминское, погр. 126 Шатрищенского могильника и др. [Спицын, 1901, рис. 22]). В погр. 71а могильника Заречье и 50 Кузьминского могильника серебряные гривны украшены по поверхности удлиненными ромбическими фасетками со сглаженными гранями, подобно гривне из Мамекино (схема 3: 38). Гривны подобных типов известны в варварских могилах в бассейне Дуная фаз D2 (Бржиза, Унтерзибенбрунн, Кестхей) и D2/D3 – D3 (Сегед-Надьсекшош и др.) и в Галлии – Пуан [L'Or..., № 8,1; 9,1; 27,1; Bóna, 1991, Farbtaf. 23, 24]. Экземпляры с фасетированной поверхностью встречены в кладах Латвии и Эстонии V в. [Корзухина, 1978, с. 59] и на Балканах [Miletić, 1978, fig. 1].

Продолжается развитие рязано-окских крестовидных ***фибул***, бытуют преимущественно типы А8–10 и А12, однако наряду с ними встречаются дунайские двупластинчатые типа Смолин – Косино (Борки, Курман Проходцева) (схема 3: 40), кроме того, в погр. 380/8 могильника Ундрих известна фибула (рис. 28: 1), принадлежащая варианту фибул типа Прага, характерных для древностей Моравии и Словакии [Schulze-Dörrlamm, 1986, S. 693–694]. Ту же роль, вероятно, выполняли поздние экземпляры окских профилированных фибул с кнопкой.

Важно отметить, что погребение, указанное выше, было совершенно в ***дубовой колоде***, сожженной после помещения в могильную яму. Еще два подобных синхронных случая были прослежены в Никитинском могильнике, причем здесь, как минимум, одно (погр. 59) принадлежало представителю элиты коллектива, о чем свидетельствовала находка крестовидной фибулы.

Продолжается традиция ношения ***воинских браслетов***, как правило, на правой руке погребенного, но в некоторых случаях они надеваются на обе руки. Браслеты эти – как местных типов, так и привозные: круглодротовые с массивными расширени-

ями на концах (погр. 55, 74 в Кораблино; погр. 95, 30, 39, 41, 55 в Заречье; погр. 91 в Шатрищах, погр. 1983 г. в Ундрихе и др.). Подобные браслеты являются неотъемлемой чертой воинской моды Барбарикума позднеримского времени и эпохи сложения «варварских» кролевств, они имитируют традициию использования престижных золотых и серебряных золотых браслетов – Островяны, Бру, Апахида, Блучина, Фюрст, Вольфсхайм, Гроссорнер, Пуан, Турне [L'Or...; Kuhlberg 1986, S. 66–73, 118–121]. В отдельных случаях (например, Блучина) известно, что браслет так же был на правой руке погребенного [Tejral, 1993, obr. 310].

Шпора из могильника Ундрих (рис. 29: 6) относится к наиболее поздним вариантам шпор типа Лейна или варианту D западно-провинциальных римских шпор [Giesler, 1978], бытующего и в V в., или тип VIII/IX по К. Годловскому [Godłowski, 1970, pl. 8, 9], экземплярам подгруппы H по Е. Гинальскому. [Ginalski, 1991, s. 70–71]. Близкий по форме экземпляр известен в одном из поздних слоев Ятруса [Gomolka-Fuchs, 1999, Abb. 2: 12]. Из близких экземпляров в балтийском мире следует указать шпоры в погр. 30 и 31 могильника Варникам в Восточной Пруссии, датирующихся серединой V в., погр. 50 могильника Плинкагайлис [Казакявичус, 1988, рис. 36; Кулаков, 1997].

В погребениях группы 3 встречены ***разделители ремней*** головных уборов выполненые в манере, встреченной на пряжках из погребений на австрийском течении Дуная (Вена-Леопольдау, Сигмундсберг), Паннонии (Мёщ), на детали ножен меча из Великой Бахты в Закарпатской Украине фазы D2/D3 [Tejral, 1997б, Fig. 7: 16–18; 13: 1; 16: 7–9], на пряжке из Хмельны в Среднем Поднепровье [Корзухина, 1996, табл. 91: 18]. Находки близких гарнитур особенно многочисленны на Дунае (каталог и карта находок [Bóna 1991, 248, Abb. 34]). Они известны в Венгрии, например Чанад-Бокень, Яношида и др. [Csállany, 1961, Taf. 159: 3; Tejral, 1988, Abb. 41: 14, 16]; Румынии – Маритейя; Германии – Гондорф, Мальберг [Alamannen, 1997, Abb. 194]; Швеции – Сьеруп [Die Germanen, 1987, XI,9.c, e]. Их краткий обзор опубликован в [Ахмедов, 2003б, с. 83–85]. Судя по всему, на территории средней Оки эти изделия использовались в качестве деталей культовых диадем, истоки традиции ношения которых лидерами коллективов связана с восточногерманскими обычаями. Это явление хорошо иллюстрируется комплексом погр. 124 могильника Борок II (рис. 30), в котором присутствует двулезвийный короткий меч в пластинчатых ножнах, поясной набор с птицевидными деталями, близкими причерноморским образцам [Ахмедов, 2003б, с. 84], крестовидная фибула и браслет. Весь этот набор, найденный в сочетании с диадемой, находившейся in situ на черепе погребенного, позволяет видеть в последнем человека, наделенного высоким соцциальным статусом.

Одним из наиболее характерных маркеров этой группы являются ***птицевидные поясные бляшки***, которые делятся на несколько вариантов. Наиболее распространенный из них находит аналоги в Среднем Поднепровье (Хмельна) и Венгрии (Коллекция Rath). Они декорированы в технике кербшнита, на венгерской бляшке присутствует решетчатый орнамент [Корзухина, 1996, табл. 92. 15; Fettich, 1937, Abb. 35: 2].

Пряжки из этих наборов снабжены противостоящими пластинами, аналогично набору из Блучины, что восходит к провинциально-римской воинской моде конца IV – начала V в., обильно представленной на памятниках дунайского и рейнского лимеса. ***Птицевидные фигуры***, украшающие как противостоящие пластины, так и некоторые из пряжек, находят прототипы в изображениях львов, грифонов, дельфинов и т.д. на римских поясах. На германских и византийских украшениях мотив парных птичьих голов, развернутых в разные стороны или противостоящих друг другу, известен со 2-ой половины V в. – фибула из Десаны, пряжки из Ландриано и др. [Bierbrauer, 1975, Taf. 6: 1–2; 25: 1], изделия из Керчи и Лермонтовской Скалы [Засецкая, 1993, каталог, № 269, 271; Рунич, 1976]. Этот мотив появляется уже в дунайских древностях фазы D2, например, Сегед-Нодьсекшош [L'Or..., № 19,2]. Наиболее ранний набор встречен в комплексе с фибулой типа Виллафонтана и пряжкой местной серии с зооморфным язычком, что указывает на возможную дату этого погребения в фазой перехода от периода 3B к 3C. Наиболее поздние из этих наборов, вероятно, относятся к концу V в., как находки из погр. 4 могильника Никитино и из сборов А.В. Селиванова на Борковском могильнике [Спицын, 1901, табл. 14: 18–19]. Пряжка из Никитино (схема 3: 50) имеет аналогии во 2-ой половине V в., она близка находке из погребения 1889 г. в Гюлтлингене [Quast, 1993, Taf. 1], элементы композиции на обойме пряжки ближе экземплярам с длинной обоймой в Бачки-Моностор и Секей [Tejral, 1997a, Abb. 25: 14, 18]; решетчатый декор широко представлен на различных предметах 2-ой половины V – VI вв. [Vallet, 1988, p. 52].

Все это позволяет предполагать, что в лесной зоне вырабатывался новый стиль поясных гарнитур подобно тому, как это происходило в материальной культуре остготов на Балканах и Северной Италии, визиготов в Южной Франции и Испании, а так же в Крымской Готии.

Западные импорты известны и среди предметов ***конского убора***, который в рязано-окских древностях всегда был тесно связан со степной и северокавказской уздой. Они найдены на могильнике Ундрих [Akhmedov, 2002, fig. 7, 1–8]. Это – два уздечных набора, один из которых, со стержневидными псалиями с полиэдрическими головками, рифлением, выделенной центральной частью, пряжками с полой рамкой, двускатными зажимами, изготовлен в стиле западноевропейской узды 2-ой половины V в., наиболее яркие образцы которой происходят их Апа-

хиды, Крефельд-Геллепа погр. 1782, Гроссорнера [Périn, 1995; L'Or...]. Зооморфные зажимы второй узды декорированы в рамках раннемеровингского искусства. Псалии, найденные в погр. 55 могильника Заречье-4 [Ахмедов, 1997б, рис. 2: 1] (схема 3: 46) близки находкам из аламаннских могильников Реннинген, Плейделсхейм и Альдинген [Die Alamannen, 1997, Abb. 180; Schach-Dörges, 1987, Abb. 37: 3], из погр. 216 некрополя Базель-Кляйнхюнинген [Giesler-Müller, 1992, Taf. 46; S. 216].

Таким образом, группа 3С характеризуется обильным количеством импортов как центральноевропейского, так и «понтийского» происхождения, а так же максимальным развитием воинского комплекса, включающего в себя как общеевропейские черты – парные мечи, браслеты, фибулы, гривны, так и развитие местных черт – дары женских вещей, погребения в соженных колодах.

Если граница между группами 3В и 3С достаточно условна, и определяется более поздними формами европейских пряжек, то финал группы в целом хорошо маркируется ***серповидными гривнами***, которые становятся массовыми находками уже в погребениях более позднего времени – **периода 4**. Серповидные гривны не имеют аналогов за пределами поволжско-финского мира и представляют собой имитации крупных массивных гривен группы 3. Крестовидные фибулы еще продолжают встречаться, но вместо них начинают использоваться крупные дротовые и пластинчатые сюльгамы с выступающими усами, отдельные находки коротких однолезвийных мечей превышают длиной 60 см, пропорции их сужаются, и по существу они уже являются короткими палашами. Наконечники копий уменьшаются в размерах, изменяются их пропорции, втулки становятся длинными, а лезвия уменьшаются (схема 3: 43–45, 51–52).

Достаточно четко эта граница видна на материалах погр. 4 Никитинского могильника, в котором присутствует поясной набор наиболее позднего типа поясов с птичьими головами, пряжкой типа Гюлтлинген, малое копье (рис. 30: 1–3, 13). Судя по датировке погребения из Гюлтлинген, которое относится к горизонту Флонхайм – Гюлтлинген, датирующемуся в пределах середины 80-х годов V в. – начала VI в., то и верхнюю границу группы 3 следует относить к началу VI в.

Предварительные итоги опыта периодизации воинской культуры населения Средней Оки

В результате проведенной работы можно предложить следующие, во многом еще предварительные, выводы.

Основой для сложения воинской культуры рязано-окских племен была материальная культура андреевского населения, с которой связаны ранние погребения Кошибеевского могильника (период 1А), датирующийся в рамках рубежа I–II – начала II вв. Эти традиции развивались на протяжении периодов 1В–2А, который предварительно можно датировать серединой – 2-ой половиной II – началом или 1-ой половиной III вв. Этот этап характеризуется развитием кошибеевских традиций, что выражается в продолжении бытования гривен со скользящей петлей, крупных пряжек с длинными обоймами, бытовании наконечников копий серии 2, развитии железных проушных топоров и появлении нового типа втульчатых топоров (тип 2). К проникновению степных элементов, очевидно, относятся удила с крупными кольцами, двулезвийный меч и часть мелких пряжек. Возможно, эти контакты осуществлялись через сарматские памятники Верхнего Подонья. В то же время, культура сохраняет характерный «кошибеевский» облик.

В противоположность этому периоду, следующий – 2В, который датируется в пределах 2-ой половины III – рубежа III/IV вв. н.э., демонстрирует как увеличение количества воинских погребений, что связано, вероятно, с благоприятной демографической ситуацией, так и пеструю мозаику составляющих инвентаря этих погребений. Для более ранних погребений этого периода характерны поясные и портупейные гарнитуры, удила с небольшими бронзовыми кольцами, лучковые фибулы, связанные с позднесарматскими древностями, в частности Приуралья, и с Прикамьем. Появляются отдельные черняховские импорты и изделия западно-прибалтийского происхождения, такие как пряжка типа 17 группы D по Р. Мадыде, серии пряжек с овальными обоймами. Прослеживается связь с мощинской культурой. Возможно, появление ранних западных импортов в рязано-окских могильников, также, могло быть результатом изменения этно-культурной картины мира в западной части лесной зоны Восточной Европы. Наиболее яркие из этих импортов датируются концом III – началом IV вв. – гривны, детали поясных и обувных гарнитур, шпоры – связанные с древностями пшеворской и вельбарской культур.

Может быть, что все это могло быть результатом нового политического структурирования территории, после серии «скифских» войн III в. Тогда, в гипотетических построениях большое значение должен иметь Донской путь, соединяющий Приазовье и Среднее Поочье. Косвенно в пользу этих предположений свидетельствуют отдельные находки причерноморских импортов – четырехгранных колокольчиков с выступами на основаниях, колец с утолщениями, обработанных на токарном станке конических колокольчиков.

В то же время, следует ставить вопрос о наличии некоторых западных культурных импульсов в междуречье Днепра и Волги, которые могли достичь районов Среднего Поочья.

Особый массив составляют вещи центральноевропейского и балтийского происхождения, общее количество которых гораздо больше приведенных в работе, так как многие из них находятся в комплексах

женских погребений. Например, гривны с напускными бусами, обмоткой и фигурной петлей для крючка содержались в погр. 49, с обмоткой и круглым приемником – в погр. 21 Кошибеевского могильника (раскопки В.Н. Глазова), подобные изделия известны и в других могильниках. Это явление известно и в других памятниках древней мордвы – например находка шпоры группы Е по Е. Гинальскому и пряжки группы Е по Р. Мадыде с ажурной обоймой в Ражкинском могильнике, а так же целый комплекс вещей круга восточноевропейских эмалей в погребениях Тезиковского могильника. Так же в пользу существования сильного западного импульса свидетельствует наличие целого горизонта находок круга эмалей. Они известны как в древнемордовских памятниках (находка лунниц с эмалью на Старорязанском городище, Кошибеевском, Абрамовском, Тезиковском могильниках) так и на памятниках Нижнего Прикамья (Девичий городок, Танкеевка, Нармонский, Усть-Брыскинский, Масловский могильники [Бугров, 1994, с. 33–37; рис. XIII]).

Известен и раннекиевский могильник Инясево с сожжениями и инвентарем в составе которого встречены вещи круга восточноевропейских эмалей облика на Хопре. На Хопре известна и керамика пшеворского происхождения [Обломский, 2005а].

Возможно, в рамках этого процесса сформировался «геометрический» стиль поясных гарнитур, основанный на знакомстве окского населения с пшеворскими поясами, имитирующими римские воинские пояса. Пояса этого стиля поразительно совпадают по общему облику на Средней Оке и в Прикамье, у населения азелинской и мазунинской культур. Хотя, судя по присутствию прикамских элементов – гривен, браслетов, отдельных деталей поясных гарнитур – в конце III – 1-ой половине IV вв. эти территории были связаны между собой. Вопрос о характере западных импульсов в III в. весьма сложен и должен быть подвергнут более детальной разработке. Может быть, важное значение для этого будут иметь наблюдения В.Ю. Малашева о начале распространения стиля полихромных изделий римского времени «Закшув – Кишпек» [Малашев, 2000, с. 206–207].

В отличие от периода 2А, основными характеристиками периодов 2В, который вероятно синхронен периоду 3 черняховской культуры по И.А. Бажану и О.А. Гей являются переработки схем конских уборов и плетей позднесарматского облика, в том числе и северокавказского происхождения – древностей горизонта «Буденновская Слобода – усадьба Мессаксуди».

К концу IV в. складывается основной набор категорий вещей, составляющих комплекс мужских погребений. В него входят: гривна, фибула, два пояса, один из которых часто сопровождается набором бляшек, клинковое оружие: боевые ножи в ножнах или двулезвийные мечи, в некоторых случаях снабженные бусинами – подвесками (в некоторых случаях в погребениях большие ножи и мечи составляют боевую пару), наконечники копья и дротика, предметы конского убора и снаряжения всадника: уздечные наборы, плети.

В погребениях периода 3А гуннского времени, соотносимого с фазой D1, выделенной Я. Тейралом для центральноевропейских древностей, встречены, также, деревянные чаши с бронзовыми оковками по краю и сосуд с каплями синего стекла, что указывает на проникновение степных традиций в культуру рязано-окских племен. Подтверждает это и находка в погр. 265 могильника Борок II бронзовой литой ложки среднеазиатского происхождения. Судя по всему, рязанские финны принимали некоторое участие в событиях, результатом которых стало сложение гуннской державы.

В рамках периода 3А происходила выработка самобытных рязано-окских «крестовидных» фибул, которые являются как великолепными хронологическими маркерами, так и знаками социального статуса владельца. Как показал анализ контекста находок фибул на могильниках, их владельцы являлись лидерами коллективов. В некоторых случаях, вместо крестовидных фибул, были использованы наиболее поздние, крупные фибулы – верхнеокские с кнопкой, традиционно связываемые исследователями с древностями мощинской культуры [Фролов, 1970, с. 80–81, рис. 1: 3]. Это – находки в п. 3 Закопищенского могильника из раскопок И.И. Проходцева и депаспортизированная фибула из Кулаковского могильника (коллекции Рязанского историко-архитектурного музея заповедника, к.п. 1374, 1375, оп. 194–195). В результате анализа этой разновидности фибул, проведенного автором в рамках проекта РГНФ «Фибулы Центральной России», выяснилось что они являются наиболее поздними в эволюционном ряду верхнеокских фибул с кнопкой. Необходимо, также, указать на то, что в отличие от носителей мощинской культуры, у которых эти фибулы использовались в женском костюме и носились парами, здесь они являлись частью мужского костюма и носились в одном экземпляре. Подобным образом были использованы двупластинчатые позднечерняховские фибулы в погр. 75 Кошибеевского могильника (раскопки А.А. Спицына) и погр. 131 Никитинского могильника (раскопки И.Р. Ахмедова). Судя по всему, развитие социума потребовало появления внешних признаков власти, для чего вырабатывались самобытные формы и использовались предметы, первоначально принадлежавших другому комплексу – женскому убору.

Процесс развития воинской материальной культуры проходил на фоне развития общества и, возможно, прямом участии этого общества в событиях эпохи Великого переселения народов, и привел к появлению яркой воинской культуры периодов 3В и 3С, которые в целом соответствуют фазам D2 и D3 центральноевропейских древностей.

Для этого периода характерно появление целого ряда новаций: изделий в стиле «Унтерзибенбрунн –

Сесдал», ременных гарнитур дунайского облика, изделий, декорированных в стиле перегородчатых инкрустаций, уздечных наборов как «понтийских» стилей, так и отдельных наборов центральноевропейского происхождения, появление новых категорий клинкового оружия: одно- и двулезвийных коротких мечей. Однолезвийные мечи в Поочье в настоящий момент составляют наибольшую группировку этой категории в Европе, наряду с Подунавьем и и сопредельными территориями.

Появляются новые формы внешних признаков власти – крестовидные диадемы, украшенные птицевидными изображениями. Аналоги этим наборам прослеживаются в германских древностях Подунавья и Северной Европы. Наличие этих предметов в «привилегированных» рязано-окских погребениях, появление местных версий этих наборов, распространение наборов на территории от Среднего Поочья до нижнего Прикамья убеждает в том, что здесь мы имеем дело не с отдельными инокультурными импортами. Подобные новация могли быть принесены представителями отдельных аллохтонных групп, фиксируемых в Центральной России, в верховьях Днепра, Оки и в западной части Волго-Окского междуречья. [Ахмедов, Казанский 2004, с. 173–175]. Вопрос о роли этих групп, механизмах взаимодействия их с окскими финнами, остается открытым. Однако уже сейчас можно предполагать, что отдельные их представители были инкорпорированы в среду рязано-окского населения.

Весь набор элитных мужских погребений на уровне категорий имитирует сложившийся в Центральной и Западной Европе во 2-ой половине V в. комплекс «королевских» аксессуаров, ярко представленных в погребениях круга «Апахида – Турнэ». Любопытно, что этот комплекс используется и при погребении детей – автором изучено погребение мальчика не старше трех лет с перевитой гривной дунайского облика на шее, браслетами на обеих руках и коротким однолезвийным мечом – погр. 43 могильника Никитино [Ахмедов, 2002].

Наряду с выделением погребений «лидеров» появляются, также, погребения с престижным воинским набором, в котором отсутствуют крестовидные фибулы, но встречены гривны, боевые пары клинкового оружия, поясные наборы, богато украшенные уздечные наборы (Борок, погр. 110, 296; Заречье IV, погр. 55, 71а, 158, Ундрих, погр. 8/1999 г.) Несомненно это представители наиболее милитаризованной части населения, возможно военные предводители или наиболее заслуженные войны. Этот тезис так же требует дальнейшей разработки.

Выявленная местная серия поясов с птицевидным декором, восходящая к римским образцам, и развивающаяся параллельно с подобными стилями поясных гарнитур в Западной Европе (стиль «Нюдам», поясные наборы круга «Апахида-Турнэ») подтверждает предположение о непосредственном контакте рязано-окских племен с «западными» мигрантами. [Ахмедов, 2003; Ахмедов, Казанский, 2004; Ахмедов, в печати 1; в печати 2].

Находки пряжек типа «Птицир – Полибино» (погр. 18, 117 Никитинского могильника) и выявленная местная серия рифленых пряжек, а так же, пряжки декорированные инкрустациями и треугольно-выемчатой резьбой, уздечные наборы северо-европейского облика, шпора, фибула типа «Прага», наконечники копий типов 2 и 7 по В. Казакявичусу позволяют наметить еще одно направление контактов в сфере развития воинской культуры – северо-западное, идущее в том числе и через Верхнее Поочье и Среднее Поднепровье, на что указывают в частности находки предметов воинского обихода на могильниках Лужки, Кажаки, городищах Луковня, Супруты, Серенск, Демидовка, Близнаки и др. [Казанский, 1999; Kazanski, 2000; Ахмедов, Казанский, 2004, Ахмедов, в печати 3].

Все это накладывается на явные следы военной напряженности в Москворечье и Поочье, на что указывают как многочисленные находки стрел на городище Кунцево, умбона на Луковне, горизонта погребений убитых стрелами и дротиками мужчин и женщин на могильнике Кораблино (погр. 16, 96 и др. раскопки И.В. Белоцерковской).

Все вышеперечисленное позволяет утверждать, что в гуннское и постгуннское время процесс формирования воинской культуры рязано-окского населения был непосредственно связан с развитием военной моды и обычаев в Европе эпохи Атиллы и последовавшего за крахом гуннской державы периода сложения варварских королевств. На мой взгляд, в будущем были бы интересны сопоставления этих поцессов с теми, что отмечаются исследователями для бассейна Немана, где сложение воинской культуры происходило на фоне военных столкновений и усиленного культурного взаимодействия полиэтничных образований Западной Балтии [Лухтан, 1997; Шименас, 1990; Кулаков, 2002].

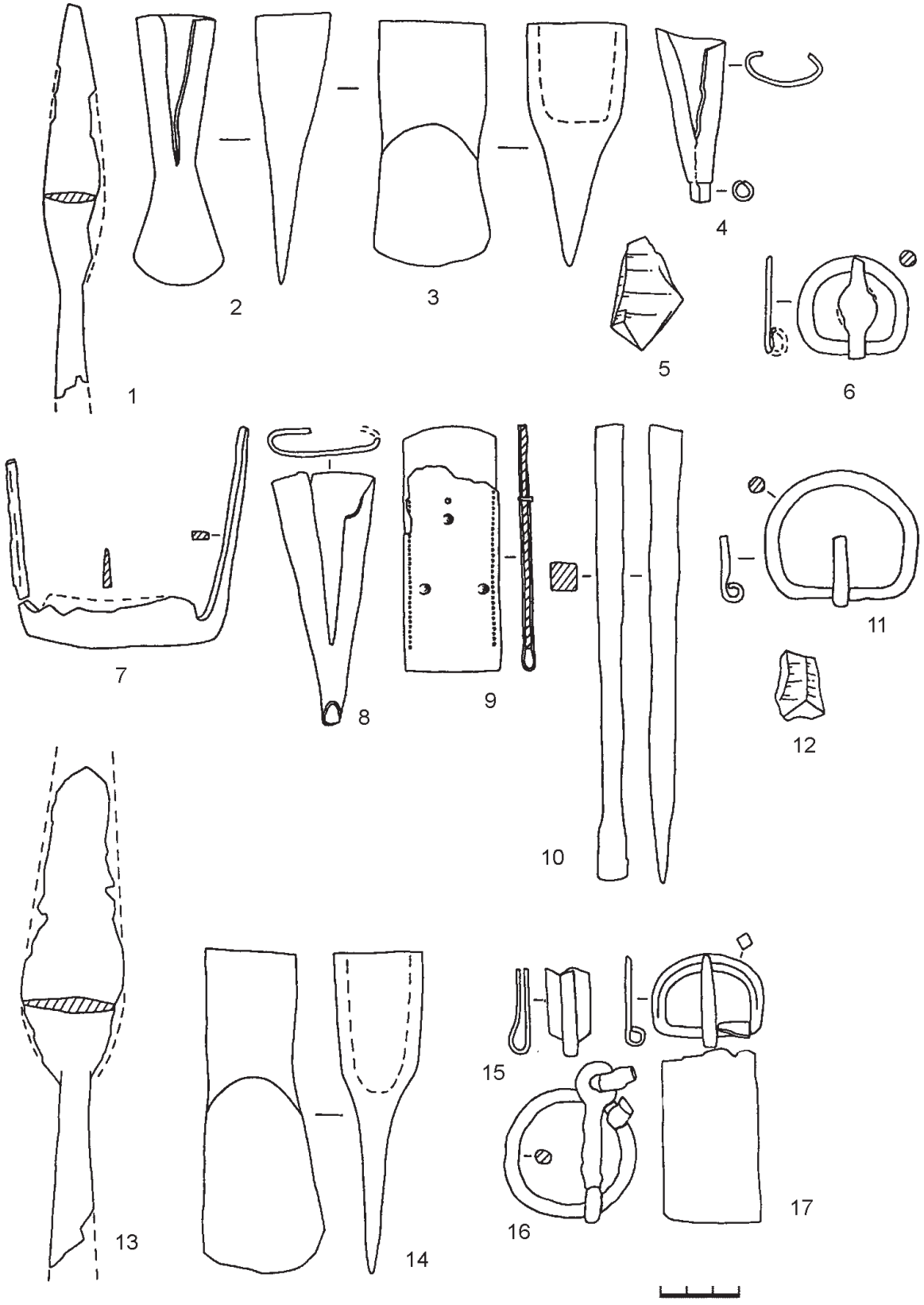

Рис. 1. Находки из Кошибеевского могильника; раскопки В.Н. Глазова:
1–6 – погр. 70; 7–12 – погр. 67 ; 13–17 – погр. 85.

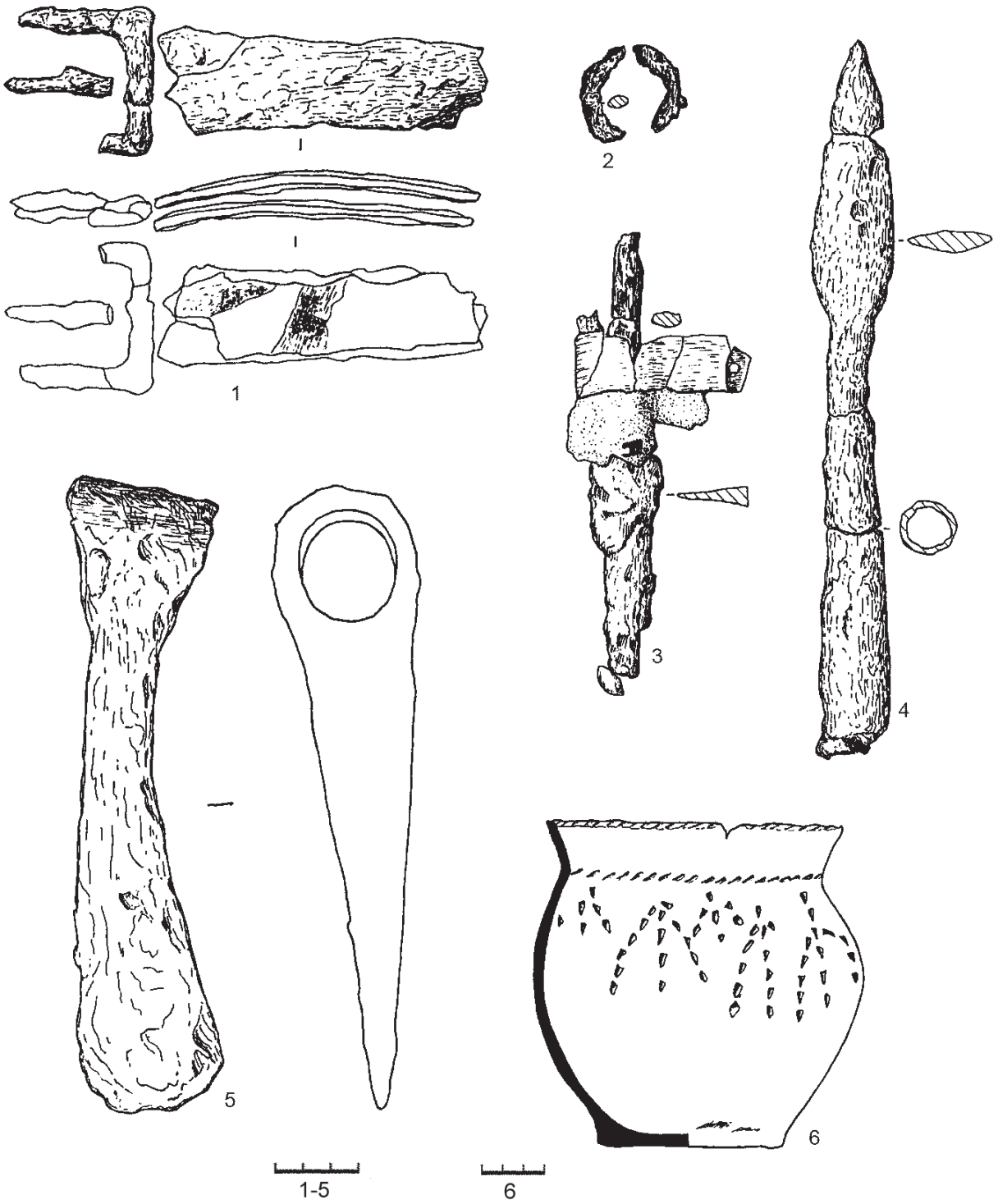

Рис. 2. Находки из погр. 68 мыса 2 могильника Кораблино.

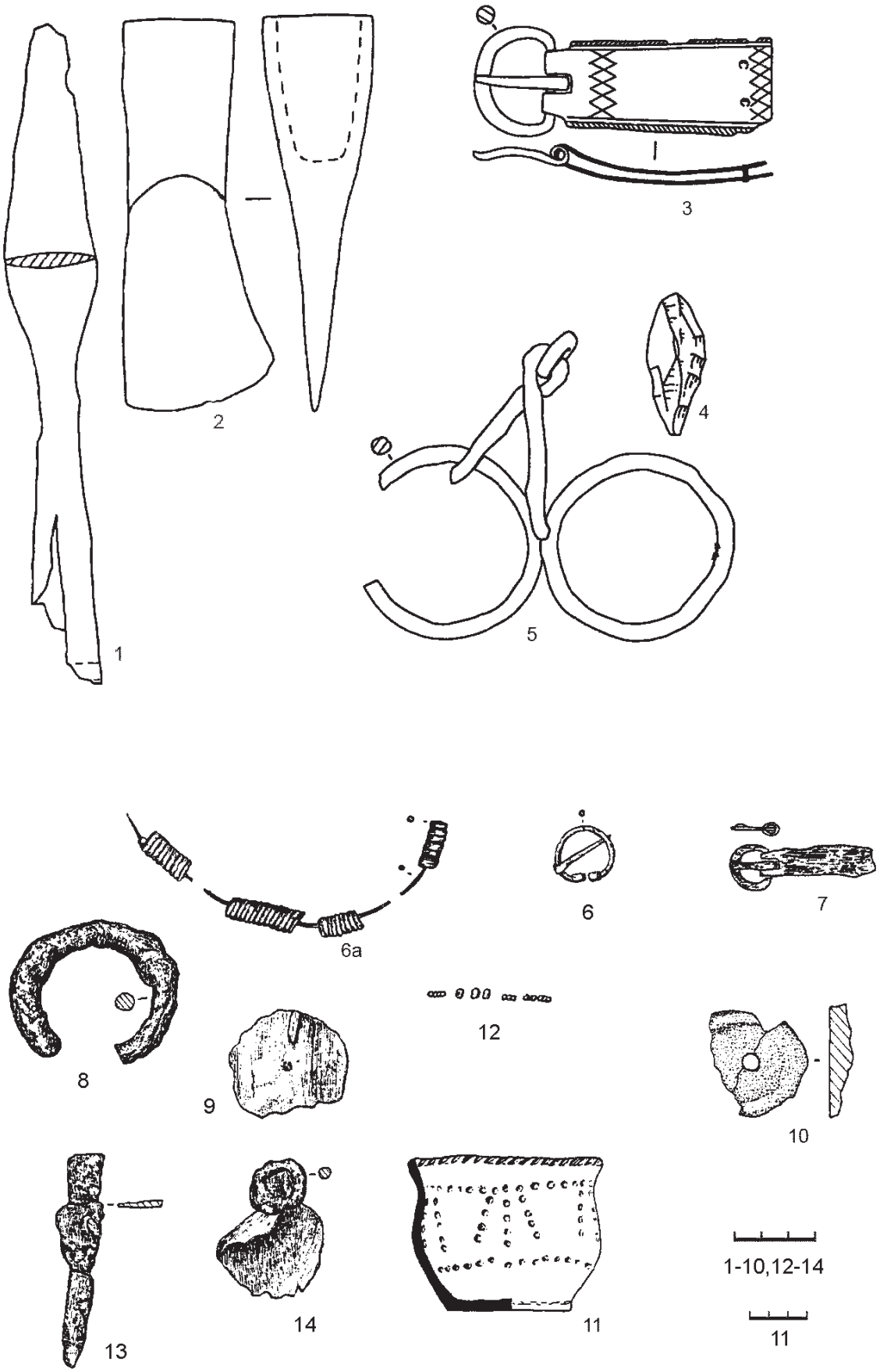

Рис. 3. Находки из: 1–5 – погр. 61 Кошибеевского могильника, раскопки В.Н. Глазова; 6–11. – погр. 59 мыса 2 могильника Кораблино.

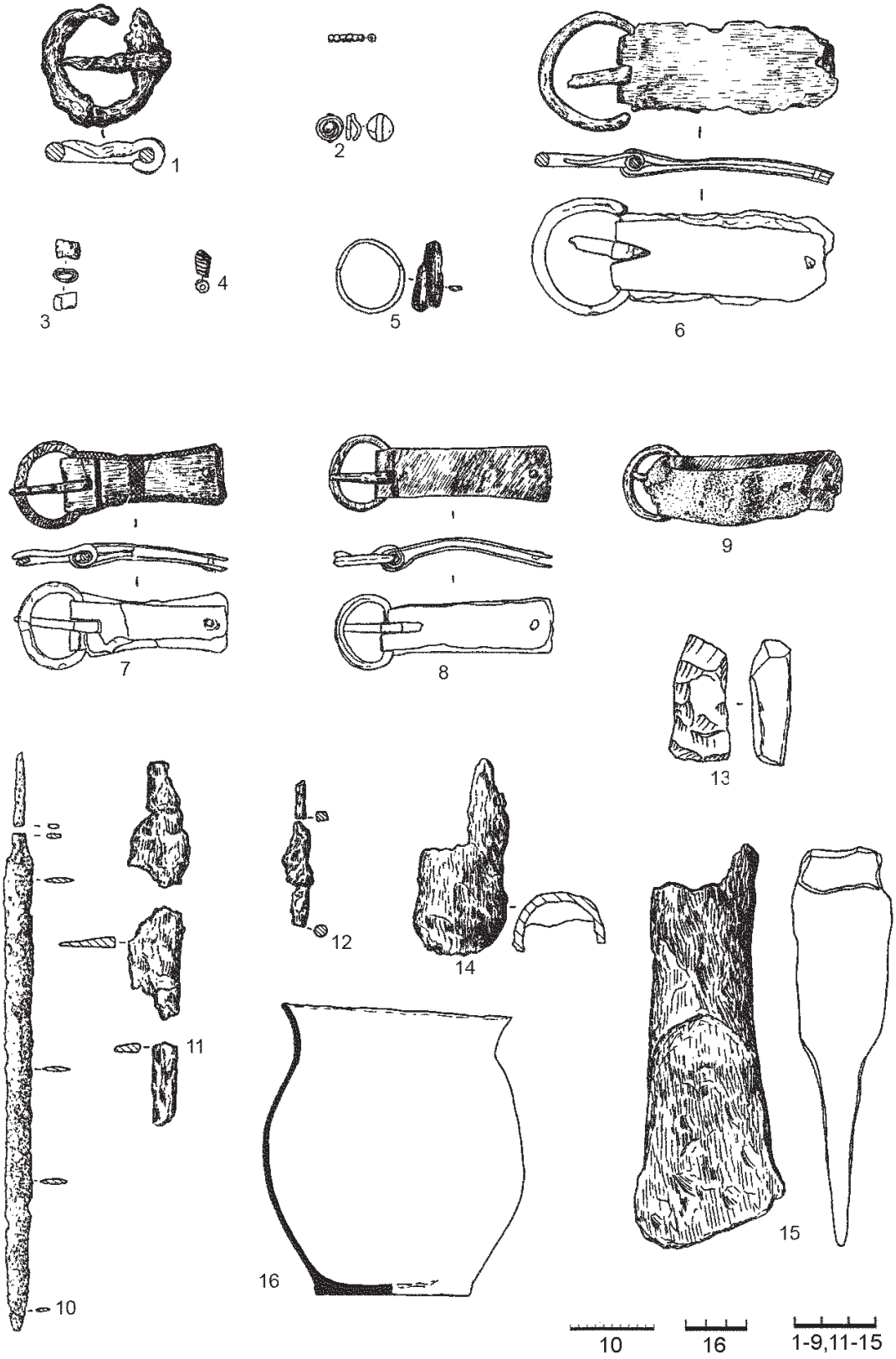

Рис. 4. Находки из погр. 81 мыса 2 могильника Кораблино.

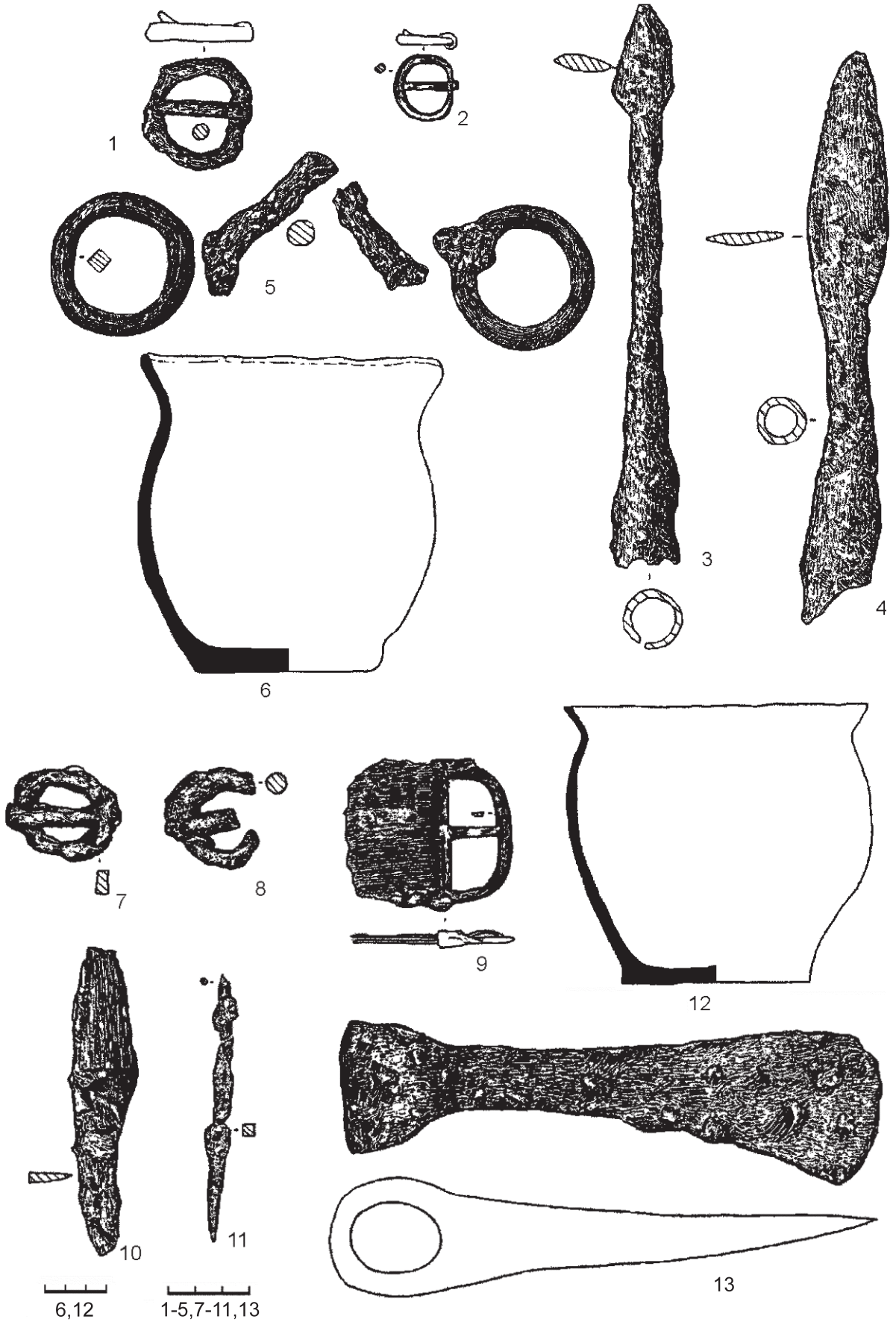

Рис. 5. Находки с мыса 2 могильника Кораблино:
1–6 – погр. 30; 7–13 – погр. 42.

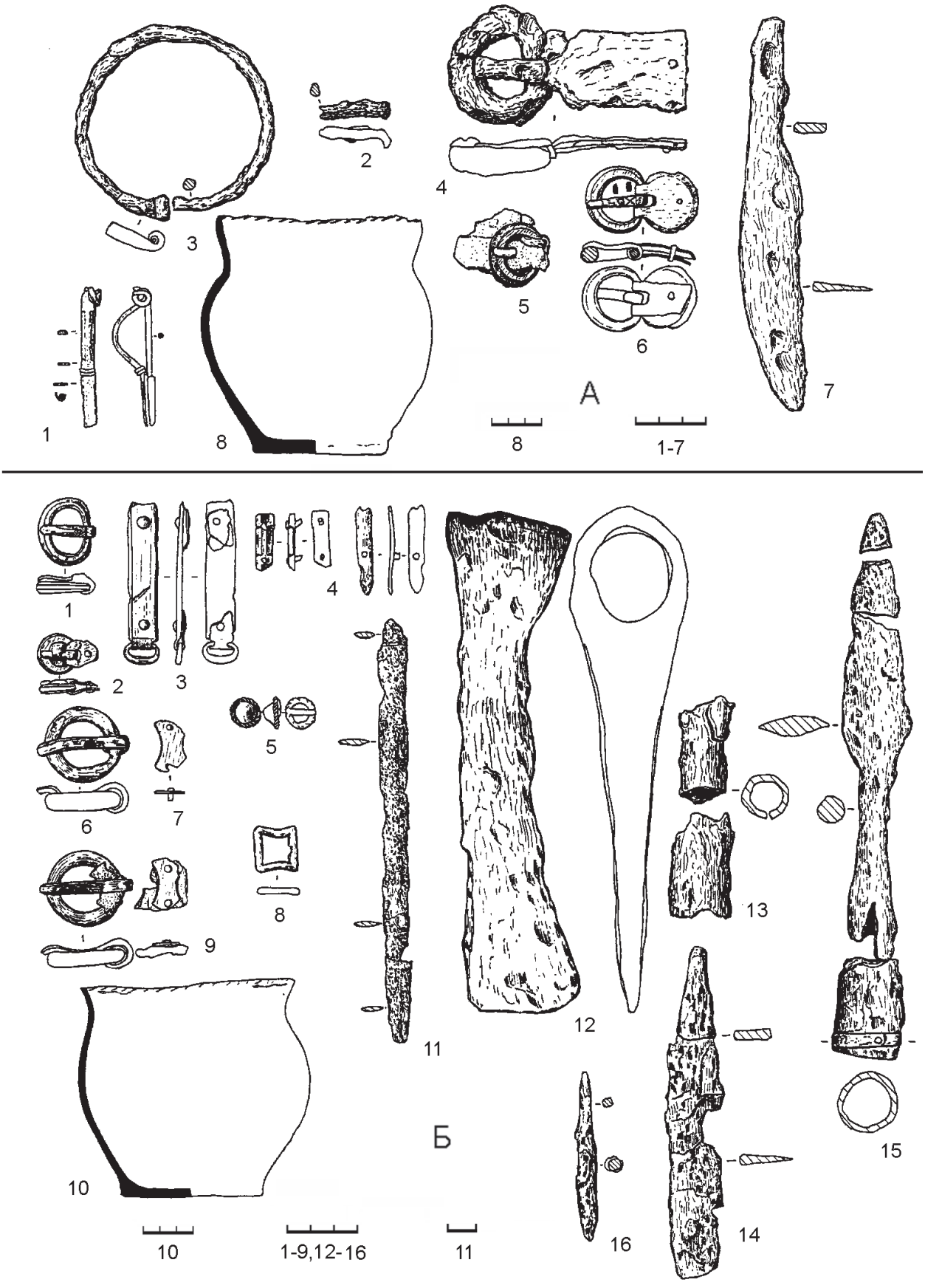

Рис. 6. Находки с мыса 2 могильника Кораблино:
А – погр. 65; Б – погр. 79.

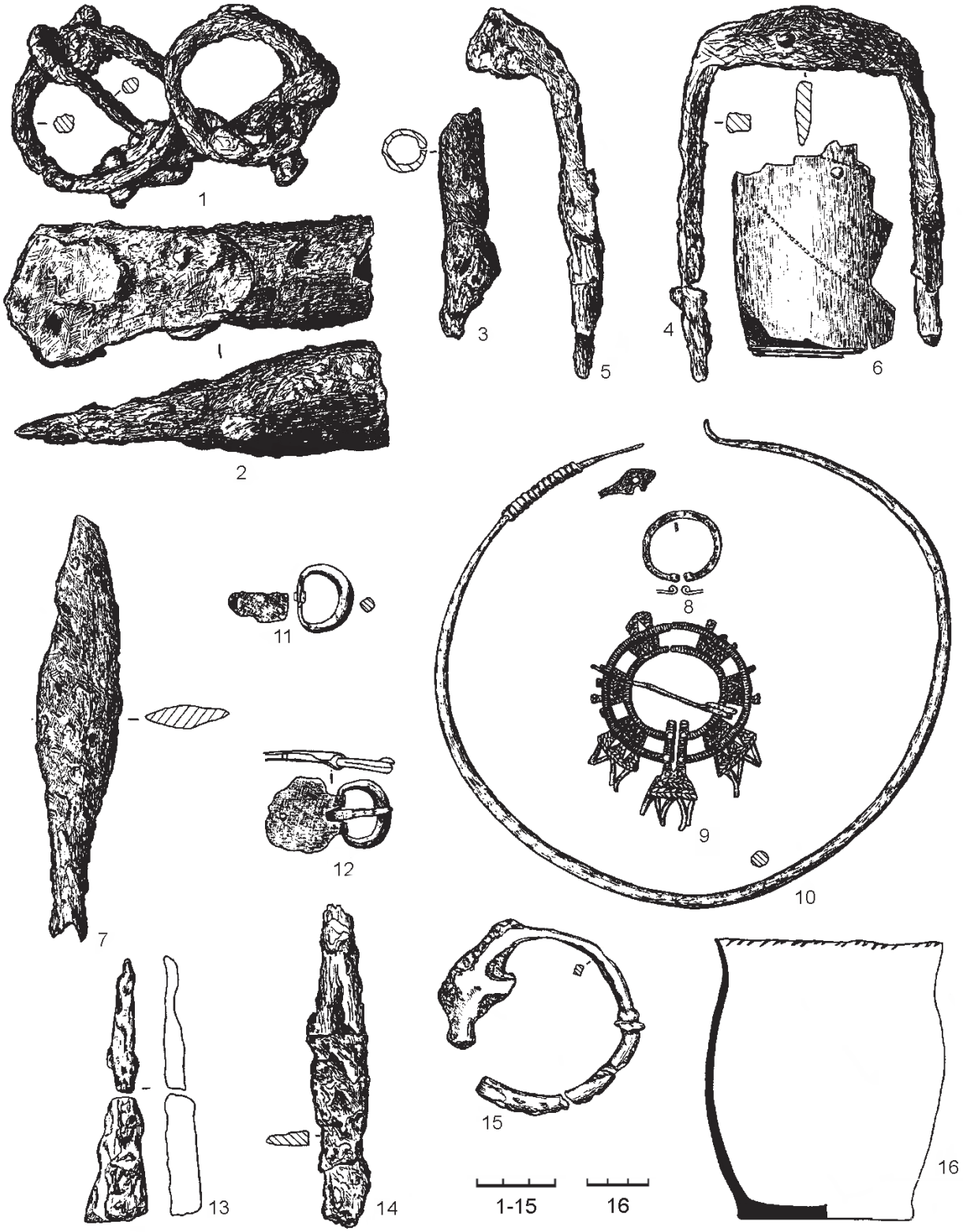

Рис. 7. Находки их погр. 2 мыса 2 могильника Кораблино.

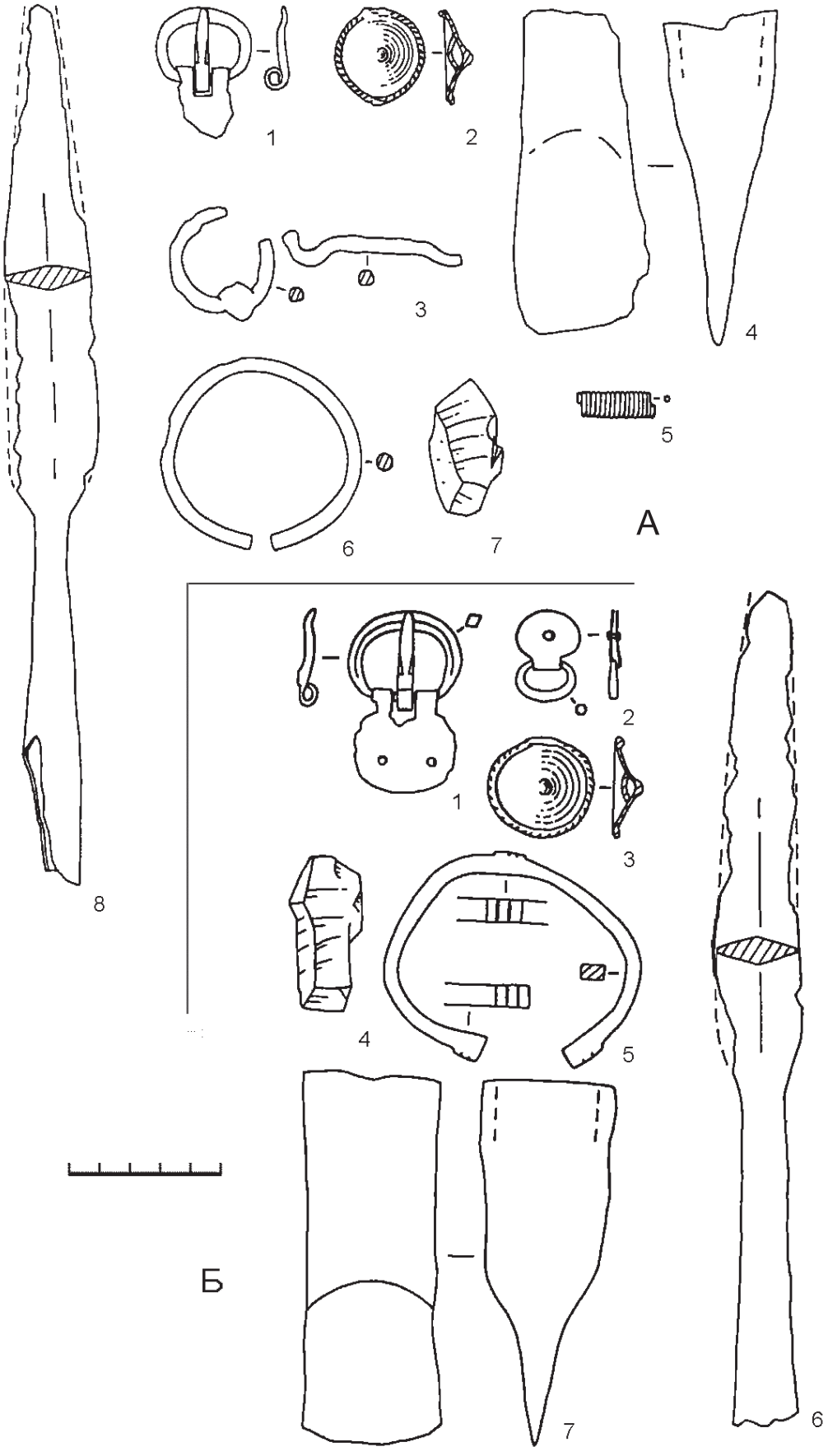

Рис. 8. Находки из Кошибеевского могильника; раскопки В.Н. Глазова:
А – погр. 19; Б – погр. 4.

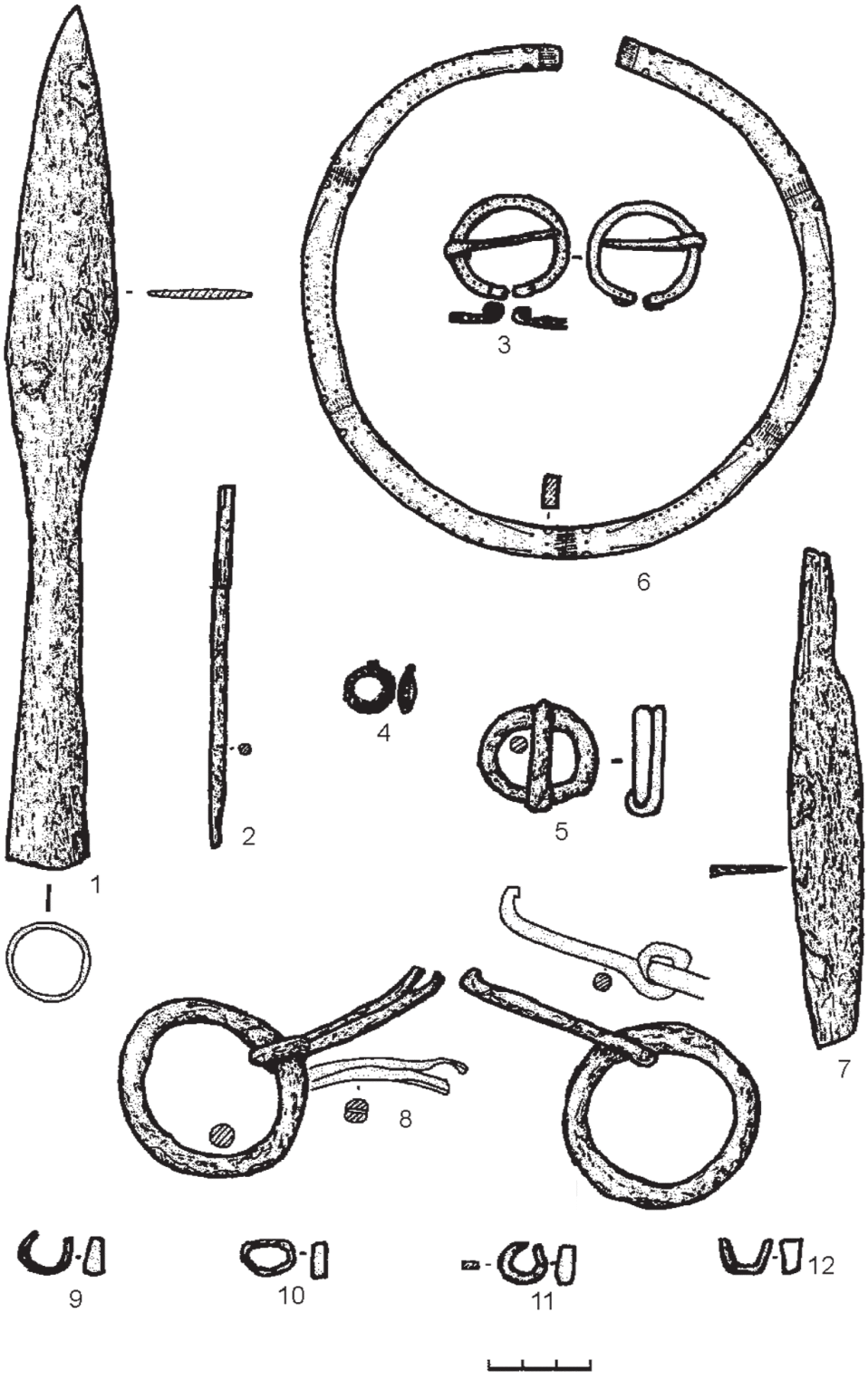

Рис. 9А. Находки из погр. 116 Б могильника Заречье IV.

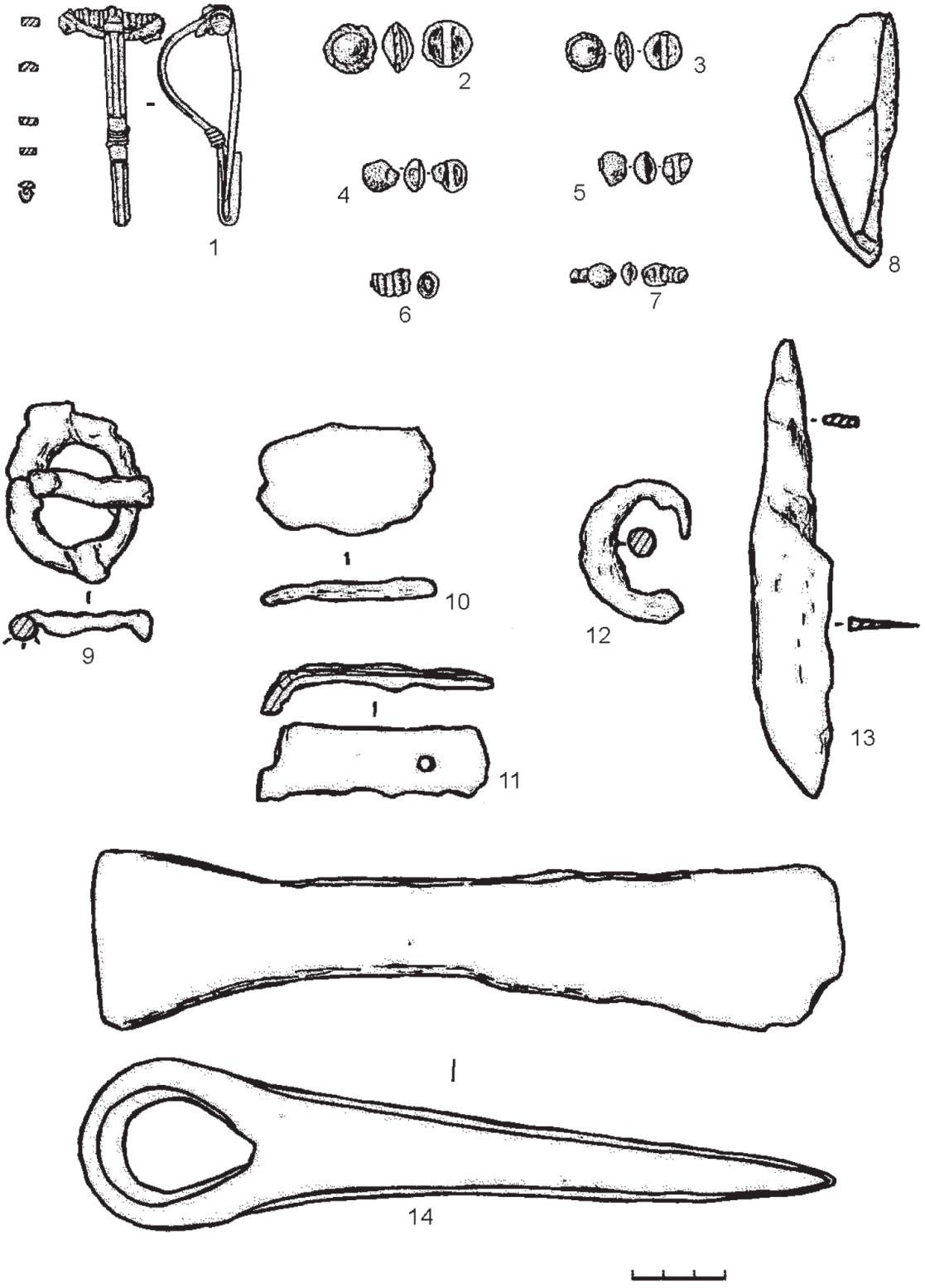

Рис. 9Б. Находки из погр. 116 В могильника Заречье IV.

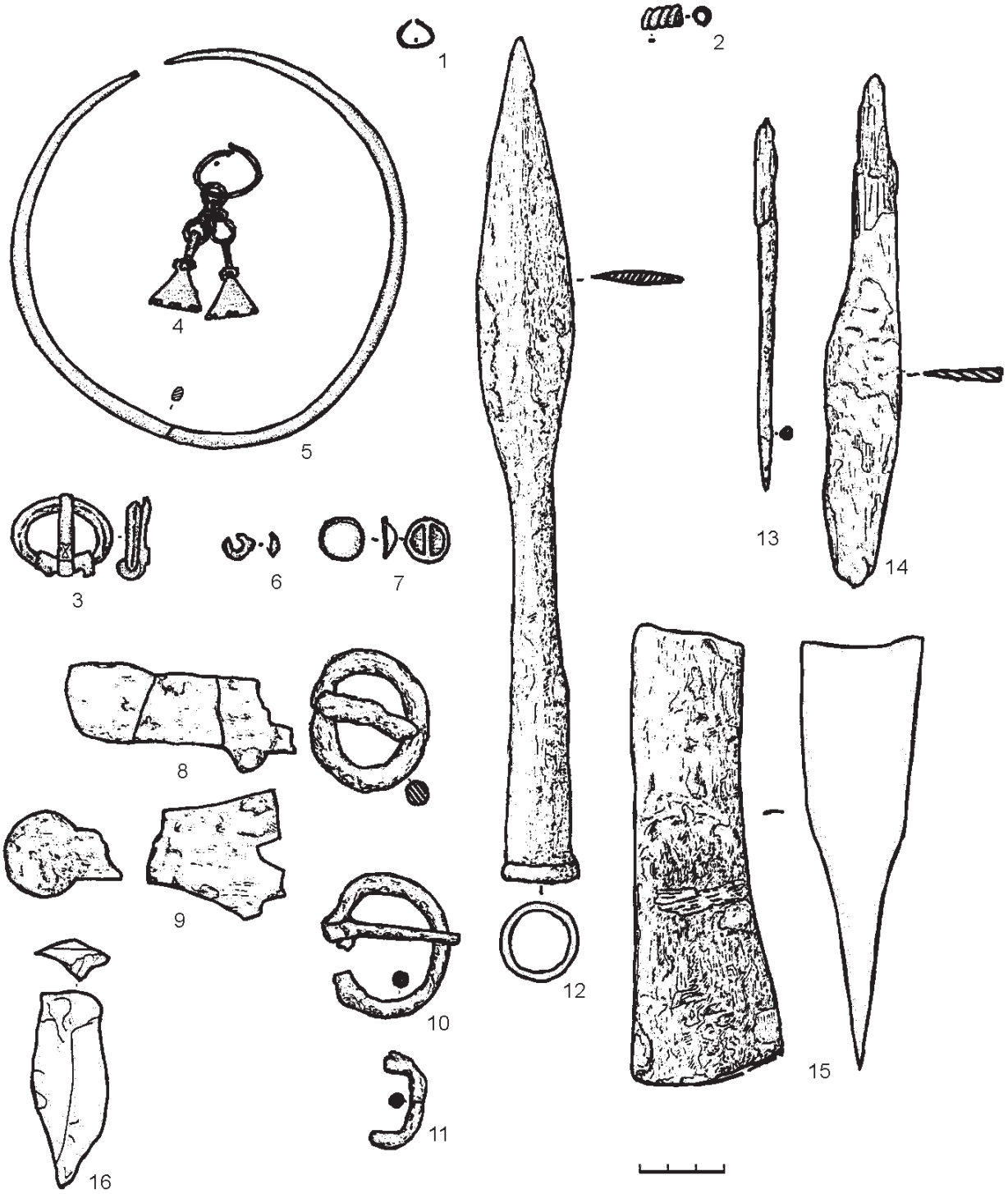

Рис. 9В. Находки из погр. 116 А могильника Заречье IV.

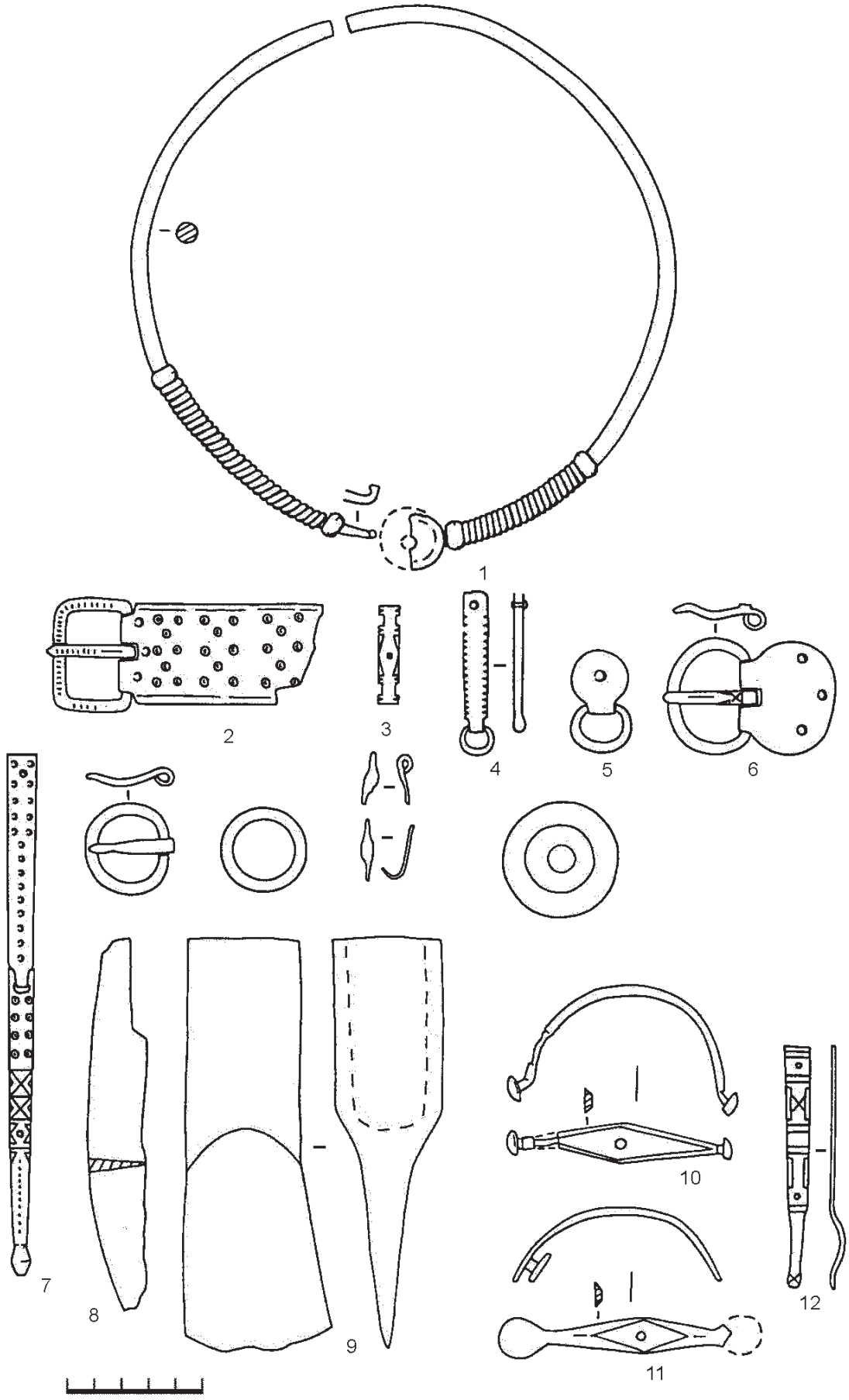

Рис. 10. Находки из погр. 57 Кошибеевского могильника; раскопки В.Н. Глазова.

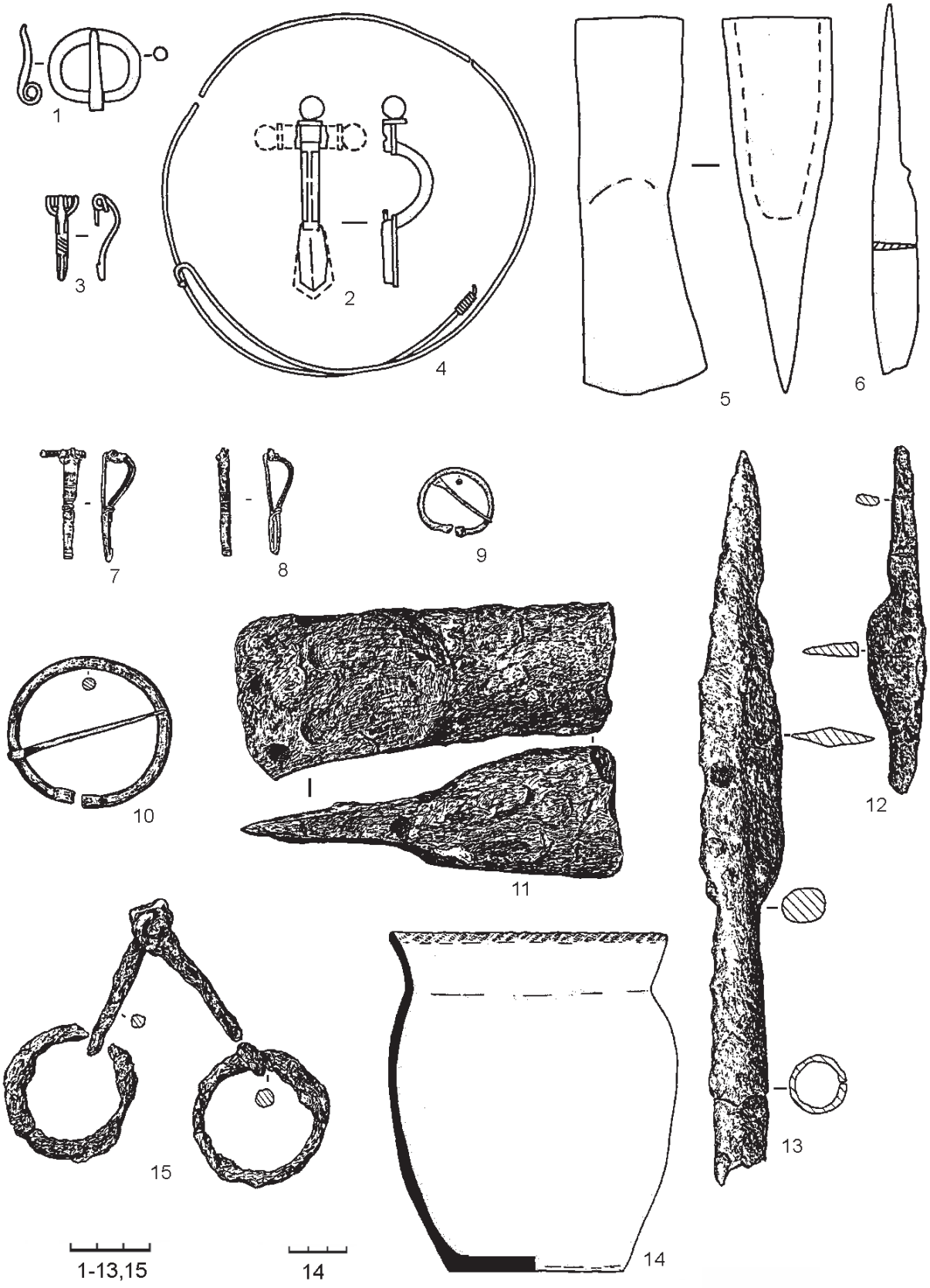

Рис. 11. Находки из:
1–6 – погр. 11 Кошибеевскго могильника, раскопки В.Н. Глазова;
7–15 – погр. 61 мыса 1 могильника Кораблино.

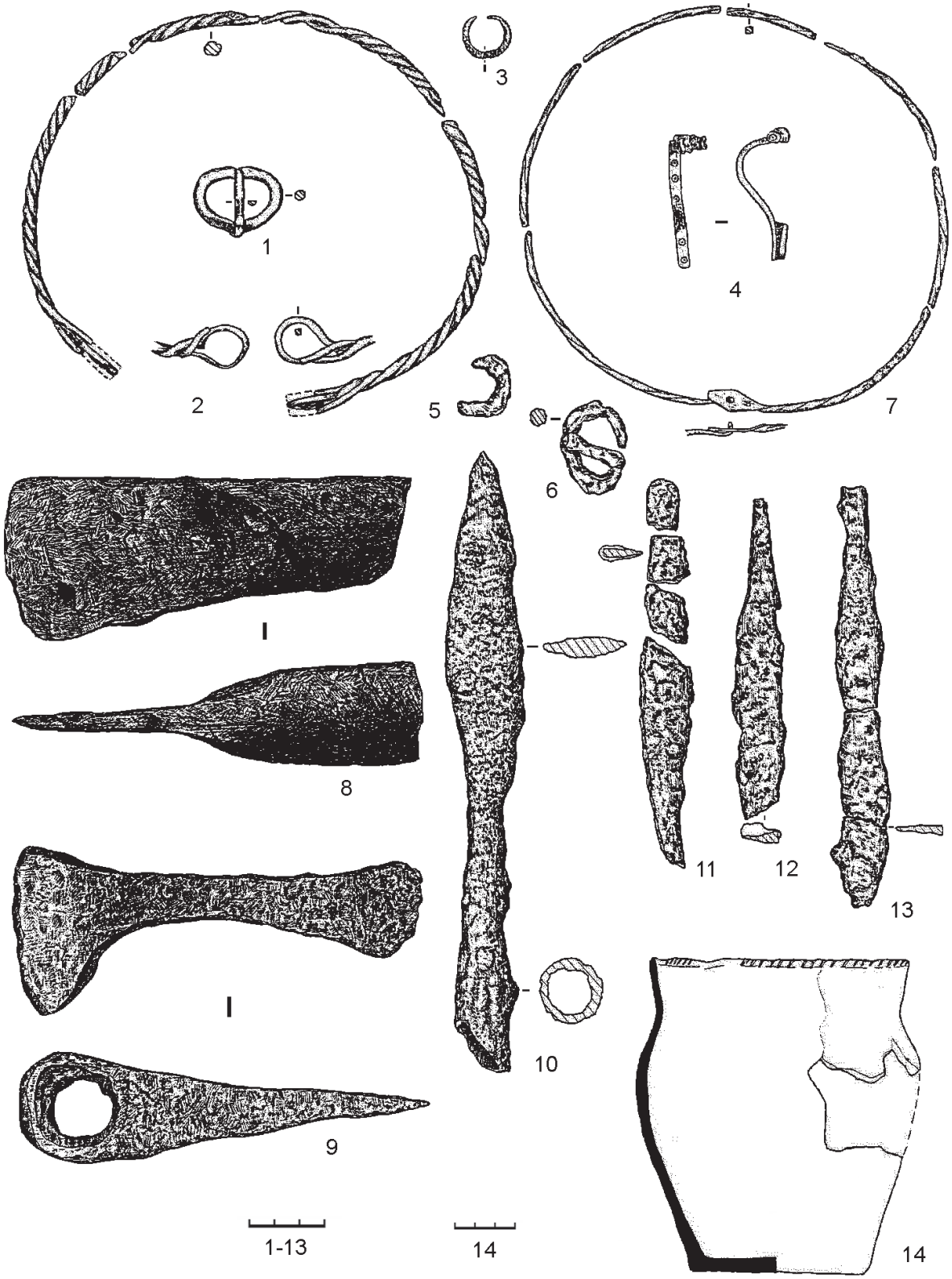

Рис. 12. Находки из погр. 1 мыса 1 могильника Кораблино.

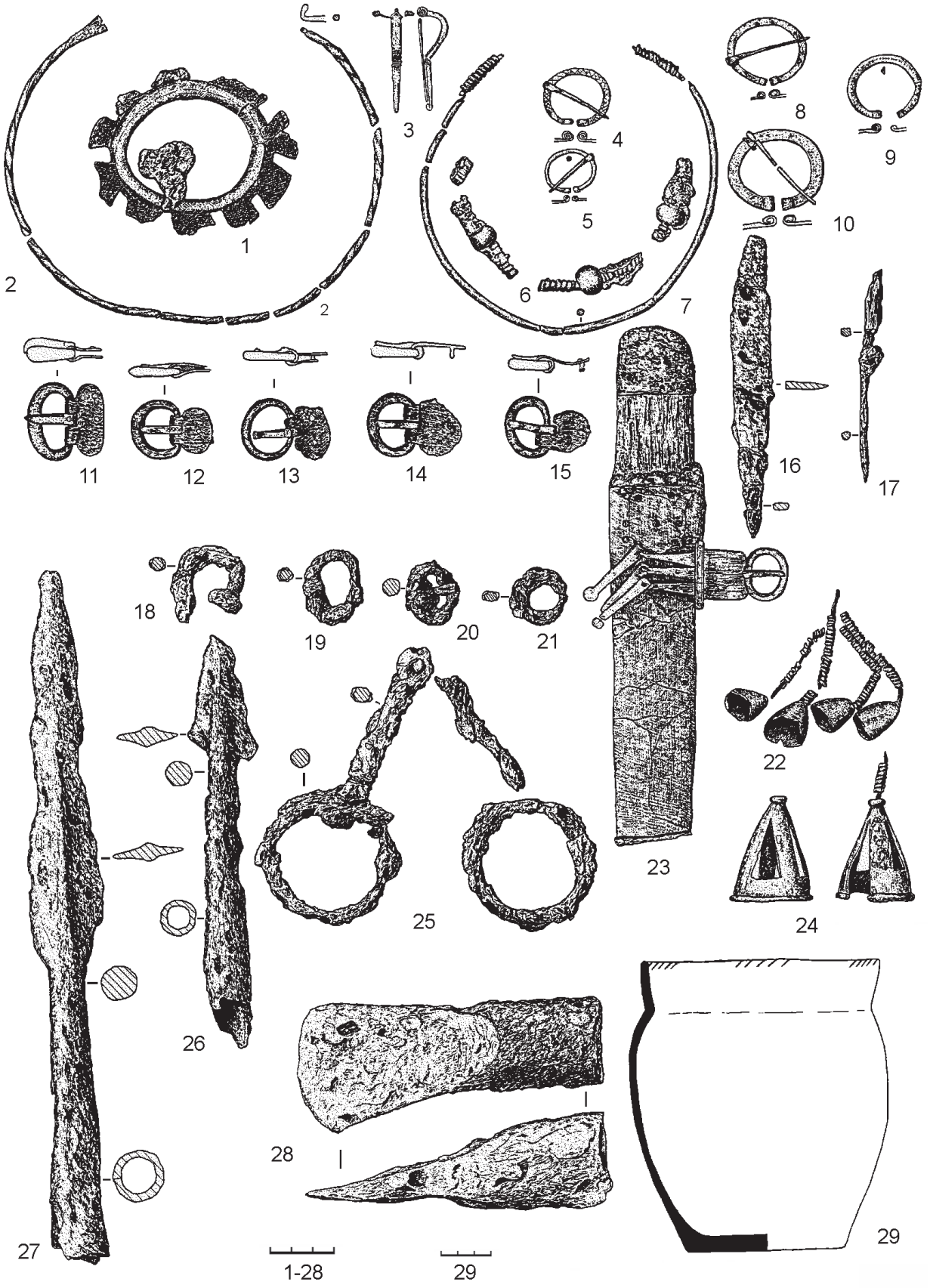

Рис. 13. Находки из погр. 72 мыса 1 могильника Кораблино.

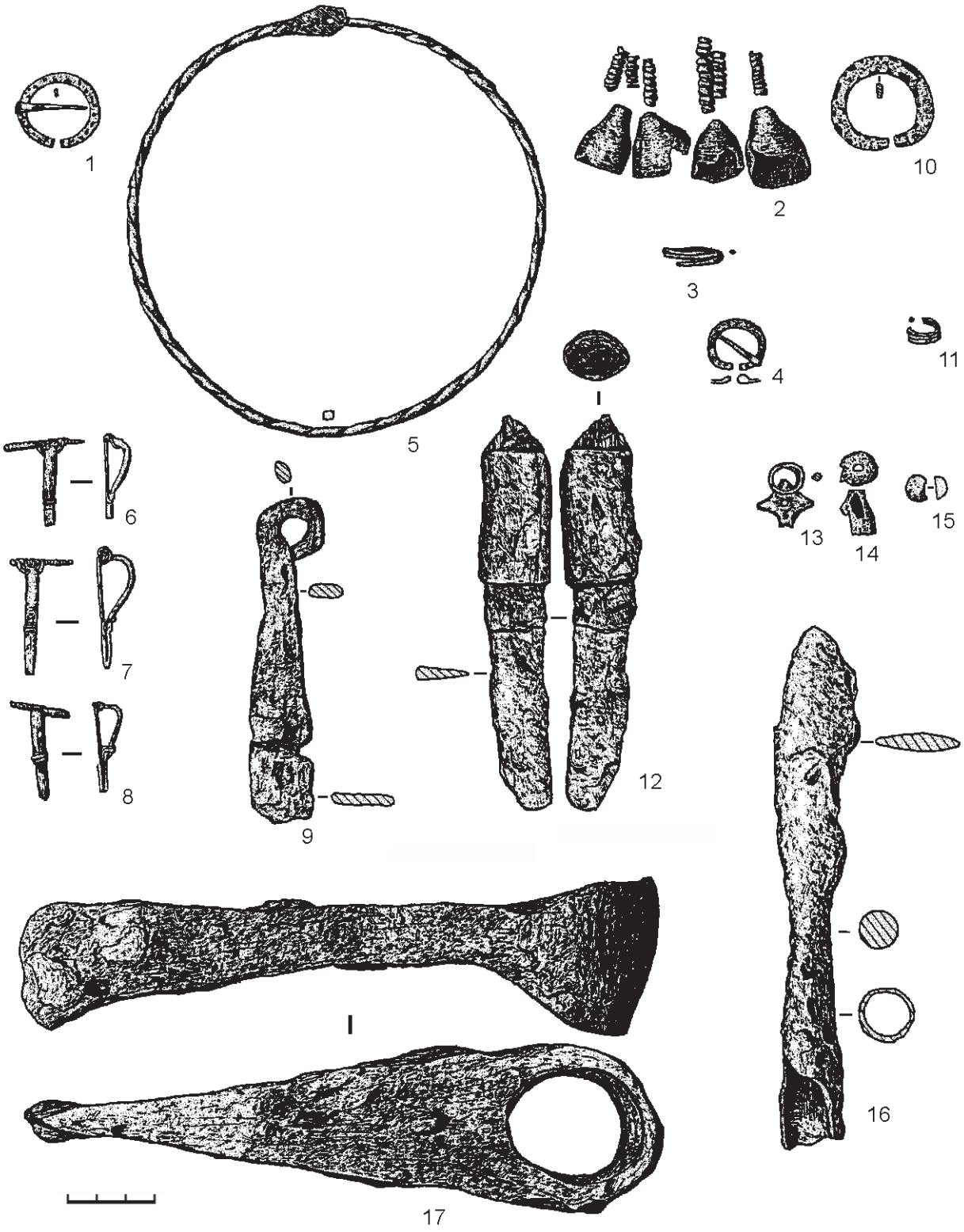

Рис. 14. Находки из погр. 59 мыса 1 могильника Кораблино.

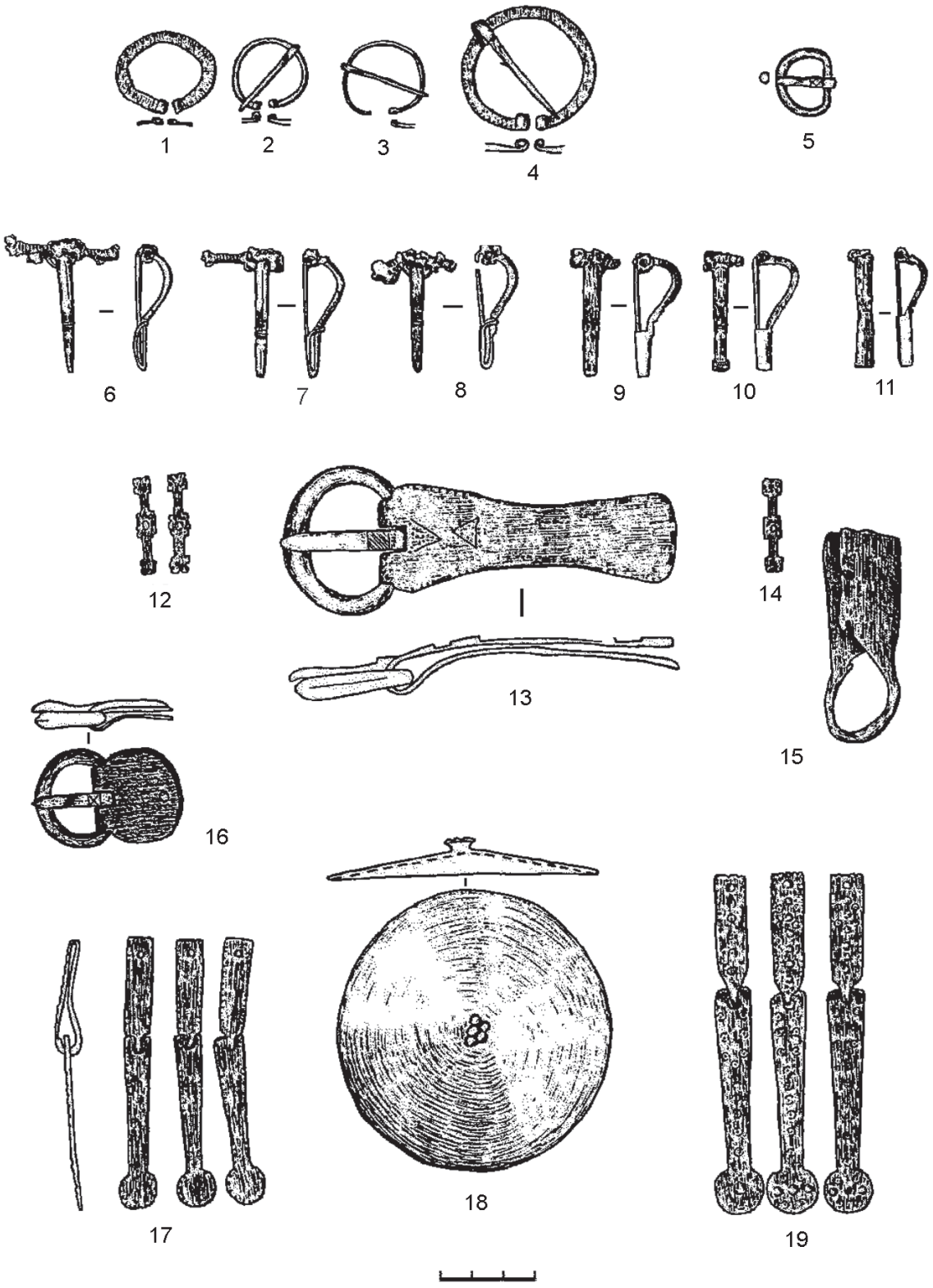

Рис. 15 (начало). Находки из погр. 75 мыса могильника Кораблино.

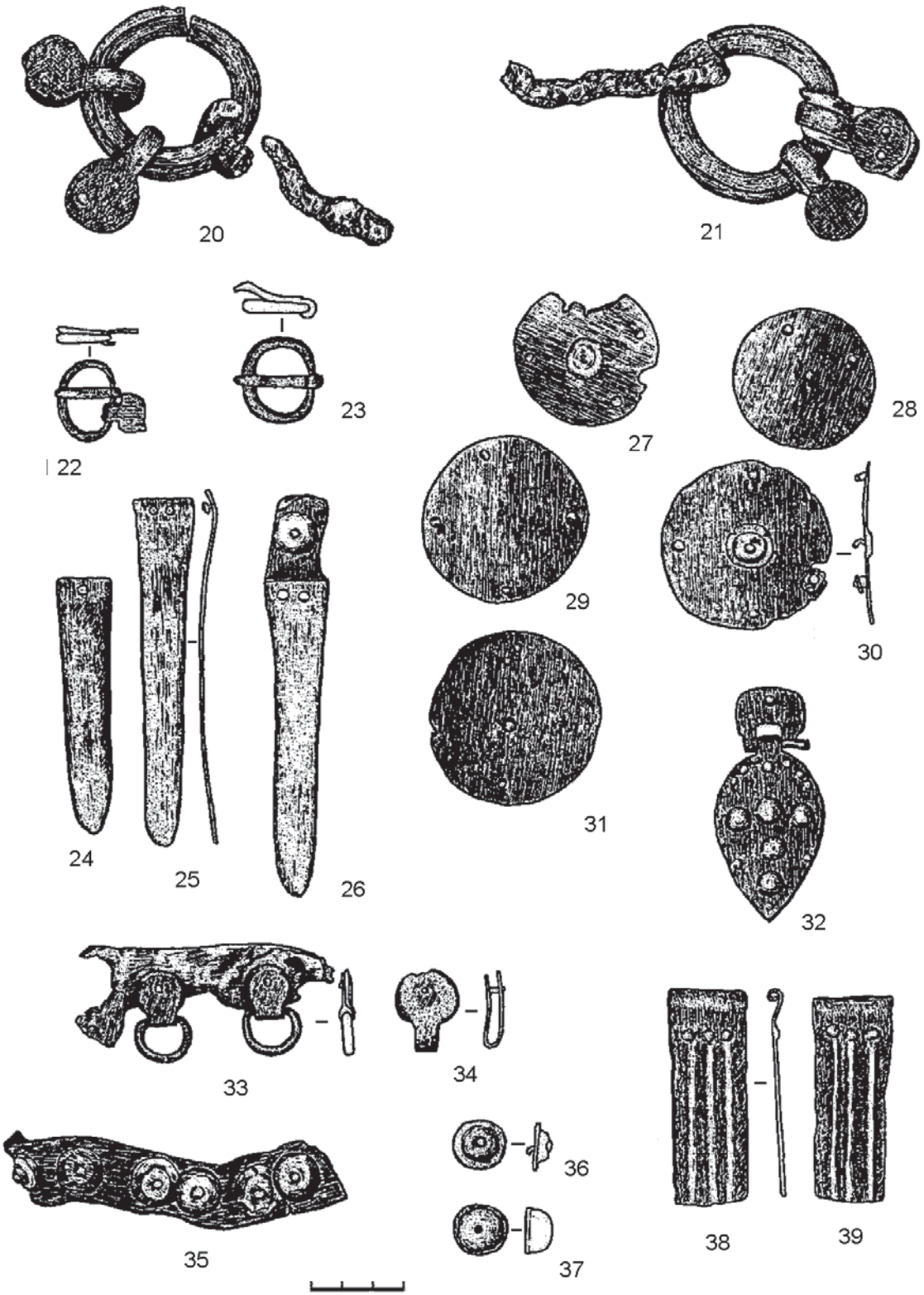

Рис. 15 (окончание). Находки из погр. 75 мыса могильника Кораблино.

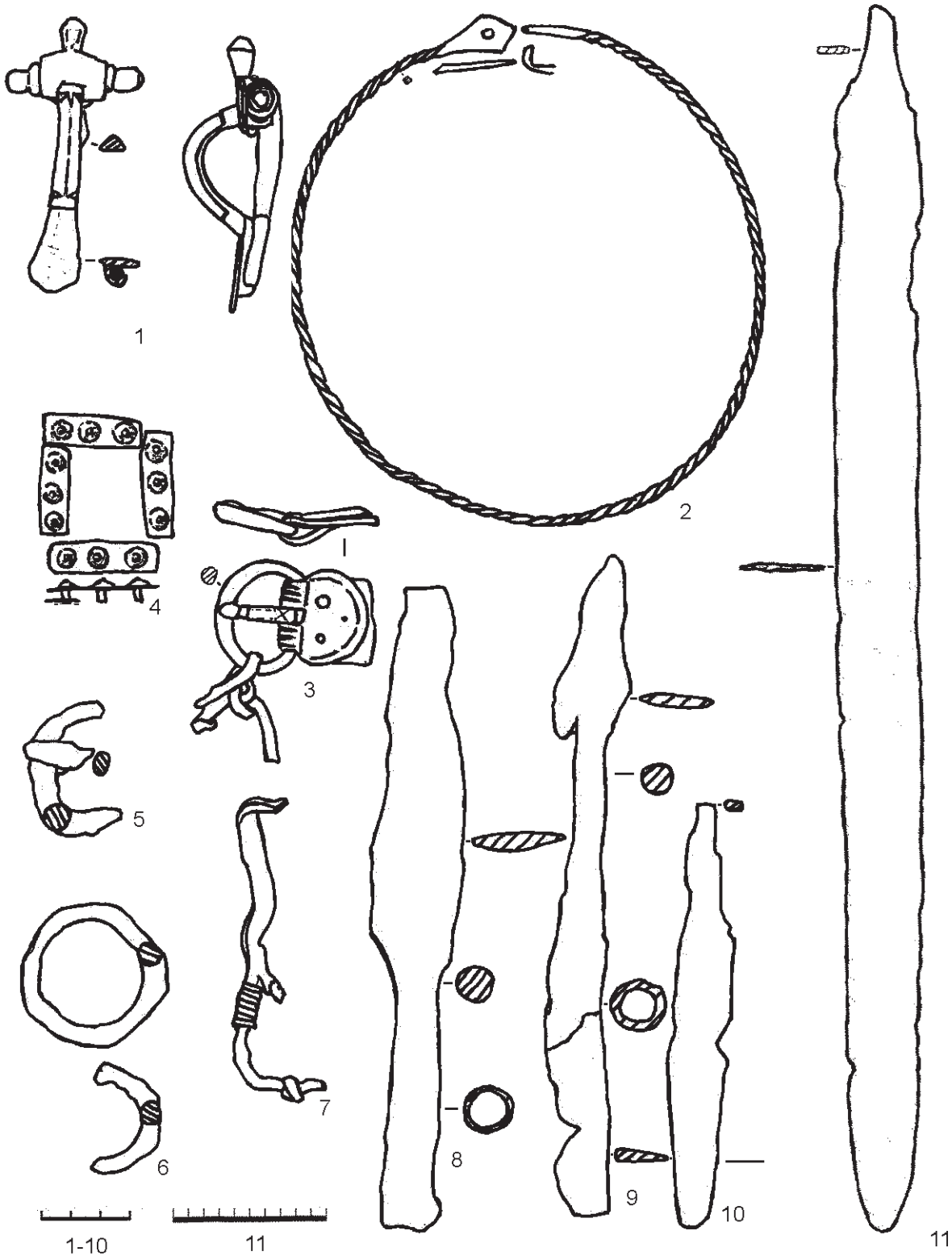

Рис. 16. Находки из погр. 41 Кузьминского могильника.

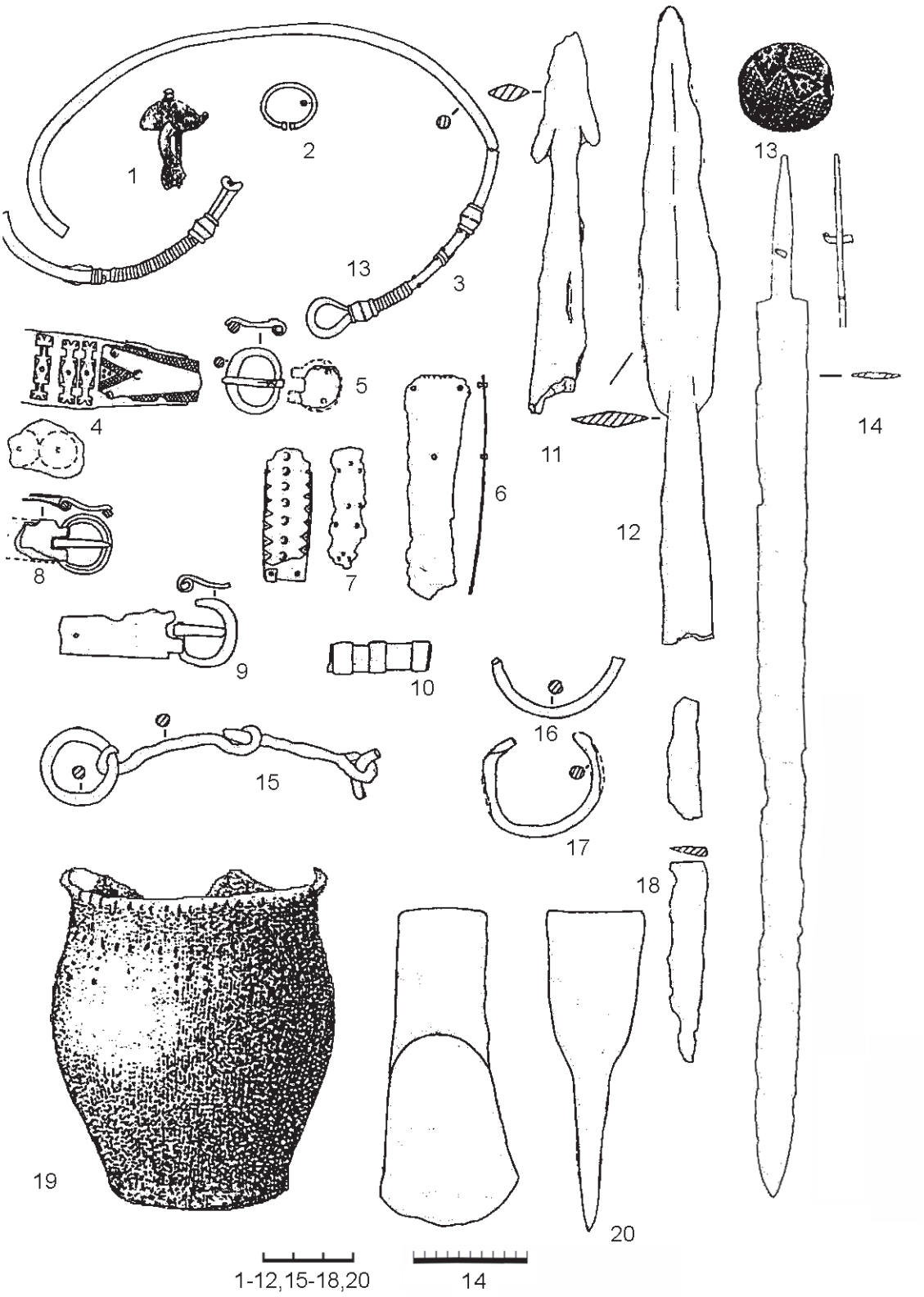

Рис. 17. Находки из погр. 75 Кошибеевского могильника; раскопки А.А. Спицына.

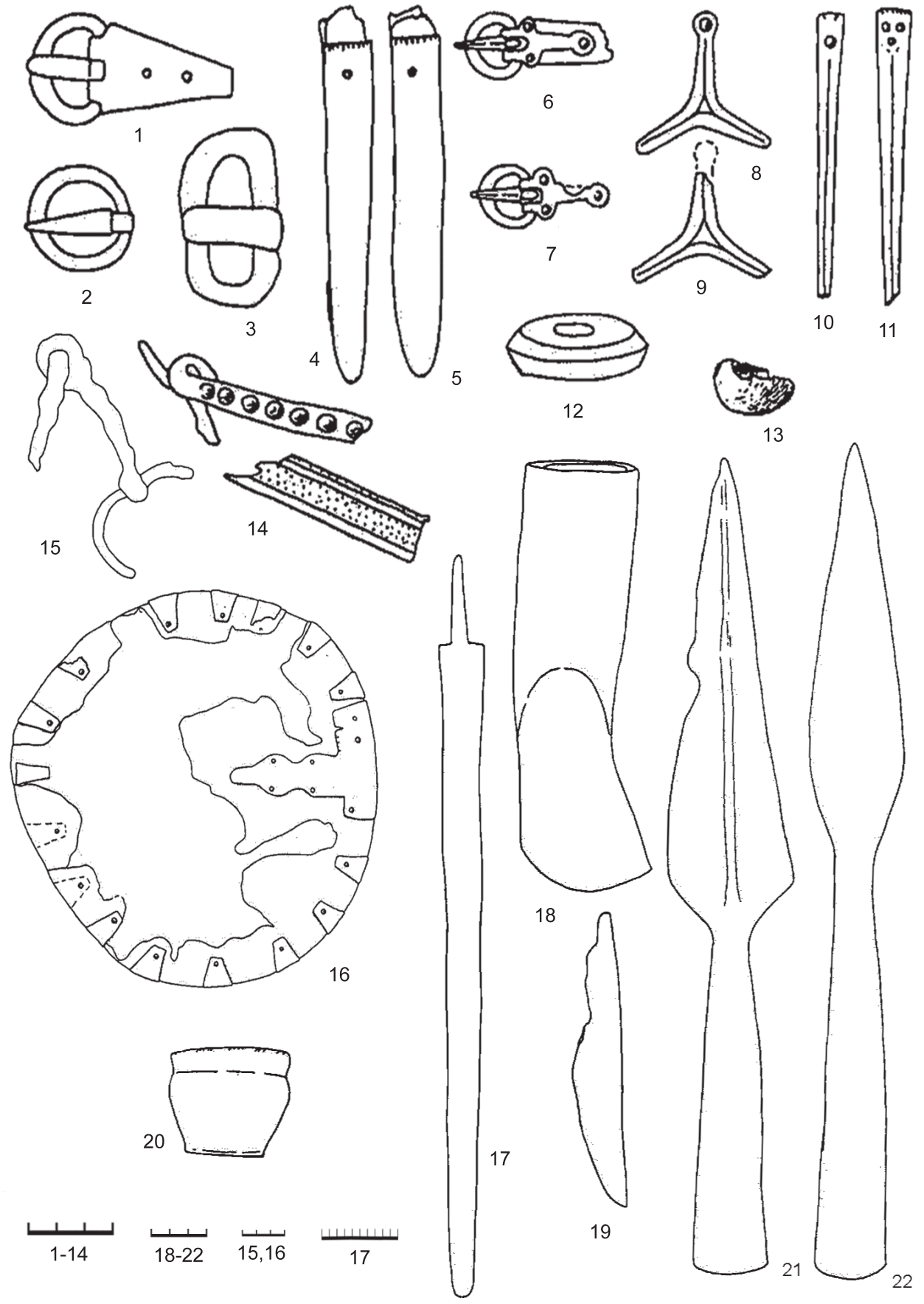

Рис. 18. Находки из погр. 50 могильника Ундрих.

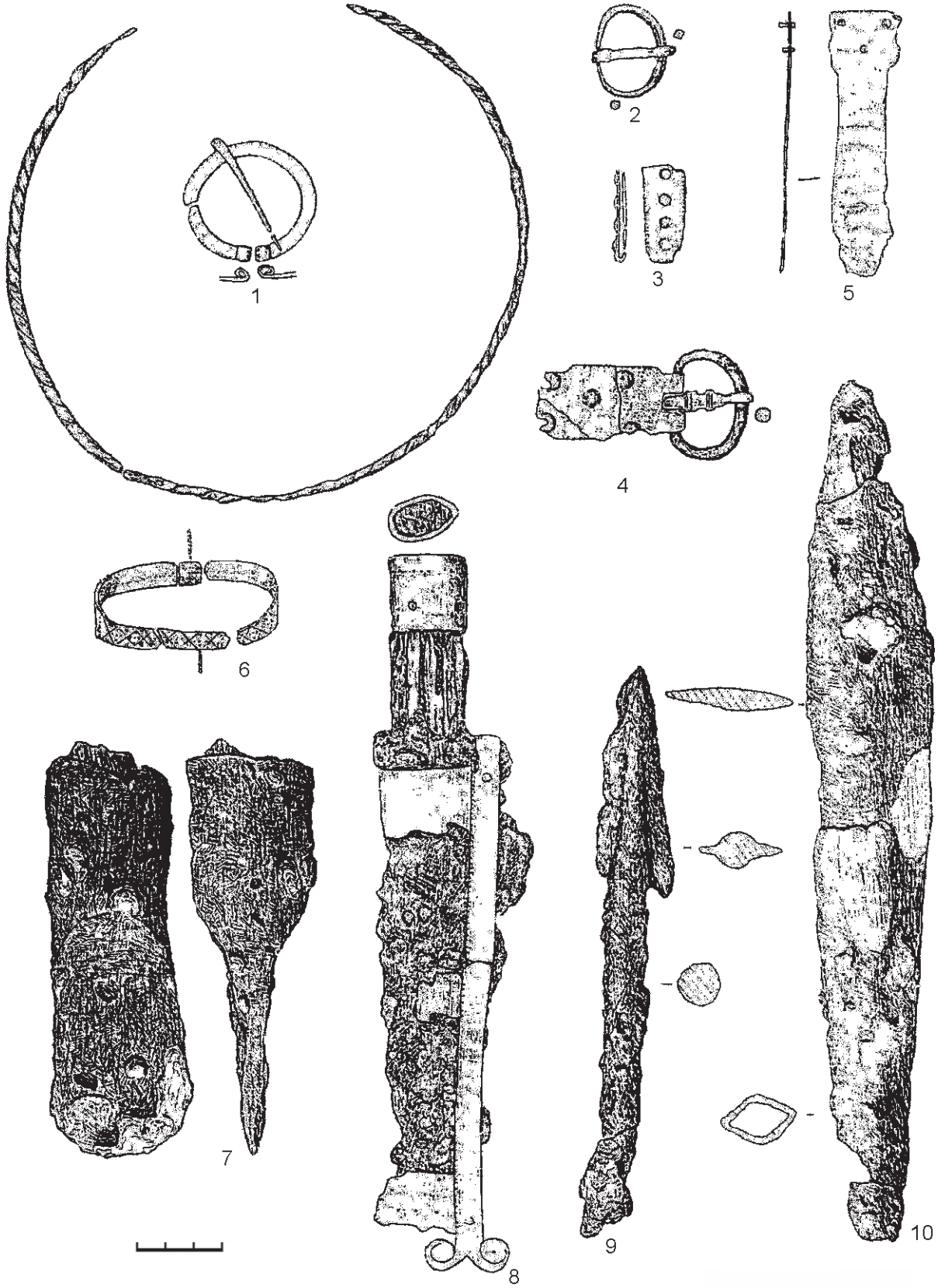

Рис. 19. Находки из погр. 50 мыса 1 могильника Кораблино.

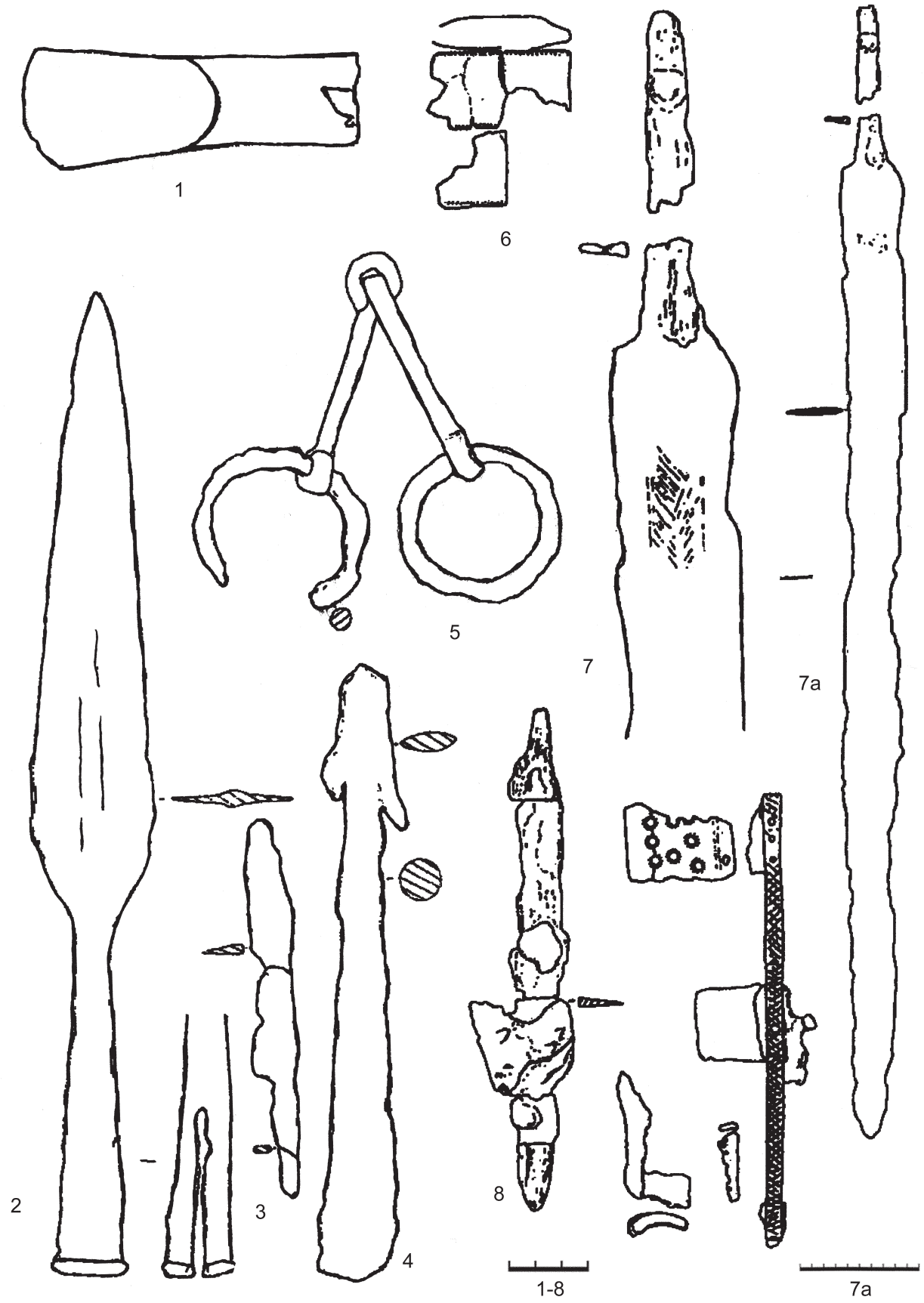

Рис. 20 (начало). Находки из погр. 265 могильника Борок II.

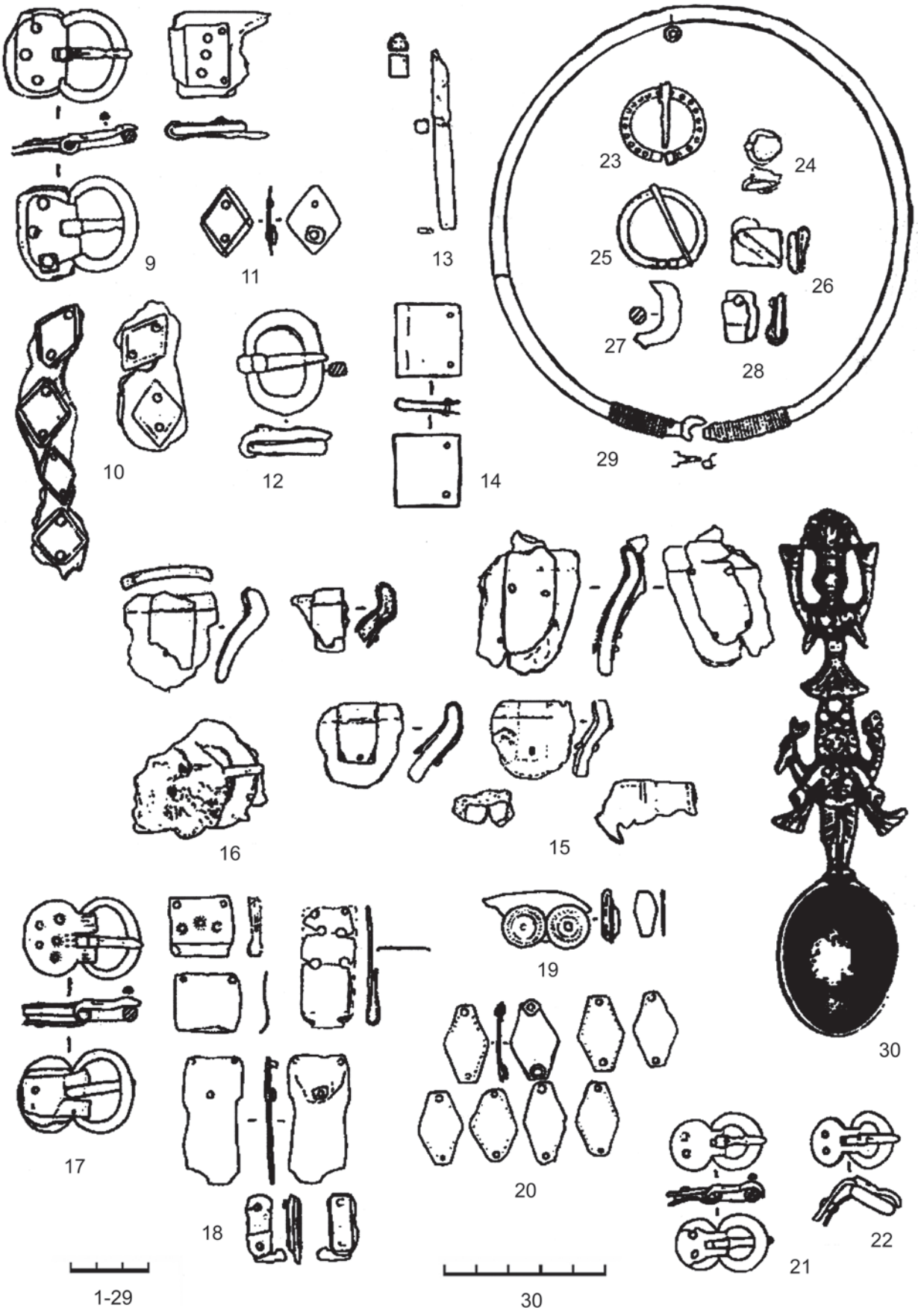

Рис. 20 (окончание). Находки из погр. 265 могильника Борок II.

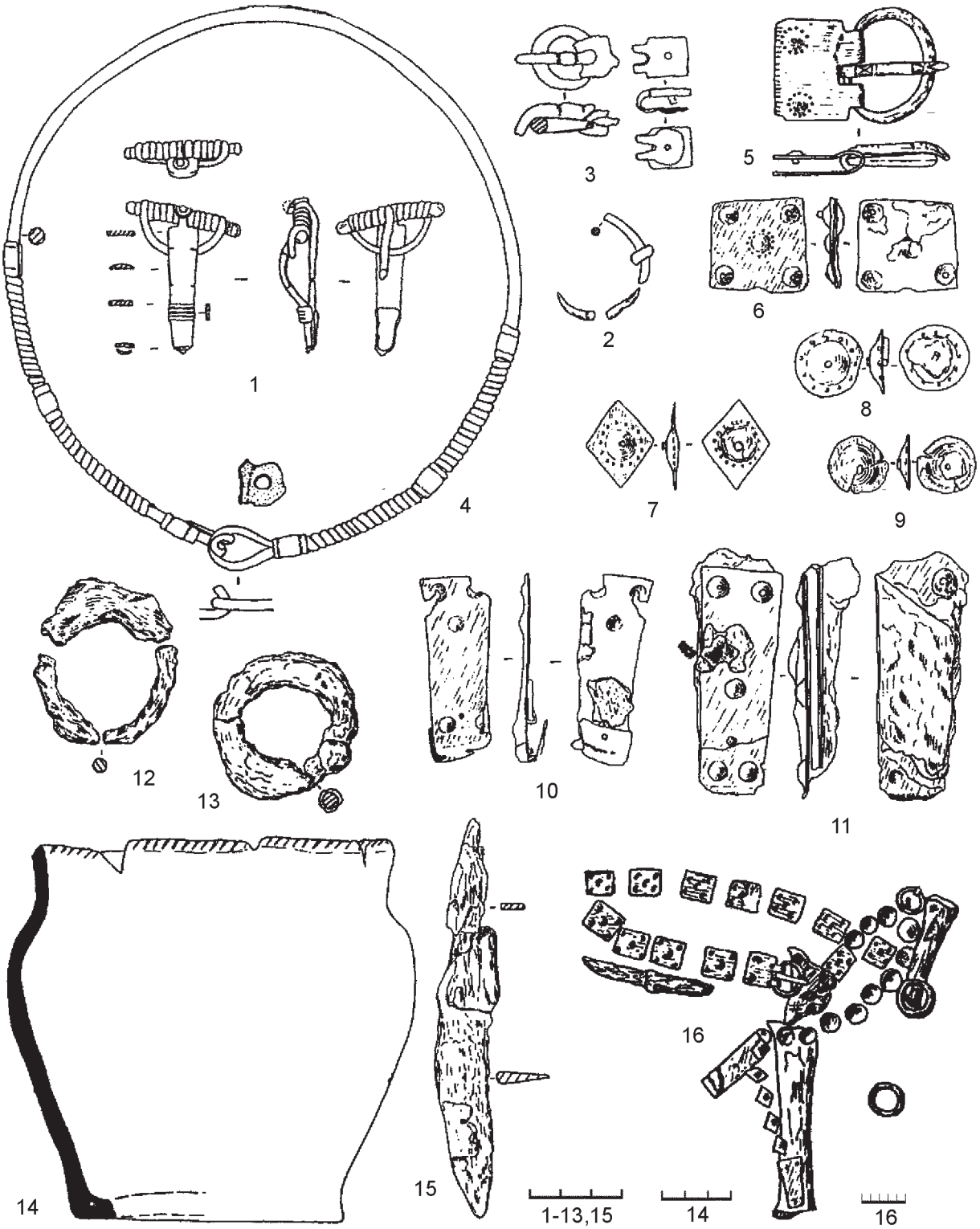

Рис. 21. Находки из погр. 4 мыса 4 Шатрищенского могильника; раскопки И.Р. Ахмедова.

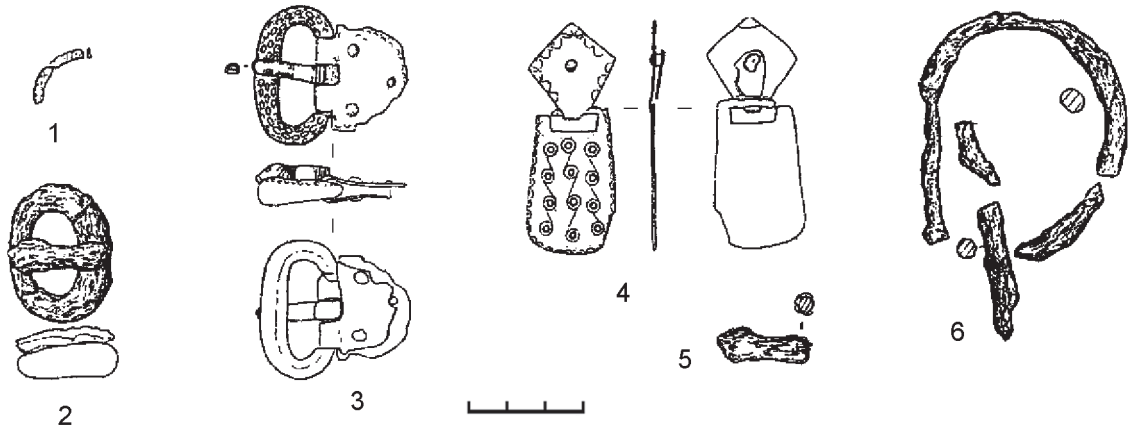

Рис. 22. Находки из погр. 94 мыса 2 могильника Кораблино; раскопки И.Р. Ахмедова.

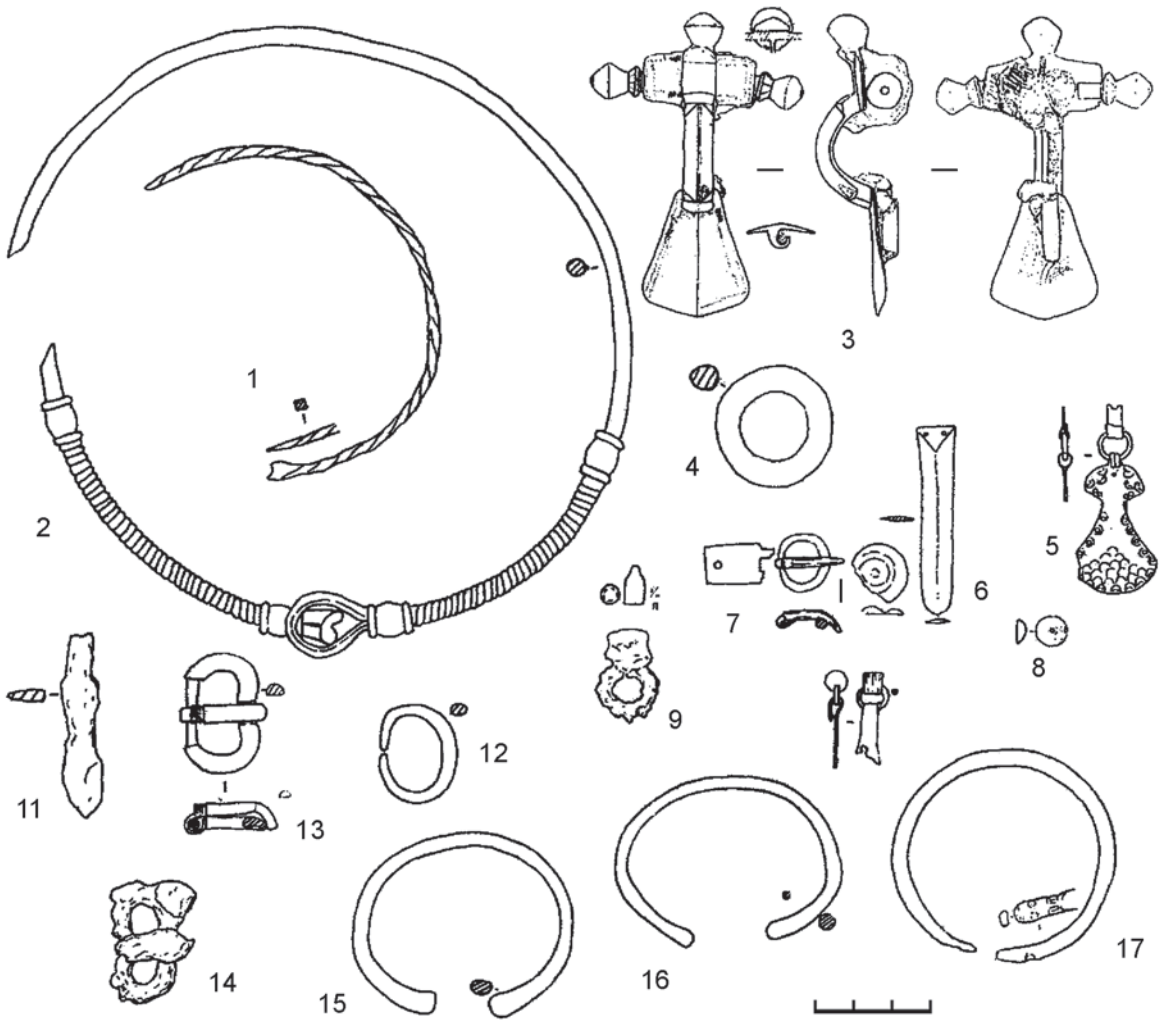

Рис. 23. Находки из погр. 28 могильника Курман; раскопки Ф.А. Уварова.

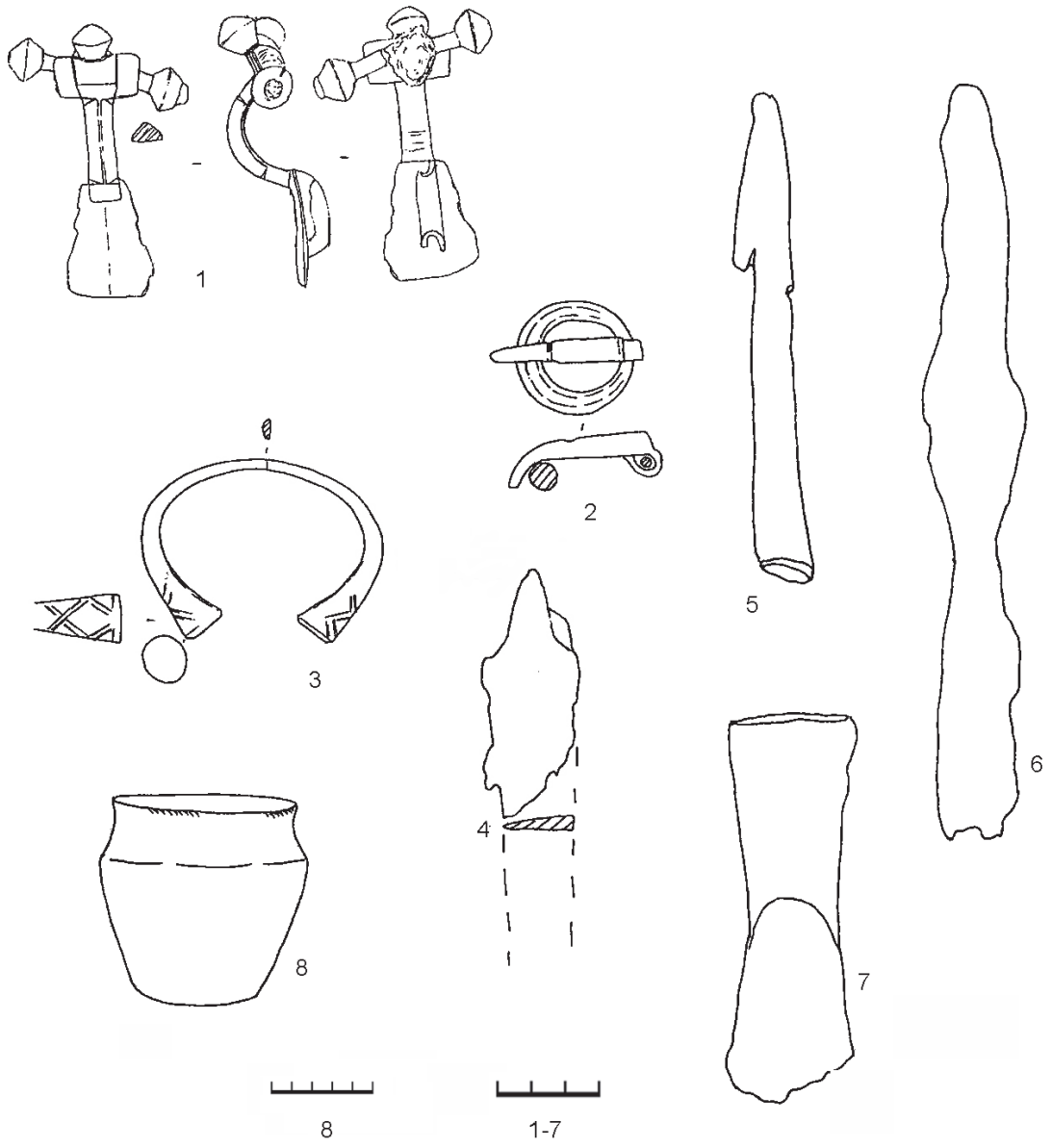

Рис. 24. Находки из погр. 21 Шатрищенского могильника; раскопки Т.А. Кравченко.

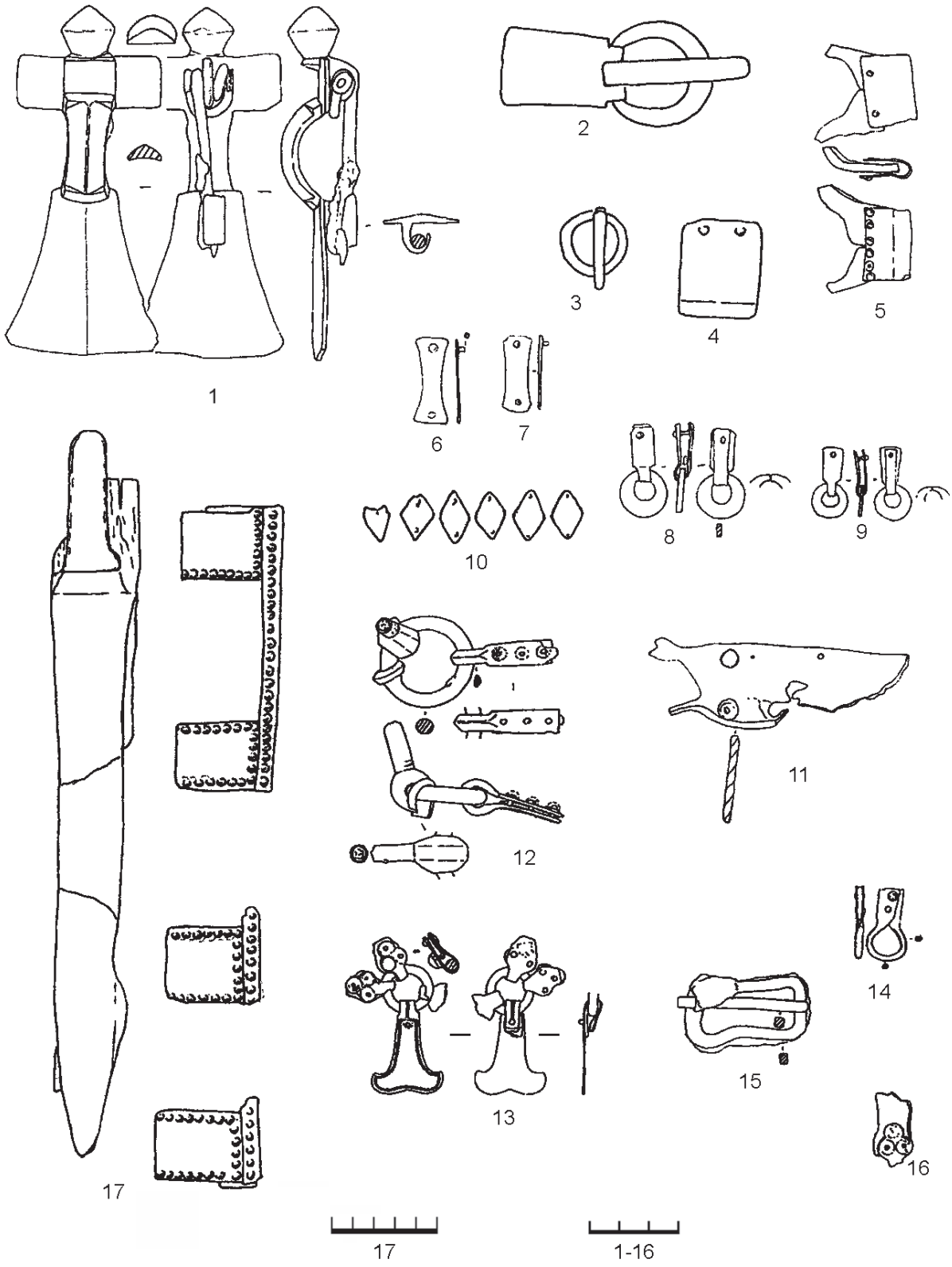

Рис. 25. Находки из разрушенного погребения на могильнике Борок II.

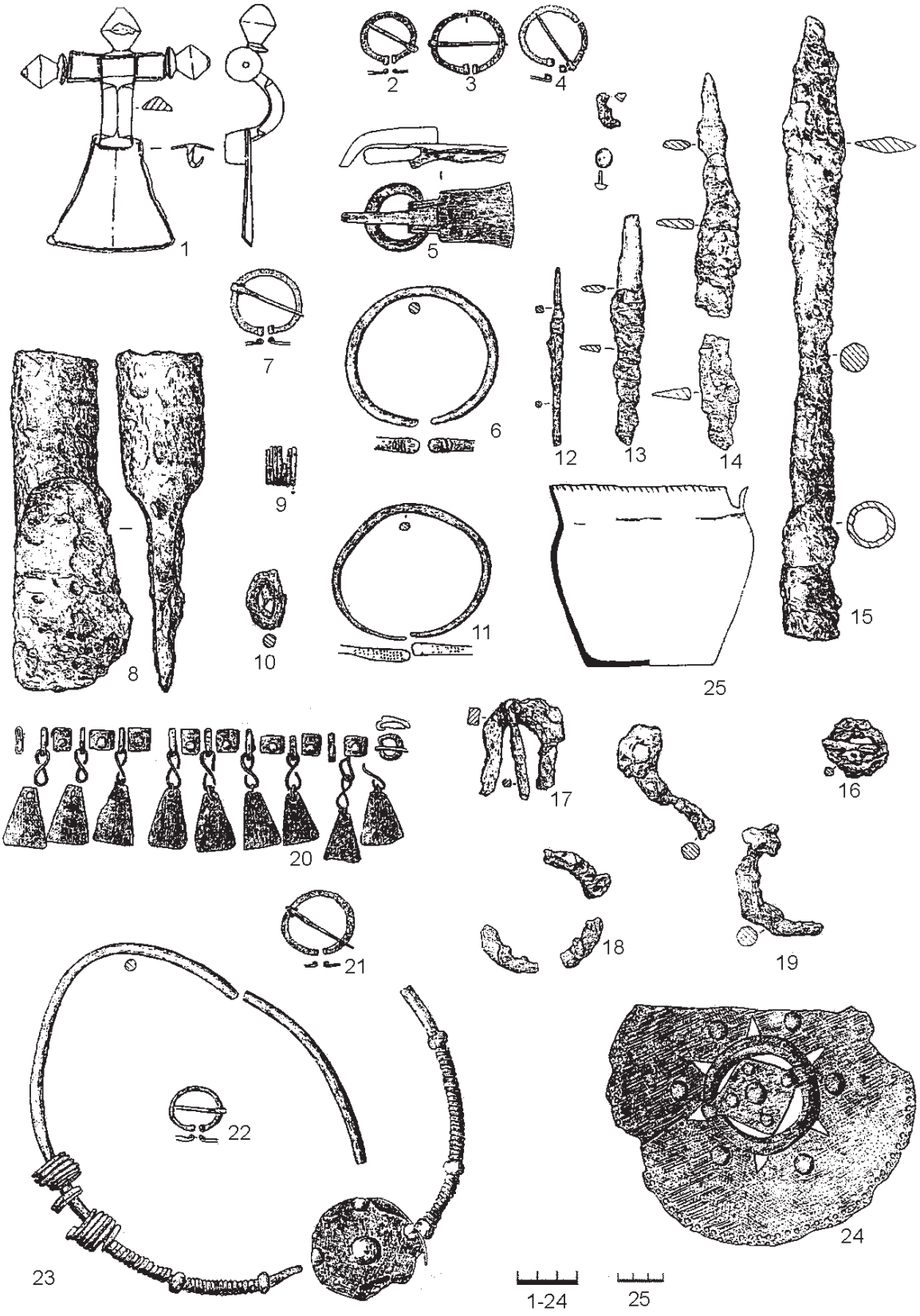

Рис. 26. Находки из погр. 79 мыса 1 могильника Кораблино; раскопки И.В. Белоцерковской.

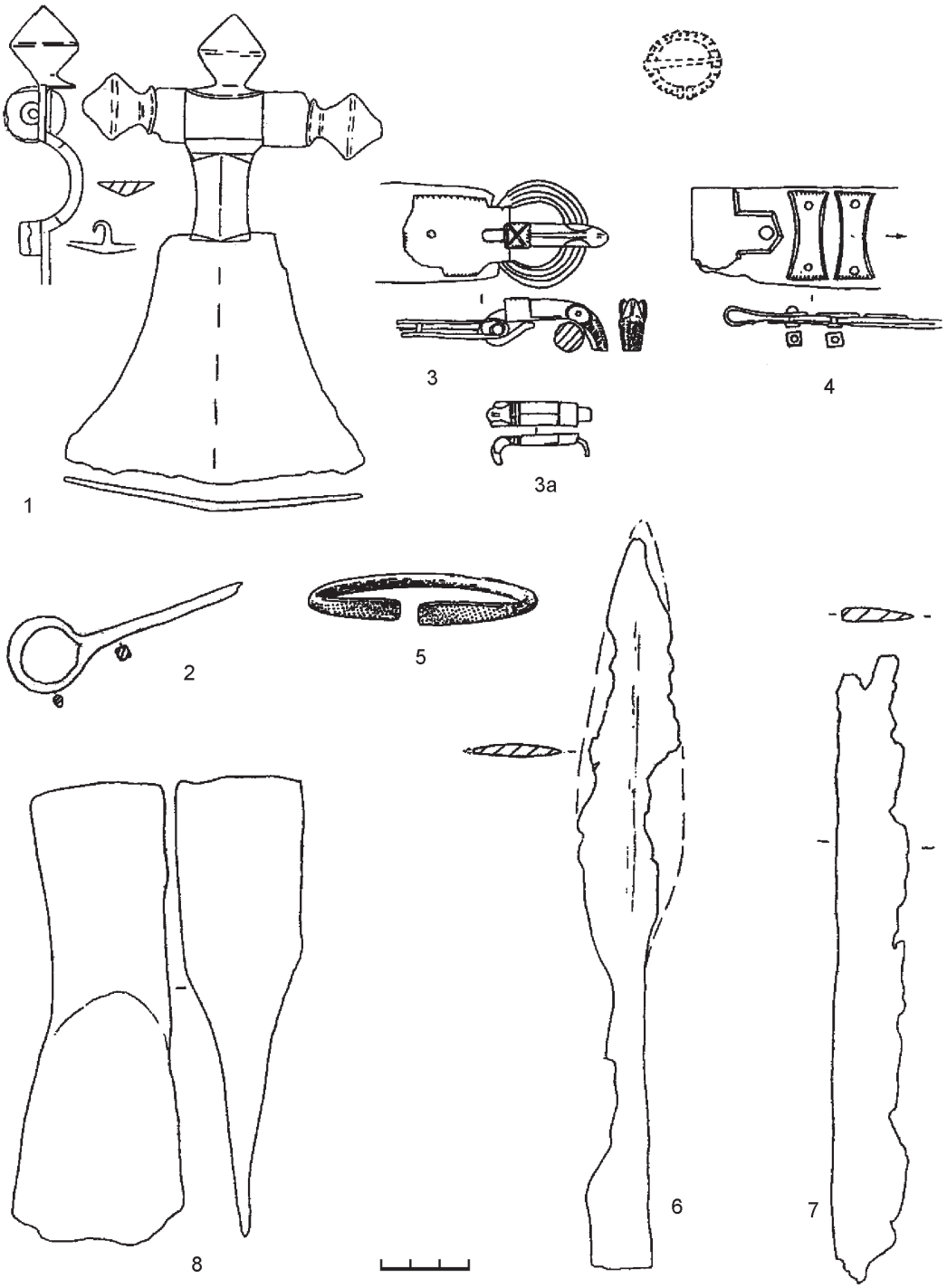

Рис. 27. Находки из погр. 24 Гавердовского (Пальновского) могильника; раскопки П.П. Ефименко.

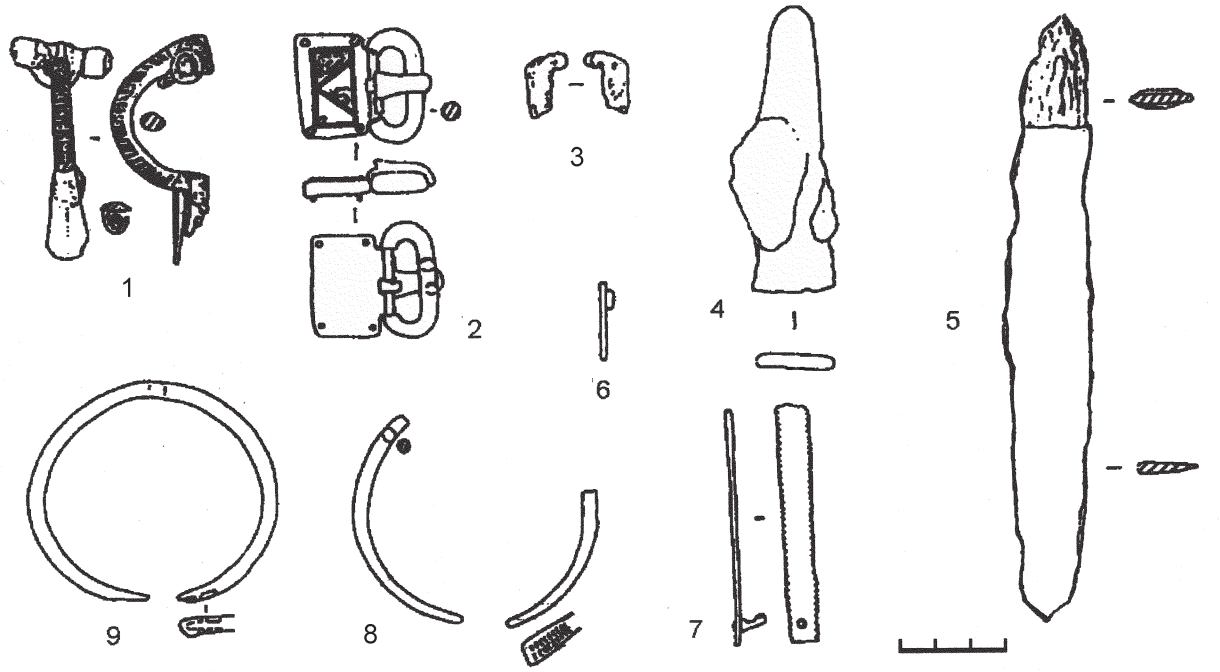

Рис. 28. Находки из погр. 380/8 могильника Ундрих.

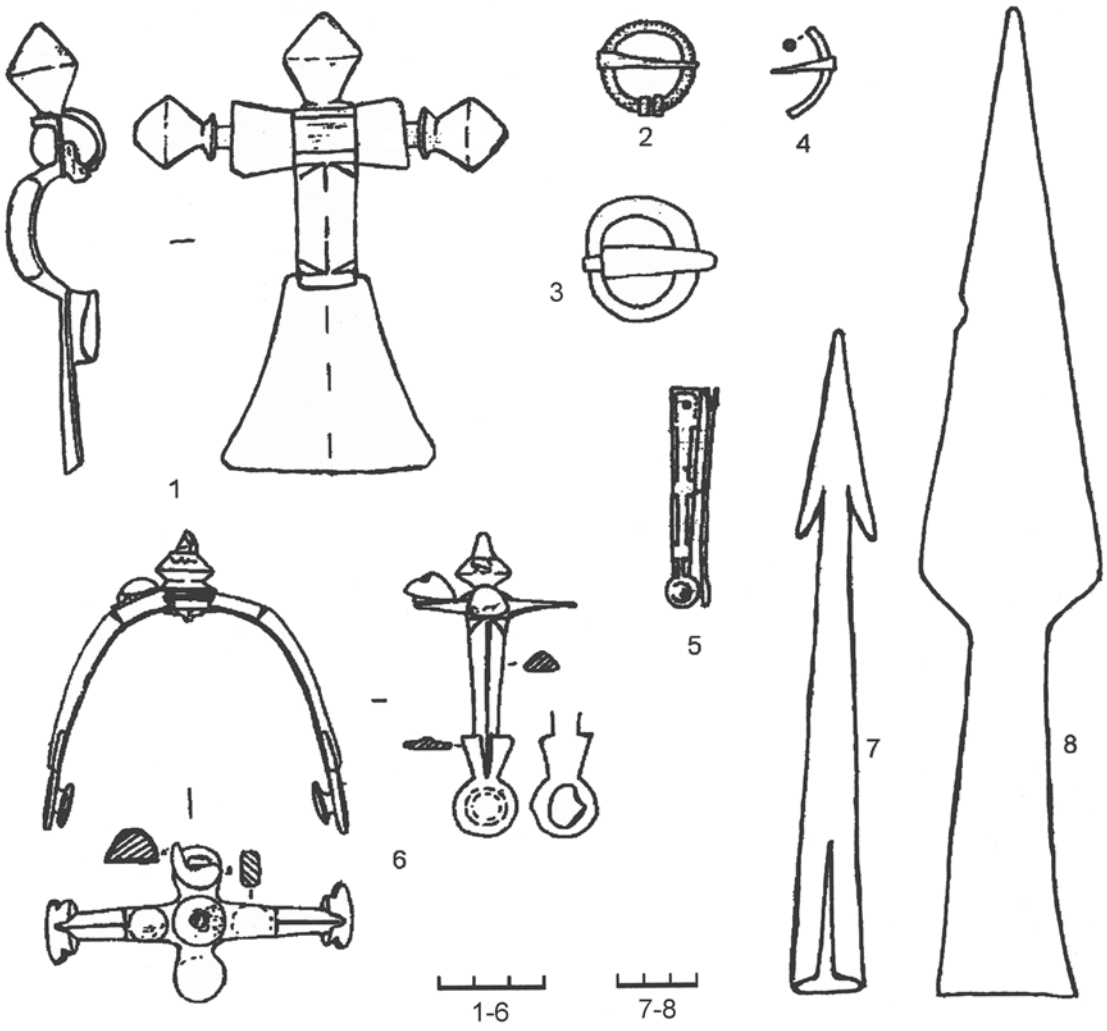

Рис. 29. Находки из погребения, разрушенного грабительской ямой, на могильнике Ундрих.

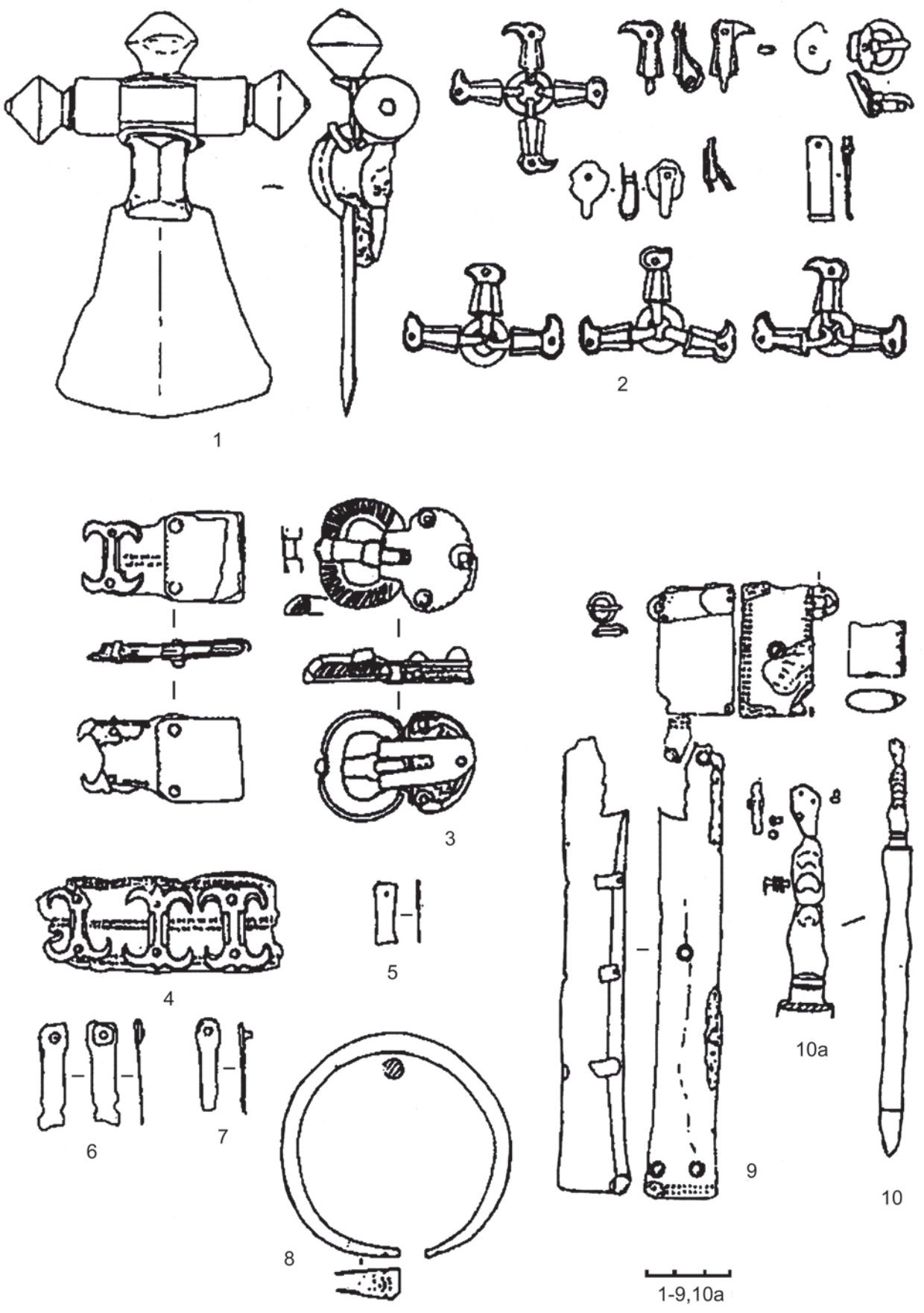

Рис. 30. Находки из погр. 124 могильника Борок II.

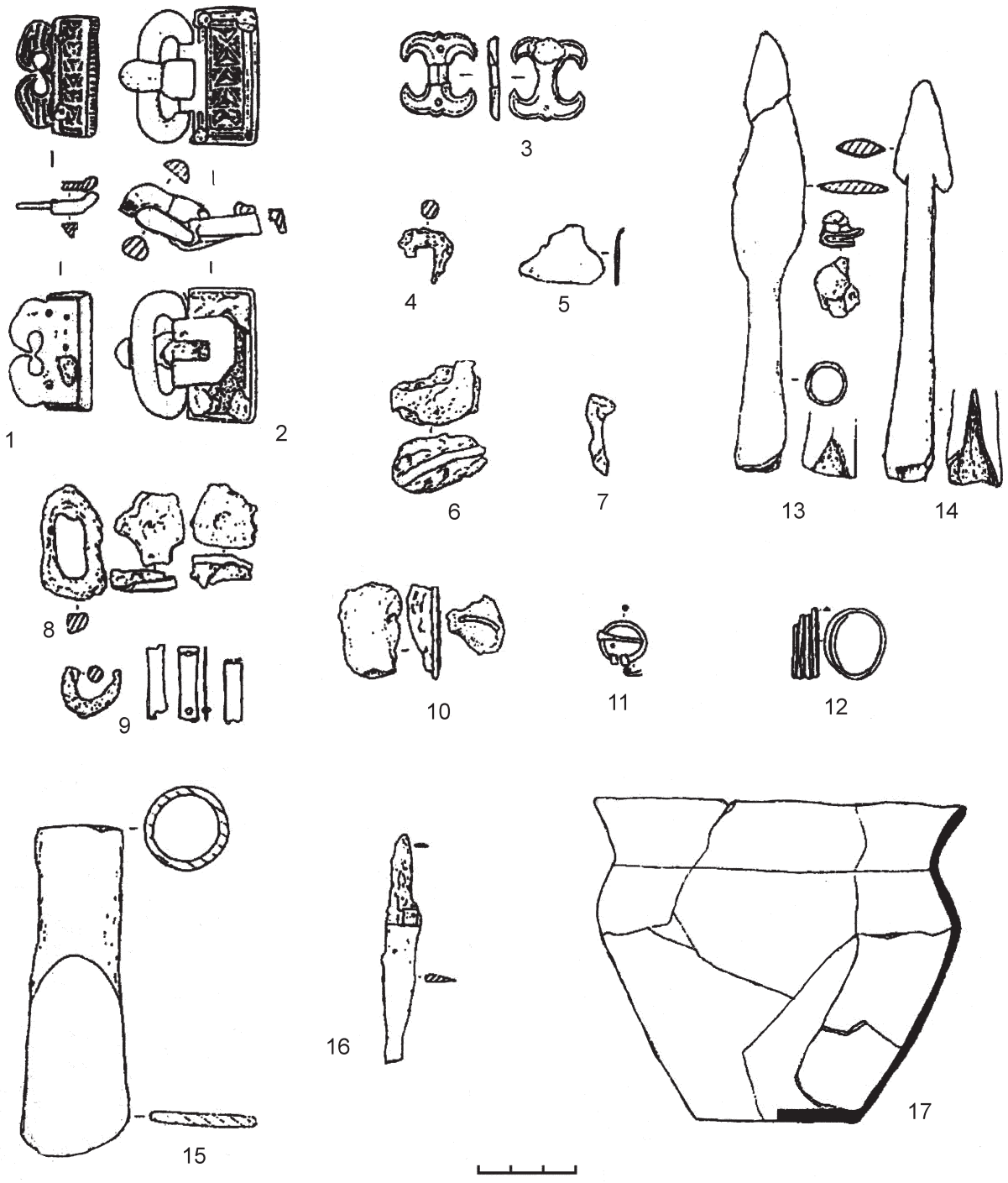

Рис. 31. Находки из погр. 4 Никитинского могильника; раскопки И.Р. Ахмедова.

3.3. Инвентарь женских погребений

(И. В. Белоцерковская)

Существующие по сей день очень разные подходы к исследованию женского погребального инвентаря рязано-окских могильников [Ефименко, 1926, с. 39–56; Смирнов, 1952, с. 111–114; Монгайт, 1961, с. 76–78; Седов, 1987, с. 93–97; Шитов, 1988а, с. 4–43; Циркин, 1995, с. 81–90 и др.] вызывают необходимость заново рассмотреть его, прежде всего, с точки зрения определения хронологии; в дальнейшем на этой основе станет возможным проанализировать отдельные составные элементы традиционного женского костюма и их происхождение.

Задачей данной работы является систематизация массового женского инвентаря с целью проследить тенденции в развитии составных элементов женского костюма во времени и практически во всем ареале культуры и попытаться определить обусловившие эти изменения процессы.

Методика работы

В основу систематизации положены только те категории и типы вещей, которые интуитивно были выделены как бытовавшие относительно незначительные периоды времени. Остальные элементы костюма либо существовали долгое время, либо количество содержавших их представительных комплексов недостаточно для проведения анализа.

Большинство рассматриваемых предметов в силу их индивидуальности и разнообразия в деталях строгой классификации не поддаются, они образуют скорее серии, а не типы с устойчивым сочетанием признаков, значения которых сильно связаны между собой [Федоров-Давыдов, 1987, с. 199]. Следует заметить, что часть материала распадается на мелкие серии, соответствовавшие очень узким отрезкам времени, а иногда и определенным регионам (нагрудные бляхи с крышкой), поэтому при разработке общей хронологической схемы культуры эти серии приходится укрупнять.

В итоге в погребальных комплексах были выделены отдельные категории предметов, имевшие достаточно широкое распространение, проведена их систематизация (рис. 1–6), а затем выстроены таблицы сериации взаимовстречаемости признаков (табл. 1) и встречаемости признаков в наиболее представительных комплексах погребений (табл. 2).

Источниковая база

Для построения таблицы 1 взаимовстречаемости предметов женского погребального инвентаря учтено 134 комплекса. Они представлены преимущественно, женскими погребениями, а также 9 мужскими с жертвенными комплексами женского убора – дарами (Кораблино 15, 62, 79, 86, 97; Заречье 108, 117, 158; Борковский 107); кенотафом, сопровождавшимся предметами женского костюма (Кораблино 72); мужским кенотафом, сопровождавшимся захоронением девочки (Кораблино 80); межмогильным жертвенным комплексом, содержавшим уздечный, поясной наборы и комплект женских украшений (Кораблино 75); тремя мужскими погребениями с гривнами, браслетами и пр. (Кораблино 55, Заречье 95, 116) и тремя комплексами, принадлежность которых неясна (Кораблино 2а, 8а, Заречье 120)[1].

В целом в работу включены погребения из 9 могильников. К ним относятся: Кузьминский, Борковский (раскопки А.И. Черепнина, А.В. Селиванова, А.А. Спицына), Кораблино (раскопки И.В. Белоцерковской) – в западной части ареала культуры рязано-окских могильников; Шатрище (раскопки П.П. Ефименко и И.Р. Ахмедова), Ундрих (раскопки М.М. Макарова), Заречье (раскопки А.Н. Сорокина и И.В. Белоцерковской) – в центральной части; Курман (раскопки Ф.А. Уварова), Кошибеево (раскопки А.А. Спицына), Старый Кадом (раскопки В.В. Шитова) – в восточной части. Основу составили 40 комплексов могильника Кораблино и 69 – Заречья, как наиболее систематически раскопанных.

Придерживаясь в целом мнения о том, что Кошибеевский могильник является одним из памятников культуры рязано-окских могильников, в этой работе материалы наиболее ранней его части, раскопанной в 1902 г. В.Н. Глазовым и частично А.А. Спицыным, мы не привлекаем. Методика раскопок, сохранность находок (в коллекции изначально частично отсутствовали указанные в дневниковых записях предметы и полностью – керамика), небольшое число вскрытых комплексов, содержащих элементы женского костюма, а также немногочисленность параллелей им в других памятниках, пока не позволяют обработать этот материал по тому же принципу, что и массовый женский инвентарь более позднего времени.

В работе рассмотрены основные элементы костюма, за исключением бус, которые требуют специального исследования. Входившие на раннем этапе в состав погребального женского инвентаря глиняные сосуды не рассматриваются по той же причине (см. о них части 3.4 и 3.5).

Систематизация элементов женского костюма проведена для всех периодов функционирования могильников[2], за исключением наиболее раннего (кошибеевского).

---

[1] Литерой «а» обозначены погребения второго мыса в могильнике Кораблино

[2] Более детальному рассмотрению общей хронологии женского инвентаря посвящена отдельная, находящаяся в процессе подготовки, работа.

Систематизация

Список признаков для таблиц 1, 2 и рис. 7.[3]

1–4 – бляхи в составе головных уборов, пластинчатые, округлые, диаметром 8–12 см; бронза. Различаются наличием/отсутствием радиального разреза и колечек-накладок по окружности бляхи, иглы-фиксатора, количеством и формой накладок, а также количеством зон гравированного концентрического узора и наличием дополнительных видов орнамента:

1 – с радиальным разрезом, иглой-фиксатором и одной сплошной зоной концентрического узора (рис. 1: 1, 2);

2 – с одной прямоугольной с сужением в центре накладкой, двумя зонами концентрического узора и колечками по краю (рис. 1: 3, 4);

3 – с двумя взаимно перпендикулярными прямоугольными накладками, одной-двумя зонами концентрического узора и колечками по краю (рис. 1: 5, 6);

4 – бляхи предыдущих видов, а также с двумя взаимно перпендикулярными прямоугольными или фигурными накладками с одной-двумя зонами концентрического узора и без него, с колечками по краю (рис. 1: 1–10).

5–9 – застежки ажурные с привесками и без, входили в состав головных уборов и использовались в качестве нагрудных украшений; бронза. Различаются по количеству дротовых колец в основе застежки, характеру завершения их концов и типу орнаментации внешней поверхности кольца и пространств между кольцами:

5 – серии 1Б[4] – в основе одно кольцо, завершающееся двумя отрезками дротов, по его краю лопасти из ложной зерни и S-видных завитков (рис. 1: 11–13);

6 – серии 1Г – в основе одно кольцо, дроты на концах соединены S-видным завитком, по краю кольца – лопасти из выпуклых круглых бляшек с ложновитым или ложнозерненым орнаментом (рис. 1: 14, 15);

7 – серии 2А – в основе одно кольцо, вместо дротов на концах – ложновитой стержень с S-видным завитком, по краю кольца – сдвоенные и строенные круглые выпуклые бляшки с ложноплетеными лопастями (рис. 1: 18, 19);

8 – серии 2Б – в основе 2 кольца, вместо дротов на концах – ложновитой стержень с S-видным завитком, между кольцами – сдвоенные выпуклые бляшки, по краю внешнего кольца – такие же бляшки с ложноплетеными лопастями (рис. 1: 20, 21);

9 – все предыдущие серии, а также 1Д, сочетающей в себе признаки серий 1Б и 2Б, с двумя кольцами в основе, дополненными композициями из ложноплетеного и ложнозерненого орнамента (рис. 1: 16, 17).

10–14 – привески к головным уборам, в основном, к накосникам, все с округлым отверстием для крепления; бронза:

10 – литые с тремя-пятью округлыми лопастями, украшенными круглыми чеканными выпуклинами (далее – жемчужины) и ложновитым кантом по краям (рис. 2: 1–4);

11 – пластинчатые трех-пятилопастные с еще не устоявшейся формой лопастей, в основном секировидных очертаний, с жемчужным орнаментом и без него (рис. 2: 5–11);

12 – пластинчатые с четырьмя-пятью секировидными лопастями, лежащими в одной плоскости, с жемчужным орнаментом (рис. 2: 12, 13);

13 – пластинчатые, как правило, с пятью секировидными лопастями, с жемчужным орнаментом, центральная часть привесок вокруг отверстия по отношению к основной плоскости приподнята (рис. 2: 14, 15);

14 – литые в виде ложновитого или гладкого кольца с тремя-четырьмя круглыми выпуклыми бляшками-жемчужинами с ложновитым бортиком и объемными привесками (рис. 2: 16, 17);

15–17 – привески к головным уборам, в основном, височные; бронза:

15 – в виде тонкопроволочного кольца с трапециевидной пластинчатой с отверстием привеской (рис. 2: 18, 19);

16 – в виде круглопроволочной петли со спирально завернутыми концами, двумя кольцами-петлями для крепления двух небольших объемных петельчатых бутыльчатых привесок (рис. 2: 20, 21);

17 – в виде небольшого круглопроволочного кольца с объемной петельчатой колокольчатой подвеской (рис. 2: 22).

18 – привески конические, свернутые из трапециевидной пластины, с отверстием в верхней части, использовались в качестве украшений головных уборов, перстней, костюма; бронза (рис. 2: 23, 24).

19–20 – привески к головным уборам, височные; бронза:

19 – сложносоставные литые в составе: щиток в виде ложноплетеного кольца с двумя ложноспиральными окончаниями, к каждому из них подходит по одному ложновитому кольцу, к которому крепится ложноплетеная петля с двумя ложноспиральными окончаниями с двумя же ложновитыми кольцами; на каждом из четырех колец надето по одной узкой бутыльчатой привеске с петлей и проволочной обмоткой горловины. Иногда кольца в верхней части соединены ложноплетеными полосами (рис. 2: 25, 26);

20 – в виде крупного проволочного кольца с объемной петельчатой колокольчатой или бутыльчатой привеской (рис. 2: 27–29).

21 – лунницы трехрогие – привески к ожерельям, пластинчатые, с петлей и жемчужным орнаментом; бронза (рис. 2: 30, 31).

22 – кольца «с лопастью» височные в виде проволочной в 2,5 оборота спирали с раскованным щит-

[3] Таблицы 1, 2 и рис. 7–9 даны во вложении отдельными листами.

[4] Систематизация этого вида застежек дана по [Белоцерковская, 1999б].

ком ромбовидной формы с жемчужным и штампованным орнаментом; бронза (рис. 2: 32–34).

23 – ожерелья из бус непрозрачного стекла, бронзовых пронизей и привесок различных форм (рис. 2: 37–40).

24 – кольца височные, крупные, круглопроволочные, браслетообразные; бронза, белый металл (олово?) (рис. 2: 36).

25 – кисти затылочные классического образца (о их см. [Белоцерковская, 2001]) в составе которых: 2 пряжки, 4 ряда ремешков в бронзовых спиральных пронизях, скрепленные двумя крупными в верхней и попарно – несколькими небольшими пластинчатыми прямоугольными обоймами с жемчужным орнаментом в нижней частях; 4 крупные объемные беспетельчатые концевые привески; бронза, кожа (рис. 3: 1).

26–27 – венчики головные; кожа, бронза:

26 – в составе: кожаный ремень, пряжка, несколько прямоугольных пластинчатых обойм, иногда с жемчужным орнаментом, несколько узких обойм, трапециевидные крупные привески на эсовидно изогнутых проволочных держателях (рис. 2: 41–43);

27 – в составе: узкие кожаные ремешки, пропущенные в 2–3 ряда спиральных бронзовых пронизей, перехваченные прямоугольными пластинчатыми обоймами с подвешенными к ним проволочными или пластинчатыми кольцами, пряжка (рис. 2: 44, 45).

28–41 – гривны шейные; бронза, реже – белый металл:

28 – из толстого дрота округлого сечения с поперечником 0,6–0,8 см, обрубленноконечные со слегка утолщенными концами, изредка орнаментированные (рис. 3: 2, 4);

29 – подобны предыдущим, но с сужающимися обрубленными концами (рис. 3: 7);

30 – круглопроволочные с диаметром проволоки 0,45–0,55 см, с утоньшающимися концами, с замком в виде раскованной овальной или ромбовидной пластины с отверстием и крючка (рис. 3: 9);

31 – круглопроволочные с диаметром проволоки 0,25–0,35 см, с утоньшающимися концами и замком в виде округлой с вырезами или насечками по краю пластины с отверстием и крючка простого, либо с конической головкой (рис. 3: 11);

32 – круглопроволочные с диаметром проволоки 0,2–0,35 см, с проволочной обмоткой на утоньшающихся концах и с замком в виде раскованной ромбовидной пластины с отверстием и крючка (рис. 3: 14);

33 – круглопроволочные с диаметром проволоки 0,45–0,6 см, с проволочной обмоткой и напускными бусами на концах, замок в виде петли и двойного, изготовленного путем сгибания проволоки, крючка или двойной петли и одинарного крючка с конической головкой; бронза, непрозрачное стекло (рис. 3: 17);

34 – проволочные квадратного сечения со стороной 0,4–0,45 см, тордированные, замок в виде раскованной ромбовидной или овальной пластины с отверстием и крючка, либо в виде петли и крючка (рис. 3: 20); 4: 3, 6;

35–38 – из проволоки диаметром 0,45–0,6 см с проволочной обмоткой и напускными непрозрачного стекла (редко – белого металла) бусами на концах, замок в виде круглой с жемчужным орнаментом коробочки с пазом на тыльной стороне и крючка:

35 – с коробочкой диаметром 3,6–4,3 см (рис. 5: 22);

36 – с коробочкой диаметром 4,8–5,6 см (рис. 4: 12, 19; 5: 4);

37 – с коробочкой диаметром 5,7–6,3 см (рис. 5: 10, 15);

38 – с коробочкой диаметром 6,5–7 см (рис. 5: 19);

39 – железные с бронзовой проволочной обмоткой и напускными бронзовыми бусами, замки не сохранились (рис. 5: 23);

40 – пластинчатые серповидные, в срединной части трехгранного сечения, замок в виде крючка и раскованной овальной пластины с отверстием или двух крючков; бронза, реже – белый металл (рис. 6: 1–3);

41 – пластинчатые серповидные уплощенные, замки как у предыдущей серии; бронза, реже – белый металл (рис. 6: 4, 5).

42 – бляхи нагрудные округлые, пластинчатые, без крышки, диаметр 8,5–13 см, в центре крупная сюльгама с завернутыми концами или приподнятый валик вокруг округлого выреза, вокруг них 5–10 треугольных или подтрапециевидных вырезов, разделенных крупными жемчужинами; по краю расположено 1–2 ряда таких же жемчужин; бронза (рис. 6: 6–8).

43–48 – бляхи нагрудные округлые, пластинчатые, типа с крышкой, диаметр 15–20 см; бронза, редко – белый металл:

43 – крышка близкой к ромбу формы, язычок простой, удлиненный (рис. 6: 9–10);

44 – крышка подромбовидной формы, но с выраженными короткими гранями, поставленными перпендикулярно петле, язычок простой или близкой к ромбу формы (рис. 6: 13, 14);

45 – крышка почти шестигранной за счет хорошо выраженных, расположенных перпендикулярно петле граней, формы, язычок ромбовидный (рис. 6: 15);

46 – крышка почти шестигранной за счет хорошо выраженных, расположенных перпендикулярно петле граней, формы, грани крышки у ромбовидного язычка без выреза, иногда на боковых гранях крышки – сегментовидные вырезы (рис. 6: 16–18);

47 – крышка, в целом, шестигранной формы, с вырезами различных форм на верхних гранях у петли и нижних – у язычка, язычок ромбовидный (рис. 6: 19–21);

48 – бляхи с крышками всех форм (рис. 6: 9–21). На корпусе бляхи – 6 треугольных вырезов, на крышках и корпусе – крупные жемчужины, по краю – 3 ряда мелких жемчужных вдавлений.

49–61 – браслеты; бронза:

49 – массивные четырех или шестигранные в сечении, обрубленноконечные, орнаментированные (рис. 3: 5);

50 – массивные, округлого сечения, обрубленно-конечные (рис. 3: 6);

51–59 – округлого сечения:

51 – диаметр дрота 0,5–0,6 см, с утолщенными раструбообразными концами округлого или овального сечения, с гравированным орнаментом (рис. 3: 8, 10);

52 – округлого сечения или слегка граненые, диаметр дрота 0,5–0,6 см, со слегка расширенными овальными в сечении концами с хорошо проработанным рельефным изображением на них бородатого лица (рис. 3: 12, 13);

53 – диаметр дрота около 0,5 см, со слегка утолщенными округлыми концами, с рельефным изображением лица с округлыми выпуклыми глазами, носом, ртом и, возможно, бородой и волосами на лбу (рис. 3: 15, 16);

54 – диаметр дрота 0,4–0,6 см, с уплощенными концами подпрямоугольного сечения; на прямо или закругленно срезанных концах – орнамент в виде хорошо проработанного изображения головки змеи (?) с глазами, выполненными треугольными пропилами, (рис. 3: 18, 19);

55 – диаметр дрота 0,3–0,4 см, со слегка уплощенными овальными концами подпрямоугольного сечения с рельефным изображением на них лица с округлыми выпуклыми глазами, большим ртом и волосами на лбу, оно как бы венчает тонкую шею (рис. 4: 1, 2, 4);

56 – диаметр дрота 0,3–0,4 см, на раскованных подтрапециевидных или подпрямоугольных концах – рельефное изображение личины с округлыми выпуклыми глазами, большим ртом и волосами на лбу, оно как бы венчает тонкую шею (рис. 4: 5);

57 – диаметр дрота 0,3–0,5 см, концы сильно раскованы и округлены, ширина их в 2–3 раза превышает диаметр дрота (рис. 4: 7, 8);

58 – диаметр дрота 0,3–0,8 см, концы раскованы и округлены, ширина их менее чем в 2 раза превышает диаметр дрота (ис. 4: 9, 10);

59 – диаметр дрота 0,35–0,4 см, с сильно раскованными, срезанными под углом, концами, высота их в 2–4 раза превышает диаметр дрота (рис. 4: 11);

60–61 – пластинчатые:

60 – ширина пластины 0,4–1,2 см, одинакова на всем протяжении, с обрубленными, прямо срезанными или закругленными концами; орнамент гравированный или чеканный (рис. 4: 13, 14);

61 – ширина пластины 0,8–1,2 см, с расширенными закругленными или прямо срезанными концами, орнамент гравированный, чеканный или выполнен зубчатым колесиком (рис. 4: 15, 16).

62 – фибулы крестовидные рязанского типа; бронза, реже – белый металл (рис. 4: 17, 18).

63–68 – застежки-сюльгамы с завернутыми в трубочку или спираль концами, пластинчатые[5]; бронза, редко – белый металл:

63 – a = 0,6–0,9 (рис. 5: 1–3);

64 – a = 1,1–1,4 (рис. 5: 5–9);

65 – a = 1,42–1,71 (рис. 5: 12–14);

66 – a = 1,75–2,1 (рис. 5: 11, 16–18);

67 – a = 2,2–2,6 (рис. 5: 20, 21);

68 – a = 2,75–3 (рис. 5: 24, 25). Во многих случаях – по краям треугольные пропилы или насечки, выполненные зубилом [Сарачева, 2005, с. 111].

69 – перстни спиральные с пластинчатыми трапециевидными или коническими привесками и литые ажурные с литыми колокольчатыми привесками; бронза (рис. 6: 23–25).

При включении в таблицу 1 выбраны комплексы, где содержалось не менее трех из всех учтенных признаков-элементов женского костюма, исключение составляют ажурные застежки серии Б, происходящие только из двух учтенных погребений. Следует отметить, что поскольку некоторые элементы костюма, относящиеся к одной категории предметов, представлены только в одном-двух захоронениях, то для определения всего периода бытования этих категорий были введены признаки 4 (головные бляхи всех серий), 9 (ажурные застежки всех серий) и 48 (нагрудные бляхи с крышкой всех серий).

В результате проведенной сериации получена **таблица взаимовстречаемости признаков** (табл. 1). На ней по плотности расположения признаков оказалось довольно четко очерчено 5 хронологических групп – периодов (1, 2а, 2б, 3 и 4), при этом группы 2а и 2б имеют 20 общих из вошедших в группу 2б 30 признаков. Очевидно, это 2 подгруппы одного общего массива. Очень близки по составу группы 1 и 2а: из характеризующих группу 2а 22 признаков 17 являются общими с группой 1.

Наиболее плотно выделенные признаки расположены в группах 1, частично в 2а и 4; каждая последующая группа имеет часть признаков, общих с предыдущей, но при этом группы 1 и 4 и 1 и 3 диаметрально противоположны и не пересекаются между собой. Подобное положение свидетельствует о последовательной смене одной группы признаков другой, что, очевидно, характеризует поступательное развитие, в данном случае, элементов женского убора единой археологической культуры. Выделенные группы признаков, очевидно, отражают определенные хронологические этапы ее бытования.

Некоторые признаки частично выходят за пределы очерченных групп, в этом случае они, как правило, находятся в отрыве от основного периода их бытования и представлены единичными экземплярами. Они обозначают, в первую очередь, элементы убора, период бытования которых был достаточно широк, например, признак 33 – гривны с проволочной обмоткой, бусами и замком в петлю – вынесен в пра-

[5] Для каждого экземпляра вычислено отношение длины завернутых в трубочку или спираль концов к ширине пластины застежки (индекс а) и по формуле Стерджесса найден оптимальный интервал (0,302). Подобная работа по сюльгамам могильника Кораблино, давшая положительные результаты, ранее была проведена И.Р. Ахмедовым. .

вую часть таблицы. Что касается других признаков, то выпадение их из очерченных массивов связано, вероятно, с локальными особенностями отдельных памятников культуры, когда в одних регионах некоторые детали убора возникали ранее основного периода их распространения, а в других могли бытовать несколько позже него.

Для проверки объективности выделения периодов и для соотнесения признаков с определенными комплексами погребений была проведена еще одна **сериация встречаемости признаков в погребениях** (табл. 2). Таблица 2 подтвердила выделение 5 больших групп комплексов, но при этом показала, что периоды 2б, 3 и 4, возможно, подразделяются на 2 этапа. Заметим, что 11 комплексов погребений не вошли в основную часть таблицы, поскольку они не обладают необходимым для сериации количеством признаков, и помещены внизу; признаки 17 и 33 как долго бытующие, а 52 и 59 как существовавшие слишком недолгий отрезок времени, вынесены в левую часть таблицы 2 (браслеты с изображением бородатого лица на концах – в первой половине периода 3, а с раскованными, срезанными под углом, концами – в начальной фазе периода 4).

Обе таблицы показывают, что резкой смены одной группы признаков другой не происходит, какая-то часть их обязательно существует на протяжении как минимум двух периодов. Представляется, что наиболее всесторонне отражает хронологические изменения в женском костюме всей культуры в целом именно таблица 1, т.к. она дает картину взаимосвязи между собой отдельных элементов; а степень плотности расположения признаков может свидетельствовать об уровне стабильности культуры на разных фазах ее развития.

Выделенные периоды бытования элементов женского убора в известной степени предварительны и достаточно условны, поскольку они обобщают материалы памятников разных регионов культуры, обладавших своей спецификой. Тем не менее, в общих чертах проблемы формирования и динамики развития женского костюма в рамках предложенной периодизации рассматривать можно.

Характеристика элементов женского костюма по периодам

Для **периода 1 – начала 2а** характерны головные бляхи с гравированным концентрическим орнаментом (рис. 7: 1, 2); височные кольца «с лопастью», ранние серии ажурных застежек «рязанского типа»; массивные обрубленноконечные гривны и менее массивные с утоньшающимися концами, а также массивные, округлые в сечении, обрубленноконечные браслеты (рис. 7: 22, 5, 9, 28, 29, 50).

На протяжении периодов 1 и 2а конструкция головных блях изменялась – сначала исчезли радиальная прорезь и игла-фиксатор, вместо них появились одна, впоследствии две, во многих случаях фигурные, накладки и округлый вырез в центре. Концентрический гравированный орнамент в ранних формах заполнял весь корпус бляхи, затем стал располагаться зонами от одной до трех. Иногда отсутствовал и округлый вырез в центре, а бляха крепилась к убору при помощи петли, расположенной с тыльной стороны. Позже исчезает и гравированный орнамент, вместо него используют чеканный жемчужный, а сама бляха приобретает две взаимно перпендикулярно расположенные накладки (рис. 1: 1–10). В таком виде эта форма сначала используется в качестве головной, а затем и нагрудной бляхи и бытует практически все время существования культуры.

Бляхи с радиальной прорезью и без нее, с концентрическим гравированным, зонально расположенным орнаментом характерны для памятников бассейна р. Вятки III–IV вв. [Лещинская, 1995, рис. 6: 8–10] и древностей Посурья и Примокшанья того же времени [Полесских, 1962, рис. 3: 3; Вихляев, 1977, рис. 6: 1, 2; 7: 1–9; 8: 1–3; Белорыбкин, 2001, рис. 10: 1], где их использовали как нагрудные украшения и в составе головных уборов. Вероятно, прототипами этих форм являются бляхи с радиальной прорезью и иглой, с одним-тремя валиками, известные по раннекошибеевским материалам и пензенским могильникам [Шитов, 1988а, табл. V: 14; Полесских, 1959, рис. 2: 2, 3; с. 203]. Последние, очевидно, производны от блях с одним ребром, хорошо известных в материалах Андреевского кургана [Степанов, 1980, табл. 2: 15; 3: 8 и др.], Писеральского могильника и могильника Чеганда II [Халиков, 1962, табл. XXIII: 3 и др.; Генинг, 1970, табл. IV: 9]. Подобная же последовательность смены схемы и орнаментации блях от форм с «выдавленным» орнаментом до блях «с прочерченным» узором наблюдается в пензенском Ражкинском могильнике [Полесских, 1962. рис. 3: 3; с. 185; 1991, с. 156–161; Вихляев, 1977, рис. 27].

Обрубленноконечные гривны обоих видов, и массивные браслеты, с такими же концами широко распространены в пензенских могильниках [Вихляев, 1977, рис. 3: 1, 2; Полесских, 1959, рис. 2: 1; 1991, рис. 5: 10; Гришаков, 2001, рис. 2 : 8; 2: 3,4], где их относят к III – 1-ой половине IV в. В настоящее время верхняя дата пензенских памятников селиксенского типа пересматривается.

К перечисленным следует добавить сравнительно редкие элементы костюма, частота встречаемости которых в анализируемых комплексах не позволила включить их в общий перечень признаков для таблиц сериации, но они по взаимосвязи с другими деталями костюма характеризуют определенные периоды его развития.

Тонкопроволочные гривны с перехлестнутыми концами, скользящей петлей и крючком, часто с конической головкой (рис. 8: 2), аналогичны раннекошибеевским, которые, как мы полагаем, являются производными от гривен Андреевского кургана [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 32]. Пронизи-полу-

цилиндрики от накосников (рис. 8: 7) также аналогичны кошибеевским и чегандинским [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 34]. Полушарные нашивные на головные уборы бляшки с двумя отверстиями и округлые сегментовидные в разрезе с ложновитым бортиком по краю (рис. 8: 6, 9 – далее для краткости – «сегментовидные») аналогичны раннекошибеевским [Шитов, 1988а, табл. III: 3; IV: 2]. Полушарные бляшки характерны также для пензенских могильников III в. [Гришаков, 2001, рис. 2: 5; с. 41].

Сегментовидные бляшки с ложновитым бортиком в раннем Кошибеево использовали в составе нарукавных повязок [Шитов, 1988а, с. 14], а в рассматриваемых памятниках также и в украшении головных уборов и сумочек (Заречье 116). Оба вида бляшек известны в могильнике Чеганда II в Прикамье [Генинг, 1970, табл. V:3; рис. 20: 121, 122]. Многолепестковые бляшки (рис. 8: 3) изредка встречаются в памятниках Волго-Окского междуречья [Краснов, 1980, рис. 22: 4; Розенфельдт, 1982, рис. 29: 16] в составе головных уборов, в частности, головных венчиков, как в окских могильниках, и поясов. В рязано-окских памятниках они бытовали достаточно долго, включая весь период 2а (Кузьминский 69). Обувные пряжки с очень похожими бляшками известны в могильнике Чеганда II [Генинг, 1970, табл. VIII: 9; рис. 40]. Подобные бляшки-розетки, а также полушарные бляшки, возможно, являются репликой на золотые образцы сарматского времени [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 33: 310/2, 311/3; 46: 427/8; 50: 480/2]. Сегментовидные бляшки с ложновитым бортиком, скорее всего, также представляют собой переработку южных золотых бляшек с рубчатым ободком [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 31: 290/3; 33: 310/5 и др.], известных еще с раннесарматского времени [Степи..., 1989, табл. 71: 75; 82: 41]. Считают, что часть золотых бляшек по своему происхождению восходит к античным образцам, часть – к звериному стилю скифо-сарматского искусства [Гущина, Засецкая, 1994, с. 15]. Они бытовали долгое время, включая 2-ую половину IV – 1-ую половину V вв. [Шелов, 1961, табл. XXXVI: 4; Засецкая, 1993, табл. 25: 95а; 12: 23; Кузнецов, Пудовин, 1961, рис. 2: 3; Крым..., 2003, табл. 15: 21, 22].

Объемные привески в виде уточек (рис. 8: 1) были широко распространены в финно-угорских древностях поволжского региона в течение длительного времени (например, [Ошибкина, 1979, рис. 3: 11–23; Полесских, 1959, рис. 3: 8]), известны они и в Кошибеево [Шитов, 1988а, табл. II: 16]. Их прототипами могли быть экземпляры из Андреевского кургана [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 32–33].

В Кораблино 25а найдены три типа бронзовых колокольчиков (рис. 8: 5): один – литой с петлей – имеет аналогии в позднескифском с сарматскими чертами могильнике Бельбек IV [Гущина, 1982, рис. 4: 49; 8: 5; 9: 45], в крымском Скалистинском могильнике [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 50: 12] и ряде других. Конические колокольчики без петли с гравированным кольцевым орнаментом известны в черняховских памятниках, ареале пшеворской культуры, в Венгрии [Бобровская, 1999а, с. 155]. По форме они аналогичны также и беспетельчатым образцам «Золотого кладбища» [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 42: 376/7], но там подобные изделия не орнаментированы. Идентичный окским экземплярам орнамент есть на петельчатых формах Скалистинского могильника. Крупные беспетельчатые конической формы колокольчики с тремя треугольными вырезами ближайшее соответствие находят на памятниках дьяковской культуры [Дубынин, 1974, табл. XII: 12; Смирнов, 1974, табл. V, 4].

Серия украшений, включающая ложнозерненные накладки в виде бантиков, литую пронизь с изображением антропоморфных фигур и тремя колокольчиками с тремя треугольными прорезями, литую же пронизь из округлых бляшек с привесками (рис. 8: 10–12), аналогична найденным на москворецких городищах позднедьяковского времени [Белоцерковская, 2000, с. 105]. Положение их в костюме осталось неизвестным, т.к. они происходят, в основном, из ограбленных или потревоженных в древности комплексов. Правда, одна накладка-бантик оказалась в составе головного убора или ожерелья (Заречье 156). Любопытно, что в древнемордовском Абрамовском могильнике на р. Теша такие накладки также использованы в составе головного убора [Гришаков, 2003, рис. 1: 4, 5; с. 20–21]. Напомним, что прототипами окских ажурных застежек были, скорее всего, аналогичные изделия также позднедьяковского круга [Белоцерковская, 1999 а, с. 154–176].

Височные кольца с лопастью (признак 22; рис. 2: 32–34), распространенные в рязано-окских могильниках, явным своим прототипом имеют мощинские формы [Воронцов, 2002, рис. 3: 1; Седов, 1982, табл. XII: 1], по конструкции они аналогичны раннекошибеевским, во многих случаях превосходя их размерами. В.В. Шитов, проанализировав ареал этих украшений, пришел к обоснованному выводу об их восточнобалтском происхождении [Шитов, 1988а, с. 14]. Неоднократно отмечалось, что эти кольца часто находят рядом с кистями рук, но ни разу не было упомянуто о том, что они были надеты на руки. Тем не менее, в ряде комплексов кольца с лопастью зафиксированы по месту ношения, в составе головного убора, к которому вплотную крепились при помощи ремешков, отходящих от проволочной части колец, (Кораблино 39а), или были подвешены на ремешках, доходивших до уровня плеч (Заречье 112). Надо думать, что первоначально эти украшения были височными, затем их прямое назначение забылось, однако, их продолжали использовать в погребальном ритуале. В отдельных случаях ясно видно, что им придавался сакральный смысл, в частности в Кораблино 6а четыре кольца разных размеров были попарно вложены друг в друга и положены около головы погребенной, в Кораблино 2а одно кольцо также было вложено в другое.

Для этого периода характерны и многолопастные массивные нагрудные бляхи-сюльгамы (рис. 8: 8), которые в раннем Кошибеево были менее массивными. В силу неудовлетворительной сохранности проследить конструкцию их центральной части не удалось [Шитов, 1988а, табл. VIII: 6; с. 10]. Сюльгам-застежек в это время мало, в основном, они круглопроволочные, пластинчатые же с короткими концами встречаются редко. Оба типа сюльгам есть в Андреевском кургане [Степанов, 1980, табл. 22: 4; 23: 6], а круглопроволочные – в ранних захоронениях в Кошибеево и пьяноборских древностях [Шитов, 1988а, табл.VI: 2; Генинг, 1970, табл. XX: 15].

Круглопроволочные и с треугольным сечением проволоки спиральные перстни в это время еще не стали неотъемлемой частью женского убора, они встречаются нерегулярно и изредка, появились еще в раннекошибеевский период [Шитов, 1988в, табл. VII: 16 и др.]. В качестве гипотезы можно предположить происхождение спиральных перстней от золотых и бронзовых круглопроволочных спиральных в 3–5 оборотов височных привесок Андреевского кургана [Степанов, 1980, табл. 10: 3; 16: 3; 23: 4 и др.; с. 41] или от крупных спиральных пронизей (см. ниже). Очень редки бронзовые спиральные пронизи диаметром до 0,5 см, получившие позднее столь широкое распространение на территории окских племен. В ранних комплексах Кошибеева известны крупные спирали из бронзовой проволоки округлого сечения, диаметр их 0,7–1 см, использованы в составе поясных украшений [Шитов, 1988 а, с. 16]. Очень похожее на них украшение найдено в погребении 46 Андреевского кургана [Степанов, 1980, табл. 38: 5].

В период 2а продолжали бытовать головные бляхи с концентрическим гравированным орнаментом и накладками, массивные обрубленноконечные гривны и браслеты, ранние формы пластинчатых сюльгам, ажурные застежки с двумя кольцами, которые прекратили свое существование в период 2б. Наряду с многолопастными массивными бляхами-сюльгамами бытовали широкопластинчатые бляхи-сюльгамы с жемчужным орнаментом по краю (рис. 7: 42). Бляхи-сюльгамы трансформировались в нагрудные бляхи сначала с сюльгамой, затем с округлым вырезом в центре, язычком, подтреугольными вырезами вокруг центральной части и жемчужным орнаментом по краю. Их использовали до начала периода 3.

Вместе с тем появляется новый комплекс украшений: массивные четырехгранные в сечении гривны с обрубленными концами и богатой орнаментацией (рис. 8: 15), аналогии которым есть в азелинских древностях IV в., в том числе на Вятке [Голдина, 1999, рис. 116: 14; 128: 25; Лещинская, 1995, рис. 9: 12], а также в древнемордовских могильниках [Вихляев, 1977, рис. 4: 5]. Вероятно, на их основе в местной среде в рязанских и пензенских памятниках возникают браслеты тех же форм и с таким же орнаментом (рис. 7: 49) [Полесских, 1962, рис. 3: 2].

Появились и бытовали до начала этапа 3 гривны – круглопроволочные с крючком и приемником в виде округлой с вырезами пластины (рис. 7: 31), круглопроволочные с крючком и приемником в виде овальной, округлой или ромбовидной пластины с отверстием в центре (рис. 7: 30). Форма с округлым приемником бытовала очень широко, известна, в частности в древностях IV–V вв. в бассейне Вятки [Лещинская, 1995, рис. 12А: 1] и в древнемордовских памятниках [Гришаков, 2003, рис. 1: 18]. Замок в виде крючка и округлой с вырезами пластины известен в сарматских памятниках на крученой гривне [Мошкова, 1989б, табл. 82: 42].

Но самым распространенным типом стали тордированные по всей длине, квадратные в сечении, гривны с вариантами замков как у предыдущей серии (рис. 7: 34). Тордированные гривны преимущественно в южных областях известны с позднесарматского времени [Мошкова, 1989б, табл. 82: 42; с. 201; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 15: 145; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 83: 1062; Scukin, Baźan, 1995, fig. 1; p. 64]. Там они бытовали и позднее – во 2-ой половине III – начале IV в. [Безуглов, Захаров, 1989, рис. 2: 2; с. 56; Храпунов, 2002; рис. 95: 10]; в цебельдинской культуре они отнесены к 350–375 гг. [Гей, Бажан, 1997, табл. 26: 10]. Известны такие формы и в погр. 292 и 500 могильника Дюрсо, где первое относят к ранней фазе 1–2 могильника Дюрсо, а второе – к фазе 3, т.е. в пределах 470/480–530/540 гг. [Казанский, 2001, рис. 6: 4; 7: 17; с. 41–46]. В Чми они также датированы временем не позже 1-ой половины VI в. [Абрамова, 1997, рис. 61: 12]. Но в этих памятниках концы гривен, как правило, не были перекручены, а представляли собой гладкий дрот, и лишь в азелинских древностях и материалах Андреевского кургана известны полностью тордированные гривны [Генинг, 1963, табл. III: 5]. В Андреевском кургане крученые гривны, несомненно, сарматские по происхождению. Похоже, что окские тордированные гривны из дрота четырехгранного сечения являются местной переработкой южных (сарматских?) серий, тем более что в «Золотом кладбище» сечение тордированной части такой гривны также четырехгранное [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 15: 145]. Правда, определить пути попадания этих форм на Оку не представляется возможным – это могло произойти как вместе с носителями культуры типа Андреевского кургана, так и путем более поздних непосредственных контактов с позднесарматским населением.

Только в пределах периода 2а бытовали круглопроволочные гривны с проволочной обмоткой концов и замком в виде крючка и раскованной ромбовидной или округлой пластины с отверстием в центре (рис. 7: 32). Гривны с проволочной обмоткой на концах известны в материалах Андреевского кургана [Степанов, 1980, табл. 30: 3] – до 7 витков проволочной обмотки), в памятниках II–III вв. и позже в Прикубанье, но там обмотка состояла из 2–3 витков,

а замок представлен петлей с крючком [Гущина, Засецкая, 1994, Табл. 41: 369; с. 16, 65], в могильнике западнобалтской культуры Жива Вода периода С3 [Godłowski, 1970, pl. XI: 20]. В последнем случае окским экземплярам близки и конструкция замка, и длина проволочной обмотки.

В периоды 2а–2б бытовали также железные в основе гривны с проволочной бронзовой обмоткой по всей длине и бронзовыми же напускными бусами (рис. 7: 39), аналогичные экземплярам из могильников Окско-Сурского междуречья [Вихляев, 1977, рис. 4: 11; Белорыбкин, 2001, рис. 10: 4]; такие же гривны, но без бус характерны для памятников мазунинской культуры [Останина, 1988, рис. 1: 11]. Характер замка из-за чрезвычайной фрагментарности находок остался неясным, но любопытно, что в пережиточном варианте (рис. 8: 33) у этих гривен появляется замок в виде крючка и коробочки. В свое время было высказано предположение о том, что такие гривны ведут свое происхождение от массивных железных стержней с нанизанными на них крупными бипирамидальными стеклянными бусами, подобные происходят из кургана 9 позднесарматского могильника Ново-Никольское на Дону [Воронина, 1982, рис. 8, 9; с. 89].

Для периодов 2а–2б характерны пластинчатые браслеты с расширяющимися концами и жемчужным орнаментом (рис. 7: 61), известные по древнемордовским могильникам типа Иваньковского [Ефименко, 1975, рис. 3: 15, 16], головной венчик с пластинчатыми обоймами (рис. 7: 27), а также совершенно новые формы привесок к головным уборам – литые с тремя-пятью округлыми лопастями с жемчужным орнаментом и ложновитыми бортиками (рис. 7: 10) и пластинчатые с тремя-четырьмя секировидными лопастями с жемчужным орнаментом, но без бортиков (рис. 7: 11). Логично полагать, и это подтверждается анализом материала, что сначала появились литые привески, а вслед за ними – пластинчатые, положившие начало более поздним классическим пятилопастным привескам к накосникам [Белоцерковская, 1999б, с. 58–60]. Происхождение литых привесок не совсем ясно. По композиции и форме (три округлые лопасти, как бы сгруппированные в одной части изделия, примыкающие к ложновитому бортику, окаймляющему округлое отверстие для подвешивания) они чрезвычайно напоминают окончания конечных щитков лунниц с эмалями, где в основе композиции диск с гнездом для эмали, а вокруг него три округлых отростка-шарика, иногда вместо них помещены три диска с гнездами для эмалей [Корзухина, 1978, с. 47–47; табл. 21: 9, 10 – Мощины]. Для нас важно, что в некоторых случаях на этих лунницах вместо центрального диска, как и на наших подвесках, было отверстие, в частности, у экземпляра из Щепиловского городища [Корзухина, 1978, табл. 14: 3]. Округлые лопасти с жемчужинами, вероятно, имитировали отростки-шарики лунниц. Секировидные лопасти у пластинчатых окских привесок также чрезвычайно сходны с такими же лопастями на конечных щитках лунниц с эмалями [Корзухина, 1978, табл. 8: 16; 25: 6 и др.].

Из относительно редко встречающихся в периоде 2а форм следует отметить витую из трех проволок гривну с петлями на концах мощинского типа (рис. 8: 14), привеску – серьгу с двумя треугольными подвесками (рис. 8: 13) и очень крупную нагрудную бляху с гравированным концентрическим орнаментом, прорезными накладками и с заплатой, изготовленной из пластинчатого наконечника ремня с изображением антропоморфной фигуры (рис. 8: 16). Эта бляха является единственной в своем роде репликой на продолжавшие бытовать поздние варианты головных блях (рис. 8: 3). Наконечник ремня с таким изображением и привеска аналогичны москворецким позднедьяковским формам, а витые гривны этого вида были характерны для мощинских верхнеокских памятников [Белоцерковская, 2000, с. 106–106].

В начальную пору **периода 2б** продолжали бытовать ажурные застежки поздних форм с имитацией проволочных окончаний ложновитым стержнем с S-видным завитком (рис. 7: 7, 8) и массивные четырехгранные браслеты. Весь период, включая начало этапа 3, но с максимумом распространения в 2б существовали круглопроволочные и тордированные гривны с раскованными щитками с отверстием и крючками, нагрудные бляхи с округлым вырезом в центре и иглой, пластинчатые браслеты с расширяющимися концами, литые и пластинчатые лопастные привески, головные венчики с пластинчатыми обоймами и железные гривны с бронзовыми бусами и проволочной обмоткой. Все это было наследием предыдущей поры.

Безусловной инновацией периода 2б являются массивные круглопроволочные гривны с проволочной обмоткой и напускными бусами на концах, с замком в виде крючка и округлой коробочки с жемчужным орнаментом (рис. 7: 35, 36), которые, видоизменяясь, бытовали и в последующее время. Они стали своеобразным маркером костюма окского населения, при этом ничего подобного ни в предшествующее время на рассматриваемой, ни на соседних территориях не наблюдалось. Возможно, толчком к появлению этого вида украшений стало знакомство местных мастеров с гривнами западного круга типа Чейков в Словакии, которые также имеют напускные бусы, проволочную обмотку окончаний и похожий замок, совпадает даже количество бусин с каждой стороны от замка – три [Godłowski, 1970, pl. XX: 20].

Новшеством были и простые височные подвески в виде объемной петельчатой привески на кольце (рис. 7: 17), и трехрогие пластинчатые лунницы с жемчужным орнаментом (рис. 7: 21), просуществовавшие до конца периода 3, также как и сначала небольшие, а затем ставшие очень крупными крестовидные фибулы, которые изредка встречаются в женских комплексах с престижным набором погребального инвентаря (рис. 7: 62).

Из относительно редко встречающихся украшений периода 2б следует отметить круглопроволочные гривны с крючком с коническим окончанием и круглой литой петлей (рис. 8: 26), похожие известны в Боспорском некрополе [Засецкая, 1993, табл. 55: 276], в погребении в Муслюмово [Засецкая, 1994, табл. 43: 1], с простым крючком – в Пашковском могильнике. К.Ф. Смирнов считал их сарматскими по происхождению [Смирнов, 1951, рис. 51: 1]. Другой тип представлен также круглопроволочной гривной с крючком и петлей, изготовленной путем сгибания конца проволоки и обматывания его вокруг стержня (рис. 8: 27). Подобные, но с конической головкой крючка, формы были характерны для южных древностей II–III вв. и позже [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 41: 369; с. 16]; они были распространены довольно широко, в частности, известны и в Пьяноборском могильнике [Генинг, 1970, табл. XXI: 2].

В периоде 2б спорадически используют сложные литые подвески к накосникам с объемными привесками (рис. 8: 23), которые, несколько видоизменяясь, бытовали и на этапе 3 (рис. 7: 14). В их основе – литая подвеска с круглыми лопастями, украшенными жемчужным орнаментом, с ложновитым бортиком по краю, возникшая в предшествующее время (рис. 7: 10). Количество лопастей и, соответственно, привесок к ним варьирует от трех до четырех. Еще один тип привесок к накосникам представлен крупной объемной подвеской колокольчатой формы с тремя мелкими также объемными привесками к ней (рис. 8: 19).

В этот период возникает еще один вид головных украшений – на трех-четырех не длинных кожаных ремешках, продетых в бронзовые спиральные пронизи, иногда соединенных попарно пластинчатыми обоймами, подвешены привески различных форм – пластинчатые трехлопастные, коробчатые и объемные в виде уточек (рис. 8: 22). Коробчатые привески характерны также и для пензенских древнемордовских могильников, где они входили в состав поясных кистей [Полесских, 1962, рис. 2: 1; 1991, рис. 19]. Это – кисть, ставшая прообразом более поздних длинных затылочных кистей, которая крепилась к затылочной части шапочки [Белоцерковская, 2001, с. 21].

Примерно, в то же время появился и вариант длинной затылочной кисти, не получивший дальнейшего развития – в виде двух ремешков, продетых в бронзовые пронизи и двух крупных литых конических привесок к ним, с двумя маленькими пряжками для пристегивания к головному убору (рис. 8: 17). Следует отметить, что литые конические привески с гравированным орнаментом для рассматриваемых памятников уникальны и, возможно, являются импортными.

В качестве нарукавных используют повязки, состоящие из трех узких ремешков, пропущенных в бронзовые спиральные пронизи, перемежающиеся сегментовидными бляшками с ложновитыми бортиками, которые застегивались пряжкой (рис. 8: 20). Редкой находкой являются умбоновидные пластинчатые бляшки с отверстиями для крепления к головному убору (рис. 8: 24). Подобные изделия известны в мазунинских памятниках III в. [Останина, 1983, табл. 1: 14], пензенских могильниках III в., в том же качестве они использованы в головном уборе из Абрамовского могильника на р. Теше [Гришаков, 2001, рис. 2: 7; 2003, рис. 2: 2]. В Иваньковском мордовском могильнике такая бляшка известна в комплексе, который П.П. Ефименко относил к IV в. [Ефименко, 1975, рис. 3: 7; с. 11]. Судя по круглорамчатой с длинным хоботковидным язычком пряжке, это погребение датируется, скорее, V, нежели IV в.

Умбоновидные экземпляры есть и в единичных комплексах предыдущего времени (Кораблино 75) и, возможно, являются репликой на золотые штампованные нашивные бляшки, известные в южных областях еще со среднесарматского времени [Мошкова, 1989б, табл. 82: 41 и; с. 190; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 46: 428/1; 48: 450].

Очевидно, к этому же времени можно отнести серию украшений, состоящую из бронзовой треугольной («секировидной») и ведерковидных железных и бронзовых подвесок, а также пельтовидной лунницы (рис. 8: 28–30). Кроме того, известна еще одна прямоугольная пластинчатая привеска из мужского комплекса Заречье 11 [Ахмедов, Белоцерковская, 1996, рис. 5: 2]. Привески в виде молоточков Тора известны на широкой территории – от Средней Европы до Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Приуралья [Godłowski, 1995, Abb. 7: 5; Зубарь, 1982, рис. 68: 9; с. 103; Абрамова, 1997, рис. 36: 12; Казанский, Мастыкова, 1998, с. 102, 127; Стоянова, 2004 а, табл. 1: 20–38; с. 349–351]. Большая подборка этих находок, включая территорию черняховской культуры, приведена в находящейся в печати статье [Белоцерковская, в печати-1]. Полагают, что секировидные привески были характерны для германцев и бытовали все позднеримское время и вплоть до конца V в. [Казанский, Мастыкова, 1998, с. 102]. В Крыму формы, подобные рязано-окской, появились со 2-ой половины III в. и бытовали весь IV в., присутствие их здесь связывают с передвижением германского населения [Стоянова, 2004а, с. 350, 351].

Прямоугольные подвески происходят с разных территорий – они известны, в частности, в Хараксе, Косановском могильнике, на черняховском селище Делакеу [Айбабин, 1984, рис. 5: 25; Кравченко, 1967, табл. XVI: 13, 23; Рикман, 1967, рис. 1: 6]. Погребение 5 в Косаново с такой подвеской отнесено О.В. Шаровым к третьей фазе его периодизации, датированной 350–375 гг. [Шаров, 1992, табл. IV]. И.А. Бажан и О.А. Гей первоначально рассматривали этот комплекс в рамках V фазы их периодизации датированной 330–370 гг. [Гей, Бажан, 1992, рис. 3; с. 153–154], но позже определили иные границы этой фазы – 375–400/410 гг. [Бажан, Гей, 1997, табл. 40: 1; 69: 16; с. 48]. В Хараксе прямоугольные

привески датированы IV – 1-ой половиной V в. [Айбабин, 1984, с. 117], а материалы селища Делакеу в целом отнесены к III–IV вв. [Рикман, 1967, с. 196].

Ведерковидные подвески разных вариантов известны с рубежа нашей эры или даже ранее, с конца II–I в. до н.э. в Северном Причерноморье, на территории вельбарской, пшеворской, черняховской и других культур центральноевропейского круга [Котигорошко, 1987, с. 187; Смирнова, 1981, рис. 3: 5, 9; 8: 13; Бажан, Гей, 1992, рис. 2: 16; 4: 16; 10: 16; Кравченко, 1967, табл. XVI: 13; Никитина, 1996, табл. 3: 1; Бажан, Каргопольцев, 1989б, с. 164]. По мнению исследователей, в черняховской культуре и на памятниках Центральной Европы к середине IV в. они выходят из употребления [Бажан, Каргопольцев, 1989б, с. 167–169; Никитина, 1995, с. 100].

Пельтовидные лунницы также имели широкое распространение [Каргопольцев, Бажан, 1993, рис. 4: 33]. Наш экземпляр наибольшее сходство обнаруживает с лунницей из клада в Валя Стрымба в Румынии [Teiral, 1986, Abb. 8: 6]. Клад рассматривается в рамках фазы С3, т.е. начала – 3-ей четверти IV в. [Tejral, 1986, S. 199, 211] или 2-ой половины IV в. [Каргопольцев, Бажан, 1993, рис. 4: 18, 19; с. 116]. Похожие на наши лунницы из могильника Тыргшор в Румынии продатированы фазами С3–D, т.е. в целом IV в. [Каргопольцев, Бажан, 1993, рис. 4: 9, 13; с. 116]. Вполне вероятно, что появление пельтовидных лунниц послужило толчком к развитию и распространению местного варианта лунниц – трехрогих.

Необходимо отметить, что в подобной совокупности ведерковидные, прямоугольные, секировидные подвески и пельтовидные лунницы известны, в основном, на памятниках черняховской культуры, где их относят к общеевропейским типам украшений [Бобровская, 1999а, рис. 3: 3, 4, 6, 8; с. 155]. При этом секировидные, ведерковидные привески и пельтовидные лунницы появились уже на раннем этапе черняховской культуры и бытовали далее [Бобровская, 1999а, рис. 5: 7, 8, 10; с. 153].

В период 2б продолжают бытовать появившиеся ранее и существовавшие позднее гривны с так называемой двойной петлей – круглопроволочные с напускными бусами, проволочной обмоткой на концах и замком в виде двух петель или в виде крючка и петли (рис. 7: 33). Гривна с подобным замком и с обмоткой концов проволокой, но без бус, есть в Косаново, погр. 3 [Кравченко, 1967, рис. 6: 1], в Боспорском некрополе [Засецкая, 1993, табл. 25: 80а], варварских погребениях в бассейне Дуная, например, [Schmauder, 2002, Taf. 60: 1в]. Первоначально Косановское погребение было отнесено к фазе 3, датирующейся 290/320–340/360 гг. [Гей, Бажан, 1993, табл LXXX: 1], а позже к группе 5 черняховских погребений – между 375-400/410 гг. [Гей, Бажан, 1997, табл. 40: 1; с. 48]. П.П. Ефименко гривны в двойную петлю считал привнесенными в местную среду с запада [Ефименко, 1926, с. 79].

Период 3. К этому времени полностью сложился классический женский костюм рязано-окского населения. В его составе прочное место заняли: пятилопастные, в редких случаях четырехлопастные, украшенные мелким жемчужным орнаментом, привески к накосникам (рис. 7: 13), производные от ранних видов периодов 2а–2б (реже в накосниках использовали шумящие привески в виде литого щитка с тремя-четырьмя жемчужинами, окаймленными ложновитыми бортиками, и соответствующее число объемных привесок (рис. 7: 14) – наследие предыдущей поры); затылочные кисти классического образца, состоящие из четырех ремешков в бронзовых спиральных пронизях, соединенных по четыре и попарно прямоугольными обоймами, с крупными объемными привесками и двумя пряжечками (рис. 7: 25); простые височные подвески в виде кольца с объемной (бытовали с этапа 2б) или пластинчатой трапециевидной привеской, последние широко распространились на этом этапе (рис. 7: 15); более сложные в виде петли с завернутыми в спираль концами и двумя объемными привесками появились в период 3 (рис. 7: 16); головные венчики нового вида – с широкими и узкими пластинчатыми обоймами с жемчужным орнаментом и трапециевидными привесками на восьмеркообразных держателях (рис. 7: 26); новые виды браслетов и нагрудных блях.

Браслеты – довольно массивные круглодротовые со слегка уплощенными концами с рельефным изображением на них лица (?) с бородой и, возможно, волосами на лбу (рис. 7: 53); такие же, с уплощенными концами с рельефным изображением на них бородатого лица (рис. 7: 52) или со стилизованным изображением головки змеи (рис. 7: 54), а также с массивными утолщающимися (раструбообразными) концами с гравированным орнаментом на них (рис. 7: 51) появились практически одновременно.

Экземпляры с сильно утолщенными концами в этой культуре бытовали, в основном, в период 3, являясь преимущественно мужским украшением. Эта форма имела широкое распространение. Она известна на деснинских памятниках 2-ой четверти – середины I тыс. [Горюнов, 1981, рис. 12: 14, 15], позднедьяковских поселениях [Розенфельдт, 1982, рис. 19: 2, 3], в Безводнинском могильнике с иным типом орнамента [Краснов, 1980, рис. 38: 10], в Среднем Поднепровье [Корзухина, 1978, табл. 12: 5, 6]. Заметим, что впервые подобные формы на Оке появились еще на этапе 2б, но орнамент у них, хотя и гравированный, композиционно совершенно иной, расположенный зонами (рис. 3: 8). Аналоги им есть на поселениях Староселье в Поднепровье [Горюнов, 1981, рис. 12: 8] и Ульяновка на Десне. Последнее относят к третьему этапу киевской культуры, т.е. к концу IV – началу V в. [Обломский, 2002, рис. 75: 19].

Браслеты с антропо-зооморфными концами представленны также в рязано-окских могильниках Шатрище и Никитино [Кравченко, 1974, рис. 17: 10, 11; Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, рис. 39: 10].

Изображения, подобные помещенным на рязано-окских изделиях, изредка встречаются на браслетах памятников пеньковской культуры Поднепровья [Горюнов, 1981, рис. 28: 8], но там они несколько иного типа, который получает распространение в рязанских могильниках позже, на этапе 4 (рис. 4: 1, 2, 4). Е.А. Горюнов соотносил зооморфные изображения на браслетах с изображениями на пальчатых фибулах Среднего Поднепровья [Горюнов, 1981, с. 80].

На браслетах с змеиноголовыми концами глаза изображены, как правило, треугольными пропилами, а кожа – штампованным орнаментом (рис. 7: 54). Культ змеи, а соответственно и украшения, в т.ч. и браслеты с изображением змеиных головок бытовали очень широко и длительный период времени [Нефедова, 1992, с. 21–22]. Но в бассейне Оки сложился свой устойчивый тип этих украшений. Из просмотренных по публикациям браслетов наиболее близки окским по форме концов, наличию треугольных пропилов и штампованного орнамента, имитирующего кожу змеи, оказались изделия из Цебельдинской долины, в частности, из погр. 10 на Церковном холме 4, из погр. 3 на Юстинианове холме [Воронов, Юшин, 1973, рис. 10, 11]. Авторы относили их к VII в. [Воронов, Юшин, 1973, с. 190], но дата многих захоронений этих некрополей сейчас пересматривается (например, [Мастыкова, 2004, с. 61]).

Наиболее распространенным типом нагрудных украшений стали появившиеся в это время бляхи с крышкой, у которых на протяжении всего периода форма крышки видоизменялась от ромбовидной (рис. 7: 43) до шестигранной разных вариантов (рис. 7: 45, 46). Параллельно продолжали бытовать и округлые пластинчатые бляхи с диаметральными накладками.

Среди гривен главенствующее место заняли возникшие на предыдущем этапе формы с коробкой (рис. 7: 37, 38).

В состав ожерелий, помимо бус, прочно вошли трехрогие лунницы, спиральные пронизи, бронзовые литые пронизи с двумя-тремя объемными привесками (рис. 7: 23) и округлые бляшки-подвески. К концу этапа 3 – началу периода 4 лунницы и литые пронизи перестают использоваться, и в ожерельях бусы все чаще перемежаются с проволочными спиральными пронизями.

Наряду с характерными для культуры спиральными перстнями появились литые перстни с объемными и пластинчатыми привесками, которыми стали дополнять и спиральные перстни. В качестве застежек одежды использовали по-прежнему сюльгамы, но с удлиненными концами-«усами» (рис. 7: 64, 65).

Из относительно ***редко*** встречаемых украшений следует назвать привески к накосникам в виде крупной трапециевидной пластины с отверстиями для привешивания двух-трех трапециевидных или свернутых из трапециевидных конических подвесок (рис. 8: 40, 47) и круглопроволочные гривны с утолщением в средней части и замком в виде незамкнутой или замкнутой петли (рис. 8: 38, 37). Подобные известны в могильнике Байтан-Чапкан в верховьях Кубани [Абрамова, 1997, рис. 34: 14; с. 46] в погребении V в.; в погр. 483 и 306 Дюрсо 3-ей фазы по А.В. Дмитриеву, датированной М.М. Казанским 470/480–530/540 гг. [Казанский, 2001, рис. 5: 30, 31; 6: 24; с. 56].

Появились в это время и подвески на поясных кистях – с округлым литым щитком с ложновитым бортиком и с двумя-тремя объемными петельчатыми привесками. Как правило, в комплекте одна привеска была крупная и несколько – меньшего размера (рис. 8: 39). Аналогичные привески известны и в других рязано-окских могильниках этого времени [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 67; рис. 36: 7]. Такие же маленькие подвески, но без привесок, использовали в составе ожерелий (рис. 2: 40) и реже – в головных уборах.

Из разных видов браслетов необходимо отметить спиральные в 9 витков из трехгранной пластины (рис. 8: 43). Спиральные браслеты известны на широкой территории и в разное время: в 2–4 оборота в Андреевском кургане [Степанов, 1980, табл. 5: 4; 24: 10; рис. 9], в чегандинских древностях [Генинг, 1970, табл. VII: 4, 5], Безводнинском могильнике [Краснов, 1980, рис. 38: 18], на позднедьяковском Щербинском городище [Розенфельдт, 1982, рис. 19: 12, 13, 15], на скифских, сарматских, зарубинецких памятниках.

Уникальны для окских могильников два круглодротовых массивных обрубленноконечных браслета с немного суженными концами, на которые нанесены 4–5 поперечных нарезок (рис. 8: 41, 45). Подобные, но концы, которых не сужены, известны в могильнике Дюрсо в погребениях 259, 408, 516 3-ей фазы [Дмитриев, 1982, рис. 5: 25; 6: 62; 9: 35; 11], датированной 470/480–530/540 гг. [Казанский, 2001, с. 47–52]. В Лучистом в Крыму такие же браслеты с чуть утолщенными концами и двумя нарезками на них отнесены к V в. [Хайрединова, 1999, рис. 13: 4]. В Крыму формы с утолщенными концами и пятью поперечными нарезками на них появились в 1-ой половине V в. и бытовали до середины VII в., подобные браслеты широко известны и в германских древностях [Хайрединова, 1999, с. 209–210; Борисова, 1959, табл.VI: 1, 2, 5; Tejral, 1995, Abb. 7: 8].

Изменился облик нарукавных повязок (рис. 8: 34). Вместо бляшек – пронизок предыдущего времени в их состав стали включать пластинчатые обоймы с мелким жемчужным орнаментом, сходные с обоймами головных венчиков и затылочных кистей. Очевидно, эти украшения изготавливали в комплекте в едином стиле.

В единственном комплексе найдены остатки бронзового украшения обуви, состоящие из двух рядов ремешков в бронзовых спиральных пронизях и пяти пластинчатых обойм с тремя коническими привесками каждая (рис. 8: 42).

Во многих случаях, начиная с конца периода 2б, в качестве височных подвесок использованы литые

украшения в виде треугольного ажурного прорезного щитка с ложновитым каркасом и тремя объемными привесками (рис. 8: 32). Эта форма в предшествующее время на рассматриваемой территории неизвестна. Кроме того, из Кораблино 18 происходит литая нагрудная привеска примерно той же схемы: треугольная ажурная, края оформлены ложновитым орнаментом, с четырьмя держателями для объемных привесок каждый (рис. 8: 48). Единственное, с чем в настоящее время представляется возможным сопоставить эти украшения, это – треугольные золотые серьги с ложновитым орнаментом по краям, с вставками бесцветного стекла на корпусе и четырьмя привесками из склепа 1-ой половины – 3-ей четверти IV в. могильника Краснозерье в Крыму [Неневоля, Волошинов, 2001, рис. 4: 6; с. 146]. Окские экземпляры, естественно, проще, без вставок, но они близки крымским не только по схеме и наличию ложновитого орнамента, но и размерами. Несколько дальше в этой цепочке аналогий находятся золотые подвески трапециевидной формы с сердоликовыми и пастовыми вставками, также с ложновитым обрамлением и пятью привесками – из кургана 20 могильника Новоалександровка у г. Азова, где их датируют II–III вв. [Беспалый, 1990, рис. 3: 15; с. 222].

В этот период широчайшее распространение получают пластинчатые трапециевидные, редко - подтреугольные, подвески с отверстием для крепления на тонкопроволочных колечках, как правило, неорнаментированные (рис. 2: 18, 19, 41–43). Их использовали в составе височных подвесок, головных венчиков, накосников, ожерелий, перстней, ими обшивали горловину, подол и разрез платья, лопасти головных уборов. Из них же стали изготавливать и конические беспетельчатые привески, украшавшие уже перечисленные составные части женского убора (рис. 2: 23, 24). Происхождение их неясно. Крупные трапециевидные поясные привески найдены в Кошибеево 24Г[6] из раскопок В.Н. Глазова в ранней части могильника [Шитов, 1988а, табл. VI: 13]. Трапециевидные привески были характерны для зарубинецких, позднезарубинецких [Максимов, 1982, табл. XXXII: 20–22; Заверняев, 1970, рис. 2: 5, 6; Горюнова, 2004, рис. 5: 7, 20] памятников и древностей мощинского круга [Седов, 1982, табл. XV; Корзухина, 1978, с. 44–45], но в последних это довольно массивные крупные формы со сложным, в большинстве своем чеканным, орнаментом, включая полушарные вдавления. Г.Ф. Корзухина считала, что подобные привески являются принадлежностью комплексов вещей с выемчатыми эмалями [Корзухина, 1978, с. 18].

В погр. Заречье 80 крупные привески такой формы с «жемчужным» орнаментом встречены вместе с секировидной привеской и круглопроволочной гривной с петлей с обмоткой в два оборота и крючком. Они относятся, вероятно, к концу периода 2б – началу этапа 3. Очевидно, именно они и стали исходной формой для изготовления и распространения менее массивных трапециевидных привесок этапа 3.

Еще в предшествующее время в отдельных погребениях отмечена аппликация мелким, диаметром до 0,5 см, металлическим бисером в виде полушарных бляшек с петлей ворота рубахи (Заречье 33, 77), головного убора (Заречье 213), нагрудника (Заречье 223). В период 3 такая аппликация получает широкое распространение – ею украшают не только головной убор и нагрудники (Кораблино 16, 83, 126, Заречье 34, 46, 48, 71Б, 95, 119, 213, 144), но и подол платья, манжеты рукавов, иногда рукава по пройме (Кораблино 48,124, Заречье 46, 48, 71Б, 97, 144). Создается впечатление, что столь широкому распространению различного рода привесок и аппликации в отделке головных уборов, нагрудников и платья послужил какой-то толчок извне. Аппликация одежды небольшими бляшками белого мягкого металла, очевидно, имитировала мелкие золотые бляшки-накладки, широко распространенные в престижном костюме горизонта Унтерзибенбрунн (например, [Schmauder, 2002, Taf. 117: 5,1; 5,3–5]), куда они попали благодаря степным сармато-аланским влияниям [Казанский, Мастыкова, 1998, с. 113; Хайрединова, 1999, с. 213].

В конце периода 3 – начале периода 4 в женском головном уборе продолжали использовать наиболее распространенные ранее украшения – височные привески с одной – двумя объемными или одной трапециевидной привесками (рис. 7: 15–16), пятилопастные или литые с объемными подвесками привески к накосникам (рис. 7: 12–14), головные венчики (рис. 7: 26, 27), затылочные кисти (рис. 7: 25). Шейные украшения, по-прежнему, представлены ожерельями, состоящими из бус непрозрачного стекла, бронзовых пронизей с привесками, спиральных пронизей и лунниц (рис. 7: 23), а также гривен с коробками диаметром 4,8–7 см (рис. 7: 36–38). На груди носились бляхи с крышками видоизменной ромбовидной и почти шестигранной форм (рис. 7: 43, 44, 46); на руках – браслеты с зооморфными (рис. 7: 52, 53), реже – с раструбообразными концами (рис. 7: 51) и литые и спиральные проволочные перстни с привесками (рис. 7: 69).

Но эти формы украшений женского костюма в течение VI в. постепенно вытеснились иными видами. В головном уборе стали использовать височные привески усложненной формы с объемными подвесками с обвитой проволокой горловиной (рис. 7: 19), достаточно крупные височные кольца с объемной привеской (рис. 2: 25, 26; 7: 20), большого диаметра браслетообразные кольца (рис. 2: 36; 7: 24). Ожерелья включают бусы непрозрачного стекла и бронзовые спиральные пронизи (рис. 2: 39; 7: 23). Гривны с коробкой окончательно выходят из употребления, сменяясь пластинчатыми серповидными гривнами двух видов (рис. 6: 1–5; 7: 40, 41). Встречаются, но

[6] Здесь и далее литерой Г обозначены погребения Кошибеевского могильника в раскопках В.Н. Глазова 1902 г.

выходят из обихода нагрудные бляхи с крышками сложной шестигранной формы (рис. 6: 18, 20, 21; 7: 45, 47), их вытесняют округлые пластинчатые бляхи с двумя взаимно перпендикулярными накладками, ведущие свое происхождение от блях головного убора [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 41]. Среди браслетов получают распространение тонкие проволочные с зооморфными (рис. 4: 2, 4, 5; 7: 55, 56) и раскованными концами – овальной формы или срезанные под углом (рис. 4: 7–11; 7: 57–59). Временами используются спиральные и литые перстни с привесками (рис. 7: 69), но чаще встречаются простые спиральные перстни. Сюльгамы приобретают длинные концы с а = 1,42–3. (рис. 5: 24, 25; 7: 67, 68). В качестве обшивки ворота платья и привесок к перстням используют свернутые из трапециевидных конические привески (рис. 2: 23, 24; 7: 18). Но, попрежнему, очень часто головной убор состоит из шапочки с тканой лопастью. Сохраняется аппликация лопасти головного убора и платья мелким металлическим бисером.

Предварительная датировка периодов

Основанием для определения хронологических рамок каждого периода могут служить вещи, в первую очередь, импортного производства, либо изготовленные на месте по импортным образцам. Среди них основное место занимают пряжки и ременные наборы, как наиболее подверженные изменениям в соответствии с распространявшейся в разные периоды воинской модой; импортные, либо изготовленные на месте по импортным образцам фибулы, а также некоторые другие предметы, имеющие достаточно узкие рамки бытования.

Период 1 характеризуют следующие вещи.

1) Поясная пряжка, бронзовая, с сегментовидной рамкой с небольшим утолщением в средней части, коротким прогнутым язычком и прямоугольной обоймой, а также две обувные бронзовые пряжки с такой же и округлой рамкой с утолщением, таким же язычком и длинной прямоугольной обоймой из Кораблино 39а (рис. 9: 1–3). Пряжки, аналогичные помещенной на рис. 9: 1, есть в пензенских могильниках селиксенского периода (Тезиковский, погр. 37), где их относят к III в. [Гришаков, 2004, рис. 1: 10]. Изделия подобной схемы были распространены на широкой территории, занятой сарматами, в частности в Приазовье [Шепко, 1987, рис. 2: 15; с. 172] и Прикубанье во II–III вв. [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 23: 212; с. 54]; кругло – и овальнорамчатые пряжки с коротким прогнутым язычком происходят из погр. 77 Нижнего Джулата, где относятся ко II – 1-ой половине III вв. [Абрамова, 1993, рис. 66: 13, 14]. В сарматских памятниках округлые без утолщения рамки пряжки с длинными щитками относят к группе 1 и датируют серединой – 2-ой половиной II в., не исключая начало III в. [Малашев, 2000, рис. 3: В4, Д1, Е1]. Рамки со слабо выраженным утолщением в передней части и одновременно со спрямленностью в задней части (сегментовидные) появляются в 1-ой половине III в. [Малашев, 2000, с. 209].

2) Бронзовая двучленная лучковая фибула с расширенной ножкой (рис. 9: 4), III серии по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, табл. 9: 19; с. 113–114]; типа 2 по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1977, рис. 3: 17; с. 109] происходит из Кораблино 51а. А.К. Амброз датировал подобные формы в зависимости от местонахождения II–IV вв. А.С. Скрипкин считает, что в Нижнее Поволжье изделия этой серии поступают во 2-ой половине III в. Полагают, что у сарматов такие фибулы появляются не ранее середины III в. [Малашев, 2000, с. 200–207].

Конец периода 1 и начало 2а характеризуют следующие вещи.

1) Двучленная прогнутая подвязная фибула длиной 5,2 см, изготовленная из узкого бруска (рис. 9: 7), в погр. 6а могильника Кораблино. Подобные изделия составляют тип Б1б черняховских фибул по Е.Л. Гороховскому и относятся к фазе 2 этой культуры, т.е. последней трети III – 1-ой трети IV вв. (около 270–330 гг.) В пережиточном варианте подобные фибулы бытовали и в фазе 3 черняховской культуры, т.е. 2-ой трети – 3-ей четверти IV в. [Гороховский, 1988а, с. 43, 44].

2) Обувная бронзовая пряжка с пластинчатой сегментовидной рамкой с треугольными пропилами по краю, коротким прогнутым язычком и длинной прямоугольной обоймой с гравированным орнаментом найдена в погр. 120 могильника Заречье (рис. 9: 5). Похожие, но тонкопроволочные пряжки с короткими язычками характерны для азелинского этапа худяковской культуры III – начала IV в. [Лещинская, 1995, рис. 4: 27; Голдина, 1999, рис. 114: 17; 115: 1]. Подобные изделия, очевидно, представляют собой местный вариант сарматских круглопроволочных пряжек с длинной обоймой разновидности П1, характерной для групп I и частично IIа [Малашев, 2000, рис. 1; 2]. Время бытования группы I определено серединой/2-ой половиной II – началом III вв., а группы IIа – 1-ой половиной III в. [Малашев, 2000, с. 209].

3) Двучастные подвески-наконечники к обувным ремням с округлым завершением на конце и насечками по краям (рис. 9: 6) из Заречья 120. По конструкции близки позднесарматским [Малашев, 2000, рис. 6Д: 4–6; 7В: 1–3]. Они характеризуют группы IIб середины – 2-ой половины III в. и IIIа конца III – 20–30-х гг. IV вв. [Малашев, 2000, с. 197, 206–209].

Исходя из сказанного, можно предположить, что начало периода 1 относится к 1-ой половине III в., а конец этапа 1 – начало периода 2а приходится на 2-ую половину – конец III в. Этому не противоречат единичные находки явно импортного производства крупных колокольчиков подцилиндрической формы с петлей и небольших конических с отверстием (рис. 8: 5), характерных для южных древностей первых веков [Гущина, 1982, рис. 4: 49; 9: 45; 2: 15, 16; с. 26; Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 50: 12; 52: 18].

Период 2а и начало 2б характеризуют следующие вещи.

1) Обувные бронзовые пряжки с пластинчатой сегментовидной рамкой и длинной обоймой (рис. 9: 9), подобные описанным выше (рис. 9: 5), бытовавшим в сарматских памятниках в течение 2-ой половины II – 1-ой половины III в.

2) Обувные пряжки с сегментовидной округлой в сечении, слегка утолщающейся в передней части или слегка ограненной рамкой, коротким прогнутым язычком и округлой обоймой (рис. 9: 10, 11, 13, 21, 22). В некоторых случаях края обоймы загнуты (рис. 9: 10). Такие пряжки имели широкое распространение, в частности, они известны в погр. 1 кургана Веселая Роща в Ставрополье [Романовская, 1986, рис. 2: 2; с. 80], где отнесены ко 2-ой половине III – IV вв.; в погр. 1 кург. 12 Высочино у Азова [Безуглов, 1997, рис. 2: 21; с. 135], где их датируют II – 1-ой половиной III вв. По В.Ю. Малашеву, в сарматских древностях подобные пряжки бытовали в периоды IIа и IIб, т.е. в течение III в. [Малашев, 2000, рис. 1; 4Г: 3, 4; с. 209]. У одной из пряжек у основания язычка есть прямоугольная площадка (рис. 9; 10), этот экземпляр ближе всего к разновидности П7 позднесарматских пряжек середины – 2-ой половины III в. [Малашев, 2000, рис. 1; с. 196]. Обувные сегментовидные пряжки, с небольшим утолщением в передней части ограненной рамки, слегка прогибающимся, немного выходящим за передний край рамки, язычком с прямоугольной орнаментированной площадкой у основания язычка и округлой обоймой (рис. 9: 20) имеет аналогии, но с овальной обоймой, в позднесарматских памятниках. Это – разновидность П9 в хронологических группах IIIа и IIIб конца III – начала/середины IV вв. [Малашев, 2000, рис. 8В; 1; 2]. Очень похожие пряжки найдены в Кишпеке [Бетрозов, 1980, рис. 3: 7].

3) Поясная пряжка, с утолщением в передней части овальной рамки, с прямым массивным фасетированным язычком с небольшим уступом у основания; конец язычка загнут за передний край рамки, обойма овальная (рис. 9: 12). Очень похожая пряжка есть в Косаново 38 [Кравченко, 1967, табл. X: 11], где диагностирует фазу 3, датированную 310/320–350/360 гг. [Бажан, Гей, 1993, Табл. LXXX]. В других работах эти же авторы относят погребение с такой пряжкой к фазе 4 черняховских могильников, т.е. к 300–330 гг. или 350–370 гг. [Бажан, Гей, 1992, рис. 5: 38; с. 153, 154. Гей, Бажан, 1997, табл. 40.1; с. 48]. О.В. Шаров относит эту пряжку к фазе II Косановского могильника, дата которой установлена в пределах 310/320–350 гг. [Шаров, 1992, табл. IV: 70; с. 197–198]. Такие же формы известны в могильнике Дружное во 2-ой половине III – IV вв., причем в IV в. количество их возрастает [Храпунов, 2002, рис. 168: 4; с. 49]. По Е.Л. Гороховскому, в черняховских памятниках они бытовали в фазе 3, датированной им 330–380 гг. [Гороховский, 1988а; рис.: 44]. Это широко известный, начиная с III в., в Причерноморье, Крыму, на Северном Кавказе тип. Он относится к фазам С2–С3 центральноевропейских древностей, т.е. к 270/330–330/380 гг. [Teiral, 1986, Abb. 1: 18; S. 180–182].

4) Обувная бронзовая пряжка, с утолщением в передней части граненой овальной рамки, со слегка прогнутым язычком, немного заходящим за передний край рамки, с прямоугольной площадкой у основания, трапециевидной обоймой с округлым завершением, с насечками по краям и жемчужным орнаментом (рис. 9: 27). Похожая пряжка, но с пластинчатой рамкой с треугольными пропилами по краю, происходит из погр. 69 Кузьминского могильника (рис. 9: 24). Обоймы с округлым завершением – яркий признак мазунинских и азелинских пряжек Приуралья III – начала – 1-ой половины IV вв. [Лещинская, 1995, рис. 4: 23; Генинг, 1979, табл. А: 1; Г: 2; Д: 5], но там рамки пряжек – круглопроволочные. Вероятно, пластинчатые рамки на Оке – местная особенность. На Дону ограненные рамки распространены в основном на изделиях III – начала IV вв., но бытовали и позже в хронологической группе 4 по В.Ю. Малашеву, т.е. до середины – 2-ой половины IV в. [Малашев, 2000, с. 209, рис. 1; 2].

5) Пряжка с овальной пластинчатой рамкой с треугольными пропилами по краям и точечным орнаментом; язычок прямой, короткий, с прямоугольной орнаментированной площадкой у основания, обойма удлиненная прямоугольная с жемчужным орнаментом (рис. 9: 23). У поздних сарматов основание язычка начинают оформлять низким уступом спереди и сзади со 2-ой половины Ш в., а орнаментированные площадки чаще встречаются уже в IV в. [Малашев, 2000, с. 209].

6) Пряжка железная овальнорамчатая круглопроволочная, с коротким прогнутым язычком, длинной прямоугольной обоймой с округлым завершением в нижней части (рис. 9: 18). Похожие пряжки, но с чуть менее длинной обоймой, происходят из погр. 88 Худяковского могильника, датируемого III в. [Голдина, 1999, рис. 129: 5; с. 262].

7) Поясная бронзовая пряжка, с небольшим утолщением в передней части слегка ограненной овальной рамки, почти прямым коротким язычком с прямоугольной площадкой у основания и длинной подтрапециевидной обоймой с сужением в средней части (рис. 9: 19). Точные аналогии неизвестны, но в памятниках азелинского этапа худяковской культуры III–IV вв. и мазунинской культуры III–V вв. есть похожие овальные тонкопроволочные пряжки с прямым язычком и близкой формой обоймы [Лещинская, 1995, рис. 6: 1; Останина, 1983, табл. 1: 42; Голдина, 1999, рис. 115: 1; 103: 11]. В.Ф. Генинг относил такие пряжки ко времени около середины – 2-ой половины IV в. [Генинг, 1979, табл. Д: 2–4; В: 3; Г: 3; Б :2].

8) Двучастные подвески-наконечники к обувным ремням с округлым завершением на конце, насечками по краям и жемчужным орнаментом (рис. 9: 29) и такие же, но фасетированные с прямоугольными

орнаментированными площадками (рис. 9: 14, 25, 28, 29). В позднесарматских памятниках фасетировка в ременной гарнитуре появляется с 1-ой половины III в., со 2-ой его половины на конце подвески возникает округлое или овальное расширение [Малашев, 2000, с. 207–210]. Фасетированные наконечники с округлым завершением характерны для Приуралья конца III – начала IV в. [Генинг, 1979, табл. Д: 22, 23], прием фасетировки здесь встречается на наконечниках с иным завершением и в 1-ой половине IV в. [Генинг, 1979, табл. Б: 17, 18[. Очевидно, окские двучленные фасетированные подвески с ромбовидным окончанием (рис. 9: 26) относятся к той же поре.

9) Двучленные прогнутые подвязные фибулы, длиной 3,7, 4,7 и 5,8 см, фасетированные, изготовленные из узкого бруска (рис. 9: 30, 32, 33), близки вариантам Б1б и Б1г, характеризующим, в основном, фазу 2 черняховских памятников Поднепровья по Е.Л. Гороховскому, т.е. датируются в пределах последней трети III – 1-ой трети IV вв. [Гороховский, 1988а, рис. № 19; с. 43]. Фибулы варианта Б1б в пережиточном варианте встречаются и на черняховских памятниках фазы 3 т.е. во 2-ой трети и 3-ей четверти IV в. [Гороховский, 1988а, с. 44].

10) Двучленные фибулы длиной до 3,5 см, со сплошным приемником, с циркульным орнаментом на спинке (рис. 9: 15, 16, 31). Подобные формы датируют в пределах всего IV в. [Амброз, 1966, с. 70]; в черняховских древностях воинские фибулы с гравированными кружками у перехода от спинки к ножке характерны для фазы 4, датированной 2-ой половиной IV в. [Гороховский, 1988а, с. 44].

Предварительно период 2а можно отнести к концу III – IV вв.

Период 2б характеризуют следующие вещи.

1) Обувная пряжка, пластинчатая, с длинной прямоугольной обоймой (рис. 9: 35), аналогичная бытовавшим в предшествующие два периода и, очевидно, пережившая свое время; близка ей и другая пряжка (рис. 9: 36), но язычок у нее уже прямой и с прямоугольной орнаментированной площадкой у основания.

2) Третья пряжка также с длинной обоймой, овальнорамчатая, пластинчатая, со слегка заходящим за передний край рамки язычком (рис. 9: 38). Такие язычки характерны для пряжек IV – 1-ой половины V в. [Амброз, 1989, рис. 5], более узко – для фазы D1 центральноевропейских древностей т.е. 360/370–400/410 гг. [Teiral, 1997a, Abb. 9].

3) Пряжка затылочной кисти, повторяющая формы поясных застежек, с небольшим расширением в передней части круглой рамки, с прямым массивным язычком с уступом сзади, с круглой обоймой; язычок огибает передний край рамки (рис. 9: 40). Похожие серебряные экземпляры происходят из погр. 6 1990 г. в Танаисе, где их относят к фазе D2, датируемой Я. Тейралом 380/400–440/450 гг. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 48: 490; с. 36, 209–210]. Похожие, но овальнорамчатые, формы и с овальной обоймой есть в могильнике Озерное II в Крыму, где датируются фазой C3 [Teiral, 1986, Abb. 5: 12; S. 190–195], в Валя Стрымба в Румынии, а круглорамчатая и с округлой обоймой – в могильнике Фрунзовка; в последних двух памятниках они отнесены к фазе D1 [Teiral,1997a, Abb. 10: 1,9; S. 330–331]. И.Н. Храпунов в могильнике Дружное подобные экземпляры относит к IV в. [Храпунов, 2002, рис. 200: 18; с. 48]. В черняховских могильниках похожие пряжки представлены в периоде 4, датируемом около 350–375 гг. [Гей, Бажан, 1997. табл. 59: 12; 71]. Близкие изделия, но с овальными рамками и обоймами, разновидности П10 известны в позднесарматских памятниках, где датируются 20–30 гг. IV – началом V вв. [Малашев, 2000, рис. 1, 2; с. 205, 206].

4) Двучленная прогнутая подвязная фибула фасетированная, длиной 11 см, с широкой спинкой (рис. 9: 41), вероятно, местная реплика на фибулы серии Б3д, бытовавшие в черняховских памятниках фазы 4 датируемой 2-ой половиной IV в. [Гороховский, 1988а, с. 44]. Другая двучленная прогнутая подвязная фасетированная фибула (рис. 9: 37), близка экземпляру из Заречья 116 (рис. 9: 33), т.е. отнесенному к последней трети III – 1-ой трети IV вв. (см. выше, период 2а, группа вещей 9).

Период 2б более всего синхронизируется с фазами C3 и D1 центральноевропейских древностей, датированными Я. Тейралом 330–400/410 гг. В связи с этим хронологические рамки периода 2а можно ограничить концом III – 1-ой третью или 1-ой половиной(?) IV вв.

Период 3 характеризуют следующие вещи.

1) Поясные и портупейные пряжки. Массивная овальнорамчатая с массивным трехгранным хоботковидным язычком со срезом в задней части, заходящим за передний край рамки, с обоймой виде овальной коробочки (рис. 9: 42) – очевидно, импортная. Подобные известны в Херсоне и в склепе 495 в Скалистом в Крыму, где их относят к V – 1-ой половине VI вв. [Айбабин, 1990, рис. 2; 37: 9, 12]. И.Р. Ахмедов связывает эту группу пряжек с экземплярами типа Блучина, Апахиды и др. и датирует центральноевропейской фазой D3 [Ахмедов, Казанский. 2004, рис. 8: 16; с. 176].

2) Пряжка с небольшим утолщением в передней части круглой рамки, массивным длинным хоботковидным язычком со срезом в задней части и подпрямоугольной обоймой с сужением в срединной части (рис. 9: 43) подобна характерным для погребений горизонта Унтерзибенбрунн фазы D2, датированной 380/400–440/450 гг. [Teiral, 1997a, Abb. 17: 15; S. 351]. Они известны в Танаисе [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 13: 197; с. 209], где относятся к тому же периоду, и на Северном Кавказе [Амброз, 1989, рис. 9: 3]. Наиболее близка нашему экземпляру пряжка из катакомбы 10 у Лермонтовской Скалы [Амброз, 1989, рис. 11: 2]. М.М. Казанский полагает, что на Кавказе такие формы могли

бытовать и позже – до 1-ой трети – середины VI в. [Казанский, 2001, с. 56].

3) Пряжки с небольшим утолщением в передней части круглой рамки, с прямым длинным язычком со срезом в задней части и заходящим за передний край рамки, с прямоугольной обоймой (рис. 9: 44–46) сходны с находками в склепе 88 в Лучистом в Крыму [Айбабин, 1999, табл. XXVII: 130; с. 14–28], где они отнесены к 1-ой половине V в.; в погр. 7 в Чми на Кавказе, где продатированы временем не позже середины VI в. [Абрамова, 1997, рис. 61: 19; с. 92]; в погребении V в. в дельте Дона [Иванов, 2001, рис. 1: 1, 2]. Схожие пряжки характерны для фазы D2 центральноевропейских древностей [Teiral, 1997a, Abb. 17: 11, 13, 14].

4) Пряжка с утолщением в передней части круглой рамки, с хоботковидным язычком со срезом в задней части и с прямоугольной обоймой (рис. 9: 52) схожа с экземпляром из могилы 517 в Дюрсо [Дмитриев, 1982, рис. 10: 12], большая часть инвентаря которой, как полагает М.М. Казанский, относится к центральноевропейской фазе D3, т.е. 450–480/490 гг. [Казанский, 2001, с. 41–46; рис. 8: 11]. Такая же пряжка, но без обоймы, найдена в погребении, отнесенному ко 2-ой четверти V в., в Юго-Западном Крыму [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 1999, рис. 6: 23; с. 203]. Подобные пряжки близки находкам горизонта Унтерзибенбрунн Датированным 1-ой половиной V в. [Schmauder, 2002, Taf. 221: 36,2b; 37,b].

5) Пряжка овальнорамчатая, с огибающим передний край рамки язычком со срезом у основания и обоймой в виде овальной коробочки с перегородками для инкрустации (рис. 9: 53); возможно, импорт. Подобные формы известны на широкой территории, где их датируют от 1-ой [Айбабин, 1990, рис. 2; 22: 23, 24; с. 28] до 2-ой половины V в. [Ахмедов, 2001, рис. 3: 3, 4; с. 117–118]. Эти пряжки, связанные со средиземноморским миром, в Центральной и Западной Европе и на Ближнем Востоке относят ко 2-ой половине V – началу VI вв. [Kazanski, 1994, p. 138–139, fig. 1: 1–7; 3: 1].

6) Пряжки затылочных кистей (рис. 9: 47, 48, 51) в целом повторяют формы описанных выше поясных пряжек. Овальнорамчатая пряжка с загибающимся за передний край язычком со срезом у основания и подтреугольной с округлым завершением обоймой (рис. 8: 49) напоминает формы из Дюрсо и Качина [Кухаренко, 1982, рис. 2: 5]. Пряжка от нарукавного ремня (рис. 9: 50) с фасетированным язычком и слабо овальной рамкой схожа с экземпляром из Шатрищ 91, который относят к фазе D3 [Ахмедов, Казанский, 2004, рис. 8: 6]. Наша пряжка найдена в комплексе с наконечником ремня, аналогии которому есть в Крыму в погребении гуннского времени [Дашевская, 1969, рис. 4: 5; Айбабин, 1990, рис. 47: 7]. Следует отметить, что эта пряжка происходит из мужского захоронения Заречье 71А, совершенного чуть раньше женского 71Б [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, табл. 1, 4].

Период 3 датируется в целом V в., возможно, без первых его десятилетий. Верхнюю дату периода можно отодвинуть и к самому началу VI в.

Женский инвентарь последнего **периода 4** бытования рассматриваемой культуры в основной области ее распространения датировать сложно, т.к. к этому времени прекратил свое существование обычай помещения в мужские могилы жертвенных комплексов, состоящих из элементов женского костюма. Помимо того, значительно сократилось количество импортов. В связи с этим верхнюю дату периода могут дать в основном находки в мужских комплексах поясных наборов геральдического стиля (Заречье, погр. 115, 122, 154, 167) и однолезвийных мечей длиной 80–100 см с Р-образными скобами (Заречье, погр. 203, 238). Предварительно, женские погребения периода 4 можно отнести к VI – середине VII в.

Итоги

При анализе процесса развития женского костюма рязано-окского населения мы исходим из представления о том, что культуру любой эпохи можно рассматривать как всеобъемлющую знаковую систему [Гуревич, 1984, с. 27], а, следовательно, и племенной женский убор в древности отражал целый спектр идеологических воззрений, включая религиозные. О сакральной функции женских украшений свидетельствуют находки отдельных их категорий в составе так называемых «кладов» с поселений разных археологических культур 1-ой половины I тысячелетия. Существует мнение о том, что сокрытие подобных комплексов могло сопровождать процесс освоения новых мест поселений [Ахмедов, 2003а, с. 128–138].

Каждая деталь женского племенного убора имела строго определенное ее значением место, в связи с чем произвольное заимствование из инокультурной среды отдельных элементов убора и включение их в традиционный костюм было практически невозможно [Пушкина, 1972, с. 94]. Полагают, однако, что заимствования в женском костюме были всегда, но механизм этого явления значительно сложнее, например, когда представителями социальных верхов заимствуется престижный, носящий интернациональный характер, костюм. Позже он получает распространение и в среде рядового населения [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 172].

Период 1 и 2а. Большая часть рассмотренных в работе украшений относится к ***головному убору*** – одному из важнейших элементов женского костюма в древности. Традиционный головной убор выполнял сразу несколько функций – знаковую, обозначая возрастную группу, семейное положение, принадлежность к региональной группе, эстетическую, религиозно-магическую и др. [Усманова, Логвин, 1998, с. 37].

В периоды 1 и 2а головной убор во многих случаях представлен шапочкой на твердом каркасе – голо-

вной бляхе, дополненной двумя височными кольцами с лопастью, крепившимися к шапочке ремешками раскованной частью вверх. На затылке к шапочке пристегивали ажурную застежку с привесками. В единственном случае ее заменила подковообразная фибула с эмалями и двумя привесками москворецкого облика (рис. 8: 4). В конструкции шапочки иногда прослеживаются остатки луба, ткани, мягкого материала типа войлока, а в Заречье 112 выявлены следы наспинной лопасти из тонкого войлока (?). Наряду с этим в период 2а бытовал и иной вид головных уборов – шапочка с головной бляхой и ажурной застежкой, но без колец с лопастью. Шапочку украшали нашивными бляшками, прогнутыми фибулами, сюльгамами (Заречье 146, Кораблино 62). Третьей разновидностью головного убора этого времени были мягкие шапочки без головной бляхи и ажурной застежки, но с сюльгамами, фибулами, нашивными бляшками, трех-пятилопастными привесками (Заречье 156).

В ряде комплексов в периоды 2а и 2б к нижней части шапочки сюльгамами крепилась полоса ткани с нашитыми на нее в два-три ряда ремешками в бронзовых спиральных пронизях, чередующимися с металлическими нашивными бляшками или бусами (Заречье 77, 80, Кузьминский 69, Кораблино 75). Это, вероятно, прообраз будущего головного венчика. Ширина такой повязки составляла около 4 см, она шла от лобной к затылочной части убора, где застегивалась небольшой пряжкой, просто завязывалась в узел или застегивалась сюльгамой. В Кузьминском 69 и Заречье 79 были также налобные повязки шириной 5,5 и 7 см с зигзагообразно нашитыми спиральными пронизями.

Все эти части головного убора хорошо известны в этнографических материалах. В частности, в XIX в. своеобразные шапочки с твердым дном – «самшура» – были характерны для северо-восточных областей России, а также для коми, карел, саамов [Лебедева, 1996, с. 156]. У замужних женщин заволжской мордвы были распространены чепцы – «чеклики», в верхнюю часть которых для придания формы вшивали округлый каркас из прутьев или плотных тряпичных жгутиков [Прокина, 1994, с. 76]. Наспинная лопасть была непременным атрибутом мордовской сороки или шлыгана, которые носили замужние женщины [Прокина, 1994, с. 74–79]. Налобные повязки и венки или венцы были характерны для многих финно-угорских народов и некоторых областей России [Прокина, 1994, с. 74–79; Лебедева, 1996, с. 83–84; Мордовский народный..., 1990, с. 141]. Все это лишний раз подтверждает финно-угорскую принадлежность населения, оставившего рязано-окские могильники.

Уборы с височными кольцами с лопастью не дополнялись ни накосниками, ни иными височными украшениями. Но в раннюю пору существовали и другие виды головных уборов, сопровождавшиеся накосниками, состоявшими из ремешков, пропущенных в пронизи-полуцилиндрики, как в Кошибеево 33Г и в пьяноборских древностях. Очевидно, этот убор появился на Средней Оке ранее комплекта с височными кольцами с лопастью и раньше вышел из употребления.

Головной убор в виде шапочки с бляхой, кольцами с лопастью и ажурной застежкой изначально был синкретичным. Использование в головных уборах разного рода бляшек, в том числе и довольно крупных дисковидных, восходит к раннекошибеевским традициям [Шитов, 1988а, табл. II: 1; VI: 1; VII: 1]. В пензенских могильниках в составе головных уборов также есть небольшие бляхи с радиальной прорезью. Косвенным подтверждением происхождения окских головных блях с гравированным концентрическим орнаментом, радиальной прорезью и иглой-фиксатором от нагрудных кошибевских блях с концентрическими валиками служат вполне сопоставимые размеры этих форм: диаметр кошибеевских экземпляров – 8,8; 10,5 и 13,3 см, что близко диаметру расссматриваемых головных блях. В погр. 12 Андреевского кургана большая бляха с отверстием в центре была найдена под правой плечевой костью, что также не исключает ее использования в качестве головного украшения [Степанов, 1980, табл. 24: 11; с. 10]. Со значительной долей уверенности можно предположить андреевско-кошибеевские истоки обычая использования головных блях в уборах окского населения.

Типы височных колец с лопастью, очевидно, восходят к мощинским формам, а ажурных застежек – к москворецким «позднедьяковским» древностям.

В качестве шейных украшений наиболее часто в это время использовали ***гривны*** трех видов. Тонкопроволочные «со скользящей» петлей типа раннекошибеевских, являются переработкой тонкопроволочных гривен с петлей и крючком с конической головкой типа Андреевского кургана, и обрубленноконечные двух широко распространенных в разных культурах серий – со слегка утолщенными и утоньшающимися концами. Чуть позже, в период 2а, получили распространение массивные четырехгранные гривны азелинского типа и происходящие от них браслеты той же формы и так же орнаментированные; а также трехлопастные привески, прототипами которых могли быть лунницы горизонта с эмалями.

Надо думать, что в периоды 1–2б сформировался убор, в котором сочетались ранние андреевские традиции, мощинские, «позднедьяковские» москворецкие, прикамские и позднесарматские черты. ***Наследие населения, оставившего Андреевский, Писеральский курганы и городище Пичке-Сорче***, в женском окском уборе рассматриваемого времени сохранилось в основном в уже переработанном в раннекошибеевский период виде. К нему относятся: обычай использования в уборе крупных пластинчатых блях [Шитов, 1988а, табл. II: 1 и др.], накосников в виде пронизей-полуцилиндриков, привесок-уточек, гривен «со скользящей» петлей, сюльгам, бронзовых спиральных пронизей и, возможно, спиральных перс-

тней. Прототипы головных блях с гравированным орнаментом в виде блях-застежек с ребром (в Кошибеево – с несколькими концентрическими валиками) также есть в древностях андреевского круга.

Мощинское влияние сказалось в ношении височных колец с лопастью, витых петлеконечных гривен и, возможно, в появлении сначала литых, а потом и кованых пластинчатых трехлопастных привесок, происходящих от лунниц горизонта украшений с эмалями, а также большого числа проушных топоров в мужских комплексах. Судить о характере этого влияния довольно сложно. Височные кольца с лопастью, безусловно, были племенным женским украшением и свидетельствуют о появлении на Средней Оке представительниц этой группы. Но либо они были немногочисленны, либо поволжско-финский компонент, представленный андреевско-кошибеевским населением, оказался устойчивым к инокультурным влияниям. Назначение этих колец было довольно быстро забыто, чего нельзя сказать о проушных топорах, которые бытовали в местной среде более длительный отрезок времени.

О контактах с «позднедьяковским» населением свидетельствует целая серия украшений – ажурные застежки, прототипы – в москворецких памятниках, бантиковидные накладки, литые пронизи с привесками, серьга-привеска, наконечник ремня. Большинство этих предметов характеризовало женский убор региональной москворецкой племенной группы, а наконечник ремня с антропоморфным изображением имел ритуальный характер [Розенфельдт, 1982, с. 53, 122–123].

Характер связей с москворецким населением остается не совсем понятным. Можно предполагать неоднократные контакты рязано-окского и «позднедьяковского» населения: более ранние, когда была заимствована схема получивших развитие в местной среде ажурных застежек, и более поздние, когда на Оке появился целый комплекс москворецких украшений. Судя по всему на племенной костюм автохтонного населения эти контакты серьезного влияния не оказали – кроме ажурных застежек ни одна из форм «позднедьяковских» украшений не нашла своего постоянного долговременного и строго определенного места в женском костюме, а сакральное значение наконечника ремня с антроморфным изображением и вовсе было забыто. Но уже многократно подчеркнутое сходство лощеных форм посуды и в орнаментальных композициях и приемах нанесения узора на гладкостенной керамике [Гришаков, 1993, с. 104; Белоцерковская, 2000, с. 106] рассматриваемых регионов заставляет думать о непосредственном участии москворецкого населения в формировании рязано-окской культуры. Возможно, это были матримониальные связи.

Прикамские черты характеризуются наличием азелинских четырехгранных массивных гривен и происходящих от них браслетов тех же форм, накосников из пронизей-полуцилиндриков, а также пряжек с удлиненной обоймой и округлым завершением и с длинной обоймой с сужением в средней части. Похоже, что связи окского населения с прикамскими племенами были традиционными и основывались на их принадлежности к одному этносу, а также, возможно, и на едином субстрате, который участвовал в сложении культур этих регионов. Имеется в виду так называемый «пьяноборский» компонент, связанный своим происхождением с древностями Западного Поволжья типа Андреевского и Писеральских курганов и городища Пичке-Сорче [Генинг, 1970, с. 188–195; Шитов, 1988а, с. 20].

Происхождение гривен с крючком, петлей и проволочной обмоткой концов в два оборота трудно связать с определенной территорией, т.к. они известны и в южных древностях первых веков, и в Пьяноборском могильнике.

Очевидно, непосредственный контакт ***с поздними сарматами*** обусловил широкое использование в обувных наборах пряжек и двучленных наконечников-подвесок сарматских форм, а в костюме – лучковой фибулы и привесок-колокольчиков. Можно предположить, что прототипом железных гривен с напускными бусами были отчасти и позднесарматские образцы, иные же формы гривен, имевшие широкое распространение, также могли быть привнесены либо непосредственно в среду окских, либо субстратных групп населения поздними сарматами. Подтверждением существования непосредственных контактов с позднесарматским населением являются и находки плетей, в частности, в Кораблино 80, и уздечных наборов, генетически восходящих к позднесарматским образцам, а часть их была прямо заимствована из сарматской среды [Ахмедов, 1995, с. 106; 1997а, с. 18].

Еще на одно направление связей в периоде 2а указывает комплекс, включающий прогнутые подвязные и «воинские» фибулы и пряжки ***черняховского облика***. Характерно использование большого количества таких фибул в качестве украшения женских головных уборов (Кораблино 62, 75). Вероятно, назначение этих изделий для местного населения было не совсем понятным.

По существующему мнению, в конце III – IV вв. генератором «южных» импульсов в лесную зону является в основном черняховская культура, отождествляемая с созданным готами полиэтничным объединением [Каргопольцев, 1997, с. 88–98]. Полагают, что в IV в. На территории Центральной России появились пришлые с юга и запада группы населения, благодаря чему здесь распространились серии черняховских и вельбаркско-пшеворских импортов. Это явление связывается с активностью готов в эпоху Германариха [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 174]. Но либо контакты местных племен с ними были недолговременными, либо сами эти группы были немногочисленными, они не смогли оказать сильного воздействия на воззрения окского населения, которые привели бы к кардинальной смене традицион-

ного убора. Тем не менее, именно в это время из комплекса головного убора рязано-окских племен полностью исчезают височные кольца с лопастью, а в его состав входят трех-пятилопастные привески и, на непродолжительный период, – прогнутые и воинские фибулы.

В период 2а происходит окончательное формирование основных, получивших в дальнейшем свое развитие, составных частей головного убора. Он включает шапочку, покрывало или платок, головной венчик, височные привески, накосники, налобную повязку, затылочную кисть и наспинную лопасть. Следует подчеркнуть, что поскольку детали убора характеризовали разный возрастной, семейный и, возможно, социальный статус их владелиц, то далеко не всегда все они присутствовали в инвентаре каждого женского захоронения.

Со временем ***изменялось*** и количественное соотношение некоторых категорий украшений в составе традиционного убора. Если в периоды 1 и 2а гривны сопровождали почти каждое женское погребение, то в 2б – только 68,5% комплексов; браслеты в раннюю пору известны в 55% комплексов, а в 2б – в 79%; перстни на этапах 1 и 2а – в 36% захоронений, в 2б – уже в 79%. Но это не исключает и того, что в престижных женских захоронениях конца периода 1 и 2а могло быть по 6-8 гривен (Кузьминский 69, Кошибеево 108, раскопки А.А. Спицына), а в 2б – по 5 гривен (Кошибеево 70) на одной погребенной.

Но в целом в периоды 1–2а и частично в 2б женский костюм в основных своих компонентах сохранял единые черты – в основе – окско-финские, но с элементами мощинского и москворецкого, поволжско-финского (прикамско-уральского) и позднесарматского облика, временами с включением некоторых, вероятно, черняховских импортных фибул и привесок.

Период 2б, соответствующий фазам С3 и D1 хронологии центральноевропейских древностей, маркируется возникновением ставшей классической для рязано-окской культуры формы гривен с коробкой, широким распространением трехрогих лунниц, крестовидных фибул и гривен с «двойной» петлей. Как уже отмечено, исходной формой гривен с коробкой стали, вероятно, гривны западнобалтского круга типа Чейков, трехрогие лунницы своим прототипом имели пельтовидные экземпляры общееевропейских форм, а крестовидные фибулы произошли от Т-образных форм черняховской культуры [Ахмедов, 1998, с. 58]. Появился в периоде 2б и довольно «чистый» комплекс украшений и деталей одежды: уже упоминавшиеся пельтовидные лунницы, пластинчатые прямоугольные и секировидные привески, объемные ведерковидные привески, а также подвязные прогнутые фибулы черняховского облика. Аналогичные фибулы вместе с пряжкой известны на Оке и в предыдущий период. Судя по тому, что пельтовидные лунницы, Т-образные и прогнутые подвязные фибулы стали прототипами для местных форм, а ведерковидные привески встречены и в погребениях последующего периода 3 (Кораблино 16), рассмотренный комплекс предметов, возможно, появился на Средней Оке вместе с носителями. Симптоматично, что связи северо-западных областей Восточной Европы с Причерноморьем, о которых свидетельствуют распространение в них ведерковидных привесок, пельтовидных лунниц, некоторых форм пряжек и пр., осуществлялись также, по крайней мере, до середины V в. [Каргопольцев, 1997, с. 89]. Примерно, до этого же времени рязанские племена использовали и ведерковидные привески. В это же время, в это же время на Среднюю Оку поступили и первые крупные трапециевидные привески с чеканным узором, нехарактерные для носителей черняховской культуры, что может свидетельствовать о смешанном составе пришлого населения.

Пряжки затылочных кистей этого времени находят аналогии в южных древностях (Танаис, Дружное, Озерное). Население, оставившее могильник Дружное в Крыму, использовало ряд вещей германского происхождения [Храпунов, 2002, с. 73–76], активно взаимодействуя с носителями черняховской культуры, часть которых в настоящее время исследователями ассоциируется с германцами.

Очевидно, появление в это время в составе убора местного населения серии инокультурных элементов юго-западного происхождения было обусловлено событиями эпохи Великого переселения народов.

Период 3, т.е. V в., наряду с периодом 2б – время наиболее активного инокультурного воздействия на окское население, которое выражено в появлении в мужских комплексах серии поясных пряжек импортного, в том числе и центральноевропейского, производства, или местных реплик на них, в частности, и в составе женских затылочных кистей. Поясные пряжки находят аналогии в северокавказских, крымских и центральноевропейских памятниках. Полагают, что часть их, также как и пояса с некоторыми типами пряжек и боевыми ножами, была заимствована с Запада непосредственно, хотя не менее вероятен путь их попадания на Среднюю Оку с территорий Северного Кавказа и Крыма через Верхний Дон, поскольку военные контакты местного и населения этих регионов установлены и по параллелям в конском снаряжении [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 177–179]. В данном контексте следует особо подчеркнуть, что браслеты с поперечными нарезками на концах, гривны с крючком и петлей и змееголовые браслеты также аналогичны крымским и северокавказским. На южных же территориях бытовали и прототипы треугольных ажурных височных привесок окского населения.

Женский убор к этому времени приобрел совершенно иной по сравнению с ранней порой облик, который характеризуют новые типы височных привесок, головных венчиков, дротовых гривен, нагрудных блях, дротовых браслетов, а также накосники, затылочные кисти, ожерелья из бус с металлическими привесками, нарукавные повязки, аппликация го-

ловных уборов и платья металлическими бляшками, обшивка ворота и подола платья трапециевидными пластинами (Кораблино 16, 83, 99, Заречье 48, 183 и др.). Все это создает впечатление богатства, парадности, как бы, «избыточности» инвентаря [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175]. Иногда такие комплексы отмечены и редким для рязано-окским могильников обрядом погребения: трупосожжения на стороне (Заречье 99). Особенно следует подчеркнуть, что к V в. происходит массовая смена типов женских украшений, включая наиболее значимую часть традиционного костюма – головной убор.

В отдельных случаях женский убор дополнен одной крестовидной фибулой, которая подчеркивала высокий социальный статус ее владелицы [Ахмедов, Белоцерковская, 1998б, с. 105–122], подобно Т-образным фибулам в мужских погребениях германской знати в Центральной и Западной Европе [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175].

Гривны в это время содержали 70% женских комплексов, браслеты и перстни – 92%. В «богатых» захоронениях было от 1 до 3 гривен, 6–7 браслетов, до 10 перстней. В погр. 95 Заречья были положены головной убор с лопастью и привесками, накосники, височные привески, затылочная кисть, нагрудная бляха, 8 браслетов (часть – импортные с утолщенными с гравированным орнаментом концами), 8 перстней, шило, нож, пряслице.

Комплекс накосных, височных, налобных, шейных украшений, нагрудной бляхи, включая аппликацию передней части платья и рукавов мелкими бляшками, а также обшивку ворота платья привесками, напоминает византийские изображения V в., где показаны несколько рядов шейных украшений с бусами, привесками и, вероятно, вышивка платья [Schmauder, 2002, Abb. 32]. На портрете императрицы Феодоры в церкви Сан-Витале в Равенне изображены и накосные украшения, и вышивка или аппликация платья [Schmauder, 2002, Abb. 33]. По обилию и местоположению украшений рязанский костюм этого времени имеет общее сходство со средиземноморским. Очевидно, традиция ношения большого количества шейных украшений и широкое распространение аппликации женской одежды могло быть обусловлено влиянием средиземноморской моды. Возможно, что и гривны с коробкой, прототипы которых связаны с древностями типа Чейков, имитируют византийские инкрустированные медальоны[7].

Любопытно, как на Оке совмещали новые для этих мест формы украшений с уже давно известными. Так, замок в виде крючка и круглой коробочки сначала поместили на традиционные формы – тордированную (Заречье 101) и пережившую свое время железную с проволочной обмоткой и напускными бусами (Кораблино 87) гривны, а затем, очевидно, сообразуясь с происхождением и, возможно, сакральностью такого замка, стали завершать им также бронзовые гривны западного происхождения с обмоткой и напускными бусами [Белоцерковская, 2005, рис. 3]. Это, на наш взгляд, лишь подчеркивает значимость версии о западном происхождении последних.

Вероятно, на Средней Оке в V в., как на Кавказе, в Крыму, в Испании и др. складывается костюм, подражавший престижному «княжескому» [Казанский, Мастыкова, 1998, с. 113; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175]. Однако и здесь из контекста этого костюма вырваны только отдельные детали, как, например, использование одной крупной фибулы вместо двух, принятых в женском германском комплекте (например, [Хайрединова, 1999, с. 207; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175–176]). Вместо дорогих украшений из драгоценных металлов в местном костюме представлены их дешевые имитации в бронзе, реже серебре, с широким использованием сложного литья по модели, ковки и чеканного орнамента [Сарачева, 2005, с. 105–121], который, явно, имитировал вставки из камней («жемчужный» орнамент). В данном случае речь идет не только о заимствовании отдельных черт престижного костюма, но и об имитации его общего облика.

Что касается жемчужного орнамента на окских изделиях, то он появился здесь значительно раньше – еще в период 1 на височных кольцах с лопастью, ажурных застежках и многолопастных бляхах-сюльгамах. В последующем его стали широко использовать в декоре нагрудных и головных блях, лопастных привесок и т.д. Возможно, таким образом имитировали дорогие украшения, выполненные в стиле «клуазонне». Этот стиль, зародившись в Средиземноморье, получил широкое распространение в декоре украшений и предметов обихода элитной моды, которая с III в. оказывала большое влияние на культуру Восточной Европы, особенно на сарматоаланское население [Scukin, Bażan, 1995, p. 63–67]. Надо думать, что развитие жемчужного орнамента на Средней Оке обусловлено связями населения этого региона с Предкавказьем и Северным Причерноморьем.

Изменения в облике женского костюма периоды 2б–3, очевидно, обусловлены событиями V в., когда вследствие обострения военной ситуации в Подунавье группы смешанного населения, сильные в военном отношении, продвинулись на север, в лесную зону [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 173].

Эти события ярко высветили и ускорили, очевидно, зародившиеся ранее изменения социального характера, получившие отражение в погребальном обряде и инвентаре. Гривной, браслетом, крестовидной фибулой и боевой парой в виде длинного меча и однолезвийного боевого ножа стали сопровождать захоронения мужчин с высоким социальным статусом. Полагают, что в это время в среде рязано-окских племен сложилась особая воинская прослойка,

[7] Большая подборка иконографических материалов, характеризующих средиземноморский костюм V–VI вв., приведена в [Мастыкова, 2005, рис. 5: 1; 6; 7: 1–4; 8: 3].

использовавшая многие инокультурные элементы [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 173]. О высоком ранге женщин свидетельствует ношение ими крестовидной фибулы, очень большого количества украшений, в том числе и импортного производства и, возможно, затылочной кисти, подразумевающей особую форму прически в три косы [Белоцерковская, 2001, с. 25].

К этому времени относится и закрепление символики различных составных частей женского костюма. Так, нагрудные бляхи с крышкой маркируют погребения исключительно замужних женщин, и в качестве символа семейного статуса их помещают в комплекс даров в мужские захоронения [Зеленеев, Шитов, 1979, с. 138; Белоцерковская, 2003, с. 139–154]. То же значение имели, вероятно, и накосники [Воронина, 1973, с. 51; Белоцерковская, 2003, с. 147]. Необычное положение в ряде случаев гривен на голову или грудь погребенной, а также то, что на ранних этапах почти каждое детское захоронение сопровождали гривной, свидетельствует об отношении к этой детали убора не только как к украшению, но и как к апотропею [Белоцерковская, 2003, с. 149].

Следует заметить, что изменение облика женского убора наряду с целым комплексом инноваций, относящихся к мужскому погребальному обряду, в том числе и появление «элитных» захоронений – все это является отражением в изменении идеологических представлений рязано-окского населения. Наиболее ярко это видно на примере комплекса мужского захоронения по обряду кремации в Заречье 101 фазы D1 центральноевропейской хронологии. В его составе – обычный набор оружия (наконечник копья, втульчатый топор), уздечный комплект, но наряду с этим – свернутый наборный пояс, гривна, импортные браслет с раструбообразными концами и двучленная прогнутая подвязная фибула и, что самое главное, – уникальный сосуд с календарными изображениями. Ранее на рассматриваемой территории ничего подобного не было; редкий для этих мест обряд погребения и неординарный состав инвентаря позволили предположить, что здесь был захоронен мужчина, совмещавший при жизни функции военачальника и служителя культа [Белоцерковская, 2005, с. 283–293].

Сложившийся к **VI в**. женский убор в основных своих частях остался неизменным, но составляющие его элементы в VI – 1-ой половине VII вв. претерпели значительные изменения. Изменяется и количественный состав разных категорий украшений в женских захоронениях: снижается до 60% встречаемость гривен, до 50% – накосников, и лишь ожерелья, браслеты и перстни остаются такими же излюбленными украшениями, как и в предыдущий период. Но при этом даже в погребениях с большим количеством инвентаря обычными становятся две височные подвески, иногда дополненные височными кольцами, ожерелье, гривна (очень редко – две), иногда нагрудная бляха, 1–2 браслета, 2–4 перстня. В «богатых» женских захоронениях присутствуют височные кольца, гривна, ожерелье, накосники, нагрудная бляха, 5 браслетов, 7 перстней (Кораблино 161) или 2 височных кольца, 2 височные привески, ожерелье, 2 гривны, нагрудная бляха, 2 браслета, 5 перстней (Заречье 204).

Таким образом, на протяжении III–V вв. женский традиционный костюм рязано-окского населения претерпел значительные изменения, обусловленные разнообразными инокультурными влияниями в процессе его формирования.

Но это не означает, что все изменения в женском уборе были вызваны исключительно регулярным взаимодействием окского населения с представителями других этносов. К примеру, в период использования пластинчатых блях в конструкции головных уборов значительно изменилась их схема; нагрудные массивные застежки-сюльгамы эволюционировали в нагрудные бляхи сначала без крышки, а затем с шестигранными крышками; изменились и головные венчики – от просто нашитых на шапочку спиральных пронизей с бляшками до форм с пластинчатыми обоймами и трапециевидными привесками; в том же направлении менялись нарукавные повязки; шла эволюция сюльгам – от видов с короткими концами до экземпляров с удлиненными усами-концами; совершенно очевидно и происхождение привесок к накосникам (типа рис. 7: 14) – от трех-пяти лопастных литых привесок с ложновитыми бортиками (рис. 7: 10). Любопытно, что исчезнувшие к V в. головные бляхи в редких случаях продолжали имитировать нашитыми на шапочки радиально расположенными спиральными пронизями [Спицын, 1901, табл. XIX: 6; Ефименко, 1926, с. 72]. В позднем периоде существования культуры (VI – 1-ая половина VII вв.), пожалуй, наиболее ярко проявились тенденции ее внутреннего развития, когда этап мощного инокультурного воздействия на нее миновал.

Особо следует подчеркнуть, что составные части головных уборов оставались традиционными на протяжении всего этого времени, что свидетельствует о непрерывности традиционных представлений, которые, пожалуй, только в конце IV–V вв. претерпели заметные изменения. Можно утверждать, что внутри самой культуры происходило развитие собственной «модели мира», т.е. устойчивого образования, определяющего человеческое восприятие и переживание действительности [Гуревич, 1984, с. 35], которое наиболее яркое отражение получила в комплексе женского убора.

Предложенная схема развития традиционного женского костюма рязано-окских племен нуждается в дальнейшем уточнении и детализации. Эта задача должна выполняться уже на основе анализа материала отдельных памятников.

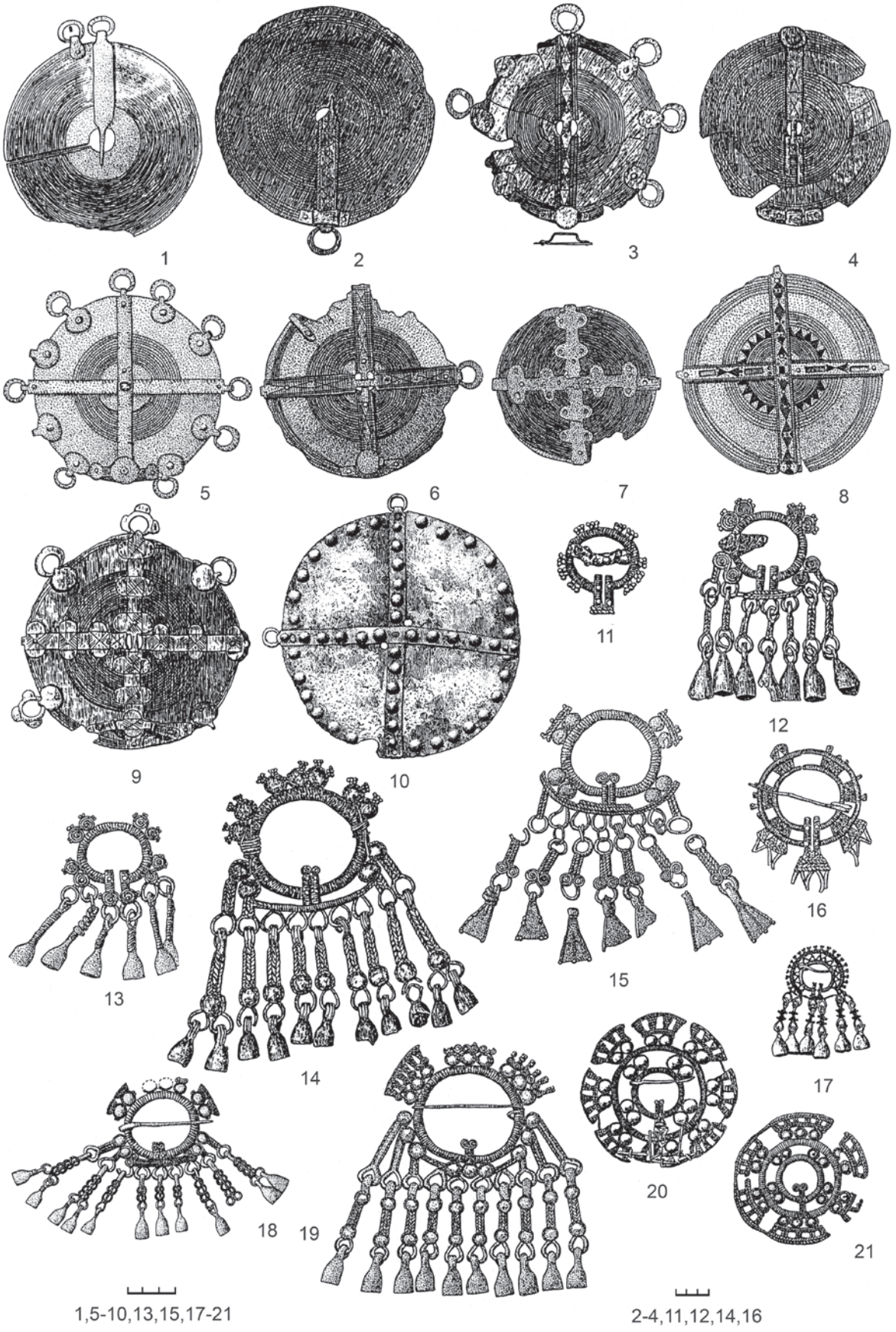

Рис. 1. Бляхи головного убора и ажурные застежки.
1, 18 – Заречье 203а; 2, 12 – Кораблино 57а; 3 – Кораблино 23а; 4 – Кораблино 39а; 5, 19 – Заречье 120; 6 – Заречье 121; 7 – Заречье 146; 8, 13 – Заречье 127; 9 – Кораблино 75; 10 – Кузьминский 69; 11 – Кораблино 39а; 14 – Кораблино 8а; 15 – Заречье 146; 16 – Кораблино 2а; 17 – Заречье 6; 20 – Заречье 4; 21 – Заречье 210.

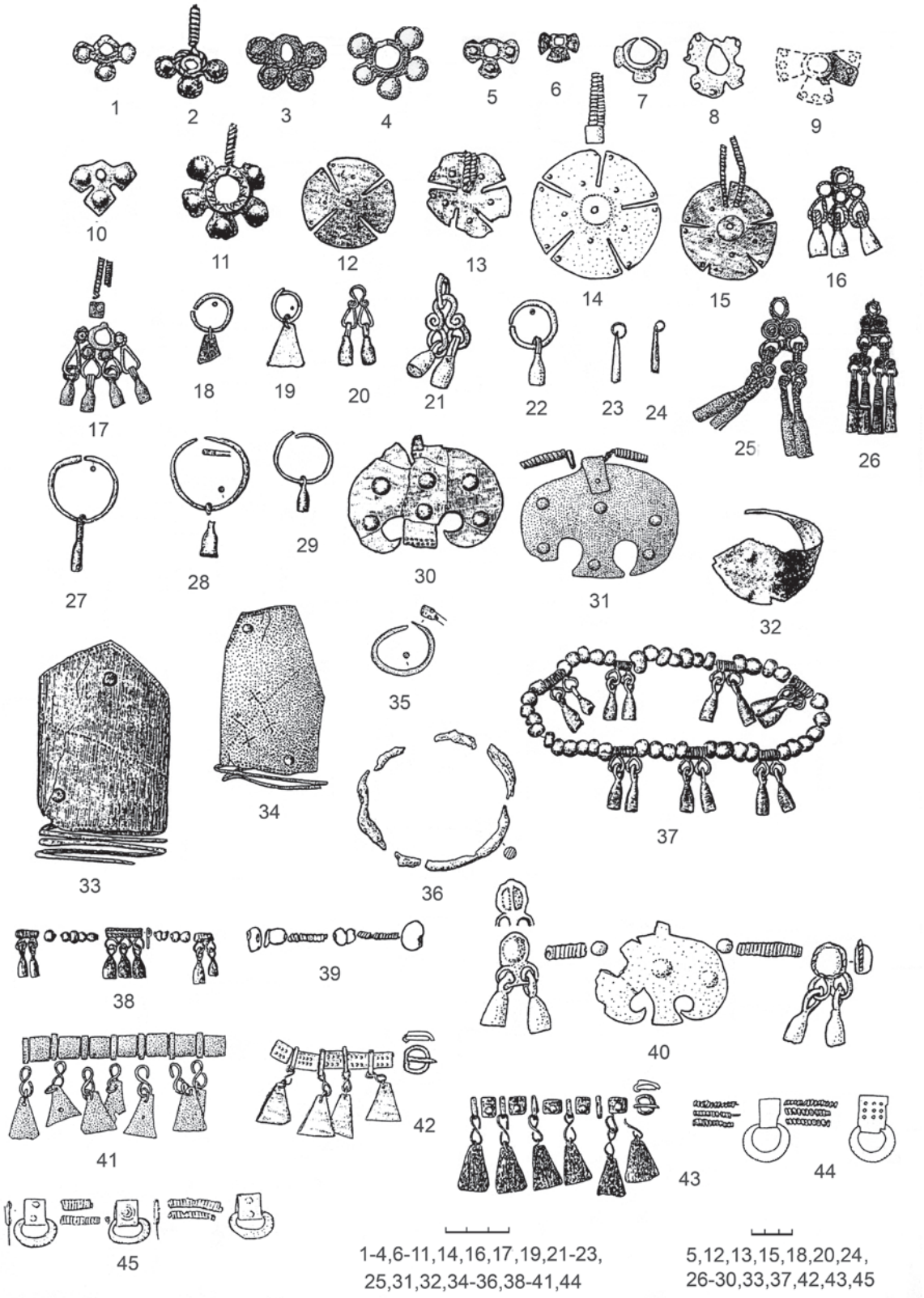

Рис. 2. Привески, височные кольца и ожерелья.

1 – Заречье 107; 2 – Борковский 107; 3 – Заречье 175; 5 – Кораблино 53; 6 – Заречье 1; 7 – Заречье 74; 8 – Заречье 102; 9 – Заречье 172; 10 – Кузьминский 3; 11 – Кошибеево 49; 12 – Кораблино 102; 13 – Кораблино 26; 14 – Кораблино 100; 15, 20, 30, 42 – Кораблино 99; 16 – Заречье 48; 18 – Заречье 213; 18 – Кораблино 84; 19 – Заречье 87; 21 – Заречье 95; 22 – Заречье 99; 23 – Заречье 111; 24 – Кораблино 170; 25 – Заречье 119; 26 – Кораблино 171; 27 – Кораблино 25; 28 – Кораблино 35; 29 – Кораблино 100; 31 – Заречье 223Б; 32 – Кошибеево 12; 33 – Кораблино 6а; 34 – Заречье 120; 35 – Заречье 170; 36 – Заречье 201; 37 – Кораблино 16; 38 – Заречье 18; 39 – Заречье 59; 40 – Заречье 71Б; 41 – Заречье 195; 43 – Кораблино 79; 44 – Заречье 46; 45 – Заречье 102.

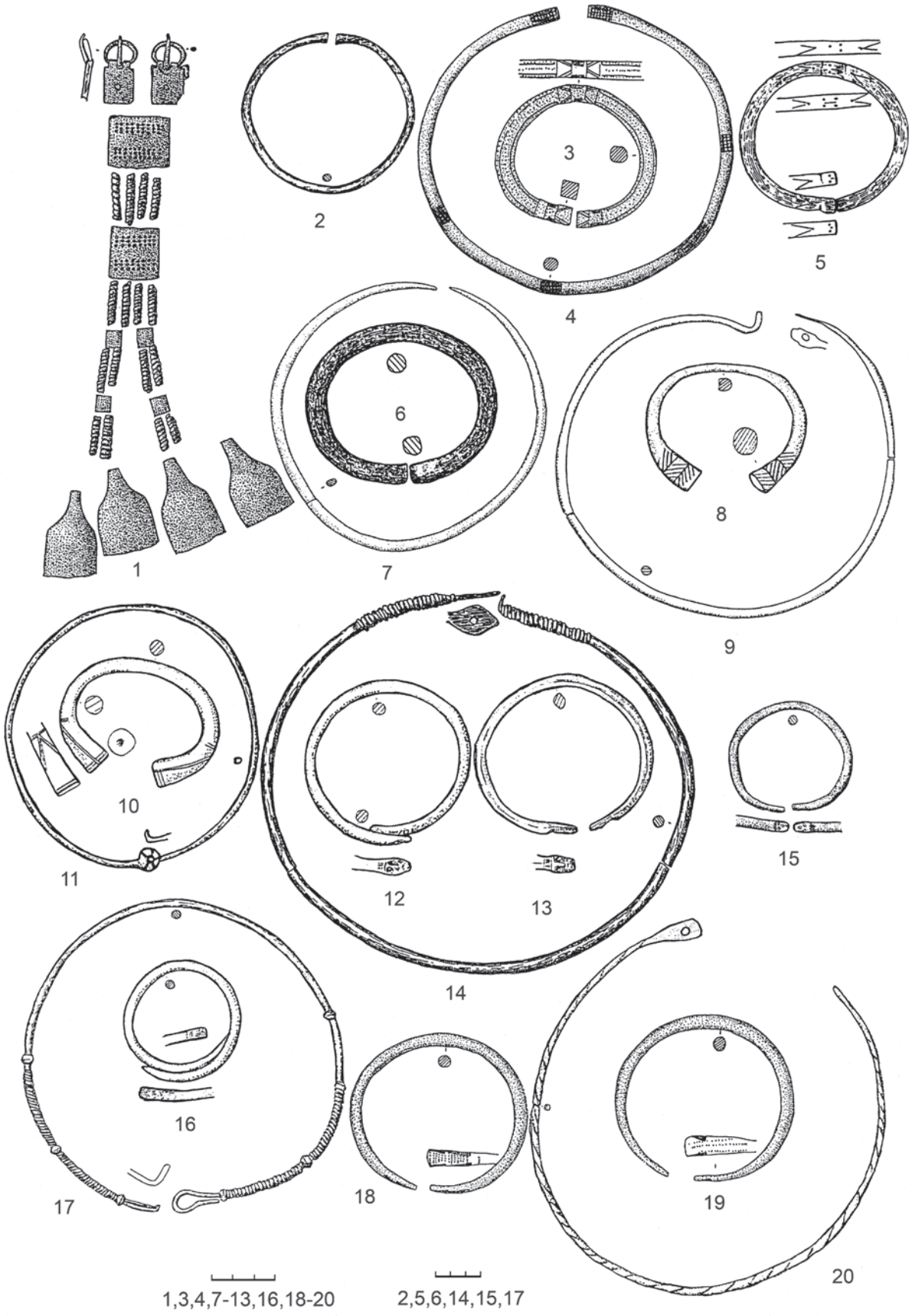

Рис. 3. Затылочные кисти, гривны и браслеты.
1 – Заречье 183; 2 – Кораблино 80; 3 – Заречье 120; 4 – Заречье 203А; 5, 14 – Кораблино 25а; 6 – Кораблино 6а; 7 – Заречье 116А; 8 – Заречье 77; 9 – Заречье 33; 10 – Заречье; 11 – Кошибеево 108; 12–13 – Заречье 95; 15 – Кораблино 86; 16 – Заречье 87; 17 – Кораблино 89; 18–19 – Заречье 183; 20 – Заречье 83.

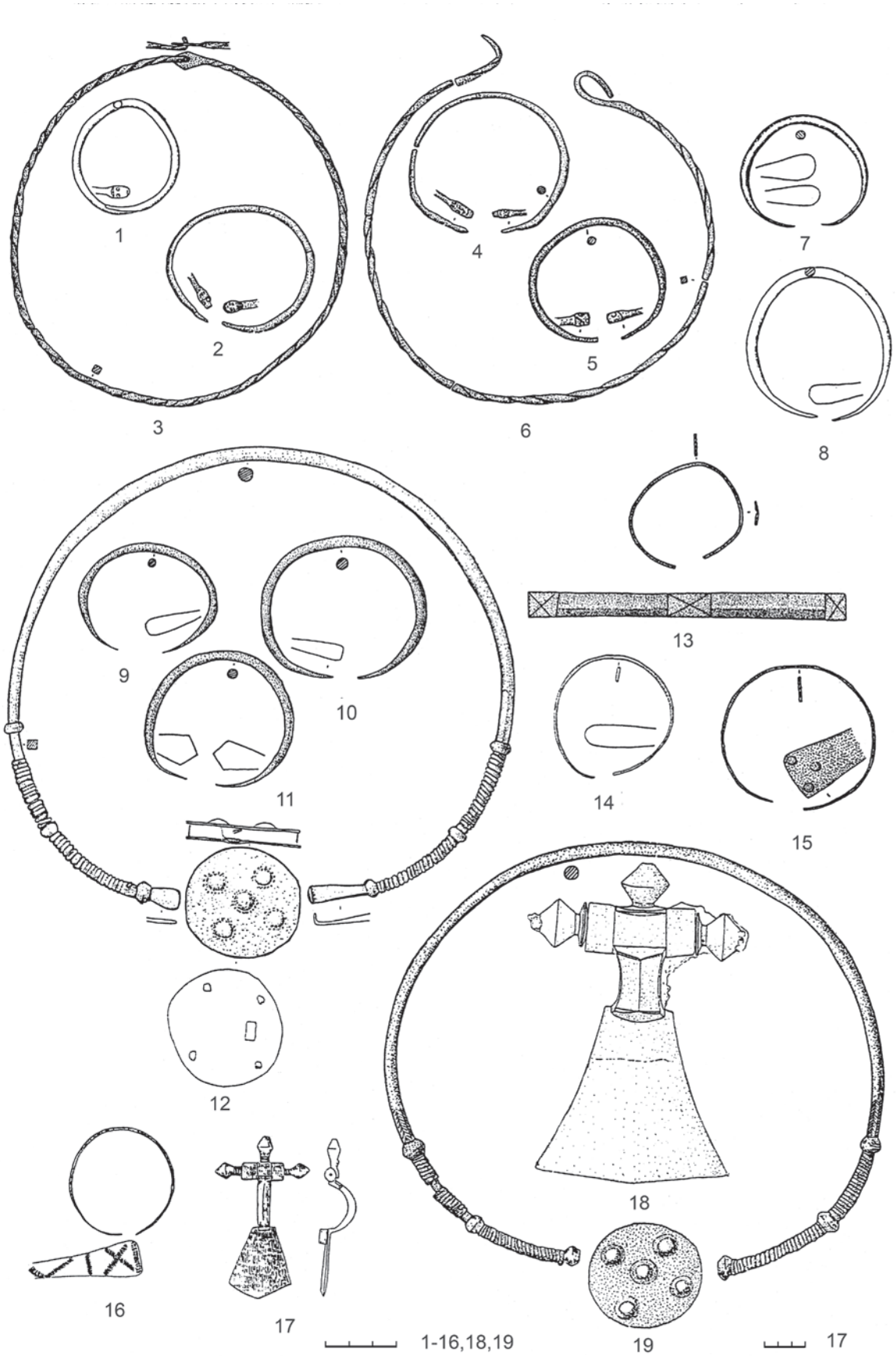

Рис. 4. Гривны, браслеты и фибулы.
1 – Заречье 43; 2 – Заречье 204; 3 – Заречье 234; 4 – Заречье 204; 5 – Заречье 135; 6 – Заречье 213; 7 – Кораблино 100; 8 – Заречье 53; 9 – Заречье 201; 10 – Заречье 233; 11 – Заречье 194; 12 – Заречье 75; 13 – Заречье 234; 14 – Заречье 83; 15 – Заречье 175; 16 – Заречье 5; 17 – Кораблино 99; 18 – Заречье 95; 19 – Заречье 117.

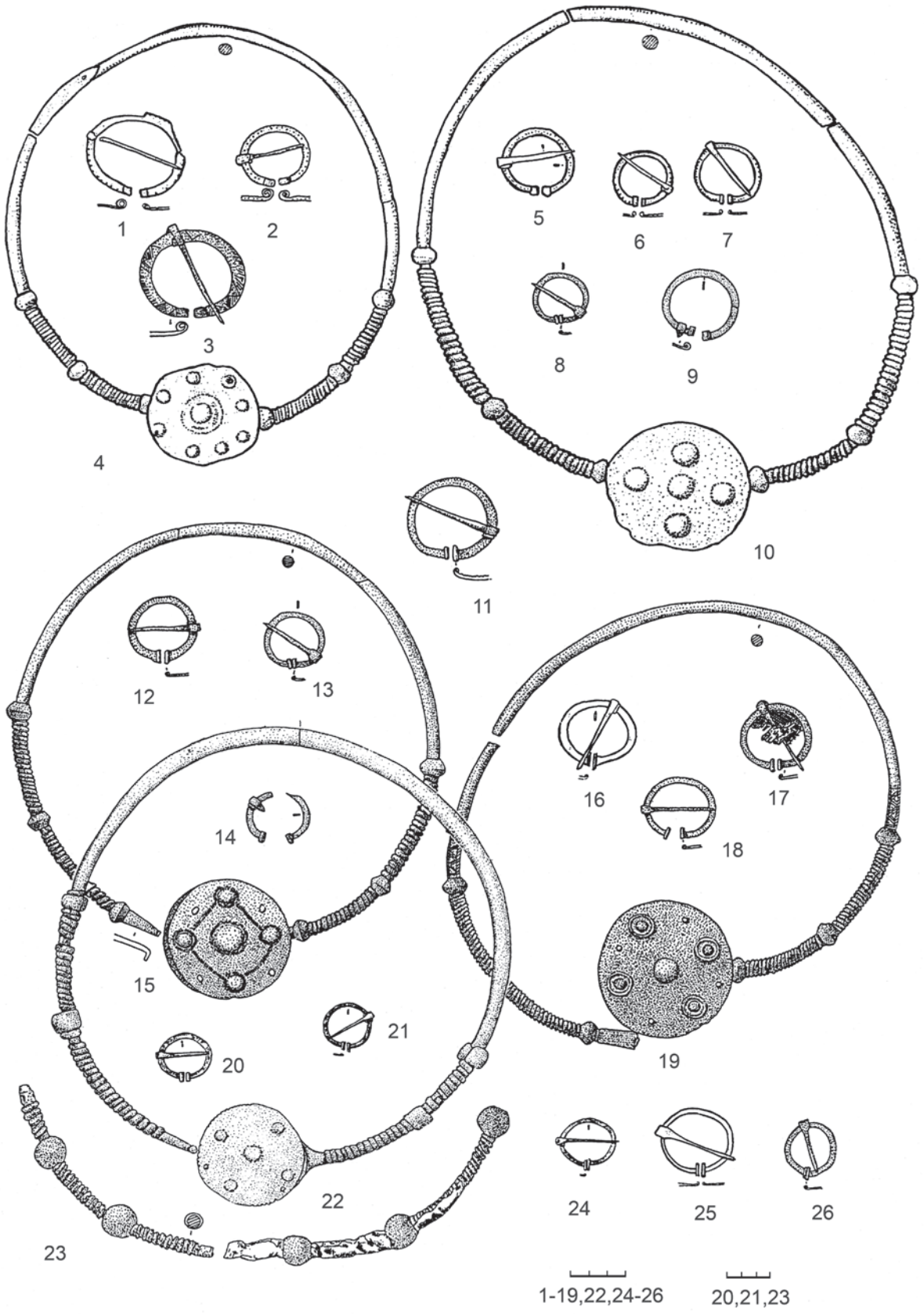

Рис. 5. Гривны и сюльгамы.
1 – Заречье 102; 2 – Заречье 116Б; 3 – Заречье 121; 4 – Заречье 77; 5 – Заречье 95; 6–7 – Заречье 99; 8, 13 – Заречье 194; 9 – Заречье 233, 14; 10 – Заречье 71Б; 11–12, 19 – Заречье 183; 15 – Заречье 223Б; 16 – Заречье 59; 17 – Заречье 135; 18 – Заречье 143; 20 – Кораблино 98; 21 – Кораблино 161; 22 – Заречье 213; 23 – Заречье 120; 24 – Кораблино 161; 25 – Заречье 109; 26 – Заречье 161.

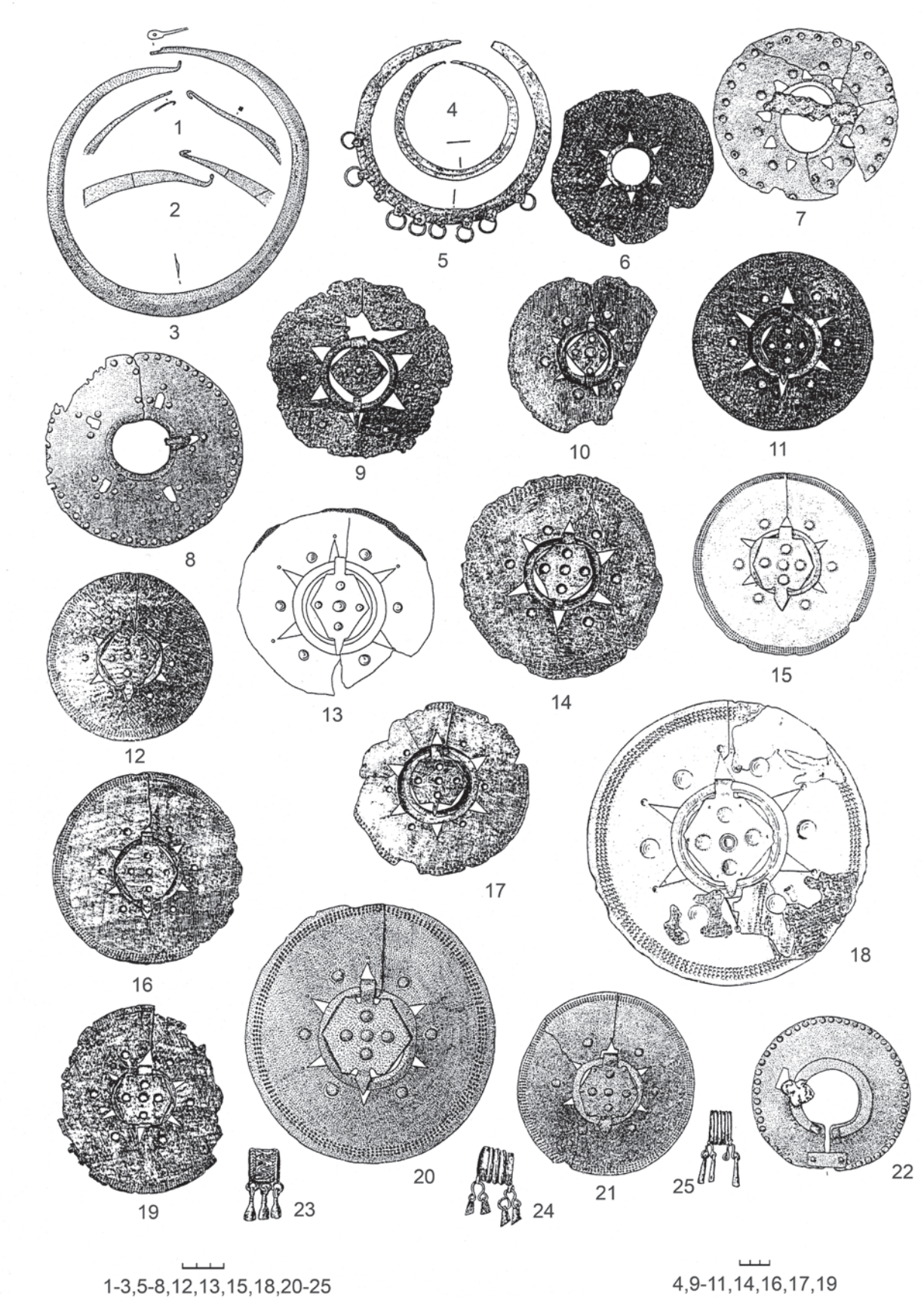

Рис. 6. Гривны, нагрудные бляхи и перстни.
1 – Заречье 135; 2 – Заречье 201; 3 – Заречье 170; 4 – Кораблино 98; 5, 12 – Заречье 18; 6 – Заречье 5; 7 – Заречье 234; 8 – Заречье 240; 9 – Кораблино 83; 10 – Кораблино 79; 11 – Кораблино 99; 13 – Заречье 34; 14, 24, 25 – Кораблино 16; 15 – Заречье 75; 16 – Кораблино 100; 17 – Кораблино 124; 18 – Заречье 95; 19 – Кораблино 25; 20 – Заречье 178; 21 – Заречье 204; 22 – Заречье 172; 23 – Кораблино 18Б.

3.4. Бусы массовых типов
(О. С. Румянцева)

Уникальным источником для изучения культурных связей населения Средней Оки являются стеклянные бусы. Систематизация массовых типов бус – красного глухого стекла («печеночно-красных») и золотостеклянных – уже была ранее разработана для данного региона на материалах могильника Кораблино (раскопки И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедова). Полученная периодизация позволяет использовать эти бусы в качестве хронологических индикаторов [Румянцева, 2005]. Привлечение материалов еще ряда рязано-окских могильников – Кошибеево (раскопки А.А. Спицына и В.Н. Глазова), Заречье 4 (раскопки И.В. Белоцерковской и А.Н. Сорокина [Белоцерковская, Сорокин, 1992]), Никитино (раскопки Р.Ф. Ворониной [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005] и И.Р. Ахмедова)[1] позволяют уточнить и дополнить результаты, полученные на материалах Кораблино. Источниковой базой данного исследования является 22360 экземпляров бус массовых типов (печеночно-красных – 17848 экз., в т.ч. 150 – «двухслойных»[2], золотостеклянных – 4512 экз.), происходящих из 235 погребений перечисленных памятников.

Главной особенностью рассматриваемого источника является то, что в эпоху позднего римского времени и раннего средневековья стеклянные изделия на территории Средней России, очевидно, являлись импортными; более того, это самый массовый импорт, встреченный на памятниках изучаемого региона. Тем не менее, вопросы о месте их производства, а также путях и характере поступления, остаются дискуссионными. Комплексное изучение морфологии и технологии изготовления бус и химического состава стекла дают возможность реконструировать культурные связи населения и сравнить их с данными, полученными по результатам исследования металлических импортов. Массовость источника позволяет использовать статистико-комбинаторные методы исследования, что делает полученные выводы более надежными.

Систематизация

Для систематизации бус была использована методика, разработанная на материалах могильника Кораблино [Румянцева, 2005]. В ее основу легли такие признаки, как технология изготовления, форма, размер и цвет изделий (рис. 1). Для технологической классификации использовалась система, разработанная З.А. Львовой [Львова, 1979, с. 90–103; 1980, с. 75–84; 2000, с. 257–271]. Этот признак является наиболее значимым – на его основе были выделены группы бус. Рассмотренные изделия изготовлены с использованием пяти технологических схем:

- из тянутой трубочки (14973 экземпляра печеночно-красных, в т.ч. – 146 двухслойных и 4511 золотостеклянных изделий);
- из дутой тянутой трубочки (из растянутого в трубку выдутого стеклянного пузыря – 1 экземпляр золотостеклянной бусины);
- из тянутой палочки (439 экземпляров бус красного глухого стекла, в т.ч. 2 – двухслойных);
- путем навивки стеклянной массы на инструмент (2373 экземпляра бус красного глухого стекла);
- путем однократного обертывания стеклянной массы вокруг инструмента (62 экземпляра бус красного глухого стекла, в т.ч. 2 – двухслойных) (рис. 1).

Подгруппы, серии и типы выделялись на основе таких признаков, как форма, размер и характер дополнительной обработки бус.

Разработанная типология изделий массовых типов может быть представлена следующим образом.

Бусы красного и коричневого глухого стекла («печеночно-красные»).

Отдел А. Бусы с округлой формой поперечного сечения.

Группа I. Бусы, изготовленные из отрезков тянутой трубочки.

Серия а. *Бусы, бисер и пронизи с технологическими следами использования щипцов (с «шейкой»-закраиной у оснований канала).*

Тип 1. Бусы, бисер и многочастные (двух- семичастные) пронизи диаметром до 7 мм (рис. 2: I. 1–3). Высота, в зависимости от количества долей, колеблется от 1 до 18 мм; диаметр оснований канала 1–2 мм. Форма бисера и долей пронизей – округлая или округлоцилиндрическая. Цвет красный, ровный, темно-красные или коричневые прожилки встречаются крайне редко. Степень иризации разная.

Тип 2. Одночастные цилиндрические пронизи (рис. 2: I. 4); диаметр тулова – 2–3,5 мм, высота – до 5,5 мм, диаметр оснований канала – до 1,5 мм. Цвет – красный, ровный, обычно без коричневых прожилок. Степень иризации разная.

Тип 3. Бусы, бисер и двух- и трехчастные пронизи (рис. 2: I. 6–8) диаметром 2–5,5 мм, высотой 2–10 мм и диаметром оснований канала не более 1,5 мм. Форма бисера и долей пронизей – округлая или округлоцилиндрическая, реже – биконическая. Отличаются от типа 1 обязательным присутствием на тулове коричневых прожилок, расположенных вдоль канала, а также отсутствием пронизей, состоящих более чем из трех частей. От типа 1 их отличает также более низкое качество изготовления: на тулове бусин иногда присутствуют дефекты в виде поперечных «складок». Шейки от щип-

[1] Выражаю благодарность И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедову за предоставленную мне возможность работы с неопубликованными материалами их раскопок.

[2] Двухслойными названы бусы, имеющие основу бесцветного или зеленоватого прозрачного стекла, покрытую слоем красного глухого.

цов всегда ярко выражены. Обычно не подвержены иризации.

Тип 4. Двухчастные пронизи с ассиметричными долями (рис. 2: I. 10). Высота – 7–8 мм, диаметр – 4 мм, диаметр оснований канала – 1 мм. Цвет темно-красный. Не иризованы.

Тип 5. Одночастные цилиндрические пронизи (рис. 2: I. 9) диаметром 2–3,5 мм и высотой до 5,5 мм. Диаметры оснований канала – до 1,5 мм. Шейки от щипцов всегда выражены. Отличаются от типа 2 наличием продольных коричневых прожилок и отсутствием иризации.

Тип 6. Крупные бусы округлой усеченной дважды и округлоцилиндрической формы диаметром от 7 мм (рис. 2: I. 5). Цвет ярко-красный, ровный. Степень иризации разная.

Тип 7. Крупные бусы округлой усеченной дважды и округлоцилиндрической формы диаметром от 6 мм (рис. 2: I. 11). Отличаются от типа 6 темно-красным цветом и наличием продольных коричневых прожилок. Не иризованы.

Серия b. *Бусы и бисер без технологических следов использования формовочных щипцов.*

Тип 1. Бусы, диаметр тулова у которых превышает 7 мм и обычно составляет 7,5–12 мм (рис. 2: I. 12). Высота изделий – 2,5–9 мм, диаметр оснований канала – 1–4,5 мм. У некоторых бус заглажены основания канала. Изделия имеют округлую усеченную дважды форму. Цвет красный, ровный, без коричневых прожилок. Для большинства изделий этого типа обычно характерна легкая степень иризации; встречаются также не иризованные и сильно иризованные экземпляры.

Тип 2. Бусы и бисер, аналогичные по форме и технологии изготовления изделиям типа 1, но более мелкие – диаметр изделий не превышает 6,5–7 мм (рис. 2: I. 13). Форма бисера – округлая или округлоцилиндрическая. У некоторых экземпляров заглажены основания канала. Цвет красный, ровный, без коричневых прожилок. Степень иризации – разная; большинство изделий подвержены легкой иризации.

Тип 3. Изделия эллипсоидной формы (рис. 2: I. 16–17), высота – 8 мм, диаметр – 4–5 мм, диаметр оснований каналов – 2 мм. Цвет ярко-красный. Степень иризации разная.

Тип 4. Бусы цилиндрической формы (рис. 6: I. 15). Высота – 3–4,5 мм, диаметр – 4–5,5 мм, диаметр оснований канала – 1=2 мм. Цвет ярко-красный. Не иризованы.

Серия c. *Изделия, изготовленные с использованием ножа или путем отшибания («рубленый» бисер).*

Тип 1. Бисер цилиндрической формы, иногда с немного закругленными боковыми гранями (рис. 2: I. 18–19). Края, как правило, слегка оплавлены. Диаметр тулова – 2–5 мм, высота – 1–5 мм, диаметр оснований канала не превышает 1 мм. Цвет красный, ровный. Оттенки обычно плохо читаются из-за иризации, которой изделия подвержены в разной степени, вплоть до нарушения структуры стекла.

Тип 2. Бисер, аналогичный изделиям типа 1, но более крупной формы, диаметром 5,5–7,5 мм (рис. 2: I. 20). Цвет красный, ровный. Оттенки обычно плохо читаются из-за иризации, которой изделия подвержены в разной степени, вплоть до нарушения структуры стекла.

Группа II. Бусы, изготовленные из отрезков тянутой палочки.

Тип 1. Крупные бусы (рис. 2: II. 1), диаметр которых превышает 12 мм. Высота – 9–16 мм. Диаметры оснований канала – 3–7 мм. Форма округлая усеченная дважды, округлоцилиндрическая или неправильная. Цвет – ярко-красный, редко – с отдельными тонкими прожилками. Как правило, характерна легкая степень иризации.

Тип 2. Крупная бусина правильной, округлой усеченной дважды формы (рис. 2: II. 2). Диаметр – 15 мм, высота – 11 мм, диаметр оснований канала – 6 мм. Форма изделию придана путем тщательной обкатки. Боковые грани у оснований канала тщательно заглажены, образуя ровные площадки. Цвет ярко-красный, с коричневыми прожилками. Бусина не подвержена иризации.

Тип 3. Мелкие бусы (рис. 2: II. 3–4, 7–8) диаметром 4–12 мм. Высота – 4,5–11,5 мм, диаметр оснований канала – 2,5–5 мм. Форма продольного сечения бус – округлая усеченная дважды, эллипсоидная, неправильная или близкая к биконической. Большинство изделий имеют ярко-красный цвет, реже встречаются красно-коричневые экземпляры; в одном случае (Кораблино, погр. 99) на бусах читаются выраженные коричневые прожилки. Степень иризации разная. Для большинства изделий характерна легкая степень иризации.

Группа III. Бусы, изготовленные путем однократного обертывания.

Тип 1. Бусы округлой усеченной дважды, эллипсоидной и неправильной формы (рис. 2: III. 1). Диаметр тулова – 6–10,5 мм, высота – 4,5–10 мм, диаметры оснований канала – 2–4 мм. Цвет красный, ровный. Изделия подвержены разной степени иризации.

Тип 2. Крупные бусы округлой усеченной дважды и округлоцилидрической (бочонковидной) формы (рис. 2: III. 2). Диаметр тулова – 11–14 мм, высота – 12–13 мм, диаметр оснований канала – 4–4,5 мм. Цвет красный. Иризация легкая.

Группа IV. Бусы, изготовленные в технике навивки.

Тип 1. Крупные бусы округлой усеченной дважды или цилиндрической формы (рис. 2: IV. 1). Диаметр – 9–18 мм, высота – 5–12,5 мм, диаметры оснований канала – 3–6 мм. Помимо крупных размеров, бусы этой серии отличаются высоким качеством обкатки и наличием ровной площадки на боковых гранях у оснований канала, что достигнуто путем их тщательного заглаживания. Для изделий

этого типа характерен ярко-красный или светло-красный цвет, иногда на них присутствуют коричневые прожилки. Не иризованы или имеют поверхностный слой иризации, не разрушающий структуру стекла.

Тип 2. Бусы округлой усеченной дважды, эллипсоидной или неправильной формы (рис. 2: IV. 2–4). Диаметр – 6–18 мм, высота – 4–12,5 мм, диаметры оснований канала – 2,5–6,5 мм. На некоторых изделиях слегка заглажены основания канала; часть изделий, возможно, подвергалось легкой обкатке. Цвет – красный (иногда – с коричневыми прожилками) или красно-коричневый. У части бус у оснований канала читаются следы навивки стекломассы. Не иризованы или имеют поверхностный слой иризации, не разрушающий структуру стекла.

Тип 3. Бусы винтообразной формы (рис. 2: IV. 5–7). Как правило, это некрупные бусы. Их высота обычно не превышает 9 мм, а диаметр – 11 мм; диаметр оснований канала – 2,5–5 мм. Бусины изготовлены из ярко-красного и красно-коричневого стекла. Не иризованы или имеют поверхностный слой иризации, не разрушающий структуру стекла.

Тип 4. «Сдвоенные» и «строенные» бусы сочетают в себе все выше перечисленные формы (рис. 2: IV. 8). Их высота составляет 7–19 мм, диаметр тулова – 8–14 мм, диаметр оснований канала – 3–6 мм. Бусины изготовлены из ярко-красного и красно-коричневого стекла. Не иризованы или имеют поверхностный слой иризации, не разрушающий структуру стекла.

Тип 5. К этому типу отнесены бусы всех форм, размеров и оттенков цвета, изготовленные индивидуально-массовым способом, то есть со следами деления многочастной бусины на части в холодном виде. По меньшей мере один край у таких бусин – острый, а сколотая поверхность – глянцевая. Не иризованы или имеют поверхностный слой иризации, не разрушающий структуру стекла.

Тип 6. Этот тип объединяет бусы всех форм, перечисленных выше. Их отличительной чертой является темно-коричневый цвет. Не иризованы или имеют поверхностный слой иризации, не разрушающий структуру стекла.

Отдел Б. Бусы с четырехугольной формой поперечного сечения.

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутой трубочки.

Серия b. *Бусы и бисер без следов использования щипцов.*

Тип 1. Бусы и бисер призматической формы (рис. 2: I. 14). Ширина стороны тулова – 4–6 мм, высота – 3,5–5 мм, диаметр оснований канала – 1,5–2 мм. Цвет ярко-красный. Степень иризации легкая.

Группа II. Бусы, изготовленные из тянутой палочки.

Тип 1. Некрупные бусы призматической формы (рис. 2: II. 5), высота 4–8 мм, ширина стороны – 6–8 мм, диаметр оснований канала – 3 мм. Ширина сторон примерно одинаковая, поэтому в поперечном разрезе бусина имеет относительно симметричную форму. Цвет – ярко-красный. Степень иризации – легкая.

Тип 2. Бусы параллелепипедной формы (рис. 2: II. 6), получившие в литературе название «кирпичики» [Розенфельдт, 1982, с. 61–62]. Высота – 11,5–15 мм, ширина длинной стороны – 7–8 мм, короткой – 4–5 мм, диаметры оснований канала – около 2 мм. Цвет ярко-красный, иногда – с тонкими коричневыми прожилками. Не иризованы.

Группа IV. Бусы, изготовленные в технике навивки.

Тип 1. Бусы призматической формы (рис. 2: IV. 9). Высота – 10–15,5 мм, ширина граней – 8–12 мм, диаметры оснований канала – 3,5–4 мм. Цвет – красный с выраженными коричневыми прожилками, красно-коричневый. Не иризована.

Золотостеклянные бусы и бисер.

Отдел А. Изделия с округлой формой поперечного сечения.

Группа I. Бусы, бисер и пронизи, изготовленные из тянутой трубочки.

Тип 1. Крупные одно – трехчастные изделия, (рис. 3: I. 4–5). Форма поперечного сечения – округлая. Характер деления трубочки на части не всегда определяется, так как у большинства изделий основания каналов обработаны дополнительно. У оснований каналов некоторых бус читаются следы щипцов. Возможно, в ряде случаев могло использоваться отшибание с последующей обработкой в тепловом барабане, т.к. некоторые изделия имеют боковые грани со слегка оплавленными краями. Размеры: высота – 5–20 мм (в зависимости от количества долей), максимальный диаметр – 5–14 мм, диаметр оснований канала – 1–3,5 мм. Степень иризации разная. У многих изделий утрачен верхний слой стекла.

Тип 2. Золотостеклянный бисер и многочастные (двух – одиннадцатичастные) пронизи (рис. 3: I. 1–2), форма долей округлая или округлоцилиндрическая. На всех изделиях, у которых сохранились основания канала, читаются следы деления щипцами («шейки»-закраины). Размеры: высота – от 2 до 19 мм (в зависимости от количества долей), максимальный диаметр – 2–4 мм, диаметр оснований канала – 1 мм. Степень иризации разная.

Тип 3. Многочастные золотостеклянные пронизи размеров, аналогичных типу 2. Характерный признак – доли разной величины, чередующиеся в порядке крупная – мелкая (рис. 3: I. 3). Степень иризации разная.

Группа V. Бусы, изготовленные из дутой тянутой трубочки.

Тип 1. Бусина округлой усеченной дважды формы (рис. 3: V. 1). Диаметр тулова – 9,5 мм, высота – 9 мм, диаметры оснований канала – 3,5 мм. Технологические следы использования щипцов отсутствуют. Не иризована.

<u>«Двухслойные» бусы (основа бесцветного прозрачного стекла, покрытая слоем красного глухого стекла).</u>

Отдел А. Бусы с округлой формой поперечного сечения.

Группа I. Бусы и бисер, изготовленные из тянутой трубочки.

Серия a. *Бусы и бисер, изготовленные с помощью щипцов (с «шейкой» у оснований канала).*

Тип 1. Бусы и бисер округлой или округлоцилиндрической формы (рис. 2: I. 1). Среди двухслойных изделий этого типа многочастные пронизи обычно не встречаются. Высота – 3,5–6 мм, диаметр – 4–5 мм, диаметр оснований канала – до 2 мм. Поверхность ярко-красного цвета, внутренний слой прозрачный, бесцветный или зеленоватый.

Тип 2. Бусы и бисер округлой, округлоцилиндрической и биконической формы (рис. 2: I. 6–8). Высота – 3,5–5 мм, диаметр – 4–5 мм, диаметр оснований канала – до 2 мм. Поверхность красно-коричневого цвета, часто – с коричневыми прожилками, внутренний слой прозрачный, бесцветный или зеленоватый.

Серия b. *Бисер без технологических следов использования щипцов.*

Тип 1. Бусы и бисер округлой или округлоцилиндрической формы (рис. 2: I. 13). Поверхность ярко-красного цвета, внутренний слой прозрачный, бесцветный или зеленоватый. Высота – 3–4 мм, диаметр – 4–4,5 мм, диаметр оснований канала – до 2 мм. Верхний слой красного стекла местами разрушен.

Тип 2. Бусы округлой усеченной дважды формы диаметром 7 мм и более (рис. 2: I. 12). Поверхность ярко-красного цвета, внутренний слой прозрачный, бесцветный или зеленоватый. Верхний слой красного стекла местами разрушен.

Тип 3. Бусы эллипсоидной формы (рис. 2: I. 16–17). Высота изделий – 8–9 мм, диаметр тулова – 4–6 мм, диаметр оснований каналов – 2 мм. Цвет верхнего слоя стекла – ярко-красный, темно-красный, внутренний слой прозрачный, бесцветный или зеленоватый. Не иризованы.

Тип 4. Бусы цилиндрической формы, высота больше диаметра бусины (рис. 2: I. 15). Высота – 10 мм, диаметр тулова – 5 мм, диаметр оснований канала – 2,5 мм. Цвет верхнего слоя стекла – ярко-красный, внутренний слой прозрачный, бесцветный или зеленоватый. Не иризована.

Группа II. Бусы и бисер, изготовленные из тянутой палочки.

Тип 1. Некрупные бусы округлой усеченной дважды формы (рис. 2: II. 3). Высота – 6– 8,5 мм, диаметр тулова – 8–11 мм, диаметры оснований канала – 2– 3 мм. Цвет точно не определяется из-за сильной иризации, нарушившей структуру стекла.

Группа III. Бусы и бисер, изготовленные в технике однократного обертывания.

Тип 1. Крупные бусы округлоцилиндрической («бочонковидной») формы (рис. 2: III. 3). Диаметр тулова – 19 мм, высота – 14–16 мм, диаметры оснований каналов – 4,5–7 мм. На верхнем слое ярко-красного стекла хорошо читается вертикальный шов – признак изготовления бусины в технике однократного обертывания.

Хронология

Для разработки хронологии бус использовался метод сериации. Таблица взаимовстречаемости выделенных типов бус позволила выявить наличие ряда устойчивых наборов изделий.

Датировка рассмотренных групп – наборов проведена на основании их совстречаемости с металлическими изделиями, в первую очередь, элементами женского убора. Их хронология и периодизация, разработанная И.В. Белоцерковской (часть 3.3), позволяет использовать эти категории находок в качестве хронологических индикаторов.

Материалы Кошибеевского могильника рассматривались отдельно от остальных, «классических» рязано-окских могильников. Это вызвано, во-первых, наличием только на этом памятнике горизонта рубежа I/II – II вв, характеризующегося преобладанием древностей «андреевско-писеральского круга», который исследователи связывают с наиболее ранним этапом формирования культуры рязано-окских могильников [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 56–58], отсутствующим в классических среднеокских памятниках; во-вторых, с особенностями географического положения – он находится не на Средней Оке, а несколько восточнее, на правом берегу ее притока р. Цны. Поэтому различия в наборах бус и схеме их периодизации могут быть обусловлены как хронологическими причинами, так и зависеть от характера их распространения на различных территориях. Для того чтобы более четко проследить эволюцию наборов бус и выявить территориально-хронологические различия, для изделий Кошибеевского могильника построена отдельная сериация и хронологическая схема.

Для бус, происходящих из могильников, расположенных на Средней Оке – Кораблино, Заречье 4 и Никитино – построены единые сериация и хронологическая шкала.

В дальнейшем описании употребляется следующее обозначение типов: З – золотостекляные, Д – двухслойные, К – печеночно-красные; римской цифрой обозначены номера технологических групп, заглавной буквой – отделы, строчной – серии, арабской – типы (см. выше, часть «Систематизация бус»).

<u>Бусы Кошибеевского могильника.</u>

Группировка. На основе сериации бус, (табл. 1) происходящих из 22 погребений, выделяются три группы: две основные – К1 и К3 и одна переходная – К2. ***Группа К1*** представлена изделиями всего одного типа – крупными золотостеклянными бусами, одночастными и многочастными, изготовленными из отрезков тянутой трубочки (тип ЗАI1; рис. 3: I. 4–5).

Группу К3 образуют следующие изделия:

- золотостеклянные бисер и многочастные пронизи (тип ЗАI2; рис. 3: I. 1–2),

а также ряд типов *печеночно-красных бус*:

- бусы, бисер и пронизи (одночастные цилиндрические и многочастные), изготовленные из отрезков тянутой трубочки (со следами и без следов использования щипцов – типы КАIа1,6; КАIb1-2; рис. 2: I. 1–3, 5, 12–13);

- бусы, изготовленные из отрезков тянутой палочки, округлые в поперечном сечении: крупные (тип КАII1; рис. 2: II. 1) и мелкие (тип КАII3; рис. 2: II. 3–4, 7–8);

- двухслойные бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек и не имеющие следов использования щипцов (тип ДАIb1; рис. 2: I. 13).

В качестве единичных экземпляров в наборах группы К3 встречены также бусы следующих типов:

- бусы эллипсоидной формы, изготовленные из отрезков тянутой трубочки без следов щипцов (КАIb3 – погр. 70, раскопки А.А. Спицына; рис. 2: I. 16–17);

- бусы-«кирпичики», изготовленные из отрезков тянутой палочки (КБII2 – погр. 70, раскопки А.А. Спицына; рис. 2: II. 6);

- бусы, изготовленные в технике однократного обертывания (тип КАIII1 – погр. 29, раскопки А.А. Спицына; рис. 2: III. 1);

- двухслойные бусы цилиндрической формы без следов щипцов (типы ДАIb4 – погр. 49, раскопки А.А. Спицына; рис. 2: I. 15).

Группа К2 наборов бус является переходной от К1 к К3 и сочетает в себе все типы бус, встреченные в этих группах. Ее характеризуют как крупные золотостеклянные бусы (тип ЗАI1; рис. 3: I. 4–5), так и золотостеклянные пронизи (тип ЗАI2; рис. 3: I. 1–2), бусы и бисер красного глухого стекла всех типов, встречающихся в группе К3, крупные бусы красного стекла, изготовленные из тянутых трубочек со следами использования щипцов (тип КАIа6; рис. 2: I. 5), а также некоторые типы двухслойных бус (ДАIb1; ДАIb2 – погр. 58, раскопки А.А. Спицына; рис. 2: I. 12–13).

Материалы Кошибеевского могильника представлены также двумя депаспортизованными низками бус. Они содержат, помимо изделий, характерных для группы К3, печеночно-красный рубленый бисер (типы КАIс1-2; рис. 2: I. 18–20). В них присутствуют также крупные золотостеклянные бусы (тип ЗАI1; рис. 3: I. 4–5).

Датировка. Система абсолютной хронологии бус Кошибеевского могильника основана на материалах, опубликованных А.А. Спицыным [Спицын, 1901] и В.Н. Шитовым [Шитов, 1988а]. Для датировки выделенных групп была использована хронологическая система древностей Кошибеевского могильника, разработанная И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедовым [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 56–58]. В их работе, наряду с другими категориями вещей, рассматривались и бусы, однако их специальное морфо-технологическое исследование не проводилось. При датировании наборов позднего горизонта Кошибеевского могильника привлекалась также система периодизации женского погребального инвентаря И.В. Белоцерковской (см. часть 3.3).

Погребения с бусами ***группы К1*** (табл. 1) характеризуются присутствием вещей т.н. «пьяноборского» облика, имеющих аналогии или прототипы в Прикамье и в древностях Западного Поволжья; именно с Западным Поволжьем в последнее время связывается их присутствие в Кошибеевском могильнике [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а и др.]. Среди них – головные уборы чегандинского типа (рис. 4: 11), бляхи-застежки с кольцом из ложной проволоки с полушарными выступами по краю (рис. 4: 2), умбоновидные бляшки с кнопкой в центре, с ложножгутовым и жемчужным орнаментом по краям (рис. 4: 1), а также с жгутовым орнаментом по краю и S-видными завитками (рис. 4: 3), лапчатые привески (рис. 4: 5), плоские округлые бляшки диаметром 3–4 см в составе головных уборов (рис. 4: 7–8), нагрудные плоские бляхи с радиальной прорезью и иглой, декорированные рельефными валиками (рис. 4: 9), конические подвески (рис. 4: 4), тонкопроволочные гривны с заходящими друг на друга концами и подвижной петлей (рис. 4: 10). В целом они соответствуют группе А женских погребений Кошибеевского могильника по И.Р. Ахмедову и И.В. Белоцерковской, которая была датирована концом I – первой половиной II в. н.э. на основании синхронизации с мужскими комплексами [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 57]. Ряд перечисленных типов металлических изделий встречается в рязано-окских могильниках вплоть до III века (период 1 по И.В. Белоцерковской – см. часть 3.3). В то же время, отсутствие хронологических индикаторов, характерных для рязано-окских древностей собственно III в. (часть 3.3), видимо, позволяет определить верхнюю хронологическую границу группы К1 не позднее рубежа II/III – начала III в. Таким образом, датировка группы К1 может быть определена как рубеж I/II – рубеж II/III или начало III в.

Датировка ***группы К3*** может быть определена на основании хроноиндикаторов, встречающихся не только в Кошибеевском, но и широко распространенных в классических рязано-окских могильниках. По вещевому комплексу эта группа в целом соответствует периодам В2 и С древностей Кошибеевского могильника по И.Р. Ахмедову и И.В. Белоцерковской [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 56–58]. Большая часть датирующих вещей по материалам классических рязано-окских могильников (рис. 4: 12, 16–20, 22–25, 27, 29–32) относится к периодам 1, 2а и 2б по И.В. Белоцерковской (см. часть 3.3). Таким образом, эта группа наборов датируется III – концом IV/началом V вв. Вероятно, можно исключить начало III в., так как в этой группе практически не встречаются вещи «пьяноборского» облика; исключение

составляют отдельные их экземпляры, которые в погребениях сочетаются с более поздними вещами [Шитов, 1988а, табл. III: 16]. Полученные датировки подтверждаются находками импортов. В погребениях этой группы встречены: круглодротовая гривна с напускными бусами и обмоткой, с замком в виде прямоугольного щитка с фигурной прорезью (рис. 4: 21), аналогии которой известны в памятниках Саксонии фазы С2 по К. Годловскому [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 38] ; круглодротовая гривна с замком в виде ромбического щитка, украшенного красной эмалью (рис. 4: 15); двучленные прогнутые подвязные фибулы второй подгруппы по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, табл. XII: 1, с. 61–68] и воинские фибулы (рис. 4: 26) группы 17 по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, табл. X: 18–20, с. 70–71]; двупластинчатая фибула (рис. 4: 28) подгруппы I варианта IАБ по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, с. 83, № 12].

Погребения с наборами бус промежуточной ***группы К2*** отличаются присутствием металлического инвентаря, характерного как для раннего, так и для позднего горизонта Кошибеевского могильника. Более ранние представлены находками «пьяноборского» облика, которые сочетаются в погребениях и лопастными височными кольцами ранних типов (рис. 4: 13) и бляхами-застежками с трапециевидными лопастями (рис. 4: 16). Более поздние маркируются вещами, характерными для группы К3 (рис. 4: 20, 24, 27, 29, 31 и др.). Погребения с наборами группы К2 в целом соответствуют подгруппам В1–В2 по И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедову [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 56–58]. Верхняя дата группы В1 определена ими как 1-ая половина III в. [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 56–58]. Группа В2 датирована 2-ой половиной III – 1-ой половиной IV вв. [Ахмедов, Белоцерковская, 1999, с. 56–58].

Полученный результат подтверждается датировкой ряда комплексов с подобными наборами бус – погребениями 5, 24 и 80 из раскопок В.Н. Глазова [Шитов, 1988а, табл. II: 6–22; VI; IX: 4–9]. Наиболее ранним из них является погребение 80 (рис. 5: II). Металлический инвентарь этого захоронения представлен вещами «андреевско-писеральского» круга: тонкопроволочной гривной с заходящими друг на друга концами и подвижной петлей (рис. 5: II. 5) и бляхой-застежкой из ложной проволоки с полушарными выступами по краю (рис. 5: II. 4). В отличие от остальных погребений этой группы, инвентаря, характерного для погребений III века и более поздних, здесь не встречено. Тем не менее, часть вещей андреевско-писеральского облика, в т.ч. гривны подобного типа, встречаются и в более позднее время – период 1 по И.В. Белоцерковской (см. часть 3.3). Погребение 24 (рис. 5: I), помимо вещей андреевско-писеральского круга (рис. 5: I. 1, 9–11, 13) характеризуется присутствием бронзового пирамидального колокольчика (рис. 5: I. 12; 4: 14). Аналогии ему, датируемые II – началом III века, известны в Юго-Западном Крыму, в основном – в могильнике Бельбек IV в Херсонесе [Гущина, 1982, с. 24, 26; Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 38]. Находка гривны с раскованными концами (рис. 5: I. 8) в целом не противоречит этой дате [Ахмедов, 2003а, с. 132]. Комплекс вещей из погр. 5 (рис. 5. III) относится к периодам 1 и 2а по системе И.В. Белоцерковской (рис. 5: III. 1, 10–11); некоторые из них (рис. 5: III. 12–17) также были распространены и в более позднее время – период 2б (раздел 3.3).

Таким образом, нижняя хронологическая граница группы К2 может быть определена не позднее, чем рубеж II/III вв; видимо, наиболее ранние наборы этой группы можно отнести и ко II в. Верхняя хронологическая граница датируется предположительно 1-ой половиной/серединой IV в.

Схема синхронизации групп бус с периодами бытования металлического инвентаря из женских погребений, выделенных И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедовым, представлена на таблице 2.

Датировка комплексов, из которых происходят депаспортизованные бусы, неизвестна. Наличие в них рубленого бисера (типы КАIс1-2; рис. 2: I. 18–20), по аналогии с материалами могильника Кораблино, может говорить о том, что они являются самыми поздними среди сохранившихся комплексов с бусами [Румянцева, 2005, с. 278–279]. Присутствие в этих погребениях крупных золотостеклянных бус необъяснимо; возможно, что эти бусы и рубленый бисер происходят изначально из разных комплексов.

Бусы классических рязано-окских могильников.

Группировка. Сериация типов бус, в которую вошли изделия из 129 погребений (табл. 3), позволяет выделить следующие группы.

Группа Iа образована:

- золотостеклянными бисером и многочастными пронизями (типы ЗIА2-3; рис. 3: I. 1–3),

а также рядом изделий *красного глухого стекла*:

- некрупными бусами, бисером и пронизями, изготовленными из тянутой трубочки, как со следами щипцов (тип КАIа1; рис. 2: I. 1–3), так и без них (тип КАIb2; рис. 2: I. 13);

- крупными бусами, изготовленными из отрезков тянутой палочки (тип КАII1; рис. 2: II. 1).

Основу ***группы Iб*** составляет тот же набор изделий, к которым добавляются:

- золотостеклянные пронизи, изготовленные из отрезков тянутых трубочек и имеющие доли разного диаметра (тип ЗАI3; рис. 3: I. 3);

- крупные бусы красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутой трубочки при помощи щипцов (тип КАIа6; рис. 2: I. 5);

- некрупные бусы красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутой палочки (тип КАII3; рис. 2: II. 3–4, 7–8);

- призматические бусы красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутой палочки (тип КБII1; рис. 2: II. 5);

- двухслойные мелкие бусы и бисер, изготовленные из отрезков тянутой трубочки, как со следами щипцов (ДАIa1; рис. 2: I. 1), так и без них (ДАIb1; рис. 2: I. 13).

В качестве единичных экземпляров в группах Ia и Ib встречены:

- одночастные цилиндрические пронизи красного глухого стекла со следами щипцов (тип КАIa2 – Кораблино, мыс 2, погр. 5, 29, 39; рис. 2: I. 4);

- крупная золотостеклянная бусина, изготовленная из отрезка тянутой трубочки (тип ЗАI1 – Заречье, погр. 102).

Основу ***группы II*** составляют следующие типы бус:

- бусы некрупных размеров, изготовленные из отрезков тянутых палочек (тип КАII3; рис. 2: II. 3–4, 7–8);

- бисер, изготовленный из тянутых трубочек при помощи отшибания (типы КАIc1-2; рис. 2: I. 18–20);

- некрупные бусы, изготовленные в технике однократного обертывания (тип КАIII1; рис. 2: III. 1).

Для этой группы характерны также некоторые менее распространенные типы:

- мелкие бисер и пронизи – двух-трехчастные и цилиндрические – красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутой трубочки, с выраженными коричневыми прожилками и следами щипцов (тип КАIa3, 5; рис. 2: I. 6–9).

Погребения с единичными экземплярами бус, изготовленных в технике навивки (типы КАIV1-2; рис. 2: IV. 1–4), условно выделены в ***группу II/III.***

В качестве единичных экземпляров обнаружены:

- крупная золотостеклянная бусина, изготовленная из тянутой трубочки (тип ЗАI1 – Кораблино, погр. 16);

- крупная золотостеклянная бусина, изготовленная из дутой трубочки (тип ЗАV1 – Кораблино, погр. 16);

- бусина-«кирпичик» красного глухого стекла параллелепипедной формы, изготовленная из отрезка тянутой палочки (тип КБII2 – Заречье, погр. 33; рис. 2: II. 6);

Крупные двухслойные бусы, изготовленные в технике однократного обертывания (тип ДАIII1 – Никитино, раскопки Р.Ф. Ворониной, погр. 21; раскопки И.Р. Ахмедова, погр. 18; рис. 3: III. 3).

Промежуточная группа I/II включает в себя все типы бус, характерных для групп Ia-б, которые сочетаются с изделиями, наиболее широко распространенными в группе II (типы КАII3, КАIc1-2; КАIII1).

Наборы ***группы III*** состоят преимущественно из бус одного, реже – двух типов. Все они изготовлены в технике навивки и представлены изделиями округлой, неправильной, реже – винтообразной формы и выполнены из глухого стекла красного или красно-коричневого цвета (типы КАIV2, 3; рис. 2: IV. 2–7). В качестве единичных экземпляров встречены изделия, изготовленные из отрезков тянутой палочки (тип КАII3; рис. 2: II. 3–4, 7–8) и в технике однократного обертывания (тип КАIII1; рис. 2: III. 1), а также бисер и пронизи, изготовленные из отрезков тянутой трубочки при помощи щипцов (типы КАIa3,5; рис. 2: I. 6–7, 9).

Группа IV включает в себя изделия всех типов, выполненных в технике навивки; диагностическими для этой группы являются многочастные бусы, выполненные в этой технологии (тип КАIV4), бусы темно-коричневого цвета (тип КАIV6), изделия, изготовленные индивидуально-массовым способом (тип КАIV6); широкое распространение получают бусы винтообразной формы (тип КАIV3; рис. 2: IV).

Как и в группе III, здесь встречены единичные экземпляры бус, изготовленных из отрезков тянутой палочки (тип КАII3; рис. 2: II. 3–4, 7–8) и в технике однократного обертывания (тип КАIII1; рис. 2: III. 1), а также бисер и пронизи, изготовленные из отрезков тянутой трубочки при помощи щипцов (типы КАIa3,5; рис. 2: I. 6–7, 9). В этой группе встречены также: единственный экземпляр бусины, изготовленной из тянутой палочки с тщательной дополнительной обработкой (тип КАII2; Кораблино, погр. 25; рис. 2: II. 2); крупные изделия, изготовленные из тянутой трубочки при помощи щипцов, с выраженными коричневыми прожилками на тулове (тип КАIa7 – Заречье, погр. 111; рис. 2: I. 11); ассимметричные пронизи, изготовленные из отрезков тянутой трубочки при помощи щипцов (тип КАIa4 – Кораблино, погр. 13; рис. 2: I. 10).

Датировка. Выделенные группы были продатированы на основании 46 хроноиндикаторов, представленных различными категориями металлического инвентаря (рис. 6). Группы датируются следующим образом.

Большая часть периода существования бус ***групп Ia-b*** маркируется находками (рис. 6: 1–4, 6–12, 16), время наибольшего распространения которых приходится на периоды 1 и 2а женских погребений могильников Среднего Поочья по И.В. Белоцерковской (III – середина IV вв., см. часть 3.3). Часть находок, появляясь в период 2а, распространена также в период 2б, который И.В. Белоцерковская (часть 3.3) датирует 2-ой третью IV – началом V вв. (рис. 6: 13, 17, 19, 23). Некоторые, наиболее поздние из них (рис. 6: 18, 22) доживают до начала периода 3 (V в.); однако вещей, которые появляются в период 3 и наиболее характерны для него, здесь не встречено. Таким образом, группа бус Ia–b может быть датирована III – рубежом IV–V/началом V в. Эта датировка подтверждается находками импортов –подковообразной фибулы с эмалями [Шитов, 1988а, с. 8], граненых пряжек с овальными щитками и короткими слабо прогнутыми язычками (рис. 6: 15), близких типу «Келлер А» [Kazanski, 1995a, p. 191–193; Малашев, 2000, с. 200], двучленных прогнутых подвязных фибул (рис. 6: 14) второй подгруппы по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, табл. 11: 10, 12], а также двучленных фибул со сплошным приемником серии 3 и «окского» варианта, характерных для 2-ой половины IV – начала V вв. [Белоцерковская, 2000, с. 106; Гороховский, 1988а, с. 35, 44].

Появление бус ***группы II*** маркируется хроноиндикаторами (рис. 6: 18, 22–23), распространенными в период 2б по И.В. Белоцерковской (часть 3.3); более ранних вещей здесь нет. Здесь также встречена некрупная крестовидная фибула серии А по И.Р. Ахмедову (рис. 6: 24), получающей распространение начиная с периода 3А2 (часть 3.2). Это позволяет определить нижнюю хронологическую границу группы как конец IV – начало V вв. В целом же группа датируется V в. на основании хронологических индикаторов (рис. 6: 27–30, 32–34, 36–37), характерных для периода 3 женских погребений, а также воинских погребений гуннского и постгуннского времени могильников Среднего Поочья (см. части 3.2 и 3.3). Этот набор вещей характерен также для погребений Никитинского могильника, которые были синхронизированы авторами публикации с фазами D2 (380/400–440/450 гг.) и D2/D3 (430/440–470/480 гг.) по хронологии Я. Тейрала [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 79–81]. Верхнюю хронологическую границу ***группы II*** определяют отдельные находки (рис. 6: 26в, 35), традиционно маркирующие погребения VI в. (период 4 – см. часть 3.3). Однако здесь они не получили еще широкого распространения и встречаются в единичных экземплярах, в комплексах с более ранними вещами. Таким образом, верхняя хронологическая граница группы II может быть определена как рубеж V/VI вв.

Полученная датировка группы II – конец IV/начало V – рубеж V/VI вв. – подтверждается также находками немассивных пряжек с длинным выступающим «хоботковидным» язычком, имеющим уступ у основания (рис. 6: 25), характерных для гуннского времени [Амброз, 1989, рис. 9: 3; Казанский, 2001, с. 56] и классических крестовидных фибул серии Б (рис. 6: 38), в т. ч. и крупных [Ахмедов, 1998; Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 80].

Датировка ***группы I/II*** определяется преобладанием хроноиндикаторов (рис. 6: 18, 21–22, 29) периода 2б по И.В. Белоцерковской (часть 3.3); в некоторых случаях они сочетаются в погребениях с предметами, бытующими и в более раннее время (рис. 6: 12–14). Однако комплексов, которые можно было бы датировать ранее конца IV в., в этой группе нет. Таким образом, она может быть датирована концом IV – началом V в., т.е. началом гуннского времени.

Обращает на себя внимание неравномерное распределение наборов бус группы I/II по могильникам. Погребения с ними ни разу не встречены в Кораблино; низки с рубленым бисером вообще единичны в захоронениях этого памятника. В Никитинском могильнике (раскопки Р.Ф. Ворониной), самые ранние погребения которого датируются концом IV – началом V в. [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 79], известна всего одна низка с таким сочетанием бус (она депаспортизована, что не дает возможности определить ее дату). Возможно, это связано со сравнительно небольшим количеством погребений данного горизонта в Никитино. Наиболее же широко наборы бус этой группы представлены в могильнике Заречье 4.

Группа III отчасти синхронна группе II, несмотря на то что она представлена другими наборами бус.

Наибольшие затруднения вызывает определение ее нижней хронологической границы, так как большинство индикаторов маркируют весь V век в целом. По-видимому, можно исключить начало V в., так как вещи, характерные для периода 2б по И.В. Белоцерковской, верхняя граница которого определяется как первое десятилетие V в., здесь не встречены. Датирующими для этой группы являются хроноиндикаторы (рис. 6: 26б, 31–34, 37) периода 3 по И.В. Белоцерковской (V в.: см. часть 3.3). Верхнюю границу периода маркируют находки (рис. 6: 35, 40–44), характерные для женских погребений периода 4, который И.В. Белоцерковская датирует VI – первой половиной VII в. (часть 3.3). Таким образом, данную группу можно датировать V (исключая его начало) – 1-ой половиной VII вв.

Интересно, что при достаточно большом периоде синхронного бытования бусы второй и третьей групп практически не встречаются в одних наборах. Исключение составляет ряд ожерелий группы II, в состав которых входят единичные экземпляры бус, выполненных в технике навивки. Эти наборы выделены в ***переходную группу II/III***, которая маркируется хроноиндикаторами (рис. 6: 26а-б, 29–31, 34, 37) периода 3 женских погребений (часть 3.3). Ее верхняя граница определяется тем же временем, что и финал группы II – рубежом V–VI вв. Время появления бус, изготовленных в технике навивки, на Средней Оке маркируется бляхами с ромбической крышкой без дополнительного декора (рис. 6: 26а) серии Б по И.В. Белоцерковской [Белоцерковская, в печати-2], датированной 1-ой половиной V в.; однако, учитывая отсутствие хронологических индикаторов периода 2б (часть 3.3), видимо, из хронологических рамок этой группы начало V в. можно исключить.

Группа IV – наиболее поздняя. Ранняя часть периода маркируется рядом находок (рис. 6: 26б, 30–34, 37), характерных для периода 3 по системе И.В. Белоцерковской (часть 3.3). Однако практически во всех комплексах они сочетаются с более поздними хронологическими индикаторами (рис. 6: 26в, 35, 39–44), время бытования которых определено И.В. Белоцерковской как VI – 1-ая половина VII вв. (период 4 – см. часть 3.3). В части Никитинского могильника, раскопанной Р.Ф. Ворониной, эти вещи встречаются лишь в виде исключения в наиболее поздних погребениях второго периода, верхняя дата которого определена как рубеж V/VI вв. [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 79–81]. Группа может быть датирована концом V/началом VI – 1-ой половиной VII в.

Подводя итог хронологическому анализу, можно сделать следующие выводы.

В поступлении бус на территорию Среднего Поочья выделяются четыре этапа.

Наиболее ранний **первый этап** связан с древностями Кошибеевского могильника и соответствует ранним стадиям его существования – рубежу I/II – рубежу II/III вв. (группа бус К1). Его особенностью является присутствие крупных золотостеклянных бус, аналогии которым находятся в круге древностей Западного Поволжья и Прикамья, что характерно и для металлического инвентаря культуры на этой стадии.

Второй этап датируется III – рубежом IV/V вв. и связан с распространением на рассматриваемой территории бус красного глухого стекла, а также золотостеклянных изделий новых типов – бисера и многочастных пронизей. Эти наборы характерны как для Кошибеевского могильника, так и для классических памятников Среднего Поочья (группы бус К2-3 Кошибеевского могильника, Ia-b – классических среднеокских памятников). В целом оно синхронно появлению новых типов металлического инвентаря, характерных для ранней стадии существования классических рязано-окских могильников. Однако не исключено, что первые, наиболее ранние наборы этих бус появились в восточной части региона (Кошибеевский могильник) несколько ранее – со 2-ой половины – конца II в. Интересно, что при этом на античных памятниках Северного Причерноморья бусы красного глухого стекла были распространены, видимо, уже начиная с I в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 63]. Следовательно, причина их отсутствия в ранних погребениях Кошибеевского могильника может заключаться не в хронологии данных типов украшений, а в характере их поступления на территорию Средней Оки.

Необходимо обратить внимание на то, что по времени группа I классических рязано-окских памятников синхронна не только группе К3, но и, по большей части, группе К2 Кошибеевского могильника. Тем не менее, крупные золотостеклянные бусы (тип ЗАI1), за исключением единичных экземпляров, не получают распространения в «классических» памятниках рязано-окской культуры. Это удивительно, так как металлические вещи, связанные с древностями круга Западного Поволжья, известны здесь на раннем этапе [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а]. По результатам хронологического анализа, золотостеклянные бусы этого типа «доживают» в Кошибеевском могильнике до 1-ой половины – середины IV в.; следовательно, причина их отсутствия в классических могильниках Среднего Поочья заключается не в хронологии. Скорее всего, она связана с характером поступления бус в данный регион.

Время исчезновения наборов группы I определяется концом IV/началом V вв. и хронологически совпадает с гуннским нашествием. На смену им приходят украшения группы II, в которых преобладает рубленый бисер – технология, не встреченная ни разу в более раннее время – а с ним – бусы, изготовленные из тянутых палочек и в технике однократного обертывания.

Один из возникающих здесь вопросов – сколь быстро происходит смена наборов бус на данной территории. По вещевому комплексу хронологический разрыв между первой и второй группами не прослеживается: погребения с бусами группы II встречаются на памятниках, начиная с конца IV/начала V вв. С другой стороны, захоронения, в которых сочетались бы изделия первой и второй групп, крайне немногочисленны, и их подавляющее большинство происходит из могильника Заречье 4. В Кораблино они неизвестны вообще; наборы с рубленым бисером, самые распространенные в Среднем Поочье в V в., встречены в погребениях этого памятника лишь трижды. Известно всего одно захоронение Никитинского могильника с подобным сочетанием бус. Не исключено, что на разных территориях смена происходит в разное время. У населения, оставившего могильник Заречье 4, этот процесс идет, видимо, наиболее быстро; можно предположить, что «неперемешанность» бус в украшениях в данном случае связана с тем, что на территорию Средней Оки, по крайней мере, один тип наборов поступал из производственного центра не «россыпью», не единичными изделиями, а уже готовыми низками.

Третий этап связан с распространением наборов бус групп II и III; его хронологические границы определяются как конец IV/начало V – рубеж V/VI вв, т.е. гуннское и постгуннское время. При этом более ранняя его часть характеризуется присутствием наборов только второй группы; появление и распространение изделий группы III связано с более поздней стадией, на которой они сосуществуют с группой II. Точно определить время их появления невозможно; видимо, оно может быть определено в целом не ранее 2-ой трети – середины V в. Периодом наиболее широкого распространения этих бус можно считать время, начиная со 2-ой половины V в.

Четвертый этап (конец V/начало VI – 1-ая половина VII вв.) характеризуется преобладанием изделий групп III и IV (т.е. изделий, выполненных в технике навивки); остальные технологические схемы представлены единичными экземплярами бус. Наборы группы II, видимо, прекращают свое бытование на рубеже V/VI вв.; на данном этапе они не встречаются.

Наборы бус групп II и III отличает та же особенность, что и более ранние. Сосуществующие на протяжении более чем полувека (середина V в. – рубеж V/VI вв.), они практически не встречаются вместе; исключение составляют несколько украшений группы II/III (единичные экземпляры бус, выполненных в технике навивки, встреченные в украшениях группы II). Это подтверждает мысль о поступлении, по крайней мере, одного типа наборов бус на территорию Среднего Поочья уже в готовом виде. Однако этот вопрос требует специального изучения и должен быть рассмотрен отдельно.

Корректность датировок выделенных групп подтверждается материалами Кошибеевского могильника. В его погребениях, наиболее поздние из которых датируются не позднее конца IV/ начала V вв., не встречены наборы бус групп II–IV, характерные для V – 1-ой половины VII вв.

Химический состав стекла

Анализ химического состав стекла (ЭСА) проводился в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, аналитик – к.т.н. А.Н. Егорьков[3].

В современной отечественной литературе, посвященной древнему стеклу, ведущими являются две методики, в основе которых лежат разные принципы интерпретации его состава. Одна из них была разработана Ю.Л. Щаповой [Щапова, 1983; 1989; 1998] и широко применяется в настоящее время при обработке результатов анализов археологического стекла [Лихтер, 1988; Столярова, 1997 и др.]. Принципы второй были сформулированы и опубликованы В.А. Галибиным; по этой системе автором были собрана и обработана большая база анализов, включающая в себя и стекло эпох позднего римского времени и Великого переселения народов [Галибин, 2000; 2001]. Методы и критерии интерпретации состава стекла, предложенные Ю.Л. Щаповой и В.А. Галибиным, довольно существенно различаются между собой, и их применение при анализе одной и той же выборки образцов порой приводит к разным результатам. Чтобы иметь возможность сравнить данные, полученные по стеклу Среднего Поочья, с опубликованными ранее материалами, обработанными по разным методикам, наша выборка была проанализирована и по системе Ю.Л. Щаповой, и по методу В.А. Галибина.

На данный момент мы располагаем результатами 69 анализов бус массовых типов, среди которых 56 составляют бусы красного глухого стекла (табл. 4), 7 – золотостеклянные бусы и бисер (табл. 5) и 6 – т.н. «двухслойные» изделия (табл. 6). По технологии изготовления и хронологическим группам они распределяются следующим образом.

Бусы красного глухого стекла (однослойные).

Из 56 образцов бус красного глухого стекла (табл. 4) 17 представлены изделиями, изготовленными из тянутых палочек, 4 – в технике однократного обертывания, 11 – в технике навивки; 23 изделия выполнены из тянутых трубочек, в т.ч. 7 – с помощью отшибания, 12 имеют следы щипцов, 4 не имеют следов щипцов и признаков отшибания. Технология изготовления одной бусины не определена, т.к. она представлена фрагментом; бусина имела полихромную вставку.

Догуннское время (группы К2-3; I) (табл. 4: 1–16). По основным стеклообразующим элементам бусы ранней, догуннской, группы распределяются следующим образом.

По системе В.А. Галибина, среди печеночно-красных бус выделяются изделия двух химических подтипов:

- Na(K)-Ca(Mg). Данный подтип представлен четырьмя образцами: одной бусиной, изготовленной из тянутой палочки и тремя – их тянутой трубочки со следами щипцов и без них (табл. 4: 1, 9, 10, 15).

- Na-Ca(Mg). Подтип представлен тремя изделиями, изготовленными из тянутых палочек и пятью – из тянутых трубочек (табл. 4: 2, 4, 6–8, 12–14).

Еще четыре бусины по содержанию натрия и калия занимают промежуточное положение между данными подтипами. Среди них – два изделия, изготовленные из тянутых палочек (табл. 4: 3, 5) и одно – из тянутой трубочки (табл. 4: 11); технология изготовления основы бусины со вставкой не определяется т.к. она представлена фрагментом (табл. 4: 16).

По системе В.А. Галибина, бусы подтипа Na(K)-Ca(Mg) могут быть интерпретированы как изготовленные из стекла, сваренного на золе солончаковых растений ближневосточного происхождения [Галибин, 2001, с. 69; табл. 29; с. 86–87; табл. 35–36].

По классификации Ю.Л. Щаповой, эти стекла, как и бусы промежуточных типов, относятся к зольным; в качестве дополнительного щелочноземельного сырья использованы доломитовые известняки и, реже, доломиты [Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2–3].

Интерпретация стекла класса Na-Ca(Mg) неоднозначна. По соотношению натрия и калия эти стекла могут расцениваться, как сваренные на природной соде, однако содержание магния в них слишком высоко для стекла, сваренного на природной соде [Галибин, 2001, с. 69]. В.А. Галибин считает, что подобные изделия могли изготовляться на основе соды, которая, возможно, выделялась «из золы восточного типа выщелачиванием»; однако, по его мнению, этот рецепт получает распространение лишь начиная с VI в. [Галибин, 2001, с. 76].

По системе Ю.Л. Щаповой, эти бусы определяются как содовые, с использованием в качестве дополнительного щелочноземельного сырья доломитовых известняков и доломитов. Одно изделие, изготовленное из тянутой палочки (табл. 4: 4), попадает в «зону неопределенности» между содовыми и зольными стеклами [Щапова, 1989, с. 97; табл. 2].

Содержание еще одного стеклообразующего элемента – алюминия – обычно является характеристикой песка, использовавшегося при варке шихты. Его содержание маркирует долю полевых шпатов в песке [Галибин, 2001, с. 69]. На основании этого признака выделяются стекла подтипов Si (содержание алюминия – до 3 %) и Si(Al) (содержание алюминия – 3–5%). Связь между уровнем содержания алюминия и соотношением в стеклах щелочного и щелочноземельного сырья не прослеживается.

[3] Выражаю благодарность А.Н. Егоркову за консультации и помощь в интерпретации анализов.

По содержанию элементов-примесей печеночно-красные бусы догуннского времени характеризуются следующими особенностями.

В качестве красителя была использована, видимо, медь (содержание 0,8–2,4%) [Галибин, 2001, с. 49]. Содержание олова (0,07–0,3%), традиционно рассматриваемого как глушитель, во всех образцах ниже содержания меди. Это может свидетельствовать о ненамеренном введении этого элемента в состав стекла: например, олово могло попадать в образец вместе с медью в качестве оловянистой бронзы [Галибин, 2001, с. 50]. Как отмечает В.А. Галибин, в восстановительных условиях сама медь в концентрациях более 0,4% ведет к образованию непрозрачного печеночно-красного стекла; олово может выполнять роль защитного окисла, препятствующего образованию крупных частиц коллоидной меди [Галибин, 2001, с. 33].

По содержанию свинца, одним из основных свойств которого является понижение температуры плавления стекла, бусы неоднородны [Галибин, 2001, с. 41]. В двух изделиях (Заречье, погр. 102; тянутая палочка; тянутая трубочка; табл. 4: 6, 7) свинец составляет менее 0,1% и может быть случайной примесью; в остальных случаях он введен в состав стекла намеренно. Две бусины, изготовленные из тянутых палочек, выделяются по повышенному содержанию свинца – 6,3 и 7% (табл. 4: 1, 5); в остальных образцах его концентрация не превышает 0,8%. Возможно, что со свинцом в стекло попала сурьма, которая может быть его геохимической характеристикой (0,06–0,4%) [Галибин, 2001, с. 50].

Стекла неоднородны и по содержанию марганца (0,2–0,7%; граница искусственного введения определена В.А. Галибиным как 0,5% [Галибин, 2001, с. 48–49]). В качестве случайной примеси этот элемент мог попадать, прежде всего, с растительной золой [Галибин, 2001, с. 49]. Интересно, что незначительное содержание марганца фиксируется в данной группе во всех стеклах, как в зольных, так и в тех, что могут быть отнесены к содовым. Основная функция марганца, как намеренной технологической добавки – обесцвечиватель; в бусах красного глухого стекла выполнять свою основную функцию он не мог.

Гуннское и постгуннское время (группы II–IV). Подавляющее большинство стеклянных изделий гуннского времени представлено наборами, основу которых составляет рубленый бисер в сочетании с бусами, изготовленными из тянутыми палочек и в технике однократного обертывания (группа II; табл. 4: 18–37). Они доживают до рубежа V–VI вв. Нужно отметить достаточно устойчивое соотношение стеклообразующих элементов, характерное для этой группы бус, несмотря на разницу в технологии их изготовления. Они представлены подтипами Na(K)-Ca(Mg) и Na(K)-Ca,Mg по системе В.А. Галибина и могут быть интерпретированы как зольные стекла, сваренные на сырье, происходящем из аридной зоны Востока [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36]. По классификации Ю.Л. Щаповой, все они также являются зольными с использованием, в качестве дополнительного щелочного сырья, доломитовых известняков и доломитов [Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2–3].

Так же, как и стекла догуннской группы, они неоднородны по содержанию алюминия; оно колеблется от 1 до 5% – подтипы Si и Si(Al).

В качестве красителя использована медь (1,3–4,4%). Как и в догуннских экземплярах, количество олова в образцах (0,04–0,9%) не превышает содержание меди, следовательно, оно могло быть введено случайно, вместе с медью. Встречены также два образца тянутых палочек (табл. 4: 28–29), в которых олово не зафиксировано.

Низкое содержание марганца (не превышает 0,2%) свидетельствует о его ненамеренном введении; в таких концентрациях он мог попасть в шихту с растительной золой [Галибин, 2001, с. 49].

Содержание свинца в бусах этой группы составляет 0,2–1,9%; здесь же встречен единственный во всей выборке образец, в котором этот химический элемент не фиксируется (табл. 4: 37). В отличие от бус догуннского времени, образцы из наборов этой группы не содержат сурьмы, которая могла попадать в шихту вместе со свинцом; исключение составляет одна бусина, изготовленная из тянутой палочки (табл. 4: 22).

Только в этой группе зафиксированы образцы, в состав которых входит незначительное количество серебра (0,01 %). Оно встречается в трех образцах, представляющих изделия разных технологических групп – однократное обертывание и рубленый бисер (табл. 4: 20, 34–35).

Устойчивый набор технологических схем изготовления бус в сочетании с однородностью их химического состава на уровне основных стеклообразующих элементов может говорить о том, что мастерские, в которых были изготовлены данные изделия, работали в единой традиции стекловарения и были связаны с одним регионом стеклоделия. Некоторые различия в рамках этой группы фиксируются на уровне элементов-примесей. С технологией изготовления бус они напрямую не связаны. Можно предположить, что эти различия обусловлены разницей в сырье, которое использовалось разными мастерскими.

К изделиям группы II близка по химическому составу бусина, изготовленная из тянутой палочки и происходящая из погребения с бусами, выполненными в технике навивки (группа III; табл. 4: 43). В качестве особенностей можно выделить отсутствие олова и низкое содержание свинца (0,03%).

Бусы, изготовленные в технике навивки и составляющие основу групп III и IV (табл. 4: 46–56), как и изделия догуннского времени, по составу основных стеклообразующих элементов разнородны. Среди 11 проанализированных образцов выделяются:

- стекла подтипов Na(K)-Ca(Mg), Na(K)-Ca,Mg и Na,K-Ca(Mg) по системе В.А. Галибина [Галибин,

2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36], которые интерпретируются как сваренные на растительной золе – 6 изделий, причем 1 из них – условно, так как количество магния в них несколько ниже табличного, предусмотренного для этого класса (табл. 1: 48–51, 53– 54). По классификации Ю.Л. Щаповой они также относятся к зольным стеклам [Щапова, 1989, с. 96–97, табл. 2].

- стекла подтипа Na-Ca(Mg) по системе В.А. Галибина [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36] – 3 изделия (табл. 4: 52, 55–56). По составу щелочных элементов эти стекла соответствуют содовым, но содержание магния в них слишком высоко. Возможно, эти стекла были изготовлены на основе соды, выделенной путем выщелачивания из золы растений [Галибин, 2001, с. 76]. По классификации Ю.Л. Щаповой они интерпретируются как содовые, изготовленные с использованием, в качестве дополнительного щелочноземельного сырья, доломитовых известняков [Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2–3].

- стекла подтипа Na(K)-Ca по системе В.А. Галибина [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36] – 2 изделия (табл. 4: 46–47). По содержанию щелочных элементов они близки к зольным, а по содержанию щелочноземельных – к содовым. В.А. Галибин отмечал, что подобное стекло может быть сварено на золе, однако эта особенность характерна для наиболее ранних ближневосточных стекол, когда в качестве сырья использовались растения с низким содержанием магния [Галибин, 2001, с. 73]. Они также могут быть сварены на основе соды, изготовленной путем выщелачивания золы [Галибин, 2001, с. 76]. По классификации Ю.Л. Щаповой, данное стекло интерпретируется как зольное [Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2].

Несмотря на разницу в химическом составе на уровне щелочных и щелочноземельных элементов, для изделий групп III и IV характерен ряд общих устойчивых признаков.

Бусы этой группы отличает высокое, на фоне изделий групп I и II, содержание алюминия. Только одно изделие содержит менее 3% алюминия (подтип Si по системе В.А. Галибина; табл. 4: 56). В остальных образцах содержится 3,6–5,5% алюминия – подтипы Si(Al) и Si, Al [Галибин, 2001, с. 69, табл. 29].

Бусы, изготовленные в технике навивки, однородны также по содержанию технологических добавок.

В первую очередь необходимо выделить присутствие во всех изделиях этой технологической группы кобальта, традиционно являющегося сильным красителем синего цвета, наличие которого в красных бусах представляется необъяснимым. По наблюдению В.А. Галибина, кобальт иногда попадал в состав стекла как примесь железа или марганца [Галибин, 2001, с. 49]. Намеренное введение этих химических элементов в стекло, из которого изготовлены данные бусы, также сложно объяснить.

Кроме высокого содержания алюминия и присутствия кобальта, из рассмотренной выборки бус групп III и IV выделяются:

- высоким содержанием свинца (3,3–14%);

- высоким, 0,5% и более, содержанием марганца. По мнению В.А. Галибина, подобная концентрация марганца свидетельствует о его искусственном введении [Галибин, 2001, с. 49]. В данном случае возможно, также, что часть марганца является примесью к кобальту, а часть могла входить в состав растительной золы.

- высоким содержанием олова (4,5–14%), во всех образцах превышающим содержание меди (2,1–7%), что свидетельствует о его намеренном введении, видимо, в качестве глушителя. Это также отличает рассмотренные бусы от изделий групп I–II.

- более высокое, на фоне остальных бус, содержание железа (до 2,8%) и меди (не менее 2,1%). Высокое содержание меди в этих бусах может говорить о том, что часть ее могла попасть в состав стекла вместе с кобальтом.

- наличием в части образцов никеля (табл. 4: 46–47, 50–52, 55–56). По наблюдению В.А. Галибина, никель никогда не вводился специально и является обычно геохимической характеристикой сырья; в частности, никель может быть примесью кобальта [Галибин, 2001, с. 49]. В этом случае можно говорить об использовании при изготовлении стекла данных бус разного кобальтового сырья.

- переменное присутствие в бусах сурьмы, не имеющее хронологического значения (табл. 4: 46–47, 50, 52, 55–56). Практически во всех случаях сурьма встречается в образцах вместе с никелем; присутствие никеля при отсутствии сурьмы зафиксировано только в одном образце (табл. 4: 51).

Интересен факт, что кобальт с большим содержанием таких примесей, как медь и марганец, характерен для стекол Европы и Восточного Средиземноморья, которые варились на основе природной соды [Галибин, 2001, с. 48]. Содовые стекла, окрашенные кобальтом с высоким содержанием свинца, меди и железа, были обнаружены, в частности, в мастерской 2-ой половины VII в., раскопанной на территории современного Бейрута [Gratuze, 2000, p. 293]. В кобальте «восточного» (предположительно, иранского) происхождения таких примесей нет [Галибин, 2001, с. 48]. В данной же группе зольные стекла, характерные для аридной зоны Востока, представлены большинством образцов. Кобальт, использованный для окраски как зольных, так и содовых стекол, имеет близкие характеристики; лишь переменное присутствие в образцах никеля и сурьмы может говорить о его происхождении из разных источников. Эта характеристика никак не связана с соотношением основных стеклообразующих элементов: никель содержится как в зольных, так и в содовых образцах.

Самой непостоянной по химическому составу группой среди образцов V – 1-ой половины VII вв. является бисер, изготовленный из тянутой трубочки при помощи щипцов (табл. 4: 38–40, 44–45). Он встречается в наборах бус групп II, II/III и, в качестве исключения, III и IV.

По соотношению основных стеклообразующих элементов эта группа изделий также неоднородна. Необходимо, прежде всего, выделить единственный во всей рассмотренной выборке образец стекла, которое относится к классу Na-Ca по системе В.А. Галибина (табл. 4: 45) и однозначно интерпретируется как содовое [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36; Щапова, 1989, с. 96–97, табл. 2–3].

Два образца (группа II – табл. 4: 40; группа III – табл. 4: 44*)* относятся к классу Na(K)-Ca(Mg) и интерпретируются как зольные [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36; Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2–3].

Два образца группы II относятся к классу Na(K)-Ca по системе В.А. Галибина (табл. 4: 38–39). Изделия отличает переменное содержание алюминия (1,5–4,8%, подтипы Si и Si(Al).

Практически все образцы содержат 0,5% и более марганца, что свидетельствует обычно об его искусственном введении [Галибин, 2001, с. 48–49]. Исключение составляет изделие из могильника Кораблино, в котором содержание марганца чуть ниже – 0,3% (табл. 4: 44).

Образцы бисера, происходящие из наборов с бусами, выполненными в технике навивки (табл. 4: 44–45) имеют много общего с ними и на уровне химического состава. Они содержат кобальт; содержание олова (2,3–5,7%) превышает содержание меди (1,4–2,7%); так же, как и навитые бусы, их характеризует высокая концентрация свинца (7–11%) и марганца (0,3–1,2%).

Образцы аналогичного по технике изготовления бисера из групп I/II и II (табл. 4: 17; 38–40), так же, как и остальные бусы этой группы, не содержат кобальт. Содержание свинца в них варьируется от 2,2 до 13%. От прочих изделий группы II их отличает высокое содержание олова (1,6–5,7%), превышающего содержание меди (1,8–3,9%).

Отдельного рассмотрения заслуживают бусы из погребения 99 могильника Кораблино (табл. 4: 41–42). Данное захоронение относится к группе II, однако оно содержит не вполне типичный набор бус – изделия, изготовленные из тянутой палочки в сочетании с бисером, выполненным из тянутой трубочки при помощи щипцов. Их химический состав также отличается от состава бус этой группы. Были проанализированы один образец бусины, изготовленной из тянутой палочки (табл. 4: 41), и один экземпляр бисера (табл. 4: 42), происходящие из этого погребения. Бисер по составу стеклообразующих элементов относится к подтипу Na(K)-Ca, а бусина занимает промежуточное положение между подтипами Na(K)-Ca(Mg) и Na(K)-Ca по системе В.А. Галибина [Галибин, 2001, с. 69, табл. 29]. Подобный состав не характерен для изделий группы II и более распространен среди бус, выполненных в технике навивки. С последними их сближает еще ряд признаков:

- наличие кобальта,
- высокое содержание свинца (10–11%),
- высокое содержание марганца (0,5%),
- высокое содержание олова (4,8–5,7%), превышающее содержание меди (2,7–3%).

Отличает эти бусы от изделий, изготовленных в технике навивки, более низкое содержание алюминия – оно составляет 1,5–2% (подтип Si).

Золотостеклянные бусы и бисер (прозрачное бесцветное стекло).

Определен химический состав семи изделий, изготовленных в этой технике (табл. 5), выполненных из бесцветного прозрачного стекла, из отрезков тянутых трубочек. Они представлены двумя крупными бусинами, происходящими из раннего горизонта Кошибеевского могильника (группы К1-2; табл. 5: 1–2), четырьмя многочастными пронизями (тип ЗАI2) (табл. 5: 3–6) и одной бусиной, происходящей из погребения гуннского времени могильника Кораблино, также условно отнесенной к типу ЗАI1 (табл. 5: 7).

Догуннское время. Крупные золотостеклянные бусы Кошибеевского могильника относятся к подтипам Na-Ca (табл. 5: 1) и Na-Ca(Mg) (табл. 5: 2) по системе В.А. Галибина. Пронизи представлены одним изделием подтипа Na-Ca (табл. 5: 4), двумя – подтипа Na-Ca(Mg) (табл. 5: 3, 6) и одним – промежуточным между этими двумя подтипами (рис. 5: 5). Стекла подтипа Na-Ca можно интерпретировать как сваренные по классическому античному рецепту на природной соде [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36], а те, что относятся к подтипу Na-Ca(Mg), могут быть изготовлены из соды, полученной путем выщелачивания золы [Галибин, 2001, с. 76]. Зольные стекла среди золотостеклянных изделий догуннского времени отсутствуют.

По классификации Ю.Л. Щаповой, все изделия, происходящие из Кошибеевского могильника – две крупные бусины (табл. 5: 1–2) и одна многочастная пронизь (табл. 5: 3) относятся к зольным стеклам, изготовленным с использованием в качестве дополнительного сырья доломитов и доломитовых известняков. Однако абсолютное содержание калия в этих образцах (до 1,7%) слишком низко для зольных стекол [Галибин, 2001, с. 69; табл. 29]. Три экземпляра пронизей, происходящие из могильников Кораблино и Заречье 4 (табл. 5: 4–6), могут быть интерпретированы как содовые [Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2].

Содержание алюминия (2,6–4,2%) позволяет отнести рассмотренные изделия к подтипам Si и Si(Al) [Галибин, 2001, с. 69; табл. 29].

Крупные золотостеклянные бусы и пронизи близки между собой по содержанию технологических добавок.

В качестве обесцвечивателя, видимо, была использована сурьма или марганец совместно с сурьмой – по мнению В.А. Галибина, второй рецепт применялся при обесцвечивании содовых стекол, начиная со II–III вв. н.э. [Галибин, 2001, с. 38]. Низкое содержание марганца (не более 0,2%) не позволяет точно определить его роль – он может быть случайной примесью.

В качестве особенностей химического состава этих изделий можно отметить присутствие во всех пронизях (табл. 5: 3–6) и в одной бусине (табл. 5: 1) незначительного количества серебра (0,01–0,02%). Один образец (табл. 5: 4) содержит небольшую примесь свинца (0,03 %).

Гуннское время. Золотостеклянная бусина из погр. 16 могильника Кораблино (табл. 5: 7) является частью ожерелья группы II/III. По системе В.А. Галибина, это стекло относится к подтипу Na(K)-Ca(Mg) и сварено на золе солончаковых растений. По классификации Ю.Л. Щаповой, данное изделие также является зольным с добавлением в качестве щелочноземельного сырья доломитов [Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2–3]. Бусы, стекло которых изготовлено по восточному рецепту, характерны для наборов группы II и нередки в наборах группы III.

По содержанию алюминия (3,3%) изделие относится к подтипу Si(Al) [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36].

В качестве обесцвечивателя мог быть использован марганец, хотя его концентрация в образце (0,2%) невысока, особенно для зольного стекла [Галибин, 2001, с. 48–49].

Непонятно назначение в образце меди (0,3%). В.А. Галибин отмечает, что в редких случаях присутствие в стекле довольно больших количеств меди не вызывает его окрашивания [Галибин, 2001, с. 34].

Двухслойные бусы (бесцветное прозрачное + красное глухое стекло).

В эту группу (табл. 6) вошли бусы и бисер, имеющие основу прозрачного неокрашенного стекла, бесцветного или слегка зеленоватого, покрытую сверху слоем красного глухого стекла.

Из 6 образцов четыре представлены изделиями, изготовленными из тянутых трубочек при помощи щипцов (табл. 6: 1–4); одно – бусиной, изготовленной из отрезка тянутой палочки (табл. 6: 5); одно изделие выполнено в технике однократного обертывания (табл. 6: 6).

Основная сложность при работе с образцами бус этой группы заключается в том, что полностью отделить слой красного глухого стекла от бесцветной прозрачной основы практически невозможно, поэтому результат анализа часто отражает одновременно состав как красного глухого, так и прозрачного стекла с некоторой погрешностью. Только у одного образца (однократное обертывание) (табл. 6: 6) удалось отделить красное стекло без примеси неокрашенной основы; основа четырех образцов тянутых трубочек представлена преимущественно прозрачным неокрашенным стеклом (табл. 6: 1–4); в образце тянутой палочки (табл. 6: 5) преобладает красное глухое стекло.

Догуннское время. Бусы догуннской группы представлены тремя изделиями, изготовленными из тянутых трубочек при помощи щипцов. По составу основных стеклообразующих элементов одно из них относится к подтипу Na-Ca(Mg) (табл. 6: 3), а два занимают промежуточное положение между подтипами Na-Ca(Mg) и Na(K)-Ca(Mg) (табл. 6: 1–2) по системе В.А. Галибина [Галибин, 2001, с. 69, 86–87, табл. 29, 35–36]. По классификации Ю.Л. Щаповой, первый образец можно интерпретировать, как изготовленный на природной соде, а два других – на золе солончаковых растений; во всех трех случаях в качестве дополнительного щелочноземельного сырья использованы доломиты [Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2–3].

По содержанию алюминия (3,3–3,9%) все бусы относятся к подтипу Si(Al) [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36].

Необходимо отметить также присутствие в этих стеклах элементов, традиционно использующихся в качестве обесцвечивателей [Галибин, 2001, с. 38], – сурьмы и марганца – в довольно высокой концентрации (0,2–0,8%).

При этом образцы из Кошибеевского могильника (табл. 6: 1–2) по содержанию марганца (0,6–0,8%) резко отличаются от того, что происходит из Кораблино (0,2%; табл. 6: 3). Различны они и по содержанию свинца (соответственно, 2–6% и 0%) и олова (0,06–0,1% и 0%). Возможно, что эти различия вызваны разницей в рецепте изготовления стекол и говорят об их разном происхождении.

Гуннское время. Стекла двухслойных бус группы II, выполненных из тянутой палочки и в технике однократного обертывания (табл. 6: 5–6), относятся к подтипу Na(K)-Ca(Mg) и интерпретируются, как и все образцы этой группы, как сваренные на золе солончаковых растений аридной зоны Востока [Галибин, 2001, с. 69, 86–87; табл. 29, 35–36; Щапова, 1989, с. 96–97; табл. 2–3]. По содержанию технологических добавок они также близки стеклам этой группы.

Вопросы происхождения и поступления бус на территорию Среднего Поочья

Одними из наиболее дискуссионных являются вопросы, связанные с происхождением и путями поступления бус в лесную зону Восточной Европы. В эпоху позднего римского времени и раннего средневековья основными изготовителями стекла попрежнему оставались центры регионов Месопотамии и Восточного Средиземноморья [Щапова, 1978; Галибин, 2001, с. 73, 86–87]; известны также многочисленные мастерские в Европе – в провинциях и в зонах влияния Римской империи, работающие чаще всего на привозном сырье. Это сильно осложняет задачу определения центра производства.

По мнению Ю.Л. Щаповой, при решении данной задачи наиболее значимыми критериями являются технология изготовления и химический состав бус, который включает в себя, в первую очередь, сведения о сырье, выраженные в соотношении основных стеклообразующих элементов, щелочных – натрия и калия и щелочноземельных – кальция и магния [Щапова, 1983, с. 104].

Результаты анализов печеночно-красных бус показали, что в рассмотренной выборке прямая связь между технологией изготовления бусины и химическим составом стекла не прослеживается. Так, среди изделий группы I, выполненных и из тянутой палочки, и из тянутой трубочки, встречаются как содовые, так и зольные стекла. В то же время, бусы группы II, представленные исключительно зольными стеклами, изготовлены по трем разным технологическим схемам: из тянутых трубочек, из тянутых палочек и путем однократного обертывания. И, наконец, бусы групп III и IV, выполненные в одной и той же технике – путем навивки стеклянной массы на инструмент – также представлены и зольными, и содовыми стеклами одновременно.

При этом наборы, относящиеся к разным группам, в целом отличаются друг от друга, как по технологии изготовления представленных в них бус, так и по химическому составу стекла. Это дает основание предположить, что бусы различных групп были изготовлены в разных производственных центрах.

Столь высокой концентрации печеночно-красных, а на раннем этапе – и золотостеклянных бус за пределами Волго-Окского междуречья в Центральной России неизвестно. Это обусловлено особенностями традиционного женского костюма финно-угорского населения III–VII вв., в котором основным цветом ожерелья был красный, на ранних этапах сочетавшийся с «золотым». Исходя из этого, можно предположить, что подобные бусы поставлялись на данную территорию населением, которое было в постоянном контакте с финскими племенами и хорошо знало их вкусы.

К сожалению, мы не располагаем выборкой результатов химического состава печеночно-красных и золотостеклянных бус, сопоставимой со «среднеокской», которая позволила бы получить информацию о путях их поступления к финскому населению. Однако в целом по стеклу рассматриваемого периода накоплена большая база данных [Щапова, 1998; Галибин, 2001 и др.]. Это позволяет сравнить их, в первую очередь, на уровне основных стеклообразующих, т.е. получить информацию о характере сырья, из которого они были изготовлены.

Догуннское время *(группы K1-3, Ia-b).* Наиболее ранние наборы Кошибеевского могильника, представленные крупными золотостеклянными бусами (тип ЗАI1), так же, как и весь вещевой комплекс этого времени, имеют аналогии как в памятниках Западного Поволжья – Андреевском кургане и чегандинских древностях, так и в Прикамье [Генинг, 1970, с. 189–191; Степанов, 1980, с. 34, табл. 12: 14; Гришаков, 1998, рис. 1А; Голдина, 2003, табл. 1.2: 1–5 и др.]. Широко известны они и в античных некрополях позднеримского времени [Алексеева, 1978, с. 30, табл. 26: 11, 13–14]. Бусы этого типа (табл. 5: 1–2), изготовлены из стекла, сваренного на основе того же сырья и с использованием тех же обесцвечивателей, что и широко распространенный на среднеокских памятниках золотостеклянный бисер. Однако, в отличие от бисера, крупные золотостеклянные бусы почти не известны в погребениях классических памятников культуры рязано-окских могильников. Хронологический анализ показал, что по времени подобные изделия могли бы существовать в ранних погребениях могильников Среднего Поочья. Видимо, причина их отсутствия заключается не в хронологии, а в характере их поступления в лесную зону России. Не исключено, что часть бус этого типа попала к населению, оставившему Кошибеевский могильник, не напрямую из центра производства, а с группой населения, пришедшей сюда из Западного Поволжья [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а]. Этот вопрос не находит пока однозначного ответа и требует специального изучения.

Все печеночно-красные бусы, в т.ч. и двухслойные, за редким исключением, изготовлены из тянутых палочек и тянутых трубочек. По химическому составу, среди них выделяются стекла, сваренные по т.н. ближневосточному рецепту, т.е. на золе солончаковых растений, и изготовленные на основе соды, но с высоким содержанием магния (подтип Na-Ca(Mg) по системе В.А. Галибина). Обращает на себя внимание полное отсутствие стекла, изготовленного по классическому «античному» рецепту – из «двойной» шихты, сваренной на природной соде (подтип Na-Ca).

Среди золотостеклянных бисера и пронизей, изготовленных из тянутых трубочек, встречены только содовые стекла, как подтипа Na-Ca, так и Na-Ca(Mg).

Подобная разница в сырье золотостеклянных и печеночно-красных бус позволяет предположить, что они были изготовлены в разных производственных центрах.

Наибольшее число аналогий среднеокским бусам массовых типов происходит из памятников Северного Причерноморья позднеримского времени [Алексеева, 1970; 1978; Хайрединова, 1995; Стоянова, 2004а; Высотская, Рыжова, 1999; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001; Столярова, 2001]. К сожалению, большинство опубликованных бус достаточно сложно сопоставить со среднеокскими, так как в основу их систематизации положены, в первую очередь, морфологические признаки и данные о цветовой гамме. Технология изготовления бус подробно изучена только в работе Е.К. Столяровой.

Тем не менее, проведение сравнительного анализа все же возможно. Аналогии печеночно-красным бусам этого периода широко известны на позднеантичных памятниках Северного Причерноморья, Керченского полуострова, Центрального и Юго-Западного Крыма: в Ольвии, Херсонесе, Семеновке, Тиритаке, Ново-Отрадном, Совхозе 10, Пантикапее, Кепах, Тирамбе, Тиритаке, Танаисе, в некрополях Нейзац и Дружное (типы 3, 22 по Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1978, с. 63–65]; типы 3, 15, 20, 46 по Э.А. Хайрединовой [Хайрединова, 1995, с. 61–67; Высотская, Рыжова, 1999, с. 117; Стоянова, 2004а,

с. 264, 266, табл. 1: 5; 8: 14; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 217]). Среди них распространены бусы, выполненные из тянутых трубочек с помощью щипцов (с закраинами у оснований канала [Алексеева, 1978, с. 63; Хайрединова, 1995, с. 61]). Часть изделий по форме и размеру аналогична рязано-окским, изготовленным из тянутых палочек. Возможно, они выполнены в той же технологии [Алексеева, 1978, табл. 33: 4; Хайрединова, 1995, с. 60; Стоянова, 2004а, табл. 1: 5, 14 и др.]. Однако наряду с ними встречаются изделия, изготовленные в технике навивки [Алексеева, 1978, с. 63, тип 3] и однократного обертывания [Хайрединова, 1995, с. 64]. На памятниках Среднего Поочья они не получили распространения в это время. Бусы могильника Бельбек IV выполнены из отрезков тянутых трубочек, тянутых палочек, путем сварки кусков, одно- и многократным обертыванием, навивкой [Столярова, 2001, с. 197]. При этом среди изделий, изготовленных из тянутой трубочки, встречаются бусы, выполненные при помощи отшибания [Столярова, 2001, с. 197]. Эта техника не характерна для изделий, найденных в Среднем Поочье и датирующихся ранее конца IV в.

Золотостеклянный бисер и пронизи также широко известны на перечисленных памятниках римского времени [Алексеева, 1978, с. 29–30, тип 1б; Хайрединова, 1995, с. 72, тип 84а и др.].

У населения черняховской культуры бусы красного глухого стекла широкого распространения не получили, однако там известна серия изделий, аналогичных тем, что были встречены в Среднем Поочье.

Округлые шаровидные и эллипсоидные бусы средних размеров «пурпурного» непрозрачного цвета опубликованы в своде О.В. Бобровской [Бобровская, 1999а, с. 157, тип 22; рис. 5: 1]. Бисер и бусы красного глухого стекла биконической и округлой усеченной дважды формы известны в могильнике Каборга III–IV вв. [Магомедов, 1979, с. 60; рис. X: 7; XIV: 16]. Из этого же памятника происходят «цилиндрические со стеклянной основой» красные бусы [Магомедов, 1979, с. 60; рис. XIV: 15]. Видимо, речь идет о двухслойных изделиях. К сожалению, в перечисленных публикациях нет данных о технологии изготовления этих бус. Судя по форме, они имеют аналогии среди рязано-окских изделий, выполненных из тянутых палочек и из тянутых трубочек. Бусина, изготовленная из отрезка тянутой палочки, была выявлена при изучении коллекции бус Думановского могильника (раскопки В.В. Кропоткина)[4].

В то же время, многие типы бус, широко распространенные в Среднем Поочье, не представлены на памятниках черняховской культуры. Не удалось найти аналогии многочастным пронизям – золотостеклянным и красного глухого стекла, выполненным из тянутых трубочек с использованием щипцов, крайне многочисленным в рязано-окских могильниках.

Бисер и бусы красного глухого стекла округлой, бочонковидной, кольцевидной и призматической форм известны на позднеримских памятниках Центральной Европы. Они происходят с памятников вельбарской и западнобалтской культур фаз B2–D по системе К. Годловского [Tempelmann-Mączyńska, 1985, Type 12, 28, 41, 54; S. 94–95].

Изделия, близкие среднеокским по химическому составу стекла на уровне основных стеклообразующих (подтип Na-Ca(Mg)), известны в Северо-Западном и Западном Причерноморье и примыкающих к ним территориях и тяготеют к дунайскому региону. Они представлены как бусами, так и фрагментами сосудов и оконного стекла и происходят из сарматских памятников Молдавии (Тараклия, Балабанешты, Ст. Кукунешты, Новоселовка, Кодру-Ноу [Галибин, 2001, с. 132–140; № 761, 949, 958, 971, 1003]) и Белгород-Днестровского района Одесской области (Семеновка [Галибин, 2001, с. 134; № 817]), из Запорожья (Аккермень [Галибин, 2001, с. 136; № 861]). Стекло этого подтипа встречено также в кургане Иза I культуры карпатских курганов в Закарпатье [Галибин, 2001, с. 136; № 883]. Найдены подобные изделия и на поселении римского времени Молога II в Одесской области [Галибин, 2001, с. 134; № 812]. На ряде этих памятников есть и зольные стекла, сваренные по ближневосточному рецепту [Галибин, 2001, с. 132–140; № 763–764, 766–767, 771, 803, 807, 811, 951–952, 955, 959, 965, 968 и др.]. Серия стеклянных изделий подтипа Na-Ca(Mg) происходит из мастерских с территории современной Болгарии – с виллы Бела Вода [Щапова, 1998, с. 254; № 47–54], из Кракры и Арбанаса [Щапова, 1998, с. 254; № 55–61]. В мастерской г. Нова 1-ой половины IV в., расположенной на Дунае, встречены одновременно как подобные стекла, так и сваренные по ближневосточному рецепту [Щапова, 1998, с. 60–61].

Мозаичные стекла – содовые «тройной» шихты – в сочетании с зольными также известны на позднеантичных памятниках Болгарии [Щапова, 1998, с. 21, табл. 1].

Аналогичные содовые стекла найдены и на черняховских памятниках IV века: в Подунавье (Нагорное[Галибин, 2001, с. 136; № 853]), в Молдавии (Стынкауцы [Галибин, 2001, с. 144; № 1100]), в Одесской обл. (Кирчак II [Галибин, 2001, с. 144; № 1081]). Более близкие территориально аналогии происходят с черняховских памятников Среднего Поднестровья: из Оселивки, где они встречены в сочетании с «ближневосточными» зольными стеклами [Лихтер, 1988, с. 106; табл. 2], и из мастерской в Комарове [Безбородов, 1964, табл. I: 1; II: 5, 6, 9; III: 15–17].

Что касается Северного Причерноморья, то среди опубликованных результатов анализов стекла I–IV вв. н.э., происходящего с таких памятников, как Ольвия [Галибин, 2001, с. 134; № 793–794, 819–821, 836–837, 921–925, 985–989, 994–996, 1029], Тира

[4] Выражаю признательность А.В. Кропоткину за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

[Галибин, 2001, с. 134; № 838–844, 885–893, 919–920, 1022, 1031–1032], Пантикапей [Галибин, 2001, с. 134; № 845, 916–917, 984, 1030], Херсонес [Галибин, 2001, с. 134; № 822–823, 918], Березань [Галибин, 2001, с. 134; № 990–993], Громовка [Галибин, 2001, с. 134; № 855–857], преобладают сваренные по классическому античному рецепту (класс Na-Ca). Известны там и «ближневосточные» зольные стекла. Бусы же класса Na-Ca(Mg), распространенные среди среднеокских бус красного глухого стекла, крайне редки (Золотое [Галибин, 2001, с. 134; № 793–795]). Необходимо, правда, учитывать, что данная выборка представлена, в основном, фрагментами сосудов и оконного стекла; количество проанализированных в перечисленных публикациях бус, к сожалению, не так велико. Поэтому нельзя исключать, что разница в химическом составе стекол с античных памятников Причерноморья и с территории Среднего Поочья обусловлена разным характером выборок и может объясняться тем, что бусы и сосуды поступали к понтийскому населению из разных производственных центров.

Морфо-технологические аналогии рассмотренным типам бус красного глухого стекла известны и в алано-сарматских памятниках Северного Кавказа. В могильнике Брут II в Северной Осетии (раскопки Т. А. Габуева, В.Ю. Малашева)[5] известны бусы и бисер, изготовленные из тянутых трубочек при помощи ножниц и щипцов, в том числе двухслойные изделия. Однако, наряду с ними, здесь известен и рубленый бисер, распространяющийся в рязано-окских могильниках только с конца IV – начала V в. Анализ химического состава печеночно-красных бус могильника Брут II показал, что они отличаются от среднеокских. В большинстве красных стекол этого памятника стеклообразующим элементом является свинец; его содержание (24–32%) сильно превышает концентрацию всех остальных основных элементов.

Двухслойные и золотостеклянные бусы и бисер могильника Брут II близки рязано-окским не только по форме и технологии изготовления, но и по химическому составу.

Широкая зона распространения рассмотренных морфо-технологических типов бус не позволяет точно определить регион, из которого они поступали к среднеокскому населению. Центры их изготовления тоже, скорее всего, были различными. Химический состав золотостеклянных изделий свидетельствует, скорее, об их восточносредиземноморском происхождении. Традиция золочения бус связывается с египетской школой, однако со временем эта техника получает широкое распространение [Алексеева, 1978, с. 27]. Что касается бус красного глухого стекла, то по своему химическому составу, а точнее, по соотношению стеклообразующих элементов, они находят параллели в Северо-Западном и Западном Причерноморье, включая стеклоделательные мастерские дунайского региона.

Зоны распространения морфо-технологических аналогий бус догуннского времени – Крым, Причерноморье, Центральная Европа, Кавказ – совпадают с территориями, с которых происходят импортные изделия из металла, встреченные в рязано-окских могильниках [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 41].

Гуннское и постгуннское время *(группа II)*. Большинство изделий группы II представлено наборами, в которых преобладает рубленый бисер в сочетании с бусами, изготовленными из тянутых палочек и в технике однократного обертывания. Проанализированные стекла этой группы сварены на основе золы солончаковых растений аридной зоны Востока. Их отличает также достаточно однородный состав элементов-примесей. Это позволяет предположить, что все они, несмотря на разницу в технологии изготовления, были произведены в мастерских одного региона стеклоделия.

Бусы, изготовленные из тянутых палочек, в т.ч. и красного глухого стекла (МЕР 90, 93 по В.Б. Ковалевской) известны в V–VI вв. на территории Кавказа; наибольшая их концентрация наблюдается в Центральном Предкавказье [Ковалевская, 2000, с. 7]. Бисер, изготовленный из тянутых трубочек, как с помощью отшибания, так и с использованием щипцов (МЕР 112 по В.Б. Ковалевской) распространен в V–VI вв. в Крыму и на Кавказе – на Черноморском побережье, Нижней Кубани и в районе Кавказских Минеральных Вод [Ковалевская, 2000, с. 18].

В могильниках Юго-Западного Крыма в V в. подобные типы бус красного глухого стекла не получили распространения; здесь более широко были известны крупные, длиной 1,1–1,7 см цилиндрические, бочонковидные и призматические бусы, изготовленные из монохромного стекла, в т.ч. и красного глухого [Хайрединова, 2002а, с. 64; рис. 7: 2–3]. В рязано-окских могильниках такие изделия представлены единичными экземплярами.

Изделия из стекла, изготовленного на золе солончаковых растений и датированные V в., известны на территории Узбекистана (Зар-Тепе [Галибин, 2001, с. 144; № 1082–1083], Кайгарач [Галибин, 2001; с. 144; № 1089–1091]) и Казахстана (Якши-Янгиз-Тау [Галибин, 2001, с. 144; № 1102]), на Северном Кавказе (Клин-Яр [Галибин, 2001, с. 144; № 1110–1111, 1113–1115, 1119–1120; с. 146; № 1153–1155]), а также в Крыму (Малая Садовая [Галибин, 2001, с. 146; № 1162–1163]).

Стекло, сваренное на основе золы, связывается исследователями с «районами Месопотамии и/или Сирии» [Щапова, 1978, с. 100]. Изделия, изготовленные из тянутой трубочки, преобладающие в наборах данной группы, Ю.Л. Щапова также считает сирийскими [Щапова, 1978, с. 99–100].

Ближневосточные импорты хорошо известны в конце IV–V вв. на территории Восточной Европы;

[5] Выражаю благодарность авторам раскопок Т. А. Габуеву и В.Ю. Малашеву за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

прежде всего, это иранские импорты и заимствования гуннского и постгуннского времени. Особая их концентрация отмечается на Северном Кавказе, особенно в Осетии и Дагестане, и в Урало-Камском регионе [Казанский, 2002, с. 193]. Ирано-сасанидское влияние прослеживается, в частности, в инвентаре могильника Брут на территории Осетии. По мнению Т.А. Габуева, а также М.М. Казанского и А.В. Мастыковой, жившие здесь аланы контролировали путь с территории Кавказа по Дарьяльскому ущелью, самому важному на Центральном Кавказе [Gabuev, 2000, p. 138; Kazanski, Mastykova, 2003, p. 85].

В Прикамье иранские импорты представлены деталями поясных гарнитур гуннского времени [Казанский, 2002, с. 195]. С конца V в. в погребальных комплексах Прикамья встречаются также сасанидские монеты [Морозов, 1996, с. 150].

В восточноевропейских степях в гуннское время получают распространение седла, детали которых имеют, судя по всему, иранские прототипы [Дмитриев, 1979; Амброз, 1992, Ахмедов, 2001; Ахмедов, в печати-3]. Их появление связывается исследователями с походами гуннов в Закавказье в конце IV – начале V вв.

Распространение в гуннское время на территории Среднего Поочья наборов бус из стекла, которое, судя по составу, было изготовлено на Ближнем Востоке, могло происходить мирным, торговым путем или быть результатом военных контактов степного населения с Сирией и Ираном.

Появление этих наборов хронологически совпадает с вторжением в 395 г. гуннов в Переднюю Азию и Сирию через территорию Закавказья. Анализируя данные письменных источников, М.М. Казанский и А.В. Мастыкова высказывают предположение о том, что это могли быть как кавказские гунны, «живущие между Меотидой и Кавказскими горами и прошедшие в Азию через Дербент или Дарьяльское ущелье и Армению», так и пришедшие из степей современной Украины, которые, чтобы попасть в Азию, «пересекли Танаис» [Kazanski, Mastykova, 2003, p. 72].

Это вторжение не было единственным прямым контактом гуннских племен с населением Ближнего Востока. В 420–430-е годы гуннские войска под руководством Васиха и Курсиха совершают поход в Закавказье (Казанский, Мастыкова, 2004, с. 168). В 440-х гг. гунны участвуют в войне между Арменией и сасанидским Ираном [Kazanski, Mastykova, 2003, p. 73]. В 503 г. были проданы гуннам и приведены в кавказские степи пленные жители Амиды, города на Тигре, захваченного персами [Kazanski, Mastykova, 2003, p. 106]. Не исключено, что в результате к гуннам попали не только жители, но и импорты ближневосточного производства.

Изучив зоны распространения различных типов бус на территории Кавказа, В.Б. Ковалевская делает вывод о разных путях распространения изделий, изготовленных из отрезков тянутых палочек (через Дагестан и Дарьяльское ущелье на запад) и бисера (с территории Крыма через Черное море на Северо-Западный Кавказ и далее на восток), в то время как на территории Среднего Поочья они составляют единые наборы. По мнению В.Б. Ковалевской, на Северо-Западный Кавказ бисер поступал морскими понтийскими путями и распространялся далее на восток, в частности, в район Кавказских Минеральных Вод [Ковалевская, 2000, с. 34]. На территории Кавказа есть три памятника, на которых в V–VI вв. встречены одновременно бусы, изготовленные как из тянутых палочек, так и из тянутых трубочек – это могильники Дюрсо на Черноморском побережье, Пашковский на Средней Кубани и Мокрая балка в Кисловодской котловине [Ковалевская, 2000, с. 18], однако подобные наборы там малочисленны.

Таким образом, вполне вероятно, что проникновение наборов бус группы II в Среднее Поочье связано с военной активностью гуннов на кавказском направлении. При этом остаются неясны механизмы их попадания в лесную зону. Возможно также их поступление понтийским путем из Сирии на территорию Северного и Северо-Западного Причерноморья, как это предполагала В.Б. Ковалевская [Ковалевская, 2000, с. 34].

Причину исчезновения данных наборов на рубеже V/VI вв., видимо, следует искать в изменении политической и этнокультурной ситуации в степной и лесостепной зоне, что было связано с распадом гуннской державы и последовавшими за ним событиями. В частности, примерно в это же время на Острой Луке Дона прекращает свое существование Замятинский археологический комплекс (см. в главе 2), который, по мнению А.М. Обломского, «играл роль своеобразного моста между Северным Причерноморьем, степями и Поочьем» [Острая Лука..., с. 166]. Другой причиной может быть экономический упадок Сирии, предполагаемом месте производства рассматриваемых бус, начавшийся во 2-ой трети VI в. [Мастыкова, 2001, с. 90].

Группы III и IV. Бусы групп III и IV близки между собой как по технологии изготовления (техника навивки), так и по химическому составу стекла. Изделия группы IV отличает лишь большее разнообразие форм, в основном за счет наличия многочастных бус и изделий низкого качества, выполненных из плохо разогретой стеклянной массы (тип KAIV3, «винтообразные»), а также разнообразие оттенков цвета. Для бус этих групп характерен переменный химический состав стекла на уровне щелочных и щелочноземельных элементов, предполагающий их разное происхождение: здесь встречены как зольные стекла, изготовленные по ближневосточному рецепту, так и сваренные на соде, полученной, возможно, путем выщелачивания растительной золы. Наряду с этим, на уровне элементов-технологических добавок состав этих стекол однороден и является уникальным: наличие в красных стеклах кобальта, красителя синего цвета, с рядом геохимических примесей (медь, марганец и др.), одина-

ковых во всех бусах, указывает на то, что все эти изделия были изготовлены в круге мастерских одной стеклоделательной школы. Говоря о происхождении сырья, необходимо добавить, что кобальт с большим содержанием примесей, входящий в состав этих стекол, обычно использовался мастерскими, варившими стекло не на золе, а на природной соде [Галибин, 2001, с. 48]. В данной же выборке велика доля зольных стекол, содержащих кобальт с подобными характеристиками. Можно предположить, что эти бусы были изготовлены в мастерских, которые работали на привозном сырье, поступавшем из разных регионов.

На Кавказе бусы красного глухого стекла, выполненные в технике навивки, в V–VII вв. встречены в могильнике Дюрсо [Ковалевская, 2000, с. 30, МЕР 139]. Известны они также по материалам некрополей Юго-Западного Крыма. В частности, подобные изделия происходят из склепа 77 могильника Лучистое [Aibabine, Khairedinova, 1997, p. 71, 75; fig. 1]. По любезному сообщению А.В. Мастыковой, аналогичные бусы известны также в Боспорском некрополе. Анализы двух бусин этого некрополя, идентичных по хизмическому составу среднеокским, опубликованы В.А. Галибиным [Галибин, 2000, с. 254–255; № 10–11].

На возможное происхождение рассмотренных типов бус может указывать направление связей населения, в состав костюма которого они входили.

Как отмечала В.Б. Ковалевская, на территории Северного Кавказа в V–VII вв. такие изделия известны только в могильнике Дюрсо, причем время наибольшего их распространения приходится на ранний период – V–VI вв. [Ковалевская, 2000, с. 30]. Этот памятник был оставлен готами-тетракситами, переселившимися сюда после разгрома в 50–60-х гг. V в. объединений, возглавляемых гуннами в Подунавье [Дмитриев, 1979, с. 57; 2003, с. 205; Казанский, 2001, с. 41]. По любезному сообщению А.В. Мастыковой, такие бусы происходят также из некрополя Мокрая Балка (катакомба 5), однако там они очень немногочисленны и представлены всего двумя экземплярами. Отсутствие аналогичных бус на всей остальной территории Северного Кавказа может свидетельствовать о том, что в Дюрсо они могли попасть вместе с населением, пришедшим на эту территорию в середине V в.

В костюме населения, оставившего могильники Юго-Западного Крыма, с 1-ой половины V в. ощущается влияние дунайской моды [Амброз, 1966, с. 91; 1968, с. 11–21; Хайрединова, 2002а, с. 84]. Исследователи неоднократно отмечали, что металлические изделия дунайского производства массово представлены на территории Юго-Западного Крыма, начиная уже с 1-ой половины V в. [Амброз, 1995; Айбабин, 1990, с. 69–70; 1999, с. 79–81; Хайрединова, 2002а, с. 78]. Поясные гарнитуры, выполненные в дунайском стиле, известны и на территории Среднего Поочья [Амброз, 1970, с. 70–74; Ахмедов, 2003б, с. 84–85, рис. 1].

Не исключено, что и бусы попали на территорию Крыма и Северо-Западного Кавказа с территории Подунавья. По мнению Ю.Л. Щаповой, изготовление бус в технике навивки характерно для молодых стеклоделательных центров [Щапова, 1998, с. 140]. Сочетание характера изготовления бусин с переменным составом сырья, из которого варилось стекло, говорит, скорее всего, о том, что эти изделия были произведены в одной из европейских мастерских, работающей на привозном сырье, куда могли поступать на обработку как ближневосточные зольные, так и содовые стекла. Ю.Л. Щапова предполагала, что бусы, выполненные в технике навивки, связаны с византийским производством [Щапова, 1998, с. 136]. Наличие подобной мастерской на европейской территории Восточной империи отчасти могло бы объяснить особенности состава этих бус: сочетание зольного сырья, характерного для Ближнего Востока, с содовым, характерным для средиземноморской, в частности, римской традиции стекловарения, и присутствие кобальтового сырья с большим количеством примесей, характерного для средиземноморских содовых стекол.

Примеры мастерских, работавших одновременно со стеклом, изготовленном на разном сырье, известны на территории Среднего Дуная эпохи позднего римского времени. В одной из них, расположенной на территории современной Болгарии, встречены как зольные стекла, так и содовые с высоким содержанием магния [Щапова, 1998, с. 60–61].

В VI–VII вв. стекла подобного состава – подтипов Na(K)-Ca(Mg) и Na-Ca(Mg) также известны на территории Болгарии – они происходят с поселения Велико Тырново [Галибин, 2001, с. 148, № 1215–1222]. Мозаичные стекла – содовые «тройной» шихты в сочетании с зольными – известны на ранневизантийских памятниках Болгарии VI в. [Щапова, 1998, с. 21, табл. 1].

Аналогичные бусы известны и в западной Европе – точные по форме и технологии изготовления аналогии им происходят из некрополя Либенау в Германии [Siegmann, 2002, t. I.9-10]. В этом же некрополе встречены также бисер и многочастные пронизи красного глухого стекла, выполненные из тянутой трубочки при помощи щипцов, близкие среднеокским изделиям групп II–III [Siegmann, 2002, t. L.19, тип PE2.2.2-31].

Бусы темно-красного и коричневого глухого стекла, выполненные в технологии навивки, были распространены и в меровингских некрополях Северной Франции [Legoux, Périn, Vallet, 2004, p. 43].

Одночастные бусы красного и красно-коричневого глухого стекла округлой усеченной дважды формы встречены в аламанском некрополе Вейнгартен (тип 10), они отнесены к группам B–D (E), датированным 490–610(650) гг. [Theune-Vogt, 1990, p. 30, 32]. Аналогичные многочастные бусы (тип 11) отнесены к другим группам – D–F и датируются более поздним периодом – 570–720 гг. [Theune-Vogt, 1990,

p. 30, 32]. К сожалению, в публикации нет сведений о технологии их изготовления.

Ставя вопрос о месте производства бус групп III–IV, необходимо обратить внимание на разницу в качестве, а иногда – и в технологии их изготовления. В погребении 99 могильника Кораблино V века бусы подобного химического состава изготовлены из тянутой палочки и сочетаются с бисером, выполненным из тянутых трубочек с использованием щипцов; бусы, выполненные в технике навивки, но очень аккуратно и с использованием дополнительной обработки – обкатки и заглаживания оснований канала – также происходят из погребений могильника Кораблино V в. [Румянцева, 2005]. Стекла, из которых они изготовлены, сварены как на основе золы, так и на соде. Остальные изделия, особенно поздние, VI–VII вв., выполнены менее аккуратно, чаще всего не имеют следов дополнительной обработки и нередко изготовлены из плохо разогретой стеклянной массы; следы навивки читаются практически на всех бусах. Особенно низкое качество изготовления характерно для бус хронологической группы IV. Разница в качестве изготовления бус может говорить о том, что они производились из готового стекла, поступавшего из одного и того же центра, но в разных мастерских. Можно предположить, что более поздние бусы в технике навивки, выполненные менее профессионально, с огрехами, из плохо разогретой стеклянной массы, следует связывать не с византийскими, дунайскими, а какими-либо с центрами, более близкими территориально. Исследователи отмечают, что во 2-ой половине V – 1-ой половине VI в. большую роль в распространении византийской и германской моды на территории Юго-Западного Крыма играли мастерские Боспорского царства и Херсонес, где по привозным с Дуная образцам производились металлические детали костюма – фибулы и пр. [Айбабин, 1990, с. 69–70; Aibabine, 1993, p. 163–170; Хайрединова, 2002а, с. 85]. Однако большинство стекол, происходящих как из мастерских Херсонеса конца IV–V вв., так и из боспорских мастерских, по своему составу являются содовыми подтипа Na-Ca, что не характерно для бус Среднего Поочья; изделия же подтипа Na-Ca(Mg), широко распространенные в окском регионе, там единичны. Таким образом, на данный момент вопрос о месте их производства остается открытым.

На территории Среднего Поочья в рассматриваемый период времени известно большое количество металлических импортов, которые находят аналогии в материалах Крыма, а также на Кавказе, в частности, в могильнике Дюрсо; в окском регионе известны и детали костюма, в частности, воинские поясные гарнитуры, имеющие прототипы среди дунайских образцов [Амброз, 1970, с. 70–74; Kazanski, 2000, p. 406–459; Ахмедов, 2001, с. 112; 2003б, с. 83; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175; Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 68].

К сожалению, отсутствие сопоставимой выборки бус из рассматриваемых регионов, изученной на уровне технологии изготовления и химического состава стекла, найти не удалось. Поэтому полученные выводы могут рассматриваться на данный момент лишь как гипотетические.

Заключение

На основании проведенного исследования массовых типов стеклянных бус можно говорить о том, что территория Среднего Поочья в рассматриваемую эпоху представляла собой достаточно однородную зону, имеющую общие источники поступления стеклянных импортов. Исключение составляет восточная часть рассмотренного региона, которая была изучена на материалах Кошибеевского могильника: на ранней стадии (II – 1-ая половина IV вв.) здесь фиксируются наборы бус, не характерные для памятников Среднего Поочья.

Выделяется четыре этапа поступления стеклянных импортов к финскому населению данного региона.

Первый этап (рубеж I/II – рубеж II/III вв.) связан с древностями Кошибеевского могильника раннего горизонта. Он характеризуется присутствием крупных золотостеклянных бус, судя по химическому составу – восточносредиземноморского происхождения. Подобные изделия фактически не фиксируются на других памятниках культуры рязано-окских могильников.

Второй этап начинается не позже рубежа II/III вв. и длится вплоть до начала гуннского времени. Он связан с распространением на рассматриваемой территории новых типов бус – как неизвестных здесь ранее золотостеклянных бисера и пронизей, так и изделий красного глухого стекла. Возможно, что в восточной части региона, у населения, оставившего Кошибеевский могильник, этот этап начинается несколько ранее – в середине/второй половине II в. Золотостеклянные изделия этого времени, как и более ранние, происходят, скорее всего, из Восточного Средиземноморья. Неоднородный химический состав бус красного глухого стекла, наряду с данными их морфо-технологического анализа, позволяет предполагать их европейское, точнее – провинциально-римское происхождение (возможно, дунайский регион).

В конце IV – начале V вв. у населения Среднего Поочья фиксируется резкая смена наборов бус, происходящая за относительно короткий промежуток времени. По времени она совпадает с гуннским нашествием в Европе и характеризуется полным исчезновением всех типов бус III–IV вв. и распространением новых, не известных здесь ранее. Третий этап (рубеж IV/V – рубеж V/VI вв.), гуннское и постгуннское время, связан с поступлением на данную территорию наборов бус двух типов (группы II и III), сильно различающихся между собой как по морфо-технологическим характеристикам, так и по химическому составу стекла.

Бусы группы II появляются в конце IV – начале V вв. и существуют до конца V века. Они могут быть интерпретированы как изделия ближневосточного производства, стекло которых было сварено на золе солончаковых растений; место производства – предположительно, Месопотамия и/или Сирия. Время появления этих бус в Среднем Поочье совпадает с первым походом гуннов в Закавказье.

Бусы группы III получают широкое распространение ближе к середине V в. К рубежу V–VI вв. они, наряду с близкими им наборами группы IV, практически полностью вытесняют все прочие типы стеклянных изделий. С этими украшениями связан четвертый этап (конец V/начало VI – 1-ая половина VII в.). Химический состав, технология изготовления и зона распространения бус групп III и IV позволяет предположить, что они были произведены в одной из мастерских, расположенных на европейской территории Византии, работающей на привозном сырье, и происходят, скорее всего, из дунайского региона. Это предположение косвенно подтверждается не только химико-технологическими характеристиками данных изделий (соотношением основных стеклообразующих, характером кобальтового сырья), но и зоной распространения бус этих типов (Боспорский некрополь, памятники Юго-Западного Крыма, могильник Дюрсо на Кавказе – т.е. там, где широко известны дунайские импорты и заимствования). Находки металлических изделий, выполненных в стиле дунайских украшений, также известны в рассматриваемый период на территории Средней Оки.

Наличие аналогий среднеокским бусам на памятниках Крыма, Северного Причерноморья, Кавказа, Центральной и Западной Европы подтверждает направления культурных связей населения этого региона, ранее выявленные на других категориях находок. При этом переломным моментом для истории данного региона является гуннское нашествие, изменившее ситуацию на юге Восточной Европы и, видимо, нарушившее существовавшие производственные традиции или связи населения лесного и степного регионов. Проведенное исследование показало, что бусы, как наиболее массовый импорт, поступавший к финским племенам Поочья, являются одним из наиболее чувствительных индикаторов, реагирующих на эти события.

Полученные выводы нуждаются в тщательной проверке, прежде всего, на материалах степной и причерноморской зоны. Для этого необходимо изучение выборок бус, сопоставимых со среднеокской.

Таблица 1. Сериация бус Кошибеевского могильника

Комплекс	Тип бус										
	ЗА	ЗА	КА	КА	КА	КА	КА	ДА	ДА	КА	
	I1	I2	Ia1	Ib2	Ib1	II3	II1	Ib1	Ib2	Ia6	
Кош 95 п 45	x	.	.	.	.	.	.	.			
Кош 95 п 61	x	.	.	.	.	.	.	.			
Кош 95 п 64	x	.	.	.	.	.	.	.			Группа К1
Кош 95 п 95	x	.	.	.	.	.	.	.			
Кош 95 п 104	x	.	.	.	.	.	.	.			
Кош 01 п 40	x	.	.	.	.	.	.	.			
Кош 95 п 58	x	x	x	x	.	x	.	.	x		
Кош 95 п2	x	x	x	.	x	.	.	x	x		
Кош 01 п 5	x	x	x	.	x	.	x	.			
Кош 01 п 24	x	x	.	.	.	.	.	.			Группа К2
Кош 01 п 80	x	x	x	x	.	.	.	.			
Кош 95 п 76	x	.	x	x	x	.	x	x			
Кош 95 п 50	x	.	.	x	.	x	.	.			
Кош 95 п 8	.	x	x	x	.	.	.	.			
Кош 95 п 21	.	x	x	x	x	x	x	x			
Кош 95 п 29	.	x	x	x	x	x	x	x			
Кош 95 п 32	.	x	x	x	x	x	x	x		x	
Кош 95 п 49	.	x	x	x	.	.	x	.			Группа К3
Кош 95 п 65	.	x	x	x	.	.	.	.			
Кош 95 п 108	.	x	x	x	x	x	x	x			
Кош 01 п 46	.	.	x	x	x	x	x	.		x	
Кош 01 п 49	.	.	x	x	x	x	x	.		x	

Таблица 2. Синхронизация групп бус Кошибеевского и «классических» рязано-окских могильников и металлического инвентаря

Группа бус КМ*	Группа металлич. инвентаря КМ (женские погребения)**	Группа бус «классических» РОМ***	Группа металлического инвентаря женских погребений по И.В. Белоцерковской****
К1 (рубеж I/II – рубеж II/III вв.)	А (рубеж I/II – 1 пол. II вв.) возможно, начало В1 (2 пол. II – 1 пол. III вв.)		
К2 (2 пол./конец II – середина IV вв.)	В1 (2 пол. II – 1 пол. III вв.) В2 (2 пол. III – 1 пол. IV вв.)	отчасти – I (III – конец IV/начало V вв.)	1–2а (III – 1 пол IV вв.) отчасти – 2б (2 треть IV – конец IV/начало V вв.)
К3 (середина III – конец IV/начало V в.)	В2–С (2 пол. III – IV вв.)	I (III – конец IV/начало V вв.)	1–2б (III – конец IV/начало V вв.)
		I/II (конец IV – начало V вв.)	2б (2 треть IV – конец IV/начало V вв.)
		II (конец IV/начало V – конец V/начало VI вв.)	отчасти 2б – 3 (2 треть IV – V/начало VI вв.)
		II/III (2 дес. V – рубеж V/VI вв.)	3 (V – начало VI вв.)
		III (2 дес. V – I пол. VII вв.)	3; 4 (V – середина VII вв.)
		IV (конец V/началоVI – 1 пол. VII вв.)	финал 3 (?) – 4 (конец V – середина VII вв.)

* КМ – Кошибеевский могильник
** – по [Ахмедов, Белоцерковская, 1999]
*** РОМ – рязано-окских могильников
**** – см. часть 3.3

Таблица 3. Сериация бус «классических» рязано-окских могильников (начало)

	Тип бус																						
Погребение	ЗА	КА	КА	КА	ЗА	ДА	КА	ДА	КБ	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА
	I2	Ia1	Ib2	II1	I3	Ia1	Ia6	Ib1	II1	Ib1	II3	Ic1	Ic2	III1	Ia5	Ia3	IV1	IV2	IV3	IV6	IV4	IV5	
Кор п. 5’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 16’Б	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 80	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 74’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 15’б	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	**группа Ia**					
Кор п. 10’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 74’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 83’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 84’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 29’	x	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.131	x	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 32’	x	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 90’	x	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 23’	x	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 75’	x	x	x	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 17’а	x	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.112	x	x	x	x	.	.	x	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.184	x	x	x	x	.	.	.	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 57’	x	x	x	x	.	x	.	x	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.78	x	x	x	x	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	**группа Ib**					
Кор п. 6’	x	x	x	x	.	.	x	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.7	x	x	x	x	.	.	x	x	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 69’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 41’	x	.	x	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 85’	x	x	x	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 39’	x	x	x	x	x	.	.	x	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 25’	x	x	x	.	.	x	.	.	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.102	x	x	x	x	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.110	x	x	x	.	.	.	.	x	x	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.146	x	x	x	x	.	x	.	.	.	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.172	x	x	x	x	.	.	.	x	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.174	x	x	x	x	.	.	x	.	.	x	x	x	x	.	.	.	.	**группа I/II**					
Зар п. 213	x	x	x	x	.	.	x	.	.	.	x	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.6	x	x	x	x	x	.	x	.	x	x	x	x	.	1	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 75	x	x	x	x	x	.	.	.	.	x	x	.	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 53	x	x	x	x	x	.	.	.	x	x	x	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	
Зар п.77	.	x	x	x	.	.	.	.	.	.	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Ник б/н	.	1	x	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п. 223б	.	x	x	x	.	.	.	x	.	.	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	
Кор п. 62	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.33	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	.	.	x	.	.	.	.	.	.	
Зар п.48	.	.	1	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	
Зар п.55	.	.	.	.	**группа II**						x	x	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	

Зар. - Заречье 4, Ник. - Никитино, раскопки Р.Ф. Ворониной, Ник.* - Никитино, раскопки И.Р. Ахмедова,
Кор. - Кораблино (значком ‘ обозначены погребения мыса 2)

Таблица 3. Сериация бус «классических» рязано-окских могильников (продолжение)

	Тип бус																						
Погребение	ЗА I2	КА Ia1	КА Ib2	КА II1	ЗА I3	ДА Ia1	КА Ia6	ДА Ib1	КБ II1	КА Ib1	КА II3	КА Ic1	КА Ic2	КА III1	КА Ia5	КА Ia3	КА IV1	КА IV2	КА IV3	КА IV6	КА IV4	КА IV5
Зар п.87	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.
Зар п.95	.	.	.	1	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.
Зар п.71б	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.
Ник 77 п.5а	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Кор п. 48	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	x	.	.	.	.	.	.
Ник* п.18	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	x	x	.	.	.	.	.	.
Зар п.44	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	x	.	.	.	.	.	.	.
Зар п.29	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Кор п. 85	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.
Зар п.144	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Кор п.99	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	x	.	.	.	.	.	.
Ник 77 п.7	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
Кор п. 18б	.	.	.	.	.	.	.	.	.	2	x	x	x	x	x	x	x	x	.	.	.	.
Ник п.21	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	x	x	x	x	.	.	.	1	.	.	.	.
Ник* п.22	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	.	.	1	.	.	.	.
Кор п. 16	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	x	x	1	.	.	.
Зар п.100	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	1	.	.	1	.	.	.	.
Зар п.117	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	.	.	.	.	.	.	.
Кор п. 17а	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	1	.	.	.	.
Кор п.28	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.203	.	.	1	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Кор п.134	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник* п.8	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник* п.9	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник* п.70	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник* п.76	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник* п.127	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник* п.106	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Кор п. 148	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	1	.	.	.
Ник* п.96	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник* п.107	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Ник п.15	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.45	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	1
Зар п.51	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.216	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	2	.	.	.	.
Зар п.99	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.233	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.235	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	2	.	.	.	.
Зар п.239Б	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.196	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	1	.	.	.
Зар п.109А	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.111	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.
Зар п.145	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.

группа II

группа II/III

группа III

Зар. - Заречье 4, Ник. - Никитино, раскопки Р.Ф. Ворониной, Ник.* - Никитино, раскопки И.Р. Ахмедова,
Кор. - Кораблино (значком ‘ обозначены погребения мыса 2)

Таблица 3. Сериация бус «классических» рязано-окских могильников (окончание)

	Тип бус																						
Погребение	ЗА	КА	КА	КА	ЗА	ДА	КА	ДА	КБ	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА	КА
	I2	Ia1	Ib2	II1	I3	Ia1	Ia6	Ib1	II1	Ib1	II3	Ic1	Ic2	III1	Ia5	Ia3	IV1	IV2	IV3	IV6	IV4	IV5	
Кор п. 132	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	
Кор п. 17б	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	.	
Кор п. 44	.	.	.	**группа III**				.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	2	.	.	.	.	
Кор п. 148	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	1	.	.	.	
Кор п.33	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	1	.	.	.	
Кор п.147	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	1	.	.	
Зар п.123	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	1	1	.	.	
Ник* п. 2	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	2	.	.	.	
Ник* п. 45	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	2	.	.	.	.	
Зар п.15	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	2	.	.	.	
Зар п.136	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	.	.	.	.	.	.	x	.	.	1	.	
Зар п.75	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	.	.	.	x	1	1	x	.	
Зар п.170	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	.	.	.	x	x	x	x	.	
Ник п.1	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	x	.	.	.	x	x	x	x	.	
Зар п.119	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	x	x	x	.	
Кор п.13	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	.	.	.	
Кор п.174Б	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	x	.	x	.	.	
Кор п.161	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	x	.	x	x	x	x	.	
Зар п.43	.	.	.	**группа IV**				.	.	.	2	.	.	.	.	.	.	x	.	1	.	.	
Зар п. 204	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	x	x	x	x	.	
Зар п.13	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	.	.	
Зар п.42	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	2	2	.	.	
Зар п.46	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Зар п.106	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	2	x	1	.	
Зар п.109	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Зар п.59	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Зар п.178	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Кор п.92	.	1	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Кор п.175	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	.	
Кор п. 25	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	
Кор п.136Б	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	2	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Кор п.171	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Кор п.155	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Зар п.161	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	x	
Кор п.26	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	
Кор п.23	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Кор п.30	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	x	x	.	
Кор п.27	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	x	.	
Кор п.32	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	.	.	x	
Зар п.18	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	x	1	x	1	
Зар п. 201	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	.	.	.	.	x	2	1	.	1	
Зар п.135	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	.	x	1	
Зар п.242	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	x	.	1	1	.	

Зар. - Заречье 4, Ник. - Никитино, раскопки Р.Ф. Ворониной, Ник.* - Никитино, раскопки И.Р. Ахмедова,
Кор. - Кораблино (значком ‘ обозначены погребения мыса 2)

Таблица 4. Результаты анализа химического состава бус красного глухого стекла (начало)

№ группы	№ п/п	Шифр	Памятник	Погр.	Технология	Na2O	K2O	CaO	MgO	Al2O3	Fe2O3	MnO	TiO2	PbO	SnO2	CuO	CoO	Sb2O5	Ag2O	NiO	Au
группа I (К2-3)	1	757-43	Кор	погр 71	палочка	16	2,2	11	1,8	2,2	0,8	0,4	0,08	7	0,3	1,7	0	0,3	0	0	0
	2	770-39	Кош-01	погр 46	палочка	17	1,2	14	2,4	2,6	1,5	0,4	0,2	0,2	0,1	1,9	0	0,2	0	0	0
	3	757-42	Кор	погр 75	палочка	17	1,9	13	2,3	3	1,3	0,4	0,1	0,8	0,1	1,2	0	0,2	0	0	0
	4	770-44	Зар	погр 78	палочка	17	1,4	7,2	1,8	3	1,5	0,3	0,1	0,4	0,2	1,9	0	0,4	0	0	0
	5	757-52	Кош-95	погр 50	палочка	17	1,9	11	2,8	3,2	1,4	0,6	0,2	6,3	0,2	1,9	0	0,2	0	0	0
	6	770-45	Зар	погр 102	палочка	17	0,9	8,1	3,5	4,3	1,6	0,3	0,5	0,05	0,1	1,2	0	0,08	0	0	0
	7	770-46	Зар	погр 102	труб	15	0,9	12	2,7	4	0,9	0,3	0,3	0,08	0,1	0,8	0	0,07	0	0	0
	8	770-48	Зар	погр 174	труб+н	15	1,1	13	2,1	2,9	0,5	0,2	0,2	0,1	0,2	1,6	0	0,1	0	0	0
	9	757-36	Кор	погр 29’	труб+н	16	2,7	13	2,3	2	0,7	0,7	0,1	0,6	0,1	1,8	0	0,2	0	0	0
	10	757-40	Кор	погр 53	труб+н	16	2,4	12	2,8	2,6	0,9	0,4	0,1	0,3	0,2	1,5	0	0,08	0	0	0
	11	757-35	Кор	погр 29’	труб+щ	16	2,1	13	2,8	1,8	1,1	0,4	0,09	0,2	0,05	1,2	0	0,06	0	0	0
	12	770-35	Кош-95	погр 21	труб+щ	20	1,2	15	2,3	2,8	1,6	0,6	0,1	0,3	0,3	2,4	0	0,9	0	0	0
	13	757-41	Кор	погр 53	труб+щ	12	1,5	7,3	1,2	1,2	0,8	0,3	0,05	0,1	0,06	0,9	0	0,07	0	0	0
	14	770-41	Зар	погр 6	труб+щ	17	0,9	6	1,6	1,1	0,6	0,2	0,07	0,2	0,2	1,6	0	0,3	0	0	0
	15	757-49	Кош-95	погр 8	труб+щ	17	2,4	11	3,7	3,4	1,3	0,4	0,1	0,7	0,1	2	0	0,03	0	0	0
	16	757-32	Кор	погр 16’	не опред	17	1,8	12	1,6	2,8	0,8	0,2	0,2	0,8	0,07	1,1	0	0,08	0	0	0
I-II	17	757-37	Кор	погр 82	труб+щ	15	2,9	11	1	3	1,5	0,6	0,3	10	5,7	1,8	0	0	0	0	0
группа II	18	758-18	Ник*	погр 127	однокр оберт	20	3,6	10	0,9	3,6	1,1	0,1	0,3	0,2	0,1	2,2	0	0	0	0	0
	19	758-25	Ник*	погр 18	однокр оберт	19	3,4	9	3	2,3	1,6	0,07	0,2	0,4	0,4	1,3	0	0	0	0	0
	20	750-21	Ник	погр 21	однокр оберт	16	3,5	9	3,9	2,6	1,1	0,05	0,04	1	0,1	1,3	0	0	0,01	0	0
	21	750-22	Ник	погр 21	однокр оберт	16	4	6	3,9	1	1,3	0,03	0,1	1	0,2	1,7	0	0	0	0	0
	22	758-19	Ник*	погр 95	палочка	18	4,5	12	0,9	2,3	1,1	0,2	0,3	0,9	0,3	2,2	0	0,04	0	0	0
	23	758-26	Ник*	погр 22	палочка	17	3,2	6,3	2,3	2,1	1,1	0,09	0,1	2,2	0,6	2,2	0	0	0	0	0
	24	757-44	Кор	погр 18б	палочка	16	3,3	9,4	3,6	3,3	0,7	0,06	0,1	0,2	0,2	1,2	0	0	0	0	0
	25	757-30	Зар	погр 48	палочка	14	2,9	11	4,5	3,4	1	0,1	0,2	0,2	0,04	1,4	0	0	0	0	0
	26	757-54	Ник	погр 21	палочка	16	3	10	4,1	3,4	1,3	0,1	0,09	1,9	0,3	1,8	0	0	0	0	0
	27	758-17	Ник	погр 5а	палочка	18	2,8	7,1	3,1	3,4	1,1	0,2	0,2	0,4	0,2	2,2	0	0	0	0	0
	28	757-53	Ник	погр 21	палочка	16	2,6	11	5	3,7	1,6	0,2	0,08	0,3	0	2,2	0	0	0	0	0

SiO2 – основной. Зар. – Заречье 4, Ник. – Никитино, раскопки Р.Ф. Ворониной, Ник.* – Никитино, раскопки И.Р. Ахмедова, Кош-95 – Кошибеево, раскопки А.А. Спицына, Кош-01 – Кошибеево, раскопки В.Н. Глазова, Кор. – Кораблино (значком ‘ обозначены погребения мыса 2)

Таблица 4. Результаты анализа химического состава бус красного глухого стекла (окончание)

№ группы	№ п/п	Шифр	Памятник	Погр.	Технология	Na2O	K2O	CaO	MgO	Al2O3	Fe2O3	MnO	TiO2	PbO	SnO2	CuO	CoO	Sb2O5	Ag2O	NiO	Au
группа II	**29**	750-20	Ник	погр 21	палочка	16	3,6	6,2	3,3	2,8	1,2	0,1	0,1	0,2	0	1,9	0	0	0	0	0
	30	758-27	Ник*	погр 22	палочка	18	4,4	5,5	3,3	2,6	1	0,05	0,2	0,2	0,08	1,9	0	0	0	0	0
	31	758-24	Ник*	погр 18	труб рублен	20	7,6	10	3	2,6	1,3	0,2	0,2	1,2	0,5	2,5	0	0	0	0	0
	32	757-26	Зар	погр 44	труб рублен	15	2,3	10	3,1	3,6	1	0,2	0,1	0,2	0,05	0,7	0	0	0	0	0
	33	750-28	Ник	погр 5а	труб рублен	17	4,5	11	4	2,7	1	0,04	0,1	1,1	0,2	2,2	0	0	0	0	0
	34	750-19	Ник	погр 21	труб рублен	16	2	7	3,3	2	1,3	0,04	0,1	1,4	0,4	2	0	0	0,01	0	0
	35	750-18	Ник	погр 21	труб рублен	18	3,2	7	3,7	2,6	1,1	0,02	0,06	1,9	0,4	2,1	0	0	0,01	0	0
	36	770-42	Зар	погр 71б	труб рублен	18	1,8	8,1	4,8	5	0,9	0,06	0,1	0,1	0,2	1,4	0	0	0	0	0
	37	739-32	Кор	погр 18б	труб рублен	18	2,6	7,7	5,3	5	0,8	0,06	0,2	0	0,9	4,4	0	0	0	0	0
	38	758-23	Ник*	погр 18	труб+щ	18	5,5	13	0,6	3,2	1,3	0,6	0,3	13	4,3	2,8	0	0,05	0	0	0
	39	758-22	Ник*	погр 18	труб+щ	17	3,6	13	1	3	1,3	0,6	0,2	2,2	1,6	1,3	0	0,05	0	0	0
	40	758-21	Ник*	погр 18	труб+щ	18	4,6	14	3,1	4,8	1,7	0,5	0,3	4,4	3,9	2,2	0	0,03	0	0	0
	41	739-27	Кор	погр 99	палочка	16	3,8	8,2	1,2	2	1	0,5	0,1	10	4,8	3	0,01	0	0	0	0
	42	739-26	Кор	погр 99	труб+щ	17	3,4	6,5	0,8	1,5	1	0,5	0,2	11	5,7	2,7	0,02	0	0	0	0
группы III-IV	**43**	770-50	Зар	погр 233	палочка	17	1,6	5,7	2,3	2,2	0,6	0,04	0,1	0,03	0	1,4	0	0	0	0	0
	44	739-29	Кор	погр 17а	труб+щ	17	3,8	8,2	1,5	2	0,9	0,3	0,4	7	2,3	2	0,01	0	0	0	0
	45	770-54	Зар	погр 119	труб+щ	16	1	8,1	1	2,5	2	1,2	0,1	2,6	4,4	1,4	0,01	0	0	0,06	0
	46	758-20	Ник*	погр 108	навивка	18	3,2	10	1,1	4	2,2	0,6	0,2	14	7,2	2,5	0	0,05	0	0,01	0
	47	758-16	Ник	погр 1	навивка	14	3,4	8	1,1	4,2	1,6	0,7	0,3	6,3	4,5	2,9	0,1	0,05	0	0,01	0
	48	739-31	Кор	погр 16	навивка	17	2,8	11	1,6	4,2	1,3	0,6	0,2	13	8,3	7	0,03	0	0	0	0
	49	757-56	Ник	погр 1	навивка	16	2,6	8	1,3	3,8	2,7	0,5	0,3	14	7,2	2,9	0,06	0	0	0	0
	50	758-15	Ник	погр 1	навивка	15	5,2	8	1,3	4,4	1,1	0,5	0,5	9	8	2,6	0,08	0,08	0	0,01	0
	51	757-31	Зар	погр 59	навивка	15	2,4	10	1,7	4,5	1,5	0,5	0,3	12	7,2	2,1	0,1	0	0	0,01	0
	52	770-49	Зар	погр 178	навивка	16	1,5	9	1,8	4,3	1,6	1	0,2	5	4,7	2,9	0,07	0,05	0	0,09	0
	53	739-28	Кор	погр 27б	навивка	16	3,1	11	2,4	3,5	1,2	1	0,3	8,7	7,5	2,6	0,06	0	0	0	0
	54	739-30	Кор	погр 27а	навивка	16	2,6	11	2,4	5,5	1,3	0,9	0,3	9	14	4,8	0,03	0	0	0	0
	55	770-55	Зар	погр 119	навивка	15	1,1	6,9	1,7	3,6	2,8	0,7	0,2	6	14	3,5	0,1	0,06	0	0,06	0
	56	770-47	Зар	погр 106	навивка	15	1,1	5,7	2,2	2,6	2,3	0,6	0,1	3,3	5,6	2,3	0,08	0,03	0	0,08	0

SiO2 – основной. Зар. – Заречье 4, Ник. – Никитино, раскопки Р.Ф. Ворониной, Ник.* – Никитино, раскопки И.Р. Ахмедова, Кош-95 – Кошибеево, раскопки А.А. Спицына, Кош-01 – Кошибеево, раскопки В.Н. Глазова, Кор. – Кораблино (значком ‘ обозначены погребения мыса 2)

Таблица 5. Результаты анализа химического состава стекла золотостеклянных бус и бисера

№ группы	№ п/п	шифр	памятник	компл	технология	тип	Na2O	K2O	CaO	MgO	Al2O3	Fe2O3	MnO	TiO2	PbO	CuO	Sb2O5	Ag2O	Au
группа К1	1	757-46	Кош-95	погр 104	труб+щ	ЗАI1	19	1,7	12	1,3	2,8	1,4	0,2	0,2	0	0	0,5	0,01	0
группы К2-3; I	2	757-47	Кош-95	погр 76	труб+щ	ЗАI1	17	1,6	13	2,7	4,2	1,3	0,1	0,06	0	0	0,2	0	0
	3	757-48	Кош-95	погр 8	труб+щ	ЗАI2	17	1,7	10	1,9	3,7	1,4	0,1	0,08	0	0	1,1	0,01	0
	4	770-40	Зар	погр 6	труб+щ	ЗАI2	18	0,9	9,4	1,1	2,6	0,8	0,05	0,2	0,03	0	1	0,02+	
	5	770-43	Зар	погр 74	труб+щ	ЗАI2	18	0,9	5,6	1,3	3,2	0,9	0,07	0,1	0	0	1,5	0,01	0
	6	750-14	Кор	погр 53	труб+щ	ЗАI2	15	0	6,2	2,5	3,3	1,3	0,02	0,1	0	0	0,7	0,01	0
группа II/III	7	757-45	Кор	погр 16	труб	ЗАI1(?)	18	2,4	11	4,2	3,3	0,6	0,2	0,1	0	0,3	0	0	0

SiO2 - основной
Зар. - Заречье 4,
Кош-95 - Кошибеево, раскопки А.А. Спицына, Кош-01 - Кошибеево, раскопки В.Н. Глазова, Кор. - Кораблино (значком ‘ обозначены погребения мыса 2)

Таблица 6. Результаты анализа химического состава двухслойных бус и бисера

№ группы	№ п/п	шифр	памятник	компл	технология	цвет	прозр-сть	Na2O	K2O	CaO	MgO	Al2O3	Fe2O3	MnO	TiO2	PbO	SnO2	CuO	Sb2O5	Ag2O
группы К2, I	1	757-50	Кош-95	погр 2	труб	б/ц	прозр	16	2,1	10	4,9	3,3	2,1	0,8	0,1	2	0,06	0,5	0,3	0
	2	757-51	Кош-95	погр 2	труб	б/ц	прозр	16	1,9	13	3,9	3,9	1,4	0,6	0,3	6	0,1	1,5	0,2	0
	3	750-16	Кор. мыс	погр 75’	труб+щ	св.-зел.	прозр	17	0	4,5	2,4	3,3	1,2	0,2	0,3	0	0	0,7	1,3	0
группа II	4	758-29	Ник*	погр 41	труб+щ	б/ц	прозр	17	2,1	14	1,5	3,2	1,1	0,7	0,2	3,2	0,1	1,3	0	0
	5	750-23	Ник	погр 21	палочка	красный	глухой	17	4	4,8	4	1,9	1	0,02	0,04	0,8	0,07	2,3	0	0,02
	6	757-55	Ник	погр 21	однокр оберт	красный	глухой	20	3,7	11	3,5	4,6	1,3	0,1	0,2	2,9	0,4	1,8	0	0

SiO2 - основной
Ник. - Никитино, раскопки Р.Ф. Ворониной, Ник.* - Никитино, раскопки И.Р. Ахмедова,
Кош-95 - Кошибеево, раскопки А.А. Спицына, Кош-01 - Кошибеево, раскопки В.Н. Глазова, Кор. - Кораблино (значком ‘ обозначены погребения мыса 2)

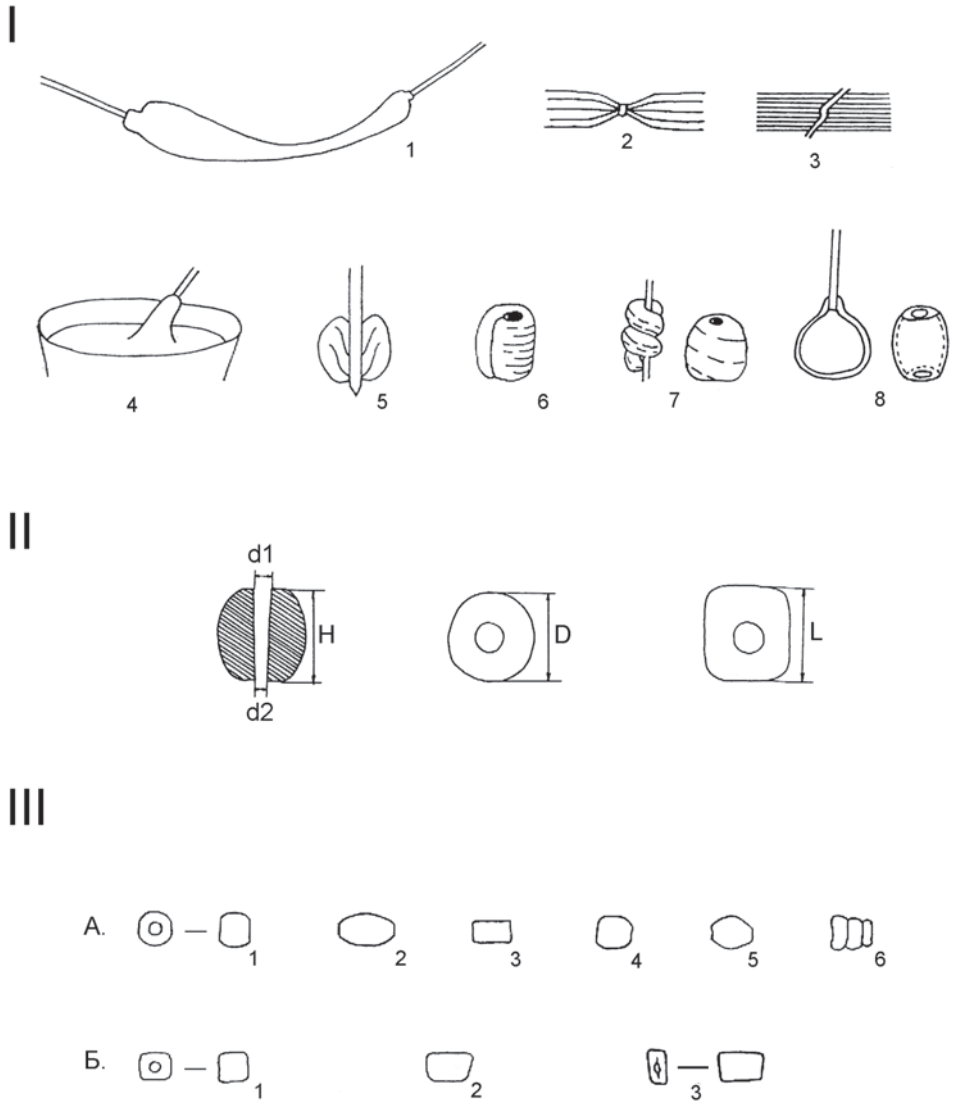

Рис. 1. Группа признаков для описания бус.

I. Технологические схемы изготовления (по [Львова, 1979]).

1–3 – вытягивание и деление на части трубочки; 4–5 – вытягивание и прокол палочки; 6 – однократное обертывание; 7 – навивка стеклянной массы на инструмент; 8 – выдувание.

II. Метрические параметры.

H – высота; D – максимальный диаметр тулова; L – ширина грани; d1, d2 – диаметры оснований канала.

III. Формы.

А – округлые в поперечном сечении: 1 – округлая усеченная дважды; 2 – эллипсоидная; 3 – цилиндрическая; 4 – округлоцилиндрическая («бочонковидная»); 5 – биконическая; 6 – винтообразная.

Б – граненая в поперечном сечении: 1, 2 – призматическая; 3 – параллелепипедная («кирпичик»).

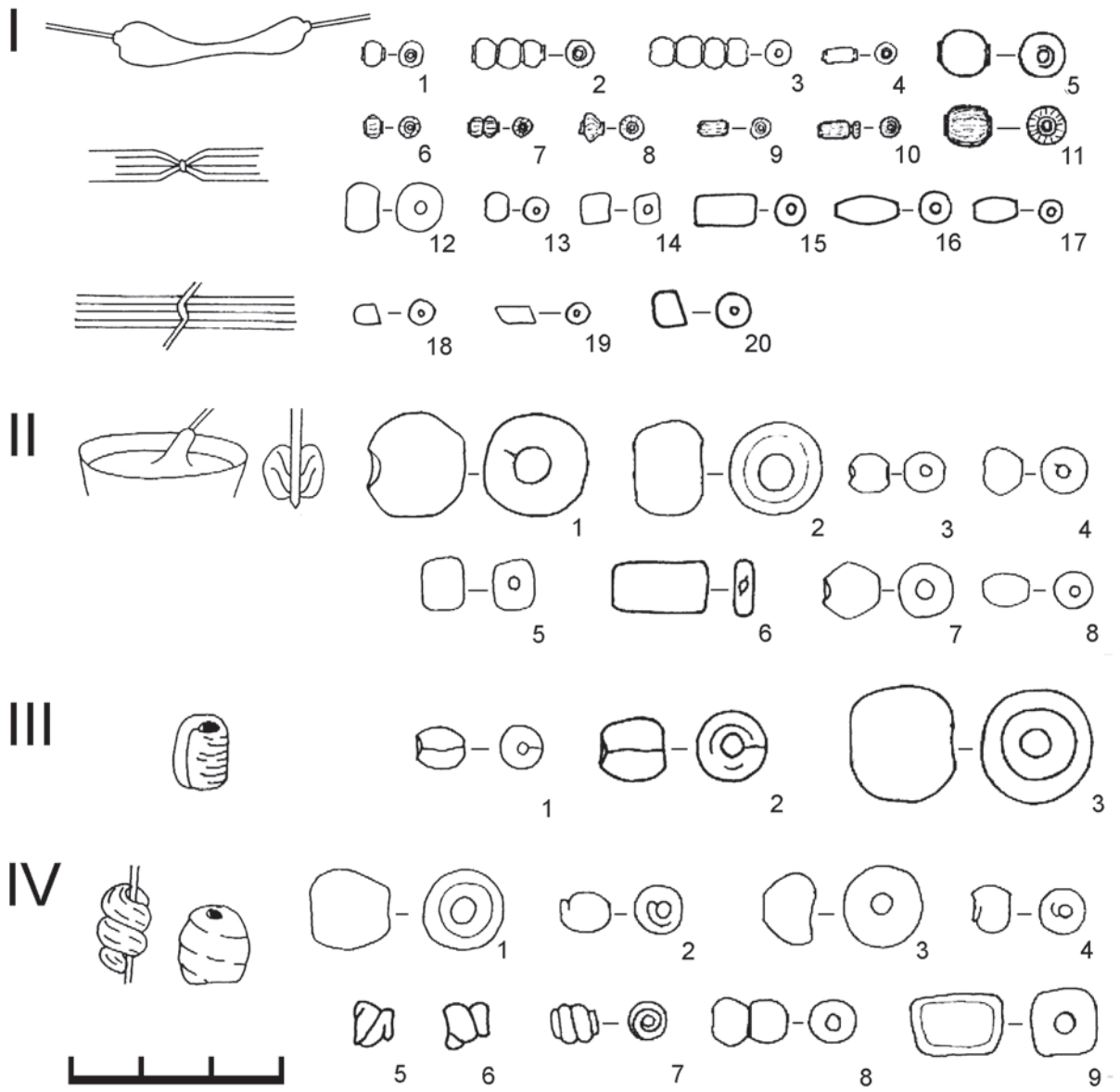

Рис. 2. Типы бус красного глухого стекла и двухслойных.
I – бусы, изготовленные из тянутой трубочки. 1–11 – изделия со следами щипцов: 1 – КАIa1, ДАIa1; 2–3 – КАIa1; 4 – КАIa2; 5 – КАIa6; 6–8 – КАIa3, ДАIa2; 9 – КАIa5; 10 – КАIa4; 11 – КАIa7; 12–17 – изделия без следов щипцов: 12 – КАIb1, ДАIb2; 13 – КАIb2, ДАIb1; 14 – КБIb1; 15 – КАIb4, ДАIb4; 16–17 – КАIb3, ДАIb3. 18–20 – изделия, изготовленные при помощи отшибания: 18–19 – КАIc1; 20 – КАIc2. **II** – бусы, изготовленные из отрезков тянутой палочки: 1 – КАII1; 2 – КАII2; 3 – КАII3, ДАII1; 4, 7–8 – КАII3; 5 – КБII1; 6 – КБII2. **III** – бусы, выполненные в технике однократного обертывания: 1 – КАIII1; 2 – КАIII2; 3 – ДАIII1. **IV** – бусы, изготовленные в технике навивки: 1 – КАIV1; 2–4 – КАIV2; 5–7 – КАIV3; 8 – КАIV4; 9 – КБIV1.

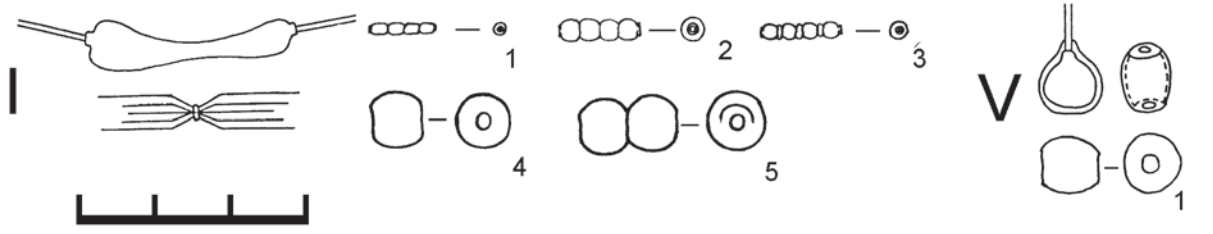

Рис. 3. Типы золотостеклянных бус.
I – бусы, изготовленные из тянутой трубочки: 1, 2 – ЗАI2; 3 – ЗАI3, 4–5 – ЗАI1. V – бусы, изготовленные из дутой тянутой трубочки: 1 – ЗАV1.

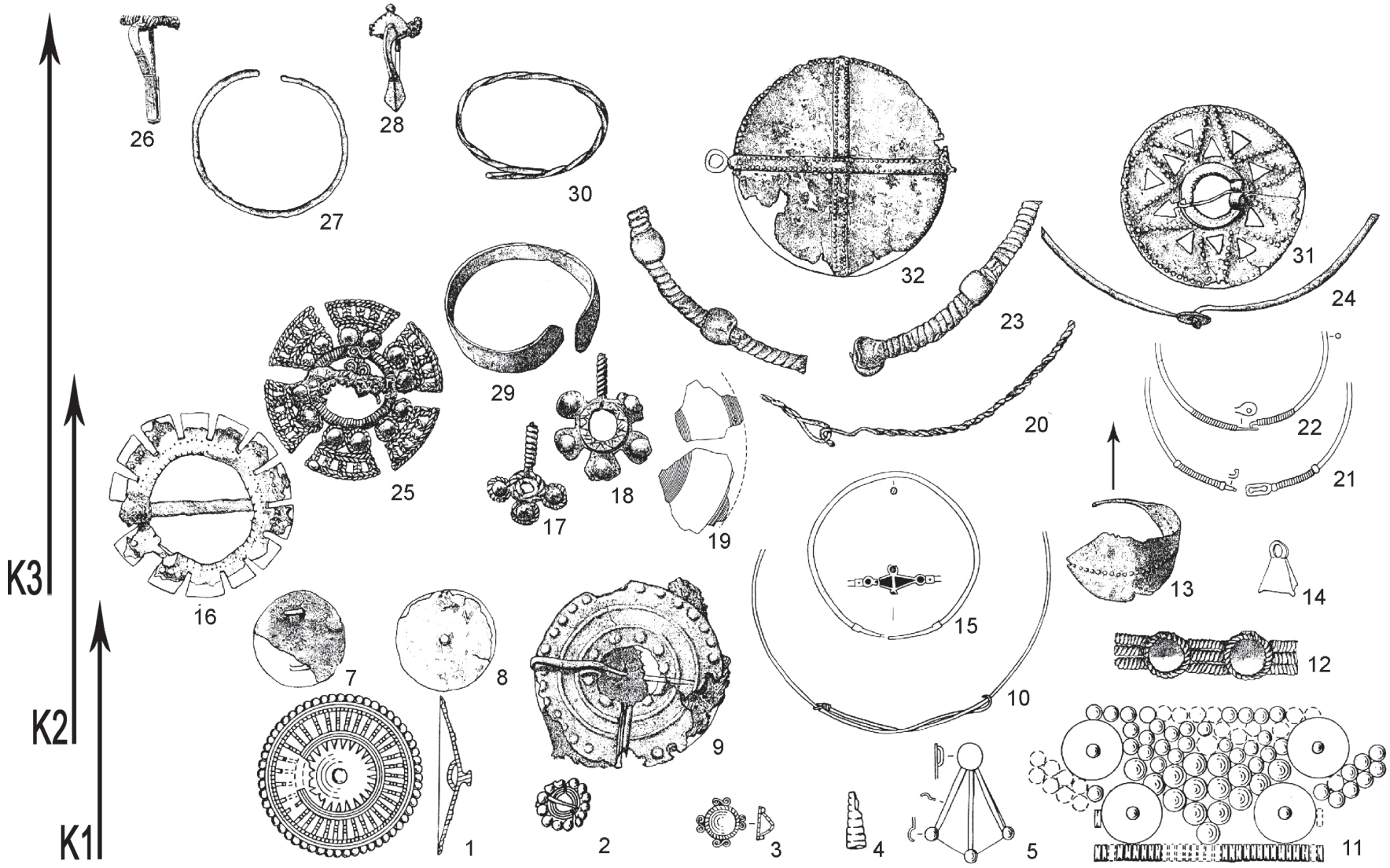

Рис. 4. Кошибеевский могильник. Хронологические индикаторы периодов бытования наборов бус.
1–5, 10, 11, 14, 15, 19, 21–22 – раскопки В.Н. Глазова [Шитов, 1988а]: 1, 3, 5, 11 – погр. 33; 2, 4, 10 – погр. 40; 14 – погр. 24; 15 – погр. 66; 19 – погр. 46; 21 – погр. 49; 22 – погр. 21. 7–9, 12–13, 16–18, 20, 23–32 – раскопки А.А. Спицына [Спицын, 1901]: 12 – погр. 38; 18, 32 – погр. 70; 24 – погр. 7; 25 – погр. 49; 26, 28 – погр. 29; 29 – погр. 76; 8, 13 – пахотный слой; 7, 9, 16, 17, 20, 23, 27, 30, 31 – погребение не указано.

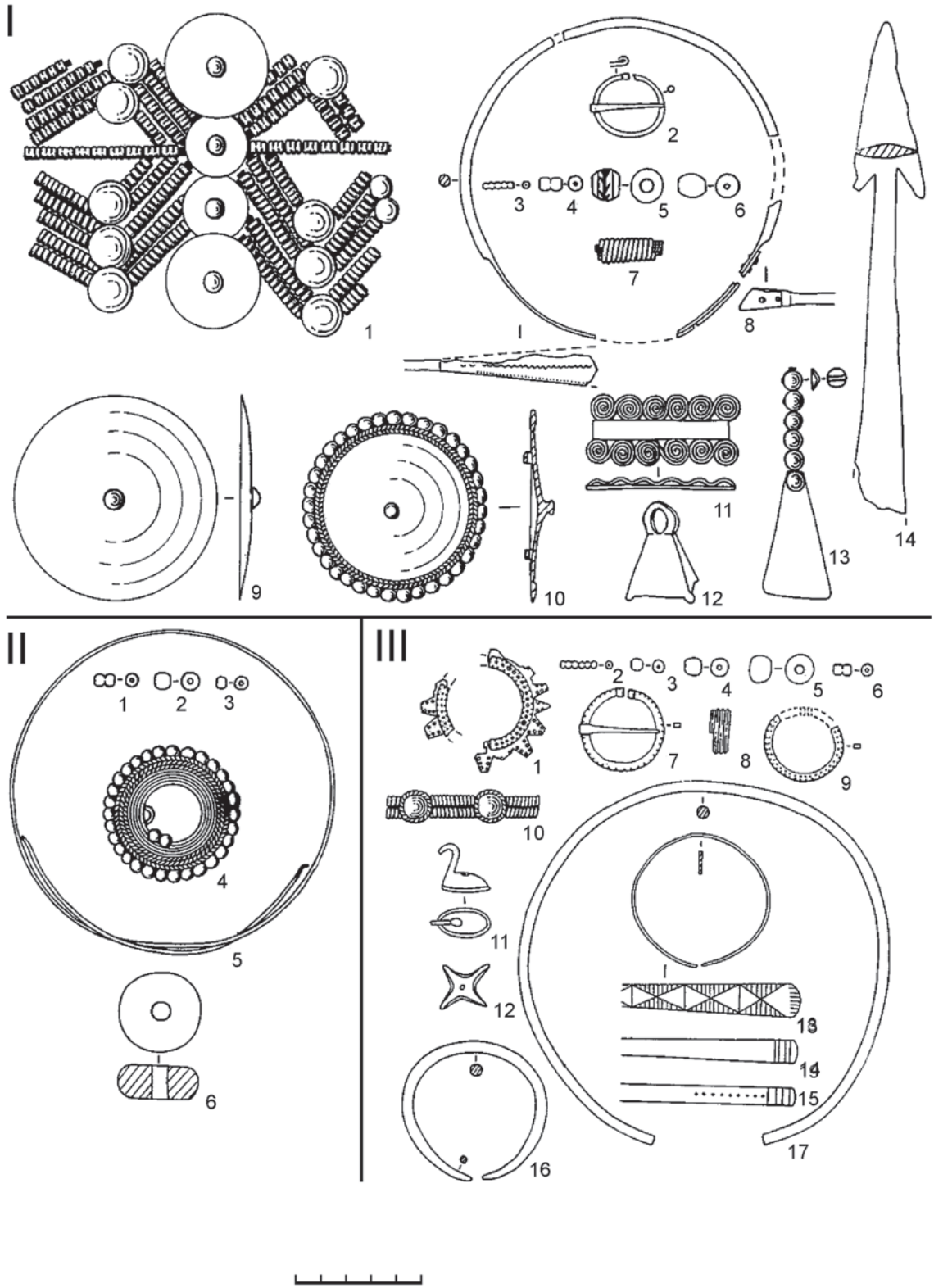

Рис. 5. Кошибеевский могильник. Комплексы с бусами группы К2.
(раскопки В.Н. Глазова, по [Шитов, 1988а]. I – погр. 24. II – погр. 80. III – погр. 5.

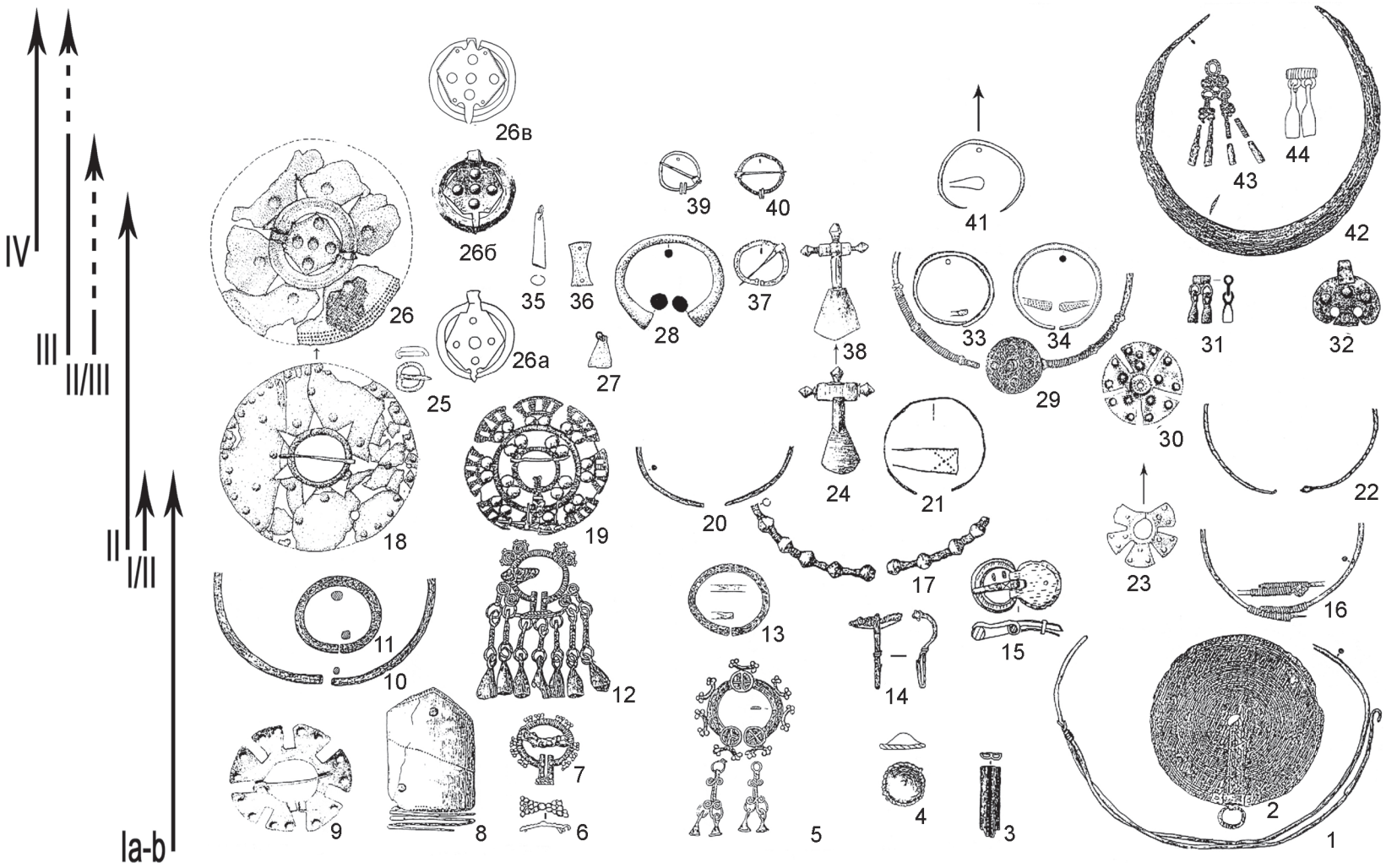

Рис. 6. Могильники Кораблино, Заречье 4, Никитино.
Хронологические индикаторы периодов бытования наборов бус.

Кораблино (’ – погр. на мысу 2): 1, 15 – погр. 78’; 2, 12 – погр. 57’; 3 – погр. 44’; 5, 7, 20 – погр. 39’; 6 – погр. 17’А; 4, 8, 10-11, 14 – погр. 6’; 13 – погр. 25’; 16 – погр. 72’; 22 – погр. 53; 25, 38 – погр. 99; 26а, 29, 37 – погр. 16; 26в, 43 – погр. 136Б; 35, 44 – погр. 25; 34 – погр. 147; 33, 40 – погр. 161; 39, 41 – погр. 119; 42 – погр. 171. Никитино: 18 – погр. 7б; 24, 28 – погр. 14; 26, 27 – погр. 17; 31 – погр. 16; 32 – погр. 23; 36 – погр. 18. Заречье: 17 – погр. 11; 19 – погр. 4; 21 – погр. 7; 23 – погр. 210. 1–3, 8, 15 – по [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а]; 5, 6, 7, 12 – по [Белоцерковская, 2001]; 18, 24, 26–28, 31–32, 36 – по [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005]; 17, 19, 21, 23 – по [Ахмедов, Белоцерковская, 1996]; 9, 30 – по [Спицын, 1901].

3.5. Керамика центральной группы могильников

(О. С. Румянцева)

В рязано-окских могильниках, занимавших в III – 1–ой половине VII вв. территорию Среднего Поочья, керамика является одной из наиболее массовых категорий погребального инвентаря. Лепные сосуды встречаются практически во всех мужских захоронениях и расположены, как правило, в ногах, реже – в головах погребенных; в отдельных случаях разбитые сосуды встречаются в засыпке погребений. На раннем этапе существования культуры сосуды помещались также в женские могилы.

Керамика населения Средней Оки уже рассматривалась ранее в контексте лепной финно-угорской посуды Поволжья в I тыс. н.э. в работе В.В. Гришакова [Гришаков, 1993], где была произведена ее систематизация, разработана хронологическая шкала, выделены очаги керамического производства изучаемого региона.

Специальная работа, посвященная систематизации лепной посуды населения бассейна Средней Оки, была проведена на основании 133 целых и реконструируемых форм сосудов, происходящих из могильников Заречье 4 (раскопки А.Н. Сорокина и И.В. Белоцерковской) [Ахмедов, Белоцерковская, 1996], Шатрищи (раскопки П.П. Ефименко и И.Р. Ахмедова), Никитинский и Ундрих (раскопки И.Р. Ахмедова)[1], которые расположены в Спасском и Шиловском районах современной Рязанской области и могут быть отнесены к центральной группе памятников [Румянцева, в печати].

Систематизация

Методика систематизации рязано-окской керамики подробно изложена в специально посвященной этому работе [Румянцева, в печати]. Ее основу составляют морфологические признаки сосудов, прежде всего, соотношения их основных параметров, описывающих общие пропорции, форму тулова и соотношения различных конструктивных элементов (рис. 1). Наиболее значимы пропорции тулова сосудов, которые анализировались методом построения полигонов распределения вариационных рядов. Были использованы также качественные признаки – форма различных конструктивных элементов сосудов – прежде всего, венчика и дна.

На основе визуального анализа проведено изучение состава формовочных масс. Особое внимание уделено орнаментации посуды.

По общим пропорциям – соотношению высоты и максимального диаметра – сосуды культуры рязано-окских могильников представлены двумя категориями: горшки (соотношение высоты и максимального диаметра – 0,78–1,24) и миски (соотношение высоты и максимального диаметра – 0,49–0,72). Этот признак хорошо соотносится с характером обработки поверхности: миски залощены, а горшки – нелощеные и имеют грубо заглаженную поверхность.

Горшки.

Горшки составляют 94,7% выборки. Большинство из них имеют стандартные размеры – в среднем их высота составляет 11–16 см, максимальный диаметр – 11–18 см; отдельные экземпляры достигают высоты 17–17,5 см.

Для горшков было выделено 4 уровня систематизации: группы, подгруппы, отделы и серии.

Группы горшков выделены на основе пропорций тулова, а именно, по уровню расположения максимального диаметра (соотношение Н*нт*/Н*вт*)[2] и степени профилировки нижней части тулова (соотношение D*max*/D*д*). Для каждой из трех полученных групп характерно преобладание сосудов с определенным набором качественных признаков: формой венчика, характером перехода венчика в тулово и формой придонной части сосуда (рис. 2).

Подгруппы внутри каждой группы выделялись по степени профилировки верхней части тулова сосудов (соотношение D*max*/D*ов*).

Деление подгрупп на отделы осуществлялось на основе формы венчика сосуда и соотношения диаметров венчика и максимального расширения тулова (D*в*/D*max*), описывающего общие пропорции сосуда.

Деление отделов на серии проводилось на основе соотношения максимального диаметра и высоты тулова (D*max*/Н*т*).

В результате была получена иерархичная систематизация, включающая три группы, состоящие из 13 серий горшков.

Группа I. Сосуды с округлой формой тулова, низко расположенным местом его наибольшего расширения и слабопрофилированной придонной частью. Соотношение высот нижней и верхней частей тулова (Н*нт*/Н*вт*) – 1,00–2,60, соотношение диаметров: тулова в месте наибольшего расширения и дна (D*max*/D*д*) – 1,18–1,89 (по теоретическому распределению (с учетом доверительных интервалов) допустимы значения соотношения Н*нт*/Н*вт* до 3,34). Для этой группы наиболее характерны горшки, сочетающие в себе наклонный венчик, плавно переходящий в тулово, и «выделенное» дно – имеющее закраину или вид сплошного поддона (рис. 2: 1).

Подгруппа А. Сосуды со слабопрофилированной верхней частью тулова. Соотношение максимального диаметра тулова и основания венчика (D*max*/D*ов*) – 1,07–1,21.

Отдел 1. Сосуды с прямыми вертикальными и наклонными венчиками, диаметр края венчика (D*в*) меньше максимального диаметра тулова (D*max*).

[1] Выражаю благодарность И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедову за предоставленную мне возможность воспользоваться неопубликованными материалами их раскопок.

[2] Условные обозначения высот и диаметров различных частей сосудов представлены на рисунке 1.

Серия 1. Горшки с туловом относительно стройных пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 0,98–1,22 (рис. 3: 1–6).

Серия 2. Горшки с широким, приземистым туловом. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) –1,27–1,40 (рис. 3: 7–10).

Отдел 2. Сосуды с прямыми наклонными венчиками, диаметр края венчика (D*в*) больше максимального диаметра тулова (D*max*) или равен ему.

Серия 3. Горшки с туловом стройных и средних пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,15–1,38 (рис. 4: 1–2).

Подгруппа В. Сосуды с сильнопрофилированной верхней частью тулова. Соотношение максимального диаметра тулова и основания венчика (D*max*/D*ов*) – 1,24–1,29.

Отдел 1. Сосуды с прямыми вертикальными и наклонными венчиками. D*в* < D*max.*

Серия 4. Горшки с туловом относительно стройных пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,03–1,13 (рис. 5: 1–4).

Серия 5. Горшки с широким, приземистым туловом. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,22–1,31 (рис. 5: 5–6).

Группа II. Горшки со сфероконическим туловом, средним уровнем расположения места наибольшего расширения и среднепрофилированной придонной частью. Соотношение высот нижней и верхней частей тулова (H*нт*/H*вт*) – 2,69–3,96, соотношение диаметров: тулова в месте наибольшего расширения и дна (D*max*/D*д*) – 1,18–1,89 (по теоретическому распределению допустимы значения H*нт*/H*вт* в пределах 2,03–4,59 и значения D*max*/D*д* в пределах 1,13–2,45). Для данной группы наиболее характерны горшки, сочетающие прямой вертикальный венчик, резко переходящий в тулово, и «простое», без поддонов и закраин, дно (рис. 2: 2).

Подгруппа А. Соотношение максимального диаметра тулова и основания венчика (D*max*/D*ов*) – 1,07–1,18.

Отдел 1. Сосуды с прямым вертикальным или немного наклонным венчиком. Соотношение диаметров края и основания венчика (D*в*/D*ов*) – 0,98–1,08, диаметр края венчика (D*в*) меньше максимального диаметра тулова (D*max*).

Серия 6. Горшки со стройным, вытянутых пропорций туловом. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 0,98–1,07 (рис. 4: 3–4).

Серия 7. Горшки с туловом средних и приземистых пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,15–1,48 (рис. 4: 5–10).

Отдел 2. Сосуды с наклонными венчиками, диаметр края венчика (D*в*) приблизительно равен максимальному диаметру тулова (D*max*).

Серия 8. Горшки с относительно широким, приземистым туловом. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,42–1,44 (рис. 6: 1–2).

Группа III. Горшки со сфероконическим туловом, высоким уровнем расположения места наибольшего расширения и сильнопрофилированной придонной частью. Соотношение высот нижней и верхней частей тулова (H*нт*/H*вт*) – 4,08–5,53 (по теоретическому распределению допустимы значения H*нт*/H*вт* от 3,29 до 6,21), соотношение диаметров: тулова в месте наибольшего расширения и дна (D*max*/D*д*) – 1,6–2,2. В данной группе преобладают сосуды с венчиками изогнутой формы, не характерные для групп I и II (рис. 2: 3).

Подгруппа А. Соотношение максимального диаметра тулова и основания венчика (D*max*/D*ов*) – 1,06–1,18.

Отдел 1. Сосуды с вертикальными венчиками, диаметр края венчика (D*в*) меньше максимального диаметра тулова (D*max*).

Серия 9. Сосуды с туловом средних пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,26–1,35 (рис. 6: 3–4).

Серия 10. Сосуды с приземистым, широким туловом. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,51–1,62 (рис. 6: 5–6).

Отдел 2. Сосуды с наклонными венчиками. Соотношение диаметров края и основания венчика (D*в*/D*ов*) – 1,04–1,11, диаметр края венчика (D*в*) не больше максимального диаметра тулова (D*max*).

Серия 11. Сосуды с туловом стройных и средних пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,08–1,33 (рис. 7: 4–6).

Отдел 3. Сосуды с вертикальными венчиками, имеющими отогнутый край. Диаметр края венчика (D*в*) меньше максимального диаметра тулова (D*max*).

Серия 12. Сосуды с туловом разных пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,09–1,51 (рис. 7: 1-3).

Отдел 4. Сосуды с изогнутыми венчиками. Диаметр края венчика (D*в*) меньше максимального диаметра тулова (D*max*).

Серия 13. Сосуды с туловом разных пропорций. Соотношение максимального диаметра и высоты тулова (D*max* /H*т*) – 1,13–1,51 (рис. 7: 7–9).

Деление серий на типы на основе соотношения высот тулова и венчика сосудов (соотношение H*т*/H*в*) носит формальный характер; в связи с этим дальнейший анализ керамики проводился на уровне серий.

Миски.

Миски (рис. 8) составляют 5,3% от всего массива керамики. Их высота составляет 8–15,5 см, максимальный диаметр – 13–21,5 см.

Миски имеют округлое, сфероконическое или биконическое тулово. У всех сосудов диаметр расположен в верхней трети тулова (H*нт*/H*вт* – 2,30–

2,50 – рис. 8: 1,7; Н*нт*/Н*вт* – 3,92 – 4,33 – рис. 8: 2–6). Точно определить пропорции тулова у биконических мисок (рис. 8: 8–9) невозможно, так как их формы не реконструируются полностью.

Верхняя часть тулова у большинства сфероконических мисок (рис. 8: 1–7) профилирована слабо – диаметр основания венчика у них чуть меньше, чем диаметр тулова в месте наибольшего расширения (D*max*/D*ов* – 1,03–1,07), и лишь одна из них (рис. 8: 7) имеет более сильную профилировку (D*max*/D*ов* – 1,20). У биконических мисок (рис. 8: 8–9) значение соотношения D*max*/D*ов* составляет 1,14–1,16.

Все миски имеют наклонный или изогнутый венчик.

Дно у полностью сохранившихся форм без закраины; у трех из них оно «выделено» и имеет вид кольцевого поддона.

Орнамент.

Орнамент встречается только на горшках, при этом декорировано около половины сосудов этой категории (44,4%). Чаще всего орнамент наносился на край (98,2% орнаментированных сосудов), в некоторых случаях орнаментация края сочетается с орнаментацией плеча или одновременно венчика и плеча сосуда.

Элементы декора, характерные для рязано-окской керамики (рис. 9: 1) – это насечки и отпечатки штампов: концевых (ямочные вдавления) и отпечатки палочки, обмотанной веревкой.

Насечки, нанесенные на край сосуда – наиболее распространенный элемент декора (рис. 3: 2, 5, 7–8; 4: 2–3, 5–6, 8, 10; 5: 1; 6: 1, 4, 6; 7: 1, 4–6, 9). Он встречен на 47 сосудах (83,9% от общего числа орнаментированных горшков).

Ямочные вдавления наносились на край, венчик или плечо сосуда (рис. 3: 4; 4: 2, 5; 7: 6). Ими декорировано всего 9 сосудов (16,1% от общего числа орнаментированных горшков). На одном из сосудов ямочные вдавления сочетаются с отпечатками палочки, обмотанной веревкой (рис. 4: 5). Часто орнаментация плеча и венчика ямочными вдавлениями сочетается с насечками, нанесенными на край (рис. 4: 2, 5, 7; 7: 6).

Отпечатки палочки, обмотанной веревкой, встречены лишь на трех сосудах (3,6% орнаментированных горшков). Подобный орнамент наносился на край и/или плечо сосуда (рис. 4: 5–6; 6: 1).

Наиболее часто орнаментированы сосуды группы II (53,2%) и группы I подгруппы А (44,4%). Наименьший процент орнаментированных сосудов встречен в группе I подгруппе В (12,5%), однако их количество так мало, что полученный результат может быть случайным. В группе III орнаментирована примерно треть сосудов (36,7%).

Технология изготовления.

Горшки имеют поверхность красноватых, коричневых и бежевых оттенков, достаточно небрежно заглаженную. Лишь у одного из сосудов внутренняя поверхность слегка залощена. В тесте большинства сосудов (92,5%) присутствует шамот, реже встречается дресва (5,3%) или дресва и шамот одновременно (2,2%). В тесто горшков добавлялась также органика; присутствует и песок, однако на уровне визуального анализа обычно невозможно определить, является ли он искусственной примесью или естественным компонентом глины.

По характеру обработки поверхности миски сильно отличаются от горшков. Все они – лощеные и имеют темно-серую, черную или коричневатую поверхность. Определить состав примесей на уровне визуального анализа достаточно сложно.

Хронология

Для разработки хронологии бытования массовых типов горшков был применен метод сериации. С этой целью была составлена таблица совстречаемости выделенных серий сосудов с различными типами изделий из металла (как местного производства, так и отдельных импортов) которые использовались в качестве хронологических индикаторов (рис. 10). При этом автор опирался на разработки по хронологии металлического погребального инвентаря культуры рязано-окских могильников И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедовым [Ахмедов, 1998; Ахмедов, Белоцерковская, 1998а; Белоцерковская, 1999а; Белоцерковская, 1999б и др.] (см. также части 3.2 и 3.3). В результате было выделено четыре группы комплексов (далее – ГК), характеризующиеся присутствием определенных серий сосудов, которые были датированы следующим образом.

ГК-1. Эту группу комплексов характеризуют как мужские, так и женские погребения с сосудами. Основу ГК-1 составляют преимущественно горшки группы I – серии 1, 2, 4, 5; группа II представлена одним сосудом серии 6 и тремя – серии 7 (рис. 12). Серия 7 – самая многочисленная в рассмотренной выборке; однако, к ГК-1 относится лишь незначительная ее часть.

Основанием для датировки ГК-1 служат встреченные в погребениях с сосудами витая гривна мощинского типа (рис. 11: 1), граненые пряжки с овальными щитками и короткими слабопрогнутыми язычками (рис. 11: 2), проушные топоры т.н. мощинского типа (рис. 11: 3), двучленные прогнутые подвязные фибулы (рис. 11: 4) подгруппы II по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, табл. 11: 10, 12] , дротовые гривны и браслеты с обрубленными концами (рис. 11: 5) и «азелинского» типа с декором (рис. 11: 6), обувные наборы с подвесками и накладными бляшками (рис. 11: 8), ажурные застежки (рис. 11: 7) серий 1Б-Г по И.В. Белоцерковской [Белоцерковская, 1999а, с. 168–170]. Перечисленные металлические изделия характерны для мужских погребений периодов 2А-2С по И.Р. Ахмедову (часть 3.2, схема 1) и женских периодов 1–2а по И.В. Белоцерковской (часть 3.3, рис. 7) и датируются III – 3-ей четвертью IV вв. Верхнюю хронологическую границу марки-

руют тордированные гривны и браслеты (рис. 11: 10), дротовые гривны с ромбическим приемником и обмоткой [Ахмедов, Белоцерковская, рукопись] (рис. 11: 11), а также ажурные застежки серий 1Д и 2 [Белоцерковская, 1999а, с. 170–171] (рис. 11: 12). Эти типы вещей были распространены и в более позднее время – они встречаются в группе 3А мужских (часть 3.2, схема 3) и 2б женских (часть 3.3, рис. 7) комплексов, т.е. не только в позднеримское, но и в раннее гуннское время. Однако во всех комплексах они сочетаются с более ранними хронологическими индикаторами (рис. 10). Таким образом, погребений, которые можно было бы однозначно отнести к гуннскому времени, в ГК-1 не встречено.

Подавляющее большинство сосудов **ГК-2** представлено изделиями серии 7; горшки группы I единичны – здесь встречено по одному экземпляру серий 2, 3, 4. К ГК-2 относится также один сосуд серии 6 (рис. 12).

Хронология ГК-2 может быть определена по присутствию в комплексах тордированных гривен и браслетов (рис. 11: 10), дротовых гривен с ромбическим приемником и обмоткой (рис. 11: 11), ажурных застежек серии 2 по И.В. Белоцерковской (рис. 11: 12), пластинчатых браслетов (рис. 11: 13) и крестовидных фибул (рис. 11: 15) ранних серий (типы IA1-3 по [Ахмедов, 1998]), наборных поясов, выполненных в «геометрическом стиле» (рис. 11: 16), округлорамчатых немассивных пряжкек с длинным, выступающим за рамку и срезанным у основания язычком (рис. 11: 18). Подобный набор металлических изделий характерен для группы 3А мужских (часть 3.2, схема 3) и группы 2б женских (часть 3.3, рис. 7) комплексов и датируется 4-ой четвертью IV – началом V вв., или ранним гуннским временем.

Верхняя хронологическая граница ГК-2 маркируется единичными находками изделий, которые характерны и для более позднего времени – крестовидной фибулой «переходного» типа (рис. 11: 17), браслетами с рельефными зооморфными (рис. 11: 21) или с прямосрезанными концами, декорированными горизонтальными и косыми штрихами – т.н. «змееголовыми» (рис. 11: 23), а также браслетами с раструбообразными концами (рис. 11: 22). Однако все они сочетаются в комплексах с более ранними хроноиндикаторами – ажурной застежкой серии 2, гривной с ромбическим приемником и обмоткой, фрагментами деревянной чаши с бронзовыми оковками (рис. 11: 14) – также характерными для раннего гуннского времени (части 3.2 и 3.3).

ГК-3 характеризуется в основном сосудами серии 7 группы II и всех серий группы III. В эту группу комплексов входят только мужские погребения. В целом она может быть датирована V в.; однако на основании соотношения сосудов различных серий, а также некоторых датирующих признаков, ее можно условно разделить на две части.

Более половины сосудов **ГК-3а** составляют горшки серии 7 (группа II). Встречено также два сосуда серии 3. В это же время появляются первые сосуды группы III – это серии 11 и 12 (рис. 12). Группа I представлена единственным экземпляром сосуда серии 2.

ГК-3а маркируется следующими находками: округлорамчатыми пряжками с хоботковидным язычком (рис. 11: 18), дротовыми гривнами с завязанными концами (рис. 11: 19), браслетами с раструбообразными концами (рис. 11: 22), крестовидной фибулой средних размеров (рис. 11: 17). Этот комплекс металлических изделий характерен для мужских погребений горизонтов 3А2 и 3В по И.Р. Ахмедову (часть 3.2, схема 3), т.е. для 1-ой половины – середины V в. (гуннского времени). В комплексах с ними встречены также находки, характерные для всего V в. (часть 3.2) – браслеты с рельефными зооморфными и «змееголовыми» концами (рис. 11: 21, 23), пряжки с сегментовидной рамкой и длинным, выступающим за рамку язычком (рис. 11: 20), а также отдельные находки поясных бляшек с вогнутыми боковыми гранями, характерных для середины – 2-ой половины V в. (рис. 11: 24).

Для **ГК-3б**, также как и для ГК-3а, наиболее характерны сосуды серии 7 и различных серий группы III, однако меняется их соотношение. Горшки серии 7, по сравнению с более ранним временем, малочисленны; сосуды всех серий группы III, наоборот, получают широкое распространение. К этой же группе комплексов относится погребение с сосудом серии 8 (рис. 12).

ГК-3б отличает практически полное отсутствие хроноиндикаторов, характерных для 1-ой половины V в. Его датировку определяют преимущественно вещи, бытующие в течение всего V в. или не захватывающие его начало (рис. 11: 20–21, 23–24). К хроноиндикаторам середины – 2-ой половины V в. могут быть отнесены поясные наборы с птицевидными деталями (рис. 11: 25) «поздней группы», получившие распространение с середины V в. [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 177], железные однолезвийные мечи типа «Smaller Langsax», встречающиеся в некоторых случаях вместе с двулезвийными (рис. 11: 26), массивная гривна с завязанными концами со сглаженными гранями, украшенная ромбическими фасетами (часть 3.2, схема 3: 38), крестовидные фибулы (рис. 11: 28) типов IБ8, 10 по [Ахмедов, 1998]. Таким образом, на основании перечисленных хронологических индикаторов, ГК-3б может быть датирована V в., видимо, исключая его начало (периоды 3В–3С по системе И.Р. Ахмедова – часть 3.2); большая часть комплексов этой группы относится, скорее, к середине – 2-ой половине V в., т.е. финалу гуннского – постгуннскому времени (группа 3С по системе И.Р. Ахмедова – часть 3.2); однако здесь присутствует также ряд погребений более раннего времени (группа 3В по И.Р. Ахмедову).

Для финала гуннского и для постгуннского времени характерно наибольшее разнообразие керамических форм, бытовавших на Средней Оке. К VI в. их ассортимент резко сокращается и представлен, за редким исключением, лишь сосудами серии 13.

Подводя итог, схему развития керамической традиции населения Средней Оки в III–V вв. можно представить следующим образом.

Начальный период бытования культуры рязано-окских могильников, хронологически совпадающий с позднеримским временем, характеризуется преобладанием сосудов группы I, которые отличаются низким уровнем расположения максимального диаметра тулова и слабой профилировкой его придонной части. Среди форм этой группы преобладают горшки с наклонным венчиком, плавно переходящим в тулово, и дном, имеющим закраину или вид совмещенного с дном сплошного поддона. В это время встречаются также горшки группы II, но они малочисленны. От сосудов группы I их отличает, как правило, более высокий уровень расположения максимального диаметра, а также преобладание сосудов с другим набором качественных признаков: вертикально поставленный венчик, резко переходящий в тулово, и простое, без закраины, дно.

Сосуды группы I прекращают бытование в начале гуннского времени, но в 1-ой половине V в. еще встречаются их отдельные экземпляры. Широкое распространение в этот период получают горшки серии 7 группы II, которые занимают ведущее место вплоть до середины V в.

Массовое распространение сосудов группы III видимо, следует связывать с серединой V в., когда они постепенно «вытесняют» формы серии 7. Их отличает наиболее высокий уровень расположения максимального диаметра, а также разнообразие форм венчика: наряду с прямыми вертикальными (серия 10), появляются наклонные, изогнутые, а также с вертикальные венчики с отогнутым краем (серии 8, 9, 11–13). К VI веку ассортимент керамики сокращается, сводясь, преимущественно, к горшкам с изогнутыми венчиками (серия 13).

Определение хронологии бытования лощеных **мисок** затруднено, прежде всего, из-за малочисленности сосудов данной категории. Кроме того, металлические изделия в комплексах с лощеной посудой обычно либо единичны, либо отсутствуют. Большинство из них можно отнести ко времени до начала V в. К датируемым комплексам относятся погребение 3 могильника Заречье 4 (раскопки А.Н. Сорокина), в засыпке которого встречена двухрогая лунница из белого металла, характерная для древностей черняховской культуры [Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 127], а также следующие захоронения Шатрищенского могильника (раскопки П.П. Ефименко): погр. 30, из которого происходят горшки серии 1, позволяющие датировать погребение временем не позже IV в.; погр. 40, содержащее воинскую фибулу со сплошным приемником, а также ожерелье, с состав которого входит золотостеклянный бисер [Коряк, рукопись][3]. Миски встречаются и в захоронениях более позднего времени. По любезному сообщению И.Р. Ахмедова, они были найдены в комплексах V в. могильников Ундрих (погр. 5) и Никитино. Перечисленные находки позволяют широко датировать захоронения с лощеными мисками III–V вв.

[3] Выражаю благодарность А.В. Коряку за любезно предоставленную возможность воспользоваться рукописью его дипломной работы, посвященной раскопкам Шатрищенского могильника П.П. Ефименко в 1920 г.

Возможные культурные компоненты и эволюция керамического комплекса

Лепная керамика, самый консервативный элемент материальной культуры, традиционно используется как один из наиболее надежных археологических источников при исследовании проблем этногенеза. Вопросы этнокультурной истории являются одними из самых актуальных для населения Среднего Поочья (см. части 3.1 и 3.2).

Говоря об эволюции керамического комплекса населения Средней Оки, необходимо обратить особое внимание на следующие аспекты. Начальный этап существования культуры рязано-окских могильников характеризуется наличием двух групп лепной посуды, различающейся как по пропорциональным характеристикам тулова, так и по форме конструктивных элементов (группы I и II) и изначально связанных, видимо, с разными керамическими традициями; впоследствии одна из них продолжает свое развитие вплоть до рубежа V–VI вв., а вторая не переживает рубежа IV/V вв. Кроме того, выделяется немассовая категория лощеной посуды, отличающейся как по технике обработки поверхности, так и по пропорциональным характеристикам. Заметные изменения в керамическом комплексе происходят в финале позднеримского – в начале гуннского времени, а также в середине V в., т.е. в финале гуннского времени, что совпадает со временем наибольших изменений в культуре в целом (см. части 3.2 и 3.3).

В.В. Гришаков, рассматривая лепную посуду населения Средней Оки в контексте финно-угорской керамики Поволжья, выделил «рязано-окский очаг» керамического производства, к которому отнес керамику, происходящую из могильников Среднего Поочья и из памятников «кошибеевского» типа (Кошибеевкого и Польного-Ялтуново), расположенных в Примокшанье [Гришаков, 1993, с. 103]. По его мнению, формирование этого очага происходило под влиянием, по крайней мере, двух различных керамических традиций [Гришаков, 1993, с. 103–106]. Одну из них В.В. Гришаков связывал с инфильтрацией «носителей позднезарубинецкой культуры» в верховья Оки и далее, вместе с вовлеченным верхнеокским населением, «вплоть до Верхнего Примокшанья». Вторая, по мнению исследователя, напрямую связана с местным, городецким, населением [Гришаков, 1993, с. 105].

Проведенный анализ керамики [Румянцева, в печати] подтверждает полученный В.В. Гришаковым вывод о генетическом родстве керамики рязано-окс-

ких могильников и памятников «кошибеевского» типа и наличии двух керамических традиций, повлиявших на формирование рязано-окского очага.

Практически все горшки из могильников кошибеевского типа соответствуют группе I (серии 1–5) классических рязано-окских могильников как по пропорциям, так и по качественным признакам. Лишь один сосуд относится по рассмотренным признакам к серии 7 группы II [Гришаков, 1993, рис. 6: 9; Румянцева, в печати].

Орнамент, встреченный на «кошибеевских» сосудах, расположен на плечиках и краях и представлен насечками и отпечатками штампа, что характерно и для рязанских сосудов; в качестве специфической можно выделить орнаментацию защипами [Румянцева, в печати].

Состав формовочных масс также идентичен их составу в рязано-окских горшках: это органика, шамот, дресва [Гришаков, 1993, с. 15–17].

Выделенные В.В. Гришаковым «позднезарубинецкая» и «местная» керамические традиции в целом соответствуют группам I и II данной систематизации.

Группа I. С позднезарубинецкой керамической традицией В.В. Гришаков связывал горшки, которые соответствуют группе I данной систематизации – серии 1, 3, 4 (рис. 3: 1–6; 4: 1–2; 5: 1–4). Горшки серии 1 – самые распространенные на раннем этапе бытования культуры (до рубежа IV/V вв). Этим формам действительно известны аналогии в позднезарубинецких памятниках днепровского лесостепного левобережья 2-ой половины I – II вв. [Обломский, 2002, с. 12–13], которые могут выступать прототипами, причем в качестве общих выступают не только качественные признаки, но и пропорции сосудов. В качестве аналогий (рис. 13: 7–8, 10–12; 14: 2–5) можно назвать: Синьково [Обломский, 2002, рис. 4: 1, 6], Березовка 2 [Обломский, 2002, рис. 6: 4, 7] Картамышево 2 [Горюнова, 2004, рис. 17: 2; 29: 5; 32: 7] и др., а также позднезарубинецкое селище в урочище Озеро на Бельском городище [Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, рис. 61: 1, 12]. В более позднее время подобные формы встречены на памятниках киевской культуры, как позднеримского (рис. 13: 7; [Обломский, 2002, рис. 30: 1]) , так и гуннского (рис. 14: 2; [Обломский, 2002, рис. 87: 1–2]) времени, но они единичны. Необходимо отметить, что подобные формы встречаются в гуннское время в Подонье (памятники типа Чертовицкого – Замятино на Верхнем Дону [Обломский, 2003а, рис. 2: 15, 21]). Однако, по мнению А.М. Обломского, их присутствие здесь в гуннское время связано как раз наличием на территории Верхнего Дона окско-москворецкого компонента, а не наоборот [Острая Лука…, с. 150–151; рис. 142–143].

Аналогии серии 1, наиболее близкие территориально зоне распространения культуры рязано-окских могильников, происходят с дьяковских городищ (рис. 13: 9, 13–14) – Троицкого [Розенфельдт, 1971, рис. 23: 19], Щербинского [Розенфельдт, 1974, рис. 24: 16–17; 42: 5–6] и др. В отличие от рязано-окских горшков, значительная часть этих форм представлена лощеными экземплярами [Розенфельдт, 1974, рис. 42: 5–6]. Это может объясняться особенностями погребального обряда населения Средней Оки, и, следовательно, разницей в источниковой базе – все сосуды с территории Средней Оки происходят из погребений, а верхнеокские, наоборот, с поселений.

В целом, при наличии целого ряда форм, близких среднеокским, как среди зарубинецкой, так и среди дьяковской керамики, необходимо отметить, что для дьяковских сосудов обычно характерны более высокие и менее профилированные сосуды, а серии позднезарубинецких в целом обычно отличаются от рязано-окских более короткими венчиками и менее профилированными шейками.

Что касается древнемордовских памятников Поволжья, расположенных восточнее Средней Оки, то там горшки подобных форм встречены лишь в Тезиковском могильнике [Гришаков, 1993, с. 108]: ядром населения, оставившего этот памятник, по мнению ряда исследователей, являлись носители культуры могильников кошибеевского типа [Полесских, 1966, с. 277–279; Вихляев, 1977, с. 67]. Необходимо упомянуть также горшок из погребения 32 Абрамовского могильника; однако В.В. Гришаковым этот сосуд рассматривается как нетипичный для данного памятника [Гришаков, 1988, с. 53; рис. 2: 1].

Необходимо отметить, что как на позднезарубинецких и киевских, так и на дьяковских памятниках сосуды со слабопрофилированной, более открытой, верхней частью тулова (серия 1 рязано-окских сосудов) встречаются гораздо чаще, чем с сильнопрофилированной (серия 4; рис. 5: 1–4). Среди позднезарубинецких такие формы единичны – аналогии им удалось найти только на памятниках типа Почеп в Верхнем Подесенье (рис. 15: 6–7; [Обломский, 2002, рис. 4: 2–3, 5]). На дьяковских поселениях сосуды, аналогичные серии 4 (рис. 15: 5), также единичны [Розенфельдт, 1971, рис. 23: 7, 28]. По общим пропорциям среднеокские формы более приземисты, чем большинство сосудов дьяковской культуры [Розенфельдт, 1971, рис. 27: 12–13]. Возможно, что изначально они имели разные прототипы.

Наиболее близкие аналогии рязано-окской серии 4 с профилированной верхней частью тулова представлены весьма значительной серией в позднескифских слоях Ишутинского городища 2-ой половины II – 1-ой половины III вв., расположенного на Верхнем Дону (рис. 16: 6–8; [Разуваев, 1998, с. 85; рис. 6: 2, 5–6, 9]). Соотношение D*в*/D*ов* составляет 1,23–1,28, что соответствует серии 4. Прочие пропорции, в частности, высота венчика и достаточно низкий уровень расположения максимального диаметра тулова, а также характерные для этой серии качественные признаки – наклонный венчик, плавно переходящий в тулово, и преобладание сосудов

с «выделенным» дном – тоже аналогичны рязано-окским. Интересно, что на Ишутинском городище встречена также представительная серия сосудов со слабопрофилированной верхней частью тулова, соответствующих рязано-окской серии 1 ($D_в/D_{ов}$ – до 1,22; рис. 17: 5–8; [Разуваев, 1998, с. 94, рис. 6: 1, 3–4, 7–8, 10]). В представленной керамике присутствует тот же отощитель, который преобладает в среднеокской – шамот. В отличие от рязано-окских, часть сосудов с городища подлощена, однако необходимо помнить, что они происходят из археологических памятников разного типа – поселения и могильников.

Таким образом, не исключено, что происхождение всех вышеперечисленных форм следует связывать с влиянием не позднезарубинецкого и дьяковского, а позднескифского населения[4]. Обращает на себя внимание тот факт, что время прекращения существования Ишутинского поселения – середина III в., возможно, связанное с военным конфликтом [Разуваев, 1998, с. 88], в целом совпадает со временем расселения на Средней Оке носителей культуры рязано-окских могильников – III в. [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 41]. В связи с этим не исключено, что позднескифское население также участвовало в формировании культуры рязано-окских могильников.

В качестве близкой к рязано-окской можно отметить и керамику Вязовского могильника II – середины III вв, расположенного недалеко от Ишутинского городища и, видимо, связанного с ним [Разуваев, 1998, рис. 8].

Формы, близкие сильнопрофилированным горшкам серии 4, происходят и из слоев сарматского времени III Чертовицкого городища, расположенного на р. Воронеж (рис. 16: 9–10), населенного в сарматское время «потомками скифоидных племен». Они отнесены автором раскопок к типам I, II [Медведев, 1998, с. 42–43]. Состав формовочных масс совпадает со среднеокским – шамот, песок [Медведев, 1998, с. 43].

Горшок, близкий по форме сосудам серии 4, происходит из погребения 8 грунтового могильника, расположенного на территории III Чертовицкого городища (рис. 16: 11 [Медведев, 1998, с. 53–54, рис. 21: 7]). Однако его отличительной чертой, ни разу не встреченной среди рязано-окской керамики, является наличие горизонтальных налепов на плечике.

Аналогии среднеокским сосудам серии 4 группы I известны и на позднескифских памятниках Посеймья. Они происходят, в частности, из слоев Ратского городища, расположенного в современной Курской области (рис. 16: 12–13; [Енуков, Медведев, 2003, рис. 1: 1–2; 2: 5]). Сосуды близки не только морфологически, но и по составу формовочных масс – в тесте керамики Ратского городища, также как и в рязано-окской, присутствуют шамот и песок. Признак, выделенный авторами публикации в качестве характерного для позднескифской керамики – ребро на внутренней стороне венчика в месте его перехода в тулово – нередко встречается и на рязано-окских горшках. В качестве отличия можно отметить более вытянутые, стройные пропорции и более узкое дно, сохранившееся у сосуда с Ратского городища [Енуков, Медведев, 2003, рис. 11], что не характерно для рязано-окской посуды. Это может быть связано как с территориальными особенностями, так и с разными размерами сосудов – позднескифский горшок имеет высоту около 34 см, в то время как средняя высота рязано-окских обычно составляет 13–15 см.

Сосуды серий 2 (рис. 3: 7–10) и 5 (рис. 5: 5–6) группы I близки соответственно сериям 1 и 4, рассмотренным выше. Их отличает более широкое, приземистое тулово и, как правило, более короткий венчик. Для верхнеокской (дьяковской) и позднезарубинецкой керамических традиций подобные формы не характерны. Для сосудов с сильнопрофилированной верхней частью тулова (серия 5) известны параллели в позднескифских слоях Ишутинского городища (рис. 17: 14; [Разуваев, 1998, рис. 7: 2]). В.В. Гришаков рассматривал подобные сосуды как результат местного развития «позднезарубинецких» серий [Гришаков, 1993, с. 105].

Сосуды немногочисленной среднеокской серии 3 (рис. 4: 1–2) близки по набору качественных признаков позднезарубинецким «тюльпановидным» горшкам. По сравнению с сосудами серии 1, место наибольшего расширения тулова у них расположено выше, а его верхняя часть менее профилирована. Однако характерная для этих сосудов более «закрытая» верхняя часть тулова отличает их от зарубинецких тюльпановидных. Сосуды серии 3 классических рязано-окских могильников, видимо, следует рассматривать как позднее развитие более ранних серий, так как для рязано-окской керамики в целом характерно «повышение» со временем уровня расположения максимального диаметра.

Группа II. В качестве местных форм, связанных с автохтонным городецким населением, В.В. Гришаковым рассматривались горшки, выделенные мной в серию 7 (рис. 4: 5–10). На памятниках бассейна Средней Оки это самые многочисленные и долгобытующие сосуды. Керамика подобных форм характерна, в первую очередь, для этой археологической культуры и не получила широкого распространения на сопредельных территориях в III – начале V вв. – ни на Верхней Оке у дьяковских племен, ни на востоке у носителей древнемордовской культуры [Розенфельдт, 1971; Гришаков, 1988; Гришаков, 1993]. Неизвестны аналогии и среди позднескифской керамики. В.В. Гришаков указывал на наличие близких по форме сосудов в нижнем слое городецкого Новопшеневского городища в Примокшанье [Гришаков, 1993, с. 103]. Действительно, на этом памятни-

[4] Тезис о близости форм рязано-окской и позднескифской керамики, а также их возможной генетической связи, был впервые высказан А.М. Обломским при обсуждении данной работы на стадии ее подготовки к печати. Выражаю признательность А.М. Обломскому за помощь в сборе аналогий среди позднескифских материалов.

ке встречаются фрагменты сосудов с вертикальным венчиком, резко переходящим в плечико (рис. 18: 3; [Вихляев, 1986, рис. 5: 6; 6: 5]), однако форма их тулова не реконструируется полностью. В то же время, целый ряд наблюдений противоречит версии о прямой генетической преемственности городецких и рязано-окских горшков. Во-первых, сосуды самой массовой серии 7 малочисленны на ранней стадии существования рязано-окских могильников и получают широкое распространение уже в V в. Во-вторых, всего один такой горшок встречен в могильниках кошибеевского типа, керамика которых выполнена в тех же традициях, что и среднеокская – а эти памятники расположены в Примокшанье и, следовательно, из всех рязано-окских территориально наиболее близки Новопшеневскому городищу. Интересно, что подобные формы отсутствуют и в ранних комплексах древнемордовских могильников, территориально близких к Новопшеневскому городищу. Не исключено, что причина этого кроется в характере взаимодействия местного и пришлого населения. Кроме того, в рязано-окских могильниках отсутствуют слабопрофилированные баночные формы, встречающиеся в том же горизонте Новопшеневского городища, что и описанные выше горшки [Вихляев, 1986, с. 198–208].

Аналогий данным сосудам среди полных форм найти не удалось. Фрагменты же подобных горшков, так же как и сосуды группы I, известны в позднезарубинецких и дьяковских древностях.

Фрагменты сосудов, близких серии 7, происходят с позднезарубинецких памятников Березовка 2 (рис. 18: 6; [Обломский, 2002, рис. 6: 1]), и селища в ур. Озеро на Бельском городище (рис. 18: 7; [Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, рис. 61: 3]), а также с Троицкого и Щербинского городищ дьяковской культуры (рис. 18: 4–5; [Розенфельдт, 1971, рис. 27: 16; Розенфельдт, 1974, рис. 42: 4]). Однако и на этих памятниках нет ни массовых серий, ни полных форм подобного типа. Серии сосудов, которые можно было бы с уверенностью определить как прототипы рассматриваемых рязано-окских, на данный момент нам неизвестны.

С верхнеокским влиянием следует, видимо, связывать наличие в рязано-окских могильниках сосудов немногочисленной серии 6 (рис. 4: 3–4). Они имеют не характерные для среднеокской посуды стройные формы; очень близкие параллели этим горшкам встречены среди посуды Щербинского городища (рис. 19: 4). Так, для рязано-окских сосудов этой серии характерны значения соотношения максимального диаметра высоты тулова (D*max*/H*)* около 1 (0,98–1,07) и достаточно короткий венчик (H*т*/H*в* – 6,62–7,68), а отдельные сосуды с Троицкого городища имеют пропорции D*max*/H*т* – 0,93–1,03, и H*т*/H*в* – 6,60–8,60; они близки рязано-окским сосудам и по остальным пропорциям. От рязано-окских их отличают наклонный венчик, плавно переходящий в тулово. Очень близкая морфологическая параллель среднеокской серии 6 есть и на городище Мощины (рис. 19: 2; [Массалитина, 1993, с. 48; рис. 1: 25]). По качественным признакам – вертикальному венчику, резко переходящему в тулово – этот сосуд близок и горшкам серии 7, связываемым В.В. Гришаковым с городецким населением.

Горшки дьяковской и рязано-окской культур сближает не только форма. В качестве общей черты можно выделить также сходство в **орнаментации** (рис. 9), как с точки зрения элементов декора и приемов их нанесения, так и орнаментальных композиций, что неоднократно отмечалось в литературе [Гришаков, 1993, с. 103–104; Белоцерковская, 1998а, с. 42]. На керамике из могильников этого времени, расположенных восточнее «кошибеевских», орнаментация значительно беднее: декор представлен насечками и отпечатками зубчатого штампа по краю сосудов и практически не встречается на тулове [Гришаков, 1988; Гришаков, 1993]. Керамика позднезарубинецкой и киевской культур, равно как и позднескифская тоже, как правило, не орнаментировалась; исключение составляют насечки, нанесенные на край сосуда [Акимов, Медведев, 2002; Обломский, 2002; Горюнова, 2004].

Общими элементами декора, встреченными как на дьяковской, так и на рязано-окской гладкостенной посуде, являются и насечки, и различные виды штампов: ямочные вдавления (концевой штамп), отпечатки палочки, обмотанной веревкой (рис. 9).

О возможном дьяковском происхождении этих элементов декора говорит, в первую очередь, их преемственность от сетчатой посуды с городищ этой культуры, найденной в их более ранних слоях [Розенфельдт, 1973, с. 113; рис. 47; Розенфельдт, 1974, рис. 34, 35, 38]. Однако В.В. Гришаков, рассматривавший элементы декора рязано-окских сосудов как местную, городецкую черту, вслед за В.Г. Мироновым отмечает, что применение различных приемов орнаментации являлось характерной чертой именно среднеокского локального варианта городецкой культуры [Гришаков, 1993, с. 104].

Еще один элемент, традиционно рассматривающийся, как «верхнеокский», – это наличие **лощеной посуды**. В пользу того, что этот элемент является инокультурным, говорит, в первую очередь, тот факт, что подобная посуда крайне малочисленна в рязано-окских могильниках. Кроме того, данная категория сочетает в себе сразу две не характерные для среднеокской керамики черты: наличие лощения и низкая по пропорциям мисковидная форма. На сходство лощеных форм с рязано-окских памятников с дьяковскими и мощинскими сосудами неоднократно обращалось внимание в литературе [Ахмедов, Белоцерковская, 1996, с. 139]. Сосуды, происходящие из Шатрищенского могильника, имеют прямые аналогии с городища Мощины (рис. 20; [Массалитина, 1993, с. 48; рис. 1: 14, 15]). Обращает на себя внимание то, что в могильниках Среднего Поочья при этом ни разу не встречены цилиндроконические миски,

распространенные на мощинских памятниках этого времени [Массалитина, 1993, рис. 1]. Видимо, подобные формы не получили широкого распространения и на дьяковских городищах, хотя отдельные экземпляры сосудов подобной формы там встречаются [Розенфельдт, 1974, рис. 42: 18]. Это позволяет предположить, что происхождение лощеной посуды из рязано-окских могильников следует связывать прежде всего с дьяковским, а не с мощинским влиянием, что подтверждается и при сравнительном анализе общих пропорций сосудов, по которым рязано-окская лощеная керамика ближе к позднедьяковской, чем к мощинской [Белоцерковская, 2000, с. 106].

Особое место занимают миски с биконическим туловом, по терминологии А.М. Обломского – с «зигзагообразным профилем» [Обломский, 2005а, с. 32], происходящие из Никитинского могильника (раскопки Р.Ф. Ворониной; рис. 8: 8–9; [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с. 77; рис. 47: 3]). Исследовав сосуды с зигзагообразным профилем, происходящие с территории Восточной Европы позднеримского времени и начала эпохи великого переселения народов, А.М. Обломский пришел к выводу об их связи с керамическими традициями зарубинецкой, пшеворской и вельбарской культур [Обломский, 2005а, с. 38]. Появление подобных форм в Верхнем Подонье, Поочье, древнемордовских памятниках, а также на территории Поволжья (поселение Лбище Самарской Луки) в конце IV – начале V в. н.э. исследователь объясняет инфильтрацией в лесную зону черняховского населения, часть которого после разгрома державы Германариха мигрировала на восток; А.М. Обломский не исключает также возможность непосредственного проникновения центральноевропейского компонента в Подонье, Поочье и Поволжье [Обломский, 2005а, с. 41–42].

Крайне нехарактерно для традиционного погребального обряда племен Средней Оки и расположение лощеных мисок в погребениях. Лепные горшки, типичные для погребений культуры рязано-окских могильников, помещались обычно непосредственно в могиле, в ногах или в головах погребенного; большинство же мисок (пять случаев из шести рассмотренных; известны также и другие примеры) были найдены разбитыми в засыпке погребения. Кроме того, в пяти случаях из шести они сочетались в захоронении с нелощеным сосудом характерных для рязано-окской культуры форм; помещение двух или нескольких сосудов в одно захоронение также крайне редко встречается в погребальном обряде культуры.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы о формировании керамических традиций на территории Средней Оки. Начальный этап существования культуры рязано-окских могильников характеризуется преобладанием форм, происхождение которых, может быть связано с кругом позднескифских древностей: их наиболее близкие аналогии происходят из Верхнего Подонья (Ишутинское городище, Вязовский могильник). Не противоречит этому заключению и хронология бытования этих памятников, финал которых приходится на середину III в., т.е. фактически на время расселения носителей культуры рязано-окских могильников в Среднем Поочье. Широкий круг аналогий среднеокской керамике в это время известен не только на позднескифских, но и на позднезарубинецких, и, в единичных случаях, на киевских памятниках – в первую очередь, речь идет о сериях горшков, морфологически близких рязано-окской серии 1.

Несмотря на целый ряд близких форм, влияние позднезарубинецких племен, видимо, не было прямым, и наличие данных элементов на Средней Оке связано, в первую очередь, с проникновением на эту территорию верхнеокского – дьяковского и мощинского – населения, которое фиксируется по целой серии других находок [Белоцерковская, 1998; Белоцерковская, 2000]. Помимо форм сосудов, участие верхнеокского населения в формировании культуры рязано-окских могильников прослеживается на целом ряде черт керамического комплекса культуры.

Спорен вопрос о генетической связи керамики городецкой и рязано-окской культур. Формы, прототипы которых В.В. Гришаков усматривал в керамике городецкой культуры, также имеют аналогии на западе – в позднезарубинецких и дьяковских памятниках. В то же время, ввиду отсутствия и в тех, и в других древностях представительных серий или хотя бы полных форм подобных сосудов, ни те, ни другие аналогии не могут однозначно рассматриваться как прототипы рязано-окской серии 7.

Наибольшие изменения в керамическом комплексе населения Средней Оки приходятся на финал гуннского времени.

К середине V в. сосуды группы I прекращают бытование в Среднем Поочье. Их генетическая связь с более поздними формами не прослеживается.

Серия 7, видимо, трансформируется в серию 10. Сосуды этих двух серий отличает лишь разный уровень расположения максимального диаметра, повышение которого характерно для всех среднеокских горшков.

Появление и распространение большинства сосудов серий 9–13 группы III, а также серии 8 группы II, с одной стороны, может рассматриваться как естественное развитие более ранних форм, выразившееся в общем повышении уровня расположения максимального диаметра тулова и в разнообразии форм венчиков, по сравнению с более ранним периодом. Однако по времени распространение этих серий совпадает с приходом в лесную зону мигрантов, повлекшим за собой общую дестабилизацию и смену целого ряда археологических культур в лесной зоне, в частности, исчезновение мощинской культуры, а также изменение облика материальной культуры во всех ее районах, включая Поочье и Поволжье [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 171–179]. Не исключено, что именно эти события нашли свое отраже-

ние в керамическом комплексе Среднего Поочья. И действительно, сосуды наиболее распространенной в позднее время серии 13, появившиеся в рязано-окских могильниках около середины V в., имеют параллели на памятниках, традиционно относимых исследователями к мощинской культуре: аналогичные по форме горшки происходят с городищ Мощины и Серенск [Массалитина, 1996, с. 99–102; рис. 1], а также из кургана Шаньково 1 (рис. 18: 8–9; [Массалитина, 1997, с. 114–115]). На близость им рязано-окских форм этого времени уже обращал внимание В.В. Гришаков [Гришаков, 1993, с. 125]. Кроме того, характерной чертой поздних серий горшков Среднего Поочья является наличие ребра на плечике – отличительный признак сосудов мощинской культуры, прекращающей существование в V в. Распространение этих форм в рязано-окских могильниках близко по времени появлению здесь в середине V в. позднего варианта мощинских фибул с кнопкой [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 174].

Горшки аналогичных форм распространяются в гуннское время не только на территории Средней Оки, но и в Верхнем Подонье: подобные сосуды происходят из поселений Замятино 7 и 8 [Острая Лука…, рис. 39: 3; 63: 8; 70: 10]. Все они имеют изогнутые венчики, в верхней части плеча обычно расположено ребро; максимальное расширение тулова приходится на его верхнюю часть. Все остальные серии рязано-окской группы III имеют аналогичные пропорции тулова и отличаются друг от друга только формой венчика.

На основе проанализированного материала можно выделить **два периода** бытования керамики. Первый период – III – рубеж IV/V вв – соответствует догуннскому времени и является временем формирования керамических традиций носителей культуры рязано-окских могильников. Второй – гуннское и постгуннское время (V в.) – время развития одной из этих традиций и наибольшего разнообразия форм сосудов.

Одна из выделенных групп керамики (группа I, серии 1–5), распространенных в это время, бесспорно, связана с появлением на данной территории пришлого населения и имеет прототипы как среди южных позднескифских, так и среди западных – позднезарубинецких и дьяковских форм. Керамика, выполненная в этой керамической традиции, в большинстве своем не переживает рубеж IV–V вв и, за редким исключением, не встречается в комплексах гуннского времени.

Керамика второй керамической традиции, видимо, появляется несколько позже – в IV веке – и получает широкое распространение уже в гуннское время. Устойчивой серии прототипов данным формам найти не удалось, единичные же фрагменты аналогичных форм известны как среди местных, городецких, так и среди западных форм. Вопрос о ее происхождении остается открытым.

Именно с бытованием горшков группы II связан второй период – гуннское и постгуннское время (V в.). Самой устойчивыми во времени являются сосуды серии 7, доживающие без изменений до рубежа V/VI вв. Видимо, именно эта серия явилась основой для развития форм гуннского времени, для которых характерно «поднятие» уровня расположения максимального диаметра тулова и большее разнообразие форм венчиков. Необходимо отметить также наличие прототипов отдельных поздних форм в мощинских древностях, широко распространившихся в это время в лесной зоне в это время, связанное, возможно, с приходом на эту территорию нового населения, прослеженного на других категориях погребального инвентаря, в первую очередь, предметов вооружения и воинской культуры [Ахмедов, Казанский, 2004].

События гуннского времени, спровоцировавшие активные миграционные процессы на территории Европы, нашли свое отражение и в материальной культуре среднеокского населения, что выразилось, в частности, в существенных изменениях в керамическом комплексе, традиционно являющимся наиболее достоверным индикатором этногенетических и миграционных процессов.

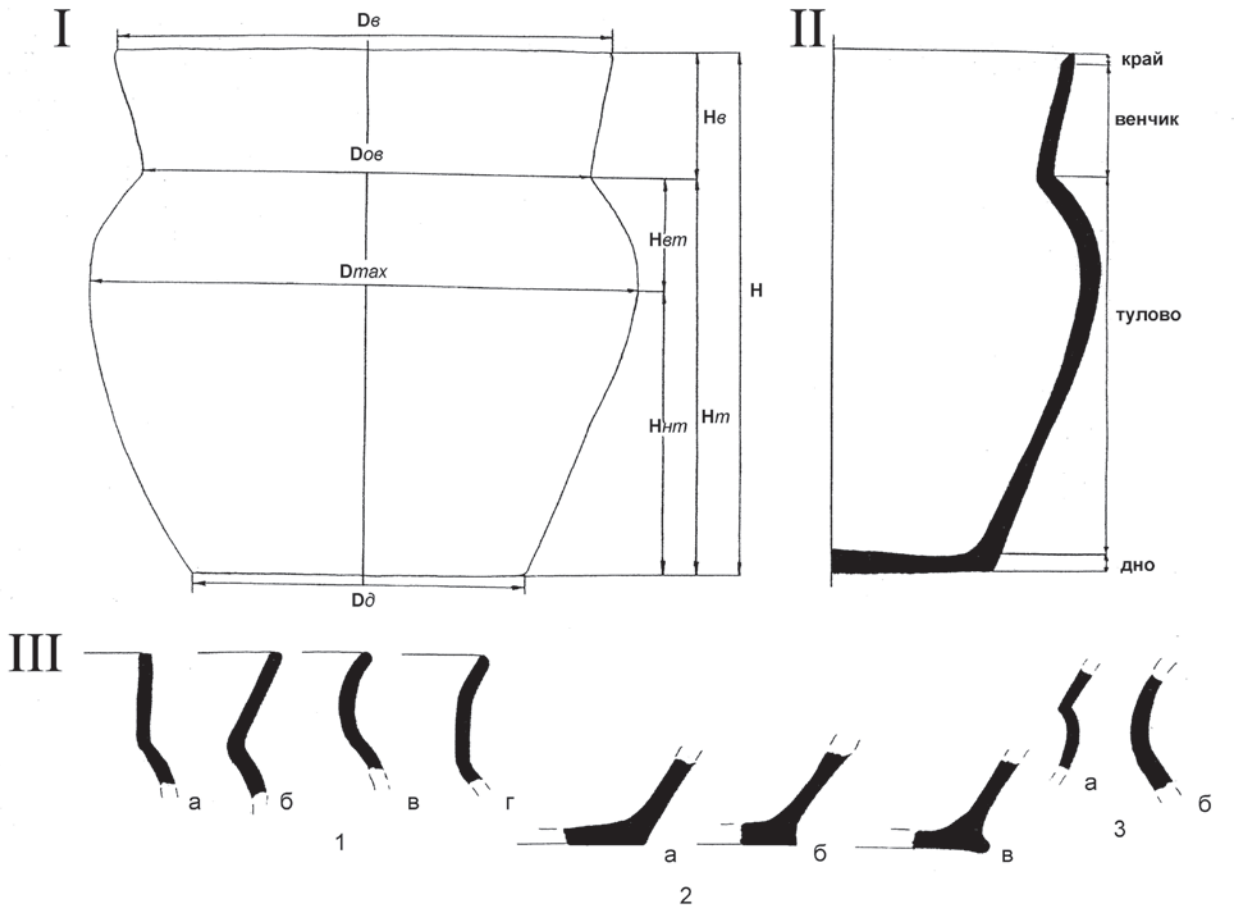

Рис. 1. Количественные и качественные признаки сосудов.
I. Измерение основных параметров сосуда. II. Основные конструктивные элементы сосуда. III. Формы конструктивных элементов. 1. Венчик: а – прямой вертикальный; б – прямой наклонный; в – изогнутый; г – вертикальный с отогнутым краем. 2. Дно: а – простое; б, в – выделенное: б – имеющее вид сплошного поддона; в – с закраиной. 3. Переход от венчика к тулову: а – резкий; б – плавный.

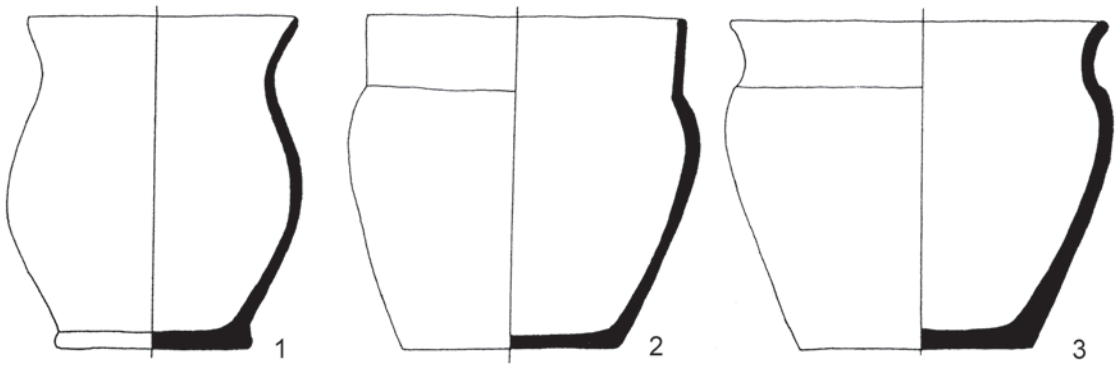

Рис. 2. Горшки с качественными признаками, характерными для групп I–III.
1. Горшок с признаками группы I: прямой наклонный венчик, плавный переход от венчика к тулову, «выделенное» дно. 2. Горшок с признаками группы II: прямой вертикальный венчик, резкий переход от венчика к тулову, «простое» дно. 3. Горшок с признаками группы III: изогнутый венчик.

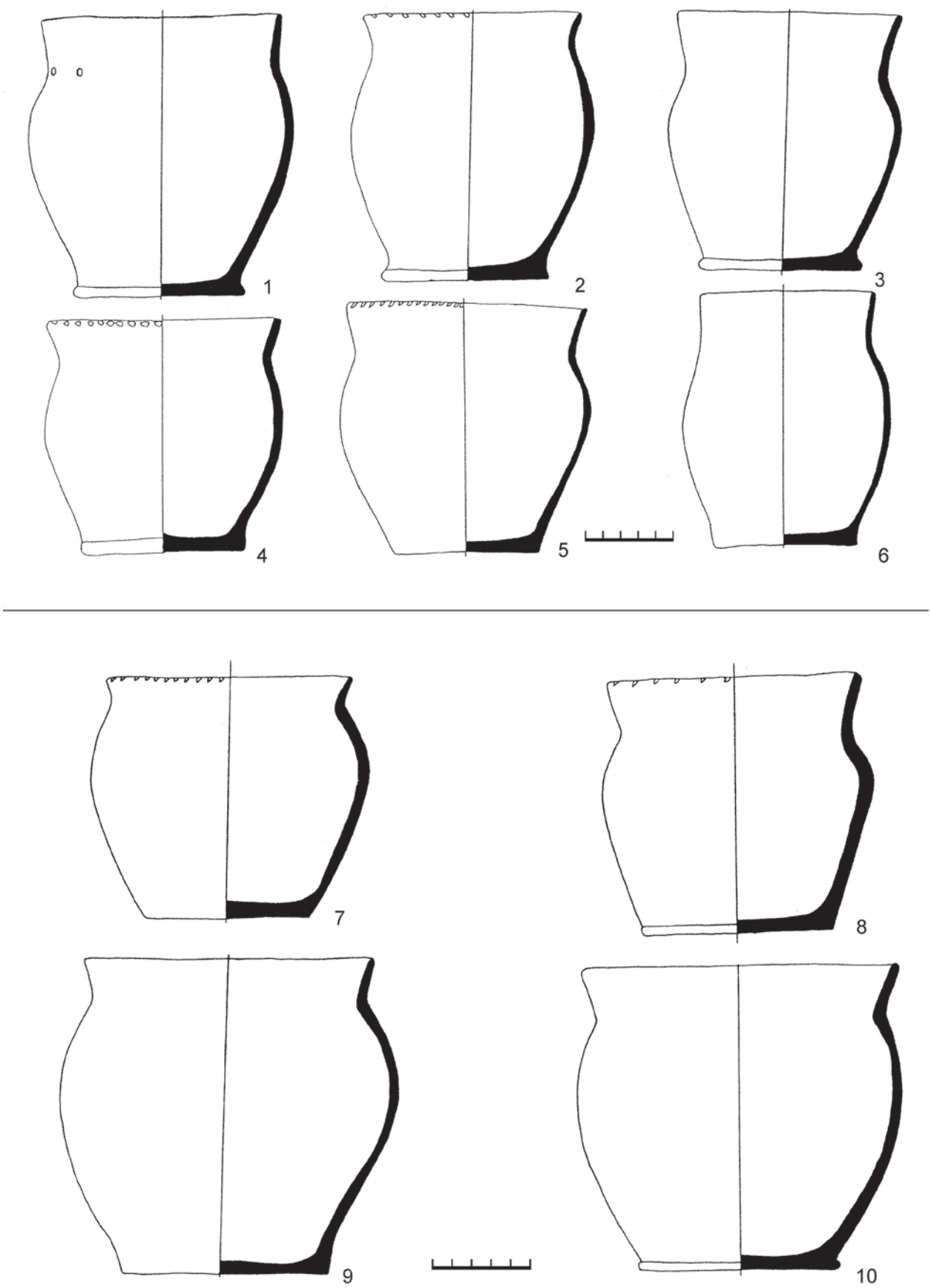

Рис. 3. Сосуды серий 1 (1–6) и 2 (7–10).
1, 3–5, 7–10 – Заречье, погр. 24, 128, 198, 121, 16, 114, 131, 217; 2, 6 – Шатрищи, погр. 45, 30.
Раскопки: 1, 7 – А.Н. Сорокина; 2, 6 – П.П. Ефименко (рисунки А.В. Коряка);
3–5, 8–10 – И.В. Белоцерковской.

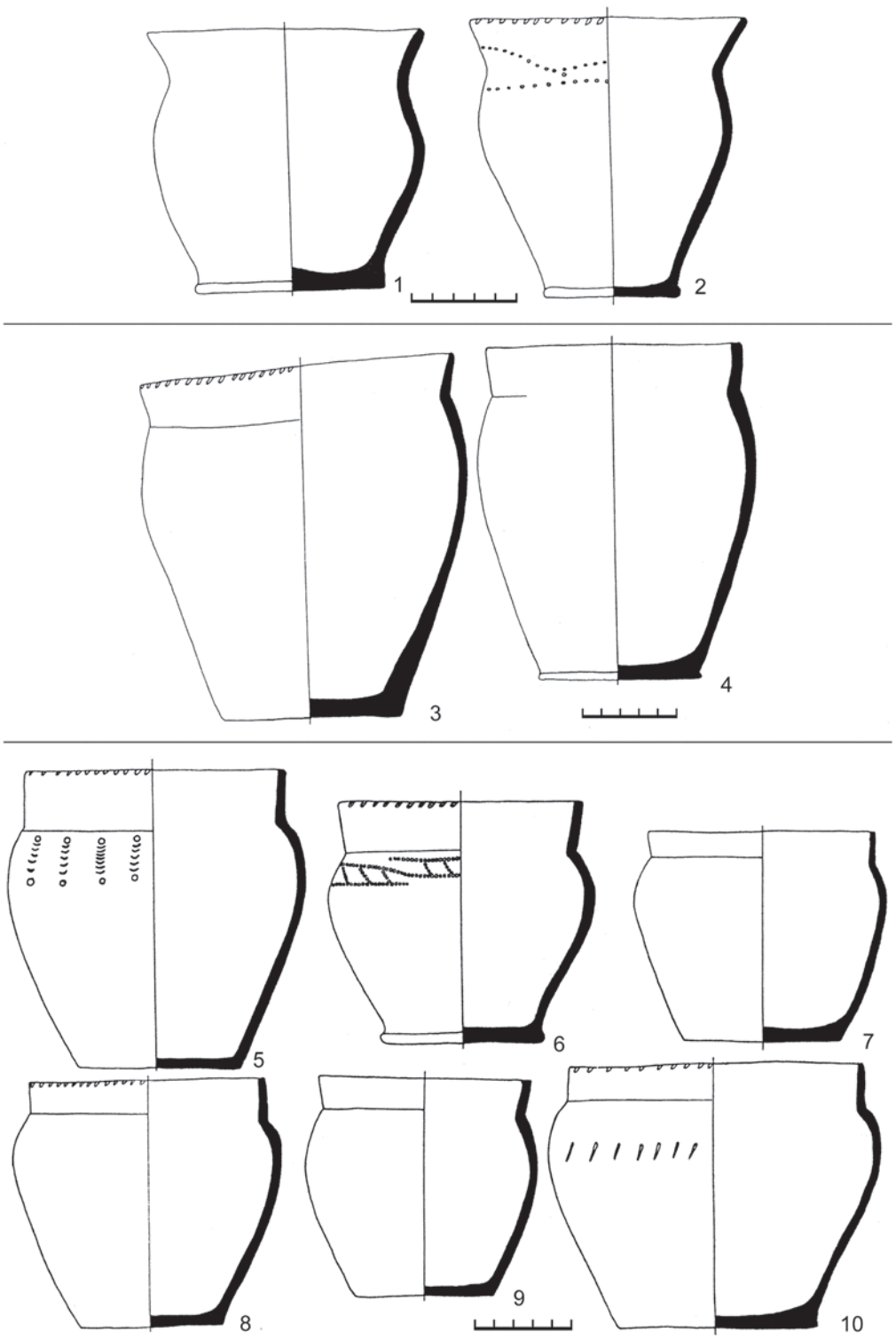

Рис. 4. Сосуды серий 3 (1–2), 6 (3–4), 7 (5–10).
1, 3, 5–7, 10 – Заречье, погр. 19, 89, 65, 225, 22, 238; 2 – Никитино, погр. 11; 4, 9 – Шатрищи, погр. 28, 2; 8 – Ундрих, погр. 3. Раскопки: 1, 7 – А.Н. Сорокина; 2, 8 – И.Р. Ахмедова; 3, 5, 6, 10 – И.В. Белоцерковской; 4 – П.П. Ефименко (рисунок А.В. Коряка).

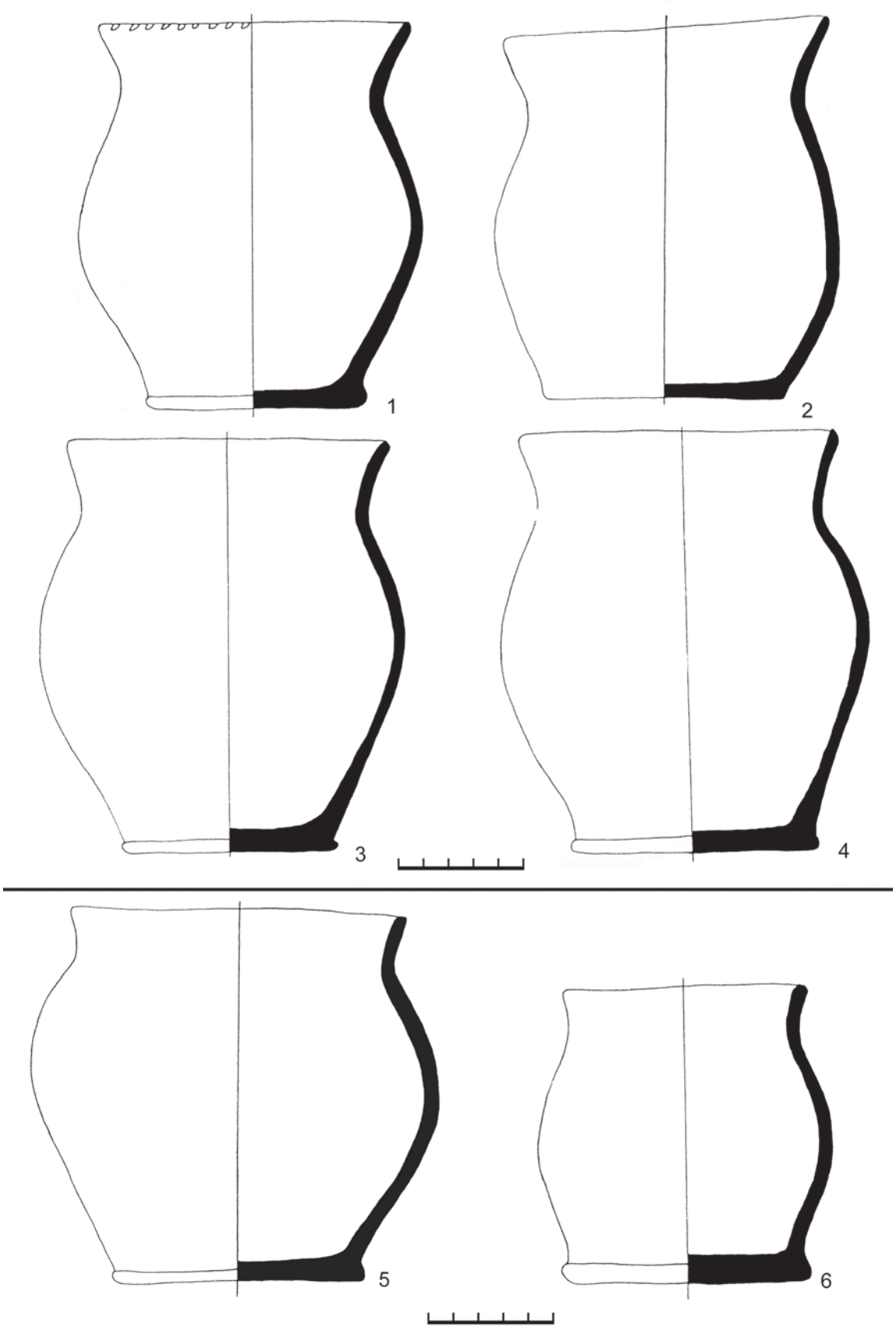

Рис. 5. Сосуды серий 4 (1–4) и 5 (5–6).
1–3, 5 – Заречье, погр. 112, 124, 134, 159; 4, 6 – Шатрищи, погр. 13, 35;
Раскопки: 1–3, 5 – И.В. Белоцерковской; 4, 6 – П.П. Ефименко.

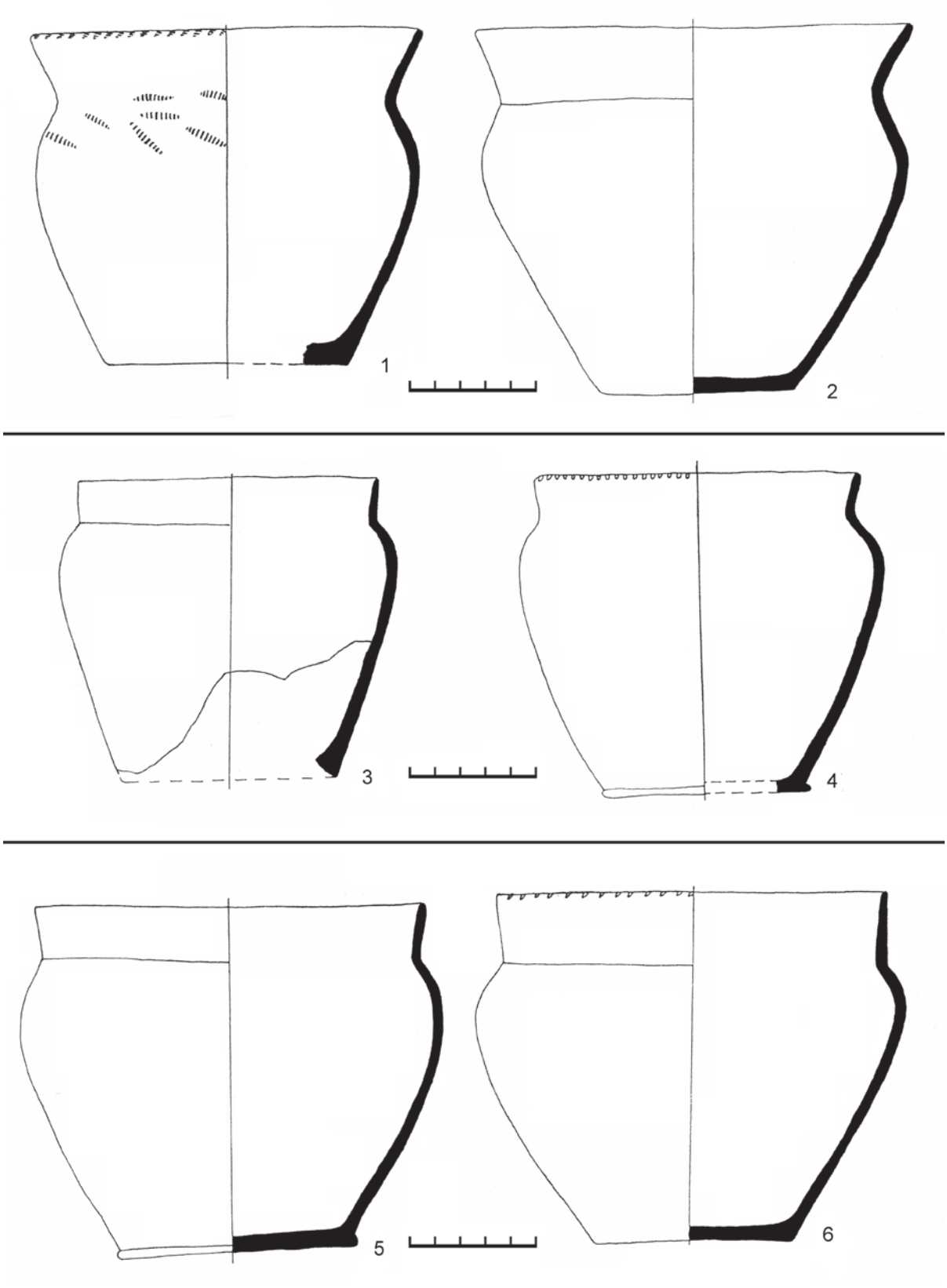

Рис. 6. Сосуды серий 8 (1–2), 9 (3–4), 10 (5–6).
1, 6 – Заречье, пахотный слой, погр. 158; 2, 4, 5 – Никитино, погр. 4, 63, 1; 3 – Шатрищи, погр. 5/6. Раскопки: 1 – А.Н. Сорокина; 2, 4, 5 – И.Р. Ахмедова; 3 – П.П. Ефименко (рисунок А.В. Коряка); 6 – И.В. Белоцерковской.

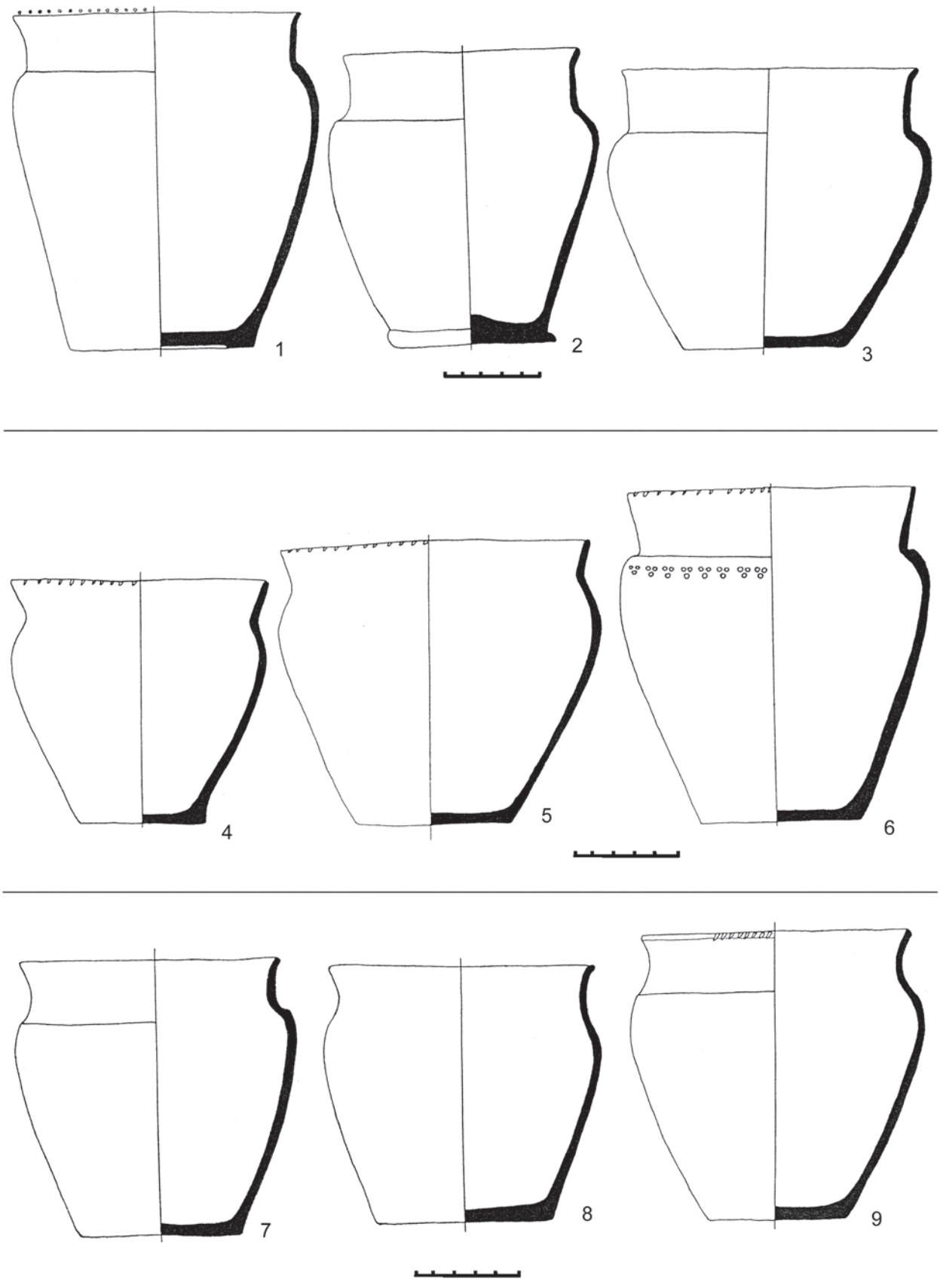

Рис. 7. Сосуды серий 12 (1–3), 11 (4–6), 13 (7–9).
1, 2, 4, 6, 7, 9 – Заречье, погр. 108, 66, 150, 117, 139, 27; 3, 5 – Шатрищи, погр. 2, 8; 8 – Ундрих, погр. 5.
Раскопки: 1, 2, 4, 6, 7 – И.В. Белоцерковской; 3, 5 – П.П. Ефименко (рисунки А.В. Коряка);
8 – И.Р. Ахмедова; 9 – А.Н. Сорокина.

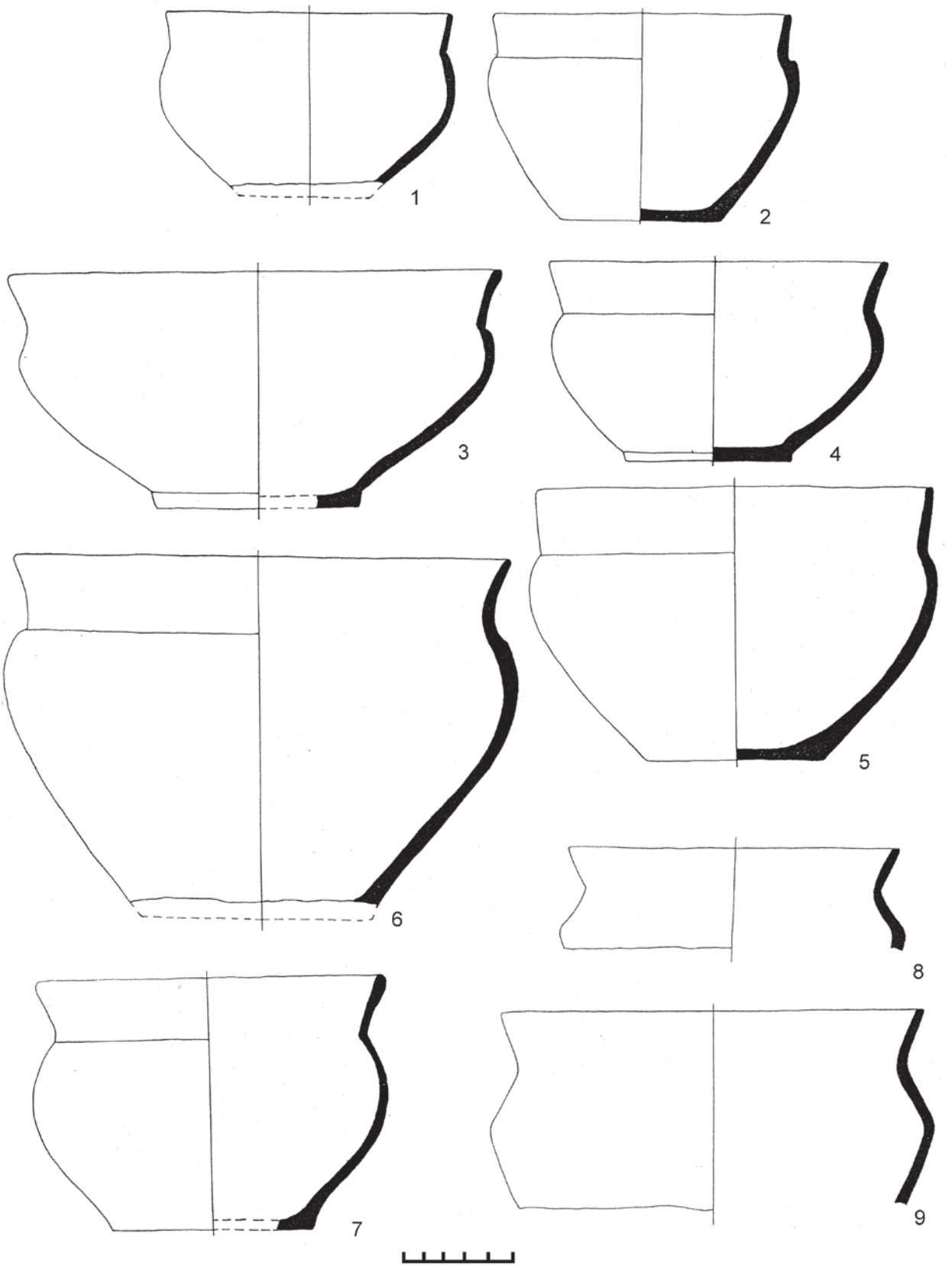

Рис. 8. Лощеные миски.
1, 3–5, 7 – Шатрищи, погр. 40, 26, 30, 38, 30; 2 – Заречье, погр. 3; 6 – Ундрих, погр. 5; 8, 9 – Никитино, пахотный слой, Раскопки: 1, 3–5, 7 – П.П. Ефименко (рисунки А.В. Коряка); 2 – А.Н. Сорокина; 6 – И.Р. Ахмедова; 8, 9 – Р.Ф. Ворониной.

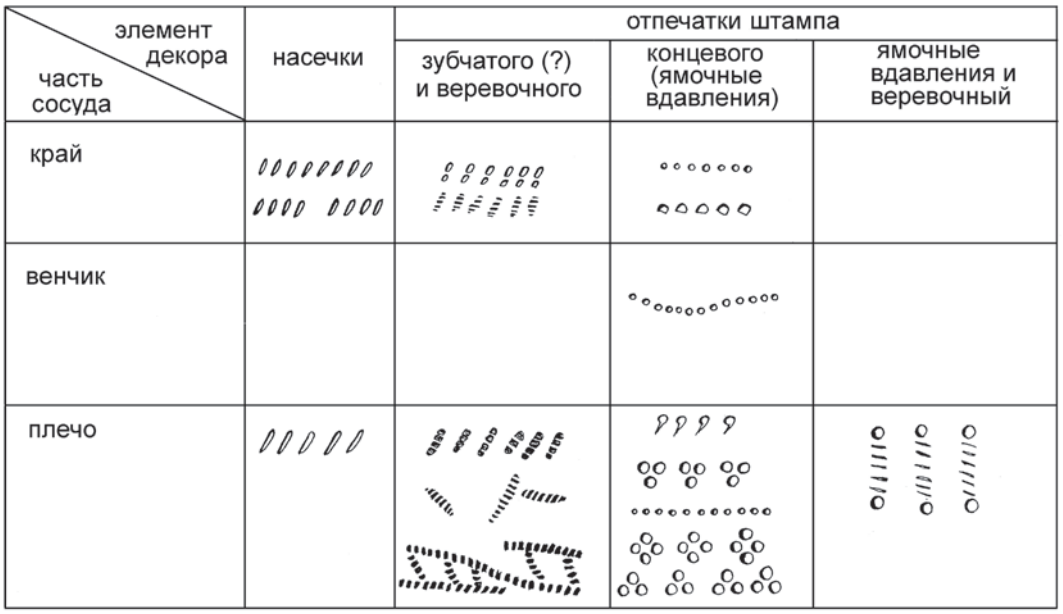

Рис. 9. Орнаменты на сосудах: 1 – культуры рязано-окских могильников; 2 – дьяковской культуры (по [Розенфельдт, 1974]).

Обозначения к рис. 10.

Хронологические индикаторы (изображения образцов см. на рис. 11 под теми же номерами)

1 – Витые гривны мощинского типа. 2 – Граненые пряжки с овальными щитками и короткими слабопрогнутыми язычками, близкие типу «Келлер А». 3 – Проушные топоры мощинского типа. 4 – Двухчленные прогнутые подвязные фибулы (серия 1 варианты 2–3 по [Амброз, 1966]). 5 – Массивные дротовые гривны и браслеты с обрубленными концами. 6 – Гривны и браслеты азелинского типа. 7 – Ажурные застежки серий 1Б-Г по [Белоцерковская, 1999б]. 8 – Обувные наборы с подвесками и накладными бляхами. 9 – Ажурные застежки серий 1Д по [Белоцерковская, 1999б]. 10 – Тордированные гривны и браслеты. 11 – Дротовые гривны с ромбическим приемником и обмоткой. 12 – Ажурные застежки серии 2 по [Белоцерковская, 1999б]. 13 – Пластинчатые браслеты. 14 – Фрагменты деревянных чаш с металлическими накладками по краю. 15 – Крестовидные фибулы типов IA1-3 по [Ахмедов, 1998]. 16 – Набивные бляшки и накладки, выполненные в геометрическом стиле. 17 – Крестовидные фибулы типов IA4-5, IБ7 по [Ахмедов, 1998]. 18 – Округлорамчатые немассивные пряжки с длинными хоботковидными язычками. 19 – Дротовые гривны с завязанными концами (ранней серии без фасет). 20 – Пряжки с сегментовидной рамкой и длинным выступающим язычком. 21 – Дротовые браслеты с рельефными зооморфными концами. 22 – Браслеты с раструбообразными концами. 23 – Дротовые браслеты со «змееголовыми» концами. 24 – Поясные накладные бляшки, фасетированные, с вогнутыми боковыми гранями. 25 – Поясные наборы с птицевидными деталями (поздняя серия). 26 – Мечи железные однолезвийные типа «Smaller Langsax», в некоторых случаях – с двулезвийными. 27 – Массивная гривна с завязанными концами со сглаженными гранями, украшенная ромбическими фасетами. 28 – Крестовидные фибулы типов IБ8, 10 по [И.Р. Ахмедов, 1998].

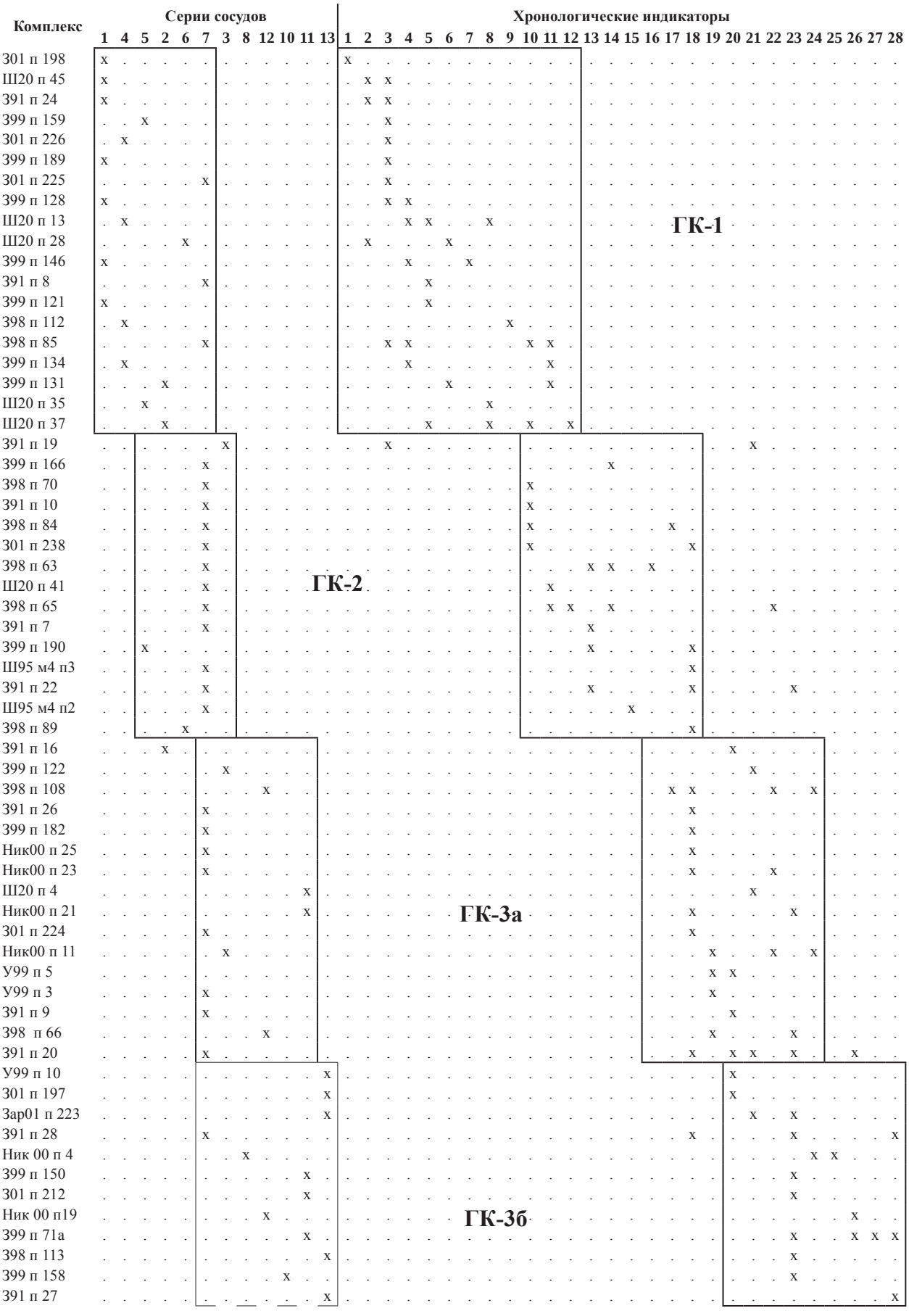

Рис. 10. Сериация комплексов по группам керамики (ГК) и хронологическим индикаторам (рис. 11).
З – Заречье 4, Ник – Никитино, Ш – Шатрищи (м 4 – мыс 4), У – Ундрих, п – погр.; др. обозначение см. на с. 263.

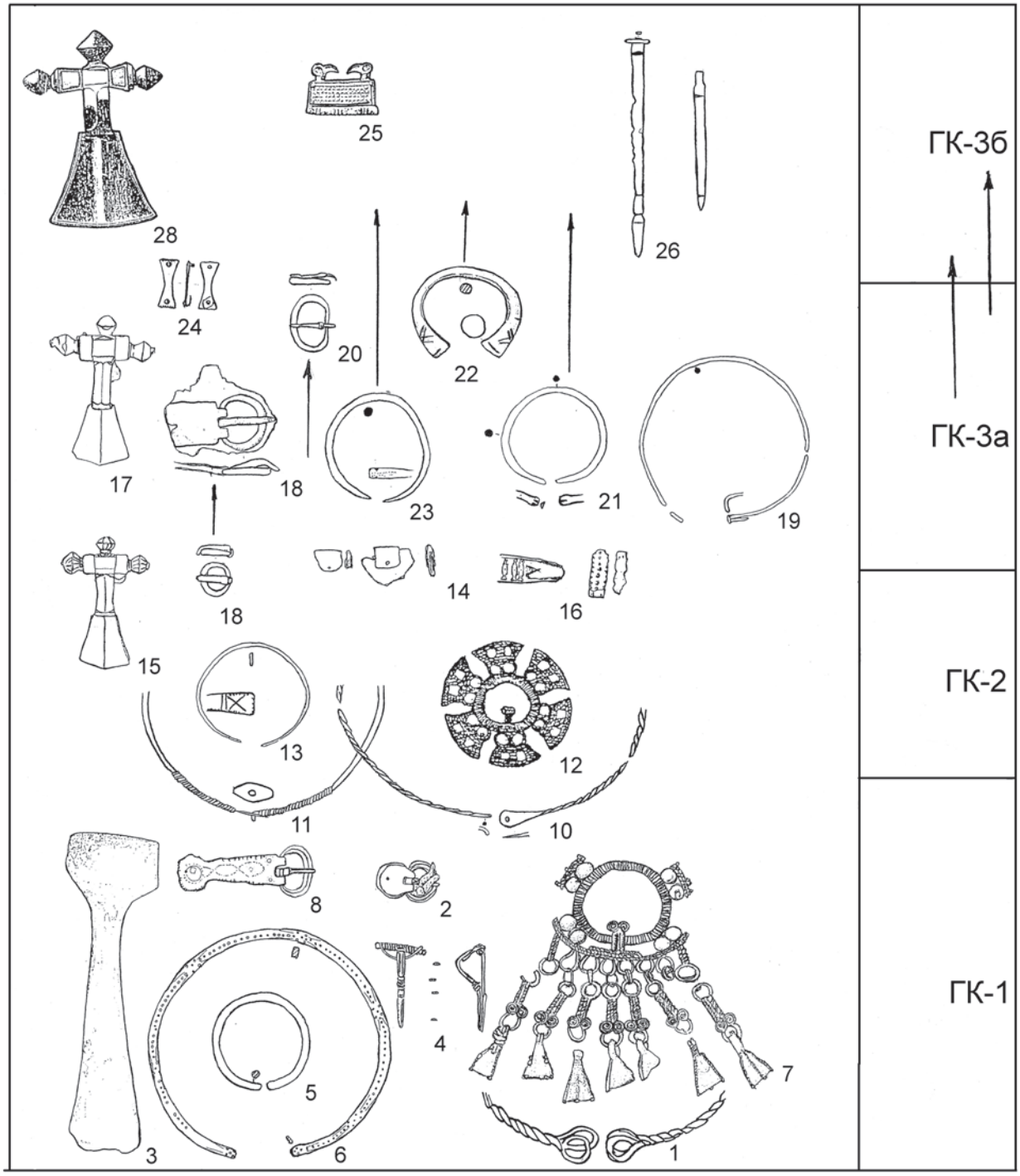

Рис. 11. Хронологические индикаторы групп керамики (ГК).
2, 4, 5, 6, 8, 12, 13 – Шатрищенский могильник, раскопки П.П. Ефименко (рисунки А.В. Коряка); 3, 7, 10, 14, 17, 18–18а, 20–24 – могильник Заречье 4, раскопки И.В. Белоцерковской; 11, 15 – Шатрищенский могильник, раскопки И.Р. Ахмедова; 19, 25 – могильник Ундрих, раскопки И.Р. Ахмедова; 16 – Кошибеевский могильник, раскопки А.А. Спицына; 26 – Старокадомский могильник, раскопки В.Н. Шитова, по [Шитов, 1988в]; 28 – Рязанская губ., сборы, по [Ахмедов, Гавритухин, рукопись]; 1 – по [Белоцерковская, 1999]. (Номера совпадают с рис.10).

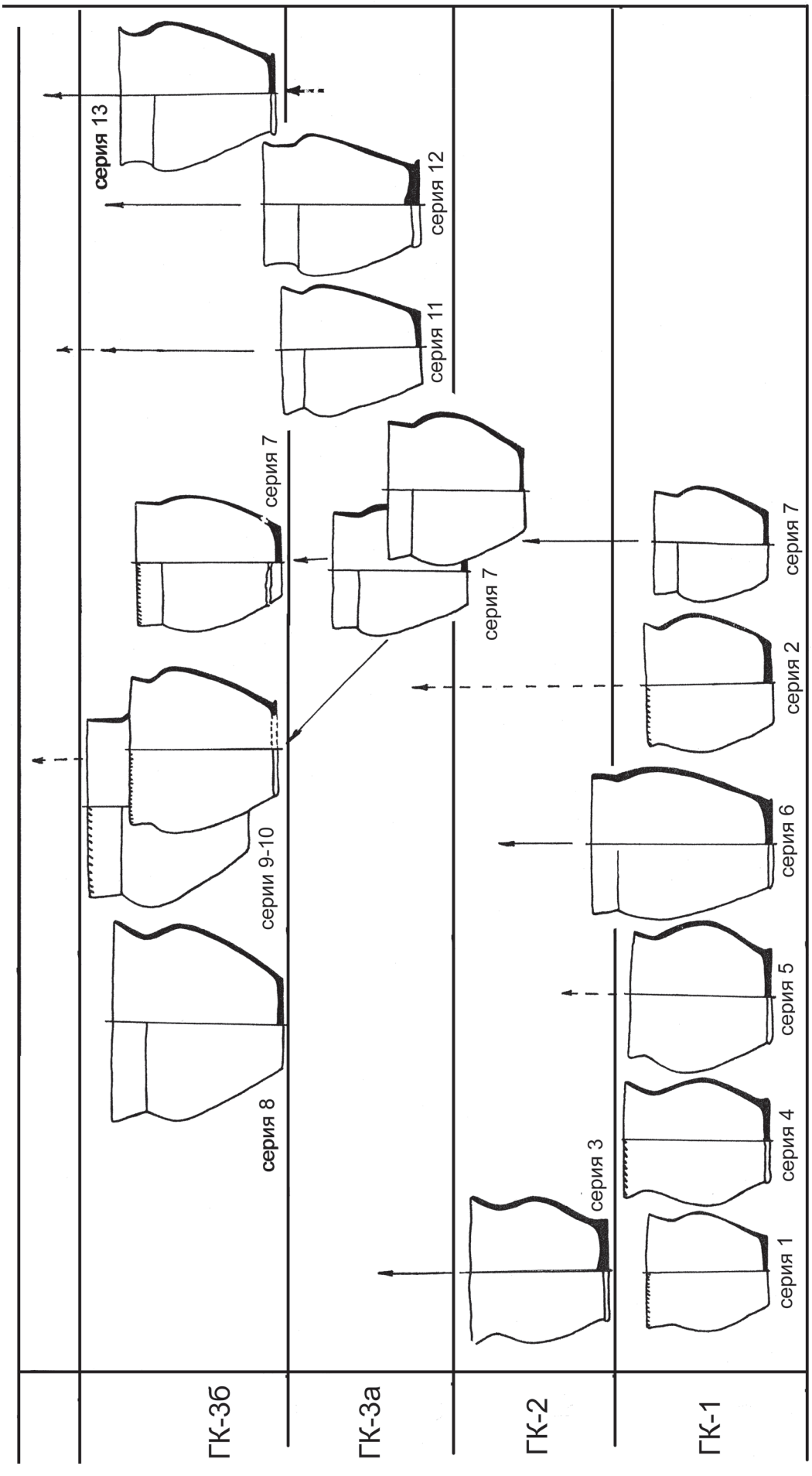

Рис. 12. Распределение серий сосудов по периодам – группам керамики (ГК).

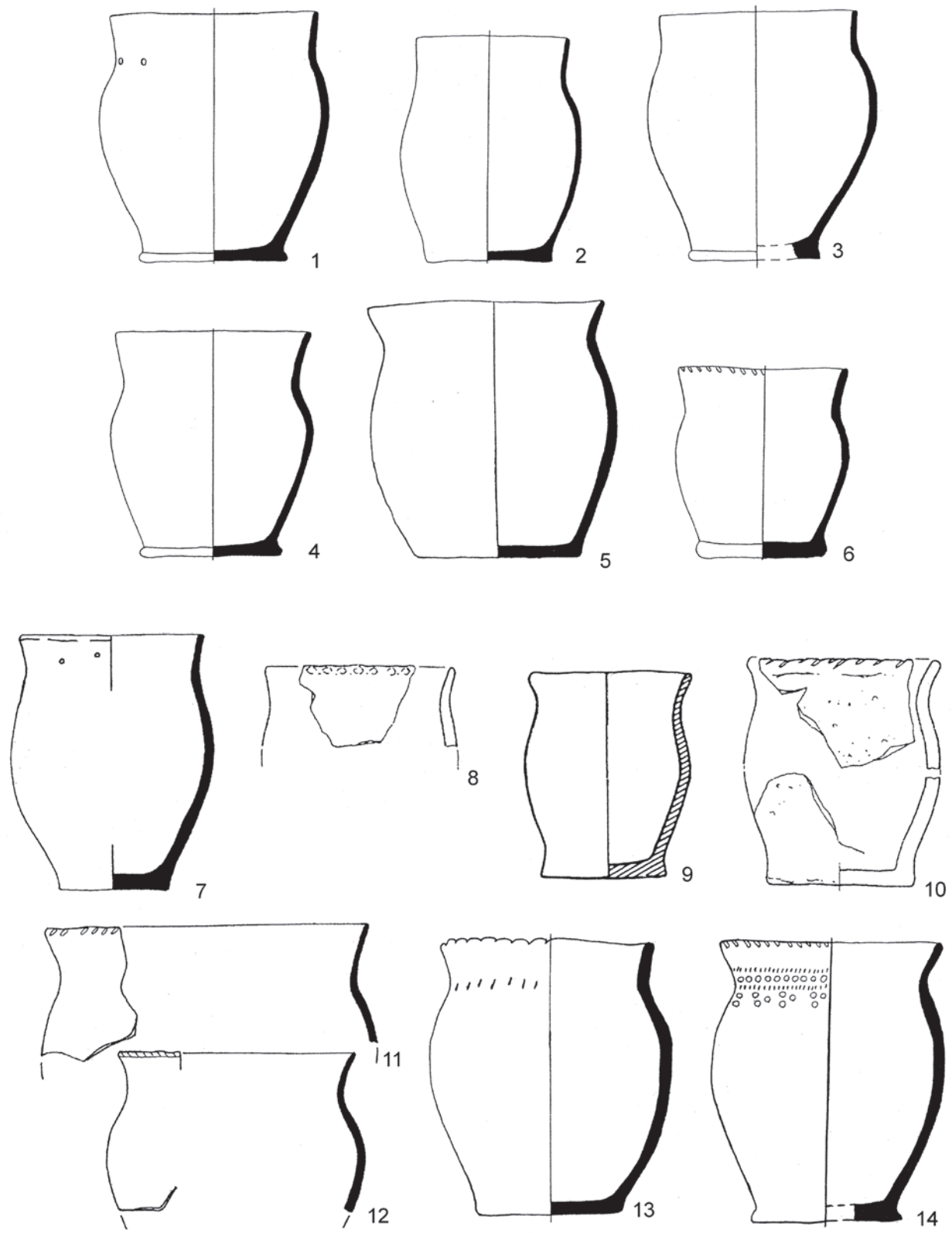

Рис. 13. Горшки серии 1 и их аналогии на позднезарубинецких, раннекиевских и дьяковских памятниках. 1, 3–4 – Заречье, погр. 24, 189, 128; 2, 5–6 – Шатрищи, погр. 30, 31, 20; 7 – Тазово; 8, 10 – Бельск, селище в ур. Озеро; 9, 14 – Щербинское городище; 11–12 – Синьково; 13 – Троицкое городище. Раскопки и публикации: 1 – А.Н. Сорокина; 2, 5–6 – П.П. Ефименко; 3–4 – И.В. Белоцерковской; 7, 11–12 – по [Обломский, 2002]; 8, 10 – по [Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005]; 9, 14 – по [Розенфельдт, 1974]; 13 – по [Розенфельдт, 1971].

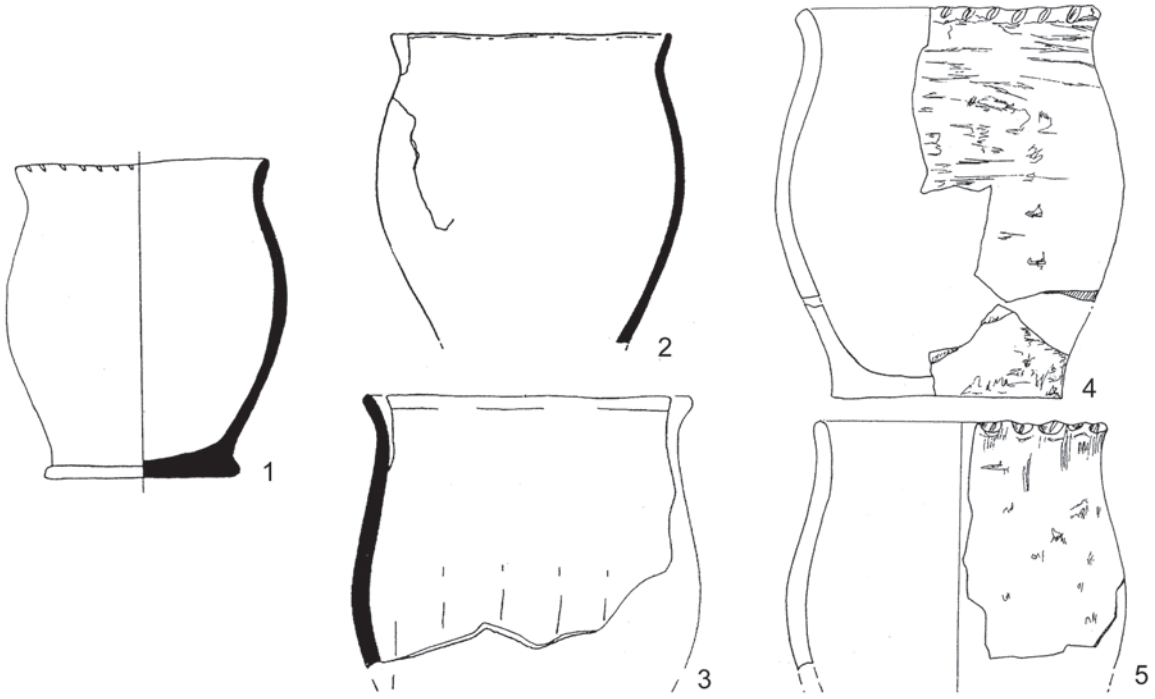

Рис. 14. Горшки серии 1 и их аналогии на позднезарубинецких и раннекиевских памятниках.
1 – могильник Шатрищи, погр. 45, раскопки П.П. Ефименко; 2 – поселение Каменево 2; 3 – поселение 10-й Октябрь; 4–5 – поселение Картамышево 2.
2–3 – по [Обломский, 2002]; 4–5 – по [Горюнова, 2004].

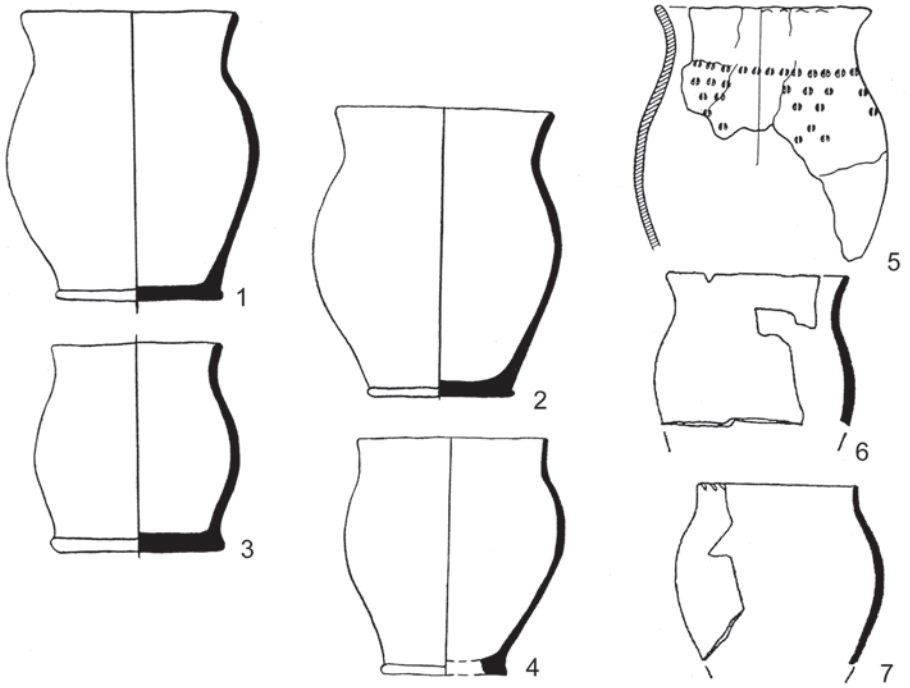

Рис. 15. Горшки серий 4–5 и их аналогии на позднеразубинецких и дьяковских памятниках.
1, 3 – могильник Шатрищи, погр. 13, 35, раскопки П.П. Ефименко; 2, 4 – могильник Заречье 4, погр. 134, 189, раскопки И.В. Белоцерковской; 5 – Троицкое городище, по [Розенфельдт, 1971]; 6–7 – селище Синьково, по [Обломский, 2002].

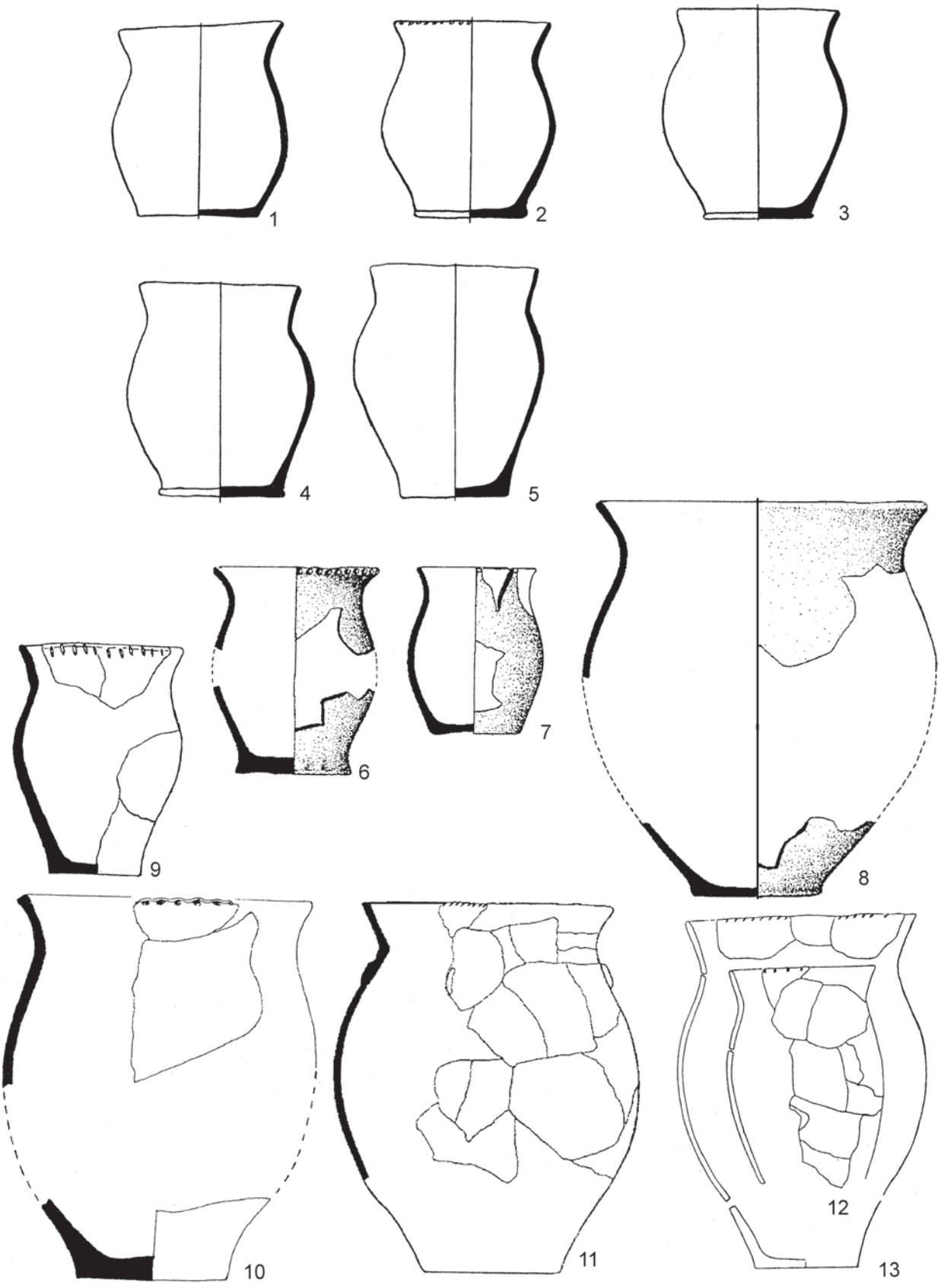

Рис. 16. Горшки серий 4–5 и их аналогии
на позднескифских памятниках Верхнего и Среднего Подонья и Посеймья.
1–3, 5 – могильник Заречье 4, погр. 124, 112, 134, 226, раскопки И.В. Белоцерковской; 4 – могильник Шатрищи, погр. 13, раскопки П.П. Ефименко; 6–8 – Ишутинское городище, по [Разуваев, 1998]; 9–10 – III Чертовицкое городище; 11 – могильник на территории III Чертовицкого городища, по [Медведев, 1998]; 12–13 – Ратское городище, по [Енуков, Медведев, 2003].

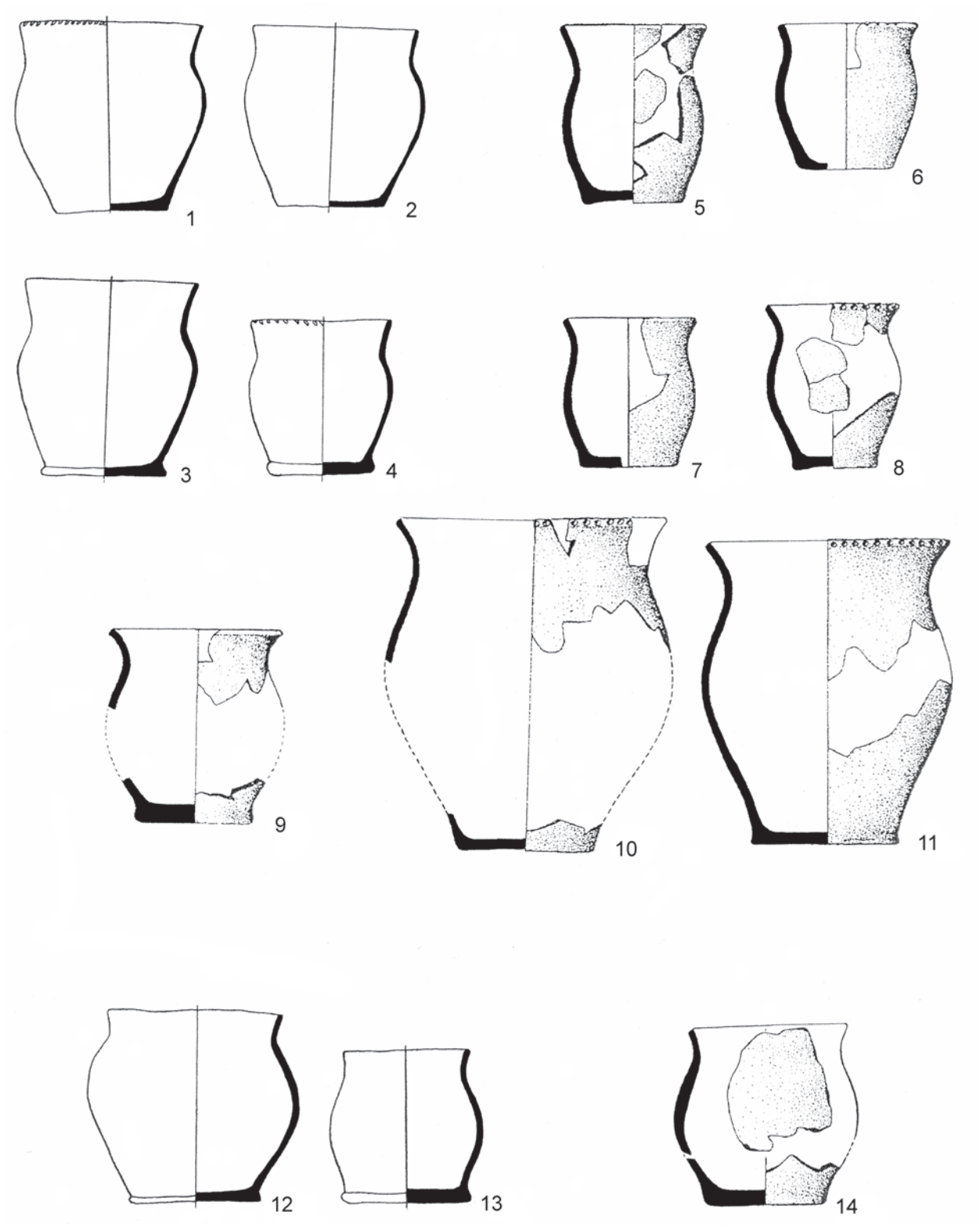

Рис. 17. Горшки серий 1–5 и их аналогии на позднескифских памятниках Верхнего Подонья.
1–3, 12 – могильник Заречье 4, погр. 121, 146, 128, 159, раскопки И.В. Белоцерковской; 4, 13 – могильник Шатрищи, погр. 20, 35, раскопки П.П. Ефименко; 5–11, 14 – Ишутинское городище, по [Разуваев, 1998].

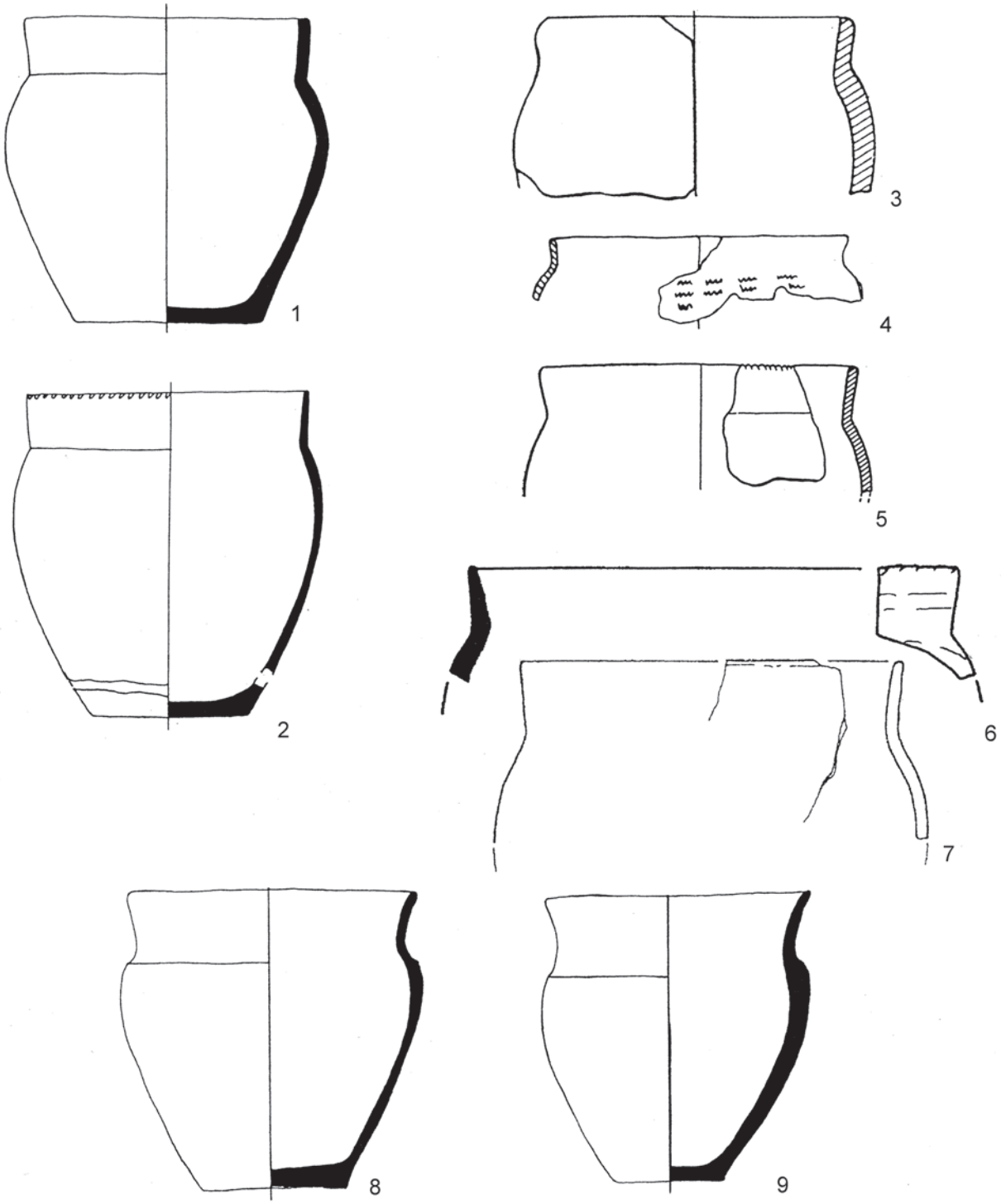

Рис. 18. Горшки серии 7 и их аналогии на городецких, дьяковских, позднезарубинецких памятниках (1–7), а также серии 13 и их аналогии на мощинских памятниках (8–9).

1 – могильник Шатрищи, погр. 36, раскопки П.П. Ефименко; 2 – могильник Никитино, раскопки И.Р. Ахмедова; 3 – Новопшеневское городище, по [Вихляев, 1986]; 4 – Троицкое городище, по [Розенфельдт, 1971]; 5 – Щербинское городище, по [Розенфельдт, 1974]; 6 – поселение Березовка 2, по [Обломский, 2002]; 7 – Бельск, селище в ур. Озеро, по [Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005]; 8 – могильник Заречье 4, погр. 223, раскопки И.В. Белоцерковской; 9 – курган Шаньково 1, по [Массалитина, 1997].

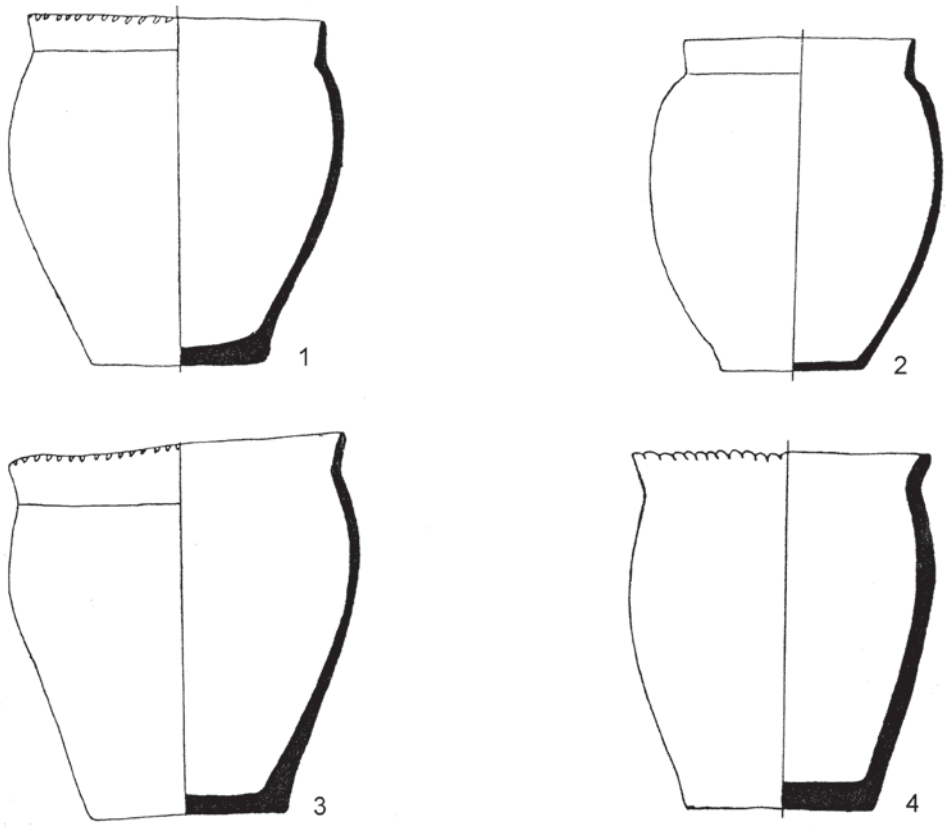

Рис. 19. Горшки серии 6 и их аналогии на мощинских и дьяковских памятниках.
1 – Борковский могильник, погр. 13, раскопки А.В. Селиванова; 2 – городище Мощины, по [Массалитина, 1993]; 3 – могильник Заречье 4, погр. 89, раскопки И.В. Белоцерковской; 4 – Щербинское гордище, по [Розенфельдт, 1974].

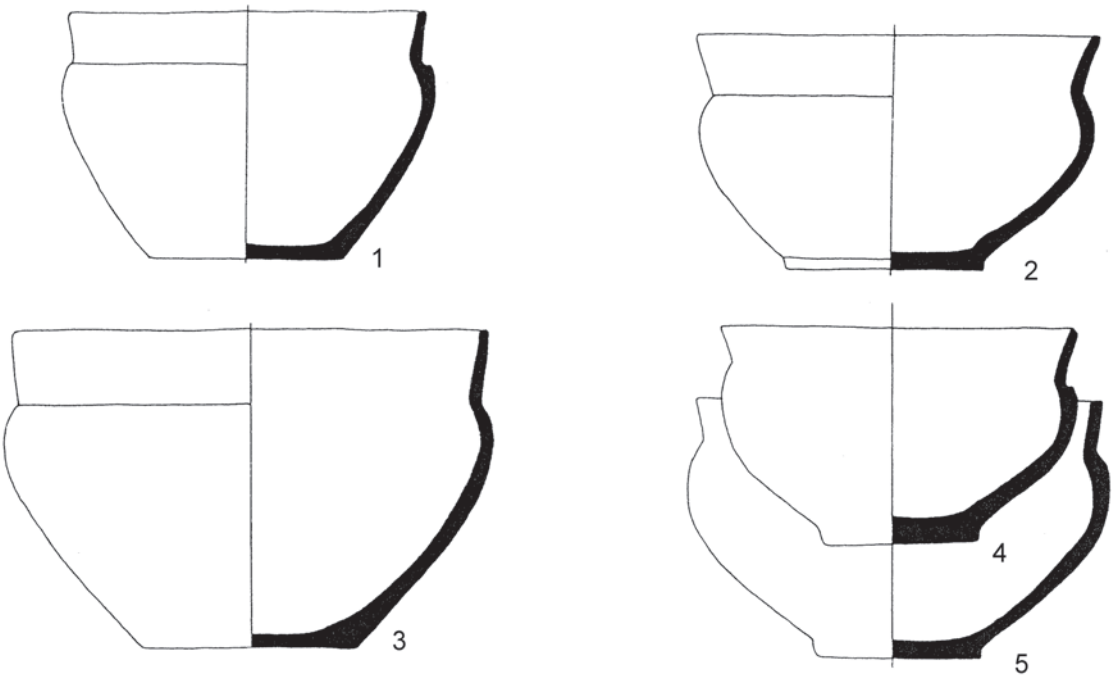

Рис. 20. Лощеные миски из рязано-окских могильников и их мощинские аналогии.
1 – могильник Заречье 4, погр. 3, раскопки А.Н. Сорокина; 2, 3 – могильник Шатрищи, погр. 30, 38, раскопки П.П. Ефименко; 4–5 – городище Мощины, по [Массалитина, 1993].

3.6. К реконструкции исторических процессов

(И. Р. Ахмедов, И. В. Белоцерковская)

Итогом изучения основных категорий погребального инвентаря рязано-окского населения стали, в первую очередь, разработка хронологии и периодизации культуры. Наиболее дробная периодизация (9 периодов, охватывающих конец I – рубеж I/II/VI–VII вв.), в целом соответствующая периодизации центральноевропейских древностей, получена при анализе мужского инвентаря как наиболее подверженного инокультурным влияниям и изменениям в воинской моде. На 6 этапов (включая не рассматриваемый здесь «кошибеевский») делится процесс формирования и эволюции традиционного женского костюма (в работе проанализирован период III/VI – 1-ой половины VII вв.), и четырьмя периодами (с конца II по 1-ую половину VII вв.) представлены этапы поступления импортных стеклянных бус на Среднюю Оку (табл.1).

Проведенный анализ, особенно наиболее традиционного элемента культуры – керамического производства, подтвердил уже неоднократно высказанное мнение, которое сложилось при рассмотрении других составных частей инвентаря, о преемственности «кошибеевских» и классических рязано-окских древностей. Верным оказался и тезис о расселении рязано-окских племен в бассейне Средней Оки в III в. [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 38].

Распространение носителей культуры рязано-окских могильников на весь регион Рязанского Поочья поставило ее в ряд наиболее значимых археологических культур Центральной России римского и гуннского времени.

До этого момента большинство категорий инвентаря в целом представляли собой дальнейшее развитие андреевского-кошибеевских форм, связанных с поволжско-финским кругом древностей (типа Андреевского кургана, культур пьяноборского облика, отдельные элементы степного происхождения). На протяжении же III в., в большей степени второй его половины, наблюдается значительный приток инокультурных элементов. Их синтез привел к существенному изменению облика культуры, в которой достаточно органично сочетаются разнокультурные элементы. Присутствие «западных» – раннечерняховских, прибалтийских и причерноморских импортов в инвентаре мужских погребений (поясные гарнитуры, оружие); мощинских и москворецких форм, а также выработка самобытных украшений женского убора (к примеру, ажурные застежки, некоторые виды блях, височные кольца с лопастью и др.), преобладание керамики, изготовленной под влиянием позднезарубинецких традиций – это то главное, что кардинально отличает рязано-окских финнов от населения других очагов древнемордовской культуры (группировок на рр. Теше, Пьяне и в Верхнем Посурье). Находясь на юго-западной оконечности поволжского мира, окские финны вступили в тесное взаимодействие с носителями мощинской и «позднедьяковской» культур.

Если в начальный период обитания рязано-окских племен на Средней Оке, в целом совпадающим со временем формирования черняховской, киевской, мощинской, а судя по целому ряду признаков, и позднедьяковской (отдельные детали этого процесса см. [Ахмедов, 2003а, с. 128–138]) культур, появление инородных элементов явно имело характер поступления отдельных импортов, то в 1-ой половине IV в. фиксируются как ряд черняховских импортов (пряжки, лунницы, подвески различных форм, фибулы), так и целые комплексы изделий западного происхождения. Один из наиболее ярких представлен в погр. 57 Кошибеевского могильника (раскопки В.Н. Глазова), где находился поясной набор с тремя подвесками, шпоры типа Е по Е. Гинальскому, гривна с крупным круглым щитком и проволочной обмоткой концов. Подобные комплексы известны и на других памятниках культуры, а также в отдельных погребениях верхнесурской мордвы (к примеру, Ражкинский и Тезиковский могильники). Эти находки имеют параллели преимущественно в древностях пшеворской и западнобалтийских культур.

Появление пшеворских и западнобалтийских импортов на Средней Оке и на территории других групп древней мордвы на данный момент может быть связано только с одним процессом, который маркируют два эпохальных события. Это – покорение Германарихом лесных племен, среди которых наш единственный информатор Иордан прямо называет «морденс» и «меренс», и последовавший за этим поход против герулов, венетов и эстиев, закончившийся победой готского союза.

Возможно, в этом походе принимали участие и местные воины, принесшие в финскую среду полученные в качестве трофеев западные вещи. Появление в сопредельном регионе – центре Липецкой области – памятников типа Каширки-Седелки, оставленных населением, близким черняховско-киевскому кругу, как будто свидетельствует в пользу этого предположения.

Так или иначе, представляется правомерным полагать, что с этого времени рязано-окское население попадает в сферу политического влияния черняховского «союза» – «державы Германариха».

В то же время прослеживаются и связи с причерноморскими территориями, на которые указывают находки поясных гарнитур южного облика, уздечных наборов круга «Буденновская слобода», плетей с металлическими обкладками и утяжелителями на ремне.

Появление новых элементов инициировало развитие местных форм, таких, как местная серия

двучленных фибул с штемпельным орнаментом, поясов «геометрического» стиля, гривен с напускными бусами.

Следующий этап маркируется появлением погребений воинов с двулезвийными мечами с бусинами-подвесками, деревянными чашами, боевыми ножами-кинжалами. Облик воинской культуры, в целом, отражает комплекс оружия и вооружения, который был распространен в конце IV – начале V в. от Южного Урала до Подунавья. Изменился облик и других категорий погребального инвентаря культуры. В это время бытовавшие здесь ранее ожерелья полностью сменяются новыми наборами печеночно-красных бус, изготовленных по так называемому ближневосточному рецепту; происходит окончательное формирование основных составных частей женского головного убора, появляются ставшие впоследствии классическими гривны с коробками, лунницы, крестовидные фибулы; прекращают бытование сосуды первой керамической традиции.

Характер поступления инокультурных изделий на Среднюю Оку в этот период, очевидно, следует определять как опосредованное получение импортов. Появление новых погребальных обычаев, например, кремаций или биритуальных погребений (сочетание в одном сооружении кремаций и ингумаций, иногда частичных) и нового типа сосудов (лепных лощеных мисок с зигзаговидным профилем) [Обломский, 2005а] указывает на контакты с инокультурными группами.

Возможно, посредником в этом процессе могло выступать смешанное население Верхнего Подонья, оставившее памятники круга Чертовицкого – Замятнино, в культуре которого сочетаются как кочевнические («гуннские») элементы, так и связанные с оседлым населением (древности круга «Унтерзибенбрунн», киевские, мощинские) . Этому предположению не противоречит и состав керамического комплекса населения Средней Оки этого времени.

Донской путь явно имел очень важное значение для рязано-окского населения. Не углубляясь в аргументацию, следует указать на находки сюльгам, двух рязано-окских браслетов и некоторых типов сосудов, близких окским образцам, на памятниках типа Замятино ([Острая Лука..., с. 148–163], см. также гл. 2 настоящей монографии), комплекса женских украшений в одном из помещений Танаиса при раскопках П. Леонтьева (коллекции ГИМ), сюльгамы в некрополе Танаиса [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 3: 6]. Все это указывает на перспективность разработки вопросов функционирования Донского пути в гуннское время.

Следующей крупной вехой в развитии культуры рязано-окского населения является середина – 3-я четверть V в. Инвентарь могильных комплексов и размеры погребальных сооружений свидетельствуют о дальнейшем развитии общества этого времени. При сохранении элементов воинской культуры причерноморско-северкавказского происхождения, здесь появляется целый комплекс черт, характерный для памятников Среднего Подунавья и Прибалтики. Среди них – новые формы: крестовидные «диадемы», фибулы (типа «Прага» и др.), оружие – одно- и двулезвийные короткие мечи, поясные наборы, узда, шпоры центральноевропейского облика. В отдельных случаях погребения с этими изделиями принадлежали погибшим – мужчинам, женщинам и даже детям, что свидетельствует о, возможно, военном характере этих контактов и о том, что боевые действия могли происходить в рязанском течении Оки.

Появляются новые детали обряда – сожжение на месте в дубовых колодах в погребальных ямах и четкие северные ориентировки погребенных, в отличие от традиционных для Средней Оки северовосточных. Однако, на данный момент мы не может выделить инкорпорированных в местную среду пришлых людей.

К этому времени в женском уборе произошла массовая замена существовавших ранее элементов новыми видами украшений, начиная с бус, которые теперь своим происхождением связаны с европейскими, возможно, дунайскими мастерскими, и кончая разного рода привесками, бляхами, гривнами. Происходит закрепление символики составных частей женского костюма. Все это, очевидно, было связано с изменениями в представлениях носителей культуры. С V в. получает дальнейшее развитие вторая керамическая традиция, а середина и вторая половина этого столетия характеризуются наибольшим разнообразием форм сосудов.

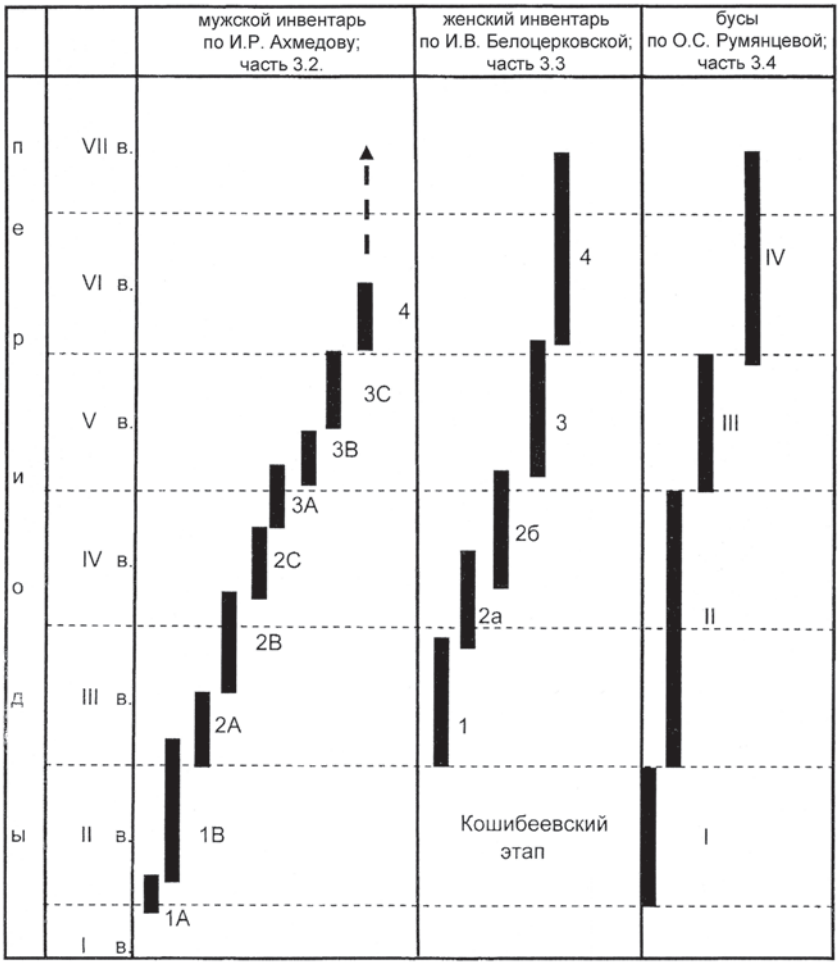
При определении направления контактов рязано-окского населения необходимо обратить внимание на памятники Верхней Оки и Верхнего Поднепровья. Приток мощинско–москворецких элементов к началу V в. прекращается, а у верхнеднепровского, москворецкого и верхнеокского населения появляется значительное количество «западных» изделий – фибулы (Супруты, Серенск, Спас-Перекша), браслеты и умбон (Луковня), поясные наборы и оружие (Демидовка, Близнаки, Заозерье, Никодимово) [Фролов, 1970; Казанский, 1999; Шмидт, 2003; Фурасьев, 1996; Гавритухин, 2004; Ахмедов, Казанский, 2004]. В расположенной к западу от Верхнего Поднепровья Литве прослеживаются следы военных действий, связываемых исследователями с вторжениями «гуннов» из регионов Верхней Вислы или видивариев с Нижнего Повисленья [Лухтан, 1997].

Так или иначе, дальнейшая работа по определению степени участия рязано-окского населения в этих процессах представляется весьма перспективной. Носителей рязано-окской культуры этого времени можно, очевидно, рассматривать как одну из групп древнемордовской общности. Именно для этого периода фиксируются массированные «выплески» материалов рязано-окского происхождения вверх по р. Москве до Верхнего Поволжья и на восток по

р. Оке вплоть до районов Марийского Поволжья. Примечательно, что эти изделия в некоторых случаях появляются там вместе с новыми коллективами (Младший Ахмыловский могильник). В то же время на Средней Оке появляются предметы прикамского происхождения (литые ажурные нагрудники азелинского типа и др.).

В итоге следует отметить, что предлагаемые работы являются только началом изучения весьма сложных процессов как миграционного, так и этногенетического характера, в результате которых во многом и сформировалась этническая картина региона Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья в эпоху раннего средневековья.

Таблица 1. Синхонизация периодов развития инвентаря рязано-окских могильников.

Глава 4.
Северо-Запад России и Север Белоруссии

Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев

4.1. Вводные замечания

Регион, о котором пойдет речь, лежит на северном краю того культурно-исторического мира, внутри которого в середине I тыс. н.э. разворачиваются события, ключевые для формирования раннеславянской народности. На краю, но не в стороне. Спецификой культурного развития областей Верхнего Поднепровья (Смоленщина и северо-восток Белоруссии) и Подвинья (бассейн верхнего и среднего течения Западной Двины), обусловленной их географическим расположением, в этот период является открытость различным культурным влияниям, направленным извне, по преимуществу с юга. Западное влияние также ощущается, но оно пока мало изучено. Особенно богатой на новации, проникающие в этот регион с соседних территорий, оказалась 2-ая четверть I тыс. н.э., или – точнее и несколько шире – период со II по V в. н.э.

В результате нескольких этапов проникновения южных культурных элементов, или, будем говорить прямо, миграций населения из более южных областей, к IV–V вв. на данной территории сформировался особый тип памятников. Решающую роль здесь играло, несомненно, пришлое население – носители новых традиций в области керамического производства, погребального обряда, нового набора бытовых и сельскохозяйственных орудий (а значит, и нового хозяйственно-культурного типа). Ни один из названных элементов культуры не имеет на данной территории корней в древностях конца раннего железного века (финальная стадия городищ днепро-двинской культуры). Своим происхождением этот тип памятников, получивший название «древности круга Заозерье – Узмень»[1] (далее – ЗУ), теснейшим образом связан с киевской культурой Поднепровья и Подесенья [Лопатин, 2000; Фурасьев, 2001а и др.].

В рамках данной публикации не станем повторять основные положения, касающиеся принципов выделения этих памятников, их хронологии и периодизации, проблем происхождения и связи с предшествующими древностями Подвинья. Этим вопросам специально посвящены другие наши работы. Кратко остановимся на характеристике памятников конца IV – V в., или, по нашей терминологии, второго периода древностей круга ЗУ, с тем, чтобы после этого перейти к проблеме их трансформации в культуры эпохи Великого переселения народов.

4.2. Культурно-хронологические группы финала римского времени

Итак, второй период развития древностей круга ЗУ на территории Верхнего (Смоленского) Поднепровья и Подвинья представлен всеми основными типами памятников: нам известны и открытые поселения, и городища, и погребения (грунтовые могильники и отдельные захоронения).

Основной признак, характеризующий специфический культурный комплекс ЗУ – устойчивый набор лепной керамики, включающий в себя в среднем около 10 различных типов лепных сосудов (рис. 1), изредка фрагменты лощеных мисок, глиняных дисков и сковородок. Довольно устойчивым для большинства исследованных поселений является также набор основных бытовых и хозяйственных орудий (рис. 2): железные ножи с прямой спинкой и слабо выраженными уступами между лезвием и черенком, серпы с отогнутой пяткой или без нее, выгнутые железные бритвы, пластинчатые кресала, стамесковидные орудия, глиняные биконические пряслица с широким отверстием. Наиболее типичные украшения – посоховидные булавки, изготовленные из четырехгранного железного стержня, бронзовые проволочные височные кольца. Сами по себе многие из названных предметов во 2-ой четверти I тыс. распространены чрезвычайно широко, однако в совокупности они образуют устойчивый вещевой комплекс, который в данный период, помимо древностей ЗУ, характеризует еще только одну культурную группировку Восточной Европы – верхнеднепровский вариант киевской культуры, или памятники типа Абидня.

В составе древностей круга ЗУ, несмотря на общее сходство многих элементов, наблюдаются отдельные культурно-хронологические группы (кратко такие единства называют обычно «памятники ти-

[1] В этой главе названия культурно-хронологических групп приводятся в именительном падеже.

па...»), имеющие локальную специфику и развивающиеся на протяжении второй четверти I тыс., во всяком случае, их эволюцию можно четко проследить при переходе от первого этапа (2-ая половина III – IV в.) ко второму. Здесь нас интересуют группы 2-го этапа – конца IV – V в.

Важнейшим инструментом выделения культурно-хронологических групп является анализ наборов керамической посуды, наблюдения за распределением и взаимовстречаемостью стилей и типов керамики. К сожалению, на памятниках круга ЗУ закрытые комплексы, так необходимые для построения системы хронологических групп, – большая редкость. Поэтому приходится основываться на следующих источниковедческих допущениях.

Во-первых, памятники с незначительными отложениями признаются единовременными комплексами. Непротиворечивость таких комплексов проверяется при сопоставлении с аналогичными закрытыми комплексами на соседних территориях, датировками отдельных находок в культурных слоях. Во-вторых, условно единовременными комплексами в рамках памятников с относительно многочисленными материалами считаются так или иначе выделяемые слои, горизонты, обособленные в плане участки. Так, на территории многих селищ изучаемого региона насыпаны более поздние курганы, заключающие как в насыпях, так и под ними остатки отдельных участков культурного слоя, в то время как между насыпями ранний слой может быть полностью уничтожен. На селище Заозерье удалось проследить, что курганы западной и восточной частей памятника «законсервировали» участки поселения, заметно различающиеся в культурном отношении. В ряде случаев различия наборов керамики прослеживаются и между памятниками, входящими в «комплект», например, городище + селище (Бураково, Казиново).

На основании проделанного анализа выявлены три культурно-хронологические группы IV–V вв.

Тип Заозерье (рис. 3). На фоне небольшого количества определимых керамических форм в большинстве коллекций регулярно встречаются типы 1, 2, 7, Р1. Отсутствуют (точнее, выявлены единично) архаичные элементы – насечки, вдавления и штриховка, стабильно присутствуют фрагменты с расчесами. Обращает на себя внимание сохранение характерных еще для первого этапа ромбических и перекрещивающихся композиций нанесения расчесов на поверхность сосудов, – традиция, несомненно восходящая к верхнеднепровским памятникам III – начала IV в. типа Абидня. Отдельные памятники имеют индивидуальную специфику. В керамическом наборе селища Заозерье дополнительными массовыми типами являются 3 и 4, которые присущи в первую очередь деснинскому варианту киевской культуры и свидетельствуют, вероятно, о смешении двух традиций.

Изученные раскопками памятники типа Заозерье немногочисленны, однако они хорошо диагностируются и по подъемному материалу, если в нем присутствует значительное количество керамики с расчесами.

Определенной «типологической автономией» в рамках типа Заозерье обладают поселения Дедиловичи, Городище, Казиново. Их заметные особенности – небольшая доля керамики с расчесами, присутствие типов 8 и 9. Представляется, что особое положение этих памятников объясняется не столько близостью к иному типу (например, тип Узмень), сколько их поздней датой (по всей видимости, V век) и переходным положением к древностям следующего периода (тип Банцеровщина).

Тип Узмень (рис. 4). Керамика с расчесами присутствует в виде очень небольшой примеси; определимые экземпляры крайне редки. Наиболее характерные типы сосудов – 2, 3, 4, 9, 11, второстепенную роль играют типы 1, 7, 8, Р1, Р4. На селище Узмень представлена значительная серия ребристой керамики, в том числе и улучшенной выделки. На трех памятниках выявляется локальная традиция добавления в глину наряду с гранитной дресвой недробленого гравия, а также шамота и дробленого лимонита (Узмень, Фролы, Каменная Лава).

Восточная часть селища Заозерье (материалы из насыпи кургана 52 и слоя под ней) по набору керамики (преобладание типов 4 и 11, наличие типов 2, Р1, 3, Р3, 9, Р4, немногочисленной керамики с расчесами) также относится к типу Узмень. Мы склоняемся к мнению, что этот восточный участок поселения более поздний, чем западный (с культурой «типа Заозерье»), хотя решающих аргументов и не имеем.

Деснинский вариант киевской культуры (рис. 5). Ряд памятников не имеет керамики с расчесами вовсе (Слобода-Глушица). Непременные элементы – типы 3 и 4. Также весьма характерны, но присутствуют не везде (придавая локальную специфику некоторым вариантам набора), типы Р-2 и Р-3, типы 1 и 2, лощеные столовые миски. В керамике селища Слобода-Глушица регулярно встречается шамот, что очень редко для днепро-двинского региона, но типично для Подесенья.

К деснинскому варианту киевской культуры (возможно, уже раннеколочинской, но это вопрос чисто терминологический) относятся памятники типа верхнего слоя городища Демидовка, хотя они и обладают некоторой типологической автономией. Наиболее характерные элементы керамического набора – типы 3, 4, Р-2 и Р-3. Отличительная особенность по сравнению с деснинским вариантом и, вероятно, вообще на фоне всей киевской культуры – чрезвычайная характерность крупных сосудов улучшенной выделки (выглаженная поверхность, мелкие примеси) типов Р-2 и Р-3 (рис. 5: 13). Присутствует очень незначительная примесь керамики с расчесами.

Перечисленные культурно-хронологические группы достаточно определенно размещаются на

карте (рис. 6). Памятники типов Заозерье и Узмень делят общую территорию на две неравные части: первые занимают большую из них, западную, с расширением от Подвинья к юго-западу и к северо-западу (то есть до бассейнов Вилии и Великой), а вторые – восточную и северо-восточную (до верховьев Ловати). Памятники деснинского варианта (включая Демидовку) сосредоточены в юго-восточной части ареала, заходя из бассейна Десны на Сож, Днепр и Касплю. Сходные памятники есть и на Западной Двине (поздний горизонт Городка, селища при городищах Бураково и Казиново, городище Заговалино), однако мы предполагаем, что они относятся уже к 3-ей четверти I тыс. н.э.

4.3. Культурно-хронологические группы эпохи Великого переселения народов

Следующий период (V–VIII вв. н.э.) в Верхнем Поднепровье, Подвинье и прилегающих регионах с близкой исторической судьбой – время распространения и развития культурных групп типов Тушемля, Колочин, Банцеровщина и Псковских длинных курганов.

Часть исследователей трактует древности ЗУ как ранний этап тушемлинской и банцеровской культур. Мы считаем, что такое понимание взаимосвязи древностей 2-ой и 3-ей четвертей I тыс. справедливо, но неполно. Детальное рассмотрение керамических наборов и других элементов культуры позволяет наметить не только дробное деление ЗУ (см. выше), но и многообразие путей их эволюции в более поздние культурные группы. Помимо культур типа Тушемли и Банцеровщины к наследию культурных групп круга ЗУ непосредственное отношение имеет также культура Псковских длинных курганов [Лопатин, Фурасьев, 1994]. Это, на наш взгляд, соответствует расселению носителей культуры круга ЗУ (возможно, вместе с какими-то другими культурно-этническими группами – об этом чуть ниже) на обширных пространствах к северу и северо-востоку от их прежних мест обитания в позднеримское время.

В настоящее время, на основе упорядочения данных о культурах 3-ей четверти I тыс. н.э., и в первую очередь о лепной керамике, можно наметить, наряду с традиционным представлением о существовании культур типа Тушемли, Банцеровщины (или тушемлинско-банцеровской) и Псковских длинных курганов, более мелкие культурно-хронологические группы в их составе [Лопатин, 2005]. В таком исследовании важную роль должно сыграть знание о разнообразии культурно-хронологических групп предыдущего времени, т.е. круга ЗУ.

Важнейшим источником для изучения истории культурных традиций рассматриваемого круга остается лепная керамика. Подробное выяснение путей развития керамики и в целом культуры Верхнего Поднепровья и Северо-Запада в 3-ей четверти I тысячелетия – это тема особого исследования. Однако в предварительном виде наблюдения по данному вопросу можно привести и здесь.

Культурные группы выделяются с учетом двух факторов: 1) территориальной близости памятников; 2) типологической близости наборов керамики. На данном, начальном, этапе исследования керамика рассматривается в первую очередь в пределах локальных групп, выявляющихся при картографировании памятников. По мере углубления знаний более важным должен стать признак типологической близости, который позволит выделить культурно-хронологические группы, пересекающие границы регионов. Последнее явление нормально для эпох, когда миграции населения играют заметную роль. В нижеследующем изложении отмечен ряд признаков, объединяющих керамику разных регионов.

Работа проводилась с использованием той же типологии керамики, которая применялась к памятникам 2-ой четверти I тыс. н.э.

Для периода V–VIII вв. намечен ряд культурно-хронологических групп (рис. 7), продолжающих линии развития предыдущего периода.

Тип Жабино (рис. 8). Прямая традиция типа Заозерье, своими корнями восходящая к памятникам типа Абидня, по-видимому, постепенно угасает, что проявляется в исчезновении гребенчатых расчесов на поверхности сосудов. Однако характерные формы посуды типов 1, 2, 7 продолжают бытовать. Селище Жабино представляется примером памятников, продолжающих линию Абидни – Заозерья в 3-ей четверти I тыс. Сходная керамика найдена на ряде поселений культуры Псковских длинных курганов, подвергавшихся небольшим раскопкам: Дорохи, Турушино. Таких материалов пока довольно мало, и на их основании трудно судить, насколько эти традиции переработаны в составе группы Узмень: ведь типы 1, 2, 7 в значительной мере характерны и для нее на втором этапе развития.

Тип Дорохи (рис. 9). Керамика памятников Двинско-Ловатского региона (Дорохи, Повалишино, Атоки, Полибино, Михайловское, Борисоглеб, Субовщина). Присутствуют горшки типов 9, 4, 11, Р-4 (в основном варианта а), 7. Экземпляры типа 4 здесь более приземисты, чем аналогичные формы в киевской культуре.

Следует обратить внимание на то, что тип Жабино связан в основном только с поселениями, а тип Дорохи – с погребениями, при этом их территории совпадают. Налицо явная функциональная специфика некоторых типов сосудов. Вероятно, в будущем эти группы можно будет объединить.

Тип Жеребятино (рис. 10). Керамика из длинных курганов Псковско-Чудского региона (Жеребятино, Грядище, Безьва, Лезги, Линдора, Кынну, Ко-

зеский Лес). Присутствуют типы Р-4 (чаще вариант б), 9, 8, 4, 3, реже – 7, 11. Керамика имеет еще более приземистые пропорции, чем на памятниках типа Дорохи.

Керамика поселений этой территории (Сторожинец, Лезги, Псковское городище, Усть-Смолка) пока плохо изучена, но очевидно, по набору форм она не тождественна погребальной (рис. 10: 9–25).

Тип Съезжее (рис. 11: 1–6). К востоку от оз. Ильмень (в основном бассейн Мсты и Валдайская возвышенность) в наборе керамики памятников культуры длинных курганов (Съезжее, Обрыня, Липицы, Потерпелицы, Городок, Подол и др.) практически отсутствуют ребристые формы (или они невыразительны). Преобладает тип 11, присутствуют также 7, 8, 9. Общая особенность керамики этого набора – заметная профилированность верхней части. В связи с этим при дальнейшем исследовании надо обратить внимание на возможное раннее появление отдельных экземпляров типа 10.

Удомельский тип (рис. 11: 7–11). В последние годы И.В. Исланова выделен так называемый удомельский тип памятников (эталон – комплекс памятников Юрьевская Горка). Он отличается от соседней Мстинско-Валдайской группы отсутствием курганов и расположением в иных ландшафтах. Предполагается, что от удомельского типа ведет свое происхождение культура сопок [Исланова, 1996]. Что касается керамического набора, то его отличия от предыдущих (особенно от типа Съезжее) еще предстоит проверять – по крайней мере потому, что в имеющихся публикациях они обосновывались главным образом на материалах одного памятника. Тем не менее, здесь еще более заметна профилированность верхних частей сосудов; присутствуют типы 11, 10, 8, 7.

Тип Банцеровщина (рис. 12). В наборе верхнего слоя городища Банцеровщина преобладают сосуды типов 3 и 8, меньшую долю составляют тип 4 и ребристые формы. Несмотря на то, что этот набор давно используется в качестве эталонного для обозначения культурной принадлежности многих памятников Белоруссии, керамические материалы других памятников этой группы введены в научный оборот еще недостаточно. Набор поселения Дедиловичи близок керамике Банцеровщины, но обладает архаичными чертами и принадлежит, вероятно, к переходному периоду.

Селища Городок (верхний горизонт), Бураково, Казиново, городища Заговалино, Старое Село составляют компактную группу, связанную происхождением, вероятно, с киевской культурой Подесенья в варианте отсутствия (или единичности) ребристых форм. Они близки типу Банцеровщина, но, как кажется, в большей мере следуют киевско-колочинским традициям: преобладают типы 3 и 4, редко встречаются типы 7 и 9. Вероятно, после полномасштабной публикации материалов ряда памятников этой группы можно будет обосновать ее обособленность от типа Банцеровщина.

Тип Кисели (рис. 13: 1–11) представлен группой памятников, хорошо исследованных в последнее десятилетие в Витебском и Могилёвском Поднепровье и датирующихся по многочисленным ярким находкам VII веком – Кисели, Черкасово, Вежки, Никодимово. Эта группа является непосредственным продолжением типа Демидовки: сохраняются все формы и стилистические особенности керамического набора Демидовки: типы 3, 4, Р-2, Р-3. Единственной ощутимой новацией являются крупные грубые сосуды (в основном типа 4) с налепным валиком под венчиком (рис. 13: 3, 4). Некоторые экземпляры могут рассматриваться как «промежуточные» между типами 4 и 8 (рис. 13: 1, 8). Памятники Смоленского Поднепровья и Подвинья (Близнаки, Акатово) еще больше сходны с Демидовкой, но их датировка остается под вопросом.

Проблема культурно-хронологического определения городища Тушемля (рис. 13: 12–16)**.** Верхний культурный слой городища Тушемля наряду с Банцеровщиной и рядом других памятников общепризнан эталоном культуры 3-ей четверти I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье и прилегающих землях. В научной литературе получило широкое распространение понятие тушемлинской или тушемлинско-банцеровской культуры. С верхним слоем Тушемли принято сближать по керамическому набору многие из вышеперечисленных памятников разных групп. Нам представляется, что согласиться с таким пониманием места этого комплекса среди синхронных древностей можно лишь отчасти – если принимать во внимание только слабопрофилированные горшки типов 8 (преобладают в комплексе Тушемли) и 4, которые, действительно, распространены очень широко, и в частности характерны для городища Банцеровщина.

В то же время, среди довольно многочисленных целых форм верхнего слоя Тушемли отсутствует тип 3, зато имеется серия разнообразных редких экземпляров – лощеные горшки типа 6, лощеная высокая миска с уступом, ребристый крупный горшок с примесью шамота. В целом создается впечатление, что набор Тушемли составлен из разнородных элементов и относится к нестабильному периоду культурогенеза. Вероятно поэтому прямые аналогии набору в целом отсутствуют. Перечисленные редкие элементы керамического набора Тушемли вряд ли могут относиться к VI–VIII вв. (общепринятая датировка этого памятника) и скорее характерны для более раннего времени (V век). Однако вещей с узкими датами в комплексе, к сожалению, нет.

Таким образом, определить конкретную группу памятников «типа Тушемля» не представляется возможным. Однако, учитывая историографическую традицию, данный термин можно применять для обозначения всего круга древностей середины – 3-ей четверти I тысячелетия н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье.

4.4. Линии развития керамических форм

Традиции гончарства киевской культуры сыграли большую роль в культрогенезе Верхнего Поднепровья и Северо-Запада Русской равнины. Облик керамических наборов в конце эпохи раннего железа, с распространением киевских традиций на север, претерпел кардинальные изменения и затем в течение нескольких столетий был связан с дальнейшим развитием киевских традиций. В таблице (рис. 14, 15) приведены примеры керамических сосудов, относящихся к двум хронологическим группам, условным рубежом между которыми указан 500 г. н.э. Типы керамики сгруппированы согласно стилистическому сходству (подробнее см.: [Лопатин, Фурасьев, 2007, с. 28].

Для памятников типа Кисели обычны керамические формы, выработанные в киевской культуре деснинского варианта (типы 3, 4, Р-2, Р-3). В связи с этим памятники типа Кисели могут рассматриваться в качестве варианта колочинской культуры. В несколько меньшей степени следуют киевским образцам разные варианты наборов типа Банцеровщина (типы 3, 4, 8).

Керамика культуры Псковских длинных курганов (типы Жабино, Жеребятино, Дорохи, Съезжее и, возможно, удомельский тип) отличается более существенно: преобладают собственные формы (типы 8, 9, 11, Р-4), хотя и восходящие в большинстве случаев к киевским прототипам. Вероятно, в составе культуры псковских длинных курганов есть также группа древностей (Жабино, Дорохи, Турушино), наследующая локальной традиции памятников типа Заозерья в составе ЗУ, в которой преобладают керамические формы, изначально восходящие к верхнеднепровскому варианту киевской культуры (типы 1, 2, 7). Рассмотрим попарно параллели между регионами Двинско-Ловатским (Жабино, Дорохи, селище Узмень предыдущего периода), Псковско-Чудским (Жеребятино) и Мстинско-Валдайским (типы Съезжее и удомельский). Двинско-Ловатский и Псковско-Чудской регионы объединяются типами Р-4 обоих вариантов, 9, в меньшей степени 4, 8 и 11. Двинско-Ловатский с Мстинско-Валдайским – типом 11, а также особенностью оформления верха сосудов – утонченной шейкой и утолщенным краем, в меньшей степени типами 8 и 9. Непосредственные параллели между керамическими наборами Псковско-Чудского и Мстинско-Валдайского регионов не столь очевидны: они проявляются в типах, которые характерны для одного из них (для первого – 9, Р-4; для второго – главным образом 11), а для другого редки.

Таким образом, есть основания рассматривать Двинско-Ловатский регион (ареал ЗУ) как связующий для всей территории Северо-Запада. Этот вывод указывает наиболее вероятную коренную исходную область возникновения культуры Псковских длинных курганов, из которой произошло ее распространение на север и северо-восток. Достаточно явным является происхождение всех основных вариантов ее керамических наборов от памятников типа Узмень, хотя на финальном этапе ЗУ традиции Заозерья и Узменя оказываются тесно связанными. Препятствий для взаимопроникновения, по-видимому, не было, в особенности в нестабильные, и даже дестабилизирующие моменты развития. А именно таким моментом в Подвинье и было время возникновения Псковских длинных курганов.

4.5. Вещевой комплекс второй четверти I тыс. и его дальнейшее развитие

Рассматривая возможную динамику вещевого комплекса (рис. 2), особенно если речь идет о потенциально «переломном» времени, следует оговориться, что во всей его совокупности мы должны выделить две основные структурообразующие величины, сильно различающиеся своей подверженностью трансформациям. К первой мы отнесем вещи неутилитарного назначения, украшения, импорты, предметы, в той или иной степени отражающие относительно кратковременные тенденции в моде, культурных традициях, зависящие от конъюнктурных торговых связей, направлений культурных импульсов разной продолжительности. Вторая разновидность предметов выглядит на их фоне своего рода константой. Она включает в себя бытовые повседневные изделия, преимущественно орудия труда, практически не подверженные веяниям моды и мало зависящие от культурных связей (разве что от поступления сырья).

Специфика данной публикации не позволяет нам снабдить ее подробным перечнем вещевых находок с памятников 2-ой и 3-ей четверти I тыс. н.э. в рассматриваемом ареале, даже самых важных. Поэтому мы вынуждены оперировать категориями и типами вещей, надеясь на осведомленность заинтересованных читателей-специалистов, а также ссылаясь на уже существующие в отечественной литературе сводки этих находок по некоторым микро- и макрорегионам и их анализ.

Что касается первой из выделенных нами категорий вещевых находок, вполне очевидно, что в течение V–VI вв. практически по всему Поднепровскому культурному ареалу происходит смена типов и разновидностей предметов. И это понятно. На смену позднеримскому времени с его технико-технологическими традициями и провинциально-римскими связями и вкусами приходит новая эпоха, основную суть начала которой можно кратко охарактеризовать одним словом – варваризация. На памятниках ЗУ в IV в. имели широкое распростра-

нение импортные черняховские подвязные фибулы, известны уже в немалом количестве находки вещей круга выемчатых эмалей (подвески-лунницы, фрагмент браслета, треугольные фибулы, ложковидная гривна), бусы разных типов, стеклянные и янтарные, детали поясной гарнитуры. Все это указывает на тесные взаимоотношения с населением Среднего Поднепровья и торговые связи с черняховской культурой. Поэтому социально-политичесий коллапс в конце IV в. разрушает эту картину. К несомненно собственным украшениям круга ЗУ следует отнести железные посоховидные булавки, а также височные кольца из тонкой проволоки ромбического или круглого сечения. Последние остаются в обиходе населения еще и в 3-ей четверти I тыс. н.э. [Шмидт, 2003, табл. 22], тогда как посоховидных булавок на поселениях VI–VII вв. нам не известно.

С середины и 2-ой половины V в. в лесной зоне Восточной Европы в большом количестве распространяются предметы западного – центральноевропейского и западно-балтийского происхождения – как импорты, так и их дериваты: украшения, поясная гарнитура, оружие. Достаточно подробная сводка этих вещей сделана М. Казанским в ряде его статей, а также в монографии В.В. Седова [Казанский, 1999; Седов, 1999б; Kazanski, 2000]. Основной ареал этих находок приходится на практически все культурно-типологические разновидности памятников 3-ей четверти I тыс., рассмотренные нами выше.

Перейдем к комплексу хозяйственно-бытовых предметов и орудий труда. Их набор не так велик и для памятников ЗУ он включает в себя глиняные биконические пряслица с широким отверстием, железные серпы как с прямой рукояткой, так и с «пяткой» на ее конце, ножи с прямой спинкой или с плавными уступами при переходе к рукояти, пластинчатые кресала с прямым (долотовидые) или петлевидным концом, бритвы с прямым длинным черенком, нередки находки шпор с крючками на концах. В наибольшей степени этот набор типов предметов с памятников ЗУ среди всех древностей Восточной Европы близок именно верхнеднепровскому варианту киевской культуры.

Практически все названные разновидности предметов продолжают бытовать на памятниках 3-ей четверти I тыс. н.э. и в Верхнем и Среднем Поднепровье, и в Подвинье, и в ареале длинных курганов. Только лишь тип железных бритв меняется – вместо изделий с прямым череном появляются бритвы с концом-петелькой. Все остальные орудия сохраняют свою морфологию. Достаточно подробная сводка большей части этих находок, наглядно демонстрирующая культурное единство охваченной территории, была сделана В.В. Седовым [Седов, 1999б, с. 91–111, рис. 15–20]. Хотя, на наш взгляд, у работы В.В. Седова есть недостаток. Он объединил вещи, которые впервые появляются на памятниках лесной зоны Восточной Европы только начиная с середины – 2-ой половины V в. (В-образные рифленые пряжки, туалетные щипчики, пельтовидные лунницы), и предметы, время бытования которых несколько шире (шпоры с крючками, удила, бритвы с прямым черенком, пластинчатые кресала, серпы, некоторые типы оружия, жернова). Последние, несомненно, появляются здесь несколько раньше, как справедливо отмечает сам В.В. Седов, начиная с IV в. [Седов, 1999б, с. 111], и следовательно, их распространение никак не связано с событиями середины V в., со временем трансформации культур позднеримского времени в древности 3-ей четверти I тыс. н.э. Начало их повсеместного использования населением Верхнего Поднепровья и Подвинья относится еще к IV – 1-ой половине V в., подтверждением чему служат находки, кроме всех прочих, на памятниках позднего этапа киевской культуры. Но таким образом, точка зрения В.В. Седова косвенно совпала с нашей – о том, что наиболее существенные культурные изменения в данном регионе происходят именно в IV в., а не в середине V в.

4.6. К реконструкции исторических процессов

Сегодня можно констатировать, что решающий перелом в облике археологического материала на стыке периодов раннего железа и раннего средневековья наблюдается в нашем регионе несколько раньше, чем это казалось. Традиционно определяемый исторический рубеж эпох и культур около середины V в. не стал таким же переломным в развитии культуры материальной. И действительно, значимые исторические коллизии, в судьбоносности которых сомневаться не приходится, как это ни странно, не привели к серьезной трансформации облика материальной культуры на большей части территории Верхнего Поднепровья и Подвинья. Здесь в VI–VIII вв. продолжается относительно плавное развитие того культурного комплекса, который сформировался еще в IV в., при несомненной преемственности таких ведущих культурно определяющих элементов, как керамический и вещевой комплекс, грунтовый обряд погребения, домостроительство.

Вместе с тем, некоторые изменения в керамическом комплексе все же можно проследить, но они явно носят не качественный, а количественный характер. Так, на материалах селища Фролы, где имеются стратифицированные отложения 2-ой и 3-ей четверти I тыс., примерно с IV по VIII в., отмечена следующая картина [Фурасьев, 2001]. Керамический комплекс того горизонта, который на основании радиоуглеродных анализов и некоторых находок может быть датирован в целом V веком, отличается максимальным разнообразием в области морфологии и орнаментации сосудов, а также в использовании отощающих примесей в глиняном тесте. Здесь при-

сутствуют все известные на данном поселении типы керамики, включая довольно редкие, все отмеченные способы орнаментации (расчесы, налепы, прочерчивания, отверстия под венчиком), разнообразные примеси (дресва, мелкий гравий, лимонит). В вышележащем слое, более четкую дату для которого, чем VI–VIII века, предложить пока невозможно, вообще нет орнаментированной посуды, прекращается использование в качестве отощителя лимонита и гравия. Морфологический набор заметно обедняется, заметно увеличивается доля «слабопрофилированных» и «баночных» сосудов. Однако профилировка большинства типов керамики на протяжении существования поселения вплоть до рубежа 3-ей и 4-ой четверти I тыс. не изменяется.

Особенно характерными для керамических комплексов VI–VIII вв. становятся типы 8 (южная часть территории и в меньшей степени северная), 9 и 11 (северная часть, то есть разные варианты культуры Псковских длинных курганов). Однако появление их относится не ко времени формирования раннесредневековых культурных групп (V в.), а к предшествующему времени – 2-му периоду ЗУ (IV – начало V в.).

Видимо, практически полностью в 3-ей четверти I тыс. н.э. исчезает традиция лощения части посуды: если на памятниках первой половины I тыс. имеются пускай и редкие обломки лощеных (именно лощеных, а не так наз. «подлощеных» или с улучшенной выделкой поверхности) мисок, но зато почти на всех мало-мальски исследованных поселениях, то на памятниках VI–VIII вв. их неизвестно вообще.

Еще раз подчеркнем, более существенные и важные трансформации в изучаемом регионе имели место несколько ранее. Они начались еще во 2-ой половине III – начале IV в. и заключались в смене культур эпохи раннего железа (в нашем случае в первую очередь днепро-двинской) древностями ЗУ. Следующие две трансформации – переход ко второму этапу ЗУ (2-ая половина IV в.) и переход к культурам 3-ей четверти I тысячелетия – в качественном отношении сопоставимы друг с другом.

И это, очевидно, не специфика нашего региона, а наоборот, следование в русле более широких процессов, протекавших, хотя и в удаленных, но чрезвычайно близких и родственных краях. На сегодня все более и более укрепляется точка зрения, согласно которой формирование и других раннесредневековых культур Восточной Европы – пражской, пеньковской, колочинской – то есть культур, в той или иной степени наследующих традициям киевской культурно-исторической общности, происходит в конце IV – 1-ой половине V в.

Одно весьма значительное событие, произошедшее именно в середине V века, все же оказалось судьбоносным для огромной территории, лежащей к северу от изучаемой области. Речь идет о становлении культуры Псковских длинных курганов, генетически, как отмечалось выше, связанной с древностями ЗУ, но возникшей в результате сильного внешнего воздействия, которое испытал регион Подвинья со стороны своих западных соседей.

Некоторая нестабильность ситуации здесь ощущалась и ранее. Как уже упоминалось, находки характерной керамики с расчесами на поверхности отмечены на нескольких городищах западнодвинского бассейна и на Днепре. Сами городища содержат в основном культурном слое днепро-двинские материалы, которые датируются скорее всего рубежом эр – первыми веками н.э., а также обломки профилированной посуды, более характерной уже для 3-ей четверти I тыс. н.э. Перечисление этих памятников не займет много места: Осыно, Бураково, Казиново, Старое Село, Новое Село, Заговалино, Камень, Лемница, Демидовка. На некоторых из них находки фрагментов с расчесами единичны (Старое Село, Заговалино, Лемница), на других немногочисленны. Однако серийность этих находок и особая концентрация в районе витебского Подвинья не оставляет сомнений в их неслучайности.

В непосредственной близости от городищ как будто не найдено одновременных селищ. В тех случаях, когда селища есть (Бураково, Казиново), они, скорее всего, относятся к более позднему времени. Среди керамики с этих селищ фрагментов с расчесами нет, а по формам она, вероятно, относится к третьей четверти I тыс.

Серия городищ на фоне подавляющего преобладания открытых поселений требует осмысления. Ранее было высказано предположение, что эта ситуация свидетельствует о включении «заозерцев» в общины носителей днепро-двинской культуры, для которых проживание на городищах было привычным [Лопатин, 1997, с. 174]. Однако доказательств синхронности днепро-двинских и заозерских материалов на городищах нет. Напротив, в ряде случаев (Бураково, Новое Село) результаты раскопок свидетельствуют о тяготении первых (днепро-двинских) к нижним пластам культурного слоя, а вторых – к верхним [Шут, 1964, 1965, 1966; Подгурский, 2003, с. 466–468]. Это в большей мере соответствует варианту заселения «заозерцами» запустевших городищ и может объясняться возникновением напряженной ситуации в конце IV – V в., заставившей их перебираться в укрепленные места. Во всяком случае, у потомков ЗУ в 3-ей четверти I тыс. на территории древностей типа Тушемля-Банцеровщина и в западной и южной частях ареала Псковских длинных курганов городища-убежища – обычное явление [Фурасьев, 1994].

Формирование культуры длинных курганов – огромная комплексная проблема, имеющая богатейшую историографическую традицию в отечественной археологии. Поднять ее здесь просто нереально. Вкратце ее суть и наша точка зрения на проблему и наиболее вероятные пути ее решения изложены в других работах. Отметим также серию работ последних 10 лет по данной тематике, свидетельствующую о неослабевающем интересе исследователей, от-

части спровоцированном нашей гипотезой, которая впервые была высказана в 1994 г. [Лопатин, Фурасьев, 1994; Лопатин, 2001; Казанский, 1999; Kazanski, 2000; Конецкий, 1997; Штыхаў, 1999; Седов, 1999б].

В рамках данной проблемы особого рассмотрения заслуживает вопрос об истоках курганного обряда погребения и его возможном соотношении с погребальными традициями предшествующего времени. Этот вопрос ни в коем случае нельзя приравнивать ко всей проблеме в целом.

В настоящее время с древностями круга ЗУ могут быть уверенно соотнесены два погребальных памятника – грунтовые могильники, расположенные близ открытых поселений Узмень и Фролы, которые, согласно нашей группировке памятников, относятся к типу Узмень. Основанием для культурной атрибуции этих некрополей служит несколько обстоятельств: ситуационная близость могильников и селищ, несомненная однородность археологического материала (керамического и, в меньшей степени в силу скудости, вещевого), датировка погребений 2-ой четвертью I тыс. н.э. – периодом существования памятников круга ЗУ. Кроме двух могильников, нам известны и отдельные захоронения по аналогичному обряду, расположенные непосредственно на территории поселений с материалами круга ЗУ, в частности в Заозерье, Шугайлове, Кислых и Ревячке. Скорее всего, они тоже должны быть отнесены к числу интересующих нас древностей. Однако в данном случае единственным аргументом для культурной атрибуции может являться лишь местонахождение этих захоронений.

По своим основным характеристикам (трупосожжение на стороне с помещением остатков в грунтовые ямы) и по совокупности более мелких деталей погребального ритуала можно констатировать значительное сходство, практически тождество погребального обряда грунтовых могильников Подвинья, с одной стороны, и некрополей киевской и колочинской культур Верхнего Поднепровья и Подесенья, с другой. Учитывая, что последние являются результатом развития одной погребальной традиции во времени, можно прийти к выводу, что и на памятниках северных территорий также прослеживается развитие той же киевской погребальной обрядности. Специально данной теме посвящена другая статья [Фурасьев, 2003].

Более детальное изучение обрядов захоронения на территории Поднепровья, правда, чуть более позднего времени – V–VII вв., проведенное относительно недавно и основанное на дробной хронологии и сравнительном анализе различных погребальных традиций, также наглядно продемонстрировало главную роль южных культур (колочинской) в формировании грунтового обряда погребения в середине I тыс. н.э. в тушемлинском ареале, на примере могильников Узмень и чуть более позднего – Акатово, видимо, уже тушемлинского периода [Синица, 2004, с. 14–15].

В Подесенье при перерастании киевской культуры в колочинскую погребальный обряд существенно не меняется [Горюнова, 2004, с. 27], но прослеживается явная тенденция к количественному преобладанию могильных ям небольших размеров (около 20–50 см в диаметре) и увеличению числа урновых [Горюнов, 2004, с. 16] и инвентарных погребений, тогда как ранее преобладали безурновые и безынвентарные. Близкая картина наблюдается и в Смоленском Поднепровье, в ареале тушемлинской культуры. К сожалению, проследить это можно на примере лишь одного могильника – Акатово. Процент урновых и инвентарных погребений здесь заметно выше, чем в Узмене и Фролах [Фурасьев, 2003, с. 123].

На территории правобережья Западной Двины и далее к северу новации в области погребального обряда оказываются гораздо более значительными. Здесь широко распространяется подкурганный обряд захоронения, который, однако, не полностью вытесняет старый, грунтовый. Хотя, конечно, численное преобладание курганов над известными ныне грунтовыми захоронениями культуры Псковских длинных курганов – налицо.

Ныне известен один уникальный памятник, ярко демонстрирующий непосредственное взаимодействие населения типа Заозерья с носителями новой погребальной традиции на ее первоначальном этапе. Курган 3 могильника Повалишино в Полоцком Подвинье интересен тем, что здесь были найдены фрагменты лепного сосуда-урны, поверхность которых орнаментирована расчесами. Пока это единственный случай обнаружения подобной керамики в погребении культуры Псковских длинных курганов. В.В. Седов высказал сомнение в принадлежности этого сосуда погребению и предположил, что он попал сюда вместе с культурны слоем селища, из которого якобы насыпан курган [Седов, 1974, с. 57]. С любезного разрешения Г.В. Штыхова, автора раскопок, мы ознакомились с материалами этого памятника. Представляется наиболее вероятным, что сосуд с расчесами всё же был использован в погребении. Его крупные фрагменты вместе с обломками других сосудов находились на вершине невысокой первоначальной курганной насыпи, среди россыпи кальцинированных костей. Следов культурного слоя в насыпи не зафиксировано.

Итак, согласно практически общепринятой ныне датировке, примерно начиная с середины – 2-ой половины V в. курганный обряд погребения становится основным на значительной территории Северо-Запада России, к северу от русла Западной Двины в ее среднем течении. Южнее и юго-восточнее сохраняется прежний – грунтовый. При общем сходстве культур этих регионов данное отличие стало единственным элементом, на основе которого можно провести сколько-нибудь четкую границу между культурами длинных курганов и тушемлинской: это граница распространения курганов в V–VIII вв. [Лопатин, Фурасьев, 1994]. Различия в других сферах матери-

альной культуры носят узко локальный характер и только подчеркивают их культурное единство.

Относительно непосредственных истоков курганной традиции можно вкратце сказать следующее. Точка зрения об эволюционном развитии погребального обряда от грунтовых погребений к погребальным площадкам и затем к курганным насыпям, в 1980-е годы разработанная Е.Н. Носовым и М. Аун, на сегодня не пользуется поддержкой среди большинства исследователей [Конецкий, 1997, с. 219; Михайлова, 1993, с. 70–78]. Мы также склоняемся к выводу о пришлом характере этой традиции, привнесенной сюда новым населением, либо заимствованной извне, в частности из соседних западных областей. К этому нас склоняют, помимо уже известной в литературе конструктивной критики гипотезы Е.Н. Носова и М. Аун, и соображения общего порядка. Прежде всего, возникает вопрос, почему население более южных областей, с абсолютно сходным грунтовым обрядом погребения (скажем, на территории Смоленщины), не переживает такую же эволюцию обряда. Уже одно это неизбежно наводит на мысль о каком-то внешнем и при этом определенно направленном импульсе.

Попытка реконструкции культурно-исторической ситуации, того самого толчка извне, пришедшегося на ареал ЗУ (преимущественно его северную половину), результатом которого стало возникновение культуры Псковских длинных курганов, наиболее развернуто и аргументированно изложена в нескольких работах М.М. Казанского. Он моделирует ситуацию следующим образом: серия европейских и балтских вещей, среди которых большое количество оружия, датировка которых укладывается в рамки 2-й трети V – 1-й четверти VI в., говорит об инфильтрации во 2-й половине V в. в лесную зону Восточной Европы немногочисленных, но очень хорошо вооруженных и более высоко социально организованных (по сравнению с аборигенами) групп населения, включающего балтов, германцев и славян. Начал формироваться этот симбиоз еще на Дунае, затем в процессе передвижения к нему добавились балты. Толчок был положен при императоре Анастасии, когда герулы, разбитые гепидами и лангобардами, были вынуждены бежать на север. Бежать по хорошо известному пути между Северной Италией и айстами-эстиями – обитателями балтийского побережья. Затем оттуда они свернули на восток. И вскоре были ассимилированы балто-славянами и финнами [Kazanski, 2000, p. 425, 427, 440–441; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 172–173].

В остроумных построениях М.М. Казанского мы никак не можем согласиться с одним, а именно, определением славянской составляющей пришлых воинских групп, поскольку перечисленные им признаки, по нашему мнению, или вообще отсутствуют (керамика типа Прага-Корчак, тем более что это элемент женской субкультуры), или относятся к культуре местного населения (печи-каменки поселения Дедиловичи). В остальном, эта гипотеза многое объясняет.

Мы полагаем, однако, что пришельцами, нарушившими спокойную жизнь местного населения, могли быть попросту носители соседней культуры восточно-литовских курганов. Они же могли стать носителями-донорами нового погребального обряда. Во всяком случае, более близких параллелей курганному обряду мы в этот период для длинных курганов нигде не найдем. Такое объяснение может лучше соответствовать отмеченным явлениям, если они были растянуты во времени (более-менее продолжительная экспансия), а не произошли во время одного «военного похода». Решение поставленных вопросов требует дополнительных исследований, и мы не склонны сейчас настаивать на одном из вариантов. Так или иначе, эти события могут стать убедительным объяснением причин стремительного расселения носителей новообразованной культуры длинных курганов на огромной территории.

Кроме этого, в этот же период фиксируется переселение заметной группы населения из Подвинья к юго-западу (бассейны верховьев Березины и Вилии), за пределы прежнего ареала памятников ЗУ. Наиболее яркий памятник – поселение Дедиловичи, имеющее признаки временного места проживания целого племени (подробнее [Лопатин, 2002]). Такой тип поселения никак не соответствует хозяйственно-культурному типу той эпохи, требовавшему небольших поселков по берегам рек и озер. Наборы керамики и немногочисленные вещи свидетельствуют о том, что и Дедиловичи, и другие памятники региона относятся к заключительной фазе развития ЗУ (сохраняется небольшая доля керамики с расчесами), а возможно, и к начальной фазе древностей типа Банцеровщина. Провести в данной ситуации четкую хронологическую и культурно-типологическую границу между ними практически невозможно, тем более, что ее, повторимся, скорее всего и не было.

Приведенные материалы позволяют сделать вывод о том, что во 2-ой четверти – середине I тыс. н.э. именно проникновение традиций киевской культуры разных вариантов в северном направлении – в бассейн Западной Двины и верхнего течения Днепра – было решающим фактором развития культуры населения этого региона. Это проникновение не было, вероятно, связано с полным вытеснением или предварительным исчезновением местного населения. Культуры эпохи раннего железа (в первую очередь днепро-двинская) послужили субстратом для пришлых традиций [Лопатин, 1997]. Так, во-первых, наблюдаются местные культурные элементы в составе новых культурных групп. Во-вторых, среди памятников днепро-двинской культуры удается выделить поздние, предположительно синхронные ранним древностям круга ЗУ.

В следующий период происходит окончательное изживание традиций днепро-двинской культуры и дальнейшее развитие культурных групп круга ЗУ и наследующих им вариантов культур типов Тушемля, Банцеровщина, Колочин и Псковских длинных

курганов. Во всех случаях речь должна идти не о поглощении пришлых традиций местными, а наоборот – либо о постепенной культурной ассимиляции местного населения, либо о полном замещении традиции. Такой ход культурогенеза свидетельствует о том, что демографическая основа процессов продвижения киевской культуры на север была значительной. Невыразительность сохранившихся остатков открытых поселений не может быть аргументом обратного. Она объясняется особенностями хозяйственно-культурного типа и поселенческой культуры, неблагоприятными для формирования мощных культурных слоев и их сохранности.

События середины V в., несомненно связанные с какими-то военными потрясениями, не смогли разрушить ту поселенческую и культурную структуру памятников, которая сложилась в ареале ЗУ незадолго перед этим, равно как и сильно изменить уже определившееся направление развития основных составляющих хозяйственно-бытового комплекса. Гибель некоторых поселений и некоторые подвижки населения в наиболее беспокойных областях привели к трансформации контуров археологической карты региона, не затронув кардинально ее содержательное наполнение.

Так, к примеру, один из наиболее ярких памятников, сохранивших выразительные следы «военного времени», – городище Демидовка на верхнем Днепре, полностью исследованное Е.А. Шмидтом [Шмидт, 1970]. Поселение это погибло в результате мощного пожара, вспыхнувшего, несомненно, в процессе военного штурма, свидетельством чего являются несколько десятков наконечников стрел, копий и дротиков, найденных в слое пожарища, а также несколько сокрытых здесь кладов серебряных украшений – височных колец и богатого поясного набора [Шмидт, 2003, с. 136]. Полностью аналогичная картина зафиксирована и на городище Близнаки [Шмидт, 2003]. Найденные на обоих памятниках предметы вооружения совершенно не характерны для местного населения лесной зоны Восточной Европы, поэтому принадлежали они скорее всего воинам из того самого «контингента», о котором писал М.М. Казанский: крупные трехлопастные стрелы, топор-франциска, центральноевропейские (германские и западнобалтские) копья, в том числе редких типов, только что появившихся на вооружении в Европе, например, ланцетовидный наконечник копья [Шмидт, 2003, табл. 1: 1–11, 17, табл. 2, 3].

Для Демидовки была получена радиоуглеродная дата 1570±60 лет назад [Шмидт, 2003, с. 141]. При калибровке мы получаем интервал 420–550 гг. как наиболее вероятное время пожара и гибели городища. Это в общем согласуется с высказанным нами предположением о датировке данного события серединой – 2-ой половиной V в., основанном на изучении вещевого комплекса [Фурасьев, 1996, с. 5]. Однако, несмотря даже на подобные потрясения, прекращение жизни на некоторых поселениях, традиции памятников типа Демидовка не прерываются и продолжают развиваться в дальнейшем, в течение VI–VII вв. не только на этой же территории, но даже несколько расширив свой ареал – тип Кисели (см. выше).

Подводя итоги нашему рассмотрению, заметим, что переход от римского времени к раннему средневековью на изучаемой территории протекает в общем контексте глобальной смены исторических эпох. Однако региональный подход позволяет сделать вывод, что существенных изменений в структуре расселения, в хозяйственно-бытовой области, в комплексе культурных традиций в Верхнем Поднепровье и Подвинье в это время не наблюдается. Местные культурные группы круга Заозерье-Узмень (относящиеся к киевской культурно-исторической общности) на данном хронологическом рубеже плавно трансформируются, вбирая некоторые нововведения, охватившие, впрочем, гораздо более широкий ареал. Основные же категории материальной культуры 2-ой четверти I тыс. н.э. здесь легко опознаются и на памятниках VI–VII вв.

Период 2-ой половины V – начала VI в. можно считать переломным для терррритории к северу от пределов древностей круга ЗУ, куда в это время распространяется культура Псковских длинных курганов. Здесь, на Северо-Западе Русской равнины, она сменяет местные древности раннего железного века предыдущего периода, которые, за исключением отдельных микрорегионов, слабо различимы и мало изучены археологически.

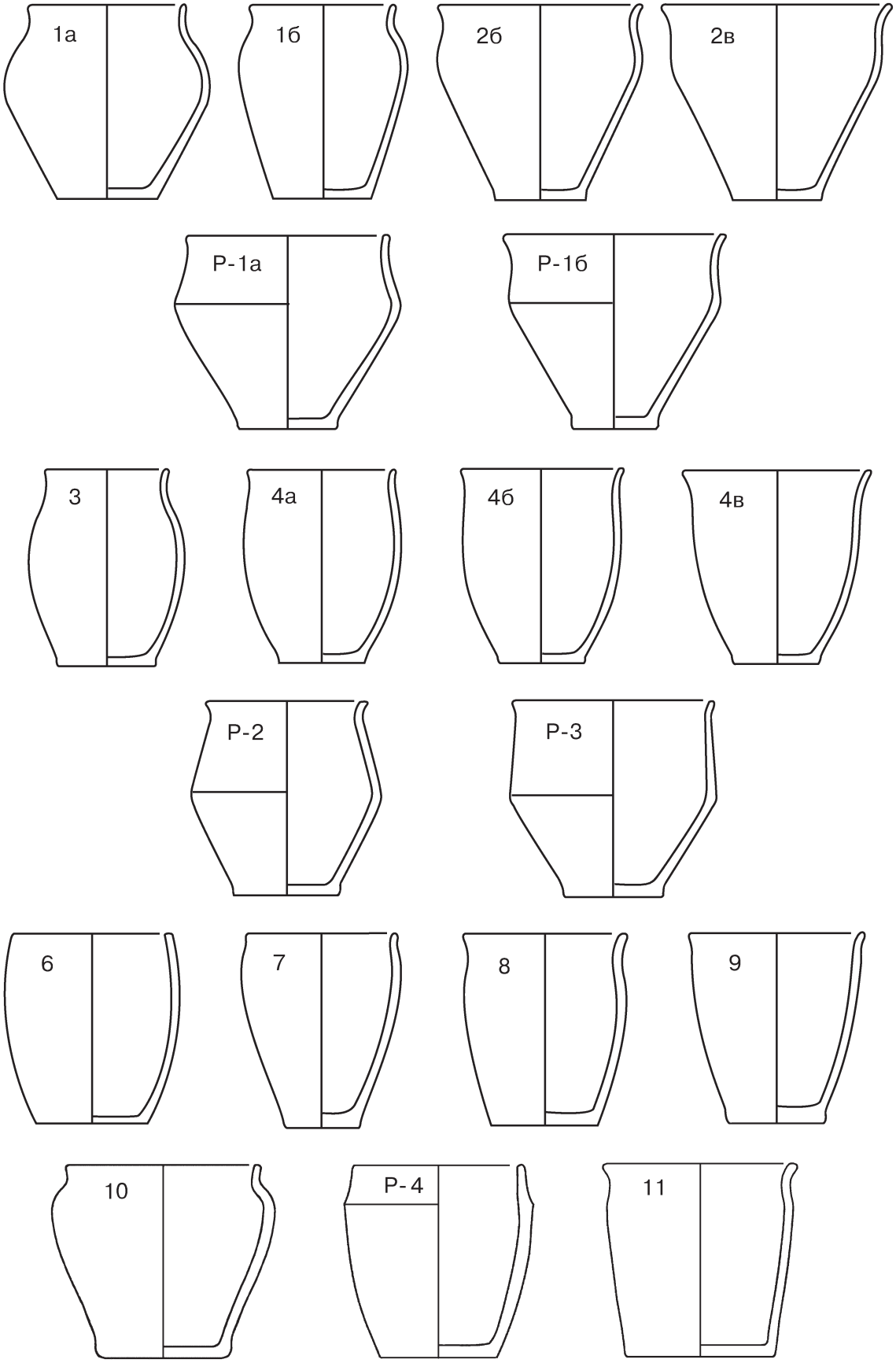

Рис. 1. Типология лепной керамики III–VIII вв.

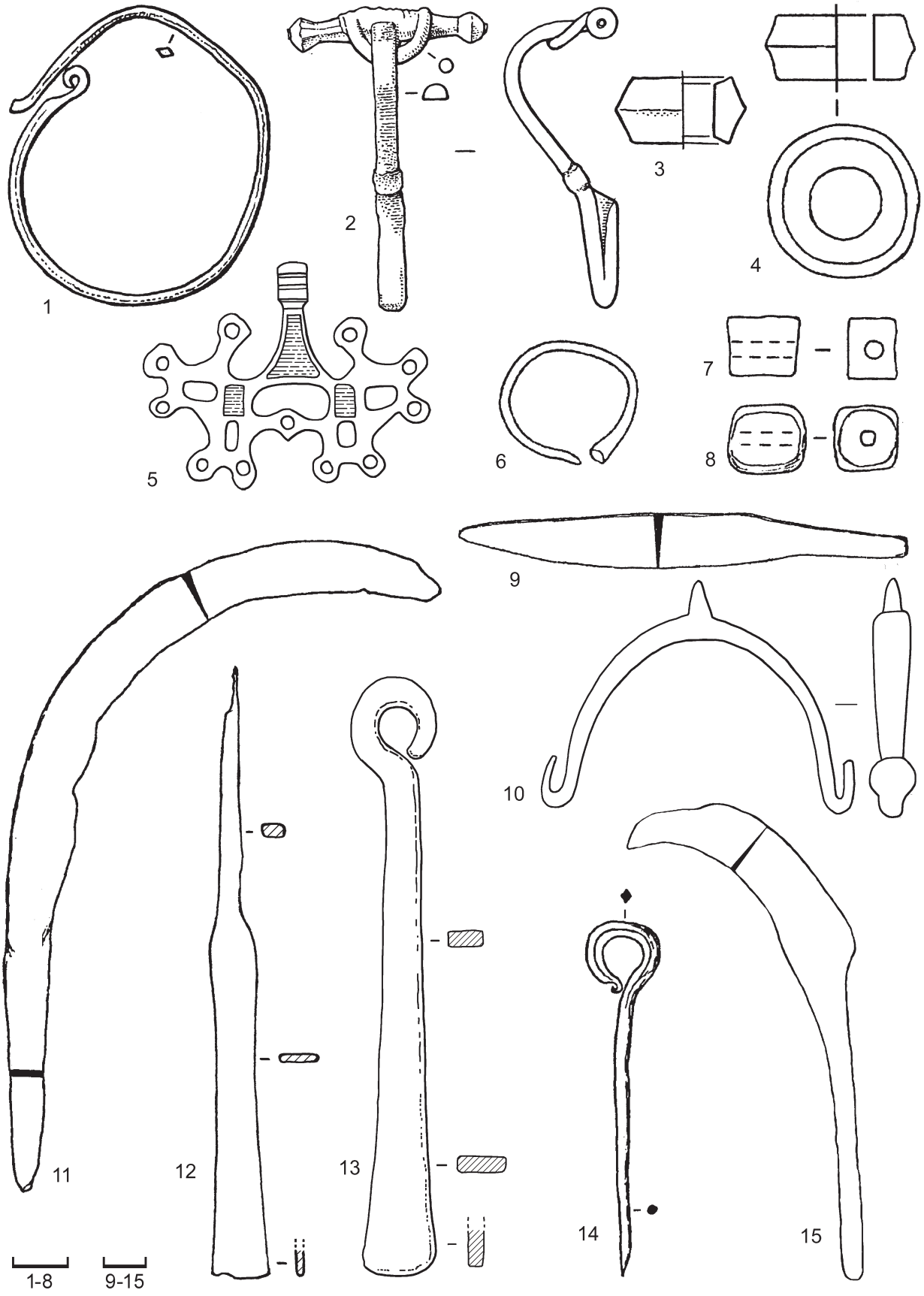

Рис. 2. Вещевой комплекс памятников круга Заозерье-Узмень.
1 – Бельчица; 2, 3, 13 – Заозерье; 4, 8 – Каменная Лава; 5, 10 – Демидовка; 6 – Шугайлово; 7, 9 – Свинухи; 11, 14 – Фролы; 12, 15 – Узмень. 1, 6, 14 – бронза; 2 – железо, бронза; 3, 4, 7 – глина; 5 – бронза, эмаль; 8 – синее стекло; 9–13, 15 – железо. 5, 6, 10, 13 – по Е.А. Шмидту.

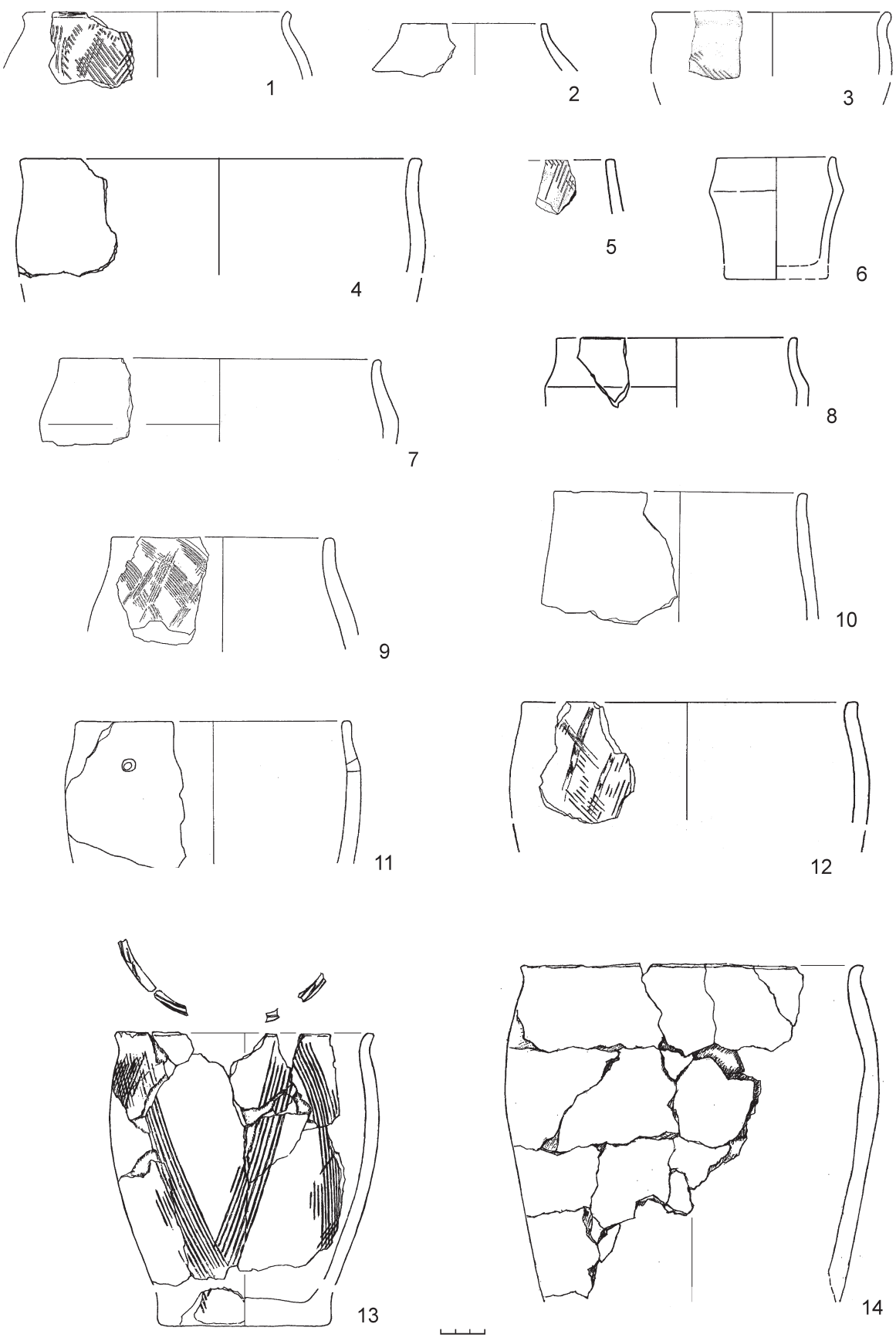

Рис. 3. Керамика памятников типа Заозерье.
1, 2 – тип 1; 3, 4 – тип 2; 5–8 – тип Р1; 9 – тип 3; 10 – тип 4; 11–14 – тип 7. 1, 11 – Бельчица; 2, 5, 7–10, 12 – Заозерье; 3 – Некасецк; 4, 6 – Дедиловичи; 13, 14 – Новое Село. 13, 14 – по П.Н. Подгурскому.

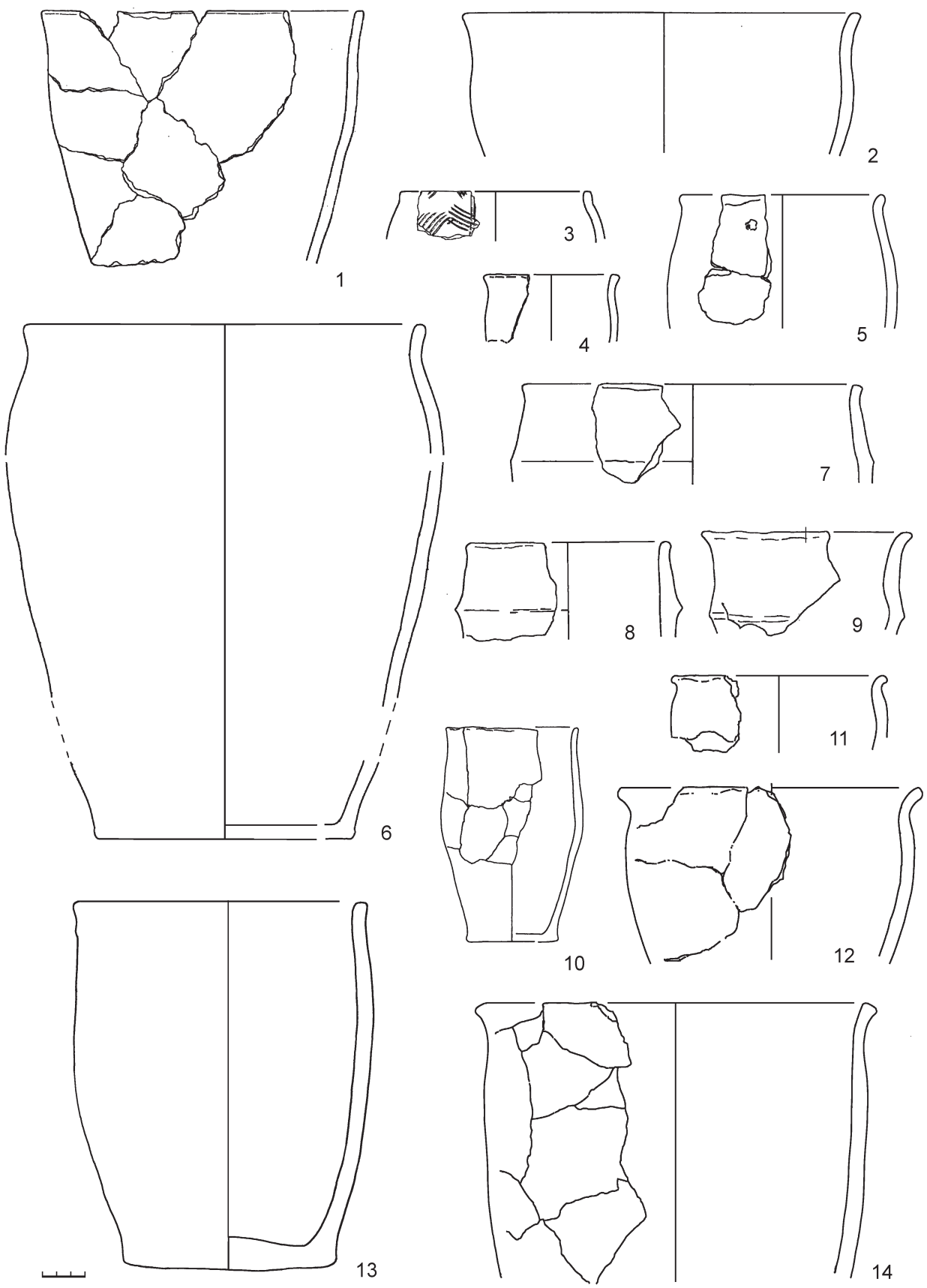

Рис. 4. Керамика памятников типа Узмень.
1, 2 – тип 2; 3 – тип 7; 4 – тип 8; 5 – тип 3; 6 – тип 1; 7 – тип Р1; 8 – тип Р4; 9 – тип Р3; 10, 13 – тип 4; 11, 12 – тип 11; 14 – тип 9. 1 – Ермошино; 2–4, 7–14 – Узмень; 5, 6 – Фролы.

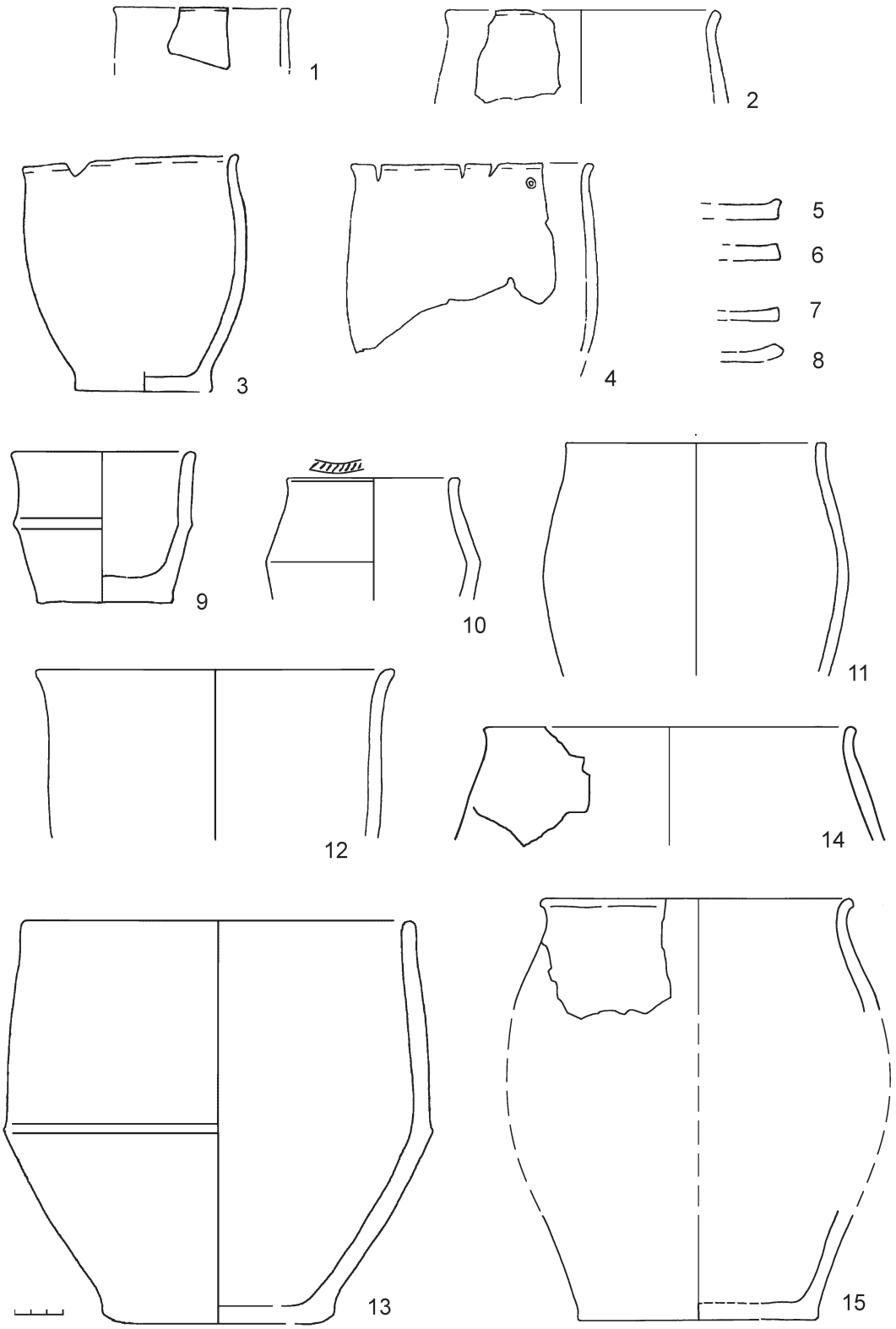

Рис. 5. Керамика деснинского варианта киевской культуры в Смоленском Поднепровье и Верхнем Подесенье.
1, 3, 4, 12 – тип 4; 2, 11, 14, 15 – тип 3; 5–8 – диски; 9, 13 – тип Р3; 10 – тип Р4. 1–8 – Касилово; 9–13 – Демидовка; 14, 15 – Слобода-Глушица. 1–8 – по Г.А. Массалитиной и Р.А. Нигматуллину; 9–15 – по Е.А. Шмидту.

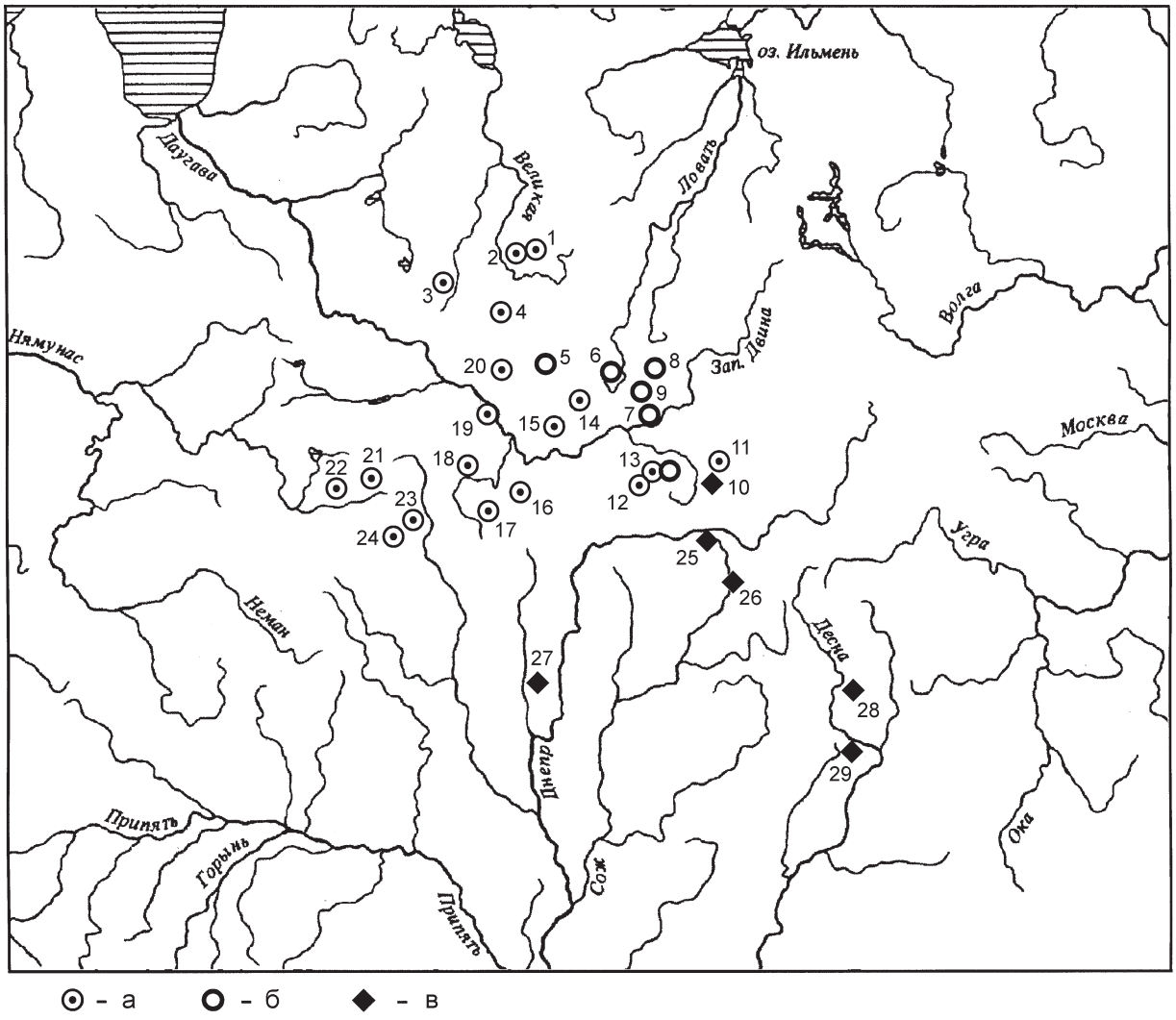

Рис. 6. Культурно-хронологические группы IV–V вв.

а – тип Заозерье; б – тип Узмень; в – северные памятники деснинского варианта киевской культуры.

1 – Свинухи, 2 – Ястребово, 3 – Волкорезы, 4 – Осыно, 5 – Ермошино, 6 – Фролы, 7 – Орляки, 8 – Каменная Лава, 9 – Узмень, 10 – Кислые, 11 – Холм, 12 – Микулино, 13 – Заозерье, 14 – Бураково, 15 – Казиново, 16 – Новое Село, 17 – Обузерье, 18 – Камень, 19 – Бельчица, 20 – Повалишино, 21 – Ревячка, 22 – Городище, 23 – Дедиловичи, 24 – Избище, 25 – Демидовка, 26 – Слобода-Глушица, 27 – Тайманово, 28 – Касилово, 29 – Хотылёво.

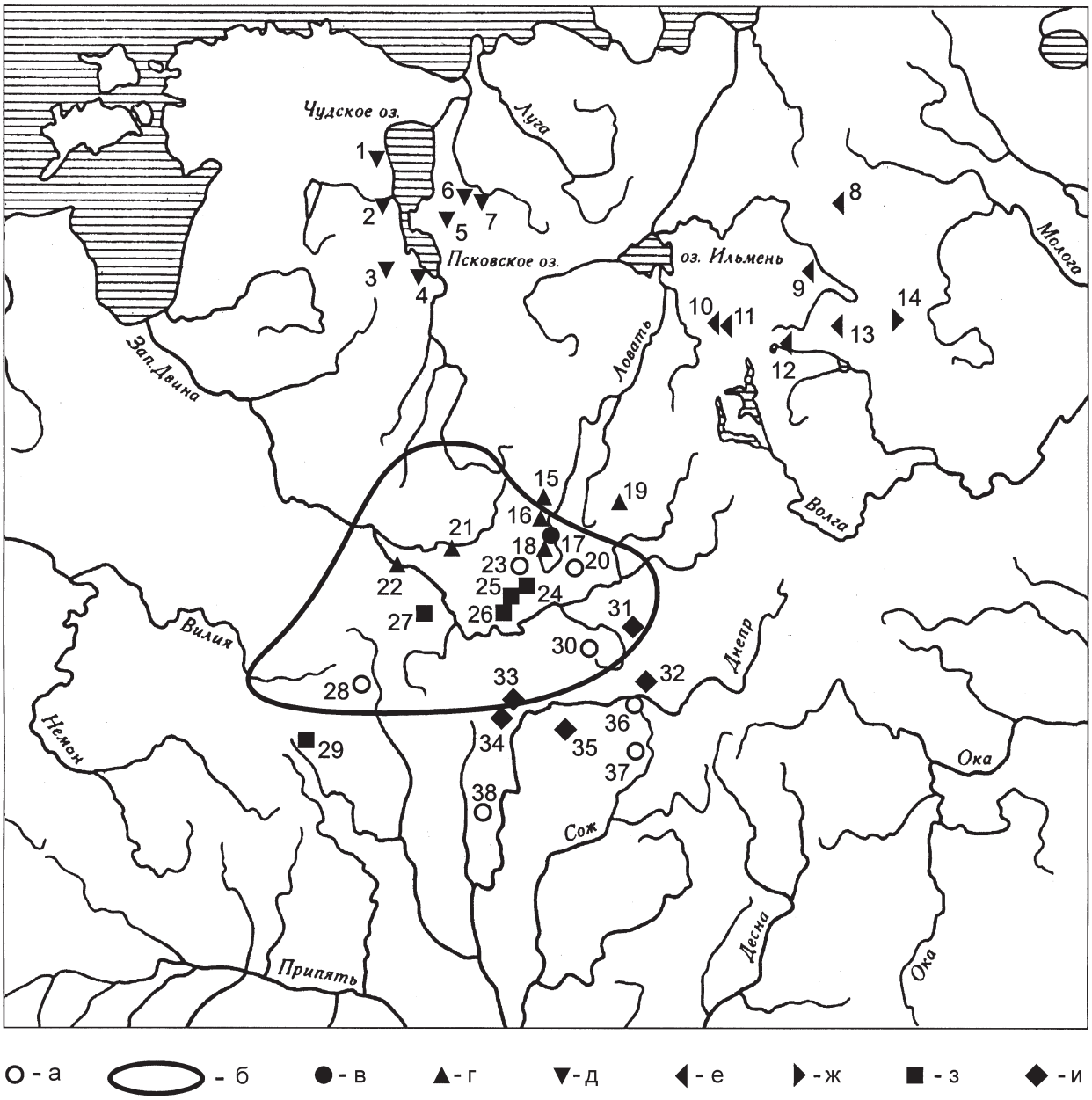

Рис. 7. Культурно-хронологические группы V–VIII вв.

а – основные эталонные памятники III–V вв.; б – ареал памятников круга Заозерье-Узмень (III–V вв.); в – и – памятники V–VIII вв.: в – тип Жабино, г – тип Дорохи, д – тип Жеребятино, е – тип Съезжее, ж – удомельский тип, з – тип Банцеровщина; и – тип Кисели.

1 – Козеский Лес, 2 – Кынну, 3 – Линдора, 4 – Лезги, 5 – Грядище (Совий Бор), 6 – Безьва, 7 – Жеребятино, 8 – Съезжее, 9 – Потерпелицы, 10 – Обрыня, 11 – Липицы, 12 – Городок (на Шлине), 13 – Подол, 14 – Юрьевская Горка, 15 – Полибино, 16 – Борисоглеб, 17 – Жабино, 18 – Дорохи, 19 – Михайловское, 20 – Узмень, 21 – Янковичи (Повалишино и Атоки), 22 – Субовщина, 23 – Городок, 24 – Бураково (селище), 25 – Казиново (селище), 26 – Старое Село, 27 – Заговалино, 28 – Дедиловичи (Замковая Гора), 29 – Банцеровщина, 30 – Заозерье (на Рутавечи), 31 – Акатово, 32 – Близнаки, 33 – Черкасово, 34 – Кисели, 35 – Никодимово, 36 – Демидовка, 37 – Тушемля, 38 – Тайманово.

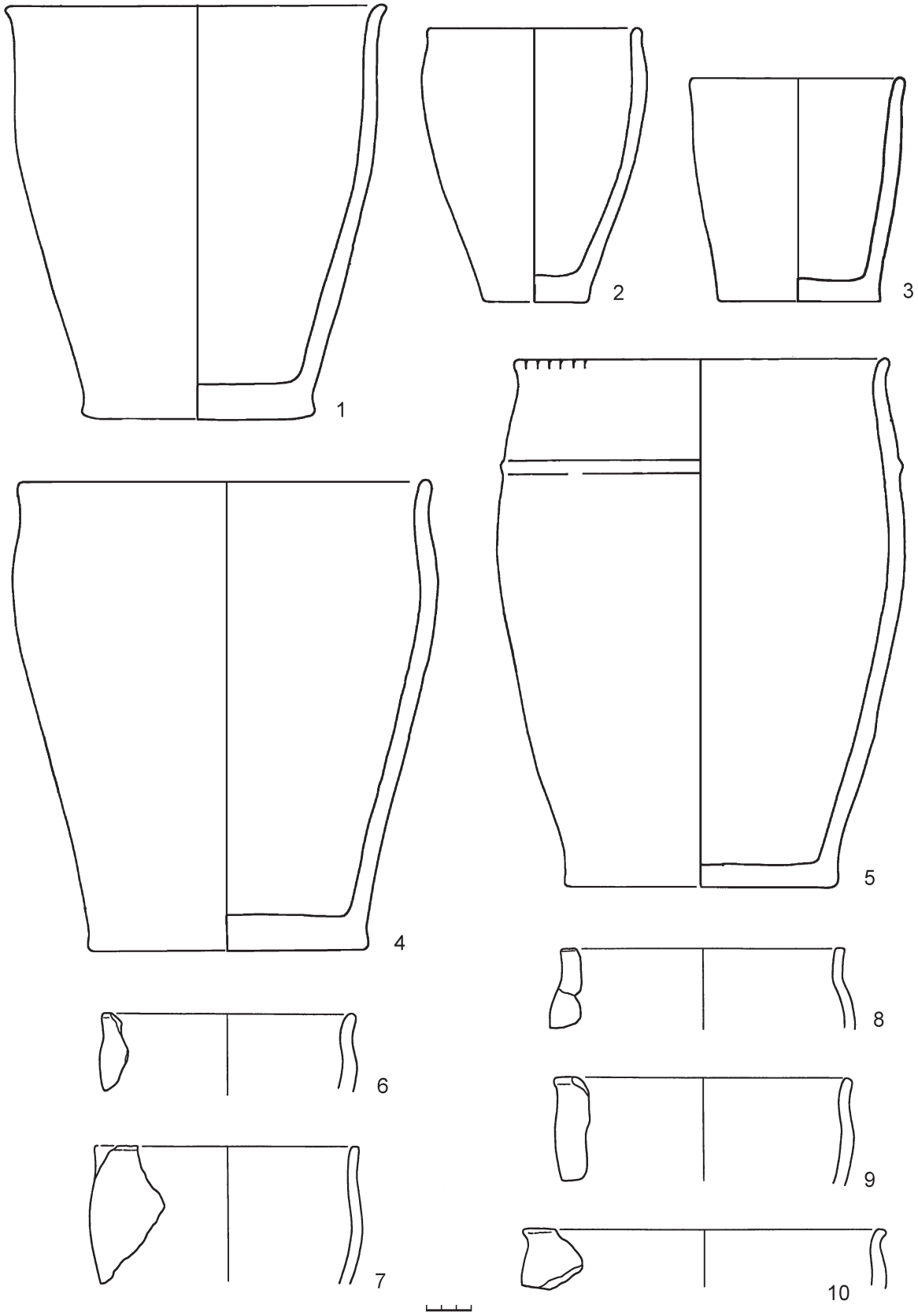

Рис. 8. Керамика памятников типа Жабино.
1, 4, 6, 7, 9 – тип 2; 2 – тип 7; 3 – тип 9; 5 – тип Р4; 8 – тип 1; 10 – тип 11. 1–5 – Жабино; 6–10 – Турушино.

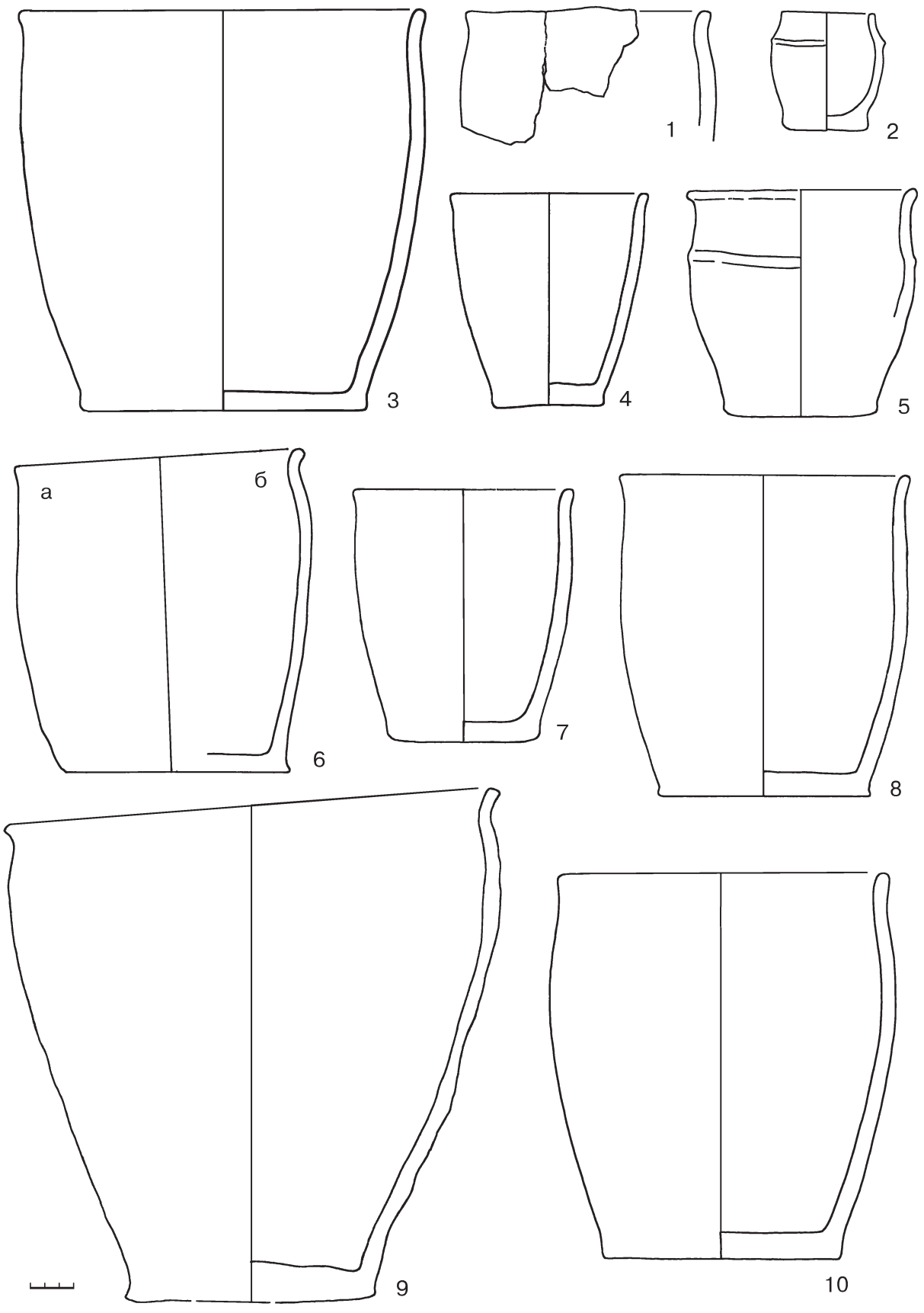

Рис. 9. Керамика памятников типа Дорохи.
1, 10 – тип 7; 2, 5 – тип Р-4(а); 3, 4, 7 – тип 9; 6 (профиль б), 9 – тип 11; 8 – тип 4. 1, 2 – Субовщина; 3, 4 – Повалишино; 5, 8 – Дорохи; 6 – Борисоглеб; 7 – Полибино; 9 – Михайловское; 10 – Атоки. 1, 2 – по В.И. Шадыро; 3–5, 7, 8, 9 – по Г.В. Штыхову.

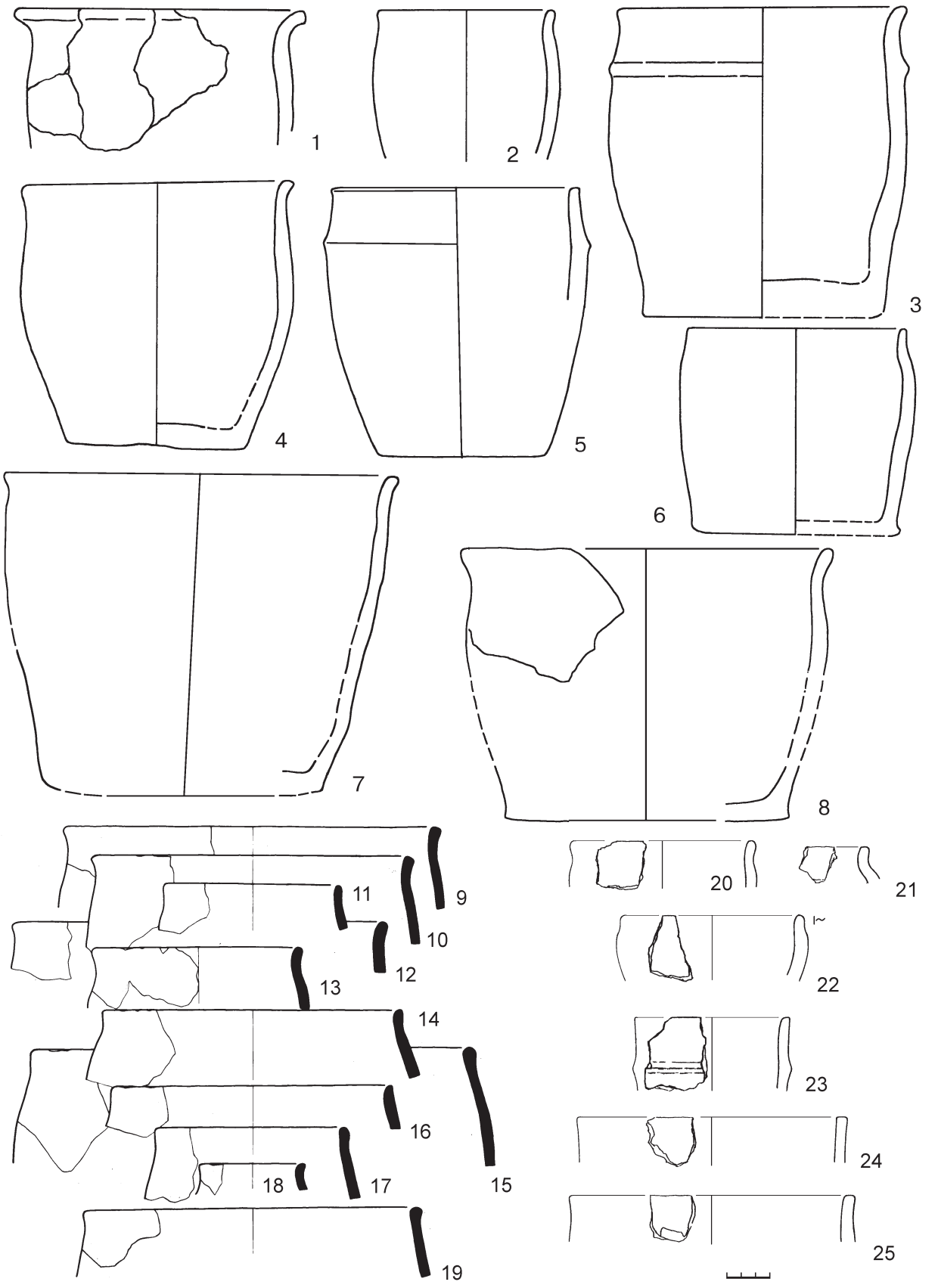

Рис. 10. Керамика памятников типа Жеребятино и поселений Псковско-Чудского региона.
1, 4 – тип 4; 2, 15 – тип 7; 3, 5, 23 – тип Р-4; 7 – тип 9; 8 – тип 8; остальные – редкие формы и мелкие фрагменты. 1–4, 6 – Жеребятино; 5 – Грядище; 7 – Лезги; 8 – Козеский Лес; 9–19 – Сторожинец; 20–25 – Усть-Смолка. 9–19 – по С.Г. Попову.

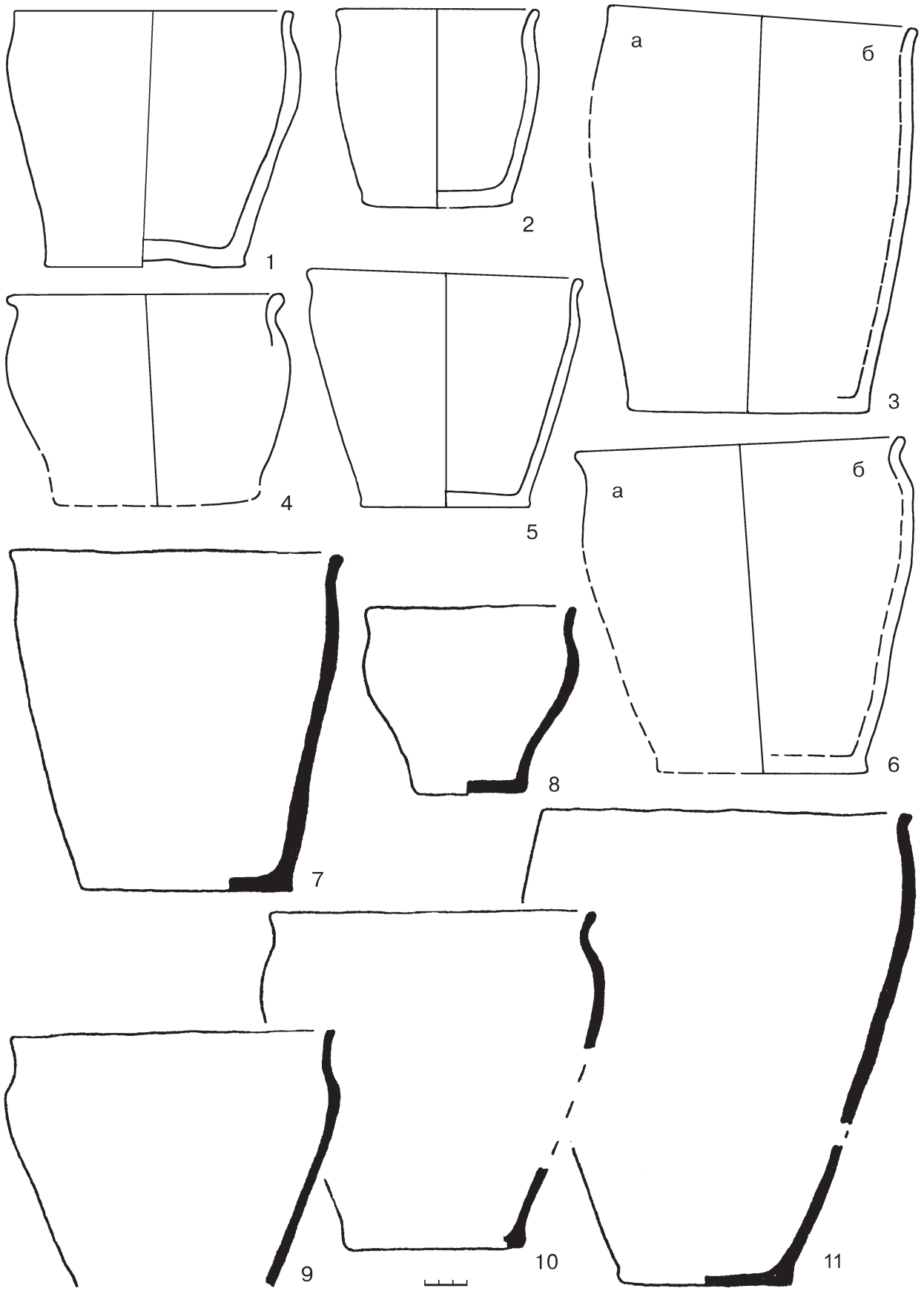

Рис. 11. Керамика памятников типа Съезжее и удомельского типа.
1, 8 – тип 10; 2, 6а – тип 8; 3а, 11 – тип 7; 4, 5, 6б, 10 – тип 11; 3б, 7 – тип 9. 1 – Подол; 2, 5 – Съезжее; 3 – Потерпелицы; 4 – Липицы; 6 – Обрыня; 7–11 – Юрьевская Горка. 1 – по И.Н.Черных и П.Д. Малыгину; 2, 5 – по Е.Н. Носову; 7–11 – по И.В. Ислановой.

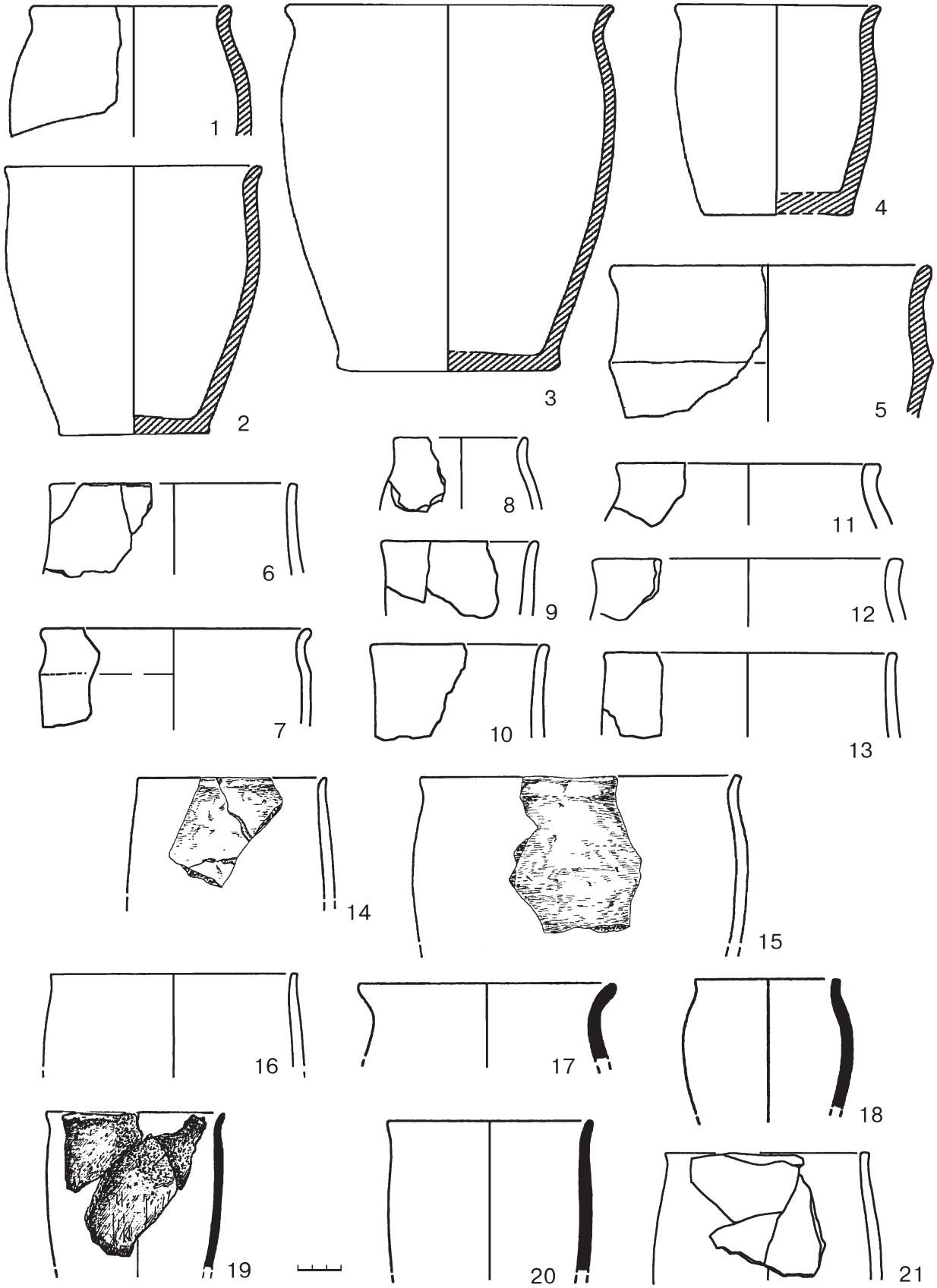

Рис. 12. Керамика памятников типа Банцеровщина.
1, 8, 11 – тип 3; 2, 6, 9, 10, 13, 14, 16, 20, 21 – тип 4; 3, 4 – тип 8; 15, 18 – тип 7; 19 – тип 9. 1–5 – Банцеровщина; 6–13 – Бураково; 14, 15 – Казиново; 16–21 – Городок. 14–21 – по О.Н. Левко.

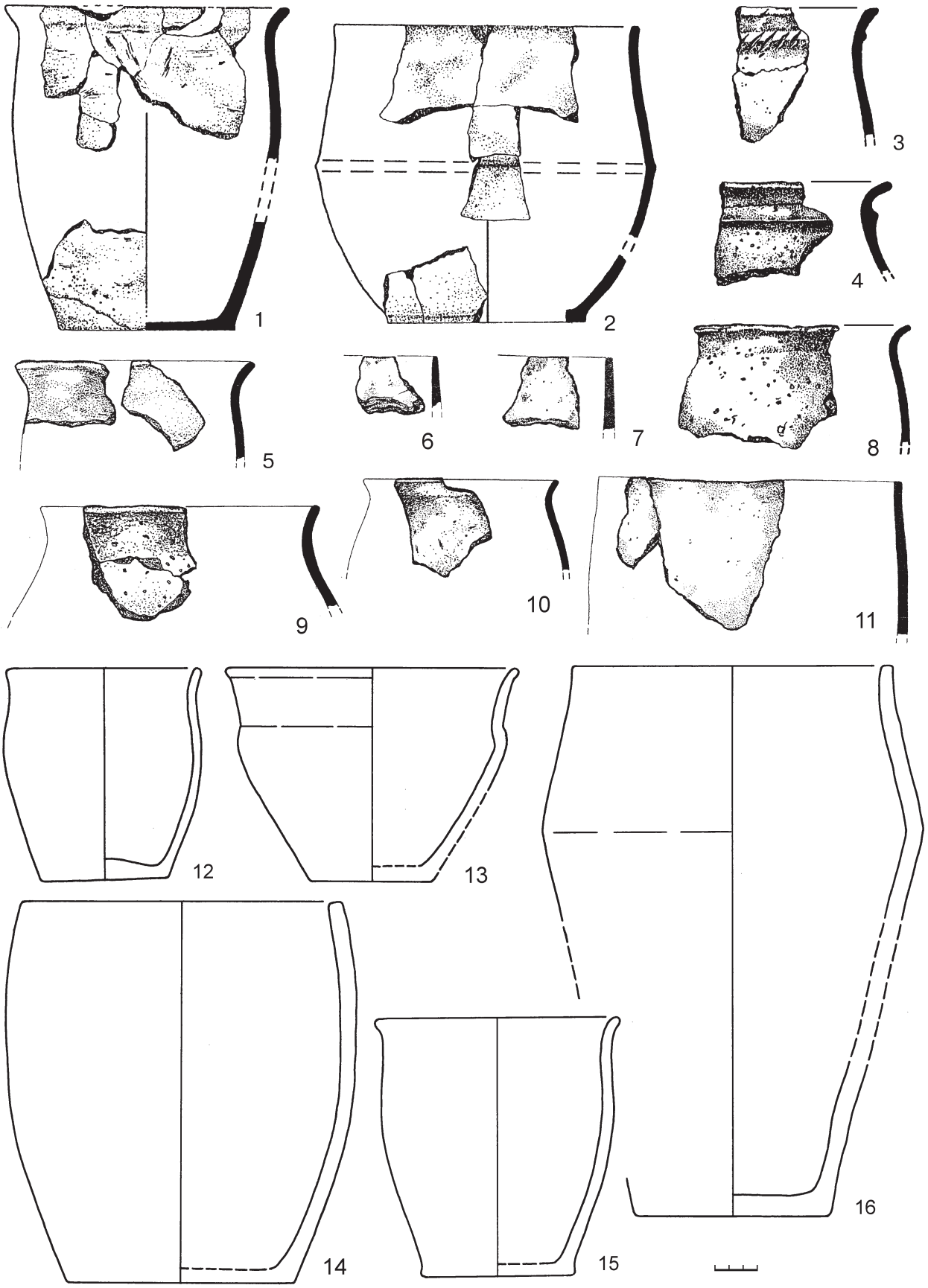

Рис. 13. Керамика памятников типа Кисели и городища Тушемля.
1, 2 – Черкасово; 3–11 – Кисели; 12–16 – Тушемля. 1–11 – по О.Н. Левко и Ю.В. Колосовскому.

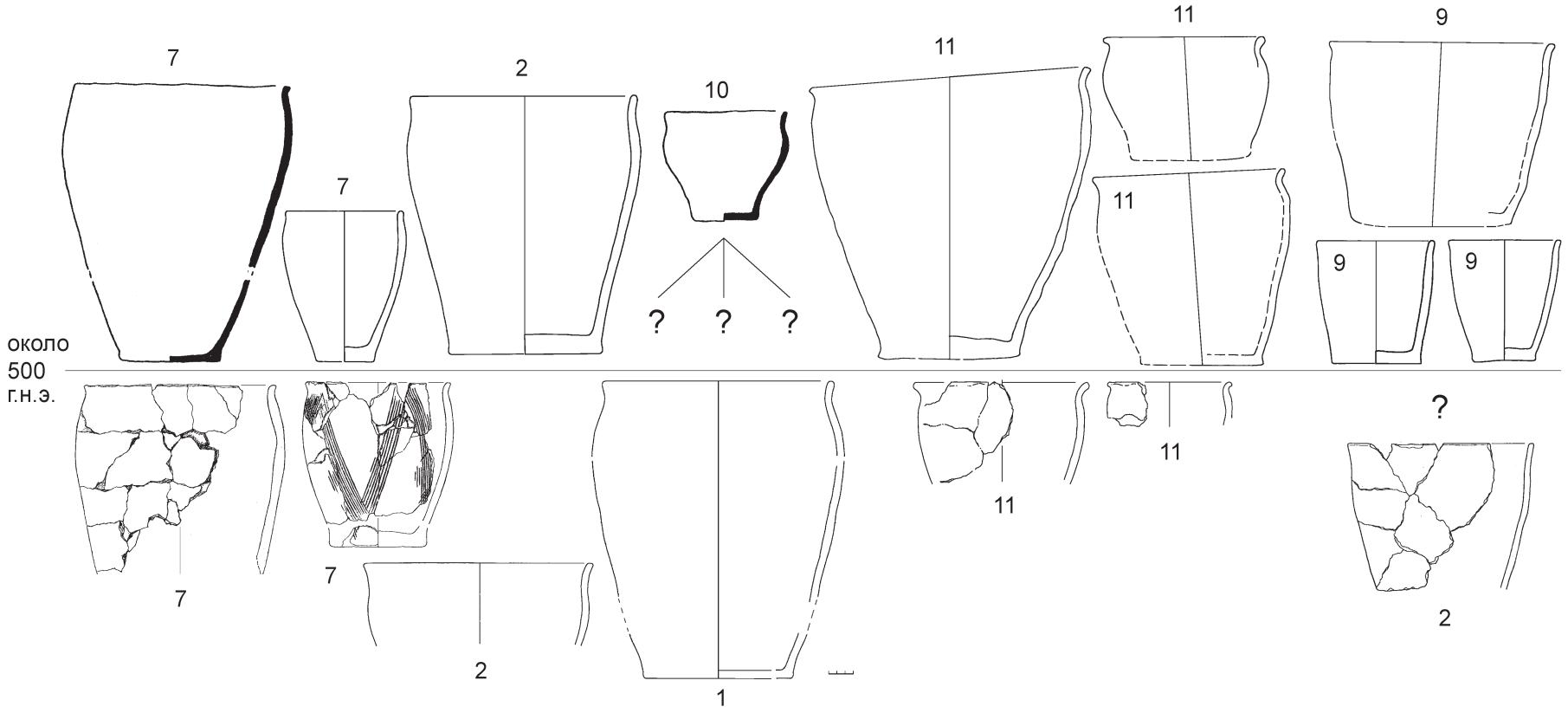

Рис. 14. Линии развития форм керамики в IV–VIII вв. (окончание см. на рис. 15). Указаны номера типов (см. рис. 1).

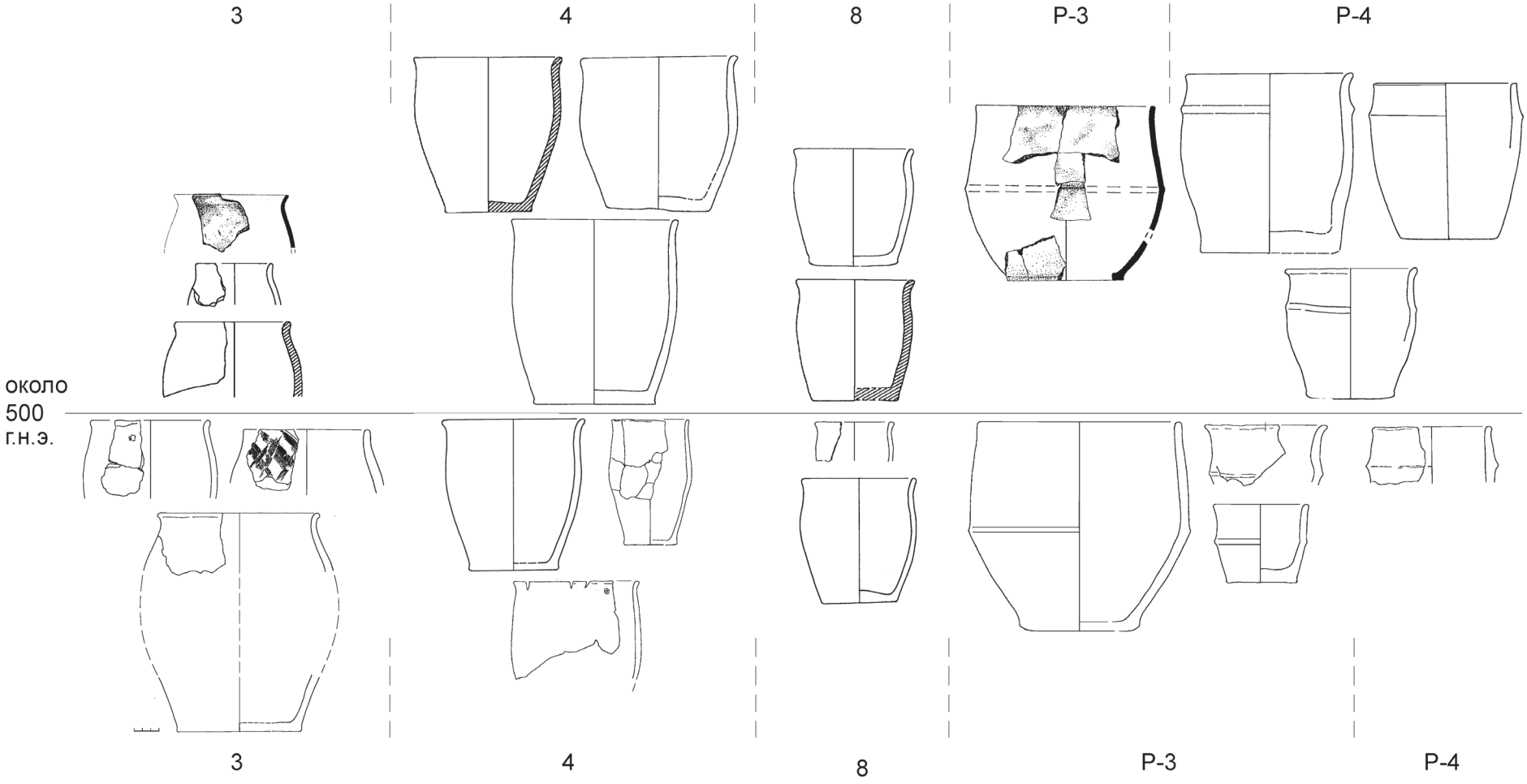

Рис. 15. Линии развития форм керамики в IV–VIII вв. н.э. (начало см. на рис. 14). Указаны номера типов (см. рис. 1).

Глава 5.
Верхневолжье и Валдай

И. В. Исланова

5.1. Вводные замечания

Рассматриваемая территория занимает пограничное положение между Северо-Западом и Северо-Востоком лесной зоны Восточной Европы (рис. 1). В древнерусскую эпоху здесь находились окраинные участки Новгородской, Ростово-Суздальской и Смоленской земель [Насонов, 2002, с. 81–84; Кучкин, 1984, рис. 2]. В изучаемую территорию входят: бассейн верхнего течения р. Мсты, озера Волговерховья (Селигер, Вселуг, Пено и др.), верховья некоторых рек Волжского бассейна (Тверцы, Волчины) – далее Валдайский регион, т.н. ржевское течение Волги – далее Ржевское Поволжье и т.н. тверское течение р. Волги – далее Тверское Поволжье.

Регионы различаются по рельефу и почвам. В Валдайском регионе, изобилующем озерами, господствует крупнохолмистый рельеф [Калмыкова, 1960, с. 111–118]. Исключением является обширная Вышневолоцкая зандровая низина. Почвы в основном неблагоприятные для занятия земледелием – дерново средне или сильно подзолистые на суглинках и песках или подзолистые песчаные и супесчаные [Гаврилов, 1960, с. 276–278]; отдельными «пятнами» (западный берег оз. Мстино, левобережье р. Волчины, левобережье притоков верхней Тверцы) встречаются почвы на лессовидном суглинке. Для Ржевского региона (бассейн Волги ниже впадения р. Селижаровки до впадения р. Вазузы) характерен равнинный или холмисто-равнинный рельеф. Преобладают средне суглинистые почвы на лессовидном суглинке.

Тверское Поволжье занято в основном зандровыми низинами с отдельными моренными грядами [Калмыкова, 1960, с. 104–111]. За исключением участка выше г. Старицы, распространены подзолистые песчаные почвы и супесчаные на валунной супеси, отдельным «пятном» выделяется район Бурашевской гряды с относительно плодородными среднесуглинистыми почвами на лессовидном суглинке в правобережье р. Волги. По берегам рек с разработанными долинами находятся благоприятные для земледелия аллювиальные почвы [Гаврилов, 1960, с. 274–276].

Рассматриваемая территория, по мнению большинства исследователей, входит в ареал дьяковской культуры [Смирнов, 1974, табл. X]. При характеристике культурных изменений в 1-ой половине I тыс. в дьяковском массиве, в том числе в Верхнем Поволжье, исследователи продолжают опираться на гипотезу П.Н. Третьякова, выдвинутую почти полвека назад (правда, сейчас изменилось название некоторых культур, нет единства и по поводу хронологии выделяемых этапов). Перемена в культурной ситуации в Верхнем Поднепровье – распространение зарубинецких (по П.Н. Третьякову, раннеславянских) племен – повлияла на смежные регионы. Какая-то часть местного населения отступает на север к верховьям Днепра и Волги, в бассейн Западной Двины, на Верхнюю Оку и в западную часть Волго-Окского междуречья. В результате этого в Волго-Окском регионе возникает позднедьяковская смешанная культура «с отчетливыми позднезарубинецкими и балтийскими элементами» [Третьяков, 1966, с. 230–231, 236–237]. Основные признаки новой культуры – исчезновение сетчатой и появление гладкостенной керамики, украшенной по венчику насечками и защипами, и «вместе с ней» – лощеной посуды. Новая позднедьяковская культура, по П.Н. Третьякову, фиксируется во 2-ой четверти – середине I тыс. По мнению того же исследователя, вклад восточных балтов в позднедьяковскую культуру прослеживается не только по керамике, но и по распространению «грузиков балтийского (дьяковского) типа» и серии металлических изделий.

Основные культурные перемены в дьяковском ареале К.А. Смирновым отнесены также к II/III–V вв. [Смирнов, 1974, с. 79]. И.Г. Розенфельдт выделила два периода в проникновении «балтского этнического элемента» в среду дьяковских племен, ставших после этого балто-финно-угорскими: последние века до н.э. – начало н.э. и III–V вв. При этом в первый период, по ее мнению, продолжала бытовать сетчатая керамика. Верхневолжские памятники исследовательница считает периферийными. Здесь изменения в материальной культуре прослеживаются слабее [Розенфельдт, 1974, с. 196–197]. Как представляется, подобное мнение появилось, скорее всего, из-за разной степени изученности и исследованности территорий Верхнего Поволжья и Москворечья. Ю.А. Краснов предложил выделять с III–IV вв. в дьяковском ареале не одну, а две археологические культуры: культуру восточных и западных районов. Причем последняя «характеризовалась бы наличием сильного западного влияния» [Краснов, 1974, с. 4].

В истории дьяковской культуры бассейна Москвы-реки Н.А. Кренке выделяет два основных этапа (раннедьяковский VIII–III вв. до н.э. и позднедьяковский II в. до н.э. – VII в. н.э.), отражающих смену культурных традиций [Кренке, 1987а, с. 16–17]. Этапы подразделяются на периоды, в частности на три последних периода для позднедьяковского этапа (верхней границей 3-го периода является появление лощеной и профилированной керамики, 4-й характеризуется расцветом позднедьяковской культуры, 5-й – упадком этой культуры).

А.Д. Максимов считает, что для древностей раннего железного века на территории современной Тверской области можно говорить о двух основных хронологических этапах: VIII/VII вв. до н.э. – II/III вв. н.э. и III – VII вв. [Максимов, 1994, с. 114]. Поселения дифференцированы им на несколько территориальных групп. Изменения в количестве и соотношении городищ и селищ в разные периоды объяснены происходившими здесь (видимо, внутренними) «социально-экономическими процессами». Для т.н. юго-восточной группы (течение Волги примерно от впадения р. Вазузы в пределах Тверской области) констатируется «культурная преемственность ранних и поздних памятников» [Максимов, 1994, с. 114] и преобразование этой локальной группы в раннемерянскую культуру [Максимов, 1996, с. 362]. На втором этапе в «южной локальной группе» под влиянием балтов происходят культурные изменения, и древности этой группы входят в ареал мощинской культуры [Максимов, 1996, с. 362]. В подтверждение этого высказывания тем же автором были опубликованы материалы селища Суходол II (Ржевское Поволжье), датируемого III–VII вв., входившего в ареал мощинской культуры «с незначительным добавлением раннеславянских элементов» [Максимов, 1998, с. 385]. Причиной продвижения балтов явилось вторжение готов в бассейн Днепра [Максимов, 1998, с. 385]. В «северной группе памятников» (в бассейне верхней Мсты и Мологи) с III в., по А.Д. Максимову, складывается новая культура типа городища Орлов Городок. Следует сразу отметить, что изложенные в серии статей А.Д. Максимовым наблюдения имеют самый общий характер, так как детальное обоснование выделенных хронологических периодов, территориальных групп, нового типа (или археологической культуры) осталось за рамками публикаций.

При интерпретации результатов раскопок городища Варварина Гора, исследовавшегося в Валдайском регионе, В.А. Буров фиксирует «выплеск» дьяковского населения в III–IV вв. с территории Москворечья, основываясь на серии найденных шумящих подвесок. «Облик материальной культуры городища Варварина Гора» (находившегося в зоне финно-балтских контактов) «заметно отличается от памятников Верхнего Поволжья» [Буров, 2003, с. 36]. По всей видимости, подтвердить или опровергнуть это предположение можно будет только при получении новых материалов из памятников бассейна Верхней Волги, достаточных для сопоставления с имеющимся москворецким массивом дьяковских источников.

По В.И. Вишневскому, позднедьяковский этап относится к III–VIII вв. В Верхнем Поволжье он фиксирует культурные изменения, выразившиеся в появлении лощеной посуды, бронзовых украшений из Прибалтики, Прикамья, Поочья, и выделяет «своеобразный позднедьяковский комплекс», датирующийся V–VII вв.: «горбатые ножи с уступом на горбинке», серпы с петлей, рыболовные железные крючки, костяные четырехзубцы, костяные горбатые гребни, пластинчатые кресала, костяные стрелы с фигурным концом, крестовидные фибулы, литейные известняковые формы [Вишневский, 1991, с. 14].

В.В. Седов, опираясь на наблюдения В.И. Вишневского, включает серию выше упомянутых вещей в блок предметов провинциальноримских типов, принесенных т.н. «среднеевропейскими переселенцами». Следы переселенцев фиксирует единственная керамическая находка – целый сосуд с поселения, напластования которого были разрушены при возведении курганов некрополя г. Суздаля [Седов, 1995, с. 224; Седова, 1997, с. 161–162; рис. 52]. Северная часть Валдайского района включена исследователем в ареал культуры псковских длинных курганов, возникшей в V в. после переселения сюда из Среднего Повисленья среднеевропейского населения, в составе которого основную роль играли славяне [Седов, 1995, с. 245–246], а Тверское Поволжье (территория ниже впадения р. Вазузы) – в ареал мерянской культуры, где в конце V – начале VI вв. отмечено распространение браслетообразных незавязанных височных колец, маркирующих, по В.В. Седову, раннеславянское население, расселившиеся на землях, занятых балтскими и поволжско-финскими племенами. Дьяковская культура в это время прекращает существование, но, по В.В. Седову, не все дьяковские регионы могли быть затронуты влиянием культуры пришлого населения. В VII–IX вв. «верхневолжский регион пополняется небольшими группами кривичей». При этом многое в истории этого региона «пока кажется туманным» [Седов, 2002, с. 390–395].

Не прояснилась картина в Верхневолжье и после исследований О.М. Олейникова, посвятившего этому району серию работ, в которых анализируются этапы и пути в основном славянского расселения, начиная с VI в. Для разграничения древностей разных культур: псковских длинных курганов (КПДК) и смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) исследователь использует признак (по моему мнению, весьма сомнительный) местоположения погребальных памятников «в удалении от одновременных поселений» (для КПДК) или «в непосредственной близости от одновременных поселений» (для КСПДК). После картирования памятников 2-ой половины I тыс. (как правило, на основании предварительных разведочных материалов) получилось следующее довольно сложное и противоречивое «полотно» славянского расселения в VI–X вв.

С конца IV по конец VI в. из-за неблагоприятного климата рассматриваемая территория была окружена непроходимыми болотами и «проникновение населения извне сюда в этот период было невозможным. Местное автохтонное население из-за сильной увлажненности климата, по всей видимости, вымерло или ушло». С конца VI в., в связи с потеплением и усыханием болот, открылись переходы для колонистов. Основной поток их шел с юго-запада и с северо-запада в район Верхневолжских озер. «Это были носители…КПДК» [Олейников, 2002а, с. 520]. В то же самое время – «с конца VI в. в южные районы Тверского Поволжья стали проникать немногочисленные группы населения… (племена мощинской культуры)». «Носители КПДК в VII в., продвигаясь с верхневолжских озер вниз по Волге, в современном Ржевском районе Тверской области, встретились, нужно полагать, с немногочисленными переселенцами с юга» – видимо, имеются в виду племена мощинской культуры. «В конце VIII – IX вв.» или «в конце VIII – X вв. в юго-западные районы… по рекам Западная Двина, Жукопа, Песочня и Тудовка из Верхнего Поднепровья расселяются носители КСПДК, которые осели по берегам Волги и Тудовки от Селижарова до Зубцова... В IX–X вв. носители КПДК продвинулись вниз по Волге до современного Ржева» (хотя выше О.М. Олейниковым уже было упомянуто о расселении в VII в. носителей КПДК в Ржевский регион). «Другой поток шел с севера по Тверце и Осуге по направлению к Волго-Шошинскому междуречью. По этим же направлениям в тот период продвигались носители культуры сопок» [Олейников, 2003, с. 11, 12, 18, 19].

При реконструкции путей продвижения носителей КПДК с Тверцы и Осуги на Волгу и Шошу О.М. Олейников опирается на разработки П.Д. Малыгина (также основывающиеся на картировании археологических памятников). По мнению П.Д. Малыгина, в этих регионах прослеживается четкая приуроченность памятников к дерновокарбонатным и «вообще плодородным» почвам [Малыгин 1994. с. 117; рис. 1]. Однако вопрос о наличии особого Волго-Шошинского региона культуры длинных курганов следует оставить открытым, так как не ясна ни хронология, ни культурная принадлежность включенных в этот регион памятников.

Предлагая масштабную панораму межкультурных взаимоотношений на территории лесной зоны Восточной Европы в эпоху Великого переселения, С.Ю. Каргопольцев считает черняховскую культуру генератором «южных» импульсов в IV–V вв., с которыми связана серия вещей, определивших облик, в том числе мощинской и дьяковской культур [Каргопольцев, 1997, с. 88]. Импорты 430-х – 490-х гг. (лунницы в стиле Сёсдал и В-образные рифленые пряжки) маркируют «сильный импульс с запада от каких-то романизированных варваров через территорию Пруссии». Этот процесс совпадает с появлением новых культур типа Линдора – Полибино (автором имеются в виду памятники КПДК), окских могильников, Тушемли – Банцеровщины [Каргопольцев, 1997, с. 91, 94].

Исследователи, касавшиеся в той или иной степени проблемы происхождения культуры длинных курганов, вслед за П.Н. Третьяковым, все больше склоняются к гипотезе о верхнеднепровском (или верхнеднепровско-двинском) исходном районе независимо от того, как именовались, на том или ином этапе изучения, древности 2-ой и 3-ей четверти I тыс. [Носов, 1982, с 63]. Особняком стоит предположение В.Я Конецкого о том, что КПДК – это результат синтеза местных финно-угорских и пришлых балтских компонентов, возникший после импульса, принесшего позднезарубинецкие элементы (в частности, среднетушемлинскую керамику) в первые века н.э. из Поднепровья [Конецкий, 1997, с. 218–219].

При распространении КПДК, в том числе и в Валдайском регионе, исходной территорией, по Н.В. Лопатину и А.Г. Фурасьеву, был Двинско-Ловатский регион, набор керамики которого генетически связан с древностями типа Заозерье – Узмень – фактически одним из вариантов киевской культуры [Лопатин, 2002. с. 55–56]. Керамический материал т.н. удомельского типа древностей анализируется Н.В. Лопатиным в общем контексте КПДК.

Кратко суммируя результаты исследований, можно подчеркнуть следующее. Общая картина культурных изменений для 1-ой половины I тыс. н.э. строится в основном на материалах относительно хорошо изученных древностей раннего железного века москворецкого региона.

Большинство исследователей отмечают, что наиболее крупные культурные перемены были связаны с исчезновением сетчатой посуды и появлением новой гладкостенной керамики, связанной с притоком балтского населения из Верхнего Поднепровья. Начальная дата основных перемен – III в. н.э. Исключением является мнение Н.А. Кренке, датирующего на основании комплексного исследования дьяковских древностей начало нового культурного этапа со II в. до н.э. Появление на дьяковских поселениях Москворечья незначительного количества лощеной посуды фиксируется как определенный период в развитии позднедьяковской культуры. Культурные импульсы из более южных регионов во 2-ой четверти I тыс., в том числе и в Верхнем Поволжье, отмечены находками вещей круга эмалей.

По В.В. Седову, появление в Верхнем Поволжье т.н. вещевого позднедьяковского комплекса вызвано притоком т.н. среднеевропейского (в основном славянского) населения.

Для Валдайского региона крупные культурные изменения, связанные со славянским расселением и возникновением КПДК и удомелького типа памятников (по Н.В. Лопатину, варианта КПДК) фиксируются в 3-ей четверти I тыс. В этот же период, по О.М. Олейникову и А.Д. Максимову, в Ржевское Поволжье проникают носители мощинской культуры.

Дискуссионным остается исходная территория переселенческого славянского потока. Концепции, касающиеся культурных изменений в Верхневолжье и на Валдае, направлений переселенческих волн, выделения новых археологических культур, опираются в основном на наблюдения при картировании памятников, культурная атрибуция которых определена весьма приблизительно, а также на единичные керамические и вещевые находки, что связано в какой-то степени с характером имеющихся источников.

Задачами настоящей работы являются: реконструкция в самых общих чертах культурных процессов в Верхневолжье и Валдае на протяжении 1-ой половины – 3-ей четверти 1 тыс. на основе доступных на сегодняшний день материалов;[1] выделение основных этапов в культурных изменениях; дифференциация, по возможности, археологических объектов по группам и типам памятников, выявление общего и особенного при характеристике древностей.

5.2. Источники и методика исследования

Для рассматриваемых регионов и для вычленения хронологических этапов основных культурных изменений существуют неравноценные по информативности источники.[2] В первых сводах, вышедших в начале XX в. [например, Плетнев, 1903], обобщающих работах, в публикациях и отчетах первой половины XX в. содержатся краткие сведения по интересующим нас древностям.

Особый блок представляют материалы разведочных работ в Калининской (ныне Тверской) области в 70–90 гг. XX в., проводившихся в рамках составления Свода памятников истории и культуры. Именно тогда были обследованы почти все крупные водоемы и водотоки и выявлена основная масса древностей 1-ой половины и 3-ей четверти I тыс. В меньшей степени подобным исследованиям подвергся участок Валдайского региона в пределах Новгородской области. Полевые отчеты по этим работам содержат информацию о топографии, размерах и характере памятников. Сохранившийся в фондах музеев собранный при разведках керамический и вещевой материал с большинства памятников позволяет определить иногда их относительно узкие хронологические рамки, а иногда – и их культурную принадлежность. Эти масштабные разведочные исследования лежат в основе серии работ, опирающихся на картирование археологических памятников например, [Максимов, 1994; Малыгин, 1994; Исланова, 1998; Олейников, 2002б].

Стационарно изучались в основном укрепленные и, в меньшей степени, неукрепленные поселения 1-ой половины I тыс. Погребальные памятники неизвестны. В Тверском Поволжье (преимущественно в 60–70 гг. XX в.) раскопкам подверглась серия поселений раннего железного века, верхние культурные напластования которых суммарно были датированы 1-ой половиной – 3-ей четвертью I тыс. Это Пекуновское и Санниковское городища [Бадер, 1950, с. 96–132], городище Отмичи [Бухтеева, 1969; 1970; 1971], городище Дулёво [Комаров, 1974; Исланова, 2002а], городища Дьяков Лоб и Графская Гора [Смирнов, 1973; Смирнов, 1977], городище Поминово [Портнягин, 1977], городище Орлов Городок [Максимов, 1981, с. 64–65; 1983, с. 69; 1984, с. 66]. Позднедьяковский слой зафиксирован также на селище Беседы 1 [Лагуткина, Степанова, 2002, с. 133–134]. Материалы, представляющие селище Избрижье, в основном происходят из насыпей древнерусских курганов, сооруженных частично из слоев этого поселения [Арсланова, 1988, с. 156–157].

В Ржевском Поволжье к рассматриваемому периоду, возможно, относятся материалы из небольшого раскопа на селище Бобронники и многослойного поселения Усть-Тудовка 8 [Олейников, 2002, рис. 9: 1г, 2а]. Материалы середины – 3-ей четверти I тыс. представлены (помимо перечисленных выше памятников с широкой датировкой) на следующих стационарно исследованных поселениях: селище Суходол 2 [Максимов, 1998], Рогово – повредившие его курганы именуются группой Усть-Суходолка [Черных, 1987], Першино [Фролов, 1985; 1987], Подол III [Синицына, 1996, рис. 9, 11; Фурасьев, 1996, с. 49–52]. По О.М. Олейникову, материалы указанного периода также есть на многослойных поселениях Благовещенье, Усть-Тудовка 8 [Олейников, 2002а, с. 521, 522; рис. 1–5]. Исследованный погребальный объект – это поврежденный при возведении древнерусских курганов, предполагаемый грунтовый могильник в Струйском [Олейников, 2001а].

Количество исследованных памятников 1-ой половины I тыс. Валдайского региона существенно уступает объектам в Тверском Поволжье. Крупные работы проводились только на городище Варварина Гора, опубликованные в монографическом исследовании [Буров, 2003]. Рекогносцировочному изучению подверглись: городища Бологовское [Третьяков, 1962], Ловницы [Тищенко, 1914], Яхново [Розенфельдт, 1968; Буров, 1992], селище Ряд 2 [Ланцев и др. 2004. с. 157] Исследования 80-х гг. XX в. разрушающегося селища Троица 1 [Исланова, 1997а. с. 16–20] были продолжены в 2002–2005 гг. [Ланцев и др. 2004. с. 157–160; Ланцев, 2005. с. 20; Ланцев и др. 2005. с. 170–172]. Изучение здесь поселений третьей четверти I тыс. н.э. находится фактически

[1] Необходимо отметить, что материалы, полученные при полевых работах во 2-ой половине XX – начале XXI вв. и учитываемые в настоящей работе, не всегда были доступны для публикации, так как предполагается их введение в научный оборот самими авторами исследований.

[2] Выражаю признательность Ю.Б. Бирюкову, В.А. Бурову, М.В. Волковой, Е.В. Лагуткиной, А.П. Ланцеву, А.Д. Максимову, А. В. Мирецкому, А.В. Новикову, О.М. Олейникову, Ю.В. Степановой, Е.М. Черных, И.Н. Черных, А.В. Энговатовой, предоставившим возможность использовать в работе материалы их исследований.

в начальной стадии. Наиболее значительные раскопки проводились на двух селищах: Городок 1 [Буров, 1993. с. 12–14; Исланова, 1997б. с. 82, 84–85], Юрьевская Горка [Исланова, 1997а. с. 21–55]. При работах на поселениях, имевших разновременные напластования, исследовались и слои интересующего нас времени: на селищах Овсище 1 [Исланова. 2000. с. 110], Глыби 2 [Исланова, Черных, 1998], Лубенькино 2 [Ланцев и др. 2005б. с. 169], Гарусово. Предположительно к концу третьей четверти I тыс. н.э. может относиться селище Леонтьево [Исланова, 2002б]. По О.М. Олейникову, материалы указанного периода есть на селище Шитовичи [Олейников, 2002а, с. 522, рис. 2: 4, 5].

В Валдайском регионе изучено относительно большое число погребальных объектов КПДК: курганы в могильниках Гринино 1 и 2 [Олейников, 1992б], Девичье 2 и 4 [Олейников, 2001б], Подол 1 [Черных и др., 1998. с 403–407], Шихино, Пуйга, Березино, Млевский Бор [Мальм, Фехнер, 1969], Богатково, Овсище, Шитовичи, Медная Гора [Исланова, 1993. с. 164–165; Исланова, 1999]. Грунтовые захоронения в межкурганном пространстве были выявлены в могильниках Подол [Черных и др., 1998. с. 405–406], Шитовичи [Исланова, 1993. с. 165], Горка [Мильков, 1992, с. 31]. Раскопки осуществлены и на двух грунтовых могильниках: Норфино [Исланова, 1987] и Юрьевская Горка [Исланова, 1997б, с. 50–54].

По доступности для исследования и по сохранности источники, полученные в результате стационарных раскопок, не равноценны. Определенный массив представлен отчетами разной степени информативности, как правило, напрямую связанной с методикой раскопок, сбором массового и индивидуального материала; коллекции депаспортизованы, частично депаспортизованы или не сохранились, или доступны не полностью. Опубликованы отрывочный материал и единичные находки. Это касается материалов поселений Отмичи, Орлов Городок, Поминово, Ловницы, Бологовского городища. Существенным фактором при анализе культурной принадлежности того или иного памятника является сохранность массового керамического материала. Значительно усложняет интерпретацию материала памятника не полностью сохранившиеся коллекции или невозможность работы с полной коллекцией.[3]

Массовый керамический материал (набор керамики), распространенный в определенный культурно-хронологический период, является основным индикатором при дифференциации древностей рассматриваемой территории. Дело в том, что в один и тот же временной отрезок на смежных территориях могли существовать древности с разным керамическим набором. Конкретный вещевой материал может служить культурным и (или) хронологическим маркером. Подобные маркеры выделяются по наличию или отсутствию изделий в тот или иной культурный период. Например, т.н. грузики дьякова типа, известные в дьяковских, днепро-двинских древностях и культуре штрихованной керамики, отсутствуют на памятниках культуры псковских длинных курганов и в древностях удомельского типа. Встреченные в единичных случаях на дьяковских поселениях глиняные биконические пряслица становятся массовой находкой на памятниках культуры псковских длинных курганов и в древностях удомельского типа. Предположительно, определенный хронологический срез фиксируют находки железных пластинчатых кресал с крючком на конце, железных серпов с петлей. На рассматриваемой территории они обнаружены в позднедьяковских слоях. В.В. Седов связывает появление этих изделий с проникновением нового населения [Седов, 1999, с. 102, 103; рис. 20].

Наибольшую трудность представляет датировка исследованных памятников, так как известны единичные вещи, имеющие узкие рамки бытования. Большинство т.н. «закрытых комплексов» происходит из захоронений культуры псковских длинных курганов, отличающихся малоинвентарностью и плохой сохранностью инвентаря. Из-за несовершенных методов полевых исследований (прежде всего – из-за сбора материала из крупных массивов грунта, не разделенного на слои и мелкие прослойки) почти невозможен анализ материалов с большинства многослойных поселений, исследованных в XX в. Единичны и радиоуглеродные даты. В результате имеющийся вещевой и керамический материал с рассматриваемой территории чаще всего позволяет оперировать лишь широкими хронологическими отрезками и фиксировать общие тенденции культурных изменений.

Выделение конкретных культурно-хронологически связанных типов памятников возможно при наличии эталонных объектов, когда интересующие нас материалы четко вычленяются на фоне более ранних и более поздних культурных напластований. Подобная работа в настоящее время возможна для Валдайской группы памятников.

Для остальной рассматриваемой территории существует недостаточная источниковедческая база, а как следствие этого – культурная нерасчлененность крупных массивов древностей. Дифференциация большинства исследованных объектов Верхневолжья проводится пока по условным группам дьяковских древностей – тверская и ржевская группы , а для первой группы – по условным культурным периодам: среднедьяковскому (сетчатая керамика выходит из массового употребления, а керамика мощинского круга в массовом количестве пока не употребляется) и позднедьяковскому (время массового употребления керамики мощинского круга).

Найденный массовый материал в настоящее время можно связывать только с т.н. культурным кругом

[3] В фондах ТГОМ нет большинства опубликованных крупных фрагментов сосудов [Олейников, 2002, рис. 2: 1, 3–5; 3: 1–7; 6: 1, 2; 7: 9, 12 8: 2; 10: 1; 12: 4 и др.], например, из поселений: Бобронники, Благовещенье, Шитовичи, Усть-Тудовка.

древностей. Поэтому ниже будут употребляться достаточно условные (на современном этапе изучения) термины: керамика позднекиевского круга, керамика мощинского круга. Не выработан термин для определенной группы гладкостенной посуды, имеющей характерную профилировку верхней части – изогнутый, как правило, орнаментированный по краю венчик и появившейся в дьяковском ареале после исчезновения сетчатой керамики. Некоторые сосуды этой группы И.Г. Розенфельдт называла тюльпановидными [Розенфельдт, 1971, рис. 27: 9–11]. Встречаемые в дьяковских древностях такие хорошо профилированные в верхней части сосуды в какой-то степени близки горшкам Среднего слоя Тушемли, похожая посуда (орнаментированная только по краю венчика) зафиксирована и на мощинских памятниках. Причины появления таких сосудов в дьяковском ареале и исходный район нового населения, принесшего новую керамическую традицию, остаются не ясными. В дальнейшем для удобства описания ниже употребляется сокращенное наименование такой посуды – керамика, орнаментированная по краю венчика.

Несомненно, давно назрел вопрос о пересмотре терминологического аппарата для рассматриваемых древностей, требующий специальной работы. Поэтому в настоящем исследовании оставлены не совсем удачные используемые уже несколько десятилетий в научной литературе термины: позднедьяковские древности, позднедьяковский этап. В перечисленных наименованиях как бы подразумевается культурная преемственность памятников, что весьма спорно. Для удобства характеристики материала введены термины: позднедьяковский и среднедьяковский периоды.

5.3. Культурные изменения в регионах

Древности 2-ой половины I тыс. до н.э. на большей части рассматриваемой территории относятся к раннедьяковским. Основной отличительный признак – т.н. посуда с сетчатой внешней поверхностью. Такая керамика господствует на исследованных поселениях Верхневолжья ниже впадения р. Вазузы и в Валдайском регионе в бассейне верхней Мсты [Вишневский 1991, с. 9–11]. Юго-западный участок рассматриваемой территории – Ржевское Поволжье (верхнее течение Волги до впадения р. Вазузы) – предположительно был занят в это время древностями одного из вариантов днепро-двинской культуры [Исланова, 2004].

Вопрос о времени исчезновения традиции изготовления сетчатой посуды на дьяковских поселениях остается дискуссионным. По К.А. Смирнову – это III в. н.э. [Смирнов, 1974, с. 79], по Н.А. Кренке, III–II вв. до н.э. [Кренке, 1987а, с. 9]. Скорее всего, на разных участках т.н. дьяковского ареала такая посуда исчезает не одновременно. Предположительно, сетчатая керамика на рассматриваемой территории прекращает бытовать где-то в конце I тыс. н.э. или самом начале I тыс. н.э. (данный вопрос требует специального исследования).

Следующий культурный период – условно среднедьяковский – фиксируется по массовому распространению на памятниках (видимо, с притоком нового населения) т.н. гладкостенной керамики, орнаментированной по краю венчика. Такая керамика встречена на поселениях всей рассматриваемой территории.

Валдай

Материалы городища **Варварина Гора** являются эталонными при выделении в Валдайской группе особого типа памятников, относящихся к дьяковским древностям (в широком понимании этого термина) и существовавших в 1-ой половине I тыс. н.э., т.е. в период, предшествующий появлению в регионе памятников культуры псковских длинных курганов. В керамическом наборе господствуют гладкостенные профилированные горшки, в основном орнаментированные по краю венчика, реже – и по верхней части тулова (рис. 2: 1–6; [Буров, 2003, рис. 27–38]). Преобладает веревочный орнамент, значительно реже – пальчато-ногтевой, ногтевой, защипной и др. [Буров. 2003. с. 23–25]. Сетчатая керамика отсутствует. Фрагменты лощеной и подлощеной посуды составляют 0,8% [Буров, 2003. с. 20].

Вещевые находки представлены железными двушипными черешковыми наконечниками стрел, ножами с горбатой и прямой спинкой, пластинчатым кресалом с крючком (пластина слабо расширяется), серпом с петлевидным концом, грузиками дьякова типа, бронзовыми спиральными перстнями, подвеской с лапчатыми привесками, бутылковидной и пирамидальной подвесками, фрагментом булавки со спиральным навершием, бантиковидной накладкой, пинцетом с расширенными концами, поясной привеской и др. (рис. 3; [Буров, 2003, с. 11–15]).

Помимо керамики, культурно-хронологическими маркерами выделяемого типа памятников являются дьяковские грузики (среди них особо следует отметить находку биконической формы) и бронзовая бантиковидная накладка (рис. 3: 1, 9). Хронологическими маркерами являются найденные на городище железный серп с петлей и два пластинчатых кресала с крючком (рис. 3: 11, 14). Верхний рубеж бытования дьяковских грузиков – V в. н.э. [Смирнов, 1974, с. 65]. Большинство грузиков относится к типу 1, по К.А. Смирнову, и датируются II–V вв. [Смирнов, 1971, с. 81–82, 96]. Изделия биконической формы, не характерные для москворецкого региона, не вошли в упомянутую классификацию. Однако, биконические грузики хорошо известны на памятниках Верхнего Поднепровья [Шмидт, 1992, табл. 38: 1, 7, 9, 10]. Бантиковидные накладки или «бляхи, пред-

ставляющие собой два треугольника, составленные вершинами», К.А. Смирнов, опираясь на дату аналогичной находки в могильнике Ябара, относит к III–V вв. [Смирнов, 1974, с. 53–54]. В рязано-окских могильниках такие накладки встречены в погребениях III в. (см. раздел 3.3 настоящей монографии).

Серпы с петлей (или с т.н. «кольцеобразной головкой», лежащей с клинком в одной плоскости) Ю.А. Красновым отнесены к типу III, имеющему дату от III–V до VII–X вв. [Краснов, 1971, с. 73]. И.Г. Розенфельдт предложила явно завышенную дату – VII–X вв.[Розенфельдт, 1982, с. 146]. По Р.С. Минасяну, это серпы группы III, которые бытуют «только в раннем железном веке» и их не следует путать со складными серпами группы 5, имеющими такую же кольцевидную головку плюс отверстие на клинке для шпенька и бытовавшими в VIII–XIII вв. [Минасян, 1978, с. 80–81].

Пластинчатые кресала с крюком на конце, по В.В. Седову, распространяются в лесной зоне Восточной Европы в основном в V–VI вв. [Седов, 1999, с. 101–103]. И.Г. Розенфельд относит бытование кресал с «узкой пластиной» к III–IV вв., а кресала с трапециевидной пластиной (тип II вид 1) на дьяковских памятниках – к VI–VIII вв., но указывает, что в Прибалтике они не встречаются позднее середины I тыс. н.э. [Розенфельдт, 1982, с. 144–145]. По мнению И.Р. Ахмедова, в рязано-окских могильниках после V в. такие изделия не встречаются (устное сообщение). Судя по вещевому набору на памятниках 3-ей и 4-ой четвертей I тыс.,в Валдайском регионе пластинчатые кресала с крюком тоже неизвестны позднее середины I тыс. н.э.[4] В могильниках и на поселениях КПДК встречены уже иные кресала – долотовидные [Мальм, Фехнер, 1969, рис 6: 2].

К памятникам типа Варвариной Горы предварительно можно отнести также городища Бологовское, Яхново, Юрьевская Горка, слои селищ Куроово 2, Ряд 3, Гарусово 2. С этих поселений происходят фрагменты аналогичных профилированных орнаментированных по краю венчика горшков, а с большинства – находки, в том числе биконических, дьяковских грузиков (рис. 4) [Третьяков. 1962, с. 37; Исланова, 1997б, рис. 8, рис. 32; Ланцев, Ланцева, 2005, с. 31]. На Бологовском (Медведицком) городище также найдены бантиковидная нашивка [Третьяков, 1941, рис. 46: Г] и серп с петлевидным концом (?). Возможно, к этому же типу памятников относится и городище Ловницы [Тищенко, 1914, с. 1–10].

Вещевые находки с эталонного городища укладываются в определенный временной отрезок от II–III до V в. [Буров, 2003, с. 11–15], соответствующий т.н. позднедьяковскому этапу, выделяемому на москворецких дьяковских городищах[5]. Примерно ту же хронологию дали большинство проб на радиоуглерод [Буров, 2003, с. 29, 31, 33; табл. Н]. Наличие более раннего периода в функционирование поселения (IV–III вв. до н.э.), обозначенного В.А. Буровым [Буров, 2003, с. 31–32] не подтверждается ни керамическим, ни вещевым материалом. Относительно узкой датировке не противоречит и обнаруженная посуда. Скорее всего, к полученным радиоуглеродным датам, обозначившим более раннюю дату в истории заселения Варвариной Горы, следует относиться весьма осторожно, с чем согласен и автор раскопок [Буров, 2003, с. 31–33].

Параллельно с поселениями типа Варвариной Горы (предположительно, на заключительном временном отрезке их функционирования), в Валдайском районе существовали памятники иного культурного типа. Эталонным являются материалы с селища **Троица 1.** Опубликованные результаты работ 1985–1987 гг. [Исланова, 1997а, с. 16–20, 125], подтвердились и при последующих раскопках в 2002–2004 г. [Ланцев и др., 2004, с. 158]. К настоящему времени здесь вскрыто свыше 2,5 тыс. кв. м. На поселении отсутствует керамика, орнаментированная по краю венчика (распространенная на памятниках типа Варвариной Горы). Здесь в основном были обнаружены фрагменты лощеной и гладкостенной (по форме аналогичной лощеной) посуды – т.н. керамики мощинского круга (рис. 5: 1–5). Подобное предварительное наименование дано по наиболее известным и опубликованным керамическим материалам мощинской культуры – прежде всего, по посуде типа 1, относящейся у финальному этапу этой культуры [Массалитина, 1993; 1994, с. 9–12], хотя схожие изделия распространены и в верхних слоях т.н. позднедьяковских городищ Верхневолжья [Исланова, 2001, рис. 6].

Доминирующая форма верхней части сосудов на селище Троица 1 – длинная (высокая) шейка с резким переходом к тулову, иногда через уступ, иногда с «перетяжкой» в нижней части шейки. Преобладают фрагменты т.н. гладкостенной посуды, лощеная керамика составляет от 1 до 4% (раскопы 1984 и 1987 гг.), однако значительно число «затертых» (или, как их еще называют, подлощенных) фрагментов – от 13 до 37% [Исланова, 1997а, с. 17].

Уже было отмечено, что на памятниках типа Варвариной Горы в небольшом количестве известна лощеная посуда, но появление традиций её изготовления здесь происходило, по всей видимости, иными путями и, возможно, в иное время. Дело в том, что форма верхней части лощеных сосудов на Варвариной Горе иная, чем на Троице (рис. 2: 7–17).

Вещевые находки с селища Троица 1 малочисленны, а совстречаемость здесь пластинчатых кресал с крючком, грузиков дьякова типа (рис. 5: 9–14), биконических глиняных пряслиц, ножей с прямой

[4] Проблематична интерпретация В.В. Седовым [Седов, 1999, с. 103] фрагментов железных изделий с крючком, найденных на селищах Юрьевская горка и Бережок, как кресала [Исланова, 1997, рис. 77: 20; 140: 17; 142: 3].

[5] Необходимо отметить, что верхняя дата поселения – достаточно гипотетична. Материалы, происходящие с городища немногочисленны. Нельзя также исключать посещение в дальнейшем площадки городища, расселившимися поблизости в 3-ей четверти I тыс. носителями КПДК.

спинкой и своеобразной керамики, определяет примерные хронологические рамки функционирования поселения: IV–V вв.

Весьма предварительно, по единичным керамическим находкам из разведочных работ, к памятникам типа Троицы можно отнести селища Ящины 1 и Карзово 1; не исключено, что культурные напластования поселения именно этого типа древностей (с керамикой мощинского круга) были зафиксированы в основании кургана в могильнике Овсище 1 (рис. 6; 7: 1–5; [Исланова. 1997б, рис. 3: 11, 13, 14]).

Оба типа памятников встречены в Удомельском поозерье – на наиболее исследованном участке Валдайского региона. Следов контакта населения, оставившего разные древности, похоже, нет. На селище Ряд 3 (оно расположено на противоположном берегу оз. Удомля в 3,5 км от селища Троица 1) слои с находками керамики, орнаментированной по краю венчика, датируются по бронзовой круглой бляхе II–III вв. [Ланцев, Ланцева, 2005, с. 31]. Керамика мощинского круга не встречена. Вероятно, что в данном микрорегионе поселения типа Варвариной Горы прекращают свое существование до появления памятников типа Троицы.

По всей видимости, памятники типа Троицы оставлены иным, нежели жившее на Варвариной Горе и аналогичных объектах населением, продвинувшимся на участки с относительно плодородными (аллювиальными и лессовидными) почвами. Культурные импульсы, в результате которых возникают памятники типа Варвариной Горы и Троицы, хронологически не совпадают, как не совпадали, видимо, и пути передвижения в регион нового населения. Предположительно, расселение носителей новой традиции изготовления посуды могло происходить как из Тверского Поволжья, так и непосредственно из ареала мощинской культуры через этот регион.

По-видимому, в дальнейшем в Удомельском Поозерье и в аналогичных микрорегионах, где появляются памятники типа Троицы, культурные процессы протекают несколько по-иному, чем на территориях, где продолжали функционировать поселения типа Варвариной Горы – в 3-ей четверти I тыс. распространяются древности удомельского типа, а в конце I тыс. – древности культуры сопок [Исланова, 1997а, с. 128–129]. На смену памятникам типа Варвариной Горы в микрорайонах с песчаными массивами «приходят» памятники культуры псковских длинных курганов (КПДК); сопки здесь неизвестны.

Древности культуры псковских длинных курганов и удомельского типа расположены в разных ландшафтных и почвенных условиях [Исланова, 1997б, с. 78]. В отличие от предшествующего периода здесь известны погребальные памятники. Для КПДК это преимущественно курганные могильники, иногда составляющие комплекс с грунтовыми погребениями, обнаруженными в межкурганном пространстве. Для удомельского типа – грунтовые могильники. Независимо от того, будут ли в будущем выявлены могильники 1-ой половины I тыс. около поселений, погребальные традиции древностей КПДК (например, возведение курганной насыпи) явно новые для рассматриваемого региона.

Вопрос о появлении здесь курганных сооружений остается дискуссионным. На роль исходной территории претендуют в основном три региона: это Восточная Литва (культура восточнолитовских курганов), Верхняя Ока (мощинская культура) и Мологo-Шекснинское междуречье, где курганный обряд известен со II в. н.э. [Башенькин, 1995, с. 12, 14].

Памятники КПДК, размещенные как бы отдельными скоплениями (рис. 8), занимают участки в бассейне верхней Мсты, верхней Волчины и Тверцы (бассейн Волги), в ареал КПДК, предположительно, входит также территория (или ее часть) озер Волговерховья (Селигер, Пено, Волго и др.) и р. Селижаровки (левый приток р. Волги).

Древности удомельского типа находятся в микрорегионах, где неизвестны могильники КПДК. В настоящее время можно говорить о наличии удомельских древностей в Удомельском Поозерье (селище и могильник Юрьевская Горка, слои селищ Ряд 3 и Лубенькино 2).

Памятники обоих типов представлены неукрепленными поселениями, могильники расположены поблизости. Для КПДК, видимо, одному селищу нередко соответствовало несколько курганных могильников. Распространение новых традиций прослеживается, прежде всего, по керамическому материалу. Орнамент для посуды 3-ей четверти I тыс. встречен только на единичных фрагментах.

На поселениях и в могильниках КПДК наиболее характерной является керамика с т.н. сжатой шейкой (тип 11, по Н.В. Лопатину; рис. 9: 9, 10; [Лопатин, 2003, с. 55]). Посуда, близкая типу 7 (рис. 10: 2), выделенному Н.В. Лопатиным, имеющая короткую отогнутую шейку, скругленный край венчика, составляет 12 % на относительно хорошо исследованном селище КПДК Городок 1. Такие сосуды предположительно возникают на основе керамики верхнеднепровского варианта киевской культуры [Лопатин, 2002, с. 124]. Немногочисленны (менее 10%) находки керамики с ребром в месте перехода плечика в тулово (в том числе и с лощеной поверхностью). Ребристая посуда не типична и для других памятников 3-ей четверти I тыс. лесной зоны Восточной Европы. Относительно много (биконическая и ребристая посуда – 17 %) таких изделий встречено только на селище Узмень [Фурасьев, 2001а, с. 9]. Какие-то культурные импульсы фиксирует присутствие биконической керамики (это единичные экземпляры на селище Городок 1), в том числе с валиком, имеющей прототипы или непосредственно связанной с древностями типа Демидовки или Узмень [Лопатин, 2003. с. 54].

Набор посуды удомельского типа отличается от набора посуды КПДК валдайского региона [Исланова, 1997б, с. 82–86]. На селище Юрьевская Горка почти треть керамики (типы II, III, по И.В. Ислано-

вой) связана с позднекиевским кругом древностей (рис. 11: 5–10, 12). Сходство с посудой, найденной на поселении КПДК Городок 1 (прототипы в том же круге древностей), имеют только отдельные формы [Исланова, 1997, рис. 35: 8; рис. 36: 4, 10, 12]. Ребристые приземистые горшки единичны (4%). Но известны крупные сосуды со скругленным ребром (рис. 11: 14), отсутствующие в древностях КПДК, и предположительно получающие дальнейшее «развитие» на памятниках культуры сопок.

По Н.В. Лопатину, исходным регионом для появления керамики КПДК и удомельского типа на рассматриваемой территории (набор 5) явилось Верхнее Подвинье; отдельные формы имеют прототипы в посуде памятников типа Узмень и в целом являются развитием древностей киевского круга [Лопатин, 2003, с. 55–56].

В материалах обеих групп древностей прослеживаются возможные контакты между носителями предшествующих и новых культурных традиций – т.е. фактически фиксируется процесс формирования этих культурных групп в валдайском регионе. На городище Варварина Гора обнаружена керамика, особо выделяемая В.А. Буровым как «грубая бугристая», имеющая сходство по форме верхней части сосудов с керамикой КПДК. На ее долю приходится 10,85% (рис. 10: 4–6; [Буров, 2003, рис. 52: 5,9, 10; 53: 14, 23, 26]). В свою очередь, на расположенном поблизости селище КПДК Городок 1 присутствуют отдельные фрагменты керамики, имеющие аналогии (судя по профилю верхней части) в древностях типа Варвариной Горы (рис. 9: 1–4; [Исланова, 1997б, рис. 3]).

На селищах КПДК (как и на поселениях типа Варвариной Горы) фиксируется небольшой процент лощеной посуды. Эта керамика так же иной профилировки, нежели на памятниках типа Троицы (рис. 9: 7). Однако в курганных и грунтовых могильниках КПДК встречены керамические формы, имеющие прототипы в гладкостенной посуде мощинского круга (рис. 7: 7, 9). Пока нет достаточного количества материалов для объяснения появления такой керамики в погребальных памятниках. Не исключен какой-то контакт с населением, оставившим памятники типа Троицы.

Традиции, видимо, субстратного, но иного в культурном отношении населения фиксируются и в юго-западной части валдайского региона – на озерах Волговерховья. Из погребения по обряду сожжения на стороне кургана № 4 могильника Гринино 1 происходят фрагменты лепного сосуда, орнаментированного зигзагообразной нарезкой (рис. 25: 6). Похожий орнаментальный мотив характерен для западнодвинского варианта днепро-двинских древностей [Шадыро, 1985, рис. 46, 54–56].

«Контакты» с автохтонным (к тому времени) населением, фиксируются по встреченным на памятниках удомельского типа единичным фрагментам, которые можно отнести к керамике мощинского круга (рис. 11: 1–4; [Исланова, 1997б, рис. 3: 6–10]), а на поселении Троица1 – по обнаруженным фрагментам от трех раннесредневековых сосудов позднекиевского круга (рис. 5: 6–8). Стратиграфическая ситуация последних находок не ясна, так как слой поселения поврежден пахотой.

Вещевой инвентарь памятников 3-ей четверти I тыс. существенно отличается от набора с предшествующих поселений. Отсутствуют грузики дьякова типа, массовой находкой являются глиняные биконические пряслица, достаточно широко распространены бусы в форме куба со срезанными углами из глухого темно-синего стекла, браслеты с утолщенными концами, железные долотовидные кресала, серия разнообразных поясных и сбруйных пряжек (рис. 12; 13).

Исследователями отмечено, что прямоугольные и квадратные бронзовые бляшки-обоймы с тисненым орнаментом, относящиеся в основном к женскому головному убору (рис. 12: 1, 2) сосредоточены преимущественно в т.н. восточном регионе КПДК, куда входит и рассматриваемая территория [Лыч, 2000, с. 74–75]. Одна такая обоймица происходит и с памятника удомельского типа (рис. 13: 5).

Нижняя хронологическая граница появления КПДК в регионе – V в. – определяется по находкам В-образных рифленых пряжек в курганах могильников Млёвский Бор, Пуйга 1, Гринино 1 (рис. 12: 7, 8, 9; [Бажан, Каргапольцев, 1989а, с. 32, тип 3 и 5]). Радиоуглеродные даты имеются для серии погребений из могильников Гринино 1 и 2. Наиболее ранний курган № 3, с находкой В-образной рифленой пряжки, С.Г. Поповым датирован 2-ой половиной V – 1-ой половиной VI вв. [Попов, 1997, с. 165]. О.М. Олейников, относит этот курган к началу VII в. [Олейников, 2003, с. 520]. Им же опубликованы даты еще двух курганов (№ 5 и 6) этого могильника: 810± 120 г. н.э. и 870±130 г. н.э. – и одного из погребений кургана № 1 в группе Гринино 2 : 655±125 г. н.э. [Олейников, 1992а, б].

Нижняя хронологическая граница памятников удомельского типа – V–VI в. – определена по находкам пряжек с рифленым расширением язычка и с уступом в основании язычка (рис. 13: 1, 7) [Исланова, 1997б, с. 46, 47]. Вещевые находки древностей КПДК и удомельского типа позволяют говорить об их функционировании в основном в VI–VII и, возможно, VIII в. [Исланова, 1997б, с. 44–50; Михайлова, в печати].

Имеющийся на сегодняшний день отрывочный материал по древностям КПДК и удомельского типа отражает, видимо, не только разные хронологические этапы, но и разные срезы культурных трансформаций, проходивших в регионе в 3-ей четверти I тыс. Несомненно, возникновение раннесредневековой культуры происходит при появлении в регионе нового населения (где-то в середине I тыс.) и в результате культурных контактов с местными жителями (также носителями разных традиций), не покидавшими эту

территорию. Процесс развития культуры, впитавшей и переработавшей как субстратные, так и привнесенные элементы, по разному находит отражение в археологическом материале: в зависимости от характера памятника (поселение или могильник).

Находки на поселении КПДК Городок 1 железных изделий, изготовленных по технологии трехслойной сварки, и зерен ржи [Буров, Розанова, 2003, с. 105–106, 109–110], в последнем случае отмеченные также на памятниках иной культурной традиции в смежном регионе (Удомельском Поозерье) [Кирьянова, 1997, с. 148–149], свидетельствуют об общих хозяйственных изменениях в Валдайском регионе в 3-ей четверти I тыс.

Недостаточная изученность древностей Валдайского региона пока не позволяет связать с выделенными типами памятников серию неукрепленных поселений, выявленных в бассейне верхней Мсты [Исланова, 1994]. Материал с раскопанных поселений (селищ Леонтьево и Бологое) незначителен. Насыпи КПДК здесь неизвестны. Судя по керамике (рис. 14), такие памятники занимают как бы промежуточное положение между древностями КПДК и сопками [Исланова, 2002б]. Остается также не ясной хронология и культурная принадлежность грунтового могильника Норфино, где были доследованы два погребения по обряду сожжения [Исланова, 1993, с. 164].

Тверское Поволжье

Сложная картина культурных трансформаций фиксируется в Тверском Поволжье, прежде всего, на основании массового керамического материала. При отсутствии четких хронологических реперов можно предположить, что процесс изменения формы верхней части т.н. керамики, орнаментированной по краю венчика (рис. 15: 1–5, 10), здесь во многом был схож с процессом, прослеженным Н.А. Кренке для Москворечья [Кренке, 1987б, рис. 91: 7, 8, 13, 14]. Со II в. до н.э. по I–II вв. н.э. распространяется слабопрофилированная **гладкостенная посуда, орнаментированная по краю венчика и верхней части тулова.** Сетчатая посуда выходит из обихода. Во II–V вв. н.э. прослеживается «развитие» этой керамики от слабопрофилированной к профилированной. В это же время в Москворечье при преобладании орнаментированной по краю венчика профилированной посуды, встречается и лощеная керамика (количество которой невелико).

Похожая профилированная орнаментированная по краю венчика керамика (т.н. среднетушемлинская) известна на памятниках типа среднего слоя Тушемли в Верхнем Поднепровье и Подвинье в конце I – II вв. н.э. (возможно, до III в.). Следует отметить, что в этих регионах одновременно тоже бытовала и лощеная посуда, составляющая от общей массы керамики незначительный процент [Фурасьев, 2000].

Судя по опубликованным материалам, орнаментированная по краю венчика керамика Верхнего Поволжья наиболее близка находкам из верхнего слоя Троицкого городища, отличающимся разнообразием приемов орнаментации [Розенфельдт, 1971, с. 35–36, 65–68]. Орнамент встречается не только по краю венчика, но и по верхней части тулова, причем чаще, чем на похожей керамике памятников типа Варвариной Горы. Более разнообразны и приемы орнаментации. Сравнение подобной (видимо, в основном т.н. профилированной) посуды с керамикой Среднего слоя Тушемли можно проводить с определенной долей условности, из-за недостаточной ее изученности на территории Верхнего Поднепровья.

Вторая характерная для поселений Тверского Поволжья группа керамики – это сосуды с короткой шейкой, иногда становящейся тоньше к краю венчика, часто также орнаментированному, а по верхней части тулова украшенные небольшими ямками с плоским дном (рис. 15: 6–9). В Москворечье и на памятниках типа Варвариной Горы такая керамика не встречена.

Археологические объекты с находками орнаментированной по краю венчика керамики представлены городищами и селищами. Эти поселения можно объединить в тверскую среднедьяковскую группу памятников. Погребальные древности неизвестны. Отмечаемые скопления поселений с такой керамикой, скорее всего, отражают разную степень изученности территории (рис. 1). Как правило, это многослойные памятники, где в нижних напластованиях господствует сетчатая посуда (раннедьяковский период), а в верхних – преобладает т.н. гладкостенная мощинского круга. Иногда отдельного горизонта с сетчатой посудой нет (например, материалы городищ Поминово и Орлов Городок – фонды ТГОМ).

Отсутствие на исследованных раскопами поселениях «условно закрытых комплексов», где были бы зафиксированы указанные выше группы керамики совместно с индивидуальными находками, позволяют говорить весьма предположительно о типичном вещевом инвентаре – культурно-хронологических маркерах – для поселений тверской среднедьяковской группы. Это бронзовые умбоновидные подвески, бронзовые и железные булавки со спиральным навершием, бронзовые круглые бляхи со слегка выпуклой внешней поверхностью и петлей на внутренней части, железные ножи с горбатой спинкой, грузики дьякова типа (рис. 16: 1–8). При определенном сходстве с дьяковскими памятниками типа Варвариной Горы, фиксируются и отличия, прежде всего, в отсутствии на последних второй группы керамики, орнаментированной ямками, умбоновидных подвесок. Однако разница может быть объяснена некоторым различием в хронологии разных групп древностей.

Культурные изменения, связанные прежде всего, с распространением на поселениях керамики и по форме и по орнаментации не имеющей традиций в сетчатой посуде, отмечали и отмечают все исследователи дьяковских древностей. Существует мнение и о том, что носители новых традиций появляются

из Верхнего Поднепровья, однако нельзя исключать и Верхнее Поочье – на основании похожего керамического материала в т.н. верхнеокском варианте днепро-двинской культуры [Носов, 1974, с. 4; рис. 1: 9, 22]. Дискуссионными остаются датировка нового культурного этапа и вопрос о наличии или отсутствии генетической преемственности между раннедьяковскими древностями и древностями следующего периода (позднедьяковскими).

Весьма предварительно для территории Верхнего Поволжья можно говорить и о хронологии культурного среднедьяковского периода: конец I тыс. до н.э./ начало I тыс. н.э. – III в. н.э.

Следующая культурная трансформация в Тверском Поволжье фиксируется в основном по массовому распространению лощеной и схожей с ней по форме гладкостенной посуды (рис. 17: 1–10). Определенное сходство керамики с посудой Верхнего Поочья позволяет обозначить данную верхневолжскую посуду как керамику мощинского круга. Следует отметить, что **мощинский керамический набор** имеет отличия от посуды памятников тверской группы. Так, например, в последнем нет типичных для мощинской культуры ребристых мисок, «у которых верхняя часть имеет вид раструба», спрямленного, расширяющегося или сужающегося кверху [Массалитина, 1993, с. 47; рис. 1: 1–12, 19, 20].

Набор керамики мощинского круга Тверского Поволжья, судя по опубликованным сосудам, отличатся по форме от лощеных сосудов позднедьяковских поселений Москворечья и памятников типа Варвариной Горы валдайского региона, но близок керамике поселения Троица. Так, по самым общим подсчетам (независимо от наличия или отсутствия раннедьяковских напластований на поселениях) лощеной посуды в Верхневолжье (городища Отмичи, Орлов Городок, Поминово, Пекуново) больше, чем в смежных регионах (табл. 1). Процент такой керамики на городище Пекуново (12 %, по В.И. Вишневскому) и из верхнего слоя городища Отмичи (12,8%) сопоставим только с мощинскими древностями: на городище Мощины – 20%, на селище Мощины – 13% [Массалитина, 1993, с. 4].

Вопрос о времени, этапах и исходной территории появления лощеной и схожей с ней посуды на памятниках Тверского Поволжья остается открытым за недостаточностью источников и хронологической недифференцированности материалов как для верхневолжского, так и для мощинского регионов. Г.А. Массалитина предполагает происхождение мощинской посуды от керамики позднезарубинецких древностей типа Почеп [Массалитина, 1994, с. 16].

Керамика мощинского круга происходит из верхних напластований многослойных поселений (рис. 6). Распределение керамики в слоях восстановимо для городищ Отмичи, Орлов Городок, Пекуново [Исланова, в печати]. Перемешанность культурных отложений на многослойных памятниках, почти полное отсутствие материалов из «условно закрытых» комплексов на поселениях (прежде всего, из-за нерасчлененности материала при несовершенной методике раскопок) не позволяют с определенностью говорить о разновременном бытовании керамики, орнаментированной по краю венчика и мощинского круга. Единичные факты, как будто, свидетельствуют о существовании особого периода употребления в обиходе только керамики мощинского круга или о ее доминировании в какой-то период. Такая керамика преобладает в верхних пластах на городищах Отмичи, Орлов Городок (фонды ТГОМ), Санниково, Пекуново [Бадер, 1950, с. 102, 131–132]. Например, в реконструируемом «условно закрытом» комплексе городища Отмичи господствует керамика мощинского круга (рис. 18: 1–16); несомненно, что серия фрагментов (рис. 18: 17–24) попала в площадь пятна постройки из ниже лежащих напластований. На городище Анниково (материалы из шурфа) в верхнем слое была найдена только керамика мощинского круга (фонды ТГОМ). Однако культурные процессы в разных микрорегионах могли идти по-своему и, вполне возможно, что на каких-то поселениях керамика разных культурных традиций сосуществовала.

Таблица 1. Лощеная керамика на поселениях Тверского Поволжья и на памятниках смежных территорий.

Поселение	% лощеной керамики
Щербинское городище	1,5
Городище Кузнечики	2
Троицкое городище	2,8
Дьяково городище	4,6
Кикинское городище	0,95
Городище Пекуново	12
Городище Отмичи	5,7
Городище Орлов Городок	6,6
Городище Поминово	4,6
Городище Варварина Гора	0,8

Возможно, культурный импульс, связанный с появлением нового населения, принесшего традицию изготовления керамики мощинского круга фиксирует и серия находок: круга эмалей на городищах Орлов Городок (фонды ТГОМ), Графская Гора (рис. 19: 5; [Смирнов, 1977]) и ниже по течению Волги – на городище в устье Грехова Ручья (рис. 19: 4; [Третьяков, 1941, с. 112, рис. 13: 4]), в Угличе [Томсинский, 1997, с. 337]; пластинчатых кресал с крючком на городищах Отмичи, Дулёво, Орлов Городок, Анниково, Пекуново (рис. 19: 1–3).

Необходимо упомянуть и о результатах металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок. В слоях III–VII вв. выявлены находки (три ножа и серп с петлевидным концом), изготовленные в технике трехслойного пакета «в

классическом» исполнении. По поводу причин появления таких изделий на городище (они происходят из средних и нижних слоев городища и с участков, где не зафиксировано перекопов) мнения соавторов разделились. Л.С. Розанова предлагает расширить верхнюю дату существования поселения до IX в. А.Д. Максимов считает, что подобная технология могла проникнуть сюда значительно раньше [Максимов, Розанова, 1998, с. 372–373].

На наличие каких-то культурных контактов в V–VI вв. с более восточными регионами (Средняя Ока) как будто указывают единичные (возможно, из-за отсутствия погребальных комплексов) находки крестовидных фибул рязано-окского типа [Ахмедов, Казанский, 2004, с. 178; Ахмедов, 1999, с. 60]. Это изделия с городища Орлов Городок, а также, видимо, с полностью разрушенного поселения Дуденево (рис. 19: 7, 8). Обе фибулы являются подъемным материалом. Еще одна находка аналогичной фибулы происходит из соседнего района – из могильника (сожжения на стороне) близ Ратьковского городища; памятники приурочены к р. Дубне – правому притоку Верхней Волги (рис. 19: 6; [Вишневский, 2002, Рис. 2: 1]).

Можно предполагать, что при определенном отличии от смежного Москворецкого региона, «развитие» позднедьяковских древностей в Тверском Поволжье происходило аналогично. Здесь также, видимо, в начале 3-ей четверти I тыс. происходит постепенное «затухание» культуры. При разнице в керамическом наборе здесь фиксируются вещи, аналогичные распространенным на памятниках Москворечья, например, связанные с так называемым «позднедьяковским ритуальном комплексом» [Кренке, 1987а, с. 14–15]: бронзовые пластины с антропоморфными изображениями с городища Поминово (Старицкий филиал ТГОМ) и антропоморфная глиняная статуэтка с городища Отмичи (рис. 16: 13). Но, видимо, в силу ключевого (или центрального ?) географического местоположения, здесь фиксируется более интенсивный культурный импульс, связанный с проникновением населения, принесшего традиции изготовления керамики мощинского круга.

Помимо керамических наборов, связанных с посудой, орнаментированной по краю венчика и мощинского круга, на поселениях рассматриваемой территории фиксируются еще ***две группы керамики*** так называемых ***инородных форм***. Во-первых, это сосуды, имеющие ребро в месте перехода плечика в тулово (рис. 20: 1–6), которые возможно, могли возникнуть в результате «развития» керамики мощинского круга при удлиннении уступа или иметь прототипы в керамике киевского круга (типы Р-1а, Р-1б по Н.В. Лопатину). Во-вторых, это округлобокие сосуды плавной профилировки (рис. 17: 11, 12), скорее всего, близкие типам 2 или 8 по Н.В. Лопатину [Лопатин, 2003, с. 45, 47; рис. 1], которые можно относить к киевскому или позднекиевскому кругу древностей. Эти фрагменты не удается связать с какими-либо комплексами на поселениях, но они, несомненно, фиксируют еще один культурный импульс во 2-ой или 3-ей четверти I тыс.

В северной части региона на городище Орлов Городок найдено несколько сосудов (рис. 21: 3–6), аналогичных керамике, происходящей с памятников КПДК, например, [Лопатин, 2003, рис. 5: 5; 6: 4; 8: 1]. Из погребений (по обряду трупоположения) курганов № 4 и 6, могильника Плешково 1, датируемого в основном концом X – началом XII вв. (?), происходят два лепных сосуда (рис. 20: 7, 8; [Комаров, 2002, рис. 11: 14, 24]). Их форма близка керамике, встречаемой в КПДК [Лопатин, 2003, рис. 5: 4] и на Юрьевской Горке [Исланова, 1997а, рис. 36: 2, 3, 9, 10, 12]. Интерпретировать подобные находки трудно. В погребальном инвентаре могильника Плешково 1 присутствует ярко выраженный финский субстрат: украшения с шумящими подвесками. Следов более ранних погребений или слоя более раннего селища при раскопках курганов как будто зафиксировано не было. Похожий фрагмент верхней части сосуда происходит и с селища Ваулино (Кимрский филиал ТГОМ). Говорить о каком-то существенном проникновении нового населения в Тверское Поволжье в позднедьяковский период на основании единичных находок пока преждевременно.

Ржевское Поволжье

Отсутствие полноценных источников по 1-ой половине I тыс. н.э. не позволяет сказать что-либо определенное о Ржевском Поволжье этого времени. Из культурного слоя поселения Усть-Тудовка 8, происходит 1 фрагмент сосуда[6] с отогнутым орнаментированным краем венчика и несколько обломков от сосудов мощинского круга (рис. 22: 5, 6, 8). Видимо, из разрушенного слоя поселения при сооружении кургана Усть-Суходолка происходит бронзовая застежка-сюльгама (рис. 26: 3): свидетельство культурных связей с москворецкими позднедьяковскими территориями, а возможно, и с регионом рязано-окских могильников. Это изделие почти аналогично находке из Щербинского городища, датируемой К.А. Смирновым IV–V вв. [Смирнов, 1974, табл. V: 14], а И.В. Белоцерковской – III – самым началом IV вв. [Белоцерковская, 1999, с. 168–169].

На большинстве поселений середины – 3-ей четверти I тыс., исследованных небольшими раскопами и разведочными работами, отмечена плохая сохранность культурных напластований. На городище Осечен слои этого времени повреждены позднесредневековым населенным пунктом и грунтовым могильником, на селищах Рогово, Суходол 2, Першино – древнерусскими курганами и грунтовыми захоронениями. По О.М. Олейникову, к этому времени относятся остатки (частично поврежденного при сооружении кур-

[6] Сохранилась только иллюстрация в отчете [Энговатова, 1987, рис. 95, У-Т-8-87 РІ /16 /31 3269].

ганов) грунтового могильника с сожжением в Струйском [Олейников, 2001а]. Пока нет достаточных материалов для датировки известных в регионе курганных могильников и встреченных в них захоронениях по обряду сожжения (например, в Хрипелёво [Мирецкий, 1986, с. 62; Фролов, 1987, с. 111–112]).

Наиболее выразительно картина культурных взаимодействий и трансформаций в середине – 3-ей четверти I тыс. проявилась в керамическом комплексе поселений этого региона – в своеобразной зоне культурных контактов. В керамических коллекциях можно выделить 4 условные группы.

Группа 1 представлена керамикой мощинского круга и посудой как бы продолжающей её «развитие». Это сосуды с высокой шейкой, иногда украшенные по торцу венчика нарезками и вдавлениями, встреченные на поселениях Бобронники, Усть-Тудовка 8 (рис. 22: 6), городище Осечен; сосуды со слабым уступом (коротким плечом) в месте перехода от шейки к тулову – на селище Суходол 2 (рис. 23: 2), городище Осечен; сосуды с удлиненным уступом, постепенно преобразующимся в ребро в месте перехода плеча в тулово – на селищах Суходол 2 (рис. 23: 3), Рогово (рис. 24: 7), Усть-Тудовка 8 (рис. 22: 2), Бобронники.

Разные профили одного и того же сосуда из могильника Струйское (рис. 25: 7) и фрагмент сосуда из селища Рогово (рис. 24: 8) фиксируют противоположную тенденцию – «исчезновение», сглаживание уступа.

Своеобразная «гибридная» форма происходит с селища Свёклино, где сочетаются признаки керамики мощинского (скругленный уступ) и позднекиевского круга (налеп) (рис. 23: 1). Ближайший регион, где встречена подобная керамика, датируемая первой половиной V – VI вв. и связываемая с позднекиевскими традициями, – Верхнее Подвинье (селище Фролы [Фурасьев, 2001в, рис. 4: 11]). Судя по публикации, ещё два фрагмента сосудов с налепами были обнаружены на селище Суходол 2[7] – форма сосудов неизвестна [Максимов, 1998, с. 384].

Группа 2 – керамика с ребром в верхней трети или четверти сосуда в месте перехода плечика в тулово. Она найдена на городище Осечен, селищах Суходол 2 (один из фрагментов – лощеный), Рогово (рис. 23: 4, 5; 24: 1, 2, 6). Предположительно к этой же группе можно отнести и сосуды баночных форм со слабо намеченным ребром с городища Осечен (фонды ТГОМ).

Можно предварительно выдвинуть три версии происхождения такой посуды: 1) трансформация керамики мощинского круга – своеобразное удлинение уступа; 2) культурный импульс непосредственно из регионов с древностями типа Узмень и Демидовка, где находки керамики с ребром относительно многочисленны [Фурасьев, 2001а, с. 18–19]; 3) опосредованный импульс с территорий с памятниками КПДК или удомельского типа, где известны находки схожих сосудов [Исланова, 1997а, рис. 38: 15–17; 1997б, рис. 2: 11], хотя происхождение последних здесь может быть также объяснено трансформацией керамики мощинского круга.

Группа 3 – керамика, близкая древностям КПДК. Это слабопрофилированные сосуды (близки типу 9, по Н.В. Лопатину [Лопатин, 2003, с. 48. рис. 1] с селищ Рогово и Усть-Тудовка 8 (рис. 22: 13), имеющие аналогии в смежных валдайском – селище Городок 1 (фонды ТГОМ) и верхнедвинском – селище Фролы 1 [Фурасьев, 2002, рис. 4: 2, 4] регионах, прототипы которых, по Н.В. Лопатину, есть в керамике киевского круга и круга Заозерье-Узмень [Лопатин. 2003, с. 44].

Группа 4 - слабопрофилированные округлобокие сосуды (близкие типам 7, 8, и возможно, 11 по Н.В. Лопатину [Лопатин, 2003, с. 47, 48, 54, рис. 1]). Происходят с городища Осечен и поселений Суходол 2, Рогово, Першино, Усть-Тудовка 8 (рис. 22: 1, 9; 24: 4, 5; 25: 4, 5). Подобные сосуды хорошо известны в древностях КПДК валдайского региона, например, прямая аналогия сосуду из Першино есть в курганном могильнике валдайского региона Медная Гора (рис. 7: 6) и в верхнедвинском регионе (селище Фролы 1, слои от рубежа III–IV до VII – начала VIII вв. [Фурасьев, 2001в. рис 4: 1, 2, 12, 15], селище Узмень), т.е. на в памятниках киевского круга и в последующих древностях КПДК.

Помимо керамики выше перечисленных групп из двух поселений: Усть-Тудовка 8 и Рогово (из слоя, пошедшего на сооружение древнерусских курганов) – происходят 3 фрагмента (один – лощеный), так называемых каннелированных сосудов – с бороздкой в верхней части тулова (рис. 22: 4; 24: 3). Фрагменты из Рогово аналогичны находкам на селище Узмень [Фурасьев, 2001б, рис. 70: 1, 2]. Каннелированная керамика есть и на селище Фролы 1 в слое серого песка, датируемого рубежом IV–V вв. [Фурасьев, 2001в, с. 20; рис. 4: 6]. Фрагменты хорошо профилированных горшков (S-видных) встречены на Осечене и в одном случае – на селище Суходол 2.

Допуская, с определенной степенью вероятности, что рассмотренная керамика Ржевского Поволжья в основном происходит из хронологически одновременных слоев разных памятников и учитывая, что выборка пока незначительна (подсчеты процентного соотношения разных форм невозможны), можно весьма предварительно выделить так называемый **Верхневолжский набор керамики** середины – начала 3-ей четверти I тыс. Этот набор включает посуду типов 7, 8, 9 и, в меньшей степени, 11 по Н.В. Лопатину. Для него также характерно распространение сосудов с ребром в верхней трети (независимо от их происхождения) и керамики, имеющей прототипы в посуде мощинского круга, а также наличие форм с налепами и каннелюрой, которые могут фиксировать непосредственные связи с древностями варианта киевской культуры (типа Узмень).

[7] В фондах ТГОМ, видимо, хранится не вся коллекция – нет орнаментированных и фрагментов с налепами.

Формирование этого керамического набора могло происходить частично на той же основе (древностей круга Заозерья – Узмень), что и наборов, выделенных для древностей КПДК Северо-Запада Восточной Европы Н.В. Лопатиным. В наборе также фиксируется существенное присутствие местных форм, продолжающих традиции керамики мощинского круга. Фактически в наборе есть те же культурные «компоненты», что и в комплексе литейных формочек с городища Осечен и поселения Подол 3, речь о которых пойдет ниже.

В связи с незначительными по площади стационарными исследованиями с большинства поселений этого участка верхневолжского региона (Суходол 2, Рогово 2, Першино) происходят единичные ***индивидуальные находки***, не имеющие узких датировок.

На селище Усть-Тудовка 8 обнаружены железные втульчатый наконечник копья (сохранилась только фотография находки) и посоховидная булавка (по А.М. Медведеву тип I подвид А), которую, видимо, следует связывать с напластованиями с керамикой мощинского круга и датировать самым концом 2-ой четверти или серединой I тыс. Такие булавки имеют широкие хронологические рамки и ареал [Медведев, 1996, с. 193, 195, 197].

Аналогичная посоховидная булавка происходит с многослойного городища Осечен. С этим же слоем на городище, по всей видимости, связаны трехлопастной наконечник стрелы и комплекс литейных формочек. Наконечник стрелы, судя по сохранившемуся фрагменту (фонды ТГОМ), скорее всего, относится к типу 1 по И.П. Засецкой [Засецкая, 1994, с. 36–39; рис. 6], он связан с гуннскими древностями и датируется концом IV–V вв. Комплекс формочек по И.В. Исланової и А.В. Мирецкому относится к V–VI вв. [Исланова, Мирецкий, 1997, с. 14, 16, 18], по О.А. Щегловой – к 3-ей четверти I тыс. [Щеглова, 2002, с. 145–146].

Одна из формочек была предназначена для изготовления пельтовидных лунниц (рис. 26: 2). Вопрос о времени существования пельтовидных лунниц в лесной зоне остается нерешенным, хронология находок укладывается в широкий период от конца IV – 1-ой половины V до VII–VIII вв. [Родинкова, 2003, с. 16–17]. Сходные изображения лунниц есть на формочке с поселения Подол 3 (рис. 26: 1), относимой А.Г. Фурасьевым, скорее всего, к концу IV – всему V в. [Фурасьев. 1996, с. 50]. По другой формочке (рис. 26: 4) изготавливались изделия (подвески, нашивные бляшки и прямоугольные накладки), близкие аналогии которым происходят как из дьяковских древностей Москворечья, из рязано-окских могильников, так и из КПДК [Исланова, Мирецкий, 1987, с. 14, 16; Щеглова, 2002, с. 143–144]. По мнению О.А. Щегловой, районы верхнего течения Волги и Мологи занимают ключевое место в распространении техники изготовления мелких украшений из свинцово-оловянистых сплавов из Среднего Поднепровья на Северо-Запад [Щеглова, 2002, с. 146].

Обнаруженные в Верхневолжье комплексы литейных формочек, на которых изображенные предметы имеют аналогии как на позднедьяковских поселениях и в КПДК, так и на раннеславянских поселених более южных территории (например, Бернашовка), похоже, отражают общие процессы начала сложения новой культуры на основе разных традиций.

К середине – началу 3-ей четверти I тыс. можно отнести остатки грунтового могильника в Струйском, откуда происходят фрагмент браслета с расширенными концами, железные пряжка, долотовидный предмет и нож (рис. 25: 1–3; [Олейников, 2001а, рис. 4]).

5.4. К реконструкции исторических процессов

Для 1-ой половины – 3-ей четверти I тыс. н.э. на Валдае и в Верхневолжье выявляется более сложная, нежели представлялась ранее, картина культурных изменений. На основании отрывочного и незначительного материала можно весьма предварительно говорить о фиксируемой серии культурных импульсов и возможных переселенческих потоков из смежных регионов – Верхнего Поднепровья и Подвинья и об основных тенденциях в развитии и изменении материальной культуры. Анализируемая территория делится на три крупных культурных региона. Есть основания для выделения в валдайском регионе двух типов дьяковских памятников, названных по основным поселениям: Варварина Гора и Троица 1. Для середины – 3-ей четверти I тыс. в Ржевском Поволжье выделяется особый верхневолжский керамический набор.

Существенная трансформация древностей раннего железного века происходит где-то в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (проблематична более точная датировка), когда вся территория входит в зону распространения керамики, орнаментированной по краю венчика и, видимо, расселения ее носителей. На Валдае возникают новые поселения типа Варвариной Горы, предположительно просуществовавшие здесь до появления КПДК.

В Тверском Поволжье после исчезновения традиции изготовления сетчатой посуды возникает тверская среднедьяковская группа памятников (соответствующая периоду 3 и началу периода 4 позднедьяковского этапа, по предложенной Н.А. Кренке хронологии [Кренке, 1987а, с. 16]. Следующий культурный импульс (не позднее IV в.) связан с распространением керамики мощинского круга (и ее носителей). В бассейне Верхней Волги фиксируется новый культурный массив – тверская позднедьяковская группа памятников (конец периода 4 и период 5 позднедьяковского этапа по Н.А. Кренке). Сходные процессы идут в Валдайском регионе, где появление керамики мощинского круга маркирует возникновение позднеднедьяковских памятников типа Троицы

на участках с относительно плодородными почвами. Они существуют до появления здесь древностей удомельского типа (так называемой предсопочной культуры). Процесс «взаимоотношений» потомков носителей т.н. керамики, орнаментированной по краю венчика и керамики мощинского круга в Верхневолжье остается неясным. Изменение набора массового керамического материала, вероятно, отражает и изменения во всей культуре. Определенные отличия в керамическом наборе и вещевом инвентаре не позволяют полностью отождествлять поселения тверской позднедьяковской группы и древностей типа Троицы с памятниками мощинской культуры.

В Ржевском Поволжье прослеживаются культурные компоненты, близкие зафиксированным в Верхнем Подвинье (возможно, из-за наиболее детальной исследованности к настоящему времени древностей 2-ой и 3-ей четвертей I тыс. последнего). Предположительно, регион Ржевского Поволжья являлся своеобразной культурной контактной зоной.

Середина – 3-я четверть I тыс. в валдайском регионе знаменуется крупными культурными переменами, связанными, прежде всего, с появлением раннеславянского населения (возможно, из разных регионов и не одновременно), вступившего в контакт с местными жителями – носителями в конкретных микрорегионах разных культурных традиций. Поэтому в материальной культуре фиксируется мозаичная картина – разные группы памятников КПДК, удомельский тип.

О каких-то «культурных взаимодействиях» с более восточными территориями, в том числе с регионом рязано-окских могильников, свидетельствуют находки отдельных изделий середины – начала 3-ей четвертей I тыс. (крестовидные фибулы, возможно, отдельные негативы на литейных формочках).

Нет никаких оснований считать периферийными древности тверской группы дьяковского массива. При отличиях в наборах керамики в среднедьяковский (примерно, рубеж эр – III в. н.э.) и позднедьяковский периоды (IV–V вв. – 3-я четверть I тыс. н.э.) здесь присутствует характерный для москворецкого региона вещевой набор: умбоновидные подвески (считаемые И. Г. Розенфельдт «характерными племенными украшениями носителей дьяковской культуры» [Розенфельдт, 1982, с. 43]) и так называемый позднедьяковский культовый комплекс. В это же время фиксируются отдельные импульсы, связанные с киевскими или позднекиевскими древностями и какими-то «влияниями» с запада – со стороны КПДК.

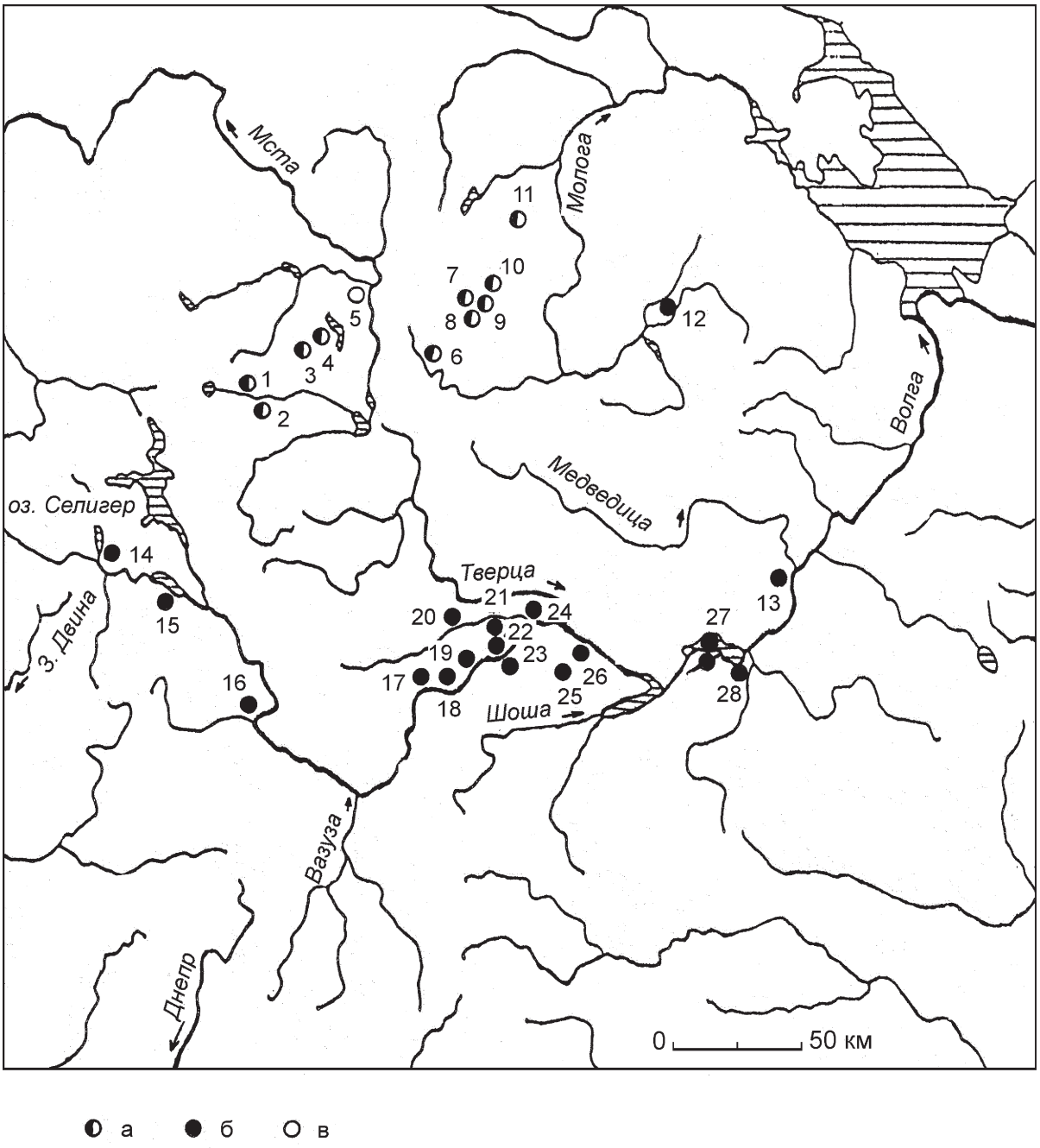

Рис. 1. Поселения типа Варвариной Горы и тверской среднедьяковской группы памятников.
а – типа Варвариной Горы, б – тверской среднедьяковской группы памятников,
в – предварительно относимые к типу Варвариной Горы.
1 – городище Яхново; 2 – городище Варварина Гора; 3 – Бологовское городище; 4 – селище Подол 3; 5 – городище Ловницы; 6 – селище Никулкино; 7 – городище Юрьевская Горка; 8 – селище Ряд 3; 9 – селище Гарусово 2; 10 – селище Курово 2; 11 – селище Глазачи; 12 – городище Орлов Городок; 13 – селище Селище; 14 – городище Нечаевщина; 15 – городище Казаково; 16 – поселение Усть-Тудовка 8; 17 – городище Пентурово; 18 – городище Дулёво (Козлово); 19 – городище Воеводино; 20 – селище Стренёво; 21 – селище Голыхино 2; 22 – селище Избрижье; 23 – селище Беседы; 24 – городище Отмичи; 25 – городище Поминово; 26 – городище Горохово; 27– городище Санниково; 28 – городище Иваньково.

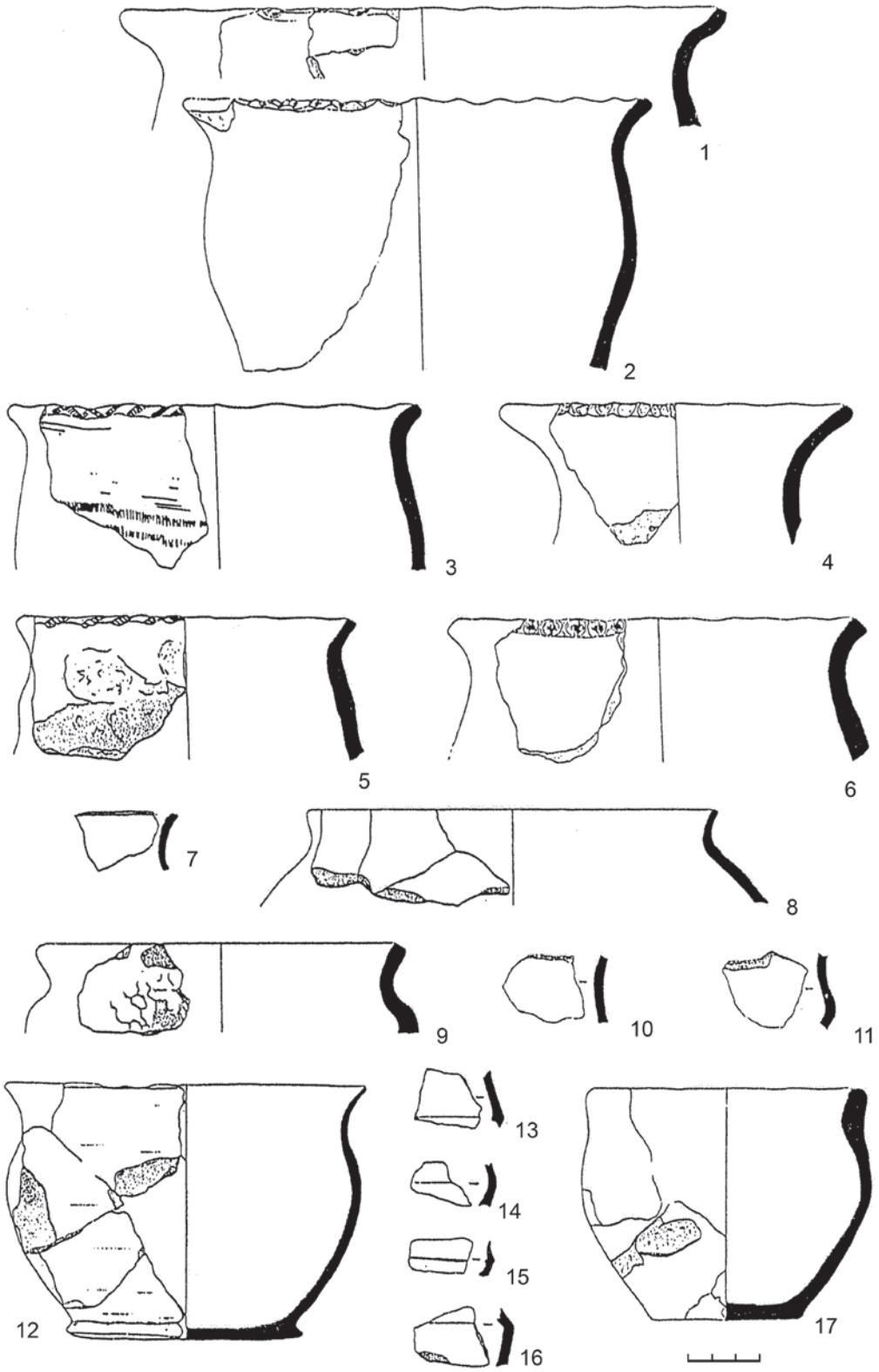

Рис. 2. Керамический материал городища Варварина Гора (по В.А. Бурову).

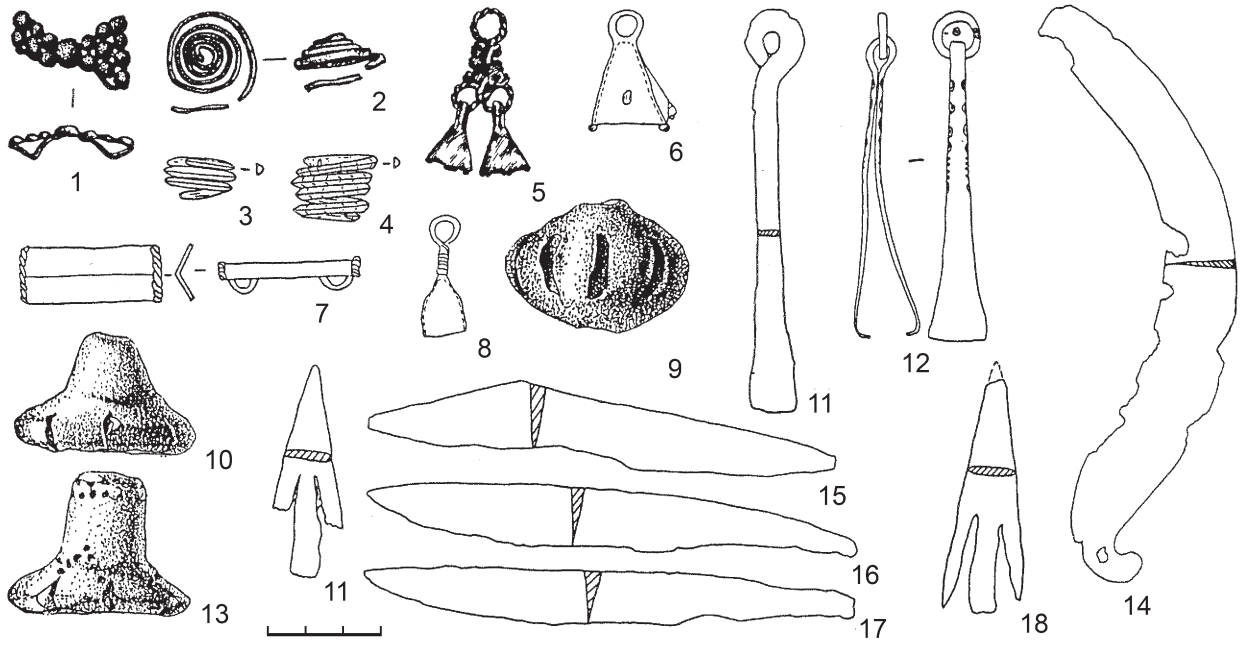

Рис. 3. Вещевой инвентарь городища Варварина Гора (по В.А. Бурову)

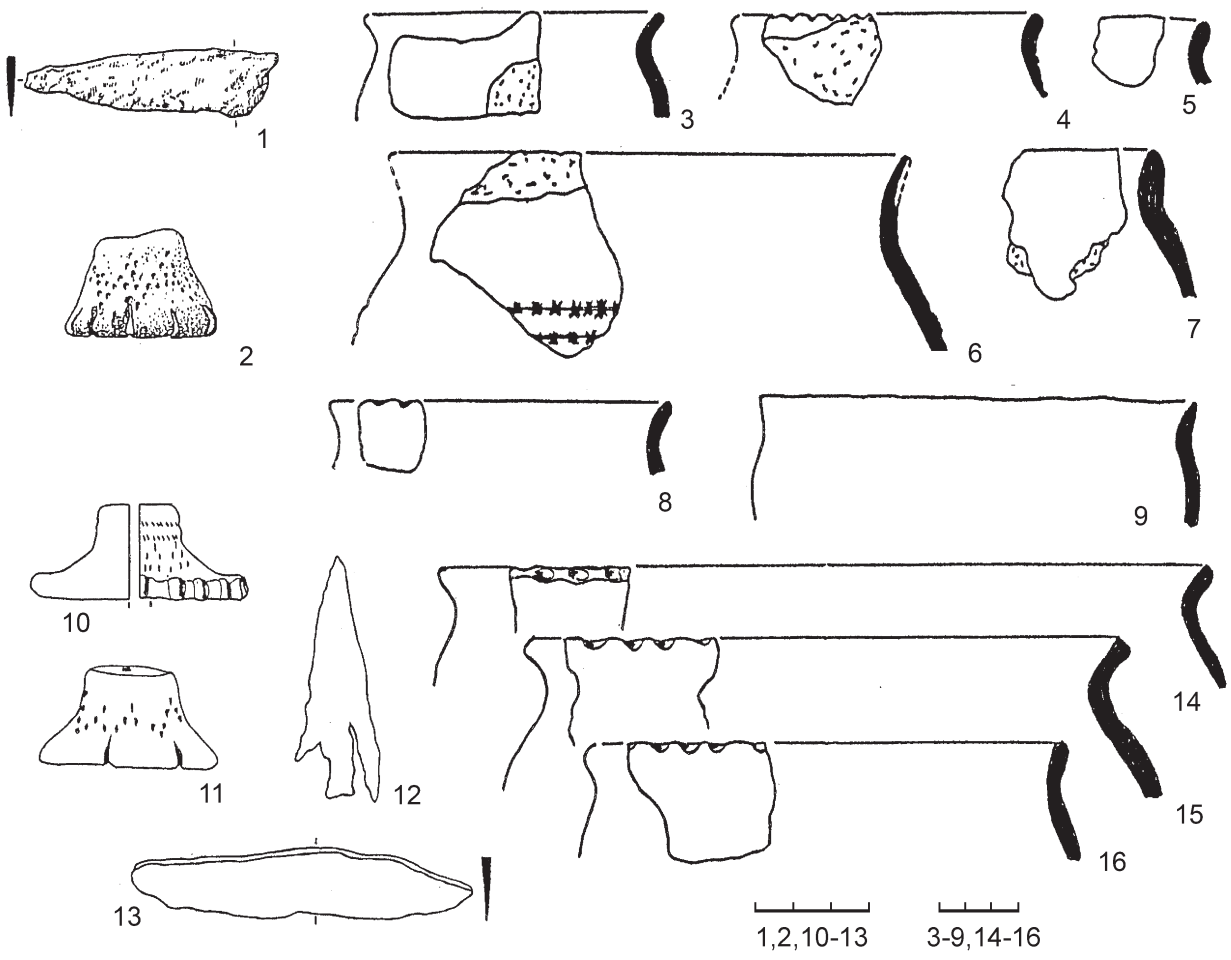

Рис. 4. Керамика и вещевой инвентарь с поселений типа Варвариной Горы.
1–9 – городище Юрьевская Горка; 10–16 – селище Курово 2.

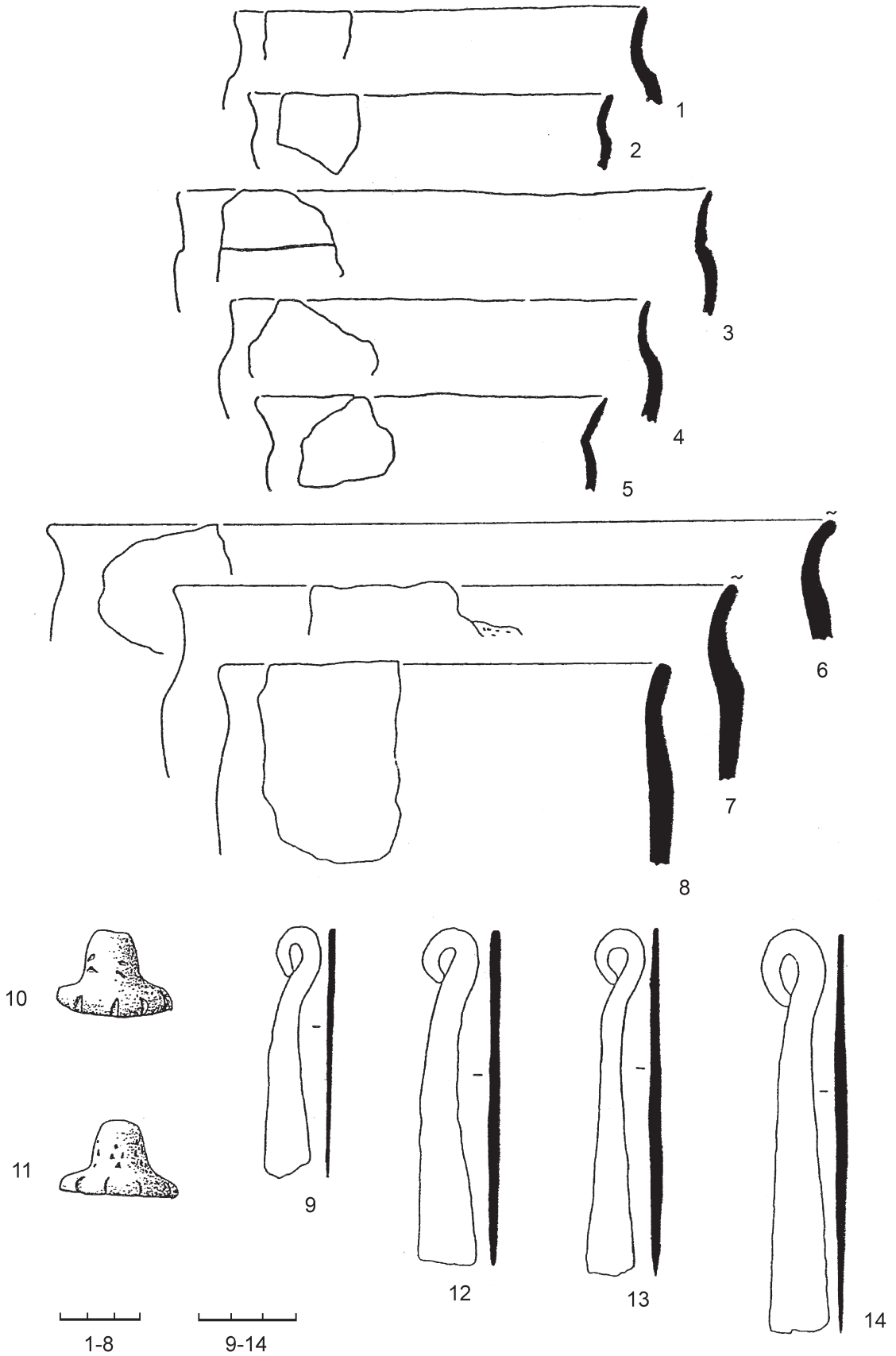

Рис. 5. Керамика и вещевой инвентарь селища Троица 1.

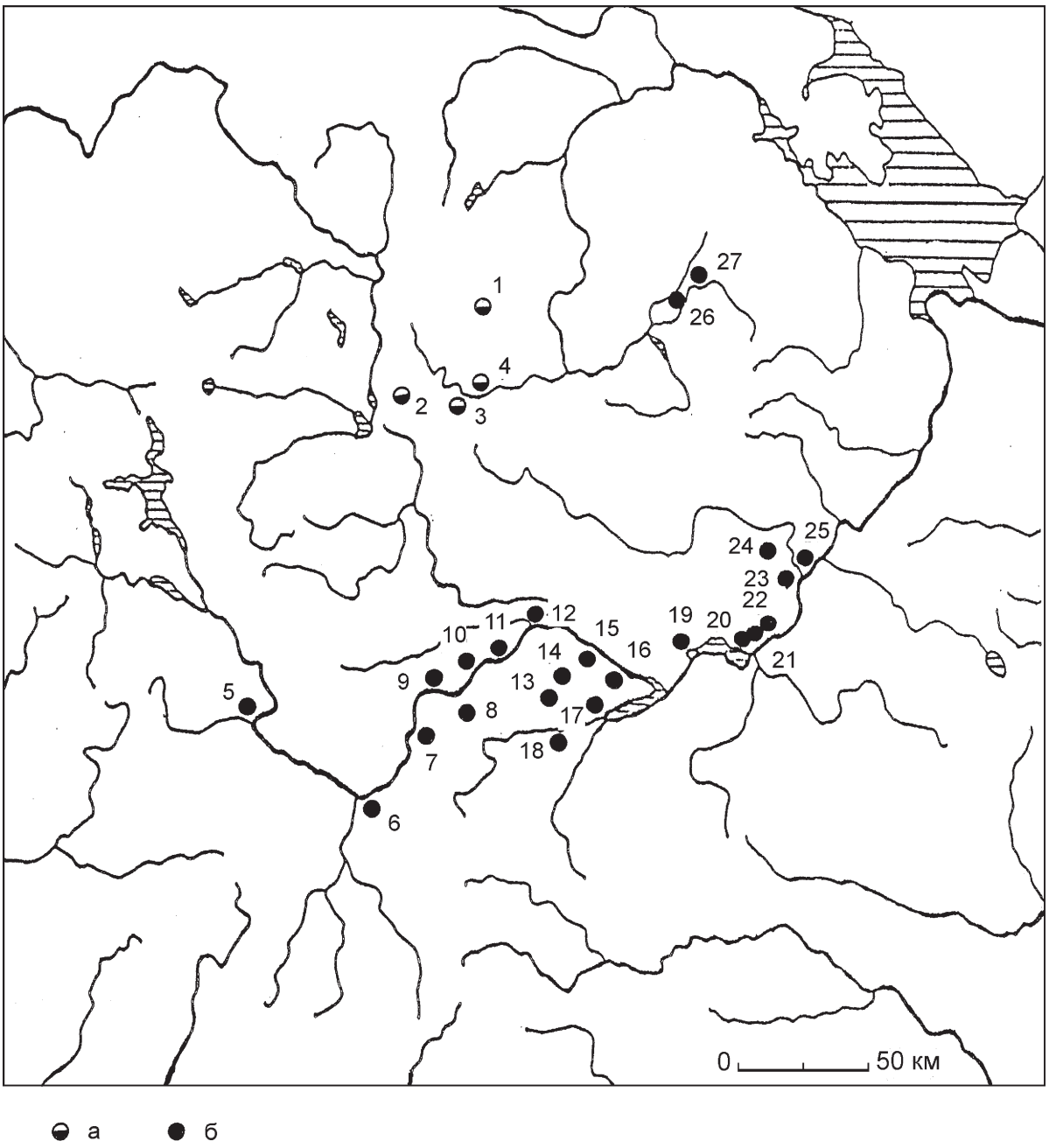

Рис. 6. Памятники типа Троицы и позднедьяковские поселения Верхневолжья с керамикой мощинского круга.

а – памятники типа Троицы; б – поселения Верхневолжья с керамикой мощинского круга.

1 – селище Троица 1; 2 – селище Ящины 1; – поселение (?) Овсище; 4 – селище Карзово 1; 5 – поселение Усть-Тудовка 8; 6 – поселение Горбуново; 7 – городище Никифоровское; 8 – городище Юрьевское; 9 – городище Дулёво; 10 – селище Горки; 11 – селище Избрижье; 12 – городище Отмичи; 13 – селище Озерецкая; 14 – городище Поминово; 15 – селище Эммаус 2; 16 – городище Городня; 17 – селище Непеино 2: 18 – городище Ферязкино; 19 – селище Устье; 20 – городище Пекуново; 21 – селище Богунино; 22 – городище Графская Гора; 23– селище Селище; 24 – селище Подосеново; 25 – селище Медведицкое; 26 – городище Орлов Городок; 27 – городище Анниково.

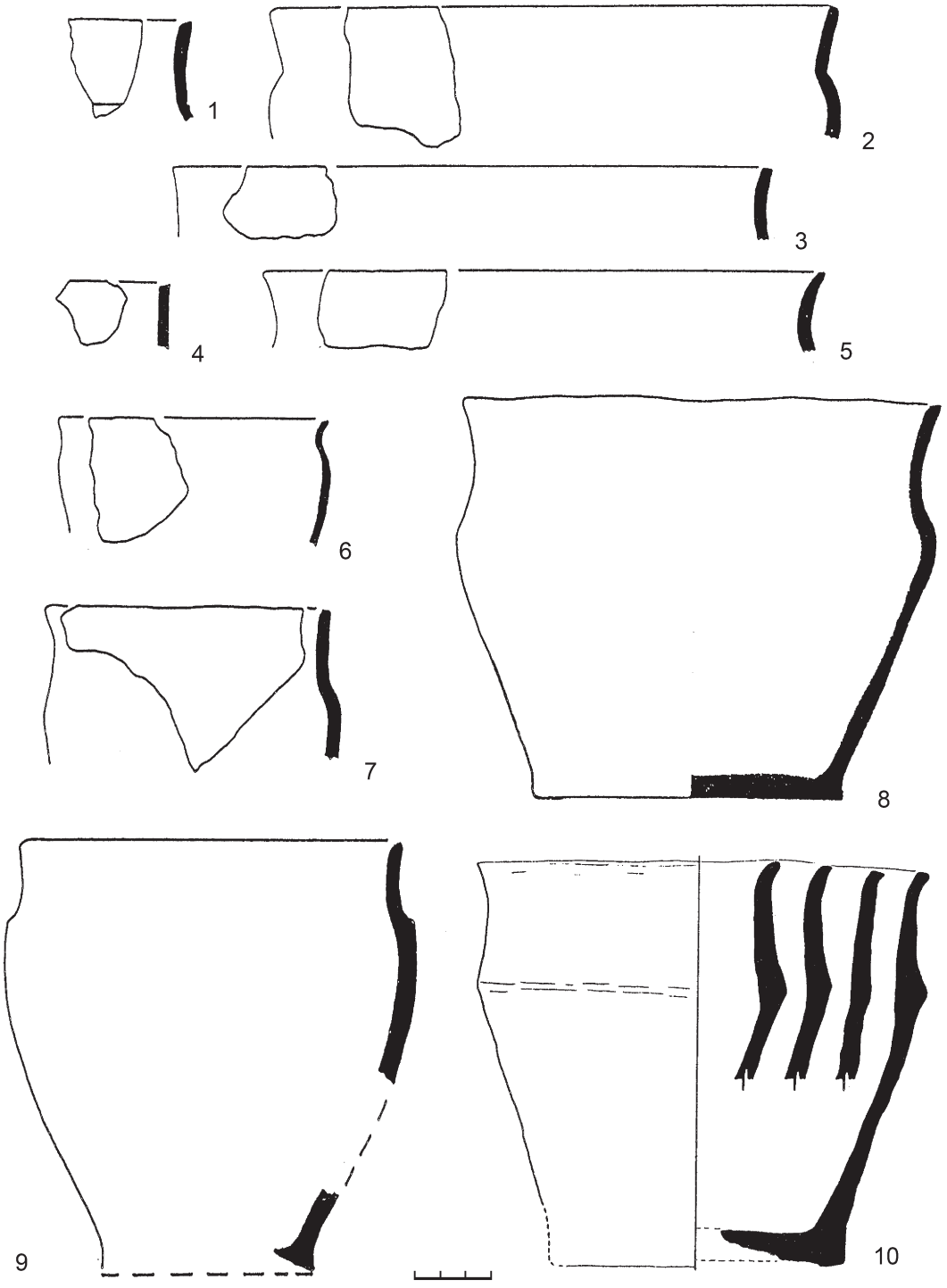

Рис. 7. Керамика из памятников типа Троицы и культуры псковских длинных курганов.
1 – 5 – слой в основании кургана № 11 могильника Овсище 1; 6, 7 – курган 1 могильника Медная Гора (Городок 8); 8 – грунтовое погребение КПДК Шитовичи; 9 – курган 17 могильника Чамка; 10 – курган 2 могильника Яблонька 3 (по Ю.А. Кобозеву).

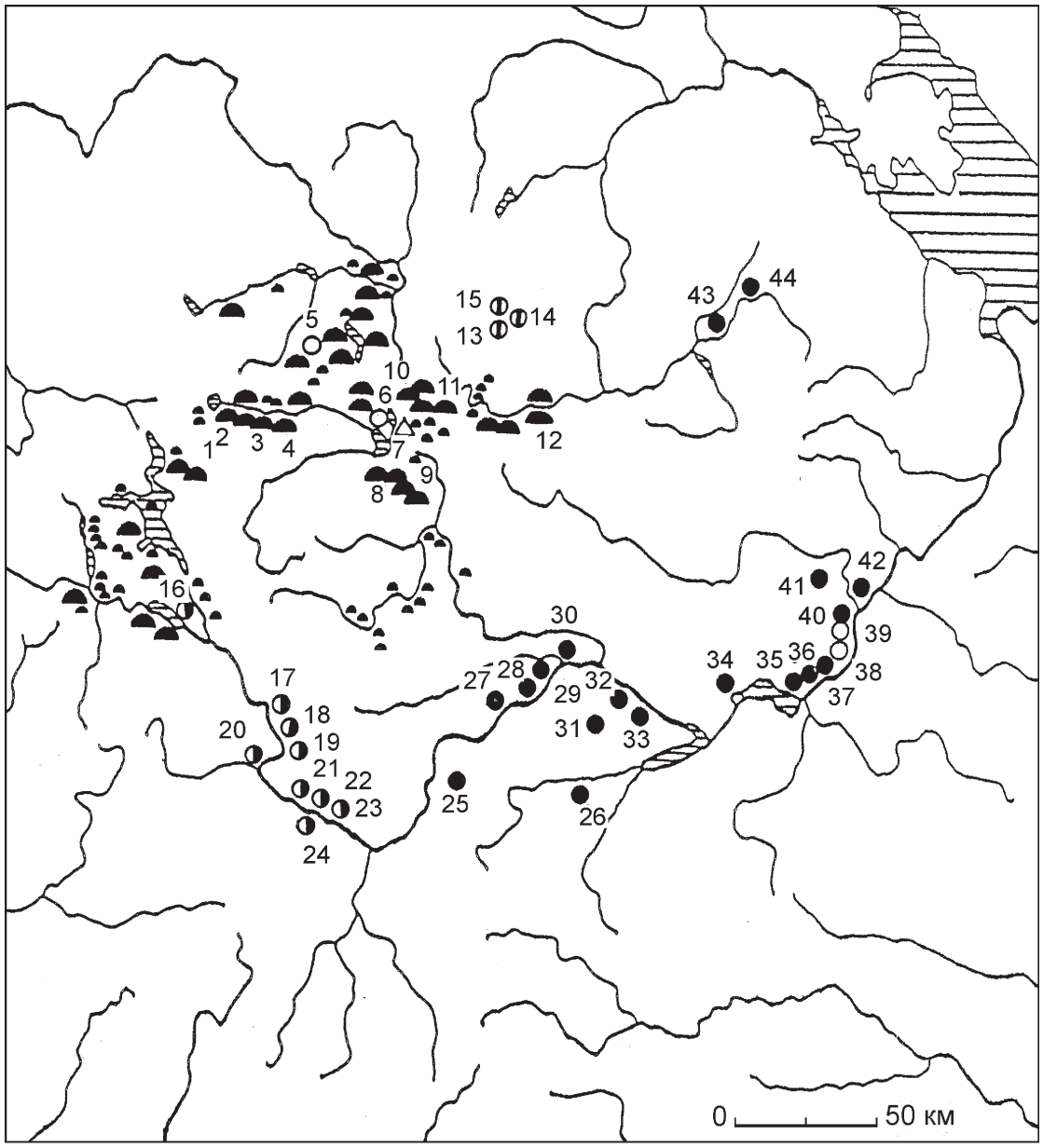

Рис. 8. Верхневолжье и Валдай в третьей четверти I тыс. н.э.

а – памятник КПДК (по И.В. Ислановой, П.Д. Малыгину, О.М. Олейникову); б – скопление памятников КПДК (по И.В. Ислановой, П.Д. Малыгину, О.М. Олейникову); в – грунтовый могильник; г – памятник, культурная принадлежность которого не ясна; д - позднедьяковское поселение тверской группы; е – памятник удомельского типа; ж – поселение с Верхневолжским керамическим набором.

1 – курганные могильники Гринино 1 и 2; 2 – курганный могильник Яблонька 3; 3 – селище Городок 1 и курганный могильник Медная Гора; 4 – селище Глыби 2; 5 – Бологовское селище; 6 – селище Леонтьево; 7 – грунтовый могильник Норфино; 8 – курганные могильники Чамка; 9 – грунтовый могильник и селище Шитовичи; 10 – курганные могильники Млёвский Бор; 11 – курганные могильники Пуйга ; 12 – курганный могильник Шихино; 13 – селище Лубенькино 2; 14 – селище Ряд 3; 15 – селище и грунтовый могильник Юрьевская Горка; 16 – поселение Подол 3; 17 – городище Осечен; 18 – селище Рогово; 19 – селище Суходол 2; 20 – поселение Усть-Тудовка 8; 21 – селище Бобронники; 22 – селище Благовещенье; 23 – селище Свёклино; 24 – грунтовый могильник Струйское; 25 – городище Никифоровское; 26 – городище Ферязкино; 27 – селище Горки; 28 – селище Избрижье; 29 – поселение Дуденево; 30 – городище Отмичи; 31 – городище Поминово; 32 – селище Эммаус 2; 33 – городище Городня; 34 – селище Устье; 35 – городище Пекуново; 36 – селище Богунино; 37 – городище Графская Гора; 38 – селище Ваулино; 39 – местонахождение (?) Плешково; 40 – селище Селище; 41 – селище Подосеново; 42 – селище Медведицкое; 43 – городище Орлов Городок; 44 – городище Анниково.

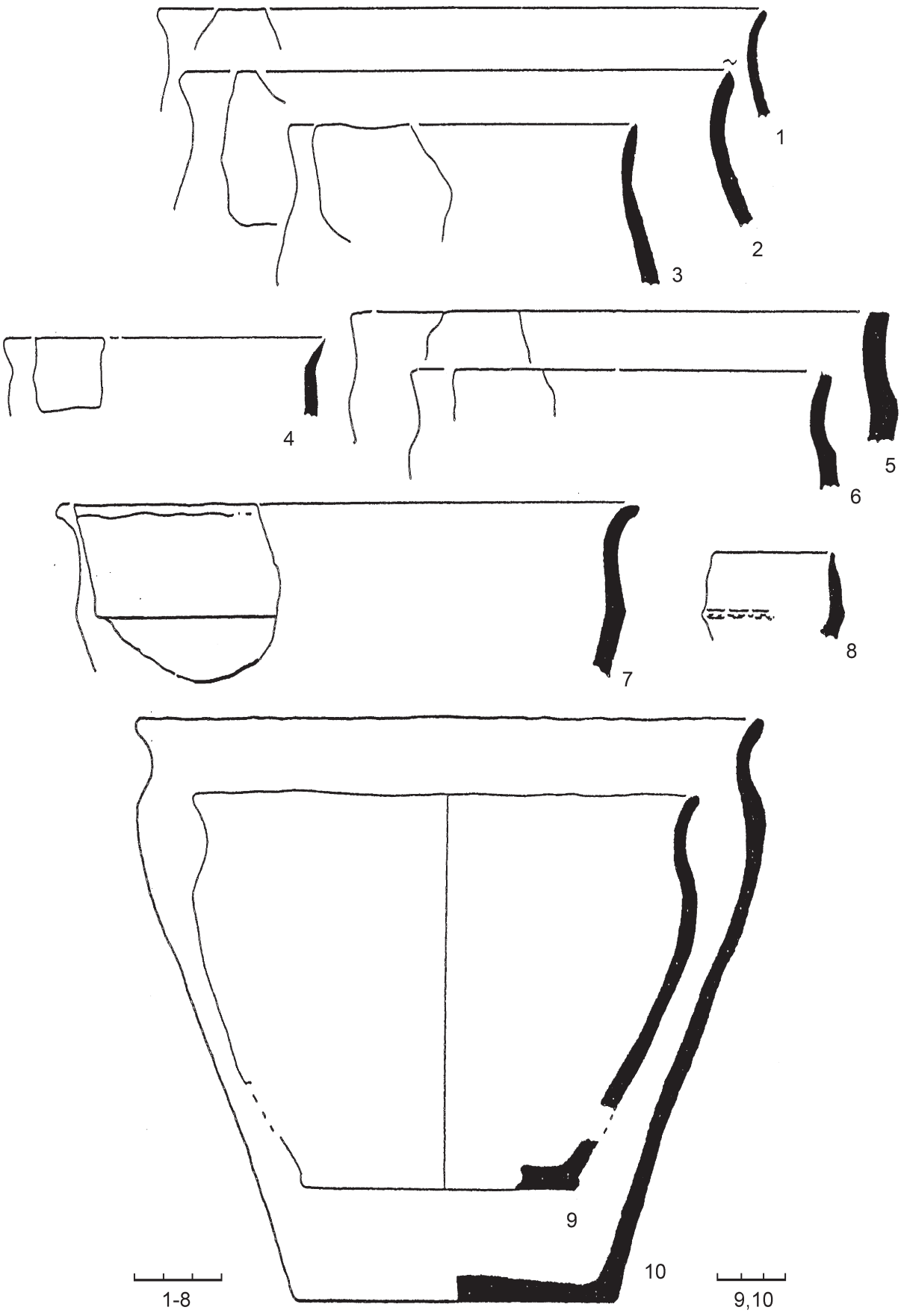

Рис. 9. Керамика памятников культуры псковских длинных курганов.
1–8 – селище Городок 1; 9 – грунтовый могильник Шитовичи; 10 – курган 6 могильника Шихино.

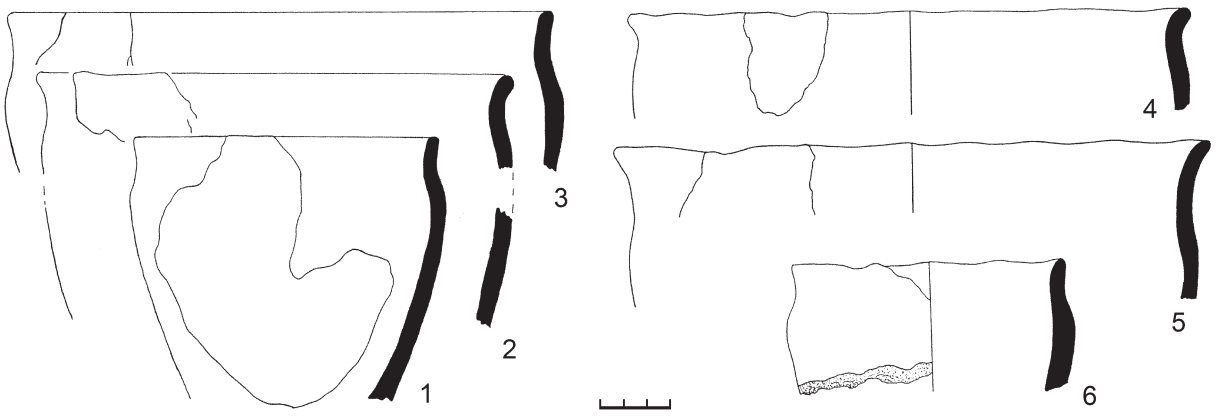

Рис. 10. Керамика селища Городок 1 и городища Варварина Гора.
1–3 – селище Городок 1; 4–6 – городище Варварина Гора.

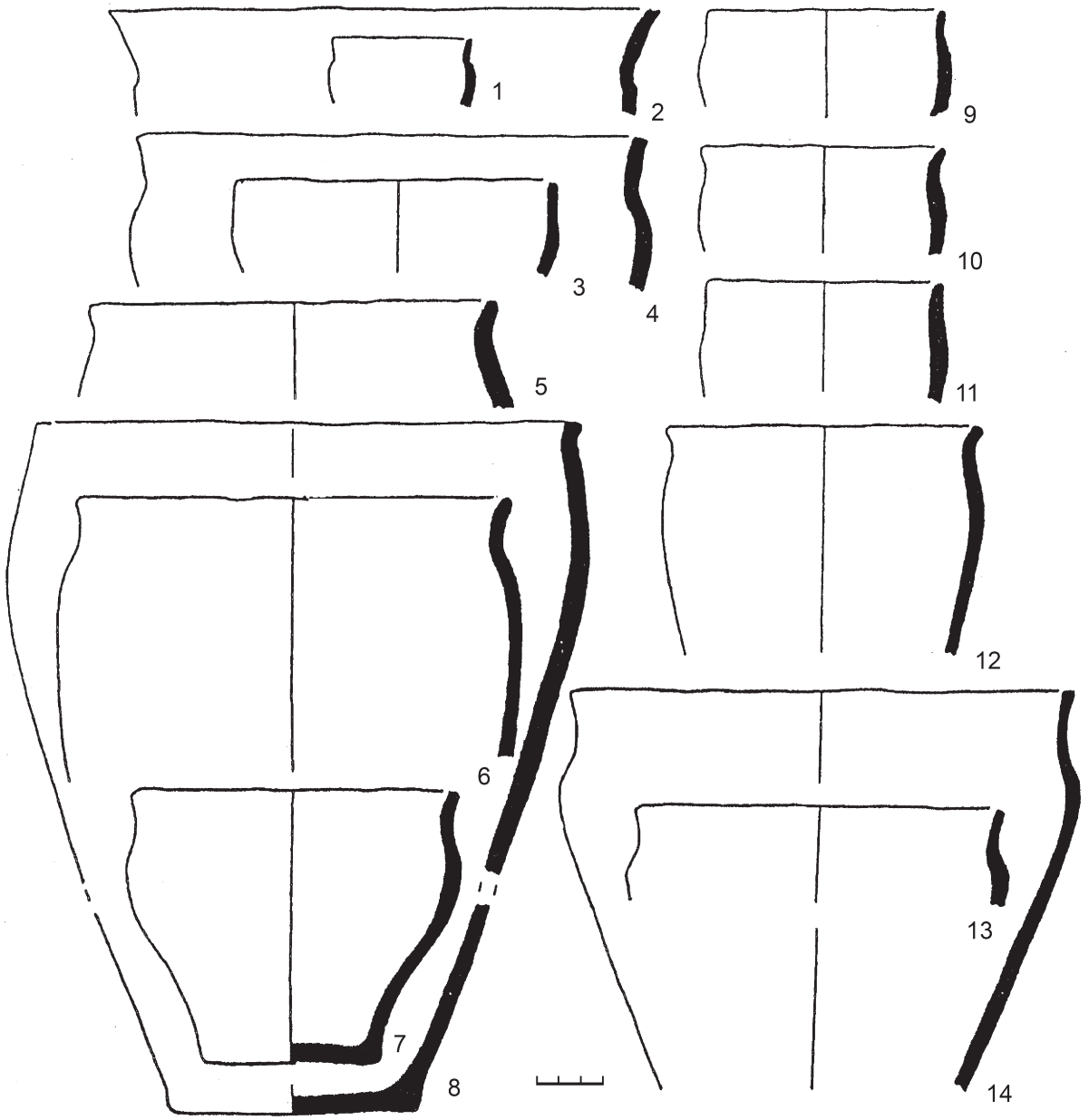

Рис. 11. Керамика селища Юрьевская Горка.

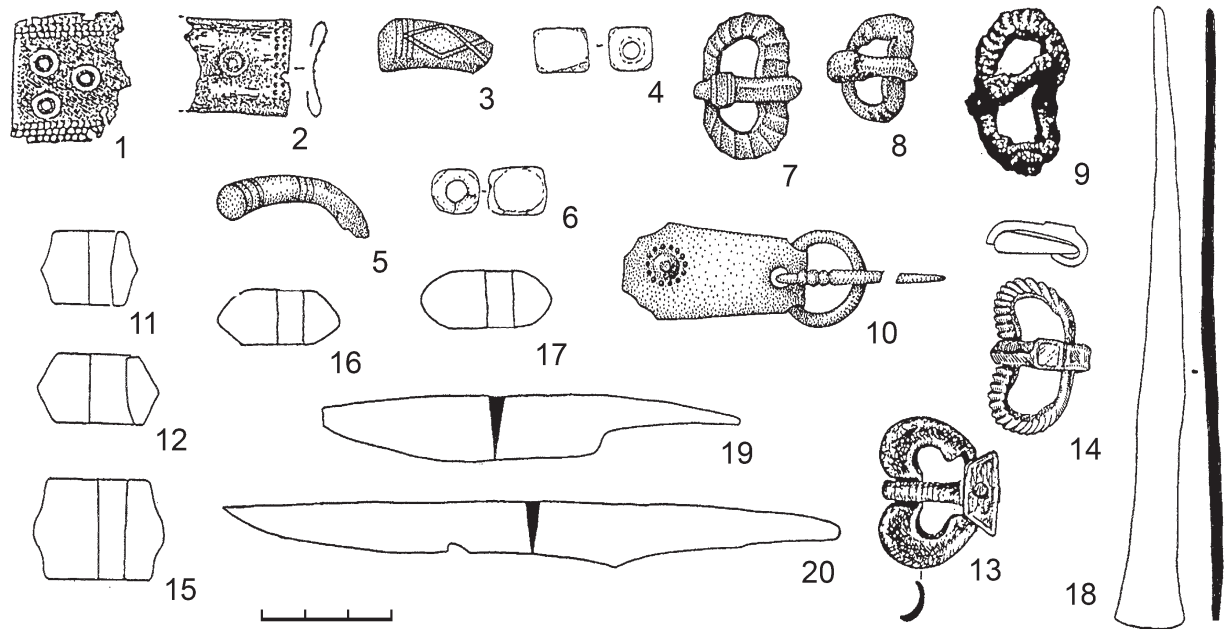

Рис. 12. Вещевой инвентарь памятников культуры псковских длинных курганов.
1 – курган могильника Куженкино; 2 – курган могильника Подол; 3 – курган 26 могильника Шихино; 4, 6, 11, 12, 15–17 – селище Городок 1; 5, 20 – курган 16 могильника Шихино; 7 – курган 1 могильника Млёвский Бор 1; 8 – курган 2 могильника Млёвский Бор 1; 9 – курган 20 могильника Пуйга 1; 10, 18 – курган 25 могильника Шихино; 13, 14 – курган могильника Гринино 1; 19 – курган 17 могильника Шихино.

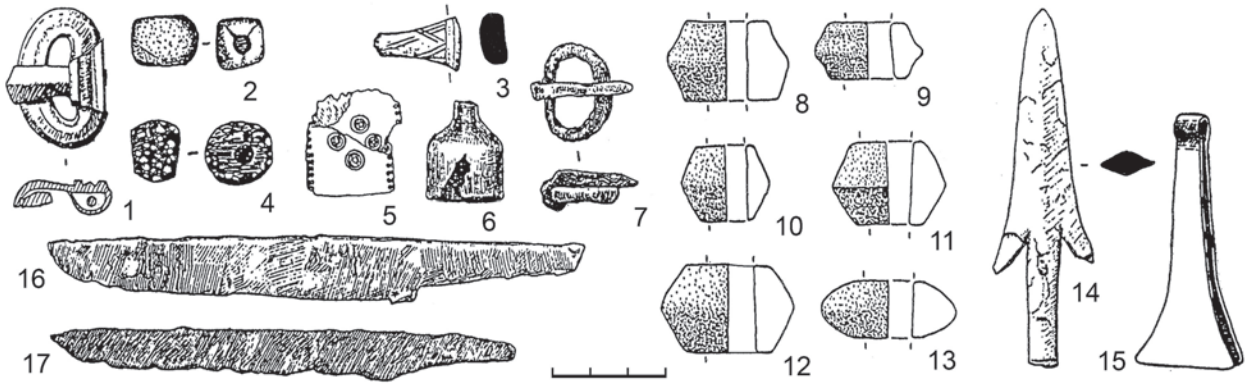

Рис. 13. Вещевой инвентарь памятников удомельского типа.
1, 2, 4–17 – селище Юрьевская Горка; 3 – могильник Юрьевская Горка.

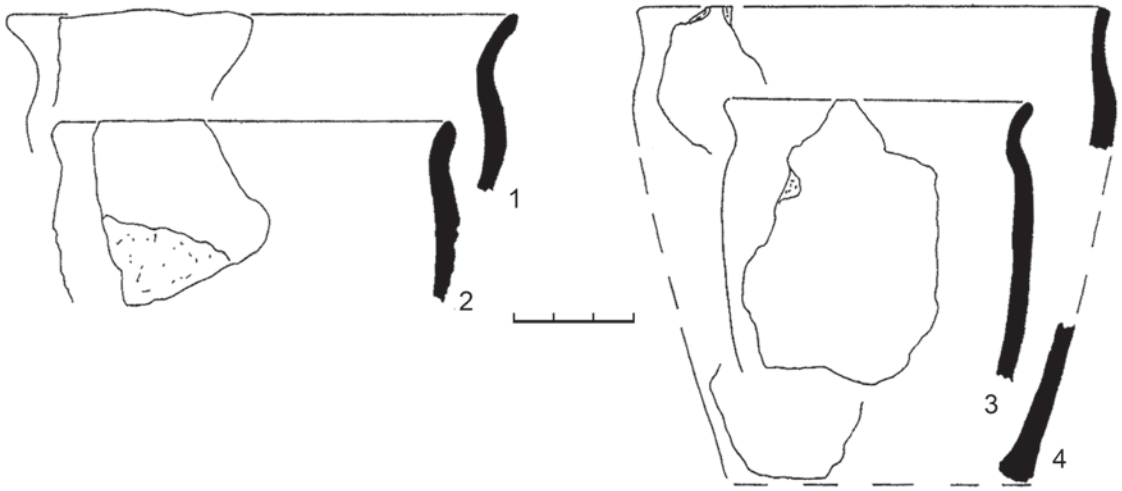

Рис. 14. Керамика селища Леонтьево.

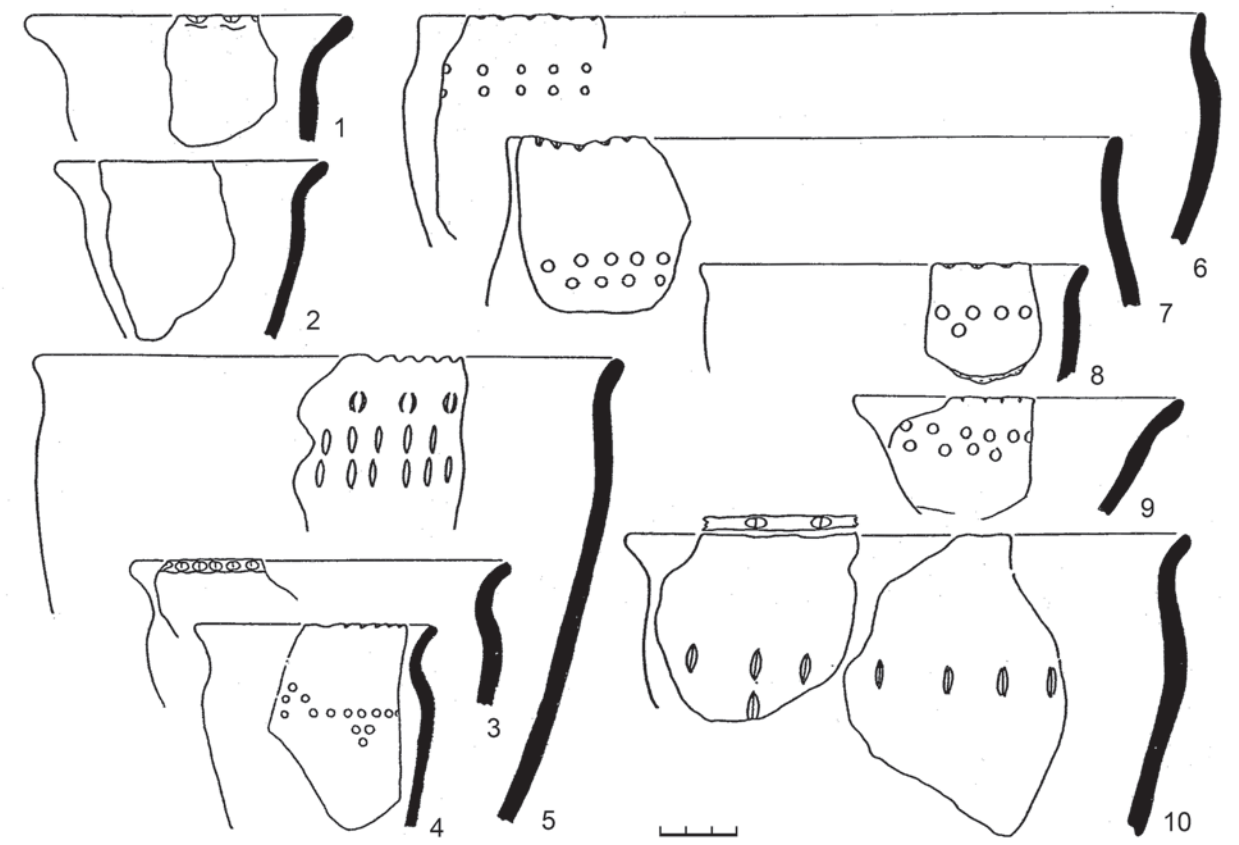

Рис. 15. Характерная керамика на поселениях тверской группы среднедьяковского периода.

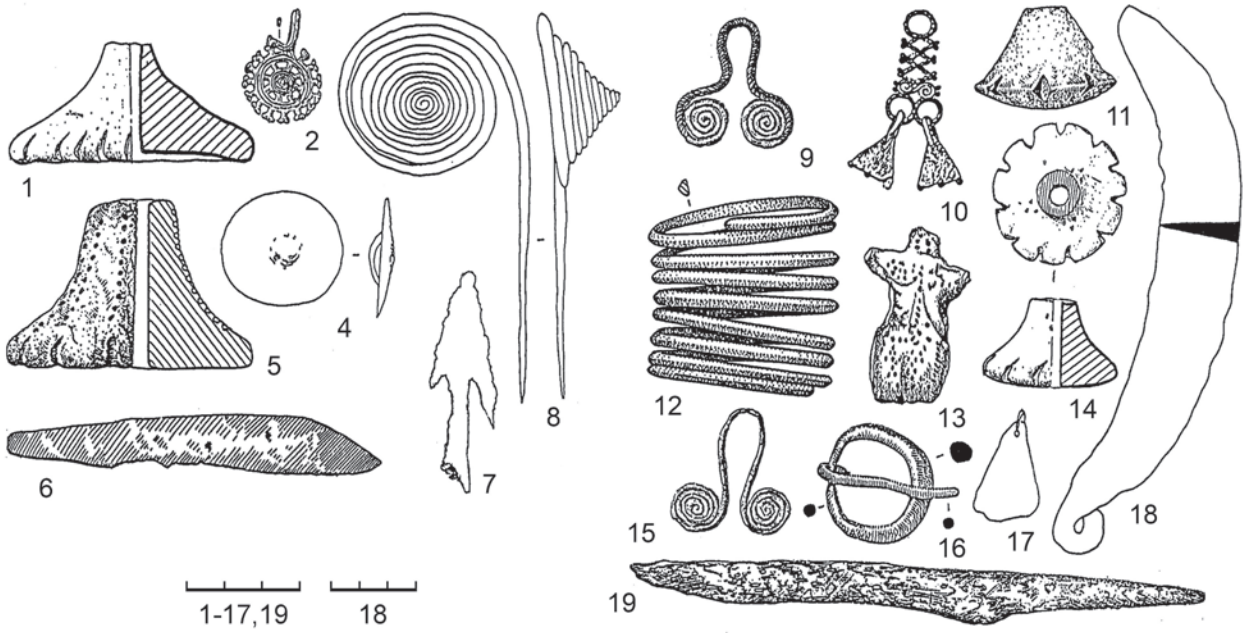

Рис. 16. Вещевой инвентарь тверской среднедьяковской и позднедьяковской группы памятников.
1–8 – материалы, характерные для тверской среднедьяковской группы памятников; 9–19 – материалы, характерные для тверской позднедьяковской группы памятников; 1–9, 11–17, 19 – городище Отмичи; 10, 18 – городище Орлов Городок.

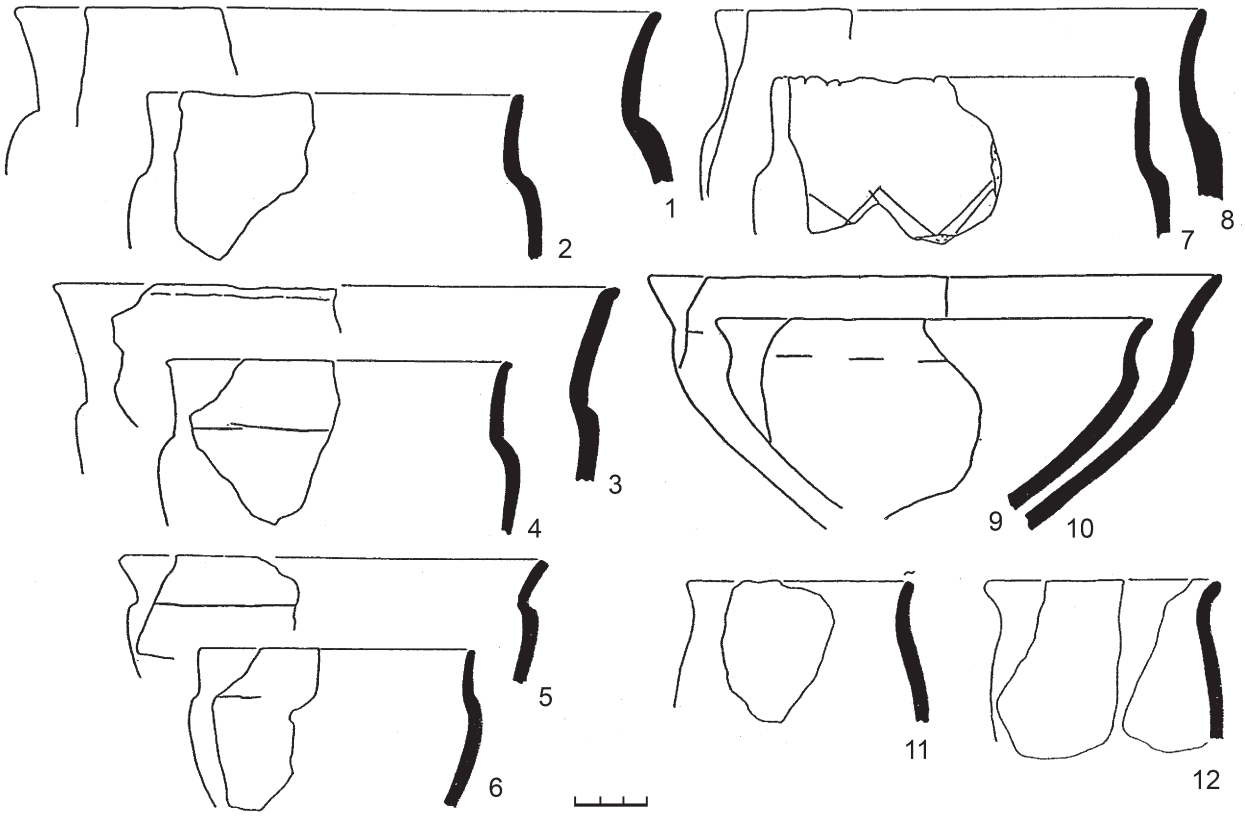

Рис. 17. Керамика мощинского круга и «инородных форм»
на памятниках тверской позднедьяковской группы.
1–5, 11 – керамика селища Избрижье; 6 – 10, 12 – керамика городища Отмичи.

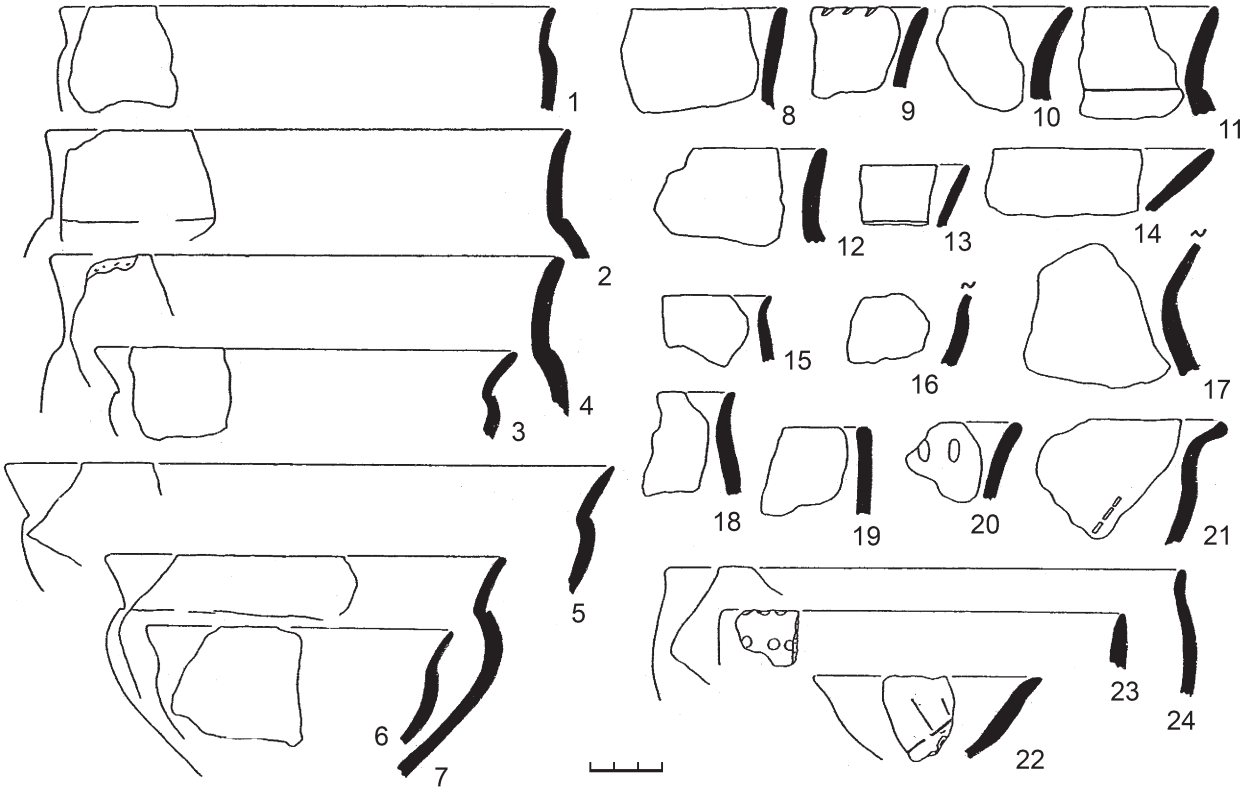

Рис. 18. Керамика из пятна постройки городища Отмичи.

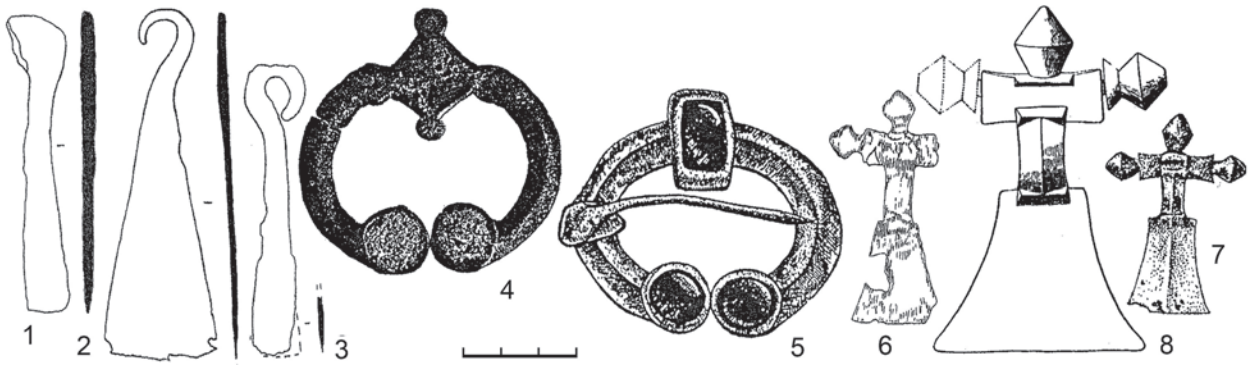

Рис. 19. Материалы из позднедьяковских памятников Верхнего Поволжья.
1 – городище Дулёво, 2, 3 – городище Пекуново; 4 – городище в устье Грехова ручья, 5 – городище Графская Гора; 6 – могильник Ратьково; 7 – городище Орлов Городок; 8 – поселение Дуденево.

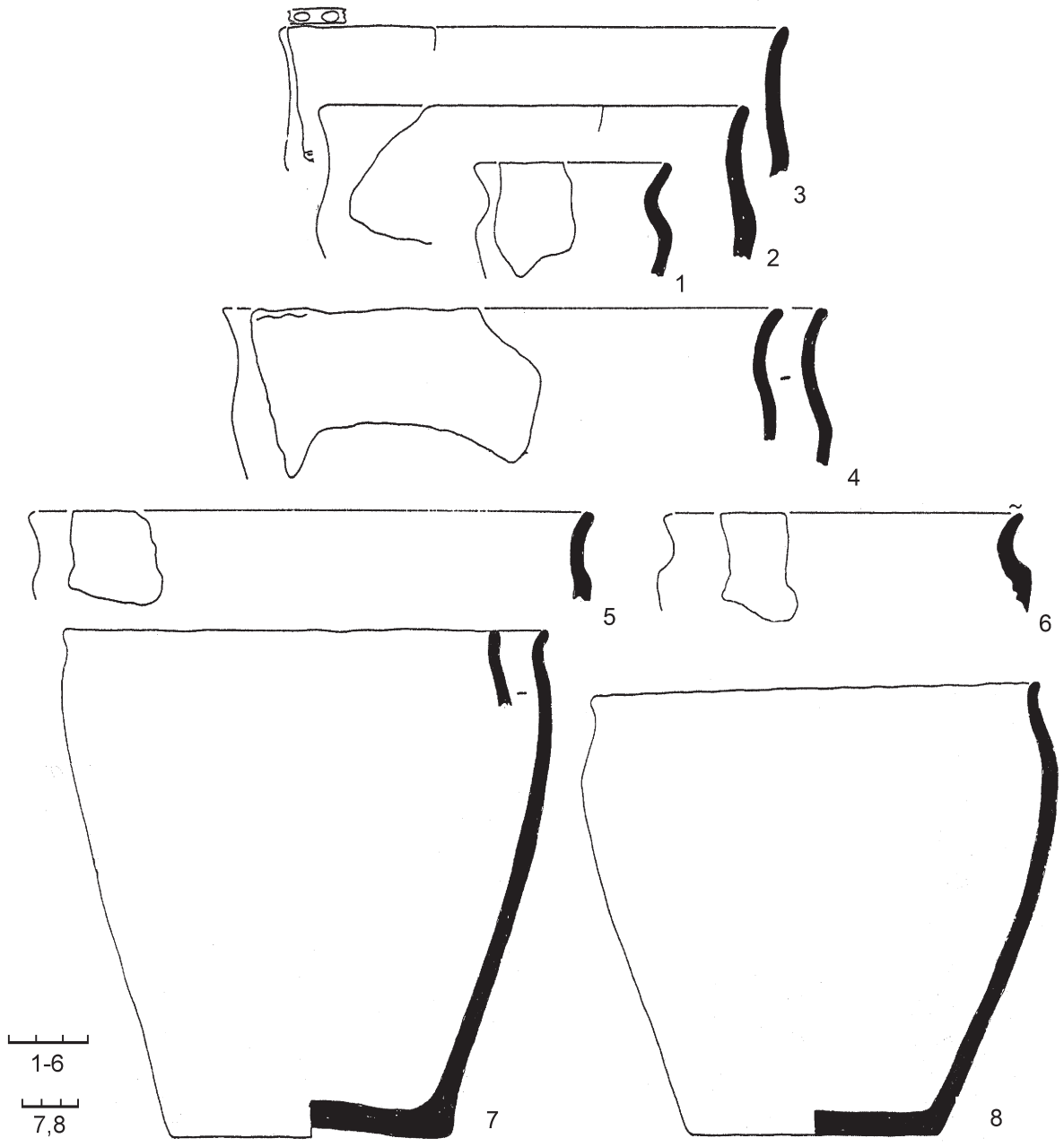

Рис. 20. Керамика из памятников тверской группы.
1–3 – городище Поминово; 4–6 – городище Отмичи; 7, 8 – курганный могильник Плешково 1.

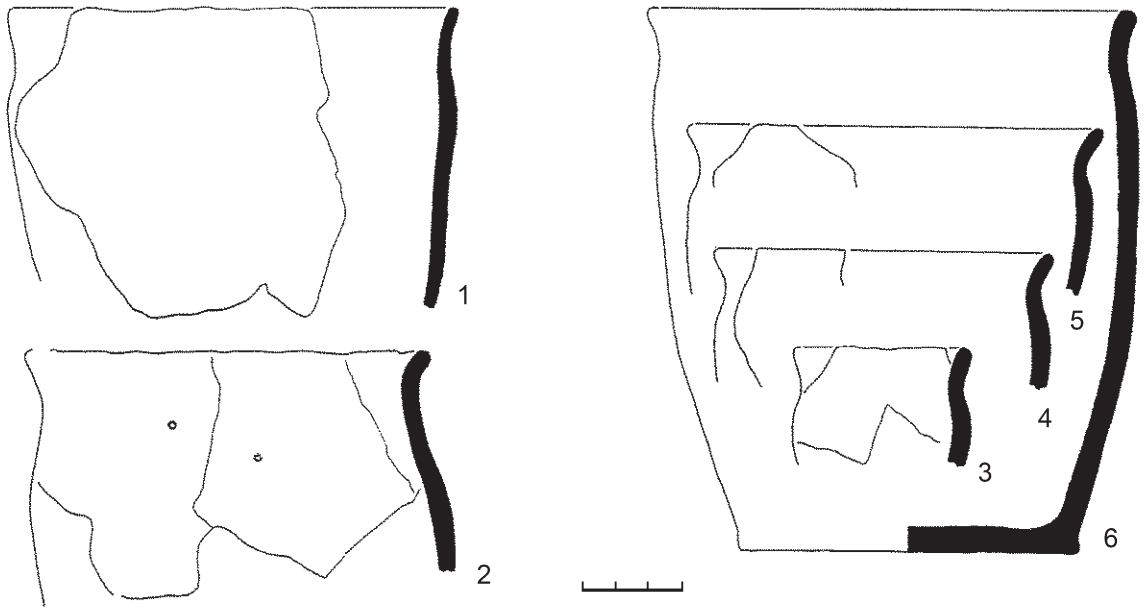

Рис. 21. Керамика городища Орлов Городок.

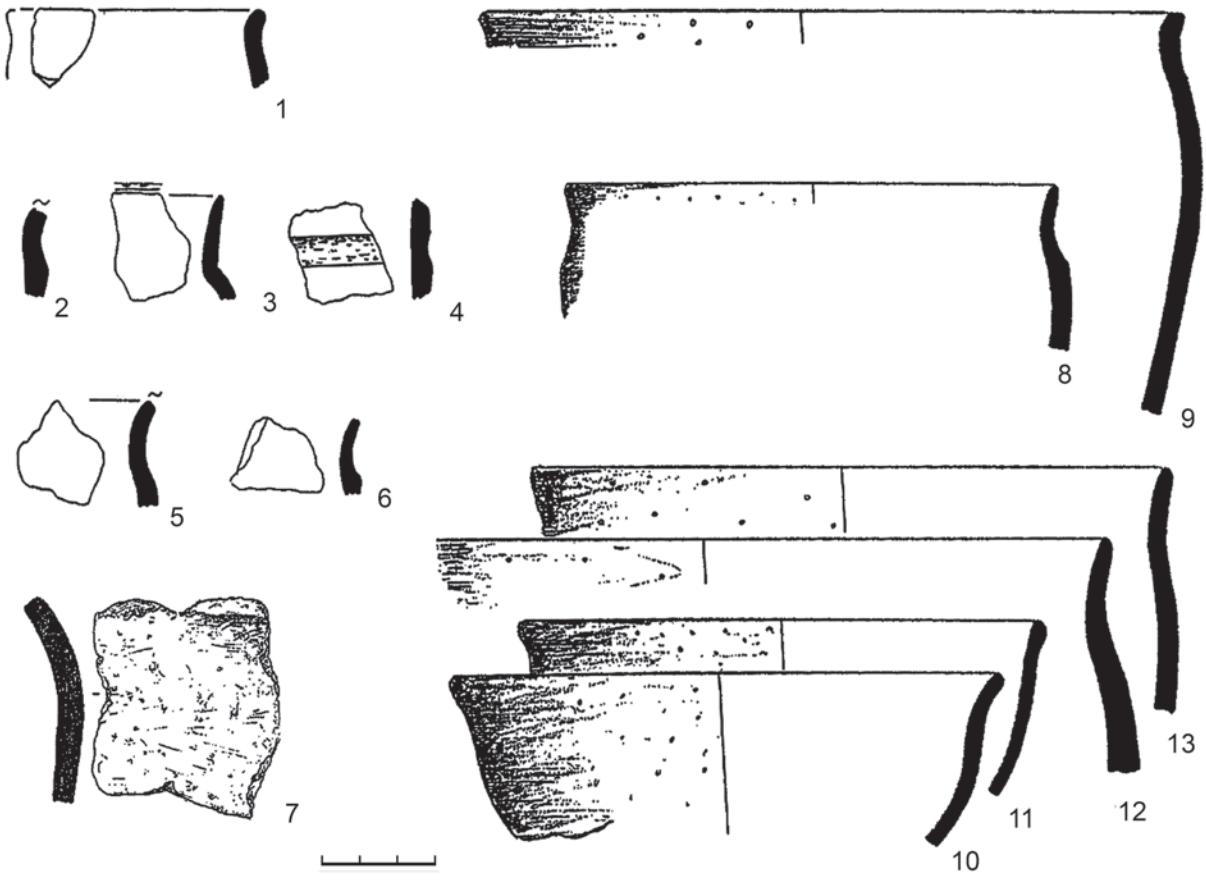

Рис. 22. Керамика поселения Усть-Тудовка 8
1–6 – фонды ТГОМ; 7, 9–13 – рисунки О.М. Олейникова, 8 – рисунок А.В. Энговатовой.

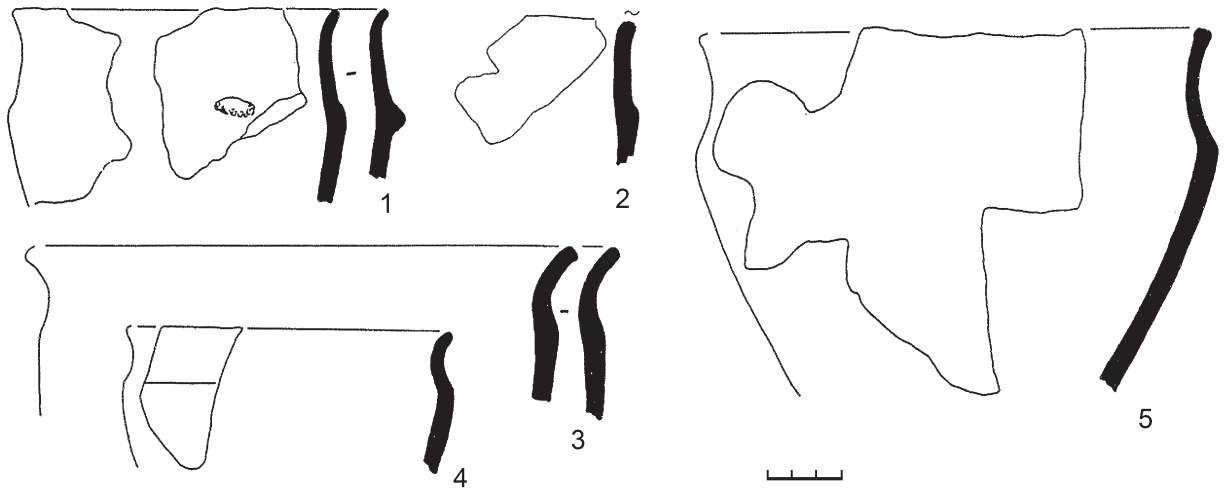

Рис. 23. Керамика поселений Ржевского Поволжья.
1 – селище Свёклино; 2–5 – селище Суходол 2.

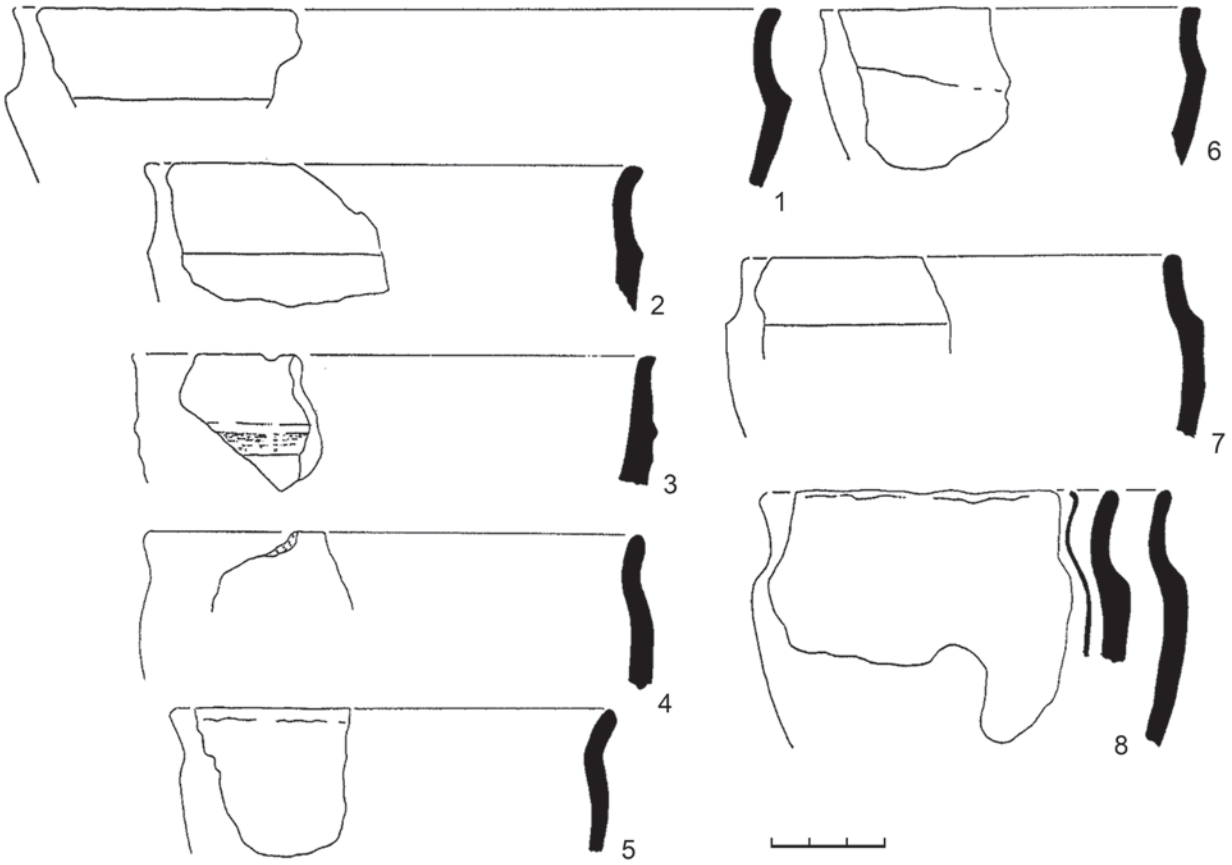

Рис. 24. Керамика селища Рогово.

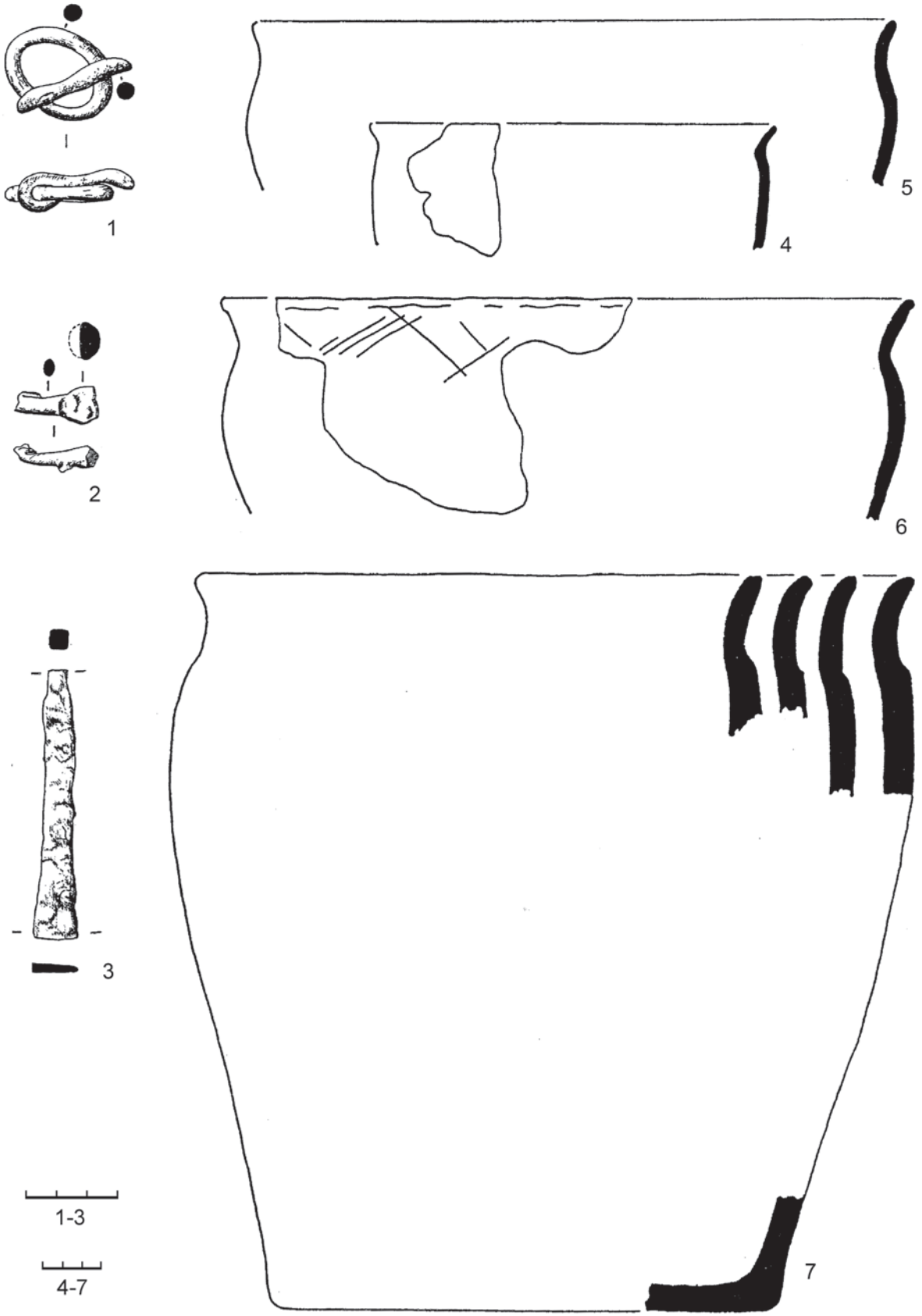

Рис. 25. Керамический и вещевой материал памятников третьей четверти I тыс. н.э.
1–3, 7 – грунтовый могильник (?) Струйское; 5, 4 – селище Першино; 6 – курган могильника Гринино 1.

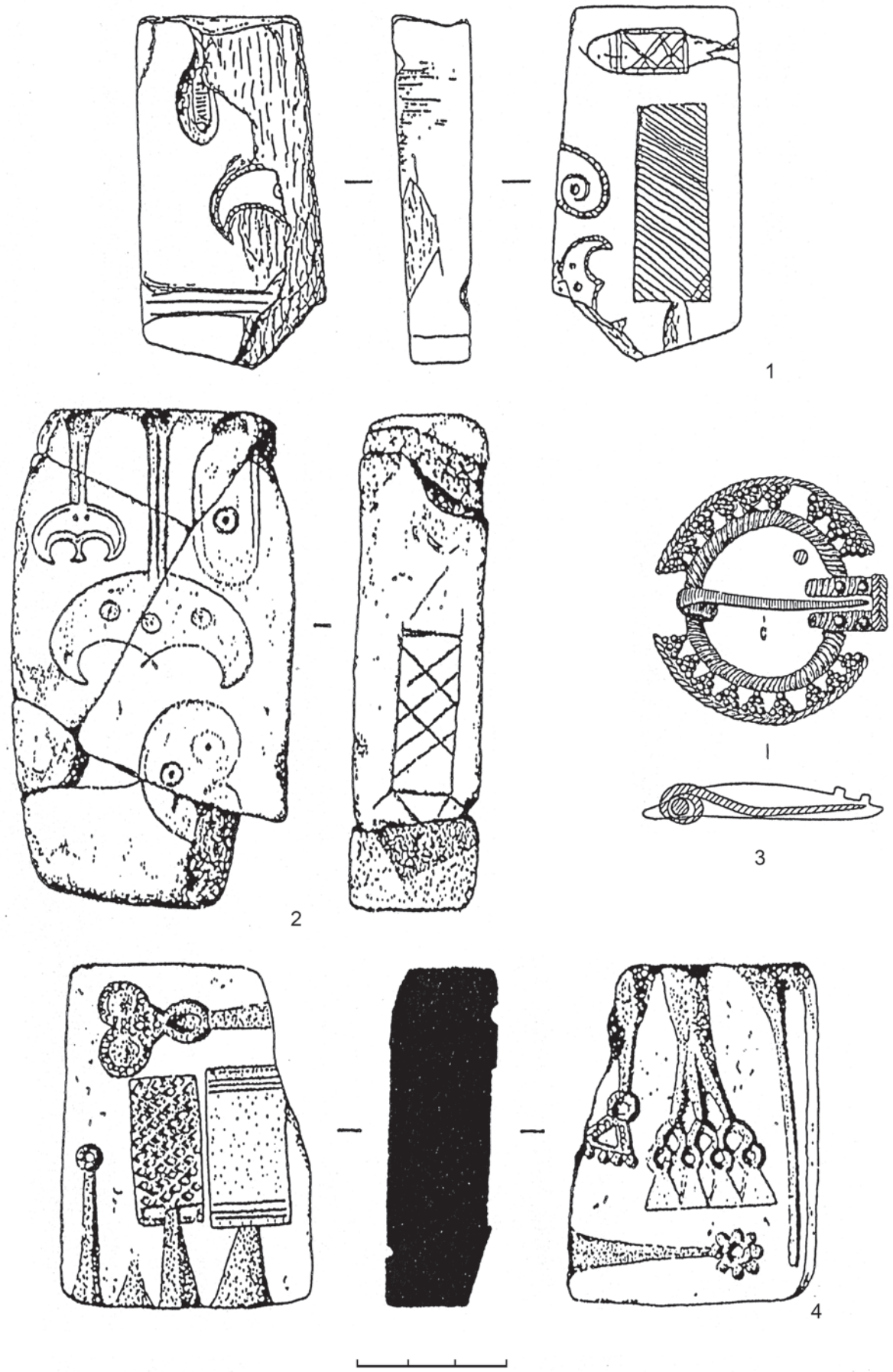

Рис. 26. Находки с поселений Верхневолжья.
1 – поселение Подол 3; 2, 4 – городище Осечен; 3 – поселение Усть-Суходолка.

Глава 6.
Самбия и Натангия

В. И. Кулаков

6.1. Вводные замечания

Проблема рубежа эпохи римского влияния и периода раннего средневековья по сей день чрезвычайно актуальна в исследовании истории Балтии, в частности, применительно к Янтарному берегу, являвшемуся северо-восточной окраиной Barbaricum (точнее – Germania Libera). Географические рамки интересующего нас региона определяются низовьями Немана на северо-востоке и дельтой Вислы на юго-западе (рис. 1). Рубеж античной и средневековой эпох принято именовать эпохой Великого переселения народов (Völkerwanderungszeit = VWZ), актуальным вариантом ее датировки является период от конца IV в. н.э. (точнее от перехода готами Дуная под давлением гуннов и битвы при Адрианополе) до середины VI в. (точнее до завершение Готских войн в Италии). Ещё в середине XX в. известнейший польский археолог Ежи Антоневич пришёл к выводу для эпохи VWZ о смене экономической и хозяйственной базы у западных балтов и связанных с этим феноменом кардинальных переменах в местной материальной культуре. Сходные выводы декларировала Мария Гимбутас, считавшая важной причиной этих перемен миграции в Балтию части племён, участвовавших в гуннских войнах [Gimbutas, 1963, p. 137].

6.2. Общая характеристика культур

Поселенческая археология западных балтов показывает начало племенной дифференциации в междуречье рек Пасленка и Неман уже в I в. н.э. и её завершение в V – начале VI в. С этого времени и до экспансии крестоносцев на балтские земли можно говорить о существовании на исследуемой территории отдельных, связанных между собой единством происхождения и языковой общностью племен с внутренней социальной системой.

К рубежу IV–V вв. Юго-Восточную Балтию покидают те немногочисленные группы германского населения, которые в эпоху Валентиниана и Валента ещё проживали на балтийских рубежах вельбарского ареала. К началу V в. в дельте Вислы затухает деятельность одного из позднейших вельбарских могильников – Ladekopp (Lubieszewo, woj. Gdańskie) [La Baume, 1924, S. 76]. Общепризнанной точкой зрения на причины этой миграции является констатация (правда, ничем не подкреплённая) реализации желания древнегерманских племён участвовать в разграблении «римского наследства», начатом готами. На самом деле не исключено, что значительная часть германцев переместилась из Восточного Поморья в юго-восточном направлении ещё в фазе C1, стремясь на плодородные земли Поднепровья, в ареал будущей черняховской культуры. Правда, ушли из Балтии не все «готы»: погр. 1 могильника Pruszcz Gdański, сохраняя вельбарские черты в обряде и в составе инвентаря, относится к фазе D2 [Кулаков, 2004, с. 57].

Несмотря на уход части вельбарского населения «Острова Гепедойос» (ныне – Эльблонгская возвышенность) в III в. (т.е. в эпоху Скифских войн, полыхавших в то время на Балканах), их соплеменники, оставшиеся на берегах Балтии (по данным могильников Pruszcz Gdański и Wielbark), поддерживали функцию дельты Вислы как «главного «окна в мир» для народов Балтики» [Okulicz, 1992, s. 145]. На месте скопления вельбарских могильников II–III вв. в окрестностях современного г. Эльблонга выявлена группа более поздних одиночных находок римских и ранневизантийских солидов.

С северо-востока с упомянутым регионом («Остров Гепедойос») соседствует земля Самбии (по Вульфстану – Витланд, ныне – Калининградский полуостров). Известные на Самбии древности финала эпохи римского влияния (фаза C2) характеризуются в первую очередь переменами в наиболее репрезентативных аксессуарах убора – в массиве фибул. Древнейшие образцы застёжек с литым иглоприёмником – типы Vilkancy и Schulze-Dörrlamm Iz Aa 6b (рис. 2) – крайне немногочисленные в любом регионе Barbaricum в 1-ой четверти V в. [Кулаков, 2003б, с. 290] сменяются упрощёнными и весьма многочисленными (скорее – серийными) находками некоторых иных стандартов арбалетовидных фибул. Среди них наиболее представительны типы AVI,171; Schönwarling; Duratón (рис. 2).

Очень важным для их характеристики как хронологического индикатора и показателя постепенного отхода от традиций эпохи римского влияния явля-

ется обязательная для всех трёх упомянутых типов фибул черта – равные линейные параметры дужки (в её проекции на плоскость) и ножки. Иными словами, корпус фибулы устроен таким образом, что дужка и ножка (нередко – и стержень пружины фибулы) представлены равными параметрами. Это, в частности, указывает на деиндивидуализацию производства фибул. На всём протяжении железного века представителям местного этноса присущ очевидный консерватизм как в развитии собственных этнических конструктивных и декоративных мотивов, так и (что особо зримо) в копировании и творческом осмыслении влияний иных материальных культур. Так, например, фибулы с рифлёным корпусом, появившиеся в балтском мире из вельбарского ареала в IV в. в виде фибул с гусеницевидными ножками, без серьёзных новаций (правда, резко увеличиваясь в размерах) доживают в дружинной среде Балтии вплоть до апогея эпохи викингов включительно [Kulakov, Šimėnas, 1992, S. 179–184]. Практически любой вид металлического аксессуара раннесредневекового западнобалтского убора может дать аналогичный пример.

Кроме арбалетовидных фибул упрощённой схемы, ставших к середине V в. этнографическими индикаторами древностей эстиев, в материале Янтарного берега в это время представлено заметное количество новаций, происходящих из ареалов соседствующих с эстиями племён. Ярким примером являются так называемые звёздчатые фибулы – застёжки со звездообразной округлой или трапециевидной по своим очертаниям фигурой на завершении ножки [Кулаков, 2003б, с. 291]. Реальными предшественницами и прототипами звёздчатых фибул являются фибулы типа AVI,179, относящиеся к фазе D1. Ход развития этих фибул на севере Европы был довольно продолжительным, что привело в 1-ой половине V в. к возникновению их местных имитаций. Эти фибулы стали парадигмой для создания первых экземпляров звёздчатых фибул эстиев на переломе между античной и средневековой эпохами. Важно отметить подпрямоугольные очертания профиля дужки фибул, синхронизирующие с ними застёжку из погр. 258 могильника Коврово-Dollkeim. Эти застёжки относятся А. Битнер-Врублевской к типу V и датируются ею рубежом фаз D2/D3. Характерные черты этого типа – результат симбиоза традиций фибул различных культур и этносов. Окончание ножки, получившее форму круга с «лучами», имитирует блеск камня или стеклянной вставки фибул гуннской эпохи. На вершине дуги ножки обозначена прямоугольная площадка, соответствующая точке приложения ладони при укреплении фибулы на плаще. В поствельбарских древностях Самбии и в готландском материале этапа VI.1 по Нерману [Åberg, 1919, S. 33] такие площадки имеют овальную форму. Изгиб ножки и её поперечное рифление у фибулы с Горы Великанов и у аналогичной находки из Узорного (обе фибулы – из железа) восходят к принципам орнаментики «трёхлучевых фибул» фазы D1 (Bügelfibeln типа Leipferdingen – [Voß, 1994, S. 505, Abb. 107: 1]). Сходные признаки наблюдаются в позднейших фибулах типов Glaston и Duratón. Эти фибулы фиксируют влияние носителей западнобалтской культуры на древности западной части нашего континента, распространившееся в результате участия отдельных воинов Янтарного берега в событиях средней фазы эпохи переселения народов. Особенно ярко это подтверждается процессом становления фибул типа Duratón. По мнению М. Казанского, этот тип (как и типы застёжек Rouilleé, Albias) является показателем участия представителей негерманских племён в освоении визиготами Галлии.

Вместе с упрощёнными арбалетовидными фибулами и звёздчатыми застёжками в погребениях жителей Янтарного берега нередко встречаются пряжки типа H38 по P. Мадыде [Madyda-Legutko, 1986, S. 69] и детали поясного набора, украшенные орнаментом в стиле Sösdala. Этот декоративный стиль родился, как показывают находки на римском лимесе, в конце IV в. в среде легионеров романского и галло-романского происхождения. В варваризирующейся среде легионеров на фазе D1 встретились традиции провинциально-римского (типы артефактов) и германского (использование штампа) искусства. Эти тенденции были восприняты полиэтничным (как романским, так и «варварским») населением Подунавья, которое в 1-ой половине V в. окончательно сформировало стиль Sösdala. Правда, поясные наборы со «звёздчатым» орнаментом, популярные у легионеров Галлии, в Паннонии и Норике (в отличие от Янтарного берега) были неизвестны. Поздние образцы стиля Sösdala в Юго-Восточной Балтии могли композиционно имитировать гуннский полихромный стиль и донесли до нас отблеск величия державы гуннов накануне её гибели.

Памятники этого декоративного стиля представлены в древностях Янтарного края с середины V в. на Самбии (например – погр. 163 могильника Коврово-Dollkeim с фибулой типа Schönwarling – дериват типа Duratón) и на могильнике Первомайское-Warnikam. Прусские находки являются позднейшими памятниками стиля Sösdala. Как правило, данные погребальные комплексы принадлежат знатным воинам [Кулаков, 2003а, с. 104–107]. Все указанные выше новации в материальной культуре Янтарного берега свидетельствуют о сложении к середине V в. на месте и на основе самбийско-натангийской группы западнобалтской культуры новой археологической общности – прусской культуры.

Важнейшей чертой этой культуры, отличающей её от предшествующих в Янтарном крае древностей эстиев (самбийско-натангийская культура (СНК), ошибочно именуемая В. Новаковским Dollkeim-Kowrovo-Kultur), является обязательное для большинства мужских погребений присутствие в нижней части могилы (до середины VI в. нередко – к западу от могилы воина) конского захоронения. Ранее от-

носительно конского захоронения как знака принадлежности связанного с ним всадника к воинскому «сословию» удалось доказать, что «на фазе С2 (этот) обычай ранних германских дружин перенимается западными балтами» [Кулаков, 2003а, с. 94]. Попробуем уточнить дату превращения конского захоронения из редко встречаемого атрибута могилы знатного воина-германца в массовый признак погребального комплекса прусского воина. Для этого прежде всего нужно определить материальные критерии для разделения массива мужских погребений финальной фазы СНК и ранней фазы прусской культуры (ПК). Выше были перечислены эти критерии в наборе погребального инвентаря: СНК, фаза С2/D1–D1: позднейшая версия фибул с подвязной ножкой – застёжка типа große Armbrustfibel, т.е. тип Е2 (такие фибулы с одной декоративной муфтой на ножке уже с конца IV в. на Самбии неизвестны [Кулаков, 2005, с. 124]), древнейшие образцы застёжек с литым иглоприёмником – типы Vilkancy, Schulze-Dörrlamm Iz Aa 6b; ПК, фаза D2: арбалетовидные фибулы типов AVI,171, Schönwarling, Duratón. Важно отметить, что в набор вооружения носителей ПК ранней фазы входят ножи-кинжалы, самые ранние находки которых в Балтии по материалам погр. 23 могильника Видгиряй и погр. 50 могильника Плинкайгалис датируются временем не позднее 420 г. Древнейшие образцы клинков этого типа в Литве совпадают с дериватами застёжек типа Е2 [Кулаков, Скворцов, 2000, с. 44; рис. 6]. Для исторической Пруссии таких случаев не зафиксировано.

Имея подобный набор маркеров для границы между СНК и ПК, можно точнее датировать и становление ведущих для ПК черт обрядности. К этому вопросу вернёмся ниже, после описания комплекса погр. 35к могильника Гора Великанов-Hünenberg.

Учитывая богатейшие возможности анализа различных граней материальной и духовной культуры населения Янтарного берега, которыми обладает современная археология, возможно сделать попытку выяснения наличия (или отсутствия) перемен в социальной структуре общества населения Янтарного края в начале V в.

Археологические критерии палеосоциальных аспектов в пределах имеющегося комплектного материала позволяют выделить ряд групп с довольно чёткими социальными характеристиками. Уже в ходе работы с материалом выяснился факт отсутствия в нём погребений женщин-общинниц и знатных женщин-хозяек семей/усадеб.

6.3. Общественные группы

Общественные группы выделяются в археологическом материале восточной окраины Барбарикум на основании выявления устойчивых и дискретных сочетаний признаков обряда и погребального инвентаря.

«Общинники» (комплексы с консервативными чертами западнобалтской обрядности и минимально возможным количеством компонентов).

1. Гора Великанов у г. Пионерский, Зеленоградский р-он (бывш. Hünenberg, Kr. Samland), погр. 84 (рис. 3) – трупосожжение (далее – КРМ) в овальной в плане яме размерами 1,40 × 0,90 м, глубиной в материке 0,48 м, заполненной древесным углём, ориентированной по линии запад-восток. В западном борту могилы отмечены две ступеньки. В южном секторе могилы её заполнение перекрыто каменной кладкой. В северо-восточном секторе могилы, у её дна – небольшое скопление кальцинированных костей. У ступеньки могилы найдена бронзовые фибула и пряжка с остатками тонкого кожаного ремня. Кроме того, в могиле встречены фрагментированный лощеный сосуд-приставка со следами нагара, бронзовая пронизка, фрагменты сосудов (рис. 3: 5, 3, 4), кусок янтаря. По фибуле с рифлёной спинкой варианта 3 серии I по М. Тышиньской, характерной для вельбарских древностей любовидзской фазы [Tyszyńska, 1988, s. 183] мужское захоронение погр. 84 [Кулаков, 1994б, с. 157; рис. 92] датируется 400–450 гг.

2. Грунайки – Grunaiki, woj. Białostockie (бывш. Grunaiken, Kr. Darkehmen), погр. XI (рис. 4) – урновые КРМ под единой каменной кладкой, включавшие: XI_1 – бронзовая арбалетовидная фибула местного деривата типа Schönrarling и пряжка, XI_3 – бронзовая арбалетовидная фибула типа Duratón и железная пряжка, XI_5 – бронзовая (?) арбалетовидная фибула типа Duratón, XI_6 – бронзовые пряжка и кольцо, янтарная бусина, XI_9 – бронзовый наконечник ремня с серебряной плакировкой [Tischler, 1879, Taf. I: 10; III: 9, 10; IV: 3, 20; XI: 9]. Датируются по фибулам типа Duratón 400–450 гг.

3. Ровное, Зеленоградский р-он (бывш. Pollwitten, Kr. Samland), погр. 102 (рис. 5) – КРМ в виде группы кальцинированных костей, перекрытых каменной кладкой. С костями найдены бронзовая арбалетовидная фибула – дериват типа Duratón, бронзовый ритуальный браслет (гривна ?), три сосуда-приставки [Tischler, Kemke, 1902, Taf. XXV: 19; XXVII: 7; XXVII: 11], фрагмент ножа, подвеска глиняное биконическое пряслице. По фибуле мужское погр. 102 датируется концом V в. [Кулаков, 2003б, рис. 148].

Optimates-1 (воинские захоронения с конями и с конским снаряжением).

1. Ковровo, Зеленоградский р-он (бывш. Dollkeim, Kr. Samland), погр. 370 (рис. 6, 7) – урновая КРМ в округлой в плане яме диаметром 0,46 м, глубиной от уровня предматерика 0,42 м, заполненной слабо золистой супесью (рис. 6). Урна (рис. 7: 27) представляет собой лепной сосуд типа Grebieten высотой 0,43 м серо-охристого цвета, его внешняя поверхность заглажена. На плечике урны отмечены три небольших вертикальных выступа прямоугольной формы, предназначенные для фиксации ремней или верёвок при транспортировке урны от костра

к могиле. Урна в своей верхней половине заполнена слабо золистой супесью. У нижней границы этого заполнения были открыты первые находки, среди которых – ланцетовидный наконечник копья (рис. 7: 6), направленный острием вниз. Ниже, в слое супеси с частицами золы обнаружены остатки лежавшего дном вверх ритона. От него сохранилась бронзовая оковка устья типа К.1 по Я. Анжеёвскому. У остатков ритона впервые в погр. 370 обнаружены кальцинированные кости, общее количество которых в урне достигало более 600 экз. Их основной массив был сконцентрирован в придонном пространстве урны в виде прослойки толщиной 0,20 м. Вне урны в непосредственной близости к ней были найдены некомплектные обломки терракотового зеркально лощёного лепного сосуда-приставки типа Dollkeim, фрагмент ножа, бронзовый наконечник ремня (рис. 7: 1, XVII.11), сгусток обожжённой бронзы (пряжка? рис. 7: XVII.10). Эти предметы были извлечены из урны в результате непреднамеренного позднейшего воздействия. Большинство находок лежали в урне ниже упомянутого наконечника копья среди обломков кальцинированных костей. Массив составляли находки со следами термального воздействия, ниже представленные в виде двух комплексов деталей убора А–В. Ведущие принципы формирования этих комплексов – наличие актуальной для мужского убора единичной фибулы крупного размера, параметры связанных между собой деталей убора и их социально-таксономический характер.

Кроме наконечника копья и остатков ритона в наиболее престижный в комплекс А погр. 370 входят: нож-кинжал общей длиной 0,24 м, к его клинку прикипела бронзовая обоймица от портупеи (рис. 7: 5); мелкие железные пластины ножен ножа-кинжала, фрагменты украшавших ножны или портупею серебряных заклёпок (рис. 7: 3), закопченная бусина тёмно-красного янтаря типа Pauckenperle (рис. 7: 7) – вероятно, подвеска к темляку ножа-кинжала, бронзовые пряжка и разделительные кольца портупеи ножа-кинжала (рис. 7: 11, 8, 17); бронзовая пряжка с рифлёной рамкой (рис. 7: 9), входящий с ней (судя по параметрам) в единую поясную гарнитуру бронзовый языковидный наконечник ремня с остатками серебряного покрытия (рис. 7: 23); бронзовая фибула со звёздчатой ножкой (рис. 7: 10) типа IV по А. Битнер-Врублевской. Польская коллега относит застёжки этого типа ко времени «до начала ранней фазы переселения народов» (фаза C2/D1 ?). Изучение комплексов видивариев Халибо позволяет уточнить датировку таких застёжек с фасетированными шайбами пружины в пределах 2-ой четверти V в. (фаза D2). Кроме того, к комплексу А относятся: бронзовая пряжка (рис. 7: 22) типа H38 по Р. Мадыде, относимый к фазе D3; бронзовый языковидный наконечник ремня (рис. 7: 12), наконечник дротика (рис. 7: 19) типа SPb2 (фазы B2/C1); железное острие («стилос» – рис. 7: 21); брусковидное, приспособленное для подвешивания точило из весьма мягкого светло-серого сланца длиной 17,5 см (рис. 7: 20). Если принадлежность ножа-кинжала, наконечников копья и дротика к одному комплексу подтверждалось их совместным нахождением в южном секторе урны, то столь определённо говорить о паре бронзовых шпор из погр. 370 не приходится. Лишь одна из них (рис. 7: 16) обнаружена рядом с отмеченным выше оружием. Вторая шпора лежала в северном секторе урны. В соответствии с выбранным при формировании модели состава комплекса А приоритетным критерием престижности артефактов означенные шпоры, вероятно, относятся к комплексу А. Они совершенно стандартны, их дуги изготовлены литьём по тонкой восковой модели, базировавшейся на массивной дугообразной матрице таким образом, что конечной продукцией явились пустотелые бронзовые шпорные дуги, по центру пробитые железными остриями, тщательно зафиксированными бронзовыми шайбами. Этот сложнейший металлургический приём, а также декорирование внешней плоскости дуги лишь с одной, обращённой наружу, стороны не являются признаками, свойственными древнегерманским и вообще «варварским» мастерам римской эпохи. «Варварские» варианты шпор в пшеворском ареале составляют подгруппу Н по Е. Гинальскому, относимую к фазе D. Шпоры из погр. 370 по качеству исполнения могут быть связаны скорее с провинциально-римскими мастерскими. В одном стиле с ними созданы и бронзовые детали портупеи ножа-кинжала, симметрично поддерживавшие его на поясе наподобие гладиуса легионера.

Комплекс В включает: двучленную прогнутую подвязную фибулу варианта 3 серии I (рис. 7: 15), относимого А.К. Амброзом в Восточной Европе ко «всему IV в.», в Подунавье – к концу IV – началу V в., бронзовую пряжку (рис. 7: 14) типа H12 по Р. Мадыде, относимую к начальной фазе эпохе Великого переселения народов. По своей ширине пряжке может соответствовать лишь упоминавшийся выше наконечник ремня (рис. 7: XVII.11). Согласно своим очертаниям он является типологическим предшественником языковидных наконечников из комплекса А. Последним в достаточно скромном комплексе В следует упомянуть обломок ножа (рис. 7: 1).

Согласно приведённым выше датировкам находок время сооружения погр. 370 определяется в пределах фаз D1–D2 [Кулаков, 2003в, с. 67–73]. Данный комплекс уникален не только обилием деталей инвентаря, но и тем, что содержит останки двух воинов различных поколений. Если престижный комплекс А включает предметы начальной фазы прусской культуры (в том числе, великолепную звёздчатую фибулу), то комплекс В состоит и предметов, характерных для финальной фазы черняховской культуры. Больше ни в одном комплексе Янтарного края такие наборы предметов вместе не встречаются. Таким образом, комплекс погр. 370 является редким в археологии примером «встречи» вещевых наборов двух

сменивших друг друга культур: СНГ (набор В) и прусской культуры (набор А).

2. Могильник между пос. Люблино и Краснополье, Зеленоградский р-он (бывш. Greibau, Kr. Samland), погр. 211 (рис. 8) – КРМ. Инвентарь: 1 – бронзовая, с серебряной фольгой (?) пряжка типа H38 по Р. Мадыде, 2 – бронзовая шпора подгруппы Н по Е. Гинальскому [Tischler, Kemke, 1902, S. 32; Taf. XI: 3; XVII: 2]. По пряжке погр. 211 датируется временем около 450 г. [Кулаков, 2003а, рис. 32].

3. Могильник Гребитен, Зеленоградский р-он (Grebieten, Kr. Samland), погр. 43 Süd (рис. 9) – урновая КРМ. Инвентарь: a, b – бронзовые пряжки, c – умбон щита, d – боевой нож, e – коса, f – янтарная бусина, g – бронзовая плакированная серебром звёздчатая фибула типа II по А. Битнер-Врублевской, h – бронзовый языковидный наконечник ремня, i – наконечник копья, k, m – железные шпоры подгруппы Н по Е. Гинальскому, l – наконечник дротика, n – урна [Heydeck, 1888, Taf. VIII: a-l]. По звёздчатой фибуле погр. 43 (Süd) датируется временем около 450 г. [Кулаков, 2003а, рис. 121].

4. Коврово, Зеленоградский р-он (бывш. Dollkeim, Kr. Samland), погр. 163 (рис. 10) – урновая КРМ. Инвентарь: 1 – нож-кинжал, 2 – бронзовая арбалетовидная фибула типа Duratón, 3 – покрытая серебром бронзовая пряжка типа H38 по Р. Мадыде, 4 – покрытый серебром (?) бронзовый языковидный наконечник ремня, 5 – урна с «лоскутным орнаментом», а также, наконечник копья с осевым утолщением, коса, точило, две литавровидные янтарные бусины, бронзовый спиральный перстень и прочие находки [Tischler, Kemke, 1902, S. 24]. Погр. 163 датируется по фибуле и пряжке фазой D2/D3 – около 450–470 гг. [Кулаков, 2003а, рис. 121].

5. Могильник у пос. Первомайское, Багратионовский р-н (бывш. Warnikam, Kr. Heiligenbeil), погр. 30 (рис. 11, слева) – КРМ. Инвентарь: 1 – бронзовая, покрытая серебром звёздчатая фибула типа II по А. Битнер-Врублевской, 2 – пряжка типа H38 по Р. Мадыде, 3 – круговой кувшин, 4 – шпора подгруппы Н по Е. Гинальскому, 5 – ведерковидная подвеска, 6 – две янтарные бусины типа Pauckenperle. По фибуле погр. 30 датируется около 450 г. [Кулаков, 1997, с. 169–171].

6. Могильник у пос. Первомайское, Багратионовский р-н (бывш. Warnikam, Kr. Heiligenbeil), погр. 31 (рис. 11, справа) – КРМ. Инвентарь: 1 – бронзовая, покрытая серебром звёздчатая фибула типа II по А. Битнер-Врублевской, 2 – пряжка типа H38 по Р. Мадыде, 5 – круговой кувшин, 4 – шпора подгруппы Н по Е. Гинальскому, 3 – нож-кинжал. По фибуле погр. 31 датируется около 450 г. [Кулаков, 1997, с. 169–171].

7. Гора Великанов у г. Пионерский, Зеленоградский р-он (бывш. Hünenberg, Kr. Samland), погр. 57k – находка «копателей» 1999 г. (рис. 12) – КРМ. Инвентарь: 1 – серебряный сосудик (навершие рукояти меча ?), 2, 3 – бронзовые звёздчатые фибулы типа II по А. Битнер-Врублевской, 4 – бронзовая с утраченным серебряным покрытием пряжка типа H38 по Р. Мадыде, 5 – бронзовый языковидный наконечник ремня. По фибулам погр. 57k датируется около 450 г. [Архив ИА РАН, Р-1, № 17585].

Для древностей, представленных в данной части каталога, характерен стандарт набора инвентаря (сравни погр. 30 и 31 могильника Первомайское), включающий нож-кинжал и шпоры и предполагающий некую унификацию не только вооружения, но и схемы организации воинского контингента (скорее всего – дружинной организации) жителей Янтарного края эпохи гуннских войн.

Optimates-2 (воинские захоронения без коней и конского снаряжения).

1. Геройское, Зеленоградский р-он (бывш. Eisliethen, Kr. Fischhausen), погр. 43 (рис. 13) – урновая КРМ с инвентарём: бронзовая плакированная серебром арбалетовидная фибула, дериват типа Duratón, наконечник копья, боевой нож, сосуд-приставка [Jentzsch, 1896, Taf. VII: 27]. По фибуле данное воинское погребение датируется фазой D2 [Кулаков, 2003а, рис. 121].

2. Могильник Гребитен, Зеленоградский р-он (Grebieten, Kr. Samland), погр. 82 Süd (рис. 14) – урновая КРМ с инвентарём: a – языковидный бронзовый наконечник ремня, b – бронзовая пряжка типа H38 по Р. Мадыде, c – фрагмент бронзовой ведёрковидной подвески, d – бронзовый пинцет, e – янтарная бусина типа Bassonia, f, g, h – сосуды-приставки – один из них типа Dollkeim [Heydeck, 1888, Taf. IX: a–d]. По деталям поясного набора данное воинское погребение датируется концом фазы D2.

3. Могильник между пос. Люблино и Краснополье, Зеленоградский р-он (бывш. Greibau, Kr. Samland), погр. 1/1992 (рис. 15) – КРМ в виде группы обломков кальцинированных костей, высыпанных в могилу из биконической «временной урны» (рис. 15: 4). Кроме того, в могиле под остатками каменной кладки обнаружены: 1 – фрагментированный нож-кинжал, 2 – бронзовая равноплечная фибула, 3 – янтарная бусина типа Bassonia, служившая, очевидно, подвеской к рукояти ножа-кинжала, т.е. являвшаяся деталью его темляка, считавшегося германцами эпохи Великого переселения народов и скандинавами эпохи викингов так называемым камнем жизни [Окшотт, 2004, с. 121, 122]. По ножу-кинжалу комплекс датируется концом фазы D2.

Equites (воинские комплексы с конским захоронением, с минимумом инвентаря).

1. Гора Великанов у г. Пионерский, Зеленоградский р-он (бывш. Hünenberg, Kr. Samland), погр. 177 (рис. 16) – урновая КРМ в яме округлой в плане формы, диаметром 0,44 м, глубиной в материке 0,53 м. Яма вырыта строго по параметрам урны (рис. 16: 5), имевшей горизонтальные и вертикальные глиняные налепы ютландского типа и содержавшей янтарную бусину-подвеску к темляку боевого ножа (рис. 16: 3), а также часть разбитого на костре сосуда-приставки (рис. 16: 4). Другие его

части найдены вокруг урны в слое остатков погребального костра (ОПК). Этот слой в урне отмечен лишь у дна, содержал 27 кальцинированных костей, перекрытых камнем. Остальное заполнение урны – переотложенный песок с золой (индикатор покрытия урны крышкой) с 6 кальцинированными костями и куском янтаря. К юго-западу от урны в яме – обожжённое копье (рис. 16: 1) типа II, подтипа 2, варианта 1 по П. Качановскому [Kaczanowski, 1995, tab. V: 5], погнутый и обожжённый боевой нож (рис. 16: 2). По системе В. Казакявичюса, по боевому ножу погр. 177 датируется 400–500 гг. Оно связано с соседствующим с запада конским захоронением погр. 180 [Кулаков, 1994б, с. 51–53].

2. Гора Великанов у г. Пионерский, Зеленоградский р-он (бывш. Hünenberg, Kr. Samland), погр. 260 (рис. 17, 18) – урновая КРМ и захоронение коня в яме овальной в плане формы, размерами 4,20 × 3,13 м, ориентированной по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток, глубиной от предматерика 0,98 м. По своим размерам погр. 260 – самое крупное из вскрытых на могильнике. Яма заполнена в нижней части крупнозернистой супесью, выше – слоем переотложенной супеси с большим содержанием органики и интенсивно-золистой супесью. В пределах двух последних прослоек открыта кладка из мощных камней, некоторые из них (например – самый юго-восточный камень типа Malstein на рис. 17) стояли в древности вертикально. Между камнями, значительно потревоженными в западной части могилы траншеей, и под ними найдены «временные урны»: сосуд Б (рис. 18: 14) и сосуд А (рис. 18: 12), отдельные фрагменты разбитой камнями урны типа Grebieten (рис. 18: 7), железный бубенчик, часть стеклянной бусины, оселок, каменная фишка для игры (рис. 18: 8–10), фрагмент железного умбона (?) (рис. 18: 13). В центральной части верхнего яруса могилы, южнее линзы золы найдены 46 кальцинированных костей из разбитой урны. Кроме бронзовых пряжки и обоймицы ко второй пряжке (рис. 18: 3, 2), к комплексу относится найденный южнее могилы, извлечённый из неё при рытье соседствующего окопа фрагмент фибулы со «звездчатой ножкой» позднего варианта (рис. 18: 1). Нетронутым остался лишь сосуд Б, поставленный в могилу после заполнения ее валунами и перекрытый плоским камнем, найденным рядом (рис. 18: 14). Так как кальцинированных костей рядом с ним не было обнаружено, можно предполагать, что эта находка является остатками заупокойного приношения, осуществленного после сооружения могилы. В ее западной части у дна ямы открыт в своей южной части переотложенный при рытье окопа костяк коня. В зубах черепа коня, традиционно для пруссов ориентированного на юг, обнаружены удила (рис. 17: 12). Передняя часть коня перемещена в траншее целым блоком. У его тазовых костей найдена коса (рис. 17: 10). Последняя, судя по отпечаткам ткани в ее окалине, была положена у трупа коня в шерстяной сумке, С-образно свернутой и скрепленной по восточному краю бронзовыми трубкообразными заклепками (рис. 17: 4, 6). К снаряжению коня относились также железные и бронзовые пряжки (рис. 17: 1, 5) и остатки железных накладок оголовья (рис. 17: 2). По фрагменту фибулы и пряжке погр. 260 датируется 475–500 гг. [Кулаков, Тюрин, 2005, с. 127] и содержит останки знатного прусского воина, возможно, дружинного вождя [Архив ИА РАН, Р-1, № 17585].

3. Гора Великанов у г. Пионерский, Зеленоградский р-н (бывш. Hünenberg, Kr. Samland), погр. 35к (рис. 19) – урновая КРМ, обнаруженная калининградским краеведом-«копателем» А. Тереховым 15 апреля 1997 г. в центре дюны, занятой могильником. Урна находилась в яме овальной в плане формы (размерами около 1,20 × 0,75 м, глубиной от современной поверхности 0,86 м), ориентированной по линии север-юг и заполненной ОПК. Такое же заполнение зафиксировано А. Тереховым и в урне, перекрытой каменной кладкой. Над плечиком урны находилось два горизонтальных налепа, один из которых впоследствии не сохранился. Рядом с урной (рис. 19: 6) обнаружены остатки лощеного сосуда-приставки (рис. 19: 10). В верхней части заполнения урны находился сланцевый оселок (рис. 19: 9). В придонной части заполнения урны отмечено большое число кальцинированных костей, среди которых находились: бронзовые пряжка с обоймицей, наконечник ремня, трапециевидное окончание ременной портупеи, спиральный перстень, браслет, фрагмент бронзовой шпоры с железным острием упрощённого варианта подгруппы Н по Е. Гинальскому, пинцет (рис. 19: 1, 2, 7, 4, 12, 5). Южнее урны на 0,86 м на глубине около 1,25 м были отмечены останки коня, основательно потревоженные при выборке грунта. По мнению находчика, каменная кладка была единой как для урны, так и для конского скелета. На срезе карьера найдены кольчатые удила (рис. 19: 11), относящиеся к данному конскому захоронению. Комплекс погр. 35к, явно принадлежащий знатному воину-дружиннику, датируется по пряжке, являющейся ближайшим прототипом пряжек из могильников Ковррово и Первомайское, украшенных орнаментом в стиле Сёсдала, временем незадолго до 450 г. [Кулаков, 1998, с. 105].

Весь смысл приведённого выше типологического и хронологического анализа погребального комплекса погр. 35к заключается в том, что он является своеобразным маркером, неким знаковым камнем (Malstein) между финалом самбийско-натангийской и началом прусской культур. В нём присутствует перевязь balteus Vidgiriai, но нет самого клинка ножа-кинжала. Такая редкая особенность набора погребального инвентаря знатных воинов Самбии присуща комплексам раннегуннского времени, включая первые два десятилетия V в. [Кулаков, Скворцов,

2000, с. 45]. Напротив, в более поздних самбийских погребениях фазы D2 клинки ножей-кинжалов представлены, но – уже без balteus Vidgiriai. Такова очевидная нижняя граница прусской культуры, отражённая в специфике набора погребального инвентаря. Кроме того, в погр. 35к эта граница (со стороны самбийско-натангийской культуры, к которой относится погр. 35к) обозначена наличием конского захоронения, ставшего в начале V в. уже не заупокойной жертвой (как в древнегерманских комплексах раннеримского времени), а социальным знаком воинского звания погребённого рядом всадника. Однако конское захоронение, пусть и расположенное глубже трупосожжения всадника, устроено не под ним, а южнее. В позднейшей прусской культуре такая форма обрядности отсутствует. В течение следующего после времени сооружения погр. 35к поколения – т.е. примерно в 420–450 гг. – складываются условия существования прусской культуры и те материальные её признаки, которые были указаны ранее.

4. Гора Великанов у г. Пионерский, Зеленоградский р-он (бывш. Hünenberg, Kr. Samland), погр. 51/1943 (рис. 20) – урновая КРМ в округлой (?) в плане яме глубиной в материке 0,30 м, заполненной остатками погребального костра (?), перекрытыми каменной кладкой. В западном секторе могилы выявлено скопление кальцинированных костей, среди которых находились фибула группы VI.2 по О. Альмгрену или варианта IxCr1a по М. Шульце (рис. 20: 2), фрагмент тордированной бронзовой гривны, бронзовая пряжка (аналогичная пряжка встречена в восточном секторе могилы). Под кальцинированными костями на дне могилы лежал нож-кинжал с углублёнными линиями вдоль спинки клинка, восточнее группы костей обнаружен сосуд-приставка биконической формы с зигзагообразным орнаментом (рис. 21), относимый к подтипу 1.1 [Кулаков, 2003, рис. 128]. К западу от данного скопления находок обнаружены фрагменты придонной части урны, разбитой камнями [Grunert, 1944, S. 24–27]. По фибуле [Schulze, 1977, Tab. 6] погр. 51, содержащее останки воина-дружинника, датируется 425–525 гг.

«Княжеские» захоронения.

1. Могильник у пос. Первомайское, Багратионовский р-н (бывш. Warnikam, Kr. Heiligenbeil), погр. 1 (рис. 21) – двухъярусная КРМ. Инвентарь: серебряная арбалетовидная фибула типа 2a2 [Кулаков, 2003, рис. 131], золотые гривна и браслет, серебряный браслет, пояс с серебряными накладками и наконечником ремня. К поясной гарнитуре относились бронзовая пряжка, пять «почковидных пряжек», три серебряных ланцетовидных наконечника ремня. В стороне от кальцинированных костей найден меч с деревянной обкладкой рукояти, покрытой серебряной пластиной. Ножны меча также были покрыты серебряными накладками, орнаментированными в I общегерманском зверином стиле. Мечу сопутствовало копьё. В нижнем ярусе могилы найден костяк коня с удилами, снабжёнными золочёными штангами. Оголовье коня состояло из покрытых 223 серебряными заклёпками ремней, скреплённых на висках черепа (?) двумя золотыми розетками со вставками гранатов. К оголовью также относится бронзовый золочёный четверик с элементами «плетёного» декора лангобардского стиля B. Вместе с конём найдена серебряная обкладка ритона и пара бронзовых шпор типа IX К. Годловскому. Комплекс инвентаря погр. 1, среди которого лишь фибула, одна из пряжек конского оголовья и шпоры (рис. 21: 1, 6, 7) имеют западнобалтское происхождение, датируется временем около 550 г. и по характеру набора инвентаря типичен для западноевропейской элиты эпохи Меровингов [Кулаков, 1997, с. 144]. Высокий социальный статус погребённого в погр. 1 дружинного вождя подчёркнут обнаруженными в составе его инвентаря золотыми украшениями шеи и руки, с III в. являвшимися в германской среде символами власти [Werner, 1980, S. 39]. Показательна находка в погр. 1 двух золотых «розеток» с гранатами, являющимися вторично использованными фибулами, украшенными в стиле cloisonne. Эти находки справедливо отнесены к памятникам меровингского искусства [Åberg, 1919, S. 105]. Аналоги этим артефактам (nordfranzösisch-rheinische Form) связываются с древностями франков и датируются в пределах VI в. [Werner, 1961, S. 36].

2. Могильник у пос. Первомайское, Багратионовский р-н (бывш. Warnikam, Kr. Heiligenbeil) погр. 4 (рис. 22) – КРМ. Инвентарь: фрагменты украшенной в стиле Snartemo (по И. Вернеру) серебряной обкладки рукояти спаты (возможно, южноскандинавского типа), копьё типа II по Казакявичюсу, удила, две бронзовые пряжки и 80 серебряных накладок конского оголовья. Датировка и гипотетическая принадлежность погр. 4 аналогичны погр. 1 [Кулаков, 1997, с. 144, 145]. Оба погребения по набору инвентаря находят аналогии в погребальном материале меровингской воинской знати – miles.

Феномен погребений в Первомайском-Warnikam связан как с происходившими в рамках янтарной торговли контактами ранних пруссов с жителями окраины бывшего имперского лимеса, так и с распространением на Янтарном берегу общих для германского мира эпохи Меровингов черт княжеского инвентаря, призванного подчеркнуть высокий социальный статус хозяина и являющегося символом реинкарнации мёртвого вождя в облике Удина-владника [Кардини, 1987, с. 80]. Не следует забывать факт особой специфики погребального инвентаря, призванного отражать идеализированную, репрезентативную и жёстко в раннем средневековье формализованную схему социального статуса погребённого. Точнее сказать, погребальный инвентарь отражает эти аспекты через призму видения участников погребальной церемонии.

Одной из обязательных принадлежностей инвентаря дружинного вождя в меровингских погребальных древностях является золотая обкладка рукояти

меча (spatha), основным ареалом которых в середине – 2-ой половине VI в. являются земли по среднему течению р. Рейн в районе современных городов Майнца и Франкфурта-на-Майне [Menghin, 1983, Karte 9]. Самым восточным пунктом их распространения является прусский могильник Первомайское-Warnikam. Путь, которым на Янтарный берег проникли посланцы меровингского общества, показывают находки западноевропейского оружия в восточной части Поморья. Эти пункты (в том числе и Первомайском-Warnikam) расположены в 30–35 милях друг от друга. Такое расстояние соответствует дневному переходу парусно-гребного каботажного судна. Следовательно, можно предположить, что небольшие отряды меровингских воинов в течение некоторого (возможно, непродолжительного) отрезка времени в пределах 550–600 гг. контролировали восточный отрезок пути вдоль южного побережья Балтики – западной версии Янтарного пути. Замечателен факт подобной же маркировки остановочных пунктов восточнее, на куршском и эстонском берегах Балтийского моря чуть ранее, в конце V – 1-ой половине VI вв. Эти пункты, обозначенные находками серебряных гривен с заходящими концами, отмечали начало Великого восточного пути ещё задолго до того, как викинги освоили Восточный путь (Avstrvegr), уходивший от берегов Скандинавии в сказочные земли таинственного Востока.

Особое внимание следует обратить на конские захоронения, сопровождающие останки меровингской элиты франков и знатных воинов ранней фазы прусской культуры. Поразительны аналогии между обрядами этих социальных групп, разделённых многими сотнями километров. На заре возникновения прусской культуры, около 450–475 гг. конские захоронения (к западу от костей человека) с ориентировкой север-юг (северо-запад – юго-восток) начинают сменяться захоронениями в нижних ярусах могил шкур (черепов) с аналогичной ориентировкой [Кулаков, 1994а, с. 36, 37]. Ранее присущие комплексам equites, членов «разовых» дружин, конские захоронения сопровождают практически каждое мужское погребение на ранней фазе прусской культуры. Тем самым указывалось на вовлечение (реальное или на уровне претензии) практически всего мужского населения Янтарного берега в круг действий ранних дружин.

На погребальных памятниках раннемеровингской эпохи Нижней Саксонии и Вестфалии конские костяки также нередко ориентированы по линии север-юг, а в девяти погребениях франкского ареала костяки коней или черепа лежат в нижнем ярусе могилы [Müller-Wille, 1970/1971, S. 128, 143]. Возможное захоронение снабжённого оголовьем черепа коня, как считает М. Мюллер-Вилле, находилось в нижнем ярусе могилы Хильдерика (†481/482) в Турне [Müller-Wille, 1970/1971, S. 143, 217]. Вне зависимости от того, представлены ли останки коня в могиле одного из родоначальников династии Меровингов черепом или полным костяком [Müller-Wille, 1997, p. 245], наличие определённой связи между ритуальными аспектами раннемеровингских и самбийских воинских древностей вполне реально.

Нелишне отметить то, что вожди, погребённые в Первомайском-Warnikam, были современниками известной переписки конунга Теодориха с эстиями. Разумеется, нет оснований считать упомянутых воинов прямыми посланниками властителя Италии, но участие этих погребённых по прусскому ритуалу германцев в контроле над янтарной торговлей вполне вероятно. Судя по представленности в их погребениях весьма престижных обкладок рукоятей мечей с тиснёным (басменным) орнаментом, эти «контролёры» занимали в Западной Европе высокое социальное положение «военной элиты» [Lund Hansen, 1998, S. 350].

6.4. К реконструкции исторических процессов

Итак, анализ материалов Янтарного берега в эпоху Великого переселения народов с акцентом на палеосоциальный анализ древностей Юго-Восточной Балтии времени гуннских войн позволяет сделать следующие выводы:

1. Середина V в. является рубежом между финальной фазой древностей эстиев римского времени (СНГ) и ранней фазой прусской культуры. Смена культур, связанная с серьёзными этно-культурными и политическими изменениями в Barbaricum, чётко фиксируется в материальной культуре (широкое распространение стандартов фибул типов AVI,171, Schönwarling, Duratón, со звёздчатой ножкой, пряжек типа H38 по Р. Мадыде, орнамента в стиле Sösdala, например, комплекс погр. 370 могильника Ковриво-Dollkeim, где находятся останки представителей уходящей и другой пришедшей ей на смену эпохи). В обряде на смену керамическим урнам приходят вместилища для костей из органических материалов, позднее – «временные урны». Эти перемены ярко отражаются в сфере социальных отношений в обществе эстиев и пруссов.

2. В погребальных древностях Янтарного берега ранней фазы прусской культуры полностью отсутствуют одиночные погребения рядовых женщин-общинниц и «богатых» женщин. Этот бросающийся в глаза феномен наравне с новациями в материальной культуре маркирует смену древностей эстиев (финальной фазы развития СНГ) прусской культурой. Видимо, женщина резко теряет свой былой высокий социальный статус как хозяйка дома/усадьбы и впадает в радикальную зависимость от мужчины-дружинника. На правом берегу р. Неман в V–VI вв. известны двойные захоронения мужчин и женщин – показатель такого же, как и у пруссов, зависимого

положения женщины в различных племенах западных и восточных балтов [Жулкус, 2004, с. 161].

3. Группы населения, различимые в римское время по палеосоциальным признакам в погребальном обряде и инвентаре – общинники, optimates-1, optimates-2, equites – на протяжении V в. неуклонно теряют свои яркие, специфические признаки и к началу VI в. слабо дифференцируются. Для мужских комплексов становятся обязательными конские захоронения ниже или к западу от трупосожжения всадника (группа кальцинированных костей принесена в могилу со стороны во «временной урне»). Это опосредовано указывает на окончательную смену социально пёстрого интернационального общества, проживавшего на Янтарном берегу в римское время, социально и этнически монолитным коллективом меровингской эпохи. Исключение в его достаточно однородной массе составляют «князья» из могильника Первомайского-Warnikam. Впрочем, они действительно являются иноэтничным и, возможно, довольно случайным включением в монолитный массив западнобалтской прусской культуры эпохи раннего средневековья. Она являлась таковой уже не в результате этно-языкового единства, как это было в доримский период, а как результат гентильной нивелировки представителей различных этносов и социальных групп в едином populus, сменявшем у пруссов gens на протяжении эпохи раннего средневековья. Во главе этого populus или его частей стояли вожди, известные и по легендам пруссов (Видевут и Брутен), и по отдельным находкам статусных золотых гривен с конусообразными концами из клада в Млотечно середины V в. [Кулаков, 1998, с. 73]. В германском обществе позднеримского времени такие предметы являлись атрибутами вождей [Lund Hansen, 1998, S. 350]. Другой атрибут этих глав германских populus – золотой браслет с расширяющимися концами, хорошо известный, в частности, по материалам могилы одного из ранних Меровингов конунга Хильдерика в Турне, оставил след в прусской культуре, вызвав появление кольца из Куликово-Strobjehmen (рис. 23), бывшего атрибутом безымянного прусского владыки рубежа VII–VIII вв.

Показательно, что с конца V в. в обряде западных германцев также происходит стабилизация: выделяющиеся по обряду и снаряжению погребения с роскошными спатами содержат останки членов королевских династий. Могилы с набором боевого наступательного и оборонительного снаряжения принадлежат как воинам королевского войска [Menghin, 1983, S. 170], по «Салической правде» – convivae regis, так и свободным общинникам. Видимо, к разряду королевских воинов, волею судеб оказавшихся далеко на востоке от галльских просторов, принадлежат «князья» из Первомайского-Warnikam.

4. Пороговым для развития общественных отношений на Янтарном берегу в раннем средневековье является резкое изменение статуса женщины. Если в римское время женщина как у западных балтов, так и у их соседей восточных германцев обладала заметной на примере погребального инвентаря властью в семье и высоким положением в обществе, то с восстановлением балтского суверенитета над Янтарным берегом и с началом развития прусской культуры положение женщины резко ухудшается. Этот аспект показан в нашем материале полным отсутствием самостоятельных женских захоронений. Женщины или погребаются вместе с мужьями, или по обряду не вычленяются в массиве многочисленных безинвентарных могил VI–X вв. Зависимое положение женщин в прусском обществе отражено в трёх из 17-и легендарных «Законов Видевута», являющихся переосмысленными при записи нормами обычного права пруссов после гуннских войн [Кулаков, 2003б, с. 209].

«В-девятых: Если жена не предоставляет своему мужу свое тело для брачных нужд, то мужчина получает право предать ее огню. Ее сестры (также) должны быть уничтожены, ибо они не воспитали ее и не научили послушанию богам и своему супругу, как были обязаны.

В-шестнадцатых: Если муж горюет по своей (умершей) жене, ему скорее надо сосватать девушку, дабы у него не было необходимости печалиться днем и ночью. Если девушка ему будет подходить полностью, он должен пробовать получить (ее) взаимность. Если это произойдет, значит, она ему полностью подходит и тогда сжигаются петух с курицей (жертвуются на костре) в честь богов.

В-семнадцатых: Когда умирает мужчина и юная жена остается без ребенка и в одиночестве, тогда все ее холостые друзья могут пытаться обрести от нее потомство. Если же она станет вайделоткой, то до конца жизни сохранит целомудрие, ибо будет находиться под покровительством общины (соплеменников)» [Ostpreussishe Sagen, 1986, S. 15, 16].

Как показывают данные прусской этнографии, при рождении девочки (кроме одной на семью) уничтожались. Жены становились полностью зависимыми от своих мужей, по их воле поступая даже в распоряжение гостей дома. Обычай «добровольного» восхождения вдов на погребальный костер воина доживает в Пруссии минимум до середины XIII в. [Gaerte, 1931, S. 127, 134]. Действительно, в VIII–XI вв. на могильниках пруссов украшения женщин и их кости встречаются лишь в верхних ярусах воинских могил.

По данным погребальных памятников, начиная с фазы B2/C1, Самбия и прилегающие территории были практически полностью покинуты автохтонным западнобалтским населением, отступившим на восток под давлением пришельцев, которых античные письменные источники объединяют под общим именем «венеды». В их среде, не исключено, присутствовали носители вельбарской культуры любовидзской фазы – восточные германцы, и пришельцы из Подунавья – романизированные кельты [Кулаков, 2004, с. 107, 108]. Достаточно стабильно сохранившиеся западнобалтские родовые сообщества (собс-

твенно эстии) фиксируются лишь в верхнем течении р. Преголи (ныне – восточные районы Калининградской обл.).

Начало деформаций родовых отношений в обществе эстиев-балтов, в массе появившихся вновь на Янтарном берегу в результате «западнобалтской реконкисты» середины V в., совпадает и, очевидно, вызывает возникновение прусской культуры. Этот процесс был детонирован активным общением эстиев и видивариев, сложившихся из представителей различных древнегерманских (и не только) племён. Появление ветеранов гуннских воин на бреге янтаря окончательно решило проблему перераспределения властных функций на западной окраине балтского мира в пользу дружинной организации. С её возникновением на Янтарном берегу начинается существование собственно культуры пруссов.

Имея, в сущности, нетрадиционные для родоплеменной системы истоки, материальная культура пруссов имеет дружинный характер. Правда, уже с рубежа VII/VIII вв. властные функции в земле пруссов оказываются в руках жрецов. Естественный ход социального развития, как и в западно- и восточнославянских ареалах позднее, в Пруссии нарушается. Поступательное развитие местной истории, несмотря на самое раннее в Балтии и во всей Северной Европе появление дружины, затормаживается. Не в последнюю очередь утеря дружинными вождями власти связана с малочисленностью воинских формирований сембов и отсутствием в Пруссии стабильного земледелия. Только последнее могло бы гарантировать княжеской власти постоянную ренту – залог образования государственной структуры. Зениту славы прусской дружины после её победы над «мазонами» соответствует реликвия власти на Янтарном берегу – золотое кольцо из Куликово-Штробьенен (рис. 23). Оно является показателем социального достоинства неизвестного нам князя или же представляет из себя вотивный дар верховным прусским богам.

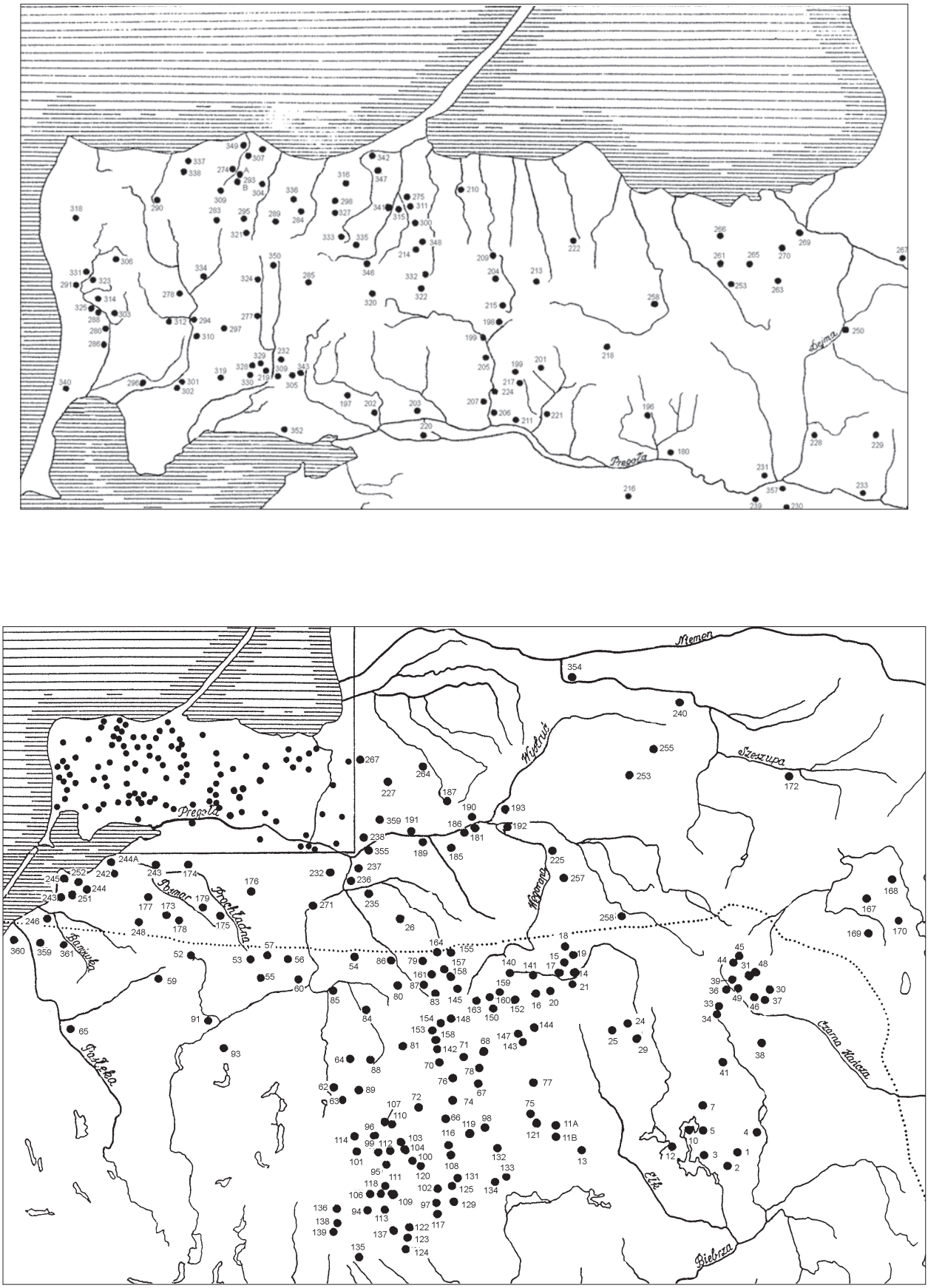

Рис. 1. Могильники I–V вв. н.э. в юго-восточной Балтии по [Jaskanis, 1977].
(название памятников см. на следующей странице).

Подписи к рис. 1.

1 – Барглув Дворны, 2 – Дреньство, 3 – Юдзики, 4 – Нетта, 5 – Божымы, 7 – Калиново, 10 – Ромоты, 11АВ – Скомацк Велки-I, II, 12 – Супитки, 13 – Здеды, 14 – Бочвинка (Стара), 15 – Бочвинка Нова, 16 – Гасево, 17 – Грунайки, 18 – Ягочаны, 19 – Юхнайце, 20 – Лисы, 21 – Окрасин, 24 – Лажне, 25 – Новины, 26 – бывш. Henriettenfeld, 29 – Забельне, 30 – Билвиново, 31 – Еленево, 33 – Корклины-I, 34 – Корклины-II, 36 – Осова, 37 – Осинки, 38 – Плочично, 39 – Подвысоке, 41 – Рачки, 44 – Шурпилы-I, 45 – Шурпилы-II, 46 – Швайцария, 48 – Воловня, 49 – Жива Вода, 52 – Дембы, 53 – Лейды, 54 – Лоскаймы, 55 – Наликаймы, 56 – Паркошево, 57 – Поники, 59 – Скарбец, 60 – Смолянка, 62 – Лабенджево, 63 – Лежаны, 64 – Решель, 65 – Осетник, 66 – Бартликово, 67 – Богачево-Кула, 68 – Гижицко-I, 70 – Гжибово, 71 – Гуты, 72 – Книс-I, 74 – Лавки, 75 – Скомацк Малы, 76 – Стерлавки Малы, 77 – Щепанки, 78 – Вилкасы, 79 – Байоры Велке, 80 – Генсики, 81 – Герлож-Лешничувка, 83 – Лешнево, 84 – Рувнина Дольна, 85 – Сонточно, 86 – Славоше, 87 – Сроково, 88 – Турвонги, 89 – Видрыны, 91 – Конево, 93 – Швентник, 94 – Бабента, 95 – Брейдыны, 96 – Брониково, 97 – Гоншер, 98 – Гуркло, 99 – Гвяздово, 100 – Инулец, 101 – Ендрыхово, 102 – Камень, 103 – Косево-I, 104 – Косево-1, 106 – Махары, 107 – Марцинково, 108 – Миколайки, 109 – Мойтыны, 110 – Мунтово Старе, 112 – Никутово, 113 – Новы Жиждруй, 114 – Сорквиты, 116 – Талты, 117 – Вулка, 118 – Вулка Пруиновска, 119 – Вожнице, 120 – Желвонги, 122 – Кочек-I, 123 – Кочек-II, 124 – Кочек-III, 125 – Коньчево, 127 – Одойе, 129 – Пяски-Онуфрыево, 131 – Попельно, 132 – Тухлин, 133 – Вышка, 134 – Здоры, 135 – Хохул, 136 – Ментке, 137 – Спыхувко, 138 – Старе Кейкуты-I, 139 – Старе Кейкуты-II, 140 – Будры, 141 – Домбрувка Польска, 142 – Доба, 143 – Гронды Крукланецке, 144 – Ясенец, 145 – Кал, 147 – Кругланки, 148 – Лабапа, 150 – Огонки, 152 – Пшитулы, 153 – Раджейе-I, 154 – Раджейе-II, 155 – Руджишки, 156 – Руска Весь, 157 – Рудзувка, 158 – Скшипы, 159 – Стренгель-I, 160 – Стренгель-II, 161 – Трыгорт, 163 – Венгожево-II, 164 – Зелоны Острув, 167 – Делница, 168 – Даукшяй, 169 – Рудамина, 170 – Сейлунай, 172 – Браншчина, 173 – бывш. Алкенен, 174 – Краснопартизанское (бывш. Ernsthof), 175 – Берёзовка (бывш. Gr. Sausgarten), 176 – Осокино (бывш. Gr. Waldeck), 177 – Побережье (бывш. Hochschnakeinen), 178 – Елановка (бывш. Wackern), 179 – Лермонтово (бывш. Wogau), 180 – Высоково, 181 – Черняховск (бывш. Althof-Insterburg), 185 – бывш. Friedensfelde, 186 – Новая Деревня (бывш. Gaitzuhnen), 187 – Гремячье (бывш. Gr. Berschkallen), 189 – Междуречье, 190 – Красная Горка (бывш. Nettinen), 191 – Сиреневка (бывш. Siemonen), 192 – Тимофеевка (бывш. Tammowischken), 193 – Приречное-Петрозаводское (бывш. Wengerin), 225 – Синявино (бывш. Kampischkehmen), 231 – бывш. Koddien, 232 – Серово (бывш. Luxhausen), 235 – Оленево (бывш. Muskau), 236 – Плавни (бывш. Plauen), 237 – Потапово (бывш. Potawern), 238 – Придорожное (бывш. Stobingen), 240 – Ливны (бывш. Wiesborienen), 359 – Млотечно (бывш. Hammersdorf), 360 – Подгуже (бывш. Huntenberg), 361 – бывш. Otten, 364 – Ленче, 241 – Зеленодолье (бывш. Neu Lubqnen), 242 – Береговое (бывш. Patersort), 243 – Ушаково (бывш. Tengen), 244 – Первомайское (бывш. Warnikam), 244А – Ладушкин-Береговое (бывш. Domniksruh), 245 – Весёлое (бывш. Balga/Schneckenferg), 246 – Пригоркино/Зелёнодольское (бывш. Karben), 248 – Узорное (бывш. Jäknitz), 249 – Краснодонское (бывш. Keimkallen), 251 – Московское (бывш. Stuthenen), 252 – Приморское (бывш. Wolittnik), 253 – Нестеров, 255 – бывш. Wittkampen, 256 – Радужное, 257 – бывш. Schakumehlen, 264 – бывш. Mehlawischken, 271 – бывш. Detlevsruh, 354 – Русино (бывш. Lobellen), 355 – бывш. Holländerei, 356 – бывш. Ilischken, 357 – бывш. Imten; 358 – бывш. Sobroft.

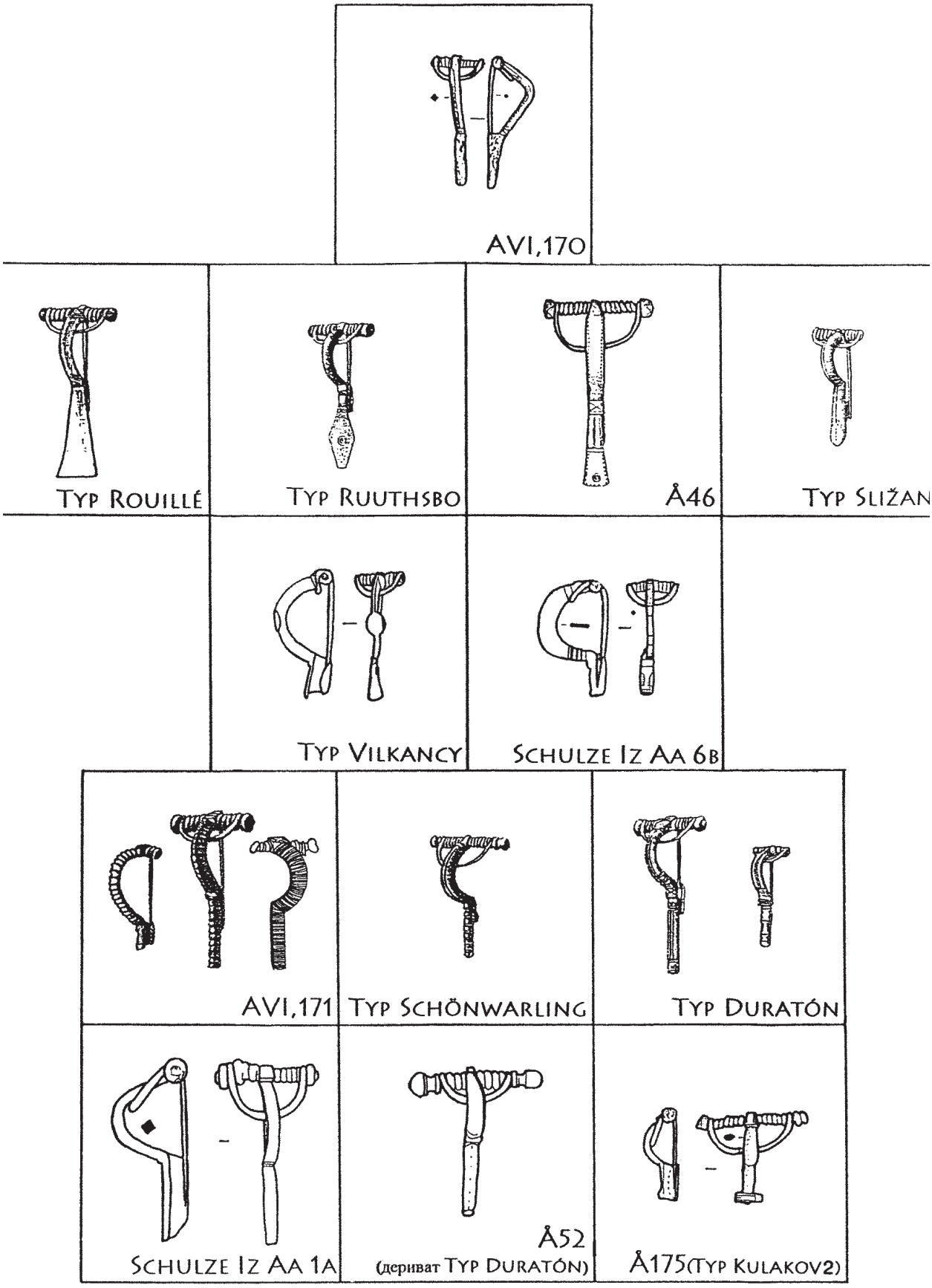

Рис. 2. Типы арбалетовидных фибул со сплошным иглоприёмником.

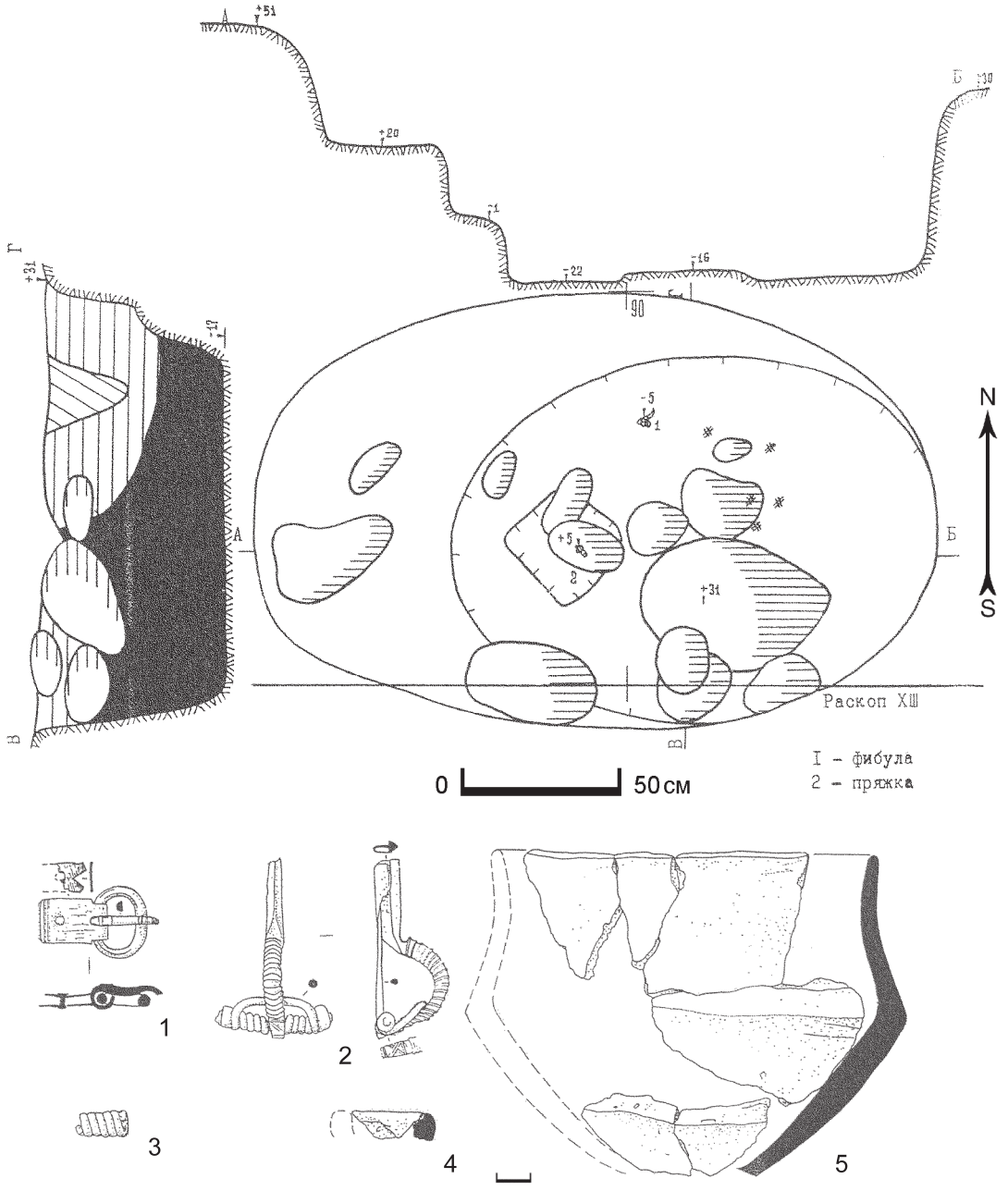

Рис. 3. План и инвентарь погр. 84 могильника Гора Великанов.

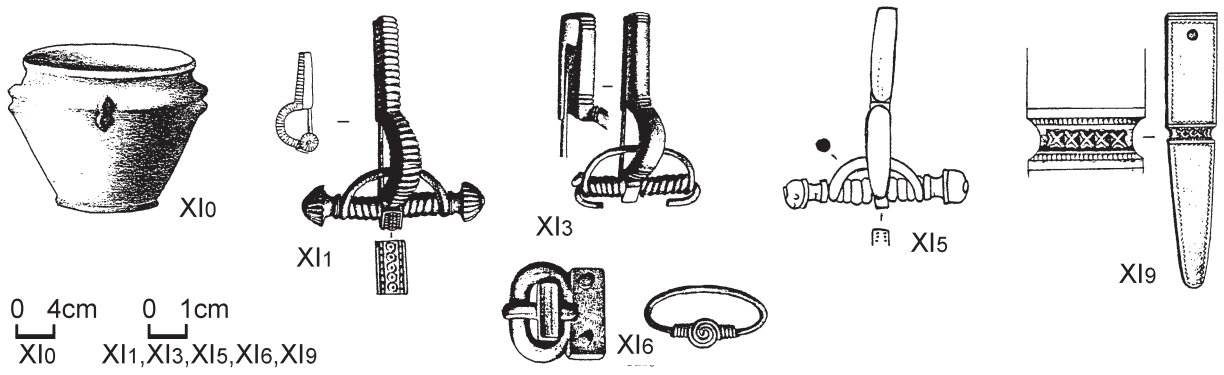

Рис. 4. Находки из погр. XI могильника Грунайки.

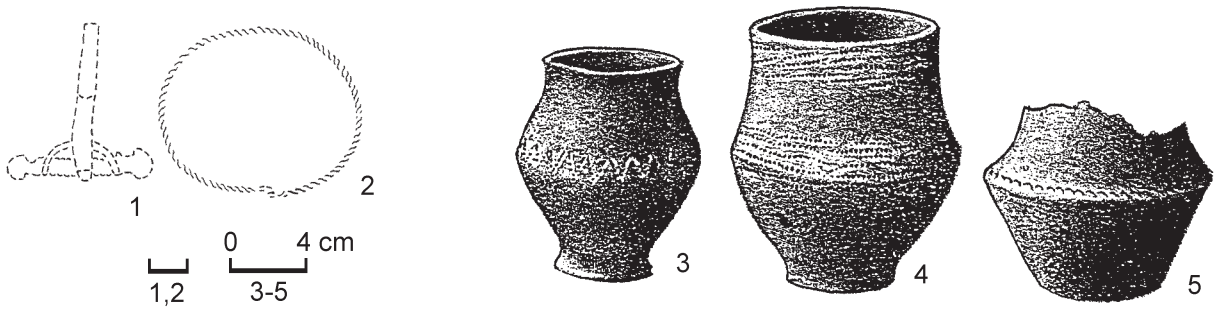

Рис. 5. Инвентарь погр. 102 могильника Ровное.

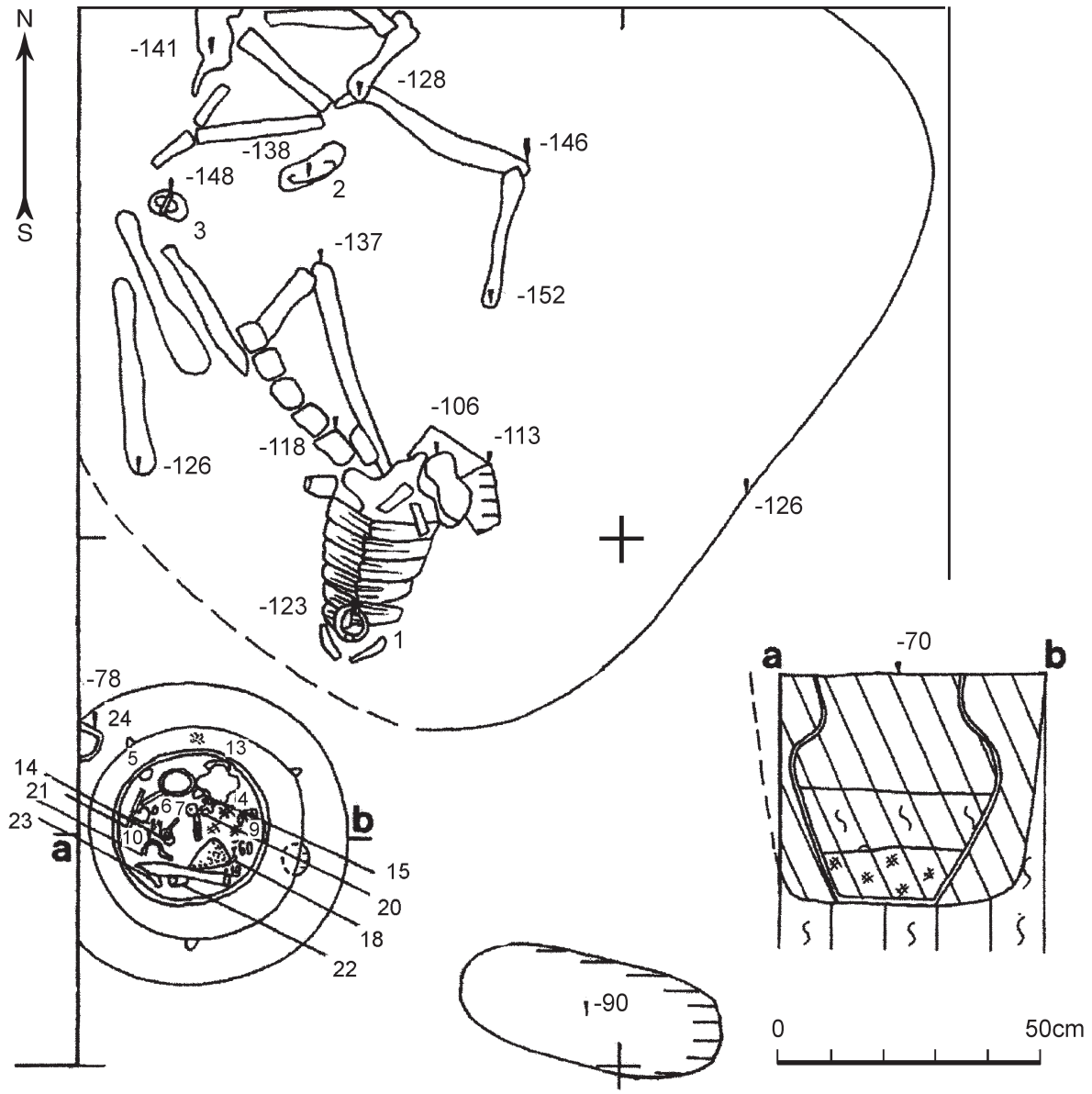

Рис. 6. План погр. 370 и 372 могильника Ковров.

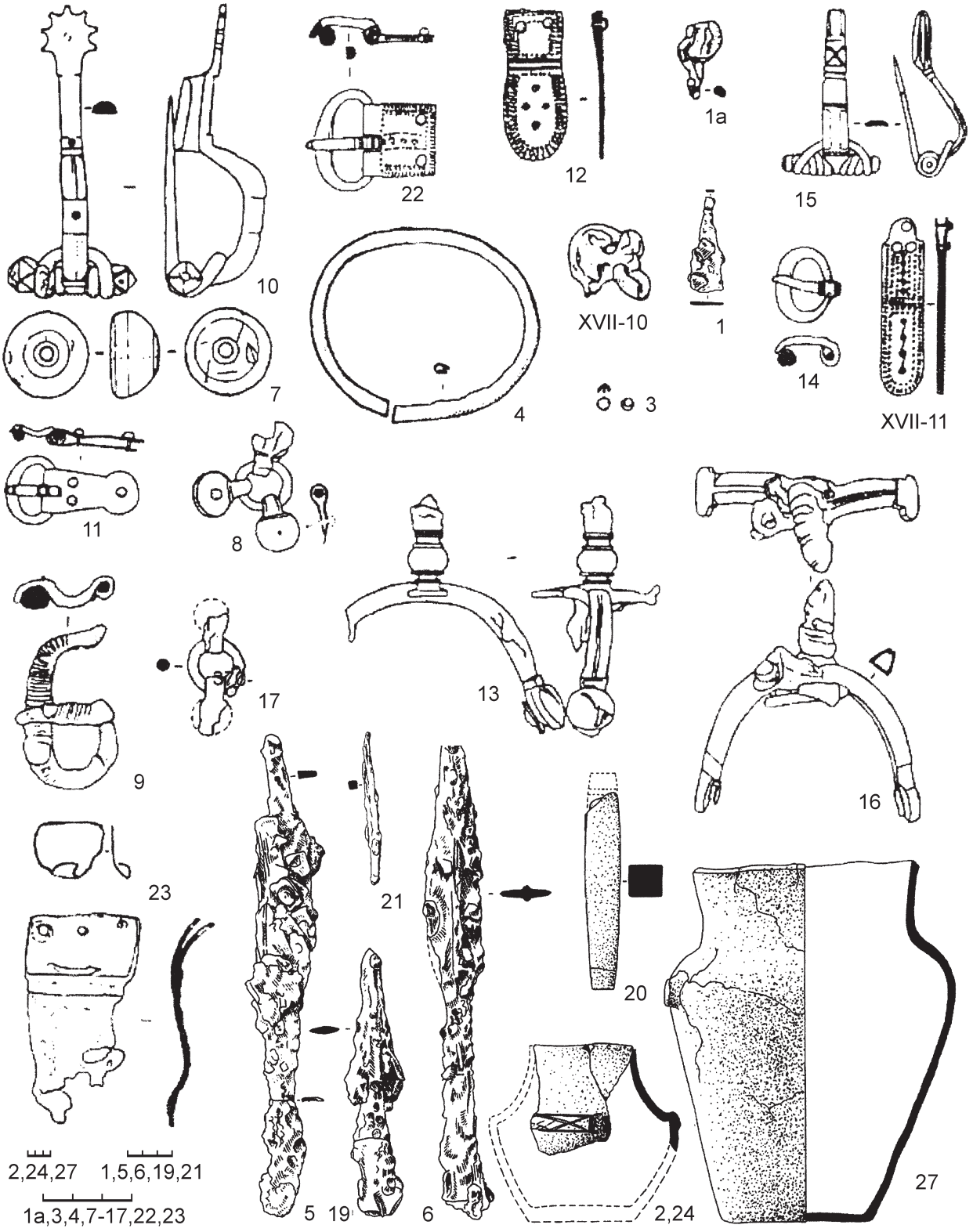

Рис. 7. Инвентарь погр. 370 могильника Коврово.

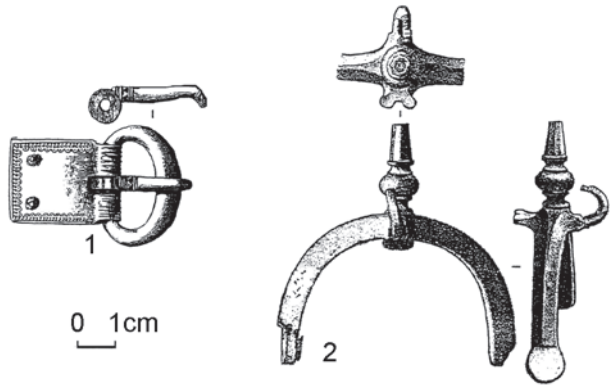

Рис. 8. Инвентарь погр. 211 могильника Люблино-Краснополье.

Рис. 9. Инвентарь погр. 43Süd могильника Гребитен.

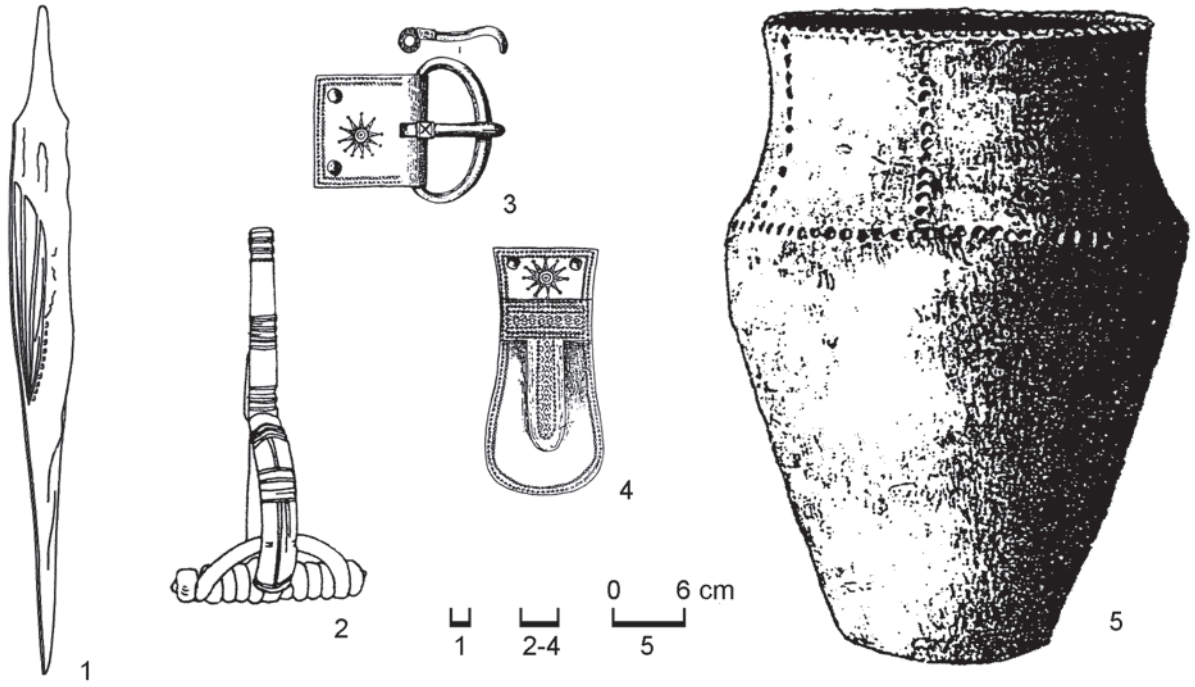

Рис. 10. Инвентарь погр. 163 могильника Ковров.

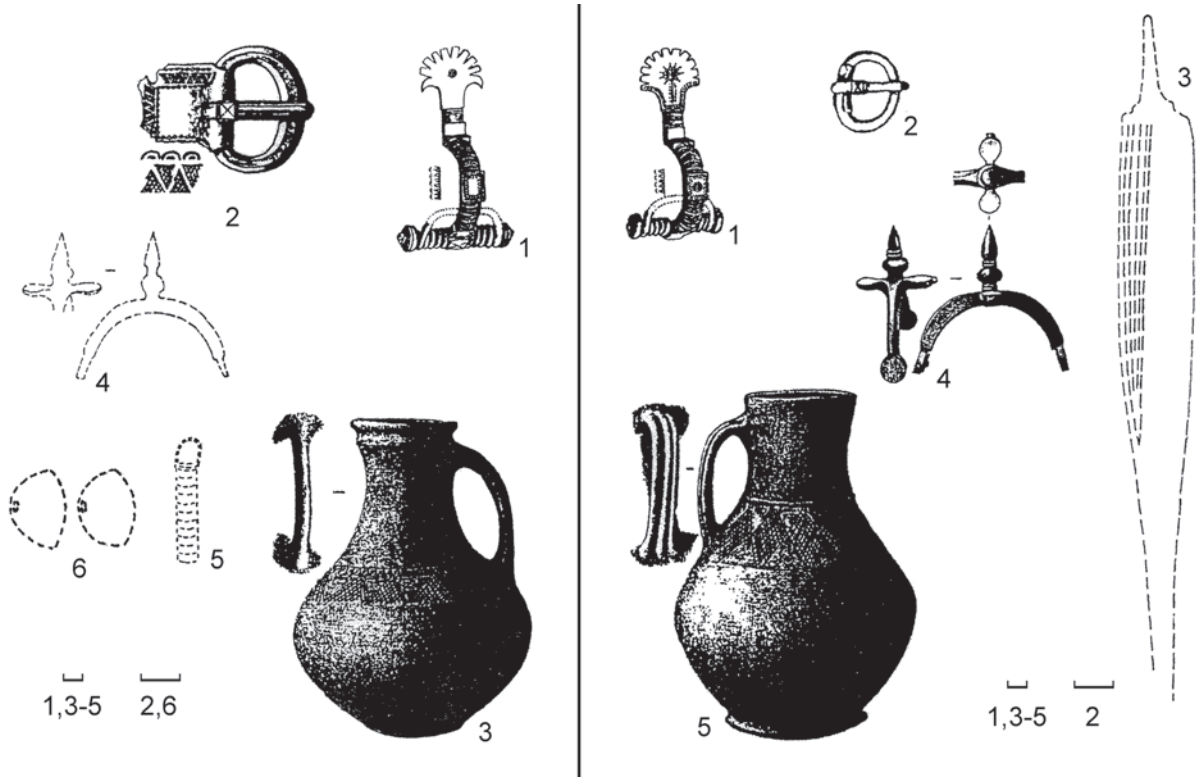

Рис. 11. Инвентарь погр. 30 и 31 могильника Первомайское.

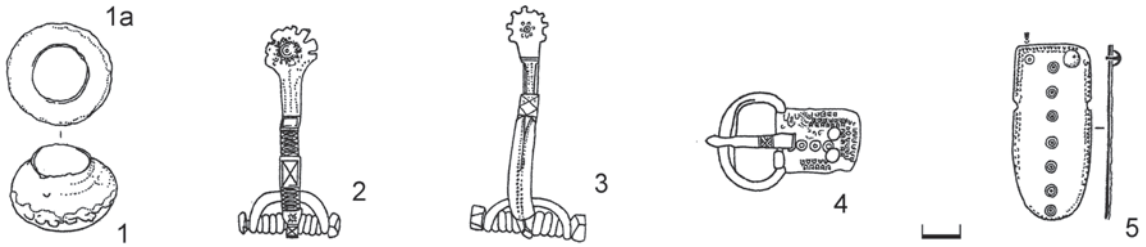

Рис. 12. Инвентарь погр. 57k могильника Гора Великанов.

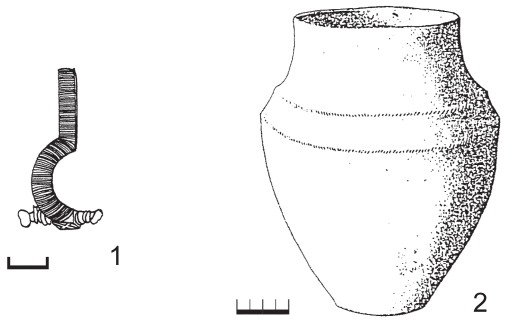

Рис. 13. Инвентарь погр. 43 могильника Геройское.

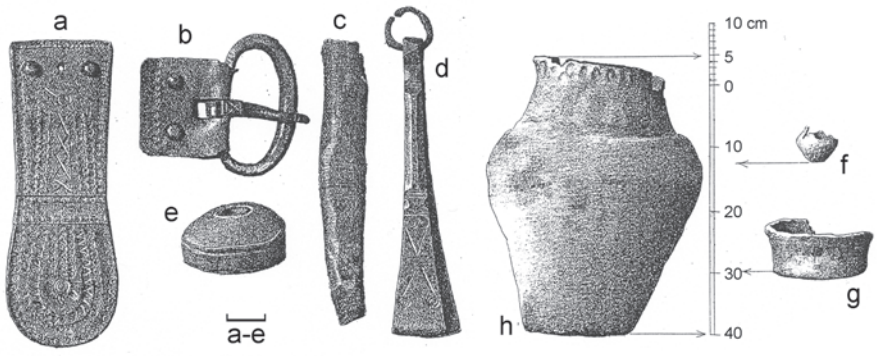

Рис. 14. Инвентарь погр. 82Süd могильника бывш. Grebieten.

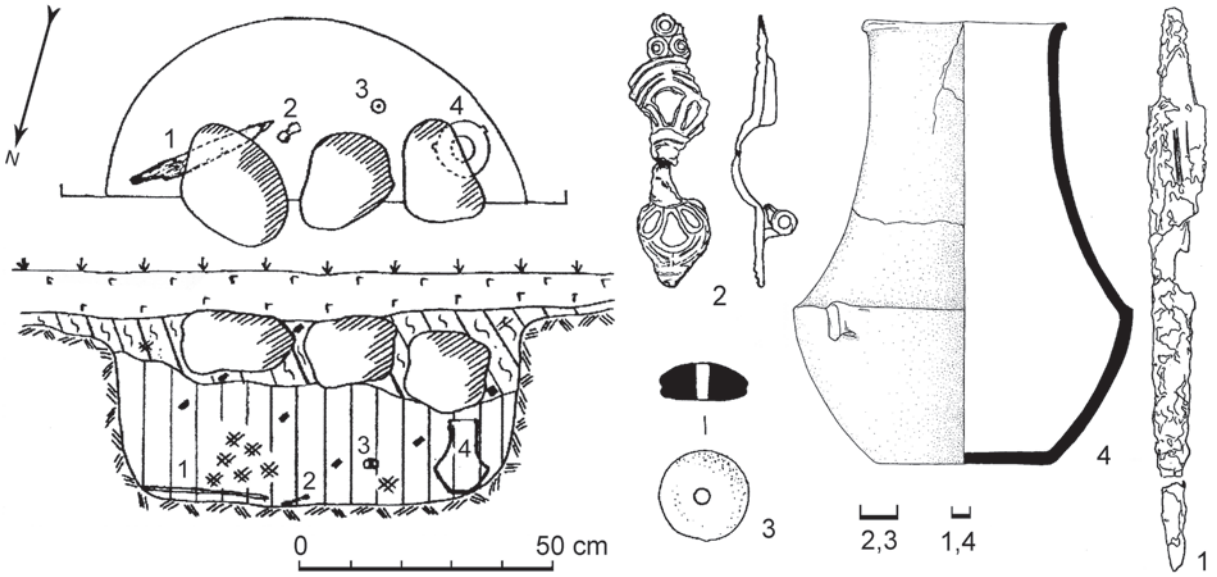

Рис. 15. Инвентарь погр. 1 (1992 г.) могильника Люблино-Краснополье.

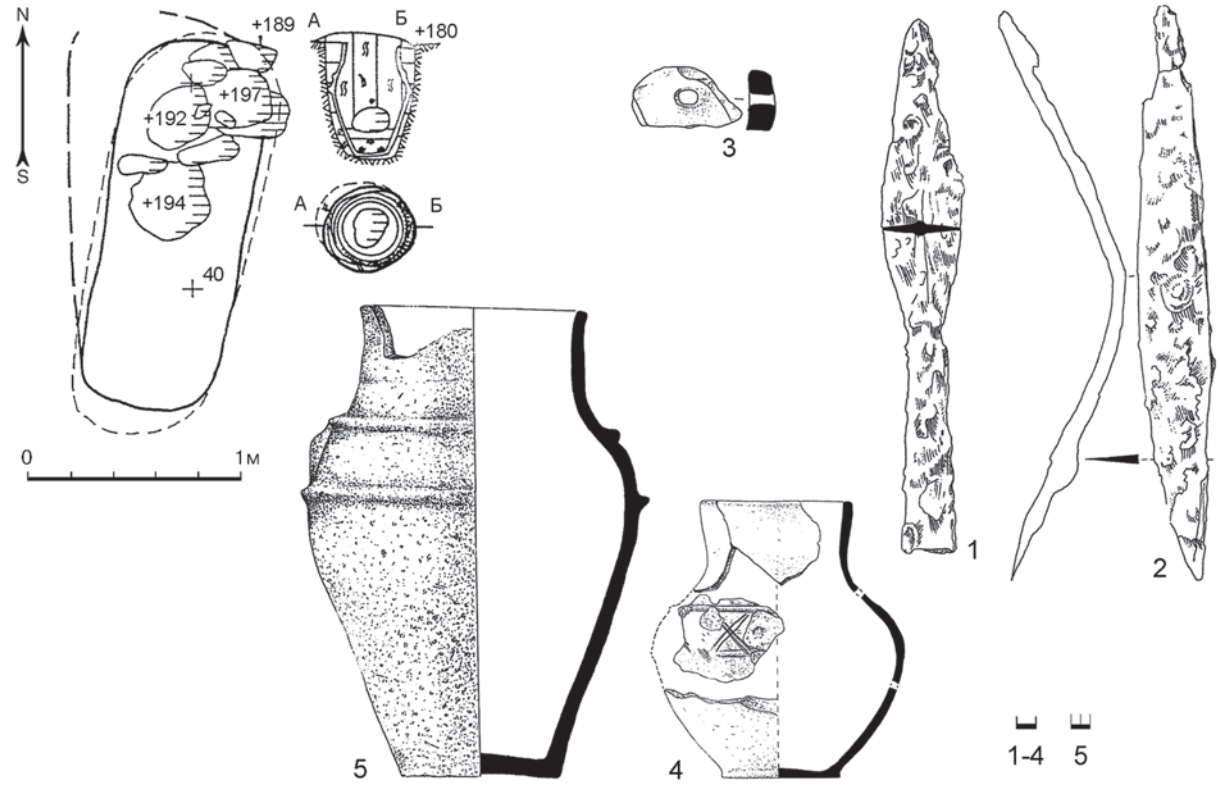

Рис. 16. План и инвентарь погр. 177 могильника Гора Великанов.

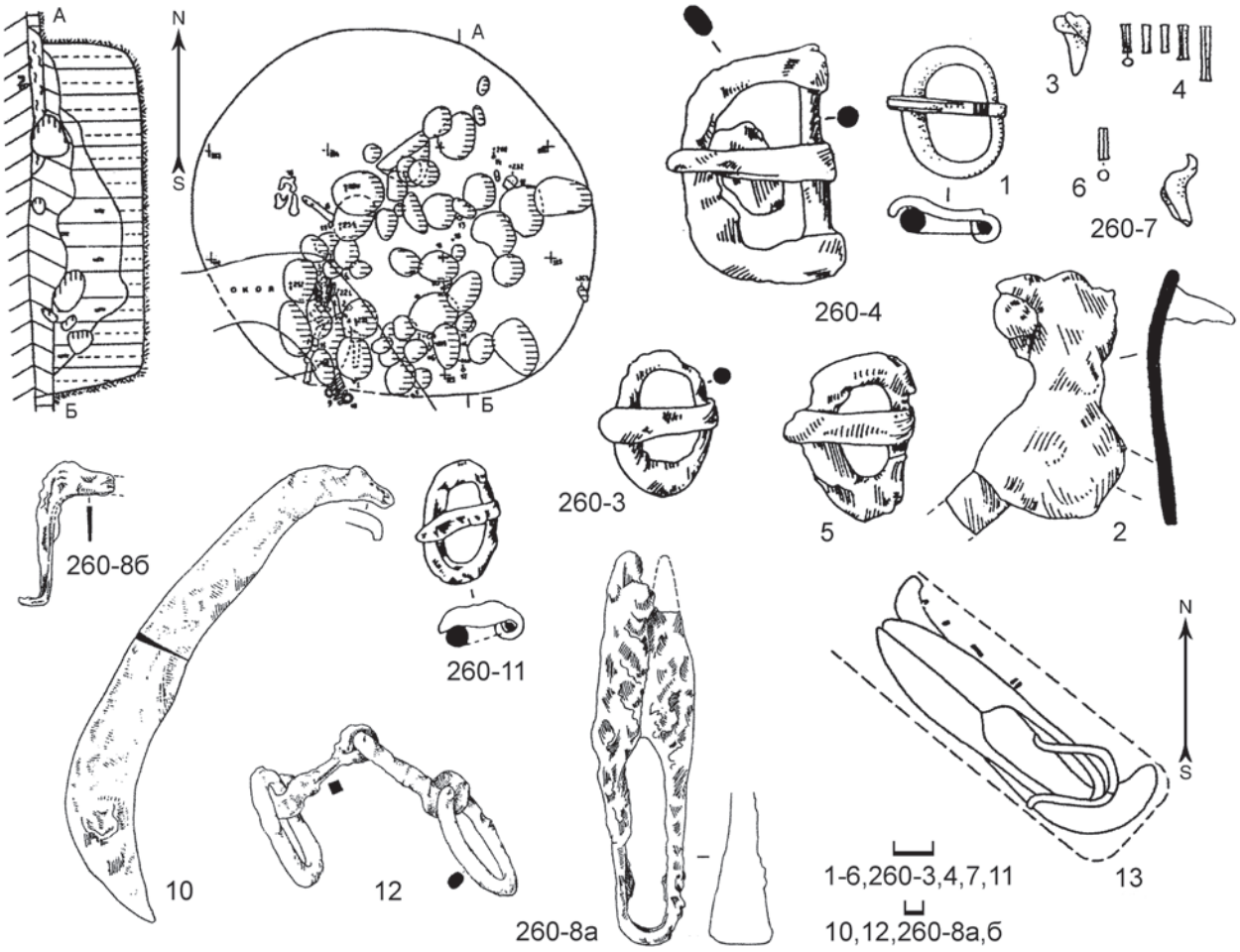

Рис. 17. План и конское снаряжение из погр. 260 могильника Гора Великанов.
13 – схема расположения косы, ножниц и скребницы, предположительно в сумке.

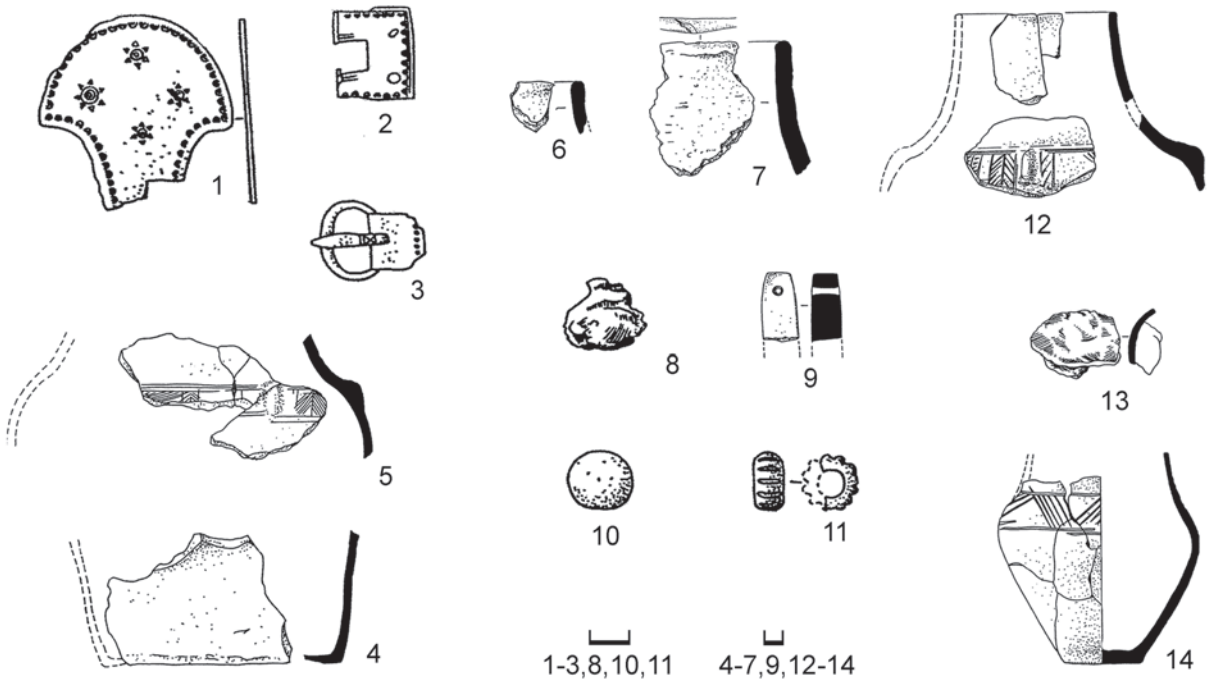

Рис. 18. Инвентарь погр. 260 могильника Гора Великанов.

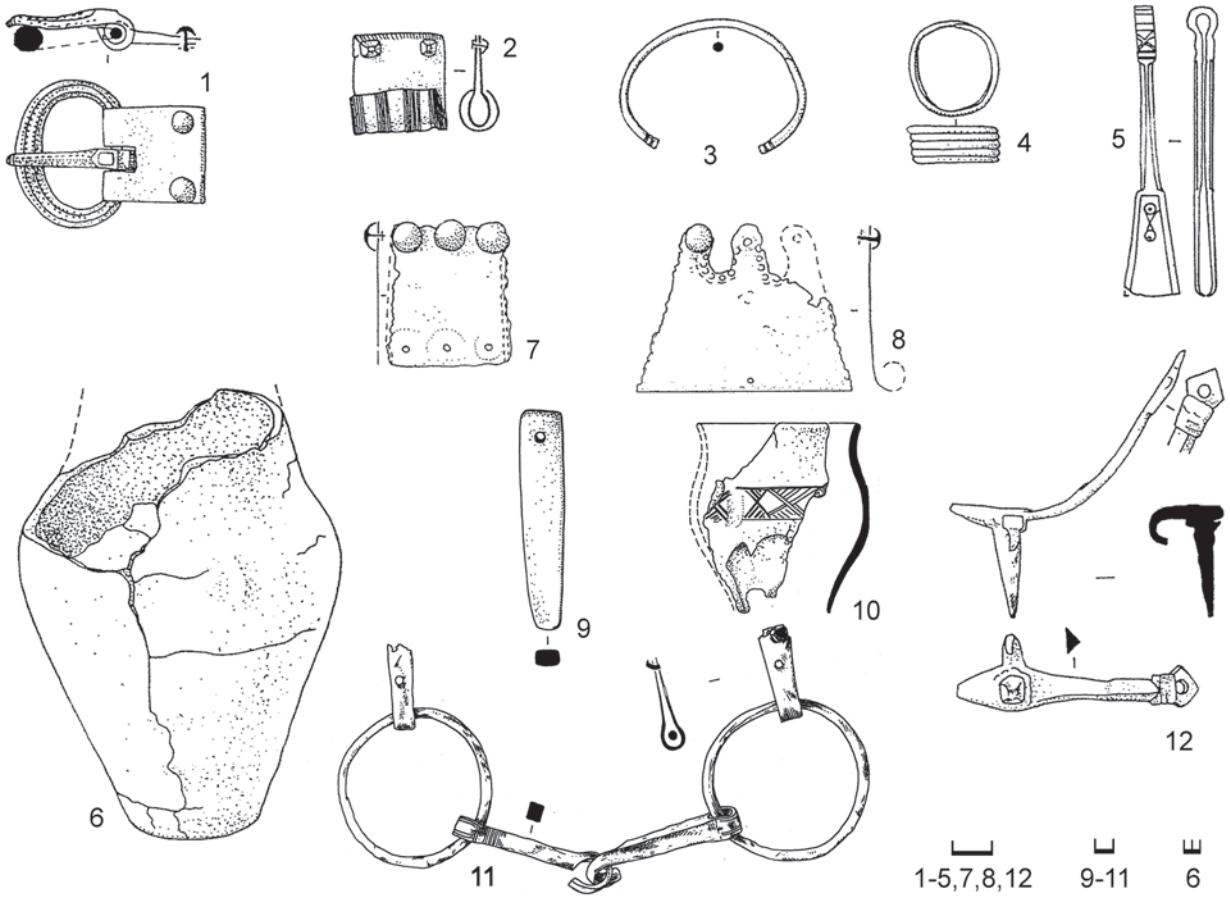

Рис. 19. Инвентарь погр. 35k могильника Гора Великанов.

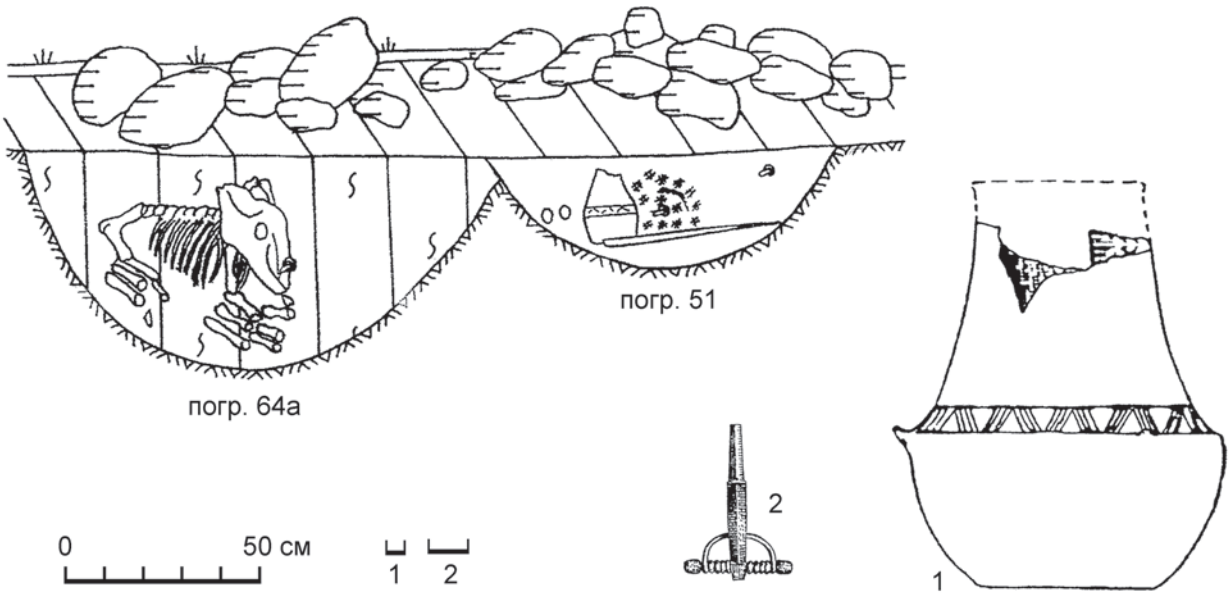

Рис. 20. Сечение погр. 64а/1943 и 51/1943; инвентарь погр. 51/1943 могильника Гора Великанов.

Рис. 21. Инвентарь погр. 1 могильника Первомайское.

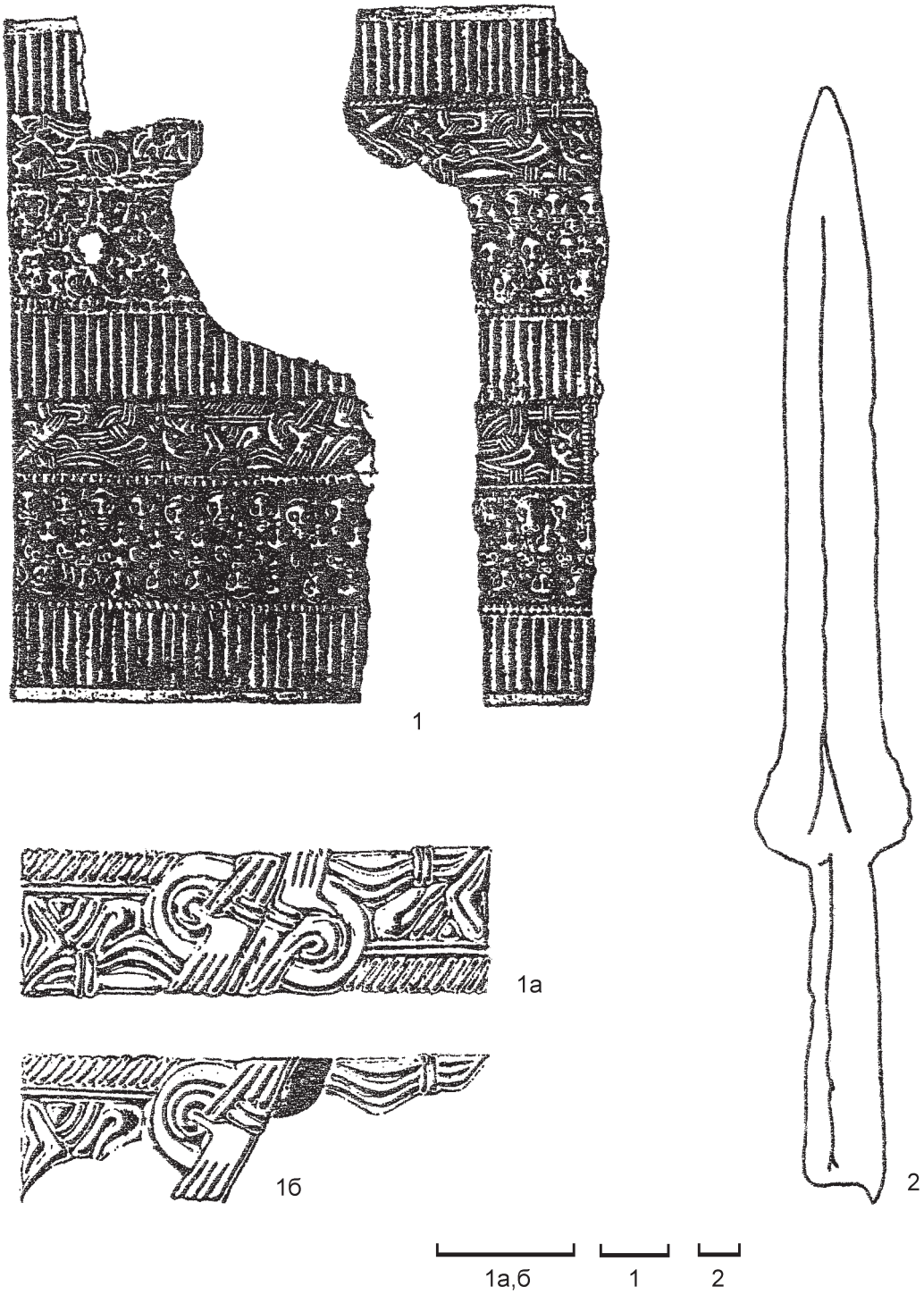

Рис. 22. Инвентарь погр. 4 могильника Первомайское.

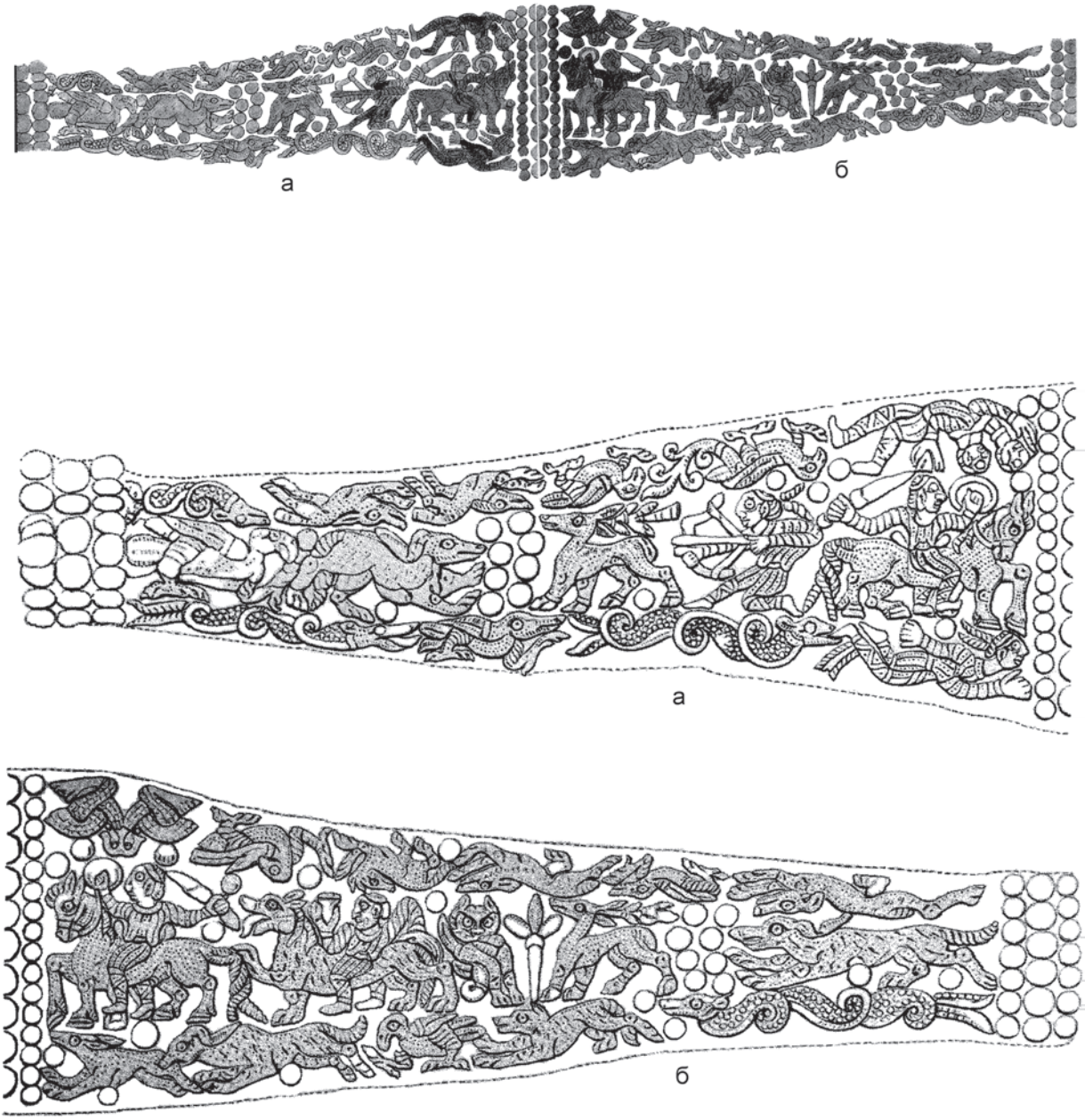

Рис. 23. Развёртка изображения на золотом кольце из Штробьенен (Strobjehnen; ныне Куликово), найденном в 1798 г.

Глава 7.
Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ)

В. Е. Родинкова

Женские и мужские украшения, аксессуары и детали одежды, костюм в целом представляют собой одну из значимых и выразительных частей человеческой материальной и духовной культуры. Будучи явлением устойчивым и традиционным, костюм в то же время подвержен изменениям под влиянием различного рода внешних факторов. Такая специфика делает его важнейшим источником, который содержит информацию о социальном и этническом статусе его владельцев, о характере и направлениях экономических и культурных контактов древних сообществ, о хронологии отдельных комплексов и целых археологических культур.

Не стал исключением в этом отношении и костюмный комплекс Поднепровья. В раннесредневековое время значительную его часть составляет набор украшений и деталей одежды, названный А.А. Спицыным «древности антов» [Спицын, 1928]. Он известен в науке уже более ста лет, но по-прежнему продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Одной из проблем, однозначного решения которых пока не найдено, является происхождение женского убора, который стал отличительной чертой, «визитной карточкой» этого культурно-исторического феномена. Неоднократно предпринимались попытки проследить генезис его отдельных элементов, в первую очередь фибул. Очевидно, однако, что подобную проблему следует решать, основываясь не только на анализе отдельных категорий вещей. Женский костюм – не случайное сочетание разнородных изделий, а комплекс жестко связанных между собой в общую структуру элементов, единая *система*, несущая не только декоративную, но и большую семантическую нагрузку. В сознании древних людей существовала обусловленная множеством различных факторов схема, *модель*, в соответствии с которой создавались индивидуальные костюмы и комплекты украшений в каждом конкретном случае. Чрезвычайно важно определить истоки и механизмы сложения этой модели, выявить культурные очаги и традиции, которые могли повлиять на ее формирование. Исследованию одной из сторон данного вопроса – оценке возможностей автохтонного происхождения системы женского убора как самостоятельного явления в раннесредневековой материальной культуре Поднепровья – и посвящена эта глава.

Сразу оговоримся, что спицынские «древности антов» разделяются сегодня на две хронологические группы [Щеглова, 1990]. Мы будем рассматривать «древности антов» I группы; в сложившемся виде они зафиксированы во 2-ой – 3-ей четвертях VII в., но начальные этапы формирования этого набора вещей могут датироваться и более ранним временем, включая конец VI в. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 89–95, 146].

Территория распространения интересующих нас древностей ограничена с севера Посеймьем и средним Подесеньем, с востока – верхним и средним течением р. Оскол, с юга – Днепровским Надпорожьем и с запада – узкой полосой правого берега Днепра с Поросьем и Потясминьем, где отмечена особенно большая концентрация находок. Серия характерных фибул, деталей поясной гарнитуры, браслетов и других изделий зафиксирована также на городище Никодимово в Верхнем Поднепровье (рис. 1). В 3-ей четверти I тыс. вся эта территория входила в область расселения колочинских и пеньковских племен. Вместе с тем в литературе неоднократно отмечалось, что ареал «древностей антов» не совпадает полностью ни с ареалом колочинской, ни с ареалом пеньковской культур (рис. 2), но включает значительную часть каждого из них, занимая зону Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья. Своеобразный комплекс убора является фактически единственным археологическим свидетельством существования в очерченном регионе политического союза славянских племен, который занимал определенное место в ряду прочих государственных и этнокультурных образований раннесредневековой Восточной Европы [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 145].

В VII в. в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье существовало несколько локальных разновидностей женского убора, которые различались в основном по набору типов или даже вариантов вещей [Рыбаков, 1953, с. 64–92, 94; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 56, 57; Приходнюк, 2000а, с. 134–136; Родинкова, 2003б]. Набор же *категорий* украшений во всем ареале «древностей антов» практически неизменен. Это свидетельствует о наличии общей для среднеднепровского племенного объединения модели женского костюма и позволяет рассматривать его структуру в целом, без учета специфики локальных вариантов.

На сегодняшний день основным источником изучения женского костюмного комплекса VII в. в Поднепровье является серия лесостепных кладов, таких, как Мартыновский, Гапоновский, Козиевский–Новоодесский[1], Трубчевский и др. Находки украшений и деталей одежды этого круга сделаны и на колочинских и пеньковских поселениях, а также среди небогатого инвентаря погребений по обряду кремации. Кроме того, известен ряд захоронений по обряду трупоположения, в которых встречены интересующие нас вещи. На территории распространения пеньковских памятников это ингумации неясной этнокультурной принадлежности из Березовки, Поставмук, Балаклеи, Алексеевки, Данчен, Мохнача, которые, судя по находкам антропозооморфных и пальчатых фибул днепровских типов, содержали женские останки[2] [Корзухина, 1996, с. 374, 394, 402; табл. 23: 1–3; 59: 1, 2; 87: 9; Родинкова, 1996, с. 161, 162; рис. 100: 1, 3; 101: 1, 7; 102: 4–6; Аксенов, Бабенко, 1998; Рафалович, 1986, с. 25, 26; табл. XIV; Синиця, 1999]. Вне ареалов колочинской и пеньковской культур значительное количество комплексов с набором женских украшений днепровского облика зафиксировано на раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма – в Суук-Су, Лучистом, Эски-Кермене, Баклинском овраге и др. [Репников, 1906; 1907; Айбабин, 1988; 1990, с. 22–26, 58; рис. 13; 17–19; 56; III–VI; 1999, с. 150, 158, 271, 272; рис. 61: 2; 62; 67; 69; табл. XXIX; Айбабин, Юрочкин, 1995, с. 128, 131, 132; рис. 22]. Единичные захоронения с пальчатыми фибулами днепровских типов происходят также из Подунавья и Поочья [см., например:Вернер, 1972].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают полного представления о костюме раннесредневекового населения Среднего Поднепровья. Характерный для колочинской и пеньковской культур обряд кремации умерших не позволяет in situ зафиксировать особенности одежды и расположение на теле погребенного элементов убора, свойственные непосредственным носителям колочинских и пеньковских традиций. А на основе изучения кладов речь может идти лишь о реконструкции определенного *набора* украшений и аксессуаров, причем не всегда удается однозначно разделить вещи на принадлежащие мужскому и женскому костюмному комплексам. Более конкретные выводы можно сделать, рассматривая материалы погребений по обряду ингумации (в первую очередь из Суук-Су, Лучистого и Мохнача), но следует иметь в виду, что их этническая атрибуция неоднозначна. В любом случае они демонстрируют культурные традиции, не связанные с раннеславянским населением Поднепровья. Таким образом, приходится признать, что в силу ограниченности источников наши рассуждения о представленной «древностями антов» модели женского костюма и ее структуре сейчас в значительной мере гипотетичны.

Динамику взглядов исследователей на интересующий нас аспект материальной культуры днепровских племен нагляднее всего демонстрирует серия графических реконструкций (рис. 3–5). Первой из них и на долгое время единственной стало изображение женского убора с одной пальчатой фибулой, предложенное Б.А. Рыбаковым по материалам Мартыновского клада с учетом русских этнографических традиций (рис. 3: 1; [Рыбаков, 1953, рис. 18]). С появлением новых и углубленным изучением уже известных находок представления о принципах ношения фибул славянскими женщинами изменились, и в современных работах днепровский женский костюм VII в. воссоздается с двумя пальчатыми или антропозооморфными застежками, расположенными симметрично по бокам туловища (рис. 3: 2–4; 4; 5: 4, 5). Существующие сегодня реконструкции основаны на конкретных комплексах – Мартыновском, Гапоновском, Трубчевском, Сужданском, Козиевском–Новоодесском кладах, погребениях в Мохначе, Данченах [Давня історія України, 1995, рис. на с. 44; Щеглова, 1990, рис. 7; 1999а, рис. 2–8; 14–19; Аксенов, Бабенко, 1998, рис. 5]. Каждая из них представляет один индивидуальный комплект украшений и аксессуаров одежды, лишь на рисунке, приведенном И.О. Гавритухиным, изображена схема размещения на корпусе различных элементов костюма и смешаны компоненты нескольких индивидуальных уборов (рис. 4: 1; [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 57]).

Немало способствовали пониманию структуры рассматриваемого вещевого комплекса находки изделий, аналогичных днепровским, in situ в погребениях крымских могильников Суук-Су, Лучистое и др. (рис. 5: 1–3). Современный анализ этих данных и сделанные на их основе реконструкции содержатся в работах Э.А. Хайрединовой, посвященных изучению раннесредневекового костюма населения Юго-Западного Крыма [Хайринова, 1997, рис. 1; 1998, рис. 1; 2000, с. 96, 97, 103, 104; рис. 14; 15; 2002б, с. 38, 40, 41, 44; рис. 10; 11]. Собственно днепровские материалы наиболее полно освещены О.А. Щегловой. Учтя состояние и специфику источников, степень их информативности и возможности интерпретации, исследовательница рассмотрела всю совокупность предметов, которые можно считать принадлежащими женскому убору. Итогом ее изысканий стала развернутая характеристика женского костюмного комплекса населения Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья в VII в. и

[1] До недавнего времени Козиевский и Новоодесский клады фигурировали в литературе как два различных комплекса. Новое обращение к сохранившимся предметам из их состава [Родинкова, 2004, с. 236] и изучение обстоятельств их находки по архивным источникам [Щеглова, 2001а] показали, что, скорее всего, это один большой клад ярко выраженного ремесленного характера, разделение которого на части было вызвано субъективными причинами. Мы будем рассматривать эти материалы как единый комплекс из Козиевки–Новой Одессы.

[2] Из перечисленных комплексов только погребение в Данченах в Поднестровье было исследовано в процессе археологических раскопок и должным образом документировано.

ряд предположений о технологии производства конкретных вещей, их функциях и принципах использования [Щеглова, 1999а; 1999б; 2000; 2001в].

К недавним реконструкциями женского костюма, включавшего вещи круга «древностей антов», относятся работы украинской художницы З. Васиной [Васіна, 2003, с. 218–220; рис. на с. 217, 221]. Они представляют собой лишь очень небольшую часть опубликованных в объемной монографии «Украинская летопись одежды» изображений, которые призваны иллюстрировать историю костюма населения, обитавшего на территории современной Украины с древнейших времен. При этом свою первоочередную задачу З. Васина видела, вероятно, в создании запоминающихся, ярких и выразительных с художественной точки зрения образов, а не в сугубо научном восстановлении реального облика убора. Подобная расстановка акцентов, по-видимому, привела к несколько вольному обращению с материалом, в результате чего в книге появились не только спорные, недостаточно обоснованные, но и явно ошибочные реконструкции. В частности, бездоказательным является размещение подвесок, как круга выемчатых эмалей, так и известных по кладам типа Мартыновского, в области подола одежды [Васіна, 2003, рис. на с. 211, 221]; при изображении женского костюма племен черняховской культуры использованы серьги из Юго-Западного Крыма [Васіна, 2003, рис. на с. 207], в то время как данная категория вещей в принципе отсутствует среди черняховских древностей; «состоятельная женщина в одежде из византийских тканей» [Васіна, 2003, рис. на с. 221] представлена с разновременными украшениями (односпиральные височные кольца и двуспиральные подвески, с одной стороны, и серьги пастырского типа и кованые двупластинчатые фибулы, с другой), которые никогда не встречаются в одних и тех же комплексах; и т.д. Все это заставляет проявлять в отношении использования реконструкций З. Васиной в научной работе известный скептицизм и осторожность.

Цель этой главы, как было отмечено выше, – не столько изучение набора женских украшений и деталей одежды, принадлежащих «древностям антов» I группы, сколько поиск местных корней этого явления, попытка выяснить возможности автохтонного формирования его структуры. Задачи работы и специфика источниковой базы обусловили особенности методики исследования. В ее основу положен ретроспективный анализ материала, происходящего прежде всего из Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, т.е. из ареала кладов типа Мартыновского. Древности других территорий рассматриваются по мере необходимости, как аналогии среднеднепровским находкам. Наиболее целесообразным с точки зрения решения поставленных задач является *сопоставление структур* женского металлического убора, бытовавшего на территории лесостепного Поднепровья в VII в. и в предшествующие периоды времени. Это сопоставление следует проводить по *категориям* входящих в каждую из выделенных хронологических групп вещей, оценивая в первую очередь наличие или отсутствие в уборе того или иного элемента, его место и функции, выполняемые в общей системе с учетом основных принципов ношения и использования украшений. Сравнение же конкретных типов и вариантов предметов, особенностей их форм и орнаментов в данной ситуации является вспомогательной процедурой. Ее результаты могут не столько прояснить вопрос о генезисе структуры костюмного комплекса, сколько выявить влияния различных культурных очагов и традиций на сложение отдельных компонентов или локальных вариантов убора.

Поскольку основным объектом изучения является одна из сторон материальной культуры оседлого раннеславянского населения, из рассмотрения исключены известные в днепровском регионе древности VII в. и более ранние, оставленные кочевниками. В частности, это материалы могильника Рябовка-3, памятники перещепинско-вознесенского круга, захоронение из кургана 6 в Лихачевке. Комплексом, отражающим кочевнические традиции костюма, я буду считать и погр. 4 черняховского могильника Сумы-Сад [Некрасова, 1985, с. 76, 80; рис. 3: 10, 11], присоединяясь в данном вопросе к мнению А.М. Обломского [Обломский, 2002, с. 85]; аргументы за принадлежность рассматриваемого захоронения черняховской культуре см., например [Казанский, 1997, с. 183]. При характеристике женского убора «древностей антов» I группы не учтены также материалы Великобудковского клада, поскольку данный комплекс и по типам составляющих его украшений, и по хронологии отличается от кладов круга Мартыновского. Его характер и время сокрытия были, вероятно, обусловлены иными процессами и событиями, нежели те, что привели к попаданию в землю Мартыновского, Гапоновского, Трубчевского и прочих подобных сокровищ [Горюнова, Родинкова, 1999, с. 188, 189].

Итак, повторяемость сочетаний определенных разновидностей вещей в комплексах позволяет говорить об устойчивых особенностях традиционного женского металлического убора в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье в начале эпохи раннего Средневековья. Этот убор включал в основном изготовленные из латуни или серебра украшения верхней части тела: головы, шеи, груди, рук и, возможно, пояса[3] (рис. 6). В частности, его характерной деталью являлись пластинчатые венчики в виде узких лент или фигурных «диадем», которые могли надеваться на матерчатый головной убор, платок или покрывало (рис. 6: 1, 2).

[3] Система наблюдений, аргументов и обоснований, позволяющих интерпретировать конкретные предметы, а также оценка комплектности и достоверности кладов типа Мартыновского содержатся в указанных выше работах О.А. Щегловой [Щеглова, 1990; 1999а; 1999б; 2000; 2001в; и др.]; мы на этом специально останавливаться не будем.

Крупные односпиральные или круглопроволочные с чуть расширенными концами кольца, по-видимому, были височными украшениями, крепившимися к очельям или головным уборам (рис. 6: 3–7). Шейные гривны различных типов могли использоваться как по одной, так и по несколько штук одновременно (рис. 6: 8–10).

Важнейший этнографический признак среднеднепровского союза племен – парные пальчатые или антропозооморфные фибулы, носившиеся симметрично по сторонам груди головными щитками вниз и скреплявшие, вероятно, тканевые лентообразные лямки или бретели какой-то одежды (рис. 6: 11–18). В некоторых случаях на них сохранились проволочные цепочки или их обрывки. Широкопластинчатые подвязные фибулы, напротив, использовались по одной и могли располагаться по центру туловища, застегивая, например, накидку или плащ (рис. 6: 19). Известны случаи сочетания в одном комплексе парных пальчатых и одиночных широкопластинчатых застежек (погребение в Мохначе, Гапоновский клад).

Отличительной особенностью женского убора круга Мартыновского клада являлось широкое использование плоских подвесок – трапециевидных, двуспиральных, умбоновидных, которые относятся к разновидности плоских, лунниц (рис. 6: 25, 27, 30, 31, 34–37, 39, 40, 43). Группа объемных подвесок представлена только маленькими колокольчиками и, очень редко, раковинами (рис. 6: 28, 31, 33, 42, 54). Перечисленные изделия могли служить привесками, дополняющими фибулы, или входить в состав накосников сложных конструкций. Наиболее же вероятно их использование в качестве деталей больших многочастных металлических ожерелий, основой которых служили цепочки из проволочных или пластинчатых звеньев или шнурки, пропущенные через спиральные и гладкие пронизи (рис. 6: 26, 29, 31–33, 38, 41). Такие ожерелья могли надеваться на шею, а могли крепиться за концы цепочек или шнуров к расположенным по сторонам груди фибулам, визуально объединяясь с этим парным элементом убора в одно сложное нагрудное украшение.

Принадлежностью женского костюма были также бусы различных размеров и форм из стекла, янтаря и других материалов (рис. 6: 44–46). Литые и кованые браслеты нескольких типов (рис. 6: 47–53) носились поодиночке и парами, но не исключено, что один комплект состоял и из большего их количества. Судя по инвентарю погребения в Мохначе, в группу украшений рук входили кольца и перстни (рис. 6: 55). Разнообразные мелкие нашивки и подвески из свинцово-оловянных сплавов использовались, по-видимому, в первую очередь для декорирования тканевых покрывал, головных уборов, некоторых зон наплечной одежды и др. (рис. 6: 20–24). На основе того же мохначского захоронения можно предполагать, что полный набор украшений женской части населения Поднепровья в VII в. включал еще элементы поясной гарнитуры, по крайней мере, пряжку (рис. 6: 56) и наконечник ремня. Интересно, что среди материалов, например, Гапоновского клада имеются «некомплектные» пряжки и наконечники, не входящие ни в один из выделенных авторами публикации блоков мужских поясов [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 36, 51; рис. 60: 3]. Возможно, эти вещи следует относить к женскому убору, хотя не исключено, что они могут представлять собой обувную фурнитуру или быть связанными с портупеей. Достоверных данных, позволяющих подтвердить или опровергнуть любое из выдвинутых предположений, у нас пока нет.

«Древности антов» I группы маркируют заключительную фазу развития в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье колочинской и пеньковской археологических культур. Вещевой комплекс, известный на указанной территории ранее VII в., и по количеству, и по составу разительно отличается от «мартыновского» набора. 2-ой половиной V – VI в. здесь датируется сравнительно небольшая серия предметов, которые разрозненны и не составляют единый убор. В большинстве случаев даже нет оснований для уверенной атрибуции их как элементов женского костюмного комплекса. Довольно долго эти древности не вызывали у специалистов особого интереса. Лишь относительно недавно появились работы, в которых немногочисленные вещевые находки анализируются в контексте изучения этнокультурной ситуации в днепровском регионе во 2-ой половине V – VI в. [Гавритухин, 1989; 1994; 2004; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 140–144; Обломский, 2002, с. 80–86; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 168–173; и др.]. Наблюдения И.О. Гавритухина над процессами, происходившими в лесостепной зоне Днепровского Левобережья в начале эпохи Средневековья, основанные на известных ранее и некоторых новых материалах, представлены также в части 1.5 этой книги.

Как было отмечено, имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей источники не могут прояснить вопрос о системе женского убора населения, занимавшего территорию Поднепровья на раннем и среднем этапах развития колочинско-пеньковских традиций. Тем не менее находки украшений и деталей одежды содержат важную информацию о политических, этнокультурных, социальных изменениях в интересующем нас регионе в эпоху Великого переселения народов. Они фиксируют этнические и территориальные направления влияний, импульсы, сказавшиеся на формировании материальной культуры днепровского населения, в том числе и на сложении своеобразного комплекса местных украшений.

Наиболее ранними находками, связанными с колочинской культурой и датирующими начало ее существования временем около середины V в., являются двучленные воинские фибулы из жилища 3 в Ходосовке и из Колодезного Бугра (рис. 7: 1, 2). Эти вещи, как и застежка с поселения Кодын-I пражской культуры и, возможно, пряжка с рифленой рамкой, найденная в погр. 4 пеньковского могильника Вели-

кая Андрусовка-3 (рис. 7: 3), маркируют северо-западный, связанный с Понеманьем и Мазурским Поозерьем вектор продвижения культурных инноваций в раннеславянскую колочинско-пеньковско-пражскую среду [Гавритухин, 1989; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 142, 143].

К середине – 2-ой половине V в. относятся фибулы, сочетающие признаки двупластинчатых и пальчатых, из Мощёнки и с Пастырского городища (рис. 7: 4, 5), а также двупластинчатая украшенная кербшнитной резьбой застежка из Токарей (рис. 7: 6). Они фиксируют севернопричерноморское (в частности боспорское) направление контактов и взаимодействий каких-то групп населения Днепровской лесостепи [Гавритухин, 1994; 2004, с. 213, 214]. В данном контексте, видимо, следует рассматривать и известные в бассейне Среднего Днепра фибулы керченских типов с ромбической ножкой, типа Удине – Планис и их дериваты (рис. 7: 8, 9), бытование которых приходится на несколько более позднее время [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 143; обзор дискуссии по вопросу о датировке этих вещей в Крыму см.: Засецкая, 1998].

В погр. 16 колочинского могильника Картамышево-2 был обнаружен язычок большой пряжки[4], украшенный «решеткой» из рельефных пирамидок (рис. 7: 7). Он принадлежит кругу вещей, связанных преимущественно с лесной зоной Восточной Европы, и датируется 2-ой половиной V – VI в. А.К. Амброз считал изделия данного круга продукцией местной «верхнеднепровской» школы ювелирного искусства, переработавшей дунайские образцы [Амброз, 1970]. Согласно другой точке зрения, они могли быть центральноевропейскими импортами, свидетельствующими о появлении среди колочинского, тушемлинского, рязано-окского населения носителей иноэтничных, в том числе германских культурных традиций [Фурасьев, 2001в; Ахмедов, 2003б; и др.].

Наконец, провинциальновизантийское происхождение имеет ряд найденных в пределах Поднепровья фибул (рис. 7: 10, 11). Их появление здесь, возможно, является результатом военных действий восточноевропейских варваров, в частности, склавинов и антов, против Византийской империи, которые активизировались с середины VI в. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 40, 144].

Более отчетливо *набор* вещей, связанный с женским костюмом оседлого населения Среднего Поднепровья во 2-ой половине V – VI в., представлен в нескольких ингумациях. Это погребения в Волобуевке, Любовке, Мартыновке, Максимовке (рис. 2: IV). В Волобуевке женский скелет сопровождался парой серебряных двупластинчатых фибул с накладками, ожерельем из бус и золотых и серебряных пронизей, серебряным браслетом (рис. 7: 12–16; [Сибилев, 1926, табл. XXIX: 17; XXXI: 8, 11; XXXII: 36, 37; 1928, с. 17; Обломский, 2002, с. 84; рис. 95; Гавритухин, 2004, с. 208; рис. 2: 1–5]). В захоронении из Любовки зафиксированы две бронзовые фибулы, одна из которых принадлежит группе так называемых воинских и имеет сплошной приемник иглы, а вторая – подвязная (рис. 7: 17, 18). В этом же комплексе было найдено ожерелье из бус, коралловых пронизей, бисера, а также пара бронзовых браслетов (рис. 7: 19; [Радзієвська, Шрамко, 1980, с. 103; рис. 4: 2–6; Обломский, 2002, с. 84; рис. 94: 6–10; Гавритухин, 2004, с. 208, 209; рис. 2: 23–30]). С погребением (?) в Мартыновке[5] связаны только две разнотипные сломанные и починенные в древности пальчатые фибулы (рис. 7: 20, 21; [Корзухина, 1996, с. 359, № 27: 1, 2; табл. 7: 5, 6; Родинкова, 1996, с. 161, № 60; рис. 102: 4, 6; Гавритухин, 2004, с. 209; рис. 2: 20, 21]). В Максимовке на черняховском поселении исследована женская ингумация, сопровождавшаяся бронзовым браслетом с цельнометаллическими расширенными неорнаментированными концами (рис. 7: 23). Аналогичный браслет был найден на небольшом расстоянии от растащенных плугом костей второй ингумации (рис. 7: 22; [Левченко, 2001; Супруненко и др., 2004, с. 103; рис. 68; Обломский, 2002, с. 85; рис. 96: 1–3; Гавритухин, 2004, с. 211; рис. 3: 18–20]).

Инвентарь перечисленных погребений, так же как и отдельные находки украшений и деталей убора 2-ой половины V – VI в. на интересующей нас территории, разнороден; составляющие его вещи изготовлены под влиянием различных этнокультурных традиций [Гавритухин, 2004, с. 208, 209, 211]. Набор предметов из Волобуевки типичен для культур восточногерманского облика. По-видимому, данный комплекс должен рассматриваться в том же контексте, что и появление в днепровском регионе локальных серий фибул – причерноморских переработок дунайских образцов V в. Воинская застежка с удлиненной обильно орнаментированной ножкой из Любовки имеет параллели среди западно- и южноевропейских материалов. Прогнутая подвязная фибула с пластинчатой орнаментированной спинкой вписывается в балкано-понтийский круг изделий. Наряду с некоторыми случайными находками она отражает дунайский импульс в Поднепровье. Фибулы из Мартыновки, как считает И.О. Гавритухин, имеют дунайско-карпатское происхождение и интересны тем, что демонстрируют ряд черт и элементов, реализованных впоследствии в пальчатых застежках днепровских серий VII в. Этнокультурная и хронологическая атрибуция захоронений в Максимовке неясна. Не исключено, что они принадлежат более позднему по сравнению с остальными рассматрива-

[4] В работе, посвященной хронологическим индикаторам колочинской и пеньковской культур, данная вещь была ошибочно интерпретирована как фибула [Родинкова, 1996, с. 125, 157; рис. 99: 9].

[5] Ранее этот комплекс был отнесен к ингумациям VII в. [Родинкова, 1996, с. 161], однако предложенная для него М.М. Казанским новая дата – VI в. [Kazanski, 1999, s. 100; Гавритухин, 2004] – кажется более убедительной.

емыми комплексами времени и их следует включать в перечень ингумаций VII в.

В отношении структуры убора, представленного в перечисленных погребениях, можно сделать следующие выводы: женский костюм населения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в начале 2-ой половины I тыс. включал парные фибулы (причем в один комплект могли входить разнотипные экземпляры), а также ожерелья и браслеты. Эти черты роднят его с моделью убора, реконструируемой по материалам кладов типа Мартыновского. В то же время парные фибулы и ожерелья считаются характерными элементами восточногерманского женского костюмного комплекса.

В рассматриваемом регионе довольно многочисленны отдельные находки подвесок, в частности трапециевидных, пронизок, цепочек, браслетов [Родинкова, 1996, с. 155 и сл.]. Они не зафиксированы в датированных колочинских и пеньковских комплексах ранее VII в., но широко представлены среди «древностей антов» I группы,z с одной стороны, и в материалах киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 65, 67; рис. 15: 18; 32: 9, 26; 35: 13; 44: 3], предшествовавшей формированию колочинских и пеньковских древностей, с другой. Такая хронологическая «вилка» позволяет предположить, что указанные украшения бытовали у населения Поднепровья и во 2-ой половине V – VI в.

На Днепровском Левобережье известен ряд весьма интересных комплексов, принадлежавших, как считается, элите некоего существовавшего здесь варварского сообщества и датирующихся рубежом IV/V – серединой V в. [Казанский, 1997, с. 183, 184; подробнее о них см. в части 1.6]. Эти комплексы содержали в том числе украшения (шейные гривны, браслеты, перстни и др.), принадлежность которых женскому убору, однако, сомнительна. Лишь в отношении найденных в кладе из Нежина и погребении (?) из Поршино парных двупластинчатых фибул можно говорить, что они соответствуют традиционной восточногерманской модели женского костюма.

В позднеримское и раннегуннское время интересующий нас регион был заселен носителями киевской и черняховской культурных традиций (рис. 8: I, II). В отношении черняховской культуры тема настоящего исследования – структура женского убора – достаточно хорошо обеспечена материалом. Биритуализм погребального обряда, разнообразный инвентарь захоронений, значительное количество находок на поселениях позволяют не только реконструировать черняховский *набор* женских украшений, но и определить функции и место многих из них в костюме. В литературе предпринимались попытки выделить в рамках данной археологической общности локальные варианты и этнокультурные традиции, повлиявшие на сложение того или иного типа древностей. В костюмном комплексе черняховского населения, по мнению исследователей, наиболее отчетливо выделяются сарматский и вельбарский компоненты [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 78, 84, 134, 135; Магомедов, 2001, с. 76; Бобровська, 1998; 2000, с. 89–123; и др.]. В то же время *структура убора* на всей территории распространения культуры в принципе едина. Это позволяет для иллюстрации выводов и наблюдений, сделанных на основе анализа вещей из Днепровской лесостепи, привлекать находки из других частей черняховского ареала.

Современное состояние изучения системы украшений и аксессуаров одежды черняховских племен отражено в работах М. Мончыньської, Б.В. Магомедова, О.В. Гопкало (Бобровской). В монографии, посвященной женскому костюму варварского населения Центральной и Восточной Европы в римское время, М. Мончыньська специально рассмотрела материалы, происходящие из западных областей распространения черняховских памятников [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 77–84]. Проанализировав инвентарь более чем 280 погребений, она реконструировала модели черняховского женского убора, который, по ее мнению, включал одну, две или ни одной фибулы, ожерелье из бус и подвесок, иногда – пряжку. В целом его структура соответствовала структуре костюмного комплекса цецельской фазы вельбарской культуры [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 78, 134, 135].

Б.В. Магомедов учел находки украшений и деталей одежды из всего черняховского ареала, подробно охарактеризовав категории и типы изделий и определив место, занимаемое каждым из них в существующих типологических и хронологических схемах. Кроме того, он предпринял попытку воссоздать общий облик мужского и женского костюмов черняховских племен и связать определенные группы вещей с теми или иными культурными областями и традициями [Магомедов, 2001, с. 66–77].

В серии статей и диссертационном исследовании О.В. Гопкало (Бобровской)[6] основное внимание уделено такому важному элементу черняховского убора, как бусы и подвески [Бобровская, 1999а; Бобровська, 1997; 1998; 1999; 2000; Гопкало (Бобровська), 2004; и др.]. Ею всесторонне рассмотрен ряд типов этих изделий и сделаны выводы относительно их происхождения, хронологии, функций и особенностей использования. Изучив совстречаемость предметов в погребальных комплексах и сопоставив полученные результаты с инвентарем захоронений по обряду трупоположения, для которых были сделаны антропологические определения, исследовательница реконструировала наиболее употребительные, по ее мнению, варианты убора различных половозрастных, социальных, этнических групп носителей черняховской культуры. О.В. Гопкало (Бобровская) и Б.В. Магомедов согласились с мнением М. Мончыньської о сходстве черняховской и вельбарской моделей женского костюма [Магомедов, 2001, с. 76; Бобровська, 2000, с. 94, 95, 147, 148].

[6] Благодарю О.В. Гопкало (Бобровскую) за возможность работать с ее неопубликованной диссертацией.

Обобщая сделанные специалистами наблюдения, можно представить набор женских украшений и аксессуаров одежды черняховского населения Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья следующим образом. Для этого набора были нехарактерны металлические украшения головы. Исключение могут составлять только небольшие проволочные кольца с завязанными концами (рис. 9: 1, 2). Находка таких изделий в детском захоронении 17 могильника Курники (верхнее течение Южного Буга) выше плеч погребенного позволяет исследователям предполагать, что они входили в головной убор или прическу, например, вплетались в волосы [Магомедов, 2001, с. 71, 72; Бобровська, 2000, с. 111]. В то же время к похожим по конструкции кольцам часто бывают прикреплены разного рода подвески (см., например, рис. 9: 38; 10: II, VI). Не исключено, что экземпляры, найденные в днепровском регионе, представляют собой не самостоятельные украшения, а промежуточные держатели для каких-то других, не сохранившихся аксессуаров костюма. Говоря об украшениях головы, отметим, кроме того, что в детском погр. 366 могильника Успенка у черепа погребенного была найдена серьга в виде колечка из тонкой серебряной проволоки [Некрасова, 2006, с. 102; рис. 46: 2].

Группа шейных украшений представлена ожерельями из бус (рис. 9: 13, 16–26; 10: VI; 12: 4). Гривны в черняховских комплексах крайне редки, Б.В. Магомедов указывает всего три экземпляра в западной части ареала культуры [Магомедов, 2001, с. 75]. Бусы же различных типов из стекла и камня были весьма популярным элементом убора не только у женщин, но и у мужчин. Они могли составлять ожерелья из одной или двух низок, а также использоваться в качестве одиночных подвесок, например, к фибулам или поясу, нанизываться на кольца с завязанными концами. В редких случаях расположение бус и бисера в погребениях, в частности в захоронении 8 могильника Сумы-Сад, позволяет думать, что они были нашиты на ткань одежды [Некрасова, 1985, с. 79; рис. 3: 1]. Могли они также украшать головные уборы или составлять браслеты [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 84; Бобровська, 2000, с. 110, 123, 124; Магомедов, 2001, с. 76].

М. Мончыньська отмечает, что отличительной особенностью женского костюма черняховских племен являлось широкое употребление различного рода подвесок из металла, кости, раковин [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 80]. Большинство их принадлежит группе объемных изделий и интерпретируется специалистами не столько как собственно украшения, сколько как амулеты, выполнявшие функции защиты и охраны своих владельцев [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 84; Магомедов, 2001, с. 70]. Их носили в основном у шеи или на груди, прикрепляя, вероятно, к ожерелью или фибулам (рис. 10: I, II, VI; 11). В Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье известны подвески-емкости (так называемые ведерковидные, корзиноподобные и т.д.) из железа и бронзы (рис. 9: 11, 12, 28, 29), которые предположительно могли служить вместилищами для ароматических веществ [Магомедов, 2001, с. 70]. Изредка встречаются лунницы (рис. 9: 30), но О.В. Гопкало (Бобровская) относит их не к женскому, а к мужскому убору [Бобровська, 1998; 2000, с. 82]. В комплексе из Великой Вильшанки, который по составу находок может быть интерпретирован как инвентарь женского погребения, зафиксированы два бронзовых экземпляра «топориков Тора» (рис. 9: 14, 15), стеклянные подвески в виде клыка или когтя (рис. 9: 31) и монета с просверленной дырочкой [Магомедов и др., 2003, с. 26; рис. 3: 4, 5]. К группе подвесок принадлежит, по-видимому, также найденный в культурном слое могильника Компанийцы колокольчик [Бобровська, 2000, с. 109]. В детском погр. 24 могильника Боромля-1 в составе ожерелья имеется пронизь из свернутой бронзовой пластинки (рис. 9: 27; [Некрасова, 2006, с. 91; рис. 9: 12]).

Важным элементом ансамбля костюма черняховского населения являлись фибулы разных типов: прогнутые подвязные, «воинские», двупластинчатые и др. (рис. 9: 3–10). Как показали исследования, женский убор носителей черняховских традиций включал одну или две застежки, но мог быть и бесфибульным. Изредка за пределами Восточной Украины зафиксированы случаи, когда в индивидуальный комплект украшений входило большее, чем две, количество фибул [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 78; Бобровська, 2000, с. 76, 80, 81, 94, 95; Магомедов, 2001, с. 75]. Данные погребальных комплексов позволяют заключить, что в случае парного использования эти изделия могли располагаться друг напротив друга, пружинами вверх или вниз, на плечах или груди. Возможно, пары соединялись шнуром или цепочкой. Реже встречаются иные варианты их размещения: по два экземпляра на одной стороне корпуса, посередине груди, одна фибула – на плече, вторая – на противоположном боку между тазом и ребрами и т.д. Одиночные застежки чаще помещались на плече, реже – на груди. При использовании в комплекте трех фибул две из них обычно находились на плечах и одна – посередине туловища, под подбородком [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 79; Магомедов, 2001, с. 75, 76]. Рассматриваемые аксессуары могли скреплять платье, юбку на лямках или бретелях, наплечную одежду с рукавами типа кафтана, накидку либо плащ [Петраускас, 2004, с. 176; Гопкало (Бобровська), 2004, с. 187].

Частая, хотя и не обязательная деталь женского убора черняховской культуры – пряжки (рис. 9: 33–35; 10: III, VI; 12: 5), свидетельствующие о наличии подпоясывающего одежду кожаного ремня [Магомедов, 2001, с. 69, 76; Петраускас, 2004, с. 176, 179; и др.]. Женскими поясными принадлежностями, скорее всего, были подвески-амулеты из раковин и костяные пирамидки в форме так называемых палиц Геракла (рис. 9: 36, 37; 10: IV-VI; 12: 3, 6). Они могли

прикрепляться непосредственно к ремню либо находиться в специальных мешочках или сумках-кошелях вместе с другими мелкими бытовыми изделиями (рис. 10: VI; 11; 12: 13; [Магомедов, 2001, с. 72, 76; Бобровська, 2000, с. 114–116; Гопкало (Бобровська), 2004, с. 185, 187; рис. 1; Петраускас, 2004, с. 176]). Распространение подобных предметов отмечается на позднем этапе развития черняховской культурной общности [Бобровська, 1999].

Украшения рук – браслеты, кольца, перстни – встречаются среди черняховских древностей очень редко. В обобщающем труде Б.В. Магомедова приведены сведения всего о полутора десятках колец, перстней и их деталей из всего ареала черняховской культуры, в частности, о двух экземплярах из могильников Соснова и Ромашки в Среднем Поднепровье [Магомедов, 2001, с. 74]. Еще менее представительна группа металлических браслетов; в днепровском регионе такое украшение найдено на могильнике Журавка. Как было отмечено выше, браслеты могли составляться еще из бисера и бус. Известны, кроме того, образцы, изготовленные из розетки оленьего рога, хотя большинство подобных вещей Б.В. Магомедов вслед за Г. Диакону склонен относить к многообразной категории подвесок-амулетов [Магомедов, 2001, с. 74].

В нескольких захоронениях в ногах погребенных были отмечены миниатюрные пряжки, предположительно связанные с обувью [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 81; Магомедов, 2001, с. 76], но считать обувную гарнитуру непременным атрибутом женского черняховского костюмного комплекса пока нет достаточных оснований.

В погребениях иногда встречаются вещи – гребни, ножи, игольники с иглами, пряслица, так называемые клюковидные булавки и проч. (рис. 9: 32; 12: 7–9, 11, 12) – которые не являются украшениями или аксессуарами одежды. Вероятно, это предметы домашнего производства, которые было принято носить с собой при жизни и которые последовали за своими владельцами в могилу [Бобровська, 2000, с. 73, 74; Магомедов, 2001, с. 76].

В наибольшей степени отражает этнографическое своеобразие черняховского населения, по мнению исследователей, женский убор с парой фибул, дополненных ожерельем из бус и подвесок, и, реже, пряжкой [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 78, 83; Магомедов, 2001, с. 76]. Данная модель фиксируется на всей территории распространения культуры в течение всего времени ее существования [Бобровська, 2000, с. 80]. На поздней фазе развития черняховских традиций к указанному набору присоединяется еще комплект поясных амулетов. Именно такой ансамбль женских украшений и аксессуаров костюма реконструируется, например, по материалам богатого детского погр. 132 могильника Великая Бугаевка (рис. 10; 11; [Петраускас, 2004; Гопкало (Бобровська), 2004]). Близкую структуру комплекса демонстрирует и инвентарь погр. 5 могильника Сумы-Сад, в котором в соответствии с усиливающейся к финалу черняховской культуры тенденцией [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 135] были использованы парные двупластинчатые фибулы (рис. 12; [Некрасова, 1985, с. 76–78; рис. 4; Гопкало (Бобровська), 2004, рис. 1]).

Вторым характерным вариантом женского убора черняховских племен является комплект, включающий одну фибулу, а также, как в предыдущем случае, бусы, подвески и, иногда, пряжку. Известна и бесфибульная модель костюма, набор украшений которой состоит из одного лишь ожерелья [Tempelmann-Mączyńska, 1989, S. 78; Бобровська, 2000, с. 81, 82]. Женский убор с тремя фибулами считается редким рудиментарным явлением и встречается только в хронологически ранних комплексах [Бобровська, 2000, с. 82]. При этом важно отметить, что, по подсчетам О.В. Гопкало (Бобровской), какие-либо аксессуары костюма отмечены лишь в 35% погребений. Т.е. большинство черняховского населения довольствовалось простой одеждой без металлической фурнитуры и украшений [Бобровська, 2000, с. 88, 89].

В последнее время в литературе намечается тенденция возвращения к «готской» теории происхождения женского убора, зафиксированного в кладах типа Мартыновского [см., например: Казанский, 1997, с. 185; Щеглова, 1999а, с. 288, 309], к идее, владевшей умами археологов в начале XX в., и, казалось бы, опровергнутой в середине – 2-ой половине прошлого столетия. При этом «готская вуаль» видится исследователям сегодня не только в создании отдельных типов украшений, например пальчатых фибул, развивающих ювелирные традиции восточногерманской культурной среды [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 36], но и в формировании самой *системы* раннесредневекового днепровского женского костюмного комплекса. Так, О.А. Щеглова считает, что «реконструируемый по кладам и погребениям типа Данчен и Мохнача женский убор генетически связан с традициями «двухфибульного» костюма носителей черняховской культуры», что, по ее мнению, «заставляет задуматься о некоторых неизученных закономерностях исторической памяти и о том, что судьба населения и история его материальной культуры не всегда совпадают» [Щеглова, 1999а, с. 309].

Сопоставление структуры женского убора круга «древностей антов» и черняховского в целом, а не только отдельных, пусть даже наиболее ярких их элементов, заставляет усомниться в истинности процитированного высказывания. Действительно, эти комплексы сближает парное использование фибул, хотя, как было отмечено выше, в черняховской культуре известны и другие модели, и считать двухфибульную схему отражающей традиции женского костюма всех этнических, территориальных, социальных и других групп черняховского сообщества было бы неверно. Роднит рассматриваемые системы, кроме того, наличие ожерелий из бус и традиция расшивать одежду (в раннесредневековое время – мел-

кими изделиями из свинцово-оловянных сплавов, в позднеримское – бусами и бисером). Зато характер и принципы ношения подвесок, которые включались в женский убор и в VII в., и в черняховский период, различны. Реконструируемые по кладам круга Мартыновского комплекты содержали серии однотипных в основном плоских (за исключением колокольчиков) металлических изделий, входивших в состав сложных многочастных нагрудных украшений и игравших декоративную роль. Основу этих украшений составляли металлические цепочки или трубочки-пронизки, сквозь которые пропускался шнурок. В наборе женских аксессуаров черняховского населения, напротив, отмечаются разнотипные, как правило, объемные подвески, которые прикреплялись к ожерельям из бус или фибулам по одной и не столько выполняли декоративные функции, сколько служили амулетами и оберегами. Лишь в отношении ведерковидных подвесок можно предполагать их серийное использование. Цепочки и металлические пронизи для данного набора нехарактерны. Важно отметить, что исследователи указывают на существование в женском черняховском костюме не только нагрудных, но еще поясных подвесок и амулетов. Оснований же, позволяющих предполагать наличие подвесок к поясу в «мартыновском» женском уборе, нет. Пряжки, занимающие важное место в традиционном наборе аксессуаров черняховских племен, не являются столь же значимым элементом раннесредневекового женского костюма. Наконец, среди черняховских древностей неизвестны или представлены единичными экземплярами украшения головы (лобные венчики, височные кольца), рук (браслеты, кольца), шейные гривны, широко распространенные в кладах типа Мартыновского. Таким образом, несмотря на сходство отдельных структурных элементов, истоки *модели* костюма, *системы* женского убора круга «древностей антов» I группы следует искать не в черняховской, а в какой-то иной культурной среде.

В III – 1-ой половине V в. северную часть Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья занимали памятники киевской культуры (рис. 8: II), существование которой исследователи разделяют на несколько хронологических этапов. На поздних фазах своего развития она находилась под сильным черняховским влиянием. Во всяком случае, комплекс украшений и деталей одежды, найденных на киевских поселениях и могильниках, начиная со 2-ой половины III в., имеет явные параллели в черняховских древностях [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 85–89; Терпиловский, 2004, с. 42–46; Обломский, 2002, с. 56–60]. Структура женского убора черняховского типа была охарактеризована выше, и рассматривать ее еще и применительно к материалам киевской культуры нецелесообразно.

С памятниками раннекиевской и позднезарубинецкой традиций связаны вещи совершенно иного рода – украшения и аксессуары костюма круга так называемых восточноевропейских (варварских) выемчатых эмалей. Следует отметить, что вообще изделия «эмалевого» стиля распространены весьма широко. Они известны на большей части территории Восточной Европы [Корзухина, 1978, карта-вклейка], в том числе полностью занимают Среднее Поднепровье и Днепровское лесостепное Левобережье – регион, в котором к VII в. сформировался женский и мужской убор «мартыновского» облика.

Выразительный и яркий комплекс восточноевропейских украшений с эмалью давно и хорошо известен специалистам. Правда, усилия исследователей до сих пор были направлены преимущественно на изучение вопросов, связанных с происхождением и датированием этого комплекса. Проблемы реконструкции «эмалевого» убора и изучения его структуры почти не затрагивались в литературе. Лишь в своде Г.Ф. Корзухиной, посвященном предметам с выемчатой эмалью в Среднем Поднепровье [Корзухина, 1978], содержатся некоторые наблюдения о принципах использования отдельных вещей этого круга и о месте, которое они могли занимать в костюме. Наблюдения над характером убора и серия графических реконструкций индивидуальных комплектов мужских и женских украшений представлены также в диссертационном труде Е.Л. Гороховского [Гороховский, 1988б], однако данная часть его работы, к сожалению, по сей день остается неопубликованной.

Следует отметить еще небольшую статью А.Г. Фурасьева, в которой предпринята попытка выявления половозрастных различий в уборе, включавшем «варварские» эмали [Фурасьев, 2001д]. Подвергнув корреляции 12 комплексов по 10 признакам, исследователь выделил четыре набора вещей. По его мнению, комплект, включавший пару фибул и нагрудную цепь, принадлежал взрослым (замужним) женщинам; парные фибулы в сочетании с двумя парными и одним непарным браслетами характеризовали девичий костюм; налобный венчик, гривна, одна фибула, один браслет, подвески, детали поясных украшений, изредка дополненные нагрудной цепью, составляли убор взрослых мужчин; комплект из венчика, одной фибулы, подвесок-колокольчиков и парных браслетов принадлежал мальчикам и юношам, не достигшим брачного возраста. Представленная точка зрения, однако, кажется не вполне убедительной, прежде всего, из-за сравнительно небольшой выборки привлеченного к анализу материала. Кроме того, в силу особенностей источниковой базы мы располагаем весьма незначительными возможностями для проверки выводов, сделанных А.Г. Фурасьевым на основе математических выкладок, по инвентарю конкретных погребальных комплексов, для которых были сделаны антропологические определения. Имеются и данные, прямо противоречащие рассматриваемой гипотезе: в частности, шейная гривна найдена в женском погр. 66 могильника Кошибеево, а одиночные фибулы – в подкурганном женском захоронении на могильнике Воропнишкяй и в погр.

21 могильника Кузьминское [Корзухина, 1978, с. 76, 81, № 101; 104; 197; табл. 16: 3; 22: 8]. Таким образом, предложенные А.Г. Фурасьевым реконструкции нуждаются в проверке и корректировке с привлечением новых материалов.

Общий недостаток внимания археологов к проблеме воссоздания «эмалевого» костюмного комплекса, по-видимому, обусловлен спецификой источников, с которыми приходится иметь дело. В Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье основной массив изделий с эмалью составляют случайные единичные находки. Данные о них частично обобщены в трудах А.А. Спицына, Г.Ф. Корзухиной, Е.Л. Гороховского [Спицын, 1903; Корзухина, 1978; Гороховский, 1982; 1988б, с. 103 и сл.; и др.]; работы же, систематизирующие информацию о появившихся в последние десятилетия материалах, пока не изданы. Комплексы, в которых в среднеднепровском регионе встречены вещи круга выемчатых эмалей, – это клады из Межигорья, Глажево, Шишино-5, Постав-Муки[7], клад (?) из Борзны, подкурганные погребения с берега р. Стугны, из урочища Гай (Радичева), кремация (?) в Жукине, погребение по обряду ингумации на черняховском могильнике Компанийцы (рис. 8: III, IV) [Хойновский, 1896, с. 166–171; табл. XIX; Макаренко, 1928; Ханенко, 1907, табл. X-XXI; XXXII; Корзухина, 1978, с. 63, 64, 69, 71, 72; № 1; 5; 60; 73; 78; 80; 83; табл. 1; 2: 1, 2; 3: 1–3; 12: 8, 9; Обломский, 2002, с. 19; рис. 23: 1–5; Некрасова, 2006, с. 106; рис. 58: 1–5]. Характер находок (клады, погребения неясного облика) и отсутствие в большинстве случаев достоверной документации делают невозможным создание на их основе надежных реконструкций женского убора.

Не могут прояснить картину и материалы, известные вне Среднего Поднепровья, поскольку за его пределами украшения с эмалью также зафиксированы в основном в качестве случайных находок или среди инвентаря погребений по обряду кремации. Кроме того, они известны в составе кладов, среди которых выделяется Мощинский [Булычев, 1899, с. 18, 19; табл. VIII–XIII], демонстрирующий чрезвычайную близость днепровским кладам как по категориальному составу, так и по типологическим характеристикам отдельных предметов. Наконец, изделия круга эмалей иногда встречаются в погребениях по обряду ингумации, но по одной – две вещи, и представительных комплексов не составляют.

В сложившейся ситуации речь может идти не о воссоздании полной *модели* костюма, в котором использовались эмалированные изделия, а только о характеристике *набора* принадлежащих ему украшений и аксессуаров. При этом следует подчеркнуть, что, строго говоря, мы не имеем оснований связывать все известные типы и категории предметов круга выемчатых эмалей только с женским нарядом, а не, к примеру, с парадным облачением вождя или жреца. Таким образом, сопоставление «эмалевого» убора населения Поднепровья с рассмотренными ранее женскими костюмными комплексами периода существования черняховской, а затем колочинской и пеньковской культур возможно проводить пока лишь при определенном методическом допущении.

Судя по имеющимся данным, личный убор жителей днепровского региона в эпоху распространения в Восточной Европе выемчатых эмалей включал многочисленные металлические (бронзовые, реже серебряные; иногда со следами позолоты) детали. Группу украшений головы в нем представляли налобные венчики. Таковыми принято считать прежде всего узкие длинные пластины из клада в Межигорье и Жукинского погребения (?). Они покрыты тисненым орнаментом, оканчиваются с обеих сторон согнутыми в крючки и развернутыми в разных плоскостях стержнями с коническими или дисковидными завершениями (рис. 13: 1; 14). Правда, Г.Ф. Корзухина, указывая на небольшую длину этих пластин (около 40 см), предлагала интерпретировать их не как венчики, а как шейные украшения, своеобразные «стоячие воротнички» [Корзухина, 1978, с. 42]. Однако предположение о наличии в составе «эмалевого» вещевого комплекса металлических очелий основано не только на находках из Межигорья и Жукина. В детском захоронении 48 могильника у с. Красный Маяк близкий предмет диаметром 11,5 см с замком в виде двух крючков (один из них оканчивается коническим выступом) и орнаментированной пуансоном передней частью был найден возле головы погребенного [Гей, Бажан, 1993, с. 52; рис. 3: 1]. В Мощинском кладе помимо аналогичных межигорским и жукинскому экземпляров имеются пластинчатые изделия с отверстиями на концах (рис. 13: 2; [Булычев, 1899, табл. VIII: 1, 4]). Они скреплялись, очевидно, с помощью пропущенного через эти отверстия шнура, так что их размеры можно было регулировать в соответствии с необходимостью. На одном из мощинских образцов выгравирована свастика (рис. 13: 2) – распространенный в древности орнаментальный мотив, обнаруженный О.А. Щегловой и на венчике из Гапоновского клада «древностей антов» [Щеглова, 1999а, с. 298]. Украшения из Межигорья, Жукина, Мощины лишены эмалевых вставок, но типологически близкий им экземпляр из Бабьенты имеет в передней части четыре высоких круглых гнезда с красной эмалью [Спицын, 1903, рис. 178; Корзухина, 1978, с. 83, № 232: 1]. Можно предположить, что на окских и днепровских находках такие гнезда трансформировались в крупные вытисненные окружности или полушаровидные выступы.

Интересно отметить, что в комплексе из Красного Маяка в районе черепа погребенного были встречены бронзовые проволочные колечки и трубочки-пронизки, которые, по мнению авторов раскопок, вместе с налобным венчиком представляют элементы единого головного убора [Гей, Бажан, 1993,

[7] Клад не опубликован; благодарю М.Е. Леваду за информацию о нем.

с. 52]. В составе Мощинского клада зафиксирован, по-видимому, фрагмент составного очелья типа вайнаги [Булычев, 1899, табл. XII: 10; Спицын, 1903, рис. 243], традиционного для женского костюма населения лесной зоны Восточной Европы.

К группе украшений головы «эмалевого» убора предположительно может быть отнесена проволочная «диадема» из Жукинского комплекса (рис. 13: 3), хотя не исключено, что она представляет собой шейное украшение.

Шейные гривны на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья представлены одним целым и одним фрагментированным экземплярами без эмалевых вставок, с витым ободом и петельчатыми концами, из Межигорского клада (рис. 14) и тремя бронзовыми изделиями (известными только по описанию) в составе клада из Глажево [Корзухина, 1978, с. 63, 72; № 1; 83]. Аналогичен межигорским мощинский образец (рис. 13: 22). В Юго-Восточной Прибалтике и в Прикамье известны и собственно гривны с эмалью, которая помещается у них на лицевой поверхности полых дисков, оканчивающих обод [Корзухина, 1978, с. 46]. Связывать рассматриваемую категорию вещей с женским убором позволяет находка маленькой бронзовой гривны с ромбическим замком, украшенным красной эмалью, в женском погр. 66 могильника Кошибеево [Спицын, 1903, рис. 277; Корзухина, 1978, с. 76, № 104; табл. 22: 8].

Из Мощинского клада происходит значительное количество бус разных типов (рис. 13: 20, 21, 24, 27). Известны они и на памятниках позднезарубинецкой (рис. 13: 17–19) и киевской культур [Обломский, 2002, с. 13, 20; рис. 12: 4–7; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 70; рис. 36: 5–7; Терпиловский, 2004, с. 29, 43–45; рис. 20: 6; 61: 14], причем в комплексе постройки 4 на поселении Гочево-1 стеклянная и янтарная бусины встречены вместе с пластинчатой трапециевидной подвеской и тремя лунницами с выемчатой эмалью [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 162; рис. 44: 1–5]. Вероятно, эти изделия входили в убор населения Поднепровья наряду с вещами, украшенными эмалевыми вставками. Логичнее всего предположить существование ожерелий из бус, но не исключено, что они могли использоваться и по-другому, например, нашиваться на ткань одежды или составлять браслеты.

В интересующем нас костюмном комплексе видное место занимали металлические ожерелья. Целый экземпляр такого украшения, при помощи ажурной застежки крепившегося на шее, происходит из кремации (?) в Жукине (рис. 13: 25). Его основой служил проволочный стержень, на который были надеты массивные литые крестовидные подвески без эмали, с углубленным орнаментом в виде крестов и свастик, и разделяющие их спиральные пронизи. Фрагменты похожих украшений найдены в Мощинском кладе (рис. 13: 26, 27). Среди них нужно отметить изделие, у которого к дротовой основе привешена единственная лунница с красной эмалью, а по бокам от нее размещены круглые бусины «из красной массы» и серии бронзовых спиральных пронизок (рис. 13: 27). Вообще эмалированные подвески различных форм часто встречаются поодиночке, в том числе среди инвентаря погребений. Видимо, у населения, в уборе которого использовались вещи круга выемчатых эмалей, металлические ожерелья, включавшие не серию, а всего одну подвеску, были достаточно распространены. Элементами подобных ожерелий, судя по материалам Жукинского и Мощинского (рис. 13: 23) комплексов, могли служить и спиральные и гладкие трубчатые пронизи, известные на памятниках киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 67].

Еще один характерный компонент «эмалевого» набора аксессуаров – так называемые нагрудные цепи разных типов (рис. 13: 28, 42–44; 14). Это большие сложные украшения, смонтированные из фигурных литых звеньев, которые соединены между собой парными кольчатыми цепочками или отдельными проволочными колечками. Они могут быть дополнены подвесками, чаще в форме лунниц. И подвески, и звенья цепей в большинстве случаев снабжены гнездами с разноцветной эмалью. В пределах Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья подобные изделия и их фрагменты встречены в Борзненском и Межигорском кладах, на поселении киевской культуры Хлепча [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 69], в Большой Салтановке, Стайках, в урочище Гай. Среди аналогий, происходящих из других регионов, упомянем сохранившуюся почти полностью цепь из фондов Вильнюсского исторического музея (рис. 15: II; [Корзухина, 1978, с. 81, № 196: 1; табл. 30: 1]) и образец из Мощинского клада, у которого в качестве звеньев использованы треугольные прорезные фибулы [Булычев, 1899, с. 18; табл. IX: 1; Корзухина, 1978, с. 38, 39; табл. 19].

Интерпретация рассматриваемых предметов вызывает определенные трудности. Если украшение из Борзненского клада более или менее уверенно можно причислять к нагрудным [Корзухина, 1978, с. 37], то размеры (например, длина цепи из Вильнюсского музея – около 4 м) и, соответственно, вес ряда других находок порождают сомнения в том, что они вообще имели отношение к человеческому костюму. Высказывалась мысль о принадлежности их конскому снаряжению, однако еще И. Хойновский, а вслед за ним Г.Ф. Корзухина отмечали, что такие вещи слишком хрупки, чтобы их можно было использовать в убранстве лошади [Хойновский, 1896, с. 168, 169; Корзухина, 1978, с. 38]. Е.Л. Гороховский, изучая материалы Межигорского клада, пришел к выводу, что все (кроме фибулы) входящие в данный комплекс изделия, в том числе цепь длиной около 2 м, составляют стилистически единый гарнитур украшений [Гороховский, 1982, с. 134, 135]. В целом большинство исследователей сейчас придерживается мнения, что сложные цепи из ажурных звеньев представляют собой один из элементов па-

радного убора населения Восточной Европы римского времени, но конкретные способы их ношения воссоздать пока не удается.

Подвески, связанные с комплексом предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей, относятся к нескольким разновидностям. Первая из них, наиболее массовая, включает литые изделия, среди которых преобладают лунницы различных вариантов, но известны и украшения иных форм – крестообразные, круглые, ромбические, пирамидальные и т.д. (рис. 13: 27–37). Как правило, они (кроме пирамидальных подвесок-колокольчиков) бывают украшены эмалевыми вставками. Вторую разновидность составляют пластинчатые, изготовленные из тонких раскованных металлических листов экземпляры. Это прежде всего трапециевидные подвески, размеры которых могут сильно варьировать; обычно они орнаментированы композициям из вытисненных точек, окружностей, дуг и т.д. Подобные находки известны в Межигорском и Мощинском кладах, а также на памятниках позднезарубинецкой и киевской культур (рис. 13: 38–41; 14; [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 65, 67; рис. 15: 18; Обломский, 2002, с. 13; рис. 12: 18–22]). Реже встречаются пластинчатые подвески-лунницы без эмали со слегка утолщенными концами [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 67; Обломский, 2002, с. 13; рис. 12: 8–10]. Наконец, последнюю разновидность представляют свернутые из проволоки миниатюрные двуспиральные подвески, изредка фиксируемые среди киевских материалов Среднего Поднепровья [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 67]. Связывать их с комплексом украшений «эмалевого» круга позволяют аналогичные изделия, прикрепленные к концам двурогих лунниц и входящие в состав Вильнюсской цепи (рис. 15: II).

Большинство перечисленных предметов принадлежит категории плоских подвесок, у которых длина и ширина больше толщины. Исключение составляют только пирамидальные колокольчики без эмали, такие, как, например, найденные в Межигорском и Мощинском кладах (рис. 13: 37; 14), а также в погребении из Красного Маяка [Гей, Бажан, 1993, с. 52; рис. 3: 18, 27]. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предполагать, что рассматриваемые вещи представляли собой нагрудные украшения и использовались как сериями, так и поодиночке. Они могли прикрепляться к гривнам, входить в состав ожерелий и нагрудных цепей. Информацией о других способах их использования мы не располагаем.

Одним из важных элементов убора «эмалевого» стиля являются фибулы – Т-образные, подковообразные, круглые, треугольные прорезные и др. – как с эмалью, так и без нее (рис. 13: 4–11, 13, 14, 16). В основном они представлены случайными единичными находками, но иногда встречаются в кладах или среди инвентаря погребений. В наибольшем количестве они известны в Мощинском кладе [Булычев, 1899, с. 18; табл. IX: 1; X: 1–3, 5–8; XII: 4, 5], однако специфический, возможно, ремесленный характер данного комплекса не позволяет достоверно реконструировать на его основе индивидуальные комплекты убора. Больше возможностей в этом отношении предоставляют материалы погр. 2 черняховского могильника Компанийцы. Данное захоронение было совершено на боку, парные бронзовые Т-образные фибулы поздней разновидности без эмали лежали пружинами вверх одна выше, другая ниже на корпусе погребенной и были соединены железной цепочкой, от которой сохранилось несколько корродированных звеньев (рис. 13: 14–16; [Некрасова, 2006, с. 106; рис. 58: 1]). Кроме того, по две одинаковые треугольные прорезные застежки зафиксированы в кладах из Борзны, Постав-Муки, а подковообразные, на одной из которых сохранился обрывок цепочки, – в Глажево (рис. 13: 6, 7, 10). В кладе из Шишино-5, включавшем, вероятно, набор личных украшений, в пару объединены однотипные, но несколько различающиеся внешне треугольные прорезные экземпляры. В инвентарь подкурганного захоронения из урочища Гай (Радичева), по данным Г.Ф. Корзухиной, входили две Т-образные фибулы (рис. 13: 11; [Корзухина, 1978, с. 72; № 80]), однако Е.Л. Гороховский, привлекший к изучению этого комплекса дополнительные источники, полагает, что такая фибула в нем была только одна [Гороховский, 1982, с. 137]. Вне Поднепровья парные броши «эмалевых» типов отмечены в погребениях из Двораков-Пикут, Вышки (бывш. Виски), Херсонеса и др. [Корзухина, 1978, с. 77, 83; № 127; 228; 234; табл. 23: 1, 2; 28: 3, 4].

Одиночные застежки в среднеднепровском регионе известны среди инвентаря сожжения (?) в Жукине и в Межигорье, а кроме того, в кладе из Глажево, который наряду с парой подковообразных включал Т-образную фибулу (рис. 13: 5, 8; 14). Вообще же на территории распространения восточноевропейских выемчатых эмалей комплексы, в которых представлена только одна (чаще подковообразная) фибула, весьма многочисленны. В ингумациях такие находки иногда бывают зафиксированы в районе плеча погребенного (как в женском захоронении 21 могильника Кузьминское [Корзухина, 1978, с. 76; № 101; табл. 16: 3]), что, однако, не исключает других вариантов их расположения, например, на поясе или посередине верхней части корпуса.

Таким образом, можно предполагать, что в уборе, включавшем предметы круга выемчатых эмалей, фибулы использовались парами и поодиночке, причем, судя по материалам Глажевского клада, не исключено сочетание парных и одиночных брошей в одном комплекте личных украшений. Остатки цепочек, зафиксированные в Компанийцах и на глажевском экземпляре, указывают, что застежки могли соединяться между собой или с другими украшениями, например, подвесками или нагрудными цепями. Для более детальной реконструкции принципов ношения фибул и места, занимаемого ими в костюме позднезарубинецкого и киевского населения Среднего Поднепровья, данных пока недостаточно.

Украшения рук в интересующем нас наборе представлены браслетами нескольких разновидностей: массивными, с прорезными щитками, украшенными эмалевыми вставками (рис. 13: 50); так называемыми браслетами с гребешками или с ребрами без эмали (рис. 13: 45, 46, 49); проволочными спиральными образцами (рис. 13: 47, 48). В комплексах они встречаются по одному (Межигорский клад) или парами (курган на берегу р. Стугны, погребение (?) из Жукина). В комплекте украшений, составлявших клад из Шишино-5, парные спиральные браслеты сопровождались экземпляром с массивными перпендикулярными корпусу ребрами. Три браслета, по сведениям Г.Ф. Корзухиной, происходят также из Глажевского клада. Не исключено, что какие-то варианты убора могли одновременно включать и более трех подобных вещей, но подтвердить это предположение на данный момент мы не можем.

Кроме браслетов в группу украшений рук входят перстни, известные в Среднем Поднепровье в качестве случайных находок. В основном они имеют прорезные фигурные щитки, как с эмалевыми вставками, так и без них (рис. 13: 51).

Изделия в виде так называемых обручей с лопастями принято считать поясными принадлежностями. Два таких предмета происходят из кургана на р. Стугне (рис. 13: 52). Наиболее полное представление о них дают материалы клада из Красного Бора [Корзухина, 1978, с. 84; № 240; Поболь, 1971]. К украшениям пояса относится также пряжка из погребения в Компанийцах [Некрасова, 2006, с. 106; рис. 58: 1, 4], хотя, возможно, в данной ситуации следует говорить о традициях не столько «эмалевого», сколько черняховского костюмного комплекса.

Уникальной для Среднего Поднепровья является булавка с круглым навершием, украшенным красной эмалью (рис. 13: 12; [Корзухина, 1978, с. 67; № 36; табл. 11: 1]).

По материалам Межигорского, Борзненского кладов, погребения (?) в Жукине и ряда других комплексов Е.Л. Гороховским была выполнена серия графических реконструкций (рис. 15; 16; [Гороховский, 1988б, табл. 40; 44: 22; 45; 46])[8]. Они наглядно демонстрируют диапазон вариантов «эмалевого» убора, от сравнительно бедных, включавших зачастую всего одно металлическое изделие, до богатых и представительных. Рассматривая же общий набор вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей, нельзя не заметить сходства его структуры со структурой убора, зафиксированного «древностями антов» I группы[9]. В частности, и для первого, и для второго комплекса костюма характерен акцент на верхнюю часть корпуса и голову. Головные украшения в обоих случаях представлены тонкими металлическими пластинами-венчиками, орнаментированными штамповкой и тиснением. Шейные гривны также известны и в «эмалевом», и в «мартыновском» наборах, причем иногда по несколько штук в одном комплекте. Далее, и в эпоху эмалей, и в раннесредневековое время отмечается традиция парного использования фибул, иногда такие пары могли быть дополнены одиночными застежками другого типа. Важнейшим элементом костюма в обоих рассматриваемых случаях являлись сложные многочастные металлические нагрудные украшения: ожерелья и цепи с подвесками, которые могли крепиться к фибулам или надеваться на шею. Их основу составляли цепочки, в том числе из пластинчатых звеньев, и спиральные и гладкие пронизи, надетые на металлический стержень или шнурок. И для убора круга выемчатых эмалей, и для вещевого комплекса, зафиксированного в кладах типа Мартыновского, характерно серийное использование однотипных подвесок в нагрудных украшениях. В основном они принадлежат к категории плоских, исключение составляют только объемные колокольчики, пирамидальные в первом и конические во втором наборе. Важно отметить, что даже формы ряда вещей (свернутые из проволоки двуспиральные подвески, лунницы, пластинчатые трапециевидные изделия, украшенные штампованным орнаментом) «эмалевого» и «мартыновского» круга чрезвычайно близки. Наконец, и в костюмном комплексе, включавшем предметы с эмалями, и среди «древностей антов» I группы имеются украшения рук, представленные браслетами (для которых в обоих случаях фиксируется парное и одиночное использование) и перстнями.

Таким образом, следует констатировать значительное *сходство структур* убора круга восточноевропейских выемчатых эмалей, с одной стороны, и вещевого комплекса, отразившегося в днепровских раннесредневековых кладах I группы, с другой. Отметим, что указанное сходство состоит не только в совпадении *категориального состава* рассматриваемых наборов, оно существует и на уровне форм отдельных украшений и принципов их использования.

Начало формирования «эмалевого» стиля украшений в Поднепровье относится ко 2-ой половине II – началу III в. и, как было отмечено, связано с творческой активностью носителей позднезарубинецкой и киевской культур [Гороховский, 1982, с. 134; 1988б, с. 119, 127 и сл.; Обломский, Терпиловский, 2004]. Истоки этого стиля находятся, как считают исследователи, в традициях раннеримского и позднелатенского прикладного искусства, существенное влияние на его формирование в бассейне Днепра оказали древности Западной Литвы и, в меньшей степени, эстонско-финского региона [Корзухина, 1978, с. 51–53; Гороховский, 1982, с. 133, 134, 143, 144; 1988б, с. 124, 125, 127, 128 и сл.]. Со 2-ой половины – конца III в. украшения и аксессу-

[8] Автором эти реконструкции до настоящего времени не публиковались. Выражаю Е.Л. Гороховскому искреннюю признательность за разрешение использовать их в данной работе.

[9] Пользуясь случаем, хочу поблагодарить А.М. Обломского, первым заметившего указанное сходство и поделившегося со мной своими наблюдениями по данному поводу.

ары одежды с выемчатыми эмалями и их дериваты выходят из употребления, хотя для отдельных вещей третьей стадии развития стиля нельзя исключать и возможность их датировки гуннским временем [Гороховский, 1988б, с. 119, 123, 126, 127; Обломский, Терпиловский, 2004, с. 163–165].

Таким образом, между существованием в среднеднепровском регионе набора украшений и элементов одежды круга выемчатых эмалей и становлением убора «мартыновского» типа имеется значительная хронологическая лакуна. Несмотря на сходство рассматриваемых комплексов, она не позволяет напрямую связывать происхождение женского костюмного комплекса «древностей антов» I группы с «эмалевым» убором позднезарубинецкого и киевского населения. Возможно, плодотворным в данном контексте окажется исследование прибалтийских и, в более широком смысле, балтских материалов. С одной стороны, в Юго-Восточной Прибалтике существовал собственный очаг изготовления и распространения характерных фибул, подвесок и других вещей с эмалью. Между днепровскими и балтийскими древностями существует очевидная близость, на это указывает как типологическое сходство конкретных предметов, так и совпадение категориального состава вещевых комплексов этих двух регионов [Корзухина, 1978, с. 51 и сл.; Гороховский, 1988б, с. 125; Гей, Бажан, 1993, с. 55–58; и др.]. Еще И. Хойновский, аргументируя принадлежность предметов из Межигорского клада личному убору, предлагал сравнить его с материалами Люцинского могильника [Хойновский, 1896, с. 169]. С другой стороны, в женском костюмном комплексе Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья VII в. четко фиксируется значительный пласт балтских влияний и заимствований, что неоднократно отмечалось исследователями [Приходнюк, 1980, с. 142; Щеглова, 1999а, с. 309; Родинкова, 2003а, с. 97, 99, 100; 2003б]. Северо-западное направление контактов всегда было для населения днепровского региона значимым, хотя, возможно, не всегда достаточно очевидным по археологическим данным. Поэтому, может быть, не будет слишком смелым предположение, что балтийские древности, материальная культура населения Юго-Восточной Прибалтики, стали своеобразным «передаточным звеном», которое связало днепровские ювелирно-художественные традиции римского времени и VII в. Можно предположить, что система женского убора в раннем средневековье была заимствована населением Поднепровья у балтских племен, у которых она сохранилась и после выхода из употребления собственно украшений с выемчатыми эмалями и продолжала существовать вплоть до начала II тыс. н.э. (рис. 17). Однако данная гипотеза требует более подробного изучения и обоснования, которое выходит за рамки настоящей работы.

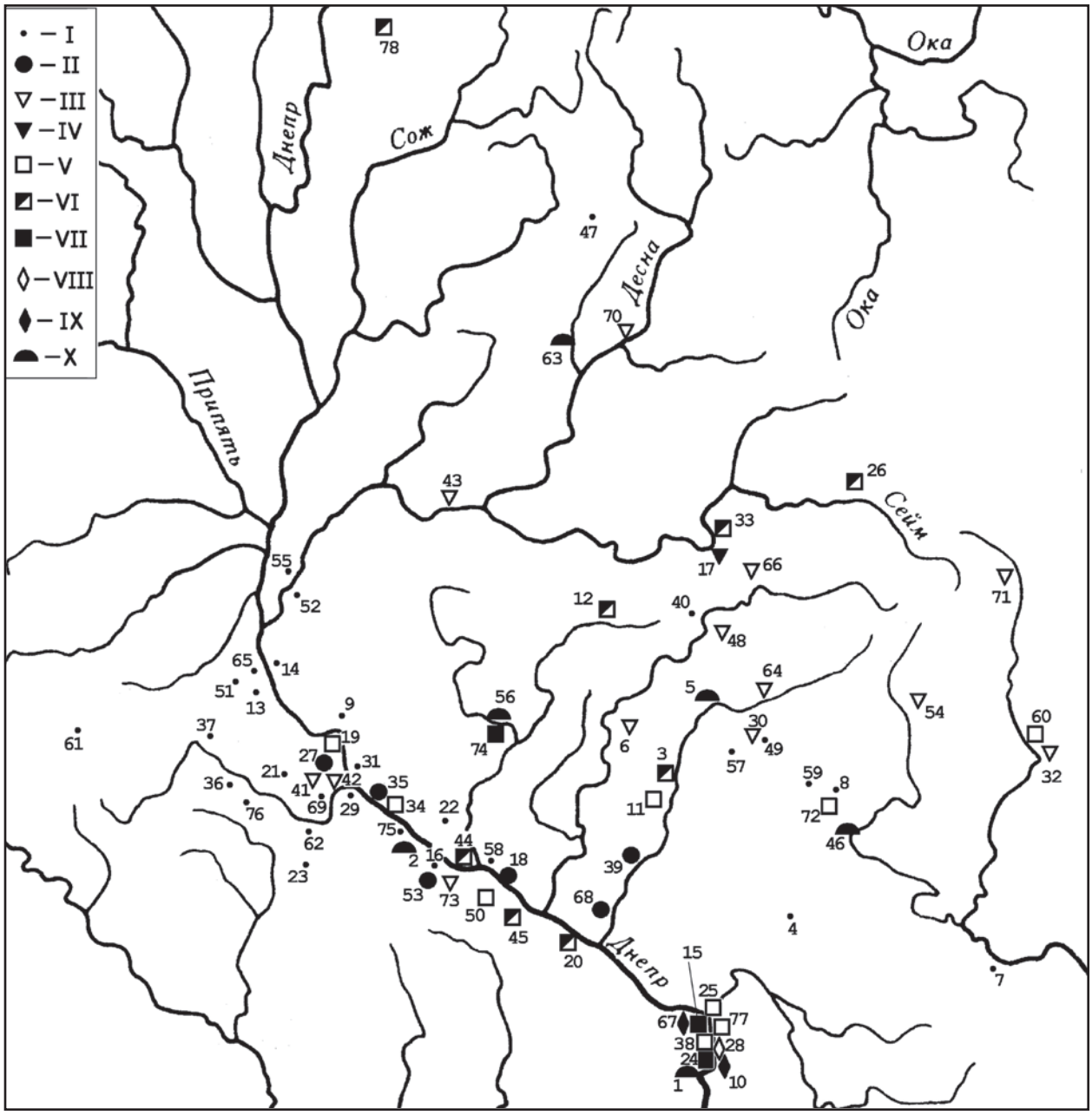

Рис. 1. Распространение женских украшений и металлических деталей одежды круга «древностей антов» I группы в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье.

I – случайная находка; II – скопление случайных находок; III – клад, найденный случайно; IV – клад, найденный в ходе раскопок поселения; V – вещь, найденная на поверхности поселения, содержащего колочинские или пеньковские материалы; VI – вещь, найденная в культурном слое поселения, содержащего колочинские или пеньковские материалы; VII – вещь, найденная в комплексе постройки; VIII – вещь, происходящая из разрушенного погребения по обряду кремации; IX – вещь, найденная в процессе исследования погребения по обряду кремации; X – вещь, найденная в погребении по обряду ингумации. 1 – Алексеевка; 2 – Балаклея; 3 – Бельск; 4 – Берестовка; 5 – Березовка; 6 – Блажки; 7 – Богородичное; 8 – Большая Даниловка; 9 – Букрин; 10 – Васильевка (Днепропетровская обл.); 11 – Васильевка (Полтавская обл.); 12 – Великие (Большие) Будки; 13 – Веремье; 14 – Вишеньки; 15 – Волошское; 16 – Гамарня; 17 – Гапоново; 18 – Градижск; 19 – Григоровка (Григорьевка); 20 – Дереивка; 21 – Дудари; 22– Жаботин; 23 – Журавка; 24 – Звонецкое; 25 – Игрень; 26 – Каменево; 27 – бывш. Каневский уезд (включая Журженцы, Литвинцы, Петрушки, Пыляву, Россаву, Степанцы, Сухины, Хмельну); 28 – о. Кизлевый; 29 – Княжа Гора; 30 – Козиевка–Новая Одесса; 31 – Колоберда; 32 – Колосково; 33 – Комаровка; 34 – Коробовка; 35 – Лебеховка; 36 – Лесовые Скибинцы; 37 – Мазепинцы; 38 – балка Майоровая; 39 - Малая Перещепина; 40 – Малая Рыбица (Могрица); 41 – Малый Ржавец; 42 – Мартыновка; 43 – Мена; 44 – хут. Миклашевский; 45 – Молочарня (Пеньковка); 46 – Мохнач; 47 – Мужиново; 48 – Нижняя Сыроватка; 49 – Новая Одесса; 50 – Новоселица;

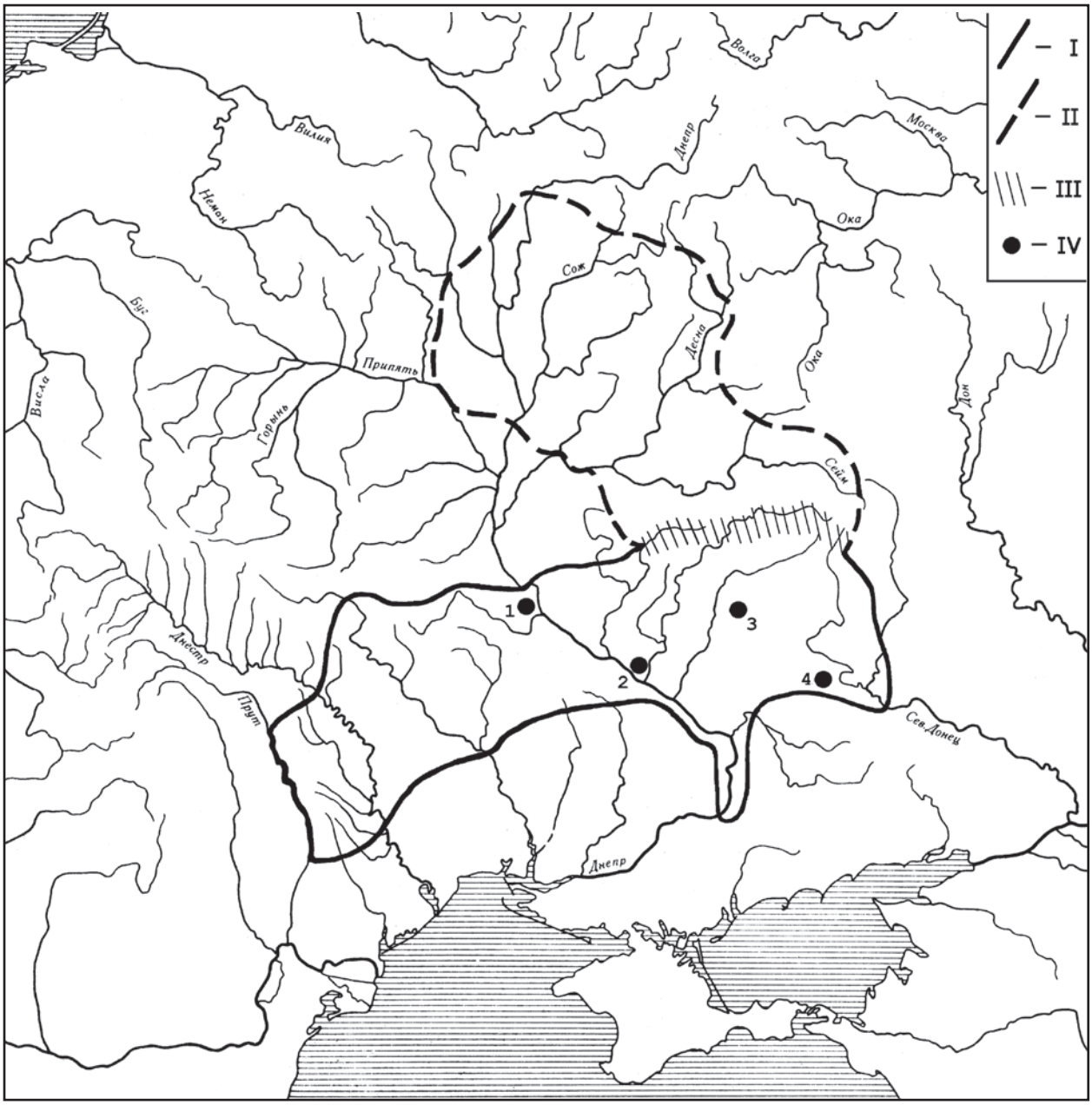

Рис. 2. Распространение колочинской и пеньковской культур и некоторые ингумации 2-ой половины V–VI (VII?) в. в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье.

I – границы пеньковской культуры (по [Приходнюк, 1998, рис. 1–5] с уточнениями по [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 92]); II – границы колочинской культуры (по [Седов, 1982, карта 6] с уточнениями по [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 92]); III – зона взаимовлияния колочинской и пеньковской культур; IV – ингумации 2-ой половины V–VI (VII?) вв. 1 – Мартыновка; 2 – Максимовка; 3 – Любовка; 4 – Волобуевка.

Подписи к рис. 1 (окончание).

51 – Ольшаница; 52 – бывш. Остерский уезд; 53 – Пастырское; 54 – Первое Цепляево; 55 – Погребы; 56 – Поставмука; 57 – Потаповка; 58 – Пронозовка; 59 – Протопоповка; 60 – Пузино; 61 – Райки; 62 – Сахновка; 63 – Случевск; 64 – Смородино; 65 – Староселье; 66 – Суджа; 67 – о. Сурской; 68 – хут. Тахтайки; 69 – Трощин; 70 – Трубчевск; 71 – Углы; 72 – Харьков; 73 – Хацки; 74 – Хитцы; 75 – Черкассы; 76 – Чернин; 77 – балка Яцевая; 78 – Никодимово.

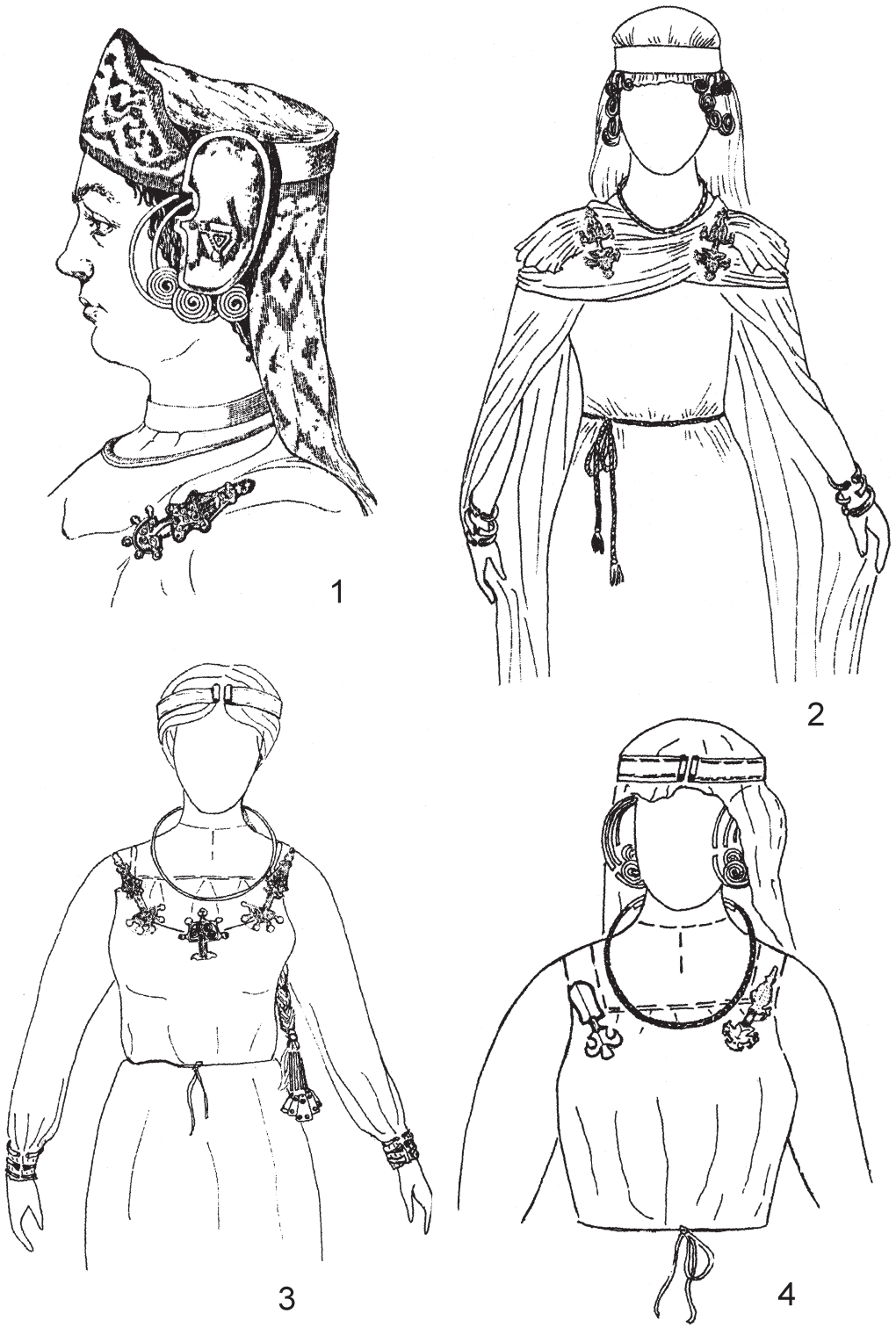

Рис. 3. Варианты реконструкции женского убора круга «древностей антов» I группы.
1, 2 – по материалам Мартыновского клада (1 – по [Рыбаков, 1953, рис. 19], 2 – по [Давня історія Україні, 1995, рис. на с. 44]);
3, 4 – по материалам Трубчевского клада (по [Щеглова, 1999а, рис. 16; 17]).

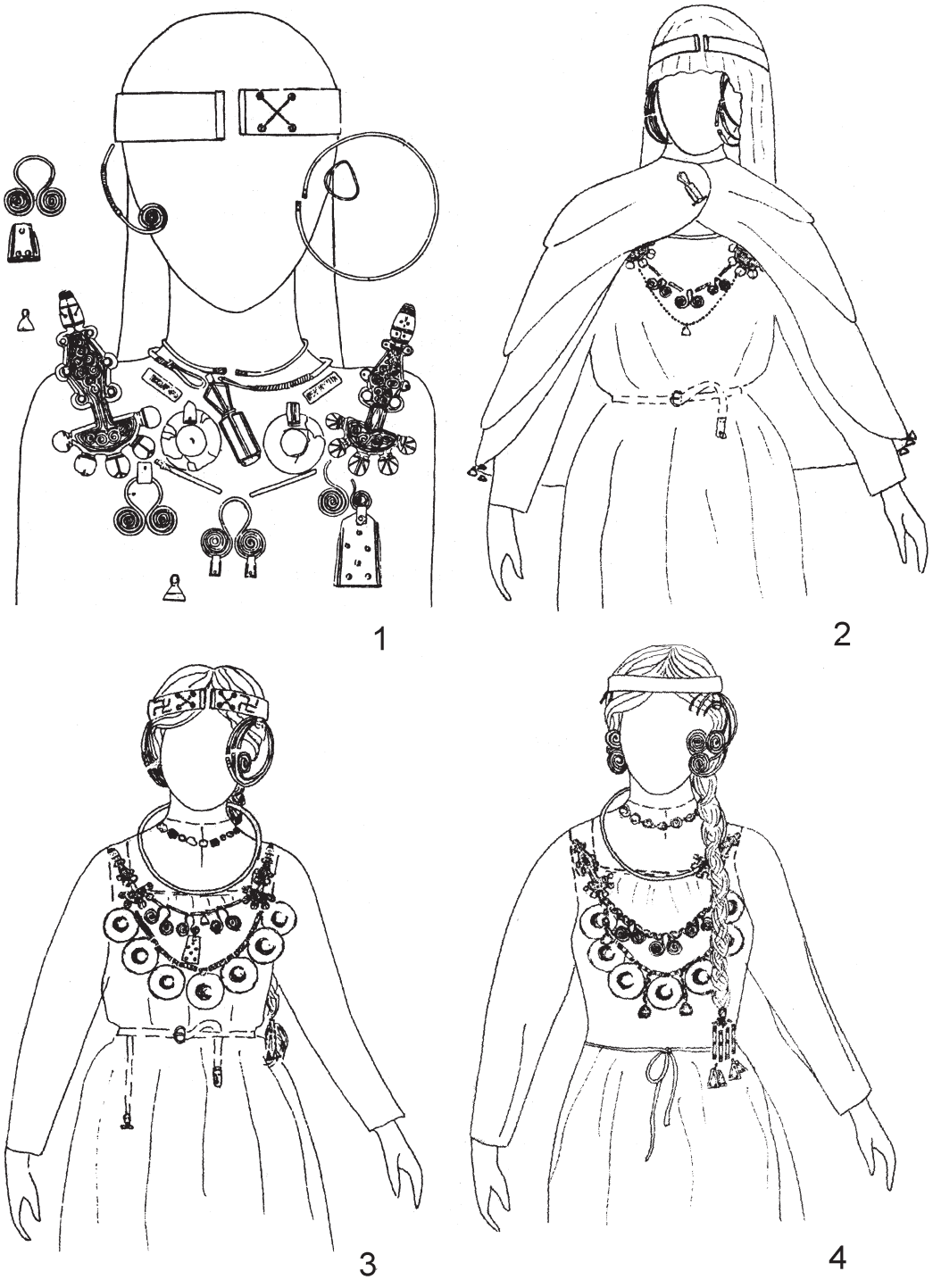

Рис. 4. Варианты реконструкции женского убора круга «древностей антов» I группы.
1 – схема размещения предметов убора из Гапоновского клада (по [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 57]);
2, 3 – реконструкция уборов по материалам Гапоновского клада (по [Щеглова, 1999а, рис. 18; 19]); 4 – реконструкция убора по материалам Суджанского клада (по [Щеглова, 1999а, рис. 15]).

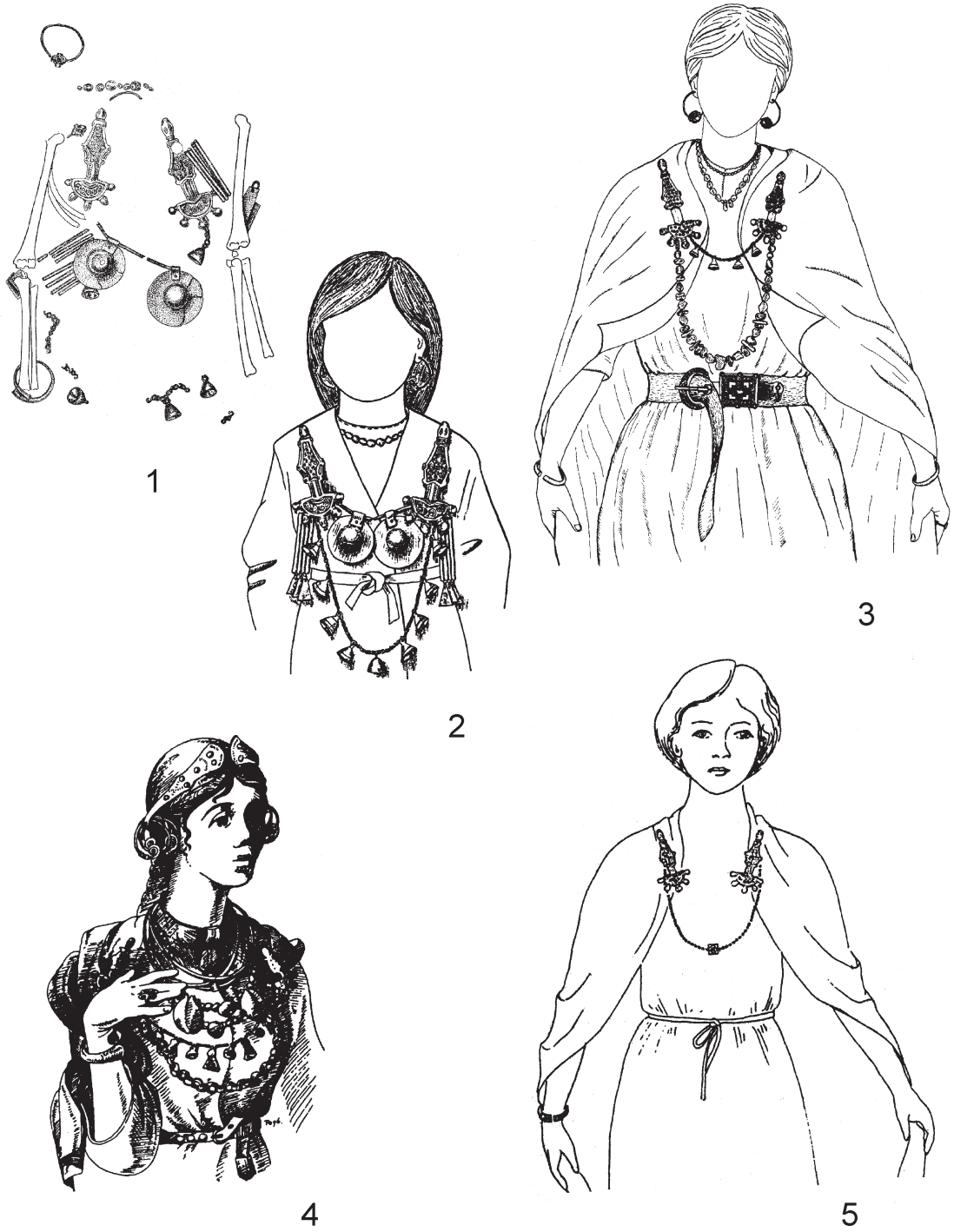

Рис. 5. Варианты реконструкции женского убора круга «древностей антов» I группы.
1 – план погр. 20 склепа 54 могильника Лучистое (по [Айбабин, 1990, рис. 56]); 2 – реконструкция убора девочки по материалам погр. 20 склепа 54 могильника Лучистое (по [Хайрединова, 2002б, рис. 11]); 3 – реконструкция женского убора из погр. 4 склепа 43 могильника Лучистое (по [Хайрединова, 1997, рис. 1]); 4 – реконструкция женского убора из погребения в Мохначе (по [Аксенов, Бабенко, 1998, рис. 5]); 5 – реконструкция женского убора из погр. 280 могильника Данчены (по [Щеглова, 1999а, рис. 6]).

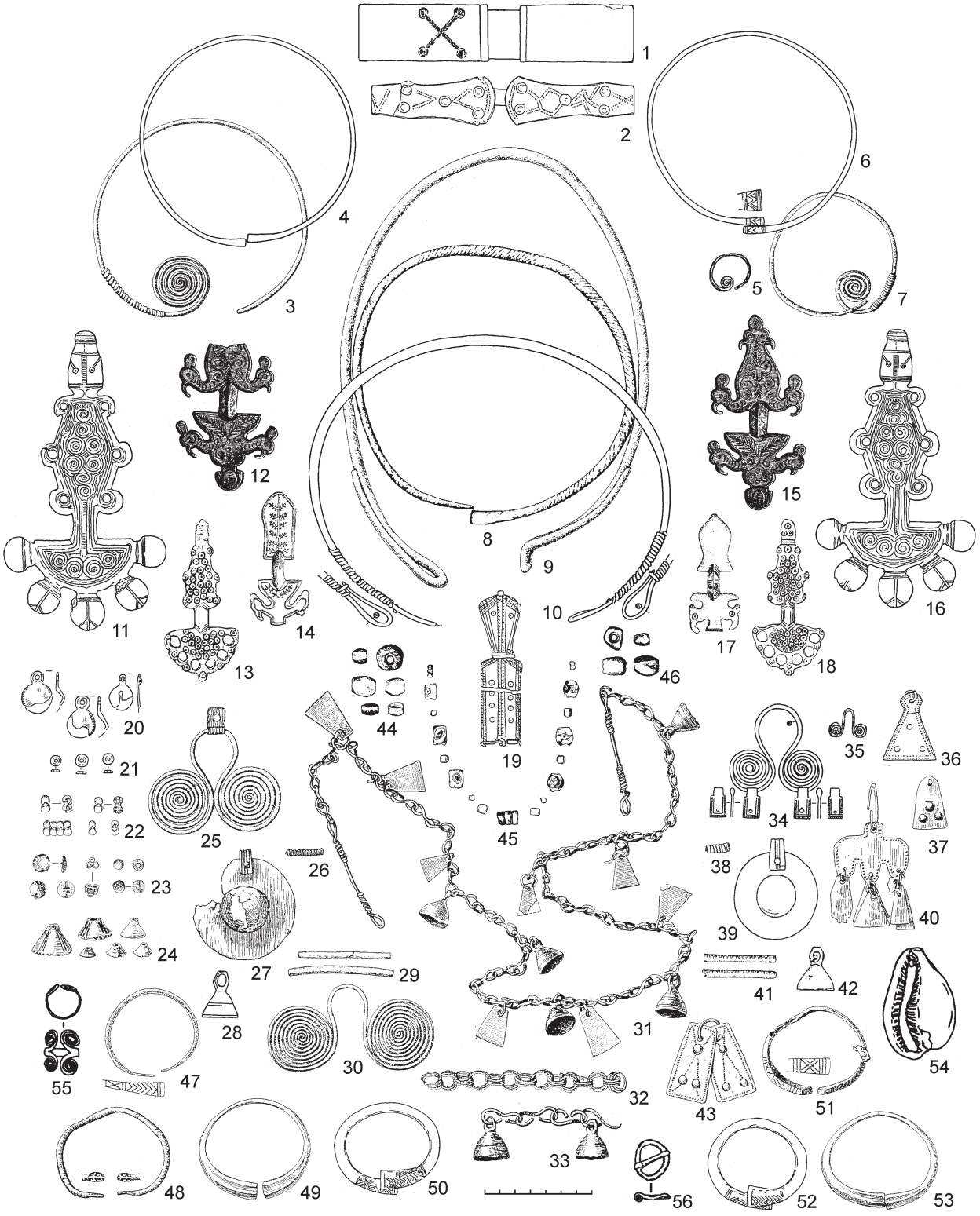

Рис. 6. Набор женских украшений и аксессуаров костюма круга «древностей антов» I группы.

1, 4, 6, 10, 11, 16, 20, 21, 25, 26, 28, 34, 38, 39, 44–46 – Гапоновский клад; 2, 19, 36, 42, 50, 52, 54–56 – Мохнач; 3, 43 – Суджанский клад; 5, 35 – о. Кизлевый; 7, 22–24, 27, 32, 33, 37, 40, 41, 48 – Козиевский–Новоодесский клад; 8 – Малоржавецкий клад; 9, 12, 15, 30, 49, 53 – Мартыновский клад; 13, 18 – Трубчевский клад; 14, 17 – Суук-Су, погр. 131; 29 – Хацковский клад; 31 – бывш. Полтавская губ.; 47, 51 – Колосковский клад; 20–24 – свинцово-оловянные сплавы; 44, 46 – янтарь; 45 – стекло; остальное – серебро, латунь.

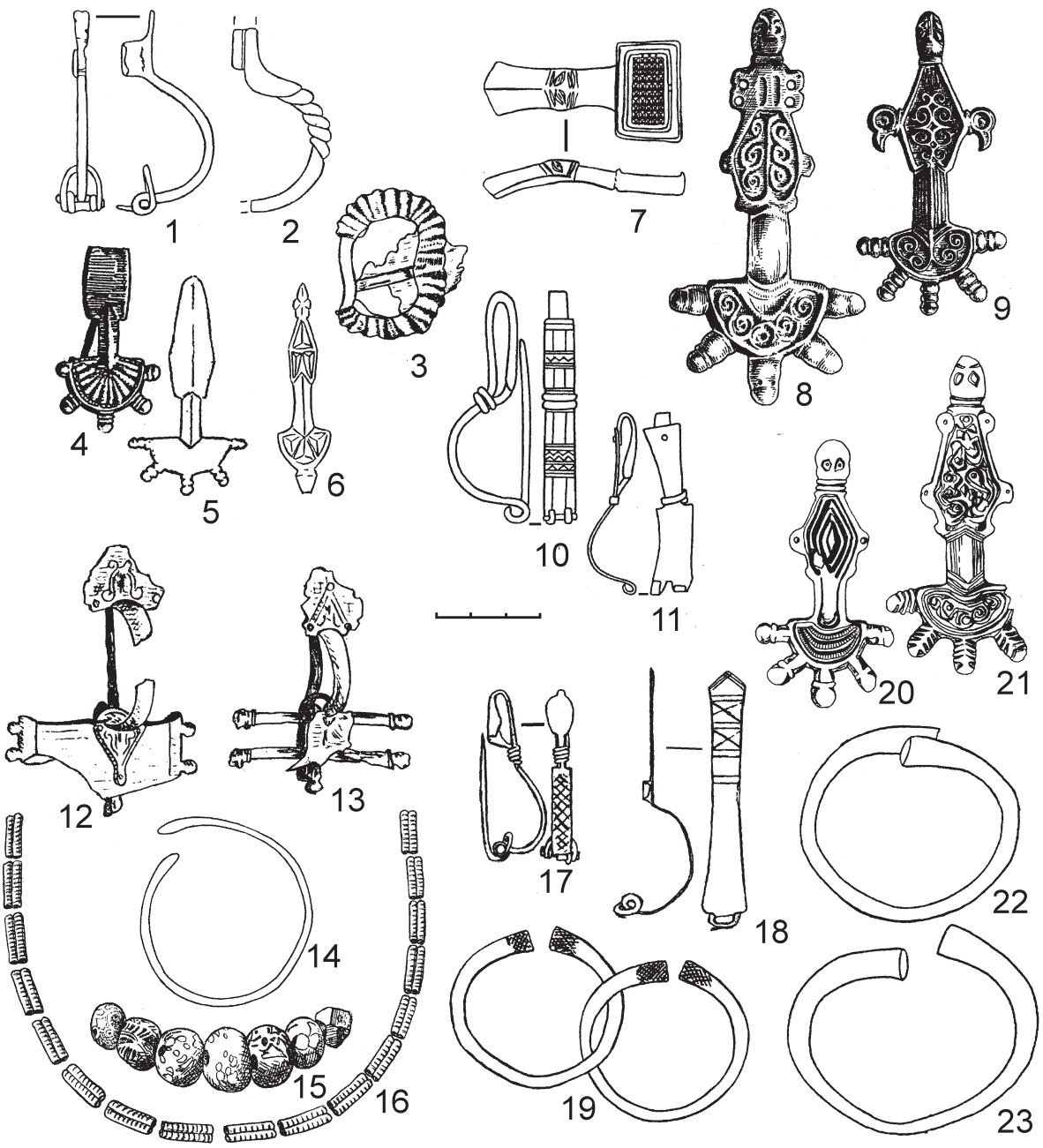

Рис. 7. Некоторые комплексы и отдельные находки украшений
и предметов убора 2-ой половины V–VI (VII?) в.
в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье.
1 – Ходосовка; 2 – Колодезный Бугор; 3 – Великая Андрусовка-3; 4 – Пастырское городище; 5 – Мощёнка; 6 – Токари; 7 – Картамышево-2; 8 – окрестности г. Черкассы; 9 – Княжа Гора; 10 – о. Кизлевый; 11 – Градижск; 12–16 – Волобуевка; 17–19 – Любовка; 20, 21 – Мартыновка; 22, 23 – Максимовка; 17–19 – рисунки И.О. Гавритухина.

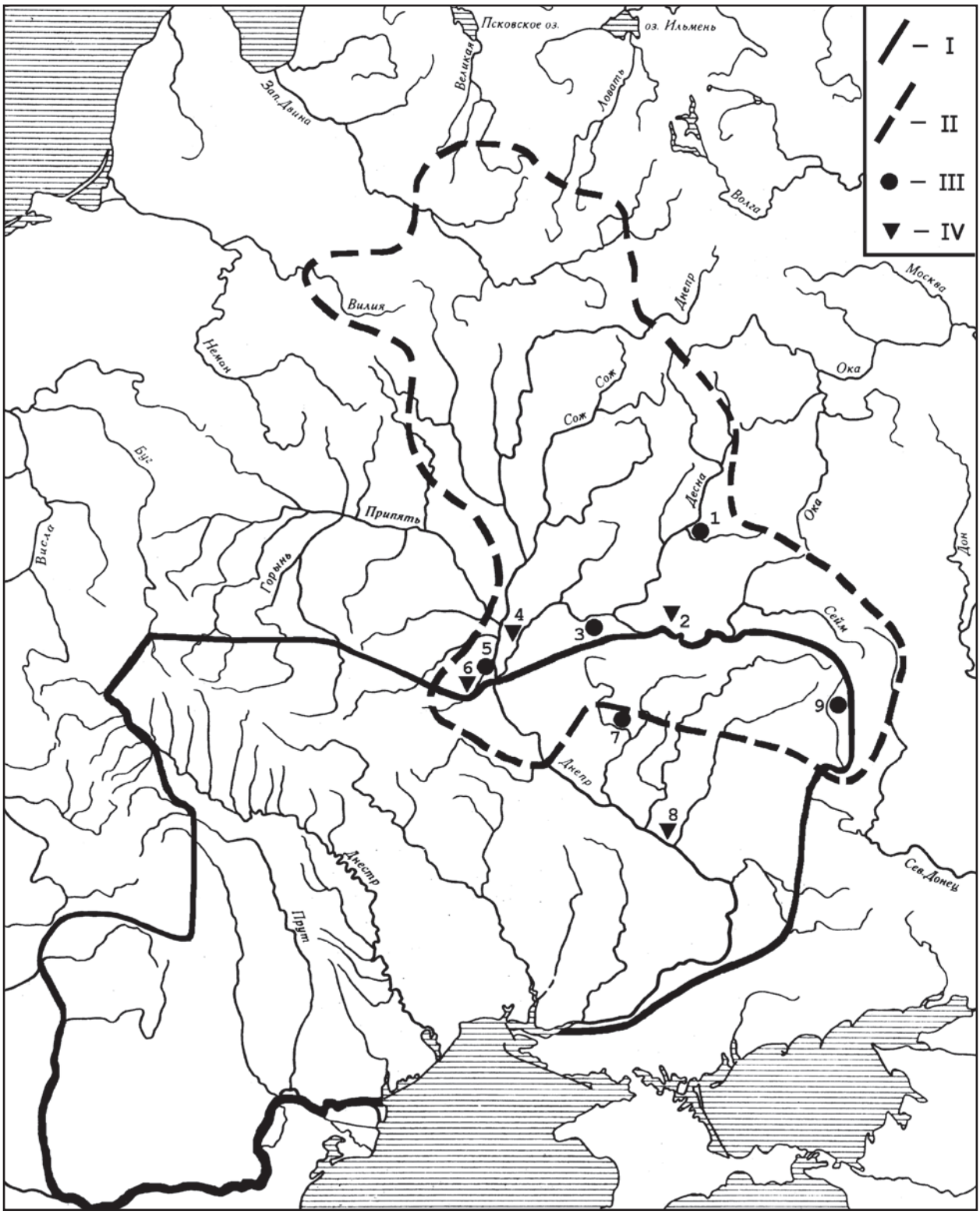

Рис. 8. Распространение киевской и черняховской культур
и некоторые комплексы украшений и предметов убора круга восточноевропейских выемчатых эмалей
на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья.
I – границы черняховской культуры (по [Магомедов, 2001, рис. 88–91]); II – границы киевской культуры (по [Терпиловский, 2004, рис. 27] с уточнениями по главам 1 и 4 данной книги); III – клады; IV – погребения.
1 – Глажево; 2 – уроч. Гай (Радичев); 3 – Борзна; 4 – Жукин; 5 – Межигорье; 6 – Стугна; 7 – Постав-Мука;
8 – Компанийцы; 9 – Шишино-5.

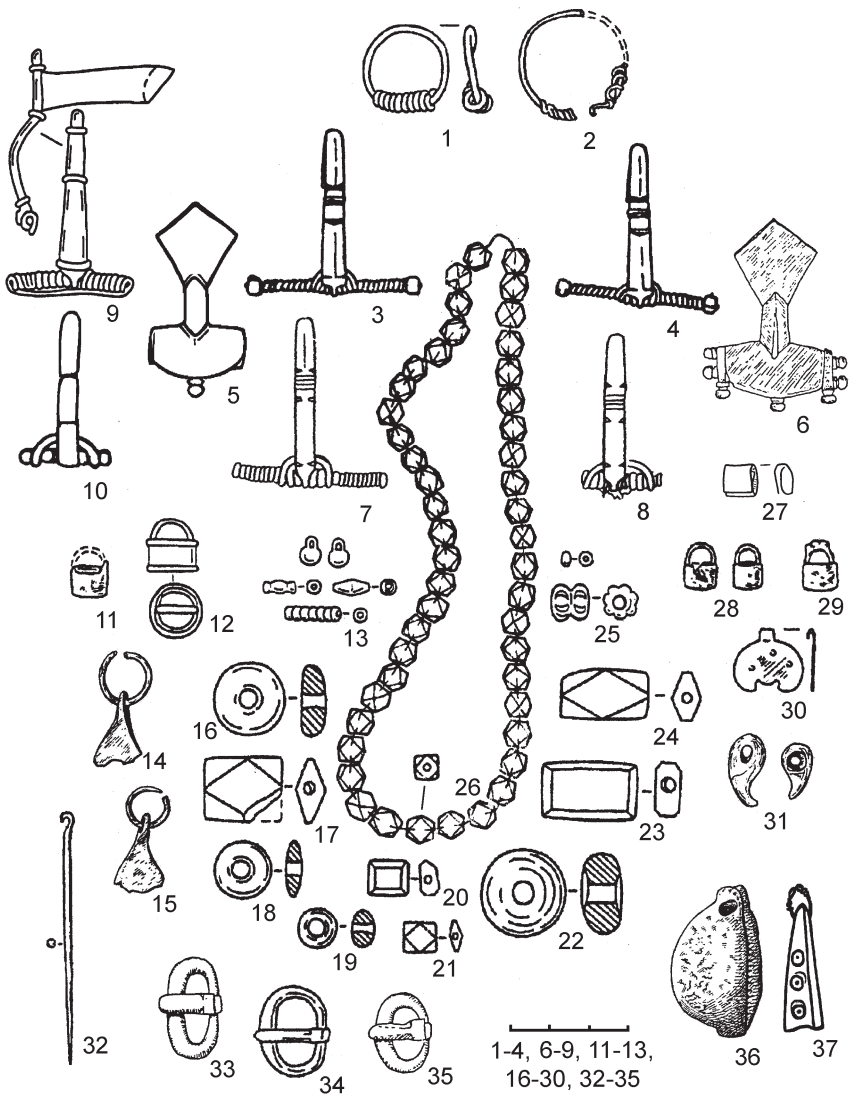

Рис. 9. Набор женских украшений и аксессуаров костюма населения черняховской культуры в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье.

1, 7, 8, 11–13, 25 – Ромашки (7, 8, 11–13, 25 – погр. 40); 2 – Переяслав-Хмельницкий, могильник; 3, 4, 26, 35 – Сумы-Сад (3, 4, 26 – погр. 8; 35 – погр. 7); 5, 6, 37 – Черняхов (5, 6 – погр. 160); 9 – Боромля-2, постройка 1; 10 – Маслово, погр. 68; 14, 15, 31, 36 – Великая Вильшанка; 16–24, 28–30, 32, 34 – Соснова, могильник; 27 – Боромля-1, погр. 24; 33 – Журавка, погр. 2; 13, 16–26, 31 – сердолик, янтарь, стекло; 37 – кость; 36 – раковина; остальное – металл.

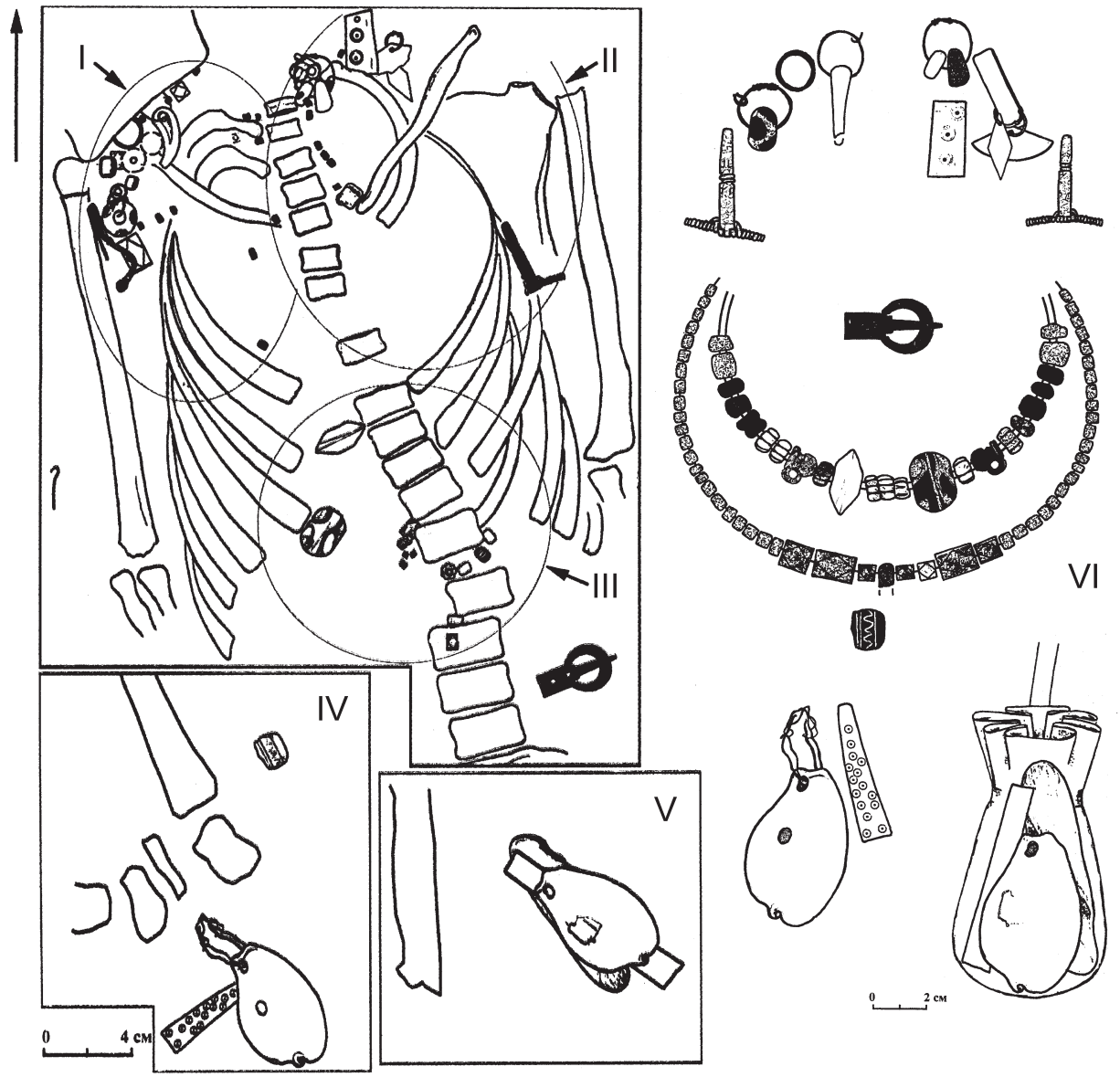

Рис. 10. План размещения находок в погр. 132 могильника Великая Бугаевка черняховской культуры и реконструкция элементов женского убора по материалам этого погребения (по [Петраускас, 2004, рис. 3; 7]). I – скопление «правое плечо»; II – скопление «левое плечо»; III – скопление «пояс»; IV – скопление «ступни»; V – скопление «левое колено»; VI – реконструкция элементов убора погребенной.

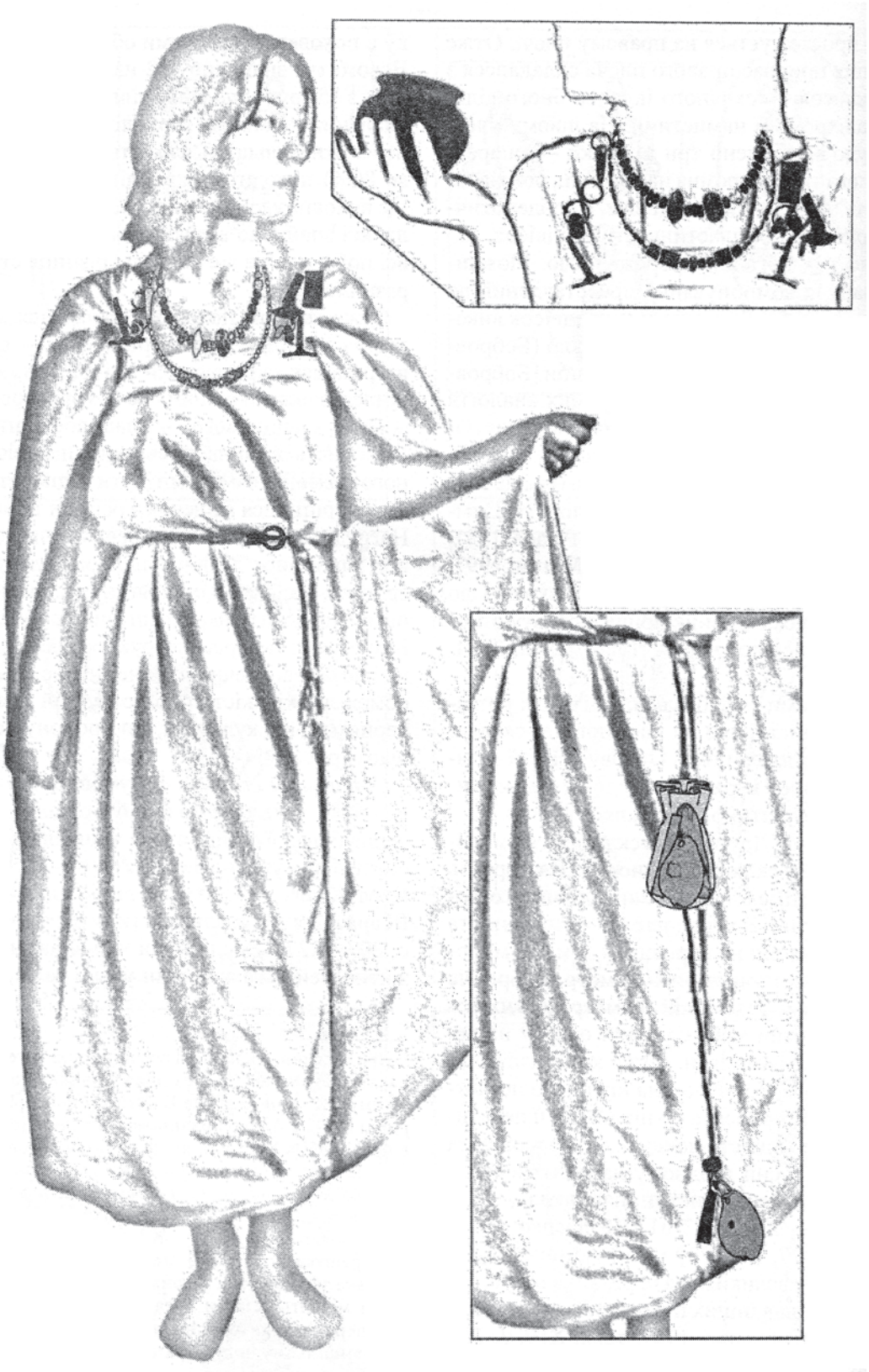

Рис. 11. Варианты реконструкции женского костюма по материалам погр. 132 могильника Великая Бугаевка черняховской культуры (по [Петраускас, 2004, рис. 9]).

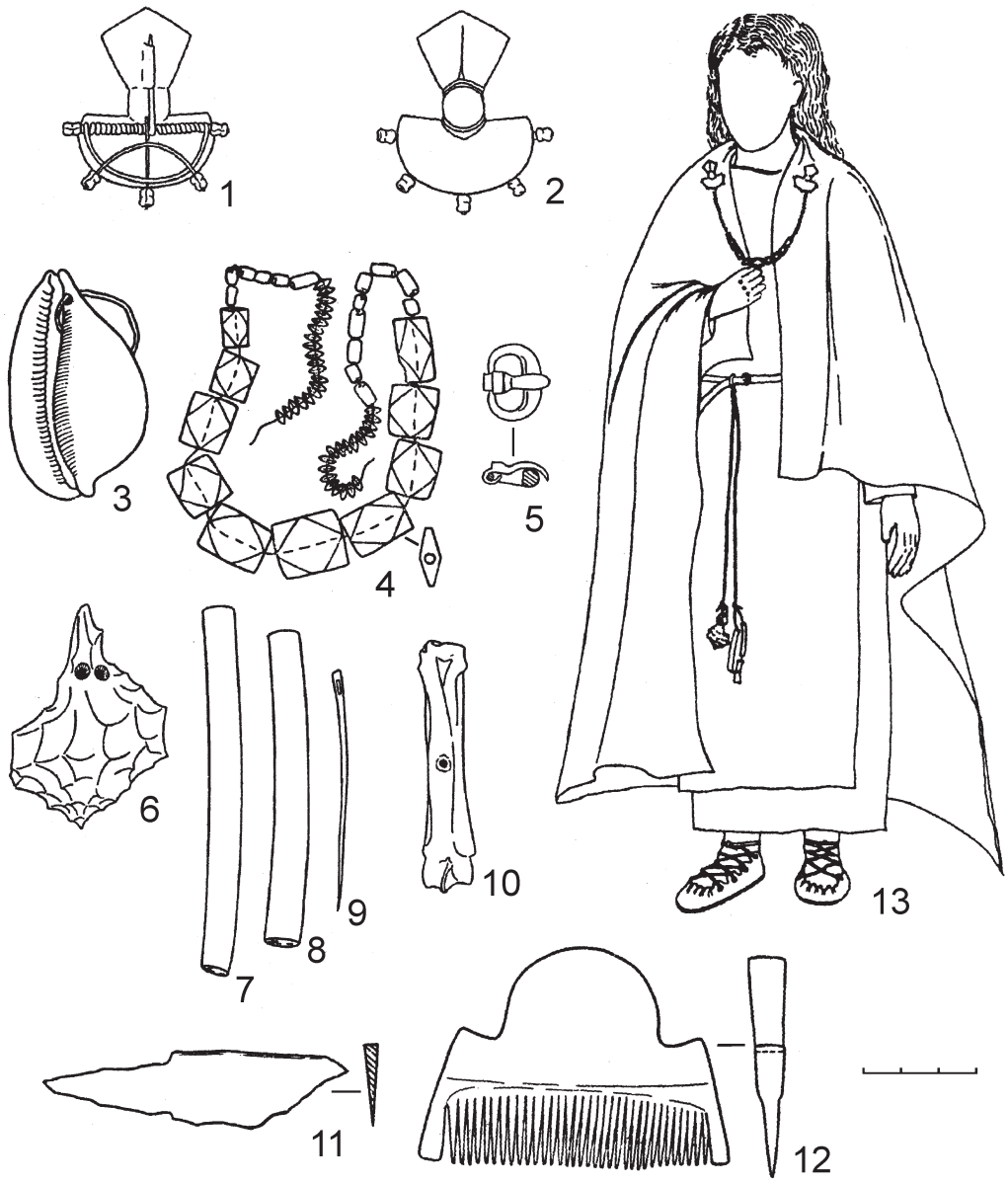

Рис. 12. Вещи из погр. 5 могильника Сумы-Сад черняховской культуры
и реконструкция женского убора по материалам этого погребения.
1–12 – по [Некрасова, 1985, рис. 4: 2–13]; 13 – по [Гопкало (Бобровська), 2004, рис. 1].

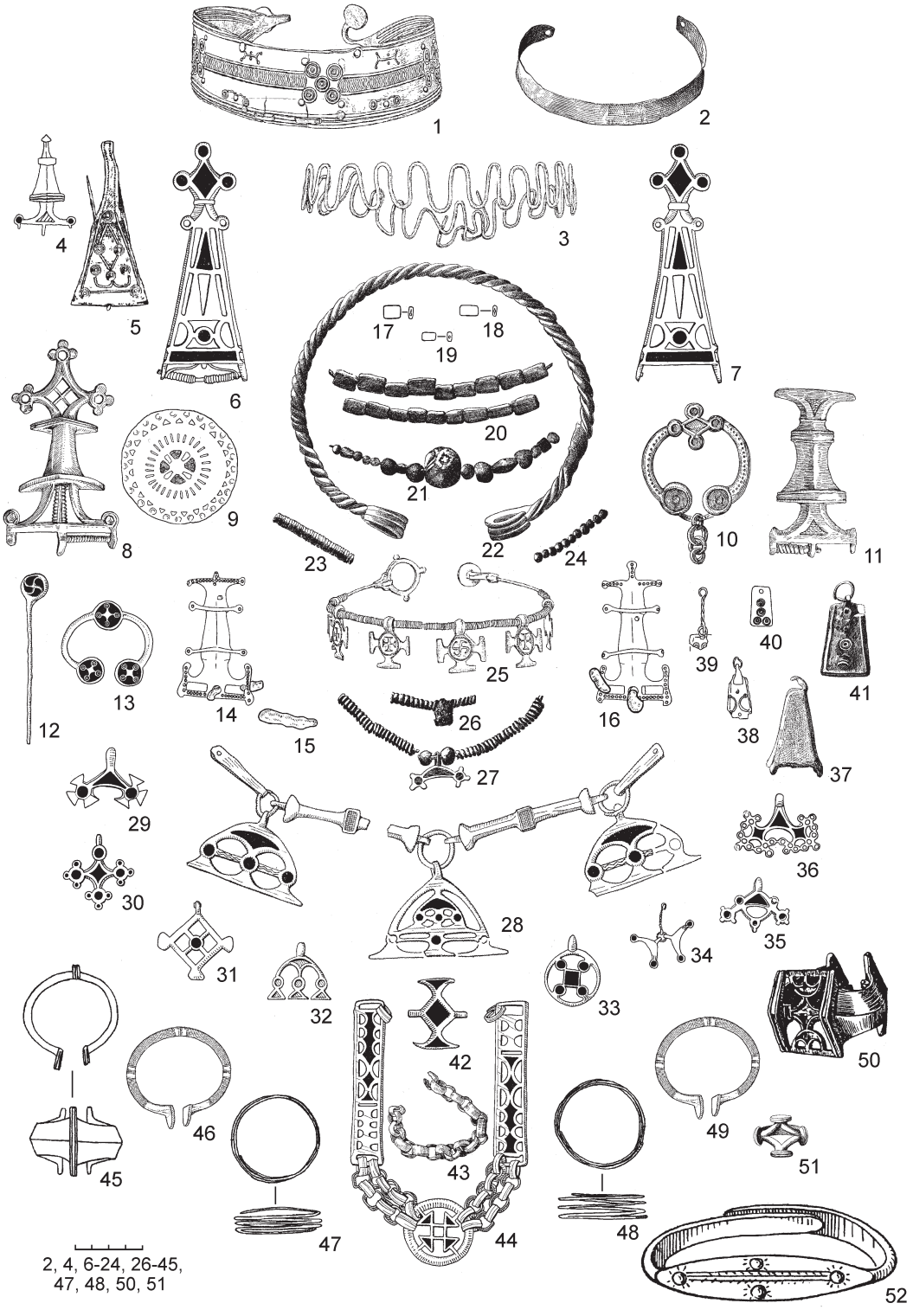

Рис. 13. Набор украшений и аксессуаров костюма круга восточноевропейских выемчатых эмалей из Поднепровья и Поочья.

1, 3, 5, 25, 46, 49 – Жукин, погребение (?); 2, 20–24, 26, 27, 37, 41 – Мощинский клад; 4 – Головино-1, культурный слой; 6, 7, 28 – Борзненский клад (?); 8, 10 – Глажево, клад; 9 – бывш. Киевская губ. (Княжа Гора?); 11, 43 – уроч. Гай (Радичев); 12 – Гули (Гуты); 13 – Головятино; 14-16 – Компанийцы, погр. 2; 17, 18 – Терновка-2, культурный слой; 19, 39, 40 – Картамышево-2 (19, 40 – жилище 8; 39 – культурный слой); 29 – Каневский район; 30 – Прогоны; 31 – Тростянец; 32 – Липлява; 33 – Черняхов; 34, 38 – Гочево-1, постройка 4; 35 – Вишенки; 36 – Кагарлык; 42 – Стайки; 44 – Большая Салтановка; 45, 47, 48 – Шишино-5, клад; 50 – Плютенцы; 51 – бывш. Киевская губ.; 52 – курган на р. Стугна.

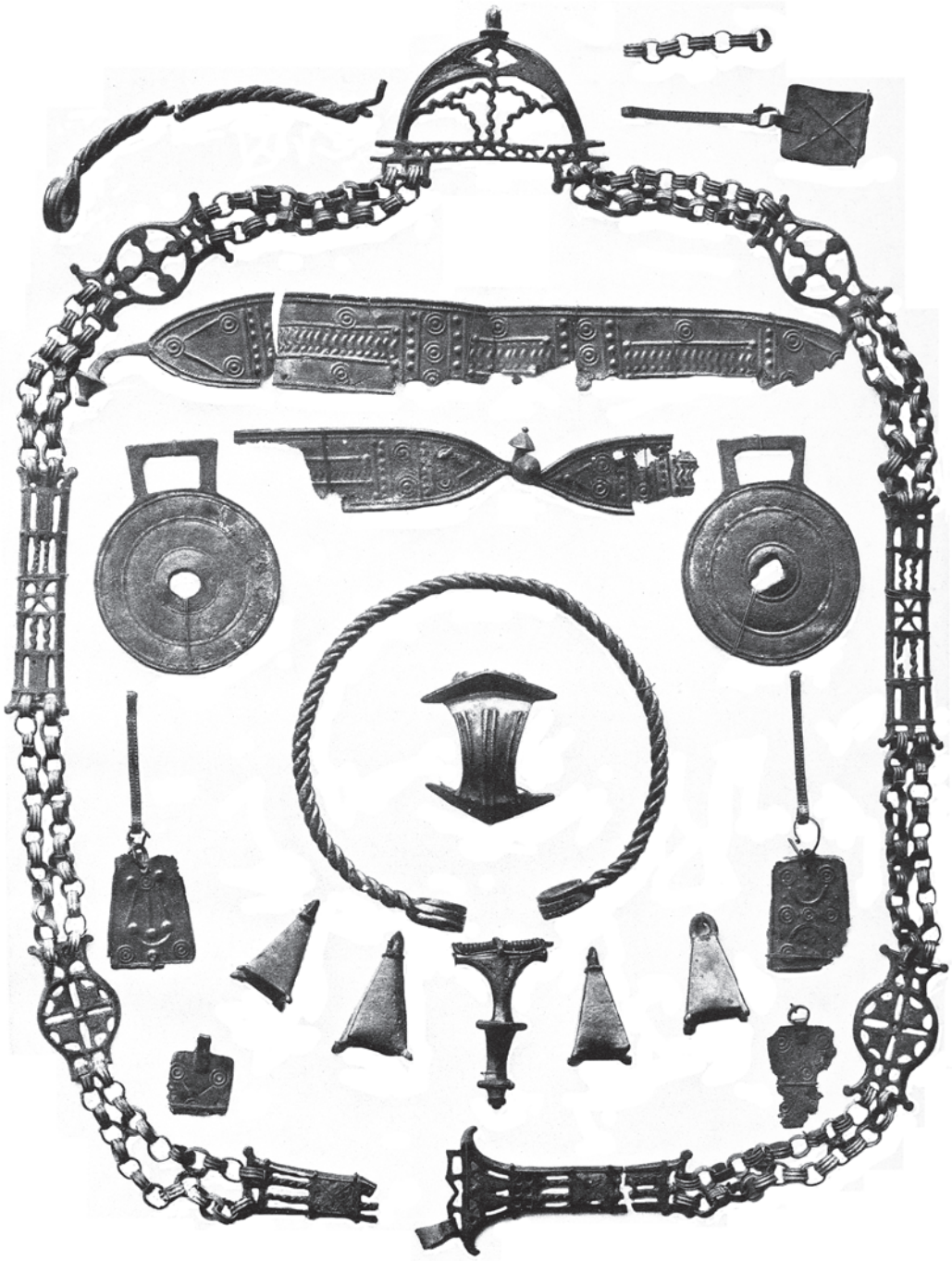

Рис. 14. Межигорский клад (по [Хойновский, 1896, табл. XIX]).

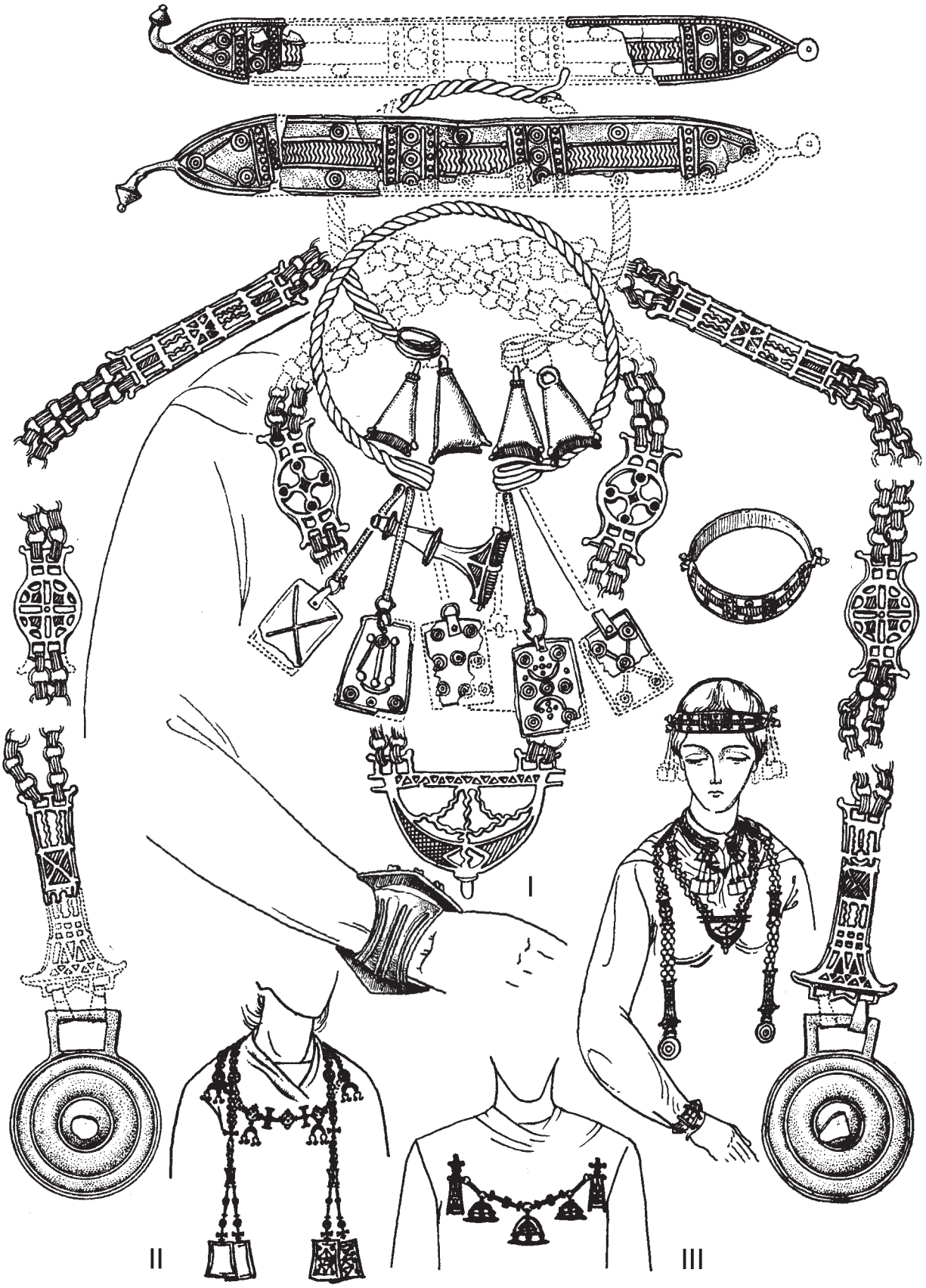

Рис. 15. Варианты реконструкции убора, содержащего украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей, по Е.Л. Гороховскому.

I – по материалам Межигорского клада [Гороховский, 1988б, табл. 46]; II – реконструкция убора с использованием цепи из Вильнюсского музея [Гороховский, 1988б, табл. 45: 26а]; III – по материалам Борзненского клада [Гороховский, 1988б, табл. 44: 22г].

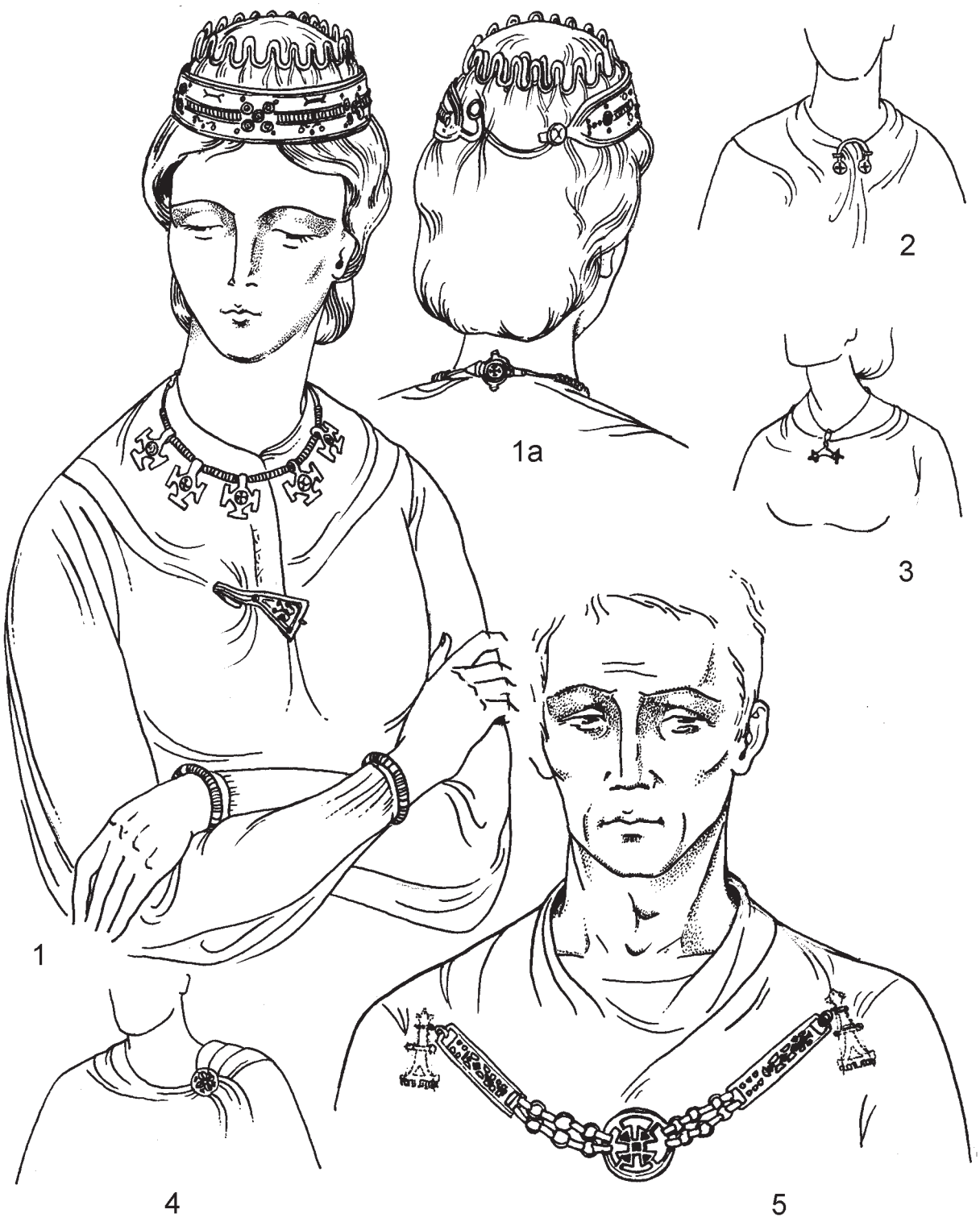

Рис. 16. Варианты реконструкции убора, содержащего украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей (по [Гороховский, 1988б, табл. 40]).
1, 1а – по материалам Жукинского комплекса; 2-4 - варианты реконструкции убора с единичными украшениями; 5 – реконструкция убора с использованием цепи из Большой Салтановки.

Рис. 17. Могильник Pavirvytė-Gudai, женское погр. 138. XII в.
(по [Griciuvienė, Grižas, Buža, 2005, lpp. 61, ill.]).

Заключение

И. О. Гавритухин, А. М. Обломский

Итоги нашей работы мы хотим представить в двух «срезах». Первый представляет собой те конкретные наблюдения и выводы, которые были получены в каждой из глав. Второй – ряд аспектов реконструкции общей картины исторических процессов, происходивших в Восточной Европе в гуннское время, которые можно наметить, опираясь на полученные результаты.

Рассмотрение индикаторов финала черняховской культуры на Днепровском Левобережье (глава 1) показало, что в основных зонах концентрации памятников черняховское население оставалось и после падения объединения Германариха. Отток населения во 2-й половине 370-х – начале 380-х гг., вероятно, имел место, но оценить его масштабы на современном уровне наших знаний мы не можем. Если он и был, то имел «выборочный» характер: во всех зонах, где имеются сравнительно представительные черняховские материалы, найдены датирующие вещи, свидетельствующие о продолжении черняховских традиций в гуннскую эпоху. Анализ ряда находок свидетельствует об определённой изолированности оставшихся групп, причём есть основания предполагать, что и в рамках Днепровского Левобережья эти группы не составляли единого целого. Соответственно, и финал черняховской культуры в разных частях рассматриваемого региона мог протекать поразному.

Важнейшим последствием появления гуннов в Поднепровье было нарушение относительной политической стабильности, существовавшей ранее. В Нижнем Подесенье появляются носители киевской культуры, в значительной степени испытавшие черняховское воздействие (типа Роища). Они были переселенцами с юга, вероятно откуда-то из черняховско-киевского пограничья или из области распространения черняховских памятников киевской традиции. В южной части лесостепи и в степной зоне в раннегуннский период известны погребения позднесарматского круга (типа Кантемировки – Моспинской). Культура этой группировки явно испытала сильное черняховское влияние. На этот же период приходится массированное движение племен деснинского варианта киевской культуры на восток, в Посеймье, где они сменили и частично ассимилировали носителей сейминского-донецкого варианта киевской культуры, и на юго-восток, в зону явно ослабленных черняховских группировок. Тогда же происходит переселение части сейминско-донецкого и связанного с ними черняховского населения на северо-восток, где они составили значительную часть населения группы Чертовицкое – Замятино. Гуннское присутствие фиксируется, по крайней мере, на южной кромке рассматриваемого региона находкой котла из Переволочной, а влияние – целой серией наконечников стрел.

Эти процессы были, очевидно, взаимосвязанными и, конечно, не лишены конфликтов. Такая ситуация, судя по всему, нашла частичное отражение и в готской традиции, дошедшей до нас через «Гетику» Иордана в многократно комментировавшихся сюжетах о войнах готов, антов и гуннов, в которых участвовали Бож, Винитарий, Баламбер и др. Конечно же, любые попытки однозначного отождествления реалий из отрывков песенно-эпической традиции, которые вошли в труд Иордана, и археологических памятников могут быть только весьма гипотетичными, но очевидно, по крайней мере, совпадение характера процессов и состава основных участников, а также «духа эпохи», отражённых разными источниками.

Результатом этих процессов стало формирование во 2-ой четверти – середине V в. на территории Днепровского Левобережья двух родственных раннеславянских культур. Северная часть оказывается включенной в ареал колочинской культуры, которая складывается на основе деснинского варианта киевской археологической общности, а в южной распространяется пеньковская культура, которую исследователи небеспочвенно соотносят с антами. Последняя возникла в результате слияния, с одной стороны, мигрировавших с севера группировок, а с другой – местного киевского населения, в той или иной степени испытавшего воздействие черняховских традиций (киевский компонент черняховской культуры и оставшиеся в лесостепи группы киевской). Черняховским наследием объяснимы и связи с культурами восточногерманского круга, фиксируемые рядом женских украшений (фибулы серии Токари, Мощёнка и др.). Физическое присутствие германцев документировано погребением в Волобуевке. Несомненно и присутствие кочевников, проникавших с юга по степным коридорам вглубь лесостепной зоны (Лихачевка). Наверное, именно кочевники были

посредниками в тесных связях с Северо-Восточным Причерноморьем, весьма значимым для рассматриваемого региона во 2-ой половине V в.

К периоду общей нестабильности на территории Днепровского Левобережья относятся комплексы с предметами роскоши, очевидно, связанные с культурой знати. Наиболее выразительные из них можно отнести к двум хронологическим этапам, что даёт дополнительные возможности для характеристики рассматриваемых процессов. К раннему (конец IV – первые десятилетия V в.) относится клад из Нежина, который по составу и местоположению, скорее всего, соотносится с традициями черняховского населения. Был ли он спрятан в минуту опасности или служил даром богам, чтобы вернуться, или чем-то другим, можно только гадать. Судя по всему, его сокрытие фиксирует момент оттока черняховского населения, рубеж собственно черняховской культуры. Когда это произошло – в ходе концентрации сил Радагайсом (перед 406 г.), мобилизаций Аттилы (с 430-х гг.) или не отражённых в письменных источниках событий, пока не ясно.

Поздняя группа комплексов элиты (погребение в Поршино, 1-ый и 2-ой комплексы из Большого Каменца, клад из Рублевки) отражает реалии эпохи Аттилы (434–453 гг.), хотя выпадение в землю кладов и совершение захоронений могло произойти и чуть позже. Вероятнее всего, эта группа погребений и кладов связана с возвратом участвовавших в войнах на Дунае дружин союзников гуннов назад – на территории своего прежнего обитания. Это явление хорошо согласуется с сообщением Иордана о том, что после поражения на Недао большая часть гуннов и некоторые оставшиеся им верными группировки были вытеснены на восток [Iord., 262, 263]. Идея М.М. Казанского о существовании на территории восточноевропейской лесостепи раннегосударственных объединений представляется весьма плодотворной. Центр одного из них в середине V в., скорее всего, располагался в верховьях Псла (комплексы из Большого Каменца, Обояни). Судя по всему, он был весьма кратковременным. Это эфемерное политическое образование не получило дальнейшего развития.

Таким образом, по сравнению с догуннским временем, когда памятники черняховской общности занимали большую часть лесостепи Днепровского Левобережья вплоть до Северского Донца на востоке, а в Подесенье, Посеймье, на водоразделе Днепра и Дона, в бассейне Северского Донца и на Осколе продолжали существовать группировки киевской культуры двух локальных вариантов (деснинского и сейминско-донецкого), к середине V в. этнокультурная картина Днепровского Левобережья радикально изменяется. Главный смысл этнокультурных процессов на территории Днепровского Левобережья заключается, во-первых, в уходе из региона большинства населения черняховской археологической общности, во-вторых, в продвижении племен деснинского варианта киевской культуры на юг и юго-восток и в сложении колочинской и пеньковской культур, определяющих облик региона до 2-ой половины VII в.

В главе 2 показано, что древности лесостепного Верхнего Подонья середины 1 тыс. не имеют прямых прототипов в местной культуре предшествующего этапа – на памятниках типа Каширки – Седелок позднеримского периода. В гуннское время здесь возникает особая культурная группа типа Чертовицкого – Замятино, состав населения которой был смешанным. В нем выделяются несколько этнокультурных компонентов, связанных по происхождению с территориями сейминско-донецкого варианта киевской, мощинской или позднедьяковской, черняховской культур. Иными словами, в поселках донской лесостепи обитали славяне, финно-угры или «балты» (спор об этносе населения мощинской и позднедьяковской археологических общностей пока не завершен), переселенцы с территории державы Германариха (по всей видимости, германцы и представители т.н. скифо-сарматской традиции в черняховской культуре). По ряду признаков, кроме того, фиксируется присутствие в регионе какого-то степного населения, а также выходцев из Северного Причерноморья (носителей позднеантичных ремесленных традиций) и, вероятно, из Подунавья.

Центром этого образования были поселения на Острой Луке Дона близ г. Задонск Липецкой обл. Здесь расположена цепочка поселков, часть из которых имела ярко выраженный ремесленный характер. В этом же микрорегионе исследуется могильник, на котором имеются погребения воинов. На Острой Луке обнаружено и единственное пока на Верхнем Дону захоронение женщины (на поселении Мухино), детали костюма которой принадлежат кругу сложившейся в это время интернациональной моды, показательной для элиты различных обществ от Северного Кавказа до Нормандии и Северной Африки.

Верхнедонской анклав возник в последние десятилетия IV или на рубеже IV–V вв., и существовал по крайней мере в 3-ей четверти V в., но не исключено, что и до начала VI в. Судя по всему, эта группировка была одним из центров гуннского объединения на востоке с искусственно перемещенным в регион населением. Сложился этот центр вскоре после появления гуннов к западу от Дона, существовал в эпоху могущества гуннов при Аттиле и пережил разгром этого объединения на Дунае. К сожалению, в лесостепном Подонье не известны древности VI–VII вв., т.е. сведения о дальнейших судьбах этой группировки отсутствуют.

Не исключено, что такое же образование существовало и на Нижнем Дону (поздний Танаис и его округа). Контакты населения этого и верхнедонского анклавов между собой были. Свидетельством этого является ряд признаков материальной культуры Верхнего Подонья (формы кувшинов из Чертовицкого-6, Мухино, Животинного могильника, конструкция печи на поселении Замятино-7, украшения при-

черноморских типов, в первую очередь прогнутые подвязные фибулы с широким пластинчатым кольцом для удержания оси пружины и бронзовыми цилиндриками на ее концах), имеющие нижнедонские параллели. Впрочем, проблема связей населения Верхнего и Нижнего Подонья пока слабо разработана. Вполне вероятно, что Подонье было одним из значимых проводников влияния европейской престижной культуры в Поочье.

Хронологической базой для анализа материалов Поочья (глава 3) послужил, прежде всего, анализ развития форм женских украшений и снаряжения воинов, а также керамики и бус. Сериации позволили довольно точно датировать не только закрытые комплексы рассматриваемых памятников, но и аналогичные материалы на значительно более обширной территории.

Культура населения среднего, «рязанского», течения Оки, располагавшегося на юго-западной кромке мира поволжских финнов, к позднеримскому времени уже сформировалась. Это положение аргументируется на примерах эволюции женского убора и лепной керамики. В финале римского времени материалы рязано-окских могильников включают значительное количество инокультурных элементов южного происхождения (черняховского, позднесарматского, причерноморского), что заставляет вновь обратить внимание на упоминание народов «меренс» и «морденс» в составе подчиненных Германарихом северных народов.

В середине 1 тыс. в рязано-окской культуре отмечена серия инноваций. Новые элементы наблюдаются, в первую очередь, в комплексе престижной культуры, но ощущаются они и в появлении на Оке некоторых типов сосудов, смене структуры керамического набора, а также в изменениях направлений поступления и состава стеклянных бус (самой массовой категории импорта). На рязано-окских могильниках фиксируются и новые типы погребений, например, трупосожжения или биритуальные захоронения (сочетание в одном сооружении кремаций и ингумаций, иногда частичных), частичные кремации в колодах, произведенные непосредственно в могильных ямах, трупоположения с северной ориентировкой, хотя погребальный обряд предшествующего периода, в целом, и сохраняется.

Инновации в Среднем Поочье имеют несколько источников: западные по отношению к региону – из области мощинской и позднедьяковской археологических общностей, а также – восточные (Прикамье). Целый ряд элементов воинской культуры находит параллели в центральноевропейских, степных и северокавказских, балтийских древностях. Для гуннской эпохи фиксируются два пика инноваций, ярко проявившихся в особенностях воинского снаряжения: в конце IV – начале V в. и в середине V в. Не исключено, что эти изменения были связаны не только с распространением нового «стиля эпохи», но и с проникновением в Поочье выходцев с других территорий, в т.ч. и из Центральной Европы. Наличие на рязано-окских некрополях горизонта погребений убитых людей позволяет предполагать, в т.ч., и военный характер контактов. Судя по выработке местных версий центральноевропейских форм вещей, часть пришельцев могла быть инкорпорирована в рязано-окские коллективы. Однако новации были достаточно быстро переработаны и выработаны стандартные формы предметов постгуннского времени. Вероятно, ассимилированные пришельцы были сравнительно немногочисленными. Основная линия развития рязано-окской культуры – эволюционная, хотя инновации середины 1 тыс. и наложили на её облик свой, весьма яркий, отпечаток. Относительная стабильность развития культуры, её военизированный облик, наличие развитой социальной иерархии, высокая плотность населения свидетельствуют о том, что её носители в финале римского времени и в эпоху Великого переселения народов доминировали в лесной зоне междуречья средней Оки и Волги.

Археологические признаки перехода от римского времени к раннему средневековью на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья рассмотрены в главе 4. В позднеримское время, начиная со 2-ой половины III в., в результате переселения с юга и юго-востока раннеславянских группировок здесь формируются древности круга Заозерье – Узмень, входящие в киевскую культурно-историческую общность. Они сменяют местную днепро-двинскую культуру раннего железного века. Некоторые инновации, наверное, связанные с миграциями, фиксируются при переходе ко второму этапу памятников круга Заозерье – Узмень (в пределах 2-ой половины IV в.).

В V в. в регионе ощущаются новые, явно инородные, импульсы. По мнению Н.В. Лопатина и А.Г. Фурасьева, они могли быть результатом проникновения на территорию Верхнего Поднепровья и Подвинья небольших групп носителей соседней культуры восточно-литовских курганов, хотя, в принципе, иные модели (например, импульс, связанный с войнами в Подунавье) и не отрицаются. С этим процессом связывается распространение новых элементов престижной культуры, в первую очередь воинской, и курганного погребального обряда. Тем не менее, местные археологические общности развиваются, в основном, эволюционно. Несмотря на некоторые различия, основные показатели традиций культурных групп 3-ей четверти I тыс. в Верхнем Поднепровье и Подвинье (типа Тушемли и Банцеровщины – по устоявшейся терминологии) являются продолжением культуры круга Заозерье – Узмень.

Период 2-ой половины V в. можно считать переломным лишь для территории, лежащей к северу от пределов древностей круга Заозерье – Узмень. С движением носителей этих, позднекиевских в основе, традиций связывается формирование на обширных пространствах от Псковщины до Верхней Волги нескольких локальных групп, объединяемых

рядом исследователей в культуру псковских длинных курганов.

Для двух крупных смежных районов лесной зоны Восточной Европы – Валдая и Верхневолжья – можно предварительно отметить следующие культурные изменения, проходившие в 1-ой половине – 3-ей четверти I тыс. (глава 5). В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. перемены связаны с распространением керамики среднетушемлинского типа и вероятным переселением её носителей. На Валдае возникают новые поселения типа Варвариной Горы, просуществовавшие здесь до появления культуры длинных курганов. Тверское Поволжье входит в зону, где формируется фактически новая, позднедьяковская, культура.

Следующие культурные изменения (не позднее IV в.) в рассматриваемом регионе связаны с появлением пришедшего с юга населения, изготавливавшего керамику мощинского круга. На Валдае на участках с относительно плодородными почвами возникают поселения типа Троицы. Не ранее 2-ой половины V в. в этот район проникает раннеславянское население, в результате чего в регионе формируются раннесредневековые древности т.н. удомельского типа и распространяется культура псковских длинных курганов. В Тверском Поволжье новые культурные элементы фиксируются в верхних горизонтах поселений, существовавших и в предшествующие периоды. Претерпев определенные трансформации, позднедьяковские древности, судя по всему, существовали здесь и в 3-ей четверти I тыс.

В середине – 3-ей четверти I тыс. на участке Ржевского Поволжья фиксируется «контактная зона» с культурными признаками как Валдайского, так и Верхневолжского районов. Исходными территориями переселенческих потоков, определивших культурный облик всего региона в дальнейшем, главным образом, являются Верхнее Поднепровье и Верхнее Подвинье.

Этнические процессы середины I тыс. в Юго-Восточной Прибалтике, а точнее на Самбийском полуострове рассмотрены в главе 6. По оценкам её автора поселенческая археология западных балтов показывает начало племенной дифференциации в междуречье рек Пасленка и Неман уже в I в. и её завершение в V – начале VI вв. В римское время на Самбии наряду с балтским фиксируется присутствие германского населения, появившегося здесь в результате серии миграций с территории Польского Поморья и из Ютландии. Не исключено, что этноним «эстии» прилагался античными авторами к обеим этно-культурным группам уже с I в. К рубежу IV–V вв., по мнению В.И. Кулакова, Юго-Восточную Балтию покидают группы германского населения, которые проживали на балтийских рубежах вельбарской культуры. Середина V в. является рубежом между финальной фазой древностей, отражающих традиции эпохи римских влияний и ранней фазой прусской культуры. Смена археологических общностей фиксируется как по широкому распространению некоторых специфических типов фибул и пряжек, так и инновациям в погребальном обряде.

Изменения в составе населения отражаются и в общественных отношениях. Группы людей, имеющие в римское время свои специфические палеосоциальные признаки в устройстве могил и погребальном инвентаре на протяжении V в. неуклонно теряют их и к началу VI в. практически перестают быть различимыми. Это опосредовано указывает на окончательную смену социально пёстрого общества, проживавшего на Янтарном берегу в римское время, социально и этнически монолитным западнобалтским коллективом раннего средневековья. Исключение в его достаточно однородной массе составляют лишь «князья» из могильника Варникам.

Анализ женского убора на территории Днепровской лесостепи (глава 7) приводит к выводу, что говорить о его эволюционном развитии на данной территории едва ли возможно. Убор VII в., зафиксированный в кладах типа Мартыновского, представляет собой новое явление, лишь в некоторых элементах сопоставимое с комплексами украшений V и VI вв., бытовавшими на рассматриваемой территории. Те, в свою очередь, были или полностью привнесёнными, или могут восходить к черняховским традициям лишь опосредованно. По структуре наиболее близок «мартыновскому» убор с украшениям круга восточноевропейских выемчатых эмалей, но период его расцвета приходится на 2-ую половину II – III вв. Лишь единичные находки могут свидетельствовать об ограниченном бытовании этой традиции до раннегуннского времени. Отмеченный феномен требует дополнительного специального рассмотрения, включающего и анализ в «синхронных» срезах.

Подводя итоги рассмотрению этнических процессов середины 1 тыс. на территории Восточной Европы, несмотря на неполноту общей картины, можно сделать некоторые выводы. С событиями в Центральной, Южной и Западной Европе непосредственно связаны массовые миграции населения в трёх областях: в лесостепном Поднепровье, которое было одним из источников движения готов и некоторых связанных с ними группировок на запад, в Верхнем Подонье, где сформировался один из центров гуннской державы, и в Юго-Восточной Прибалтике, которую покидает германское население, перемещающееся на юг, в пределы Римской империи или на земли, лежавшие около ее границ. Опустевшие территории тут же заполняются соседями, что приводит к возникновению новых культурных групп.

В Среднем Поочье, Верхнем Поднепровье и прилегающем Подвинье продолжается развитие культур, известных здесь в позднеримский период, т.е. радикальной смены населения не наблюдается. Тем не менее, и в этих регионах фиксируется появление групп пришельцев, немногочисленных, но, очевидно, весьма активных.

Лесное Поднепровье само становится источником масштабных миграций. В середине 1 тыс. про-

исходит распространение славянского населения из этого обширного региона на юг в лесостепь Днепровского Левобережья, на север и северо-восток – до Псковщины и Верхнего Поволжья (миграции различных группировок киевской археологической общности, а затем – культуры псковских длинных курганов). Верхнеднепровские и деснинские группы киевской культуры, в конечном итоге восходящие к традициям зарубинецкой археологической общности, стали носителями славянизации огромной территории от северной части лесостепного Поднепровья до Северо-Запада России и Верхней Волги. В главах 1, 2, 4, 5 нашего исследования затронуты лишь северное, восточное и юго-восточное направления миграций из «котла» славянских культур Лесного Поднепровья. На западе и юго-западе с ним связано распространение пражской культуры, соотносимой с собственно народом «славяне». В V в. славяне продвинулись в Восточное Прикарпатье, освоили немалую часть Висло-Одерского региона, позднее достигли Эльбы, Восточных Альп, расселились на Балканах. Активность этого «котла» отмечена для ряда периодов на протяжении всего I тыс., но эти процессы далеко выходят за рамки исследований в нашей книге.

Другой, весьма значимый для лесной зоны Восточной Европы, «котёл» миграций можно наметить в Поочье. Зона его «выплесков» достигала Подонья на юге и Верхней Волги на северо-западе, что отражено в главах 2 и 5 нашей книги. Роль различных группировок населения Поочья (одной из ведущих среди них была рязано-окская, впервые представленная на современном уровне изучения в главе 3) в истории Восточной Европы ещё предстоит обрисовать. Существенный сдвиг в этом направлении связан с систематической публикацией уже накопленных материалов из Вологодчины, Суздальского Ополья, Москворечья, Верхнего Поочья, других регионов и, конечно, с новыми исследованиями.

Центр активных перемещений населения зафиксирован и в Юго-Восточной Балтии. Некоторые явления, связанные с ним, отмечены в главах 6 (формирование культуры исторических пруссов) и 4 (влияние культуры восточнолитовских курганов в Верхнем Поднепровье и Подвинье). Балтская активность в V в. на западе фиксируется до Нижней Вислы. Дальнейшее исследование этих процессов связано с систематической публикацией и анализом ряда опорных памятников. Эта работа только начата прибалтийскими и польскими коллегами, а также русскими исследователями территории Калининградской области. Необходима разработка полностью соответствующих современным требованиям хронологических шкал балтийских древностей, что имеет важнейшее значение и для сопредельных территорий. Минимально изучены и введены в научный оборот важные для этой проблемы материалы ряда регионов Белоруссии.

Важнейшим источником миграций, оказавших влияние на многие народы Европы, были волны приходящих с востока тюркских объединений. В нашей книге эти процессы по понятым причинам лишь частично отмечены (степные влияния в главах 1 и 3). Ряд конкретных наблюдений и общая постановка вопроса о характере и механизмах образования раннегосударственных формирований степняков представлены в главе 2. Центры гуннской эпохи, включающие союзное и подчинённое степнякам население, кроме рассмотренного на Острой Луке Дона и отмеченного в Танаисе, судя по всему, были на Боспоре, а западнее – на Нижнем и Среднем Дунае, вплоть до Южной Польши. Не исключено, что они существовали на Самарской Луке Волги и на Кавказе, но в этих регионах их ещё предстоит выделить и охарактеризовать. Представляется, что изучение таких центров и их взаимосвязи, наряду с исследованием собственно степных памятников (преимущественно небольших кладбищ и отдельных находок), должно стать важным направлением дальнейшей научной работы.

В рамках данной книги мы не могли затронуть другие важнейшие «котлы» этнокультурных инноваций Восточной Европы как гуннского времени, так и эпохи Великого переселения народов в целом. Мы, разумеется, далеки от того, чтобы преуменьшать их значение. Историю Европы невозможно представить без реконструкции процессов в Волго-Уральском регионе, связанных с распадом общностей раннего железного века и формированием культур средневековья, в особенности, без активно дискутируемых феноменов тураевских, харинских, именьковских, кушнаренковских и других памятников. В зачаточном состоянии находится систематическое и конкретное сопоставление европейских древностей эпохи Великого переселения народов с памятниками Азии. Давно назрела необходимость реконструкции общей картины исторических процессов на Северном Кавказе и в Закавказье. Фундаментальные обобщения А.К. Амброза, И.П. Засецкой, А.И. Айбабина, конечно, не снимают всех проблем исследования крымских памятников. Углубленные региональные работы делают еще более актуальными сопоставление восточноевропейских материалов со всем спектром соседних и отдаленных культур.

Цикл исследований, представленный в нашей книге, закончим тем, с чего начали. Мы призываем наших коллег к дальнейшей работе по изучению региональных древностей периода этнокультурного перелома в Восточной Европе середины I тыс. н.э. и сопоставлению его результатов для общей реконструкции исторических процессов эпохи Великого переселения народов.

Литература

Абашина Н.С. 1986. Население Среднего Поднепровья в III–V вв. н.э. (по материалам киевской культуры). Дисс... канд. истор. наук. Киев // Архив ИА НАНУ.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1999. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // СА. 4.

Абашіна Н.С., Гороховський Є.Л. 1975. Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III // Археологія. 18.

Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 3. М.

Абрамова М.П. 1989. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Абрамова М.П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.

Агеев Б.Б. 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

Агеева Р.А. 1985. Происхождение имен рек и озер. М.

Агеева Р.А. 1989. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.

Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1.

Айбабин А.И. 1988. Хронология пальчатых и зооморфных фибул из Крыма // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1.

Айбабин А.И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Айбабин А.И. 2003. Крым в середине III – начале VI в. (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (VI–XIII вв.). Археология. М.

Айбабин А.И., Хайрединова З.А. 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. VI.

Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю. 1995. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.

Акимов Д.В. 1998. Поселение Староживотинное-3 на р. Воронеж // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Акимов Д.В. 2001. Постройки 2-ой четверти – середины 1 тыс. н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк.

Акимов Д.В., Медведев А.П. 2002. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого городища // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

АКР. 2003. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. М.

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VI–VII вв. н.э. у села Мохнач // РА. 3.

Алексеева Е.М. 1970. Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М.

Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. М.

Алихова А.Е. 1963. Авдеевское селище и могильник // МИА. 108. М.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в.н.э. // САИ. Д1-30. М.

Амброз А.К. 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. 113.

Амброз А.К. 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. МИА. 176. М.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть 1 // СА. 2.

Амброз А.К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Амброз А.К. 1982. О двупластинчатых фибулах с накладками – аналогии к статье А.В. Дмитриева // ДЭВПН.

Амброз А.К. 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.

Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник 1. М.

Амброз А.К. 1993. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. 2.

Амброз А.К. 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. IV.

Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. М.

Арсеньева Т.М. 1984. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.

Арсланова Ф.Х. 1988. Могильник у села Избрижье как источник по истории сельского населения Тверского Поволжья // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин.

Артишевская Л.В. 1963. Могильник раннеславянского времени на р. Десне // МИА. 108. М.

Атавин А.Г. 1992. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. 1. М.

Афанасьев, Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. 1. Дневник раскопок. М.

Ахмедов И.Р. 1991. Плети из могильника Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Ахмедов И.Р. 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья 4. Рязань.

Ахмедов И.Р. 1997а. О месте поясного и конского убора и снаряжения всадника в погребальном обряде рязано-окских могильников // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. 93.

Ахмедов И.Р. 1997б. Уздечный набор из могильника Заречье 4 // Древности Евразии. М.

Ахмедов И.Р. 1998. Рязанские «крестовидные» фибулы // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск.

Ахмедов И.Р. 1999. Воинские погребения гуннского времени на Средней Оке // Конференция, посвященная 60-летию кафедры археологии МГУ. Тез. докладов.

Ахмедов И.Р. 2001. Воинское погребение из могильника Борок II // ТАС. 4-II.

Ахмедов И.Р. 2003а. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.

Ахмедов И.Р. 2003б. Новые находки гарнитур с птицевидным декором в лесной зоне Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Тез. конф. II. М.

Ахмедов И.Р. 2006а. Поясные гарнитуры с птицевидным декором в лесной зоне Восточной Европы в эпоху Великого Переселения народов // Наследие М.Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии. Саранск.

Ахмедов И.Р. 2006б. Крестовидные диадемы в эпоху Великого Переселения народов // Взимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск.

Ахмедов И.Р. в печати-1. Воинская материальная культура рязано-окского населения в эпоху Великого переселения народов.

Ахмедов И.Р. в печати-2. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Чтения памяти А.М. Микляева. ГЭ. СПб.

Ахмедов И.Р. в печати-3. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. Вопросы происхождения и классификации.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье-4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998а. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Труды ГИМ. 96.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1998б. О месте фибул в рязано-окских могильниках: постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 1999. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. рукопись. Могильник Кораблино // Архив ГИМ.

Ахмедов И.Р., Гавритухин И.О. рукопись. Фибулы Средней России // Архив ГИМ.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // КТВДР.

Бадер О.Н. 1950. Древние городища на Верхней Волге // МИА. 13. М.

Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // ПХЭЛРВ.

Бажан И.А., Гей О.А. 1993. Таблица LXXX // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половины I тысячелетия н.э. Археология. М.

Бажан И.А., Еременко В.Е. 1992. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П.Рейнеке // ПХЭЛРВ.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989а. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 198.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989б. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. 3.

Банк А.В. 1966. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.–М.

Баран В.Д. 1998. Скарби. VI–VIII ст. Анти чи Русь? // Археологія. 1. Київ.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев.

Башенькин А.Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.

Башкатов Ю.Ю. 1997. Об одном типе построек киевской культуры // Древности. 1996. Харьков.

Башкатов Ю.Ю., Дегтярь А.К., Любичев М.В. 1997. Селище позднеримского времени Родной Край-3 в бассейне Северского Донца // Древности. 1996. Харьков.

Безбородов М.А. 1964. Исследование стекол из стеклоделательной мастерской III–IV вв. н.э. у с. Комаров // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 5. Київ.

Безуглов С.И. 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. 14. Азов.

Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Безуглов С., Захаров А. 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. 6. Ростов-на-Дону.

Белінська Л.І., Звагельський В.Б., Нікітін Ю.О. 2001. Звіт про археологічні дослідження у м. Шостка Сумської обл. // Архив ИА НАНУ, 2001/68.

Белорыбкин Г.Н. 2001. Археологические исследования на территории города Заречный в 1999 г. // Археология Поволжья. Пенза.

Белоцерковская И.В. 1998а. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск.

Белоцерковская И.В. 1998б. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиция и перспективы. М.

Белоцерковская И.В. 1999а. Ажурные застежки могильника Кораблино // Труды ГИМ. 103.

Белоцерковская И.В. 1999б. Лопастные привески из рязано-окских могильников // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. конф. М.

Белоцерковская И.В. 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Труды ГИМ. 122.

Белоцерковская И.В. 2001. Затылочные кисти из рязано-окских могильников как элемент головного убора // Культуры евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. (Из истории костюма). 2. Самара.

Белоцерковская И.В. 2003. Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.

Белоцерковская И.В. 2005. Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. 145.

Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. 1996. О кошибеевской культуре // СА. 4.

Белоцерковская И.В., Сорокин А.Н. 1992. Исследование могильника Заречье 4. в 1991 г. // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Белоцерковская И.В. в печати-1. Украшения черняховского круга в рязано-окских могильниках // Чтения памяти А.М. Микляева. ГЭ. СПб.

Белоцерковская И.В. в печати-2. Нагрудные бляхи с крышкой из могильника Заречье.

Белявец В.Г. 2004. Беларускае Заходняе Палессе у перыяд правінцыйнарымскіх уплываў – стан і перспектывы даследаванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa.

Березовец Д.Т. 1963. Поселения уличей на Тясмине // МИА. 108. М.

Березовец Д.Т. Петров В.П. 1960. Лохвицкий могильник // МИА. 82. М.

Беспалый Е.И. 1990. Погребение позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1.

Бессуднов А.Н., Обломский А.М. 1996. Изучение археологических памятников на р. Семенёк // Археологические исследования Высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-ти летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). Воронеж.

Бетрозов Р.Ж. 1980. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.

Бирюков И.Е. 1990. Отчет о раскопках поселения Чертовицкое-6 и разведках по р. Оскол в Курской обл. и р. Девица в Воронежской обл. в 1990 г. // Архив Липецкой Государственной дирекции охраны памятников истории и культуры.

Бирюков И.Е. 1998. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Бирюков И.Е. 2001. Среднее течение р. Воронеж в первые вв. н.э. // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк.

Бобровская О.В. 1991. К изучению черняховского ожерелья // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ.

Бобровская О.В. 1999а. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Бобровская О. 1999б. Периодизация черняховского ожерелья // Сто років вивчення культури полів поховань на Україні. Київ.

Бобровська О.В. 1997. До питання про черняхівські «відерцеподібні» прикраси // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ-Львів.

Бобровська О.В. 1998. Візіготські чоловічі амулети // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ.

Бобровська О.В. 1999. Жіночі поясні амулети черняхівської культури // Археологія. 4. Київ.

Бобровська О.В. 2000. Намисто та підвіски у вбранні населення черняхівської культури. Дис… канд. іст. наук // Архив ИА НАНУ.

Богачёв А.В. 1998. Кочевники лесостепного Поволжья V–VII вв. Самара.

Богусевич В.А. 1960. Погребение черняховской культуры в г. Сумы // КСИА АН УССР. 10. Киев.

Боковенко Н.А. Засецкая И.П. 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» в свете проблемы хунно-гуннских связей // ПАВ. 3.

Борисова В.В. 1959. Могильник у высоты «Сахарная головка» // Херсонесский сборник. V. Севастополь.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск.

Брайчевський М.Ю. 1950. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI–VIII ст. // Археологія. IV. Київ.

Брайчевський М.Ю. 1952а. Антський період в історії східних слов'ян // Археологія. VII. Київ.

Брайчевський М.Ю. 1952б. Пастирський скарб // Археологія. VII. Київ.

Брайчевский М.Ю. 1956. О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян // КСИА АН УССР. 6. Киев.

Брайчевський М.Ю. 1991. Антська проблема в контексті візантійської історії // Археологія. 2. Київ.

Бугров Д.Г. 1994. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Иошкар-Ола.

Буданова В.П. 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.

Буданова В.П. 2001. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.

Булычов Н.И. 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.

Буров В.А. 1992. Отчет об археологических исследованиях средневековых памятников в 1992 г. в Фировском районе Тверской обл. // Архив ИА РАН. Р-1, №17193.

Буров В.А. 1993. Памятники культуры длинных курганов на верхней Шлине // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь.

Буров В.А. 2003. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.

Буров В.А., Розанова Л.С. 2003. К технологической характеристике кузнечных изделий с селища культуры длинных курганов Городок 1 на р. Шлине (Валдай) // КСИА. 214.

Бухтеева М.А. 1969. Работы дьяковского отряда Верхневолжской экспедиции // АО 1968 года.

Бухтеева М.А. 1970. Раскопки на городище Отмичи // АО 1969 года.

Бухтеева М.А. 1971. Раскопки городища Отмичи // АО 1970 года.

Вакланов С. 1977. Формиране на старобългарската култура. София.

Васіна З. 2003. Український літопис вбрання. I. 1100 років до н.е. – XIII ст. н.е. Київ.

Васкул И.О. 2005. Европейский Северо-Восток в I тысячелетии н.э. // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Веретюшкин Р.С., Обломский А.М., Радюш О.А. 2005. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск.

Вернер И. 1972. К происхождению и распространению антов и склавенов // СА. 4.

Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. 2002. М.

Винокур І.С. 1997. Слов'янські ювеліри Подністров'я. За матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини I тис. н.е. Кам'янець-Подільський.

Вихляев В.И. 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск.

Вихляев В.И. 1986. Керамика Новопшеневского городища в Мордовии // СА. 1.

Вихляев В.И. 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.

Вишневский В.И. 1991. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.). Автореф. Дисс… канд. истор. наук. М.

Вишневский В.И. 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. 5.

Воронина Р.Ф. 1973. Женский головной убор среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. 136.

Воронина Р.Ф. 1982. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА. 170.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.С. 2005. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–78 гг. Труды отдела Охранных раскопок. 3. М.

Воронов Ю.Н. Шенкао Н.К. 1982. Вооружение войнов Абхазии IV–VII вв. // ДЭВПН.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1973. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1.

Воронцов А.М. 2002. Мощинские городища на территории Тульской области // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. I. Тула.

Высотская Т.Н., Рыжова Л.А. 1999. Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский») // Древности. 1997–1998. Харьков.

Гаваман А.В. 1960. Почвы Калининской области // Природа и хозяйство Калининской области (Ученые записки естественно-географического факультета). Калинин.

Гавритухин И.О. 1989. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakarų baltų archeologija ir istorija. (Археология и история западных балтов). Klaipėda.

Гавритухин И.О. 1994. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский сборник. 4. М.

Гавритухин И.О. 1996а. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гавритухин И.О. 1996б. Типологическое определение инвентаря. Фибулы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гавритухин И.О. 1997а. Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь 6–11 июня 1997 г. Симферополь.

Гавритухин И.О. 1997б. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // ГАЗ. 12.

Гавритухин И.О. 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. 1. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236–238, 195; Straume IV–IX) // 100 лет черняховской культуре. Киев.

Гавритухин И.О. 2000. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel – und Osteuropa. Łodź.

Гавритухин И.О. 2001а. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. Приложение 1. М.

Гавритухин И.О. 2001б. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э (Из истории костюма). Самара.

Гавритухин И.О. 2002. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (I. Дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. IX.

Гавритухин И.О. 2003а. Фибула из Луки-Каветчинской в контексте славяно-византийских связей // Słowiane i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin – Warszawa.

Гавритухин И.О. 2003б. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // ГАЗ. 18.

Гавритухин И.О. 2004. Днепровские ингумации второй половины V–VI вв. // КТВДР.

Гавритухин И.О. 2005. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. 145. М.

Гавритухин И.О. в печати. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Сборник памяти А.Г. Атавина. М.

Гавритухин И.О. рукопись. Двупластинчатые фибулы эпохи переселения народов (подгруппа 2 по А.К. Амброзу). Плановая тема 1997–1998 гг. Отдела славяно-русской археологии ИА РАН.

ГавритухинИ.О., Казанский М.М. 2006. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // Археологические вести. 13. СПб.

Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малашев Ю.Ю., Мошкова М.Г. 1996. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М.

Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М. 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей (Вопросы хронологии). Самара.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. 1996. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Галибин В.А., 2000. Химический состав стекла из памятников Восточной Европы (V–X вв.) // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Галибин В.А. 2001. Состав стекла как исторический источник. Спб.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Гей О.А., Бажан И.А. 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре //ПАВ. 3.

Генинг В.Ф. 1963. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. 5. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1970. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 1. Чегандинская культура // ВАУ. 10. Свердловск – Ижевск.

Генинг В.Ф. 1977. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань.

Генинг В.Ф. 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 158.

Глыбин В.А. 1997. Проблемы атрибуции находок раннесредневековых трехлопастных наконечников стрел на памятниках лесной зоны Восточной Европы // Ладога и религиозное сознание. СПб.

Голдина Р.Д. 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.

Голдина Р.Д. 2003. Тарасовский могильник « вв. на Средней Каме I–II. Ижевск.

Голофаст Л.А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII.

Гольмстен В.В. 1923. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара.

Гольцева П.В., Кашуба М.Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь.

Гончаров В.К. Махно Є.В. 1957. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. XI. Київ.

Гопкало (Бобровська) О.В. 2004. Вбрання похованої на могильнику Велика Бугаївка // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ.

Городцов В.А. 1909. Бытовая археология. М.

Гороховский Е.Л. 1982. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья //Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.

Гороховский Е.Л. 1988а. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев.

Гороховский Е.Л. 1988б. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс... канд. истор. наук // Архив ИА НАНУ.

Гороховский Е.Л. 1988в. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава.

Гороховский Е.Л. 1996. Современное состояние и перспективы исследований хронологии черняховской культуры // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології. Київ.

Гороховский Е.Л. 1999. Некоторые вопросы историографии хронологии черняховской культуры // Сто років вивчення культури полів поховань на Україні. Київ.

Горюнов Е.А. 1974а. Древности 1 тыс. н.э. нижнего течения р. Снова // КСИА. 140.

Горюнов Е.А. 1974б. Некоторые древности 1 тыс. н.э. на Черниговщине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Горюнов Е.А. 1982. Славянское поселение середины 1 тысячелетия н.э. у с. Песчаное Белгородской обл. // КСИА. 171.

Горюнов Е.А. 2004. Могильники колочинской культуры // КТВДР.

Горюнова В.М. 1987. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Горюнова В.М. 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. I. СПб.

Горюнова В.М. 2004. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // КТВДР.

Горюнова В.М., Родинкова В.Е. 1999. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // STRATUM plus 1999. 4. СПб. – Кишинев – Одесса.

Гришаков В.В. 1988. Керамика Абрамовского могильника // Труды МНИИЯЛИЭ. 93.

Гришаков В.В. 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола.

Гришаков В.В. 1998. Некоторые аспекты датирования Андреевского кургана в Нижнем Посурье (на примере бус) // Путь к цивилизации: древние общества Восточной Европы. Степановские чтения. Саранск.

Гришаков В.В. 2001. О появлении первых кремаций в пензенских могильниках // Археология Поволжья. Пенза.

Гришаков В.В. 2003. Два головных убора с верхнеокскими элементами из Абрамовского могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. II. Саранск.

Гришаков В.В. 2004. Ранняя стадия армиевского периода пензенских могильников // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. Саранск.

Гуревич А.Я. 1984. Категории средневековой культуры. М.

Гущина И.И. 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Труды ГИМ. 54.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Давня історія України. 1995. Кн. 2. Київ.

Дашевская О.А. 1969. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. МИА. 169. М.

Джанполадян Р.М. 1974. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Археологические памятники Армении. 7-II. Ереван.

Дмитриев А.В. 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике Эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новосибирска // СА. 4.

Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // ДЭВПН.

Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.

Дубынин А.Ф. 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Дьяченко А.Г. 1978. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев.

Егорейченко А.А. 1991. Очковидные подвески на территории СССР // СА. 2.

Енуков В.В., Медведев А.П., 2003. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм // STRATUM plus 2001–2002. 4. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.

Ефименко П.П. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по археологии. III-1. Л.

Ефименко П.П. 1937. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии по археологическим источникам // СА. II.

Ефименко П.П. 1975. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по этнографии и археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. 48. Саранск.

Жарова Т.М., Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. 2004. Дослідження на новобудовах у Чернігівський та Сумський областях // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ.

Жулкус В. 2004. Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в средневековье. М.

Журко А.И. 1990. Некоторые итоги археологических исследований на Сумщине в 1986–1988 гг. // Питання археології Сумщини. Суми.

Журко А.И. 1994. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье // РА. 4.

Заверняев Ф.М. 1970. Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья // Древние славяне и их соседи. МИА. 176. М.

Зарецкий И.А. 1888. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевка // Харьковский сборник. 2. Харьков.

Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. III.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПБ.

Засецкая И.П. 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. VI.

Засецкая И.П. 2000. О двух классификациях секлянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. 3. Волгоград.

Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. 1979. О планировке Старокадомского могильника // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н.э. Труды МНИИЯЛИЭ. 63.

Земцов Г.Л. 2002. Поселение позднеримского времени Лощина-1 на Верхнем Дону // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. 3. Одеса.

Земцов Г.Л. 2003. Миграционные потоки III–V вв. н.э. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.

Зиньковская И.В. 2003. Некоторые материалы о присутствии готов и их культуры в лесостепной полосе Восточной Европы // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.

Зотовић 1981. Некропола из времена сеобе народа са уже градске територије Виминација // Starinar. XXXI. Београд.

Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев.

Иванов А.А. 2001. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. 2.

Иванов А.Г. 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху среденевековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск.

Исланова И.В. 1987. Отчет о работах Верхне-Мстинской экспедиции в Удомельском и Вышневолоцком районах Калининской обл. // Архив ИА РАН. Р-1 №12139.

Исланова И.В. 1993. Разведочные и рекогносцировочные работы Верхне-Мстинской экспедиции в 1987–1990 гг. // Тверская старина. 4 - 5. Тверь.

Исланова И.В. 1994. Неукрепленные поселения Мстинско-Моложского междуречья в 1 тыс. н.э. // ТАС. 1.

Исланова И.В. 1996. О новом типе памятников третьей четверти I тыс. н.э. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1. Тверь.

Исланова И.В. 1997а. Древности V–VIII вв. бассейна верхней Мсты // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 3. М.

Исланова И.В. 1997б. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.

Исланова И.В. 1998. Городища Верхнего Помостья (опыт систематизации) // ТАС. 3.

Исланова И.В. 1999. Погребально-ритуальный комплекс Медная Гора на р. Шлине // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 3. Тверь.

Исланова И.В. 2000. Рекогносцировочные раскопки в Мстинско-Моложском междуречье // АО 1998 года.

Исланова И.В. 2001. Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // ТАС. 4-II.

Исланова И.В. 2002а. Керамика городища Дулёво (Козлово) // ТАС. 5.

Исланова И.В. 2002б. Поселение Леонтьево на оз. Мстино // У истоков Новгородской земли. Любытинский сборник. 1. Любытино.

Исланова И.В. 2004. Культурно-хронологические группы верхневолжских поселений и западная граница дьяковской культуры // Доклад на 10 семинаре «Тверская земля и сопредельные территории в древности».

Исланова И.В. в печати. Керамический комплекс городища Отмичи (по материалам раскопок 1968–70 гг.) // ТАС. 6-II.

Исланова И.В., Мирецкий А.В. 1997. Находки с городища Осечен // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 3. Тверь.

Исланова И.В., Розанова Л.С. 1994. Железные изделия из памятников Удомельского Поозерья // ТАС. 1.

Исланова И.В., Черных И.Н. 1998. Поселение Глыби 2 (ранний железный век и раннее средневековье) // ТАС. 3.

Казакявичус В. 1988. Оружие балтийских племен II – VII вв. на территории Литвы. Вильнюс.

Казанский М.М. 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // МАИЭТ. IV.

Казанский М.М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб. – Кишинев.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 6. СПб.

Казанский М.М. 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. 7. Армавир.

Казанский М.М. 2002. Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 1998. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. 4. Москва – Армавир.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Материалы и исследования по археологии России. 3. М.

Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2004. «Царские» гунны и акациры: попытка археологической идентификации // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тез. докладов научной конф. М.

Калитинский А.П. 1928. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // Seminarium Kongakovianum. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П. Кондакова. II. Prague (Прага).

Калмыкова Г.В. 1960. Рельеф Калининской области // Природа и хозяйство Калининской области (Ученые записки естественно-географического факультета). Калинин.

Каргопольцев С.Ю. 1997. Северо-Запад Восточной Европы III–VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязи) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 3. М.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // ПАВ. 7.

Кардини Ф. 1987. Истоки европейского рыцарства. М.

Кирьянова Н.А. 1997. О находках зерен сельскохозяйственных культур на селищах Юрьевская Горка и Бережок // Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.

Кишш А. 1995. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ.

Ковалевская В.Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Ковалевская В.Б. 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д. 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк.

Колосовская Ю.К. 2000. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. М.

Комаров К.И. 1974. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции // АО 1973 года.

Комаров К.И. 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула.

Конецкий В.Я. 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // ННЗИА. 11.

Корзухина Г.Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н.э. // СА. XXII.

Корзухина Г.Ф. 1974. Среднее Поднепровье в V–VIII вв. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 77. Д. Р-134.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. // САИ. Е1-43. Л.

Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. Предисловие В.М. Горюновой и О.А. Щегловой // МАИЭТ. V.

Коряк А.В. рукопись. Шатрищенский могильник культуры рязано-окских могильников и раскопки П.П. Ефименко 1920 г. Дипломная работа. //Архив исторического факультета Рязанского Государственного педагогического университета.

Костенко Ю.В. 1978. Пам'ятки I тис. н.э. в поріччі р. Трубежа // Археологія. 28. Київ.

Котигорошко В. Г. 1987. Жертвенник III–IV вв. н.э. у села Солонцы // СА. 2.

Кравченко Н. М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко в 1961–1964 гг.) // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА, 139. М.

Кравченко Т.А. 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Краснов Ю.А. 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.

Краснов Ю.А. 1974. Предисловие // Дьяковская культура. М.

Краснов Ю.А. 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.

Кренке Н.А. 1987а. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. Дисс... канд. истор. наук. М.

Кренке Н.А. 1987б. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дисс... канд. истор. наук. М. // Архив ИА РАН.

Кропоткін А.В., Обломський А.М. 1991. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III–V ст. н.е. // Археологія. 1. Київ

Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. // САИ. Г4-4. М.

Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). // САИ. Д1-27. М.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М. 2003.

Кузнецов В.А., Пудовин В.К. 1961. Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // СА. 1

Кулаков В.И. 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. // Barbaricum. I. Warszawa.

Кулаков В.И. 1993. Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Кулаков В.И. 1994а. «Гора Великанов». Раскопки 1992 г. // Barbaricum. 3. Warszawa.

Кулаков В.И. 1994б. Пруссы (V–XIII вв.). М.

Кулаков В.И. 1997. Варникам. Древности прусских вождей // ГАЗ. 12.

Кулаков В.И. 1998. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. // ГАЗ. 13.

Кулаков В.И. 2002. Эхо гуннских войн в Балтии // ГАЗ. 17.

Кулаков В.И. 2003а. Два поколения воинов Do-370 // Чтения, посвящённые 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. Конф. II. М.

Кулаков В.И. 2003б. История Пруссии до 1283 г. М.

Кулаков В.И. 2003в. Хронология подвязных фибул Пруссии фаз B_1–C_1 // Archaeologia Lithuana. 4. Vilnius.

Кулаков В.И. 2004. Эстии, венеды и германцы на Самбии // Восточная Европа в средневековье. М.

Кулаков В.И. 2005. Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского Музея (Майнц) // РА. 3.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. 2000. Клинки из Кляйнхайде // ГАЗ. 15.

Кулаков В.И., Тюрин Е.А. 2005. Комплексы V в. могильника «Гора Великанов» // СА. 2.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б., Терпиловський Р.В., 2005. Пізньоскіфські та пізньозарубинеецькі старожитності Полтавщини. Київ – Полтава.

Кухаренко Ю.В. 1952. Новопокровский могильник і поселення // Археологія. VI.

Кухаренко Ю.В. 1982. О Качинской находке // ДЭВПН.

Кучкин В.А. 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Кухарська О.М., Обломський А.М. 1988. Матеріали перших століть н.е. на поселенн Мена-5 у Середньому Подесенні // Археологія. 62. Київ

Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В. 2002. Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // ТАС. 4-II.

Ланцев А.П. 2005. Археологические исследования на озерах Удомля и Песьво // Энергетика, история, культура. Материалы научно-практической конференции. Тверь.

Ланцев А.П., Бирюков Ю.Б., Лагуткина Е.В., Салимов А.М. 2004. Исследования на территории Тверской области // АО 2003 года.

Ланцев А.П., Волкова М.В., Лагуткина Е.В. 2005. Работы в Удомельском поозерье // АО 2004 года.

Ланцев А.П., Ланцева М.Е. 2005. Ранний железный век на Удомельских озерах // Энергетика, история, культура. Материалы научно-практической конференции. Тверь.

Лебедева Н.И. 1996. Одежда // Материальная культура русского населения западных областей (во второй половине XIX – начале XXв.) Рязанский этнографический вестник 2. Рязань.

Левада М.Е. 1998. Мечи римского времени востоевропейского Барбарикума // Археологічний літопис Лівобережної України. 1–2. Полтава.

Левина Л.М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.

Левченко Д.И. 1988. Погребение воина V в. н.э. у с. Яременки // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава.

Левченко Д.И. 2001. Ранньосередньовічні поховання в урочищі «Топило» // Археологічний літопис Лівобережної України. 2. Полтава.

Левченко Д.И. Супруненко А.Б. 1994. Находки гуннского времени в низовьях Ворсклы // Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворсклья. Полтава.

Лещинская Н.А. 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Липкинг Ю.А. 1979. Замощанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. М.

Лихтер Ю.А. 1988. Стеклянные изделия из могильника Оселивка // Могильники черняховской культуры. М.

Лопатин Н.В. 1997. Днепро-двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 3. М.

Лопатин Н.В. 2000. Культурные традиции населения Верхнего Поднепровья и Подвинья в III–V вв. н.э. Автореф. дис.… канд. истор. наук. М.

Лопатин Н.В. 2001. Происхождение керамических традиций III–V вв. н.э. в днепро-двинском регионе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Лопатин Н.В. 2002. Памятники верховьев Березины и Вилии в контексте культурогенеза середины I тысячелетия н.э. // ГАЗ. 17.

Лопатин Н.В. 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. 114.

Лопатин Н.В. 2005. Группы древностей V–VIII вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России // Archeologia o początkach Słowian. Kraków.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1994. О роли памятников III–V вв. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. 9.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. М.

Лухтан А.Б. 1997. Война V в. в Литве // ГАЗ. 11.

Луцкевич І. 1948. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань Харківської обл. // Археологія. II. Київ.

Лыч Б.Г. 2000. О территориальных различиях погребального инвентаря носителей культуры псковских длинных курганов // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. 5. СПб.

Львова З.А. 1979. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. 20.

Львова З.А. 1980. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. 21.

Львова З.А. 2000. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // В.Б. Ковалевская. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Любичев М.В. 2000. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков.

Міхлін Б.Ю. 1972. Гуннський амулет з Ждановського музею // Археологія. 5. Київ.

Магомедов Б.В. 1979. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-западного Причерноморья. Киев.

Магомедов Б.В. 1989. Тринефні споруди у черняхівському домобудуванні // Археологія. 4.

Магомедов Б.В. 1997а. До історії фінального етапу черняхівської культури // Проблемы истории и археологии Украины (К 140-летию со дня рождения академика Дмитрия Ивановича Багалея). Харьков.

Магомедов Б.В. 1997б. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві // Проблеми походження та історичного розитку слов'ян. Київ – Львів.

Магомедов Б.В. 1999. К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.

Магомедов Б.В., Абашина Н.С., Солтис О.Б. 2003. Пам'ятки черняхівської культури в Київській області. Археологічна карта. Київ.

Макаренко М. 1928. Борзенські емалі й старі емалі України взагалі // Чернигів та Північне Лівобережжя. Київ.

Максимов А.Д. 1981. Раскопки городища Орлов городок // АО 1980.

Максимов А.Д. 1983. Раскопки городища Орлов городок // АО 1981.

Максимов А.Д. 1984. Раскопки городища Орлов городок // АО 1982.

Максимов А.Д. 1994. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. 1.

Максимов А.Д. 1996. О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. 2.

Максимов А.Д. 1998. Археологический комплекс III–V вв. н.э. селища Суходол II (Ржевский район Тверской области) // ТАС. 3.

Максимов А.Д., Розанова Л.С. 1998. Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок // ТАС. 3.

Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Малашев В.Ю. 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Малашев В.Ю. в печати. Позднесарматские погребения из могильников у с. Покровка. Анализ погребального инвентаря. М.

Малыгин П.Д. 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // ТАС. 1.

Мальм В.А., Фехнер М.В. 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-ой половине I тыс. н.э. // Экспедиции ГИМ. М.

Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Масленников А.А. 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.

Массалитина Г.А. 1993. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. 208.

Массалитина Г.А. 1994. Мощинская культура. Автореферат дисс… канд. истор. наук. М.

Массалитина Г.А. 1996. К вопросу о керамических традициях окских племен //Археологические памятники Среднего Поочья. 5. Рязань.

Массалитина Г.А. 1997. Сосуды-приставки из курганов первой половины I тыс. н. э. на Верхней Оке // Археологические памятники Среднего Поочья 6. Рязань.

Мастыкова А.В., 2001. Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клин-Яр III (по раскопкам В.С. Флерова) // Практика и теория археологических исследований. М.

Мастыкова А.В. 2004. Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов // РА. 3.

Мастыкова А.В. 2005. Средиземноморский костюм с фибулами и брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // РА. 1.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. 2000. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // XXI «Круп-

новские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
Мастыкова А.В., Казанский М.М. 2003. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. II. М.
Матвеева Г.И. 1998. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (Вопросы хронологии). Самара.
Матвеева Г.И. 2003. Среднее Поволжье в IV–VII вв: именьковская культура. Самара.
Махно Е.В., Сікорський М.І. 1976. Новий могильник черняхівської культури у Переяславі-Хмельницькому // Дослідження з слов'яно-руськоі археології. Київ.
Махно Е.В. 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА. 82. М.
Махно Е.В. 1967. Могильник черняховского типа в г. Сумы // МИА. 139. М.
Махно Е.В., Сикорский М.И. 1987. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin.
Махно Е.В., Сикорский М.И. 1989. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы на левобережье Днепра // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. II. Lublin.
Махно Є.В. 1952. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань // АП. 3.
Махно Є.В. 1955. Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н.е. у верхній течії Сули // АП. 5.
Мацулевич Л.А. 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.–Л.
Мачинский Д.А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–VI вв. // АСГЭ. 17.
Мачинский Д.А., Кулешов В.С. 2004. Северные народы середины IV – первой половины VI вв. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб
Медведев А.М. 1995. Посоховидные булавки // ГАЗ. 7.
Медведев А.П. 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.
Медведев А.П. 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
Медведев А.П. 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины 1 тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н.э. Воронеж.
Медведев А.П. 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.
Медведев А.П., Винников А.З. 1989. Грунтовой могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.
Мельник Е. 1905. Раскопки курганов в Харьковской губ. // Труды XII АС. 1. М.
Мельниковська О.М., Симонович Е.О. 1975. Розкопки в с. Комарівці на Посейм"ї // Археологія. 15. Київ.
Мильков В.В. 1992. Отчет о работе в Новгородской области в 1992 г. (Отчет по Открытому листу № 294 о проведении раскопок могильника у д. Заручевье Окуловского р-на и о проведении разведок в Боровичском, Хвойнинском и Валдайском р-нах Новгородской области) // Архив ИА РАН.
Минаева Т.М. 1982. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // ДЭВПН.
Минасян Р.С. 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. 19.
Мирецкий А.В. 1986. Раскопки в Ржевском районе Калининской области // АО 1984 года.
Митрофанова В.І. 1965. Пам'ятки зарубинецького часу на Дінці // Археологія. XVIII.
Михайлова Е.Р. 1993. О так называемых погребальных площадках культуры длинных курганов //Новгород и Новгородская земля. История и археология. 7. Новгород.
Михайлова Е.Р. в печати. Погребальный комплекс культуры длинных курганов: распределение материалов по типохронологическим группам.
Монгайт А.Л. 1953. Из истории населения бассейна среднего течения р.Оки в I тысячелетии н.э. // СА. XVIII.
Монгайт А.Л. 1961. Рязанская земля. М.
Мордовский народный костюм. Саранск. 1990.
Морозов В.Ю. 1996. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.
Мошкова М.Г. 1989а. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
Мошкова М.Г. 1989б. Среднесарматская культура. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. Археология СССР. М.
Мошкова М.Г. 2000. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. 3. Волгоград.
Мошкова М.Г., Максименко В.Е. 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. II. М.
Наливкина М.А. 1965. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960–1961) // Древности Нижнего Дона. М.
Насонов А.Н. 2002. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.
Некрасова А.Н. 1989. Охранные раскопки на памятниках черняховской культуры у с. Боромля // Проблемы археологии Сумщины. Сумы.
Некрасова А.Н. 1990а. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава.
Некрасова А.Н. 1990б. Могильник черняховской культуры у с. Боромля на Сумщине // Питання археології Сумщини. Суми.
Некрасова А.Н. 1991. Раскопки памятников черняховской культуры у с. Боромля // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ.
Некрасова А.Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев.
Некрасова Г.М. 1985. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія. 50. Київ.
Некрасова Г.М. 1988. Поселення черняхівської культури Хлопків-1 на Київщині // Археологія. 62. Київ.
Некрасова Г.М. 1994. Черняхівське поселення біля м. Білопілля // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля.
Неневоля И.И., Волошинов А.А. 2001. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозерье // Труды ГИМ. 118. М.
Нефедова Е.А. 1992. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // ПХЭЛРВ.
Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА. 1.
Никитина Г.Ф. 1995. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М.
Никитина Г.Ф. 1996. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.
Никитина Т.Б. 1999. История населения марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола.
Носов Е.Н. 1974. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. 140.
Носов Е.Н. 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. 1(11). Л.
Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва - Сумы.
Обломский А.М. 1994. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. // РА. 2.
Обломский А.М. 1996. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. 4.
Обломский А.М. 1997а. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 1. М.

Обломский А.М. 1997б. О взаимоотношениях киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ – Львів.

Обломский А.М. 1998а. Находки позднеримского времени на поселении Писарево // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж.

Обломский А.М. 1998б. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // ГАЗ. 13.

Обломский А.М. 1999. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального черноземья и сопредельных территорий. Липецк.

Обломский А.М. 2001. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк.

Обломский А.М. 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в.). М.

Обломский А.М. 2003а. Новая культурно-хронологическая группа памятников гуннского времени на территории восточноевропейской лесостепи // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin-Warszawa.

Обломский А.М. 2003б. Отчет о раскопках Раннеславянской экспедиции на многослойных памятниках у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. в 2003 г. // Архив ИА РАН.

Обломский А.М. 2003в. Хронология Замятинского археологического комплекса в Верхнем Подонье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. II. М.

Обломский А.М. 2003г. Новый черняховский памятник на территории России // STRATUM plus 2001–2002. 4. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.

Обломский А.М. 2003д. Материалы финала римского времени поселения Чаплищи-3 в Среднем Посеймье // Дослідження з археолгії, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. Київ.

Обломский А.М. 2004а. О территориальных границах двух групп памятников киевской культуры в Среднем и Верхнем Посеймье // Восточная Европа в средневековье. М.

Обломский А.М. 2004б. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской обл. // КТВДР.

Обломский А.М. 2004в. Раскопки поселения позднеримского времени на р. Красивая Меча (бассейн Дона) // КСИА. 217.

Обломский А.М. 2005а. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2.

Обломский А.М. 2005б. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. 219.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н.э. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н.э. Воронеж.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2001. Славянское поселение и кочевнический могильник вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. 1. Полтава.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2003. Этнокультурные процессы на территории Днепровского лесостепного Левобережья в III–V вв. // РА. 1.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2004. Хронология и этнокультурная принадлежность украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского круга на территории лесостепной зоны // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М.

Обломський А.М. 1999. Деякі зауваження з приводу пам´яток пізньоримського часу в лісостеповому Подонні // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ – Львів.

Окшотт Э. 2004. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса. М.

Олейников О.М. 1992а. Грининский курганный могильник (Тверская обл.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Олейников О.М. 1992б. Раскопки курганной группы Гринино 1 и Гринино 2 Осташковского района Тверской области // ННЗИА.

Олейников О.М. 1994. Раскопки на Затьмацком посаде г. Твери и на городище «Рождественская горка» в Тверской области // АО 1993 года.

Олейников О.М. 2001а. Курган № 4 курганной группы «Струйское» (Тверская область) // ННЗИА. 15.

Олейников О.М. 2001б. Курганные группы Девичье 2 и Девичье 4 в Селижаровском районе Тверской области (исследования 1998–1999 гг.) // ТАС. 4-II.

Олейников О.М. 2002а. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э. // ТАС. 5.

Олейников О.М. 2002б. Раскопки длинного кургана на озере Волго Селижаровского района Тверской области // АО 2001 года.

Олейников О.М. 2003. История населения Тверского Поволжья в IV–XIII вв. Автореф. Дисс… канд. истор. наук. М.

Останина Т.И. 1983. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в пьяноборскую эпоху. Ижевск.

Останина Т.И. 1988. Мазунинская археологическая культура в Среднем Прикамье. К вопросу определения археолого-этнического комплекса культуры // КСИА. 194.

Останина Т.И. 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М. 2004.

Ошибкина С.В. 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-тюм // КСИА. 158.

Пачкова С.П., Терпиловський Р.В. 1988. Поселення київської культури поблизу с. Вишеньки біля Києва // Археологія. 62. Київ.

Петраускас О.В. 2004. Поховання багатої дівчинки на могильнику черняхівської культури Велика Бугаївка // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ.

Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. 1999. Про черняхівські пам'ятки «змішаного» типу на Правобережжі Київського Подніпров'я // Етнокультурні процеси в Південно-східній Європі в I тис. н.е. Київ – Львів.

Петраускас О.В., Пастернак В.В. 2003. Скляні посудини могильника черняхівської культури Велика Бугаївка в Середньму Подніпров'ї // Археологія. 4. Київ.

Петренко Е.Н. 1991. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юго-востока. Воронеж.

Петренко О.М. 2003. До вивичення хронологіі могильників черняхівськоі культури північного сходу Лівобережжя // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя. Суми.

Плетнев В.А. 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь.

Поболь Л.Д. 1971. Скарб речей з емаллю з Красного Бору // Середні віки на Україні. 1. Київ.

Подгурский П.Н. 2003. Раскопки в Сенненском районе Витебской области // АО 2002 года.

Полесских М.Р. 1959. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. 4.

Полесских М.Р. 1962. Пензенские могильники мордвы IV–V в. // СА. 4.

Полесских М.Р. 1965. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши // Этногенез мордовского народа. Саранск.

Полесских М.Р. 1966. Тезиковский могильник IV–V вв. // Труды МНИИЯЛИЭ. XXX.

Полеских М.Р. 1991. Ражкинский могильник // Археология Восточноевропейской степи. 2. Саратов.

Попов С.Г. 1997. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии //Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. II. СПб – Псков.

Портнягин И.Г. 1977. Отчет о работах Калининского областного краеведческого музея по раскопкам городища у д. Поминово Калининского р-на. 1977 г. // Архив ИА РАН.

Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ.

Приходнюк О.М. 1985. Славянское население Юго-восточной Европы V–VII вв. (пеньковская культура). Дисс... докт. истор. наук. Киев // Архив ИА НАНУ.

Приходнюк О.М. 1989. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Приходнюк О.М. 1990. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.

Приходнюк О.М. 1996. Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж.

Приходнюк О.М. 2000а. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // МАИЭТ. VII.

Приходнюк О.М. 2000б. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. 1996. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А. 1991. Мартыновский клад // МАИЭТ. II.

Прокина Т.П. 1994. Одежда и украшения // Мордва Заволжья. Саранск.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. 1999. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. X. Севастополь.

Пуцко В.Г. 1984. Серебряные кувшины из Жигайловки // Вестник древней истории. 4.

Пушкина Т.А. 1972. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию древней Руси // Вестник Московского университета. Серия истории. 1. М.

Пшеничнюк А.Х., Рязапов М.Ш. 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа.

Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А. 1980. Нові археологічні пам'ятки на Харківщини // Археологія. 33. Київ.

Разуваев Ю.Д. 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология Восточноевропейской лесостепи. 12. Воронеж.

Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев.

Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. I // ИАК. 19.

Репников Н.И. 1907. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. II // Записки Одесского общества истории и древностей. XXVII. Одесса.

Рикман Э. А. 1967. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) // МИА.139. М.

Родинкова В.Е. 1996. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Родинкова В.Е. 2003а. Культурные связи населения Среднего Поднепровья в VII в. (по материалам женского убора). Дисс... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН.

Родинкова В.Е. 2003б. Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. II. М.

Родинкова В.Е. 2003в. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. 215.

Родинкова В.Е. 2004. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // КТВДР.

Розенфельдт И.Г. 1971. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М.

Розенфельдт И.Г. 1973. Об относительной хронологии дьяковских городищ (по керамическому материалу) // КСИА. 133.

Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Розенфельдт Р.Л. 1968. Отчет об археологической разведке в Валдайском р-не Новгородской обл. и Вышневолоцком р-не Калининской обл. по берегам оз. Шлино и р. Шлины в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1 №3731.

Романова Г.А. 1989. Черняховские поселения у с. Артюховка // Проблемы археологии Сумщины. Сумы.

Романовская М.А. 1986. Аланское погребение из Ставрополья // КСИА. 186.

Рудинський М. 1928. Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник Полтавського музею ім. В.Г. Короленка, присвячений 35-ти річчю музею. 1. Полтава.

Рудинський М. 1931. Кантемирівські могили римської доби // Записки Всеукраїнського археологічного комитету. 1. Київ.

Румянцева О.С. 2005. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. 145.

Румянцева О.С. в печати. Хронология и периодизация керамики рязано-окских могильников // Труды ГИМ.

Рунич А.П. 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 3.

Рунич А.П. 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 4.

Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А. 1949. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. XXVII.

Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы // СА. XVII.

Сазанов А.В. 1993. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III.

Сарачева Т.Г. 2005. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–78 гг. Труды отдела охранных раскопок. 3. М.

Седов В.В. 1960. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. 2.

Седов В.В. 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.

Седов В.В. 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М.

Седов В.В. 1974. Длинные курганы кривичей. // САИ. Е1-8. М.

Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М.

Седов В.В. 1987. Племена культуры рязано-окских могильников // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Седов В.В. 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

Седов В.В. 1999а. Антські пальчасті фібули лісової смуги Руської рівнини // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ – Львів.

Седов В.В. 1999б. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.

Седов В.В. 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.

Седова М.В. 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

Сибилев Н.В. 1926. Древности Изюмщины. 1. Изюм.

Сибилев Н.В. 1928. К рисункам // Старовинності Ізюмщини. Ізюм.

Симоненко А.В. 2003. Еще раз о рвах в погребальном обряде сарматов // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. Київ.

Симонович Е.О. 1983. Північно-східне пограниччя пам'яток черняхівської культури // Археологія. 44. Київ.

Синицына Г.В. 1996. Исследование финально палеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.

Синиця Е.В. 1999. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пеньківської культури // Vita Antiqua. 2. Київ.

Синиця Е.В. 2004. Поховальний обряд слов'ян Південно-Східної Європи V–VII ст. Автореф. дисс… канд. истор. наук. Київ.

Синюк А.Т. Чекменев Ю.А. 1999. Древнее укрепленное поселение у с. Верхнее Турово (предварительная информация) // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.

Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 2.

Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые вв. н.э. Саратов.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев. 1990.

Смирнов А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 28. М.
Смирнов А.П. 1961. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 95. М.
Смирнов А.П., **Трубникова Н.В. 1965.** Городецкая культура. // САИ. Д 1–14. М.
Смирнов К.А. 1971. К вопросу о систематизации грузиков "дьякова типа" //Древнее поселение в Подмосковье. М.
Смирнов К.А. **1973.** Городище Дьяков Лоб // КСИА. 133.
Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.
Смирнов К.А. 1977. Городище Графская Гора // КСИА. 148.
Смирнов К.Ф. 1951. О некоторых итогах исследований меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. XXXII.
Смирнова Г.И. 1981. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине (раскопки 1977–1978 гг.) // СА. 3.
Сорокина Н.П. 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 4.
Сорокина Н.П. 1978. Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. 158.
Спицын А.А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. 25. СПб.
Спицын А.А. 1903. Предметы с выемчатою эмалью // Записки Русского археологического общества. V-1. СПб.
Спицын А.А. 1928. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.
Сташенков Д.А. 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. М.
Степанов П.Д. 1965. Андреевский курган // Этногенез мордовского народа. Саранск.
Степанов П.Д. 1980. Андреевский курган. Саранск.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. 1989.
Столярова Е.К. 1997. Химико-технологическое изучение стеклянных бус по материалам погребений из некрополя у с. Заозерное // Древности Евразии. М.
Столярова Е.К. 2001. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. 118. М.
Стоянова А.А. 2004а. Бусы и подвески могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. 5. Симферополь – Керчь.
Стоянова А.А. 2004б. Металлические подвески в форме топориков из Крыма // Боспорские чтения. V. Керчь.
Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Мироненко К.М. и др. 2004. Старожитності Кременчука. Археологічні пам'ятки території та округи міста. Полтава – Кременчук.
Сухобоков О.В. 1975. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев.
Сухобоков О.В. Юренко С.П. 1990. Предволынцевские памятники Полтавщины (по материалам Славяно-русской экспедиции ИА АН УССР) // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава.
Сымонович Э.А. 1974. Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка-2 возле Курска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
Сымонович Э.А. 1986. Раннесредневековое поселение Тазово под Курском // СА. 4.
Сымонович Э.А. 1990. Букреевка-2 – селище второй четверти 1 тыс. н.э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Сымонович Э.А. 2003. Поселение Каменево-2 под Курском // STRATUM plus 2001–2002. 4. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.
Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры. САИ. Д1-22. М.
Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев.
Терпиловский Р.В. 1990. Поселение 1 тыс. н.э. у с. Роище на Черниговщине // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.
Терпиловский Р.В. 2003. Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // STRATUM plus 2001–2002. 5. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест.
Терпиловский Р.В. 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Lublin.
Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев.
Терпиловський Р.В. 1994. Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н.е. Автореф. Дисс... докт. истор. наук.
Терпиловський Р.В. 1999. Пограниччя черняхівської та київської культур // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Київ.
Терпиловський Р.В. 2003. Венетські племена першої половини I тис. н.е. у Подніпров'ї // Археологія та історія Північно-східного Лівобережжя (I – поч. II тис.). Суми.
Терпиловський Р.В., Левченко Д.І. 1994. Слов'янське поселення середини I тис.н.е. поблизу с. Сенча в Середньому Посуллі // Полтавський археологічний збірник. 2. Полтава.
Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрівка-1 – багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.
Тиханова М.А. 1956. Борочицкий клад // СА. XXV.
Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. 1990. Поселения Гочево-1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Тищенко А.В. 1914. Отчет о раскопках в 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии // ИАК. 53.
Томсинский С.В. 1997. К вопросу о существовании поселения дьяковской культуры на территории Угличского кремля // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. 1. СПб. – Псков.
Третьяков П.Н. 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. 5.
Третьяков П.Н. 1962. Бологовское городище // КСИА. 87.
Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.– Л.
Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четвертей 1 тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
Трубникова Н.В. 1966. К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника // Археологический сборник. Труды ГИМ. 40.
Трубникова Н.В. 1967. Кошибеевский могильник и его место в этнической истории междуречья рр. Цны и Волги в первые столетия н.э. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
Трубникова Н.В. 1969а. Женские погребения с оружием из Кошибеевского могильника // Древности Восточной Европы. М.
Трубникова Н.В. 1969б. Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племен // СА. 3.
Трубникова Н.В. 1970. Некоторые погребения Кошибеевского могильника и черты общественного строя того времени // Труды МНИИЯЛИЭ. 39.
Трубникова Н.В. 1982. Головные уборы из Кошибеевского могильника // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. 54.
Уваров А.С. 1890. Курманский могильник. Древности // Труды Московского Археологического Общества. 14. М.
Усманова Э.Р., Логвин В.Н. 1998. Головные накосные украшения Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск
Успенская А.В. 1969. Городища XI–XII в. на юге Новгородской земли // Экспедиции ГИМ. М.
Федоров-Давыдов Г.А. 1987. Статистические методы в археологии. М.
Флёров В.С. 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.
Флёров В.С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.
Фролов В.П. 1985. Отчет об археологических исследованиях в Ржевском районе Калининской области // Архив ИА РАН.
Фролов В.П. 1987. Работы на Верхней Волге // АО 1985 года.
Фролов И.К. 1970. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи. МИА. 176. М.
Фурасьев А.Г. 1994. Городища культуры псковских длинных курганов // ПАВ. 9.
Фурасьев А.Г. 1996. Литейные формочки из поселения Подол III в Тверской области // Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.

Фурасьев А.Г. 2000. Среднетушемлинские памятники Подвинья // STRATUM plus 2000. 4. СПб. – Кишинев – Одесса.

Фурасьев А.Г. 2001а. Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти 1 тыс. н.э. Автореф. дисс… канд. истор. наук. СПб.

Фурасьев А.Г. 2001б. Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти 1 тыс. н.э. Дисс… канд. истор. наук. СПб.

Фурасьев А.Г. 2001в. О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // Сообщения Эрмитажа. LIX. СПб.

Фурасьев А.Г. 2001г. Периодизация древностей середины – второй половины I тыс. н.э. на северном берегу оз. Сенница // ТАС. 4-II.

Фурасьев А.Г. 2001д. Половозрастные наборы украшений круга варварских выемчатых эмалей // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет. Тез. научной конф. СПб.

Фурасьев А.Г. 2003. Истоки погребального обряда грунтовых могильников Подвинья середины I тыс. н.э. // АСГЭ. 36.

Хайрединова Э.А. 1995. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.

Хайрединова Э.А. 1997. Женский костюм с орлиноголовыми пряжками второй половины VI – VII в. по материалам могильника у с. Лучистое // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь.

Хайрединова Э.А. 1998. Фибулы и украшения круга «древностей антов» в костюме варваров раннесредневекового Крыма // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб.

Хайрединова Э.А. 1999. Костюм варваров V века по материалам могильника Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Хайрединова Э.А. 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. VII.

Хайрединова Э.А. 2002а. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. IX.

Хайрединова Э.А. 2002б. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в VI–VII вв. (по материалам могильника у с. Лучистое) // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев.

Халиков А.Х. 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. II. Йошкар-Ола.

Ханенко Б.И. и **В.И. 1907.** Древности Приднепровья. VI. Киев.

Хойновский И.А. 1896. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. I. Киев.

Храпунов И. Н. 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin.

Хреков А.А. 1997. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (Вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. 3. М.

Цигилик В.М. 1975. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ.

Циркин А.В. 1995. В защиту кошибеевской культуры // РА. 1.

Черных Е.М. 1987. Отчет об археологических исследованиях в Ржевском районе Калининской области летом 1987 года // Архив ИА РАН. Р-1 №12345, 12346.

Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В. 1998. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // ТАС. 3.

Шаблавина Е.А. 2001. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н.э.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.

Шаблавина Е.А. 2004. Пальчатая фибула из коллекции Е.А.Горюнова // КТВДР.

Шадыро В.И. 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.

Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // ПХЭЛРВ.

Шекун А.В. Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э. – VII в. н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.

Шелов Д.Б. 1961. Некрополь Танаиса // МИА. 98. М.

Шепко Л.Г. 1987. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 4.

Шименас В. 1990. Великое переселение народов и балты // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Шитов В.Н. 1988а. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Труды МНИИЯЛИЭ. 93.

Шитов В.Н. 1988б. Сергачский могильник «Святой Ключ» // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. 85.

Шитов В.Н. 1988в. Старокадомский могильник //Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. 85. Саранск.

Шишкин Р.Г. 1999. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры // Сто років вивчення культур полів поховань на України. Київ.

Шишкин Р.Г. 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ.

Шишкін Р.Г. 1999. Господарско-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров"я) // Археологія. 4. Київ.

Шмидт Е.А. 1970. О культуре городищ-убежищ Левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. МИА. 176. М.

Шмидт Е.А. 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-Двинские племена.(VIII в до н.э. – III в. н.э.). М.

Шмидт Е.А. 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. Тушемлинская культура. Смоленск.

Шпилев А.Г. 2004. К уточнению места находки «обояньского клада» 1849 г. // КТВДР.

Шрамко Б.А. 1979. Могильник у с. Павлюковка // Могильники черняховской культуры. М.

Штыхаў Г.В. 1999. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII стст.) // Археалогія Беларусі. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск.

Шут К.П. 1964. (Отчет о раскопках 1964 г.) Архив ОА ИИ АНРБ.

Шут К.П. 1965. (Отчет о раскопках 1965 г.) Архив ОА ИИ АНРБ.

Шут К.П. 1966. (Отчет о раскопках 1966 г.) Архив ОА ИИ АНРБ.

Щапова Ю.Л. 1978. О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус // Е.М. Алексеева. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. М.

Щапова Ю.Л. 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.

Щапова Ю.Л. 1989. Древнее стекло: морфология, технология, химический состав. М.

Щапова Ю.Л. 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.

Щеглова О.А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Щеглова О.А. 1999а. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // STRATUM plus 1999. 5. СПб. – Кишинев – Одесса.

Щеглова О.А. 1999б. Мастер Трубчевского клада и его фибулы // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докладов научной конф. Харьков.

Щеглова О.А. 2000. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тез. докладов III Международной археологической конф. Самара.

Щеглова О.А. 2001а. «Антские» клады Харьковщины. Проблемы идентификации // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.

Щеглова О.А. 2001б. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Щеглова О.А. 2001в. Конструктивные особенности пальчатых фибул Поднепровья и их место в женском костюме // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докладов участников VIII коллоквиума. СПб.

Щеглова О.А. 2002. Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. Северо-Запада Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Щеглова О.А., Егорьков А.Н. 2000. Литейные формочки из Бернашовки и свинцово-оловянные украшения раннесредневековых кладов Днепровского левобережья // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докладов VII коллоквиума. СПб.

Щукин М.Б. 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 18.

Щукин М.Б. 1979. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 158.

Щукин М.Б. 1980. Некоторые вопросы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Rapports du IIIe Congrés International d'Archéologie Slave. II. Bratislava.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

Щукин М.Б. 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.

Щукин М.Б., Шаров О.В. 2000. К проблеме финала черняховской культуры // STRATUM plus 2000. 4. СПб. – Кишинев – Одесса.

Щукин М.Б., Щербакова Т.И. 1986. К хронологии могильника Данчены // И.А.Рафалович Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев.

Åberg N. 1919. Ostpreussen in Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig.

Aibabine A., 1993. La fabrication des garnitures et ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmerien et dans la Gothie de Crimée aux VIe – VIIIe siècles // Outils et ateliers d'orfevres des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye.

Aibabine A., Khairédinova E. 1997. La nécropole de Loutchistoe // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des Grandes Invasions IVe–VIIIe siècles. Caen.

Akhmedov I. 1998. La tombe de chef militaire finno-ougrien du Ve siècle a Borok 2 (Russie centrale) // Bulletin de liaison de l'Association Française d'Archéologie mérovingienne. 22. 1998.

Akhmedov I. 2001. New data about the origin of some constructive parts of the horse harness of the Great Migrations Period // International connections of the Barbarians of the Carpatian Basin in the 1st – 5th. centuries A.D. Aszod – Nyíregyháza.

Akhmedov I. 2002. Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations Period // Probleme der früuhen merowingerzeit im Mitteldonaurum. Brno.

Ament H. 1992. Das alamannische Gräberfeld von Eschborn (Main-Taunus-Kreis). Wiesbaden.

Arrhenius B. 1971. Granatschmuck und Gemmen aus nordischen Funden des frühen Mittelalter. Stokholm.

Aspelin J.R. 1878. Antiquities du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors.

Barkóczi L. 1988. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest.

Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Biblioteca degli Studi medievali. 7. Spoleto.

Bierbrauer V. 1980. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundsstoffes des 5. Jahrhundert in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und untern Donau im 5. und 6. Jahrhundert. Wien.

Bierbrauer V. 1994. Archaologie und Geschichte der Goten vom 1.–7. Jahrhundert // Frühmittelalterliche Studien 28.

Bierbrauer V. 1995. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien). Zur Hronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkait des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseums. Mainz. 1991.

Bierbrauer V. 1997. Les Wisigoths dans le royaume frans // Antiquités Nationales. 29.

Bitner-Wróblewska A. 1990. Zapinki z gwiazdzastą i lopatkowatą nozką z Poludniowo-Wschodnich wybrzeży Bałtyku // Wiadomości Archeologiczne. LI-1.

Bitner-Wróblewska A. 1995. Long Distance – Close Connections. Norway and the Balt Lands during Migration Period // Universitetts Oldsaksamlung. 1993/1994. Oslo.

Böhme H.W. 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. Studien zur Chronologie und Bevölkerungsgeschichte. München.

Bóna I. 1991. Das Hunnenreich. Budapest – Stuttgart.

Capelle T. Vierk H. 1975. Weitere Modeln der Merowingerß und Wikingerzeit //Frühmittel – alterliche Studien. 9. Berlin – New York.

Clairmont Chr. W. 1963. The Glass Vessels // The Excavations at Dura-Europas. Final Report IV. Part V. New Hawen.

Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Deutschland. 1. Bundesländer Brandenburg und Berlin. 1994. Bonn.

Csallány G. 1961. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568 u.Z.). Budapest.

Čižmář Z, Tejral J. 2002. Kriegergräber aus dem 5. Jh. in Prostějov-Držovice // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno.

Daim F. 1990. Der awarische Greif und die byzantinische Antike // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. 2. Wien.

Das Gold von Nyíregyháza. Nyíregyháza. 1997.

Diaconu Gh. 1973. Über die Fibel mit halbkreisformiger Kopfplate und rautenformigen Fuss aus Dazien // Dacia. 17.

Doppelfeld O. 1966. Römishes und frankisches Glas in Köln. Köln.

Die Alamannen. 1997. Stuttgart.

Eggers H.J. 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.

Ekholm G. 1963. Scandinavian Glass Vessels of Oriental Origin from the First to the Sixth Century // Journal of Glass Studies. V.

Fehr H. 2005. Bemerkungen zum völkerwanderungszeitlichen grabfund von Fürst // Bericht der Bayerisehen Bodenkmalpflege. 43/44. München.

Fettich N. 1937. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest.

Gabuev T., 2000. Mobilier d'une tombe de cavalier // L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Paris.

Gaerte W. 1931. Wittwenverbrennung im vorordenszeitlichen Ostpreußen // Prussia. 29.

Gavritukhin I. 2002. Double-plate fibels of subgroup I // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. XLIV. Nyíregyháza.

Gavritukhin I., Oblomski A. 1998. Le découvertes «princières» du Ve siècle dans la région du Dnepr-rive gauche et leur contexte archéologique et historique // Bulletin de liaison de l´ Association Franaise d´Archéologie mérovingienne. 22.

Gavritukhin I., Oblomski A. 2006. Le découvertes «princiérès» du Ve siècle dans la région du Dnepr-rive gauche et leur contexte historique // De l´ Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologique funéraire, princes et élites guerrières. Paris-Condé-sur-Noireau.

Geisler H. 1998. Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstrasse I. Rahden/Westf.

Germanen, Hunnnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. 1987. Nürnberg.

Giesler U. 1978. Jüngerkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg-Jahrbuch. 35.

Giesler-Müller U. 1992. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen. Derendingen.

Gimbutas M. 1963. The Balts. London.

Ginalski J. 1991. Ostrogi kabłakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacia typologiczna // Przegląd Archeologiczny. 38.

Glass 5000 years. New York. 1991.

Godłowski K. 1970. The Crhonology of the late Roman and early migration periods in Central Europe. Kraków.

Godłowski K. 1992. Zmiany w uzbrojeniu ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich // Arma et Ollae. Łódź.

Godłowski K. 1995. Das «Fürstengrab» des 5 Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuzowice in Südpolen // La noblesse Romaine et les chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau.

Gomolka-Fuchs G. 1992. Die römisch-bysantinischen Glasfunde das Karanis in Bulgarien // Zeitschrift für Archeologie. 26.

Gomolka-Fuchs G. 1999. Zur Militärbesatzung im spätrömischen Limeskastell Iatrus vom 4. bis zum zweiten Viertel des 5. Jahrhunderts // Eurasia Antiqua.

Gratuze B. 2000. Étude chimique des verres de l'atelier de Beyrouth // Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. 77. Beyrouth.
Gričiuvienë E., Grižas G., Buža Z. 2005. Žiemgaliai V–XIII a. // Žiemgaliai. Baltų archeologijos paroda. Katalogas. Vilnius - Riga.
Grunert W. 1944. Vom Hünenberg bei Rantau, Kr. Samland // Alt-Preußen. 9. Jahrg. 1/2.
Harhoiu R. 1995. Über die steinverzierten Fibel mit halbkreisformiger Spiral- und rautenförmiger Fussplate // Dacia. XXXVIII–XXXIX.
Harhoiu R. 1997. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest.
Heydeck J. 1888. Der südliche Teil des Gräberfeldes v. Grebieten, Kr. Fischhausen // Prussia. XXXIII.
Hochili-Gysel A. 1990. Verres romains trouvés en Gironde // Aquitania. VIII.
Huet Ch. 1995. La tombe de chef mérovingien de Louvres // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau.
Istvánovits E., Kulcsár V. 1999. Sarmatina and Germanic People at the Upper Tisza Region and South Alföld at the Beginning of the Migration Period // L'Occident romain et l'Europe centrale á l'époque des Grandes Migrations. Brno.
Jaskanis J. 1977. Cmentarzyska kultury zachodniobałtzjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wszesnośredniowieczne. IV. Warszawa.
Jentzsch A. 1896. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzial-Museums in den Jahren 1893–1895, nebst Beiträgen zur Geologie und Urgeschichte Ost- und Westpreußens // Schriften der Physikisch-Ökonomischen Gesellshaft zu Königsberg. XXXVII. Königsberg.
Journal of Glass Studies. 1971. XIII.
Kaczanowski Đ. 1995. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków.
Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. À propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie médiévale. XXII.
Kazanski M. 1993. L'archéologie de «l'empire» Hunnique. À propos d'un livre récent // Francia. Forschungen zur westeuropaischen Geschichte. 20/1. Paris.
Kazanski M. 1994. Les plaques-boucles méditerranéenes des Ve-VIe siècles // Archéologie médièvale. 24.
Kazanski M. 1995a. Les tombes des chefs alano-sarmates du IV siècle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siécle. Condé-sur-Noireau.
Kazanski M. 1995б. L'équipement et le matériel militaires au Bas-Empire en Gaule du Nord et de l'Est // Revue du Nord. Archéologie. 87.
Kazanski M. 1996. Les tombes «princières« de l'horisont Untersibenbrunn, le problème de l«identification étnique // L'identité des populations archéologiques. Sophiaé – Antipolis.
Kazanski M. 1997. La Gaule et le Danube a l'époque des Grandes Migrations // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donauraum. Brno.
Kazanski M. 1998a. Le royaume de Vinitharius: le récit de Jordanès et les données archéologiques // Stratégies of Distinction. Leiden – Boston – Köln.
Kazanski M. 1998б. Les barbares à Chersonèse (Ve–VIe s.) // Eupsikhia. Mélanges offerts à Hélène ahrweiler. Paris.
Kazanski M. 1999. Les Slaves. Les origines. Ier-VIIe siècle aprés J.-C. Paris.
Kazanski M. 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łodź.
Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Černjahov récente // Archéologie médiévale. XVIII.
Kazanski M., Mastykova A. 2003. Les peuples du Caucase du Nord. Le debut de l'histoire (I–VII siècle apr. J.-C.). Saint-Etienne.
Kazanski M., Périn P. 1997. Les Barbares «orientaux« dans l'armée romaine en Gaule // Antiquités Nationales. 29.
Keller E. 1967. Bemerkungen zum Grabfund von Untersiebenbrunn // Germania. 45.
Kiss A. 1977. Avar cemeteries in country Baranya. Cemeteries of the Awar Period (567–829) in Hungary. II. Budapest.
Kiss A. 1983. Die Skiren im Karpatenbekecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // Acta arcaeologia Hungarica. 35.
Koch A. 1998. Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich. Mainz.
Koch A. 1999. Zum archäologisschen Nachweis der Sueben auf der Iberischen Halbinsel. Überlegungen zu einer Gürtelschnalle aus der Umgebung von Baamorto /Monforte de Lemos/ (Prov. Lugo, Sanien) // Acta Praehistorica et Archaeologica. 31.
Kokowski A. 1996. O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na główce i rombowatą nóżką // Studia Gotica. I. Lublin.
Kuhlberg O. 1986. Late Roman and Byzantine Solidi. An Archaeological analysis of coins and hoards // Excavations at Helgö. X. Coins, Iron and Gold. Stockholm.
Kühn H. 1974. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Süddeutschland. Graz.
Kulakov V. 2005. Légionnaires romains et guerriers mérovingiens sur la côte d'Ambre // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne. Namur.
Kulakov V.I., Šimėnas V.H. 1992. Latgalische Schmucktypen in des Sammlung des Instituts für Ur-und Frühgeschichte der Universität Wien // Archaeologia Austriaca. 76.
L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.–C. 2000. Paris.
La Baume W. 1924. Die Besiedlung des Weichsel-Nogat-Delta in vor- und frühgeschichtlicher Zeit // Das Weichsel-Nogat-Delta. Danzig.
La Baume W. 1934. Urgeschihte der Ostgermanen.
L´oppidum de Saint-Blaise du V-e au VII-e s. Paris. 1994.
Legoux R., Périn P., Vallet F. 2004. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Bulletin de liaison de l'Assosiation française d'Archéologie mérovingienne
Le verre de l´antiquité tardive et du haut Moyen Age. Val d´Osie. 1995.
Luik M,, Schach-Dörges H. 1993. Römische und frühalamanische Funde von Beinstein, Gde. Waiblingen, Rems-Murr-Kreis // Fundberiichte aus Baden-Würtemberg. 18.
Lund Hansen U. 1998. Goldring // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 12. Berlin – New York.
Mączyńska M. 1986. Der Goldfund aus dem 5. Jahrhundert N. Chr. aus Granada- Albaicin und seine Beziehungen zu Mittel-und Osteuropa // Madrider Mitteilungen. 27. Mainz.
Mączyńska M. 1999. La fin de la culture de Przeworsk. // L'Occident romain et l'Europe centrale à l'époque des Grandes Migrations. Brno.
Madyda R. 1977. Sprzączki i ocucia pasa na ziemiach Polskich v okresie rzymskim // Materiały starożytne i wczesnośrediowieczne. IV. Warszawa.
Madyda-Legutko R. 1978. The buckles with imprint ornamentation // Wiadamości Archeologiczne. XLIII.
Madyda-Legutko R. 1983. Próba rekonstrukcji pasów z metałowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegląd Archeologiczny. 31.
Madyda-Legutko R. 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserziet und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford.
Manière-Léveque A.-M. 1997. L'évolution des bijoux «aristocratiques» feminis a travers les trèsors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archèologique. 1.
Martin Ch. 1995. Le verre d´Antiquité tardive en Veles // Le verre de l´antiquité tardive et du haut Moyen Age. Val d´Osie.
Menghin W. 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart.
Menghin W. 1994/1995. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 26/27.
Menke M. 1986. Archäologische Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhunderts in der Zone nordwärts der Alpen // Peregrinatio Gothica 7 (Archaeolgia Baltica 84/85). Łódź.

Miletić N. 1978. Reflets des Grandes Invasions en Bosnie-Herzegovine // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi Sad.
Mitrea B., Preda C. 1966. Necropole din secolul al IV-lea e.n. in Muntenia. Bucureşti.
Mode M. 1991/1992. Sogdian Gods in Exile – Some iconografic evidence from Khotan in the light of recently excavated material from Sogdiana // Silk road art and archaeology. 2. Kamakura.
Müller H.F. 1976. Das alamannische Gräberfeld von Hemmingen (Kr. Ludvigsburg). Stuttgart.
Müller-Wille M. 1970/1971. Pferdegrab und Pferdeopfer im frühen Mittelalter // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. 20–21.
Müller-Wille M. 1997. Les tombes royales et aristocratiques tumuli // Antiquités nationales. 29.
Musche B. 1988. Vorderasiatischer Schmuk zur zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden – Neu York – København – Köln.
Novotný B. 1957. K otázce kultu mrvých na pohrebišti z doby stěhováиn národù u Smolína na Moravé // Archeologické rozhledy. IX-4.
Nowakowski W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarische Welt. Marburg – Warszawa.
Okulicz-Kozaryn J. 1992. Centrum kulturowy z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły // Barbaricum. 2. Warszawa.
Olędzky M. 1999. The Upper Tisza Basin in the roman period. Remarks on setllment and cultural changes // Das mitteleuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3 Jahrhundert. Brno.
Ostpreussische Sagen. 1986. Köln.
Párducz M. 1963. Die Etnischen probleme der Hunnenzeit in Ungarien. Budapest.
Pekarskaja L.V., Kidd D. 1994. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck.
Périn P. 1995. Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau.
Peškař I. 1972. Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren. Praha.
Pieta K. 1999. Anfänge der Völkerwanderungzeit in der Slowakei (Fragestellungen der zeitgenössischen Forschung) // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno.
Podobed V.A. Simonenko A.V. 1998. A Late Sarmatian burial in the Central Donetsk basin // Communicationes archaeologiae Hungariae. Budapest.
Prahistoria ziem Polskich. V. Wrocław etc. 1981.
Price J. 1995. Glass tablewares with wheel-cut, engraved and abraded decoration in Britan in the fourth sentury A.D. // Le verre de l´antiquité tardive et du haut Moyen Age. Val d´Osie.
Quast D. 1993. Merowingerzeitliche Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart.
Quast D. 1999. Auf der Suche nach fremden Männern – Die Herleitung scmmalen Langsaxe vor dem Hintergrund der alamannisch-donauländischen Kontakte der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno.
Rau G. 1972. Köpergräber mit Glassbeigaben des 4. Nachchristichen Jahrhunderts im Oder-Weichel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. 3.
Rau G. 1973. Facettschliffgläser und die Chronologie der Spätkaiserzeit // Archäologisches Korrespondentblatt. 3.
Rau G. 1975. Spätantike Glasfunde im Karpatenraum // Zeitschrift für Ostforschung. 24.
Ross M.C. 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquites in the Dumbarton Oaks Collection. Washington.
Saldern von A. 1980. Ancient and Byzantine Glass from Sardis // Archaeological Exploration of Sardis: Monographs 6.
Sazanov À. 1995. Verres á décor de pastilles bleues provenant des fouilles de la Mer Noire tipologie et chronologie // Le verre de l´antiquité tardive et du haut Moyen Age. Val d´Osie.
Schach-Dörges H. 1987. Römische und alamannische Spuren im Raum Remseck am Neckar. Remseck.
Schmauder M. 2002. Oberschichtgraber und Verwahrfunde in Südosteuropa im 4. und 5. Jahrhundert. Bukarest.
Schneider J. 1983. Deersheim. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld im Nordhaezvorland // Jahresschirft für Mitteldeutsche Vorgeschichte. 66.
Schulze M. 1977. Die spätkaiserzeitliche Armbrustfibel mit festem Nadel (Gruppe Almgren VI, 2). Bonn.
Schulze-Dörrlamm M. 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n.Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseums. 33. Mainz.
Scukin M., Bażan I. 1995. L'origine du style cloisonné de l'époque des Grandes Migrations // La noblesse Romaine et les chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau.
Siegmannm. 2002. Bunte pracht – die Perlen der Frühmittelalterlichen Graberfield von Liebenau, Kreis Nienburg/Weser, und Dörverden, Kreis Verden/aller. Weissbach.
Simonenko A.V. 1995. Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region // Studia archaeologica. I. Szeged.
Speidel M.P. 1996. Late Roman military decorations I: neck- and wristbands // Antiquité Tardive. 4.
Stawiarska T. 1999. Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Warszawa.
Sternini M. 1995. Il vetro in Italia tra V–IX secoli // Le verre de l´antiquité tardive et du haut Moyen Age. Val d´Osie.
Straume E. 1987. Cläser mit Facettenschiff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts nach Chr. Universitetsforlaget. Serie B. Skrifter LXXIII. Oslo.
Sulimirski T. 1966. Znalezisko z Zamoscia i jego tlo // Archeologia Polski. XI-1.
Svoboda B. 1965. Čechy v době stěhování narodů //Monumenta Archeologica. XIII. Pragae.
Svoboda B. 1975. Dva hrobu z doby stěhování národů ve Stehelěvsi u Slaného // Památky archeologické. LXVI-1. Praha.
Szameit E. 1997. Ein Völkerwanderungszeitliches Werzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorberciht // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.
Tejral J. 1973. Mähren in 5. Jahrhundent. Praha.
Teiral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelleVeränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderunszeit // Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica. VII). Łódź.
Tejral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Vöikerwanderungszeit // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums.
Tejral J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donau // Archaeologia Austriaca. 72.
Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènzeit bis zum Frühmittelalter. Kraków.
Tejral J. 1993. Za dob velikého nekludu // Praveké dejiny Moravy. 3.
Teiral J. 1995a. Neue Aspecte der Frühvölkerwanderungszitlichen Chronologie im Mitteldonaurum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.
Tejral J. 1995б. Die Verbündeten nördlich des pannonischen Limes und ihre Nobilität während der Spätantike // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau.
Tejral J. 1997a. Neue Aspekte der Früchvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donauraum. Brno.
Tejral J. 1997б. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen a la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 29.
Tejral J. 1999. Die Völkerwanderungen des 2. und 3. Jh.s und ihr Niedershlang im archäologischen Befund des Mitteldonauraumes // Das mitteleuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3 Jahrhundert. Brno.
Tejral J. 2000. The problem of the primary acculturation at the beginning of the migration period // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź.

Tempelmann-Mączyńska M. 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein.

Tempelmann-Mączyńska M. 1986. Der Goldfund aus dem 5. Jahrhundert N. Chr. aus Granada-Albaicin und seine Beziehungen zu Mittel- und Osteuropa // Madrider Mitteilungen. 27.

Tempelmann-Mączyńska M. 1989. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków.

The Royal Hanter. Art of the Sasanian empire. New York. 1978.

Theune-Vogt K. 1990. Chronologische Ergebnisse zu den Perlen aus dem alamanischen Gräberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg. Marburg.

Tischler I., Kemke I. 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.

Tischler O. 1879. Ostpreussische Gräberfelder. III. Königsberg.

Tóth E. H., Horvath A. 1992. Kunbábony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kieskemét.

Tropaeum Traiani. I. Cetatea. Bucureşti. 1979.

Tuszyńska M. 1988. O zapynkach z gąsiecowatym kabłakiem w obrębie kultury wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. I. Lublin.

Vaday A.H. 1989. Die sarmatischen Denkmäler des Komitatas Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // Antaeus. Budapest.

Vallet F. 1988. À propos des tombes à épées d'apparat de la Rue Saint-Pierre (Oise) et d'Arcy-Sainte-Restitue (Aisne) // Revue Archéologique de Picardie. 3–4.

Vallet F., Kazanski M. 1995. Eléments étrangers en Burgondie dans la deuxième moitié du Ve siècle // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon.

Voß H.-U. 1994. Fibel und Fibeltracht. Frühe Völkerwanderungszeit. Fibelformen // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8, Lief. 5/6. Berlin – N.Y.

Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinekke Festschrift. Mainz.

Werner J. 1961. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderun gszeitliche Schmuck). Die Fibeln. 1. Berlin.

Werner J. 1973. Bemerkungen zur mitteldeutschen Skeletgräbergruppe Hasleben–Leuna // Festschrift für Walter Schleinger. I. Köln – Wien.

Werner J. 1980. Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jügneren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. 14.

Summary

Eastern Europe in the middle of the 1-st millennium AD

Introduction

(I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomsky)

The authors of this monograph set for themselves as an object the investigation of changes in archaeological situation, to clear up the character and rhythm of cultural transformations in the archaeological entities of Eastern Europe within the wide region from the forest-steppe to the Baltic zone in the period of mass population movements in the 4th – 6th cc. AD.

Investigations were carried out in several regions, so that the obtained materials allow suggesting different models of population groups' interaction. For each region we planned, first, to present basic indications of the cultures of the 3rd – 4th cc.; second, to demonstrate what cultures developed in the 5th – 6th cc. and in what these were different from the preceding ones; third, to reveal the main indications of changes in archaeological structures; fourth, to establish chronology of these changes. As a result, we have made an attempt to answer the questions: what were the reasons and shapes of cultural transformations; did any uniform rhythms act in formation of new East European cultures, and was their emergence related to migrations of population?

The above determines the structure of this book.

Chapter I by I.O. Gavritukhin and A.M. Oblomsky is devoted to the forest-steppe region of the Dnieper left bank. The problem consists in reconstruction of the character, rhythms and mechanisms of migrations of population groups, on the one hand, and the forms of cultural continuity, on the other hand. Special attention is paid to the questions related to the chronology of Chernyakhov culture.

Chapter 2 by A.M. Oblomsky is based on the materials from the Upper Don basin. Of principal importance here is the problem of singling out cultural groups, their cultural characteristics and interaction.

Chapter 3 by I.V. Belotserkovskaya, I.R. Akhmedov and O.S. Rumyantseva contains the analysis of materials from the Middle Oka region. The investigation follows the sequence of categories of finds: military equipment, woman's attire, pottery and beads. Comparison of the results of analysis of various categories of material gives grounds to suggest a picture of local traditions' development, helps to shape an idea on the significance of innovations, their character and rhythms.

Chapter 4 by N.V. Lopatin and A.G. Furasyev deals with the spacious region in the north of Byelorussia and the North-West of Russia. The authors use the method based on the analysis of pottery styles and sets of vessel shapes. The separate group of sites of the Roman period singled out in the Upper Dnieper and the Dvina basins suggests a new picture of interrelations of cultural groups in the Great Migration period from the forest zone of the Dnieper basin to the Pskov region and the Upper Volga.

Chapter 5 by I.V. Islanova is based on the materials from three relatively limited cultural and geographical regions in the Upper Volga basin. Investigation of the collections of finds allow for the first time to outline a series of cultural groups, trace their origins, models of interaction and the relations to the processes developing in the adjacent territories.

Chapter 6 by V.I. Kulakov is based on the materials from ancient Sambia and Natangia. The author proceeds from ideas on close connections between ethnic processes and social development. Presented observations suggest alternative view on other investigators' conclusions.

Chapter 7 by V.E. Rodinkova is devoted to the origin of one of the variants of the Early Slavic woman's attire. The investigation has been carried out in diachronic aspect.

Chapter 1. Forest-steppe region of the Dnieper left bank

1.1. Introduction

(I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomsky)

In the late 4th – 5th cc. AD in the forest-steppe region of the Dnieper left bank sites of terminal Chernyakhov and Kiev cultures are known. Cultures of steppe circle are also present, as well as early sites of Penkovka and Kolochin cultures, inhumation burials, a series of separate finds of foreign origin, hoards and "princely" burials (Figs. 1; 2; 20).

1.2. Terminal stage of Chernyakhov Culture

(I.O. Gavritukhin)

In the section the chronological indicators used for singling out late sites of Chernyakhov culture are considered in relation to the finds from the forest-steppe region of the Dnieper left bank. As for the Hun time, of special significance are: glass vessels decorated with blue glass bosses related to the Near Eastern or Danubian centres and their replicas made of clay (Fig.

3); some variants of two-layer polished goblets (Fig. 4: 16, 19–20); a series of vessels with polished medallions, evidently, of Iranian origin (Fig. 5: 5–7); goblets with profiled stand (Fig. 6: 3, 11–12) and with densely placed polished hexagons or big contiguous ovals (Fig. 8); late variants of double-plate brooches (Figs. 9: 1–9, 11, 15; 10: 1, 6, 9–10, probably, 2, 7); brooches with rhomboid bow (Fig. 11: 1-20); big brooches (Fig. 12: 12–13); buckles with long pins and with pins covering the frame's whole height; those with evenly broadened rounded frame and with big pin of triangular section; buckles with pin supplied with a hook (Figs. 12: 4–7, 16, 25, 51, probably, 19–22, 59; 13: 2; 14: 6); combs of type III according to S. Thomas (single-layer ones and those with side slots) (Fig. 12: 29, 59) and some other finds. The results are shown in Table 1. In the table the site list is published and the indications of the Hun time known from them.

As a result, the conclusion is put forward that in the early Hun epoch within a significant part of the forest-steppe region on the Dnieper left bank the Chernyakhov population still lived practically in all principal areas with dense concentration of the sites attributed to the end of the Late Roman period (cf. Figs. 2 and 20). Certain specifics in morphology of finds produce an impression that the Chernyakhov tribes on the Dnieper left bank were isolated from the other groups of barbarian population, which contributed to working out local types of ornaments and specific set of imports. Main groups of the Chernyakhov population abandoned the Dnieper left bank not in the beginning of the Hun time, but somewhat later. Now it is difficult to say when the migration started – in the course of the concentration of forces undertaken by Radagaisius (before 406), or during Attila's mobilization (since the 430-s), or in the course of the events not mentioned in written sources.

1.3. Kiev culture and main trajectories of migrations in the Hun time

(A.M. Oblomsky)

The Hun time at the sites of Kiev culture is evidenced by circular buckles (Figs. 15: 23; 17: 26), buckle pin from construction 1 at the Shostka-Lokotki settlement, comb from Ulyanovka 1 (Fig. 15: 24), big brooch (Fig. 16: 21), iron brooches with spade-like bows (Fig. 17: 21), fragment of mirror with a loop on its reverse side (Fig. 15: 18) and bracelet with broadening ends found together with it (Fig. 15: 22), gilded plate pendant with strap-end stamped on it typical of the Hun circle and of later date (Fig. 16: 20), sherds of a++mphora of type E according to D.B. Shelov. At settlements Peschanoe and Sencha trefoil tanged iron arrowheads related to the Hun cultural circle were found (Fig. 17: 27). Table 1 shows the site list and the list of finds – indicators of the Hun time.

The migrations that took place on the Dnieper left bank area during the Hun period may be presented as a series of trajectories (cf. Figs. 2 and 20). Trajectory 1 marks movements of the Chernyakhov population directed mostly westward (see above). Another population flow moved in the opposite direction to the Upper Don basin (see Chapter 2).

Trajectory 2: the Middle Dnieper region – the Desna basin. During the Hun times in the Desna basin migrants from the south, appeard most probably, came from the Middle Dnieper region where the bearers of Kiev culture underwent strong Chernyakhov influence. To these groups such settlements belong as Aleksandrovka 1, Verkhnestrizhenskoe 2, Roishche (see finds in Fig. 16). They functioned mainly in the Hun period, though Aleksandrovka 1 had probably emerged somewhat earlier. Evidently, this group of migrants transferred the Chernyakhov influence to the inhabitants of the Desna basin.

Trajectory 3: from the Desna basin or the adjacent Seim region eastward and southward. On the terminal stage of Chernyakhov culture in the northern part of the forest-steppe on the Dnieper left bank appeared the sites attributed to the Desna variant of Kiev culture, which evidences the start of movement from the Desna or the Middle Seim basins to the south and to the east. The easternmost open dwelling sites of this cultural circle are known in the Upper Seim basin and on the Upper Psel reaches, while the southernmost settlement Sencha is situated on the Middle Sula River (see materials in Fig. 17). Chronological indicators from these and the earlier sites date the discussed process back to the Hun time.

Trajectory 4: movement of the population attributed to the Seim-Donets variant to the Don basin. Special investigation has shown that the pottery of the Kiev tradition belonging to the Upper Don population of the Hun time (represented by the sites of the Chertovitskoe – Zamyatino type) is related by its origin to the heritage of the Seim-Donets variant of the Kiev culture (see Chapter 2).

Trajectory 5: the sites with the tradition of the "steppe" cultural circle. In the southern part of the Chernyakhov area a series of burials and some finds associated with the Sarmatian tradition are known (Kantemirovka, Orlik, Vorontsovka) (Fig. 19: 11–70). These materials fall within the chronological range from the late 4th to the first part of the 5th cc. (Table 1). Near the Vorskla River estuary (the Perevolochnaya village) fragments of Hun cauldron have been found.

A series of finds of later date (burial near Likhachevka – Fig. 19: 71–81; finds from Konstantinovgrad – Fig. 22: 11-13; anthropomorphic figurine from Moshchenka – Fig. 22: 8; the association from the Babichi kurgan on the Middle Dnieper drawn by A.A. Sinitsyn) show recurrent penetration of nomads into the forest-steppe zone in the second part of the 5th – the first part of the 6th cc. This process lasted afterwards as well.

1.4.–1.5. Formation of Kolochin and Penkovka cultures, coeval inhumation burials of settled population and of posthun pesiod separate finds

(I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomsky)

The earliest finds with established chronology in Kolochin and Penkovka cultures in the Middle Dnieper region date from the mid 5th – the early 6th cc. These

are: brooch from Khodosovka, buckle from Velikaya Andrusovka (Fig. 21: 28, 51) and others. On the left bank in the context of Kolochin culture among the earliest finds there are: arrowhead and brooch of the Pilviny type from Kolodezny Bugor (the second part of the 5th – the early 6th cc.) (Fig. 21: 29, 30). Not before the second part of the 5th c. date finds from the settlements Kartamyshevo 2 and Posudichi of Kolochin culture (Fig. 21: 25–26). Kolochin culture (some pottery shapes see in Fig. 21: 1–24) was based on the traditions of the Desna variant of Kiev culture (see selected pottery shapes in Fig. 15). Division of the Kolochin territory into the southern and eastern parts emerged as a result of settlement of the late Kieve tribes of the Desna – Middle Seim origin within the forest-steppe (see above, trajectory 3; Fig. 20: II).

Base for Penkovka culture (see selected pieces of hand-made pottery in Fig. 21: 31–49) constituted traditions of the Kiev forest-steppe population, either strongly influenced by Chernyakhov culture, or directly entering the Chernyakhov ethnic and political entity (see selected finds in Fig. 18). The culture included also migrants from the north, from the area of the Desna variant of Kiev culture.

At some Kolochin and Penkovka sites both wheel-made pottery and a series of finds of the Chernaykhov origin have been recorded. This means that Kolochin and Penkovka cultures emerged during the period when these objects were still in use. Most probably, the cultures formed in the second quarter – mid 5th c.

Besides Kolochin and Penkovka cultures on the Dnieper left bank separate inhumation burials and a series of finds are known, their context being comparable with the discussed cultures.

The repertoire of finds from the association from Volobuevka (Fig. 22: 24–27) corresponds to the East German tradition in woman's costume of the second part of the 5th c., which evidences relations established between the population of the Dnieper left bank and the North-Eastern Pontic zone. The Pontic relations are evidenced by brooches from Tokari, Moshchenka and Gaidary (Fig. 22: 14, 16, 17) (not association finds). Late variants of such brooches are unknown from the area situated northward from the steppe. This may be probably explained by the change in ethnic and cultural situation in the steppe that occurred in the last decades of the 5th c. and caused a break in relations between the Pontic and forest-steppe regions.

Westerly relations of the inhabitants of the Dnieper left bank are reflected by the following finds: mount-plate from Aleksandrovsky (Fig. 22: 18), its counterparts being known from Central European phase D2/D3; the terminal of brooch bow from Lazukovka (Fig. 22: 9) designed in the Danube regional style of the second part of the 5th c.; a brooch fragment (?) from the Belsk Eastern hillfort (Fig. 22: 10). Brooches from Lyubovka and Bolshaya Danilovka (Fig. 22: 5, 6) are remakes of the Byzantine prototypes dating from the second part of the 5th – the first part of the 6th cc. Rings with polyhedral terminals in the considered region originate from inhumation burial in Sumy-Sad (Fig. 22: 22), while in the Middle Dnieper region they are known from inhumation burial near Selishche and association of unclear character in Chulakovka. Most probably, these artefacts in the Middle Dnieper region are related to the context of the mid 5th – second part of the 6th cc.

Some metal details of woman's attire are very specific, which suggests local jeweller's production, though strongly dependant on imported specimens.

1.6. Elite associations of the 5th century
(I.O. Gavritukhin)

The period of general instability on the Dnieper left bank is represented by the associations referring to the culture of social elite. These may be divided into two chronological groups. The early chronological stage (the late 4th – the first decades of the 5th cc.) is represented by the Nezhin hoard. Its content and location should be associated rather with the traditions of the Chernyakhov population (Fig. 25: 4). Most likely, the moment when the hoard was deposited corresponds to the outflow of the Chernyakhov population, that is, to the end of Chernyakhov culture proper.

The late chronological group of elite character (Figs. 23: 1–14; 25: 1–3) includes the Porshino burial, the first and the second associations from Bolshoy Kamenets (evidently, belonging to a minor cemetery), coin treasure from Rublevka. They mirror the events of Attila's epoch (434–453), even thouth the treasure and the burial could have been deposited somewhat later. Most probably, the group of associations under discussion was related to the period when the detachments of the Huns' allies returned after the wars they led on the Danube to the territories they had sojourned in after the events at Nedao and other defeats of the third quarter of the 5th c. The culture of these insignificant groups practically had not left any traces in the history of the Dnieper left bank population.

1.7. Concerning the reconstruction of historical processes
(I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomsky)

In this section general conclusions on the historical processes reconstructed proceeding from the archaeological data are suggested.

Chapter 2.
The forest-steppe territory of the Don basin
(A.M. Oblomsky)

2.1. Introduction

In the forest-steppe territory of the Don River basin in the 3rd – 5th cc. AD three cultural and chronological types of archaeological sites have been singled out: the sites of the Kashirka – Sedelki type, those of the Chertovitskoe – Zamyatino type, and inhumation burials of the type known from the Zhivotinnoe cemetery. To the first type 46 dwelling sites may be attributed (Fig.

1), to the second – 19 settlements (Fig. 17). By 2005 totally 28 burials of the Zhivotinnoe cultural circle have been registered (Fig. 17).

2.2. Sites of the Kashirka – Sedelki type

All the settlements attributed to this type are not fortified. No cemeteries have been discovered so far.

The majority of the open dwelling sites represent ordinary agricultural settlements, while the Pisarevo settlement was a production centre. At the site there were excavated the remains of structures related to iron-making; accumulation of production waste suggests bronze-casting and bone-carving crafts, as well as ironworking. Practically all sites had been destroyed by fire.

Hand-made pottery clearly dominates. The rate of wheel-made pottery ranges from 1.5 to 14%. The majority of vessels are of the Chernyakhov origin (Figs. 2: 6; 7: 1,7,8,11; 8: 10,11; 9: 1-4). Vessels associated with other traditions are rare (Figs. 7: 2,4,6,9; 8: 9).

The antiquities of the Kashirka – Sedelki type fall within the chronological range from the emergence of Chernyakhov culture in the second third of the 3rd c. to the early – middle 4th c.

2.3. Sites of the Chertovitskoe – Zamyatino type

The major part of the settlements do not have any defensive structures, though some of them are situated within the territory of fortified sites of earlier age, so the population may have used the old ramparts.

Almost all dwelling sites functioned as ordinary agricultural settlements, their inhabitants were involved into animal-breeding; farming was probably also practiced, as well as fishing and home-crafts, such as weaving. Of unique character is the microregion in the locality Ostraya Luka of the Don River: some settlements functioned as craft centres there. Thus, at Zamyatino two investigated workshops specialised in bone-carving (comb-making); development of other crafts have been proved by the traces of bronze-casting and blacksmith's production, including making and repairing mail-shirts. At open dwelling site Ksizovo-19 pottery kiln was excavated.

Hand-made pottery dominates at the sites of the mid 1st mill. AD. The share of wheel-made vessels, as a rule, does not exceed 1.5%. At the north-western sites of the discussed area wheel-made pottery is of local origin (Figs. 18, 19), but at the south-eastern ones such vessels were the Chernyakhov imports (Fig. 42: 4, 10).

The sites of the Chertovitskoe – Zamyatino type date back to the 5th c. as a whole, the last quarter of the 4th and the early 6th cc. are not excluded.

2.4. Inhumation burials of the mid 1st millennium AD

The majority of inhumations were investigated at two cemeteries – Ksizovo-17 (23 burials) and Zhivotinnoe (3 burials). Two more burials have been discovered at the settlements of the Chertovitskoe – Zamyatino type (Ksizovo-19 and Mukhino-2).

The burials are divided into two types. The first type comprises 25 burials with the dead deposited their heads pointing NW (11 cases) or SE (13 cases). The graves mostly contained individual burials, only two graves contained double burials (Figs. 22: 2; 26: a). The skeletons were deposited in supine position. Some burials were performed in very shallow pits in humus layer, the rest are also not deep: their bottoms were reached at a depth from 0.07 to 0.45 m down from the subsoil level. The burial rite included such elements as animal bones, chalk, the traces of organic matters on the grave bottoms, charcoals dispersed over the burial, lumps of ochre, decayed timber. In several cases artificial deformation of skulls was registered.

At the Ksizovo-17cemetery there was investigated a burial with horse sacrifice (Fig. 22: 4). At the same site a ritual U-shaped ditch was discovered.

The majority of skeletons were dismembered after depositing in the grave (Fig. 26: a). As a rule, burials of the first type did not contain grave goods, or their set was extremely poor (Figs. 23; 24; 26: 1–4). The burial investigated at Mukhino-2 was a rich one; it was furnished with objects made of gold, silver, amber and glass (Fig. 27: 3–15).

In burials of the second type the dead were oriented NE, sometimes with deviation to N. There are only three such burials. Two male individuals were accompanied by weapons (Fig. 25); the third burial contained female skeleton accompanied by brooch, comb, mirror, belt-buckle and beads. The burials in question were deposited in deep pits (0.7–1 m down from the subsoil level and around 2 m from the ground surface). The skeletons did not show signs of dismemberment.

The inhumation burials of the Upper Don region date back to the 5th – the early 6th cc.

2.5. Comparison of materials from the sites of the Kashirka – Sedelki and the Chertovitskoe – Zamyatino types

Topography and spatial structure of settlements

Sites of the Late Roman period and those of the mid 1st mill. AD are similar (Fig. 28) are similar, as far as their area is concerned, which depends on similar principles of settlements' spatial structure: each dwelling site consisted of several family plots. Distribution of the areas occupied by the Upper Don sites is most close to the Chernyakhov model.

The sites of the Kashirka – Sedelki type, on the one hand, and those of the Chertovitskoe – Zamyatino type, on the other hand, are situated in radically different landscape conditions. During the Late Roman period in the Upper Don basin settlement system covered mainly relatively small rivers, springs and ravines. In the Hun time the majority of dwelling sites were associated with the valleys of the Don and Voronezh rivers – the biggest ones in the region. As a rule, the settlements occupy dominating points in the landscape.

The dwellings of the Kashirka – Sedelki type represented ground houses with pisé walls, both

of large (60–80 sq. m) and small (less than 30 sq. m, mostly around 15 sq. m) size. For household purposes constructions with sunken bottoms were used. Constructions at the settlements of the Kashirka – Sedelki type have their counterparts at the sites of Chernyakhov culture on the left bank of the Dnieper, and, to a lesser extent, at the settlements of Kiev culture in the Chernyakhov frontier.

As for the sites of the Chertovitskoe – Zamyatino type, ground houses are also known, but the majority of dwellings represent structures with sunken bottoms. The most part of them are similar to those typical of Kiev culture of the forest-steppe zone.

Hand-made pottery and spindle-whorls

Hand-made pottery of the sites of the Kashirka – Sedelki type comprises two sets. The first one may be termed as the Kiev one, since the shapes of pots and bowls it includes are similar to those known from the sites of Kiev culture and the Kiev tradition survived in Chernyakhov culture of the forest-steppe region of the Dnieper basin. Vessels with rough surface see: Figs. 2: 1–3; 4: 1–7, 11–15; 5: 1–3, 6–9; 8: 1–8; 9: 5–8, 12, 14, 15; 10: 3–8, 13; vessels with burnished surface see: Figs. 4: 10; 10: 11, 12).

The pottery attributed to the second set is related by its origin to the late Scythian sites of the Lower Dnieper basin, the antiquities known from the Olbian chore and the southern Chernyakhov sites (Figs. 3: 2, 3, 5–7; 6: 1–3; 9: 10).

Hand-made pottery of the sites dating from the Hun period is divided into two groups: kitchen ware with rough surface and table ware with burnished and slightly burnished surface.

Coarse hand-made pottery of the mid 1st mill. AD also comprises two sets of vessels. To the first set we attribute the vessels having their counterparts at the forest-steppe sites of Kiev culture (Figs. 31: 1–6; 32: 1–8; 37: 1–4, 7, 8, 10–18; 40: 1, 4, 6–10; 41: 1–4, 8, 9; 42: 1–3, 5–9; 43: 1–6).

The comparative analysis shows that the pottery of the Kiev origin known from the settlements of the Kashirka – Sedelki type was related to the traditions of the Middle Dnieper basin and, to a certain extent, the territory on the Dnieper left bank, while pottery of the Chertovitskoe – Zamyatino type showed relations to the eastern part of the area on the Dnieper left bank and the Seversky Donets basin.

The second set of the kitchen ware known from the sites of the Chertovitskoe – Zamyatino type includes kitchen pots of the shapes unknown from the sites of Kiev culture (Figs. 33: 1–8; 34: 1–5; 37: 5, 9; 38: 1–6; 40: 2, 3; 41: 5, 7). At the sites of the Ostraya Luka of the Don River the share of the second pottery set ranges from 13 to 24%. Some of these shapes have the Chernyakhov prototypes, the other ones – at the sites of late D'yakovo and Moshchiny cultures and the culture of Ryazan-Oka cemeteries.

The share of table pottery at the sites of the Chertovitskoe – Zamyatino type ranges from 4 to 12% (Figs. 35; 36: 1–9; 39: 1–5).

Shapes of the table vessels are genetically related to the archaeological cultures of "the Oka circle", Chernyakhov, Przeworsk and Wielbark cultures. Some shapes have their counterparts in the burials of the Tanais necropolis dating from the Hun period.

As for implements, only spindle-whorls show distinct ethnic and cultural specifics. The sets of spindle-whorls of the Late Roman and the Hun times are different.

Thus, the sites of the Kashirka – Sedelki type, on the one hand, and the antiquities of the Chertovitskoe – Zamyatino type, on the other hand, are different by all basic parameters of archaeological culture. In the 4th c. AD the Upper Don area saw change of population.

2.6. Concerning the reconstruction of historical processes

Not after the late 3rd c. the late Scythian dwelling sites and the Sarmatian cemeteries ceased to function in the region in question. Around the mid – second part of the 3rd c. in the forest-steppe territory of the Don basin the antiquities of the Kashirka – Sedelki circle appeared. This process was related to the migrations related to the process of territorial expansion of Chernyakhov culture. Two ethno-cultural groups had appedred in the Don basin: one of the Kiev, another of the Lower Dnieper late Scythian origin.

All settlements of the Kashirka – Sedelki type had been destroyed by fire. It is highly probable that this occurred during one of the rides undertaken by the Goth king Ermanarich in easterly direction mentioned by Jordanes.

The majority of population in the Upper Don region during the Hun period were newcomers. At the dwelling sites of the Chertovitskoe – Zamyatino type dominated migrants from the Seim-Donets variant of Kiev culture. Another substantial ethnic component was represented by the descendants of the migrants from the Upper Oka area. Less distinct are the traces left by the culture of the Chernyakhov culture, late Classical culture of the Pontic littoral and the steppe nomads.

The Upper Don enclave of the mid 1st mill. AD was centred on the Ostraya Luka locality on the Don River. Most evidently, this cluster of settlements formed a subsistence base for one of the military detachments of the Hun empire and for some nomadic horde after its downfall.

Some details of the burial rite displayed by the inhumation burials of the first type (first of all by the late Sarmatian ones) have their analogies in the materials from the Crimea, the Caucasus and the Tanais necropolis. For the burials of the second type analogies may be pointed to in the Middle Danube region, where they are interpreted as the early German burials.

In the late 4th – 5th cc. in the forest-steppe region of the Don basin existed an early state structure of multiethnic character marked by numerous elements of military life-style, craft workshops, etc. Families of nomads, semi-nomads and settled population lived within the same dwelling sites on the Upper Don.

We cannot exclude that the whole population of the Chertovitskoe – Zamyatino group had been settled on the Don deliberately to satisfy some requirements of the Hun power.

Chapter 3. Ryazan-Oka culture

3.1. Introduction

(I.R. Akhmedov, I.V. Belotserkovskaya)

The sites attributed to the Oka Finns are situated on the Middle Oka River, Ryazan region, and partly on its tributaries (the Pronya, Pra, Koksha, Tsna rivers; see map in Fig. 1). The sites are represented by cemeteries and settlements, both fortified and non-fortified. At present the source database for the culture of the Ryazan-Oka cemeteries comprises information on over three thousand burials.

The investigation of the Ryazan-Oka culture under includes the following problems:

1. Establishment of the culture's chronological scope. Specialists suggest different chronology – from the 6th to the 7th cc. AD, from the 2nd to the 7th cc. AD, and from the 1st c. BC to the 4th c. AD.

The most reliably grounded chronology had been suggested by P.P. Efimenko. He had worked out the periodization accepted by the majority of the researchers of the middle and the second part of the XX c. According to P.P. Efimenko, the Ryazan-Oka culture had emerged in the 1st c. AD.

A new stage in investigation of the chronology of the Ryazan-Oka culture was started in the 80-s of the XX c. by the works by V.N. Shitov, I.R. Akhmedov and I.V. Belotserkovskaya. Four chronological groups of finds have been singled out. Thesy are as follows: group A – the second part of the 1st – the end of the 1st/ beginning of the 2nd cc. AD; group B – the 2nd – the first part of the 3rd cc.; group C1 – the second part of the 3rd – the early 4th cc.; group C2 – the 4th c. as a whole.

2. Ethno-cultural attribution of the population. This problem is closely related to the question of the culture's genesis. P.P. Efimenko regarded the Ryazan-Oka population as the migrants who assimilated the aboriginal tribes of Gorodets culture. The later publications proceeded from the thesis on the continuity between the Early Iron Age Gorodets culture and that of the Volga and the Ryazan-Oka Finns in the early Middle Ages. I.R. Akhmedov and I.V. Belotserkovskaya consider it incorrect to single out the Koshibeevo sites as a separate culture. They suppose the bearers of the Andreevka – Piseraly cultural traditions to have been a base for the formation of the Ryazan-Oka culture. Similar views were put forward by V.I. Vikhlyaev.

3. The problem of directions of ethno-cultural contacts. One of the most important features of the Middle Oka tribes' material culture in the second part of the 3rd – 5th cc. consists in numerous finds of alien origin. These imports originated both from the territories occupied by the bearers of Moshchiny and late D'yakovo cultures and from the areas of Wielbark, Chernyakhov, Kiev and late Sarmatian cultures, as well as from the late Classical sites of the Pontic region. The finds of the Danubian and the Baltic provenance are combined with a series of belt fittings of alien origin. A standard set of military equipment appeared, most impressively represented by the burials containing two swords. The "elite" burials, both of male and female individuals, evidence the process of involvement of the Ryazan-Oka region into the events related to the Great Migration epoch.

Grave goods from male and female burials are considered separately.

One of the characteristic features of the burial rite practiced by the Ryazan-Oka population consisted in depositing in male burial association the sets of artefacts of sacrificial character, including typically woman's objects. Of interest are such phenomena as depositing "family" burials in one construction, the rows and clusters of burials interpreted as the "clan" and "family" areas within the cemetery. These specifics provide unique opportunities for synchronization of male and female burial associations.

3.2. Grave goods in male burials

(I.R. Akhmedov)

The objects related to the military culture (weapons, brooches and belt-fittings, horse-harness details and rider's equipment) are the integral parts of the military fashion of distinctly international character. The process of development of the military culture among the Ryazan-Oka Finns has been divided into three stages: 1AB dates from the 2nd to the first part of the 3rd cc.; 2ABC – from the second part of the 3rd to the third quarter of the 4th cc.; 3ABC – from the last quarter of the 4th to the 5th cc.

Period 1B. (Table 1, Schemes 1, 2.).

The military culture of the Roman time was formed in the Middle Oka region on the base of the antiquities of the Koshibeevo stage, singled out in the Oka Finns' culture.

Period 1A of male burials is closely related by its appearance to the burials associated with the sites of the Andreevka – Piseraly circle, generally dating from the 1st – the early 2nd cc. AD. The next period 1B is characterized both by further development of the cultural elements of the earlier stage and introduction of new types of belt-fittings, carpenter tools and horse-bits with rings. Among new types of belt-fittings there are big belt-buckles with segment-shaped frames and big plate settings (Koshibeevo, burials 80, 86, 87, A.A. Spitsyn's excavations; burials 61, 85, V.N. Glazov's excavations). Similar finds were discovered in the early associations of the Korablino cemetery (promontory 2, burials 36, 40, 46, 68, 81, 87) (Figs. 2, 1; 3, 3). In the late burials of this stage small sword-knot and footwear buckles with faceted frames and pins appear.

The belt-fittings from the burials of the discussed stage link the Oka materials with those of the Sarmatian

culture of the mid 2nd – first part of the 3rd cc. (group 1 according to V.Yu. Malashev). Burials of the late stage of group 1B of the Ryazan-Oka cemeteries are typified both by further development of the Koshibeevo shapes and the growing share of the steppe and North Caucasian features. Evidently, the process of settling the right side of the Oka River within the modern Ryazan region was accompanied by maintained relationships with the adjacent territories, for instance, the Sarmatian and the late Scythian groups on the upper reaches of the Don River. During the discussed period the Oka Finns spread over the whole Middle Oka, despite separate groups had penetrated there as early as the second part of the 1st – early 2nd cc.

Periods 2A-B.

The leading categories of grave goods of the mid 3rd – early 4th cc. found in burial associations of the Ryazan-Oka cemeteries are big iron circular fastenings made of rod round in section (usually located on the chest of the dead), leaf-shaped spearheads, shaft-hole and socketed axes. New types of spearheads are of characteristic shape, their blade broadening towards the socket. The following artefacts may be considered chronological indicators of the discussed periods.

Single-plate bow-shaped brooches (the Korablino cemetery, promontory 2, burial 50) (scheme 2, 20). They are similar to brooches of variant 4, type I according to A.S. Skripkin, the latter are typical of the Sarmatian antiquities of the Southern Urals of the mid – second part of the 3rd c.

Belt-buckles with oval and segment-shaped frames have got slightly faceted or rounded frames of rhombic section and slightly faceted pins, sometimes bent downwards. The buckles are supplied with plate oval settings. These buckles are characteristic of the complex attributed to the first period of Chernyakhov culture according to I.A. Bazhan and O.A. Gei.

A unique find in the territory in question is hinged belt-buckle of type 17, group D from the Korablino cemetery, promontory 2, burial 42, and belt-buckle of type 1, group J, according to R. Madyda-Legutko's classification.

Small single-plate brooches with bent bow of general Central European types originate from the Korablino cemetery, promontory 2, burial 65 (Fig. 6: 1). Their close analogies from Hungary, Check Republic and Poland date back to the 3rd – early 4th cc.

Bronze double-plate faceted brooches of medium size with straight or slightly tapering bow are known from cemeteries Zarech'e, burials 116, 85; Shatrishchi, burials 97, 122 (excavations by T.A. Kravchenko) (Fig. 9б: 1). Such brooches correspond to the objects of series Б, variants 1, 3, according to E.L. Gorokhovsky's classification. They are spread in Chernyakhov culture during the last third of the 3rd – first third o the 4th cc. I.A. Bazhan and O.A. Gei suggest a wider chronological range – 270/280 – 310/320 AD.

A specific category of belt decorations is represented by rounded bronze umbo-like mounts with cord trimming around the edge. They appear in the associations of the late 3rd – early 4th cc. In later period they occur in woman's attire.

The boundary separating the two periods is marked by a series of burials containing the following finds: faceted clamp for attachment of sword sheath from Korablino, promontory 2, burial 79 (Fig. 6: 4). A series of objects of western workmanship were discovered in the Koshibeevo cemetery, burial 57, V.N. Glazov's excavations: belt-fittings with stamped ornamentation, neck-ring with wire-winding and beads threaded on, two spurs close to group G according to E. Ginalski (Fig. 10: 1–4, 7, 10–12). Their counterparts are known from Slovakia, Bohemia, Eastern Germany, the West Baltic region, Eastern Prussia and Poland. To the same circle of antiquities belt-tips from the settlement of Pribrezhny are attributed. The period under discussion is characterized both by the objects of western provenance and a series of local shapes: the double-plate middle-size faceted brooches of Chernyakhov type; the bracelets decorated by granulation imitation of the Upper Oka and the Moskva basin types; the neck-rings and bracelets with rectangular section and geometric ornament, and the belt-buckles of Azelino types, characteristic of the Kama basin (Figs. 7: 9–10; 8Б, 5; 10: 3, 5; 9: АБВ). The diversity of types of the grave goods discovered in the male burials attributed to period 2AB of the Ryazan-Oka cemeteries is related to the numerous cultural influence registered in that time.

Period 2C.

Funerary gifts in the warriors' burials of the late stage of the Roman time look more standard.

Neck-rings constitute basic elements in the set of grave goods characteristic of male burials. The following shapes should be mentioned: neck-rings round in section with wire-winding on the ends and rhomboid fastening plate; thin twisted ones round in section with broadening ends; interwoven of three wires round in section with triple loops on the ends typical of Moshchiny culture (Figs. 12, 2, 7; 13, 2; 14, 5).

Both imported (for instance, the early variant of Bügelknopfibeln) and local brooches are used, the latter being represented by plate ones with ring-and-dot ornament (Figs. 11 a, 2; 12,4).

Belt-fitting sets are of standard structure. Among belt-buckles there are items similar to those of Keller A shapes, steppe shapes with massive faceted frame and those of the Chernyakhov type (Figs. 13, 12–15; 15, 16). Their counterparts have been attested among the belt-fittings of the late Sarmatian sites, group III, dated by V.Yu. Malashev to the first part of the 4th c. The Chernyakhov analogies of the Ryazan-Oka finds are related to phase III – early phase IV according to E.L. Gorokhovsky and date from the second third – second part of the 4th c. I.A. Bazhan and O.A. Gei suggest the 3rd period of Chernyakhov culture (310/320 – 350/355 AD) as the chronological scope for these buckles.

Belt-buckles of already known types are sporadically met with; these are the items of the Azelino and

Mazunino appearance, those with B-shape frame from the Korablino cemetery, promontory 1, burial 75 known also in the Kama region during the first part of the 4th c. Belt-mounts decorated with facets and triangular slots also have their counterparts in the Kama basin (Fig. 15, 12–15).

Footwear buckles of small size are often found in pairs (Fig. 15, 17-19).

Among the weapons the key role is played by the spearheads of rhomboid cross-section with broadened base and big double-barbed javelin-heads. New shapes of socketed axes appear – those with short socket and broad triangular edge; new shapes of shaft-hole axes are those with extended shaft-hole. The scabbards supplied with bronze plate sheaths also represent innovations (Figs. 11, 13; 13, 23, 27).

The horse-harness details known from burial associations are represented basically by iron bits and ring snaffle-bits, while the chamfrein sets are related to the Sarmatian set of horse equipment dating from the first quarter of the 4th c. The local version of horse-harness sometimes includes the details of woman's attire: rectangular grooved and bottle-shaped pendants (Korablino, promontory 1, burials 72, 75) (Figs. 13, 22; 15, 38–39). In this period lashes with metal details appear, their prototypes being known both from the steppe sites of the North Caucasus piedmonts and the South Urals, and the Sarmatian materials from Hungary dating back to the second part of the 3rd c.

Thus, the discussed period may be divided into two stages, the early one preliminary denoted as 2C, while the late one is transitional to stage 3A. The period as a whole should be regarded as the time when the "classic" culture of the Oka Finns was formed. But the period of its final formation falls into the post-Hun time. The discussed processes were intensively influenced by Chernyakhov and the late Sarmatian cultures; certain elements of interaction with the tribes of Moshchiny and late D'yakovo cultures are also traced.

Periods 3A-C. (Table 2, Scheme 3).

The early burial associations are typified by big brooches of series II, sub-group 1, variant 4 according to A.K. Ambroz; T-shaped spring ones of type 2 according to Ambroz; double-plate brooches of sub-group 1 similar in size to those of the Villa Fontana series (Scheme 3, 1). We should mention also twisted neck-rings (Scheme 3, 11), local imitations of western belt-buckles of Keller A type with oval settings (Scheme 3, 5), composite sets of belt-fittings of "geometric style", scabbards in the sheaths decorated with metal settings (Figs. 19: 8; 20: 8), as well as swords of the Sarmatian origin, close to those of Biborski's type X, or Khazanov's type 3. The latter are known from Chernyakhov culture, mostly from burials of phase D1 (Scheme 3, 6, 23; Fig. 19, 8) and the Dobrodzien group of Przeworsk culture.

During period 3A bead-pendants are introduced into the sword equipment (Fig. 17: 13), together with man's neck-rings made of silver rod with double-loop fastening, wire-winding on the ends and beads threaded on (Scheme 3, 18; Fig. 17: 3). The local variants of belt-buckles are represented by those with thin segment-like frame, straight pin (sometimes with a zoomorphic image) and rectangular setting. They entail the belts performed in the second geometric style. The latter combine plate belt-tips with round umbo-like belt-mounts (Figs. 17: 4–5; 19: 4), as well as rectangular plates decorated with pearls (the imitations of the Roman stamped and incrusted belt-mounts) and rhomboid plates (Fig. 20: 10, 11, 19, 20). The wooden bowls supplied with bronze plate casements on the rim are innovations (Fig. 18: 16; 7, 15). On the late stage of the discussed period double-plate brooches are registered similar to those of the Villa Fontana series, belt-fittings decorated in the Untersiebenbrunn – Сесдал style (Figs. 8: 3–4; 18: 6–11, 13, 16, 17). At the same time the early variants of the Ryazan cross-shaped brooches appear (Fig. 2: 16–17).

Local shapes of belt-fittings appear. These include the local derivatives of type Keller A: belt-buckles with thin frames of oval or rhomboid section, often with zoomorphic images placed on the pins and with rectangular settings; long trapeze-like belt-tips; rectangular and umbo-like belt-mounts (Fig. 2, 8, 12, 14, 15, 19, 24, 26). A characteristic feature of the belt-fittings in question is presence of two belt-tips. Sometimes small belt-buckles with massive rounded frame and smoothly bent pin are met with (Fig. 22). The terminal stage of this period is marked by grave goods from the Kurman cemetery, burial 28, comprising the objects performed in the Untersiebenbrunn – Сесдал style, the early variant of cross-shaped brooch, the neck-ring or early shape with beads threaded on, and the earliest bracelet ever known with anthropomorphic ends, which is characteristic of the next period already (Scheme 3: 21; 23, 5, 17).

New types of artefacts are as follows: bracelets round in section with thickening ends, among them imported items made of silver with golden plating on the ends; long battle axes with composite sheaths; neck-rings made of thick wire with tied ends; classic shapes of the Ryazan-Oka cross-shaped brooches.

The most characteristic belt-mounds of period 3B are those of rectangular shape with concave long sides that are in use till the late 5th c. (Scheme 3: 34).

Typical bracelets spread from this period till the late 5th c. are represented by the local series of bracelets with round section and flattened ends cut off, ornamented with lengthwise rows of rectangular incisions. Sometimes on the bracelets' ends facets and triangular slots are placed, as a result, the ends acquire highly stylized zoomorphic outlines (Scheme 3: 36).

At the turn of periods 3A and 3B cremation burial rite appears. Cremation associations are mostly male burials of military character, which is evidently related to the influence exerted by the steppe nomads of the Hun background. Biritual burials are also known: in some cases male cremation burial is accompanied by a secondary burial of the upper part of female body with neck and breast ornaments (the Nikitino cemetery,

burials 23/24), or, on the contrary, male inhumation burial is entailed by charred bones of a part of female skeleton.

A characteristic feature of this period is a series of innovations, such as belt-fittings of the Danubian appearance; objects with incrusted decoration; horse equipment of the Pontic style; separate horse-harness sets of Central European origin; single- and double-edged short swords.

New symbols of power are the cross-shaped diadems decorated with bird-like images. Their counterparts are known among the German antiquities in the Danubian region and Northern Europe. Their presence in the high-rank burials of the Ryazan-Oka culture, as well as local versions of the discussed objects, together with their wide territorial scope extended from the Middle Oka region to the Lower Kama River, compulsory evidence that these are not merely separate imports from alien cultural milieu. Such innovations could have been brought by representatives of certain groups of non-local origin, known from Central Russia on the upper reaches of the Don River and in the western part of the Volga-Oka interfluve. The question on the role the mentioned groups played, the mechanisms of their interaction with the Oka Finns remains debatable. Nonetheless, at present we may suppose that separate members of the alien groups were incorporated into the Ryazan-Oka milieu.

The set of grave goods from male burials of elite character imitates the repertoire of royal regalia known from the Апахида-Tournay circle of the second part of the 5th c. in Central and Western Europe. In the Ryazan-Oka region both the leaders' burials and those with prestigious funerary gifts of military character are known. The latter contain neck-rings, pairs of blade weapons, belt-fittings, richly decorated horse equipment, but no cross-shaped brooches (Borok, burials 110,296; Zarechye IV, burials 55, 71a, 158; Undrikh, burial 8, 1999). Undoubtedly, these burials belonged to the most militarized section of the society, probably, to military leaders or prominent warriors.

A series of the local belt-fittings supplied with bird-like decorations has been revealed. It is related by its origin to the Roman prototypes and develops parallel to similar styles of belt-fittings in Western Europe (the Nydam style, belt-fittings of the Apahida – Tournay circle), which confirms the supposition on the indirect contacts between the Ryazan-Oka tribes and the migrants from the West.

A series of finds point to another direction of contacts in the military culture maintained via the Upper Oka and the Middle Dnieper regions. The objects of the military equipment from cemeteries Luzhki and Kazhaki and settlements Lukovnya, Supruty, Serensk, Demidovka, Bliznaki and others, confirm this thesis. Such finds should be also mentioned, as belt-buckles of the Птицир – Polibino type (the Nikitino cemetery, burials 18, 117), a series of local grooved belt-buckles, as well as those decorated with incrustation and incised triangular hollows, horse-harness of the North European appearance, spur, brooch of the Prague type, spearheads of types 2 and 7 according to V. Kazakyavichus.

The mentioned finds well correspond by their character to the clear indications of military tension in the Moskva and Oka rivers' basins, especially the finds of numerous arrowheads at the Kuntsevo hillfort, shield umbo at Lukovnya fortified site, the horizon of burials containing the skeletons of male and female individuals killed with arrows and javelins from the Korablino cemetery (burials 16, 96, and others, I.V. Belotserkovskaya excavations).

The said above allows to state that the process of formation of military culture in the Ryazan-Oka milieu in the Hun and the post-Hun time was directly related to the development of military life-style in Europe during the existence of Attila's power and the period of formation of barbarian kingdoms that followed the downfall of the Hun power.

3.3. Grave goods from female burials

(I.V. Belotserkovskaya)

The current section was aimed at systematic analysis of the mass finds from female burials of the Ryazan-Oka cemeteries and revealing trends in development of the integral elements of woman's costume. Materials from the early Koshibeevo stage of the culture's development are too few and state of their preservation is too poor to consider these finds in the present work.

The source base comprises 134 burial associations determined mostly as female ones and originating from 9 cemeteries that represent different territorial variants of the culture under discussion. The recently investigated Korablino and Zarechye cemeteries are basic sites. Elements of traditional woman's costume, including headdress details, neck, breast, hand and waistband ornaments, as well as fastenings have been systematically analysed and processed with application of the method of seriation. As a result, seriation table of frequency of indications' occurrence (Table 1) and table of indications' occurrence in the most representative burial associations (Table 2). The first table shows 5 groups of indications subsequently replacing one another; the second one shows 5 groups of most representative burial associations. The singled out groups mirror subsequent stages of development of the Oka Finns' culture (periods 1, 2a, 2b, 3 and 4). In Fig. 7 mass elements of woman's costume are shown by the suggested periods, Fig. 8 shows rare elements; numbers of finds in Figs. 7 and 8 correspond to those in tables 1 and 2. Chronological range of each period is suggested preliminarily basing either on imports or artefacts of local production, but made after imported prototypes (Fig. 9).

Period 1 begins at the first part of the 3rd c., its end and the beginning of period 2a date back to the second part – the end of the same century. Period 2b mostly coincides with periods C3-D1 of European chronological system, that is 330-400/310. Accordingly,

the chronological range of period 2a is established as the late 3rd – the first third or the first part (?) of the 4th c. Period 3 dates back to the 5th c. as a whole, maybe except its first decades, while the end of the period can reach the very beginning of the 6th c. Period 4 falls within the 6th – the mid 7th cc.

The traditional woman's costume in the Volga Finns' culture was initially of syncretic character. During periods 1 and 2b the Volga Finns' tribes worked out the woman's apparel combining cultural traditions of the Volga Finns (the Andreevka and the Piseraly kurgans and Pichke-Sorche fortified settlement – Figs. 7: 1, 2, 4; 8: 1, 2, 7); the Moshchiny elements (Figs. 7: 2, 10, 11; 8: 14); those related to the Moskva River region of D'yakovo culture (Figs. 7: 5–9; 8: 4, 10–13, 16), to the Kama River basin (Figs. 7: 49; 8: 7, 15; 9: 18, 19), and the late Sarmatian features (Figs. 8: 5; 9: 4, 20–29, 35, 36, 38). Another direction of cultural relations in period 2a is marked by the complex of bent and "military" brooches and belt-buckles of the Chernyakhov type (Fig. 9: 12, 15, 16, 30–34). In this period formation of the most significant part of the woman's attire typical of the Volga Finns was completed. It comprised a specific headdress, which later had got more elaborate forms. It included a cap, a veil or a kerchief, a headband, temporal pendants, braid-pendants, a frontal band, an occipital tassel and a back paddle.

Period 2b is marked by the appearance of neck-rings with a receptacle that became a classic element of the discussed culture. Such ornaments as three-point lunulae, cross-shaped brooches and neck-rings with double loop were widely spread (Fig. 7: 21, 62, 33, 35, 36). Evidently, neck-rings with receptacles developed from the West Baltic neck-rings of the Cheikov type, three-point lunulae derived from general European shapes, while for the cross-shaped brooches prototypes among T-shape brooches of Chernyakhov culture may be pointed to. Relatively "homogeneous" complex of ornaments and costume details comprised plate axe-shape and rectangular pendants, buckle-shape pendants, three-point lunulae (Fig. 8: 28–30), as well as bent brooches (Fig. 9: 37). This combination is typical of Chernyakhov culture. Probably, these objects were brought to the Middle Oka by their bearers.

Adoption of a series of alien cultural elements of south-western origin by the local apparel was determined by the events related to the Great Migration.

Period 3 together with the preceding one is marked by the rise of influence exerted by alien cultures over the Oka aboriginal population. It can be seen from adoption of a series of belt-buckles of imported production (Fig. 9: 43, 53) by man's costume, including those of Central European production. Local replicas of these are sometimes present in the set of woman's occipital tassels (Figs. 7: 25; 9: 48). In the burials determined as female ones there are registered bracelets of the Crimean and North Caucasian shapes (Figs. 3: 18, 19; 8: 41, 45); some temporal pendants and breast ornaments (Fig. 8: 32, 48) also have their prototypes in the southern regions.

By the 5th c. two processes had unfolded. On the one hand, wide-scale changes in ornaments' types and costume details occurred, on the other hand, their repertoire and number increased substantially. Woman's attire is now characterized by new types of temporal pendants, headbands, neck-rings, breast plaques, bracelets, as well as braid pendants, occipital tassels, bead necklaces and metal pendants, sleeve-bands, appliqué decorations of headdress and garments with metal plates, sewing garment collars and frock hems with trapeze-shape plaques (Fig. 7, 8: period 3). The tradition of wearing by women numerous neck ornaments together with widely spread metal garment applications could have been determined by the influence of the Mediterranean fashion. Changes in the general appearance of woman's costume in periods 2b and 3 were evidently determined by the events of the 5th c.

By that time symbolism of certain integral parts of woman's apparel had been established. Thus, breast plaques with opening were deposited in married women's burials only. These are also represented in men's burials among funerary gifts as a symbol of their family status. Braid-pendants were endowed with the same meaning.

The changes in the appearance of woman's attire mirrored shifts in ideology of the Ryazan-Oka population, the same concerns a series of innovations in man's burial rite, including such new phenomenon as elite burials.

The woman's apparel formed by the 6th c. remained traditional, as far as its basic parts are concerned, but the number and repertoire of its integral elements had essentially decreased and their appearance in the 6th – the first part of the 7th cc. underwent substantial changes (Fig. 7, period 4). On the late stage of culture trends in its inner development became most distinct.

The suggested analysis demonstrates that development of initially inhomogeneous culture of the Oka Finns generally followed evolutionary pattern, and only in the late 4th – 5th cc. underwent active influence of alien cultures. This influence was strong enough to cause changes in traditional beliefs of the Oka population mirrored by the changes in the most conservative cultural element – woman's attire.

3.4. Beads of dominant types

(O.S. Rumyantseva)

Investigations of beads from the standpoint of their chronology, glass composition and dynamics of spreading their mass types was based on the materials obtained from the cemeteries of the Middle Oka region: Korablino, Zarechye 4, Nikitino and Koshibeevo. Beads made of red opaque glass and those with golden foil were studied. The source base consists of 22828 beads, 18281 items made of red opaque glass and 4547 items with golden foil. Typology of beads is based on the technology of their production and morphology (Figs. 1–3). Chronological analysis was conducted with application of the seriation method (Table 1; 3). A number

of groups have been singled out, their chronology was established proceeding from the frequency of occurrence of glass objects with metal finds in burials (Figs. 4–6). As a result, taking into account the morphological and technological indications and the data of glass recipes four stages in beads supply to the territory of the Middle Oka region have been singled out.

The first stage dates from the turn of the 1st and 2nd to the turn of the 2nd and 3rd cc. AD. It is represented by the antiquities from the Koshibeevo cemetery, the early horizon (group K 1) (Fig. 4). It is typified by the presence of big glass beads with golden foil (Fig. 3. I: 4–5), produced in the Eastern Mediterranean judging from their chemical composition (subtypes Na-Ca and Na-Ca(Mg). Objects of this type are practically unknown from other sites of the culture of the Ryazan-Oka cemeteries.

The second stage falls within the range since the turn of the 2nd and 3rd to the late 4th – early 5th cc. (groups K 3, Ia-b) (Figs. 4; 6). For the Koshibeevo cemetery the second part of the 2nd cc. (group K 2) is also possible (Fig. 4). This stage is characterized by wide spread of red opaque glass beads produced of drawn rods (Figs. 2.II: 1, 3–4, 7–8) and drawn tubes (Figs. 2. I: 1–5; 12–17), as well as multipartial beads with golden foil (Fig. 3. I: 1–3). Chemical composition of the beads with golden foil points to their East Mediterranean origin. Composition of red beads of opaque glass is heterogeneous (subtypes Na-Ca(Mg); Na(K)-Ca(Mg), which means that both ashy and sodium glass recipes were represented among the beads of the same shape. Taking into account the data of morphological and technological analysis it is possible to suppose their provincial Roman origin. The set of beads under discussion had disappeared in the late 4th – early 5th cc., which coincides with the Hun invasion and destruction of traditional economic relations in the forest and forest-steppe zones.

The third stage dates back from the late 4th – early 5th cc. to the turn f the 5th and the 6th cc. (Fig. 6). It is characterized by the spread of beads made of opaque red glass (Fig. 2. II: 3–4, 7–8) produced from single twist of drawn rods (Fig. 2. III: 1–2) and small beads cut from drawn tubes (Fig. 2. I. 18–20) (group II). The glass used for producing these beads was obtained from ash of the saline-soil plants typical of the arid zone of the Near East (subtypes Na(K)-Ca(Mg), Na(K)-Ca,Mg)). The beads in question first appeared in the Middle Oka region when the Huns first invaded the Transcaucasus. For a long time these beads coexisted with the objects produced in twisting technique (groups II/III, III). The latter are related to the fourth stage (from the turn of the 5th and the 6th to the first part of the 7th cc.) (groups III, IV; Fig. 2. IV. 1–9; Fig. 6). Though the beads are rather standard, their chemical composition is inhomogeneous: various subtypes of glass are registered, such as Na(K)-Ca, Na(K)-Ca(Mg), Na(K)-Ca,Mg, Na-Ca(Mg). In the recipes cobalt has been accounted for, which is typical of the Mediterranean sodium glass. Specific features of glass recipes in groups III and IV combined with technology of their production and geographical scope give grounds to relate their production with workshops which functioned somewhere in European Byzantium using imported raw materials. Probably, they originate from the Danubian region.

3.5. Pottery vessels from the Central group of cemeteries

(O.S. Rumyantseva)

The studies of the Middle Oka pottery were based on 133 whole vessel shapes recovered from cemeteries Zarechye 4, Nikitino, Shatrishchi and Undrikh. Territorially the enumerated sites enter the central cluster of the Ryazan-Oka cemeteries. All vessels are hand-made, dominating shapes are pots (124 items), burnished bowls are few (9 items). Classification of the mass categories of pottery was based on such morphological indications as qualitative characteristics and proportions. Within the dominating category (pots) groups I–III have been singled out. They are represented by 13 series. To establish chronology of pottery shapes the method of seriation was used (Fig. 10). As a result, four groups of association containing vessels (ГК) have been singled out (Fig. 12). Their chronology was based on the occurrence of vessels in associations with metal objects. Chronology of the latter has been worked out by I.V. Belotserkovskaya and I.R. Akhmedov (see Chapter 3, sections 2 and 3) (Fig. 12).

ГК-1 is represented mainly by pots of group I (series 1, 2, 4, 5) and several vessels of group II (series 7) (Fig. 4: 5–10). The group dates back to the first part of the 3rd – the third quarter of the 4th cc. AD, that is, the pre-Hun period.

ГК-2 comprises basically vessels of group II, series 7 (Fig. 4: 5–10). One vessel attributed to series 6 is also present (Fig. 4: 3). Pots of group I are very few. This ГК dates from the last third of the 4th to the early 5th cc., i.e. the early Hun time.

The majority of ГК-3а is also represented by pots of series 7; but the first vessels of group III (series 11, 12) also occur (Fig. 7:1-6). The group may be dated within a wide chronological range of the 5th c. The major part of the burials included into ГК-3а is attributed to the first part of the century, that is, to the Hun period.

ГК-3б is formed practically of the same set of vessels, but their proportion is different: the majority of vessels are attributed to group III, pots of group II (series 7, 8) are also present. ГК-3б falls within the 5th c., the majority of burials may be dated back to the mid – second part of the century, i.e. to the terminal Hun and the post-Hun periods.

In the later time (the 6th – 7th cc.) in the Middle Oka cemeteries most popular shapes are those included into group III (Figs. 6:3-6; 7).

Burnished bowls (Fig. 8: 1–7) are recorded in burials of the 3rd – 5th cc.

The stage of formation of the pottery complex associated with the Middle Oka Finns two groups of vessels (groups I and II) may be singled out. Evidently, these were initially related to different cultural components.

Closest analogies of the pots of group I are present in the late Scythian antiquities of the Upper Don: the Ishutino fortified settlement and the Vyazovo cemetery (Figs. 16: 6–8; 17). Whole series of the vessels identical to those from the Middle Oka region are known from these sites. Their counterparts are also reported from the late Zarubintsy antiquities and the sites of late D'yakovo culture (Figs. 13–15).

It is more complicated a task to reveal prototypes of the vessels included into group II. Some scholars put forward an idea concerning their local origin related to the materials of Gorodets culture. Nonetheless, no analogies have been revealed either among the reconstructed pottery shapes of Gorodets culture, or in the antiquities from the adjacent territories, the D'yakovo and late Zarubintsy ones in particular. At the sites of the mentioned above cultures the discussed pottery shapes are represented by single potsherds only (Fig. 18: 3–7). Thus, the question concerning their origin remains debatable.

Investigators traditionally associate burnished bowls with the presence of the D'yakovo and Moshchiny cultural components in the Middle Oka region.

The period of most substantial changes in the pottery complex of the Middle Oka inhabitants falls within the mid 5th c. By that time vessels of group I fell out of use in the region. No genetic links between these vessels and later shapes can be traced. The appearance and spread of vessels of group III in the Middle Oka region coincides with the coming of alien population groups to the forest zone. These events had caused instability in the region, marked, in particular, by disappearance of Moshchiny culture and transformations in the material culture of the Oka and the Volga basins.

It must be pointed out that for some late shapes of the vessels prototypes may be found in the Moshchino antiquities widely spread in the discussed period in the forest zone (Fig. 18: 9).

3.6. Concerning reconstruction of historical processes

(I.R. Akhmedov, I.V. Belotserkovskaya)

Having studied basic categories of the grave goods originating from the Ryazan-Oka cemeteries, it is possible to suggest a chronology and periodization of the culture under investigation. As to the male burials, 9 periods have been singled out. They cover the chronological range from the late 1st – the turn of the 1st and the 2nd cc. to the 6th – 7th cc.; whilst the female burial associations are divided into 6 periods (from the 3rd to the 6th – the first part 7th cc.). The inflow of imported glass beads to the Middle Oka region has been divided into 5 periods – from the late 2nd to the first part of the 7th cc. (Table 1).

The detailed analysis has confirmed already formulated view concerning the continuity between the Koshibeevo antiquities and those typical of the classic Ryazan-Oka culture. The current study has also confirmed the thesis on settling the Ryazan-Oka tribes in the Oka basin in the 3rd c.

On the initial stage of the Ryasan-Oka culture of key significance was development of the Andreevka – Koshibeevo traditions. During the 3rd c. a substantial inflow of the elements of alien origin is registered. Their integration had resulted in essential transformation of local culture. Of special significance are the following phenomena: the western imports known from early Chernyakhov culture and the Baltic zone, as well as the objects of Pontic origin in male burials (belt-fittings and weapons); the objects of the Moshchiny types and those typical of the Moskva River basin; formation of specific elements of woman's attire; domination of the pottery influenced by the late Zarubintsy traditions. These features indicate the strong specifics of the Ryazan-Oka Finns, when compared to the other foci of the early Mordovian culture, such as the groups known on the rivers Tesha, P'yana and Sura.

In the first part of the 4th c. a series of the Chernyakhov imports are registered, as well as associations of finds of western origin. Similar associations are known also among the burial sites on the Upper Sura River attributed to the Mordva tribes. These finds have their counterparts mostly in the Przeworsk antiquities and the Western Baltic cultures.

The registered phenomena are possibly related to two events – Ermanaric's subjugation of the forest tribes, among which Jordanes' narration mentions the Mordens and the Merens tribes, when describing the military campaign against the Heruli, the Veneti and the Estii. Since that time onward it is possible to suppose the Ryazan-Oka population to have entered the sphere of political influence of the Chernyakhov tribal unit. Maintenance of relationships with the Pontic and North Caucasian territories is also traced.

The burials of warriors furnished with double-edged swords supplied with bead pendants, wooden bowls, and scabbards are typical of the Hun epoch. Generally, the martial spirit of the culture is mirrored by the weapons and armament complex spread in the late 4th – early 5th cc. from the South Urals to the Danube basin. The remaining categories of grave goods also undergo transformations: earlier types of necklaces are replaced by new sets of liver-red beads manufactured according to the Near Eastern recipe, principal shapes of woman's headdress elements are finally worked out; the neck-rings with receptacles appear that later became classic type of ornaments, together with lunulae and cross-shaped brooches; the vessels attributed to the first pottery tradition fall out of use.

The inflow of the objects of alien origin to the Middle Oka region in the discussed period evidently may be determined as an indirect mode of obtaining imports. New burial practices, such as cremations and biritual burials entailed by introduction of new pottery types (hand-made bowls with burnished surface and zigzag-like profile), also point to the contacts with non-aboriginal population groups. Population of the Upper

Don region (the Chertovitskoe – Zamyatino cultural circle), the Upper Oka and the Moskva River basin could have played the role of mediators in this process.

The importance of the Don waterway in the period under discussion can be seen from a series of finds and some pottery shapes close to the Oka ones originating from the Zamyatino-type sites, as well as the set of woman's ornaments from the Tanais hillfort and necropolis.

The period of the mid – the third quarter of the 5th c. is characterized by further development of the social structure. The cultural elements of the Pontic and North Caucasian provenance were still in use, nevertheless, a whole series of features typical of the Middle Danubian basin and the Baltic zone occur. In separate cases the burials yielding such finds belonged to the individuals killed in armed conflicts, which evidences non-peaceful character of the contacts. New features of the burial rite may be pointed out – cremation of the dead in the oaken coffins made of a single log just in burial pits, and strictly observed northern orientation of the dead.

As to the woman's attire, metal details are totally replaced by new types, beads are delivered from different sources, costume as a whole becomes rather standard, with clearly determined symbolic meaning of its elements.

From the 5th c. onward the second pottery tradition spreads, whilst the middle and the second part of this century see the maximal diversity of vessels' shapes.

The inflow of the cultural elements related to the Moshchiny culture and the Moskva River basin stops by the early 5th c., but in the Moskva River basin and the Upper Oka groups significant number of finds of western origin are still registered.

During this period separate mass emissions of the materials of the Ryazan-Oka provenance are directed upstream the Moskva River as far as the Upper Volga basin, and in easterly direction downstream the Oka River to the Volga basin within the territory of the modern Mari Republic. Some new population groups penetrate there (the Mladshee Akhmylovo site). In this period the process of formation of the early Mari people began in the territories situated westward from the Vetluga and the Volga interfluve.

In this context it is important to remind the above suggested localization of the Merens mentioned by Jordanes in the territory to the South-East from the area occupied by the Merya tribes, as we know of them from the medieval chronicles, that is, on the right side of the Oka River, which is confirmed by the archaeological materials.

Chapter 4. The North-West of the Russia and the North of the Belorussian region

(N.V. Lopatin, A.G. Furasyev)

The authors consider archaeological indications of the transition from the Roman time to the early Middle Ages within the territory of the Upper Dnieper and the Dvina rivers' basins. In the Roman time, starting from the second part of the 3rd c. AD in the territory under discussion the antiquities of the Zaozerye – Uzmen' circle (ZU) were spread. These antiquities entered Kiev culture (or cultural and historical entity) and replaced local Dnieper-Dvina culture of the Early Iron Age, which, evidently, played the role of a cultural substratum.

In ZU cultural circle dominating type of sites are open settlements, ground cemeteries and fortified settlements are rather few. Proceeding from frequency of occurrence of hand-made pottery types (Fig. 1) among the antiquities attributed to the second stage of ZU circle the following cultural and chronological groups have been singled out (Fig. 6): the Zaozerye type (Fig. 3), the Uzmen' type (Fig. 4), the Desna variant of Kiev culture (Fig. 5). In the first and second groups two variants of Kiev culture were mixed together; in the Zaozerye type elements of the Upper Dnieper variant (the Abidnya type) dominated over the elements of the Desna variant, in the Uzmen' type the situation was opposite. Of the Zaozerye type combed pottery was especially characteristic (Fig. 3), which relates it with the Abidnya type.

From the mid 5th c. onward on the base of the ZU antiquities a series of the early medieval cultures were formed: Tushemlya, Bantserovshchina, the Pskov long kurgans. Within the framework of these cultures a number of cultural and chronological groups (Fig. 7) have been singled out with application of the same typological scheme (Fig. 1): the Zhabino type (Fig. 8), the Dorokhi type (Fig. 9), the Zherebyatino type (Fig. 10), the Syezzhee type (Fig. 11: 1–6), the Udomlya type (Fig. 11: 7–11), the Bantserovshchina type (Fig. 12), the Kiseli type (Fig. 13: 1–1). The complex of uppermost layer of Tushemlya stands apart (Fig. 13: 12–16). In some regions, such as the Dvina and Lovat' rivers' basins (sites Dorokhi, Zhabino) and the Pskov-Chud' region (site Zherebyatino) certain difference in burial (Figs. 8; 10: 1–8) and settlement (Figs. 9; 10: 9–25) pottery sets is registered. Development of pottery shapes from the 3rd to the 7th cc. is shown in Figs. 14 and 15. The complex of finds related to the ZU circle consisted of two parts, strongly different in their vulnerability to transformations. To the first part (Fig. 2: 2, 5) objects of non-utilitarian function are attributed; these mirror short-term trends in fashion depending on cultural impetuses and therefore radically changing during the transition from the Roman time to the early Middle Ages (the same situation is known from the Dnieper region as a whole). The second part comprises utensils and objects of everyday use, practically not susceptible to fashion changes (Fig. 2: 3, 4, 9–13). These objects were inherited by the cultures dating from the third quarter of the 1st mill. AD.

Thus, at the turn from the Roman time to the early Middle Ages in the Upper Dnieper and Dvina basins the aboriginal cultural groups entering the Zaozerye – Uzmen' circle underwent evolutionary transformation. The period of the 5th – 6th cc. may be considered

crucial moment only for the territory beyond the borders of the Zaozerye – Uzmen' cultural circle and situated northward from it, in that period covered by the expansion of the culture of the Pskov long kurgans.

Chapter 5. The Upper Volga and the Valdai regions
(I.V. Islanova)

The considered territory is situated between the North-West and North-East of the forest zone of Eastern Europe and is divided into three major regions – Valdai, the Tver' and the Rzhev regions of the Volga basin. Their relief and soil conditions are different.

Investigators usually attribute the antiquities dating from the second quarter of the 1st mill. BC to the mid 1st mill. AD to late D'yakovo culture. Starting from the late 1st mill. BC (or only from the second quarter of the 1st mill. AD) penetration of ethnic elements of the Baltic origin to the territory inhabited by the Finno-Ugrian tribes began; the early Slavic elements are identified from the mid 1st mill. AD. Problems related to chronology and continuity of separate stages of D'yakovo culture remain debatable, the same concerns identification of the motherlands of migration flows.

The present work is aimed at reconstruction of general picture of the cultural processes in the Upper Volga region and Valdai during the first part – the third quarter of the 1st mill. AD. The territory under consideration remains insufficiently studied. The majority of sites were investigated in the 60-s – 80-s of XX c., but the materials mostly have not been published.

When differentiating antiquities, basic indicator is mass pottery related only to the cultural circle the studied antiquities are included in. Other archaeological finds can only serve as cultural and chronological markers. Establishing chronology of investigated sites is the most complicated problem.

The materials obtained from the Varvarina Gora hillfort are of greatest important for singling out type of sites associated with the antiquities of the D'yakovo type in the Valdai region (Fig. 1). Dominating pottery shapes are pots with distinct profile and smooth surface with ornamented rim edge (Fig. 2: 1–6). The majority of finds (Fig. 3: 1, 9, 11, 14) fall within the chronological range from the 2nd – 3rd to the 5th cc. AD. To the sites of the Varvarina Gora type a series of sites may be preliminary attributed: the Bologovskoe, Yakhnovo, Yuryevskaya Gorka and, possibly, Lovnitsy fortified settlements and open sites Kurovo (layer 2) (Fig. 4), Ryad (layer 3), Garusovo (layer 2).

The settlements of the Varvarina Gora type (presumably on the terminal stage of their functioning) coexisted with sites of different cultural attribution, best represented by the Troitsa 1 open dwelling site. Materials obtained from the site include potsherds with burnished and smoothed surface related to the vessels of the Moshchiny cultural circle (Fig. 5: 1–5). No vessels with ornamented rim edge have been recorded. The settlement functioned within the chronological span of approximately the 4th – 5th cc. AD. To the sites of the Troitsa type open dwelling sites Yashchiny 1, Karzovo 1, Ovsishche 1 (Figs. 6; 7: 1–5) may be preliminarily attributed.

Most probably, the antiquities of the Troitsa type belonged to the population different from the inhabitants of Varvarina Gora and similar sites. The cultural impetuses that contributed to the formation of the sites of the Varvarina Gora and the Troitsa types, were not coeval, equally different were the routes new population groups moved to the region in question. Supposedly the expansion of the bearers of new pottery tradition could have started both from the Tver' region of the Volga basin or from the Moshchiny cultural circle via this region.

In the Udomlya Lake region during the third quarter of the 1st mill. AD the antiquities of the Udomlya type were spread. In the microregions with sand soils the sites of the Varvarina Gora type were replaced by those associated with the culture of the Pskov long kurgans.

The sites attributed to the discussed cultures (Figs. 8–13) are situated in different environmental and soil conditions. Their pottery sets and burials rites (presence or absence of kurgan burials) are also different. The sites of the Udomlya type and the Pskov long kurgans developed a different way: the regions occupied by the Pskov long kurgans were abandoned in the late 1st – early 2nd mill. AD, while in the lands once occupied by the sites of the Udomlya type the culture of sopka-type burial mounds was widely spread. The latter's material culture shows continuity with the antiquities of the earlier period.

Terminus post quem for the culture of the Pskov long kurgans (the 5th c. AD) is determined by B-shaped relief buckles from kurgan burials of the Mlevsky Bor, Puiga 1 and Grinino 1 cemeteries (Fig. 12: 7, 8, 9). Terminus post quem for the Udomlya-type sites is established as the 5th – 6th cc. according to the buckles with relief broadening pins and stepped pins (Fig. 13: 1, 7). The repertoire of finds typical of the Pskov long kurgans and the Udomlya-type sites give grounds to suppose their existence mostly in the 6th – 7th, and, probably, in the 8th cc. AD.

Formation of new sites was caused by the appearance of the Slavic population in the region and cultural contacts with aboriginal people.

Significant cultural changes are supposed to take place in the Tver' region of the Volga basin from the 2nd c. BC to the 1st – 2nd cc. AD, which can be traced from the expansion of the pottery with ornamentation in the upper part of the body and on the rim edge (Fig. 15). Net-impressed pottery falls out of use. In the 2nd – 5th cc. AD pottery shapes with smooth profile developed into those with distinct profile. Another group of pottery characteristic of the Tver' region includes flat-bottom vessels decorated with small pits (Fig. 15: 6–9). Settlements yielding these two groups of pottery represent the middle stage of D'yakovo culture in the

Tver' region. Burial sites are not known. The repertoire of finds includes ornaments, iron knives with bent back, loom-weights of the D'yakovo type (Fig. 16: 1–8).

There exists the opinion that new traditions which arose from the Upper Dnieper basin, though the Upper Oka region cannot be excluded. The chronological span of the middle stage of D'yakovo culture may be preliminarily determined from the late 1st mill. BC – the early 1st mill. AD to the 3rd c. AD.

Next cultural transformation in the Tver' region of the Volga basin is indicated mostly by mass spread of the pottery of the Moshchiny circle (Figs. 6; 17: 1–10). The pottery in question dominates in the upper layers of fortified settlements Otmichi, Orlov Gorodok, Sannikovo, Pekunovo, Annikovo. Morphologically this pottery is close to the ware from the Troitsa settlement and differs from burnished vessels of late D'yakovo settlements in the Moskva River basin and the sites of the Varvarina Gora type.

Probably, the cultural impetus related to the appearance of new population is marked by a series of finds with enamel decoration (Fig. 19: 4, 5) and plate hooked iron-steels (Fig. 19: 1–3). In the 5th – 6th cc. some contacts with the regions situated eastward (in the Middle Oka basin) took place, which is clear from the finds of "cross-shaped" brooches of so-called Ryazan-Oka type (Fig. 19: 6–8).

Besides the considered above pottery sets at late D'yakovo settlements two more pottery groups are registered that may be related to the antiquities of the Kiev circle (Figs. 17: 11, 12; 20: 1–6). These potsherds point to another cultural impetus dating from the second or the third quarter of the 1st mill. AD.

Antiquities of the Rzhev region of the Volga basin in the 1st mill. AD are represented by separate finds (Figs. 22: 5, 6, 8; 26; 3). Cultural interaction in the mid – the third quarter of the 1st mill. AD is manifested by pottery sets known from settlements. The Upper Volga pottery set is singled out preliminarily (Figs. 22–25). Its characteristic features are vessels with rib in the upper third of the vessel's height, vessels having their prototypes in the pottery of the Moshchiny cultural circle, and vessels with relief bosses and groove. This pottery set could have been formed partly on the base of the materials related to the Zaozerye – Uzmen' cultural circle. The aboriginal shapes marked by inherited traditions of the Moshchiny circle are also present. Generally, in the discussed set of pottery participate the same cultural components that characterize the set of casting moulds known from hillfort Osechen and open dwelling site Podol 3 (the late 4th – the first part of the 5th cc. – the 7th – 8th cc.) (Fig. 26: 1, 2, 4).

Thus, within the considered territory a series of cultural impetuses have been registered originating from the adjacent regions – the Upper Dnieper and the Dvina basins. Substantial transformation of the material culture occurred approximately in the late 1st mill. BC – the early 1st mill. AD; in this period the whole territory under discussion entered the zone of pottery with decorated rim edge. Another cultural impetus dates not after the 4th c. AD and is related to the expansion of the pottery of the Moshchiny circle.

The period of the mid – the third quarter of the 1st mill. AD in the Valdai region is marked by significant cultural transformations related to the appearance of the early Slavic population. The Slavic groups established contacts with local tribes. As a result, new groups of sites appeared, such as the Pskov long kurgans and the sites of the Udomlya type. The new impetuses reach as far as the Tver' region of the Volga basin, while the Rzhev region of the Volga basin culturally represent a contact zone.

Chapter 6. Sambia and Natangia

(V.I. Kulakov)

The problem of transition from the period of the Roman influence to the early Middle Ages is of key significance, when investigating the history of the Baltic zone and in particular the Amber shore which was the north-eastern frontier of Barbaricum. The geographical scope of the region under discussion is limited to the lower reaches of the Neman River in the north-east and the Vistula delta in the south-west.

The settlement archaeology of the Western Balts reflects the beginning of the process of tribal differentiation in the interfluve of the Paslenka and Neman rivers as early as the 1st c. AD; by the 5th – the early 6th cc. this process had been completed. Since that time until the crusaders' expansion to the Baltic zone the investigated territory was the scene of development of separate West Baltic tribes, though united by their common origin and linguistic attribution.

According to the data of burial sites, from phase B2/C1 Sambia and the adjacent regions were practically entirely abandoned by the autochthonous West Baltic population: the people moved eastward under the pressure of the newcomers known from the Classical written sources under the general name of the Venedi. One cannot exclude the presence of the bearers of Wielbark culture associated with the East Germans in this milieu, as well as the people of Danubian origin – the Celts' Romanized descendants. Rather continuous settlement of the survived West Baltic tribal groups (the Estii – Balts) is registered on the Upper Pregolya River only.

New mass penetration of the Estii – Balts to the Amber shore was the result of the "West Baltic Reconquista" dating back to the mid 5th c. The start of deformation of tribal relations in their society chronologically coincided and, evidently, caused formation of the early Prussians' culture. This process was maintained by the active relations between the Estii and the Vidivarii – the tribes formed from the representatives of early German and other tribes. When the veterans of the Hun wars had shown up in the region, it was a decisive factor in redistribution of

power in favour of the military-style organization in the western frontier of the Baltic zone. These events mark the beginning of the medieval Prussian culture proper on the Amber shore.

The material culture of the medieval Prussians is of clearly military (druzhina-type) character. Since the turn of the 7th and the 8th cc. power had been really seized by priests, who reaped the victory of the Prussians over the Mazurs. The natural process of social development in the Prussian lands had been broken, similar to what occurred later in the western and eastern Slavic areas. Separation of military leaders from real power was in particular caused by insufficient number of the armed detachments of the Sembi and unstable character of the Prussian farming. Only stable agriculture would have guaranteed regular rent – the fundamental condition for formation of state structure.

Chapter 7. The system of Early Medieval woman's attire of the Middle Dnieper region (retospective analysis)
(V.E. Rodinkova)

The chapter investigates the structure of the early medieval woman's apparel in the Dnieper basin and discusses the probability of its independent local formation. The work is based on the set of woman's ornaments and costume details from group I of the cultural circle known as "the Antes' antiquities" most comprehensively represented in the hoards of the Martynovka type. The group is related to Kolochin and Penkovka cultures. The geographic scope of the objects in question comprises the Middle Dnieper basin and the forest-steppe area on the Dnieper left bank (Fig.1). It partly covers the Kolochin and Penkovka areas (Fig. 2, I, II). The chronological range of the artefacts of the "Martynovka circle" is established from the late 6th – the turn of the 6th and the 7th cc. to the mid – third quarter of the 7th c.

A series of graphic reconstructions (Figs. 3–5) demonstrates the development of scientific positions concerning the model of the woman's costume complex in the Middle Dnieper tribal unit.

The ceremonial apparel set worn by women of the Dnieper region in the 7th c. included mainly brass or silver objects. These comprised head adornments (headbands, temporal rings), neck ornaments (double palmate or anthropo-zoomorphic brooches, sometimes with a wide-plate brooch added, complex jingling necklaces composed of flat, or, more rarely, three-demensional pendants, both fixed on chains or on cords threaded through multipartial beads). Hand decorations included bracelets and finger-rings. This set comprised also glass and stone beads, small ornaments made of lead-tin alloys and sewn on the textile, and, probably, waist-band fittings and footwear sets (small buckles, strap-tips) (Fig. 6).

The period of the second part of the 5th – 6th cc. in the territory in question is represented by a series of occasional finds (Fig. 7, 1–11). These objects do not form single sets and cannot be reliably identified as elements of woman's costume. The structure of the attire reconstructed with the help of the objects known from several inhumation burials of the same time (Figs. 2, IV; 7, 12–23) is similar to what we know about the Martynovka apparel. It consisted of double brooches, sometimes attributed to different types, bracelets, and, in one case, in a necklace of multipartial and usual beads.

In the Late Roman and the early Hun epochs the territory of the Middle Dnieper basin and the forest-steppe area on the Dnieper left bank was occupied by sites of Kiev and Chernyakhov cultures (Fig. 8, I, II). Woman's costume of the Chernyakhov population both could have comprised one or two (rarely more) brooches of different types or any. Often it included belt-buckles. Beads were very popular: these were combined in necklaces, sometimes in bracelets, or sewn on the cloth (Figs. 9–12). Pendants made of metal, antler, shells, as a rule served as amulets and were worn on the breast or attached to the waist-band (Fig. 11; 12, 13). Head ornaments, neck-rings, metal bracelets and jingling plate necklaces are not typical of the discussed artefact set. In the Chernyakhov and the Martynovka models of apparel there were certain features in common: frequently used double brooches, breast pendants, beads, the tradition of sewing ornaments on the cloths.

The decorations and fittings of the costume of the Chernyakhov cultural circle had generally ousted in the forest-steppe area of the Dnieper region objects of so-called enamel style characteristic of the late Zarubintsy and early Kiev tribes. The attire related to the La Tène enameled ornaments may be reconstructed proceeding from the materials originating from a series of hoards and cremation burials (Figs. 8, III, IV; 14; 15). It consisted basically of metal elements: plates interpreted as headbands; neck-rings, necklaces consisting of multipartial beads and pendants; several types of brooches (in some associations these were present in pairs), bracelets and finger-rings. Complex decorations, probably, worn on the breast, comprised chains, cast chain links, cast and forged pendants of various types, both flat and made in the round. Beads also entered this set of ornaments (Fig. 13, 13, 15–18).

The structural elements that constituted group I of the woman's ornaments entering the cultural circle known as "the Antes' antiquities" and the circle of East European "barbaric" enamels are practically identical. Nevertheless, they are separated by a significant chronological gap, which does not allow to suppose a direct genetic links between the discussed models. It may be supposed that the structure of woman's apparel was adopted by the inhabitants of the Dnieper basin from the tribes of the South-Eastern Baltic zone, where it survived after the ornaments decorated in the La Tène enamel style proper had disappeared and where it continued to function as late as the early 2nd mill. (Fig. 16).

Conclusions
(I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomsky)

Having considered the indications of the terminal stage of Chernyakhov culture on the Dnieper left bank (Chapter 1) we may state that in the principal zones of sites' dense concentration population continued to live after the downfall of Ermanaric's power. Certain data point to the isolated character of these groups. The terminal stage of Chernyakhov culture in different parts of the discussed region could have followed different patterns.

Appearance of the Huns in the Dnieper region had caused migrations of the local tribes. The bearers of Kiev culture marked by the Chernyakhov cultural influence moved from the south to the Lower Desna basin. In the southern part of the forest-steppe and in the steppe zone in the early Hun period the burials attributed to the late Sarmatian cultural circle are known. In the same period the tribes of the Desna variant of Kiev culture occurred in the Seim basin and farther to the south-east, to the territory occupied by Chernyakhov culture. At the same time a part of the Seim-Donets population and related Chernyakhov groups moved to the Don basin, where they formed a significant part of the population identified with the Chertovitskoe – Zamyatino group. Presence of the Huns on the southern frontier of the forest-steppe on the Dnieper left bank is confirmed by the find of a cauldron in Perevolochnaya.

One cannot exclude that the above processes are partly described by Jordanes in the narrations concerning the wars between the Goths, the Antes and the Huns.

The processes in question had resulted in formation of two related early Slavic cultures on the Dnieper left bank named after sites Kolochin and Penkovka. They developed from different groups of the Kiev population in the second quarter – mid 5th c. AD. The Chernyakhov cultural heritage is also responsible for their relations with the cultures of the East German circle (mirrored by the brooches of the Tokari and Moshchenka series and others). Physical presence of the Germans is evidenced by the burial from Volobuevka, while finds from Likhachevka point to the presence of nomads.

The associations containing prestigious objects may be divided into two chronological stages. To the early stage dating from the late 4th – the first decades of the 5th cc. the Nezhin treasure is attributed; to the late one dated back to the epoch of Attila (434-453 or somewhat later) – the burial from Porshino, the 1st and the 2nd associations from Bolshoy Kamenets and the Rublevka hoard. We cannot exclude that somewhere on the Upper Psel River in the mid 5th c. there was located the centre of an early state-like formation.

No direct prototypes for the antiquities of the Upper Don region of the mid 1st mill. AD can be pointed to in the local culture of the Late Roman period (Chapter 2). In the Hun period a separate cultural group of the Chertovitskoe – Zamyatino type emerged here. Its population consisted of the Slavs, the Finno-Ugrians or the "Baltic" groups and the newcomers from the areas entering Ermanaric's power and, probably, from Central Europe, together with the migrants from the North Pontic zone and steppe. The centre of this structure was disposed in the locality of Ostraya Luka on the Don River near the town of Zadonsk, Lipetsk region. A chain of settlements was investigated in the area, a part of them clearly being craft centres.

The Upper Don enclave had come into being in the last decades of the 4th c. or at the turn of the 4th and the 5th cc. and developed at least till the third quarter of the 5th c. and maybe even till the 6th c. Probably, this group was one of the centres of the Hun unity in the east with the population forcibly resettled in the region.

The culture of the Finno-Ugrian tribes occupying the Oka basin in the Ryazan region by the Late Roman period had been already formed (Chapter 3). Nonetheless, in the mid 1st mill. AD a series of innovations can be seen in the complex of prestigious culture, pottery shapes and sets. Glass beads are procured from new centres, their set is marked by new features. New types of burial rites are introduced (cremations and biritual burials). The discussed innovations came to the Middle Oka basin from different foci: from the area of Moshchiny and late D'yakovo archaeological entities, as well as from the Kama River basin. A series of elements related to the military culture have their counterparts in Central European, steppe and North Caucasian antiquities. Generally, two rises of innovations are registered in the Hun epoch – the late 4th – early 5th cc. and the mid 5th c.; they are clearly mirrored in the specifics of military equipment. It cannot be excluded that these changes were related not only to the spread of a "new epoch" style, but also to penetration of some newcomers to the Oka basin from other territories, including Central Europe. Anyway, migrant groups were relatively soon assimilated by the local population of Finnish origin. Generally, the Ryazan-Oka culture follows evolutionary pattern of development.

Chapter 4 discusses formation of the antiquities of the Zaozerye – Uzmen' circle entering Kiev cultural and historical entity. The sites under discussion were formed starting from the second part of the 3rd c. AD as a result of movement of the Early Slavic groups from the south and south-east to the Upper Dnieper and the Desna basins. The 5th c. sees new events in these lands. They are related to the spread of new elements of prestigious culture and kurgan burial rite. The innovations could have been caused by the penetration of small groups identified with the bearers of the East Lithuanian kurgans to the Upper Dnieper and the Dvina basins. Still, basic cultural elements of the groups of the third quarter of the 1st mill. AD of the Tushemlya and Bantserovshchina type show continuity with the traditions of the Zaozerye – Uzmen' cultural circle.

At present only a preliminary panorama of ethnic changes in the Valdai and the Upper Volga regions may be presented (Chapter 5). In the late 1st mill. BC – early 1st mill. AD a new situation emerged in relation with the

spread of the middle Tushemlya pottery type. In Valdai the changes are marked by the emergence of settlements of the Varvarina Gora type that existed here until the appearance of the culture of long kurgans. The Tver region of the Volga basin entered the zone of formation of late D'yakovo culture.

Not after the 4th c. AD in Valdai came into being settlements of the Troitsa type with the pottery related to the Moshchiny cultural circle. The Slavic population appeared here not before the second part of the 5th c., as a result formation of the early medieval antiquities of the Udomlya type and spreading of the culture of the Pskov long kurgans took place. Late D'yakovo sites existed here as late as the third quarter of the 1st mill. AD.

In the mid – third quarter of the 1st mill. AD in the Rzhev region of the Volga basin there existed a "contact zone" with combined cultural elements both of the Valdai and the Upper Volga regions.

In the Sambian Peninsula both the Baltic and the German population groups lived in the Roman period, the latter had moved from the Polish Baltic littoral and Jutland (Chapter 6). By the turn of the 4th and the 5th cc. AD the German population groups had left the south-eastern area of the Baltic zone. The mid 5th c. represents a borderline separating the terminal stage of the antiquities marked by the Roman influence and the early stage of the Prussian culture. The change of archaeological entities is mirrored by wide spread of some types of brooches and belt buckles, as well as innovations in the burial rite.

The changes in population structure are reflected also by social relations. The west-Baltic society of the early Middle Ages differs from the earlier social structure by its social and ethnic homogeneity. The only exception is represented by "princely" burials from the Varnikam cemetery of the early 6th c.

The changes observed in the woman's attire of the early medieval period in the Dnieper forest-steppe region did not follow evolutionary pattern (Chapter 7). The apparel of the Martynovka type (the 7th c.) was quite a new phenomenon; only its separate elements may be compared with the sets of ornaments dating from the 5th and the 6th cc. The latter, in their turn, were both of entirely alien origin or indirectly inherited from the Chernyakhov traditions. The closest structural parallels to the Martynovka attire represent the ornamental pieces with enamel decoration known from the East European cultural circle, though this style had reached its peak in the second part of the 2nd – the 3rd cc. Only separate pieces may evidence that the discussed tradition had survived till the early Hun time.

Mass migrations of the population in the Dnieper forest-steppe, the Upper Don basin and the South-East Baltic zone are interrelated with the events that took place in Central, Southern and Western Europe. The abandoned territories were immediately occupied by the neighbours, which led to formation of new cultural groups.

On the Middle Oka and the Upper Dnieper and in the adjacent areas on the Dvina River development of the cultures known there from the Late Roman period continued, i.e. no radical changes of population occurred. Nonetheless, in these territories newcomers appeared as well. The Dnieper forest zone itself became a source of wide-scale migrations. In the mid 1st mill. AD the process of spreading of Slavic tribes started from this spacious region in southerly direction to the forest-steppe on the Dnieper left bank, other population flows went northward and eastward as far as the Pskov region and the Volga basin. Another "migration pot" may be located in the Oka basin. Groups from this area reached the Don basin in the South-East and the Upper Volga in the North-West. In the South-Eastern Baltic region another centre of active population movements is registered.

The most significant source of migrations that strongly influenced many European peoples was represented by the waves of the Turk units from the east. The centres of the Hun epoch that comprised both allied and subordinate population existed not only in Ostraya Luka on the Don River, but probably also in Tanais, in the Bosporus and on the Lower and Middle Danube as far as Southern Poland.

Translated by L.I. Avilova

Сокращения

АО	– Археологические открытия… М.
АП	– Археологічні пам’ятки УРСР. Київ.
АС	– Археологический съезд.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (Спб.).
ВАУ	– Вопросы археологии Урала.
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Спб.
ДЭВПН	– Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М. 1982.
ИА	– Институт археологии.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. Спб.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры.
КТВДР	– Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб. 2004.
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР (РАН). М.
КСИА АН УССР	– Краткие сообщения ИА АН УССР. Киев.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР. М; Л.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М; Л.
МНИИЯЛИЭ	– Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Саранск.
НАНУ	– Национальная академия наук Украины.
НИС	– Новгородский исторический сборник. Л.; Новгород.
ННЗИА	– Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.
ОА ИИ АНРБ	– Отдел археологии Института истории Академии наук Республики Беларусь. Минск.
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. Спб.
ПХЭЛРВ	– Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
РА	– Российская археология. М.
РАН	– Российская академия наук.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь.
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей. Тверь.

Оглавление

Введение *(И.О. Гавритухин, А.М. Обломский)* 5

Глава 1. Днепровское лесостепное Левобережье 9
1.1. Вводные замечания *(И.О. Гавритухин, А.М. Обломский)* 9
1.2. Финал черняховской культуры *(И.О. Гавритухин)* 9
1.3. Киевская культура и основные направления миграций гуннского времени *(А.М. Обломский)* 24
1.4. Формирование колочинской и пеньковской культуры *(А.М. Обломский)* 28
1.5. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгунского времени *(И.О. Гавритухин)* 30
1.6. Комплексы элиты V в. *(И.О. Гавритухин)* 33
1.7. К реконструкции исторических процессов *(И.О. Гавритухин, А.М. Обломский)* 37
Таблицы и иллюстрации к главе 1 39

Глава 2. Лесостепное Подонье *(А.М. Обломский)* 73
2.1. Вводные замечания 73
2.2. Памятники типа Каширки – Седелок 73
2.3. Памятники типа Чертовицкого – Замятино 75
2.4. Ингумации середины 1 тыс. 77
2.5. Сопоставление материалов памятников типа Каширки – Седелок и Чертовицкого – Замятино 79
2.6. К реконструкции исторических процессов 87
Таблицы и иллюстрации к главе 2 93

Глава 3. Культура рязано-окских могильников 133
3.1. Вводные замечания *(И.Р. Ахмедов, И.В. Белоцерковская)* 133
3.2. Инвентарь мужских погребений *(И.Р. Ахмедов)* 137
Таблицы и иллюстрации к части 3.2 153
3.3. Инвентарь женских погребений *(И.В. Белоцерковская)* 186
Таблицы и иллюстрации к части 3.3 205
3.4. Бусы массовых типов *(О.С. Румянцева)* 214
Таблицы и иллюстрации к части 3.4 234
3.5. Керамика центральной группы могильников *(О.С. Румянцева)* 247
Таблицы и иллюстрации к части 3.5 256
3.6. К реконструкции исторических процессов *(И.Р. Ахмедов, И.В. Белоцерковская)* 273

Глава 4. Северо-Запад России и Север Белоруссии *(Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев)* 276
4.1. Вводные замечания 276
4.2. Культурно-хронологические группы финала римского времени 276
4.3. Культурно-хронологические группы эпохи Великого переселения народов 278
4.4. Линии развития керамических форм 280
4.5. Вещевой комплекс второй четверти I тыс. и его дальнейшее развитие 280
4.6. К реконструкции исторических процессов 281
Иллюстрации к главе 4 286

Глава 5. Верхневолжье и Валдай *(И.В. Исланова)* 301
5.1. Вводные замечания 301
5.2. Источники и методика исследования 304
5.3. Культурные изменения в регионах 306
5.3.1. Валдай 306
5.3.2. Тверское Поволжье 310
5.3.3. Ржевское Поволжье 312
5.4. К реконструкции исторических процессов 314
Иллюстрации к главе 5 316

Глава 6. Самбия и Натангия *(В.И. Кулаков)* 333
6.1. Вводные замечания 333
6.2. Общая характеристика культур 333
6.3. Общественные группы 335
6.4. К реконструкции исторических процессов 340
Иллюстрации к главе 6 343

Глава 7. Система женского раннесредневекового убор Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) *(В.Е. Родинкова)* 358
Иллюстрации к главе 7 372

Заключение *(И.О. Гавритухин, А.М. Обломский)* 389

Литература 394

Summary 410

Сокращения 428

Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.
(Раннеславянский мир. Выпуск 9)

Научное издание

Верстка: С.В. Кожушков
Подписано в печать 14.12.2007 Формат 60x84/8
Усл. печ. л. 54,0. Уч.-изд. л. 57,0.
Тираж 400 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Отпечатана в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а